

Археологические вести

— 28 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Носов

Памяти Евгения Николаевича Носова посвящается...

Archaeological news

28
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

28
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 28** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 463 с.: ил.

Очередной специальный номер журнала «Археологические вести» посвящен памяти Евгения Николаевича Носова — крупного ученого в области средневековой археологии и истории Северной Руси и Балтийского региона. В мемориальной части рассматривается его научный и научно-организационный вклад в развитие отечественной археологии. В одном из разделов собраны работы по теме древнего Новгорода. В другом — обсуждается широкий круг вопросов и проблем, связанных со средневековыми памятниками Восточной Европы. Отдельно выделены статьи по истории, архитектуре и этнографии. Среди авторов журнала — исследователи из различных центров России, Франции, Великобритании и Ирландии.

This special yearbook of “Archaeological News” is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolayevich Nosov — a prominent scholar in mediaeval archaeology, the history of Northern Rus' and the Baltic region. In the memorial section of this collection, his scientific and organizational contribution to the national archaeology is considered. In one of the sections, the works on the early Novgorod are presented. In the other, a wide circle of questions and problems concerned with mediaeval sites of Eastern Europe is discussed. A particular section includes articles on history, architecture and ethnography. The authors are represented by researchers from different centres of Russia, France, Great Britain and Ireland.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Древнерусское кольцо (золото). Рюриково городище, раскопки 1985 г.
First page of cover — Old Russian ring (gold). Rurik gorodishche, excavations in 1985

Четвертая страница обложки — Общий вид на Рюриково городище во время весеннего паводка
Fourth page of cover — General view of Rurik gorodishche during a flood

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Содержание

AD MEMORIA

<i>В. А. Лапшин, Н. И. Платонова, В. А. Алёкин.</i> Памяти Евгения Николаевича Носова (1949–2019), ученого, руководителя, друга	11
<i>Н. В. Хвоцинская.</i> «Где начиналась Русь» (к 45-летию исследований на Городище Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН)	16
Зарисовки из дневника Евгения Николаевича Носова	23
<i>В. А. Лапшин.</i> Концепция древнерусского города в трудах Е. Н. Носова	27
<i>Н. И. Платонова.</i> Мое Рюриково городище (воспоминания о сезоне 1977 г.)	32
<i>Т. С. Дорофеева.</i> Городище навсегда... ..	37
Евгений Николаевич Носов. Фотографии разных лет	40

ГОРОДИЩЕ И НОВГОРОД

<i>А. Е. Мусин.</i> Рюриково городище, Ярославово дворище и Великий Новгород	45
<i>П. Г. Гайдуков, А. А. Гомзин, М. В. Шорин.</i> Афригидская драхма из ближайшей округи Новгородского городища (новый взгляд через 40 лет)	76
<i>А. А. Кудрявцев.</i> Раскопки участка рва Рюрикова городища при архитектурно-археологических исследованиях церкви Благовещения в 2016–2017 гг.	80
<i>А. В. Плохов.</i> Раннесредневековые стеклянные изделия Рюрикова городища	88
<i>Приложение. К. С. Чугунова.</i> Результаты исследования химического состава стекла двух находок Рюрикова городища	108
<i>А. В. Курбатов.</i> Новый взгляд на старую коллекцию	111
<i>Т. С. Дорофеева, В. Л. Полигаев.</i> Глиняные игрушки Рюрикова городища	124

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. И. Петров, О. А. Тарабардина.</i> Новгород X–XIV вв.: эволюция городской территории	134
<i>Л. В. Покровская.</i> Привески-лунницы с Троицкого раскопа (хронология)	152
<i>М. А. Родионова.</i> Археологическое изучение Новгородского кремля: проблемы, гипотезы, доказательства	160
<i>Е. А. Рыбина.</i> Заметки об атрибуции новгородских находок	173
<i>В. К. Сингх, А. М. Степанов.</i> Деревянные игрушки — имитации предметов вооружения из раскопок средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа)	182
<i>В. Г. Пуцко.</i> Новгородские каменные иконки: искусство резьбы	194
<i>М. Брисбейн, Э. Хамблтон, Ш. Хамильтон-Дайер, М. Молтби.</i> Использование природной среды: дикие животные в средневековом Новгороде и на Новгородской земле	203
<i>П. Джонстон, М. Монк.</i> Размышления о ключевых вопросах изучения остатков растительности и насекомых Троицких раскопов в Новгороде, 1994–2002 гг.	222

ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

<i>А. Ю. Городилов, М. А. Раззак (Юшкова).</i> Новые памятники эпохи бронзы в регионе Финского залива. Археологические исследования 2017–2019 гг.	233
<i>И. В. Исланова.</i> Мстинско-Моложская группа древностей середины I тыс. н. э. на Волго-Балтийском водоразделе	249
<i>М. М. Казанский.</i> О расселении славян в лесной зоне Восточной Европы: предметы раннесредневекового убора дунайского происхождения (VI–IX вв.)	258
<i>А. В. Мастыкова.</i> Хрустальная многогранная бусина с поселения Картамышево-3 и контакты Среднего Поднепровья с Северным Причерноморьем в VI–VII вв.	272
<i>Т. А. Пушкина (†2020).</i> Глиняные диски-грузила на территории Древней Руси	289
<i>Н. А. Кренке, И. Н. Ершов, В. А. Раева.</i> Смоленск и Гнёздово	296
<i>Н. И. Асташова.</i> Литейные формы из раскопок Смоленска	304
<i>К. В. Горлов, В. Н. Седых.</i> Хронология погребений с монетами ярославских могильников. Вновь о датирующих возможностях нумизматического материала	309

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. С. Зозуля, А. Ю. Кононович.</i> Исследования некрополя Петровского археологического комплекса слушателями Археологического института в 1880 г.	317
<i>С. И. Кочуркина.</i> Ладьевидные так называемые энколпиобраслеты: ареальные особенности	329
<i>В. Н. Кузнецова.</i> Древнерусские игольники с арочной ажурной спинкой	334
<i>Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева.</i> Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополя: новые находки	347
<i>В. Ю. Соболев.</i> Торговые контакты населения Которска	366

ИСТОРИЯ, АРХИТЕКТУРА, ЭТНОГРАФИЯ

<i>Е. Р. Михайлова.</i> Курганы в Хотовском Бору: перечитывая предшественников	377
<i>М. В. Медведева.</i> Буковинская экспедиция академика архитектуры Петра Петровича Покрышкина. Документы и фотографии из архива ИИМК РАН	388
<i>Б. Б. Овчинникова.</i> Крепость Годлик в системе средневековых фортификационных сооружений на Черноморском побережье Большого Сочи	406
<i>О. В. Овсянников.</i> Баженины — купцы, промышленники, корабли (источниковедческие заметки)	422
<i>С. А. Семёнов.</i> Этнографические заметки участника археологических экспедиций Е. Н. Носова. 1995 г.	445
Список сокращений	461

Содержание

AD MEMORIA

<i>V. A. Lapshin, N. I. Platonova, V. A. Alyokshin.</i> In memory of Yevgeny Nosov (1949–2019), scientist, leader, friend	11
<i>N. V. Khvoshchinskaya.</i> “When did Rus’ begin” (to the 45 th anniversary of investigations at Gorodishche by the Novgorod Regional Expedition of IIMK RAS)	16
Sketches from Evgeniy Nikolaevich Nosov’s diary	23
<i>V. A. Lapshin.</i> The concept of Early Russian town in works by E. N. Nosov	27
<i>N. I. Platonova.</i> My Ryurik Gorodishche (reminiscences about the season of 1977)	32
<i>T. S. Dorofeyeva.</i> Gorodishche forever... ..	37
Evgenij Nikolaevich Nosov. Photos from different years	40

GORODISHCHE AND NOVGOROD

<i>A. E. Musin.</i> Ryurik Gorodishche, Yaroslavovo Dvorishche and Novgorod the Great	45
<i>P. G. Gaydukov, A. A. Gomzin, M. V. Shorin.</i> Afrigid drachm from the nearest environments of the Novgorod townsite (a new view 40 years afterwards)	76
<i>A. A. Kudryavtsev.</i> Excavations of the ditch area at Ryurik Gorodishche during architectural and archaeological investigations of the Church of the Annunciation in 2016–2017	80
<i>A. V. Plokhov.</i> Early mediaeval glass objects from Ryurik Gorodishche	88
<i>Appendix. K. S. Chugunova.</i> Results of analysis of the chemical composition of the glass of two finds from Ryurik Gorodishche.....	108
<i>A. V. Kurbatov.</i> A new view of an old collection	111
<i>T. S. Dorofeyeva, V. L. Poligayev.</i> Clay toys from Ryurik Gorodishche	124

CONTENTS

<i>M. I. Petrov, O. A. Tarabardina.</i> Novgorod in 10 th –14 th centuries: city area evolution	134
<i>L. V. Pokrovskaya.</i> Lunate pendants from the Troitsky Excavation (chronology)	152
<i>M. A. Rodionova.</i> Archaeological investigations of the Novgorod Kremlin: problems, hypotheses, arguments	160
<i>E. A. Rybina.</i> Notes on attribution of Novgorod finds	173
<i>V. K. Singkh, A. M. Stepanov.</i> Wooden toys — imitations of armament from excavations of mediaeval Novgorod (materials from the Troitsky Excavation)	182
<i>V. G. Putsko.</i> Novgorod small stone icons: the art of carving	194
<i>M. Brisbane, E. Hambleton, Sh. Hamilton-Dyer, M. Maltby.</i> Using the Natural Environment: The exploitation of wild animals in medieval Novgorod and its territory	203
<i>P. Johnston, M. Monk.</i> Reflecting on key themes in the study of plant and insect remains from the Troitsky excavations in Novgorod, 1994–2002	222

ANTIQUITIES OF EASTERN EUROPE

<i>A. Yu. Gorodilov, M. A. Razzak (Yushkova).</i> New sites of the Bronze Age in the region of the Gulf of Finland. Archaeological investigations of 2017–2019	233
<i>I. V. Islanova.</i> Msta-Mologa group of antiquities of the mid-1 st millennium AD at the Volga-Baltic watershed.....	249
<i>M. M. Kazanskiy.</i> On settlement of the Slavs in the forest zone of Eastern Europe: items of early mediaeval decoration of the Danubian origin (6 th –9 th century)	258
<i>A. V. Mastykova.</i> Crystal multifaceted bead from the settlement of Kartamyshevo-3 and contacts between the Middle Dnieper region and the Northern Black Sea littoral in the 6 th –7 th century	272
<i>T. A. Pushkina (†2020).</i> Clay discoid loom-weights from the territory of Old Rus'	289
<i>N. A. Krenke, I. N. Ershov, V. A. Rayeva.</i> Smolensk and Gnezdovo	296
<i>N. I. Astashova.</i> Casting moulds from excavations in Smolensk	304
<i>K. V. Gorlov, V. N. Sedykh.</i> Chronology of burials with coins at Yaroslavl cemeteries. Once again about the dating possibilities of numismatic materials	309

CONTENTS

<i>S. S. Zozulya, A. Yu. Kononovich.</i> Investigations of the necropolis of the Petrovskoye archaeological complex by students of the Archaeological Institute in 1880	317
<i>S. I. Kochkurkina.</i> Boat-shaped <i>enkolpiobracelets</i> : the areal peculiarities	329
<i>V. N. Kuznetsova.</i> Old-Russian needle-cases with an arched openwork back	334
<i>N. A. Makarov, I. E. Zaytseva.</i> “Scandinavian type” cross-pendants at the sites of Suzdal’ Opolie: recent finds	347
<i>Vi. Yu. Sobolev.</i> Trade contacts of the population of Kotorsk	366

HISTORY, ARCHITECTURE, ETHNOGRAPHY

<i>E. R. Mikhaylova.</i> Barrows in Khotovsky Bor: rereading the predecessors	377
<i>M. V. Medvedeva.</i> The Bukovina expedition of the Academician of Architecture Peotr Petrovich Pokryshkin. Documents and photographs from the Archives of IIMK RAS	388
<i>B. B. Ovchinnikova.</i> Fortress of ‘Godlik’ in the system of mediaeval fortifications on the Black Sea coast of Greater Sochi	406
<i>O. V. Ovsyannikov.</i> The Bazhenins — merchants, manufacturers, shipbuilders (source-study notes)	422
<i>S. A. Semenov.</i> Ethnographic notes of a participant of E. N. Nosov’s expeditions. The year of 1995	445
List of abbreviations	461

AD MEMORIA

Памяти Евгения Николаевича Носова (1949–2019), ученого, руководителя, друга

В. А. Лапшин, Н. И. Платонова, В. А. Алёкшин¹

Аннотация. Статья посвящена памяти Евгения Николаевича Носова, его творческой биографии, научно-организационной деятельности, связанной с Институтом истории материальной культуры РАН и кафедрой археологии Санкт-Петербургского университета.

Annotation. The paper is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolaevich Nosov, his creational biography, scientific and organisational activities connected with the Institute for the History of Material Culture (IIMK) RAS and the Chair of Archaeology of the Saint Petersburg University.

Ключевые слова: директор ИИМК РАН, историк-медиевист, открытие Рюрика городища.

Keywords: director of IIMK RAS, mediaevalist historian, discovery of Rurik Gorodishche.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-11-15

21 августа 2019 г. коллеги, друзья, ученики готовились отметить 70-летие Евгения Николаевича Носова — крупнейшего специалиста по средневековой археологии Руси и Балтийского региона, доктора исторических наук, члена-корреспондента РАН, научного руководителя ИИМК РАН, много лет возглавлявшего институт (1998–2015) и кафедру археологии исторического факультета (ныне Института истории) Санкт-Петербургского государственного университета (2002–2018). Но судьба рассудила иначе: 25 февраля 2019 г. земная жизнь ученого оборвалась.

Евгений Николаевич был коренным петербуржцем. Археологом-медиевистом он стал по призванию и одновременно по наследству. Отец, Николай Евгеньевич Носов, был крупнейшим историком России. Погруженность в атмосферу научного поиска сопутствовала его сыну с детства. Раннее знакомство с сочинениями классиков русской исторической науки — В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, Б. А. Романова (последний был учителем отца) — во многом определило область интересов и широту взглядов Евгения Носова-археолога.

Формирование его как специалиста в области славяно-русской археологии и предистории Киевской Руси шло на кафедре археологии ЛГУ, куда он поступил в 1966 г., и в ЛОИА АН СССР, в ходе общения с корифеями отечественной археологии — М. И. Артамоновым, Г. Ф. Корзухиной, И. И. Ляпушкиным, П. Н. Третьяковым и др. 1960-е гг. были временем быстрых перемен в стране, в том числе и в науке. И если в первой их половине ученые старой генерации еще гневались, если кто-то ссылался на хрониста Титмара Мерзебургского, сообщавшего о том, что Киевская земля в начале XI в. была заселена беглыми рабами и проворными данами, то во второй половине 1960-х гг. при кафедре археологии Ленинградского университета уже работал Славяно-варяжский семинар под руководством ассистента кафедры Л. С. Клейна. Для его участников не существовало запретных тем при изучении процессов становления древнерусской государственности. Участие именно в этом семинаре сыграло немалую роль в профессиональном становлении Е. Н. Носова, где он учился на практике отстаивать собственную позицию и особое мнение в кругу талантливых собеседников и очень ярких полемистов.

Если говорить о непосредственной преемственности, то в наибольшей степени учителями

¹ ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Евгения Николаевича могут считаться Г. Ф. Корзухина и М. И. Артамонов. К Гали Фёдоровне он всю жизнь сохранял совершенно особое чувство любви, смешанной с удивлением, и преклонение с примесью мягкой иронии. У его наставницы хватало чудачеств, хотя все ли они были поступками человека со странностями? Ее полуденная летняя прогулка вдоль Невы от Ново-Михайловского дворца до Малого подъезда Эрмитажа и обратно в неперменном сопровождении студента-археолога служила лишь оригинальной формой профессионального общения ученика со своей руководительницей, которая была подлинным «рыцарем без страха и упрека» русской археологии. Преемственность с М. И. Артамоновым Евгений Николаевич тоже ощущал постоянно. Многие в его деятельности он считал образцом для себя. Портрет учителя, висевший над столом в директорском кабинете, был для него не только данью официальной традиции. Как-то раз, взглянув на портрет, Евгений Николаевич сказал: «Да, конечно, он был историком. Вот и я — историк...»

Официальным руководителем Е. Н. Носова в ходе подготовки диплома и затем кандидатской диссертации был член-корреспондент АН СССР П. Н. Третьяков. Общение с ним и участие в масштабных работах его славяно-русской экспедиции имели для всех студентов огромное значение. Именно здесь следует искать истоки широкого кругозора Евгения Николаевича в области раннесредневековых древностей Русской равнины. Под руководством П. Н. Третьякова в 1971 г. им была написана дипломная работа «Древности I тыс. н. э. в бассейне Верхней Оки: к вопросу о мощинской культуре». Выбор темы стал в какой-то мере провидческим. Сейчас, полвека спустя, все более ощутимо выявляется вклад мощинских традиций в формирование культурной мозаики будущей Северной Руси, изучению которой Евгений Николаевич посвятил всю свою жизнь.

В 1971 г., по окончании кафедры археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета, Е. Н. Носов был зачислен в штат ЛОИА АН СССР на должность лаборанта. В 1973 г. он поступил в очную аспирантуру этого академического учреждения, а по завершении ее, в 1976 г., был принят в Группу славяно-финской археологии ЛОИА на должность младшего научного сотрудника.

Не замыкаясь на чисто археологической проблематике, Е. Н. Носов всегда стремился через анализ конкретного материала выходить на широкие

исторические обобщения. Неслучайно его любимым историком, к чьим трудам он обращался всю жизнь, был В. О. Ключевский. Комплексный подход к источникам в полной мере проявился уже в кандидатской диссертации «Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тыс. н. э.», защищенной им в мае 1977 г. В это время только что завершилась реформа Высшей аттестационной комиссии СССР. Ученый Совет по защитах археологических диссертаций был воссоздан лишь при Институте археологии АН СССР. Его руководство в лице академика Б. А. Рыбакова любезно предложило четырем молодым сотрудникам ЛОИА АН СССР, в том числе и Е. Н. Носову, защищаться в Москве. Волею случая Евгению Николаевичу пришлось отстаивать основные научные положения своей квалификационной работы перед специалистами иной, не ленинградской, научной школы, и он с успехом выдержал это испытание.

Становление славяно-русской археологии в нашей стране прошло несколько этапов. Во второй половине XIX — начале XX в. доминировал интерес к погребальным древностям. Яркий вещевой материал, позволяющий ставить вопросы этнической истории, давали, в первую очередь, курганы. В 1930-х гг., по мере роста интереса к социальной проблематике, началось археологическое изучение городов. Но только с 1970-х гг. в исследованиях Северной Руси стал формироваться новый подход, включавший в поле зрения ученых сельские поселения с бедным, невыразительным культурным слоем, нарушенным постоянной распашкой. Оказалось, что без этих материалов яркие городские центры «повисают в воздухе», а понятие «город и его округа» остается чистой абстракцией.

В изучении селищ рубежа I–II тыс. н. э. Е. Н. Носов стал одним из первопроходцев. Он сумел по достоинству оценить перспективы палеогеографического подхода, разработанного А. М. Микляевым, и применил его на практике к исследованию культур сопки и длинных курганов. Благодаря его многолетним работам ранний Новгород обрел свою историческую среду в виде сельских земледельческих поселений, составлявших его ближайшую округу.

Но главным делом жизни Евгения Николаевича стало изучение Новгородского (Рюрикова) городища. Противопоставление Городища (бывшего города) и Новгорода (нового города) издавна возникло в трудах историков. Такое решение казалось логичным, но не было подкреплено источниками. Эпизодические раскопки, производившиеся

на Городище начиная с 1910-х гг. — «булавочные уколы», по определению самого Евгения Николаевича, — не могли дать значимых результатов. Еще в первой трети XX в. А. В. Арциховским был вынесен приговор этому памятнику: после небольших раскопок 1929 г. он сделал поспешный вывод, что слоев ранее XII в. на Городище нет, и целиком сосредоточился на поисках раннего города в пределах собственно Новгорода — на Славне. Последующие яркие находки Новгородской экспедиции надолго отвлекли внимание археологов от «малоперспективного» Городища.

В 1975 г. Е. Н. Носов приступил к исследованиям Городища, которые длились без малого 40 лет. Залогом успеха его работ стал опыт, приобретенный в экспедициях учителей — П. Н. Третьякова и И. И. Ляпушкина. Нет нужды пересказывать результаты многолетних исследований, опубликованные в трех монографиях (1990, 2005, 2017). Полученный огромный материал дал ключ к решению многих спорных вопросов археологии и истории Северной Руси, в том числе к проблемам возникновения Новгорода и славяно-скандинавских взаимоотношений в раннем средневековье.

В 1977 г. экспедиции Е. Н. Носова впервые повезло вскрыть участки «мокрого» слоя с остатками деревянных сооружений, давшие первые дендродаты Городища. Эти даты однозначно показали, что жизнь на поселении началась не позднее конца IX в. В дальнейшем Е. Н. Носовым были исследованы культурные напластования второй половины IX — X в., а также мощные оборонительные сооружения, относившиеся к начальному этапу функционирования поселения, и остатки княжеского двора древнерусского времени (XII в. и позднее). В ходе его работ была собрана многотысячная коллекция артефактов, документирующая присутствие здесь людей высокого социального статуса, воинской страты общества, включавшей на раннем этапе и славян, и скандинавов. Среди этих находок — берестяная грамота XII в., подвески с руническими надписями X в., золотые предметы, высокохудожественные изделия из цветных металлов, кости и т. д. Сейчас, когда результаты исследований Новгородской областной экспедиции введены в научный оборот, уже мало кто сомневается, что Городище — это и есть летописный Новгород IX в.

Свою концепцию становления ранних городских центров Северной Руси Е. Н. Носов разрабатывал и корректировал всю жизнь. В ней нашли продолжение некоторые идеи В. О. Ключевского,

однако основой научного построения послужил, в первую очередь, обширный археологический материал. По мнению Евгения Николаевича, ранняя Ладога и Рюриково городище, близкие по материальной культуре, различались по своим функциям. Археологические материалы Ладоги характеризуют ее как, главным образом, торгово-ремесленное поселение, центр международной посреднической торговли. Рюриково городище, напротив, изначально являлось местом сосредоточения властной элиты, военно-административным центром, основанным в стужке славянских земледельческих поселений. Указанные функции наследовал Новый город, сложение которого началось в 30-е гг. X в. в непосредственной близости от Городища. Рост города на старом месте оказался невозможен в силу его островного положения и изменения гидрологических условий в истоке Волхова на рубеже I–II тыс. н. э.

Многогранность Носова-исследователя в полной мере проявилась в защищенной им в 1992 г. докторской диссертации «Новгородская земля IX–XI вв.: историко-археологические очерки» и в последующей серии публикаций по исторической тематике, включавшей разделы коллективной монографии «История крестьянства Северо-Запада России» (1994). Данные археологии, древнерусской письменности и исторической географии у него органично дополняли друг друга в ходе комплексного источниковедческого анализа. Археологическая карта Поволховья, Ильменского бассейна и Верхнего Поволжья вкупе со сведениями историко-географического характера, сохранившимися в письменных источниках, служила основой для реконструкции границ первоначального ядра Новгородской земли с центром в Приильменье и этапов расширения этой области и формирования средневековой территориально-административной структуры. Продолжая работы в данном направлении, Евгений Николаевич в середине 1990-х гг. возобновил исследования сельских поселений Приильменья. Новые раскопки, проведенные его экспедицией, привели к открытию ранее неизвестных культурных слоев VIII в. на памятниках этого региона.

Нельзя не отметить большой вклад Евгения Николаевича в развитие международного сотрудничества. Благодаря его усилиям осуществились крупные научные проекты, финансируемые зарубежными фондами, в результате которых на европейских языках были изданы материалы раскопок Рюрикова городища, самого Новгорода и

памятников новгородской округи. В 1990-е гг. специалисты из Швеции, Великобритании, Ирландии и Германии непосредственно принимали активное участие в раскопках Рюрикова городища и Новгорода. Наиболее дружеские и тесные взаимоотношения сложились у Евгения Николаевича с профессорами Ингмаром Янссоном (Швеция), Марком Брисбейном (Великобритания) и Михаилом Мюллер-Вилле (Германия), которые способствовали проведению анализов в хорошо оснащенных лабораториях своих учреждений, а также публикации материалов. Кроме того, как заведующий кафедрой археологии Е. Н. Носов сумел наладить экспедиционный обмен кадрами. Так, на Рюриково городище, в Новгород и Старую Руссу регулярно приезжали студенты-иностранцы, а, в свою очередь, наши студенты и молодые сотрудники из различных организаций Санкт-Петербурга, Новгорода и Москвы смогли поработать на раскопках в Швеции, Германии, Великобритании и Франции.

Политические процессы, развернувшиеся в стране с конца 1980-х гг., привели в декабре 1991 г. к распаду СССР. В России, правопреемнице СССР, начатые в 1992 г. экономические реформы вызвали обвальное падение цен на все товары и услуги, а также резкое сокращение бюджетного финансирования различных государственных объектов, предприятий, структур, включая Академию наук. Эта обстановка крайне неблагоприятно повлияла на полевые изыскания ЛОИА АН СССР (преобразованного в 1991 г. в ИИМК РАН). Экспедиций, организованных за счет государственного бюджета, не стало, и число хозяйственных экспедиций также неуклонно сокращалось. В этих условиях прежнее руководство института, ориентированное на существовавшее до сих пор централизованное распределение финансовых ресурсов Академии наук, растерялось и не смогло обеспечить своевременного решения не только задач научного планирования, но и таких исключительно хозяйственных вопросов, как содержание помещений Ново-Михайловского дворца, в которых размещался институт, их ремонт, оплату коммунальных расходов и т. п. Положение усугублялось нерегулярной выплатой зарплат научным сотрудникам. Поэтому неудивительно, что на очередных выборах директора ИИМК РАН в марте 1998 г. встал вопрос о смене руководства учреждения. Собрание научного коллектива выдвинуло тогда Е. Н. Носова кандидатом на должность директора института. К этому времени он уже имел изрядный научно-организационный опыт, являясь

с марта 1988 г. заместителем директора ЛОИА АН СССР по научной работе. После поддержки кандидатуры Е. Н. Носова на Общем собрании Отделения истории РАН он был утвержден в должности директора 29 мая Президиумом РАН.

Е. Н. Носов принял на себя руководство институтом незадолго до финансового кризиса, потрясшего страну в августе 1998 г. Это было тяжелое время — период болезненной ломки всей организационной структуры археологии и перевода ее на коммерческие рельсы. Последнее не всегда и не сразу приводило к оптимальным результатам в деле исследований тех или иных памятников, однако зачастую драматически отражалось на судьбах конкретных ученых. Достаточно сказать, что была принята государственная программа трехлетнего сокращения численности сотрудников академических институтов. Евгений Николаевич волею судеб оказался вовлеченным в этот процесс. Он был достаточно трезвомыслящим человеком и понимал необратимость событий. Его задачей было уберечь от разрушения все ценное, что можно уберечь, и защитить тех, кого можно защитить. Чтобы смягчить ситуацию, директор решил раздробить ставки и тем самым, не увольняя ученых, дать им возможность получать небольшую зарплату, урезанные надбавки за степени и участвовать в грантах. Но он был не всемогущ. Коллегам памятливы горькие слова, брошенные им на одном из отчетных собраний: «Я?.. А что я? Вот сейчас я должен увольнять из института тех, с кем работал бок о бок тридцать лет...» Платой за успехи и провалы на этом пути становились новые рубцы на сердце и резкое, необратимое ухудшение здоровья.

Со временем финансирование экспедиций стабилизировалось за счет средств Президиума РАН, ОИФН, грантов РФФИ, РГНФ и Министерства культуры. Возросли объемы работ в зонах нового строительства. В 2001 г. в ИИМК РАН появилась Группа археологического мониторинга, целью деятельности которой было объединение всех археологических работ за счет внебюджетных средств и поиски дополнительных источников финансирования. Ее сменила Группа охранных раскопок, превращенная по мере расширения объема работ, в Отдел. Все это способствовало укреплению бюджета института. Многократно увеличился объем работ, проводимый ИИМК в Санкт-Петербурге и его окрестностях.

В 1999 г. Е. Н. Носов с целью воссоздания духа корпоративности сотрудников ИИМК РАН,

в лучшем смысле этого слова, учредил День Института, который стали проводить ежегодно в третью среду апреля. Ко Дню института приурочивались своеобразные археологические Пленумы, на которых руководители экспедиций делали сообщения о важнейших полевых открытиях. С 2007 г. ведущие Отделами стали представлять в День Института доклады, посвященные истории подразделений ИИМК. Из этих докладов впоследствии родилась обобщающая монография «Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.)» (СПб.: Дмитрий Буланин, 2013).

Е. Н. Носов инициировал создание двух новых периодических изданий — «Записок ИИМК РАН» и «Бюллетеня ИИМК РАН», причем первое из них было включено в перечень изданий ВАК. Значительна роль Евгения Николаевича в организации и проведении III (XIX) Всероссийского археологического съезда в Старой Руссе и в Новгороде.

В целом за годы пребывания Е. Н. Носова в должности директора института учреждение в сложных условиях российской действительности начала XXI в. не растеряло свой интеллектуальный потенциал и осталось одним из крупнейших археологических центров России.

Загруженность административными делами в ИИМК РАН (а с 2002 г. и руководством кафедрой археологии СПбГУ) не могла не сказаться на интенсивности собственно археологических работ Евгения Николаевича. В этот период он разрабатывает и читает сразу несколько курсов лекций в Санкт-Петербургском университете, периодически выступает с лекциями в университетах США, Великобритании, Франции, Финляндии и Швеции. Но его научные труды приобретают иной характер. Он избегает новых сюжетов, занимается главным образом обобщением собранного ранее материала. Именно тогда он фактически подводит итог многолетней дискуссии о становлении древнерусского города, начатой еще в 1970-х гг. (2005); публикует свое развернутое резюме «спора

о варягах» (2009); активно участвует в подготовке энциклопедического словаря «Великий Новгород» (2007), в котором его перу принадлежит 21 статья, и т. д. Следует отдельно упомянуть ряд его очерков, посвященных персоналиям (А. А. Спицыну, М. И. Артамонову, О. И. Давидан, Е. А. Горюнову). Каждый из них представлял собой не только дань юбилейным датам. Это были неизменно глубокие, серьезные размышления о научном творчестве, о личности ученого, о формировании исторических концепций.

В 2015 г. Е. Н. Носов покидает пост директора ИИМК, оставшись научным руководителем института. Это стало началом нового периода его биографии — несомненного творческого взлета. Несмотря на расстроенное здоровье, ученый с головой уходит в непосредственную работу с источниками, в дела, связанные с анализом стратиграфии и коллекций Рюрикова городища. Плодом этих трудов становятся принципиально важные обобщения — главы новой коллективной монографии, посвященной этому памятнику (2017). Тогда же Евгений Николаевич активно включается в работу по пересмотру и обобщению материалов старых раскопок Ладоги. Его перу принадлежит отдельная глава о стратиграфии Земляного городища уже в другой новейшей монографии, посвященной ладожской проблематике (2018). В его трудах до последнего дня билась свежая научная мысль, поэтому им суждена долгая жизнь.

Евгений Николаевич был всегда открыт для дискуссии, способен взглянуть на источники под совершенно новым углом, но неизменно требовал строгого подхода к материалу... Когда 25 февраля у него внезапно остановилось сердце, российская наука понесла очень большую потерю. Но даже смерть не сможет разорвать его духовную связь с юрьевскими рассветами, волховской волной, светом дальней Софии, с той прекрасной Новгородской землей, где начиналась Русь.

Светлая память большому ученому и прекрасному человеку!

**«Где начиналась Русь»
(к 45-летию исследований на Городище
Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН)¹**

Н. В. Хвоцинская²

Аннотация. В статье рассматриваются основные исторические периоды жизни на Рюриковом городище (эпоха бронзового века, период викингов, древнерусское время), которые реконструируются по материалам многолетних раскопок Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова.

Annotation. This paper considers the major historical periods of the occupation of Rurik's Hillfort (Bronze Age, Viking period, Early Russian time) which can be reconstructed from materials yielded by excavations of many years of the Novgorod Regional Expedition of the Institute of the History of Material Culture (IIMK) RAS headed by Evgeniy N. Nosov.

Ключевые слова: Рюриково городище, его значение в отечественной истории, три этапа жизни на поселении.

Keywords: Rurik's Hillfort (Rurik's Hillfort) and its significance for the national history, three stages of the occupation of the settlement.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-16-22

*Утро в рассветной дымке, тлеющий запах костра,
Юрьевские рассветы, волховская волна,
Светлые лики Спаса, дальней Софии свет —
Этой земли прекрасней в нашем отечестве нет.*

*Всюду бескрайние дали, Ильмень, протоки, князья,
В мягком покрове вечности дремлет моя страна.
Здесь, на холме истории, сам я в себе разберусь
Под стенами Благовещения, где начиналась РУСЬ.*

Е. Н. Носов

Эти строки Евгений Николаевич написал в конце 1990-х гг. на Городище — памятнике, который стал судьбоносным в его творческой биографии. Городище под Новгородом, или Рюриково городище неразрывно связано с его именем. До начала работ Новгородской областной экспедиции, возглавляемой Евгением Николаевичем с

середины 1970-х гг. это был просто живописный холм в истоке Волхова с не менее живописными руинами церкви Благовещения, который в историко-краеведческой литературе начала XIX в. получил название Рюрикова городища.

Однако интерес к этому месту, известному по русским летописям как резиденция новгородских князей, впервые упоминаемому под 1103 г. в связи со строительством княжеского храма Благовещения, возник еще в самом начале XX в. Но все полевые исследования, проводимые на Городище, долгое время носили спорадический характер. Это были различные шурфы, траншеи, зачистки (подробно историографию вопроса см.: Носов и др., 2017. С. 4–17). Только широкомасштабные работы, начатые Е. Н. Носовым в 1975 г., позволили реально осознать значение Городища в отечественной истории. И как отмечал сам исследователь, «мало кому известный археологический памятник, а в западной литературе практически вообще не упоминаемый, вошел в число обязательно называемых объектов при обсуждении вопросов сложения Древнерусского государства, становления первых городов, прохождения торговых путей,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00133 «Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

происхождения Новгорода, роли варягов на Руси, взаимоотношения славянского, финского и скандинавского населения» (*Там же*. С. 4).

Интерес к славяно-русским древностям возник у Евгения еще в студенческие годы. Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, на выбор профессионального направления повлиял отец, Николай Евгеньевич Носов, — известный историк-медиевист, являвшийся специалистом в области проблем социально-экономической и политической истории России XVI–XVII вв., с которым у Жени были очень теплые и доверительные отношения. Во-вторых, став в 1966 г. студентом исторического факультета ЛГУ, он активно участвовал в работе Славяно-варяжского семинара, организованного в конце 1960-х гг. Л. С. Клейном. Творческая атмосфера семинара воспитала целую плеяду молодых исследователей в области славяно-русской археологии, которые, закончив университет, пополнили состав кафедры археологии (Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов) и коллектив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН) (Е. Н. Носов, В. А. Назаренко, Е. А. Рябинин, А. А. Пескова, Н. В. Хвощинская). Все они вошли в науку с творческим энтузиазмом, с желанием расширить рамки исследований за счет проведения масштабных разведочных работ и раскопок, позволяющих накопить сведения о слабо изученных тогда древностях второй половины I — начала II тыс. н. э. И по прошествии лет можно сказать, что многое удалось сделать. Начало 1970-х гг. стало новым этапом в изучении памятников Северо-Запада России, и значительный свой вклад в этот процесс исследований внес и Е. Н. Носов. Им впервые был открыт и изучен пласт раннеславянских древностей второй половины I — начала II тыс. н. э. на территории Новгородской земли. Получили полную атрибуцию десятки ранее неизвестных славянских поселений и примыкавших к ним могильников. Раскопки таких памятников, как Золотое Колено на р. Мсте, Холопий Городок и Новые Дубовики на р. Волхове, Георгий, Васильевское на р. Веряже, Сельцо в бассейне р. Полю, Съезжее в бассейне р. Мологи, Прость близ славянского языческого капища в урочище Перынь стали классическими образцами для характеристики культур древнейших групп северных славян. В результате этих работ были получены новые данные о характере и времени славянского расселения, выявлены особенности домостроительства и хозяйственной

деятельности населения, оставившего после себя сопки и длинные курганы.

При изучении памятников Приильменя у молодого исследователя невольно возник интерес к Новгородскому городищу, которое, судя по письменным источникам, занимало ключевое положение в регионе, но до сих пор не было оценено с точки зрения археологии, поскольку по отношению к нему у московских исследователей Новгорода сохранялся скептицизм, унаследованный от А. В. Арциховского, по мнению которого «основателями этой крепости были князья, выселенные в XII веке в связи с ростом республиканских тенденций в Новгороде» (*Арциховский*, 1930. С. 28–30).

Следуя научной этике, Е. Н. Носов считал необходимым получить разрешение на проведение работ на Городище у начальника Новгородской экспедиции Валентина Лаврентьевича Янина, так как в те годы новгородская археология (за исключением раскопок архитектурных памятников) была прерогативой большой Новгородской экспедиции МГУ и ИА АН СССР с участием Новгородского музея. И именно представители московской школы проводили шурфовки Городища. Валентин Лаврентьевич с легкостью разрешил Евгению Николаевичу начать работы на памятнике. Надо отметить, что между ленинградской и московской экспедициями изначально сложились очень хорошие дружественные взаимоотношения, которые сохранились до нынешней поры. Научные споры никак не влияли на товарищеское общение и взаимную поддержку. Доброжелательный тон задавали Валентин Лаврентьевич и Евгений Николаевич, а простота и демократизм в обращении с людьми, неумный юмор с долей ехидства сближал их обоих.

Итак, в 1975 г. шофер Новгородской экспедиции без всякой платы перевез нехитрые пожитки Новгородской областной экспедиции ЛОИА и нескольких студентов со средней Мсты, где велись раскопки селища Золотое Колено, на Городище. Так началось открытие этого выдающегося памятника истории России.

Материалы, полученные при исследовании Городища, постоянно вводятся в научный оборот. В последние годы вышел ряд работ, а также три монографии, где подведены итоги многолетних археологических исследований Рюрикова городища, поэтому я позволю себе сослаться на них (*Носов и др.*, 2005; 2012; 2017), а здесь же постараюсь

представить поселение в истоке Волхова в разные исторические периоды, как они реконструируются по данным, полученным в результате 45-летних работ Новгородской областной экспедиции.

Холм в истоке Волхова впервые осваивается в эпоху раннего металла (середина II тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.). Об этом свидетельствуют разрозненные находки фрагментов лепной керамики, украшенной штампом и неглубокими вдавлениями, а также кремневый инвентарь в культурном слое по всей возвышенной части памятника. Однако, помимо этих разрозненных остатков на верхней площадке Городища, были изучены два жилища, вытянутые одно за другим, которые вместе с близлежащими ямами образовывали единый застроенный участок. Уникальной находкой является лепной горшок первой половины I тыс. до н. э., форма которого восстанавливается полностью. Это всего лишь вторая находка целого сосуда, известная для культуры волховского типа бронзового века Северного Поволжья, Приладожья и Приильменя. Еще один целый сосуд был найден С. Н. Орловым на селище Прость и в настоящее время хранится в Новгородском музее. Поскольку памятники раннего металла на территории Северо-Запада России изучены чрезвычайно слабо, то новые данные, полученные при раскопках Городища, имеют важное значение.

Следующий достоверный период жизни на Городище связан со второй половиной IX — X в. Середина IX в. подтверждается кладками дирхемов (конца 850-х гг. и конца 860-х гг.), отдельными арабскими и византийскими монетами (в частности, императора Феофила, 829–842 гг.), различными импортными предметами из Скандинавии и юго-востока Европы. Однако Е. Н. Носов не исключал, что до появления в истоке Волхова легендарного Рюрика, срубившего «городок над Волховом», в период расселения славян в Приильменье достаточно удобная в географическом отношении возвышенность была занята неким славянским поселком Холм, название которого сохранилось в скандинавской среде как *Холмгард* (Носов и др., 2017. С. 28–33). Кроме того, если посмотреть с точки зрения стратегического значения данного места в период начала функционирования Балтийско-Волжского пути (VIII–IX вв.), Городище расположено при раздвоении Волхова на рукава, а при их слиянии находится второй важный пункт — Холопий городок. Оба поселения, несомненно, связаны с контролем за движением торговых

судов по Волхову. Поскольку на Холопьем городке найден клад монет начала IX в. (811–812 гг.), то логично предположить, что и Городище возникает примерно в тот же период. В настоящее время работы по уточнению нижней даты поселения продолжаются.

Материалы раскопок на обоих берегах Северсова канала и возвышенной части Городища показывают, что первоначально поселение занимало значительную часть холма и весь мыс. Площадь Городища, укрепленная рвом, составляла около 1,0–1,2 га. Благодаря раскопкам в разных частях памятника выяснена трасса полукруглого рва (шириной около 28 м и глубиной 4,5 м). В мысовой части поселения снизу рва зафиксирован мощный деревоземляной панцирь, состоящий из двух рядов дубовых конструкций. В 2019 г. были начаты исследования этого оборонительного сооружения с точки зрения уточнения его конструкции и даты сооружения. Радиоуглеродный анализ позволяет определить относительное время функционирования рва концом VIII — X в. По данным дендрохронологического анализа, ров потерял свое фортификационное значение на рубеже IX–X вв., когда в нем начинают строиться наружные хлебные печи (самое раннее бревно из обноски печи датируется 889 г.).

Важные наблюдения сделаны относительно топографии раннего поселения. В пределах укреплений выявлена центральная аристократическая жилая зона, где, несмотря на сильную нарушенность культурного слоя, концентрировались престижные находки: арабские монеты, каменные бусы, серебряные украшения, золотные нити, редкие изделия североевропейского происхождения и др. На мысу и с востока от рва располагались периферийные зоны поселения. В центральной части холма с восточной стороны на краю рва находилась производственная зона. Здесь впервые на памятнике был найден ремесленный комплекс, связанный с бронзолитейным производством, а также остатки печи. Сброшенный в более позднее время в ров культурный слой с этого участка поселения был насыщен железными крицами, шлаками, пережженными камнями и прокаленными кусками глины от печей и горнов. В нем также встречено более 100 фрагментов тиглей (в некоторых сохранились остатки бронзы, капельки серебра и даже золота), около 66 различных ремесленных инструментов, в основном связанных с бронзолитейным производством. При анализе

остатков ювелирного производства получены неопровержимые доказательства, что непосредственно на Городище тиражировались украшения скандинавских типов, а также изготавливались собственные произведения искусства по мотивам североευропейских образцов. Среди производственных отходов в сброшенном культурном слое обнаружена необычная концентрация железных заклепок (109 целых и 125 фрагментов), которые широко использовали скандинавы (датчане, норвежцы, шведы) при строительстве кораблей для связи между поясами обшивки клинкерных судов и шпангоутами. Поскольку они все были проклёпаны, следовательно, попали сюда вместе с деревянными деталями, которые скрепляли. Сами «списанные» суда, скорее всего, разбирали на берегу, в производственную зону приносили доски хорошей сохранности для вторичного использования, либо те, которые можно было пустить на сжигание.

По характеру представленной на Городище материальной культуры IX–X вв. и его географическому положению в одном из узловых пунктов трансконтинентального торгового пути Восточной Европы, поселение в истоке Волхова полностью вписывается в круг раннегородских торговых центров Балтийского региона. Сюда прибывали суда, перегружались товары, ремонтировались и разбирались ладьи. Несомненно, на берегу Волхова были причальные сооружения. В то же время большое количество престижных вещей свидетельствует о размещении здесь княжеского двора (князя и его дружины), а, соответственно, и довольно значительного числа жителей, обеспечивающих ежедневный быт этому военно-административному аппарату. Во время раскопок и сборов подъемного материала за годы работы экспедиции накопилась значительная коллекция североευропейских и общевалтийских древностей IX–X вв., которая лишь частично введена в научный оборот. Количество разнообразных находок подобного облика таково, что по их числу Рюриково городище на территории Восточной Европы может быть сопоставлено лишь с Гнёздово на Днепре (предшественник Смоленска) и с крупнейшими центрами самой Скандинавии, такими, к примеру, как Бирка в Швеции или Хеддебу в Ютландии.

Следующий этап жизни на Городище связан с древнерусским временем. Работы, проведенные в различных частях памятника, показывают, что

в XI в. происходит некоторое запустение Городища. Практически нет находок этого времени, в том числе такого массового материала, как керамика. Этот факт Е. Н. Носов вполне справедливо связывал с переносом княжеской резиденции в начале XI в. с Городища в центр растущего Новгорода. Именно тогда, как полагал он, во время альянса Ярослава Владимировича с новгородской аристократией, напротив кремля был выстроен двор Ярослава (летописное Ярославово дворище).

Жизнь на Городище затухает на некоторое время, но возрождается уже на рубеже XI–XII вв. Дело в том, что в последней трети XI в. в Новгороде происходит усиление влияния новгородского боярства, появляются выборные посадники (городские правители из числа бояр), что укрепило городское самоуправление. Князья были вынуждены вновь вернуться в свою основную резиденцию на Городище, сохранив за собой право и на Ярославово дворище как на городскую усадьбу. В начале XII в. при новгородском князе Мстиславе Владимировиче, как свидетельствуют материалы археологических исследований, происходит переустройство резиденции, которое сопровождается грандиозными строительными и нивелировочными работами. Расширяется площадь резиденции, выравнивается поверхность перед новым этапом строительства. В разных частях памятника в стратиграфических разрезах зафиксированы мощные слои песка и суглинка, перекрывающие напластования IX–X вв. Именно тогда полностью засыпается древний ров, который до конца XI в. стоял открытый и успел задержаться.

Благодаря работе экспедиции удалось раскрыть загадку разрушения церкви Благовещения начала XII в., фундамент которой частично попал на засыпанный ров. В настоящее время трасса рва прослежена на четырех участках Городища: на берегу Сиверсова канала (1977–1979, 1997–2014, 2018–2019 гг.), на широкой площади в центральной части холма (2006–2010 гг.); в раскопе 2013–2016 гг. северо-западнее церкви (руководитель И. И. Еремеев) (*Носов и др.*, 2016. С. 112), а также в шурфе у юго-восточного столба внутри церкви при исследовании Вл. В. Седова в 2017 г. (*Седов*, 2019. С. 19). Исследования доказали, что в 1099–1103 гг. фактически на месте засыпанного рва устраивается строительная площадка (в 1988 г. во рву была обнаружена печь для обжига плитки) и закладывается многотонный собор. Собственно, это обстоятельство и предопределило судьбу

Благовещенского собора. С восточной стороны фундамент начал проседать, и собор, который, по замыслу Мстислава, олицетворял власть и мощь новгородских князей и явно противопоставлялся Софии как общегородскому храму, начал разрушаться и в XIV в. был разобран.

Древнерусский период на Городище представлен яркими находками, связанными с жизнью княжеской резиденции. При исследовании центральной части Городища южнее и юго-восточнее церкви Благовещения найдено пять котлованов — оснований построек княжеского двора. Это были четырехугольные подвальные помещения (30–60 м²) больших срубных, возможно двухэтажных построек, углубленных в материк или в насыпь рва примерно на один метр. Стены подвальных помещений были обшиты досками. В углу двух из них сохранились остатки упавших печей. Вероятно, в них жили приближенные князя, а терем самого князя находился ближе к церкви, с южной стороны от нее.

В культурном слое и в заполнении подвальных помещений были обнаружены находки, свидетельствующие о высоком социальном статусе обитателей Городища XI–XV вв. К престижным украшениям относятся золотые височные кольца с ажурными бусинами, золотой перстень со стеклянной вставкой, золотая канитель. О княжеских пирах с обилием яств и роскошной посуды на столах свидетельствуют многочисленные обломки амфор, в которых обычно привозили и хранили вино и оливковое масло из Причерноморья и Византии, а также множество фрагментов изысканной стеклянной посуды, как древнерусского производства, так и импортной, из Сирии и Византии. Подобная посуда на территории Руси встречается прежде всего в местах княжеских резиденций, даже на богатых боярских усадьбах Новгорода они единичны. Уникальной находкой является череп обезьяны, которая была привезена, видимо, в качестве дара для потехи на княжеский двор в конце XII в., скорее всего, из Византии. О том, что на Городище находился и княжеский административный аппарат, свидетельствуют находки сотен древнерусских вислых свинцовых печатей, часть которых была обнаружена непосредственно в домах жителей поселения. Древнерусская коллекция вещей с памятника чрезвычайно разнообразна и интересна, но многие категории материала по различным аспектам материальной культуры требуют специальных исследований.

На берегу Сиверсова канала, в отличие от возвышенной части Городища, узкой полосой вдоль берега сохранился древнерусский слой с органикой конца XI — начала XII в. Здесь были найдены остатки нижних венцов древнерусских построек, которые дали дендродаты от 1081 до 1106 г., в их заполнении, кстати, встречено около 15 свинцовых печатей и их заготовок. При исследовании на этом небольшом участке с мокрым культурным слоем была найдена первая и единственная пока берестяная грамота (№ 950), в тексте которой упоминается князь. Находка грамоты доказывает, что при благоприятных почвенных условиях на Городище были бы найдены десятки грамот. Ведь жители поселка являлись частью средневекового новгородского общества.

Княжеская резиденция на Городище просуществовала вплоть до присоединения Новгорода к Московскому государству, когда стала уже принадлежать русским царям. После кровавых расправ Ивана IV (Грозного) с новгородскими боярами, проведенными им прямо на Городище, оно перестало упоминаться в официальных письменных источниках в связи с событиями русской истории. Но в краеведческой литературе с этим местом связано много различных преданий. По одному из них Городище якобы принадлежало Петру I, который подарил его князю А. Д. Меншикову. Народная молва гласит, что именно отсюда Александр Данилович отправился в ссылку в г. Берёзов. Но это всего лишь легенда. Городище сошло с исторической сцены вместе с потерей независимости Новгородской республики.

Так в настоящий момент видятся основные вехи истории Городища, собранные по крупицам в течение 45 лет его археологического исследования.

В заключении я выражаю благодарность за постоянную финансовую поддержку экспедиции Российскому гуманитарному научному фонду, а в настоящее время Российскому фонду фундаментальных исследований, а также за помощь в организации работ на Рюриковом городище администрации Новгородского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника.

Многолетние работы Евгения Николаевича на Городище изменили судьбу этого удивительного памятника нашего национального наследия. В 2009 г. по решению Думы Великого Новгорода оно включено в черту города. Городище и Новгород признаны символами зарождения русской

государственности. В 2012 г. произошло празднование 1150-летнего юбилея, и на Городище был открыт памятный знак «Княжий камень». Отреставрированы руины церкви Благовещения, в ней сделана архитектурно-археологическая экспозиция, осмотр которой сопровождается фильмом. Сама церковь включена в список объектов

Всемирного наследия ЮНЕСКО. В настоящее время рассматривается вопрос о придании Рюрикову городищу вместе с церковью Спаса Преображения на Нередице статуса архитектурно-археологического и ландшафтного заповедника. Евгений Николаевич считал, что это достойный итог его работ на Городище.

Арциховский, 1930 — Арциховский А. В. Раскопки 1929 года в Новгородской округе // *Материалы и исследования.* Новгород. 1930. Вып. 1. С. 20–30.

Носов и др., 2005 — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 403 с.

Носов и др., 2012 — Носов Е. Н., Хвощинская Н. В., Медведева М. В. Новгородская Русь: рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб.: Инф.-изд. агентство «Лик», 2012. 223 с.

Носов и др. 2016 — Носов Е. Н., Еремеев И. И., Дорофеева Т. С. Полевой сезон 2015 года на Рюриковом городище // *Новгород и Новгородская земля. История и археология.* 2016. Вып. 30. С. 110–112.

Носов и др. 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 287 с.

Седов, 2019 — Седов Вл. В. Основные результаты раскопок церкви Благовещения на Городище в 2016–2017 гг.: археология и архитектура // *Архитектурная археология* № 1. М.: ИА РАН. С. 10–34.

**“When did Rus’ begin”
(to the 45th anniversary of investigations
at Gorodishche by the Novgorod Regional Expedition of IIMK RAS)**

N. V. Khvoshchinskaya

This year, it is the 45th anniversary of the beginning of investigations at Rurik Gorodishche (Rurik’s Hillfort) by the expedition headed by E. N. Nosov. The large-scale studies started in 1975 have succeeded in real understanding of the significance of Gorodishche in the national history. The hill at the source of the Volkhov River was first occupied by man in the Early Metal Epoch (mid-2nd millennium BC — 1st millennium BC). Along with uncoordinated remains of pottery and flint inventory from the upper area of Gorodishche, two dwellings extended one after the other were excavated constituting, together with nearby pits, a common built-up area.

The next reliably known phase of life at Gorodishche is dated to the second half of the 9th to the 10th century. Initially, the settlement occupied a considerable area of the hill and the entire promontory. The area of Gorodishche fortified by a ditch was about 1–1,2 ha. Owing to excavations in different parts of the site, the line of the semicircular moat was found out. On the promontory part of the settlement, in the lower section of the ditch, a powerful wood-and-earthen shield was revealed constituted by two rows of structures of oak. The ditch lost its fortification significance at the turn of the 9th and 10th century when outer bread-baking ovens were built into it. Within the limits of the fortifications, the central aristocratic dwelling zone was revealed where objects of prestige were concentrated. On the promontory and to the east of the ditch, the periphery zones of the settlement were ranged. In the central area of the hill at the eastern side, a manufacturing zone was located at the edge of the ditch.

In terms of the material culture of the 9th–10th century represented at Gorodishche and the latter’s geographic position at one of the key points of the transcontinental trade route of Eastern Europe, the settlement at the source of the Volkhov corresponds completely to the circle of the early urban trade centres of the Baltic region.

The next stage of the occupation of Gorodishche is connected with the Old-Russian period. After some time span of desolation in the early 12th century under Novgorod Prince Mstislav Vladimirovich, a reconstruction of the residence took place accompanied with grandiose building and levelling works. It is exactly during this phase that the ancient ditch was entirely buried. Until the late 11th century, it had been open becoming already covered with turf. In the course of the investigations it became possible to solve the riddle concerned with the destruction of the Church of the Annunciation of the early 12th century. Its foundation was partly located over the filled ditch.

The Old-Russian period is represented at Gorodishche by distinctive finds related with the life of a princely residence. In the course of investigation of the central section of Gorodishche to the south and south-east from the Church of the Annunciation, five foundation pits were found forming the bases of buildings of the princely court. From the cultural layer and fill of the basements, finds were retrieved demonstrating the high social status of the residents of Gorodishche of the 11th–15th century. The fact that at Gorodishche, the Prince's administrative body was located is confirmed by finds of hundreds of Old-Russian pending lead seals. The Princely residence had existed until the annexation of Novgorod by the Muscovite state when it became owned already by Russian tsars.

Thus the main landmarks of the history of Gorodishche look now as they have been collected by grains in the course of 45 years of its archaeological investigations.

Зарисовки из дневника Евгения Николаевича Носова¹

Аннотация. Публикуются три отрывка из дневниковых записей Евгения Николаевича Носова: о первом посещении Городища, о его местных обывателях и история об одной встрече с Б. А. Колчиным.

Annotation. Here three extracts from the diary notes of Evgeniy Nikolaevich Nosov are published — on the first visit to Gorodishche, on the latter's local residents and a story about one meeting with Boris A. Kolchin.

Ключевые слова: Рюриково городище, воспоминания Е. Н. Носова.

Keywords: Rurik Gorodishche, memoirs of E. N. Nosov.

Мемуары, воспоминания и записки путешественников вызывали неподдельный интерес у Евгения Николаевича. В свободное время он с большим удовольствием читал и перечитывал воспоминания Б. Б. Пиотровского (Пиотровский, 1995). Не раз возвращался к мемуарным книгам Л. С. Клейна, Вал. В. Булкина, Р. В. Кинжалова (Клейн, 2010; Булкин, 2017; Кинжалов, 2013) и многих других исследователей, оставивших свои историко-биографические заметки. На даче им были буквально зачитаны записки очевидцев из жизни Петербурга 1890–1910 гг., книга о трагическом путешествии датской экспедиции в 1906 г. в Гренландию (Засосов, Пызин. 1991; Миккельсен, 1914) и «Одноэтажная Америка» И. Ильфа и Е. Петрова.

Неслучайно в период директорства у него возникла идея создать книгу об истории ИИМК, не казенную с официальными формулировками, а человеческую, о людях, чьи судьбы были связаны с нашим научным учреждением в разные, порой очень тяжелые годы жизни нашей страны (Академическая археология, 2013).

I

Когда в начале 1970-х годов морозящей осенью сошел я с речного трамвайчика на ржавую баржу — дебаркадер пристани «Сельцо», как значилось ее название на покореженной табличке, передо мной предстал унылый пейзаж. Все серо и покрыто желтизной, жухлая трава, расписанные благодарными потомками камни “быков”

Сам он также был склонен к ведению дневников. Сохранились записи, которые он делал во время заграничных командировок. На протяжении многих лет кропотливо вел дневник о жизни семьи на даче в деревне Погорелово Псковской области, начатый в 1999 г. сыном, который регулярно пролистывал и зачитывал вслух смешные истории, происходившие с нами. Встав утром, он непременно заглядывал в дневник, чтобы прочитать, что мы делали, если были на даче, в этот день в прошлом году или позапрошлом и т. д.

Неудивительно, что в последние годы у него появилась идея записать и свои воспоминания о начале работ на Рюриковом городище. К сожалению, осуществить свой замысел он не успел, но остались наброски о первом посещении памятника за несколько лет до начала его планомерного исследования, о местных обывателях, с которыми он столкнулся уже во время работ, и забавная история об одной встрече с Борисом Александровичем Колчиным.

Н. В. Хвоцинская

моста (уникального примера одновременно российского инженерно-строительного мастерства, произвола проектировщиков, героического подвига солдат во время Отечественной войны и современной свободной народной «культуры» без границ), раскисшая дорога, бабки в платочках с коромыслами, на которых болтаются пустые плетеные кошелки и молочные бидоны, возвращающиеся домой в деревню со «старого рынка» на Торговой стороне, хмурые, уже протрезвевшие и

¹ Подготовлено к публикации Н. В. Хвоцинской.

промокшие за ночь и утро, городские рыбаки в ватниках и выдавших виды прорезиненных плащах, толпящиеся и матерящие у причала со своими пачками донных закидушек и скудным уловом, пустые бутылки и банки под кустами, обрывки бумаги и пакеты, грязь. Где я?

Изредка протрещит запоздалая дневная моторная лодка, главная доступная многим новгородцам и жителям округи тех лет техника передвижения в истоке Волхова — за продуктами, на рыбалку, за смородиной и ежевикой на Сиверсов канал, за грибами по пойменным осиново-дубовым перелескам, да и просто с семьей на природу, культурно побалдеть с пивом у воды. Звук удаляющегося мотора противно дрожит в сыром воздухе, зябко заставляя поежиться. Где же я?

Невольно вытаскиваю из памяти восторженные слова Н. К. Рериха — «Кругом синие задумчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом — Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и таинственной лентой изогнулся Кремль...» Взобравшись на последнюю короткую опору-«быка» недостроенной железной дороги времен Первой мировой войны и, прищурив глаза под моросью дождя и пронизывающим «шелоником», резким и холодным ветром с Ильменя, конечно, можно с усилием поверить Н. К. Рериху и вспомнить о былом, хотя что-то мешает.

Вспоминаются и запомнившиеся слова летописца: «Изяслава же с сыном Ярославом посла подвойчские и биричи по улицам кликати, зовуще ко князю на обедь всякого от мала до велика; и поидоша вси ко князю на обедь на Городище, и тако обедаваше ту и веселишеса разидошася каждо восвоеси» (1149 год. Новгородская летописная хроника).

Вот и я приехал сюда никем, правда, не званный. И обеда нет!

Но жизнь продолжается, и опять же из глубин прочитанного всплывают восторженные воспоминания наивных российских обывателей о праздновании Тысячелетия России в начале сентября 1862 г. и открытии юбилейного памятника в Новгородском Кремле. В 1863 г., сразу по следам событий, было издано повествование непосредственно присутствующего там новгородца Василия Колохматова. Подчеркнуто в верноподданническом стиле он повествует: «Къ 7-ми часам вечера, городъ нашъ залился огнемъ; иллюминация была устроена великолепная, никогда еще у нас не виданная». В 9 с четвертью вечера Государь

Император Александр II с наследником, Великими князьями и несколькими представителями свиты на небольшом катере «изволили направиться» на Городище («первое местопребывание Рюрика»). После Ивана Грозного это был первый визит все-русского самодержца в сердце государственности на устроенный там народный праздник. Государь вышел на временную пристань и «масса народа, как бы по волшебному мановению упала на колени». Государь приветствовал их, удельные крестьяне поднесли хлеб и соль на деревянном блюде. Метрах в 100 от берега (в 60 сажнях) на поле были накрыты столы, «установленные разными кушаньями и лакомствами». На всем пути Александра к столам от временной пристани народ бросал перед ним верхние одежды, образуя импровизированную дорожку. Император попробовал водку, взял яблоко и, обратившись к народу, сказал: «Ну, теперь пора начинать!» И затем, любовавшись на иллюминацию Городища и отличное освещение церкви, позволил отправиться обратно к пристани, под громогласное «Ура!». «Когда катер совершенно уже скрылся из виду, тогда только народ умолк и возвратился к празднику; но эхо долго еще разносило русское “ура!” по огромному полю, окруженному водою. Тут-то начался настоящий русский праздник, здесь русский человек оказался в настоящем виде-на распашку...; в несколько мгновений ничего уже на столах не было и сами столы как бы не существовали; один Императорский вензель горел до глубокой ночи, окруженный по всему освещенному полю народом, с национальной музыкой, плясками и другими сельскими увеселениями» (Колохматов, 1863. С. 40–41).

Я оглянулся еще раз по сторонам. Совершенно очевидно, что все это празднество состоялось именно на поле, где я стоял, тянущемся от нынешней насыпи недостроенной железной дороги до начала поднятия северного склона городищенского холма, занятого уже домами, хозяйственными постройками и огородами деревни. Конечно, только малую часть собравшейся толпы составляли непосредственно жители самого Городища, многие пришли из соседних деревень, а большинство обывателей — прямо с Торговой стороны Новгорода, от Славны по дороге и перевоз через Малый Волховец.

II

Вся деревня Городище это три дома. Сразу на взгорье дом Александра Александровича Никитина (дяди Саши) и его жены «тетки

Клавы», второй дом по берегу опять же Никитины, но другие, — «тетя Катя» (муж погиб на войне, дочь Галя умерла в старших классах школы в 1940-е гг., младший сын — Женя, вечно поддатый и изображающий из себя «бывалого», шоферит в Новгороде в автолавке, а старший — Николай Иванович, известный человек, капитан сейнера на Дальнем Востоке, Герой Социалистического Труда и депутат Верховного Совета РСФСР, успешный даже окончить Высшую партийную школу в Москве, чем очень гордился и всем советовал это сделать. В Новгороде, похоже, есть только два депутата такой «высшей пробы» — первый секретарь обкома Антонов, да этот дядя Коля, всегда останавливающийся с женой Ниной в материнском доме, когда вызывали на сессию в Москву. Путь неблизкий... Худощавый, с обветренным морщинистым лицом, он любит выходить на волховский бугор и с утра, и днем, покуривая, перебирая желтеющими пальцами дешевые папиросы, всматриваться в ветреную и обычно хмурую даль Ильменя... Белая застиранная морская офицерская рубашка, потертая фуражка... Все как на Тихом океане в рубке, но перед глазами ветренное ильменское Поозерье... Родина.

Третий дом окнами смотрит уже на Сиверсов канал, где живет беспутная Тонька с двумя дочерями, еще подростками. Вечно здесь какие-то гулянки-посиделки, гости на лодках и как результат — трагический пожар. Слава богу, без жертв, но потом бурьян, крапива да запущенный огород. На южном берегу канала одиноко доживает свой срок маленький домик бакенщика — дяди Миши. Окна заколочены, забор повалился, провода через канал оборваны, рядом заброшенный садик с несколькими дичающими кустами смородины. Домик построили сразу после войны, но уже года два как он пуст, а самого Мишу я так ни разу и не встретил.

Каждый день рано утром у большого сарая на мысу при впадении канала в Волхов появляется степенный крупный старик — Павел Иванович. Он приплывает из Новгорода на весельной лодке, размеренно и сильно загребая скрипучими веслами вдоль самого берега. Регулярно проверяет мережи, закрепленные на нескольких рядах толстой проржавевшей проволоки, перетянутой по дну через Сиверсов канал. Заученными движениями поднимает, развязывает и встряхивает мотню, высыпая улов. Периодически меняет снасть, снимает одни и ставит другие мережи, которые

чинит и сушит тут же, на берегу. Мережи хранятся в огромном сарае, притулившемся вдоль высокого городищенского кряжа на самом мысу при впадении канала в Волхов, где к дому Никитиных круто поднимается «лестница» — вырубленные в склоне земляные ступени, укрепленные деревянными досочками и кольями. Рыбу, по преимуществу лещей, густеры и яззей, иногда судаков, редко крупных угрей, Павел Иванович регулярно сдает в городе в рестораны, но есть у него и постоянная клиентура среди городских жителей. Ни разу к столу нашего маленького экспедиционного полевого лагеря он рыбешки не предложил, понимая, что здесь со студентов прибыли не получит, а иным способом расстаться с частью улова он просто не привык и в душе не мог.

Колодцев в д. Городище нет, питьевую воду всегда брали и берут непосредственно на мысу, где Сиверсов канал впадает в р. Волхов. Народ приспособился набирать ее рано утром, когда все дышит тишиной и прохладой и течение успокоилось от взвесей пойменных глин, взбываемых за день движением барж и моторных лодок. Сиверсов канал не выглядит застойной протокой, это активно текущая река, поскольку после завершения его прорытия в 1803 г. сюда ринулось больше половины воды Мсты, ранее уходившей непосредственно в озеро в районе церкви Николы на Липне. Берега канала постоянно размываются. Эта картина слияния вод Мсты и Волхова впечатляет. Особенно если смотреть с вершины мыса Городища вечером или рано утром, когда ветра уже или еще нет и водная гладь спокойна. Коричневатым языком врываются в Волхов воды Мсты, выделяющиеся на общем сероватом фоне и отчетливо видимые по небольшим водным бурнам в месте соприкосновения потоков водных масс.

III

Близко Бориса Александровича Колчина я не знал. Приходилось сталкиваться на территории Знаменского подворья в Новгороде, где находилась база Новгородской экспедиции, во время моих первых лет раскопок на Рюриковом городище. Борис Александрович производил впечатление умного, не очень разговорчивого человека с пронзительным, чуть насмешливым взглядом, при котором казалось, что он тебя видит насквозь. «Ну, как дела, Женя», — говорил он обычно при встрече, чуть прищуриваясь и внимательно

вглядываясь тебе в лицо. Отношение к Б. А. у меня сложилось настороженное, тем более что на «базовской кухне» и вокруг витали разные слухи и сплетни о «причудах» Б. А. Колчина и его своеобразии. Не буду предаваться этому жанру, тем более что я действительно был на базе Новгородской экспедиции в те годы хоть уже и «своим», но все же «пришлым» ленинградцем ...

И вот однажды мягким июльским воскресным днем на базе в Знаменском, где я оказался, подходит ко мне Б. А. Мы чинно поприветствовали друг друга и вдруг Б. А. начинает несколько монотонным голосом что-то говорить мне. Я нутром чувствую, что все это не просто так и что-то за этим последует. «Вы знаете, Женя, — нейтральным ровным голосом, чуть растягивая фразу, повествует Б. А., — решил я сегодня утром прокатиться по Волхову на речном пароходике от Кремля до Перыни и обратно. Сел, плывем мы у Рюрикова городища. Вижу Ваш лагерь на берегу под холмом и что же это такое? Какое безобразие! Каков ужас! Стыд!!!» В моей голове мгновенно мелькают все прегрешения, которые могли совершить мои студенты в полевом лагере.

Больше всего я опасался реакции за вечерние песни у костра. В конце 1970-х, помимо различных туристских и романтических, были весьма популярны антикультовые, антисталинские песни А. Галича, В. Высоцкого, Б. Окуджавы, песни на стихи О. Мандельштама, Б. Корнилова и др. Времена были уже брежневские, застойные,

но партийным и комсомольским начальникам и работникам этой сферы, и их родне, детям, а их было с избытком особенно вокруг идеологических факультетов (истфак ЛГУ был именно таким учреждением), совсем не по душе был репертуар, который они относили к антисоветчине. А тут в ночи гулко разносилось над Волховом хоровое пение — «Товарищ Сталин, / Вы большой ученый, / во всех науках корифей, / а я простой советский заключенный, / не коммунист и даже не еврей...» На первомайских или октябрьских демонстрациях, когда колонны трудящихся скапливались в единое целое и постепенно подтягивались к Дворцовой площади, из уличных динамиком часто неслась оратория о Ленине «Ленин всегда живой» и т. д. Так вот, на Городище несколько лет студентам понравилось распевать ее, заменив имя Ленина на Рюрика... «Рюрик всегда живой, Рюрик всегда с тобой...» — величаво звучало под стенами Благовещения, и акустика особенно усиливалась, если залезть в развалины храма и встать в алтаре... Как начальник экспедиции я это прекратить не мог, да и не хотел, ибо сам в душе им откровенно подпевал, и потом реально большинство участников экспедиции были моими ровесниками.

На время, после слов Б. А. Колчина, я оцепенел. «И, о ужас, — продолжал ровным голосом Б. А., — смотрю я на Ваш лагерь и думаю: какие же дрянные палатки дает Академия наук в экспедицию!!!» Я облегченно выдохнул...

Академическая археология, 2013 — Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 415 с.

Засосов, Пызин, 1991 — *Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890–1910 годов. Записки очевидцев. Л.: Лениздат, 1991. 271 с.

Булкин, 2017 — *Булкин В. А.* Я не даю полезные советы... СПб.: Каламос, 2017. 326 с.

Кинжалов, 2013 — *Кинжалов Р. В.* Из прошлого. СПб.: Свято-Алексиевская Пустынь, 2013. 238 с.

Клейн, 2010 — *Клейн Л. С.* Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История, 2010. 723 с.

Колохматов, 1863 — *Колохматов В.* Тысячелетия России. 862–1862 г. в Новгороде. Репр. воспр. текста изд. 1863 г. Великий Новгород: б. и., 2012. 78 с. Место выпуска ориг. изд.: Новгород, Губернская типография.

Миккельсен, 1914 — *Миккельсен Э.* По следам жертв ледяной пустыни. Петроград: Издание А. Ф. Девриена, 1914. 414 с.

Пиотровский, 1995 — *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб.: Наука, 1995. 288 с.

Концепция древнерусского города в трудах Е. Н. Носова¹

В. А. Лапшин²

Аннотация. В статье рассматривается теоретическое наследие Е. Н. Носова в области проблематики возникновения и становления древнерусского города.

Annotation. This paper considers the theoretic heritage of E. N. Nosov in the sphere of the problems of the appearance and establishment of Early Russian town.

Ключевые слова: древнерусский город, Ладога, Рюриково городище, Новгород.

Keywords: Early Russian town, Ladoga, Rurik Gorodishche, Novgorod.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-27-31

Тема города — центральная в творчестве Е. Н. Носова. Большую часть жизни — сорок лет — он посвятил исследованию Рюрикова городища под Новгородом. Помимо нескольких монографий (Носов, 1990; Носов и др., 2005, 2017) и десятков публикаций, посвященных этому уникальному памятнику, перу Е. Н. Носова принадлежат несколько теоретических статей, касающихся проблемы происхождения городов Северной Руси и их социальной типологии (Носов, 1993, 1998а, 2000а, 2000б). Будучи историком в большей степени, чем большинство коллег-археологов, он неоднократно возвращался к анализу исторических концепций своих идейных предшественников — В. О. Ключевского (Носов и др., 2005. С. 8–9), А. А. Спицына (Носов, 2008), М. И. Артамонова (Носов, 1998б), видя в последних не только археологов, но также историков Древней Руси.

Е. Н. Носов принадлежит к яркому поколению ленинградских археологов-славистов, к которому относились Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов, Е. А. Рябинин, В. А. Назаренко, В. П. Петренко. Вошедшие в науку в начале 1970-х гг., они запомнились молодыми бунтарями, стремив-

шимися пересмотреть устоявшиеся в советской науке концепции происхождения и расселения славян, возникновения городов, роли норманнов в ранней русской истории. Однако перечитывая старые статьи М. И. Артамонова, сейчас, задним числом, начинаешь понимать, в какой степени их свежий взгляд и «бунтарство» логически вытекали из лекций, прочитанных им тогдашним заведующим кафедрой археологии ЛГУ М. И. Артамоновым. Он, не скрывая того, следовал традиции классической русской дореволюционной историографии, прежде всего трудам В. О. Ключевского, развивая его построения на археологическом материале. Со спокойным достоинством М. И. Артамонов пронес свои убеждения через десятилетия господства в науке вульгарного марксизма, который, опираясь на теорию стадийного развития языка Н. Я. Марра, принял в советской исторической науке форму агрессивного к инакомыслящим автохтонизма.

Е. Н. Носов вспоминал, как руководитель его первой курсовой работы И. И. Ляпушкин озадачил вчерашнего школьника предложением прочитать, прежде всего, статью М. И. Артамонова (Артамонов, 1935) тридцатилетней давности (Носов, 1998б. С. 43). Только со временем пришло понимание значения этой ранней и недооцененной работы: «Построениям М. И. Артамонова всегда была чужда как формализация археологии и абстрактное теоретизирование, так и сухое вещеведение. Основной чертой его работ является

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (Древности), № 18-09-40111 «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

их историизм, а в источниковедческом плане — сочетание глубокого знания как письменных источников, так и материальной культуры» (Носов, 1998б. С. 45). Действительно, когда листаешь этот пожелтевший томик ПИДО из библиотеки ИИМК РАН с замаранным тушью именем ответственного редактора, расстрелянного Ф. В. Кипарисова, на общем фоне публикаций бросается в глаза спокойная деловитость тона М. И. Артамонова.

Позднее М. И. Артамонов характеризовал «Курс русской истории» В. О. Ключевского как «классическое произведение русской дореволюционной историографии». Он подчеркивает, что В. О. Ключевский ограничил круг своих источников письменными памятниками, в силу того что в его время «археология, оставаясь сферой деятельности дилетантов, еще находилась на стадии первоначального накопления материалов и не могла внести реального вклада в конкретную историю русского народа» (Артамонов, 1967. С. 29–30). В нескольких обзорных статьях, написанных в конце 1960-х гг., но опубликованных, по большей части, посмертно, М. И. Артамонов рассматривает на доступном ему к тому времени археологическом материале три взаимосвязанных исторических процесса: расселение славян на территории Восточной Европы, возникновение городов и участие норманнов в процессе образования русской государственности (Артамонов, 1967, 1988, 1990). Как убедительно показал Е. Н. Носов, концепция М. И. Артамонова «первых страниц русской истории в археологическом освещении» не потеряла своего значения: «Со многими конкретными решениями, предлагаемыми М. И. Артамоновым, согласиться нельзя, со многими можно спорить, но те рамки исторической интерпретации, которых он придерживался, тот подход к археологическому материалу, который он исповедовал, мне представляется актуальным и в наши дни» (Носов, 1998б. С. 49).

Таким образом, свою историографическую и идейную преемственность с В. О. Ключевским и М. И. Артамоновым Е. Н. Носов хорошо осознавал и не раз ее подчеркивал. В чем же она состояла и в чем вклад Е. Н. Носова в развитие концепции возникновения и развития древнерусского города?

Размышления о происхождении и формировании древнерусских городов органически вытекали из опыта многолетних исследований Рюрикова городища. «На огромной территории Древней

Руси, протянувшейся на тысячи километров от Поволжья на севере до Среднего Поднепровья на юге, есть только несколько географических пунктов и районов, которые связаны с самыми первыми этапами формирования восточнославянского государства. К их числу относится Рюриково городище на истоке Волхова...», — писал Е. Н. Носов в своей последней статье, опубликованной уже после его безвременного ухода (Носов, Хвоцинская, 2019. С. 303).

Свой взгляд на происхождение древнерусских городов Е. Н. Носов четко обозначил в статье, посвященной критическому разбору концепций русских/советских историков XX в. (Носов, 1993). Начинается обзор с «торговой теории» происхождения русского города В. О. Ключевского. «Историк тесно увязал возникновение первых городов с процессом славянского расселения, рассматривая их генезис как генезис экономических центров (торговых средоточий), а движущей силой в этом признавал внешнюю торговлю, прежде всего восточную <...> отношение к построениям В. О. Ключевского определило в 1930-е годы подход к дальнейшей разработке истории русского города» (Носов, 1993. С. 59–61).

В 1930-е гг. как антитеза подхода В. О. Ключевского в советской науке возобладала точка зрения о городе как центре феодального производства и феодальных производственных отношений, порожденном потребностями сельского хозяйства и феодального землевладения. Торговые функции города признаются вторичными. Основные положения этой концепции были сформулированы С. В. Юшковым и развиты М. Н. Тихомировым. С. В. Юшков ввел понятие «племенного города». Б. Д. Греков рассматривал город как результат отделения ремесла от сельского хозяйства, отрицал возможность существования «племенных городов», но признавал фактор влияния международной торговли. «В. О. Ключевского упрекали в недооценке экономического развития Древней Руси, прежде всего земледелия и ремесла, и придании чрезмерной и всеопределяющей роли внешней торговли, что способствовало преувеличению роли норманнов в русской истории...» (Носов, 1993. С. 62).

Е. Н. Носов отметил, что идеи, выдвинутые С. В. Юшковым, М. Н. Тихомировым и Б. Д. Грековым, продолжали определять основные направления изучения городской проблематики вплоть до 1970–1980-х гг. С. В. Юшкову и М. Н. Тихомирову

в той или иной степени наследовали, по его мнению, А. В. Куза, П. П. Толочко, И. Я. Фроянов. Идеи Б. Г. Грекова разделяют те исследователи, которые допускают многообразие путей становления городов при эволюции из поселений различных типов, в том числе Н. Н. Воронин, Б. А. Рыбаков, В. В. Карлов, Д. А. Авдусин, В. В. Седов (*Носов*, 1993. С. 63–65).

В 1970-е гг. был выделен (впервые в статье Г. С. Лебедева и В. А. Булкина 1974 г.) особый тип торгово-ремесленных поселений предгородского плана, которые возникли благодаря активному участию в международной торговле, контролю над важнейшими торговыми путями, развитому ремеслу, обслуживавшему новый социальный (военно-дружинный) слой. Признание этого пути становления города означало частичное возвращение на новом археологическом материале к «вооруженному торговому городу» В. О. Ключевского.

Выделение торгово-ремесленных поселений в особый тип было поддержано большинством археологов и историков и породило оживленную дискуссию о «парных» центрах, соотношении и взаимосвязи в них торгово-ремесленного поселения и древнерусского города. Подчеркивалось, что подобная «парность» характерна не только для Восточной, но и для Северной Европы (*Носов*, 1993. С. 66–70). Е. Н. Носов полемизирует с П. П. Толочко, считающим, что торгово-ремесленные центры были инородными телами на территории Руси. «Торгово-ремесленные поселения возникали там, где имела и соответствующая местная среда для успешного осуществления торгово-ремесленной деятельности и необходимость в охране и контроле торговых путей. Подобные поселения активно способствовали формированию, если так можно выразиться, “значимости” районов, созданию экономических структур и социальной среды, в которых возникали “новые” города. <...> Само существование “парных” центров убедительное подтверждение непрерывности и преемственности городского развития в той или иной местности Восточной Европы» (*Носов*, 1993. С. 72–73).

Далее Е. Н. Носов останавливается на специфике градообразования в Южной и Северной Руси. В Южной Руси уже первые славянские «грады» вырастали в плотно освоенных земледельческим населением районах. На севере Руси время становления городов чрезвычайно близко к началу

самого славянского расселения и даже к процессу освоения новых территорий. Для Северной Руси, как и для Северной Европы, торгово-ремесленные поселения с полиэтничным населением на международных торговых путях являются закономерным этапом экономического и политического развития. «На Руси рассмотренный путь становления городов не является всеобщим и единственным, но для нескольких центров, прежде всего, в северной части страны, он очевиден» (*Носов*, 1993. С. 76).

Закономерно следующим шагом Е. Н. Носова стало обращение к вопросу о социальной типологии городов Поволховья: Ладоги, Рюрикова городища и Новгорода (*Носов*, 1998а, 2000б, 2007). Ранняя Ладога и Рюриково городище типологически и хронологически предшествуют Новгороду как торгово-ремесленные полиэтничные поселения. Но они имеют и существенные различия. Ладога была лишена земледельческой округи. Известные памятники образуют не сельскохозяйственную зону, примыкающую к Ладоге как к ее центру, а приречную агломерацию, приуроченную к крупной водной артерии и ее опаснейшим участкам. Ладога была лишена в ранний период своей истории каких-либо укреплений, что сближает ее с синхронными скандинавскими и западно-славянскими центрами Балтийского региона. Рюриково городище, напротив, находилось в ступе сельских славянских поселений ильменского Поозерья. Топографическая структура Городища сугубо восточно-европейская — двухчленная, состоящая из укрепленной части и примыкающего открытого поселения. Гораздо ярче, чем в Ладоге, выступает комплекс скандинавской культуры (*Носов*, 2000б. С. 166–167).

Топографическое расположение и археологические материалы подчеркивают различную социально-экономическую ориентированность Ладоги и Рюрикова городища. Для Ладоги второй половины VIII в. на первом месте были торгово-ремесленная деятельность и непосредственное обслуживание плавания (ремонт судов, их оснащение, перегрузка товаров). Для Рюрикова городища середины IX в. на первый план вышли функции военно-административные, связанные с контролем над обширной территорией Приильменя, ядра будущей Новгородской земли. В конце X в. Городище уступило место собственно Новгороду как центру иного порядка — столицы Новгородской земли (*Носов*, 2000б. С. 168–169).

Слабым местом сторонников теории «племенных городов», на основе которых возникают древнерусские города, на мой взгляд, является крайняя невнятность и умозрительность термина, который начиная с 1930-х гг. и поныне просто декларируется. В этом смысле крайне интересны выводы, полученные Е. Н. Носовым и В. Я. Конецким при изучении Бельского археологического комплекса на р. Белая, притоке р. Мсты к востоку от оз. Ильмень (Конецкий, Носов, 1995; Носов и др., 2002). Значительная концентрация населения в конце I тыс. н. э., выразившаяся в появлении в небольшом микрорегионе нескольких укрепленных и открытых поселений и десятков сопок в нескольких группах, говорит о неординарности этого пункта и о возможном размещении здесь некоей элитной группы населения. Авторы исследования связывают это с географическим положением комплекса: «Городище в устье р. Белой закрывало вход в ее долину и одновременно контролировало движение по р. Мсте, по которой, начиная с VIII в., проходил один из отрезков балтийско-волжского пути. О его функционировании по р. Мсте свидетельствует клад восточных монет (866 г.), обнаруженный

у д. Потерпилицы, и находки дирхемов VIII и IX вв. на поселении Золотое Колено, ниже по течению Мсты от Бельского городища» (Конецкий, Носов, 1995. С. 51). Упадок комплекса авторы связывают с походом княгини Ольги на Мсту (947 г.) для установления «погостов и даней» (Конецкий, Носов, 1995. С. 52). Таким образом, локальный центр на р. Белой обязан своим возвышением близости к речному торговому пути. Одним словом, и этот протогород «регионального значения», который мог бы претендовать на звание «племенного города», обязан своим возникновением тем же процессам, что и Ладога, и Рюриково городище, прежде всего он связан с торговым речным путем, а угасание его, как и Городища, связано с концентрацией административных функций в Новгороде.

Хотя Е. Н. Носов и подчеркивал неоднократно, что путь становления городов Северной Руси «не является всеобщим и единственным», но в настоящее время этот вариант формирования и развития русского раннесредневекового города является единственным убедительно разработанным и доказанным на конкретном историческом и археологическом материале.

Артамонов, 1935 — Артамонов М. И. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе // ПИДО. 1935. № 9–10. С. 267–286.

Артамонов, 1967 — Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Историогр. сборник. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 29–69.

Артамонов, 1988 — Артамонов М. И. Славяне и норманны в Восточной Европе в период образования Русского государства // Вестник ЛГУ. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. Сер. 2. Вып. 4. С. 3–6.

Артамонов, 1990 — Артамонов М. И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3. С. 271–290.

Конецкий, Носов, 1995 — Конецкий В. Я., Носов Е. Н. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 29–54.

Носов, 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 215 с.

Носов, 1993 — Носов Е. Н. Проблема происхождения первых городов Северной Руси //

Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики) / Ред. В. М. Массон, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 59–78.

Носов, 1998а — Носов Е. Н. К вопросу о социальной типологии древнерусских городов (Ладога — «Рюриково» городище — Новгород) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова / Ред. Г. В. Вилинбахов, А. Д. Столяр. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. С. 162–165.

Носов, 1998б — Носов Е. Н. М. И. Артамонов как историк Древней Руси (некоторые мысли о формировании концепции) // Проблемы археологии. СПб.: ЛГУ, 1998. Вып. 4. С. 43–50.

Носов, 2000а — Носов Е. Н. Древнерусский город в отечественной исторической мысли // Культурное наследие Российского государства / Ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИПК «Вести», 2000. Вып. 2. С. 104–110.

Носов, 2000б — Носов Е. Н. К вопросу о типологии городов Поволжья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Докл. Междунар.

науч. симпозиума по вопросам археологии и истории (11–14 мая 1999 г., Пушкинские горы). СПб.: ИПК «Вести», 2000. С. 162–171.

Носов, 2007 — Носов Е. Н. Тридцать лет раскопок Городища: Итоги и перспективы // У истоков русской государственности / Ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 23–58.

Носов, 2008 — Носов Е. Н. Александр Андреевич Спицын (размышления о научном творчестве) // История и практика археологических исследований: материалы МНК, посвящ. 150-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР, профессора Александра Андреевича Спицына (Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г.) / Под ред. Е. Н. Носова, И. Л. Тихонова. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 134–139.

Носов и др., 2002 — Носов Е. Н., Конецкий В. Я., Иванов А. Ю. Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории Северо-Запада (итоги и перспективы изучения) //

У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник / Ред. В. Я. Конецкий, А. Ю. Иванов. Любытино: б. и., 2002. С. 5–66.

Носов и др., 2005 — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 403 с.

Носов и др., 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с.

Носов, Хвоцинская, 2019 — Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище — выдающийся археологический памятник Древней Руси // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии) / Ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 303–323.

The concept of Early Russian town in works by E. N. Nosov

V. A. Lapshin

The paper considers E. N. Nosov's theoretic heritage in the sphere of the problems of the emergence and establishing of Old-Russian town. E. N. Nosov well understood and not once highlighted his historiographic and ideological succession from Vasiliy O. Klyuchevskiy and Mikhail I. Artamonov. Basing on the long-term investigations of Rurik Gorodishche he has demonstrated through archaeological materials the great importance of international trade in the formation of early mediaeval town in Northern Rus'. Although E. N. Nosov repeatedly stressed that the way of establishing of towns of Northern Rus' "is not the universal and single one", however now this variant of the formation and evolution of Russian early mediaeval town is the single that is so convincingly elaborated and confirmed at an example of particular historical and archaeological evidence.

Мое Рюриково городище (воспоминания о сезоне 1977 г.)

Н. И. Платонова¹

Аннотация. Статья посвящена воспоминанию об одном из первых полевых сезонов на Рюриковом городище.

Annotation. This paper is devoted to reminiscences about one of the first field seasons at Ryurik Gorodishche.

Ключевые слова: Рюриково городище, Евгений Николаевич Носов.

Keywords: Ryurik Gorodishche, Evgeniy Nikolaevich Nosov.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-32-36

В июне 1977 г. я достаточно неожиданно (как сейчас говорят, спонтанно) собралась и уехала на Рюриково. Вышло это вроде бы случайно. Но умные люди знают: ничего случайного нет.

В том году я окончила четвертый курс кафедры археологии ЛГУ. Золотое время: ощущаешь себя без пяти минут «настоящим» профессионалом, а студенческая свобода и беззаботность еще никуда не делись. «И счастье казалось вечным...»

Я воображала себя созревшей для самостоятельных работ, собиралась в разведку по Псковской области, которую планировал мой научный руководитель Глеб Лебедев. Но предприятие сорвалось в последний момент: с проектами моего руководителя такое случалось нередко. Сам он относился к своим организационным провалам философски — всегда выискивал в случившемся некий высший смысл. Не помню, была ли я все-таки огорчена в тот раз? Кажется, не очень: успела привыкнуть... Вот тут-то незабвенная Людмила Степановна Кухарева, старшая лаборантка нашей кафедры, и сообщила мне, что Женя Носов только что вернулся из разведки по Приильменью. Он должен вот-вот уехать на Рюриково... Мобильников тогда еще не изобрели, надо было непременно заставить его дома. Я успела.

Помню солнечный свет, щедро льющийся в окно кафедры, и очень «неформальный», веселый

разговор по телефону. Меня интересовал вопрос: примут ли в лагере на Рюриковом еще одного археолога, оказавшегося вдруг абсолютно свободным на целые две недели? Ответ был: да! Место найдется. Экспедиция уже работает. Сам он уезжает сегодня... Через день я в половине седьмого утра явилась с рюкзаком на автовокзал.

Конечно, «случайность» была не случайной. В составе Новгородского областного отряда, руководимого Е. Н. Носовым (тогда аспирантом), я поработала еще в 1976 г. На мощном ГАЗ-66 мы колесили по лесной и озерной глухомани Боровичского и Любытинского районов Новгородчины. Именно тогда были открыты грунтовые погребения на могильнике культуры длинных курганов у оз. Съезжее. Теперь это эталонный памятник, имеющий европейскую известность. А тогда все было впереди.

Я очень тщеславилась тем, что нашла этот памятник первая! Хотя, конечно, честь открытия всецело принадлежала исследователю, который привел двух едва оперившихся птенцов-студентов — меня и Сашу Пасхина — в нужное место, одному ему известное, неопределенно ткнул пальцем в обочину песчаной лесной дороги и сказал: «Грунтовый могильник есть тут точно. Ищите...»

Помню, мы взялись за дело рьяно. Но ничего, кроме рассеянных в песке редких кальцинированных косточек, нам не попадалось. Через несколько часов совершенно бесплодных поисков я, усталая и разочарованная, побрела в лес и,

¹ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

пройдя метров 20, встала как вкопанная. Прямо под ногами на тропинке чернело углистое пятнышко. В самой его середке лежал обломок лепного горшка... На мой дикий вопль примчался напарник, Саша, с большой лопатой. Дальнейшее было делом техники. Открытие совершилось.

Последним деянием разведки 1976 г. стали зачистки обреза берега Сиверсова канала в районе Рюрикова городища. В них я уже не участвовала. Слегка опоздать на занятия из экспедиции в те годы считалось на кафедре хорошим тоном. Но особо наглеть все же не рекомендовалось. Поэтому в начале сентября Женя отправил меня в Ленинград. Но о результатах изысканий на Рюриковом я, конечно, узнала тут же, из первых рук. На памятнике достоверно обнаружили участки «мокрого» слоя с органикой, погребенные под толщей выброса Сиверсова канала. Было понятно: грядет новое открытие.

Сейчас, оглядываясь назад, я больше всего удивляюсь отсутствию всякой патетики по этому поводу. Происходящее казалось нам, птенцам, в порядке вещей. По сути, мы так и жили — от открытия к открытию. В 1970-х гг. отечественная древнерусская археология переживала информационный взрыв и переворот в подходах. Совсем недавно, практически на наших глазах, совершилось открытие Гнёздовского поселения, затем Тимерёвского. И уже не просто на глазах, а с прямым нашим участием радикально пересматривались представления о культурах второй половины I тысячелетия на Северо-Западе. Теперь подходила очередь древнейшего Новгорода... Всё как положено!

Подлинное открытие Новгородского Городища «созревало» более полувека. В XX в. там кто только ни работал — Н. К. Рерих, А. В. Арциховский, М. К. Каргер... Блестящие имена! Памятник регулярно осматривали археологи из Новгородского музея и экспедиции МГУ в связи со множеством находок, ежегодно вымываемых половодьем. И неизменно поселение признавалось источниковедчески ущербным, его культурный слой — переотложенным. Хронологически он определялся как средневековый, причем не слишком ранний. Сюрпризов от этого памятника никто не ждал. Пока некий аспирант из ЛОИА не дерзнул нарушить вековую традицию, поставив под сомнение то, в чем никто не сомневался. Он стал целенаправленно искать древнейшие отложения — и нашел их.

Сезон 1977 г. должен был стать решающим. Наш шеф как раз той весной получил приставку «кандидат», перейдя, таким образом, в более сановитую категорию отечественных ученых. Планировались уже не разведочные, а стационарные раскопочные работы на Городище. Исследование «мокрого» слоя с остатками деревянных конструкций могло радикально перевернуть тогдашние представления о хронологии и происхождении Новгорода. Но никто не гарантирован от неудач. Вместо построек с желанными дендродатумами, в нижних слоях на этом участке вполне могли оказаться лишь щепка да навоз...

Приличной дороги на Рюриково тогда еще не было. Можно сказать, не было никакой дороги. Круговая, тянувшаяся километров 15, представляла собой жуткий, раздолбанный проселок. Проехать по нему без ущерба для себя мог разве что наш ГАЗ-66. Приехав в Новгород на автовокзал, я, следуя полученным ранее указаниям, направила стопы к набережной Волхова. В ту пору по реке раз 5–6 на дню курсировали парходики — не экскурсионные, как сейчас, а обыкновенные, пассажирские. Можно было сесть у Кремля и через 10–15 минут оказаться на пристани Городища. А парходик плыл дальше — в Перынь. Он двигался медленно, как-то неуклюже, чем заслужил у нас не самое почетное прозвище «Точило». Хорошо помню возгласы остроумцев в конце сезона, когда Жене приходилось то и дело отлучаться из лагеря в Новгород по разным организационным делам: «Точило плывет!.. Начальник едет!.. Пошли все на работу!» Впрочем, говорилось это в шутку. Парходик был колоритнейшей деталью Волховского пейзажа. А работал наш народ добросовестно — гнать на раскоп силой не приходилось никого. Просто в те предотъездные дни в лагере царила суэта, и привычный ритм работы уже сбился.

Теперь, когда мне случается бывать в Новгороде, я невольно ищущу глазами: а где парходик, наша речная лошадка? Очень жаль, что его больше нет.

В июне 1977 г. на Городище работали человек восемь или девять. В основном, девушки — студентки самых разных ленинградских вузов. Из археологов, кроме меня, была поначалу только первокурсница Таня Дорофеева. Там она превратилась в Таньчу, потому что Тань в июньском коллективе оказалось четыре. Надо было как-то их различать. Так и осталась Таньчей... Мужскую часть экспедиции на первых порах достойно пред-

ставляли сам начальник Е. Н. Носов и его двоюродный брат Димка — школьник лет тринадцати. Ну, и еще шофер Василий Иванович Голощапов — фигура эпическая, памятная многим начальникам экспедиций... Вот в таком мощном составе мы приступили к делу — стали заново открывать миру Рюриково городище.

Жили в тот год удивительно дружно. Душевно. В моей жизни это одна из лучших экспедиций. Раскоп тянулся узкой полосой вдоль Сиверсова канала. Поначалу мы расчистили из-под осыпи небольшой участок в полторы-две линии квадратов — пресловутый мокрый слой со щепой, который неукопительно перетирался в руках. Работали на совесть. Помню, как шеф радовался, что количество найденных бисерин у нас выше обычного: «Значит, хорошо копаем, внимательно!» До промывки слоя дело не доходило. Тогда этого не было нигде, даже в крупных экспедициях с очень большим бюджетом.

Отработанный культурный слой требовалось на носилках относить наверх. Высота обрыва — метра 3–4, а тропка крута. Девушки без звука таскали грузы, но особенно доставалось все-таки мальчишке — брату начальника. Его постоянно звали в пару на вынос. Однажды он дошел до иступления и закричал: «Ну, я же человек!..» Убежал с раскопа в палатку и мгновенно заснул там. Будить его, разумеется, никто не пошел. Все рассказывали об этом случае с умилением.

Зато после «рабочего часа» — 50 рабочих минут — можно было кинуться в Сиверсов канал, и сильное течение несло тебя к Волхову, смывая пыль и усталость. Июнь 1977-го выдался на диво теплым, вода в реке успела прогреться. Через 10 минут мы возвращались на раскоп совершенно обновленные. Даже извечная беда Рюрикова городища — злобное комарье — как-то мало нам досаждало. Через пару дней приходила «адаптация» к этой нечисти.

На первых порах начальник поставил меня за входом. Хозяйство было нехитрое — одноконфорочная газовая плитка для готовки еды (баллоны регулярно привозил из города Василий Иванович), костер — для котла с вечерним чаем и общих посиделок. Обедали за большим самодельным дощатым столом, традиционным в экспедициях. На нем же Таньча, впервые приставленная в том году к камералке, раскладывала находки и дивным, бисерным, микроскопически-разборчивым почерком писала этикетки.

Никакой стратификации при таком составе экспедиции быть не могло — у костра регулярно собирались все. Девочки неплохо пели. В их исполнении я впервые услышала песни Александра Дольского «Сентябрь. Дожди» и «Мне звезда упала на ладошку». С тех пор уж я их не забывала, а Дольский стал одним из любимых моих бардов... Сидя у огонька, мы рукодельничали: из однообразных полосатых речных раковин нанизывали бусы. Пожалуй, подлинного совершенства в этом деле достигла одна Таньча. У меня долго хранилась нитка ее бус, которые я летом с удовольствием носила... Но, конечно, самое главное у экспедиционного костра — это общение. Неторопливая спокойная беседа со всеми обо всем.

Помню, как завидовали нам практиканты московской «большой» экспедиции, которых иногда привозили к нам по вечерам коллеги-москвичи. Этих практикантов было очень много, они плохо знали друг друга, а с руководителями общались только на работе. Жили они в городе, в основном по школам, вполне благоустроено. Но перспектива посидеть у костра узким кружком за чашкой чая или глинтвейна, ведя неторопливую беседу с «самим» шефом экспедиции, — вот это воспринималось ими как самая невозможная, удивительная романтика.

С глинтвейном особый сюжет. Помню, однажды я забеспокоилась, что живем мы как-то скучновато. Надо устроить праздник, а какой праздник без возлияния, хотя бы легкого? На Рюриковом мы жили, как на острове. В Юрьеве, на противоположном берегу Волхова, кипела жизнь, а здесь не было ни транспорта, ни дороги, ни даже деревенской лавчонки. С этой проблемой я отправилась к шефу, он выслушал и сказал раздельно: «Ну, разве такая инициатива исходит от начальства? Организуй...»

Мне были выданы некие скромные средства (мы вообще жили скромно, хотя, помнится, на кормежку никто не жаловался), и я отправилась «организовывать». Спустившись к реке, помахала рукой какой-то случайной моторке, и добрые люди перевезли меня через Волхов. В Юрьевом монастыре (тогда еще «бывшем») я нашла лавчонку, где продавалось дешевое арабское вино (другого в окрестностях не было). И, очень довольная, тем же путем вернулась в лагерь с покупками.

Вечером мы на костре сварили глинтвейн. Пряностей в лагере не нашлось, зато сахара предостаточно. Еще была половинка лимона,

привезенная мною из Ленинграда. Глинтвейн понравился всем. По консистенции он походил на компот, но ощущение праздника, действительно, присутствовало. Чаши вздымались, и произносились тосты — самые цветистые и прочувствованные. А разве это не главное?

Воскресенье было у нас баннным днем и единственным выходным. Всем составом экспедиция отправлялась на пароходике в Новгород — отдыхать и мыться в бане. Оттуда наша дамская компания неизменно следовала в ресторан «Детинец», который недаром славился своей медовухой и медовым квасом. Рецепты этих дивных напитков сохранялись в советские времена во всей неприкосновенности. Пообедать в «Детинце» раз в неделю было, кстати, вполне по карману даже нам, бедным студентам. К концу посиделки неизменно вставал сакраментальный вопрос: задержаться нам в Новгороде или бежать к последнему пароходу, который отплывал от Кремлевской набережной около 5 часов дня? Очень хотелось задержаться, погулять по городу, но опоздавшим грозило путешествие в 15 км пешком по непролазной грязи. Поэтому довод: «Пошли, а то о нас будут волноваться...» неизменно пересиливал. После медовухи траектория движения к пристани бывала не слишком ровной, но рациональное мышление не отключалось ни разу.

Путь в 15 км пешком группа участников экспедиции проделала в 1977 г. только однажды, во главе с самим начальником. Сейчас мне уже не вспомнить, почему так случилось: то ли была неисправна экспедиционная машина, то ли они случайно опоздали к пароходу, а никакой телефонной связи с Василием Ивановичем, разумеется, не было. Но факт остается фактом: на пристань к нам никто не сошел. Беспокоиться особо не стали — ведь с ними был шеф. Через несколько часов со стороны проселка донеслось громкое нестройное пение какого-то марша. Вскоре нашим глазам предстала вереница путников — усталых, но, несомненно, счастливых. Впереди топал Димка, за ним сам шеф. Оба были босые, в штанах, закатанных до колена. Ноги совершенно черные. Глаза гордо сверкали... Это было незабываемое зрелище!

Нашему бодрому настроению изрядно способствовали успехи на рабочем фронте. На раскопе в культурном слое почти сразу выявилась конструкция — обводка из тонких бревнышек, а в ней — остатки обожженной глины и колышки.

Позже выяснилось, что это хлебная печь. Вот печь-то и дала первую дендродату, порядка 907–911 г. Это притом, что в городском слое Новгорода самыми ранними остаются напластования 930-х гг...

Когда дерево было зачищено и стратиграфия стала хорошо видна, из Новгорода и Новгородской экспедиции МГУ к нам стали приезжать коллеги — смотреть, обсуждать. Приезжали великие — В. Л. Янин и Б. А. Колчин, приезжала тогдашняя археологическая молодежь — Пётр Алешковский, Пётр Гайдуков и другие достойные люди... Все смотрели, удивлялись, обсуждали, но по существу возразить было нечего: ранний слой на Городище стал свершившимся фактом. Остальное — частности.

Чертить первый разрез раскопа 1977 г. с этой самой печной конструкцией выпало мне. Опыт у меня к тому времени был уже приличный, я считала себя спецом в этом деле. Но то, что произошло тогда на раскопе, врезалось в память навек. Когда по привычке я начала расчерчивать стенку и замерять разные мелкие прослойки, Женя просто взял меня за руку и отвел метра на три в сторону. «Не торопись! — сказал он. — Сядь тут и смотри. И постарайся понять разрез. Логику ищи, логику! Пока не поймешь, ничего не мерь и не рисуй... Поняла?»

Я поняла. И никогда не забывала этой науки, работая уже самостоятельно, на своих памятниках. А уж как пригодился мне Женин совет четверть века спустя, на многометровых разрезах Волковской стоянки в Костёнках!

Раскопки Рюрикова городища велись потом много лет, причем удалось выяснить, что там имеются слои более ранние, чем начало X в. И укрепления обнаружили — правда, весьма нестандартные. В 1977 г. мы ничего этого еще не знали. Но самое главное совершилось тогда. Произошел переворот в представлениях о Новгороде и его генезисе. Мы прекрасно понимали это и гордились своей причастностью к открытию.

В тот год я дважды уезжала с Городища — были договоренности, которые не хотелось нарушать. И дважды неизменно возвращалась туда. Заканчивала сезон на Рюриковом в конце августа. К этому времени в экспедиции стало заметно больше народу. Приехала Татьяна Шитова, будущая Сениченкова, в том году как раз окончившая университет. Раньше мы с ней знали друг друга только по докладам на Славяно-варяжском

семинаре, а тут вдруг сдружились по-настоящему, на всю оставшуюся жизнь.

Шеф потом частенько вспоминал, как мы с Таней ночью пилили на раскопе толстенное дубовое бревно. Решили сделать себе спил на память. Зачем — толком сами не знали. Идея принадлежала Тане. Сегодня она уверяет, что вначале я сомневалась, сумеем ли мы отпилить мореный дуб вдвоем. Ей же, воспитанной «шефом Петренко» и отработавшей с ним в Ладоге четыре феерических сезона, Волхов был по колено и никакой дуб не страшен. Убедила...

Бревно торчало из стенки косо, пилить его было несподручно. Стояли последние дни августа, уже начались холода, а на квадратах пошел серый скучный «предматерик», который мог бы показаться стерильным, не будь в нем массы обрывков пеньковых веревок... Много позже выяснилось, что слой этот на деле никакой не предматерик, а заполнение огромного рва (частично материковое). Но в 1977 г. о существовании на Городище засыпанного рва никто не подозревал. Поражались только обилию веревок, якобы втоптаных в предматериковый слой. Мы складывали их на квадратах большими кучами. Такая тупая работа, видимо, способствует рождению экстравагантных проектов.

Часа два, если не больше, мы с Таней упорно пилили — дзинь-дзинь. На нашего начальника, вышедшего в сумерки из палатки прогуляться, эти звуки произвели неизгладимое впечатление. Об «отпиле дубового бревна» он поминал нам всю жизнь. Оно фигурировало даже в его дарственных надписях на книгах, стоящих теперь у меня на полке... А тогда мы своего добились! Тяжеленный спил уехал с нами в Ленинград.

Конечно, никаких предметов прикладного искусства, которые грезились нам тогда в рюриковском тумане, из этого уникального дерева не вышло. Никто не знал даже, как к нему подступиться. Но упорная Татьяна увезла драгоценный дуб к себе на дачу и хранила его в кладовке 43 года, так и не позволив никому вынести эту совершенно ненужную, объемную вещь на помойку.

Второму спилу того же бревна, который сделали в 1977 г., по указанию Жени, для дендрохронологического анализа, повезло куда меньше. В то время «дубовой» дендрохронологической шкалы Северо-Запада не существовало, и никто еще всерьез не задумывался об ее создании. Помню, Женя с большим сожалением рассказывал мне, что в работу этот спил не пошел. Хранить его, как водится, оказалось негде и некому... Когда через 40 лет рюриковского дуба хватились, выяснилось, что он бесследно исчез. Зато наш с Таней спил оказался востребован. Сейчас он находится в Новгороде, в лаборатории дендрохронологии... Поучительная история, и со счастливым концом! Так что пилите, господа, пилите! Труды даром не пропадут, было бы терпение и упорство!

С той поры в Волхове утекло немало воды. Сменилась эпоха! Переменились и мы сами, и мир вокруг нас. На Городище давно проложены туристские тропы. Грязный проселок превратился в асфальтовое шоссе. В центре памятника ныне водружен «Княжий камень» с надписью; руины церкви Благовещения трансформировались в благоустроенное музейное помещение... А в Новгородской областной экспедиции ИИМК, работающей на Рюриковом, нет уже нашего незабвенного шефа, успевшего стать за эти 40 лет крупнейшим ученым, член-кором, директором и прочая, и прочая...

Но странно: все, что происходило с нами в тот удивительный год, на редкость прочно засело в памяти. Я частенько ловлю себя на мысли, что помню Новгород именно таким, каким он был в 1977 г. И Рюриково помню — таким, как тогда. И шеф в этих воспоминаниях живой. Вот он выходит из палатки, молодой и энергичный, шагает по полю, среди высокой травы, еще не прочерченной туристскими дорожками... Да можно ли представить себе Рюриково без шефа?!

Наверное, так отпечатывается в сознании все по-настоящему важное и значительное. Как иная реальность — ключевая, самая настоящая, не подлежащая забвению. Та, что пребудет с тобою вовек.

Городище навсегда...

Т. С. Дорофеева¹

Аннотация. Статья посвящена памяти Евгения Николаевича Носова.

Annotation. The paper is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolaevich Nosov.

Ключевые слова: Рюриково городище, Евгений Николаевич Носов.

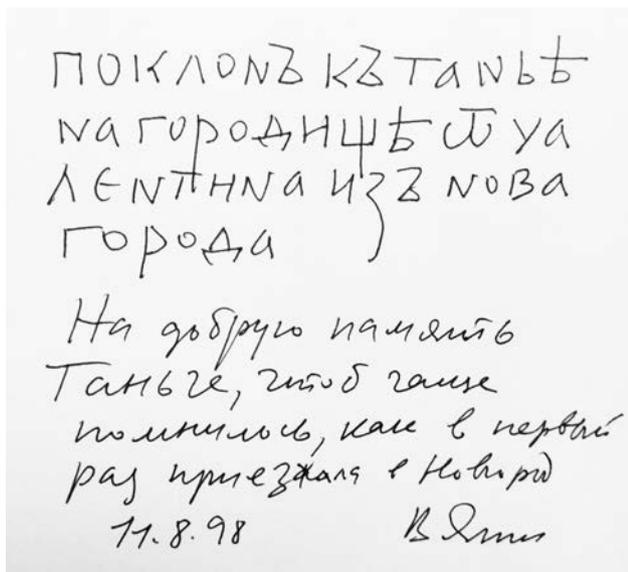
Keywords: Rurik Gorodishche, Evgeniy Nikolaevich Nosov.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-37-39

Читать я любила всегда. Даже на моих дошкольных фотографиях в руках у меня всегда было какое-либо печатное издание. Это могла быть детская книжка, журнал «Крокодил», газета или толстый учебник физики. Напротив моего дома располагалась детская районная библиотека, в которую я навевывалась чуть ли не через день, обожая рыться на книжных полках или просиживая с интересной книгой в читальном зале. И вот как-то осенью я сняла с полки книгу Валентина Лаврентьевича Янина «Я послал тебе берёсту» (Янин, 1965). Содержание книги меня заворожило... Как мне захотелось оказаться в Новгороде, искать и читать грамоты, написанные за много столетий до моего рождения... Стоит ли говорить, что «История» стала моим любимейшим предметом, и я захотела стать археологом, когда вырасту. Даже писала об этом в школьном сочинении «Кем я хочу быть». Шли годы, я выросла. Приближался момент, когда надо определяться, где я буду учиться или работать. К этому времени я уже знала, что попасть на раскопки в Новгород я смогу, если буду учиться на истфаке МГУ. Но ехать поступать в Москву мне, ленинградской девочке, было невыносимо. Я ленинградка до мозга костей, и просто не смогу жить в другом городе — без своей любимой Нарвской заставы с квадригой коней на триумфальных

воротах, без белых ночей, без Зимнего дворца и атлантов Эрмитажа... Но выход есть всегда. В Ленинграде тоже есть университет, исторический факультет и кафедра археологии. И вот свершилось: я — студентка-археологиня. Первый курс. В группе нас всего семь человек. По специальности слушаем необыкновенно увлекательные лекции ученых с мировыми именами (хотя тогда об этом мы, в общем-то, не задумывались, нам было просто интересно): В. П. Любина, Г. П. Григорьева, А. Д. Столяра. На первую полевую практику половина нашей группы уехала в Курскую область в экспедицию М. Д. Гвоздовер и Г. П. Григорьева, работавшую на Авдеевской позднепалеолитической стоянке. Знакомство, соперничество, а потом хорошая дружба с московскими студентами. Заканчивается мой второй курс, кафедра требует сведения о полевой практике. Побывать хочется везде, где работают археологи, — на севере и юге, в горах и степях, увидеть своими глазами античные города и среднеазиатские дөпе. Но при этом никогда не забываю о своей давней мечте — Новгороде... Совершенно случайно узнаю от подружек, что в экспедицию на Рюриково городище под Новгородом собирается Женя Носов, только что, в мае, защитивший кандидатскую диссертацию. Ну, хоть рядом с Новгородом окажусь, думала я. И, поймав его в коридоре ЛОИА, начинаю проситься в экспедицию. Евгений Николаевич уже набрал группу для работы, и лишние девочки на раскопе ему не нужны, нужны крепкие мальчики.

¹ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН. Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Дарственная надпись В. Янина на третьем издании книги «Я послал тебе берёсту» (Янин, 1998)

The gift inscription by V. Yanin on the third edition of the book "I Sent You a Birch"

Девчонок и так уже было штук семь-восемь. А я была застенчивой девушкой, начать говорить мне было сложно, но уж если начала, то остановиться не могла. И, не слушая возражений, выпаливаю, что учусь на кафедре археологии. Это решило мое участие в работе на Рюриковом городище. И вот 9 июля 1977 г. я оказалась на Городище. А потом был день, определивший всю мою дальнейшую жизнь.

Лагерь наш располагался вдоль подошвы холма. Волхов рядом. Почему-то в тот год на заливленом луге была очень высокая трава. Я первый раз дежурю на кухне. На рассвете по тропинке иду за водой к Волхову. Ни справа, ни слева не видно ничего, кроме этой травы. Неожиданно трава резко заканчивается и внезапно открывается широкая панорама необыкновенной красоты. Солнце за моей спиной бьет в противоположный высокий берег реки, от этого кажется, что он залит багровым пламенем. Справа вдали ярко сияет золотой купол Софии. Слева, на Перынь, клочками уходит иссиня-черная ночная тьма. От восторга перед такой красотой перехватывает дыхание. Хочется увидеть эту дивную картину еще и еще раз... С тех пор прошло без малого 45 лет, а она до сих пор стоит перед моими глазами. И каждый год, уезжая с Городища, я кидаю в Волхов монетки, загадывая желание — вернуться сюда на следующий год. Если бы в свое время Валентин

Лаврентьевич Янин не написал книгу о берестяных грамотах, если бы я ее не прочитала, если бы Евгений Николаевич Носов не взял меня в экспедицию, то и жизнь моя, скорее всего, сложилась бы совершенно по-другому. Лучше ли, хуже ли, Бог весть. Историю о том, как его книга повлияла на мой выбор профессии, я рассказала Валентину Лаврентьевичу в 1998 г., когда вышло в свет уже ее третье издание. И я благодарна судьбе, что еще в школьные годы мне попала книга Валентина Лаврентьевича, подарившая мне в итоге Рюриково городище.

Красоты красотами, но не только и не столько они определили мою привязанность к Городищу. Главным стало, конечно же, обаяние личности Евгения Николаевича.

Память сердца... Несколько дней подряд идут дожди. Мокро, стыло, зеленая тоска, руки на переборке еле двигаются. Появляется Евгений Николаевич — тут расскажет смешной анекдот, там забавную историю. Ребята смеются и начинают двигаться быстрее, да и не так холодно становится. Раскоп на северном берегу Сиверсова канала в 1977 г. на Городище был не очень большой. Я «веду» линию из трех квадратов. Из земли показывается лошадиный череп. Один только череп. Непонятно. Пластом ниже в этом же квадрате появляется второй конский череп. Следующий пласт — и снова в этом же квадрате находится еще один, третий. Евгений Николаевич шутит: «Если в следующем пласте будет опять череп, я тебя выгоню». В четвертом пласте череп находится, но на соседнем квадрате. Меня не выгнали. Вот так началась «загадка» конских черепов, найденных на Городище. Сейчас их насчитывается уже около 30. Выдвигались разные версии их появления: и славянская, и скандинавская, но ни у одной из них пока убедительных доказательств нет.

Так получилось, что я родилась в конце июля. В любой экспедиции дни рождения — всегда повод для небольшого праздника, когда можно собраться за столом, поговорить о том о сем, в общем, отдохнуть от трудовых будней. Евгений Николаевич шутил, что я приезжаю на Городище, чтобы отмечать здесь свое рождение. В 1986 г. он сосватал меня в экспедицию Игоря Николаевича Хлопина, чтобы сохранилась непрерывность моего трудового стажа (что в те времена было очень важно), а я после туркменской экспедиции выскочила замуж. Евгений Николаевич по этому поводу говорил, что «из Туркмении я вывезла два

полезных предмета — кумган и мужа». Кумган здорово послужил нам в разведках и стационарной экспедиции, на нем мы кипятим чай до сих пор. А муж, астрофизик и кандидат физ.-мат. наук, несколько десятилетий был лучшим промывщиком культурного слоя на Городище. Экспедиция давно стала моей большой семьей. В ней с шести лет рос и наш сын, который до сих пор принимает активное участие в работе экспедиции.

А вечерние посиделки у костра! Разнообразные игры типа «крокодила», песни до утра, великолепные рассказы Евгения Николаевича. Он ведь был редкостной умницей, прекрасно образован, талантлив, а широта его интересов была для нас просто невообразима. Как он рассказывал об истории Новгорода, Ладоги, Городища, о проблемах образования Древнерусского государства и возникновении городов... Скучные факты из учебника истории начинали приобретать яркие краски. Евгений Николаевич не только обладал высоким уровнем интеллекта, для него характерно было и прекрасное чувство юмора. Его истории мы могли слушать и слушали часами. Он со вкусом рассказывал забавные байки из жизни других экспедиций, а с годами к ним добавились и веселые случаи из бытия нашей собственной. Все эти качества привлекали людей к Евгению Николаевичу, он был душой экспедиции. Попавшие на Городище люди часто просились и на второй, и на третий сезон. Евгений Николаевич с удовольствием принимал ребят, которые уже работали на Городище раньше. А многие из них со временем стали неперенными участниками Новгородской областной археологической экспедиции. Постепенно подобралась крепкая работоспособная команда: Леша Плохов, Кира Михайлов, Стас Васильев, Оля Клименко, Маша Медведева (Большая) и Маша Юшкова (Маленькая), Лера Одицова, Саша Смирнов, Паша Миляев, Витя Полигаев, Оля Григорьева... Через археологическую практику на Городище прокатилось несколько

поколений студентов разных вузов Ленинграда-Петербурга. Для многих из них Евгений Николаевич был научным руководителем сначала курсовых, потом дипломных работ, а у некоторых и кандидатских диссертаций. А его собственные работы! Мне они всегда напоминали геометрические теоремы или алгебраические тождества. Если «А» равно «Б», а «Б» равно «С», то и «А» равно «С». Предположение и четко аргументированное, логически выверенное его доказательство.

Удивительно, но во многом благодаря Евгению Николаевичу Новгород в широком смысле стал местом, где не было соперничества или вражды между Москвой и Ленинградом. Новгородская экспедиция МГУ стала для нас надежнейшим другом и дружба эта жива до сих пор.

Для меня Евгений Николаевич стал «старшим братом», более мудрым и опытным человеком, к которому я обращалась со своими мелкими или крупными житейскими проблемами. Я знала, что он всегда не только посоветует что-либо дельное, но при необходимости и поможет «материально». Если Евгений Николаевич в жизненной ситуации советовал мне «свернуть налево или направо», я, не задумываясь, сворачивала, и только через два-три шага начинала понимать, почему мне это надо было сделать. Находясь рядом с ним, я безотчетно перенимала и его отношение к работе, и оценку чужих человеческих качеств. Он заботился обо всех, кто в том или ином качестве попадали в сферу его внимания, и когда он был просто начальником экспедиции, и когда стал директором ИИМКа. Евгений Николаевич удивительно умел располагать к себе людей, работать с ним было легко. Внешне спокойный, Евгений Николаевич проблемы друзей, сотрудников экспедиции, института пропускал через свое сердце, потому что иначе не мог. Все мы знали, что в последние годы его здоровье сильно ухудшилось, надеялись на чудо, что операция на сердце поможет... А чуда не произошло. Больно до сих пор.

Семенов, 1997 — Семенов С. А. Некоторые дополнения о культовом и хозяйственном назначении хлебных печей конца IX — X в. на Рюриковом городище // Древности Поволховья. СПб., 1997.

Спаская и др., 2011 — Спаская Н. Н., Саблин М. В., Михайлов К. А. Раннесредневековые лошади второй половины IX — начала X в. на Рюриковом городище // РА. 2011. № 4. С. 52–63.

Янин, 1965 — Янин В. Л. Я послал тебе берёсту. М.: МГУ, 1965. 192 с.

Янин, 1998 — Янин В. Л. Я послал тебе бересту... / С послесл. А. А. Зализняка 3-е изд., испр. и доп. новыми находками. М.: Языки рус. культуры, 1998. 461 с.

Рис. 1. Начальник Новгородской областной экспедиции в разные годы
Fig. 1. Head of the Novgorod regional expedition in different years

Рис. 2. Вместе с коллегами, друзьями и учениками
Fig. 2. Together with colleagues, friends, and students

Рис. 3. Вместе с зарубежными друзьями и коллегами
Fig. 3. Together with foreign friends and colleagues

Рис. 4. Три поколения Носовых
Fig. 4. Three generations of the Nosov's

К рис. 1. Начальник Новгородской областной экспедиции в разные годы (1 — 1977 г., 2 — 1992 г., 3 — 1990 г., 4 — 1984 г., 5 — 2006 г.; 6 — 1997 г.)

For fig. 1. Head of the Novgorod regional expedition in different years (1 — 1977, 2 — 1992, 3 — 1990, 4 — 1984, 5 — 2006; 6 — 1997)

К рис. 2. Вместе с коллегами, друзьями и учениками: 1 — с сотрудниками новгородской экспедиции, стоят (слева направо): А. М. Степанов, Е. Кириллов, Е. А. Рыбина, И. Янссон, Е. Н. Носов; сидят: А. С. Хорошев, В. Л. Янин (1996 г.); 2 — на новгородской конференции с П. Г. Гайдуковым (2006 г.); 3 — на празднике «Бересты» с А. А. Зализняком и В. Л. Яниным (2006 г.); 4 — в гостях у В. Л. Янина (справа налево): Н. А. Макаров, Т. В. Рождественская, В. Л. Янин, Е. Н. Носов, Б. Б. Овчинникова (1996 г.); 5 — выпускники кафедры археологии с преподавателями у истфака СПбГУ (2007 г.)

For fig. 2. Together with colleagues, friends, and students: 1 — with members of the Novgorod expedition, standing (from left to right): A. M. Stepanov, E. Kirillov, E. A. Rybina, I. Jansson, E. N. Nosov; sitting: A. S. Khoroshev, V. L. Yanin (1996); 2 — at the Novgorod conference with P. G. Gaidukov (2006); 3 — at the "Beresta" party with A. A. Zaliznyak and V. L. Yanin (2006); 4 — visiting V. L. Yanin (from right to left): N. A. Makarov, T. V. Rozhdestvenskaya, V. L. Yanin, E. N. Nosov, B. B. Ovchinnikova (1996); 5 — graduates Of the Department of archeology with teachers at the faculty of history of St. Petersburg state University (2007)

К рис. 3. Вместе с зарубежными друзьями и коллегами: 1 — при вручении Больших золотых медалей им. М. В. Ломоносова на Общем собрании РАН М. Мюллер-Вилле и В. Л. Янину (справа налево): Е. Н. Носов, Е. А. Рыбина, Т. Д. Панова, Т. Д. Авдусина, М. Мюллер-Вилле, В. Л. Янин, С. П. Карпов, А. Л. Хорошкевич (2000 г.); 2 — вместе с А. Альслебен (1999 г.); 3 — вместе с И. Янссоном (1998 г.); 4 — вместе с М. Монком (1995 г.); 5 — вместе с М. Брисбейном (2014 г.)

For fig. 3. Together with foreign friends and colleagues: 1 — at the presentation of Large gold medals named after M. V. Lomonosov at the General meeting of the Russian Academy of Sciences M. Muller-Ville and V. L. Yanin, (from right to left): E. N. Nosov, E. A. Rybina, T. D. Panova, T. D. Avdusina, M. Muller-Ville, V. L. Yanin, S. P. Karpov, A. L. Khoroshkevich (2000); 2 — together with A. Alsleben (1999); 3 — together with I. Jansson (1998); 4 — together with M. Monk (1995); 5 — together with M. Brisbane (2014)

К рис. 4. Три поколения Носовых (1 — 1999 г., 2 — 2001 г., 3 — 2001 г., 4 — 2015 г., 5 — 2014 г.)

For fig. 4. Three generations of the Nosov's (1 — 1999, 2 — 2001, 3 — 2001, 4 — 2015, 5 — 2014)

ГОРОДИЩЕ И НОВГОРОД

Рюриково городище, Ярославово дворище и Великий Новгород

А. Е. Мусин¹

Аннотация. В статье предлагается новая гипотеза о происхождении Новгорода. Упадок жизни Городища в конце IX в. — 930-х гг. соответствует появлению поселений на Торговой стороне. Возрождение Городища во второй четверти X в. одновременно поселкам Софийской стороны. Появление княжого двора близ Торга и моста через Волхов, датирующиеся 970-и гг., и строительство Детинца в XI в. завершают формирование города.

Annotation. The paper presents a hypothesis of the origin of Novgorod. The decrease of Gorodishche in the 890–930s corresponded to the emergence of settlements at Torgovaya Side. Its revival in the 930–950s was synchronous to the agglomeration at Sofiyskaya Side. The appearance of the Princely Court near the Market and the bridge over the Volkhov in the 970s and the construction of the Detinets in the 11th century completed the formation of the town.

Ключевые слова: Древняя Русь, история, археология, синхронизация, урбанизация, Новгород, поселенческая агломерация, княжое право, княжий двор, мост через Волхов.

Keywords: Early Rus', history, archaeology, synchronisation, urbanisation, Novgorod, agglomerated settlements, judicialis, princely court, bridge over the Volkhov River.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-45-75

Городище, что в двух километрах к югу от Новгорода, обязано своей судьбой двум людям. Один из них, князь Рюрик, подарил ему собственное имя. Другой, Евгений Носов, даровал ему собственную историю. До исследований Евгения Николаевича Городище служило либо любительской аттракцией, как в случае с Николаем Рерихом, либо полигоном узкопрофессиональных интересов, как в случае с Михаилом Каргером. Системное изучение памятника в контексте истории и археологии Северной и Восточной Европы позволило Е. Н. Носову определить его место и роль в судьбах Новгородской земли.

* * *

Е. Н. Носов впервые решительно преодолел магию имени, отказавшись от поисков конкретного «Старгорода», который в процессе «переноса городов», модного тренда российской археологии

1970–1980-х гг., передал свою судьбу новому поселению — Новгороду (Носов, 1990. С. 191, ср.: «...строительство Нового города не имеет прямого отношения к проблеме “переноса городов” в том виде, в котором она обычно обсуждается в литературе»). Это не значит, что исследователь не задумывался о перемещении укрепленного центра внутри плотного гнезда поселений у истоков Волхова и о возможной «миграции» топонима. Скорее, здесь чувствовался отказ от признания трансурбанизации средством социально-политического строительства в Восточной Европе X в.

Известно, что в Западной и Центральной Европе в силу активной рецепции римского права урбанизация была связана с формированием публичных пространств, социально-политические статус и функции которых были защищены не только фортификационными сооружениями, но прежде всего юридическим механизмом. Утверждение городского права сопровождалось эволюцией социальной топографии и распространением нового типа материальной культуры на основе коммерческого рынка. В Восточной Европе

¹ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия. Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и её соседей».

град подменял город, а урбанизация в ученых конструкциях сводилась к фортификации как процессу возникновения и развития укрепленных административных центров.

Впрочем, Е. Н. Носов, похоже, соглашался с пониманием раннесредневековой урбанизации, присущим С. Рейнолдс. Исследовательница связывала этот процесс с появлением постоянных (укрепленных?) поселений, значительная часть населения которых практиковала неаграрную деятельность (ремесло и торговля), что и отличало его от сельской округи и позволяло выполнять в отношении ее населения служебные функции (администрация и суд) (Носов, 1993а. С. 209–210; ср.: Reynolds, 1982).

Итак, с затянувшимися историографическими поисками конкретного предшественника Новгорода (см. историю поисков в работе: Хорошев, 1983) было покончено. Напомним, что среди его «предков» называли Старую Руссу (Татищев, 1963. С. 77; Шахматов, 1919. С. 58; 2002. С. 219; Платонов, 1920; Медведев, 1967), Старую Ладогу (Равдоникас, 1949. С. 6; Арицховский, 1950. С. 9; 1956. С. 43; Орлов, 1960. С. 26; Мавродин, 1971. С. 54–55; исторический приоритет Ладоги подразумевал и А. Н. Кирпичников, никогда, впрочем, открыто не противопоставлявший два города как «старый» и «новый»), собственно Городище (Каргер, 1946. С. 10; 1947. С. 148; Воронин, 1945. С. 35) и даже Киев (Рыбаков, 1982. С. 527, 530; Куза, 1975. С. 173).

Е. Н. Носов не ходил к далеким истокам. Для него своеобразным «Старгородом» явилась агломерация укрепленных и неукрепленных поселений в истоке Волхова и Поозерье. Такая концентрация жизни предполагала, что Новгород возник на перекрестье региональных процессов и интересов, не в последнюю очередь торговых и посреднических, которые требовали правды и порядка, третейского суда и защиты. Ответом на такую потребность и стало появление сначала Городища, а затем Нового города (Носов, 1984. С. 38).

Может показаться, что в исторической реконструкции Е. Н. Носова именно Городище было «Старгородом» для Новгорода, тем более что исследователь постоянно подчеркивал: термин обозначает «место бывшего города», «старый город». Однако это не более чем видимость. История совершалась сложно и нелинейно. Рождение Новгорода стало результатом перемещения укрепленного социально-политического локального центра внутри поселенческой агломерации. Эти

поселения оказались для судьбы Новгорода более значимыми, чем старое Городище, поскольку именно они и интересы их обитателей вызвали к жизни Новый город. Он стал наследником Городища лишь в качестве укрепленного поселения с военно-административными функциями, основанного среди поселков местной знати («лучших мужей», «старейшин», «земского боярства»). В то же время он противостоял древнему княжескому городку в истоке Волхова. Городище, как догородское поселение неаграрного типа, было исходным звеном в цепи событий, приведших к возникновению города Новгорода. Этой версии истории Е. Н. Носов с незначительными уточнениями придерживался в дальнейшем (Носов, 1984; 1990. С. 171, 172, 183, 191; 1995; 2017; Носов и др., 2017).

Топонимическая история Новгорода оказалась не менее сложной. Изначально Е. Н. Носов крайне осторожно соглашался с отождествлением названия *Νεμογαρδάς*, упомянутого Константином Багрянородным в сочинении середины X в. *De Administrando Imperio*, с поселениями на месте или в окрестностях будущего Новгорода и, в частности, с Городищем, постоянно подчеркивая, что информация, записанная византийским императором, предполагала географическую близость *Νεμογαρδάς* и Киева (Носов, 1990. С. 193–194; 1995. С. 11–13; но ср.: Носов и др., 2017. С. 30).

Обычно исследователи полагали, что имя «Новгород» появляется лишь в связи со строительством Детинца на северном холме будущего кремля в 1044 г. Однако Е. Н. Носов посчитал, что его необязательно связывать исключительно с этим укреплением. Согласно его гипотезе, это название должно было возникнуть много ранее, хотя основания для этого («невозможно допустить, что на все летописные известия о деяниях времен Рюрика, Олега, Ольги, Владимира и Ярослава летописцы лишь проецировали новый топоним, появившийся во второй половине XI в.») и не представляются безусловными (Носов, 2017. С. 117; ср.: Носов, 1990. С. 193–194).

Изначально Е. Н. Носов скептически относился к возможности однозначно решить вопрос о древнем наименовании Городища (Носов, 1990. С. 184, 199), однако со второй половины 1990-х гг. принял лингвистически убедительную гипотезу Т. Н. Джаксон о скандинавском топониме *Hólmgarðr* как имени конкретного укрепленного поселения, некогда относившегося к Рюрикову городищу и впоследствии отождествленного

с Новгородом (ср.: Носов, 1998). В силу этого исследователь отказался от ранее разделяемой им «территориальной» интерпретации этого названия как обозначения системы островных укрепленных поселений в истоках Волхова (ср.: Kleiber, 1957; Мельникова, 1977). Напомним, что, согласно этой гипотезе, славянская форма *Холмъград* должна была существовать изначально. Только это могло позволить скандинавам создать топоним *Hólmgarðr*, воспроизводящий по определенным правилам фонетический облик славянского названия (Джаксон, 1984; 2012. С. 654; Джаксон, Молчанов, 1990).

Эта топонимическая история получила в трудах Е. Н. Носова свое продолжение. По выдвинутой им гипотезе, строительство мощной системы укреплений на городищенском холме в середине IX в. привело к появлению новых названий и брожению старых. Согласно предложенной им «наиболее вероятной схеме», славянское имя *Холмъград* при своем рождении было связано с поселением, которое существовало на городищенском холме до строительства здесь крепости Рюриком в середине IX в. Эта крепость и стала «первым» Новым городом, «Новгородом», упоминаемым в связи с событиями IX–X вв. Однако этот «первый Новгород» в представлениях Е. Н. Носова не был новым поселением, возникшим на новом месте: строительство княжеского замка происходило на уже обжитом пространстве главного в то время административного центра Приильменя (Носов и др., 2017. С. 28–33; ср.: Носов, 2017).

Если «Новый город» как имя новой крепости, по мнению Е. Н. Носова, утвердилось с этого времени за городищенским холмом, то старинный *Холмъград* вместе со своими обитателями начал свою миграцию к южной части будущей Торговой стороны Новгорода. Он стал синонимом Славенского конца в форме *Холмъ* как ближайшей к Городищу городской территории (Носов и др., 2017. С. 32). Каким образом и когда это произошло, исследователь не уточнил.

Это постарались сделать другие, исследовательской логике которых Е. Н. Носов следовал. О возможной связи *Холма* и *Hólmgarðr* писала Е. А. Рыдзевская (Рыдзевская, 1922), Славно представлялся некоторым исследователям первым, «старым городом», относительно которого Новгород становился «новым» (Кушнин, 1982. С. 6–7). Об этом же строили догадки М. Х. Алешковский и В. Л. Янин (Янин, Алешковский, 1971. С. 41),

причем В. Л. Янин в вопросительной форме допускал переселение жителей «покинутого» Городища-Холмъгорода на территорию будущего Славна, под которым понимался Славенский конец в целом (Янин, 1982а. С. 83, 87). Однако В. Л. Янин, задав вопрос, оставил читателей в неведении относительно времени такого переселения и, следовательно, запустения Городища.

Этот вопрос, по существу риторический, превратился в гипотезу, нашедшую свое место в трудах других исследователей. Демографический механизм топонимической миграции, связанный с предполагаемым переселением обитателей Городища на территорию будущего Славенского конца, куда был перенесен и ставший привычным топоним, был включен Т. Н. Джаксон в свою версию истории. По мнению исследовательницы, к закреплению старого имени на новом месте могло располагать сходство в рельефе покинутого и вновь обживаемого пространства — городищенского холма и *Холма* Славенского. Добавим, что позднее на ментальной карте скандинавского мира это имя распространилось на пространство всего Новгорода (Джаксон, 2012. С. 654). Подчеркнем, однако, что Е. Н. Носов, признав вслед за Т. Н. Джаксон Городище *Холмъгородом*, никогда напрямую не говорил про «переселение» жителей Городища на Славно и, соответственно, не ставил вопрос о дате и конкретных обстоятельствах перенесения топонима (Носов, 2017. С. 119).

Тем неожиданнее прочесть со ссылкой на Е. Н. Носова, что «на Славну в X в. была перенесена основная часть Рюрикового городища, покинутого из-за регресса оз. Ильмень», поскольку в это время «основная часть Рюрикова городища, вследствие регресса оз. Ильмень, перестала функционировать, будучи размытой его водами» (Войтович, 2015. С. 7, 11; следует ссылка на работу: Носов, 1984. С. 3–38, где подобные утверждения отсутствуют). Мы видим лишь одну причину появления такого утверждения. Оно стало спонтанным синтезом различных фактов и предположений, касающихся Новгорода и Городища (упомянутые выше гипотезы В. Л. Янина и Т. Н. Джаксон, уход Рюриковичей с Городища в Киев, подмывание разливами оз. Ильмень дубовых конструкций Городища, построенных без необходимого гидротехнического опыта [ср.: Носов, 2007. С. 35], неподтвержденные догадки об изменении уровня Ильменя и Волхова в X–XI вв.).

Для Е. Н. Носова было характерно другое. Городище X в., особенно второй половины этого

столетия, представлялось ему активно развивающимся поселением, о чем свидетельствует хронология найденных здесь скандинавских украшений и закрытых керамических комплексов. Эти наблюдения ставили под сомнение возможность миграции жителей Городища на Славно в X в. Эпоху «покинутого» Городища исследователь относил к первой половине — середине XI в., о чем свидетельствовало практическое отсутствие комплексов и артефактов этого времени. По мнению Е. Н. Носова, в начале XI в., возможно, около 1014 г., князь Ярослав переносит свою резиденцию с городищенского холма ближе к Торгу, одному из центров новых поселений на берегах Волхова, на окраину славянского Холма, еще свободную от плотной городской застройки, что свидетельствовало о возросшем значении поселков на месте будущего Новгорода. Возникший здесь княжий двор — Ярославово дворище, вторичный по отношению к уже существовавшему Новгороду, стал следствием политического альянса «нарочитых мужей» и князя, поддержавшего сепаратистские стремления новгородцев (Носов и др., 2017. С. 28). Именно здесь как разрешение княжеско-новгородских противоречий принимается эпохальное решение, что Руськая правда, некогда защищавшая права русина, будет распространяться и на словен-славян. Рядом с резиденцией, согласно видению Е. Н. Носова, стали появляться дворы-усадыбы огнищан, дружинников, княжих мужей, в том числе и Поромонь двор, сопоставимый с «домом для дружины», упомянутым в Саге об Эймунде Хрингссоне (см.: Носов, 1990. С. 196; Носов и др., 2017. С. 4; ср.: Джаксон, 2012. С. 309), где могла находиться казарма скандинавских наемников и резиденция северных купцов.

Лишь в последней четверти XI в., возможно около 1088–1089 гг., князь, и не исключено, что им был малолетний Мстислав Владимирович, со своей свитой возвращается обратно на Городище (Носов, 1990. С. 195–198). Об этом свидетельствует целый ряд событий и тенденций: особенности взаимоотношений Новгорода с князьями, начинающих именно в это время приобретать, согласно письменным памятникам, новые характерные формы, начало строительства церкви Благовещения Богородицы на Городище в 1103 г., а также появление на Городище предметов повседневной культуры, характерных для второй половины — конца XI в. и последующего

времени, и княжеских документов, утвержденных свинцовыми печатями, которые можно связать с Рюриковичами этой эпохи. Именно тогда Городище и обретает свое нынешнее имя — «Городище», тогда как в двух километрах к северу от него уже полвека высится новая крепость, Детинец, построенная князем Владимиром Ярославичем в 1044 г. Остается добавить, что гипотеза о перенесении княжого двора с Городища на правый берег Волхова в XI в. не вполне согласуется с другой, связанной с топонимикой, поскольку перенесение Холмъграда на Холм, по логике вещей, должно было состояться много ранее начала этого столетия.

Появление княжого двора в начале XI в. рядом с Торгом, а не на месте будущего Детинца, имело, как полагал Е. Н. Носов, свои веские причины. В эту эпоху каких-либо укреплений на северном холме будущего кремля, где в конце X в. появляются Владычный двор и Софийский собор, не существовало. Здесь не позднее 960-х гг. возникло поселение, о чем свидетельствует обнаружение культурного слоя и деревянных конструкций, которые первоначально были датированы именно этими годами, тогда как южный холм оказывается лишь окраинным районом Людиного конца с регулярной планировкой, включенным в Детинец только в 1116 г. (Носов, 1990. С. 192–193, 195). Таким образом, до 1044 г., когда, согласно младшему списку Новгородской первой летописи, князь Владимир Ярославич «заложил Новгород и сделал его» (НПЛ, 1950. С. 181), никаких укреплений на холмах левого берега Волхова не было. Не существует, по мнению исследователя, и археологических свидетельств о ритуальном использовании этих возвышенностей в дохристианское время.

Итак, наличие мощных фортификаций рассматривалось Е. Н. Носовым как обязательный атрибут княжеской резиденции. Впрочем, воздвигаемая в 1044 г. крепость «Новгород», князь Владимир Ярославич заботился не о себе, а о епископе, который обосновался здесь в конце 980-х гг., когда северная часть кремлевского холма и вышла «на политическую сцену». Владычный двор, дубовый Софийский собор, епископская домовая церковь свв. Иоакима и Анны и Пискупля улица возникают здесь, по мнению исследователя, практически синхронно основанию княжого двора на Торговой стороне. Эти факты в совокупности свидетельствуют о завершении процесса становления в верховьях Волхова нового административного

и экономического центра — Новгорода (Носов, 1995; 1997; Носов и др., 2017. С. 29).

Сделанный вывод имеет непосредственное отношение к общеисторическим представлениям Е. Н. Носова о причинах и обстоятельствах возникновения новых городов в Восточной Европе в конце X — XI в. Не будет преувеличением сказать, что его теорию, сложившуюся, по собственному признанию, не без влияния взглядов Н. Дежевского (ср.: *Dejevsky*, 1977. Р. 391–402), стоит рассматривать как один из важнейших вкладов исследователя в российскую историческую науку. Новые города Восточной Европы стали по преимуществу церковными центрами, противопоставляя себя предшествующим поселениям, прежде всего в области религиозной жизни. В сложении городской структуры «христианский комплекс» (терминологическая находка Е. Н. Носова) как совокупность владычного двора и общегородского храма сыграл особую, если не главную роль (Носов, 1993б). По сути, новые восточноевропейские города явились результатом христианизации и становления Церкви на Руси.

Подведем некоторые итоги. Согласно Е. Н. Носову, новая крепость князя Владимира Ярославича, возведенная в 1044 г., стала финальным событием в появлении Новгорода. Она окружила новый городской центр — «христианский комплекс» средневекового города и «центр церковного управления Северной Руси», построенный напротив княжого двора, появившегося на другом берегу Волхова лет за 30 до этого. Крепость получает свое имя от Нового городка, некогда построенного конунгом Рюриком на Городище. Со временем это имя начинает объединять поселения на обоих берегах Волхова. Одновременно древний Холмъград/*Hólmgarðr*/Новый город на Городищенском холме переживает упадок и превращается в «бывший город». В итоге судьбы топонимов укладываются в явление культурного трансфера. Поскольку первопоселенцами Холмъгорода, где впоследствии возник Новый город скандинава Рюрика, были славяне, то новое название — Новгород — закрепилось в их языковой культуре за всей поселенческой агломерацией истока Волхова. В то же время присущее славянам древнее название центра Северной Руси — Холмъград — осталось жить в скандинавской среде. Такой Е. Н. Носов видел судьбу Городища и Города, места и имени.

Общение с Евгением Николаевичем всегда влекло за собой важные дидактические последствия.

То, что он делал и говорил, ясно давало понять, как надо поступать и как поступать не надо. Е. Н. Носову было присуще чувство методологической упорядоченности аналитических действий как процесса последовательных процедур, приводящих к наиболее вероятному результату. Для него не существовало разделения между письменной и археологической версиями истории, однако Е. Н. Носов определенно придерживался приоритета информации письменных источников, которые надлежало проанализировать изначально. В этом подходе чувствовалась научно-историческая школа. Однако это не превращало его из археолога в историка, пусть и знакомого с археологическим материалом и владеющего искусством его интерпретации. Он определенно был археологом «исторического времени», отразившегося в текстах как памятниках эпохи. В картину прошлого, созданную на основе прочтения исторических текстов и историографических сочинений, Е. Н. Носов умел мастерски вплести мельчайшие штрихи и широкие мазки с открывшейся ему палитры материальной культуры.

В целях очередной и, будем надеяться, не последней попытки распутать историческую связь Новгорода и Городища на современном этапе наших знаний воспользуемся присущими Е. Н. Носову методологическими ценностями, обратимся к известному и перейдем к неизвестному или неочевидному в судьбе обоих поселений. В качестве путеводной нити или проверяемой гипотезы нам будут служить построения и наблюдения Е. Н. Носова, которые мы постарались изложить выше. Сразу предупредим читателя, нацелившегося на историографическую интригу, — в своей основе версия истории, созданная Евгением Николаевичем, полностью верифицируема и способна выдержать проверку «перекрестным допросом» поколений историков.

* * *

Обратимся к известиям письменных памятников. Вопрос происхождения Новгорода в отечественной историографии неразрывно связан с обсуждением этнической принадлежности его первопоселенцев. Уже летописец в начале XII в. пытался согласовать известное ему предание об основании Новгорода князем Рюриком с исторической памятью о славянском расселении в Восточной Европе. Сообщив, что после правления в Ладоге князь «пришед къ Ильмерю и сруби

город надъ Волховом и прозваша и Новъгород и съде ту княжа», он вроде бы нелогично добавляет, что варяги здесь оказались «находниками», тогда как первые «населенцы» в Новгороде были словенями.

Эту версию событий можно прочесть в Ипатьевском, Хлебниковском, Радзивилловском и Московском Академическом списках той части летописи, которую принято называть Повестью временных лет (ПСРЛ, 1908. Стб. 14; 1989. С. 16; ср.: *Ostrowski*, 2003. Р. 105). Приоритет славянских поселенцев перед норманскими признают и другие поздние летописи и своды, однако здесь, начиная с Новгородской первой летописи младшего извода (XV в.), в которой Ладога не упоминается, Рюрик появляется сразу как строитель городка над Волховом (НПЛ, 1950. С. 106, 434, 514). В более ранних списках, например, в Лаврентьевской летописи, в силу дефекта протографа (?) место первой резиденции князя не упомянуто, как и, предположительно, в несохранившемся тексте Троицкой летописи (ПСРЛ, 2001. С. 20; ср.: *Прицелков*, 2002. С. 58).

Необходимо признать, что с точки зрения формальной текстологии преобладающее чтение древнейших списков само по себе не свидетельствует о приоритете ладожской версии (согласно афоризму А. А. Гиппиуса, «текстологическая реконструкция — не демократические выборы»), поскольку правильное понимание истории текста зависит от реконструкции генеалогии списков (*Гиппиус*, 2007). Однако и в этом случае из трех гипотетических протографов — соответственно для Лаврентьевского и Троицкого, Ипатьевского и Хлебниковского, Радзивилловского и Московского Академического списков — два определенно свидетельствуют в пользу ладожского старшинства, а один не свидетельствует ни о чем.

Однако спор о первичности «ладожской» или «новгородской» версии для летописания Восточной Европы начался и продолжается (*Бугославский*, 2006. С. 41–42; *Алешковский*, 2015. С. 227–229; *Мюллер*, 2000. С. 173–175; *Мачинский*, 2002; *Гиппиус*, 2007; *Вилкул*, 2008; см. также дискуссию в: *Творогов*, 1997), хотя даже безусловные сторонники гипотезы А. А. Шахматова об отражении в Новгородской летописи Начального свода признают, что «ладожская версия» в свете бесспорного хронологического приоритета поселения в низовьях Волхова, представляется исторически более достоверной. В этой ситуации дискуссия лишается содержательного смысла и превращается в игры

лингвистического разума во имя решения весьма технической проблемы. Гипотетические выводы, полученные при ее решении, не могут быть корректно положены в основу изучения исторического процесса. Вследствие этого историки покидают дискуссионную площадку, а «ладожская версия» превращается в *consensus partum* современной историографии (ср.: *Добровольский*, 2008; *Ostrowski*, 2008).

Однако экскурсы в споры о летописи представляются поучительными, чтобы понять, в какой мере абсолютизация построений историков способна подменить саму историю, если в эти построения не вовлечен корректный анализ постоянно обновляемых археологических свидетельств. В полной мере это относится к судьбе Рюрикова городища. Современная историография отмечена целым рядом попыток приписать ему чуждые функции или отменить сам факт существования Городища и Новгорода в IX–X вв. с помощью гипотез, причудливо соединяющих разновременные и разнохарактерные прочтения разнообразных текстов.

Так, продолжаются настойчивые попытки превратить Городище в столицу «Русьского каганата» (*Франклин, Шепард*, 2009. С. 94; ср.: *Franklin, Shepard*, 1996), хотя существование у вождя русов титула «каган» является лишь одной из возможных интерпретаций известных текстов, да и существование титула еще не гарантирует существования государственного образования «каганат» (ср.: *Garipzanov*, 2006; *Kolditz*, 2017).

Изначальной осторожностью Е. Н. Носова следует вдохновляться и при отождествлении Городища с упоминаемым в сочинении Константина Багрянородного Νεμοῦαρδάς (ср.: *Носов*, 1990. С. 193–194; *Носов*, 1995. С. 11–13 и *Носов и др.*, 2017. С. 30), где сидел Святослав, сын архонта русов Игоря, и откуда в Киев снаряжались монохилы (*Константин Багрянородный*, 1989. С. 44–45). Пожалуй, впервые это «историческое уравнение» в его полном виде сформулировал Д. А. Мачинский, отождествивший *Hólmgarðr, Νεμοῦαρδάς*, «остров русов» арабских источников, Рюриково городище как ипостась раннего Новгорода и «внешнюю Русь», вновь известную благодаря сочинению Константина (*Мачинский*, 1984; 2009. С. 495).

Однако, по изящной оценке А. В. Назаренко, «судьба “внешней Руси” сложилась не вполне удачно», поскольку воображение исследователей было приковано к «верховским» и «низовским» землям позднесредневековой России. В этом

воображении Новгород противопоставлялся Киевской земле, как «внешняя Русь» подразумеваемой «Руси внутренней». Нельзя не признать, пишет автор, что вследствие бесспорной двусоставности древнерусского государства, возникшего в результате объединения новгородского севера и киевского юга, такая дихотомия обладает «высокой степенью психологической убедительности», но «одна беда — у Константина написано другое» (Назаренко, 2009. С. 419). По его мнению, внешняя Русь византийцев — это земли вокруг Киева как резиденция архонтов Руси, Руськая земля как таковая, сосредоточенная в Среднем Поднепровье (в этом случае российская историография предпочитает говорить об «узком» смысле такого понятия, см.: Насонов, 1951; хотя «широкий смысл» оказывается лишь историографическим фантазмом, ср.: Мусин, 2018а), население которой состояло с этими архонтами в даннических отношениях (ср. сомнения других исследователей в локализации *Νεμουαρδάς* на севере Восточной Европы: Ляскоронский, 1913. С. 232–235; Пархоменко, 1924. С. 34; Бернштейн-Коган, 1950. С. 240).

Однако скепсис в отношении тождественности Новгорода и *Νεμουαρδάς* не может быть предлогом для появления новых неправдоподобностей в историографии. Недавно Ю. Дыба выдвинул гипотезу, что Новгорода, как поселения в истоках Волхова, не существовало до строительства здесь укрепления в 1044 г. Ранние упоминания Новгорода в летописи должны относиться не к Рюрикову городищу, которое не могло называться Новгородом, а к городу Владимиру на Волыни, который изначально носил имя Новгород и лишь в конце X в. получил новое название от князя Владимира. Такая географическая метаморфоза понадобилась автору, дабы обосновать собственную локализацию «малой родины» крестителя Руси. Будутина весь, или Будотино село, где, согласно поздним летописям, родился князь Владимир (ПСРЛ, 2000. С. 35; 1982. С. 60), отождествляется им с современным селом Будятичи (Иваничевский район, Волынская область, Украина) в 20 км от Владимира (здесь и далее см. серию публикаций: Дыба, 2011а; 2011б; 2013а; 2013б; 2014. С. 208–305; 2015а; 2015б; 2016, 2017а; 2017б).

Автор во многом воспользовался догадками и домыслами А. А. Шахматова, как и прочих предшественников, легко пристраивая друг к другу разнящиеся по ценности тексты и мнения. Напомним, что исследователь летописи усомнился

в достоверности сообщения 947 г. о походе княгини Ольги на Мсту и Лугу с целью установления погостов и даней, предположив, что новгородский летописец отождествил Древлянскую землю, о которой речь шла в предшествующих статьях, с Деревской землей (Шахматов, 2002. С. 129–130; автор лишь допускает иные границы Деревской земли в XV–XVI вв., обходя вопрос о самой возможности существования этого хоронима в XI в.). Следуя «логике Шахматова», Ю. Дыба перенес события 947 г. на юго-запад Восточной Европы, отождествив р. Луга с волынской р. Луг, на которой и стоит город Владимир, а «помысть» прочитал, вновь пользуясь старыми гипотезами, не как название реки Мста, а как «после мести» (ср.: Никитин, 2001. С. 30, 221), то есть «древлянской мести» княгини Ольги в 946 г.

Пытаясь дополнительно обосновать свою локализацию, автор напомнил, что Будятичи располагаются в 5 км от села Низкиничи. Здесь он воспользовался уже откровенной мифологией А. А. Шахматова, согласно которой *dux Drewlyanorum Niszkina (Miskina)*, которого Ян Длугош в XV в. называет главой восстания древлян против Аскольда и Дира, отождествляется с древлянским князем Малом, тот в свою очередь — с Мстишей-Мстиславом-Лютом, сыном воеводы Свенельда, и все вместе — с Малком Любечаниным, отцом Малуши, матери Владимира (Шахматов, 1908. С. 82–91; 2002. С. 239–257; ср. Прозоровский, 1864). В результате позднесредневековые Низкиничи превращаются в родовое владение семейства Нишкини-Малка, куда Малуша, беременная Владимиром, была сослана княгиней Ольгой.

Напомним, что на лингвистическую близость омонима и топонима указывали еще А. В. Соловьев (Соловьев, 1941) и А. Поппэ (Поппэ, 1974), однако профессионализм не позволил исследователям связать их исторической связью. Для убедительности был привлечен авторитет М. С. Грушевского, некогда мельком обратившего внимание на аристократический род Киселей из Низкиничей, создавших себе легендарную генеалогию, восходящую к киевскому воеводе Святольду (Свенельду?) (Грушевский, 1991. С. 438–439). Было использовано и не находящее объяснения прозвище Малка Любечанина, которое дал ему Сигизмунд Герберштейн — *Calufcza*. Оно было сопоставлено с топонимом нового времени *Kalusów* в той же части Волыни (Калуси, совр. Гряды). Ради окончательного закрепления «Новгорода X в.»

в этом регионе были также использованы европейская картография XVI в., помещавшая с трудом идентифицируемый город *Novuogardia* в центральной части правобережной Украины, а также местная топонимика, бесосновательно рассматриваемая автором как «варяго-русская» (Дуба, 2014. С. 78–80, 97–107; 2015б).

Оставив лингвистам оценивать возможность замены Мсты на «месть», отметим лишь, что подобные построения, комбинирующие допущения и вымыслы предшественников и пренебрегающие спецификой анализа разновременных и разнохарактерных источников — письменных, историографических, генеалогических, картографических, топонимических — грубо нарушают процедуру исторического исследования. Это приводит к неизбежным «архитектурным» ошибкам в проектировании и построении исторической конструкции. Дополнительно следует сказать, что локализация анклава Рюриковичей на западной Волыни в середине X в. противоречит археологическим данным об экспансии русов в Восточной Европе (Мусин, 2018б).

В попытке отождествить *Hólmgarðr*, упоминаемый в связи с событиями IX–X вв., не с Новгородом, а с Гнёздово, был замечен Л. Войтович. Он предположил, что *Hólmgarðr* как крупный и богатый населенный пункт должен был быть хорошо известен скандинавам, проникавшим в это время в Восточную Европу по Западной Двине, еще в IX в., то есть до появления Новгорода. Таким пунктом и стало Гнёздово (Войтович, 2015), с чем вряд ли согласятся как археологи, не зафиксировавшие здесь «богатого поселения» в IX в., так и исследователи древнесеверной литературы, характеризующейся традиционностью географических локализаций.

Закончив обзор новых и старых посягательств на судьбу Городища и признав Ладогу первой резиденцией Рюрика, на что могут дополнительно указывать особые права Рюриковичей на этот город в XI–XII вв. (см. подробнее в работе: Мусин, 2002б; 2010б), подчеркнем, что для нашего исследования важно сохранение в исторической памяти древнерусского общества следующей цепочки событий, отразившейся в летописании. Согласно летописи, «город над Волховом», построенный Рюриком и названный Новгородом, оказывается вторичен по отношению к существовавшему здесь ранее славянскому поселению, которое могло располагаться на городищенском холме и

носить имя Холмъград. Строительство на городищенском холме мощного деревянно-земляного укрепления происходит не позднее, как теперь ясно, третьей четверти IX в., что указывает на *terminus post quem* для появления нового топонима. Очевидно, что свое имя город Рюрика получает от окрестного славянского населения Приильменя, с которым у князя складываются даннические, союзнические или договорные отношения. Возможно, это население непосредственно участвовало в сооружении крепости Новгород. Именно это имя будет использовано летописью, когда на обоих берегах Волхова появится поселение урбанистического типа, также получившее имя Новгород и существующее до сих пор.

Остается добавить, что распространенное убеждение исследователей в появлении названия Новгород только в 1044 г. в связи со строительством детинца на северном холме будущего кремля не основывается на обязательном прочтении источника. Летописная формула 6552 г. «а весну же Володимиръ заложи Новъгород и сдъла его» (НПЛ, 1950. С. 181) не может однозначно свидетельствовать, что такого топонима ранее не существовало. Стоит принять во внимание, что в русском языке с эпохи средневековья отсутствовало четкое различие между городом как укрепленным поселением и городом как поселением урбанистического типа, присущее другим славянским языкам (ср.: укр. — місто/город, пол. — miasto/gród, чеш. — město/hrad). В связи с этим ученое представление, что термин «городище» в обязательном порядке обозначал место, где был город, в настоящее время не существующий, не вполне верно. Это значение термина определенно фиксируется в текстах конца XIII — XIV в., однако как ранее, так и позднее сам термин вполне соотносим с функционирующим большим и богатым поселением и даже большим городом (*oppida*) (ср.: Срезневский, 1989. С. 555; Мурзаев, 1984. С. 133). Именно таким поселением, судя по всему, и представлялся новгородцам городищенский холм.

Несомненно, изложенное выше — прежде всего научная гипотеза, находящая косвенную опору в летописи и рассчитанная на рецепцию научным сообществом. Нельзя исключить и иную вероятность, связанную с инертностью исторического мышления в области топонимики и этногеографии, в силу которой общество перенесло привычный ему топоним на существовавшее ранее в той же местности поселение. Подобным образом

в библейской книге Бытия родиной Авраама назван Ур Халдейский (Бытие 11 : 31), хотя между эпохой Авраама и появлением на исторической сцене семитских племен касдим прошло без малого тысячелетие. Однако этот анахронизм не интересовал библейского писца VI в. до н. э., для которого Ур уже прочно ассоциировался с халдеями...

* * *

Перейдем от письменных памятников к памятникам археологии. В свое время Е. Н. Носов считал важным археологически установить, «возникли ли первые укрепления на Городище лишь в середине IX в. или они уже существовали к тому времени» (Носов, 1990. С. 191). Если выяснение характера укреплений, непосредственно предшествовавших середине IX в., требует дополнительных исследований, то культурный слой поселения на городищенском холме, возможно с эскарпированным склоном в северной части, который Е. Н. Носов предчувствовал, руководствуясь мозаикой отдельных артефактов, был открыт исследованиями 2015 г. (Носов и др., 2016; Еремеев, Носов, 2018). Теперь исследователь формулировал научные задачи иначе: «важнейшей задачей археологии ближайших лет будут являться поиски доказательств достаточно продолжительного существования Холмъгарда до строительства крепости Рюрика» (Носов, 2017. С. 119).

С большой степенью вероятности предшествующее поселение с лепной керамикой и даже появление элементов укреплений могут быть датированы VIII — первой половиной IX в. (Носов и др., 2017. С. 12). Впрочем, в ходе интерпретации материалов раскопок на Городище в 2015–2016 гг. появилось мнение о многослойности памятника и возникновении здесь уже в середине VII в. круглого городища с эскарпированным склоном, аналогичного Хотомели (Беларусь), а в Приильменьи — Городку на Маяте и Броннице. Городища такого типа в регионе могли появляться в результате миграции населения из Верхнего Поднепровья или Двинско-Неманского междуречья (Еремеев, 2019. С. 67–92)². Представляется, однако, что это мнение

нуждается в дополнительной верификации в силу большого числа допущений (среди них — разрушение большей части городищенского холма в позднем средневековье) и относительности имеющихся радиоуглеродных дат, которые принципиально не дифференцируются в соответствии с выделяемыми археологическими слоями, предшествующими появлению укреплений IX в. Важную роль здесь должен сыграть исчерпывающий послойный анализ керамического комплекса.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что тенденция превращения Городища в «многослойную российскую Троицу» хорошо соответствует современной историографической ситуации, стремящейся отыскать «славянскую Атлантиду» на Северо-Западе России и в определенной мере отражающей ситуацию общественную. Она характеризуется попытками удревнить колонизацию региона славянами и возвести ее по крайней мере к третьей четверти I тыс. н. э., разведя во времени с проникновением скандинавов в Восточную Европу (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 417; Еремеев, 2015. С. 55; Platonova, 2016). Однако состояние источниковой базы, фиксирующей сегодня гораздо более динамичную и мозаичную картину развития местных культур третьей четверти I тыс. н. э., чем это казалось предшествующему поколению археологов, на наш взгляд, не позволяет рассчитывать на такие выводы, в том числе и в силу отсутствия формального сходства и преемства между культурными следами этой эпохи с достоверно славянскими культурными реалиями эпохи формирования Новгородской земли (см.: Musin, 2020).

Если хронологические рамки предыстории Городища остаются невыясненными, то его история определенно начинается со строительства укреплений, традиционно именуемых валом и рвом, трасса которых уточнилась за время исследований, несколько сместившись к северу (ср.: Носов, 1990. С. 152, рис. 59; Носов, Хвоцинская, 2018. С. 144, рис. 1; ср.: Носов, Хвоцинская, 2019а), хотя, возможно, укрепления представляли собой более сложную деревянно-земляную конструкцию (ср.: Носов, 2007. С. 35; Михайлов, 2010; 2012), возникшую, как возможно предположить после исследований 2015–2016 гг., с учетом рельефа местности. Появлению и существованию укреплений соответствует концентрация культурных признаков и социальных маркеров (скандинавская фибула типа Вальста, предположительно происходящая с Городища, достоверно найденные здесь четыре

² Ср. доклад ст. науч. сотр. ИИМК РАН канд. ист. наук И. И. Еремеева «Планиграфия и хронология древнейших этапов жизни Рюрикова городища по материалам исследований 2013–2016 гг.» 31 октября 2019 г., Первый Петербургский международный исторический форум, секция «Историческая археология».

монеты императора Феофила [829–842 гг.], причем одна из них происходит из комплекса с лепной керамикой, милиарисий византийского императора Василия I [867–886 гг.] и медная «херсоно-византийская монета», относимая к его же правлению, возможно — печать доместика Льва из коллекции Н. П. Лихачева), приходящихся на вторую половину IX в. и фиксирующих меридиональный характер связей местной общины (Носов, 1990. С. 94, 101, 148; Амброзиани и др., 1994; Носов, Хвоцинская, 2004; Булгакова, 2010; Мусин, 2010а; Носов и др., 2012. С. 59, 60; Носов и др., 2017. С. 24, 25, 129, 256; ср. в целом верные наблюдения о хронологии хождения фолисов византийских императоров в Восточной Европе, не учитывающие, однако, специфику обращения «херсоно-византийских» монет: Шевцов, 2017; 2018). К этому времени можно отнести единичные закрытые поселенческие комплексы в центральной части Городища, в которых могут сочетаться лепная керамика и византийские фолисы (№ 23, 1981–1983 гг.; см.: Носов, 1990. С. 101).

Одним из важнейших инструментов в изучении дальнейшей истории Городища может стать «горизонтальная хронология» памятника, то есть установление времени жилого или производственного освоения различных топографических участков («кварталов») и их запустения, намеченная в исследованиях Е. Н. Носова.

Известно, что в 890-е гг. фортификационные сооружения, построенные лишь за треть столетия перед тем, утрачивают свои функции. В их южной части на запыляющем склоне рва возникает хозяйственная зона и появляются глинобитные хлебные печи. Всего на Городище известно восемь печей, из которых шесть были открыты в низине под южным склоном холма (пять — в 1977–1979 гг., одна — в 2018 г.), где в анаэробном слое сохранились деревянные конструкции, позволяющие датировать объекты с помощью дендрохронологического анализа; остатки еще двух печей без сохранившихся деревянных элементов были исследованы выше по склону холма в 2006–2010 гг. (Носов, 1990. С. 51–59; Носов и др., 2017. С. 13–14, 84–103; Носов, Хвоцинская, 2019б).

Существующая дендрощкала Городища (Черных, 1996. С. 92–97) позволяет заключить, что время возникновения самой ранней срубной постройки с печью, исследованной в 1977–1979 гг. — 90-е гг. IX в. (дендродаты 889, 896 и 897 гг.).

Сооружение обновляли в 905 г., после чего печь была заброшена, а участок временно опустел. Новый комплекс с печью по соседству возводится в 910-х гг., а для сооружения его деревянных конструкций использовались бревна с дендродатами 902–911 гг. (Носов, 1990. С. 51–55; Носов и др., 2017. С. 24). Как долго печь использовалась после этого — не ясно, однако она погибла в пожаре. Еще одна постройка с плетеными стенами и печью («печь в плетеном дворике»), открытая в те же годы на том же участке, строится из бревен, срубленных в 900–907 гг. (Носов, 1990. С. 57–58). Продолжительность ее функционирования установить затруднительно. Для сооружения обкладки еще одной печи, открытой на том же участке много позже, в 2018 г., использовались бревна 908 г.³ (ср.: Носов, Хвоцинская, 2019б. С. 124). Все печи в 910-х гг. могли использоваться синхронно. Однако позднее, в 920–930-е гг., они, как кажется, не возобновлялись.

Во второй половине 1970-х гг. была исследована еще одна печь, которая функционировала позднее, будучи возведенной на месте старой «печи в плетеном дворике» после того, как здесь сформировался культурный слой. Для ее сооружения использовались бревна с датой 944 г. (см.: Черных, 1996. С. 95; ср.: Носов, 1990. С. 58; Носов, Хвоцинская, 2019б. С. 123). В первые десятилетия после середины X в., когда «плетеного дворика» уже не существовало, на этом месте сооружается новая печь (Носов, 1990. С. 58). Позднее, в период 960-х гг. — 979 г., на этом участке вновь наблюдается запустение, засвидетельствованное развалами всех печей, которые уже не использовались (Горюнова, 2005. С. 90).

Однако примерно в то же время в 100 м к северу от печей у южного склона холма существовали еще две печи подобной конструкции, сооруженные на склоне рва. Развалы печей были исследованы в 2006–2010 гг. (кв. 93–94, 99; Носов и др., 2017. С. 99; ср.: Носов, Хвоцинская, 2019б. С. 126–127). Стратиграфия комплексов может указывать на то, что печи возводились последовательно, однако одновременность их функционирования очевидна (Носов и др., 2017. С. 100, 101, рис. 39, 40, ил. 24, 25). Дата черного слоя, который связан с линзой разрушения этих печей, согласно наблюдениям В. М. Горюновой, основанным

³ Дендрохронологический анализ деревянных конструкций печи выполнен О. А. Тарабардиной.

на соотношении разных типов керамики, не выходит за пределы третьей четверти X в. Таким образом, время существования печей относится как раз к периоду запустения нижнего «печного квартала», когда керамические формы с вертикальным венчиком и валиком еще не появились в быту (ср.: Горюнова, 2005. С. 99). Впрочем, нельзя до конца исключить и некоторое смещение даты к последней трети X в., особенно для второй печи, которую предлагается датировать более широко — второй половиной X в.

Исследователи Рюрикова городища отмечают, что печи, сменявшие друг друга в конце IX — третьей четверти X в. и предназначенные для выпечки хлеба для большого коллектива, являются частью бытовой зарисовки жизни княжого двора и проживавшей здесь дружины (Носов, Хвоцинская, 2019б. С. 130). На данном этапе исследования возможно отметить некоторые особенности хронологии использования печей, нуждающиеся в интерпретации.

Прежде всего представляется, что можно вести речь о временном перерыве в возобновлении и даже функционировании ранних печей в 910–930-х гг. Это может объясняться как износом печей, так и ограничением производства в результате снижения активности жизни на поселении, последовавшего непосредственно за разрушением системы укреплений, которые уже в конце IX в. утратили свои оборонительные функции и более не возобновлялись.

Стоит обратить внимание и на смещение «печного квартала» к вершине холма в третьей четверти X в. Это могло быть связано с реструктуризацией топографии поселения или даже с сокращением его площади. Предположительно, прекращение использования печей в последней четверти X в. было связано с сокращением местной общины и/или изменением функции поселения и предшествовало периоду запустения Городища в XI в.

В уточнении хронологии Городища важную роль играют «стратиграфические раскопы» 1977–1979 гг. и 1997–2000 гг. у южного склона холма. Разделение зафиксированных здесь культурных отложений на пласты было предпринято в связи с изучением керамических типов, известных на поселении в X в. (см.: Горюнова, 2005. С. 90–94). Эти наблюдения подтверждают непрерывность использования этого участка поселения начиная с рубежа IX–X вв. до рубежа X–XI вв., что, на наш взгляд, не исключает разной степени поселенческой

активности в разные периоды. Так, 6-й пласт раскопа 1977–1979 гг. (рубеж IX–X вв. — 930-е гг.) представляется менее выраженным по своей материальной культуре, чем 5-й пласт (930/940—950 гг.). Не вдаваясь в детальную характеристику вещевого комплекса периода, связанного с пластом 6, отметим лишь немногочисленность представленных здесь керамических форм, а также тот факт, что его окончание характеризуется прекращением деятельности печей. Однако в эпоху формирования пласта 5, которая вновь не отмечена активным появлением новых типов керамики, на этом участке строятся мостки (после 931 г.) и обновляется уже известная нам печь (см.: Носов, 1990. С. 58; ср.: Носов и др., 2017. С. 231). После «первых десятилетий после середины X в.» (4-й пласт, 950–960-е гг. ?) наступает уже упоминавшееся запустение участка с печами, о котором речь шла выше, соответствующее 3-му пласту (960-е гг. — 979 г.)⁴. Если начало последующего периода, синхронного 2–1-м пластам (980-е гг. — конец X — начало XI в.), отмечено строительной активностью на этом участке (после 979 г.?) и появлением новых относительно многочисленных форм керамики, то его окончание вновь, судя по археологическому материалу, позволяет поставить вопрос о снижении активности и изменении характера жизнедеятельности на этом участке поселения.

Раскопы 1975, 1993–1996 и 1997–2003 гг., также стратифицируемые, не дают надежных оснований для датировки пластов (Горюнова, 2005. С. 91–94). Однако анализ археологических материалов раскопов на берегах Сиверсова канала (1993–1996 гг.), расположенных к югу и востоку от исследованных зон, дают в целом синхронную картину развития этих участков. Они начинают использоваться практически одновременно, в 920–930-е гг., а в 930-е гг. на одном из участков фиксируется строительство дома. Начало существования поселения на участках датируется на основании анализа лепной керамики и синхронизации

⁴ Дендродата 979 г. связана со столбом от сгоревшей постройки, впущенным в слой из верхних напластований. В силу этого она оказывается несколько условной, несмотря на наблюдение, что столб был вкопан «с уровня границы черного и коричневого слоев», связанных с границей пластов (Горюнова, 2005. С. 90, примечание 8). Однако в целом эта дата верифицируется наблюдениями за развитием керамического комплекса поселения, основанных на процентном соотношении типов керамики.

находок из нижнего горизонта культурного слоя (темно-коричневого гумуса) с материалами Старой Ладоги. Битрапециоидные с граненым пояском бусы, свинцовые пряслица, шарообразные и четырнадцатигранные хрустальные бусы и гребни II группы по типологии О. И. Давидан не встречены там ранее 930-х гг. (Носов и др., 2017. С. 176, 209, 213, 231, 240). Было бы логично предположить, что освоение соседних участков, исследованных на южном берегу Сиверсова канала в 1975, 1979 и 1980 гг., происходит в это же время, однако подтверждение этого предположения возможно лишь в процессе анализа выявленной здесь материальной культуры.

Интенсификация жизни на Городище в 930-е гг. предшествует его расцвету во второй половине X в. Этот процесс находит отражение в увеличении закрытых комплексов, в том числе ремесленных, хронология которых устанавливается по соотношению керамических материалов, и в находках многочисленных предметов скандинавской культуры, прежде всего фибул разных типов (овальные [например, JP-51], подковообразные с многогранными или спиральными головками), подвесок, в том числе и с рунической надписью, и предметов языческого культа (Янссон, 1999; Хвоцинская, 1999; 2007; Мусин, 2012; Дорофеева, 2016а; 2016б; Носов и др., 2017. С. 213, 235, 241).

В центральной части холма, ближе к Волхову, располагалась, очевидно, жилая зона. Раскопками 2011–2012 гг. здесь выявлена максимальная концентрация дирхамов по сравнению с другими участками Городища, свидетельствующая о высоком социально-экономическом статусе проживавших здесь лиц — носителей скандинавской материальной культуры (Носов и др., 2017. С. 126–129; ср.: Гомзин, 2018. С. 28–29).

К северо-востоку от нее, вблизи рва, с его внешней стороны, располагались ремесленные мастерские (Носов, Хвоцинская, 2010). Комплексы с исключительно лепной керамикой, которые можно отнести к первой трети X в., здесь единичны, хотя среди них встречаются достаточно выразительные следы северной культуры, например, почти полные комплекты глиняных грузил для вертикального ткацкого станка, но связанные с ними находки керамики нуждаются в дополнительном анализе (№ 72, 2005–2010 гг.; Носов и др., 2017. С. 75; ср.: Дорофеева, Михайлов, 2019).

Следы литейной мастерской, работавшей с оловянистыми сплавами и изготовлявшей трапецие-

видные подвески славянской традиции, были открыты вблизи рва под северным компартиментом церкви Благовещения Богородицы. Авторы раскопок отнесли появление мастерской к 920–930 гг., хотя основания для такой хронологии из предварительной публикации материалов неочевидны (Кудрявцев, Андриенко, 2018; 2019; ср.: Щеглова, 2009. Табл. II). Мастерские второй половины — последней четверти X в. в этой зоне, в том числе и бронзолитейные, датируются на основании соотношения находок фрагментов раннегончарной и кружальной керамики (Носов, Хвоцинская, 2010; Носов и др., 2017. С. 69–81, 153, 159, 160). Эта ремесленная активность маркирует пик жизни Городища накануне предстоящего запустения, выразившегося в отсутствии материалов XI в.

Таким образом, в истории Городища середины IX — конца X в. можно выделить несколько этапов. После строительства укреплений в третьей четверти IX в. в конце того же столетия наблюдается снижение жизненной активности поселения, выразившееся, прежде всего, в деструкции оборонительных сооружений. Строительство печей в 890–910 гг. не противоречит этому наблюдению, а отражает, по нашему мнению, изменения социальных функций поселения. Если крепость, очевидно, служила средством политической репрезентации, то строительство печей отражало пребывание здесь крупного коллектива, обеспечивающего реальную политику взаимоотношений с местным населением. Однако тенденция, связанная с падением жизненной активности, начавшаяся с упадка фортификации, получила продолжение в 910–920 гг. в связи с прекращением деятельности печей. Этот период определенно соответствует перемещению политического центра Руси Рюриковичей в Среднее Поднепровье.

Со второй четверти X в. на Городище наблюдается экономический и культурный подъем, надежно фиксируемый освоением новых участков и богатой материальной культурой второй половины X в. Однако в последней четверти — конце этого столетия можно наблюдать разрушение хлебных печей. Это может указывать, на наш взгляд, на численное сокращение общины, что предшествовало последующему упадку и запустению всего поселения. Материалов XI в., вплоть до конца этого столетия, на Городище практически не обнаружено.

Одновременно свидетельства активного развития жизни на поселении во второй четверти —

конце X в., как кажется, исключают «размыв городищенского холма» и переселение его обитателей на территорию будущего Новгорода в это время в соответствии с расхожими мнениями, циркулирующими в историографии. Однако именно в этом столетии между Городищем и формирующимися поселками на месте Новгорода, по нашему мнению, возникают стабильные социально-политические отношения.

Прежде всего, выделяемые нами этапы жизни на Городище хорошо синхронизируются с историей Новгорода, известной по данным археологии. Начавшаяся не позднее 930-х гг. новая жизнь Городища совпадает с возникновением поселений на левом берегу Волхова. Именно в 930–940-е гг. первые постройки, датированные дендрохронологически, появляются практически одновременно как на месте Неревского и Людина концов, так и на Софийском холме будущего кремля, где первые конструкции относятся не к 960-м гг., как полагали раньше, а к 940-м (*Урьева, Черных, 1995; Фараджева и др., 2014; Тарабардина, 2018*).

Более того, несмотря на невозможность анализа материалов из раскопок 1938–1940 гг. в южной части кремля, есть все основания полагать, что поселение здесь также появляется ко второй половине X в., как и на соседних участках вдоль реки. На одновременность освоения южной части кремля и территории, исследованной на Троицком раскопе, в свое время указал А. В. Плохов, выявивший в коллекции Новгородского государственного музея лепной ребристый горшок с остатками смолистого вещества, уверенно идентифицируемый с одной из находок, описанной авторами раскопок тех лет. Эта находка, как и фрагменты лепной керамики, обнаруженные во время исследований между Покровской и Златоустовской башнями кремля, определенно относятся к указанному времени (*Плохов, 2009. С. 420, 423, рис. 9, 1, 3; ср.: Строков, Богусевич, 1940. С. 16; см. также: Гусаков, 1992. С. 12*).

Дополнительно в качестве своеобразного хронологического индикатора может быть использована находка кожаного кошелька с набором из 20 гирек, миниатюрными бронзовыми чашками для весов диаметром 45 мм и бронзовой имитацией дирхама Ахмада II ибн Исмаила (907–914), происходящая из-под уличного или дворового настила. Набор артефактов считался характерным для первой половины XI в. (*Строков и др., 1939. С. 15; Монгайт, 1951. С. 134; Трояновский и*

др., 2003), однако мнение о его более ранней датировке второй половиной — концом X в. (*Янин, 1956. С. 174–176*) недавно получило дополнительное подтверждение. Миниатюрные чашки весов в надежно датированных комплексах после рубежа X–XI в. до сих пор не встречены (*Жуковский, 2017. С. 151–154*). Это наблюдение может косвенно указать на время депозиции комплекса и подчеркивает связь местных жителей с культурными реалиями второй половины X в.

Новый расцвет жизни на Городище и появление Новгорода в 930-е гг. происходят одновременно с прекращением жизни на некоторых поселениях будущей Новгородской земли — Городок на Маяте, городище на Сяси, агломерация при слиянии рек Мста и Белая, Передольский погост (*Еремеев, Дзюба, 2010. С. 417; Богуславский, 2003/2004; Носов, Конецкий, 1995; Платонова и др., 2007*), а также с появлением новых: например, Городка на Ловати и Городка на Шелони (*Плохов, Торопов, 2013; Горюнова, 2016*). Таким образом, перед нами эпизоды глобального процесса, связанного, как можно предположить, с формированием «империи Рюриковичей» на территории будущей Новгородской земли. Каково место формирующегося Новгорода и роль возрождающегося Городища в этих событиях?

Для верного понимания взаимоотношений Новгорода и Городища в X в. стоит пересмотреть некоторые стереотипы новгородской историографии. Здесь известен ряд гипотез, так или иначе влияющих на построения историков. Среди них возникновение Новгорода в 950-х гг. в связи с политической деятельностью княгини Ольги, изначальная оппозиция княжеского Городища и боярского Новгорода, выросшего из поселков славянской племенной аристократии, экстерриториальность князя и его двора по отношению к городу и детинцу или же, наоборот, безраздельная власть князя на городом и его жителями на основе княжого права, обязательность мощных укреплений для княжеской резиденции, магия имени князя Ярослава в судьбе княжого двора... Современный этап изучения Новгорода связан с утверждением новых подходов к социальной истории и топографии города, основанных на переоценке как роли местных общин, так и княжеской власти в этих процессах.

Стоит обратить внимание на тот факт, что археологические исследования выявили на северном и южном холмах будущего кремля вполне

бытовой характер культурных напластований второй половины X в. Однако в конце X — начале XI в. при активном участии княжеской власти здесь появляются городская собор, епископская резиденция и княжеская крепость. Это определенно свидетельствует о праве князя распоряжаться этими рельефными доминантами и заставляет нас заново поставить вопрос о связи территории будущего кремля с княжеской властью в Новгороде и даже шире — о роли князя в возникновении Новгорода.

Сегодня гипотезе В. Л. Янина об изначально боярском Новгороде — главном городском центре на земле словенских патронимий, который формировался в условиях отсутствия на его территории княжеской резиденции (Янин, 1982а; ср.: Флоря, 2012. С. 3, 9; ср.: Флоря, 2015), противостоит теория «княжого права» (ср.: Пресняков, 1993. С. 399–404), согласно которой высшая власть в Новгороде X в. принадлежала киевским князьям на том основании, что народная инициатива и «племенные» собрания не всегда упоминаются летописью в связи со сменой княжеской власти (Лукин, 2014. С. 60, 69, 70).

Несмотря на, казалось бы, новое звучание дискуссии, она продолжает определяться антагонизмом княжеской и земской теорий происхождения Российского государства. Обе теории основываются на славянской идентичности местного населения, даже если термин «племя» сегодня принято брать в кавычки. Не задаваясь вопросом об изначальном характере отношений между жителями Ильменского Поозерья и Рюриком, которые, согласно летописи, основывались на договоре, отметим, что среди первопоселенцев Новгорода уже в 930-х гг. определенно были лица, практиковавшие скандинавские языческие культы (Мусин, Тарабардина, 2019). В них вряд ли стоит видеть славянских прозелитов. Возникшая здесь раннегородская община не может быть идентифицирована со славинией. Ее отношения с князем выходили за рамки традиции и определялись не идентичностью, а системой ценностей, складывавшейся в процессе возникновения и развития нового социума.

К таким ценностям определенно относились мир и правда, занимавшие важное место в летописании. Параллельное существование Новгорода и Городища на протяжении большей части X в. могло свидетельствовать о потребности раннегородской общины в князе как гаранте суда и защиты

(ср.: Мусин, Тарабардина, 2019. С. 778; Петрухин, 2018. С. 464, 469–470), а отнюдь не о создании княжеской властью нового поселения для своих подданных. Это не позволяет утверждать изначальность княжеского суверенитета или княжеской собственности, о которой мы имеем самые смутные представления, на территории новых поселений. И то и другое складывалось постепенно. Исторический процесс предполагал взаимное согласование интересов. В силу этого формирование и функционирование власти князя в раннем средневековье следует признать в значительной степени ситуативными.

Обратимся к исторической памяти, зафиксированной в летописи, и материальным свидетельствам. На северном холме оборонительные сооружения, связанные с князем, определенно появляются лишь в 1040-х гг., в чем согласуются письменные и археологические данные (Воронова, 1988; Трояновский и др., 1997). Впрочем, недавно появилась гипотеза о существовании здесь укреплений уже в конце X в., возникшая на основе предварительной интерпретации ограниченных по характеру материалов из траншеи у Федоровской башни на западном склоне кремлевского холма (2013 г.) и шурфов у Владимирской башни и Пречистенской арки (2015 г.) (Олейников, 2014; 2017а; Олейников, Долгих, 2015; 2016; 2018; отметим, что полевой отчет — основной источник археологической информации об этих исследованиях — был написан значительно позднее рождения гипотезы, см.: Олейников, 2017б). После остроумной критики Е. Н. Носова, отметившего, что в этих интерпретациях «выводы, навеянные раскопками, не увязываются в единое целое», в то время как археологическая информация, опровергающая «навеянное», сознательно замалчивается, эти попытки были оставлены (Носов, 2017. С. 117–118; Носов и др., 2017. С. 30–31; ср.: Родионова, Антипов, 2018).

Известны и другие гипотезы, помещавшие ранние деревянно-земляные фортификации, древний торг и центр политической жизни раннего города на южном холме (подробнее о них см.: Трояновский, 1995). Похоже, сегодня они имеют исключительно историографическое значение, тогда как их авторы могли вдохновляться сомнительным известием летописца о существовании здесь деревянного Софийского собора 988–1045 гг. (см., например: Сивак, 1992; Гордиенко, 2018; см. дискуссию: Мусин, 2010в; 2016. С. 48–49).

О существовании древнейшего торгового центра в южной части детинца писал А. И. Семенов, опираясь сначала на данные писцовых книг XVI в., а затем на материалы раскопок 1938 г. (Семенов, 1936; 1958; 1959), однако основания для подобных выводов неочевидны. Непонятно, что имело в виду старшее поколение исследователей — С. Н. Орлов, А. В. Воробьев и М. Х. Алешковский, упоминая в своих работах о существовании на южном холме «следов древнейшего крепостного вала» или даже «мощного земляного вала с примитивными конструкциями из дерева» (Орлов, Воробьев, 1959. С. 5; Алешковский, 1962. С. 14–15; Орлов, 1965. С. 6)⁵. Представляется, что эту информацию невозможно использовать для исторической реконструкции без серьезной археологической верификации на современном уровне полевых исследований.

Таким образом, выход «на политическую сцену» южной части холма вторичен по отношению к северному холму как хронологически, так и социально. «Политическая сцена» Новгорода, безусловно, находилась на северном холме. Напомним, что Е. Н. Носов считал, что это соотносится с последней четвертью X в., а именно с основанием здесь владычного двора и строительством Софийского собора в 989 г. (см.: Носов, 1995. С. 3–17; Носов и др., 2017. С. 29). Уже здесь заметим, что парадоксальным образом обе даты — 975–1000 гг. и 989 г. — могут оказаться верными.

Как мы уже предположили, передавая северный холм в церковное управление и создавая здесь епископский квартал в конце 980-х — начале 990-х гг., князь обладал правами на эту городскую территорию. Такие права на северный и южный кремлевские холмы подтверждаются строительством здесь крепости в 1044 и 1116 гг., инициатива которого вновь принадлежала князю (НПЛ, 1950. С. 181, 204). Особый статус этой зоны прослеживается и в XIV–XVI вв. Как нам удалось установить, часть городской территории, известная в 1339–1535 гг. как Околоток, являлась

окологой Софийского холма, охватывая как южный холм, так и всю территорию вокруг кремля (Мусин, 2003; 2009).

Для правильного понимания статуса Околотка важно свидетельство Софийской II летописи. Во время похода на Новгород в 1478 г. московский князь требует от новгородцев очистить для своих нужд Ярославов двор. В результате переговоров новгородцы признают княжеское право не только на дворце, но и на Околоток, как изначально связанные с княжеской юрисдикцией городские территории («...тот, господине, двор наших государей великих князей, хотят тот свой двор взяти, ино пред Богом и пред ними; а захотят государи наши и в околотке взяти место против своего того двора, ино, господине, пред ними»; ср.: Софийский временник, 1821. С. 195). Очевидно, княжий двор не столько появляется, сколько возрождается в южной части детинца в 1478 г., а «великокняжеская половина» кремля, известная в XVI в. (Майков, 1911. С. 212), имеет, судя по всему, весьма почтенную историю, восходящую к реалиям второй половины X в., что, как кажется, почувствовал В. А. Буров (Буров, 1988).

Таким образом, причина выделения Околотка в самостоятельную градообразующую единицу должна объясняться его особым общественно-политическим статусом, а именно княжеской юрисдикцией над северным и южным холмами левого берега Волхова. Очевидно, эта зона, в северной части которой впоследствии возникает религиозный центр Новгорода, наряду с протогородскими поселками 930–940-х гг. на месте будущих Людина и Неревского концов, могла быть одним из элементов будущего города.

Теперь, следуя исследовательским принципам Е. Н. Носова, обратимся от известного к неизвестному. Если князь уже в 988–989 гг. обладал правами на северный холм, жизнь на котором начинается в 940–950-е гг., то когда конкретно он становится здесь хозяином?

В свое время В. Л. Янин предположил, что Софийский собор сменил главное языческое капище Новгорода, а предшественником христианского епископата здесь было языческое жречество. Однако известное из летописи установление Добрыней идола Перуна в Новгороде в 980 г. исследователь связывал с Перынью в истоках Волхова, где появился новый княжеский языческий центр (Янин, Алешковский, 1971. С. 30; Янин, 1982а. С. 88). По его мнению, княжеский культ, как и

⁵ Е. Н. Носов не упоминает эту информацию даже в качестве историографического мнения (ср.: Носов, 1995. С. 6–7). Стоит вспомнить и о том, что А. Л. Монгайт был убежден, что в 1941 г. в северной части детинца был открыт ранний «глиняный вал» (Монгайт, 1952. С. 8), так и не обнаруженный М. Х. Алешковским во время исследований 1971 г. (Алешковский, 1971. С. 1–3). Впрочем, слой глины был зафиксирован во время исследований церкви Входа Господня в Иерусалим 2010–2012 гг. (Антипов и др., 2011; 2012; 2013).

княжеская власть, противостоял в Новгороде верованиям славянской аристократии. Е. Н. Носов также считал, что Перун был поставлен именно в Перыни, придавая тем самым старому святилищу новый статус, однако сомневался, что на месте Софийского собора существовало капище (Носов, 1984. С. 17; Носов и др., 2017. С. 19).

Содержание религиозной реформы 980 г. принято сводить к созданию общегосударственного пантеона в целях укрепления общественных связей молодого государства (ср.: Аничков, 1914. С. 320; Греков, 1953. С. 476). Однако с учетом исторической памяти о сооружении в Киеве пантеона «вне двора теремного», зафиксированной в летописи (ПСРЛ, 1908. Стб. 79; 2001. С. 67), есть основания полагать, что учреждение капища вне территории княжого двора было попыткой сделать княжеский культ общественным.

В то же время Перынь предстает перед нами как достаточно древний культовый центр, связанный со славянскими поселениями Поозерья и находившийся в «треугольнике» княжеских владений, крайними точками которого были Ракома, Городище и место будущего Юрьева монастыря. Установка идола Перуна именно здесь противоречила бы сути языческой реформы 980 г. Место для нового капища стоило искать непосредственно на территории города, где кумир действительно стоял бы «вне двора теремного» «над рекою Волхов» (ПСРЛ, 1908. Стб. 79; 2001. С. 67).

Наиболее подходящим местом для общегородского святилища, как представляется, мог стать северный холм на левом берегу Волхова, где спустя 10 лет появляется новый общерелигиозный центр христианского города. Наличие культурного слоя непосредственно под Софийским собором (об исследованиях 1999–2000 гг. см.: Седов, 2001; 2002. С. 40–41), как и деревянных построек на холме, не исключает возможности появления в какой-либо из его частей культового центра. Похоже, что князь обладал правами на этот холм не только в 988 г., но и в 980 г.

Для того чтобы уточнить время возникновения этих прав, обратимся к известиям летописи о Новгороде второй половины X в. Мы располагаем лишь четырьмя связанными друг с другом эпизодами: появление в Новгороде молодого князя Владимира, упоминаемое летописью под 970 г., его бегство из города (под 977 г.) после убийства Олега Ярополком, возвращение князя в Новгород с варягами и изгнание посадников Ярополка,

«посаждение» в Новгороде Добрыни и установление идола Перуна «над рекою Волховом» (под 980 г.) (ПСРЛ, 1908, Стб. 57, 63, 67; 2001. С. 69, 75, 79).

Представляется, что стоит вновь обратиться к обстоятельствам появления молодого княжича в Новгороде как к исторической памяти новгородского (или киевского?) общества (дискуссию см.: Истрин, 1921. С. 54–55; Михеев, 2011. С. 107), сохраненной летописью. Несмотря на то что здесь присутствуют нарративная схема, известная уже в истории призвания варягов (инициатива «людей новгородских», право призвания, угроза найти себе правителя вне рода Святослава), и фольклорные мотивы (отказ двух старших братьев, отправление в Новгород младшего сына), в целом история выглядит достоверно. Поселение на берегах Волхова, как и его обитатели — летописный Новгород и люди новгородские — в 970-х гг. были вполне реальны, а нежелание старших Святославичей отправляться на север стоит объяснять «меридионизмом» политики Руси, в которой Новгород не мог играть важной роли. В этих условиях, в полном соответствии со словами князя Святослава — «тыи/вото/ото вы есть», обращенными к новгородским послам, отсутствующими в Ипатьевской летописи, молодой княжич, попадая в Новгород, начинал «принадлежать» новгородцам: «пояша новгородцы Владимира к себе» (ср. события 1102 г., когда новгородцы, во время переговоров со Святополком ссылавшиеся на то, что они «оускормили собѣ княза», «поемыше Мьстислава поидоша Новугороду»; см.: ПСРЛ, 1908. Стб. 251; 2001. С. 276).

Добавим, что интересный комментарий эмблематического характера к этим событиям, способный подтвердить наши наблюдения о тесной связи князя Владимира и новгородцев, был предложен С. В. Белецким. Так, костяная подвеска со знаками Рюриковичей, найденная в 1980 г. на Троицком V раскопе и отнесенная В. Л. Яниным к 26-му ярусу (954–973 гг.), имела на одной стороне трезубец, а на другой — двузубец, позднее переделанный в трезубец. Если трезубец был знаком князя Владимира, то родовым двузубцем пользовался его старший брат Ярополк, сменивший князя Святослава. Предположительно чиновник — владелец подвески, бывший изначально представителем обоих братьев, впоследствии, но еще в начале княжения Ярополка, поддерживал исключительно Владимира, о чем свидетельствует замена двузубца на трезубец (Белецкий, 2000. С. 391–392, рис. 19, 1; ср. Янин, 1982б. С. 149,

рис. 8; впрочем, точные координаты находки, первоначально отнесенной к 27-му ярусу (22-й пласт), установить затруднительно, что делает менее надежным ее стратиграфическую датировку, см.: Янин и др., 1981. С. 56–60, рис. 37).

Допустимая на основании анализа источников тесная связь «людей новгородских» с Владимиром и его дядей Добрыней, по совету которого новгородцы соглашались принять у себя княжича и который в 980 г. стал его посадником в Новгороде, заставляет задуматься, каково было пространство княжеской юрисдикции на территории города и где именно находилась резиденция князя в 970–980-е гг.

Представляется, что идея пребывания княжича на Городище и отправления именно здесь власти и суда входит в противоречие с общественно-политической ситуацией в Новгороде 970-х гг., насколько она доступна нашему пониманию. Появление Владимира в Новгороде предполагало его непосредственную вовлеченность в городскую жизнь. В принципе его резиденция как раз могла разместиться на северном холме будущего детинца среди протогородских поселков левого берега Волхова. По данным археологических исследований, новые постройки продолжают появляться здесь и в 970-е гг. Одновременно княжеские усадьбы могли возникнуть и на правом берегу Волхова, близ Торга, в целях контроля городского рынка⁶. Известно, что застройка появляется на этом участке именно в 970-е гг. (Колчин, Хорошев, 1978).

Это предположение синхронизируется и с историей Городища. Именно для последней четверти X в. можно предположить некоторый спад поселенческой активности на городищенском холме, выразившийся в прекращении функционирования хлебных печей. Княжий двор и дружина, собственно киевская русь, в это время могли переместиться с городищенского холма на территорию Новгорода. Само Городище не утратило своих поселенческих функций и продолжало оставаться местом обитания прибывавших в Новгород скандинавов, собственно варягов, что не исключало их появления и на усадьбах будущих Людина и Неревского концов (об этом см.: Мусин, Тарабардина, 2019).

⁶ Интересно, что приведенное у В. Н. Татищева сообщение Иоакимовской летописи о крещении Новгорода помещает дом Добрыни именно на Торговой стороне (см.: Татищев, 1994. С. 112–113).

Таким образом, уже в третьей четверти X в. *jus ducalis* определенно распространялось на некоторые кварталы Новгорода. Княжеские владения, возможно, в виде комплекса укрепленных городских усадеб, первоначально могли разместиться на обоих берегах Волхова. Перенос резиденции был способен повлечь за собой и перенесение топонима Новый город (изначально — город Рюрика), который впоследствии закрепился за урбанистическим поселением на берегах Волхова.

Однако в 980 г., в связи с реформой княжеского культа, встал вопрос о месте нового городского святилища. Наиболее подходящим местом оказалась пространство, как раз занимаемое тогда князем на северном холме. Именно здесь, согласно нашему предположению, мог быть поставлен идол Перуна, а через восемь лет появляются резиденция епископа и городская церковь. В этих условиях княжий двор в 980-х гг. окончательно закрепляется на правом берегу Волхова, где его и фиксирует письменная традиция.

Этой гипотезе, казалось бы, противоречит традиция связывать дворище на Торгу с именем князя Ярослава Владимировича. Такая связь воспринимается исследователями как однозначное указание на основание двора именно этим князем в начале XI в. Однако напомним, что некоторое время назад А. Н. Сорокин призвал исследователей «методологически разделить проблему появления княжого двора в Новгороде и закрепление за ним название “Ярославово дворище”» (Сорокин, 2009. С. 548). Действительно, перед нами не «уставная грамота», а явление исторической памяти, фиксирующей самые яркие моменты прошлого, к каковым, безусловно, относилось и княжение Ярослава в Новгороде. С тех пор дворище осталось в памяти Ярославовым, хотя его основание могло относиться к до-Ярославоу времени. Напомним, что «ярославовыми» в Новгороде оказывается целый ряд исторических артефактов, например, «грамоты Ярославле» 1229–1230 гг. (НПЛ, 1950. С. 67, 68, 70; дискуссию см.: Гимон, 2018), маркирующих знаковые события в судьбе города. Естественно, появление двора на Торгу именно в XI в. хорошо соотносится с запустением Городища, приходившимся на большую часть этого столетия, однако стоит заметить, что это запустение не носило глобального характера, поскольку здесь определенно зафиксированы закрытые комплексы, датируемые на основании керамических материалов первой половиной XI в.

(комплекс № 9; см.: Горюнова, 2005. С. 96–97; ср.: Носов, 1990. С. 97).

Этот процесс, приведший к затуханию жизни на Городище, мог начаться уже в последней четверти X в. — именно в то время, когда, согласно нашему предположению, здесь прекращают функционировать хлебные печи и князь Владимир переносит княжий двор на берега Волхова. Стоит добавить, что недавно появление «Ярославова дворища» в Новгороде «до Ярослава» имплицитно допустил В. Я. Петрухин. Он предположил проведение князем Владимиром глобальной реформы управления на Руси, осуществленной после 988 г., в результате которой власть в крупных городах перешла от посадников к княжеским сыновьям, что и привело к упадку Гнёздова, Городища и других связанных с князем поселений X в., которые исследователь называет «погостами» (Петрухин, 2018. С. 471). Власть в Новгороде первоначально получает Вышеслав, при котором, очевидно, княжий двор и дружина расположились в городе, а не на Городище, а основной политической силой стали горожане, а не варяги. В этой ситуации Ярослав, сменивший Вышеслава после смерти последнего, просто унаследовал княжий двор, появившийся в Новгороде задолго до его правления. Впрочем, исследователь не задается вопросом, почему в таком случае дворище оказывается «Ярославовом», а не «Вышеславовом», ответ на который, по нашему мнению, очевиден.

Дабы убедить читателя в правильности предлагаемой гипотезы, обратимся к доступной нам историко-археологической информации о локализации и возможной хронологии княжого двора на Торговой стороне Новгорода. Деревянные конструкции, выявленные в 1947–1948 гг. к западу от Никольского собора, получили различные интерпретации. Их рассматривали либо как часть княжеского терема, построенного Ярославом Мудрым (Арциховский, 1950. С. 7), либо как остатки северной ограды княжого двора (Колчин, Янин, 1982. С. 17). Однако повторное обращение к археологическим материалам с учетом исследований 2007–2014 гг. позволило окончательно установить, что на территории дворища нет внятных слоев эпох, предшествующих XV в. (Тарабардина, 2015а; 2015б). Это не позволяет надежно установить топографию квартала до и после строительства Николо-Дворищенского собора в 1113 г.

Такое состояние культурного слоя позволило некоторым исследователям подчеркивать, что

на месте княжого двора отсутствуют комплексы X–XI вв., а самого двора до XII в. либо не было, либо он не имел существенного значения. Двор, возникнув, возможно, лишь при князе Мстиславе Владимировиче, окончательно складывается во второй половине XII в. в период княжения в Новгороде трех князей с именем Ярослав: Ярослав Изяславич (1148–1154), Ярослав Мстиславич (1176–1177) и Ярослав Владимирович (1181–1184, 1187–1199) (Сорокин, 2009. С. 548–550).

Таким образом, как хронология, так и локализация двора в настоящее время не может быть окончательно установлена. Анализ письменных источников позволил В. Ф. Андрееву предположить, что княжой двор простирался на юго-восток от Никольского собора и церкви св. Прокопия к церкви св. Михаила Архангела, его северная граница пролегла южнее Большой Пробойной (Славной) улицы, проходившей с востока на запад между церквями Успения Богородицы и св. Параскевы Пятницы, с запада и юго-запада он был ограничен церквями свт. Николая, свв. Жен Мироносиц, св. Прокопия и Святых Отцов, с юга — Михайловой улицей и Готским двором, с востока — церквями св. Михаила Архангела, Благовещения Богородицы и Иоанна Крестителя у Немецкого двора, тогда как сам княжеский терем мог находиться в районе современного перекрестка Большой Московской и Никольской улиц (Андреев, 1984. С. 122, 125, 126).

Как мы видим, в истории этой локализации важную роль играло местоположение церквей, которые в письменных источниках обозначены как стоящие «на княжем дворе» или «на дворище». К ним относится и церковь свв. Отцов I Вселенского собора, впервые упомянутая в 1182 г. (НПЛ, 1950. С. 37, 227). Однако церковь возникла много раньше, поскольку она должна была входить в число 10 церквей, сгоревших в 1134 г. (Там же. С. 28). Предположительно церковь «Святые Отцы на дворище» была одним из древнейших храмов княжеской резиденции, возникшим, скорее всего, до 1113 г. (Мусин, 2002а. С. 275–277).

Храм располагался на Отцовской улке (Майков, 1911. С. 234–235). Местоположение улки на современном плане Новгорода довольно условно. С. Н. Орлов помещал ее в направлении от берега Волхова до Пробойной-Михайловской улицы, между Витковой улицей с юга и Железной улкой с севера (Орлов, 1964. С. 284, рис. 2, 36–36). В соответствии с локализацией улки церковь размещали

к юго-западу от современного перекрестка Большой Московской и Никольской улиц. Однако предположение А. И. Семенова, который реконструировал трассу улки как идущую от излучины Волхова в сторону Николо-Дворищенского собора, представляется предпочтительным (Семенов, 1959. С. 60–64). В этом случае церковь определено находилась дальше к юго-западу, вероятно, ближе к Арсениевскому монастырю, возникшему во второй половине XVI в. Этот храм мог отмечать въезд в княжий двор со стороны Волхова, где располагалась пристань «княжого берега» (ср.: НПЛ, 1950. С. 397, 425).

Такое положение церкви соответствует и наиболее надежной реконструкции палеорельфа Новгорода, согласно которой главный холм Торговой стороны находился в районе Николо-Дворищенского собора, то есть непосредственно на территории княжого двора (Петров, 2015; ср. другие варианты: Петров, Трояновский, 1997; Петрова и др., 1999). В этом случае церковь свт. Николая и церковь свв. Отцов надежно маркировали идущую снизу вверх главную артерию Дворища, частью которой и была Отцовская улка. Эта трасса указывает на генеральное развитие территории княжого двора: с юго-запада на северо-восток, тогда как кварталы к юго-востоку от церкви свт. Николая теоретически должны были находиться за его пределами.

Именно в этих направлениях — к юго-востоку и северу от Дворищенского холма — и начинается в последней четверти X в. развиваться застройка Торговой стороны (ср.: Петров, Тарабардина, 2011; 2017; 2020). Если ранние материалы Буяного (Лубяницкого) раскопа к северу от собора относятся к рубежу X–XI вв. (Хорошев, 1978), то древнейшие напластования Михайловского раскопа, усадьбы которого находились к востоку от княжого двора, датированы 974 г. (Колчин, Хорошев, 1978), хотя состояние полевой, отчетной и камеральной документации не позволяет в настоящее время проверить безусловность этой хронологии. Представляется, что основным импульсом освоения Торговой стороны и формирования здесь жилой застройки как раз и было появление княжого двора на Дворищенском холме в 970–980-е гг.

Дополнительно в появлении княжого двора во второй половине X в. в районе Дворищенского холма нас способно убедить недавнее открытие остатков моста на ряжевых срубных опорах, который соединял Дворище, собственно — Торг, и левый берег Волхова в районе южного кремлевского

холма. Существующие публикации предварительных результатов радиоуглеродного датирования этого сооружения, предпринятого в разных лабораториях, относят его возникновение к середине — третьей четверти X в., а существование — ко второй половине X в. (средняя калиброванная дата образцов из сруба — конец второй четверти X в., дата дубовых бревен у основания сруба — конец третьей — начало четвертой четверти X в., еще три образца показали калиброванные даты начала третьей четверти X в., хотя другие два образца в той же лаборатории были отнесены к началу XII в.; см.: Степанов и др., 2020. С. 73; Степанов, 2020. С. 139), что нуждается в осмыслении, уточнении и подтверждении независимыми археологическими материалами и дендрохронологическими исследованиями. Однако появление волховского моста, впервые упомянутого в летописи под 1133 г. (НПЛ, 1950. С. 23), именно во второй половине X в., на начальном этапе развития города, представляется вполне логичным. Княжий двор и волховский мост как элементы раннегородской структуры выполняли функции пространственной и социальной коммуникации, объединяя протгородские поселки в единый организм — Новгород. Стоит предположить, что в то же время прокладывается и дорога от Городища к Торгу, предшествующая трассе улицы Славной, которая проходила к северу от Никольского собора в направлении берега Волхова — как раз в направлении древнейшего моста на левый берег Волхова. Появление объединяющих городское пространство элементов, связанных с местами концентрации княжеской власти — двором и Городищем, способно подчеркнуть важную роль князя в этом процессе.

Приоритетное развитие поселений на левом берегу должно объясняться существованием здесь более возвышенной местности, тогда как Торговая сторона с ее сложным рельефом осваивается позднее. Однако именно появление здесь княжого двора приводит к ее развитию начиная с конца X в. Временная разница в освоении различных участков на протяжении XI в. (дворы, исследованные на Нутном и Дубошином раскопах, — первая половина XI в., усадьбы Федоровского и Ильинского раскопов — вторая половина — конец XI в.) непосредственно связана с многочисленными понижениями и заболоченными пространствами (см.: Петров, Тарабардина, 2011; 2017; 2020). Вместе с тем появление здесь стандартной застройки в виде небольших по размеру

усадеб (Петров, Сорокин, 1997) и отдельных скандинавских предметов XI в. (Мусин, Тарабардина, 2019) может свидетельствовать об освоении этой территории населением, связанным с князем и входившим в сотенную организацию (об этом см.: Буров, 1987, 1989. С. 31; ср.: Янин, 1981), что также подтверждается характером материальной культуры и частой сменой населения усадеб (Мусин, 2002а. С. 443–446). В результате здесь на протяжении XI–XIII вв. к северу и к востоку от Дворищенского холма формируется крупнейший «внекончанский посад» (Дубровин, 2007; 2010; 2016. С. 7).

Впрочем, для размещения здесь Паромоня двора как корпоративной резиденции скандинавов, как кажется, нет оснований. Топография элементов северной культуры, выявленная в процессе археологических исследований Новгорода, свидетельствует, что скандинавы свободно расселялись по территории города (Мусин, Тарабардина, 2019; см. также: Жуковский, 2018; Точилова, 2015; Tochilova, 2018; ср.: Михеев, 2019). Добавим, что некоторые гипотезы выносят этот двор за пределы Новгорода и располагают его в связи с паромной переправой напротив Городища, где находился Славенский перевоз и начинался путь к княжескому селу Ракома (Сорокин, 2019; ср.: Клейбер, 1959а. С. 120, 123; 1959б. С. 132).

Итак, гипотеза о появлении княжеского двора на правом берегу Волхова в районе Торга на Дворищенском холме не позднее 980-х гг. способна объяснить развитие Торговой стороны начиная с конца X в. Однако она не позволяет нам пролить свет на раннюю историю Славенского холма и возможную миграцию топонима *Холмъград* с его последующим превращением в скандинавский *Hólmgarðr*. Представляется, что такой трансфер не мог быть связан лишь с появлением здесь княжеской резиденции.

Традиционно считается, что на Славенском холме ранние следы заселения не зафиксированы (Арциховский, 1949). В конце XI в. на месте каменной церкви св. пророка Ильи находилось кладбище, связанное, предположительно, с предшествующим деревянным храмом, возникшим здесь уже в 1030-е гг. (Мусин, 2016. С. 38, 73–74), хотя авторы раскопок склонны датировать некрополь второй половиной XI в. (Антипов, Жервэ, 2018. С. 58; 2019. С. 109). Однако в 150 м к северу от церковью на Холме на Посольском раскопе 2008 г. в заполнении материковых ям зафиксирована лепная керамика со слабовыраженным ребром и

округлым туловом, а также неудачная отливка круглой скандинавской фибулы типа IV, которую автор исследований датировал X — первой половиной XI в. (Петров, 2009. С. 82, рис. 3, 4).

Очевидно, перед нами следы окраинной хозяйственной зоны основного поселения, располагавшегося несколько южнее, ближе к церквям на Холме, и возникшего, если основываться на факте обнаружения здесь лепной посуды, не позднее первой трети X в. Данные палеорельефа свидетельствуют, что сам Холм в южной части Славенского конца простирался с юга на север и затем на северо-восток, параллельно низине, вдоль будущего Тарасовца (Петров, 2015; ср. локализацию Холма, основанную на безусловном доверии к современному городскому рельефу в работе: Несин, 2017. С. 3).

Однако главный холм Торговой стороны был связан с Дворищем. Еще в 1947–1948 гг. западнее гридницы, на небольшой площади в юго-западной части раскопа, то есть ближе к Волхову, был открыт слой с лепной керамикой, которую автор исследований относил к IX и даже к VIII в. (Арциховский, 1950. С. 8). Поскольку эта керамика не стала предметом исследования и публикации, то, строго говоря, она может не иметь отношения к средневековью, поскольку на Дворище зафиксированы древности раннего железного века и предшествующих эпох (ср.: Хорошев и др., 2010; Андриенко и др., 2015). Однако связь этого керамического комплекса с ранним средневековьем представляется более чем вероятной.

Складывается обоснованное впечатление, что поселения на холмах Торговой стороны, скорее всего, существовали уже в первой трети — первой половине X в., во всяком случае не позже, чем появляются поселки будущей Софийской стороны. Известная из летописи оппозиция «Холм — Подол» могла возникнуть на правом берегу Волхова в достаточно раннее время, хотя ее фиксация в городской топографии относится к XIII в. (спорную локализацию Подола см.: Несин, 2018). На сегодняшний день эти поселения представлены исключительно комплексами лепной керамики. Такая археологическая картина может объясняться целым рядом факторов: характером самих поселений, доступностью для исследования лишь периферийных зон, особенностями формирования культурного слоя на этих участках или их активным хозяйственным переустройством в средневековье.

Таким образом, если миграция топонима *Холмъград* с городищенского холма на холмы

(холм?) Торговой стороны и имела место, в соответствии с лингвистически наиболее обоснованной на сегодняшний день гипотезой, то ее стоит отнести непосредственно к концу IX — первой трети X в. (910–920-е гг.), т. е. ко времени разрушения укреплений Городища и последовавших за этим изменений характера жизни на поселении, в том числе связанных с предполагаемым снижением ее активности. Именно в это время складываются предпосылки для возникновения поселков на территории Новгорода, которые надежно фиксируются уже в 930-е гг.

Подведем некоторые итоги нашим разысканиям. Е. Н. Носов был прав в своем видении истории поселений в истоках Волхова и судьбы их названий. Предлагаемая нами детализация этой истории лишь уточняет выдвинутые им гипотезы. Существующие археологические материалы позволяют говорить о появлении скандинавских укреплений Городища — Нового городка Рюрика в третьей четверти IX в. на месте более раннего поселения, предположительно славянского Холмъграда. Однако в конце этого столетия и в 910–920-х гг. на Городище можно наблюдать некоторое снижение поселенческой активности. Этому периоду может соответствовать появление поселений с лепной керамикой на Славенском и Дворищенском холмах, ставших новым Холмъградом и отражавших процесс изменения отношений между князем и местными общинами.

Не позднее 930-х гг. на Городище наблюдается новая волна активности, которая совпадает со временем появления протогородских поселков на левом берегу Волхова и изменением в судьбах ряда поселений Новгородской земли, в том числе упадком старых и появлением новых. В 970-е гг., во время правления в Новгороде молодого Владимира, здесь появляется княжий двор как результат нового союза между раннегородской общиной и князем, а кремлевские холмы и Торг подпадают под княжескую юрисдикцию. Языческая реформа 980 г. закрепляет за северным холмом религиозные функции. Княжий двор как комплекс укрепленных городских усадеб окончательно занимает свое место на Торговой стороне. В то же время на самом Городище уже в последней четверти X в. можно наблюдать запустение хлебных печей, что может объясняться переселением княжеских людей на территорию протогородских поселков.

Не позднее этого времени берега Волхова соединил мост, шедший от дворищенского холма к

южному кремлевскому холму и, скорее всего, служащий продолжением дороги, ведущей с Городища. Стоит предположить, что появление княжого двора и строительство моста начинают процесс объединения протогородских поселков в единый городской организм, который и становится Новгородом. Упоминание летописью под 1044 г. возведения крепости с именем Новгород не ставит под сомнение существование вокруг нее развитого поселения неаграрного типа, уже носившего это имя. Строительство детинца лишь завершает формирование города, новым организующим центром которого к этому времени уже стали владычный двор и городской собор, предположительно сменившие на северном холме дохристианский культ.

В результате христианский город наследует социальную структуру, сложившуюся в истоках Волхова еще в середине X в.: *oratores* Софийского холма, *bellatores* Городища и княжого двора, *laboratores* протогородских поселков. Такая социальная схема в целом согласуется с предложенной Е. Н. Носовым социальной типологией городов Поволховья (Носов, 2000. С. 162–171). Однако в верховьях Волхова североевропейская, или скандинавская, вуаль, о которой писал Е. Н. Носов, приобретает иное культурообразующее значение. Она перестает быть формой легкого культурного влияния, окутывавшего славянскую подоснову, а именно в таком смысле археология использует понятие вуали (ср.: «скифская вуаль», «кельтская вуаль»). Если для Рюрика городища X в. северная материальная культура оказывается не столько вуалью, сколько базовой характеристикой, то для жителей Новгорода X–XI вв., несмотря на то что среди них определенно были норманны, она становится источником культурной и социальной конкуренции, обеспечившей унификацию городского быта и развитие местной общины.

Эта унификация способствовала тому, что к началу XII в. создание нового города окончательно завершилось. Княжий двор близ Торга получает в исторической памяти имя Ярослава — одного из ключевых деятелей новгородской истории, а князь, исполнив свою миссию, возвращается из города на Городище...⁷

⁷ Автор благодарен своим коллегам и друзьям — О. А. Тарабардиной и А. В. Плохову, за их консультации и дискуссию вокруг выдвинутых гипотез.

- Алешковский*, 1962 — *Алешковский М. Х.* Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // *Архитектурное наследство*. М.: Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1962. Т. 14. С. 3–26.
- Алешковский*, 1971 — *Алешковский М. Х.* Отчет о работе Кремлевского отряда Новгородской археологической экспедиции АН СССР в 1971 г. // *НОА ИА РАН*. Р-1. № 4580.
- Алешковский*, 2015 — *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. Из истории создания и редакторской обработки / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. М.: Весь Мир, 2015. 311 с.
- Амброзиани и др.*, 1994 — *Амброзиани Б., Гайдюков П. Г., Носов Е. Н., Янссон И.* Первая находка скандинавской равноплечей фибулы типа Вальста на Руси // *АВ*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. № 3. С. 110–120.
- Андреев*, 1984 — *Андреев В. Ф.* Княжеский двор в древнем Новгороде // *НИС*. Л.; Новгород: Облоно, 1984. Вып. 2 (12). С. 114–126.
- Андриенко и др.*, 2015 — *Андриенко А. В., Курбанова М. П., Шуреев А. В.* Исследования на Ярославском дворе в 2013–2014 гг. // *НиНЗ ИА*. Великий Новгород: НГОМЗ, 2015. Вып. 29. С. 123–128.
- Аничков*, 1914 — *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1914. 386 с.
- Антипов и др.*, 2011 — *Антипов И. В., Булкин В. А., Жервэ А. В., Родионова М. А.* Изучение церкви Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг. в Новгородском Кремле // *НиНЗ ИА*. Великий Новгород: НГОМЗ, 2011. Вып. 25. С. 84–93.
- Антипов и др.*, 2012 — *Антипов И. В., Булкин В. А., Жервэ А. В., Родионова М. А.* Архитектурно-археологические исследования 2011 г. в Кремле Великого Новгорода и Новгородском районе // *НиНЗ ИА*. Великий Новгород: НГОМЗ, 2012. Вып. 26. С. 50–59.
- Антипов и др.*, 2013 — *Антипов И. В., Булкин В. А., Жервэ А. В., Родионова М. А.* Исследования церкви Входа Господня в Иерусалим в новгородском Детинце в 2012 г. // *НиНЗ ИА*. Великий Новгород: НГОМЗ, 2013. Вып. 27. С. 53–59.
- Антипов, Жервэ*, 2018 — *Антипов И. В., Жервэ А. В.* Раскопки в храмах Ильи Пророка на Славне и Николы на Липне // *НиНЗ ИА*. Великий Новгород: НГОМЗ, 2018. Вып. 31. С. 53–61.
- Антипов, Жервэ*, 2019 — *Антипов И. В., Жервэ А. В.* Раскопки и разведки памятников средневековой архитектуры в Великом Новгороде и Новгородском районе // *НиНЗ ИА*. Великий Новгород: НГОМЗ, 2019. Вып. 32. С. 108–116.
- Арциховский*, 1949 — *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов*. М.: Изд-во АН СССР, 1949 (МИА; № 11). Т. I. С. 119–151.
- Арциховский*, 1950 — *Арциховский А. В.* Раскопки в Новгороде // *КСИИМК*. М., 1950. Вып. 33. С. 3–16.
- Арциховский*, 1956 — *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода // *Тр. Новгородской археологической экспедиции*. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 55). Т. I. С. 7–43.
- Белецкий*, 2000 — *Белецкий С. В.* Зарождение русской геральдики // *Stratum plus*. Кишинев: ВАШ, 2000. № 6: Печать презренного металла. С. 1–59.
- Бернштейн-Коган*, 1950 — *Бернштейн-Коган С. В.* Путь из варяг в греки // *Вопросы географии*. М.: ГЕОГРАФИЗ, 1950. Сборник 20: Историческая география СССР. С. 239–270.
- Богуславский*, 2003/2004 — *Богуславский О. И.* Комплекс памятников у деревни Городище на реке Сясь // *Stratum Plus*. Кишинев: ВАШ. 2003/2004. № 5: Мастера средневековья. С. 171–243.
- Бугославский*, 2006 — *Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. М.: Языки Славянских культур, 2006. Т. 1. 311 с.
- Булгакова*, 2010 — *Булгакова В. И.* Византийская печать IX в. с Рюрикова городища // *Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 25–27.
- Буров*, 1987 — *Буров В. А.* О местоположении княжеской сотни в древнем Новгороде // *СА*. 1987. № 1. С. 91–102.
- Буров*, 1988 — *Буров В. А.* О социальной топографии Новгородского детинца X–XV вв. // *АИППЗ*. Краткие тезисы докладов к предстоящей научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 101–103.
- Буров*, 1989 — *Буров В. А.* Посад и сотенная структура древнего Новгорода // *АИППЗ*. 1988 г. Краткие тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1989. С. 30–32.
- Вилкул*, 2008 — *Вилкул Т. Л.* Ладога или Новгород? // *Palaeoslavica*. Cambridge, MA. 2008. Vol. 16 (2). С. 272–280.
- Войтович*, 2015 — *Войтович Л. В.* Хольмгард — Новгород: загадки истории Руси X — первой половины XI века // *Вестник Удмуртского университета*. Ижевск, 2015. Т. 25 (1). С. 7–18.
- Воронин*, 1945 — *Воронин Н. Н.* Древнерусские города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 103 с.

- Воронова*, 1988 — *Воронова М. А.* Раскопки у Лихудова корпуса в Новгородском кремле (в 1985 г.) // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1988. Вып. 1. С. 73–75.
- Гимон*, 2018 — *Гимон Т. В.* Устная традиция о событиях XI в. в средневековом Новгороде // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 год. Памяти Г. В. Глазыриной. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2018. С. 157–183.
- Гиппиус*, 2007 — *Гиппиус А. А.* Новгород и Ладога в «Повести временных лет» // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 213–220.
- Гомзин*, 2018 — *Гомзин А. А.* Худжистанский дирхам из раскопок на Рюриковом городище // КСИА. М., 2018. Вып. 252. С. 25–31.
- Гордиенко*, 2018 — *Гордиенко Э. А.* Деревянная Софья, каменная церковь Иоакима и Анны 989 г. и Рождественский придел в Софийском соборе 1045/1052 г. в истории строительства Владычного двора // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2018. № 2. С. 5–27.
- Горюнова*, 2005 — *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарного комплекса городских центров Северо-Западной Руси X — начала XI в. // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). С. 82–121.
- Горюнова*, 2016 — *Горюнова В. М.* Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 354 с.
- Греков*, 1953 — *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
- Грушевський*, 1991 — *Грушевський М.* Історія України-Руси. В 11 т., 12 кн. Київ: Наукова думка, 1991. Т. 1: До початку XI віку. 648 с.
- Гусаков*, 1992 — *Гусаков В. Н.* Археологические исследования и наблюдения в Новгороде в 1990 г. // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1992. Вып. 4–5. С. 8–13.
- Джаксон*, 1984 — *Джаксон Т. Н.* О названии Руси Gaŕðar // Scando-Slavica. 1984. Т. 30. С. 133–143.
- Джаксон*, 2012 — *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. 779 с.
- Джаксон, Молчанов*, 1990 — *Джаксон Т. Н., Молчанов А. А.* Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // ВИД. Л., 1990. Вып. XXI. С. 226–238.
- Диба*, 2011a — *Диба Ю.* Літописне Будятино (про місце народження князя Володимира Святославича та розташування найдавнішої церкви Пресвятої Богородиці) // П'яті «Ольжині читання» (Пліснеськ, 7 травня 2010 р.). Львів: Броди, 2011. С. 23–28.
- Диба*, 2011b — *Диба Ю.* «И сани еѡ стоѡть въ Плесѡковѣ и до сего дни»: Перший приклад «музеефікації» чи літературна містифікація? // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2011. Вип. 5. С. 9–28.
- Диба*, 2013a — *Диба Ю.* Новгород на Волхові IX–X ст. як історіографічний міф // Містобудування та територіальне планування: Наук.-техн. збірник. Київ: КНУБА, 2013. Вип. 50. С. 163–170.
- Диба*, 2013b — *Диба Ю.* Літописне свідчення про заснування міста Володимира наприкінці X століття: Володимир на Лузі чи Владімір на Клязьмі? // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2013. Вип. 7. С. 15–30.
- Диба*, 2014 — *Диба Ю.* Батьківщина святого Володимира: Волинська земля у подіях X століття (Міждисциплінарні нариси ранньої історії Русі–України). Львів: Колір ПРО, 2014. 483 с.
- Диба*, 2015a — *Диба Ю.* Формування території «Руської землі» IX–X ст. у контексті функціонування трансєвропейського торговельного шляху Булгар–Київ–Регенсбург // Минуле і сучасне Волині та Полісся. Луцьк, 2015. Вип. 55. С. 42–50.
- Диба*, 2015b — *Диба Ю.* Novuogardia Калюси Малого — Новугородъ Ольги — Nemogardas Святослава — Новъгородъ Володимира (локалізація Новгорода X ст. у світлі історичної картографії) // Християнська традиція Київської Русі: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. Луцьк, 2015. С. 73–91.
- Диба*, 2016 — *Диба Ю.* Географія початкової русі за східними джерелами // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2016. Вип. 10. С. 9–58.
- Диба*, 2017a — *Диба Ю.* Ше раз про літописний 'Новгород' IX — X століть (нотатки з приводу нової публікації Є. Носова) // Містознавчі студії: становлення наукового напрямку: Програма та тези доповідей наукової конференції з нагоди ювілею проф. Г. П. Петришин. Львів, 2017. С. 14–18.
- Диба*, 2017b — *Диба Ю.* Джерела до ранньої історії Володимирської єпархії // Волинський благовісник. 2017. № 5. С. 97–118.

- Добровольский*, 2008 — *Добровольский Д. А.* Вопрос об основании Новгорода в летописании XI — начала XII в. // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. М., 2008. № 3 (33). С. 25–26.
- Дорофеева*, 2016а — *Дорофеева Т. С.* О скандинавских культовых и магических предметах с Городища под Новгородом (по материалам раскопок разных лет) // АИППЗ. Материалы 61-го заседания. М.; Псков; СПб., 2016. Вып. 31. С. 227–239.
- Дорофеева*, 2016б — *Дорофеева Т. С.* Скандинавские «символы бесконечности» с Рюрикова городища и из новгородского Софийского собора // РА. 2016. № 1. С. 106–113.
- Дорофеева, Михайлов*, 2019 — *Дорофеева Т. С., Михайлов К. А.* Находка уникального комплекса глиняных дисков-грузил на Рюриковом городище в 2017 г. // НиНЗ ИА. Великий Новгород; НГОМЗ, 2019. Вып. 32. С. 262–265.
- Дубровин*, 2007 — *Дубровин Г. Е.* Петрятин двор и проблема раннего посадничества в Новгороде // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. М., 2007. № 1 (27). С. 45–49.
- Дубровин*, 2010 — *Дубровин Г. Е.* О боярстве Плотницкого конца средневекового Новгорода // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. М., 2010. № 3 (41). С. 45–54.
- Дубровин*, 2016 — *Дубровин Г. Е.* Плотницкий конец средневекового Новгорода. М.: Зерцало, 2016. 608 с.
- Еремеев*, 2015 — *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIV). 694 с.
- Еремеев*, 2019 — *Еремеев И. И.* Планиграфия и хронология древнейших этапов жизни Рюрикова городища по материалам исследований 2013–2016 гг. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2. С. 67–92.
- Еремеев, Дзюба*, 2010 — *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из Варяг в Греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXXIII). 670 с.
- Еремеев, Носов*, 2018 — *Еремеев И. И., Носов Е. Н.* О раскопках фортификационных сооружений Рюрикова городища Новгородской областной экспедицией ИИМК РАН // АО 2016 г. М.: ИА РАН, 2018. С. 52–57.
- Жуковский*, 2017 — *Жуковский М. О.* Раннесредневековые наборы весовых гирек Восточной Европы // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2015. Экономические системы Евразии в ранне Средневековье. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. С. 144–246.
- Жуковский*, 2018 — *Жуковский М. О.* Инструменты для взвешивания с граффити из раскопок Новгорода // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 24. С. 198–206.
- Истрин*, 1921 — *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи // ИОРЯС. Пг., 1921. Т. XXVI. С. 45–102; Т. XXVII. С. 207–251.
- Каргер*, 1946 — *Каргер М. К.* Новгород Великий. Л.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1946. 183 с.
- Каргер*, 1947 — *Каргер М. К.* Основные итоги археологического изучения Новгорода // СА. 1947. Т. IX. С. 137–170.
- Клейбер*, 1959а — *Клейбер Б.* Поромьянь в Пскове и Поромони двор в Новгороде // *Славянское языкознание: Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР*, 1959. С. 120–124.
- Клейбер*, 1959б — *Клейбер Б.* Два древнерусских местных названия // *Scando-Slavica*. 1959. Т. 5. С. 132–147.
- Колчин, Хорошев*, 1978 — *Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Михайловский раскоп // *Археологическое изучение Новгорода*. М.: Наука, 1978. С. 135–173.
- Колчин, Янин*, 1982 — *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет // *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода*. М.: Наука, 1982. С. 3–137.
- Константин Багрянородный*, 1989 — *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Ред. Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. 493 с.
- Кудрявцев, Андриенко*, 2018 — *Кудрявцев А. А., Андриенко А. В.* Вещевые комплексы из раскопок церкви Благовещения на Городище под Новгородом в 2016 г. (предварительное сообщение) // НиНЗ ИА. Великий Новгород; НГОМЗ, 2018. Вып. 31. С. 47–53.
- Кудрявцев, Андриенко*, 2019 — *Кудрявцев А. А., Андриенко А. В.* Материальная культура северной части Новгородского (Рюрикова) городища перед возведением церкви Благовещения (по материалам археологических исследований 2016–2017 гг.) // *Архитектурная археология*. М.: Буки веде, 2019. № 1. С. 113–128.

- Куза, 1975 — Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв.: Сб. ст. М.: Наука, 1975. С. 144–201.
- Кушнир, 1982 — Кушнир И. И. Архитектура Новгорода. Л.: Лениздат, 1982. 144 с.
- Лукин, 2014 — Лукин П. В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. 607 с.
- Ляскоронский, 1913 — Ляскоронский В. Киевский Вышгород в удельно-вечевое время. СПб.: Сенатская типография, 1913. 328 с.
- Мавродин, 1971 — Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М.: Высшая школа, 1971. 192 с.
- Майков, 1911 — Майков В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1911. 307 с.
- Мачинский, 1984 — Мачинский Д. А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 5–25.
- Мачинский, 2002 — Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: связующие пути и организующие центры. VI чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: б. и., 2002. С. 5–35.
- Мачинский, 2009 — Мачинский Д. А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009 (Тр. ГЭ; Т. XLIX). С. 460–538.
- Медведев, 1967 — Медведев А. Ф. Из истории Старой Руссы // СА. 1967. № 3. С. 265–286.
- Мельникова, 1977 — Мельникова Е. А. Восточноевропейские топонимы с корнем *garð-* в древнескандинавской письменности // СС. 1977. Вып. XXII. С. 199–210.
- Михайлов, 2010 — Михайлов К. А. Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1. С. 308–315.
- Михайлов, 2012 — Михайлов К. А. Сравнительная топография первых древнерусских городских центров IX–X вв. (к юбилею одной статьи) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сб. материалов конф. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 5–20.
- Михеев, 2011 — Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М.: Индрик, 2011. 279 с.
- Михеев, 2019 — Михеев С. М. Фарьманъ и Поромонъ дворъ: действительный и ложный скандинавизмы в новгородской ономастике // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юб. сб. в честь А. В. Назаренко. М.; СПб.: ИРИ РАН, 2019. С. 360–371.
- Монгайт, 1951 — Монгайт А. Л. Археологические заметки. Новгородские гирьки // КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 133–137.
- Монгайт, 1952 — Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (МИА; № 31). Т. II: Крепостные сооружения Древней Руси. С. 7–132.
- Мурзаев, 1984 — Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Мусин, 2002а — Мусин А. Е. Христианская община средневекового города Северной Руси XI–XV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002. Т. 1–3. 834 с.
- Мусин, 2002б — Мусин А. Е. Структуры власти Ладоги XI–XV вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 68–87.
- Мусин, 2003 — Мусин А. Е. К вопросу о границах и историческом статусе Околотка Великого Новгорода // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2003. Вып. 17. С. 138–153.
- Мусин, 2009 — Мусин А. Е. Семисоборная роспись Великого Новгорода как исторический источник // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. ст. к 80-летию академика В. Л. Янина. М.: Памятники ист. мысли, 2009. С. 104–122.
- Мусин, 2010а — Мусин А. Е. Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и «путь из варяг в греки» // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 35–45.
- Мусин, 2010б — Мусин А. Е. Христианская культура и церковная структура Ладоги в X–XVI веках // Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: Сб. статей в честь А. Н. Кирпичникова. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. 1. С. 37–54.
- Мусин, 2010в — Мусин А. Е. Церковная организация средневекового Новгорода в XI в. // Новгород и Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого:

- источники и исследования. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2010. С. 155–197.
- Мусин, 2012 — Мусин А. Е. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // РАЕ. СПб.: ИИМК РАН, 2012. № 2. С. 555–602.
- Мусин, 2016 — Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. 232 с.
- Мусин, 2018a — Мусин А. Е. «Погибель земли Русьской». Средневековый словарь и его прочтения: к эволюции этнополитических представлений в Восточной Европе XII–XVI вв. // Середньовічна Русь: проблеми термінології. Івано-Франківськ: Прикарпатський національний університет, 2018 (Colloquia Russica, Series II; 4). С. 93–148.
- Мусин, 2018b — Мусин А. Е. Corpus fratrum или «союз архонтов»? Историко-археологический комментарий к моделям власти в Восточной Европе конца XI века // Stratum plus. Кишинев: ВАШ, 2018. № 5: Когда века были средние: общество и власть. С. 183–206.
- Мусин, Тарабардина, 2019 — Мусин А. Е., Тарабардина О. А. Скандинавы среди первопоселенцев Новгорода по данным археологии // Вестник СПбГУ. Сер.: История. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. Т. 64, вып. 2. С. 762–785.
- Мюллер, 2000 — Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 431 с.
- Назаренко, 2009 — Назаренко А. В. Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб.: Изд-во ГЭ (Тр. ГЭ; Т. XLIX), 2009. С. 411–429.
- Насонов, 1951 — Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 262 с.
- Несин, 2017 — Несин М. А. Топоним «Славно» в XII–XVI вв. по данным новгородского летописания // Valla. 2017. Т. 3 (1). С. 1–21.
- Несин, 2018 — Несин М. А. Два топонима Плотницкого конца Торговой стороны средневекового Новгорода: Подол и Полянка // Valla. 2018. Т. 4 (3). С. 1–16.
- Никитин, 2001 — Никитин А. Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М.: Аграф, 2001. 766 с.
- Носов, 1984 — Носов Е. Н. Новгород и Новгородская округа IX–X вв. в свете археологических данных: к вопросу о возникновении Новгорода // НИС. Л.: Наука, 1984. № 2 (12). С. 3–38.
- Носов, 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 211 с.
- Носов, 1993a — Носов Е. Н. Города эпохи Викингов. Рец. на: Clarke H., Ambrosiani B. Towns in the Viking age. Leicester: Leicester Univ. press, 1991, 207 p. // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 1993. № 2. С. 209–212.
- Носов, 1993b — Носов Е. Н. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 59–78.
- Носов, 1995 — Носов Е. Н. Новгородский детинец и Городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // НИС. СПб.: Наука, 1995. № 5 (15). С. 5–17.
- Носов, 1997 — Носов Е. Н. У истоков Новгорода // Славянский средневековый город: Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М.: УРСС, 1997. Т. 2. С. 272–285.
- Носов, 1998 — Носов Е. Н. Первые скандинавы в Северной Руси // Викинги и славяне: Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб.: Вести, 1998. С. 56–82.
- Носов, 2000 — Носов Е. Н. К вопросу о типологии городов Поволховья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.: Вести, 2000. С. 162–171.
- Носов, 2007 — Носов Е. Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 23–56.
- Носов, 2017 — Носов Е. Н. Хольмгард-Новгород-Городище (к вопросу о первом названии центра Северной Руси) // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2017. Вып. 31. С. 116–120.
- Носов, Конецкий, 1995 — Носов Е. Н., Конецкий В. Я. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Проблемы истории Северо-Запада. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. Т. 3: Славяно-русские древности. С. 29–54.
- Носов, Хвоцинская, 2004 — Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В. К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летия В. В. Седова. М.: Наука, 2004. С. 227–233.

- Носов, Хвоцинская*, 2010 — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* К вопросу о размещении участков ремесленного производства на Городище под Новгородом // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: Сб. ст. в честь А. Н. Кирпичникова. СПб.: Ломоносовъ, 2010. Т. 2. С. 60–70.
- Носов, Хвоцинская*, 2018 — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Древний ров Рюрикова городища и судьба княжеского храма Благовещения 1103 г. // ЗИИМК. 2018. № 19. С. 137–147.
- Носов, Хвоцинская*, 2019а — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Княжеский храм Благовещения в свете новых раскопок древнего рва Рюрикова городища // Архитектурная археология. М.: Буки веда, 2019. № 1. С. 55–69.
- Носов, Хвоцинская*, 2019б — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Хлебные печи Рюрикова городища // ЗИИМК. 2019. № 20. С. 121–131.
- Носов и др.*, 2012 — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В.* Русь Новгородская. Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб.: Лик, 2012. 224 с.
- Носов и др.*, 2016 — *Носов Е. Н., Еремеев И. И., Дорофеева Т. С.* Полевой сезон 2015 года на Рюриковом городище // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2016. Вып. 30. С. 110–112.
- Носов и др.*, 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIX). 288 с.
- НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
- Олейников*, 2014 — *Олейников О. М.* Древнейшие оборонительные сооружения новгородского детинца (по материалам исследований 2013 г.) // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2014. Вып. 28. С. 50–61.
- Олейников*, 2017а — *Олейников О. М.* Новые данные по исторической топографии Новгородского кремля // АИППЗ. Материалы 62-го заседания. М.; Псков: ИА РАН, 2017. Вып. 32. С. 164–170.
- Олейников*, 2017б — *Олейников О. М.* Отчет о проведении археологических исследований вала и фундаментов каменной стены новгородского детинца в 2015 г. М., 2017 // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. (6/№).
- Олейников, Долгих*, 2015 — *Олейников О. М., Долгих А. В.* Результаты УМС радиоуглеродного датирования городни детинца Великого Новгорода из раскопок М. Х. Алешковского в 1959 г. // КИСА. М., 2015. Вып. 241. С. 307–317.
- Олейников, Долгих*, 2016 — *Олейников О. М., Долгих А. В.* Новые данные по исторической топографии Новгородского кремля // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2016. Вып. 30. С. 29–43.
- Олейников, Долгих*, 2018 — *Олейников О. М., Долгих А. В.* Новые данные по датированию оборонительных укреплений у Пречистенской башни Новгородского детинца // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2018. Вып. 31. С. 176–181.
- Орлов*, 1960 — *Орлов С. Н.* Старая Ладога: исторический очерк. Л.: Лениздат, 1960. 120 с.
- Орлов*, 1964 — *Орлов С. Н.* К топографии Новгорода X–XVI вв. // Новгород. К 1100-летию города. М.: Наука, 1964. С. 264–285.
- Орлов*, 1965 — *Орлов С. Н.* К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода // Ученые записки НГПИ. Новгород: НГПИ, 1965. Т. 1, вып. 1. С. 3–52.
- Орлов, Воробьев*, 1959 — *Орлов С. Н., Воробьев А. В.* Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород: Кн. ред. газ. «Новгор. правда», 1959. 55 с.
- Пархоменко*, 1924 — *Пархоменко В. А.* У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л.: Госиздат, 1924. 113 с.
- Петров*, 2009 — *Петров М. И.* Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Посольский-2008 // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2009. Вып. 23. С. 80–90.
- Петров*, 2015 — *Петров М. И.* ГИС «Средневековый Новгород»: состав, методы, результаты исследований // Историческая информатика: информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. М.: МГУ, 2015. № 1–2. С. 42–49.
- Петров, Сорокин*, 1997 — *Петров М. И., Сорокин А. Н.* О размерах древних усадеб средневекового Новгорода // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1997. Вып. 11. С. 54–63.
- Петров, Тарабардина*, 2011 — *Петров М. И., Тарабардина О. А.* Динамика изменений городской территории Новгорода в X–XIV вв. // АИППЗ. Псков: ИА РАН, 2011. Вып. 57. С. 139–147.
- Петров, Тарабардина*, 2017 — *Петров М. И., Тарабардина О. А.* Моделирование территории Новгорода X–XIV вв. средствами ГИС // Археология и геоинформатика. М., 2017. Вып. 8. [Электронный ресурс]: CD-ROM.

- Петров, Тарабардина*, 2020 — *Петров М. И., Тарабардина О. А.* Новгород X–XIV вв.: эволюция городской территории // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. № 28. С. 134–151.
- Петров, Трояновский*, 1997 — *Петров М. И., Трояновский С. В.* Моделирование палеорельефа исторической территории (на примере Новгородского кремля) // *Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. Тр. IV конф. Ассоциации «История и компьютер».* М.: МГУ, 1997. С. 108–118.
- Петрова и др.*, 1999 — *Петрова Л. Я., Трояновский С. В., Фирсова Н. Д.* О методике моделирования палеорельефа исторической территории (опыт построения модели палеорельефа Великого Новгорода) // *НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1999. Вып. 13. С. 172–192.*
- Петрухин*, 2018 — *Петрухин В. Я.* К истории давней дискуссии: Смоленск и Гнёздово // *Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М.: Изд-во ГИМ, 2018 (Тр. ГИМ; 210). С. 461–471.*
- Платонов*, 1920 — *Платонов С. Ф.* Русса // *Дела и дни: исторический журнал. 1920. № 1. С. 1–13.*
- Платонова и др.*, 2007 — *Платонова Н. И., Желлова Т. А., Лесман Ю. М.* Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // *Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV). С. 142–194.*
- Плохов*, 2009 — *Плохов А. В.* Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // *«Хорошие дни». Памяти Александра Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М.: Леоп-Арт, 2009. С. 417–431.*
- Плохов, Торопов*, 2013 — *Плохов А. В., Торопов С. Е.* Городок на Шелони — «забытый» памятник эпохи раннего средневековья // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2013. Вып. 27. С. 251–277.*
- Поппэ*, 1974 — *Поппэ А. В.* Родословная Мстиши Свенельдича // *Летописи и хроники. 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 64–91.*
- Пресняков*, 1993 — *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. М.: Наука, 1993. 632 с.
- Приселков*, 2002 — *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб.: Наука, 2002. 512 с.
- Прозоровский*, 1864 — *Прозоровский Д. И.* О родстве св. Владимира по матери // *Записки Императорской Академии наук. СПб.: Тип. АН, 1864. Т. V, кн. I. С. 17–26.*
- ПСРЛ* — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 2001; Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908; Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000; Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982; Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989.
- Равдоникас*, 1949 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // *СА. 1949. Т. XI. С. 5–54.*
- Родионова, Антипов*, 2018 — *Родионова М. А., Антипов И. В.* Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. (по данным археол. исслед.) // *Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 226–236.*
- Рыбаков*, 1982 — *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
- Рыдзевская*, 1922 — *Рыдзевская Е. А.* Холм в Новгороде и древнесеверный Holmgård // *ИРАИМК. Пг., 1922. Т. II. С. 105–112.*
- Седов*, 2001 — *Седов Вл. В.* Отчет об архитектурно-археологических раскопках в Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора в 1999–2000 гг. М., 2001 // *НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 24174.*
- Седов*, 2002 — *Седов Вл. В.* Работы Новгородской архитектурно-археологической экспедиции // *АО 2000 г. М.: Наука, 2002. С. 40–41.*
- Семенов*, 1936 — *Семенов А. И.* Топография Новгородского торгового в 1583 году // *НИС. Новгород, 1936. Вып. 1. С. 23–40.*
- Семенов*, 1958 — *Семенов А. И.* Ярославово Дворище и Торг. Новгород; Новгородская правда, 1958. 46 с.
- Семенов*, 1959 — *Семенов А. И.* Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода // *НИС. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 55–73.*
- Сивак*, 1992 — *Сивак С. И.* О деревянной Софии в Новгороде // *Russia Mediaevalis. 1992. Т. VII, 1. С. 9–15.*
- Соловьев*, 1941 — *Соловьев А. В.* Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? // *Записки Русского Научного института в Белграде. Белград: Тип. «Светлост», 1941. Вып. 16–17. С. 37–64.*
- Сорокин*, 2009 — *Сорокин А. Н.* Ярославово дворище (государев двор) // *Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 548–550.*
- Сорокин*, 2019 — *Сорокин А. Н.* «В Поромоне дворе» // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2019. Вып. 32. С. 322–330.*
- Софийский временник*, 1821 — *Софийский временник. М.: Тип. Селивановского, 1821. Т. II. 497 с.*

- Срезневский*, 1989 — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 1. Ч. 1: А–Д. 806 с.
- Степанов*, 2020 — *Степанов А. В.* «Мост церес Волхово». К вопросу о взаимосвязи речной переправы и фортификаций Новгорода в X–XII вв. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2020. Вып. 33. С. 139–147.
- Степанов и др.*, 2020 — *Степанов А. В., Степанов М. А., Паль Е. П.* Подводно-археологические исследования Великого моста в 2018 г. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2020. Вып. 33. С. 68–75.
- Строков, Богусевич*, 1940 — *Строков А. А., Богусевич В. А.* Предварительный отчет о раскопках в Новгороде в 1939 г. (южная часть Кремля) // НИС. Новгород, 1940. Вып. 7. С. 3–18.
- Строков и др.*, 1939 — *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* Раскопки в Новгородском кремле в 1938 г. // НИС. Новгород, 1939. Вып. 5. С. 3–17.
- Тарабардина*, 2015а — *Тарабардина О. А.* Ярославово дворище в свете данных дендрохронологических исследований // НИС. Великий Новгород: НовГУ, 2015. Вып. 15 (25). С. 33–44.
- Тарабардина*, 2015б — *Тарабардина О. А.* Дендрохронология и археологическое изучение Ярославова Дворища в Новгороде // АИППЗ. Материалы 60-го заседания. М.; СПб.; Псков: Нестор-История, 2015. Вып. 30. С. 177–189.
- Тарабардина*, 2018 — *Тарабардина О. А.* Новгород X века по данным дендрохронологических исследований // Археология Древней Руси: проблемы и открытия: Материалы междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М.: Изд-во МГУ, 2018 (Сер. II: Исторические исследования; 83: Тр. исторического факультета МГУ. Вып. 140). С. 51–52.
- Татищев*, 1963 — *Татищев В. Н.* История российская. Т. 2–3, ч. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 352 с.
- Татищев*, 1994 — *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. М.: Наука, 1994. 500 с.
- Творогов*, 1997 — *Творогов О. В.* Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memogram: сборник памяти Я. С. Лурье. СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С. 203–209.
- Точилова*, 2015 — *Точилова Н. Н.* Скандинавская художественная традиция в деревянных археологических памятниках прикладного искусства Древнего Новгорода X–XIII вв. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2015. Вып. 29. С. 263–273.
- Трояновский*, 1995 — *Трояновский С. В.* История изучения Новгородского кремля // НИС. СПб.: Наука, 1995. Вып. 5. С. 89–111.
- Трояновский и др.*, 1997 — *Трояновский С. В., Корчагина Л. А., Стеценко Н. К.* Раскопки на Владычном дворе Новгородского кремля // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1997. Вып. 11. С. 12–19.
- Трояновский и др.*, 2003 — *Трояновский С. В., Гайдуков П. Г., Молчанов А. А.* О «купеческом кошельке» из раскопок 1938 г. в Новгородском кремле // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2003. Вып. 17. С. 122–138.
- Урьева, Черных*, 1995 — *Урьева А. Ф., Черных Н. Б.* Дендрощкалы Новгорода: опыт компьютерной обработки // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1995. Вып. 9. С. 106–114.
- Фараджева и др.*, 2014 — *Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.* Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 134–160.
- Флоря*, 2012 — *Флоря Б. Н.* Призвание Рюрика и основание Новгорода // Вестник МГУ. Сер. 8: история. 2012. № 5. С. 3–9.
- Флоря*, 2015 — *Флоря Б. Н.* Два этапа в развитии государства и общества в Новгородской земле // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М.: МГУ, 2015. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: Материалы к междунар. науч. конф. (Москва, 26 октября — 1 ноября 2015 г.). С. 15–20.
- Франклин, Шепард*, 2009 — *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750–1200. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 669 с.
- Хвоцинская*, 1999 — *Хвоцинская Н. В.* Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.: Русские словари, 1999. С. 39–50.
- Хвоцинская*, 2007 — *Хвоцинская Н. В.* Бронзолитейное производство Рюрикова городища // Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV). С. 123–141.
- Хорошев*, 1978 — *Хорошев А. С.* Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 174–196.
- Хорошев*, 1983 — *Хорошев А. С.* Происхождение Новгорода в отечественной историографии // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1983. № 6. С. 40–53.
- Хорошев и др.*, 2010 — *Хорошев А. С., Пежемский Д. В., Степанов А. М.* Новые исследования

- на Ярославом Дворище в Великом Новгороде // АО 2007 г. М.: ИА РАН, 2010. С. 45–61.
- Черных, 1996 — Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М.: Нох, 1996. 212 с.
- Шахматов, 1908 — Шахматов А. А. Мстислав Лютый в русской поэзии // Сб. Харьковского историко-филологического общества, изданный в честь профессора Н. Ф. Сумцова. Харьков: Харьковское историко-филологическое общество, 1908. Т. XVIII. С. 75–93.
- Шахматов, 1919 — Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг.: Русский исторический журнал, 1919. 64 с.
- Шахматов, 2002 — Шахматов А. А. История русского летописания. СПб.: Наука, 2002. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды; Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. 484 с.
- Шевцов, 2017 — Шевцов А. О. Фоллисы императора Феофила (829–842) на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. 2017. № 1. С. 141–149.
- Шевцов, 2018 — Шевцов А. О. Коллекция византийских монет Гнёздова и Киева в контексте контактов Руси и Византии в IX–XI вв. // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. М.: Изд-во ГИМ, 2018 (Тр. ГИМ; 210). Вып. 1. С. 482–509.
- Щеглова, 2009 — Щеглова О. А. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток как отражение миграций или культурных влияний // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009 (Тр. ГЭ; Т. XLIX). С. 39–65.
- Янин, 1956 — Янин В. Л. Денежно-весовые системы Русского средневековья. Домонгольский период. М.: Изд-во МГУ, 1956. 208 с.
- Янин, 1981 — Янин В. Л. Буевище «Петрятино дворище» в Новгороде // АЕ за 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 80–91.
- Янин, 1982а — Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. Л.: Наука, 1982. Вып. 1 (11). С. 79–95.
- Янин, 1982б — Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 138–155.
- Янин, Алешковский, 1971 — Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.
- Янин и др., 1981 — Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С. Отчет Новгородской археологической экспедиции МГУ и ИА АН СССР за 1980 г. М., 1981 // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 8049.
- Янсон, 1999 — Янсон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М.: Русские словари, 1999. С. 18–38.
- Dejevsky, 1977 — Dejevsky N. J. Novgorod: The Origins of a Russian Town // European Towns: Their Archeology and Early History. London: Academic press, 1977. P. 391–402.
- Franklin, Shepard, 1996 — Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus 750–1200. London: Lomgman, 1996. 450 p.
- Garipzanov, 2006 — Garipzanov I. The Annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos // Ruthenica. Київ, 2006. Vol. 5. P. 3–8.
- Kleiber, 1957 — Kleiber B. Zu einigen Ortsnamen aus Gardarike // Scando-Slavica. 1957. Т. 3. P. 215–223.
- Kolditz, 2017 — Kolditz S. Barbarian Emperors? Aspects of the Byzantine Perception of the qaghan (chaganos) in the Earlier Middle Ages // Transcultural approaches to the concept of imperial rule in the Middle Ages. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2017. P. 42–76.
- Musin, 2020 — Musin A. North-Western Russia in the 1st Millennium AD: New challenges for a traditional archaeological panorama // Quo vadis, Frühgeschichtliche Archäologie? Standpunkte und Perspektiven (Berlin, 6.–8. Oktober 2014). Tagungsbeiträge der Arbeitsgemeinschaft Spätantike und Frühmittelalter. Bd. 9. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2020. P. 271–307.
- Ostrowski, 2003 — Ostrowski D. The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003 (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Vol. X, part 1–3). 2368 p.
- Ostrowski, 2008 — Ostrowski D. Where was Rurik's first seat according to Povest' vremennykh let? // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2008. № 3 (33). С. 47–48.
- Platonova, 2016 — Platonova N. I. Problems of early medieval Slavonic Archaeology in Russia (a view from St. Petersburg) // European Journal of Postclassical Archaeologies. Padova, 2016. Vol. 6. P. 333–416.
- Reynolds, 1982 — Reynolds S. An introduction to the history of English medieval towns. Oxford: Oxford University Press, 1982. 234 p.
- Tochilova, 2018 — Tochilova N. Viking traces — artistic tradition of the Viking Age in applied art of pre-Mongolian Novgorod // Situne Dei. Sigtuna. 2018. P. 48–61.

Ryurik Gorodishche, Yaroslavovo Dvorishche and Novgorod the Great

A. E. Musin

This paper presents a review of E. N. Nosov's notions on the origins and early history of Novgorod, Princely Court and Gorodishche; new hypotheses in this sphere are critically evaluated. The historical memory preserved in the Chronicle about Slavic settlement at Gorodishche prior to the appearance of the hillfort of Rurik, the first Novgorod, in the third quarter of the 9th century is confirmed. The history of different areas of Gorodishche is argued. The observations are based on the correlation between the hand-made and turned pottery and dendrochronology of wooden elements came from the excavation of workshop and living structures and wood-clay bread ovens. Hypotheses are proposed concerning the synchronization of early history of Gorodishche and Novgorod. The decrease of Gorodishche in the 890–920s corresponds to the emergence of the earliest settlements at Torgovaya Side in Novgorod at Slavno (Kholm) and Dvorishche hills. It is exactly in this period that the toponym Kholmgrad can have appeared here. The revival of Gorodishche in the 930–950s is synchronous to the emergence of settlements at Sofiyskaya Side at Northern and Southern kremlin hills and on the territories of Lyudin and Nerevsky Ends. The appearance of the Princely Court near Torg (Market or trade area) is dated to the 970s and corresponds to the new decline of Gorodishche in the third quarter — the end of the 10th century. Its decline was reflected to the breakdown of bread ovens served for the princely retinue. Simultaneously, the prince's jurisdiction covers the Kremlin hills where a common urban religious centre arises. The bridge over the Volkhov and Slavenskaya Street as a part of the way to Gorodishche built at this time united the proto-urban settlements into the town of Novgorod. The construction of the Detinets (kremlin) in the 11th century around the Episcopal residence as a centre of new town in the Eastern Europe, completed the formation of the urban settlement. At the end of the 11th century the princely residence was transferred from the Torg to Gorodishche. Here it is highlighted that the hypotheses proposed by E. N. Nosov concerning the origins of Gorodishche and Novgorod and social and historical correlation between two settlements have generally stood the test of time.

Афригидская драхма из ближайшей округи Новгородского городища (новый взгляд через 40 лет)

П. Г. Гайдуков, А. А. Гомзин¹, М. В. Шорин

Аннотация. Авторы обратились к уже публиковавшейся в 1981 г. афригидской драхме последней четверти VIII в., обнаруженной при углублении речного русла в районе Новгородского городища. В результате проведенного исследования была уточнена атрибуция монеты. Изучение металлического содержания находки, ее сохранности и обращения восточного монетного серебра в Ильменско-Волховском регионе позволили сделать заключение о наиболее вероятном времени ее попадания на указанную территорию.

Annotation. The present authors reconsider the already published in 1981 Afrighid drachm of the last quarter of the 8th century AD found during the deepening of the riverbed near the Novgorod townsite. A new investigation has resulted in a more exact attribution of the coin. The examination of the metal of the find, its state of preservation and the circulation of the eastern monetary silver in the Ilmen-Volkhov region have allowed us to conclude on the most probable time of its occurrence in the territory under consideration.

Ключевые слова: Новгородское городище, Афригиды, хорезмшах Азкаквар II, восточные монеты, драхма, анализ металла.

Keywords: Novgorod townsite, Afrighids, Khwarazm-Shah Azkatsvar II, eastern coins, drachm, analysis of metal.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-76-79

Летом 1978 г. в намытом при углублении русла р. Волхов в районе Новгородского городища песчаном грунте была найдена половинка афригидской серебряной монеты размером 24 × 12 мм и весом 1,1 г. Первоначальное местоположение переотложенной находки можно предположительно связывать с западной частью городищенского холма, размытого рекой за несколько веков. В публикации П. Г. Гайдукова и А. Б. Никитина 1981 г. монету атрибутировали как драхму хорезмшаха Азкаквара II, отчеканенную в последней четверти VIII в. (Гайдуков, Никитин, 1981. С. 114–115)².

На лицевой стороне монеты изображен профиль вправо коронованного мужчины в окружении

согдийской легенды с именем эмитента. На оборотной стороне — всадник на коне вправо, держащий в вытянутой руке неясный предмет типа жезла или нагайки; круговая легенда выполнена хорезмийским алфавитом. С лицевой стороны монеты по краю расположено 12 насечек (царапин); с оборотной — две насечки (царапины), в том числе одна по линии обрезки (рис. 1).

По классификации Б. И. Вайнберг, подобные драхмы относятся к типу ГVI, который распределяется на три подтипа — а, б и в. Два последних несут на себе выполненные арабским письмом легенды, расположенные над крупом коня и/или перед человеческим профилем (Вайнберг, 1977. С. 62, 64). Несмотря на то что половина монеты, где находились значимые для атрибуции дифференцы, оказалась утрачена, публикаторы, на основании сохранившихся деталей изображений, отнесли драхму к подтипу ГVIa. При этом в результате какой-то механической ошибки в статье стал фигурировать тип ГIV вместо ГVI. Поскольку на Рюриковом

¹ Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия.

² Повторное изучение хорезмийской драхмы проведено в связи с подготовкой сводки находок ранне-средневековых восточных монет из Новгорода и его округи.

городище не было известно культурных отложений, синхронных времени чеканки монеты, авторы приурочили попадание рассматриваемого экземпляра на поселение к периоду не ранее середины — конца X в. (Гайдуков, Никитин, 1981. С. 115–116).

Некоторое время назад В. Н. Настич и Е. Ю. Гончаров выделили и опубликовали группу серебряных монет, внешне напоминающих описываемый тип афригидских драхм, но отличающихся арабскими легендами. Исследователи отнесли их к чекану сырдарьинских огузов. Им также удалось прочесть неясное арабское имя — ‘Абд Аллах б. Тахир — на л. с. некоторых монет и соотнести его с представителем династии Тахиридов, аббасидских наместников Хорасана, а не арабским именем хорезмшаха Азкацвара II, как считалось ранее (Вайнберг, 1977. С. 62, 81; Гайдуков, Никитин, 1981. С. 115; Гончаров, Настич, 2013. С. 87–88).

Принимая во внимание это обстоятельство, А. И. Наймарк считал, что рассматриваемая новгородская драхма также содержала упоминание ‘Абд Аллаха б. Тахира арабским письмом (Наймарк, 2015. С. 31). Ссылаясь на проведенные анализы металла поздних хорезмийских монет, которые имели обогащенный серебром поверхностный слой, исследователь пришел к выводу, что из-за данного факта эти драхмы не могли попасть в Восточную Европу в качестве весового серебра, и предположил, что они были завезены непосредственно хорезмийскими купцами (Там же).

Учитывая, что для бассейна Волхова и Ильменя находка подобной монеты пока остается уникальной и достаточно редкой для Восточноевропейского региона в целом, имеет смысл снова к ней обратиться для уточнения некоторых не совсем ясных моментов, появившихся со времени ее публикации.

Среди доступных авторам изображений афригидских драхм типа GVI не удалось обнаружить экземпляры одноштемпельные рассматриваемому лучшей сохранности. Ближе всего по палеографическим и штемпельным особенностям оказались монеты с именем Азкацвара, относящиеся к варианту, где над крупом коня расположены полумесяц и повторяющий его конфигурацию ряд точек (Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 99989–99991). Таким образом, есть основания полагать, что никаких имен арабским письмом на новгородской драхме не было, а А. И. Наймарк просто не разобрался в ее описании.

Рис. 1. Афригиды, хорезмшах Азкацвар II, драхма
Fig. 1. Afrighids, Khwarazm-Shah Azkatsvar II, drachm

Его заключение о том, что монеты данного типа в Восточной Европе не рассматривались как источник драгоценного металла, также не выдерживает критики. Как уже упоминалось, на новгородской драхме присутствует большое количество насечек. Эти физические повреждения использовались для проверки качества серебра (подробнее см., например: Жуковский, 2019. С. 150–154). Точно такие же насечки можно видеть и на куфических дирхамах, сасанидских и арабо-сасанидских монетах, как одиночных, так и из восточноевропейских кладов. К тому же драхма была разрезана надвое, что дало дополнительное представление о ее металлическом содержании. Химический анализ состава металла показал, что монета изготовлена из высокопробного серебра³.

Необходимо определиться с условиями и временем попадания монеты в рассматриваемый регион. Обнаружение драхмы в намытом речном песке поблизости от Рюрикова городища может предполагать, но не означать, что когда-то она обязательно попала в культурный слой этого поселения. Поэтому стратиграфическая ситуация на памятнике не может играть какой-либо роли в определении хронологии ее поступления и обращения.

Куфические монеты в бассейн Волхова и Ильменя стали поступать достаточно рано по сравнению

³ Анализ РФА на спектрометре M1 Mistral проведен И. А. Сапрыкиной 02.06.2020 г. Состав металла монеты: Cu — 3,70 %, Ag — 94,95–95,00 %, Au — 0,77 %, Pb — 0,50 %, Bi — 0,05 % (нет на спектре), Fe — 0 % (есть на спектре).

с другими древнерусскими землями. В Старой Ладогe известны два клада (1875, 1892 гг.), сформировавшиеся в конце VIII в. (Кирпичников, 1995. С. 37, № 1; Марков, 1910. С. 33, № 181; С. 140, № 24; Пахомов, 1926. С. 77, № 254; Янин, 1956. С. 74). Кроме того, особенностью данного региона является заметное присутствие мусульманских серебряных монет второй половины VIII — IX в. в культурных напластованиях X — начала XI в., что ранее уже неоднократно отмечалось (см., например: Гайдуков, Гомзин, 2019. С. 72–74; Гайдуков и др., 2007. С. 86–87; Гомзин, 2018б. С. 47; 2019. С. 142; Кирпичников, 1995. С. 43; Носов и др., 2017. С. 129).

Вместе с тем возможность сужения хронологического диапазона попадания сюда хорезмийской драхмы все же существует. Следует

обратить внимание на уже упоминавшиеся на ней насечки. На территории Древней Руси и сопредельных с ней землях монеты с таким видом повреждений находятся в кладах конца VIII — первой половины IX в. Со второй половины столетия их становится существенно меньше, и к X в. они уже если и встречаются, то как достаточно редкое явление. В качестве примера приведем новгородский Мшагский клад 840-х гг., где 25 из 26 монет имели насечки (Гомзин, 2017; 2018а). Соответственно попадание драхмы в Ильменско-Волховский регион в первой половине IX в. в общем потоке с куфическими дирхамами можно считать наиболее вероятным, что вполне коррелируется и со временем чеканки монет подтипа GV1a.

Вайнберг, 1977 — Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977. 194 с.

Гайдуков, Гомзин, 2019 — Гайдуков П. Г., Гомзин А. А. Восточные монеты в Ильменском Поозерье (находки 2001–2002 гг.) // НЧ ГИМ 2019 года. К 90-летию А.С. Мельниковой и 100-летию В. В. Узденикова: Материалы докл. и сообщ. М., 2019. С. 69–74.

Гайдуков, Никитин, 1981 — Гайдуков П. Г., Никитин А. Б. Хорезмийская серебряная монета конца VIII в. с Новгородского городища // КСИА. 1981. Вып. 166: Средневековые древности. С. 114–117.

Гайдуков и др., 2007 — Гайдуков П. Г., Молчанов А. А., Носов Е. Н. Находки восточных монет VI–X вв. на Новгородском (Рюриковом) городище // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник: Материалы междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 82–88.

Гомзин, 2017 — Гомзин А. А. Клад куфических монет 2016 г. из Новгородской области // Памятники средневековой археологии Восточной Европы: К юбилею М. Д. Полубояриновой. М.: ИА РАН, 2017. С. 95–104.

Гомзин, 2018а — Гомзин А. А. Вторая часть Мшагского клада куфических монет // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: ИА РАН, 2018. С. 161–165.

Гомзин, 2018б — Гомзин А. А. Материалы к топографии находок восточных монет в Приильменьи и Поволховье // НЧ ГИМ 2018 года. К 100-летию отдела нумизматики Государственного исторического музея. Материалы докл. и сообщ. М., 2018. С. 46–52.

Гомзин, 2019 — Гомзин А. А. Куфические монеты из раскопок церкви Благовещения на Рюриковом городище 2016 г. // Архитектурная археология. М.: ИА РАН, 2019. № 1. С. 140–144.

Гончаров, Настич, 2013 — Гончаров Е. Ю., Настич В. Н. Монеты сырдарьинских огузов IX в. // Тюркологический сборник. 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Наука, Вост. лит., 2013. С. 80–91.

Жуковский, 2019 — Жуковский М. О. Инструменты для малых взвешиваний Древней Руси (IX–XIII вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — Археология: защищена 16 декабря 2019 года: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова». М., 2019. 402 с.

Кирпичников, 1995 — Кирпичников А. Н. Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Древняя Русь: новые исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995 (Славяно-русские древности; Вып. 2). С. 28–53.

Марков, 1910 — Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. 155 с.

Наймарк, 2015 — Наймарк А. И. Замечания о восточноевропейских находках бухарских и хорезмских монет VI–IX вв. // II Междунар. нумизматическая конф. «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.»: Материалы докл. и сообщ. СПб.: Знак, 2015. С. 28–33.

Носов и др., 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIX). 288 с.

Пахомов, 1926 — *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Баку: АзФАН, 1926. Вып. I. 100 с.

Янин, 1956 — *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.: Изд-во МГУ, 1956. 207 с.

Afrighid drachm from the nearest environments of the Novgorod townsite (a new view 40 years afterwards)

P. G. Gaydukov, A. A. Gomzin, M. V. Shorin

This paper considers the published in 1981 Afrighid drachm of ГVIa subtype (after B. I. Weinberg) of the last quarter of the 8th century, found during the deepening of the riverbed near the Novgorod townsite. This find, rare in Eastern Europe, was cut into two so that some of the features important for its attribution turned to be lost. A comparison with other similar examples showed that this coin belongs to the variant where, over the croup of the horse, there are a crescent and a series of dots repeating its configuration. Contrary to the opinion of Aleksandr I. Naymark, there were no names in the Arabic script on it. Analysis has revealed a fairly high percentage of silver (up to 95 %) in the coin. This circumstance, together with the presence of notches on it left by a check of the quality of the metal, suggests that the drachm was brought to the Ilmen-Volkhov region together with silver Kufic coins. Taking in consideration the peculiarities of the circulation and use of dirhams, the most probable time when this took place is possibly the first half of the 9th century.

Раскопки участка рва Рюрикова городища при архитектурно-археологических исследованиях церкви Благовещения в 2016–2017 гг.

А. А. Кудрявцев¹

Аннотация. В 2016–2017 гг. в ходе архитектурно-археологических исследований церкви Благовещения были проведены небольшие разведочные работы (шурф и зондаж) для уточнения трассы рва Рюрикова городища. Из-за близости к фундаментам раскопками была затронута только его песчаная засыпка. Тем не менее было установлено, что восточная часть храма начала XII в. определенно стояла на месте засыпанного рва, из-за чего он, по всей видимости, и был разобран в 1342 г. Западная граница рва проходила примерно к западу от его апсид. Результаты работ подтверждают выводы Е. Н. Носова о причинах разрушения церкви Благовещения.

Annotation. In 2016–2017, in the course of architectural and archaeological investigations of the Church of the Annunciation, small-scaled surveying works (trenching and probing) were conducted in order to define more precisely the line of the defensive ditch at Ryurik Gorodishche (Rurik's Hillfort). Because of the closeness to the foundations, the excavations touched only its sand backfill. Nevertheless, it has been established that the eastern section of the church of the early 12th century certainly stood in the place of the backfilled ditch and that was evidently the reason why the church was destroyed in 1342. The western boundary of the ditch passed approximately to the west of the temple's apses. The results of these works confirm E. N. Nosov's conclusions on the causes of the destruction of the Church of the Annunciation.

Ключевые слова: церковь Благовещения, Рюриково городище, фортификации, укрепления, фундаменты.

Keywords: Church of the Annunciation, Ryurik Gorodishche, fortifications, defensive ditch, foundations.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-80-87

Древнейшие укрепления Новгородского (Рюрикова) городища исследовались Новгородской областной археологической экспедицией (НОЭ ИИМК РАН) под руководством Е. Н. Носова на протяжении многих полевых сезонов.

В ходе этих работ на восточном склоне городищенского холма к юго-востоку от церкви Благовещения был выполнен разрез рва торгово-ремесленного поселения, что позволило определить его направление, ширину (27–28 м) и глубину (4,5 м), проследить стратиграфию заполнения. В том числе были открыты печи, врезанные в склон рва, постройки хозяйственного назначения, расположенные по его краю, изучен черный культурный

слой, сброшенный в ров уже после прекращения его функционирования (Носов, 1990. С. 152–153; Носов, Плохов, 2005. С. 48–50; Хвоцинская, 2017. С. 84–103). В 2013–2016 гг. ров был зафиксирован И. И. Еремеевым северо-западнее церкви (Носов, Хвоцинская, 2018. С. 56). В 2000–2003 гг. открыты и следы дубово-земляных оборонительных конструкций на южном склоне городищенского холма (Носов, 2007. С. 35).

Создание этих фортификационных сооружений относится ко второй половине IX в., а на рубеже IX–X вв. они прекращают свое существование и больше не возобновляются.

Исследования погребенной почвы заполнения рва показали, что еще в XI в. он стоял открытым (Александровский и др., 2014. С. 100, рис. 2). Окончательно же ров был засыпан примерно в конце XI в., что было связано с нивелировочными работами

¹ Научно-отраслевой архив Института археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия; E-mail: a-kudravtsev@yandex.ru.

перед возведением церкви Благовещения в 1103 г. и общей перепланировкой княжеской резиденции (*Хвоцинская*, 2017. С. 102).

Наиболее близкими рассматриваемым фортификациям аналогиями являются укрепления Киева на Старокиевской горе, схожие по хронологии, конструктивным особенностям и глубине рвов (*Носов*, 2007. С. 35; *Михайлов*, 2010. С. 314–315).

К. А. Михайлов указывает также, что они соотносятся и со славянскими укреплениями Северной Германии и польского Поморья, отмечая, что происхождение исходной строительной традиции еще требует дальнейшего изучения (*Михайлов*, 2009. С. 283–286).

Результаты работ еще конца 1980-х гг. позволили предположить, что трасса древнего рва проходила под церковью Благовещения или рядом с ней, что, видимо, и послужило причиной разбора этого монументального сооружения в 1342 г. Из-за подвижности и проседания грунтов фундаменты храма могли потерять устойчивость (*Носов*, 1990. С. 154).

В 1342–1343 гг. на этом же месте возводится новая церковь с одной апсидой, размеры и план которой уже не основывались на предшествующем храме (*Седов*, 1999. С. 394).

В 2016–2017 гг. силами Новгородского архитектурно-археологического отряда (НААО ИА РАН) под руководством Вл. В. Седова были проведены масштабные раскопки церкви Благовещения. В ходе этих работ были открыты лестничная башня, стены и фундаменты храма 1103 г. (*Седов*, *Вдовиченко*, 2018. С. 33–39). Как оказалось, конструкции церкви фактически законсервировали культурный слой, относящийся к раннему этапу истории Рюрикова городища. При этом данные напластования раскапывались не широкой площадью, а небольшими шурфами между фундаментными лентами. Тем не менее удалось установить время заселения данного участка (середина X в.), исследовать фрагмент постройки, выявить развалы трех печей-каменок этого времени, получить значительную коллекцию находок, которая характеризует данный участок как ремесленную зону (*Кудрявцев*, *Андрюченко*, 2018. С. 48–53).

Но непотревоженные напластования были изучены только под той частью храма 1103 г., которая выходит за пределы ныне существующих руин церкви Благовещения 1342–1343 гг. (к западу от ее стены). Следов каких-либо укреплений на этом участке выявлено не было.

Чтобы подтвердить наличие древнего рва под храмом, были проведены небольшие разведочные работы в юго-восточном секторе раскопа, ориентированного по плану храма XII в.: зондаж (2016 г.) и шурф (2017 г.) (рис. 1).

Зондаж был прокопан с отметки -200 см² в углу участка, опоясывающего церковь XIV в. снаружи. Разбирался он в виде треугольника (1 кв. м). Впоследствии зондаж постепенно сужался, он вскрывался уже ступеньками вплоть до отметки -330 см (рис. 2, 1–2). На этом уровне работы в этом секторе были прекращены.

Верхнюю часть профиля составляет перемешанный слой, представляющий собой светло-серую супесь со строительным мусором, ниже прослежены слои строительства храмов XII и XIV в. Далее, с отметки -200 см, читались аморфные прослойки слабогумусированного и среднегумусированного песка с незначительными вкраплениями угля. Вплоть до самой нижней отметки зондажа такое заполнение в целом не меняется за исключением незначительных изменений степени гумусированности песка и большим или меньшим количеством включений угля. Из данных напластований происходит незначительное количество костей животных и фрагментов лепных сосудов, в том числе два венчика.

Рассмотренный песчаный грунт, разделенный на прослойки, под горизонтом строительства храма XII в. соотносится с верхней частью засыпки рва Рюрикова городища. В публикациях НОЭ чертежей его разреза данный слой представлен как единая и однородная структура (*Хвоцинская*, 2017. С. 102–103, рис. 40).

Шурф на участке между юго-восточным столбом и южной стеной храма XIV в. был заложен в 2 м к северу от зондажа, его площадь составляет 1,8 кв. м (рис. 2, 3–5). При этом их заполнения значительно различаются.

С юга и севера шурф ограничен конструкциями церкви XIV в., с запада — развалом южной апсиды храма XII в., вследствие этого только по восточному профилю возможно проследить его стратиграфию в полной мере. Верхние перемешанные напластования сменяет мощный перекоп советского времени, из которого происходят

² Как и при работах НОЭ использовался репер на южной стороне абсиды церкви Благовещения XIV в. Его отметка относительно уровня Балтийского моря — +30,394 (*Седов*, 2016. С. 20).

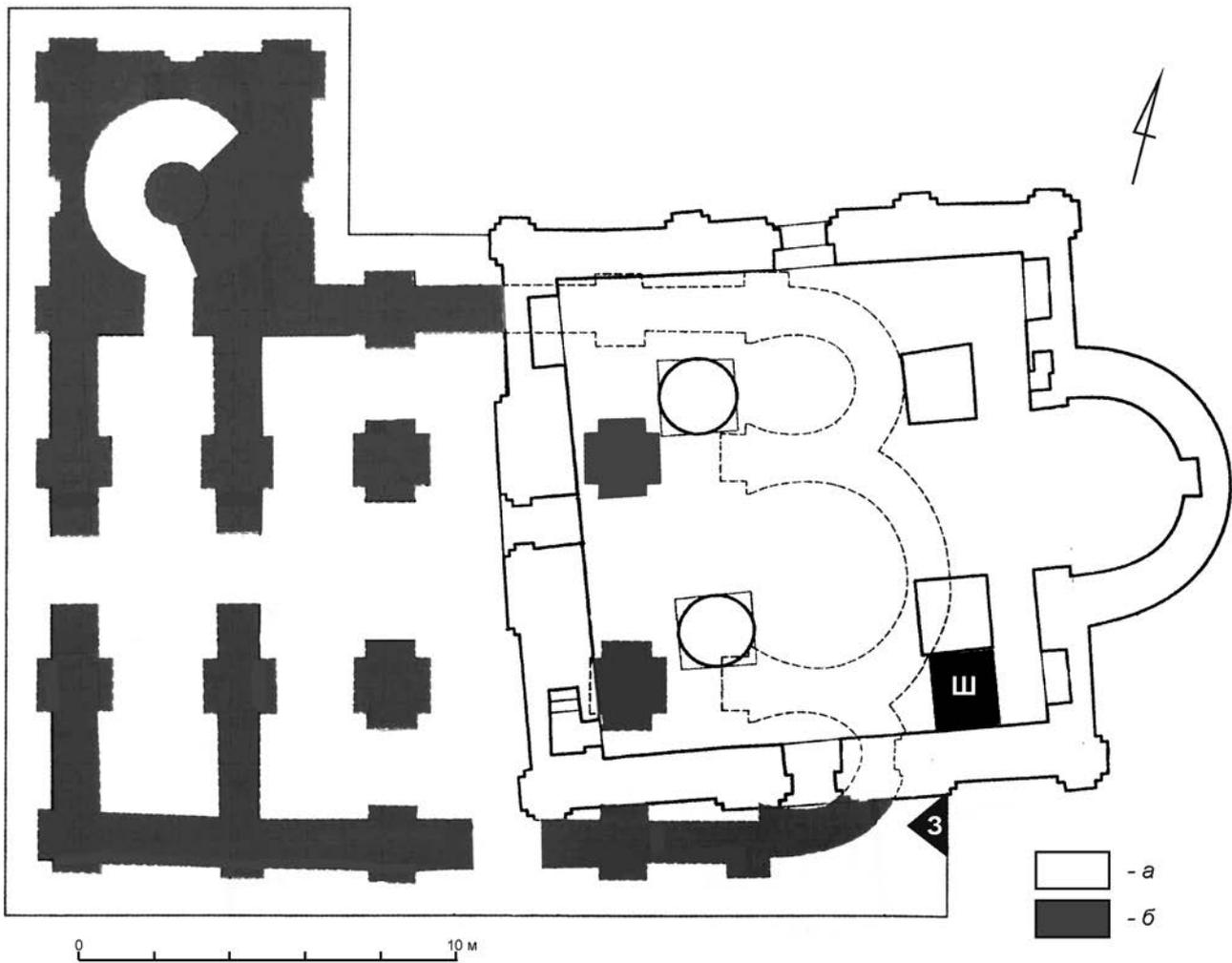

Рис. 1. Церковь Благовещения на Рюриковом городище, план (а — конструкции церкви начала XII в.; б — церковь XIV в.; 3 — зондаж; Ш — шурф)

Fig. 1. The Church of the Blagovesheniye at Gorodishe, plan (a — the constructions of the church of the beginning of XII century; б — the church of XIV century; 3 — exploratory pit; Ш — trench)

Рис. 2. Церковь Благовещения на Рюриковом городище. Архитектурно-археологические исследования 2016–2017 гг.: 1–2 — зондаж: 1 — вид с запада; 2 — восточный профиль (2016 г.); 3–5 — шурф: 3 — вид с востока; 4 — северный профиль; 5 — восточный профиль (2017 г.). Условные обозначения: а — известковый раствор; б — зола; в — уголь; г — горелое дерево; д — кирпичный бой; е — известковая линза с кирпичной крошкой; ж — известково-цемяночный раствор со строительным мусором; з — известково-цемяночная линза; и — светло-серая супесь со строительным мусором; к — светло-серая супесь с цемянкой и строительным мусором; л — светло-серая супесь и среднегумусированный песок с включением угля и цемянки; м — коричневая супесь с включением угля и цемянки; н — слабогумусированный песок; о — слабогумусированный песок с включением глины; п — слабогумусированный песок с включением угля; р — среднегумусированный песок с включением угля; с — среднегумусированный песок с включением угля и золы; т — среднегумусированный песок с включением угля и древесного тлена; у — среднегумусированный песок с включением угля и извести; ф — среднегумусированный песок с включением угля, золы и древесного тлена; х — среднегумусированный и слабогумусированный песок с включением угля; ц — слой разрушения храма XII в.; ч — перемешанный слой; ш — перекоп военного времени

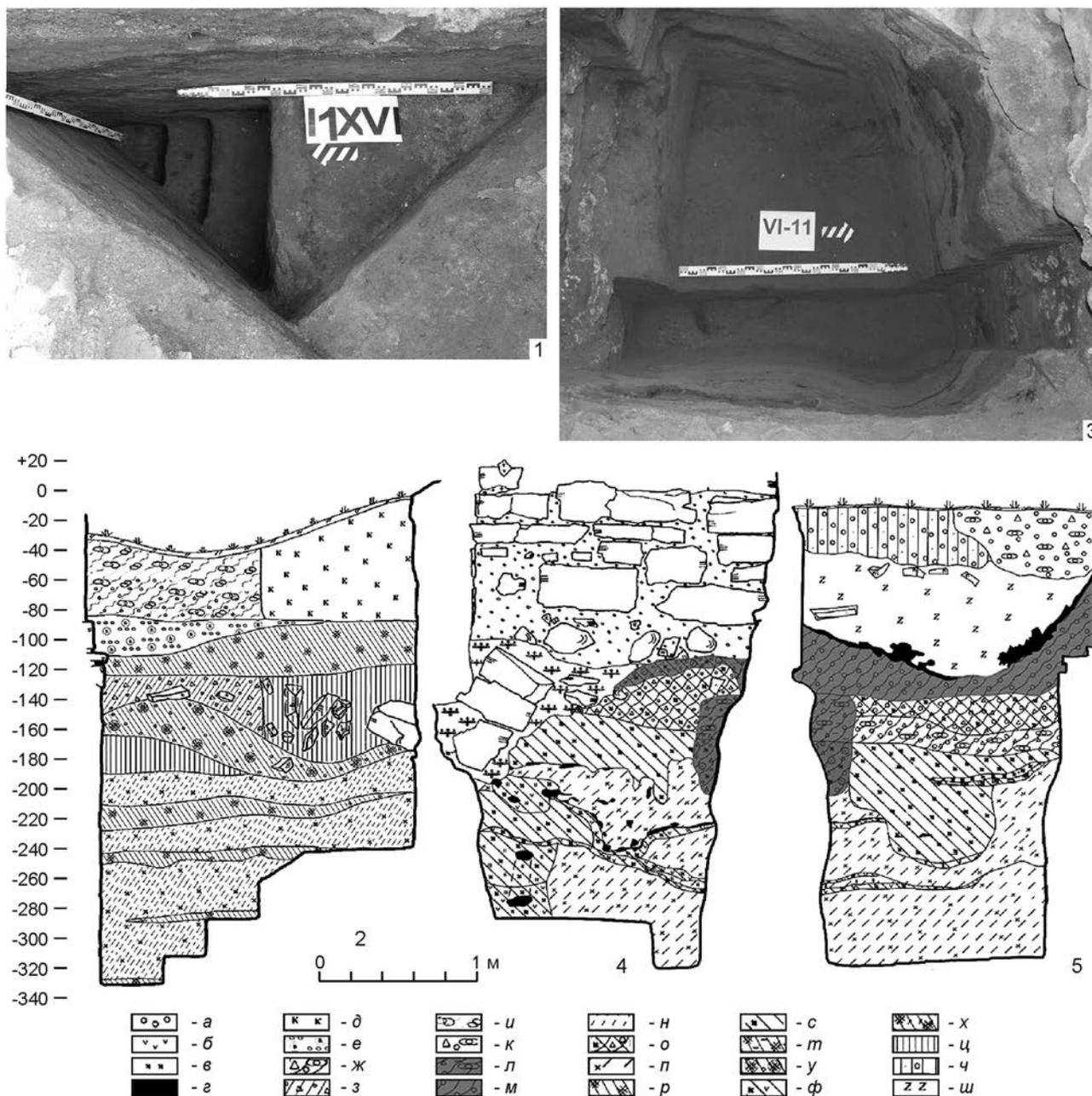

Fig. 2. The Church of the Blagovesheniye at Gorodishe. Architectural and archaeological investigations in 2016–2017: 1, 2 — exploratory pit (2016): 1 — view from west; 2 — eastern profile; 3–5 — trench: 3 — view from east; 4 — northern profile; 5 — eastern profile (2017). Legend for the figure: *a* — lime mortar; *б* — ashes; *в* — charcoal; *г* — burnt wood; *д* — broken bricks; *е* — lime lens with crushed bricks; *ж* — lime and crushed brick mortar (tsemyanka) with building trash; *з* — lime and crushed brick mortar lens; *и* — light gray loamy sand with building trash; *к* — light gray loamy sand with tsemyanka and building trash; *л* — light gray loamy sand and medium-humic sand with inclusion of charcoal and tsemyanka; *м* — brown loamy sand with inclusion of charcoal and tsemyanka; *н* — slightly humic sand; *о* — slightly humic sand with inclusion of clay; *п* — slightly humic sand containing charcoal; *р* — medium-humic sand with inclusion of charcoal; *с* — medium-humic sand with inclusion of charcoal and ashes; *т* — medium-humic sand with inclusion of charcoal and rotten wood; *у* — medium-humic sand with inclusion of charcoal and lime; *ф* — medium-humic sand with inclusion of charcoal, ashes and rotten wood; *х* — medium-humic and slightly humic sand with inclusion of charcoal; *ц* — destruction layer of the church of the 12th century; *ч* — mixed layer; *ш* — layer dug-over during the wartime

Рис. 3. Архитектурно-археологические исследования церкви Благовещения на Городище в 2017 г. Шурф: 1 — бусина; 2 — колокольчика (?) фрагмент.

1 — сердолик; 2 — бронза

Fig. 3. Architectural and archaeological investigations of the Church of the Annunciation at Gorodishche in 2017. Trench: 1 — bead; 2 — fragment of a small bell (?).

1 — cornelian; 2 — bronze

железные листы, строительный мусор, горелое дерево, хвостовые части мин, осколки минометных снарядов, гильзы исключительно от немецких патронов. Данный слой подстилал провалившийся древесный тлен, что позволяет осторожно предположить наличие на этом месте землянки в военное время.

Под этими напластованиями обнаружили неповрежденные слои, связанные с горизонтом строительства храма XIV в. (темно-серая супесь с известковым раствором), который ниже был представлен вместе со среднегумусированным песком. В дальнейшем, как и при разборе заполнения зондажа, читались слои, связанные со строительством церкви уже начала XII в. (светло-серая супесь, среднегумусированный песок, известково-цемяночный раствор).

Ниже заполнение уже не содержало следов строительных горизонтов — последовал среднегумусированный песок, перемешанный с углем, отложение которого произошло прежде строительства храма в 1103 г. Далее снижалось общее количество включений угля, а песок становился менее гумусированным.

На уровне -190 см в этом же слое было открыто скопление горелых плах, сконцентрированное в южном секторе шурфа. Вплоть до отметки -220 см в разных частях шурфа были зафиксированы их фрагменты, а также полосы горелого древесного тлена. Вероятно, они являлись остатками неких

сторевавших и разобранных построек, сброшенных вместе с толщей песка. Отметим в этом слое и незначительные линзы золы.

Чуть ниже уровня границы слоя с горелыми плахами были обнаружены следующие находки: железная скоба (-225 см), сердоликовая многогранная шаровидная бусина с пятью-шестью угольными фасетками (-224 см). Бытование подобных бус не выходит за пределы рубежа X и XI в. (Давидан, 1998. С. 124, рис. 1, 4; Френкель, 2007. С. 101–102, рис. 4, 7). Рядом был найден и фрагмент бронзового изделия с массивной выпуклой стенкой (-230 см), возможно, являющегося обломком колокольчика (рис. 3, 1–2). Отметим находки целых колокольчиков, выявленных при археологических исследованиях торгово-ремесленного поселения Трусо (Jagodzinski, 2010. P. 188, fig. 312, 1–2).

В заполнении слоя с горелыми плахами зафиксировано и значительное количество костей животных и фрагментов круговых сосудов, в том числе секировидных венчиков, датирующихся концом X–XI в.³

С отметки -230 см основное заполнение шурфа в целом повторяет напластования зондажа на этом уровне: перед нами аморфный слабогумусированный песок с незначительным количеством включений угля, с большой вероятностью представляющий собой песчаную засыпку рва. Массовый материал был представлен единичными фрагментами лепных и круговых сосудов, незначительным количеством костей крупного и среднего рогатого скота⁴.

Разбор указанного слоя велся вплоть до отметки -290 см, далее в восточном секторе шурфа была прокопана траншея до -312/317 см. На этом уровне работы были остановлены. Как и при разборе напластований зондажа, это было обусловлено непосредственной близостью к фундаментам храма XIV в.

Напластования с горелыми плахами, которые покрывают слой песчаной засыпки, также являются грунтом, которым ров был засыпан в конце XI в. Открытым остается вопрос: по какой причине в непосредственной близости от будущего храма XII в. верхняя часть рва была засыпана не перенесенным издали слабогумусированным песком, а песком с остатками деревянных сооружений.

³ Определение П. Д. Малыгина.

⁴ Определение Л. В. Яворской и О. С. Лебедевой.

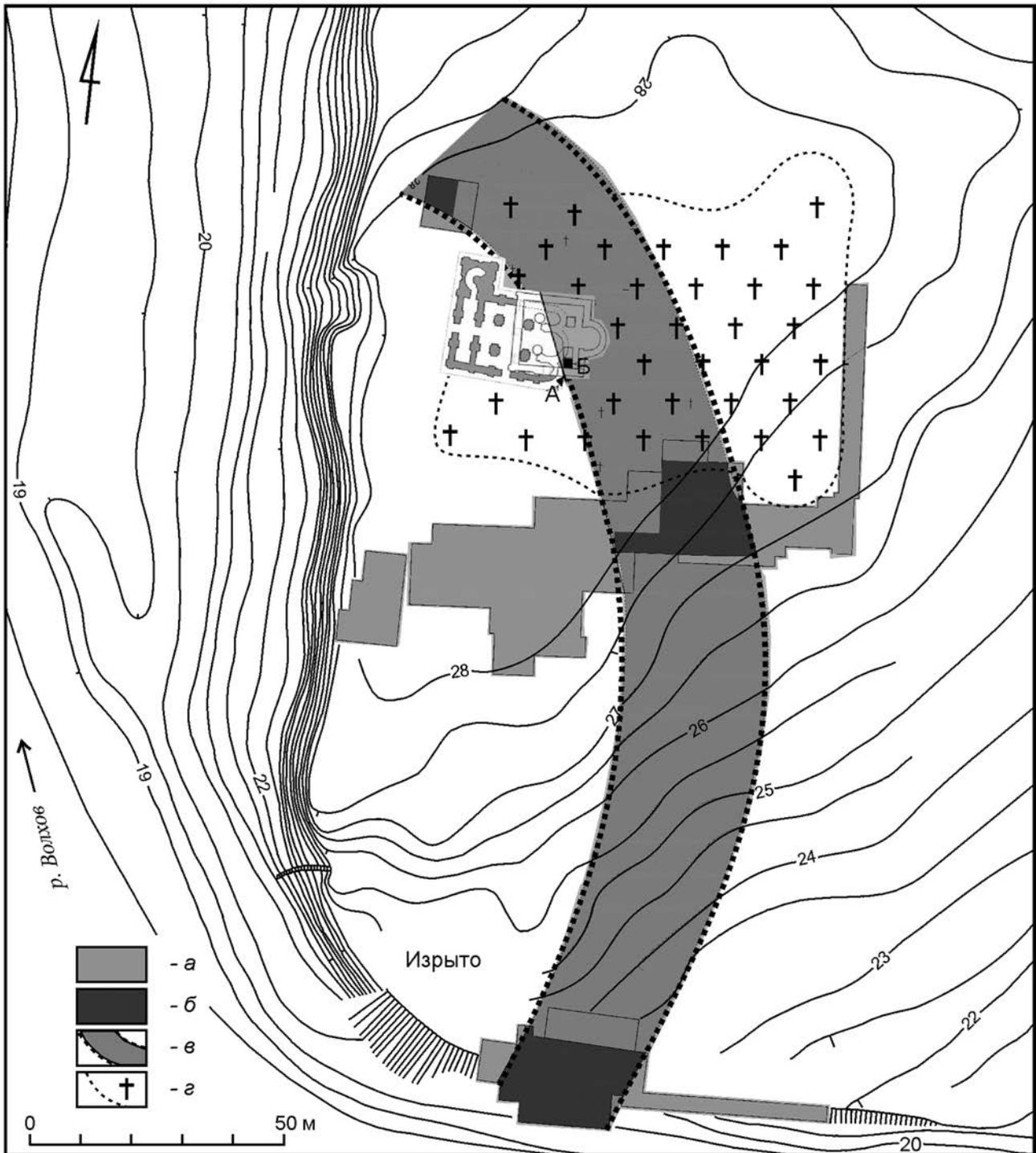

Рис. 4. Реконструкция трассы древнего рва Рюрика городища (Носов, Хвоцинская, 2018). Условные обозначения: а — раскопы; б — раскопанные участки рва; в — реконструируемые границы рва; з — современное кладбище; А — зондаж; Б — шурф

Fig. 4. Reconstruction of the line of the ancient moat at Ryurik Gorodishche (Носов, Хвоцинская, 2018). Legend: а — excavations; б — excavated parts of the ditch; в — reconstruction of the ditch border; з — present day cemetery; А — exploratory; Б — trench

Либо это свидетельство дополнительных нивелировочных работ, либо этот слой можно рассматривать только как локальное явление, не меняющее общей картины.

Небольшие по своему масштабу разведочные исследования НААО на участке рва Рюрикова городища, при которых по объективным причинам даже не был затронут сброшенный черный слой, показали, что восточная часть церкви Благовещения определенно стояла на его засыпанной части, что вызвало какие-то деформации в верхних конструкциях церкви 1103 г., которые, в свою очередь, впоследствии, через 140 лет после постройки, стали причиной ее намеренного разрушения и последующей разборки.

Состояние фундаментов, раскрытых в 2016 г., также подтверждает, что храм был именно разрушен,

а не разрушился сам — его заваленные стены и башня развалились минимум на три стороны (Вдовиченко, 2017. С. 77).

Отсутствие выявленных следов укреплений при исследованиях стратифицированных отложений Рюрикова городища между фундаментными лентами храма 1103 г. позволяет предположить, что западная граница рва второй половины IX в., засыпанного окончательно на рубеже XI–XII вв. перед постройкой каменного храма, проходила примерно между линией апсид и центральной частью его наоса (до западной стены церкви XIV в.).

Полученные данные практически полностью подтверждают реконструкцию траектории древнего рва Рюрикова городища (рис. 4), основанную на раскопках НОЭ (Носов, Хвоцинская, 2018. С. 57, рис. 2).

Александровский и др., 2014 — Александровский А. Л., Леонтьев А. Е., Кренке Н. А., Долгих А. В. Ранняя история ландшафтов древнерусских городов (становление культурного ландшафта) // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: ИА РАН, 2014. С. 99–107.

Вдовиченко, 2017 — Вдовиченко М. В. Ленточные фундаменты церкви Благовещения на Городище 1103 по результатам исследований в 2016 году // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М. Д. Полубояриновой / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2017. С. 69–79.

Давидан, 1998 — Давидан О. И. Сердоликовые изделия из Старой Ладоги // АСГЭ. СПб.: Аврора, 1998. Вып. 33. С. 123–132.

Кудрявцев, Андриенко, 2018 — Кудрявцев А. А., Андриенко А. В. Вещевые комплексы из раскопок церкви Благовещения на Городище под Новгородом в 2016 г. (предварительное сообщение) // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2018. Вып. 31. С. 47–53.

Михайлов, 2009 — Михайлов К. А. Анализ первых оборонительных сооружений Киева и Новгорода на фоне фортификационных традиций раннесредневековой Европы // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2009. Вып. 23. С. 269–288.

Михайлов, 2010 — Михайлов К. А. Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1. С. 308–315.

Носов, 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, Лен. отд., 1990. 209 с.

Носов, 2007 — Носов Е. Н. Тридцать лет раскопок Рюрикова городища: итоги и перспективы // У истоков российской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород) / Отв. ред. Носов Е. Н. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 23–58.

Носов, Плохов, 2005 — Носов Е. Н., Плохов А. В. Исследования центральной части Городища в 1984–1989 гг. // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 33–66.

Носов, Хвоцинская, 2018 — Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В. К истории возведения и разрушения древнейшего храма Благовещения на Городище (археологические наблюдения) // Всемирное наследие ЮНЕСКО: пути и перспективы развития ценностного потенциала памятников Северо-Запада России. Великий Новгород; СПб.: НГОМЗ, 2018. С. 50–58.

Седов, 1999 — Седов Вл. В. Церковь Благовещения на Городище. XIV век // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.: Русские словари, 1999. С. 391–404.

Седов, 2016 — Седов Вл. В. Отчет о научно-исследовательских спасательных археологических работах (раскопках) на объекте культурного наследия федерального значения «Церковь Благовещения на Городище» в Великом Новгороде в 2016 году. Т. 1 // НОА ИА РАН. Р-1. № 52676. 230 л.

Седов, Вдовиченко, 2018 — Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Археологические работы в церкви Благовещения

- на Городище, Георгиевском соборе Юрьева монастыря и в церкви Андрея на Ситке в 2016 г. // НиНЗ ИА. СПб.: Любавич, 2018. Вып. 31. С. 33–46.
- Хвоцинская, 2017* — *Хвоцинская Н. В.* Исследование центральной части городищенского холма в 2005–2010 гг. // Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб., 2017. С. 34–103.
- Френкель, 2007* — *Френкель Я. В.* Опыт датирования пойменной части Гнёздовского поселения на основании анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. М.: Альфарет, 2007. С. 78–117.
- Jagodzinski, 2010* — *Jagodzinski M. F.* Truso between Weonodland and Witland. Elblag, 2010. 216 p.

Excavations of the ditch area at Ryurik Gorodishche during architectural and archaeological investigations of the Church of the Annunciation in 2016–2017

A. A. Kudryavtsev

In 2016–2017, in the course of architectural archaeological investigations of the Church of Annunciation directed by Vl. V. Sedov, surveys were conducted in order to confirm the presence in 1103 of the moat of the Ryurik Gorodishche (Rurik Hillfort) under the temple. The results of excavations of the Novgorod Oblast Archaeological Expedition (NOAE) allowed E. N. Nosov, as early as in the late 1980s, to suppose that the line of the ancient moat passed under the Church of Annunciation or near it and this circumstance was in fact the reason for destruction of this monumental building in 1342.

Near the southern apse of the church of 1103, an exploratory pit (2016) and a trench (2017) were sunk. The lower layers above the building horizons there were constituted of amorphous sandy soil with small inclusions of charcoal and rare fragments of ceramic vessels and animal bones. In the trench, while digging this layer, an accumulation of burnt wooden blocks was found. In consideration of the closeness of the foundations of the church of the mid-14th century, the works at the two areas were suspended at a certain level.

Examinations of the results of previous excavations at Ryurik Gorodishche suggested that in the trench and exploratory pit, the upper layer of the moat was touched — the sand with which the latter was filled in the late 11th century.

Investigations of 2016–2017 have demonstrated that the eastern part of the church of the early 12th century undoubtedly stood on the place of the filled moat that evidently caused deformations of the construction. The western border of the moat passed possibly to the west from its apses. This supposition is suggested by the absence of any identified traces of defences in the stratified deposits of Ryurik Gorodishche between the foundation bands of the western part of the church as shown by excavations of 2016.

The evidence obtained from the excavations fully confirms E. N. Nosov's supposition about the causes of the destruction of the Church of Annunciation and presents more precise details for the reconstruction of the line of the ancient ditch of Ryurik Gorodishche proposed by him and N. V. Khvoshchinskaya.

Раннесредневековые стеклянные изделия Рюрикова городища¹

А. В. Плохов²

Аннотация. Статья посвящена немногочисленным раннесредневековым стеклянным находкам, встреченным при раскопках Рюрикова городища, таким как обломки сосудов, золотостеклянная тессера, фрагмент оконного стекла и украшенная гравировкой пластинка. Рассматриваются их морфология, химический состав, а также возможное происхождение.

Annotation. This article is devoted to the rather rare early mediaeval glass finds encountered during excavations of Rurik Gorodishche representing fragments of vessels, gold-glass tesserae, a fragment of window glass and a plaque decorated with engraving. Their morphology, chemical composition and the presumable provenance are considered.

Ключевые слова: Рюриково городище, раннесредневековое стекло, стеклянные сосуды, стеклянные тессеры, оконное стекло, химический состав.

Keywords: Rurik Gorodishche, Early Medieval glass, glass vessels, glass tesserae, window glass, chemical composition.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-88-108

Многолетние исследования показали, что в IX–X вв. Рюриково городище являлось крупнейшим военно-административным и торгово-ремесленным центром Приильменя (Носов, 1990; Носов и др., 2005; 2017). В раннем средневековье это поселение находилось в ключевой точке двух важнейших международных водных путей Восточной Европы — балтийско-волжского и балтийско-днепровского. Об активном участии жителей Городища в дальней торговле говорят разнообразные артефакты, привезенные из разных уголков Евразии. В ходе раскопок на памятнике найдено большое количество стеклянных предметов. В основном это бусы, которые составляют вторую по численности после керамики категорию находок. Других стеклянных изделий в раннесредневековых отложениях Рюрикова городища встречено существенно меньше. Среди них представлены обломки посудного стекла,

фрагмент оконного стекла, мозаичный модуль (Носов и др., 2017. С. 41, 148, 160, 205, 215, рис. 4, 1–19, 37, 39, 44) и украшенная гравировкой пластинка (Френкель, 2016. С. 458, рис. 16; Носов и др., 2017. С. 155).

Всего при исследованиях Городища зафиксировано более двух десятков обломков сосудов: 9 венчиков и 12 стенок³. Они встречены в раскопках, расположенных в разных частях памятника.

Большая их часть (14 фр.) происходит из раскопа 2011 г., расположенного в юго-западной части городищенского холма: 11 фр. — сооружение № 1 (рис. 1, 3–5, 14–21)⁴; 1 фр. — сооружение № 5

³ Из раннесредневекового комплекса № 3, исследованного на площади центрального раскопа в 1981 г., происходит донце стеклянного сосуда на кольцевом поддоне, полученном путем двойной намотки круглого в сечении дрота. Поверхность предмета покрыта толстым желтоватым слоем патины. По-видимому, это донце, так же как отмеченная Е. Н. Носовым «позднесредневековая посуда», попало в заполнение сооружения из вышележащих слоев (Носов, 1990. С. 94–95; Плохов, 2007. С. 170, рис. 2, 14).

⁴ Фрагменты (НОЭ-11, Рг-556, 688, 691, 1220 (5 фр.), 1264, 1303, 1372) зафиксированы в комплексе в квадратах 4, 8, 25 и 26.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проект № 19-09-00133 «Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

(рис. 1, 13)⁵; 1 фр. — зачистка материка рядом с этими сооружениями (рис. 1, 12)⁶; 1 фр. — темно-серый мешаный культурный слой (рис. 1, 2)⁷. В сооружении № 1, представляющем собой большую овальную яму размерами 3,20 × 5,40 м при глубине 0,93 м, было встречено большое количество разнообразных вещевых находок, а также обломки лепной и раннегончарной посуды. Керамический комплекс, по заключению В. М. Горюновой, позволяет отнести это сооружение к третьей четверти X в. Этой дате не противоречат ни время бытования найденных в яме предметов, ни анализ угля (*Там же*. С. 146–153). Сооружение № 5 является круглой в плане ямой диаметром 0,62 м и глубиной 0,53 м. Найденные в ней находки позволили датировать комплекс X — первой половиной XI в. (*Там же*. С. 160). Возможно, что все происходящие из раскопа 2011 г. обломки являются частями одного изделия.

Шесть осколков сосудов зафиксировано на участке в центральной части Рюрикова городища, раскопанном в 2007–2009 гг.: 4 фр. — восточная часть рва, черный культурный слой (рис. 1, 6, 8–10)⁸; 1 фр. — темно-серый перемешанный культурный слой (рис. 1, 7)⁹; 1 фр. — низ заполнения подвальной части древнерусской большой постройки IV, впущенной в песчаную засыпь рва (рис. 1, 11)¹⁰. По мнению Е. Н. Носова и Н. В. Хвоцинской, черный культурный слой «был сброшен одноактно при выравнивании площадки Городища восточнее рва» и «является “археологически закрытым комплексом”, поскольку в него попали остатки сооружений и вещи одной эпохи» (*Там же*. С. 87–89). Этот слой, по заключению авторов раскопок, «представляет собой перемешанные при сбрасывании отложения от конца IX до конца X в.» (*Носов, Хвоцинская*, 2010. С. 61).

Один фрагмент венчика найден в черном культурном слое раскопа 1994 г. на северном бе-

регу Сиверсова канала (рис. 1, 1)¹¹. Керамические материалы позволяют отнести этот слой ко второй половине X в. (*Носов и др.*, 2017. С. 215).

Почти все найденные на Городище обломки принадлежат изделиям, выдутым из прозрачного голубовато-зеленоватого стекла. Только один фрагмент венчика и маленький осколок стенки имеют зеленоватый цвет (рис. 1, 9, 10). Толщина стенок составляет 0,4–2,6 мм, но в основном — до 1,0 мм. Стекло большинства осколков включает значительное количество мелких пузырьков сферической или сферической и эллипсоидной формы. У шести обломков венчиков край оплавлен и загнут внутрь, образуя полый сегментовидный или округлый валик (толщина — 2,3–2,8 мм), а три фрагмента имеют оплавленный округлый утолщенный венчик (толщина — 1,6–2,4 мм). Диаметр сосудов на уровне венчика — от 7 до 9 см. Всего найдены обломки не менее пяти сосудов.

Из-за незначительности фрагментов трудно определить форму сосудов. Судя по наклону верхней части стенок, они имели суживающееся к низу тулово.

Раннесредневековые находки целых и фрагментированных экземпляров стеклянной посуды на территории Древней Руси немногочисленны (*Щапова*, 1998. С. 172). Они встречены только на крупнейших памятниках эпохи становления Древнерусского государства (*Каргер*, 1958. С. 169, 194, рис. 38; *Блифельд*, 1977. С. 163; *Нефёдов*, 2001. С. 66, рис. 1, 7; *Ивакин*, 2005. С. 287; *Комар*, 2012. С. 355, рис. 10, 1; *Ершова*, 2016. С. 315–316; *Френкель*, 2016. С. 448, 457–458; *Каинов*, 2019. С. 51). Три десятка фрагментов стеклянных сосудов представлены в публикации материалов раскопок пойменной части Гнёздовского поселения, где они датированы X в., в основном второй его половиной¹². Некоторые из них по цвету и толщине стекла, а также профилировке венчиков похожи на те, что встречены на Городище (*Мурашева и др.*, 2010. С. 517, 520, рис. 2).

При публикации материалов Рюрикова городища мною было высказано предположение, что

⁵ НОЭ-11, Рг-1448.

⁶ Фрагмент (НОЭ-11, Рг-1398) зафиксирован в кв. 7.

⁷ Фрагмент (НОЭ-11, Рг-1208) зафиксирован в кв. 11.

⁸ Фрагменты (НОЭ-07, Рг-518, 727; НОЭ-09, Рг-13, 252) зафиксированы в кв. 29, гл. от -4,5/-4,7 м, кв. 51, на гл. -3,7/-3,9 м, кв. 82, гл. -3,3/-3,5 м, кв. 83, гл. -4,1/-4,3 м.

⁹ Фрагмент (НОЭ-07, Рг-1127) зафиксирован в кв. 72 на гл. -2,3/-2,5 м.

¹⁰ Фрагмент (НОЭ-08, Рг-1131) зафиксирован в кв. 107 на гл. -3,36 м.

¹¹ Фрагмент (НОЭ-94, Рг-59) зафиксирован в кв. 5.

¹² Наиболее древние фрагменты тонкостенных стеклянных сосудов в пойменной части Гнёздовского поселения были найдены в стратиграфическом горизонте 5 раскопа БД I. Этот горизонт датируется исследователями 840–870-ми гг. (*Мурашева и др.*, 2018. С. 325, рис. 48, 3).

Рис. 1. Находки раннесредневекового стекла с Рюрикова городища

Fig. 1. Finds of early mediaeval glass from Ryurik Gorodishche

сосуды, обломки которых были найдены на памятнике, являлись так называемыми воронковидными кубками (funnel beaker, Trichtergläser) (Носов и др., 2017. С. 41). Этот тип сосудов был самым распространенным в VIII–X вв. на территории Западной, Центральной и Северной Европы. В большом количестве воронковидные кубки представлены в материалах крупных торгово-ремесленных центров раннего средневековья в регионах Северного и Балтийского морей: Хэмвике (Саутгемптон), Дорестаде, Рибе, Каупанге, Бирке (Arbman, 1937. S. 28–47, taf. 3–6; 1940. Taf. 189–192; Dekówna, 1976; Hunter, 1980; Isings, 1980, 2009; 2015; Baumgartner, Krueger, 1988. S. 60–64; Henderson, Holand, 1992. P. 48–53, fig. 5; 6; pl. I, D; II, C, III, A, C; Himmelová, 1995. S. 87, abb. 9–11; Steppuhn, 1998. S. 59–60; Holand, 2003. P. 216–226, fig. 1; 5–9; 11; Feveile, 2006. S. 209–211; Ljungkvist, 2009. P. 37, 39, fig. 3, 18; Gaut, 2011. P. 186–189; Galuška et al., 2012. P. 65, 71, 74, 83, fig. 3; 7, 3, 7; Gross, 2015. S. 54; Седлачкова, 2015. С. 263, рис. II; Cabart et al., 2017. P. 347, fig. 1, 1–5).

На фоне ощутимого присутствия в материальной культуре Рюрикова городища находок североευропейского круга древностей, идея о «западном» происхождении стеклянной посуды казалась мне наиболее вероятной. Для проверки этой гипотезы методом оптико-эмиссионной спектрографии в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН А. Н. Егорьковым был исследован химический состав пяти обломков сосудов (Егорьков, Плохов, 2019).

Результаты анализа показали, что стекло всех образцов сварено на основе растительной золы. При этом отмечено использование золы разного типа.

Как известно, производство посудного стекла в Европе и Восточном Средиземноморье в римскую и ранневизантийскую эпохи основывалось главным образом на минеральной соде. Последняя четверть I тыс. н. э. в обоих регионах стала временем серьезных изменений в составе стекла. В западноевропейских мастерских, расположенных к северу от Альп, в эти столетия начали варить стекло на основе золы деревьев континентальной зоны, прежде всего бука. Древнейшие хорошо датированные образцы стекла такого состава обнаружены в стекольной мастерской, расположенной рядом с дворцом Карла Великого в Падерборне (Германия), которая была разрушена между 778 и 794 гг., а также в слое конца VIII — начала IX в. в аббатстве Бом-ле-Месье (Франция). В течение нескольких веков стекло на основе древесной золы в Западной, Центральной и Северной Европе постепенно вытеснило содовое и стало самым распространенным в средневековье типом (Heyworth, 1990; Henderson, Holand, 1992. P. 37–38; Wedepohl, 2000; 2005; Krueger, Wedepohl, 2003. P. 93–95; Freestone et al., 2008. P. 29, 41–42; Wedepohl et al., 2011. P. 82, 88, 94–95, fig. 1; Galuška et al., 2012. P. 64, 71, 74, 82, 88, 90; Wedepohl, 2012; Wersch et al., 2014; 2015; Седлачкова, 2015. С. 263, рис. V; Kronz et al., 2016; Pactat et al., 2017). На территории нашей страны раннесредневековые

находки артефактов из такого стекла зафиксированы в отложениях второй половины X в. Гнёздовского поселения (*Мурашева и др.*, 2010. С. 518–519, 523, ан. № 1, рис. 2, 10).

В то же время, что и на Западе, в последней четверти I — начале II тыс. н. э., переход от содового стекла к зольному наблюдается в Восточном Средиземноморье, но здесь в качестве сырья начали употреблять не древесную золу, а золу литоральных или пустынных растений. По материалам памятников Сиро-Палестинского региона, процесс смены рецептуры стекла произошел между концом VIII и XI в. (*Freestone et al.*, 2000. P. 70; *Henderson*, 2003; *Henderson et al.*, 2004; *Phelps et al.*, 2016. P. 64, fig. 9; *Phelps*, 2018. P. 268, fig. 11.9). Анализ датированных исламских разновесов и пломб, а также других стеклянных изделий из Египта показал, что на берегах Нила переход к стеклу на основе растительной золы произошел во второй половине IX — X в. (*Sayre, Smith*, 1974; *Gratuze, Barrandon*, 1990. P. 161–162; 1991. P. 41–43, fig. 11; *Kato et al.*, 2009). В византийском производстве равновесие в применении этих двух видов щелочного сырья, по предположению Ю. Л. Щаповой, «могло наступить на рубеже VIII–IX вв.», а в XI–XII вв., по ее данным, «применяли главным образом золу и очень редко соду» (*Щапова*, 1983. С. 179–180).

Изучение химического состава обломков посуды с Рюрикова городища показало, что стекло только одного сосуда (рис. 1, 9) было сварено на высокощелочной золе деревьев континентальной зоны. На это указывает совместное высокое содержание оксида калия (K_2O) и оксида кальция (CaO) в образце (*Галибин*, 2001. С. 84). Воронковидные кубки, изготовленные из стекла подобного состава, имеются среди находок из Хедебу и с усадьбы ярла у хутора Борг на острове Вествогёй (Лофотенские острова, Норвегия) (*Henderson, Holand*, 1992. P. 52; *Holand*, 2003. P. 225–226; *Kronz et al.*, 2016. S. 51, 54).

Городищенский сосуд, изготовленный из такого стекла, имел диаметр по венчику около 9 см, что вполне укладывается в размеры воронковидных кубков. По данным исследователей диаметр их венчиков составляет от 7 до 13 см. Причем наиболее часто встречаются экземпляры с диаметром 9–11 см (*Hunter*, 1980. P. 69; *Isings*, 2009. P. 267–279; 2015. P. 425, 429–445; *Himmelová*, 1995. S. 87; *Gaut*, 2011. P. 186).

Состав стекла остальных четырех фрагментов сосудов Городища (рис. 1, 1, 7, 11, 14) показал,

по мнению А. Н. Егорькова, что оно сварено с участием золы солончаковых растений, иначе галофитов. Об этом говорит повышенное содержание калия (по отношению к натрию) и магния (по отношению к кальцию). Зольный характер стекла предполагается при достижении содержания этих компонентов определенных значений. Если верхнюю границу концентрации калия и магния для стекол на минеральной соде почти все ученые определяют одинаково — около 1,5 %¹³, то количества этих элементов для стекол на основе растительной золы даются различные. В одних исследованиях предполагается использование зольного сырья при варке стекла, когда количество K_2O и MgO в нем превышает 1,5 % (*Щапова*, 1983. С. 29; *Brill*, 1995. P. 212; *Freestone et al.*, 2000. P. 69; 2008. P. 29; *Галибин*, 2001. С. 69; *Freestone*, 2006. P. 202–203; *Shortland et al.*, 2006. P. 521–522; *Drauschke, Greiff*, 2010. P. 37–38; *Paynter, Jackson*, 2016. P. 43; *Neri et al.*, 2016. P. 164; 2018b. P. 4)¹⁴, тогда как в других работах оно больше 2,5 %¹⁵ (*Brill*, 2001. P. 28; *Sawada et al.*, 2005. P. 178; *Arletti et al.*, 2010. P. 807; *Arletti*, 2013. P. 73; *Bugoi et al.*, 2013. P. 2887; 2016a. P. 1026, 1029, fig. 2; 2016b. P. 1010; 2018. P. 225, fig. 3)¹⁶. Некоторые ученые дают нижние границы

¹³ Исключение представляет группа немецких исследователей во главе с К. Х. Ведеполем, которые установили границу между содовым и зольным стеклом на уровне содержания MgO и K_2O в районе 1 % (*Wedepohl*, 2007. S. 351; *Kronz et al.*, 2016. S. 43, 47).

¹⁴ Часто в отмеченных трудах исследователи ссылаются на статью Э. В. Сайра и Р. В. Смита 1961 г. (*Sayre, Smith*, 1961). Однако в этой работе нет указанной границы в 1,5 %, разделяющей содовое и зольное стекло, а даны средние процентные концентрации оксидов магния и калия с диапазонами стандартных отклонений. Для «римского» содового стекла по результатам анализа 73 образцов среднее содержание этих элементов указано как 1,04 и 0,38 %, а для «раннеисламского» зольного стекла по 66 измерениям — 4,9 и 1,45 % соответственно (*Ibid.* P. 1825). В статье 1974 г., характеризуя стекло II тыс. до н. э., когда содового стекла еще не существовало, Э. В. Сайр и Р. В. Смит отмечают в нем относительно высокие концентрации магния (от 2 до 5 %) и калия (от 1 до 3 %) (*Sayre, Smith*, 1974).

¹⁵ В одной из статей указывается, что концентрация данных элементов в зольном сырье — около 3 % и более (*Freestone et al.*, 2009. P. 32, fig. 1.2).

¹⁶ При этом на рисунках в трудах Р. Брилла для зольного стекла показаны значительно меньшие приблизительные значения оксидов калия и магния

оксидов калия и магния в пределах этих крайних значений. Так, по мнению Н. Скибилле, об использовании растительной золы говорит содержание в стекле магния более 2 % и калия выше 1,7 % (Schibille, 2011. P. 5)¹⁷, а ученые во главе с В. Любомировой считают зольным стекло с долей этих элементов свыше 2 % (Lyubomirova et al., 2015. P. 258, 265). О. С. Румянцева, описав сложность однозначного определения характера сырья у образцов с пограничными концентрациями данных компонентов и понимая определенную условность приводимых параметров, отнесла к зольным стеклам, в которых «концентрации обоих элементов выше 2 % или содержание одного из элементов превышает 3 %» (Румянцева, 2016. С. 306–307).

Большая часть проанализированных образцов посудного стекла Рюрикова городища имеет сравнительно невысокие концентрации калия и магния. Если руководствоваться критериями, предложенными О. С. Румянцевой, то только один из них можно отнести к стеклу, сваренному на основе растительной золы солончаковых растений (рис. 1, 11; Егорьков, Плохов, 2019. Табл. 4).

Многие западноевропейские ученые относят стекла с концентрацией оксида калия и/или магния немногим более 1,5 %, а такими является большинство городищенских образцов, к «смешанному содово-растительно-зольному» типу (mixed natron-plant ash) или «промежуточной группе» (intermediate group)¹⁸ (Henderson, 2003;

Lilyquist et al., 1993. P. 40, fig. 51; Brill, 2001. Fig. 13). Возможно, поэтому некоторые ученые хоть и ссылаются на работу 1993 г., пишут о более низких концентрациях щелочных элементов. Так, Дж. Хендерсон к «настоящим стеклам из растительной золы» отнес образцы с уровнями MgO 2,33 % и выше, а K₂O, судя по представленным в статьях графикам, больше 2 % (Henderson et al., 2004. P. 454–455, fig. 4; Andreescu-Treadgold et al., 2006. P. 126, fig. 3). Р. Бугой с соавторами в работе 2014 г. определили зольными стеклами, в которых оба элемента содержатся в концентрации ≥ 2,0 % (Bugoi et al., 2014. P. 166–167, fig. 3).

¹⁷ В работах 2014 и 2018 гг. содержание оксида калия снижено до 1,5 % (Schibille, McKenzie, 2014. P. 122; Schibille et al., 2018. P. 4).

¹⁸ Н. Скибилле включила в «промежуточную группу» стекла с концентрацией K₂O и MgO в районе от 1 до 2 %. Она полагает, что источник щелочи в таком стекле не может быть однозначно классифицирован как минеральная сода, зола растительного происхождения или

Uboldi, Verità, 2003. P. 131–132; Andreescu-Treadgold et al., 2006; Arletti et al., 2010; Arletti, 2013; Bugoi et al., 2013. P. 2887; 2014. P. 166–167; 2016a. P. 1029; 2018. P. 225; Lyubomirova et al., 2015. P. 265–266; Neri et al., 2016. P. 164; 2018a. P. 1759)¹⁹. О. С. Румянцева рассматривает экземпляры такого химического состава как стекла с «неопределимым типом сырья» (Румянцева, 2016. С. 307). В VIII–XI вв. подобное стекло выявлено при изучении посуды, мозаик и украшений с памятников на территории Восточного Средиземноморья, Греции, Италии и Румынии. Появление изделий такого состава исследователи в основном объясняют всевозможными вариантами смешивания при производстве стекла материалов (сырья, полуфабрикатов, стеклобоя²⁰), полученных на основе различных щелочных плавней, хотя высказаны и другие гипотезы (Henderson, 2003. P. 112–117, 119; Uboldi, Verità, 2003. P. 132; Henderson et al., 2004. P. 460; Andreescu-Treadgold et al., 2006. P. 126; Freestone et al., 2008. P. 37–42; Andreescu-Treadgold, Henderson, 2009. P. 409, 411–412; Arletti et al., 2010. P. 808, 812–813; Drauschke, Greiff, 2010. P. 39; Arletti, 2013. P. 73–74; Bugoi et al., 2013. P. 2887; 2014. P. 167; 2016a. P. 1029, 1034; 2018. P. 227; Егорьков, 2015a; 2015b; Lyubomirova et al., 2015. P. 266; Румянцева, 2016. С. 306–307, 316; Phelps, 2016. P. 208, 231, 239; Paynter, Jackson, 2016. P. 37–39, 43; Neri et al., 2016. P. 164; 2018a. P. 1760). Изменения в технологии изготовления стекла произошли не в одночасье. Переход к стеклу, сваренному с применением золы растений, произрастающих на засоленных почвах, прошел через серию экспериментов, период проб и ошибок, что и привело в IX–XI вв. к появлению изделий с «неоднозначным» составом (Andreescu-Treadgold et al., 2006. P. 134–135; Arletti et al., 2010. P. 796). В XII–XIV вв. в исламских древностях такие стекла уже не представлены. По мнению Дж. Хендерсона, данный факт свидетельствует

смешанное сырье на основании только состава основных и второстепенных элементов (Schibille, 2011. P. 5).

¹⁹ В работе 2009 г. Дж. Хендерсон отнес изделия с таким составом к 1-му виду стекол на растительной золе (plant ash glass 1), занимающему промежуточное положение между «типичным римско-византийским содовым стеклом и типичным исламским зольным стеклом» (Andreescu-Treadgold, Henderson, 2009. P. 408–409).

²⁰ О широком распространении вторичной переработки стекла в I тыс. н. э. в Западной Европе см.: Paynter, Jackson, 2016.

о том, что к этому времени иссяк запас доступного для переработки содового стекла (*Henderson*, 2003. Р. 117, 119).

Итак, можно констатировать, что за исключением одного фрагмента, все остальные изученные обломки с Рюрикова городища принадлежали сосудам, выполненным из стекла на основе золы галофитов и, возможно, смешанного щелочного сырья. Эти артефакты не могли быть изготовлены в конце I тыс. н. э. в западноевропейских мастерских, поскольку в них использовалось стекло, сваренное с участием природной соды, древесной золы или смеси этих компонентов (*mixed wood-ash soda glass*) (*Heyworth*, 1990; *Henderson, Holand*, 1992; *Holand*, 2003; *Krueger, Wedepohl*, 2003; *Freestone et al.*, 2008; *Košta et al.*, 2011. С. 66–67; *Galuška et al.*, 2012; *Wedepohl*, 2012; *Schibille, Freestone*, 2013; *Kronz et al.*, 2016. С. 51, 54; *Cabart et al.*, 2017. Р. 350–351), в то время как из стекла такого химического состава производилась посуда на исламском Ближнем Востоке и в Византии.

Состав стекла был исследован у десяти обломков сосудов Гнёздова. По результатам анализа все стекла причислены В. В. Мурашевой и ее соавторами к классу Na-Ca-Si. Большинство сосудов (9 образцов) изготовлено из стекла, сваренного с применением минеральной соды, и только в одном случае, по мнению ученых, в качестве щелочного сырья использована зола растений пустынной зоны. Судя по относительно низкой концентрации оксидов калия и магния, этот образец можно рассматривать как стекло с «неоднозначным» составом²¹. На основании особенностей химического состава стекл²², а также по некоторым морфологическим признакам, авторы публикации отнесли найденные в Гнёздово сосуды

²¹ «Неоднозначный» химический состав стекла имеет также большинство игральные фишки из Гнёздова. При этом авторами публикации оно отнесено к сваренному на золе галофитов (*Ениосова и др.*, 2018. С. 154–156). Стоит упомянуть, что образцы с «неоднозначным» составом доминируют также среди проанализированных фрагментов сырья и отходов производства стеклоделательной мастерской Старой Ладogi, существовавшей в пределах второй половины X — XI в. (*Григорьева, Лесман*, 2012. С. 74–76).

²² Интерпретация результатов исследования химического состава стекла проведена учеными по методике Ю. Л. Шаповой, которой были выработаны признаки изделий византийского происхождения (*Шапова*, 1998. С. 94–99).

«к продукции византийских столичных мастерских» (*Мурашева и др.*, 2010. С. 516–523).

Концентрации химических элементов в стекле одного из сосудов, найденных при раскопках камерного погребения № 7 Старовознесенского некрополя в Пскове, были исследованы методами оптико-эмиссионной спектрографии и рентгеноспектрального микроанализа. Оказалось, что бесцветное прозрачное стекло со слабым желтоватым оттенком было изготовлено «на основе золы галофитов». По мнению Я. В. Френкеля, оно имеет восточно-средиземноморское или западноазиатское происхождение (*Френкель*, 2016. С. 460–464).

Аналогии верхним частям сосудов Рюрикова городища можно найти в раннесредневековых древностях Византии (*Saldern*, 1980. Р. 68–69, 73, pl. 13, 25, 472; 14, 26, 509; *Hayes*, 1992. Р. 400–401, 403–404, fig. 150, 28; 151, 34, 39; 152, 43, 51; *Atik*, 2009. Fig. 54–56, 63) и Восточного Средиземноморья (*Dussart*, 2003. Р. 172, fig. 2, 5–5d; 3, 3–3c; *Pasquier*, 2007. Р. 95; *Foy*, 2012. Pl. 16, 2, 5, 14; 21, 99–101; 22, 106, 107; *Голофаст*, 2019. С. 146, рис. 1, 4, 5). В Крыму сосуды с похожей профилировкой верхней части представлены в материалах, полученных при раскопках двухапсидного храма на холме Тузлух в урочище Еди-Евлер у с. Семидворье (Алушта), датируемого второй третью/серединой IX — началом/первой половиной X в. (*Тесленко, Мусин*, 2015. С. 179–183), усадьбы VIII–IX вв. вблизи городища Кыз-Кермен (*Белый*, 1993. С. 56, рис. 12, 1), при исследовании салтово-маяцких поселений на Керченском полуострове, относящихся ко второй половине VIII — первой половине X в. (*Пономарев*, 2014. С. 381, рис. 7, 2–6; 2016. С. 243–244, рис. 6, 2–6, 29), при изучении комплексов средневизантийского времени Херсонеса²³, а также при раскопках могильников конца VII — IX в. (*Айбабин*, 1976. Рис. 1, 7, 10; 2; 1993. С. 123, рис. 7, 28, 44, 45; *Веймарн, Айбабин*, 1993. С. 194, рис. 38, 7; 55, 27; 62, 6, 7; 85, 3; 98, 19; 100, 4; 121, 6). Схожие венчики имеются в раннесредневековых материалах Таманского городища и Фанагории (*Чхаидзе*, 2008. С. 212, рис. 123, 1, 3, 4, 8, 11; 2012. С. 192, рис. 130, 7, 9). Бокал с аналогично профилированной верхней частью найден в погребении № 62 салтовского могильника

²³ Благодарю Н. Ю. Новоселову за возможность ознакомиться с материалами раскопок Херсонесской экспедиции Государственного Эрмитажа 2018–2019 гг.

Червоная Гусаровка на Харьковщине (Аксёнов, Михеев, 2000. Рис. 1, 4). На отмеченных памятниках представлены изделия конической формы как с утолщенным оплавленным, так и загнутым внутрь краем. Схожие по профилировке венчики принадлежали сосудам разных типов: стаканам, бокалам, рюмкам, лампадам и чашам.

Как уже было отмечено, кроме посудного стекла в раннесредневековых отложениях Рюрикова городища были найдены три уникальных артефакта: обломок оконного стекла, мозаичный модуль и украшенная гравировкой пластинка. Два первых предмета происходят из черного слоя в западной части раскопа 1993–1996 гг., который располагался на южном берегу Сиверсова канала. Керамический комплекс и некоторые вещевые находки позволяют признать вторую четверть или вторую треть X в. наиболее вероятным временем формирования данных отложений (Носов и др., 2017. С. 194–209, 213).

Найденный на Городище мозаичный кубик²⁴ имел размеры 1,0 × 1,0 × 0,6 см (рис. 1, 22)²⁵. Сусальное золото заключено между двумя слоями стекла. Основа тессеры выполнена из зеленоватого прозрачного стекла, а поверх металлической прокладки находится второй тонкий слой прозрачного бесцветного стекла, называемый *картеллиной* (*cartellina*). Обратная сторона кубика имеет неровную, бугристую поверхность с вкраплениями сыпучего материала коричневого цвета.

Древнейшим украшенным смальтой сооружением на территории Древней Руси является Десятинная церковь (989–996 гг.) в Киеве (Щанова, 1972. С. 181; Церква, 1996. С. 70, 132, 134). В более ранних материалах мне известна только одна находка тессеры. Это золотостеклянный экземпляр, встреченный в отложениях второй половины X в. в юго-западной части Гнёздовского Центрального городища (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 68).

На севере Европы в эпоху викингов мозаичные кубики в большем или меньшем числе представлены в материалах поселений, а также в некоторых погребениях. Появление на памятниках

единичных экземпляров тессер объясняется некоторыми учеными их использованием в качестве амулетов²⁶, привезенных в Скандинавию из христианских зданий Каролингской империи. Более многочисленные находки смальты в нескольких крупных торгово-ремесленных центрах исследователи связывают со стеклоделательным производством, для которого они, по мнению исследователей, являлись одним из источников сырья (Lundström, 1971. P. 67–68; Steppuhn, 1998. S. 86–67; Gaut, 2011. P. 236–237, 242, 243, 246, 248, 251, 272–273).

Стекло как основной материал для изготовления мозаик стали использовать ещё в античное время. На территории Италии первые стеклянные тессеры появляются в начале I в. н. э., а 60-ми гг. этого столетия датируется начало использования в настенных мозаиках золотостеклянных кубиков (Boschetti et al., 2012). Масштабное производство смальты, возникшее во времена императорского Рима, было продолжено в раннем средневековье. Здания этого времени с сохранившимися настенными мозаиками находятся в разных частях Византийской империи, а также в Европе и на исламском Ближнем Востоке. В большом количестве тессеры найдены при археологических исследованиях византийских памятников (Saldern, 1980. P. 92–94, pl. 17, 700, 707; Henderson, Mango, 1995. P. 338; Wypyski, 2005; James, 2006; 2012; Arletti et al., 2010; Drauschke, Greiff, 2010. P. 35, pl. 2, 1; Antonaras, 2013; Arletti, 2013; Witte, 2013; Schibille, McKenzie, 2014; Belgiovine, 2015. P. 363; Neri et al., 2018a)²⁷. В огромном объеме сделанная в Восточном Средиземноморье смальта поступала в южную Европу. В частности, исследователи, изучавшие мозаики XI в. базилики Санта-Мария-Ассунта на острове Торчелло, находящемся недалеко от Венеции, предположили, что они выполнены из кубиков, стекло которых было сварено на исламском Ближнем Востоке, а сами тессеры изготовлены в византийских мастерских (Andreescu-Treadgold et al., 2006. P. 137; Andreescu-Treadgold, Henderson, 2009. P. 415–416).

²⁴ Мозаичный кубик (НОЭ-94, РГ-II-206) найден в кв. 1.

²⁵ Средний размер боковых сторон золотостеклянных тессер XI в. из монастыря Дафни, расположенного в 10 км от Афин, варьируется от 7 до 9 мм, при высоте около 6 мм (Loukopolou, Moropoulou, 2013. P. 77).

²⁶ Аналогичную интерпретацию ученые предлагают для смальты, найденной в Шлезвиге (Германия), Миккульчицах и Жатце (Чехия) (Steppuhn, 2002. S. 49; Galuška et al., 2012. P. 90).

²⁷ При этом пока нерешенным остается вопрос о том, где византийские стеклянные тессеры изготавливались (James, 2012. P. 323–324).

В мозаиках, покрывающих стены раннехристианских и византийских церквей, широко использовались золотостеклянные кубики, похожие на найденную на Рюриковом городище тессеру (Saldern, 1980. P. 93–94; Loukopoulou, Moropoulou, 2012). В недавно опубликованных работах были рассмотрены их морфология, технология изготовления и химический состав (Loukopoulou, Moropoulou, 2013; Neri et al., 2016).

Химический состав мозаичного модуля с Рюрикова городища был исследован методом оптико-эмиссионной спектрографии А. Н. Егорьковым. Анализ показал, что стекло было сварено на золе пустынных растений. В нем отмечено большее, чем в посудном стекле, содержание калия, алюминия, железа, марганца и титана, что свидетельствует о другом составе исходной золы и песка для его производства (Егорьков, Плохов, 2019).

Изучение тессер с памятников на территории Византийской империи естественнонаучными методами показало, что для их изготовления использовалось различное щелочное сырье (Щанова, 1998. С. 30). До конца I тыс. н. э. для создания мозаичных композиций использовалась смальта из содового стекла. Именно такой состав имеют все проанализированные тессеры из «Нижней городской» церкви Амория (Турция), восстановленной, по мнению ученых, в конце IX — начале X в. (Wypyski, 2005). Позднее в основном применялись кубики из стекла на основе золы галофитов и «смешанного содово-зольного» сырья, а немногочисленные экземпляры смальты из содового стекла исследователи относят к повторно использованным экземплярам более раннего времени²⁸. Древнейшими, хорошо датированными тессерами, выполненными из зольного стекла, считаются мозаичные кубики из храмов монастырей Дафни и Хосиос Лукас (Греция), относящиеся к XI в. (Arletti et al., 2010; Arletti, 2013; Neri et al., 2018a. P. 1764–1765). Следует отметить, что такой состав имеют также золотостеклянные изделия из церкви святого Филиппа в Иераполисе (Турция), происходящие из отложений VI–XI вв. (Neri et al., 2016. P. 164, 169, tab. 2; 2018a. P. 1753–1754, 1760, 1764, tab. 2), и стекло одного из семи изученных образцов смальты Круглой церкви в Преславе,

датируемой X в. (Галибин, 2001. С. 160–161, № 1562). Таким образом, найденный в слое X в. Рюрикова городища мозаичный кубик относится к числу самых ранних находок византийских стеклянных тессер, сваренных на основе золы галофитов.

Фрагмент плоского оконного стекла с прямым выпуклым краем имеет размеры 1,8 × 2,0 см (рис. 1, 23). Стекло синевато-зеленого цвета, похожее внешне на стекло найденных на Городище обломков раннесредневековой посуды. В стекле видны многочисленные сферические и вытянутые вдоль края эллипсоидные пузырьки. Поверхность блестящая, без следов выветривания. Толщина стекла — 2,6 мм, по краю — 2,8 мм. Данное оконное стекло было изготовлено по технологии, называемой «цилиндр-процесс» (muff process или cylinder-blown technique). Она предполагает выдувание цилиндра с последующим его разрезанием, раскрытием и разглаживанием полученного прямоугольного листа на плоской поверхности. В русском стеклоделии этот способ производства стекла называется «халявный» (Безбородов, 1969. С. 141–145). Считается, что цилиндрический метод изготовления стекла получил распространение в Римской империи в IV в. н. э. Находки оконного стекла, выполненного таким способом, широко представлены в древностях Византийской империи и исламского Ближнего Востока, а также на памятниках раннесредневековой Европы (Arbman, 1937. S. 28; Saldern, 1980. P. 91–92, pl. 16, 680–699; Henderson, Mango, 1995. P. 338; Dell’Acqua, 1997. P. 36–37; 2005. P. 197, 199; Steppuhn, 1998. S. 71; Kucharczyk, 2002. P. 69–71, fig. 2, 6, 7; Foy, 2005; Foy, Fontaine, 2008. P. 430–436; Kanyak, 2009. P. 38–43; Belgiovine, 2015. P. 362–363, fig. 2; Antonaras, 2013. P. 189; Wersch et al., 2014. P. 226; Pactat et al., 2017. P. 336). В Херсонесе многочисленные фрагменты прямоугольных оконных стекол зафиксированы в основном в слоях и комплексах конца V — XI в., когда они использовались не только для остекления культовых сооружений, но и окон жилых домов (Голофаст, Рыжов, 2011. С. 376, 386, рис. 12, 4–6; 20, 16; 2013. С. 59–60, 95, рис. 19, 30; 53; Бернацки, Клемина, 2016. С. 40, 49, рис. 13, 14; Дорошко, 2016). По крайней мере, часть этих находок является продукцией местных стеклоделательных мастерских (Щанова, 1983. С. 154; 1998. С. 41; Голофаст, 1998). Отмечены осколки оконного стекла и в раннесредневековых материалах Таманского городища и Фанагории (Чхаидзе, 2008. С. 220, рис. 123, 36; 2012. С. 194, рис. 130, 38–49).

²⁸ При этом все пять проанализированных тессер, найденных в напластованиях XI в. в г. Исакча (Румыния), были сделаны из стекла на основе минеральной соды (Bugoi et al., 2016b).

Находки плоского стекла представлены на некоторых крупных раннесредневековых торгово-ремесленных центрах Северной Европы. П. Штеппун полагает, что встреченные на Хедебю фрагменты свидетельствуют об остеклении окон церкви, а может, жилищ социальной элиты этого поселения (Steppuhn, 1998. S. 70–74, taf. 15–16), тогда как немногочисленные обломки оконного стекла Каупанга и Дорестада, по предположению исследователей, были привезены на них в качестве сырья для изготовления бус или использования в качестве вставок (Hougen, 1969. S. 121, 125, fig. 2; Gaut, 2011. P. 225–227, 238, 243, 246, 248, 251; Isings, 2015. P. 425).

Фрагмент оконного стекла был изучен методом рентгеноспектрального микроанализа в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа К. С. Чугнуовой²⁹. Исследование показало, что оно было сварено с использованием минеральной соды. Стекло такого состава могло быть в конце I тыс. н. э. привезено в Поволховье как с Запада, так и с Юга³⁰. При этом следует отметить, что если в зданиях Западной Европы каролингского времени чаще встречались разноцветные, витражные стекла, то в постройках средневизантийского периода на территории Империи и в Причерноморье преобладали естественно окрашенные листовые стекла большого формата (Himmelová, 1995. S. 90–91, abb. 13, 10–13; Dell'Acqua, 1997; 2005; Krueger, Wedepohl, 2003. P. 97; Szóke et al., 2004. P. 89, fig. 4; Vaghi et al., 2004; Foy, 2005; Wedepohl, 2007. S. 353; Foy, Fontaine, 2008. P. 442–444; Verità et al., 2010; Galuška et al., 2012. P. 67, 75, 88–89, fig. 5, 115–117, 120; 9, 1; Nesbitt, 2013; Седлачкова, 2015. С. 265, рис. IX; Wersch et al., 2014; 2015; Pactat et al., 2017. Fig. 5, A). По мнению Ф. Дель Аквы, богатое внутреннее убранство византийских церквей, с их фигуративными мозаиками, драгоценной мраморной облицовкой, резными алтарными преградами, требовало значительного естественного или искусственного

²⁹ См. приложение. Благодарю К. С. Чугнуову за проведенные исследования. Это стекло было изучено также методом оптико-эмиссионной спектрографии, но полученные результаты не подлежали интерпретации (Егорьков, Плохов, 2019).

³⁰ Например, образцы содового оконного стекла имеются в материалах Плиски — древнейшей столицы Болгарии — и Каупанга — крупного торгово-ремесленного поселения эпохи викингов в Норвегии (Wedepohl, 2007. S. 353, tab. 1, probe pl. 2, 3; Gaut, 2011. P. 265, KAU 49).

освещения, при этом «свет должен был быть относительно мягким, чтобы не бить по отражающим поверхностям слишком сильно» (Dell'Acqua, 2006. P. 318). Этот взгляд исследовательницы на роль оконных стекол в византийской архитектуре разделила К. Несбитт. Она утверждает, что в средневизантийский период, когда окна стали меньше, с меньшей площадью остекления, стало важно использовать светлое, тонкое стекло хорошего качества, которое пропускало бы дневной свет, не влияя на полихромное декоративное убранство внутри церкви (Nesbitt, 2013. P. 214). По ее данным, большинство фрагментов оконных стекол, найденных в напластованиях средневизантийского времени, так же как осколок с Рюрикова городища, имеют сине-зеленый цвет. Такое стекло ближе всего к бесцветному, пропускающему максимальное количество света (Ibid. P. 209–212).

Стоит отметить, что, как и в случае со смальтой, обломки древнейших на Руси оконных стекол прямоугольной формы, найдены при раскопках Десятинной церкви в Киеве (Каргер, 1958. С. 411; Церква, 1996. С. 58; Журухина, 2018. С. 145, ил. 2). Кроме этого памятника Ю. Л. Щаповой было известно только два места в пределах древнерусского государства с надежно датированными находками фрагментов византийских плоских стекол, изготовленных цилиндрическим методом, — Новгород и Старая Рязань. В обоих случаях эти стекла отнесены к середине — второй половине XII в. (Щапова, 1972. С. 68, 70; 1991. С. 168).

Украшенная гравировкой овальная пластинка (рис. 1, 24) была найдена в сооружении № 2 раскопа 2011 г., расположенного в юго-западной части городищенского холма³¹. Это сооружение

³¹ Пластина (НОЭ-11, РГ-595) найдена в яме на гл. -2,25/-2,55 м. На Рюриковом городище встречен только один такой предмет. Я. В. Френкелем было высказано предположение, что аналогично следует интерпретировать ряд находок, происходящих из позднесредневековых комплексов и перемешанных культурных отложений памятника, изученных в 1980-х и 2007–2008 гг. (Френкель, 2016. С. 458). Эта догадка была принята некоторыми исследователями (Носов и др., 2017. С. 155; Кудрявцев, Андриенко, 2019. С. 121). Однако в основном указанные артефакты значительно крупнее пластин, найденных на Городище и в камерных погребениях, и очевидно, как мы уже писали, они являются частями средневековых витражных окон (Носов и др., 2005. С. 42, 46, 61, табл. VII, 1, 4, 8, 10, 11; см. также: Кудрявцев, Андриенко, 2019. Ил. 9, 11).

представляет яму яйцевидной формы с размерами 0,6–2,0 × 2,88 м, при глубине 1,6 м. В этом комплексе отмечено значительное число разнообразных, в том числе и уникальных предметов, а также обломков лепной и раннегончарной посуды. По составу керамического набора сооружение было «датировано временем не позднее третьей четверти X в.» (*Носов и др.*, 2017. С. 153–159). Пластинка размерами 9 × 12 мм и толщиной 1,1 мм изготовлена из синего прозрачного стекла. По ее краям видны сколы. Внешняя сторона пластинки гладкая, местами сохранившая глянец. Она имеет небольшую кривизну. Внутренняя поверхность матовая, уплощенная. Стекло качественное, с единичными мелкими эллипсоидными пузырьками.

Пластинка была, видимо, изготовлена из стенки сосуда, украшенного вхолдную гравированным декором (incised decoration, scratch-engraved decoration, Ritzdekor). Посуда разных форм из цветного стекла, чаще всего синего и янтарного, с орнаментом, выполненным в такой технике, представлена в исламских древностях Египта, Израиля, Иордании, Сирии, Ирака и Ирана (*Kröger*, 1995. P. 116–119; *Hadad*, 2000; *Carboni*, *Whitehouse*, 2001. P. 20–21, 31, 156, 162–167, fig. 8, cat. No. 68–73; *Dussart*, 2003. P. 178, fig. 6, 1, 3–3a; *Foy et al.*, 2003. P. 140, fig. 2, 20; *Pollak*, 2003. P. 167, fig. 2, 35; 3, 36; *Shindo*, 2003. P. 182–183, fig. 5; 6; *Kucharczyk*, 2005. P. 39, fig. 5; 2009; *Pasquier*, 2007. P. 94–95; *Vorsicht Glas*, 2010. S. 28–29, 66–67, add. 1, kat. nr. 3; *Foy*, 2012. P. 134–135, pl. 24, 127; *Swan*, 2012. P. 346–348, fig. 1). Находки такого стекла отмечены также в материалах Стамбула (Турция), Коринфа (Греция), Гао (Мали), Манды (Кения) и Фамэнья (Китай) (*Davidson*, 1952. P. 88, 115, pl. 58, 748; *Hayes*, 1992. P. 412, pl. 52, h; *Kröger*, 1995. P. 117; *Jiayao*, 1991. P. 123–124, 135, fig. 3–8; *Insoll*, 1998. P. 81, fig. 3; *Kucharczyk*, 2009. P. 41). По данным Р. М. Джанполадян, в Армении фрагмент сосуда из синего стекла с процарапанным узором найден при раскопках города Двина (*Джанполадян*, *Калантарян*, 1988. С. 22, табл. XXVII, 15). Данную группу посуды исследователи датируют в пределах VIII–X вв. Широкое распространение гравированных сосудов в исламском мире, а также заметные различия в формах, стиле и технике говорят, по мнению ученых, в пользу их производства в нескольких крупных центрах стеклоделия Ближнего Востока (*Brill*, 1995. P. 214; *Hadad*, 2000. P. 66–71; *Kröger*, 1995. P. 117; *Kucharczyk*, 2009. P. 40, 49–51).

С целью определения химического состава стекла найденная на Рюриковом городище пластинка была исследована К. С. Чугуновой³². Анализ показал, что стекло было сварено с использованием золы солончаковых растений. По мнению некоторых ученых, такой состав стекла у сосудов с гравированным декором свидетельствует в пользу их происхождения из мастерских Месопотамии и Ирана (*Brill*, 2001. P. 31, 44; *Kucharczyk*, 2009. P. 50–51). По высокому содержанию MgO и K₂O в стекле пластинка с Рюрикова городища схожа с изделиями, сделанными в I тыс. н. э. к востоку от Евфрата (*Freestone*, 2006. P. 205, fig. 2; *Schibille et al.*, 2018. P. 6, fig. 2). В целом элементный состав стекла этого предмета демонстрирует определенное сходство с результатами химического анализа окрашенного стекла из г. Нишапур в Иране, а также сосудами, украшенными гравировкой, происходящими с этого памятника, из Китая и из собраний Музея стекла в г. Корнинг (США) (*Brill*, 1995. P. 213–214, 227–228). В недавно вышедшей работе М. Фелпс выделил на Ближнем Востоке три основных региональных состава зольного стекла: «восточно-средиземноморский», «месопотамский тип 1» и «месопотамский тип 2» (*Phelps*, 2018. P. 257–276). Высокое содержание MgO, относительно высокое K₂O, низкое CaO сближают найденную на Рюриковом городище пластинку с последним типом, вместе с тем значительная доля Al₂O₃ позволяет говорить о сходстве данного предмета с «месопотамскими» стеклами типа 1. Этот тип объединяет группы цветного стекла низкого качества (Sasanian 1a и b, Nishapur Coloured) с памятников Ирака (Вех-Ардашир) и Ирана (Нишапур), относящихся соответственно к сасанидскому и раннеисламскому времени. Из пяти групп стекла, выделенных учеными во главе с Н. Скибилле в материалах IX в. Самарры (Ирак), по концентрации основных элементов наиболее схожи с предметом с Рюрикова городища образцы, составляющие «месопотамскую группу 2». В нее вошли все исследованные сосуды этого памятника, украшенные гравировкой. Однако более высокое содержание оксида алюминия в городищенской пластинке не позволяет отнести ее к данной группе самаррского стекла (*Schibille et al.*, 2018. P. 7–8, tab. 1, fig. 5, B; 6). Нельзя не отметить, что состав находки с Рюрикова городища близок стеклу 4-го типа Ракки (Сирия). Большая вариативность в составе стекла

³² См. приложение.

этого типа привела Дж. Хендерсона к предположению, что оно является результатом экспериментов с исходными составляющими, а также с добавлением в стеклянную массу стеклобоя того же типа (*Henderson*, 2003. Р. 113–114; *Henderson et al.*, 2004. Р. 457–460, 465). М. Фелпс определил тип 4 Ракки как «смешанный месопотамский». Ученый предположил, что стекло такого состава могло быть получено с использованием «сасанидских традиций», а также, что сасанидские стеклоделы, возможно, были привезены в Ракку (*Phelps*, 2016. Р. 131–132, 138–139, 253, tab. 4.2).

На территории Древней Руси известно три пункта, где найдены разноцветные, разнообразные по форме стеклянные пластинки, сделанные методом окальвания фрагментов сосудов и оконного стекла. Это камерное погребение № 7 Старовознесенского некрополя в Пскове, камерное захоронение в кургане № 30 Ольшанской группы Гнёздовского могильника и камерное погребение № 49 на территории Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (*Ивакин*, 2005. С. 288, рис. 5, 1–30; *Ivakin*, 2007. Р. 187, fig. 8, 1–30; pl. 7; *Ениосова, Пушкина*, 2012. С. 58–60, рис. 8; *Меч и златник...*, 2012. С. 88, кат. № 207; *Ершова*, 2016. С. 318–320, 331, 336; *Френкель*, 2016. С. 448, 457–464). Псковские стеклянные пластинки интерпретированы автором раскопок как элементы декора ларцов (*Ершова*, 2016. С. 320). Однако более обоснованным выглядит предположение исследователей, которые полагают, что эти предметы являлись накладками, нашитыми шелковыми или золотыми нитями на положенную в могилы парадную одежду (*Ивакин*, 2005. С. 288–289; *Ivakin*, 2007. Р. 187; *Ениосова, Пушкина*, 2012. С. 58–60). Псковское захоронение автор раскопок отнес к последней четверти X в. (*Ершова*, 2016. С. 323). Киевская камера и гнёздовское погребение датированы второй половиной X в. (*Ивакин*, 2005. С. 289; *Ivakin*, 2007. Р. 190; *Ениосова, Пушкина*, 2012. С. 58; *Ениосова и др.*, 2018. С. 147). Я. В. Френкель на основании одной бусины из ожерелья ограничил время совершения захоронения в Киеве концом 980 — началом 990-х гг., а сооружение псковской камеры — последней четвертью X в., причем более вероятной он посчитал вторую половину этого интервала (*Френкель*, 2016. С. 457–458). Н. В. Ениосова и Т. А. Пушкина включили стеклянные пластинки в число находок византийского происхождения. Они предположили, что шелковые одеяния, с нашитыми на них разноцветными стеклянными

накладками, изготавливались в императорских мастерских и предназначались для дипломатических даров (*Ениосова, Пушкина*, 2012. С. 60).

Изучение химического состава девяти пластинок из псковской камеры, проведенных двумя разными методами, показало, по заключению Я. В. Френкеля, что они принадлежат к двум химическим типам: содовому стеклу и стеклу, «состав которого может быть обозначен формулой Si-Na-Ca(Mg)» (*Френкель*, 2016. С. 448, 460–464). Он отметил, что не может уверенно определить сырье, из которого сварено стекло второго типа³³. Использование для пластинок стекла, сваренного по содовой рецептуре, исследователь считает аргументом в пользу их византийской культурной принадлежности. Я. В. Френкель согласился с атрибуцией данных изделий как элементов украшения парадных облачений. При этом, в отличие от московских коллег, он предположил местное, восточноевропейское изготовление подобной женской одежды в подражание «византийскому великолепию», о чем, по его мнению, говорит использование при декорировании оказавшихся под рукой осколков сосудов и оконного стекла (*Там же*. С. 459–460). Эта идея ученого, на наш взгляд, не обоснована, поскольку к настоящему времени ни на одном древнерусском памятнике X в. не отмечено такого разнообразия разноцветного посудного и плоского стекла, какое представлено среди накладок из упомянутых выше камерных погребений.

Таким образом, в раннем средневековье на Рюриково городище попали редкие для памятников древней Руси стеклянные сосуды, что наряду с некоторыми другими, найденными на памятнике находками свидетельствует о высоком социальном статусе его жителей. Проведенные исследования показали, что обломок лишь одного сосуда, судя по составу стекла, происходит из Западной Европы. Большая же часть посуды происходит с юга, по-видимому, из Византии или Восточного Средиземноморья. Оттуда же, очевидно, происходят мозаичный кубик, фрагмент

³³ Следует отметить, что по результатам оптико-эмиссионной спектрографии концентрации K₂O и MgO в образцах, вошедших в этот тип, соответствуют стеклу, изготовленному на золе растений, произрастающих на засоленных почвах, тогда как по данным рентгеноспектрального микроанализа это стекло с «неоднозначным» составом (*Френкель*, 2016. С. 463, Табл. 2 и 3, № 3, 4, 7, 8).

оконного стекла и пластинка. Вполне возможно, что найденная на Городище стеклянная накладка оторвалась с драгоценной одежды, полученной знатным «варваром» в Константинополе. Два других артефакта, так же как и встреченные на поселении медные фоллисы византийских императо-

ров Феофила и Василия I Македонянина (Носов, 1990. С. 101, 148–149; Мусин, 2010. С. 35, 42, цв. ил. III, 1; Носов и др., 2017. С. 24, 54, 129, ил. 1, 93), представляли собой, по-видимому, своеобразные сувениры, привезенные на Север людьми, побывавшими в Византии.

- Айбабин, 1976* — Айбабин А. И. Стеклянные рюмки из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма // Сообщения Гос. Эрмитажа. 1976. ХLI. С. 27–30.
- Айбабин, 1993* — Айбабин А. И. Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // Материалы по археологии и этнографии Таврии. Вып. III / Ред.-сост. А. И. Айбабин. Симферополь: Таврия, 1993. С. 121–134, 365–383.
- Аксёнов, Михеев, 2000* — Аксёнов В. С., Михеев В. К. Скляний посуд з поховань салтівського могильника Червона Гусарівка на Харківщині // Археологія. 2000. № 4. С. 55–58.
- Безбородов, 1969* — Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск: Наука и техника, 1969. 276 с.
- Белый, 1993* — Белый А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка №2 // История и археология Юго-Западного Крыма / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1993. С. 49–58.
- Бернацки, Кленина, 2016* — Бернацки А. Б., Кленина Е. Ю. Квартал 55 с пятиапсидным храмом (IV/III в. до н. э. — XIV в. н. э.) в Херсонесе Таврическом. Т. III: Повседневная жизнь (Топография и архитектура Херсонеса Таврического). Познань: Instytut Historii UAM, 2016. 406 с.
- Бліфельд, 1977* — Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ: Наукова думка, 1977. 236 с.
- Веймарн, Айбабин, 1993* — Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 204 с.
- Галибин, 2001* — Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001 (Тр. ИИМК РАН; Т. IV). 216 с.
- Голофаст, 1998* — Голофаст Л. А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Крымское отд. Ин-та востоковедения НАН Украины, 1998. Вып. VI / Ред.-сост. А. И. Айбабин, С. А. Плетнева. С. 312–326.
- Голофаст, 2019* — Голофаст Л. А. Стекло из раскопок на участке музейно-паркового комплекса Российской Федерации в Иерихоне // РА. 2019. № 4. С. 144–157.
- Голофаст, Рыжов, 2011* — Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь; Керчь: Крымское отд. Ин-та востоковедения НАН Украины, 2011. Вып. XVII / Отв. ред. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. С. 363–411.
- Голофаст, Рыжов, 2013* — Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-A и X-B) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь; Керчь: Крымское отд. Ин-та востоковедения НАН Украины, 2013. Вып. XVIII / Отв. ред. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. С. 49–161.
- Григорьева, Лесман, 2012* — Григорьева Н. В., Лесман Ю. М. Новые материалы о стеклоделии в средневековой Ладоге // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. Вып. 3 / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 62–77.
- Джанполадян, Калантарян, 1988* — Джанполадян Р. М., Калантарян А. А. Торговые связи средневековой Армении в VI–XIII вв. (по данным стеклоделия). Ереван: АН Армянской ССР, 1988 (Археологические памятники Армении, 14; Средневековые памятники, VI). 48 с., 29 л. ил.
- Дорошко, 2016* — Дорошко О. П. Оконное стекло из раскопок в Северо-восточном районе Херсонеса // Владимирский сборник: Материалы междунар. науч. конф. «I и II Свято-Владимирские чтения» / Отв. ред. В. В. Майко, Т. Ю. Яшаева. Калининград: ИД «РОС-ДОАФК», 2016. С. 73–79.
- Егорьков, 2015а* — Егорьков А. Н. Результаты оптико-эмиссионной спектроскопии стекла // Древности Семидворья I. Дваапсидный средневековый храм в урочище Еди-Евдер (Алушта, Крым): Материалы и исследования / Ред.-сост. И. Б. Тесленко, А. Е. Мусин. Киев: Антиквар, 2015 (Археологический альманах, 32). С. 347.
- Егорьков, 2015б* — Егорьков А. Н. Взгляд на некоторые проблемы интерпретации состава древнего

- стекла // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 327–335.
- Егорьков, Плохов, 2019* — *Егорьков А. Н., Плохов А. В.* Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища // Земля наша велика и обильна... 90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Невская типография, 2019. С. 91–98.
- Ениосова, Пушкина, 2012* — *Ениосова Н. В., Пушкина Т. А.* Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. 2012. Вып. V. С. 34–85.
- Ениосова и др., 2018* — *Ениосова Н. В., Пушкина Т. А., Столярова Е. К.* Стеклянные игральные фишки и раскопок в Гнёздове // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2018. С. 143–160.
- Ершова, 2016* — *Ершова Т. Е.* Камерное погребение 7 // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. Т. 2: Камерные погребения Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря) / Отв. ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 309–346.
- Журухина, 2018* — *Журухина О.* Віконне скло давнього Києва (за археологічними джерелами) // *Orus mixum*. 2018. № 6. С. 145–152.
- Ивакин, 2005* — *Ивакин Г. Ю.* Погребения X — первой половины XI в. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 287–303.
- Каинов, 2019* — *Каинов С.* В поисках раннего Гнёздова (раскопки кургана Л-210 в Лесной курганной группе) // Край Смоленский. Смоленск: б. и., 2019. № 2. С. 50–52.
- Каргер, 1958* — *Каргер М. К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. М.; Л.: АН СССР, 1958. 580 с.
- Комар, 2012* — *Комар А. В.* Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 335–365.
- Кудрявцев, Андриенко, 2019* — *Кудрявцев А. А., Андриенко А. В.* Материальная культура северной части Новгородского (Рюрикова) городища перед возведением церкви Благовещения (по материалам археологических исследований 2016–2017 гг.) // Архитектурная археология. М.: ИА РАН, 2019. № 1. С. 113–128.
- Меч и златник...*, 2012 — Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Каталог выставки / Науч. ред. Д. В. Журавлев, В. В. Мурашева. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.
- Мурашева и др., 2010* — *Мурашева В. В., Довгалюк Н. П., Фетисов А. А.* Византийские импорты с территории пойменной части Гнёздовского поселения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. I. С. 512–536.
- Мурашева и др., 2018* — *Мурашева В. В., Малышева Н. Н., Френкель Я. В.* Исследование прибрежной территории озера Бездонка на пойменной части поселения Гнёздовского археологического комплекса // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1 / Отв. ред. С. Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2018 (Тр. ГИМ. Вып. 210). С. 286–339.
- Мусин, 2010* — *Мусин А. Е.* Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и «путь из варяг в греки» // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвоцинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 35–45.
- Нефёдов, 2001* — *Нефёдов В. С.* Археологический контекст «древнейшей русской надписи» из Гнёздова // Гнёздово. 125 лет исследования памятника / Отв. ред. В. В. Мурашева. М.: ГИМ, 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 124). С. 64–67.
- Носов, 1990* — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, Лен. отд., 1990. 214 с.
- Носов и др., 2005* — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения: Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). 404 с.
- Носов и др., 2017* — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIX). 288 с.
- Носов, Хвоцинская, 2010* — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* К вопросу о размещении участков ремесленного производства на Городище под Новгородом // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. Т. II. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 60–70.

- Пономарев*, 2014 — *Пономарев Л. Ю.* Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А. В. Гадло 1963 г.) // История и археология Крыма. Вып. I: Сб. ст., посв. 100-летию со дня рождения О. И. Домбровского / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 376–399.
- Плохов*, 2007 — *Плохов А. В.* Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического исследования Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник: Материалы междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород) / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 166–175.
- Пономарев*, 2016 — *Пономарев Л. Ю.* Хозяйственно-бытовой и культовый комплекс находок из салтово-маяцких поселений и могильников Керченского полуострова // История и археология Крыма. Вып. III: Сб. ст., посв. 60-летию со дня рождения В. А. Кутайсова / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 235–267.
- Румянцева*, 2016 — *Румянцева О. С.* Химический состав и проблема происхождения стеклянных украшений Пашковского могильника №1 // Пашковский могильник №1. Т. 2: Исследования материалов Пашковского могильника №1 / Отв. ред. А. В. Мاستыкова. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 305–326.
- Седлачкова*, 2015 — *Седлачкова Г.* Византийские и ближневосточные сосуды и оконное стекло IX–XIV веков в чешских землях // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 262–269.
- Тесленко, Мусин*, 2015 — *Тесленко И. Б., Мусин А. Е.* Стеклянные сосуды // Древности Семидворья I. Двапсидный средневековый храм в урочище Еди-Евдер (Алушта, Крым): Материалы и исследования / Ред.-сост. И. Б. Тесленко, А. Е. Мусин. Киев: Антиквар, 2015 (Археологический альманах, 32). С. 179–188.
- Френкель*, 2016 — *Френкель Я. В.* Изделия из стекла и янтаря из камерных погребений Старовознесенского некрополя: опыт культурно-хронологической атрибуции // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. Т. 2: Камерные погребения Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 г. у Старовознесенского монастыря) / Отв. ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 445–465.
- Церква*, 1996 — Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення / Наук. ред. П. Толочко. Київ: АртЕк, 1996. 224 с.
- Чхаидзе*, 2008 — *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.
- Чхаидзе*, 2012 — *Чхаидзе В. Н.* Фанагория в VI–X веках. М.: Издательский дом «Триумф принт», 2012. 590 с.
- Щапова*, 1972 — *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 216 с.
- Щапова*, 1983 — *Щапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: Изд-во МГУ, 1983. 200 с.
- Щапова*, 1991 — *Щапова Ю. Л.* Византия и Восточная Европа. Направление и характер связей в IX–XII вв. (по находкам из стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византистов / Ред. Г. Г. Литаврин и др. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 155–177.
- Щапова*, 1998 — *Щапова Ю. Л.* Византийское стекло. Очерки истории. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 288 с.
- Andreescu-Treadgold et al.*, 2006 — *Andreescu-Treadgold I., Henderson J., Roe M.* Glass from the mosaics on the west wall of Torcello's basilica // *Arte medieval*. 2006. No 2. P. 87–140.
- Andreescu-Treadgold, Henderson*, 2009 — *Andreescu-Treadgold I., Henderson J.* How does the glass of the wall mosaics at Torcello contribute to the study of trade in the 11th century // *Byzantine trade, 4th–12th centuries. The archaeology of local, regional and international exchange. Papers of the Thirty-eighth Spring Symposium of Byzantine Studies, St John's College, University of Oxford, March 2004* / Ed. M. M. Mango (Society for the Promotion of Byzantine Studies. Publications 14). Farnham; Burlington: Ashgate, 2009. P. 393–421.
- Antonaras*, 2013 — *Antonaras A.* The Production and Uses of Glass in Byzantine Thessaloniki // *New light on old glass: recent research on Byzantine mosaics and glass* / Eds. Ch. Entwistle, L. James. London: The British Museum, 2013. P. 189–198.
- Arbman*, 1937 — *Arbman H.* Schweden und das karolingische Reich. Studien zu den Handelsverbindungen des 9. Jahrhunderts (Kungl. Viterhets Historie och Antikvitets Akademiens handlingar, 43). Stockholm: Bokförlags Aktiebolaget Thule, 1937. 271 s.
- Arbman*, 1940 — *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala: Almqvist & Wiksell Boktryckeri-Aktiebolag, 1940. 282 Taf.

- Arletti*, 2013 — *Arletti R.* A study of glass tesserae from mosaics in the monasteries of Daphni and Hosios Loukas // *New light on old glass: recent research on Byzantine mosaics and glass* / Eds. Ch. Entwistle, L. James. London: The British Museum, 2013. P. 70–75.
- Arletti et al.*, 2010 — *Arletti R., Fiori C., Vandini M.* The study of glass tesserae from mosaics in the monasteries of Daphni and Hosios Loukas (Greece) // *Archaeometry* 2010. 52: 5. P. 796–815.
- Atik*, 2009 — *Atik Ş.* Late Roman/Early Byzantine Glass Finds from the Marmaray Rescue Excavation at Yenikapı in Istanbul // *Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean* / Ed. E. Lafli. Izmir: TÜBİTAK, 2009 (Colloquia Anatolica et Aegaea — Acta Congressus Internationalis Smyrnensis, II). P. 1–16.
- Baumgartner, Krueger*, 1988 — *Baumgartner E., Krueger I.* Phönix aus Sand und Assche: Glas des Mittelalters. München: Klinkhardt & Biermann, 1988. 459 S.
- Belgiovine*, 2015 — *Belgiovine E.* The glass of Terme Milano at Gortyna (Crete) // *Annales du 19e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Piran, 2012)* / Ed. I. Lazar. Koper: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2015. P. 361–367.
- Boschetti et al.*, 2012 — *Boschetti C., Leonelli C., Corradi A.* The earliest wall mosaics and the origin of Roman glass in Italy: archaeological considerations for an archaeometric study // *Annales du 18e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Thessaloniki, 2009)* / Eds. D. Ignatiadou, A. Antonaras. Thessaloniki: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2012. P. 139–144.
- Brill*, 1995 — *Brill R. H.* Chemical analyses of some glass fragments from Nishapur in the Corning Museum of Glass // *Kröger J.* Nishapur. Glass of the Early Islamic Period. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1995. P. 211–233.
- Brill*, 2001 — *Brill R. H.* Some thoughts on the chemistry and technology of Islamic Glass // *Carboni S., Whitehouse D.* Glass of the Sultans. The exhibition catalogue. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2001. P. 25–45.
- Bugoi et al.*, 2013 — *Bugoi R., Poll I., Mănușu-Adameșteanu Gh., Neelmeijer C., Eder F.* Investigations of Byzantine glass bracelets from Nufăru, Romania using external PIXE-PIGE methods // *Journal of Archaeological Science* 2013. No 40. P. 2881–2891.
- Bugoi et al.*, 2014 — *Bugoi R., Poll I., Mănușu-Adameșteanu Gh., Calligaro T., Pichon L.* Byzantine glass bracelets (10th–13th century A.D.) found on Romanian territory investigated using external IBA methods // *Proceedings of the 39th International Symposium for Archaeometry, 28 May to 1 June 2012, Leuven, Belgium* / Eds. R. B. Scott, D. Braekmans, M. Carremans, P. Degryse. Leuven: Centre for Archaeological Sciences, 2014. P. 164–170.
- Bugoi et al.*, 2016a — *Bugoi R., Poll I., Mănușu-Adameșteanu Gh., Calligaro T., Pichon L., Pacheco C.* PIXE-PIGE analyses of Byzantine glass bracelets (10th–13th centuries AD) from Isaccea, Romania // *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry*. 2016. No 307. P. 1021–1036.
- Bugoi et al.*, 2016b — *Bugoi I., Poll I., Mănușu-Adameșteanu Gh.* Compositional analyses of Issaccea mosaic glass tesserae (11th century AD) // *Romanian Reports in Physics*. 2016. 68: 3. P. 1004–1014.
- Bugoi et al.*, 2018 — *Bugoi R., Poll I., Mănușu-Adameșteanu Gh., Pacheco C., Lehuédé P.* Compositional study of Byzantine glass bracelets discovered at the Lower Danube // *Microchemical Journal*. 2018. No 137. P. 223–230.
- Cabart et al.*, 2017 — *Cabart H., Pactat I., Gratuze B.* Les verres du Haut Moyen Âge issus des fouilles du monastère Habendum (Vosges, France) // *Annales du 20e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Fribourg / Romont 7–11 septembre 2015)* / Eds. S. Wolf, A. de Pury-Gysel. Romont: Marie Leidorf GmbH, 2017. P. 346–353.
- Carboni, Whitehouse*, 2001 — *Carboni S., Whitehouse D.* Glass of the Sultans. The exhibition catalogue. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2001. 330 p.
- Davidson*, 1952 — *Davidson G. R.* Corinth. Vol. XII: The Minor Objects. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1952. XIV + 366 p., 148 pl.
- Dekówna*, 1976 — *Dekówna M.* Glasbecher // *Müller-Wille M.* Das Bootkammergrab von Haithabu (Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu, 8). Neumünster: K. Wachholtz, 1976. S. 63–66.
- Dell'Acqua*, 1997 — *Dell'Acqua F.* Ninth-century window glass from the monastery of San Vincenzo al Volturno (Molise, Italy) // *Journal of Glass Studies*. 1997. Vol. 39. P. 33–41.
- Dell'Acqua*, 2005 — *Dell'Acqua F.* Enhancing luxury through stained glass, from Asia Minor to Italy // *Dumbarton Oaks Papers* 2005. Vol. 59. P. 193–211.
- Dell'Acqua*, 2006 — *Dell'Acqua F.* Glass and natural light in the shaping of sacred space in the Latin West and in the Byzantine East // *Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси* / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006. P. 299–324.

- Drauschke, Greiff*, 2010 — *Drauschke J., Greiff S.* Chemical aspects of Byzantine glass from Caričin Grad / Instiniana Prima (Serbia) // *Glass in Byzantium — Production, Usage, Analyses. International Workshop organised by the Byzantine Archaeology Mainz, 17th–18th of January 2008, Römisch-Germanisches Zentralmuseum / Eds. J. Drauschke, D. Keller (RGZM — Tagungen, 8). Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2010. P. 25–46.*
- Dussart*, 2003 — *Dussart O.* Les Verres Islamiques de Qal'at Sem'an // *Annales du 15e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (New York — Corning, 2001). Nottingham: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2003. P. 171–179.*
- Feveile*, 2006 — *Feveile L. L.* Hulglasskår fra markedspladsen i Ribe, ASR 9 Posthuset // *Det Ældste Ribe. Udgravninger på nordsiden af Ribe Å 1984–2000. Bd. 1 / Ed. C. Feveile (Ribe Studier 1.1; Jysk Arkeologisk Selskab skrifter, 51). Højberg: Jysk Arkæologisk Selskab, 2006. S. 195–256.*
- Foy*, 2005 — *Foy D.* La suprématie du verre soufflé en cylindre: panneaux et vitraux du Ve au IXe siècle // *De transparentes spéculations. Vitres de l'Antiquité et du haut Moyen Âge (Occident-Orient), exposition temporaire en liaison avec les 20e rencontres de l'AFAV sur le thème du verre plat, Bavay-Bagacum, Musée-site d'archéologie / Ed. D. Foy (Id'antique: notions croisées d'héritage romain et d'approches contemporaines, 4). Bavay: Musée-site d'archéologie, 2005. P. 59–64.*
- Foy*, 2012 — *Foy D.* Le verre d'al-Hadir // *Al-Hadir. Étude archéologique d'un hameau de Qinnasrin (Syrie du Nord, viie-xiie siècles) / Dir. M.-O. Rousset (Travaux de la Maison de l'Orient et de la Méditerranée, 59; Série "Recherches archéologiques". Qinnasrin I). Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée, 2012. P. 129–138.*
- Foy, Fontaine*, 2008 — *Foy D., Fontaine S. D.* Diversité et Évolution du Vitrage de l'Antiquité et du haut Moyen Âge. Un état de la question // *Gallia. 2008. Vol. 65. P. 405–459.*
- Foy et al.*, 2003 — *Foy D., Picon M., Vichy M.* Verres Omeyyades et Abbassides d'origine Egyptienne: les témoignages de l'archéologie et de l'archéométrie // *Annales du 15e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (New York — Corning, 2001). Nottingham: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2003. P. 138–143.*
- Freestone*, 2006 — *Freestone I. C.* Glass production in Late Antiquity and the Early Medieval period: a geochemical perspective // *Geomaterials in Cultural Heritage / Eds. M. Magetti, B. Messiga (Geological Society, London, Special Publications, 257). London: Geological Society of London, 2006. P. 201–216.*
- Freestone et al.*, 2000 — *Freestone I. C., Gorin-Rosen Y., Hughes M. J.* Primary glass from Israel and the production of glass in Late Antiquity and the Early Islamic Period // *La Route du verre. Ateliers primaires et secondaires du second millénaire av. J.-C. au Moyen Âge. Colloque organisé en 1989 par l'Association française pour l'Archéologie du Verre (AFAV) / Ed. M.-D. Nenna (Travaux de la Maison de l'Orient méditerranéen, 33). Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2000. P. 65–83.*
- Freestone et al.*, 2008 — *Freestone I. C., Hughes M. J., Stapleton C. P.* The composition and production of Anglo-Saxon glass // *Catalogue of Anglo-Saxon glass in the British Museum / Ed. S. Marzinzik (British Museum research publication, 167). London: British Museum Press, 2008. P. 29–46.*
- Freestone et al.*, 2009 — *Freestone I. C., Wolf S., Thirlwall M.* Isotopic composition of glass from the Levant and south-eastern Mediterranean Region // *Isotopes in Vitreous Materials / Eds. P. Degryse, J. Henderson, G. Hodgins (Studies in Archaeological Sciences, 1). Leuven: Leuven University Press, 2009. P. 31–52.*
- Galuška et al.*, 2012 — *Galuška L., Macháček J., Pieta K., Sedláčková H.* The glass of Great Moravia: vessel and window glass, and small objects // *Journal of glass studies. 2012. Vol. 54. P. 61–92.*
- Gaut*, 2011 — *Gaut B.* Vessel glass and evidence of glassworking // *Things from the town. Artefacts and inhabitants in Viking-age Kaupang (Kaupang Excavation Project. Publication Series, 3. Norske Oldfunn, XXIV). Oslo: Aarhus University Press & the Kaupang Excavation Project, 2011. P. 169–279.*
- Gratuze, Barrandon*, 1990 — *Gratuze B., Barrandon J.-N.* Islamic glass weights and stamps: analysis using nuclear techniques // *Archaeometry. 1990. Vol. 32: 2. P. 155–162.*
- Gratuze, Barrandon*, 1991 — *Gratuze B., Barrandon J.-N.* Caractérisation par des méthodes d'analyses nucléaires de la technologie de fabrication des poids monétaires et des estampilles islamiques en verre // *Technique et Science Les Arts du Verre. Actes du Colloque de Namur, 21–22 octobre 1989. Namur: Presses Universitaires de Namur, 1991. P. 39–56.*
- Gross*, 2015 — *Gross U.* Rares Gut. Gläser des 8. bis 13. Jahrhunderts // *GlasKlar. Archäologie eines kostbaren Werkstoffes in Südwestdeutschland / Wissenschaftliche Red. R. Röber. Friedberg: Likias, 2015. S. 54–57.*
- Hadad*, 2000 — *Hadad S.* Incised Glass Vessels from the Umayyad and Abassid-Fatimid Periods at Bet Shean, Israel // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research, 317 (February 2000). 2000. P. 63–73.*

- Hayes*, 1992 — *Hayes J. W.* Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2: The Pottery. Princeton, N. J.: Princeton University Press; Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1992. 464 p.
- Henderson*, 2003 — *Henderson J.* Glass trade and chemical analysis: a possible model for Islamic glass production // *Échanges et commerce du verre dans le monde antique (Actes du colloque de l'Association Française pour l'Archéologie du Verre, Aix-en-Provence, Marseille, 7–9 juin 2001)* / Dir. D. Foy, M.-D. Nenna (Monographies instrumentum, 24). Montagnac: Monique Mergoil, 2003. P. 109–124.
- Henderson, Holand*, 1992 — *Henderson J., Holand I.* The glass from Borg. An Early Medieval chieftain's farm in northern Norway // *Medieval Archaeology*. 1992. Vol. 36. P. 29–58.
- Henderson, Mango*, 1995 — *Henderson J., Mango M.* Glass at Medieval Constantinople. Preliminary scientific evidence // *Constantinople and its Hinterland. Papers from the Twenty-seventh Spring Symposium of Byzantine Studies, Oxford, April 1993* / Eds. C. Mango, G. Dagron (Society for the Promotion of Byzantine Studies. Publications 3). Aldershot, Brookfield: Variorum, 1995. P. 334–356.
- Henderson et al.*, 2004 — *Henderson J., McLoughlin S. D., McPhail D. S.* Radical changes in Islamic glass technology: evidence for conservatism and experimentation with new glass recipes from Early and Middle Islamic Raqqa, Syria // *Archaeometry* 2004. Vol. 46: 3. P. 439–468.
- Heyworth*, 1990 — *Heyworth M.* Analysis of glass vessel fragments from Vendeuil, France // *Nord-Ouest Archéologie*. 1990. Vol. 3. P. 97–98.
- Himmelová*, 1995 — *Himmelová Z.* Glasfunde aus Mikulčice // *Studien zum Burgwall von Mikulčice. Bd. I* / Hrsg. F. Daim, L. Poláček. Brno: Archeologického ústavu AV ČR, 1995. S. 83–112.
- Holand*, 2003 — *Holand I.* Glass vessels // *Borg in Lofoten. A chieftain's farm in North Norway* / Eds. G. S. Munch, O. S. Jansen, E. Roesdahl (Arkeologisk Skriftserie, 1). Trondheim: Tapir Academic Press, 2003. P. 211–229.
- Hougen*, 1969 — *Hougen E. K.* Glassmaterialiet fra Kaupang // *Viking*. 1969. XXXIII. S. 119–137.
- Hunter*, 1980 — *Hunter J. R.* The Glass // *Holdsworth Ph. Excavations at Melbourne Street, Southampton, 1971–76*. London: Council for British Archaeology, 1980 (Council for British Archaeology. Research Report, 33; Southampton Archaeological Research Committee, Report I). P. 59–72.
- Insoll*, 1998 — *Insoll T.* Islamic Glass from Gao, Mali // *Journal of Glass Studies*. 1998. Vol. 40. P. 77–88.
- Isings*, 1980 — *Isings C.* Glass Finds from Dorestad, Hoogstraat I. // Eds. W. A. van, Verwers W. J. H. Excavations at Dorestad 1. The Harbour: Hoogstraat 1 (Nederlandse Oudheden, 9; Kromme Rijn Project I). Amersfoort: Rijkdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek, 1980. P. 225–237.
- Isings*, 2009 — *Isings C.* Glass // Eds. W. A. van, Verwers W. J. H. Excavations at Dorestad 3. Hoogstraat 0, II–IV (Nederlandse Oudheden, 16). Amersfoort: Rijkdienst voor Archeologie, Cultuurlandschap en Monumenten, 2009. P. 259–279.
- Isings*, 2015 — *Isings C.* Glass // Eds. W. A. van, Verwers W. J. H. Excavations at Dorestad 4. The Settlement on the River Bank Area (Nederlandse Oudheden, 18). Amersfoort: Cultural Heritage Agency of the Netherlands, 2015. P. 422–445.
- Ivakin*, 2007 — *Ivakin H.* Excavation at St. Michael Golden Domes Monastery in Kiev // *Kiev — Cherson — Constantinople. Ukrainian papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25 August 2001)* / Eds. A. Aibabin, H. Ivakin (Occasional Monographs, I). Kiev; Simferopol; Paris: Ukrainian National Committee for Byzantine Studies, 2007. P. 177–220.
- Jiayao*, 1991 — *Jiayao An.* Dated Islamic Glass in China // *Bulletin of the Asia Institute. New Series*, 5. 1991. P. 123–137.
- James*, 2006 — *James J.* Byzantine glass mosaic tesserae: some material considerations // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 2006. 30 (1). P. 29–47.
- James*, 2012 — *James L.* Glass and the manufacture of Byzantine mosaics // *Annales du 18e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Thessaloniki, 2009)* / Eds. D. Ignatiadou, A. Antonaras. Thessaloniki: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2012. P. 321–325.
- Kanyak*, 2009 — *Kanyak S.* Late Roman/Early Byzantine Window Glass from the Marmaray Rescue Excavations at Sirkeci, Istanbul // *Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean* / Ed. E. Laflı (Colloquia Anatolica et Aegaea — Acta Congressus Internationalis Smyrnensis, II). Izmir: TÜBİTAK, 2009. P. 25–47.
- Kato et al.*, 2009 — *Kato N., Nakai I., Shindo Y.* Chemical composition of Early Islamic glass excavated in Rāya, Egypt // *Annales du 17e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Antwerp 3–10 septembre 2006)* / Eds. K. Janssens, P. Degryse, P. Cosyns, J. Caen, L. Van't Dack. Antwerp: University Press Antwerp, 2009. P. 274–280.
- Košta et al.*, 2011 — *Košta J., Sedláčková H., Hulínský V.* Skleněné předměty z raně středověkého knížecího

- hrobu v Kolíně // Časopis Národního Muzea, řada historická. 2011. Vol. 180: 3–4. S. 51–81.
- Kröger, 1995 — Kröger J. Nishapur. Glass of the Early Islamic Period. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1995. 256 p.
- Kronz et al., 2016 — Kronz A., Hilberg V., Simon K., Wedepohl K. H. Glas aus Haithabu // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 2016. 43 (2015). S. 39–58.
- Krueger, Wedepohl, 2003 — Krueger I., Wedepohl K. H. Composition and shapes of glass of the Early Medieval period (8th to 10th century AD) in Central Europe // Echanges et commerce du verre dans le monde antique (Actes du colloque de l'Association Française pour l'Archéologie du Verre, Aix-en-Provence, Marseille, 7–9 juin 2001) / Dir. D. Foy, M.-D. Nenna (Monographies instrumentum, 24). Montagnac: Monique Mergoïl, 2003. P. 93–100.
- Kucharczyk, 2002 — Kucharczyk R. Marea 2001: Windowplanes and other glass finds // Polish Archaeology in the Mediterranean, XIII, Reports 2001. Warsaw, 2002. P. 65–71.
- Kucharczyk, 2005 — Kucharczyk R. Islamic glass from the Auditoria on Kom el-Dikka in Alexandria // Polish Archaeology in the Mediterranean, XVI, Reports 2004. Warsaw, 2005. P. 31–41.
- Kucharczyk, 2009 — Kucharczyk R. Islamic scratch-engraved glass from Alexandria (Kom el-Dikka) // Journal of Glass Studies. 2009. Vol. 51. P. 40–52.
- Lilyquist et al., 1993 — Lilyquist C., Brill R. H., Wypyski M. T. Studies in Early Egyptian Glass. New York: Metropolitan Museum of Art, 1993. 80 p.
- Ljungkvist, 2009 — Ljungkvist J. Continental imports to Scandinavia. Patterns and changes between AD 400 and 800 // Foreigners in Early Medieval Europe: Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility / Ed. D. Quast. Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2009. P. 27–49.
- Loukopoulou, Moropoulou, 2012 — Loukopoulou P., Moropoulou A. Byzantine gold-leaf glass tesserae: A closer look at manufacturing technique and decay // Annales du 18e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Thessaloniki, 2009) / Eds. D. Ignatiadou, A. Antonaras. Thessaloniki: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2012. P. 307–308.
- Loukopoulou, Moropoulou, 2013 — Loukopoulou P., Moropoulou A. Notes on the morphology of the gold glass tesserae from Daphni monastery // New light on old glass: recent research on Byzantine mosaics and glass / Eds. Ch. Entwistle, L. James. London: The British Museum, 2013. P. 75–81.
- Lyubomirova et al., 2015 — Lyubomirova V., Šmit Ž., Fajfar H., Zlateva B., Djingova R., Kuleff I. Characterization of the chemical composition of medieval glass finds from South Bulgaria // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. 2015. 15: 2. P. 257–275.
- Lundström, 1971 — Lundström A. Cuppa vitrea auro ornate // Early Medieval Studies, 3. Antikvariskt arkiv. 1971. Vol. 40. P. 52–68.
- Neri et al., 2016 — Neri E., Verità M., Biron I., Guerra M. F. Glass and gold: analyses of 4th–12th centuries Levantine mosaic tesserae. A contribution to technological and chronological knowledge // Journal of Archaeological Science. 2016. Vol. 70. P. 158–171.
- Neri et al., 2018a — Neri E., Biron I., Verità M. New insights into Byzantine glass technology from loose mosaic tesserae from Hierapolis (Turkey): PIXE/PIGE and EPMA analyses // Archaeological and Anthropological Sciences. 2018. Vol. 10. P. 1751–1768.
- Neri et al., 2018b — Neri E., Schibille N., Pellegrino M., Nuzzo D. A Byzantine connection: Eastern Mediterranean glasses in medieval Bari // Journal of Cultural Heritage. 2018. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.culher.2018.11.009> (дата обращения: 26 января 2019 г.).
- Nesbitt, 2013 — Nesbitt C. Experiencing the light: Byzantine church window glass and the aesthetics of worship // New light on old glass: recent research on Byzantine mosaics and glass / Eds. Ch. Entwistle, L. James. London: The British Museum, 2013. P. 207–216.
- Pasquier, 2007 — Pasquier J. Du. Les Chefs-d'Oeuvre de l'Islam (Histoire du verre). Paris: Massin, 2007. 157 p.
- Pactat et al., 2017 — Pactat I., Guerit M., Simon L., Gratuze B., Raux S., Aunay C. Evolution of glass recipes during the Early Middle Ages in France: analytical evidence of multiple solutions adapted to local contexts // Annales du 20e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Fribourg / Romont 7–11 septembre 2015) / Eds. S. Wolf, A. de Pury-Gysel. Romont: Marie Leidorf GmbH, 2017. P. 334–340.
- Paynter, Jackson, 2016 — Paynter S., Jackson C. Re-used Roman Rubbish: a thousand years of recycling glass // Post-Classical Archaeologies. 2016. Vol. 6. P. 31–52.
- Phelps, 2016 — Phelps M. O. R. An investigation into technological change and organisational developments in glass production between the Byzantine and Early Islamic Periods (7th–12th centuries) focussing on evidence from Israel. Thesis submitted to University College London for the degree of Doctor of Philosophy in Archaeology. Institute of Archaeology. October 2016. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1551577/1/>

- Phelps%20Thesis%20post-viva.pdf (дата обращения: 20.12.2019 г.).
- Phelps, 2018 — Phelps M. Glass supply and trade in Early Islamic Ramla: An investigation of the plant ash glass // Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium AD / Eds. D. Rosenow, M. Phelps, A. Meeks, I. Freestone. London: UCL Press, 2018. P. 236–282.
- Phelps et al., 2016 — Phelps M., Freestone I. C., Gorin-Rosen Y., Gratuze B. Natron glass production and supply in the Late Antique and Early Medieval Near East: The effect of the Byzantine-Islamic transition // Journal of Archaeological Science. 2016. Vol. 75. P. 57–71.
- Pollak, 2003 — Pollak R. Early Islamic glass from Caesarea: a chronological and typological study // Annales du 15e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (New York — Corning, 2001). Nottingham: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2003. P. 165–170.
- Saldern, 1980 — Saldern A. Ancient and Byzantine Glass from Sardis (Monograph — Archaeological Exploration of Sardis; 6). Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 1980. 176 p.
- Sayre, Smith, 1961 — Sayre E. V., Smith R. W. Compositional categories of ancient glass // Science. 1961. Vol. 133, No. 3467. P. 1824–1826.
- Sayre, Smith, 1974 — Sayre E. V., Smith R. W. Analytical studies of ancient Egyptian glass // Recent advances in the science and technology of materials, 3 / Ed. A. Bishay. New York: Plenum Press, 1974. P. 47–70.
- Sawada et al., 2005 — Sawada T., Hokura A., Nakai I., Shindo Y. Chemical compositions of Islamic glass from Egypt analysed at their excavation sites with a new portable X-ray fluorescence spectrometer // Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (London, 2003). Nottingham: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2005. P. 178–181.
- Schibille, 2011 — Schibille N. Late Byzantine mineral soda high alumina glasses from Asia Minor: a new primary glass production group // PLoS ONE, 6 (4): e18970. 2011. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0018970> (дата обращения: 09.11.2019 г.).
- Schibille, Freestone, 2013 — Schibille N., Freestone I. C. Composition, production and procurement of glass at San Vincenzo al Volturno: An Early Medieval monastic complex in Southern Italy // PLoS ONE, 8 (10): e76479. 2013. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0076479> (дата обращения: 14.08.2018 г.).
- Schibille, McKenzie, 2014 — Schibille N., McKenzie J. Glass tesserae from Hagios Polyuktos, Constantinople: their Early Byzantine affiliations // Neighbours and Successors of Rome: traditions of glass production and use in Europe and the Middle East in the later 1st millennium AD / Eds. D. Keller, J. Price, C. Jack. Oxford; Philadelphia: Oxbow Books, 2014. P. 114–127.
- Schibille et al., 2018 — Schibille N., Meek A., Mark T., Wypyski M. T., Kroöger J., Rosser-Owen M., Wade Had-don R. The glass walls of Samarra (Iraq): Ninthcentury Abbasid glass production and imports// PLoS ONE, 13 (8): e0201749. 2018. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0201749> (дата обращения: 16.11.2019 г.).
- Shindo, 2003 — Shindo Y. Islamic glass finds from Raya, southern Sinai // Annales du 15e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (New York — Corning, 2001). Nottingham: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2003. P. 180–184.
- Shortland et al., 2006 — Shortland A., Schachner L., Freestone I., Tite M. Natron as a flux in the early vitreous materials industry: sources, beginnings and reasons for decline // Journal of Archaeological Science. 2006. Vol. 33. P. 521–530.
- Steppuhn, 1998 — Steppuhn P. Die Glasfunde von Haithabu (Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu, 32). Neumünster: Wacholtz, 1998. 199 s.
- Steppuhn, 2002 — Steppuhn P. Glasfunde des 11. bis 17. Jahrhunderts aus Schleswig (Ausgrabungen in Schleswig: Berichte und Studien 16). Neumünster: Wachholtz. 133 S.
- Swan, 2012 — Swan C. M. Spatial and temporal considerations of technological change: examining Early Islamic glass study // Annales du 18e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Thessaloniki, 2009) / Eds. D. Ignatiadou, A. Antonaras. Thessaloniki: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2012. P. 346–350.
- Szöke et al., 2004 — Szöke B. M., Wedepohl K. H., Kronz A. Silver-stained windows at Carolingian Zalavár, Mosaburg (Southwestern Hungary) // Journal of Glass Studies. 2004. Vol. 46. P. 85–104.
- Uboldi, Verità, 2003 — Uboldi M., Verità M. Scientific analyses of glasses from Late Antique and Early Medieval archaeological sites in Northern Italy // Journal of Glass Studies. 2003. Vol. 45. P. 115–137.
- Vaghi et al., 2004 — Vaghi F., Verità M., Zecchin S. Silver stain on medieval window glass excavated in the Venetian lagoon // Journal of Glass Studies. 2004. Vol. 46. P. 105–108.

- Verità et al.*, 2010 — *Verità M., Zecchin S., Vaghi F.* Vetri da finestra del IX–XI secolo rinvenuti nella Laguna di Venezia // *Atti delle X Giornate Nazionali di Studio, Trame di luce vetri da finestra e vetrate dall'età romana al novecento*, Pisa, 12–14 novembre 2004 / a cura di D. Stiaffini, S. Ciappi. Pisa: Società Storica Pisana, 2010. P. 27–32.
- Vorsicht Glas*, 2010 — *Vorsicht Glas! Zerbrechliche Kunst 700–2010* / Hrsg. M. Kühn. München: Edition Minerva, 2010. S. 26–31.
- Wedepohl et al.*, 2011 — *Wedepohl K. H., Simon K., Kronz A.* Data on 61 chemical elements for the characterization of three major glass compositions in Late Antiquity and the Middle Ages // *Archaeometry*. 2011. Vol. 53: 1. P. 81–102.
- Wedepohl*, 2000 — *Wedepohl K. H.* The change in composition of medieval glass types occurring in excavated fragments from Germany // *Annales du 14e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Italia | Venezia — Milano 1998)*. Lochem: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2000. P. 253–257.
- Wedepohl*, 2005 — *Wedepohl K. H.* Composition of Carolingian glass in Europe // *Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (London, 2003)*. Nottingham: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2005. P. 203–206.
- Wedepohl*, 2007 — *Wedepohl K. H.* Soda-Kalk-Glas des 8. und 9. Jahrhunderts vom Asar-dere in Pliska (Bulgarien) im Vergleich mit frühmittelalterlichem Glas in Westeuropa // *Post-Roman towns, trade and settlement in Europe and Byzantium*. Vol. 2. Byzantium, Pliska, and the Balkans / Ed. J. Henning (Millennium Studies in the culture and history of the first millennium C.E., 5/2). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. S. 351–360.
- Wedepohl*, 2012 — *Wedepohl K. H.* Carolingian glass from Stare Mesto-Sady (Moravia, Czech Republic) // *Journal of Glass Studies*. 2012. Vol. 54. P. 93–95.
- Wersch et al.*, 2014 — *Wersch L. Van, Biron I., Neuray B., Mathis F., Chêne G., Strivay D., Sapin C.* Les vitraux alto-médiévaux de Stavelot (Belgique) // *Revue d'archéométrie*. 2014. Vol. 38. P. 219–234.
- Wersch et al.*, 2015 — *Wersch L. Van, Loisel C., Mathis F., Strivay D., Bully S.* Analyses of Early Medieval stained window glass from the monastery of Baume-les-Messieurs (Jura, France) // *Archaeometry*. 2015. 58: 6. P. 930–946.
- Witte*, 2013 — *Witte H.* Studies in Middle Byzantine glass mosaics from Amorium // *New light on old glass: recent research on Byzantine mosaics and glass* / Eds. Ch. Entwistle, L. James. London: The British Museum, 2013. P. 25–32.
- Wypyski*, 2005 — *Wypyski M. T.* Technical analysis of glass mosaic tesserae from Amorium // *Dumbarton Oaks Papers*. 2005. Vol. 59. P. 183–192.

Early mediaeval glass objects from Ryurik Gorodishche

A. V. Plokhov

In the early Middle Ages, Ryurik Gorodishche (Rurik Hillfort) was a large military-administrative and a manufacturing centre on Lake Ilmen. Various artefacts tell about the engagement of Gorodishche's residents in far trade. These objects were brought from different nooks of Eurasia. In addition to numerous beads, the imported glass objects from the settlement include fragments of tableware, a fragment of window glass, gold-glass tesserae, as well as a plaque decorated with engraving.

In total, over two tens of glass vessels were recorded during the excavations of Gorodishche: 9 rims and 12 walls (Fig. 1, 1–21). They were found in excavation areas located in different sections of the site, mostly in deposits dated to the 10th century. Almost all of the fragments found at Gorodishche belonged to objects blown from transparent bluish-greenish glass. Only one fragment of a rim and a small splinter of a wall were greenish coloured (Fig. 1, 9, 10). The diameter of the vessels at the rim level is from 7 to 9 cm. In total, fragments of at least five objects have been recovered. The shape of the vessels is difficult to identify because of the small size of the fragments. Judging by the slope of the upper part of the walls, they had a body tapering downwards.

The chemical composition of five pottery fragments was studied by Aleksandr N. Egor'kov using the technique of optical emission spectrography at the Laboratory of Archaeological Technology of IIMK RAS. These investigations demonstrated that one of the vessels was made from wood-ash glass (Fig. 1, 9). Glass of this composition is typical of mediaeval Europe where it appeared in the late 8th century. Possibly, the fragment found at Gorodishche belonged to a funnel beaker, the most widespread type of vessels among the European

antiquities of the 8th–10th centuries. The other four analysed samples were manufactured from soda ash glass, possibly mixed with natron-plant ash glass (Fig. 1, 1, 7, 11, 14). In the late 1st millennium AD, the ware from glass of this chemical composition was manufactured in the Islamic Near East and Byzantine Empire; Gorodishche's rims of similar profile are found at vessels of different types.

A fragment of window glass and gold-glass tesserae come from deposits of the second quarter or second third of the 10th century of the Ryurik Gorodishche (Fig. 1, 22, 23). The glass of a mosaic module, after examination by optical emission spectroscopy, turned to have been manufactured using ash of plants of tidal flats and deserts. Now this example is attributable to the earliest well-dated finds of tesserae of that composition. The window glass, a fragment of which was found at Gorodishche, was manufactured using 'cylinder-blown' or 'muff' techniques. Finds of window glass produced by these techniques are widely represented among antiquities of the Byzantine Empire and the Islamic Near East, as well as at sites of early Mediaeval Europe. The fragment from Gorodishche was examined by Kseniya S. Chugunova by the method of X-ray spectral analysis at the Department of Science-Technological Examination of the State Hermitage. The analysis demonstrated that this glass was made using mineral soda.

The oval plate from blue transparent glass decorated by engraving (Fig. 1, 24) was uncovered in a pit with a fill dated to not later than at least the third quarter of the 10th century. As it seems, it was manufactured from the wall of a vessel decorated with incised decoration. Ware of different forms from coloured glass decorated in similar technique is represented among the antiquities of the Near East of the 8th–10th century. The plaque under consideration was examined by the X-ray spectral analysis which demonstrated that the glass was produced using an alkaline plant ash flux.

In the territory of Old Rus', three places with chamber burials of the second half of the 10th century are known where multicoloured glass plaques of different form were found. Probably, these objects were sewn with the use of silk or gold threads onto the ceremonious clothes put into the graves. It is supposed that these garments were made in workshops of the Byzantine Empire and were intended as diplomatic donations.

Thus in the early Middle Ages, glass objects rare for the Old Rus' sites occurred at Ryurik Gorodishche indicating the high social status of its residents. The investigations have demonstrated that only one fragment of a vessel, judging by the composition of its glass, is provenient from Western Europe. On the contrary, the predominant part of the ware came from the Byzantine Empire or Eastern Mediterranean region. This is the provenience also of a mosaic beaker, the fragment of window glass and of a plaque.

Приложение

Результаты исследования химического состава стекла двух находок Рюрикова городища

К. С. Чугунова

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-108-110

Предметом исследования послужили два фрагмента стекла, найденные при раскопках Рюрикова городища: плоский фрагмент стекла (№ 1¹; рис. 1, 1; *Егорьков, Плохов*, 2019. С. 91–92, 94, табл., рис. 1) и овальная пластинка, украшенная гравировкой (№ 2²; рис. 1³, 2; *Френкель*, 2016.

С. 458, рис. 16). Археологический контекст обнаружения и описание исследуемых фрагментов приведены в статье А. В. Плохова в этом сборнике (*Плохов*, 2020. С. 94–97).

Определение химического состава стекла проводилось методом рентгеноспектрального микроанализа (РСМА; Oxford Instruments X-MaxN 80) (табл. 1). Данный анализ проходит в вакуумной камере электронного микроскопа (EVO-MA-25, Zeiss), где пучок электронов взаимодействует с поверхностью образца. В результате на основании ответных

¹ Соответствует № 23 в работе А. В. Плохова (*Плохов*, 2020. С. 95, рис. 1, 23).

² Соответствует № 24 (*Там же*. С. 97, рис. 1, 24).

³ Все фотографии выполнены автором.

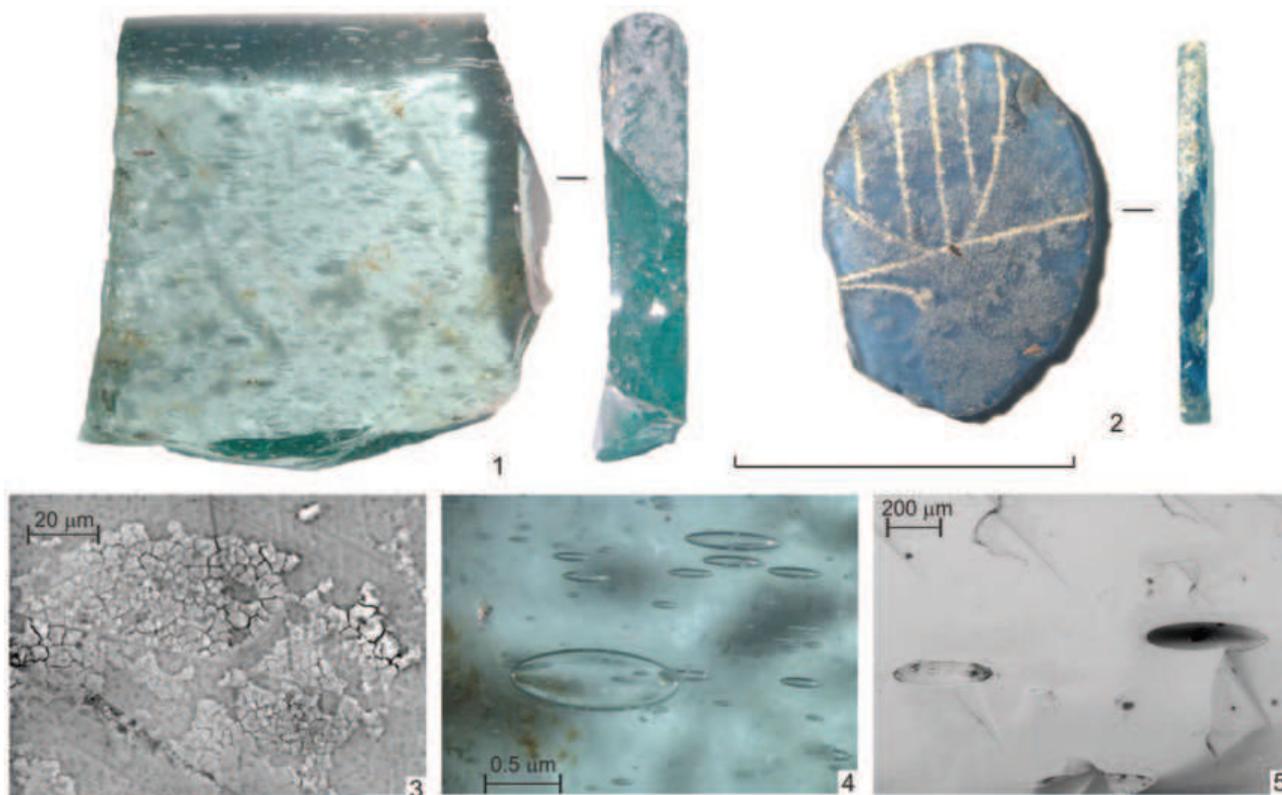

Рис. 1. Исследованные фрагменты стекла: 1 — плоский фрагмент стекла; 2 — пластинка, украшенная гравировкой; 3–5 — исследования плоского стекла: 3 — деградация поверхности, изображение в отраженных электронах; 4–5 — пузырьки в объеме фрагмента: 4 — изображение в видимом свете; 5 — изображение в отраженных электронах

Fig. 1. Investigation of fragments of glass objects: 1 — flat fragment of glass; 2 — plate decorated with engraving; 3–5 — Investigation of flat glass: 3 — degradation of the surface, image in reflected electrons, 4–5 — bubbles within the volume of a fragment: 4 — image in visible light; 5 — image in reflected electrons

сигналов формируется изображение и собирается информация о химическом составе объекта.

Используемый метод, оставаясь неразрушающим, приспособлен к исследованию именно поверхности предмета, что необходимо учитывать при выборе места проведения анализа и дальнейшей трактовке полученных результатов. Так, на предмете № 1 визуально не заметны проявления значительного разрушения поверхности материала (рис. 1, 1). Однако исследование в электронном микроскопе фиксирует признаки деградации поверхности фрагмента плоского стекла (рис. 1, 3). По этой причине анализ всех образцов проводился на торцах сколов. Ряд методических особенностей анализа археологического стекла и интерпретации полученных результатов описан в литературе (Седых, Френкель, 2012. С. 84–85; Френкель, 2016. С. 460; Ениосова и др., 2018. С. 154, сноски № 17–18; Егорьков, Плохов, 2019. С. 95–96).

Специалистами разработаны способы классификации химических типов стекол (Галибин, 2001.

С. 68–69, 86; Щапова, 2008. С. 14, 20). Основываясь на соотношениях и интервалах концентраций окислов (Галибин, 2001. С. 68–69; Щапова, 2008. С. 29), проанализированный нами предмет № 1 (фрагмент плоского стекла) может быть отнесен к содовому стеклу, а предмет № 2 (пластинка) — к зольному стеклу⁴ (табл. 2).

Определение красителя актуально только для предмета № 2: овальная пластинка имеет выраженный синий цвет. В химическом составе стекла пластинки обнаружен кобальт, однако, содержание его находится на грани предела обнаружения прибора ($\text{CoO} < 0,1\%$; табл. 1). Отметим, что красящая способность окиси кобальта очень высока, и достаточно десятой доли процента для получения насыщенного цвета (Галибин, 2001. С. 37). Возможно, в создании синего цвета пластинки участвует и медь ($\text{CuO} \sim 0,1\%$) (Там же. С. 46, табл. 23, 49).

⁴ Зола солончаковых растений (Галибин, 2001. С. 86–87, табл. 35, 2; 36.2, 2).

Таблица 1. Результаты рентгеноспектрального микроанализа*, вес. % оксида
Table 1. Results of X-ray spectral microanalysis, wt % of oxide

№	Предмет	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	FeO	CoO	CuO	ZnO	PbO	Cl
1	Плоское стекло**	15,2	0,9	4,1	66,7	0,2	0,8	8,8	0,3	0,8	1,2	nd***	<0,1	nd	0,5	tr.***
2	Овальная пластинка	12,9	5,3	2,6	68,3	nd	3,1	4,4	0,1	0,9	0,9	<0,1	0,1	tr.	0,3	tr.

* Приведенные в таблице данные являются результатом усреднения 5–10 анализов.

** Фрагмент плоского стекла (предмет № 1) анализировался ранее методом оптико-эмиссионной спектроскопии А. Н. Егорьковым (Егорьков, Плохов, 2019. С. 92, табл.). Сравнение результатов собственного исследования (табл. № 1) и ранее опубликованного демонстрирует, в целом, достаточно хорошую сходимость методов. Значительное отличие имеется только для одного компонента — Na₂O. Объясняется данное расхождение, на наш взгляд, неравномерным выщелачиванием стекла. Стоит отметить, что в литературе имеется опыт сравнения результатов анализа археологического стекла, выполненного двумя методами: количественным эмиссионным спектральным анализом и рентгеноспектральным микроанализом (Френкель, 2016. С. 460–461).

*** nd — не обнаружено; tr. — следовые значения (0,01 < tr. < 0,10).

Таблица 2. Химический тип исследуемого стекла (по В. А. Галибину)
Table 2. Chemical type of the investigated glass (after V. A. Galibin)

№	Предмет	Тип стекла	Сырье
1	Плоское стекло	Si (Al) – Na – Ca	Природная сода
2	Овальная пластинка	Si – Na (K) – Ca, Mg	Растительная зола

Осветлителем для обоих предметов, вероятно, может выступать оксид марганца (MnO = 0,8 – 0,9 %) (Там же. С. 48–49).

К морфологическим наблюдениям можно отнести большое число пузырьков в стеклянной массе предмета № 1 (рис. 1, 4, 5). Пузырьки

имеют форму эллипса и ориентированы вдоль округлого края фрагмента. Форма и ориентация пузырьков в стеклянной массе может указывать на способ производства изделия (Валиулина, 2005. С. 66; Ениосова и др., 2018. С. 149; Плохов, 2020. С. 95).

Валиулина, 2005 — Валиулина С. И. Стекло Волжской Булгарии по материалам Билярского городища. Казань: Казанский гос. ун-т, 2005. 280 с.

Галибин, 2001 — Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001 (Тр. ИИМК РАН; Т. IV). 216 с.

Егорьков, Плохов, 2019 — Егорьков А. Н., Плохов А. В. Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища // Земля наша велика и обильна... Сб. ст. / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Невская типография, 2019. С. 91–98.

Ениосова и др., 2018 — Ениосова Н. В., Пушкина Т. А., Столярова Е. К. Стеклянные игральные фишки из раскопок в Гнёздове // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: ИА РАН, 2018. С. 143–160.

Плохов, 2020 — Плохов А. В. Раннесредневековые стеклянные изделия Рюрикова городища // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. Вып. 28. С. 88–108.

Седых, Френкель, 2012 — Седых В. Н., Френкель Я. В. Результаты археометрических анализов стеклянных изделий XII–XIII вв. из раскопок Тимерево // Вестник СПбГУ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012 (Серия 2). Вып. 4. С. 77–104.

Френкель, 2016 — Френкель Я. В. Изделия из стекла и янтаря из камерных погребений Старовознесенского некрополя: опыт культурно-хронологической атрибуции // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века / Отв. ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2016. Т. 2: Камерные погребения Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). С. 445–465.

Щапова, 2008 — Щапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории. М.: МГУ, 2008. 288 с.

Новый взгляд на старую коллекцию

А. В. Курбатов¹

Аннотация. Работы 1994 и 2001–2004 гг. на Рюриковом городище дали интересную коллекцию изделий из кожи, преимущественно кожаной обуви. Хронологический диапазон находок — от рубежа IX–X вв. до XIII–XIV вв. Основная часть предметов может быть отнесена к рубежу XI–XII вв. Эта коллекция отражает различные периоды жизни на Городище и специфику жизнедеятельности этого поселения. В первую очередь, кожаные изделия надо рассматривать как индикатор сложения и развития самостоятельного ремесленного производства в Новгороде и Новгородской земле. Конструктивный и стилистический анализ обувных конструкций в сочетании с оценкой всего массива кожаных предметов, включая обрезки, позволяет выделить один из основных переломных моментов в организации кожевенного ремесла в Новгороде. Этот переломный момент отражается и в других материальных свидетельствах по различным ремеслам и домостроительству в Новгороде в середине — второй половине XII в. Высказано мнение и обоснование того, что социально-политическая борьба в Новгороде 1130-х гг. должна была иметь в основе закрепление определенных прав торговой и ремесленной групп населения в сфере производства и реализации всей ремесленной продукции, как в самом Новгороде, так и за его пределами.

Annotation. The excavations of 1994 and 2001–2004 at Rurik Gorodishche (Rurik's Hillfort) have yielded an interesting collection of objects from leather, particularly leather footwear. The chronological range of the finds is from the turn between the 9th and 10th centuries to the 13th–14th century. Most of the finds are datable to the turn of the 11th/12th centuries. This collection reflects different periods of occupation of Gorodishche and the specifics of the life activities at this settlement. The leather objects should be considered primarily as an indicator of the formation and development of an independent manufacture in Novgorod and the Novgorod Land. Morphological and stylistic analysis of the footwear patterns combined with evaluation of the entire mass of the leather objects, including the scraps of leather, allows us to identify one of the basic critical moments in the organization of the tanning craft in Novgorod. This crucial moment is reflected also in other material evidence of different crafts and house building in Novgorod in the middle — second half of the 12th century. There has been proposed an opinion and substantiation of the fact that the social and political struggle in Novgorod of the 1130s must have had in its basis the securing of certain rights to the trade and manufacturing groups of the population in the sphere of manufacture and realization of the entire handicraft production both in Novgorod itself and beyond its limits.

Ключевые слова: средневековые кожаные изделия, кожевенное ремесло Новгорода, торговля, правовое положение ремесленников.

Keywords: mediaeval leather products, tanning handicraft in Novgorod, trade, legal situation of craftsmen.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-111-123

Введение

В 1997–2004 гг. Новгородская областная экспедиция ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова проводила раскопки на северном берегу Сивер-

сова канала, на участке мысовой части поселения, примыкающей с юга к валу Рюрикова городища. Раскопки на этом участке позволили исследовать различные комплексы деревянных сооружений конца IX — X в. и XI–XIII вв. и дали большое количество средневековых находок широкого хронологического диапазона (Носов, 1990. С. 37–47).

¹ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

В 2001–2004 гг. на раскопе № 2 было собрано 463 кожаных предмета и один фрагмент войлока, происходящих из древнего слоя коричневого цвета, насыщенного органикой, лежавшего в заполнении рва и не переотложенного в дальнейшем. Большинство вещей из слоя датируется XI–XII вв. Кроме того, восемь предметов найдено в заполнении позднейших ям и гумусированном слое X в. На данном участке были найдены различные изделия этого же времени, а полученные дендродаты относятся к рубежу IX–X и XI–XII вв. (Носов и др., 2001. С. 11–15; Носов и др., 2003. С. 19–23).

В процессе обработки материалов был сделан ряд наблюдений и высказаны предположения об особенностях данной коллекции кожаных предметов (Курбатов, 2007. С. 89 и сл.). Раскопки последнего времени в Новгороде и других местах, а также более углубленное изучение средневекового кожевенного производства позволяют подтвердить и расширить сделанные ранее выводы. Можно определенно говорить, что коллекция кожи из заполнения рва Рюрикова городища стала одним из базовых материалов для изучения обширной темы кожевенного ремесла средневековой Руси.

Наблюдения

К изделиям новгородского сапожного ремесла на Городище относятся поршни, «комнатные туфли», сапоги и большинство найденных мягких низких туфель. Они находят многочисленные аналогии в коллекциях русских городов лесной зоны. «Комнатные туфли» как массовый вид городской обуви впервые выделены в Твери (Курбатов, 2004а). Особенность городищенской находки 2002 г. — ее обнаружение в наиболее ранних слоях (Курбатов, 2004б. С. 221, рис. 2, 1). Этот образец состоит из шести деталей, при этом основная деталь охватывает всю стопу от носка до пятки, тогда как дополнительные служат только для увеличения толщины обуви и стойкости к износу (рис. 1). Детали аналогичной обуви найдены в Новгороде и Старой Руссе, где они датируются второй половиной XI — XII в. Я. В. Антропова интерпретировала подобные туфли как специальную погребальную обувь (Антропова, Торопова, 2001. С. 245, 255; Антропова, 2003. С. 267–271).

«Комнатные туфли» из раскопа 2004 г. на Рюриковом городище надо считать дальнейшим развитием конструкции низкой обуви со швом

на подошве, встреченной в 2002 г. Здесь мы видим дальнейшую стандартизацию и рационализацию кроя, которая выразилась в создании двучастной модели, состоящей из передней и задней половин. Каждая из деталей охватывает и верх, и подошвенную зону стопы (рис. 2). Такая обувь предполагает использование максимально толстой кожи, поскольку быстрый износ подошвенной части означает порчу всего большого куска кожи для раскройки. В данной коллекции толстая кожа использована только на одной модели. Преобладание тонкой кожи позволяет сближать время ее пошива с многочастными моделями первой четверти XII в. и ориентировочно относить ко второй–третьей четверти XII в. На это же указывает и использование кожаных обор для удержания обуви на стопе, что позднее не делали. Сложившийся в это время стандарт раскроя «комнатных туфель» сохранялся в русских городах и в первой половине XIV в.

Обувь со швом на подошве, в определенной степени, была этапной в моделировании древнерусской обуви. Можно считать, что она была распространена гораздо шире, чем выделена в настоящее время в археологических материалах (Курбатов, 2007. С. 98). В свете современных знаний появление такой мягкой обуви в русских городах можно объяснять культурными связями с народами Северного Кавказа. В этом регионе она бытует значительно дольше, чем в других местах (Курбатов, 2018. С. 337 и сл.). Мягкие кожаные чулки и башмаки со швом на подошве, например, носили адыго-черкесы в XIX — начале XX в. (Левашева, 1953. С. 192). Однако традиции пошива подобной обуви в древности, видимо, были значительно шире, поскольку в этнографическом материале горных таджиков первой половины XX в. также отмечены мягкие сапоги — *чоруки* — с подошвой, две половины которой сшиты по длинной оси детали (Рассудова, 1970. С. 27–28, рис. 7).

Большое значение имеет датировка комплекса кожаных изделий с Рюрикова городища. В работе 2007 г. автор предложил для него два хронологических периода, определяемых в сопоставлении исторического и археологического контекста. Широкий временной диапазон — это последняя четверть XI — первая половина XII в., а узкая — рубеж XI/XII — первая треть XII в. (Курбатов, 2007. С. 103). Раскопки 2010 г. на Рюриковом городище дали возможность еще «сузить» такую «амбразуру» на основе уточнения времени засыпки рва.

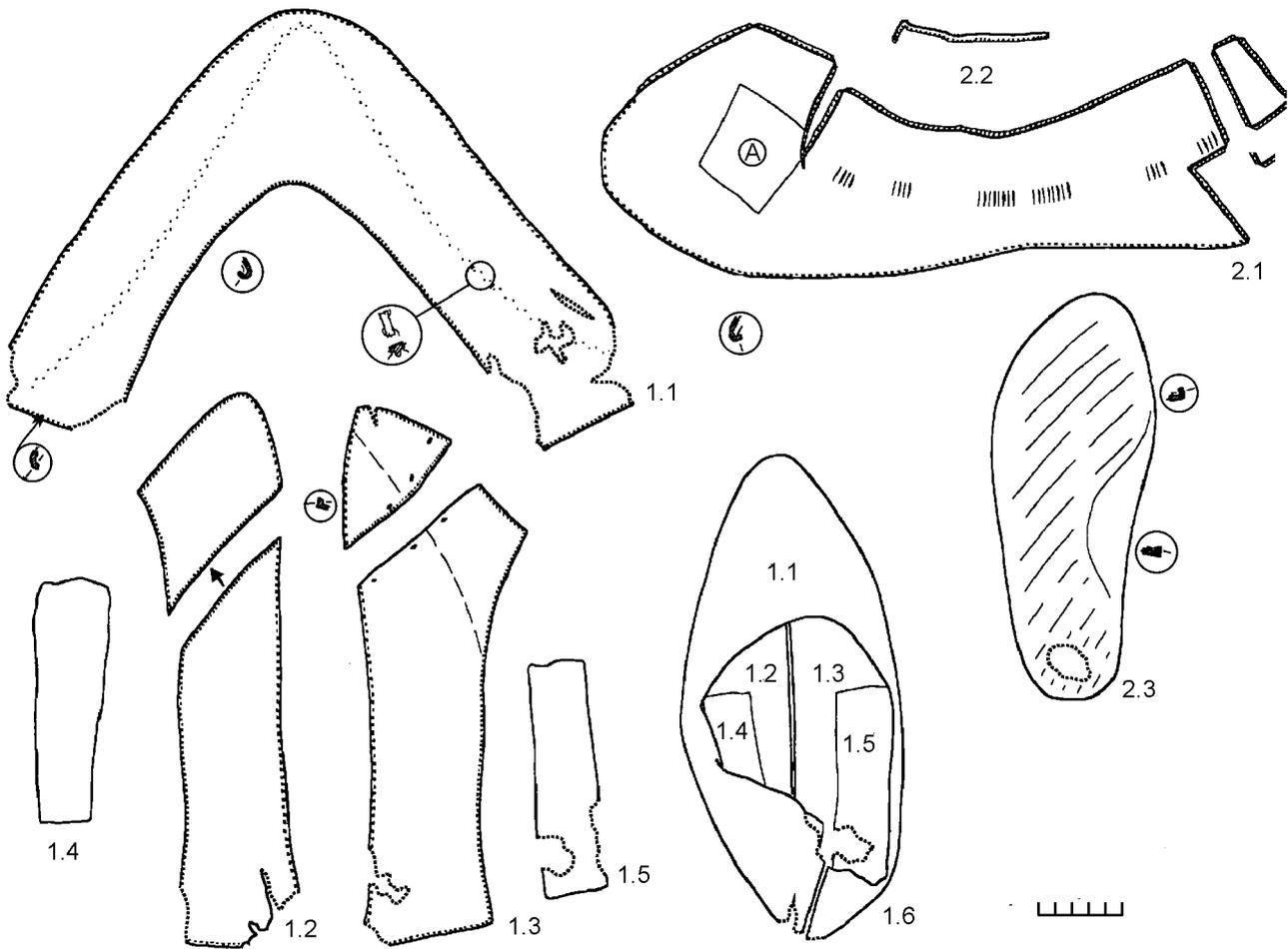

Рис. 1. Рюриково городище. Набор деталей и реконструкция мягкой кожаной обуви из раскопа 2002 г. с продольным швом на подошве (1.1–1.6); детали верха и подошва мягкой туфли асимметричного кроя (2.1–2.3) (Курбатов, 2007. Рис. 13)

Fig. 1. Rurik Gorodishche. Set of details and reconstruction of soft leather footwear from excavation of 2002 with a lengthwise seam on the sole (1.1–1.6); details of the top and sole of a soft shoe of asymmetric cut-out (2.1–2.3) (Курбатов, 2007. Fig. 13)

По мнению исследователей, он был окончательно снивелирован в самом начале XII в., при подготовке к началу строительства церкви Благовещения в 1103 г. (Носов и др., 2015. С. 63). Время выброса в ров скопления кожи может быть максимально сокращено — в рамках последних нескольких лет XI в. и первых трех лет XII в. Таким образом, здесь мы столкнулись с редкой возможностью установления погодичных хронологических границ для отложений археологических наборов кожаных вещей. Первый такой случай представился при изучении коллекции кожи в Пскове и связан с датировкой деятельности кожевенной пошивочной мастерской на Петровских раскопах (Курбатов, 2008а. С. 210 и сл.).

В дальнейшем сделанное для коллекции с Рюрикова городища хронологическое уточнение

было использовано при датировании находок на посадке Ладоги. В 2015 г. охранные раскопки здесь велись на Варяжской улице при устройстве спуска к берегу Волхова от памятника основателям Русского государства князьям Рюрику и Олегу Вещему. Вторым объектом работ была серия шурфов, в одном из которых был найден предполагаемый набор башмака (рис. 3), по техническим и стилистическим признакам конструкции отнесенный к XII в. Учитывая характерные технические признаки — качество кожи, форму деталей, технику раскроя и пошива изделия, ладожский башмак имеет прямое соответствие в коллекции с Рюрикова городища. Более того, можно предполагать, что он был пошит новгородским мастером, имевшим ту же выучку, что и мастер, выбросивший отходы на Городище. Учитывая это, пошив

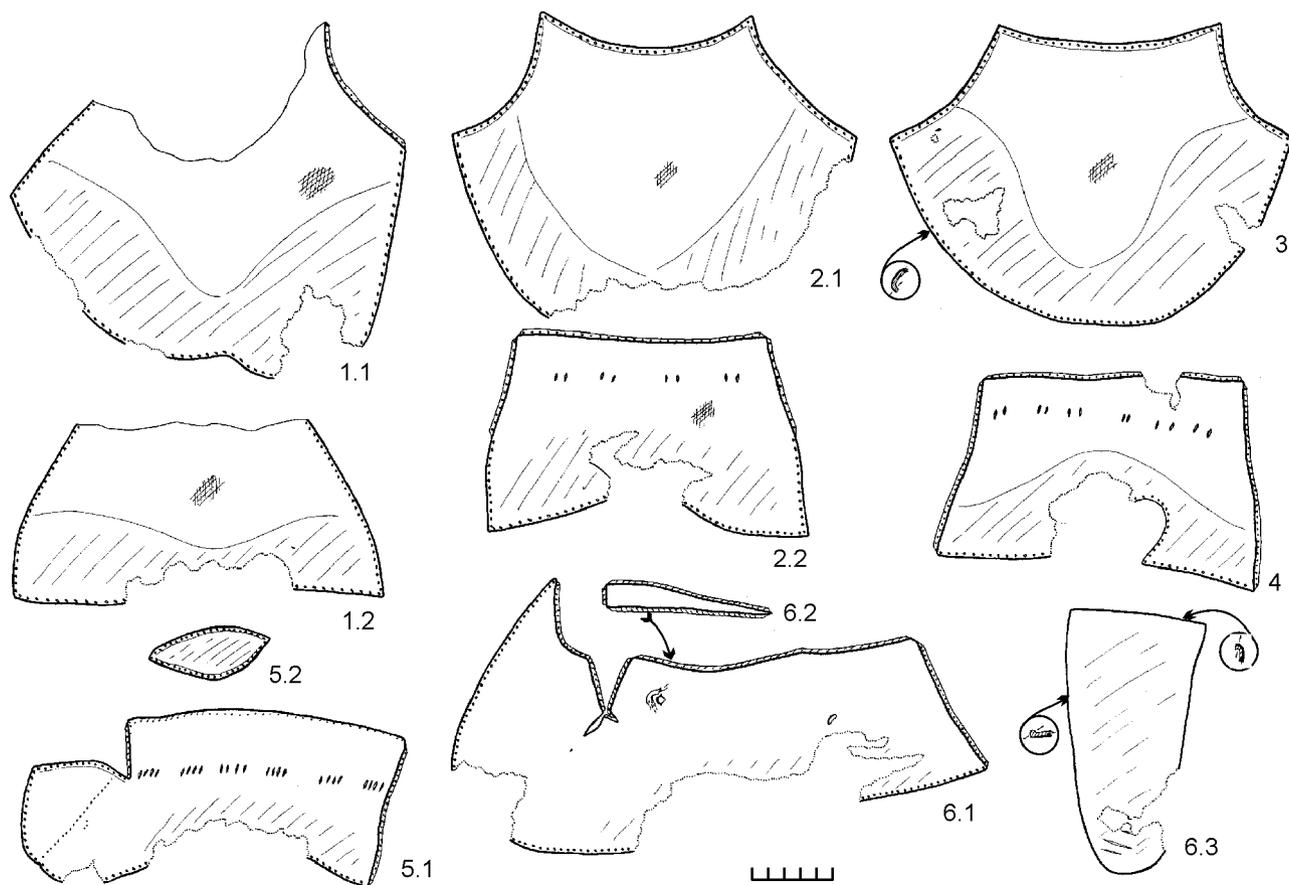

Рис. 2. Рюриково городище. Наборы деталей «комнатной туфли» и мягкой туфли (конструкция 2) (Курбатов, 2007. Рис. 13)

Fig. 2. Ryurik Gorodishche. Set of details of a 'house shoe' and a soft shoe (design 2) (Курбатов, 2007. Fig. 13)

ладожского башмака можно датировать очень коротким промежутком времени — последними годами XI — первыми годами XII в.

Видимые и осязаемые признаки кожи с Рюрикова городища, отмеченные при обработке коллекции, дали толчок аналитической работе по реконструкции древних способов выделки сырья. В частности, были выделены обрезки и детали обуви с тиснением поверхности кожи в форме выпуклых округлых мелких «зерен» с неотчетливыми краями. Тиснение наблюдалось на многих предметах, что позволяет говорить о внедрении такой отделки поверхности в практику новгородских кожевников. Определилась и необходимость классификации формы оттисков. Обработка других коллекций кожаных предметов, в частности из Тверского кремля последней четверти XIII — первой половины XV в., показала наличие редкого варианта тиснения в виде мелкой «сеточки»

с достаточно отчетливыми краями тисненых линий. Поиски аналогов на широком географическом фоне помогли выделить и обосновать существование в русских средневековых городах привозной кожи «булгара», которую позднее русские мастера стали выделывать сами, по крайней мере с XVII в., в Казани, Ярославле и других городах (Курбатов, 2010. С. 447 и сл.).

Иную выделку имели 15 обрезков конских шкур в городищенской коллекции, имевшие толщину 0,8–0,9 мм. Среди разных сортов кож конские отличались большей плотностью и гладкостью внешней поверхности — *мереи*. И поверхность, и внутренние слои этих обрезков имели светло-коричневый цвет, даже с ярко-красным отливом, хотя один из обрезков определенно имел темно-вишневый оттенок. В цветовом отношении эти фрагменты отличаются от остальной коллекции, для которой характерно намеренное

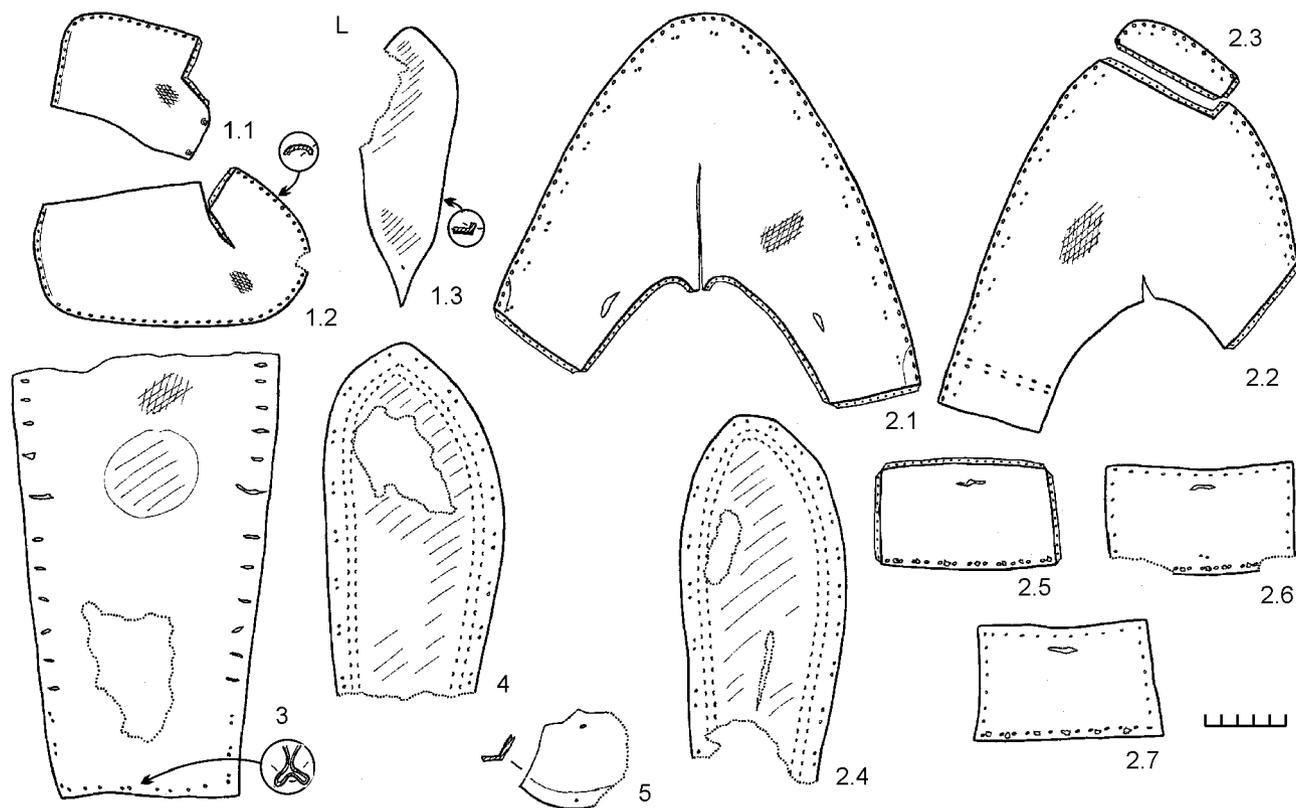

Рис. 3. Старая Ладога, Посад. 2015 г. Наборы и отдельные детали кожаной обуви: 1.1–1.3 — набор деталей мягкой туфли; 2.1–2.7 — набор деталей *скрешня*, перешитого из сапога; 3 — кожаный поршень; 4 — отдельная подошва сапога
 Fig. 3. Staraya Ladoga, Posad. 2015. Sets and separate details of leather footwear: 1.1–1.3 — set of details of soft shoe; 2.1–2.7 — set of details of a *skreshen*-shoe altered from a boot; 3 — leather *porshen* (sandal); 4 — separate sole of a boot

придание коже черного цвета, что можно объяснить выдерживанием сырья в настое железного лома.

Все выделенные 15 обрезков изначально были частью одного крупного изделия с аппликацией (Курбатов, 2007. С. 90, 91, 96). Его условно можно считать попоной или потником, скроенным из тонкой конской? кожи (рис. 4). Самый крупный фрагмент имеет участок первоначального края изделия (рис. 5). Этот край прямо обрезанный, с рядом сдвоенных мелких отверстий сквозного шва. Сдвоенность отверстий происходит от непопадания иглой в прежнее отверстие во время прокалывания кожи с внутренней и внешней стороны изделия. На одном из мелких обрезков имеется относительно крупное отверстие (около 1,0–1,5 мм), окруженное очень мелкими отверстиями шва. Это крупное отверстие служило для пропуска узкой завязки, конец которой пришивался на коже с внутренней стороны (рис. 4, 22). На другом мелком обрезке имеется вторичный разрез, со следами нашитой поверх него

заплатки (рис. 4, 23). На всех деталях попоны отверстия швов для аппликации очень мелкие, до 0,2–0,4 мм, с круглыми — невытянутыми — краями. Это, а также отсутствие растяжения пришитых деталей, свидетельствует об использовании тонкой иглы и очень тонкой нити — возможно, шелковой.

Выделенные фрагменты крупного изделия позволяют поставить вопрос о визуальных отличиях особого сорта кожи в материалах рубежа XI–XII вв. — сафьяна, который ранее в археологических коллекциях русских средневековых городов не выделялся.

Сафьян — это дубленая козловая, баранья или конская кожа. М. Фасмер выводит слово из тюркских языков, связывая его с персидским *sext* — «крепкий, жесткий» (Поварнин, 1912. С. 229; Фасмер, 1996. Т. III. С. 566). В русских источниках много примеров использования сафьянов для переплета книг, покрытия седел и их частей — *крыльцев*, а также пошива обуви — сапог и башмаков. Встречаются и единичные упоминания

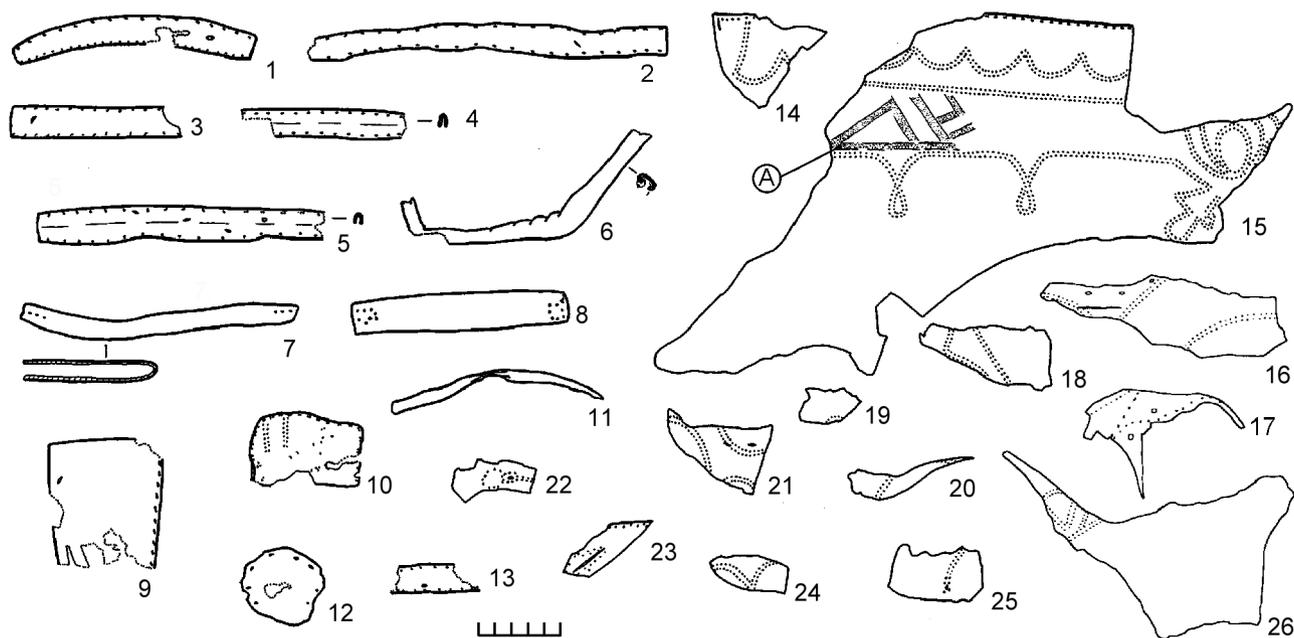

Рис. 4. Рюриково городище. Разные изделия из кожи: 1–6, 13 — обшивка края изделий; 7, 8 — ремни-петли; 9 — чехол (?); 10 — накладка (?); 11 — завязка; 12 — заплатка; 14–26 — фрагменты попоны (?) (Курбатов, 2007. Рис. 1)

Fig. 4. Ryurik Gorodishche. Various leather articles: 1–6, 13 — edge trimming; 7, 8 — belts/loops; 9 — case (?); 10 — mount (?); 11 — lace; 12 — patch; 14–26 — fragments of a horsecloth (?) (Курбатов, 2007. Fig. 1)

покрытия саадаков, кишени для налучи, подкладки в клубочки для ловчих птиц, чулок, летника, оклейки *крабиц* (коробок или ларцов для хранения ценностей), несессеров, перечниц, шкатулок, дверей, стоек в хоромаш. Сафьяны делались разных цветов — белые, желтые, красные, лазоревые, светло-зеленые, зеленые, рыжие, чубарые, вишневые, алые.

В отечественных научных работах встречается тезис о собственном производстве сафьянов в средневековых русских городах, что нельзя признать правомерным. Самым ранним упоминанием возможной выделки сафьяна служит запись 1665 г.: «Сафьянному деляру дано... два аршина сукна» (СлРЯ XI–XVII вв., 1977. С. 212). По документам, в 1666 г. в дворцовом хозяйстве Алексея Михайловича на Москве-реке был открыт первый сафьянный завод. В течение 10 лет он поставлял сафьяны для «государевых» мастерских и в свободную продажу и был закрыт после смерти Алексея Михайловича из-за низкой рентабельности и плохого качества кож. Из источников видно, что сафьяны в России на протяжении XVII и всего XVIII в. были преимущественно или полностью привозными. Книги московской таможни за 1693–1694 гг. показывают, что большие

партии сафьянов часто везли в Москву из Астрахани (Курбатов, 2008б. С. 248–249; Книги..., 1961. С. 65, 67; Фёдоров, 1887. С. 9). На этом фоне остается непонятной фраза из статейного списка посольства Спафария в Китай в 1675–1678 гг.: «Так же спрашивал (Асканьяма) есть ли кто, чтобъ умель делать сафьяны, и посланникъ ему сказалъ, что здесь такихъ мастеровъ нетъ, а въ Московскомъ царстве есть много» (Ларин, 1948. С. 267).

В статье М. М. Тихвинского в «Энциклопедии» Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона отмечается, что сафьяном «в собственном смысле называют кожу козы, продубленную сумаком и выкрашенную в какой-нибудь из ярких цветов». Там же подробно рассмотрена техника выделки. Но здесь следует помнить, что мы имеем дело с развитой технологической цепочкой выделки кож конца XIX в., а не средневековой. Главным материалом для дубления служила, как и ранее, кора сумака. «После этого шкура тщательно вымывается и пускается через 2–3 соковых чана из старого сумачного сока, после которых следует собственно дубление сумаком. Это последнее совершается во вращающихся барабанах, куда вводятся подготовленные шкуры, теплая вода и порошок сумака. Дубление оканчивается в 1,5–2 суток. Окраска С. <...> В красный

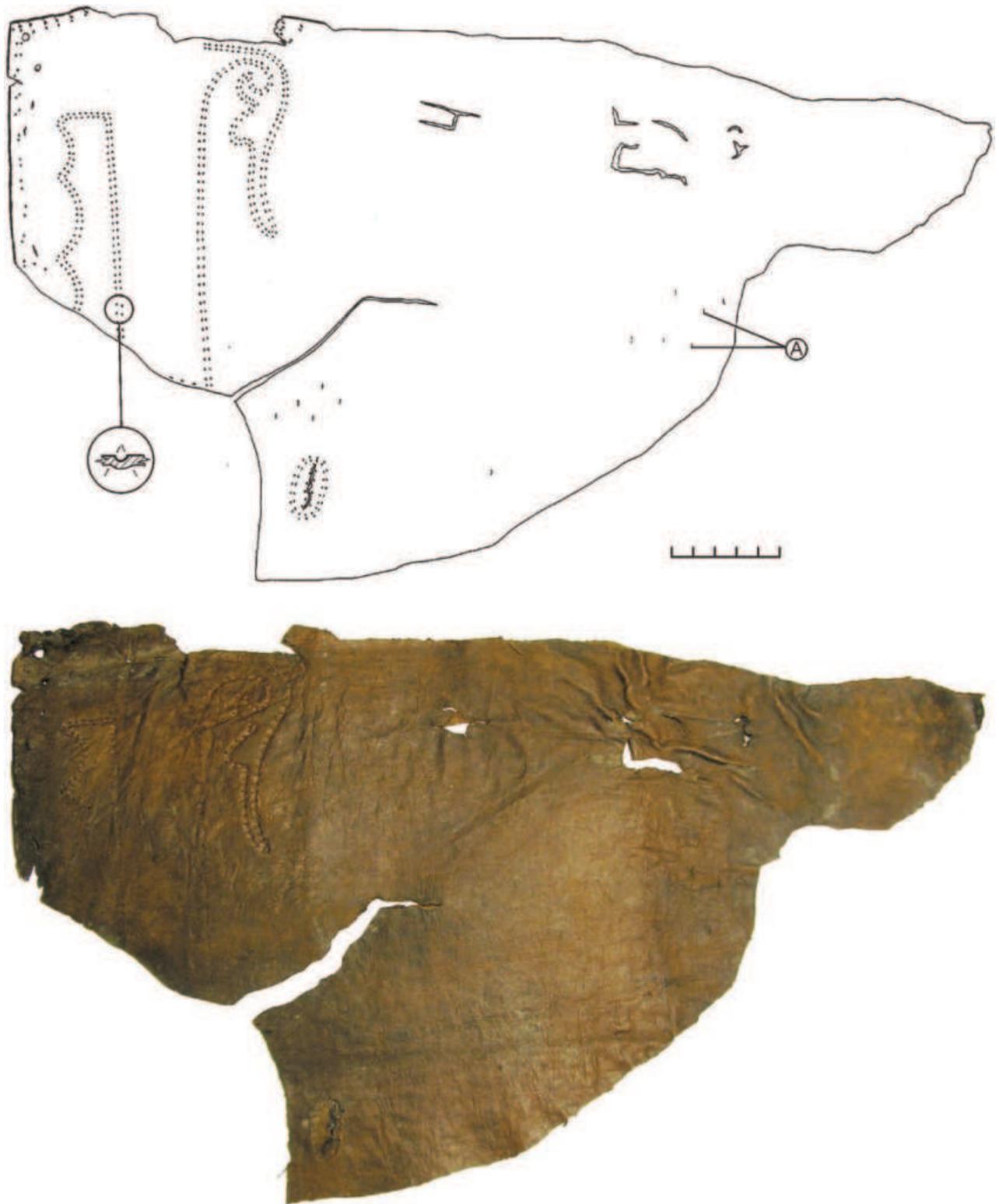

Рис. 5. Рюриково городище. Крупный кожаный предмет (попона?) из раскопа 2004 г. (Курбатов, 2007. Рис. 2).
Прорисовка и фото

Fig. 5. Rurik Gorodishche. Large leathern object (horsecloth?) from excavation of 2004 (Курбатов, 2007. Fig. 2).
Drawing and photo

цвет С. красится обыкновенно кошенилью перед обработкой сумачными соками... Двух ванн обыкновенно достаточно, чтобы придать товару ярко-красный цвет... Низшие сорта С. готовятся из овечьих и телячьих шкур... Дубление совершается ивовой, дубовой или сосновой корой. Этот род С. часто окрашивается в черный цвет...» (Тихвинский, 1900, С. 479–480).

Сумак, или сумач (*Rhus*) — дубильное и красильное растение семейства анакардиевых (*Anacardiaceae*). Название заимствовано через немецкий из арабского языка, где слово *samtaq* имеет то же значение (Фасмер, 1996. Т. III. С. 802; Даль, 1882. С. 360). Имеет много разновидностей, распространенных преимущественно в субтропическом климате. Из них наибольшее значение для крашения и дубления имеют *Rhus coriaria*, *Rhus cotinus*, *Rhus glabra*, *Rhus Canadensis*, *Rhus typhina* и *Rhus uva ursi*. Издавна культивируется в южных регионах Европы. В диком состоянии известен в Крыму и на Кавказе. «Ценность С. находится в прямой зависимости от содержания в нем танина или, вернее, сумакодубильной кислоты, так как эта последняя не тождественна с дубильной кислотой из чернильных орешков или танином...». В конце XIX в. в кожевном производстве применялся для дубления только тех сортов кож, которые не должны подвергаться действию воды, то есть которые идут для выделки портмоне, чемаданов, чехлов и т. п. (Коржинский, 1901. С. 61; Лидов, 1901. С. 55–56).

Отечественные историки внесли, на наш взгляд, некоторую путаницу в вопрос об использовании сафьяна в древнерусской культуре и о возможности его выделки в древнерусских городах. Например, вариантом средневекового сафьяна, привозимого в русские земли, историки и филологи называют *тим* — «выделанная козлиная кожа; сафьян» (СлРЯ XI–XVII вв., 2011. С. 345). Однако анализ письменных источников позволяет считать *тим* особым сортом кожи — вариантом кож *квасцевого дубления*. Иноземное производство *тимов* обосновывает редкость упоминаний этого сорта в письменных источниках и его употребление в обиходе правящей группы населения — князей, бояр, высших иерархов церкви. Ранее всего *тим* назван в новгородских берестяных грамотах № 261–264, датированных 70–90-ми гг. XIV в. Перечисление кож среди дорогих предметов говорит о высоком социальном статусе дарителей (Зализняк, 1995. С. 510–511;

Янин, 1975. С. 140–142). Затем *чоботы тимовы* упомянуты в завещании углицкого князя Дмитрия Ивановича 1521 г. Далее в расходной книге новгородского Дома Святой Софии 1601 г. записано: «Дано Вешняку звонцу за тим и за подошвы за приклад шесть алтын две деньги» (Пронштейн, 1957. С. 53). Показательно упоминание *тима* среди других сортов кож (дубленых и сыромятных), что доказывает их различие. Здесь разный цвет *тимов* надо считать искусственной окраской (Бахрушин, 1952. С. 77). В 80-е гг. XVI в. в Новгороде эти кожи делали не менее восьми *тимовников* и были особые обувщики, шившие *тимовую* обувь (СлРЯ XI–XVII вв., 1988. С. 223; 2008. С. 80). Название *тим* не доживает до XIX в. даже в диалектах и отсутствует в книге кожевника-технолога Г. Поварнина (Поварнин, 1912. С. 230–231).

Еще один сюжет вскрыт при изучении коллекции кожи с Рюрикова городища и также связан с технологической составляющей кожевального ремесла. При размыве некоторых деталей обуви было отмечено, что находки из одного места после длительного (в течение 3–4 суток) размачивания придали воде рыжевато-коричневый цвет, тогда как находки из другого места дали воде светло-коричневый цвет с зеленоватым отливом. Возможно, это связано с длительным нахождением кожи в слое с древесными остатками (в первом случае) или в слое с навозом (во втором случае). Но нельзя исключать и вероятность обработки кож при выделке различными настоями — таннидами или шакшей (разведенные в воде экскременты животных). В последующем наблюдения подтвердили вероятность использования для дубления экскрементов собак, которые придавали коже зеленовато-серый отлив. В отличие от Руси, в Западной Европе кожевники широко практиковали шакшевание (Шевеленко, 1993. С. 145).

Из других наблюдений городищенской коллекции можно отметить, что детали верха обуви, кроенные из толстой кожи (1,8 мм и толще), имеют черный цвет поверхности (лицевой и оборотной) и коричневый — внутри. Это хорошо заметно на стертых участках лицевой поверхности. Такие кожи также расслаивались, но внутренние отслоившиеся участки, как правило, сохранялись. Можно предполагать, что качество дубления этих кож было выше, чем тонких. Подобное совершенствование было возможно при увеличении времени дубления или использовании кислых настоев для предварительного размягчения кожи.

К таким настоям надо относить «квас уснийн». Однако применение кислых настоев для размягчения кожи перед дублением — как отдельная стадия технологического процесса — остается под вопросом.

Качество сырья кожаных предметов с Рюрикова городища соответствует изменениям, которые происходили в составе кожевенного сырья в XI–XIII вв. в странах Западной Европы. Так, Гренман ван Ваатеринге, рассматривая кожевенные материалы из Свендборга XII — начала XVI в., писал, что шкуры КРС, под которыми исследователь понимает только шкуры взрослых особей животных, являлись наиболее употребительным кожевенным материалом для всех веков. За ним по степени употребимости следовал телянок. Только в XII–XIII вв. иногда использовались и другие виды — овца (1 экз.) и олень (4 экз.) (*Groentman van Waateringe*, 1988. S. 71). Надо полагать, что в более раннее время, видимо, преобладали шкуры молодых животных — телят, козлят или ягнят. Ю. Сванн пишет более осторожно о тенденциях смены сырья. По ее мнению, преобладание в сырье коровьих шкур над козьими становится очевидным только к концу раннесредневекового периода, то есть, по европейской хронологии, к концу XIII в. (*Swann*, 2001. S. 52).

В целом, для своего времени, вся кожа коллекции с Рюрикова городища по качеству выделки может быть отнесена к продукции кожевников достаточно высокой квалификации. Но, вопреки сложившемуся мнению, технологическая основа выделки кож была еще сильно упрощенной и, можно сказать, примитивной. Преобладание в коллекции тонкого сырья с признаками неглубокого продуба показывает отсутствие подготовительных для дубления стадий, на которых сырье размягчается и разрыхляется для лучшего проникновения таннидов в глубокие слои коллагена. Также надо предполагать отсутствие *залички* — обработки кож старыми соками дубителя, имеющими мало дубильных ферментов. На этой стадии танниды должны постепенно проникать в глубинные слои кожи и равномерно связывать мельчайшие волокна коллагена — *фибриллы*. В дальнейшем это способствует глубокому проникновению таннидов при дублении кож в новых настоях. В отсутствие *залички* начальное дубление в новых соках приводит к быстрому связыванию поверхностных коллагенов кожи и мешает проникновению таннидов в ее глубинные слои.

По качеству выделки в коллекции выделяется материал единственного поршня. Кожа его относительно плотная, толщиной 1,5–2,0 мм. На боковых участках с внутренней стороны, там, где бахтарма не была стерта при эксплуатации, сохранился выразительный слой мездры, которая обычно при выделке тщательно выскабливается. Этот слой рыхлый и имеет светло-коричневый цвет, то есть относительно плохо продублен. Неглубокий продуб и плохо удаленная пленка с внутренней стороны, а также род обуви позволяют предполагать его изготовление мастером более низкой квалификации или же непрофессиональным кожевником.

Историко-культурная интерпретация

Коллекция кожаных изделий с Рюрикова городища имеет особый интерес для изучения кожевенного ремесла и развития кожаных изделий в городах Северо-Западной Руси. Она отражает те периоды, которые плохо представлены в археологических коллекциях других городов региона. Здесь встречены изделия IX–X вв., имеющиеся только в Старой Ладоге, и второй половины XI — первой половины XII в., определенно датируемые в Старой Руссе, где раскопки последних лет дали представительные материалы сопоставимые с находками с Рюрикова Городища. Дальнейшее изучение этих трех памятников может привести к созданию очень детальной хронологии кожаных изделий для домонгольского периода Руси.

Заключение

Работы 1994 и 2001–2004 гг. на Рюриковом городище, кроме прочего, дали интересную коллекцию изделий из кожи, преимущественно кожаной обуви. Хронологический диапазон находок — от рубежа IX–X вв. до XIII–XIV вв. Основная часть предметов может быть отнесена к рубежу XI–XII вв. Эта коллекция отражает различные периоды жизни на Городище, отражая специфику жизнедеятельности этого поселения. В первую очередь, кожаные изделия надо рассматривать как индикатор сложения и развития самостоятельного ремесленного производства в Новгороде и Новгородской земле. Конструктивный и стилистический анализ обувных конструкций в сочетании с оценкой всего массива кожаных предметов, включая обрезки, позволяет выделить один из основных переломных моментов в организации кожевенного ремесла в Новгороде. Этот переломный момент

отражается и в других материальных свидетельствах по различным ремеслам и домостроительству. Более того, технические и стилистические изменения в кожевенной продукции, происходящие в Новгороде в середине — второй половине XII в., быстро распространяются и в других городах Новгородской земли и даже в других княжествах, с которыми Новгород поддерживает постоянные торговые связи.

Для изучения социальной организации ремесла нельзя забывать, что город в средневековье следует рассматривать, прежде всего, как центр мелкотоварного производства, где новый экономический уклад возникает именно в производстве, а не в сфере обращения. Это справедливо как для Западной Европы, так, надо полагать, и для Руси. Но в отличие от западноевропейских городов в древнерусских противостояние горожан и сеньоров (в нашем случае — князей) не было оформлено правовыми нормами. В частности, Т. М. Негуляева по этому вопросу отмечала, что торговля была неотъемлемой составной частью городской экономики, но сама по себе не обеспечивала устойчивости новых городских социально-экономических начал жизни. Купцы были богаче, но большинство городского населения составляли ремесленники, даже в таких торговых центрах европейского масштаба, как Кельн или Страсбург. В первую очередь, деятельность ремесленников, их экономические и социальные потребности как самостоятельных товаропроизводителей вызвали к жизни городское право (Негуляева, 1989. С. 9–10). Показательным примером является изучение активного социального движения в Кельне, который относительно рано и быстро превратился в крупный торгово-ремесленный центр. Первые акты коммунального движения в нем относятся к XI в., а руководящей силой выступило купечество (Солодкова, 1989. С. 25; 2000. С. 86 и сл.).

До настоящего времени огромный объем накопленного археологического материала недостаточно рассматривался в связи с фундаментальными политическими событиями в Новгороде. Порой трудно представить, какими причинами вызывается смена форм тех или иных бытовых изделий, изобразительных стилей в оформлении различных предметов быта и многое другое в материальной культуре. Тем не менее логическая связь между бытовой материальной культурой и политическими событиями может быть не только построена, но и подкреплена наблюдениями.

Ее отмечали в своих работах В. Л. Янин и Б. А. Колчин. Они писали, что взаимозависимость землевладения, торговли, ремесла и политического строя наглядно видна, например, в исторических обстоятельствах второй половины XI — начала XII в., когда переход от ремесленного производства на заказ к производству на рынок потребовал резкого увеличения массы импортируемого сырья, а активизация его ввоза повлекла увеличение государственной территории за счет продвижения в Заволочье — основной район доходных промыслов. С этими процессами естественным образом связывается и стремительное усиление новгородского боярства, именно в это время создавшего органы своей государственности. К этому же времени относится и организация в Новгороде первых иноземных торговых дворов, и консолидация крупнейшего новгородского купечества в рамках гостинной корпорации — Ивашьского ста (Янин, Колчин, 1978. С. 34; Колчин, Янин, 1982. С. 91, 122–124 и сл.).

Впервые эту позицию изложил в 1975 г. Б. А. Колчин на Конгрессе славянской археологии в Братиславе, давший общую характеристику становления и развития ремесла в русских средневековых городах на примере Великого Новгорода (Колчин, 1975. С. 53 и сл.). Оценка технического строя ремесла, производительности труда, объема продукции и товарности ремесленных изделий на новгородском рынке позволила ему разбить историю ремесла на четыре периода, из которых первый период ограничивается серединой X — 20–30 гг. XII в.

Уже в X в. ремесло, по Б. А. Колчину, характеризуется достаточно высокой технологией производства и значительной специализацией внутри отдельных отраслей. А это служит основанием для того, чтобы говорить о сложении товарного ремесленного производства и предполагает сложение торгового сбыта ремесленной продукции на древнерусских землях.

В противовес мнению Б. А. Колчина о времени товаризации новгородского ремесла А. С. Хорошев изложил иное видение: «Ремесленное развитие Новгорода имело, по крайней мере, до XIII столетия, ярко выраженный вотчинный характер. Только на рубеже XIII–XIV столетий происходит переход от работы на заказ к работе на рынок. Эта тенденция проявляется как резко возросшей серийностью ремесленного производства, так и снижением качества продукции, поступающей на рынок» (Хорошев, 2000. С. 20).

В связи со сложением городского права надо рассматривать народные волнения в русских городах в XI в., которые традиционно видятся историкам как языческие пережитки. Но правильнее будет ставить вопрос о сложении городских общин в это время и отстаивании ими своих экономических интересов. Об этом упоминают современные авторы в трактовке событий в Новгороде 1071 г., когда там объявился некий «волхв». В летописи это событие представлено в свете борьбы христианства и остатков язычества. При этом не совсем ясно, почему осуждавшим волхва князю Глебу с его дружиной и епископу Федору противостояли не только рядовые новгородцы, а «все люде», то есть вся городская община Новгорода, включая местных бояр богатых купцов, ремесленников и прочих. В связи с этим И. Я. Фроянов определенно заключил: «Перед нами столкновение городской общины с высшими властями — епископом и князем» (Фроянов, 1995. С. 165). На это обращают внимание и современные исследователи (Пашин, Малова, 2013. С. 203; Халявин, 2016. С. 360). Возможно, следует объяснять этот мятеж более прозаическими и жизненными

причинами — сложением самостоятельного городского сообщества со своими нуждами, в том числе в области свободы ремесленного производства и торговли.

Возможно, в связи с социальными противоречиями в новгородском обществе, частично связанными с требованиями ремесленного сословия, можно рассматривать запись в Новгородской I летописи: «[1157] И въсташа (новгородци) на князя Мъстислава на Гюргевиця, и начяша изгонити из Новагорода, тѣрговьи же польѣ сташа въ оружии по немъ» (СлРЯ XI–XVII вв., 1990. С. 188). Здесь речь идет о торговой стороне (половине) города, жители которой были довольны условиями торгово-ремесленной деятельности и вступились за князя.

Таким образом, сегодня становится более очевидным и обоснованным, что социально-политическая борьба в Новгороде 1130-х гг. должна была иметь в основе закрепление определенных прав торговой и ремесленной групп населения в сфере производства и реализации всего объема выпускаемой ремесленной продукции, как в самом Новгороде, так и за его пределами.

- Антропова, 2003 — Антропова Я. В. О редком виде кожаной обуви из раскопок в Старой Руссе // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2003. Вып. 17. С. 265–272.
- Антропова, Торопова, 2001 — Антропова Я. В., Торопова Е. В. Средневековая кожаная обувь Старой Руссы: первые результаты исследований // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2001. Вып. 15. С. 245–257.
- Бахрушин, 1952 — Бахрушин С. В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. // С. В. Бахрушин. Научные труды. М.: Изд. АН СССР, 1952. Т. I. 263 с.
- Даль, 1882 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Тов. М. О. Вольф, 1882. Т. IV. 704 с.
- Зализняк, 1995 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995. 720 с.
- Книги..., 1961 — Книги Московской Большой таможи 1693–1694 гг. Новгородская, Астраханская, Малороссийская. М.: Советская Россия, 1961 (Тр. ГИМ; Вып. 38). 118 с.
- Колчин, 1975 — Колчин Б. А. Становление ремесла древнего Новгорода // ТД советской делегации на III МК славянской археологии (Братислава, сентябрь 1975 г.). М.: Наука, 1975. С. 53–58.
- Колчин, Янин, 1982 — Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 3–137.
- Коржинский, 1901 — Коржинский С. Сумах // Энциклопедический словарь / Сост. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб.: Семеновская Типолитография, 1901. Т. XXXII. С. 61.
- Курбатов, 2004а — Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 311 с.
- Курбатов, 2004б — Курбатов А. В. Кожаные предметы из раскопок на Рюриковом Городище в 2001–2002 гг. // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. № 11. С. 218–225.
- Курбатов, 2007 — Курбатов А. В. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник: Материалы МНК

- (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 89–133.
- Курбатов, 2008а — Курбатов А. В. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // ЗИИМК. 2008. № 3. С. 210–233.
- Курбатов, 2008б — Курбатов А. В. Музееведение и археология — две составляющих в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла. Рец. на: Осипов Д. О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. 200 с.; 323 ил. 2006. М.: ИА РАН (Материалы охраняемых археологических исследований. Т. 7) // АВ. М.: Наука, 2008. № 15. С. 246–254.
- Курбатов, 2010 — Курбатов А. В. О городе Болгар и сорте кожи «булгари» // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 447–452.
- Курбатов, 2018 — Курбатов А. В. Традиции кожаных изделий Среднего Поволжья и Северного Кавказа в материальной культуре Руси // Культурное наследие Российского государства. СПб.: ВООПИК, 2018. Вып. VII. С. 377–391.
- Ларин, 1948 — Ларин Б. А. Парижский словарь москвитов 1586 г. Рига: Латв. гос. ун-т, 1948. 211 с.
- Левашева, 1953 — Левашева В. П. Белореченские курганы // Археологический сборник. М.: Госкультпросветиздат, 1953 (Тр. ГИМ; Т. 22). С. 163–213.
- Лидов, 1901 — Лидов А. П. Сумак // Энциклопедический словарь / Сост. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб.: Семеновская Типолитография, 1901. Т. XXXII. С. 55–56.
- Негуляева, 1989 — Негуляева Т. М. Условия возникновения средневекового городского права // Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. Вып. 9. С. 3–18.
- Носов, 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Л.: Наука, 1990. 216 с.
- Носов и др., 2001 — Носов Е. Н., Михайлов К. А., Васильев С. А., Дорофеева Т. С., Медведева М. В. Новые исследования на Рюриковом Городище в 2000 г. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2001. Вып. 15. С. 11–15.
- Носов и др., 2003 — Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Еремеев И. И., Медведева М. В., Хвоцинская Н. В., Юшкова М. А. Исследования Рюрикова Городища и поселения Шкурина Горка в 2002 г. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2003. Вып. 17. С. 19–22.
- Носов и др., 2015 — Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Хвоцинская Н. В. Итоги исследования Рюрикова городища под Новгородом в 2010–2012 гг. // АО 2010–2013 годов. М.: ИА РАН, 2015. С. 63–64.
- Пашин, Малова, 2013 — Пашин С. С., Малова А. Н. К вопросу о народных волнениях в Новгороде 1071 года // Новгородика 2012: Материалы IV МНК. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2013. С. 201–205.
- Поварнин, 1912 — Поварнин Г. Г. Очерки мелкого кожевенного производства в России. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. Ч. 1: История и техника производства. 270 с.
- Проништейн, 1957 — Проништейн А. П. Новгород Великий в XVI в. Очерк социально-экономической и политической истории русского города. Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1957. 288 с.
- Рассудова, 1970 — Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Заравшана // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970 (Сб. МАЭ; Т. XXVI). С. 16–51.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. 403 с.; М., 1988. Вып. 14. 311 с.; М., 1990. Вып. 16. 294 с.; М., 2008. Вып. 28. 302 с.; М., 2011. Вып. 29. 477 с.
- Солодкова, 1989 — Солодкова Л. И. Складывание торгово-ремесленного центра в Кельне в XI–XIII веках // Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. Вып. 9. С. 18–25.
- Тихвинский, 1900 — Тихвинский М. М. Сафьян // Энциклопедический словарь / Сост. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1900. Т. XXVIII. С. 479–480.
- Фасмер, 1996 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е. Т. I–IV. СПб.: Азбука, ИЦ «Терра», 1996.
- Фёдоров, 1887 — Фёдоров И. А. О состоянии сафьянного дела при царе Алексее Михайловиче. Тверь: Изд-во ТУАК, 1887. Вып. 1. 23 с.
- Фроянов, 1995 — Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995. 701 с.
- Халявин, 2016 — Халявин Н. В. Явление волхва в Новгороде в 1071 г. в оценках отечественных историков // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. СПб., 2016. Вып. 5. С. 351–366.
- Хорошев, 2000 — Хорошев А. С. Культурный слой Новгорода как экологическая структура // Проблемы истории России. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. Вып. 3: Новгородская

- Русь: Историческое пространство и культурное наследие. С. 12–25.
- Шевеленко, 1993 — Шевеленко А. Я. Технология городских ремесел в Западной Европе VI–XV веков // ВИ. 1993. № 1. С. 140–152.
- Янин, 1975 — Янин В. Л. Я послал тебе бересту... Изд. 2-е. М.: Изд. МГУ, 1975. 236 с.
- Янин, Колчин, 1978 — Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 5–54.
- Groenman-van Waateringe, 1988 — Groenman-van Waateringe W. Een prehistorische schoen uit Klazienveen // Varia bio-archaeologica. Groningen, 1988. N 74. P. 34(146)–38(150).
- Swann, 2001 — Swann J. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 2001. 357 s.

A new view of an old collection

A. V. Kurbatov

The excavations of 1994 and 2001–2004 at Rurik Gorodishche have yielded an interesting collection of leather artefacts: mostly leather footwear. The chronological range of the finds comprises the span from the turn between the 9th and 10th century to the 13th–14th century. The most of the finds (463 items from leather and 1 felt fragment) are datable to the turn between the 11th and 12th century. In addition, eight of the objects were found in the fill of the latest pits and in the humic layer of the 10th century. This collection demonstrates different stages of the occupation of Gorodishche and the specifics of the life mode of this settlement.

Firstly, the leather objects must be considered as an indicator of the formation and evolution of an independent handicraft in Novgorod and the Novgorod Land. A construction and stylistic analysis of footwear designs in combination with an assessment of the entire number of leather objects including the scraps allows us to distinguish one of the main critical moments in the organisation of leather handicrafts in Novgorod. This critical period was reflected also in other material evidence on different trades and house building in Novgorod in the middle — second half of the 12th century.

The products of the Novgorod boot-making from Gorodishche include *porshni* (leathern sandals), ‘home shoes’, boots and the majority of the parts of soft low shoes. These have numerous parallels among the collections from Russian towns of the forest zone. ‘Home shoes’, as a mass type of urban footwear, were first discovered in Tver. A peculiarity of Gorodishche’s find of 2002 is that it was retrieved from the earliest deposits. This item consists of six parts where the main detail covers the entire foot from the toe to the heel, whereas the additional parts served only for the increase of the thickness of the footwear and its resistance against wear. Details of footwear of a similar design were found in Novgorod and Staraya Russa where they are dated to the 11th–12th century.

The author proposed a logical opinion that the social and political struggle in Novgorod in the 1130s must have had in its basis the securing of certain rights of the commercial and manufacturing groups of the population in the sphere of production and sale of the entire quantity of manufactured products both in Novgorod itself and beyond its limits.

Until present, the enormous volume of archaeological materials has not been comprehensively considered in terms of the fundamental political events in Novgorod. It is sometimes difficult to understand what reasons led to the change of the forms of particular objects of everyday use, artistic styles in the design of different domestic objects and many other aspects of the material culture. Meanwhile, it is not only possible to identify a logical link between the domestic material culture and political events but also to confirm it through the observations first presented in works of Valentin L. Yanin and Boris A. Kolchin. They wrote about the interconnection between the land ownership, trade, manufacture and the political order. This interconnection was distinctly observable through the historical events of the second half of the 11th — beginning of the 12th century when the transition from handicraft manufacture to a demand for marketable production necessitated a sharp increase of the mass of imported raw materials whereas the activation of their importation entailed the expansion of the state territory owing to the movement to Zavolochye — the main region of profitable handicrafts. With those processes, the prompt strengthening of the Novgorod boyars is naturally connected. Exactly during that period, the latter formed the institutions of its state system. Also the organization in Novgorod of the first foreign trade *dvors* (outposts) is dated to the same period, as well as the consolidation of the major Novgorod merchants within a trade corporation — Ivanskoye Sto.

Глиняные игрушки Рюрикова городища¹

Т. С. Дорофеева, В. Л. Полигаев²

Аннотация. Статья посвящена глиняным игрушкам XI–XVIII вв., обнаруженным при археологическом исследовании Рюрикова городища. Для классификации игрушек была использована схема А. С. Хорошева, разработанная им для новгородских находок.

Annotation. This paper discusses clay toys of the 11th–18th century uncovered during the archaeological investigation of Ryurik Gorodishche. To the classification of the toys, A. S. Khoroshev's scheme was applied, developed by him for Novgorod artefacts.

Ключевые слова: Рюриково городище, глиняные игрушки.

Keywords: Ryurik Gorodishche, clay toys.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-124-133

Детство в средние века длилось недолго, потому что с малых лет дети приобщались к жизни взрослых, помогая им в работе по хозяйству, в мастерских или обучаясь ратному делу. Но во все времена ребенок оставался ребенком. Игрушки с древнейших времен, являясь важной составной частью материальной культуры, выступают своего рода иллюстрацией эпохи. До нашего времени дошло множество изображений детей, играющих с куклами, мячиками, лошадками, корабликами, мечами и луками. В начале XX в. игрушки становятся предметом этнографических исследований (Игрушка..., 1912; Церетелли, 1933; Динцес, 1936 и др.). В археологии же в течение долгого времени детские игрушки были одной из самых малоизученных категорий предметов (Фехнер, 1949; Розенфельдт, 1997. С. 114–119). В последние десятилетия значительно вырос интерес исследователей к материальным свидетельствам жизни и игр детей в прошлом. Стали вводиться в научный оборот региональные коллекции, увеличивается

число специальных работ, посвященных этой тематике (Колызин, 1998. С. 113–122; Карасева, 2000. С. 227–242; Глиняные игрушки..., 2002; Черкасов, 2004. С. 309–320; Lübecker Kolloquium..., 2012; Крыласова, 2014. С. 398–406; Володина, 2016; Керимова, 2016. С. 143–145; Сатуринов, 2017. С. 188–198; и др.).

В Новгороде уже в конце 1940-х гг. при раскопках на Славне была открыта мастерская первой половины XIV в. по производству глиняных игрушек (Арциховский, 1948. С. 130, 131). В последние десятилетия о детских играх и игрушках, найденных в Новгороде, писали Н. А. Морозова, А. С. Хорошев, М. И. Петров, Г. Е. Дубровин, В. К. Сингх и А. М. Степанов (Морозова, 1990. С. 69–71; Хорошев, 1998. С. 82–94; Петров, 2013. С. 76–81; Petrov, 2012. С. 363–369; Дубровин, 2016. С. 75–90; Сингх, Степанов, 2020. С. 182–193). О звучащих приспособлениях в комплексе городищенских древностей писал В. И. Поветкин (Поветкин, 2007. С. 178–194).

Данная работа посвящена глиняным игрушкам из раскопок на Рюриковом городище, а также найденным случайно при сборах подъемного материала и ныне хранящимся в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника и Новгородского центра музыкальных древностей. Мы использовали схему классификации новгородских детских игрушек, предложенную А. С. Хорошевым. Исследователь разделил

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проект № 19-09-00133 «Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий».

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

эту категорию находок на индивидуальные игрушки и коллективные, для соревновательных игр (Хорошев, 1998. С. 82–94). К классу индивидуальных игрушек он отнес три группы: имитации, изобразительные и игрушки-забавы. Среди находок Рюрикова городища группа глиняных игрушек-забав представлена звуковыми игрушками: погремушками (в том числе яйцевидными, так называемыми «писанками») и свистульками. К группе изобразительных можно причислить игрушку-«водовоза». К классу коллективных игр, вероятно, можно отнести глиняные шарики.

Коллекция глиняных игрушек Рюрикова городища насчитывает 84 экз. Из них 54 встречены в мешаном культурном слое, в том числе найденные при изучении древнего рва Городища, шесть происходят из заполнения комплексов XII–XIII и XIII–XIV вв., 24 являются случайными находками.

«Писанки» и погремушки

На Городище найдено 14 глиняных яйцевидных писанок — три целые, одна, сохранившаяся на 2/3, и 10 фрагментов.

В раскопах 2006–2008 гг. на центральной площадке Городища к юго-востоку и югу от церкви Благовещения обнаружены один целый экземпляр, а также 2/3 писанки и шесть фрагментов.

Из постройки № IV древнерусского времени Городища происходит фрагмент, декорированный желтыми концентрическими окружностями, нанесенными на поливу коричневого цвета (НОЭ-08 РГ-884; Носов и др., 2017. С. 63, ил. 32, 2). Размер фрагмента 20 × 20 мм. В тупом конце сохранился след отверстия диаметром 4 мм (рис. 1, 9).

Аналогичный декор встречен у небольшого фрагмента размером 14 × 28 мм (НОЭ-06, РГ-926), зафиксированного в темно-сером мешаном слое (рис. 1, 10).

Остальные писанки также найдены в темно-сером мешаном слое.

Целый экземпляр с небольшой утратой и сохранившимся внутри шариком украшен светло-коричневой поливой и расписан концентрическими окружностями черного цвета (НОЭ-07; РГ-1043). Длина находки 42 мм, диаметр острого конца составляет 12 мм, диаметр наиболее расширенной части — 24 мм, диаметр тупого конца — 20 мм. В тупом конце писанки имеется отверстие диаметром 4 мм. Размер шарика 6 × 7 мм (рис. 1, 12).

Желтыми скобками, нанесенными на коричневую поливу, украшена писанка,

сохранившаяся на 2/3 (НОЭ-08; РГ-543; Носов и др., 2017. С. 63, ил. 14, 17). Длина уцелевшей части — 36 мм, диаметр острого конца — 12 мм, а наиболее широкой части — 28 мм (рис. 1, 11). Такой же декор украшает еще два фрагмента. Один (НОЭ-07, РГ-105; Носов и др., 2017. С. 63, ил. 14, 16) размером 24 × 25 мм. В тупом конце находился след от отверстия диаметром 5 мм (рис. 1, 4). Другой (НОЭ-08; РГ-470), сохранившийся на высоту 19 мм, в наиболее широкой части имеет диаметр 22 мм, а диаметр тупого конца — 15 мм (рис. 1, 5).

Черной поливой и желтыми скобками украшены два фрагмента. Размер одного (НОЭ-06, РГ-970) — 16 × 18 мм. Сохранился след конусовидного отверстия (рис. 1, 2). Размер второго (НОЭ-07, РГ-190) — 10 × 11 мм (рис. 1, 1).

Из мешаного темно-серого слоя раскопов на северном берегу Сиверсова канала происходят три находки. Первая — фрагмент писанки (НОЭ-97, РГ-400; Поветкин, 2007. С. 187), орнаментированный желтыми концентрическими окружностями, нанесенными на зеленую поливу. Его размер 11 × 21 мм (рис. 1, 6). Два других фрагмента орнаментированы желтыми скобками по коричневой поливе. Размеры одного (НОЭ-01; РГ-249) 24 × 22 мм. Сохранился след конусовидного отверстия глубиной 12 мм (рис. 1, 3). Второй фрагмент (НОЭ-01; РГ-376) размером 23 × 19 мм. У него также сохранился след конусовидного отверстия глубиной 6 мм (рис. 1, 7).

На южном берегу Сиверсова канала в темно-сером мешаном слое зафиксированы целая писанка и один фрагмент. Целая — с зеленой поливой и желтыми концентрическими окружностями (НГМ КП 35043/66; Поветкин, 2007. Рис. 4, 1). Ее длина 36 мм; диаметр острого конца — 12 мм; диаметр в наиболее широкой части — 27 мм; диаметр тупого конца, в котором имеется небольшое отверстие, — 20 мм (рис. 1, 13). Фрагмент, украшенный желтыми концентрическими окружностями, нанесенными на поливу коричневого цвета, найден в шурфе № 1 (раскопки 1965, шурф № 1) (НГМ КП-25402 А26/196; Полубояринова, 1972; С. 218. Поветкин, 2007. Рис. 4, 2). Размер сохранившейся части 25 × 27 мм (рис. 1, 8).

Еще одна целая белоглиняная писанка-погремушка без отверстия, относящаяся предположительно к XIII–XVI вв., является случайной находкой (НЦМД, п/м 1980 г.; Поветкин, 2007. Рис. 4, 3). Она декорирована поливой зеленого цвета и орнаментирована вдавленными продольными

полосами. Длина игрушки — 51 мм, диаметр острого конца — 20 мм, диаметр в наиболее широкой части — 38 мм, диаметр тупого конца — 34 мм. На момент находки внутри погремушки был обожженный шарик из темно-серой глины диаметром 9 мм (утрачен) (рис. 1, 14).

Писанки с конца XIX в. неоднократно становились объектом исследования и в нашей стране, и за рубежом (подробнее см.: Седов, 1998. С. 81–85). В Новгороде их наибольшее распространение приходится на период с середины XI до первых десятилетий XII в. включительно, но они встречаются и в слоях второй половины XII — первой половины XIII в. (Колчин, 1982. С. 144).

Т. И. Макарова на основании технологических особенностей поливы выделила две группы писанок (подробнее см.: Макарова, 1966. С. 141–145; 1967. С. 9–10). Первая объединяет писанки с фоном буро-коричневого, зеленого, реже желтого цвета без металлического блеска. Исследовательница отмечает, что местом производства таких писанок был Киев или Белгород и они распространялись в основном в южных землях. Вторая группа встречалась преимущественно в северных землях Руси. В нее входят писанки, покрытые буро-черной поливой с металлическим блеском. Центрами их изготовления могли быть Новгород и Рязань (Там же. С. 9–10).

«Неизвестно, употреблялись ли писанки на Руси до принятия христианства или же они появились здесь под влиянием христианства, занесены сюда из Византии и Болгарии... Более вероятным представляется предположение о византийском

происхождении русских писанок; на это указывают связанные с ними религиозные предания. Можно предположить, что они проникли в Россию в глубокой древности, вместе с христианством» (Сумцов, 1891. С. 12).

Яйцо входит в космогонические мифы всех народов мира. Как символ плодородия и непрерывного воспроизводства жизни яйцо использовалось в обрядах, связанных с продуцирующей магией (в свадебных и родильных ритуалах, при первой вспашке земли и севе, в скотоводстве), любовной магии и гаданиях, защитной магии. Оно было связано и с культом мертвых — в качестве обрядовой пищи им «угощают» души умерших. Яйцо служило оберегом, а также очистительным и лечебным средством (Виноградова, 2012. С. 621–626). По данным археологии глиняные предметы в форме куриного яйца, а также скорлупа от обычных яиц обнаружены в могильниках XI в. (Польша, Куявское воеводство). Вместе с другими предметами куриные яйца могли закладывать в основу строящегося дома в качестве жертвы (район Гданьска, Ополя, XII–XIII в.) (Там же. С. 626).

Погремушки (2 экз.), относящиеся предположительно к XV в., являются случайными находками. Обе шаровидные, без поливы и отверстия. Одна целая из серой глины с шариком внутри (НЦМД, п/м 1980; Поветкин, 2007. Рис. 4, 5), размером 39 × 35 мм. Ее центральную часть опоясывает вдавленная полоса, а верх и низ игрушки декорированы еще восьмью (рис. 1, 15). От второй погремушки из коричневой глины сохранилась только половина (НГМ КП 18518 А90/196,

Рис. 1. Рюриково Городище. Детские игрушки: 1–14 — писанки; 15–16 — погремушки; 17–27 — свистульки с внутренней полостью (17, 20 — каплевидные, 18, 19, 21 — зооморфные, 22–27 — свистульки-коники, декорированные полосами охристого цвета); 28–38 — белоглиняные свистульки с внутренней полостью, декорированные желтой и желто-зеленой поливой (28–35 — коники, 36–38 — всадники); 39–42, 45 — красноглиняные свистульки с внутренней полостью, декорированные коричневой поливой и коричнево-зеленой поливой (39, 40 — коники, 41 — всадник, 42 — зооморфная, 45 — уточка); 43 — игрушка-«водовоз»; 44, 46 — водяные свистульки-кубышки (44 — с охристой росписью, 46 — с коричневой поливой); 47 — глиняные шарики. 1–7, 9–12, 22, 23, 25, 28–33, 39, 42, 43 — фото И. Г. Самоварова (ИИМК РАН); 8, 13, 16, 17, 26, 34, 36, 44, 45 — фото НГОМЗ; 14, 15, 18–21, 24, 27, 35, 37, 38, 40, 41, 46 — фото А. Н. Каменского (НЦМД); 47 — фото разных лет из архива НОЭ. Масштаб: а — для 1–16, 22–46; б — для 17–21

Fig. 1. Ryurik Gorodishche. Children's toy: 1–14 — pisanki; 15–16 — rattles; 17–27 — whistles with an inner cavity (17, 20 — tear-shaped, 18, 19, 21 — zoomorphic, 22–27 — horse-shaped whistles decorated with bands of ochre colour); 28–38 — white-clay whistles with an inner cavity decorated with yellow and yellow-green glaze (28–35 — horses (koniks), 36–38 — riders); 39–42, 45 — red-clay whistles with an inner cavity decorated with brown and brown-green glaze (39, 40 — horses, 41 — rider, 42 — zoomorphic, 45 — small duck); 43 — 'water carrier' toy; 44, 46 — jug-shaped water whistles (44 — with ochre painting, 46 — with brown glaze); 47 — clay balls. 1–7, 9–12, 22, 23, 25, 28–33, 39, 42, 43 — photo by I. G. Samovarov (IIMK RAS); 8, 13, 16, 17, 26, 34, 36, 44, 45 — photo by NGOMZ (Novgorod Oblast State Museum Preserve); 14, 15, 18–21, 24, 27, 35, 37, 38, 40, 41, 46 — photo by A. N. Kamenskiy (NTsMD — Novgorod Centre of Musical Antiquities); 47 — photos of different years from the archives of the Novgorod Oblast Expedition. Scale: a — for 1–16, 22–46; b — for 17–21

п/м 1967; *Поветкин*, 2007. Рис. 4, 4). Игрушка декорирована мелкими ямочками. Диаметр сохранившейся части 35 × 38 мм, высота — 16 мм (рис. 1, 16).

Свистульки

На Городище они представлены двумя видами: *свистульки с внутренней полостью* (27 экз.) и *водяные* (2 экз.). К первым относятся *каплевидные, зооморфные, свистульки-коники, всадники и уточки*.

Каплевидные (2 экз.) без поливы и без росписи являются случайными находками. Предположительно они относятся к XII–XVI вв. Первая (НЦМД, РГ п. м., 1970-е гг., находчик В. Н. Суховаров; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 1) длиной 72 мм. Диаметр наиболее широкой части — 33 мм, диаметр в месте перехода к пищичку — 16 мм. Свистулька имеет два игровых отверстия, на пищичке сохранились отпечатки пальцев лепившего (рис. 1, 20). Вторая свистулька (НГОМЗ КП 35043/223, РГ п. м.; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 2) длиной 80 мм. Диаметр наиболее широкой части — 32 мм, диаметр пищичка — 6 мм. Игрушка имеет три игровых отверстия (рис. 1, 17).

Также случайными находками являются *зооморфные свистульки* (3 экз.). Предположительно они относятся ко второй половине XIV — XVI в. Первая (НЦМД, РГ п. м., 1970-е гг., находчик В. Н. Суховаров; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 3) длиной 90 мм, шириной 30 мм сохранилась на высоту 30 мм, не декорирована. Лапы животного не обозначены, голова отбита. Сама игрушка неустойчива (рис. 1, 19). Вторая (НЦМД, РГ п. м., 1970-е гг., находчик В. Н. Суховаров; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 4) длиной 81 мм, шириной 35 мм сохранилась на высоту 34 мм, не декорирована. Голова животного отбита, лапы не обозначены (рис. 1, 18). Третья игрушка (НЦМД, РГ п. м., 1980-е гг., находчик А. И. Зайцев; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 5), предположительно относящаяся к XV–XVI вв., длиной 89 мм и шириной 32 мм, сохранилась на высоту 33 мм. Лапы животного не обозначены, голова отбита. Фигурка расписана полосами охристого красно-коричневого цвета (рис. 1, 21).

Свистульки-«коники», декорированные полосами охристого цвета, варьирующего от темно-желтого до красно-коричневого (6 экз.).

Из темно-серого мешаного слоя раскопа, расположенного на высоком берегу вдоль Волхова, к юго-западу от церкви Благовещения происходят два конька. У одной фигурки оббиты часть морды и пищик (НГМ ВХ ЭФЗК 4439; НОЭ-11, РГ-11;

Носов и др., 2017. С. 145, рис. 63, 9). Длина — 77 мм, ширина — 30 мм, высота — 71 мм. Свистулька имеет два игровых отверстия. На поверхности игрушки видны отпечатки пальцев лепившего (рис. 1, 22). Вторая свистулька, также с двумя игровыми отверстиями, сохранилась целиком (НГМ ВХ ЭФЗК 4439, НОЭ-11, РГ-388; *Носов и др.*, 2017. С. 145, рис. 63, 5). Длина игрушки — 46 мм, ширина — 20 мм, высота — 46 мм (рис. 1, 23).

Фрагмент туловища (НОЭ-13 РГ-II«Б»-358, раскопки И. И. Еремеева), возможно, свистульки-конька происходит также из темно-серого мешаного слоя Благовещенского раскопа к северо-западу от церкви Благовещения. Размеры фрагмента 32 × 34 мм. На внутренней стороне видны следы двух игровых отверстий (рис. 1, 25).

Случайными находками являются еще три свистульки-коники. От первой уцелела только голова с ушками (НЦМД, РГ п. м., 1980-е, находчик А. Ф. Петров; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 12). Длина сохранившейся части — 34 мм, ширина — 17 мм, высота — 36 мм. Глаза и ноздри животного обозначены вдавлениями приостренной палочкой (рис. 1, 24). У второй, с двумя игровыми отверстиями, отбиты голова, хвост и частично одна нога животного (НЦМД, РГ п. м., 1970-е гг., находчик В. Н. Суховаров; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 7). Длина сохранившейся части — 42 мм, ширина — 22 мм, высота — 27 мм (рис. 1, 27). У третьей, также с двумя игровыми отверстиями, отбиты голова и лапы животного (НГОМЗ КП 35043/490; РГ п. м., 1978, пашня; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 6). Длина фигурки — 66 мм, ширина — 30 мм, сохранилась на высоту 29 мм (рис. 1, 26).

Белоглиняные свистульки-коники, декорированные желтой поливой (8 экз.). Предположительно относятся к первой половине XIV — XV в.

Из темно-серого мешаного слоя раскопов к юго-западу и северо-западу от церкви Благовещения на высоком берегу Волхова происходят шесть экземпляров различной степени сохранности.

Довольно устойчивая фигурка с двумя игровыми отверстиями (НОЭ-13, РГ-IIА-76, раскопки И. И. Еремеева). Полива уцелела местами. Отбиты голова и частично ноги. Длина сохранившейся части — 60 мм, ширина — 28 мм, высота — 32 мм (рис. 1, 33). От двух других коньков уцелели только головы с оббитыми ушками. Длина уцелевшей части первой — 33 мм, ширина — 27 мм, высота — 34 мм (НГМ ВХ ЭФЗК 4439, НОЭ-11, РГ-235; *Носов и др.*, 2017. Рис. 63, 7). Глаза животного

намечены тычком, а вдавлениями на морде, возможно, обозначена упряжь (рис. 1, 28). Вторая (НОЭ-14, РГ-II-2(55); раскопки И. И. Еремеева) сохранилась на высоту 41 мм, ширина — 24 мм (рис. 1, 29). Еще три игрушки представлены небольшими фрагментами. Частью морды конька является один экземпляр (НОЭ-13, РГ-ПБ-177; раскопки И. И. Еремеева). Его длина составляет 21 мм, ширина — 18 мм, высота — 18 мм. Вдавлениями палочкой, возможно, обозначены элементы упряжи (рис. 1, 32). Второй — вероятно, нога животного (НОЭ-14, РГ-II-2(63); раскопки И. И. Еремеева). Длина сохранившейся части 19 мм, ширина — 12 мм (рис. 1, 31). Третий — только ушко конька (НОЭ-15, РГ-2(195); раскопки И. И. Еремеева). Его длина — 11 мм, диаметр — 9 мм (рис. 1, 30).

Кроме того, две белоглиняные свистульки-коника с желтой поливой являются случайными находками. Одна игрушка сохранилась целиком (НГОМЗ КП 18111, РГ п. м., 1967; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 8). Ее длина — 56 мм, ширина — 25 мм, высота — 45 мм. У свистульки два игровых отверстия (рис. 1, 34). У второй фигурки отбиты голова и ноги (НЦМД, РГ п. м., 1970-е гг., находчик В. Н. Суховаров; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 10). Длина уцелевшей части — 41 мм, ширина — 19 мм, высота — 20 мм. У свистульки два игровых отверстия (рис. 1, 35).

Белоглиняные свистульки-всадники, декорированные желтой и желто-зеленой поливой представлены случайными находками (3 экз.). Предположительно относятся к первой половине XIV — XVI в. У одной игрушки отбиты часть туловища и нога всадника, а также ушки и ноги конька (НЦМД, РГ п. м., 1970-е гг., находчик В. Н. Суховаров; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 13). Глаза и ноздри животного намечены углублениями, а на морде, возможно, обозначена упряжь. Длина свистульки с двумя игровыми отверстиями — 66 мм, ширина сохранившейся части — 27 мм, высота — 48 мм (рис. 1, 37). У второй свистульки отбиты фигурка всадника, голова и передние ноги конька (НГОМЗ КП 35043/491, РГ п. м., 1978, пашня; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 9). Желтая полива сохранилась местами. Длина игрушки — 52 мм, ширина — 25 мм, высота оставшейся части — 25 мм. У свистульки два игровых отверстия (рис. 1, 36). У третьей свистульки полива желто-зеленая (НЦМД, РГ п. м., 2002, находчик С. Е. Торопов; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 14). Фигура всадника наполовину отбита, а одна нога сохранилась частично. У конька не сохранились ушки, морда животного слегка оббита.

На морде резными линиями обозначены, по всей вероятности, элементы упряжи, глаза намечены наколами. У свистульки три игровых отверстия. Длина игрушки — 67 мм, ширина — 39 мм, высота — 60 мм (рис. 1, 38).

Красноглиняные свистульки-коники, декорированные коричневой поливой (2 экз.). Предположительно относятся к XVIII в. Из темно-серого мешаного слоя Благовещенского раскопа, находившегося к северо-западу от церкви Благовещения, происходит свистулька-коник с туловом, частично покрытым коричневой и коричнево-зеленой поливой (голова конька — НОЭ-13, РГ-ПА-19; туловище — НОЭ-13, РГ-ПБ-12; раскопки И. И. Еремеева). Длина игрушки — 52 мм, ширина — 27 мм, высота — 56 мм. Часть одного ушка и ноги отбиты, но основание устойчивое. По бокам два игровых отверстия, на животе — третье прямоугольное (рис. 1, 39). Вторая красноглиняная свистулька-коник со следами коричневой поливы является случайной находкой (НЦМД, РГ п. м., 1976, пашня, находчик В. И. Поветкин; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 11). Голова конька и одна нога отбиты. Длина — 60 мм, ширина — 22 мм, высота сохранившейся части — 22 мм. У игрушки два игровых отверстия (рис. 1, 40).

Также случайной находкой, предположительно относящейся к XVII в., является и красноглиняная свистулька-всадник с коричневой поливой (НЦМД, РГ п. м., 2002, находчик О. Н. Клименко; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 15). Верхняя часть туловища всадника, голова и передние ноги конька отбиты. Длина сохранившейся части игрушки — 55 мм, ширина — 31 мм, высота — 41 мм. У свистульки два игровых отверстия (рис. 1, 41).

Красноглиняные свистульки с коричневой и коричнево-зеленой поливой (2 экз.). Предположительно относятся к XVIII в.

Из темно-серого мешаного слоя раскопа на центральной площадке Городища к юго-востоку от церкви Благовещения происходит зооморфная свистулька (НОЭ-07, РГ-269). Тулово с устойчивым основанием шарообразное полое с резким переходом к «хвосту». На боках фигурки два круглых игровых отверстия. Под «хвостом» имеется еще одно, прямоугольное. Длина — 61 мм, ширина — 30 мм, сохранившаяся высота — 28 мм (рис. 1, 42).

Случайной находкой является свистулька-уточка с зеленоватой и коричнево-рыжей поливой (НГОМЗ КП 25402 А26/211, РГ п. м., 1967, находчик Н. П. Пахомов; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 16).

У фигурки с двумя игровыми отверстиями отбиты хвост-пищик, часть морды и одна лапа, кружком обозначены глаза. Длина сохранившейся части — 45 мм, ширина — 27 мм, высота — 45 мм (рис. 1, 45).

Водяные свистульки, так называемые «соловьи», сделаны в виде кубышки или горшочка со свистком, в которые наливалось немного воды. Это позволяло вместо свиста извлекать многоголосные трели. Найденные на Городище свистульки-кубышки являются случайными находками (2 экз.). Одна свистулька — в виде сосуда с носиком-свистком (НГОМЗ КП 35043/464, РГ п. м., 1977; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 17). Игрушка расписана оранжевыми охристыми полосами. Верх горшочка поврежден, свистковое устройство отбито. Диаметр основания 32 мм, диаметр наиболее широкой части — 37 мм, сохранилась на высоту 33 мм. Предположительно относится к XV–XVI вв. (рис. 1, 44). Вторая свистулька — в виде сосуда с носиком-свистком, из светло-охристой глины с коричневой и зеленой глазурью (НЦМД, РГ п. м., 1970-е гг., находчик В. Н. Суховаров; *Поветкин*, 2007. Рис. 5, 18). Предположительно относится к XVII–XVIII вв. Горлышко сосуда оббито. Высота со свистком — 61 мм, высота кубышки — 46 мм, диаметр основания — 35 мм, наиболее широкой части — 49 мм (рис. 1, 46).

Свистульки во времена язычества сопровождали обрядовые и магические действия, связанные с годовым циклом крестьянских работ, и обычно соотносились с весенними праздниками и временем сбора урожая. Позднее, когда свист утратил свое обрядовое значение, свистульки стали народными музыкальными инструментами и детскими игрушками (*Бычков*, 2000. С. 73–81). «Древнейшими из музыкальных инструментов, под игру на которых танцевали и на которых вообще играли, являются духовые; некоторые из них теперь служат детскими игрушками. Это так называемые свистуны или свистульки — маленькие инструменты из глины в форме птицы или лошадиной головы. Они одинаковы не только у восточных, но и у всех других славян и очень похожи на археологические находки, относящиеся к древности» (*Зеленин*, 1991. С. 370).

Изобразительная игрушка

Особняком в ряду городищенских игрушек стоит *изобразительная игрушка*, так называемый «водовоз» (НОЭ-08, РГ-612; *Дорофеева*, 2017. Ил. 14, 13). Она представляет собой миниатюрную бочку,

покрытую поливой зеленого цвета, с частично сохранившейся фигуркой сидящего на ней верхом человечка (рис. 1, 43). В центре бочки оформлено воронкообразное отверстие, через которое в бочку наливали воду, а сбоку в днище бочки имеется круглое отверстие для ее слива. С обеих сторон бочки проведены линии, которые имитируют обручи, скрепляющие клепки. От фигурки сохранились только фрагменты ног. Аналогичная игрушка была найдена в слое XII–XIII вв. посадка городища у с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой обл. Украины (М. К. Каргер предполагал связь этого поселения с летописным городом Изяславлем) (*Кононович*, 2019. С. 157–159). Полностью сохранившаяся фигурка представляет собой бородатого мужчину в высокой шапке с опушкой. А. Ю. Кононович, со ссылкой на работу М. А. Миролюбова, отмечает, что игрушка из раскопок М. К. Каргера впервые была «опубликована в каталоге выставки «Древнерусский город Изяславль» как детская игрушка (*Миролюбов*, 1983. С. 35)». Р. Л. Розенфельдт писал, что «фигурку из «Изяславля», названную условно «водовозом», можно отнести к детским игрушкам» (*Розенфельдт*, 1997. Табл. 81, 33). В своей статье А. Ю. Кононович со ссылкой на работу Б. А. Прищепы пишет об аналогичной находке из раскопок в Дорогобуже — миниатюрной бочке. От сидящей на ней фигурки сохранилась часть ног (*Прищепя*, 2011. С. 162, рис. 157, 12; *Кононович*, 2019. С. 158). А. Ю. Кононович полагает, «что, возможно, мы имеем дело с фигурками для военно-стратегической игры». Но в этом случае становится непонятным наличие отверстий — в центре игрушки для наливания воды и бокового в днище бочки для слива.

Коллективные игры

Шарики из обожженной глины (38 экз.) можно отнести к коллективным играм (часть шариков представлена на рис. 1, 47). Диаметр найденных на разных участках Городища шариков варьируется от 14 до 24 мм (*Носов и др.*, 2005. С. 42, табл. 11, 16; *Носов и др.*, 2017. Ил. 14, 14, 15). В темно-сером мешаном культурном слое найден 31 глиняный шарик. Пять из них встречены при разборке заполнения комплексов: один вместе с фрагментом писанки зафиксирован в верхней части заполнения постройки XII–XIII вв. и два — в постройке XIII–XIV вв. Из постройки XIII в. и из хозяйственного комплекса не ранее XIII в. происходят два шарика с углублением. Еще две находки являются случайными. Отметим, что

у 10 экземпляров имеются небольшие углубления. Не исключено, что такие шарики были навершиями каких-то составных фигур.

Небольшие глиняные шарики находят в средневековом культурном слое многих городов как в России (Новгород, Старая Рязань, Псков, Вятка и др.), так и в различных регионах Европы (*Розенфельдт*, 1997. С. 114–119; *Lübecker Kolloquium...*, 2012). Но если одни исследователи считают их шариками для пращи, то другие относят их к детским игрушкам. Небольшие сферические шарики,

сделанные из глины, камня или стекла и в настоящее время используются в различных играх, носящих общее название «марблс» (от англ. *marble* — «мрамор»).

Отдельные находки частично уже публиковались в различных изданиях (*Поветкин*, 2007. С. 178–190; *Носов и др.*, 2005.; *Носов и др.*, 2017; *Дорофеева*, 2017). В данной работе впервые целиком представлена категория глиняных игрушек, встреченных к настоящему времени как при раскопках, так и случайно найденных на Городище.

Арциховский, 1948 — *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 (МИА; № 11). Т. 1. С. 119–151.

Бычков, 2000 — *Бычков В. Н.* Глиняные свистульки // *Музыкальные инструменты*. М.: Аст-Пресс, 2000. С. 73–81.

Виноградова, 2012 — *Виноградова Л. Н.* Яйцо // *Славянские древности. Этнологический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого*. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5: С–Я.

Володина, 2016 — *Володина Т. Е.* Глиняные игрушки XII–XVIII вв. по материалам археологических раскопок 2001–2012 гг. в 25-м квартале исторического центра г. Владимира // *Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара*. М.: ИА РАН, 2016. Вып. 6. С. 150–164.

Глиняные игрушки..., 2002 — *Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог / Автор-составитель Н. В. Нестерова, научный консультант д-р ист. наук М. В. Седова*. Владимир: ВСМЗ, 2002. 42 с.

Динцес, 1936 — *Динцес Л. А.* Русская глиняная игрушка: происхождение, путь исторического развития. Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 103 с.

Дорофеева, 2017 — *Дорофеева Т. С.* Комментарии к некоторым редким находкам из раскопок последних лет // *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIX). С. 244–257.

Дубровин, 2016 — *Дубровин Г. Е.* Детские игрушки с Федоровского раскопа в Новгороде // *КСИА*. 2016. № 245, ч. 2. С. 75–90.

Зеленин, 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.

Игрушка..., 1912 — *Игрушка, ее история и значение*. М.: Тип. И. Сытина, 1912. 246 с.

Карасева, 2000 — *Карасева Е. М.* Средневековая глиняная игрушка Тульского края // *Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия*. Тула: Тул. полиграфист, 2000. С. 227–242.

Керимова, 2016 — *Керимова К. А.* Найденные глиняные детские игрушки, относящиеся к средневековому периоду Северного Азербайджана // *Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / Гол. ред. В. М. Вашкевич*. Київ: Видавництво «Гілея», 2016. Вип. 107 (4). С. 143–145.

Колчин, 1982 — *Колчин Б. А.* Хронология Новгородских древностей // *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода*. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

Колызин, 1998 — *Колызин А. М.* Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) // *РА*. 1998. № 2. С. 113–122.

Кононович, 2019 — *Кононович А. Ю.* Глиняная фигурка с городища близ Шепетовки // *Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных: Материалы V Междунар. конф. молодых ученых*. М.: ИА РАН, 2019. С. 157–159.

Крыласова, 2014 — *Крыласова Н. Б.* Средневековые детские игрушки по материалам Рождественского городища в Пермском крае // *Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. Кн. I (ММХIV)* / Отв. ред. Е. П. Токарева, В. Г. Лушин. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2014. С. 398–406.

Макарова, 1966 — *Макарова Т. И.* О производстве писанок на Руси // *Культура Древней Руси*. М., 1966.

Макарова, 1967 — *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М.: Наука, 1967 (САИ; Вып. Е1-38). 128 с.

- Миролюбов*, 1983 — *Миролюбов М. А.* Древнерусский город Изяславль: Каталог выставки. Л.: Гос. Эрмитаж, 1983. 63 с.
- Морозова*, 1990 — *Морозова Н. А.* Игрушки древнего Новгорода // НиНЗ ИА. Тез. науч. конф. Новгород: НГОМЗ, 1990. Вып. 3. С. 69–71.
- Носов и др.*, 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (Новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). 404 с.
- Носов и др.*, 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIX). 288 с.
- Петров*, 2013 — *Петров М. И.* Дети в средневековом Новгороде: от младенчества к отрочеству // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. 2011. Великий Новгород: НГОМЗ, 2013. С. 76–81.
- Поветкин*, 2007 — *Поветкин В. И.* Гудебный обиход новгородского (Рюрикова) Городища // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник: Материалы междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г. Великий Новгород, Россия). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 178–194.
- Полубояринова*, 1972 — *Полубояринова М. Д.* Раскопки на Рюриковом городище в 1965 г. // Новое в археологии. М.: МГУ, 1972. С. 217–223.
- Прищеп*, 2011 — *Прищеп Б. А.* Дорогобуж на Горині у X–XIII ст. Рівне: ПП ДМ, 2011. 250 с.
- Розенфельдт*, 1997 — *Розенфельдт Р. Л.* Игры детей // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 114–119.
- Сатурин*, 2017 — *Сатурин А. А.* Глиняные игрушки XIV–XVIII веков из археологического собрания Костромского музея-заповедника // Археология Вла-
- димиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2017. Вып. 7. С. 188–198.
- Седов*, 1998 — *Седов В. В.* Писанки // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). Минск: Веды, 1998. С. 81–85.
- Сингх, Степанов*, 2020 — *Сингх В. К., Степанов А. М.* Деревянные игрушки — имитации предметов вооружения из раскопок средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 182–193.
- Сумцов*, 1891 — *Сумцов Н. Ф.* Писанки. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1891. 49 с.
- Фехнер*, 1949 — *Фехнер М. В.* Глиняные игрушки московских гончаров (по материалам раскопок ГИМ, 1948 г.) // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2 / Под ред. А. В. Арциховского. М., 1949 (МИА; Вып. 12). С. 52–56.
- Хорошев*, 1998 — *Хорошев А. С.* Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // НиНЗ ИА. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 82–94.
- Церетелли*, 1933 — *Церетелли Н.* Русская крестьянская игрушка. М.: Academia, 1933. 261 с.
- Черкасов*, 2004 — *Черкасов В. В.* Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах) // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2004. С. 309–320.
- Lübecker Kolloquium..., 2012 — Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum VIII. Kundheit und Jugend, Ausbildung und Freizeit. Lübeck: Schmidt-Römhild, 2012. 614 S.
- Petrov*, 2012 — *Petrov M. I.* Childhood in medieval Novgorod: from Infancy to Adolescence // Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum VIII. Kundheit und Jugend, Ausbildung und Freizeit. Lübeck: Schmidt-Römhild, 2012. S. 363–369.

Clay toys from Rurik Gorodishche

T. S. Dorofeyeva, V. L. Poligayev

The collection of toys from Rurik Gorodishche includes 84 items. Of these, 54 were found in a mixed cultural layer, six come from the fill of complexes of the 12th–13th and 13th–14th century, while 24 items are stray finds. These toys are represented by several types: *pisanki* (painted eggs), rattles, diverse whistles, and small balls.

Pisanki (11 items) are clay hollow articles in the form of an egg with a clay ball inside and, mostly, with a small hole at the blunt end. In Novgorod, *pisanki* were most widespread in the period from the 11th century to the first decades of the 12th century inclusive (Fig. 1, 1–14).

Rattles (2 items). Two unglazed spherical rattles of the 15th century are stray finds. One is complete containing a ball inside. Of the second one, decorated with small pits, only a half is preserved (Fig. 1, 15–16).

Whistles (28 items) are represented by two types: whistles with an internal hollow (26 items) and water whistles (2 items) (Figs. 1, 17–27, 28–38, 39–42, 45). Among the first type, there are distinguishable *tear-shaped* examples (2 items) (Fig. 1, 44, 46); *horse figurines* (complete or with a slightly broken surface — 9 items, fragmented — 6 items); *riders* (3 items), and unidentifiable *zoomorphic* ones (6 items). The second type comprises the so-called ‘*nightingales*’ into which small volumes of water were poured. In antiquity, whistles were used in the rites connected with the annual cycle of peasant works.

Small balls of fired clay (39 items) (Fig. 1, 47). Their diameter varies from 14 to 24 mm. Balls of this type are found in cultural layers of many towns of Russia, Europe and Central Asia. Some researchers consider them as sling missiles, the other attribute them to children’s toys. Small spheres (of clay, stone or glass) were employed in different games. Of note is that ten examples found at Gorodishche have small cone-shaped depressions. Possibly, these balls were the tops of some composite figures.

The ‘*toy water carrier*’ found at Gorodishche stands apart from other artefacts (Fig. 1, 43). It is a miniature barrel covered with a green glaze. On both sides of the barrel there are lines imitating the hoops fastening the rivets. In the centre of the barrel, a funnel-shaped hole is shown through which the water would have been poured into it, while in the bottom of the barrel on one side there is a round hole for draining. Astride the barrel, a tiny man was sitting with his figurine partly preserved (leg fragments). Two similar toys were found in Ukraine. One was completely preserved having been retrieved from a *posad* (trading quarter outside city wall) near the village of Gorodishche in the Shepetovsky district of Khmel'nitsk oblast (12th–13th century). Another example with a preserved figurine comes from excavations in Old-Russian Dorogobuzh which was part of the Volyn Principality (11th–13th century). Aleksandra Yu. Kononovich supposed that these items may have been figurines for a military-strategic game but then the purpose of the holes in the centre of the barrel and its bottom is hardly explainable.

Новгород X–XIV вв.: эволюция городской территории

М. И. Петров, О. А. Тарабардина¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию развития Новгорода в X–XIV вв.: авторы ставят перед собой задачу показать динамику изменений территории Новгорода в эпоху средневековья, используя данные археологических исследований, методы географических информационных систем (ГИС) для моделирования и картографирования этого процесса и методiku дендрохронологического анализа для выяснения его хронологических границ. На основании данных о хронологии сооружений и слоев каждого раскопа построены картограммы распространения городской застройки с интервалом в 50 лет; на них нанесены также существующие и утраченные храмы как дополнительный маркер развития города. В результате проведенных исследований стало возможным проследить эволюцию территории Новгорода на протяжении пяти столетий, наблюдая не только последовательный рост города, но и определенные периоды регресса и упадка, характеризующиеся запустением и замедлением темпов строительства, в частности, в первой половине XIII в.

Annotation. The article deals with development of Novgorod in 10th–14th cc. Main task of the research was to study dynamics of spatial changes of medieval city using archaeological data and GIS-techniques for modeling and mapping of this process and dendrochronology as source of chronological boundaries. Chronology of constructions of each archaeological site became a source for housing distribution maps with an interval of 50 years. These maps also contain medieval churches (both lost and survived) as additional markers of city area development. This research resulted with five-century picture of city area evolution with phases of city growth along with time of decline in the first half of the 13th c.

Ключевые слова: средневековый Новгород, археология, дендрохронология, динамика застройки, ГИС (географические информационные системы), модель городской территории.

Keywords: medieval Novgorod, archaeology, dendrochronology, dynamics of city area development, geographical information system (GIS), city area modeling.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-134-151

Установление размеров средневекового города представляет собой опорную точку для разнообразных направлений урбанистических исследований. Для средневекового русского города эта задача усложняется обширными возможностями экстенсивного развития городской территории и, зачастую, малой степенью исследованности. Неслучайно Б. А. Колчин и В. Л. Янин отмечают, что «провести границы Новгорода на каждое столетие его существования — в возможностях

археологии, но пока мы способны лишь в общих чертах говорить о главных направлениях развития городской территории» (Колчин, Янин, 1982. С. 3–137). Одним из наиболее эффективных способов расширить круг сведений по этой проблеме авторы считали дендрохронологическое изучение самых нижних ярусов деревянных сооружений в разных районах Новгорода.

Археологические раскопки в Новгороде 1990–2010-х гг. дали новый материал для решения этой задачи. Во-первых, исследованиями оказались охвачены не только зоны наиболее мощных культурных напластований, но и периферийные районы города, а именно они демонстрируют наиболее динамичную картину изменений городской территории. Во-вторых, были выявлены периоды

¹ Центр по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (ЦООАИ НМЗ); ул. Ильина, д. 26, Знаменское подворье, г. Великий Новгород, 173000, Россия.

запустения некоторых районов в определенные моменты времени. В-третьих, благодаря дендрохронологическим исследованиям материалов 35 новгородских раскопов, проведенным в лаборатории археологического центра Новгородского музея-заповедника, эта работа получила надежную хронологическую базу. При сопоставлении материалов разных раскопов мы можем наблюдать изменения территории и планировочной структуры города, определяя реальные хронологические границы этого процесса (Тарабардина, 2007. С. 3–22; 2010. С. 293–294).

Задача предлагаемой статьи — проследить динамику изменений территории Новгорода в эпоху средневековья, используя данные археологических исследований², методику дендрохронологического анализа для установления хронологии и методы географических информационных систем (ГИС) для моделирования и картографирования этого процесса. Здесь мы не будем подробно останавливаться на принципах создания модели, изменениях методов ее построения, достоинствах и недостатках различных вариантов, которые были описаны авторами ранее (Петров, Тарабардина, 2011. С. 139–147; Петров, 2015а, 2015б. С. 42–49; Петров, Тарабардина, 2017). Особенностью приводимой в этой статье модели («модель-2019») стало сокращение «области возможной застройки» до 20 м, поскольку появились новые данные³, указывающие на необходимость подобного решения.

Наиболее убедительным критерием принадлежности некоего участка к городу на настоящий момент выступает наличие на нем археологически выявленной усадебной застройки с характерными вещевыми комплексами и элементов городского благоустройства, прежде всего уличного мощения. Только городская застройка в органическом культурном слое с сохраняющейся древесиной позволяет получить абсолютную хронологию исследованного участка. Территории с органическо-минеральным культурным слоем

в лучшем случае могут быть датированы широким хронологическим диапазоном, а сохранность материала требует доказательств наличия жилой застройки, а не освоения иного характера. С застройкой городского облика соседствовали зоны хозяйственного освоения, сельскохозяйственные угодья, неудобья и т. п., однако их существование крайне сложно поддается пространственной оценке и при построении модели не учитывается.

На основании данных о хронологии сооружений и слоев каждого раскопа (рис. 1) построены картограммы распространения городской застройки с интервалом в 50 лет: такое допущение дает возможность проследить закономерности освоения территории города в целом. В качестве границ модели принята трасса построенного в конце XIV в. вала Окольного города; для более ранних этапов городского развития подобные границы могут ввести в заблуждение, поэтому на картограммы застройки X–XIII вв. трасса вала нанесена условно. Граница модели отсекает участки жилой застройки, выходящие за ее пределы (например, к югу от Белой башни, где располагались Алексеевские раскопы, раскоп на ул. Обороны и др.), но в некоторых случаях включает территории, не входящие на определенном этапе в городскую черту (к примеру, северная часть Торговой стороны в X–XI вв. и пр.). Модель также не учитывает внутренние естественные рубежи (ручьи/овраги) в силу высокой гипотетичности их локализации. Для удобства ориентации на схемах помимо трассы вала Окольного города показаны конфигурация существующего новгородского Кремля и современная уличная сеть. Определенный комплекс допущений связан с характером исходных данных: недостаточная археологическая изученность ключевых точек — Детинца, Ярославова дворища и древнейшего ядра Славенского конца; отсутствие достоверных данных о хронологии слоев для ряда раскопов. Материалы некоторых раскопов фактически не введены в научный оборот и не могут быть полноценно использованы в работе. Недостаток исходных данных уменьшает достоверность модели в областях, близких к ее границам. Именно недостатком данных объясняется белое пятно в западной части Софийской стороны, на территории исторического Загородского конца: это наименее археологически изученная часть Новгорода.

² В работе используются материалы археологических исследований в Новгороде по 2016 г. включительно.

³ Материалы раскопа Нутный-IV показали возможность значительного хронологического разрыва между возникновением застройки на близлежащих участках (Петров, 2017. С. 20–21); материалы раскопов Дубошин-I и Дубошин-II также демонстрируют существенный разрыв в хронологии освоения соседних участков.

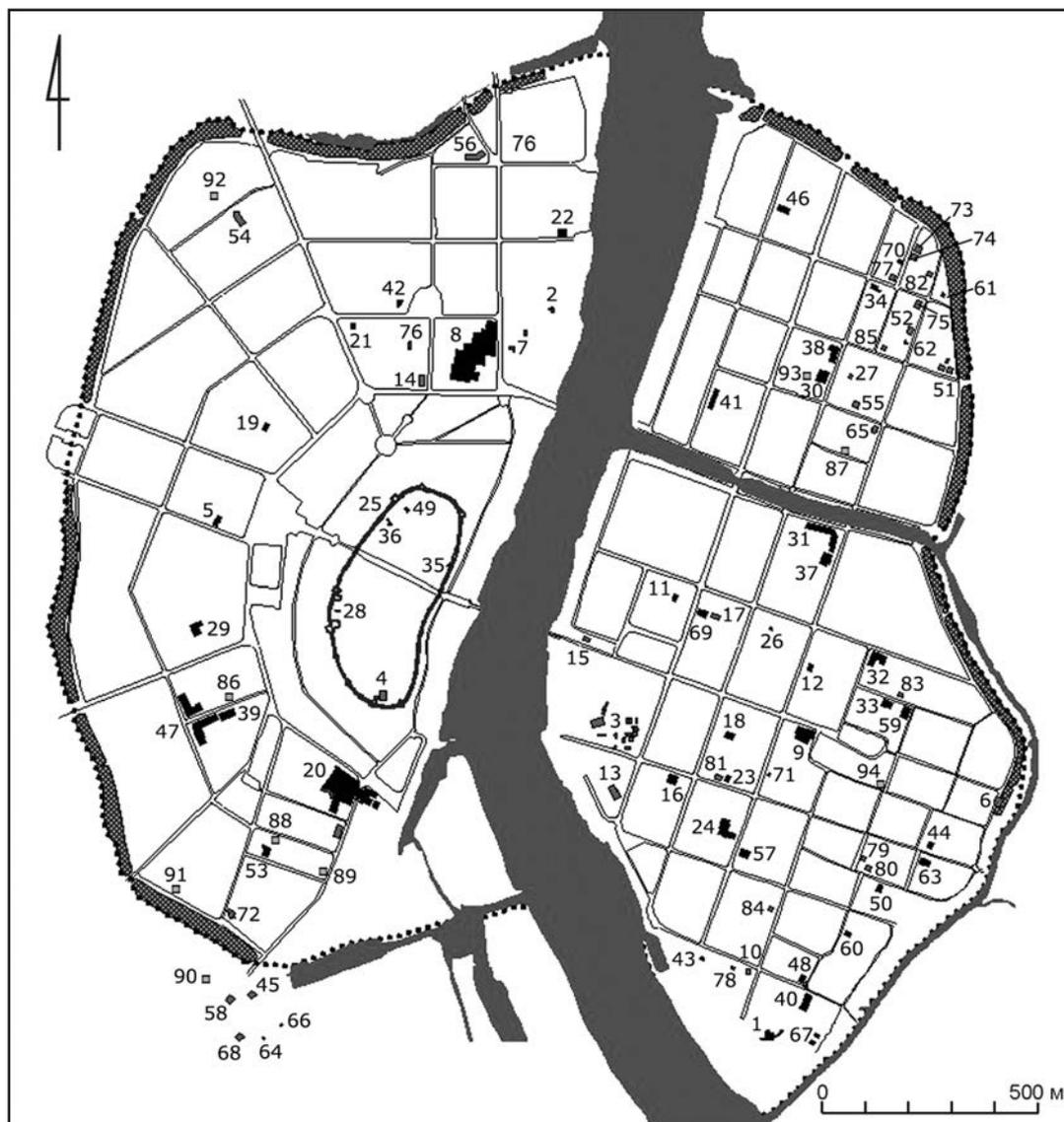

Рис. 1. Схема археологических раскопов в Новгороде (на 2018 г.). Обозначены раскопы: 1 — на Славне; 2 — на Борковой улице; 3 — на Ярославовом дворце; 4 — у Спасской башни; 5 — Чудинцевский; 6 — на валу; 7 — на Холопьевой улице; 8 — Неревский; 9 — Ильинский; 10 — Посольский; 11 — Буяный; 12 — Славенский; 13 — Готский; 14 — Тихвинский; 15 — Торговый; 16 — Михайловский; 17 — Рогатицкий; 18 — Кировский; 19 — Людогощинский; 20 — Троицкий; 21 — Козмодемьянский-I; 22 — Дмитриевский; 23 — Дубошин; 24 — Нутный I-III; 25 — Лихудов корпус; 26 — на ул. Большевиков; 27 — на Мстинской ул.; 28 — между Покровской и Златоустовской башнями; 29 — Михаило-Архангельский; 30 — Андреевский I; 31 — Фёдоровский I-V; 32 — Ипатьевский; 33 — Лукинский; 34 — Конюхов; 35 — у Софийской звонницы; 36 — на Владычном дворе; 37 — Фёдоровский VI; 38 — Андреевский-II; 39 — Добрынин; 40 — Посольский-1999; 41 — Никитинский; 42 — Козмодемьянский-II; 43 — Посольский-2006; 44 — Никольский-2007; 45 — Алексеевский; 46 — Борисоглебский; 47 — Десятинный-IV; 48 — Посольский-2008; 49 — Кремлёвский; 50 — Ильменский; 51 — Щитный I-III; 52 — Молотковский-2011; 53 — Власьевский-II; 54 — Конюшенный; 55 — Маницын; 56 — Досланский; 57 — Нутный-IV; 58 — Алексеевский-II; 59 — Лукинский-II; 60 — Воскресенский-2012; 61 — Молотковский-2012-2; 62 — Молотковский-2012-1; 63 — Никольский-2012; 64 — Алексеевский-IV; 65 — Маницын-II; 66 — Алексеевский-III; 67 — Петропавловский; 68 — Алексеевский-V; 69 — ул. Б. Московская, 30; 70 — Красный пер., 13; 71 — Дубошин пер.; 72 — Власьевский-III; 73 — Красный пер., 22; 74 — Красный пер., 20; 75 — Молотковский-2015; 76 — Козмодемьянский-III; 77 — ул. Черемнова, 19/11; 78 — Посольский-2016; 79 — Партизанский-2017; 80 — Ильменский-2017; 81 — Дубошин-II; 82 — ул. Молотковская, 33; 83 — ул. Пушкинская, 7; 84 — ул. Знаменская, 15; 85 — Андреевский-IV; 86 — Добрынин-2; 87 — Никитин пер., 7; 88 — ул. Воздвиженская, 9; 89 — ул. Троицкая, 16; 90 — ул. Обороны, 2; 91 — ул. Черняховского, 14; 92 — Конюшенный-2; 93 — ул. Маницына, 54а; 94 — Знаменский пер., 7

На картограммы нанесены средневековые храмы и монастыри, которые имеют точную привязку к современной топографической основе. Церковное строительство в Новгороде и его взаимосвязь с общегородским и усадебным строительством могут быть объектом специального исследования. Нас же интересовали, в первую очередь, топография и хронология храмового строительства, которое приурочено к областям усадебной застройки и дополнительно маркирует освоение тех или иных территорий. Для этих целей важны сообщения летописей о строительстве храмов или их первые упоминания: в работе использованы материалы НПЛ, Новгородской второй и Новгородской четвертой летописей (НПЛ, 1950; ПСРЛ, 1879. Т. III; 2000. Т. IV). Сообщения о восстановлении церквей после пожаров, их перестройке представляют интерес для изучения динамики церковного строительства и социально-имущественных характеристик населения определенных городских участков, однако эти процессы не затрагивают заселения новых территорий. По этой же причине в поле нашего зрения не попадают храмы в новгородском Кремле, расположенном в зоне древнейшей застройки, за исключением Св. Софии и церкви свв. Бориса и Глеба. Церкви, локализация которых неизвестна или является спорной, по очевидным причинам не обозначены. Также не обозначены храмы, расположенные за пределами вала Окольного города, который определяет границы модели.

На каждой картограмме нанесены и обозначены особым значком возникающие церкви и монастыри, рядом указывается дата их строительства.

На последующих картограммах эти, уже существующие, храмы обозначены другим значком, без указания даты их возникновения. Первое упоминание храма в летописи (но не сообщение о его строительстве) предполагает, что к этому моменту здание уже существовало. Соответственно такие церкви обозначены значком уже существующего храма, но с указанием даты летописного сообщения. Вновь построенный или впервые упомянутый храм обозначен на карте порядковым номером, его название вынесено в подрисуночные подписи. Такой принцип обозначений принят, чтобы четко выделить новые церкви, относящиеся к тому или иному 50-летнему периоду, не заполняя картограмму избыточной информацией.

Наиболее ранние культурные напластования на территории Новгорода⁴, относящиеся к X в., выявлены в четырех пунктах (рис. 2): на Софийской стороне — на Неревском и Троицком раскопах и в северной части новгородского Детинца; на Торговой стороне — на Михайловском раскопе. Раннее освоение территории подтверждено дендрохронологическими датировками нижних ярусов сооружений (Колчин, 1963. С. 87; Гайдуков и др., 2001. С. 80; Воронова, 1988. С. 75; Трояновский и др., 1997. С. 14; Колчин, Хорошев, 1978. С. 110). На Неревском и Троицком раскопах, где исследованы целые кварталы средневекового города,

⁴ В данном случае мы не учитываем древнейшее поселение в истоке Волхова — Городище, возникшее значительно раньше, чем собственно Новгород на его современном месте, и сохранившее слои второй половины IX в.

Fig. 1. Scheme of archaeological excavations in Novgorod (by 2018). Excavations: 1 — in *Slavno*; 2 — at Borkova ul.; 3 — at Yaroslavovo Dvorishche (Yaroslav's Court); 4 — near Spasskaya tower; 5 — Chudincevskij; 6 — on the rampart; 7 — at Holop'ya ul.; 8 — Nerevskij; 9 — Il'inskij; 10 — Posol'skij; 11 — Buyanyj; 12 — Slavenskij; 13 — Gotskij; 14 — Tihvinskij; 15 — Torgovyj; 16 — Mihajlovskij; 17 — Rogatickij; 18 — Kirovskij; 19 — Lyudogoshchinskij; 20 — Troickij; 21 — Kozmodem'yanskij-I; 22 — Dmitrievskij; 23 — Duboshin; 24 — Nutnyj I-III; 25 — Likhudov Korpus; 26 — at ul. Bol'shevikov; 27 — at ul. Mstinskaya; 28 — between the Pokrovskaya and Zlatoustovskaya towers; 29 — Mihailo-Arhangelskij; 30 — Andreevskij I; 31 — Fyodorovskij I-V; 32 — Ipat'evskij; 33 — Lukinskij; 34 — Konyuhov; 35 — near the St Sophia belfry; 36 — at Vladychnyj Dvor; 37 — Fyodorovskij VI; 38 — Andreevskij-II; 39 — Dobrynin; 40 — Posol'skij-1999; 41 — Nikitinskij; 42 — Kozmodem'yanskij-II; 43 — Posol'skij-2006; 44 — Nikol'skij-2007; 45 — Alekseevskij; 46 — Borisoglebskij; 47 — Desyatinnij-IV; 48 — Posol'skij-2008; 49 — Kremlyovskij; 50 — Il'menskij; 51 — Shchitnyj I-III; 52 — Molotkovskij-2011; 53 — Vlas'evskij-II; 54 — Konyushennyj; 55 — Manicyn; 56 — Doslan'skij; 57 — Nutnyj-IV; 58 — Alekseevskij-II; 59 — Lukinskij-II; 60 — Voskresenskij-2012; 61 — Molotkovskij-2012-2; 62 — Molotkovskij-2012-1; 63 — Nikol'skij-2012; 64 — Alekseevskij-IV; 65 — Manicyn-II; 66 — Alekseevskij-III; 67 — Petropavlovskij; 68 — Alekseevskij-V; 69 — Bol'shaya Moskovskaya ul., 30; 70 — Krasnyj pereulok, 13; 71 — Duboshin pereulok; 72 — Vlas'evskij-III; 73 — Krasnyj pereulok, 22; 74 — Krasnyj pereulok, 20; 75 — Molotkovskij-2015; 76 — Kozmodem'yanskij-III; 77 — ul. Cheremnova, 19/11; 78 — Posol'skij-2016; 79 — Partizanskij-2017; 80 — Il'menskij-2017; 81 — Duboshin-II; 82 — ul. Molotkovskaya, 33; 83 — ul. Pushkinskaya, 7; 84 — ul. Znamenskaya, 15; 85 — Andreevskij-IV; 86 — Dobrynin-2; 87 — Nikitin pereulok, 7; 88 — ul. Vozdvizhenskaya, 9; 89 — ul. Troickaya, 16; 90 — ul. Oborony, 2; 91 — ul. Chernyahovskogo, 14; 92 — Konyushennyj-2; 93 — ul. Manicyna, 54a; 94 — Znamenskij pereulok, 7

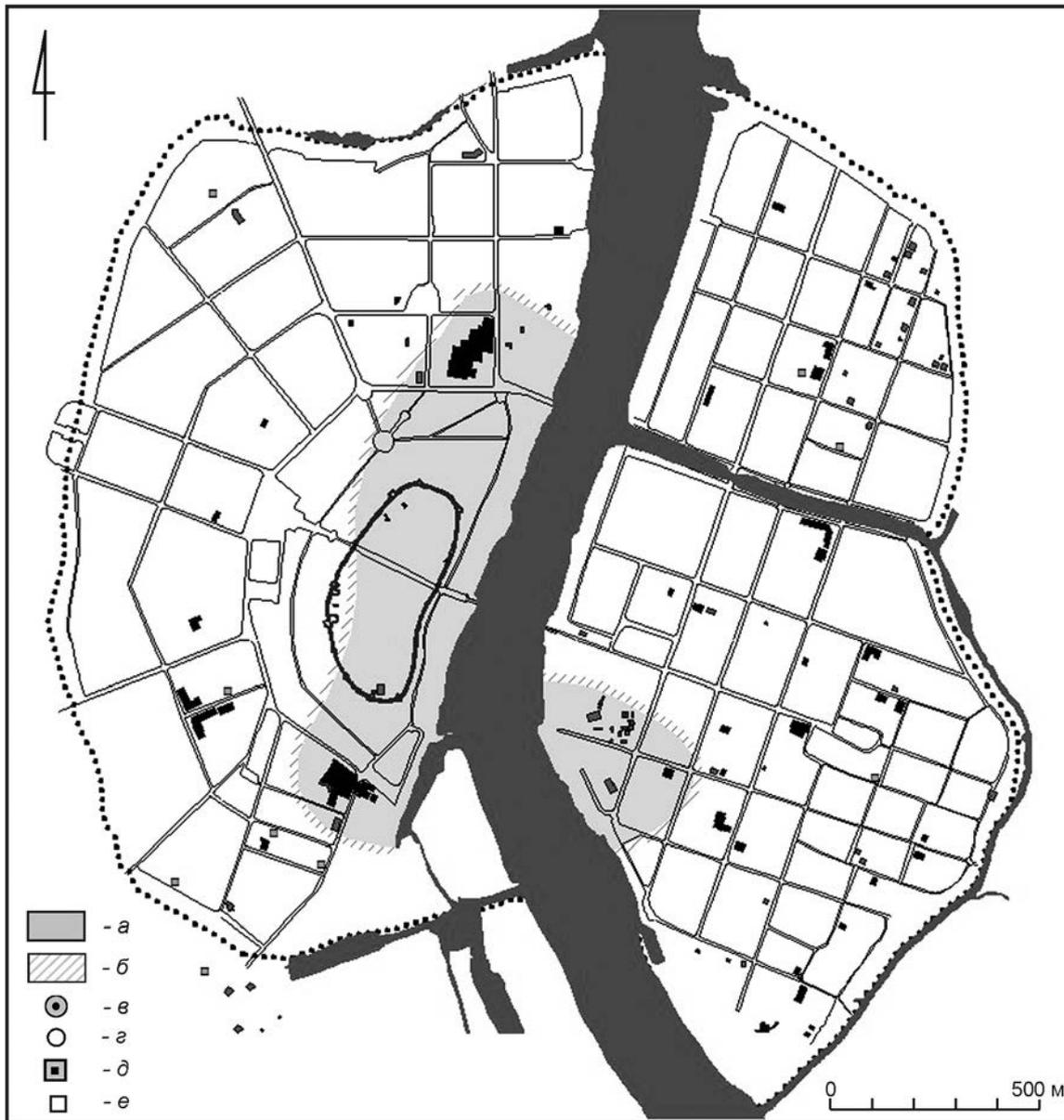

Рис. 2. Модель территории Новгорода в X в. Условные обозначения: *a* — застройка; *b* — предположительная застройка; *v* — новые церкви; *z* — существующие церкви; *d* — новые монастыри; *e* — существующие монастыри
 Fig. 2. Model of the Novgorod territory in the 10th century. Legend: *a* — housing; *b* — possible housing; *v* — new churches; *z* — existing churches; *d* — new monasteries; *e* — existing monasteries

прослеживается постепенность развития застройки (Гайдуков и др., 2014. С. 134–160; Фараджева и др., 2016. С. 7–21). Ранняя застройка преимущественно тяготеет к р. Волхов, что, вероятно, связано с ролью реки как центральной транспортной артерии (Петров, 2011. С. 121–122). Ориентированность ранней планировки Новгорода на реку ранее отмечал М. Х. Алешковский (Алешковский, 1974. С. 109). Следует отметить также, что по имеющимся на сегодняшний день данным усадьбы и

мостовые появляются на разных берегах реки не одновременно: на Софийской стороне это происходит на 30–40 лет раньше, чем на Торговой.

В первой половине XI в. происходят ключевые события в развитии городской структуры: на Торговой стороне возникает княжеская резиденция, на Софийской — строятся крепость — Детинец — и каменный Софийский собор (НПЛ, 1950. С. 181). Площадь города увеличивается, что лучше прослеживается на Торговой стороне (рис. 3): жилая

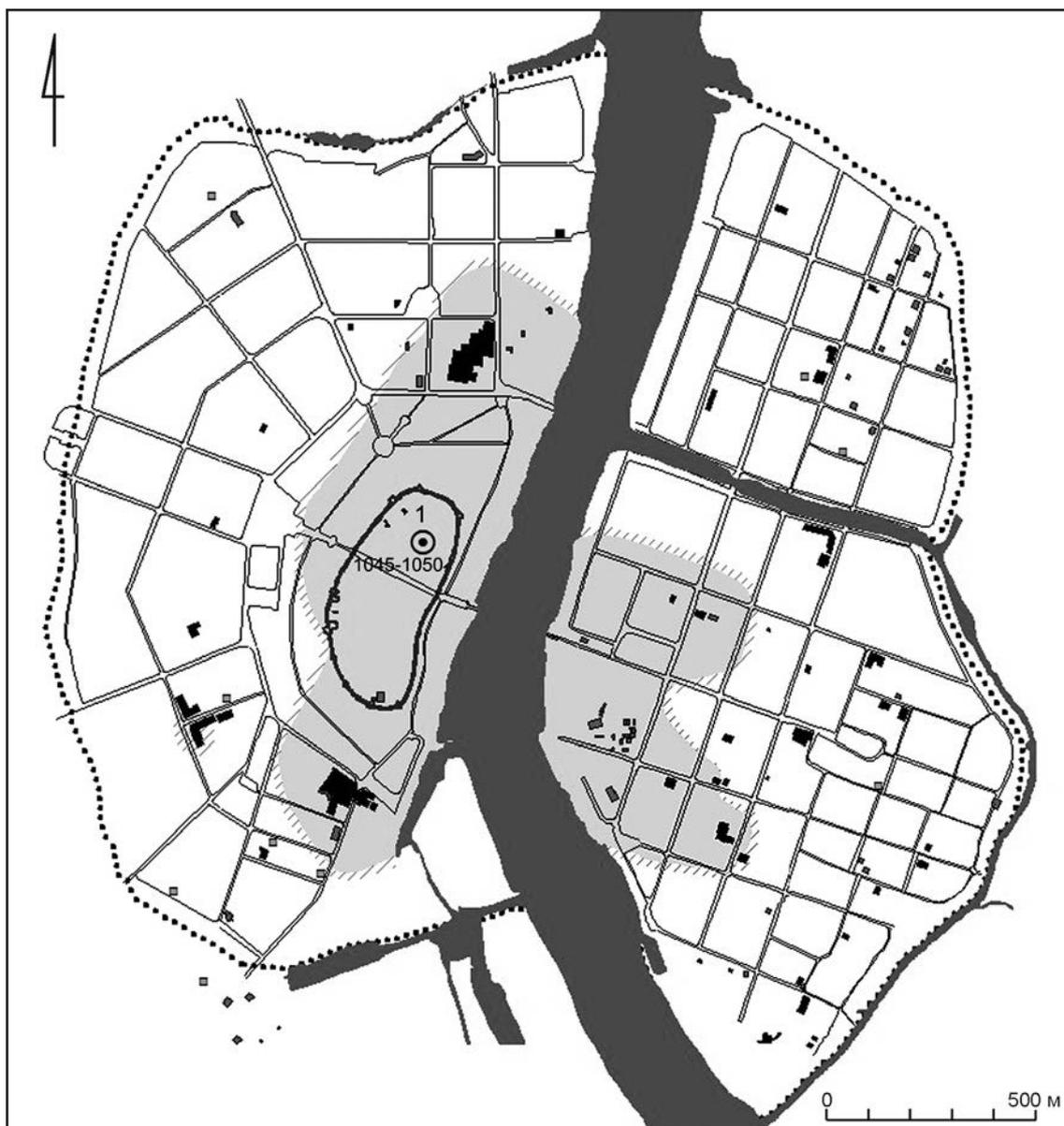

Рис. 3. Модель территории Новгорода в первой половине XI в.
1 — собор Св. Софии (1045–1050 гг.)

Fig. 3. Model of the Novgorod territory in the first half of the 11th century.
1 — St Sophia Cathedral (1045–1050)

застройка распространяется на север, северо-восток и юго-восток от новой резиденции Ярослава Мудрого и торгового центра. Мостовые и ориентированные на них усадьбы зафиксированы при археологических исследованиях в южной части Плотницкого конца на раскопах Буяный (Хорошев, 1978. С. 174–196) и Рогатицкий-II (Гайдуков и др., 2015. С. 66–77), в Славенском конце на раскопах Нутный (Гайдуков, 1992. С. 20; Петров, 2017. С. 20–24) и Дубошин-II. Следы строительства первой

половины XI в. также отмечены близ Никольского собора (Тарабардина, 2009. С. 534–546). Вероятно, рост городской территории вокруг новой княжеской резиденции вызван, в том числе, расселением в окрестностях Ярославова двора княжеских дружинников и приближенных. Хронологическая лакуна в археологических материалах Городища первой половины — середины XI в. подтверждает снижение интенсивности жизни на памятнике, вызванное переселением князя и

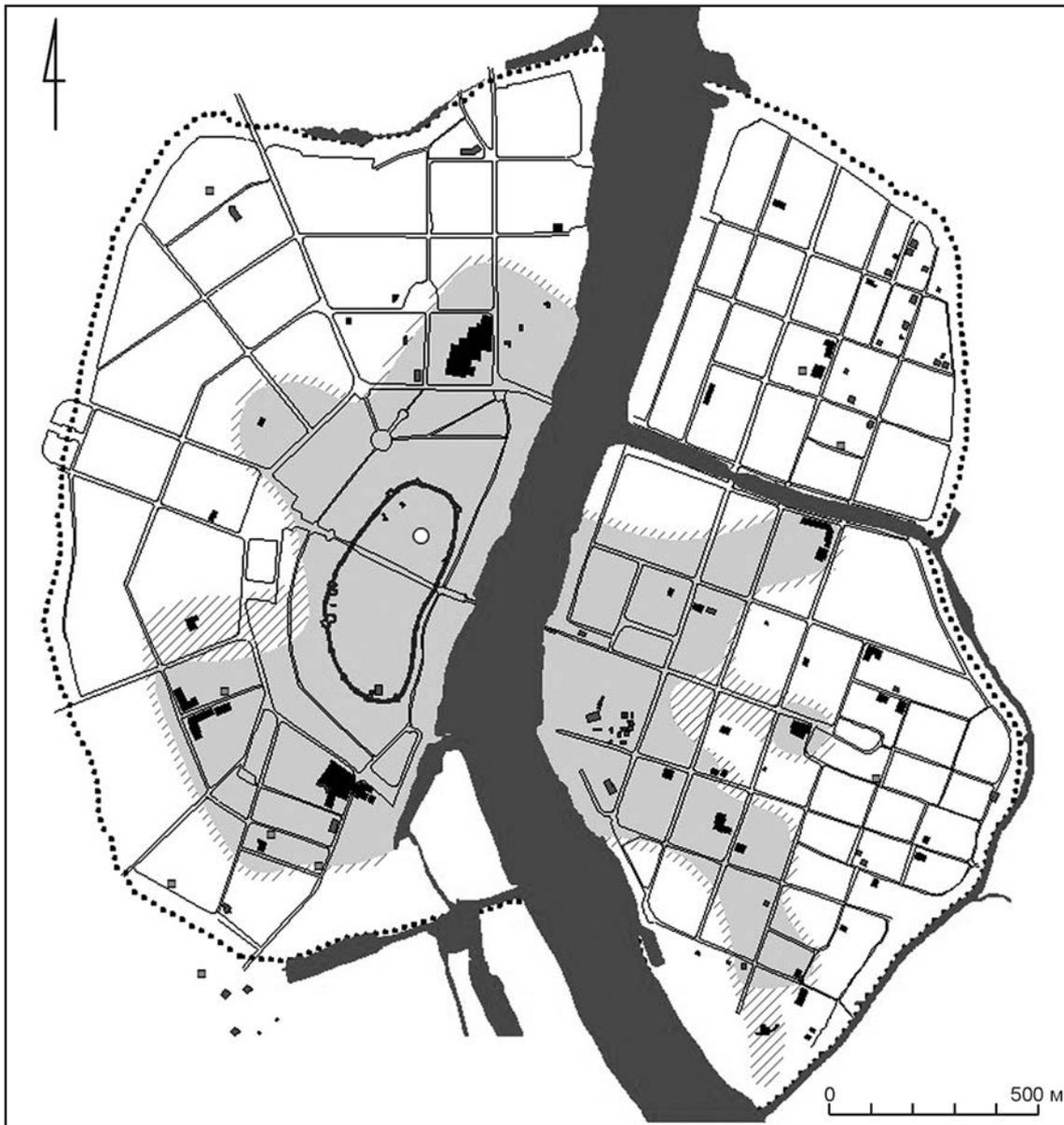

Рис. 4. Модель территории Новгорода во второй половине XI в.

Fig. 4. Model of the Novgorod territory in the second half of the 11th century

дружины к одному из центров быстро растущего города — торгу (Носов, 1990. С. 195–196).

Во второй половине XI столетия (рис. 4) из района, примыкающего к р. Волхов, усадебная застройка на Торговой стороне продолжает постепенно распространяться в северном, восточном и южном направлениях. К концу XI в. городская граница достигает южного берега Федоровского ручья (Фёдоровский раскоп — см.: Дубровин, Тарабардина, 2004. С. 224–233). Языки жилой застройки, вероятно, формируются вдоль Ильиной улицы (Ильинский раскоп — Колчин,

Черных, 1978. С. 57–116) и, возможно, вдоль Славенской Пробойной (раскоп Посольский-2008 — см.: Петров, 2009. С. 80–90). На Софийской стороне расширение границ города особенно заметно в северо-западной и южной частях Людина конца (раскоп Власьевский-II — см.: Гайдуков, Олейников, 2012. С. 16–21). На рубеже XI–XII вв. мостовые Добрыни и Волосовой улиц продлеваются на запад фактически до территории будущего Десятинного монастыря, вдоль улиц фиксируется плотная застройка (Десятинный раскоп — см.: Олейников, 2009. С. 36–43; Фараджева, 2009. С. 44–60).

Наиболее динамично город развивается в XII в. Это эпоха расцвета древнерусских городов, которая характеризуется увеличением числа городских центров, бурным ростом их территории, расширением укрепленной площади, широким размахом храмового строительства (Куза, 1985. С. 54–56). В Новгороде городская застройка распространяется практически во всех направлениях и зачастую охватывает ближайшие пригородные территории. На рубеже XI–XII вв. застраиваются восточные участки по средневековой улице Лубянице в южной части Плотницкого конца (Гайдуков, Олейников, 2013. С. 20–30). В первой половине — середине XII столетия расширяется зона жилой застройки в южной части Славенского конца (раскоп Посольский-2006 см.: Петров, 2007. С. 29–30) и Софийской стороны (Алексеевские раскопы — см.: Степанов, 2008. С. 29–32; Андриенко, 2013. С. 40–45) (рис. 5).

Во второй половине XII столетия усадьбы и уличное мощение появляются в восточной части Славенского конца, что прослежено на Никольских и Ильменском раскопах (Петров, 2008. С. 22; 2010. С. 26; 2013. С. 31–34) в западной части Неревского конца (раскоп Козмодемьянский-II — см. Степанов и др., 2006. С. 19), а на рубеже XII–XIII вв. — в северо-западной части Плотников, близ Евфимиевского монастыря (Борисоглебский раскоп — см.: Степанов и др., 2009. С. 73). Двенадцатый век оказывается и временем наиболее активного церковного строительства: новые храмы маркируют основные векторы развития города (рис. 6). В первой половине столетия храмовое строительство на Торговой стороне сосредоточено в южной части Славна, у княжеской резиденции на Ярославовом дворище и на Торгу; на Софийской стороне — на периферии Неревского и Людина концов. Во второй половине века тенденция возведения церквей на периферии усадебной застройки сохраняется: церкви сщмч. Ипатия на Рогатице и св. Филиппа Апостола на Нутной, вероятно, строятся в концах улиц (рис. 6, 25, 28). Храмы на Софийской стороне наиболее ярко демонстрируют и другую закономерность: активное церковное строительство вдоль ключевых трасс, связывающих город с ближайшей округой. В целом XII в. был наиболее благоприятным периодом для экстенсивного развития Новгорода.

В первой половине XIII в. эти позитивные тенденции в развитии города сменяются периодом упадка: это выражается в замедлении темпов

строительства (что наблюдается, к примеру, на Федоровском, Никольском раскопах) или полным отсутствием в течение длительного времени построек и уличного мощения в зонах, ранее застроенных. Запустение наблюдается не только на периферии городской территории (Ильменский, Козмодемьянский-II, Десятинный раскопы), но и отчасти в зоне древнейшего освоения, что демонстрирует усадьба «Т» Троицкого раскопа (рис. 7)⁵. Резко уменьшается количество возведенных церквей: если во второй половине XII в. в Новгороде летопись упоминает около 20 новых храмов, то на протяжении первой половины XIII в. — лишь четыре (рис. 7, 32–35). Церкви св. ап. Луки на Лубянице и св. Павла, у которой впоследствии был создан Павлов монастырь, названы в источниках как вновь построенные: первая маркирует конец области усадебной застройки на юго-востоке Плотницкого конца, вторая — в юго-восточной части Славенского конца. Церковь свв. Двенадцати Апостолов на Пропастях, очевидно, удалена от жилых районов, о чем свидетельствует тот факт, что во время мора 1230 г. у этого храма по повелению архиепископа Спиридона ставится скудельница.

По мнению авторов, запустение значительной части города вызвали два страшных голода, произошедшие с интервалом в 15 лет, в 1215 и 1230–1231 гг., что неизбежно сказалось на демографической ситуации: часть жителей погибла, другие, возможно, искали спасения за пределами Новгорода (Петров, Тарабардина, 2011. С. 139–147). Сходные тенденции в динамике городского строительства наблюдаются в первой половине XIII в. и во Пскове (Лабутина, 1999. С. 258; Лабутина, Кулакова, 2003. С. 71), но здесь главной причиной являлась сложная военно-политическая обстановка первой половины — середины XIII в. (Лабутина, 1999. С. 264).

Новый подъем городского строительства в Новгороде начинается в середине XIII в.: в 1260–1270-е гг. происходит резкое увеличение территории за счет освоения новых участков и возобновления строительства на участках, ранее заброшенных (рис. 8). Это прослеживается и на Софийской

⁵ Необходимо отметить, что хотя на Софийской стороне расположены крупнейшие новгородские раскопы, в целом количество раскопов меньше, что дает картину резкого и значительного сокращения городской территории в этот период. На Торговой стороне при малой площади раскопов общий охват территории шире, что позволяет получить детальную картину изменений, в том числе локального характера.

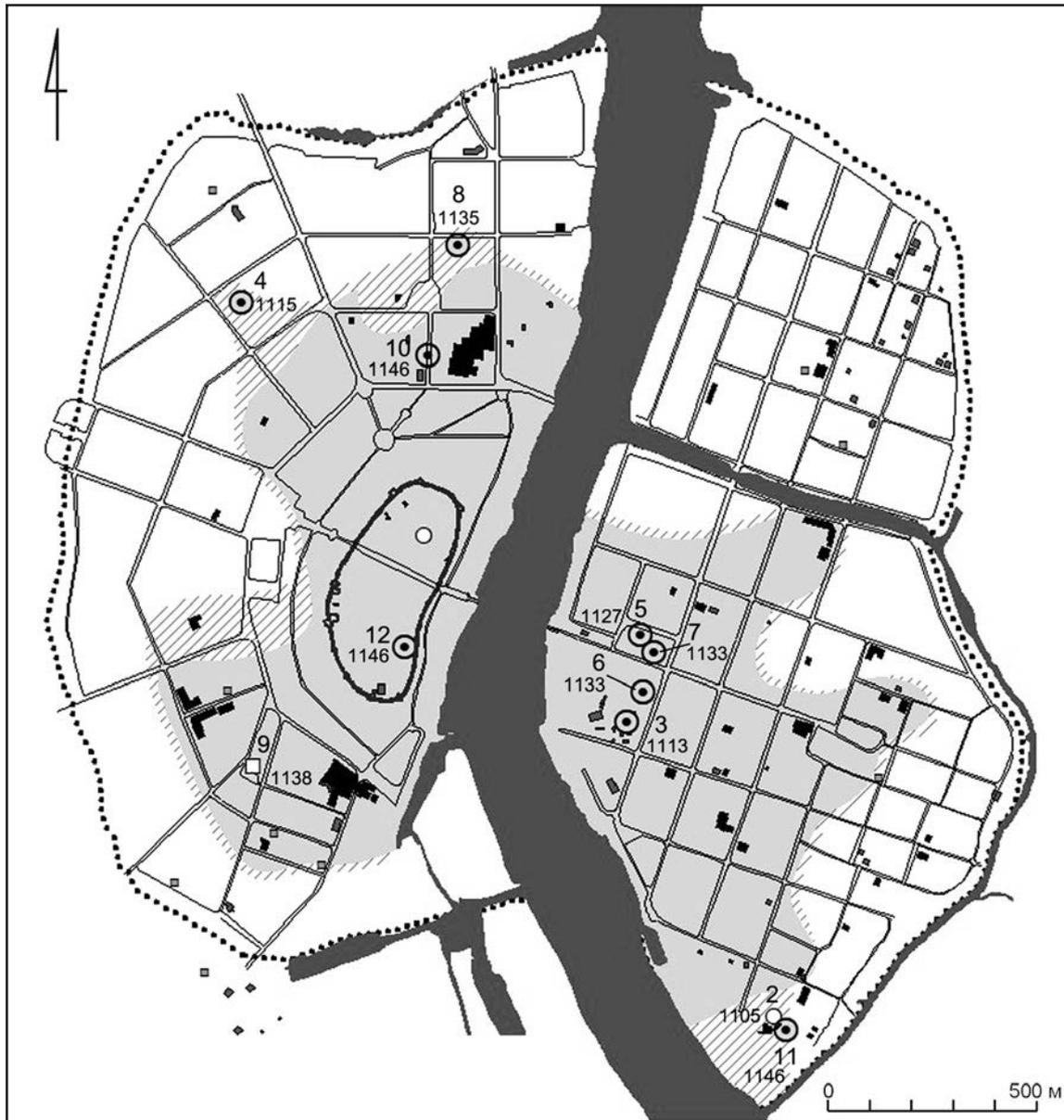

Рис. 5. Модель территории Новгорода в первой половине XII в. 2 — ц. св. Ильи Пророка на Славне, 1105 г.; 3 — Никольский собор, 1113 г.; 4 — ц. св. Федора Тирона на Щирковой улице, 1115 г.; 5 — ц. св. Иоанна Предтечи на Опоках, 1127 г.; 6 — ц. Успения на Козьей Бородке, 1133 г.; 7 — ц. св. Георгия на Торгу, 1133 г.; 8 — ц. св. Николая на Яковлеве улице, 1135 г.; 9 — ц. св. Варвары в Варваринном монастыре, 1138 г.; 10 — ц. свв. Козмы и Дамиана на Козмодемьянской ул., 1146 г.; 11 — ц. свв. Петра и Павла на Славне, 1146 г.; 12 — ц. свв. Бориса и Глеба, 1146 г.

Fig. 5. Model of the Novgorod territory in the first half of the 12th century. 2 — Church of St Elias the Prophet in *Slavno*, 1105; 3 — St Nicholas Cathedral, 1113 AD; 4 — Church of St Theodore Tyron in Shchirkova ulica, 1115; 5 — Church of St John the Baptist at Opoki, 1127; 6 — Church of the Dormition at Koz'ya Borodka, 1133, 7 — Church of St George at Torg, 1133; 8 — Church of St Nikolas in Yakovleva ulica, 1135; 9 — Church of St Barbara at the St Barbara Monastery, 1138; 10 — Church of Sts Kozma and Damian in Kozmodem'yanskaya ulica, 1146; 11 — Church of Sts Peter and Paul on *Slavno*, 1146; 12 — Church of Sts Boris and Gleb, 1146

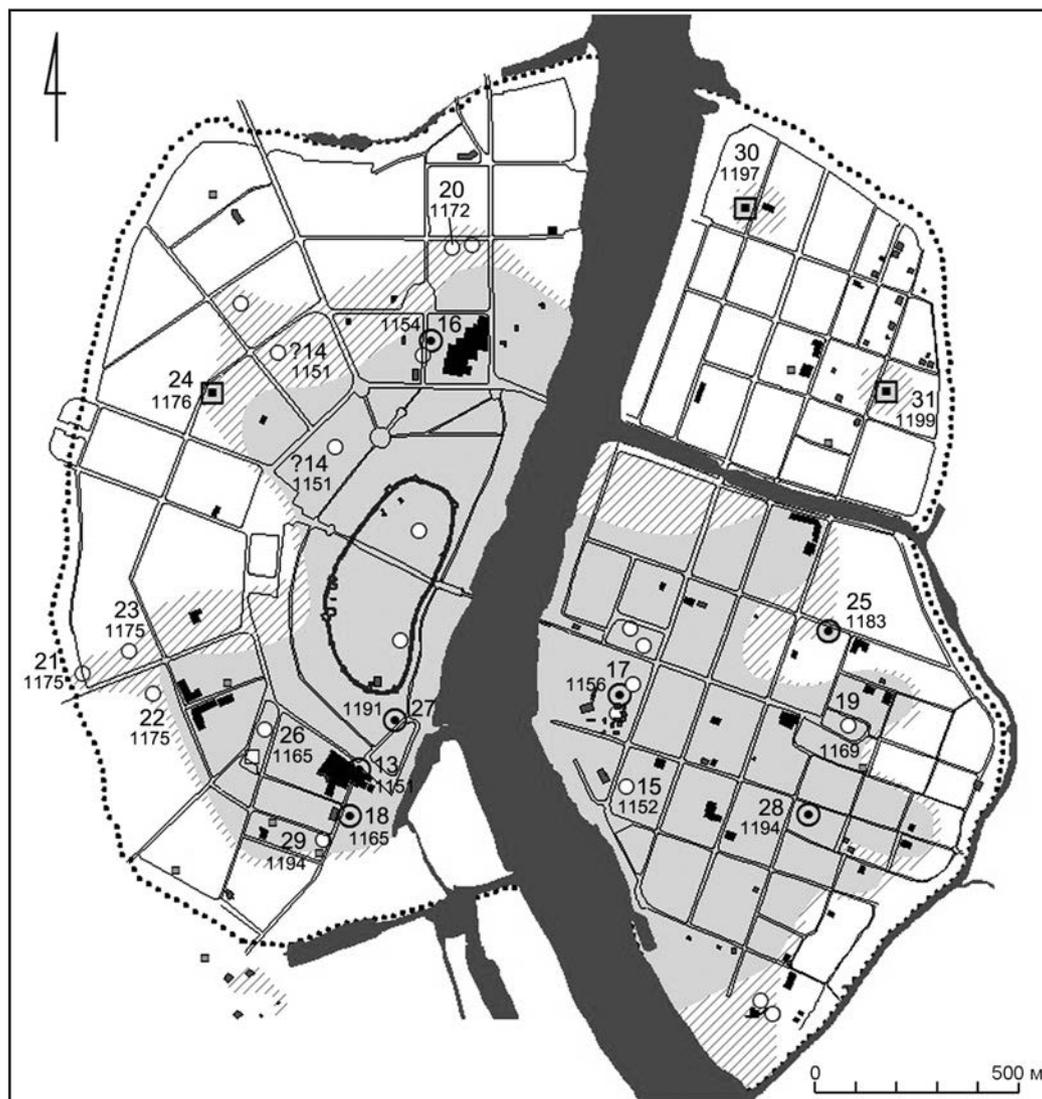

Рис. 6. Модель территории Новгорода во второй половине XII в. 13 — ц. св. Василия Парийского, 1151 г.; 14 — ц. свв. Константина и Елены на Росткиной ул., 1151 г.; 14а — ц. свв. Константина и Елены на Яневе ул., 1151 г.; 15 — ц. Михаила Архангела на Торгу, 1152 г.; 16 — ц. св. Саввы на Козмодемьянской улице, 1154 г.; 17 — ц. св. Параскевы Пятницы на Торгу, 1156 г.; 18 — ц. св. Троицы на Редятине ул., 1165 г.; 19 — ц. св. Спаса на Ильине ул., 1169 г.; 20 — ц. св. Якова на Яковлеве ул., 1172 г.; 21 — ц. Вознесения Христова на Прусской ул., 1175 г.; 22 — ц. св. Якова на Добрыне ул., 1181 г.; 23 — ц. св. Михаила Архангела на Прусской ул., 1175 г.; 24 — ц. св. Иоанна Предтечи в Росткине м-ре, 1176 г.; 25 — ц. св. Евпатия на Рогатице, 1183 г.; 26 — ц. св. Власия на Власьевской ул., 1165 г.; 27 — ц. Св. Образа Нерукотворного на Добрыне, 1191 г.; 28 — ц. св. Филиппа Апостола на Нутной ул., 1194 г.; 29 — ц. Воздвижения на Воздвиженской ул., 1194 г.; 30 — ц. св. Евфимия в Евфимиевском м-ре, 1197 г.; 31 — ц. Рождества Богородицы в Михалицком м-ре, 1199 г.

Fig. 6. Model of the Novgorod territory in the second half of the 12th century. 13 — Church of St Basil of Parion, 1151 AD; 14 — Church of Sts Constantine and Helene in Rostkina ul., 1151, 14a — Church of Sts Constantine and Helene in Yaneva ul., 1151; 15 — Church of the Archangel Michael at Torg, 1152; 16 — Church of St Sabbas in Kozmodem'yanskaya ul., 1154; 17 — Church of St Paraskeva Pyatnitsa at Torg, 1156, 18 — Church of St Trinity in Redyatina ul., 1165; 19 — Church of the Saviour in Il'ina ul., 1169; 20 — Church of St Jacob in Yakovleva ul., 1172; 21 — Church of the Ascension of Christ in Prusskaya ul., 1175; 22 — Church of St Jacob in Dobrynya ul., 1181; 23 — Church of the Archangel Michael in Prusskaya ul., 1175; 24 — Church of John the Baptist in the Rostkin Monastery, 1176; 25 — Church of St Eupatios at Rogatica, 1183; 26 — Church of St Blasius in Vlas'evskaya ul., 1165; 27 — Church of the Holy Mandylion at Dobrynya, 1191; 28 — Church of St Philip the Apostle in Nutnaya ul., 1194; 29 — Church of the Exaltation of the Cross in Vozdvizhenskaya ul., 1194; 30 — Church of St Euthymius in the Monastery of St Euthymius, 1197; 31 — Church of the Nativity of the Virgin in the Mikhaliytskoy Monastery, 1199

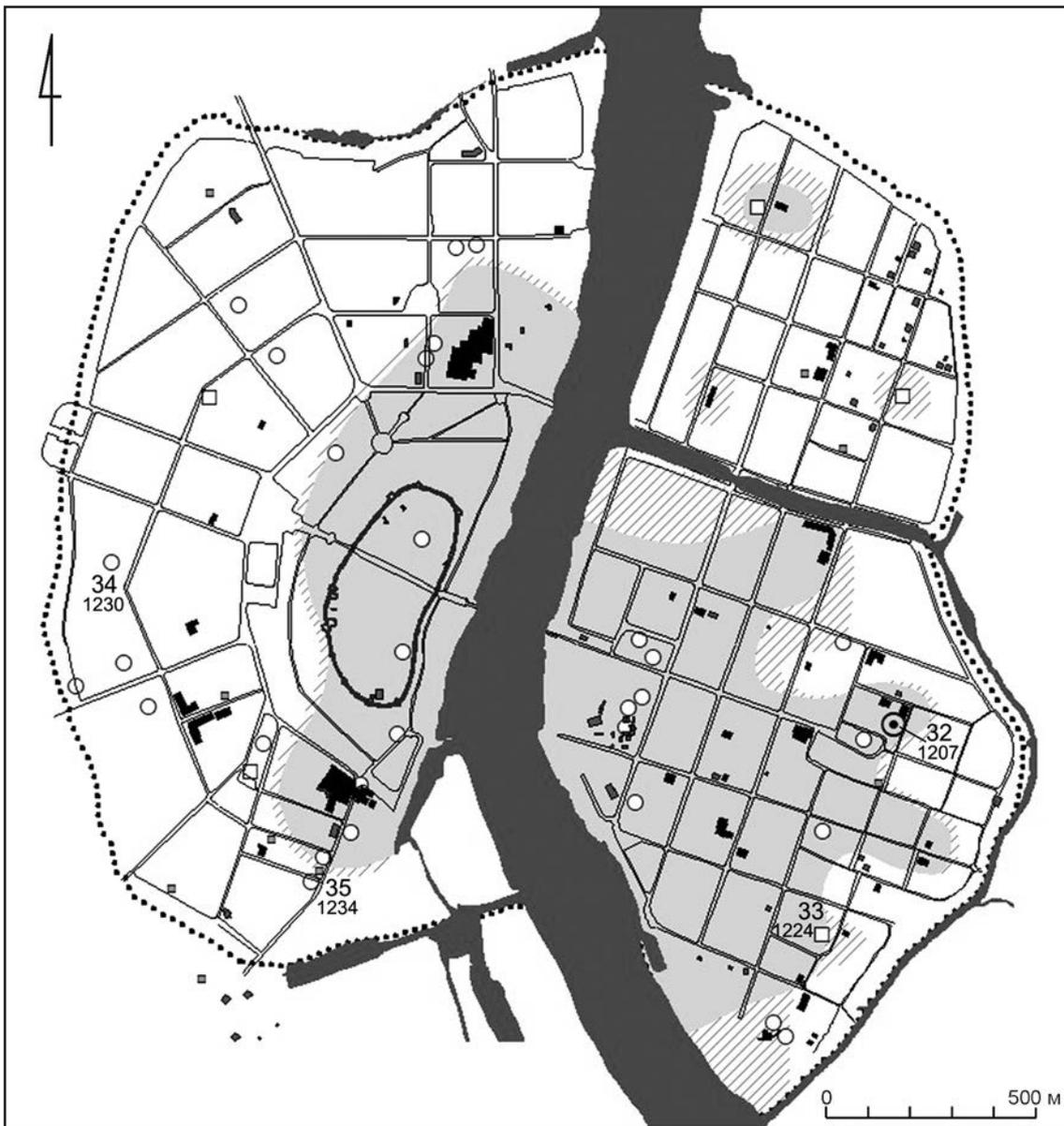

Рис. 7. Модель территории Новгорода в первой половине XIII в. 32 — ц. св. Луки на Лубянице, 1207 г.; 33 — ц. св. Павла в Павлове м-ре, 1224 г.; 34 — ц. свв. Двенадцати Апостолов на Пропастех, 1230г.; 35 — ц. св. Луки на Лукиной ул., 1234 г.

Fig. 7. Model of the Novgorod territory in the first half of the 13th century. 32 — Church of St Lucas at Lubyanitsa, 1207; 33 — Church of St Paul in the Monastery of St Paul, 1224; 34 — Church of the Sts Twelve Apostles on Propastekh, 1230; 35 — Church of St Lucas in Lukina ul., 1234

стороне, в Неревском и Людином концах на материалах раскопа Козмодемьянский-II и раскопа на Добрыне улице (Трояновский, 2000. С. 17), и на Торговой стороне, в северной части Плотницкого конца (Андреевский раскоп — см.: Степанов и др., 2004. С. 284). Развивается уличная сеть, мостовые продлеваются на территории, где возникают новые усадьбы (Добрыня, Пробойная улица

Плотницкого конца и др.), мощение появляется на месте проездов, которые на протяжении долгого времени мостовых не имели (например, Коржева улица). В 1260–1270-е гг. возобновляется и церковное строительство в пределах городских концов, хотя его масштабы по-прежнему невелики (рис. 8, 36, 37, 38). В западной части Неревского конца, где на протяжении первой половины XIII в.

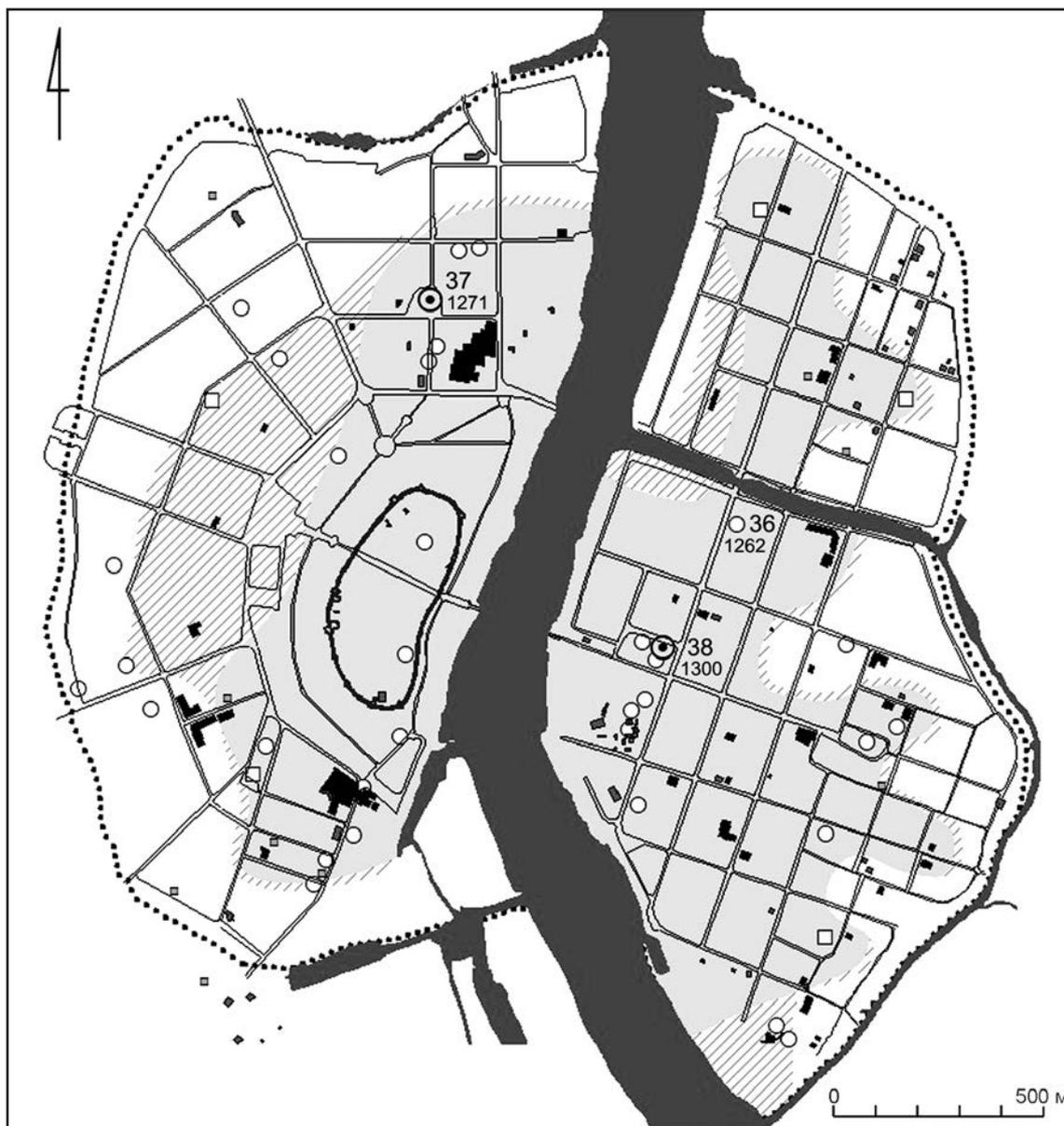

Рис. 8. Модель территории Новгорода во второй половине XIII в. 36 — ц. св. Дмитрия Солунского на Славковой ул., 1262 г.; 37 — ц. свв. мч. Козмы и Дамиана на Холопьевой ул., 1271 г.; 38 — ц. св. Дмитрия на Бояне улке / Лубянице, 1300 г.

Fig. 8. Model of the Novgorod territory in the second half of the 13th century. 36 — Church of St Demetrius of Thessaloniki in Slavkova ul., 1262; 37 — Church of St Martyrs Kozma and Damian in Holop'ya ul., 1271; 38 — Church of St Demetrius on Boyana ulka / Lubyanica, 1300

наблюдалось запустение, фактически одновременно строятся церковь свв. Козмы и Дамиана на Холопьевой улице (рис. 8, 37) и новые усадьбы близ нее (Степанов и др., 2006. С. 25). Развитие города привело к необходимости упорядочения процессов городского благоустройства. Стремление регламентировать обязанности новгородцев по сооружению мостовых в общественных

центрах — в Детинце и на Торгу — и обязанности жителей окрестных погостов по доставке леса в город нашли отражение в «Уставе Ярослава о мостех» (Янин, 1977. С. 116). Все это вместе взятое говорит о качественных изменениях в развитии Новгорода, которые произошли в середине XIII столетия. Последовавшее в этот период увеличение территории средневекового Новгорода было

вызвано как внутренними, так и внешними причинами: притоком в город нового населения с периферии Новгородской земли и с более удаленных территорий (*Тарабардина*, 2009. С. 546).

Рост территории во второй половине XIII в. характеризуется любопытной особенностью: основной прирост обеспечивается на не занятых прежде территориях — в северной части Плотницкого конца. Некоторые участки города, освоенные ранее (территория Десятинного раскопа и раскопа Ильменский-2009) и заброшенные в первой трети XIII в., остаются незанятыми на протяжении довольно долгого времени. Вероятно, эта особенность освоения городской территории связана с правами собственности на землю в городской черте, однако этот аспект требует дополнительного изучения.

Дальнейшее распространение городской усадебной застройки и расширение уличной сети наблюдается и на протяжении XIV в. (рис. 9; 10). Осваиваются новые территории, расположенные на периферии городских административных единиц. Процесс продвижения усадебной застройки на новые участки хорошо прослеживается в Плотницком конце: в 1310-е гг. она появляется в северо-западной части Плотников (Никитинский раскоп, см.: *Дубровин*, 2010. С. 36, 127–135), в 1350–1360-х гг. — в северо-восточной части (Конюхов раскоп, см.: *Тарабардина*, 2007. С. 17–18), в 1360–1370-х гг. — на его северной периферии (раскоп в Красном пер., 13, см.: *Родионова*, 2016. С. 244). В 1340–1350-е гг. застраивается юго-восточная периферия Славенского конца (Посольский раскоп 1999 г., см.: *Тарабардина*, 2004. С. 242). В последней четверти XIV в. застройка охватывает окраинные части Софийской (как показывают исследования на Десятинных и Дмитриевском раскопах) и Торговой стороны (что прослежено на Ильменском и Петропавловском раскопах). К участкам нового строительства зачастую приурочены и вновь строящиеся храмы (рис. 10, 49, 50, 51).

В целом, становится очевидным, что церковное строительство «следует» за усадебной застройкой, маркируя основные городские трассы. В частности, церковь св. Федора на Щиркове улице, строящаяся в 1115 г. и церковь св. Ильи Пророка на Славне, упоминаемая в 1105 г., были поставлены на территориях, где жилая застройка возникает во второй половине XI в. Хронологические условности модели (шаг в 50 лет) могут создать впечатление, что упоминания о строитель-

стве храмов отстают от складывания границ жилой застройки на полстолетия, что не отражает действительности. Некий разрыв между возникновением застройки и строительством церквей, вероятно, существовал, но его протяженность можно уточнить лишь при получении новых материалов археологических исследований. Строительство церквей ведется на участках, свободных от жилой застройки, но в непосредственной близости, то есть на её периферии. Именно это и отражает приуроченность ряда храмов к границам полигонов на картограммах.

Новая застройка постепенно заполняет пустые пространства между «языками» ранее освоенных жилых территорий, сформировавшихся вокруг основных транспортных артерий, связывающих город с его ближайшей округой. Строительство внешнего кольца оборонительных сооружений — Окольного города — в 1380-е гг. обозначило границы основной территории Новгорода, завершив формирование городской структуры. В XV столетии усадебная застройка распространялась на новые участки как внутри этих границ, так и вне собственно города, в слободах за пределами городских валов, в первую очередь вдоль дорог, являвшихся продолжением основных новгородских улиц — Пробойных, Прусской, Козмодемьянской. Сохранность слоев XV в. на большей части территории Новгорода неудовлетворительна, а за пределами Окольного города культурные напластования не сохраняют органики, что не позволяет получать точные датировки усадебной застройки. Поэтому динамика развития пригородных территорий может определяться лишь в общих чертах с опорой на традиционные датировочные находки — монеты, сфрагистические материалы, керамику.

Модель территории Новгорода позволяет оценить площадь города на разных этапах его существования, хотя и со значительными допущениями (табл. 1). Любопытно, что в X–XII вв. размер Софийской стороны превышает размеры Торговой; после голода первой половины XIII в. Торговая сторона восстанавливается быстрее⁶, и лишь в XIV столетии занятые застройкой площади становятся приблизительно одинаковыми. Темпы же прироста городской территории схожи для обеих сторон.

⁶ Впрочем, это также может быть результатом разной степени изученности Софийской и Торговой сторон Новгорода.

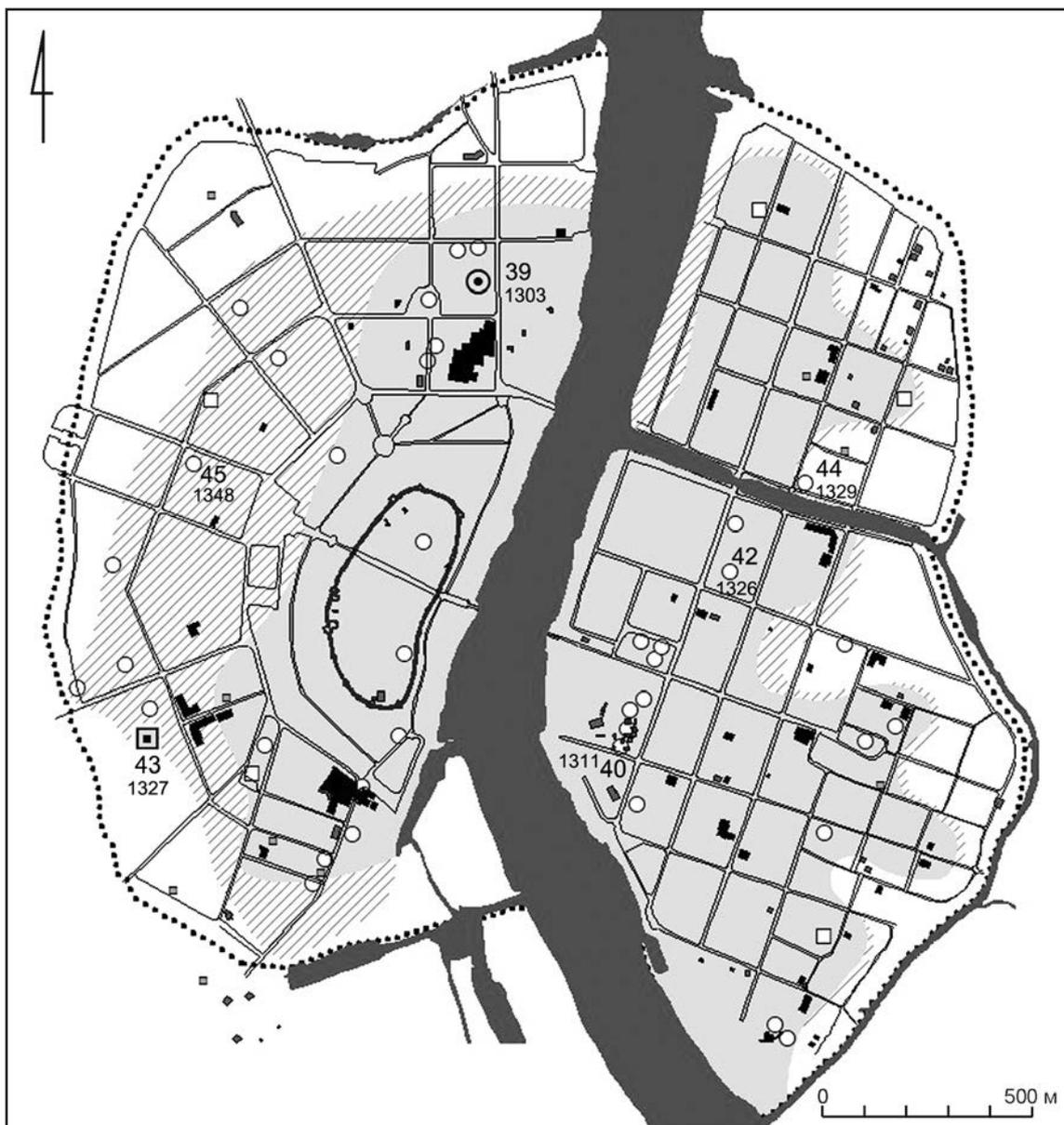

Рис. 9. Модель территории Новгорода в первой половине XIV в. 39 — ц. св. Георгия на Борковой ул., 1303 г.; 40 — ц. св. Прокопия на Торгу, 1311 г.; 42 — ц. св. Климента на Иворове ул., 1326 г.; 43 — ц. Рождества Богородицы в Десятинном монастыре, 1327 г.; 44 — ц. св. Федора Стратилата на Ручью, 1329 г.; 45 — ц. свв. Флора и Лавра на Легощей ул., 1348 г.

Fig. 9. Model of the Novgorod territory in the first half of the 14th century. 39 — Church of St George in Borkova ul., 1303; 40 — Church of St Procopius at Torg, 1311; 42 — Church of St Clement in Ivorova ul., 1326; 43 — Church of the Nativity of the Virgin in Desyatiny Monastery, 1327; 44 — Church of St Theodore Stratelates on the Brook, 1329; 45 — Church of Sts Flor and Lavr in Legoshchaya ul., 1348

Проследив общие направления изменений городской территории Новгорода на протяжении X–XIV столетий, мы наблюдаем не только последовательный рост города, но и определенные периоды регресса и упадка, характеризующиеся запустением и замедлением темпов

строительства, в частности, в первой половине XIII в. Очевидно, что динамика этих изменений определяется комплексом причин: географических, демографических, социально-экономических, политических, требующих дальнейшего изучения. Как показывает опыт авторов, новые

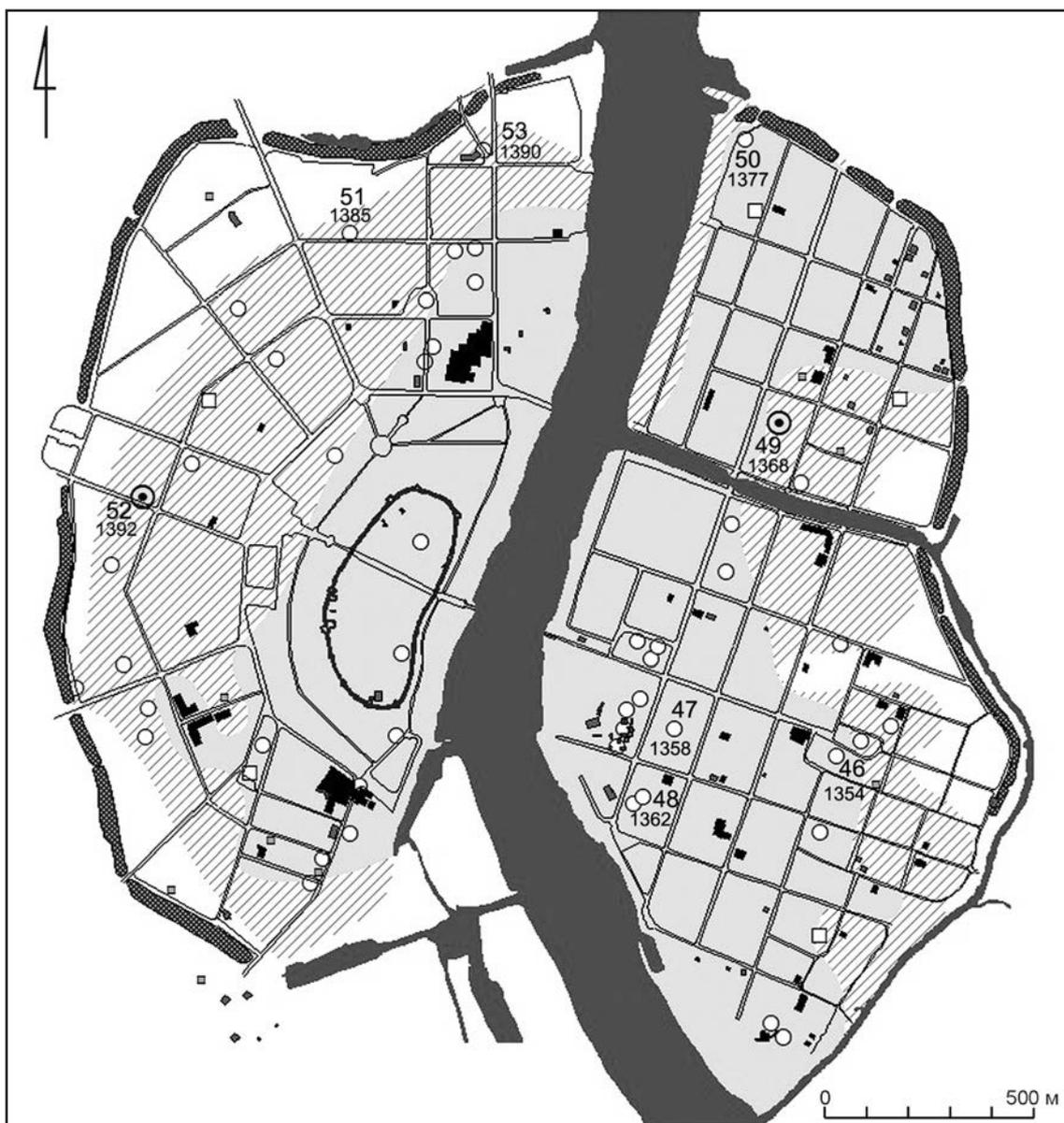

Рис. 10. Модель территории Новгорода во второй половине XIV в. 46 — ц. Знамения Богородицы, 1354 г.; 47 — ц. св. Иоанна у Немецкого двора, 1358 г.; 48 — ц. Благовещения на Михайловой ул., 1362 г.; 49 — ц. св. Никиты мученика на Никитине ул., 1368 г.; 50 — ц. свв. Бориса и Глеба в Плотниках, 1377 г.; 51 — ц. св. Мины на Дослане ул., 1385 г.; 52 — ц. св. Симеона Столпника на Чудинцеве ул., 1392 г.; 53 — ц. св. Дмитрия на Даньславле ул., 1390 г.

Fig. 10. Model of the Novgorod territory in the first half of the 14th century. 46 — Church of Our Lady of the Sign, 1354; 47 — Church of St John near Nemetsky Dvor (German Yard), 1358; 48 — Church of the Annunciation in Mihajlova ul., 1362; 49 — Church of St Nicetas the Martyr in Nikitina ul., 1368; 50 — Church of Sts Boris and Gleb at Plotniki, 1377; 51 — Church of St Mina in Doslana ul., 1385; 52 — Church of St Symeon the Stylite in Chudinceva ul., 1392; 53 — Church of St Demetrius in Dan'slavlya ul., 1390

исследования отчасти подтверждают, но также существенно дополняют и уточняют предложенную модель изменений территории Новгорода: возможно, в дальнейшем удастся сократить «хронологический шаг» модели до четверти столетия.

Накопленные материалы могут использоваться для решения различных вопросов городской топографии, конкретизируя наши знания о развитии Новгорода как крупнейшего городского центра Северной Руси.

Таблица 1. Моделируемая площадь территории Новгорода, га
Table 1. The simulated area of Novgorod, hectares

Период	Софийская сторона	Торговая сторона	Новгород в целом
X в.	49,3	12,6	61,9
Первая половина XI в.	63,3	34,8	98,1
Вторая половина XI в.	91,2	57,2	148,4
Первая половина XII в.	104,2	81,3	185,5
Вторая половина XII в.	110,1	103,2	213,3
Первая половина XIII в.	62,3	106,2	168,5
Вторая половина XIII в.	120	132,3	252,3
Первая половина XIV в.	151,4	142,8	294,2
Вторая половина XIV в.	162,4	178,1	340,5

- Алешковский, 1974* — Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV веков // СА. 1974. № 3. С. 100–111.
- Андриенко, 2013* — Андриенко А. В. Исследования на Алексеевском II раскопе в Новгороде // НиНЗ ИА. Великий Новгород; НГОМЗ, 2013. Вып. 27. С. 40–45.
- Воронова, 1988* — Воронова М. А. Раскопки у Лихудова корпуса в Новгородском кремле // НиНЗ ИА. Новгород: б. и., 1988. Вып. 1. С. 73–75.
- Гайдуков, 1992* — Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: Наука, 1992. 197 с.
- Гайдуков, Олейников, 2012* — Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Археологические исследования на Софийской стороне Великого Новгорода в 2011 г. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2012. Вып. 26. С. 16–21.
- Гайдуков, Олейников, 2013* — Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Археологические исследования на Торговой стороне Новгорода в 2012 г. (Лукинский-2 раскоп) // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2013. Вып. 27. С. 20–30.
- Гайдуков и др., 2001* — Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А. Хронология Троицкого XI раскопа // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2001. Вып. 15. С. 79–81.
- Гайдуков и др., 2014* — Гайдуков П. Г., Тарабардина О. А., Фараджева Н. Н. Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 134–160.
- Гайдуков и др., 2015* — Гайдуков П. Г., Кудрявцев А. А., Олейников О. М., Степанов М. А., Язиков С. В. Исследования в южной части Плотницкого конца Великого Новгорода в 2014 г. (раскоп Рогатицкий-2) // НиНЗ ИА. Великий Новгород; СПб.: Первый ИПХ, 2015. Вып. 29. С. 66–77.
- Дубровин, 2010* — Дубровин Г. Е. Никитский раскоп в Новгороде М.: Памятники ист. мысли, 2010. 336 с.
- Дубровин, Тарабардина, 2004* — Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А. Федоровский раскоп в Новгороде (некоторые итоги) // Новгородские археологические чтения-2. Великий Новгород: б. и., 2004. С. 224–233.
- Колчин, 1963* — Колчин Б. А. Дендрохронология Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Наука, 1963 (МИА; № 117). Т. III. С. 5–103.
- Колчин, Хорошев, 1978* — Колчин Б. А., Хорошев А. С. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 224–233.
- Колчин, Черных, 1978* — Колчин Б. А., Черных Н. Б. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 57–116.
- Колчин, Янин, 1982* — Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред. Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 3–137.
- Куза, 1985* — Куза А. В. Древнерусские города // Древняя Русь: город, замок, село. М.: Наука, 1985 (Археология СССР). С. 51–65.
- Лабутина, 1999* — Лабутина И. К. Псков в XIII веке // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.: Русские словари, 1999. С. 253–264.

- Лабутина, Кулакова*, 2003 — *Лабутина И. К., Кулакова М. И.* Псков в XIII веке (археологические наблюдения по динамике расселения и строительства) // *Русь в XIII веке: Древности темного времени.* М.: Наука, 2003. С. 66–83.
- Носов*, 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука. 1990. 216 с.
- НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
- Олейников*, 2009 — *Олейников О. М.* Работы в северо-восточной части Людина конца Великого Новгорода в 2008 г. (Десятинный I, III, IV раскопы) // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ*, 2009. Вып. 23. С. 36–46.
- Петров*, 2007 — *Петров М. И.* Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Посольский-2006. Развитие застройки участка // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ*, 2007. Вып. 21. С. 24–39.
- Петров*, 2008 — *Петров М. И.* Никольский раскоп 2007 года: характеристика застройки // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ*, 2008. Вып. 22. С. 14–28.
- Петров*, 2009 — *Петров М. И.* Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Посольский-2008 // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ*, 2009. Вып. 23. С. 80–90.
- Петров*, 2010 — *Петров М. И.* Славенский конец средневекового Новгорода: Ильменский раскоп // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ*, 2010. Вып. 24. С. 24–33.
- Петров*, 2011 — *Петров М. И.* Топография средневекового города и географические информационные системы: новые подходы и методики // *АИППЗ.* М.; Псков, 2011. Вып. 56. С. 118–124.
- Петров*, 2013 — *Петров М. И.* Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Никольский-2012 // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ*, 2013. Вып. 27. С. 31–34.
- Петров*, 2015а — *Петров М. И.* Славенский конец средневекового Новгорода: Петропавловский раскоп // *НиНЗ ИА. Великий Новгород; СПб.: Первый ИПХ*, 2015. Вып. 29. С. 129–137.
- Петров*, 2015б — *Петров М. И.* ГИС «Средневековый Новгород»: состав, методы, результаты исследований // *Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании.* 2015. № 1–2. С. 42–49.
- Петров*, 2017 — *Петров М. И.* Археологические исследования 2016 года на раскопе Нутный-IV // *НиНЗ ИА / Отв. ред. Е. Н. Носов. Великий Новгород; СПб: Любавич*, 2017. Вып. 31. С. 20–24.
- Петров, Тарабардина*, 2011 — *Петров М. И., Тарабардина О. А.* Динамика изменений городской территории Новгорода в X–XIV вв. // *АИППЗ. Материалы 57-го заседания.* М.; Псков: ИА РАН, 2011. С. 139–146.
- Петров, Тарабардина*, 2017 — *Петров М. И., Тарабардина О. А.* Моделирование территории Новгорода X–XIV вв. средствами ГИС // *Археология и геоинформатика / Отв. ред. Г. В. Афанасьев, Д. С. Коробов.* Вып. 8. [Электронный ресурс]: CD-ROM. М.: ИА РАН, 2017.
- ПСРЛ, 1879. Т. III — Полное собрание русских летописей. Т. III: Новгородская вторая летопись. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1879. 628 с.
- ПСРЛ, 2000. Т. IV — Полное собрание русских летописей. Т. IV: Новгородская четвертая летопись. М.: ЯРК, 2000. 728 с.
- Родионова*, 2016 — *Родионова М. А.* Археологические исследования в Плотницком конце Великого Новгорода в 2014–2015 гг. (раскопы на пер. Красном, 13 и ул. Черемнова/Конюхова, 19/11) // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ*, 2016. Вып. 30. С. 249–261.
- Степанов*, 2008 — *Степанов А. М.* Исследования на Алексеевском раскопе // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ*, 2008. Вып. 22. С. 29–32.
- Степанов и др.*, 2004 — *Степанов А. М., Соловьев Д. И., Тихонов П. И.* Андреевский II раскоп в Новгороде: стратиграфия, хронология и характеристика усадебной застройки // *Новгородские археологические чтения-2. Великий Новгород*, 2004. С. 280–288.
- Степанов и др.*, 2006 — *Степанов А. М., Петров М. И., Тарабардина О. А., Покровская Л. В.* Исследования на Козмодемьянском II раскопе в Новгороде // *НиНЗ ИА. Великий Новгород*, 2006. Вып. 20. С. 16–26.
- Степанов и др.*, 2009 — *Степанов А. М., Павлов Г. Ю., Шуреев А. В., Тянина Е. А., Покровская Л. В.* Исследования на Борисоглебском раскопе в Великом Новгороде // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ*, 2009. Вып. 23. С. 62–79.
- Тарабардина*, 2004 — *Тарабардина О. А.* Посольский раскоп 1999 г. в Новгороде: стратиграфия, хронология, атрибуция комплексов // *Новгородские археологические чтения-2. Великий Новгород: б. и.*, 2004. С. 234–245.

- Тарабардина, 2007* — Тарабардина О. А. Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991–2005 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
- Тарабардина, 2009* — Тарабардина О. А. Динамика строительства в средневековом Новгороде в свете данных дендрохронологических исследований 1995–2007 гг. // Хорошие дни... Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М.: ООО «ЛеопАрт», 2009. С. 534–546.
- Тарабардина, 2010* — Тарабардина О. А. Динамика строительства в средневековом Новгороде в свете данных дендрохронологических исследований // III Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 33–44.
- Трояновский, 2000* — Трояновский С. В. Раскоп на Добрыне улице // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2000. Вып. 14. С. 10–20.
- Трояновский и др., 1997* — Трояновский С. В., Корчагина Л. А., Стеценко Н. К. Раскопки на Владычном дворе новгородского Кремля // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1997. Вып. 11. С. 12–19.
- Фараджева, 2009* — Фараджева Н. Н. Археологические исследования на Десятинном II раскопе в 2008 г. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2009. Вып. 23. С. 46–60.
- Фараджева и др., 2016* — Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г. Улицы Людина конца средневекового Новгорода: задачи, проблемы и методика исследования // КСИА. 2016. Вып. 245. С. 7–21.
- Хорошев, 1978* — Хорошев А. С. Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 174–196.
- Янин, 1977* — Янин В. Л. Устав князя Ярослава о мостех // Очерки комплексного источниковедения. М.: Высшая школа, 1977. С. 91–123.

Novgorod in 10th–14th centuries: city area evolution

M. I. Petrov, O. A. Tarabardina

The article devoted to development of medieval Novgorod in 10th–14th centuries. Main aim of research was dynamics of spatial changes of medieval city using archaeological data and GIS-techniques for modeling and mapping of this process and dendrochronology as source of chronological boundaries. Chronology of constructions of each archaeological site became a source for housing distribution maps with an interval of 50 years. Medieval churches (both lost and survived) were also mapped as additional markers of city area development.

These maps allowed tracing evolution of Novgorod territory through five centuries discovering not only permanent growth of city area but certain times of decline. The earliest city housing gravitated to the banks of Volkhov river. During 11th–12th centuries city area grew in various directions, mainly around communication routes which connected the city with its surroundings. The most dynamic city growth took place during 12th century. During 1st half of the 13th century this positive tendency was changed with short time of decline reasoned by hunger and diseases in 1215 and 1230–1231. New city growth started in the middle of the 13th century: city area increased because of sharp influx of new population. 14th century marked by successive city growth. Outer fortification line — Okol'nyj gorod — was built during 1380s and finally outer borders of city area.

This research resulted with five-century picture of city area evolution with phases of city growth along with time of decline in the first half of the 13th century. Data of research allows to estimate size of city area during different stages of its existence and could be used for various questions of city topography concretizing our knowledge of development of Novgorod as the largest city of Northern Rus'.

Привески-лунницы с Троицкого раскопа (хронология)¹

Л. В. Покровская²

Аннотация. В хронологическом распространении лунниц, найденных на Троицком раскопе (32 экз.), хорошо прослеживается первый период их бытования (X — первая половина XI в.), который подтверждается неревскими материалами. Хронологическая лакуна второй половины XI в. предполагает, во-первых, сакральное значение привесок-лунниц как языческих амулетов в первом периоде, а во-вторых, вероятную утрату их первоначального значения к началу XII в. Можно предположить, что уже в конце XII — начале XIII в. они могли восприниматься городским населением как христианские амулеты и были связаны с культом Богородицы.

Annotation. In the chronological distribution of the lunate objects found at the Troitsky (32). Excavation, the first period of their use (10th — first half of the 11th century) is well traceable and substantiated through Nerevsky finds. The chronological lacuna of the second half of the 11th century suggests, firstly, the sacral significance of lunate pendants as heathen amulets in the earliest period and, secondly, the possible loss of their sacral meaning by the early 12th century. Perhaps, since the 12th century, lunate pendants became ordinary female ornaments having lost their sacral function. As it seems, already as early as in the late 12th — beginning of the 13th century, they were possibly considered by the urban residents as Christian amulets and were connected with the cult of the Mother of God.

Ключевые слова: средневековый Новгород, археология, Людин конец, Троицкий раскоп, привески-лунницы, систематизация, хронология, семантика.

Keywords: mediaeval Novgorod, archaeology, Lyudin Konets, Troitsky Excavation, lunate pendants, systematization, chronology, semantics.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-152-159

Археологическое изучение средневекового Людина конца на Троицком раскопе было начато в 1973 г. и продолжается до сих пор. Здесь открыт целый квартал средневекового Новгорода с улицами Пробойной, Черницыной, Рядятиной и прилегающими к ним усадьбам (рис. 1). В настоящее время полностью раскопана площадь более 7000 кв. м. Возможность достаточно точного датирования новгородских материалов, полученных в процессе археологических работ, а также их изучение на больших площадях в широком хронологическом диапазоне (с X по XIV в.), делают

выборку предметов, найденных на Троицком раскопе, достаточно представительной. Это, в свою очередь, позволяет объективно оценивать динамику распространения разнообразных категорий, групп и типов вещей в новгородском культурном слое. Кроме того, археологические исследования на Троицком раскопе в XXI в. существенно дополнили новгородскую вещевую коллекцию, что позволяет по-новому рассматривать некоторые, казалось бы, уже изученные вопросы. Среди предметов, количество которых значительно увеличилось, благодаря археологическим работам на Троицком раскопе, — лунницы (32 экз.).

Изучению древнерусских лунниц уже более 100 лет, а проблемы их типологии, периодизации, происхождения и семантики обсуждаются до сих пор. Классификация лунниц, разработанная В. В. Гольмстен в 1914 г. (Гольмстен, 1914. С. 90), актуальна и в настоящее время. По соотношению

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00372А «Археологические исследования Людина конца средневекового Новгорода»).

² Кафедра археологии, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, кор. 4, г. Москва, 119192, Россия.

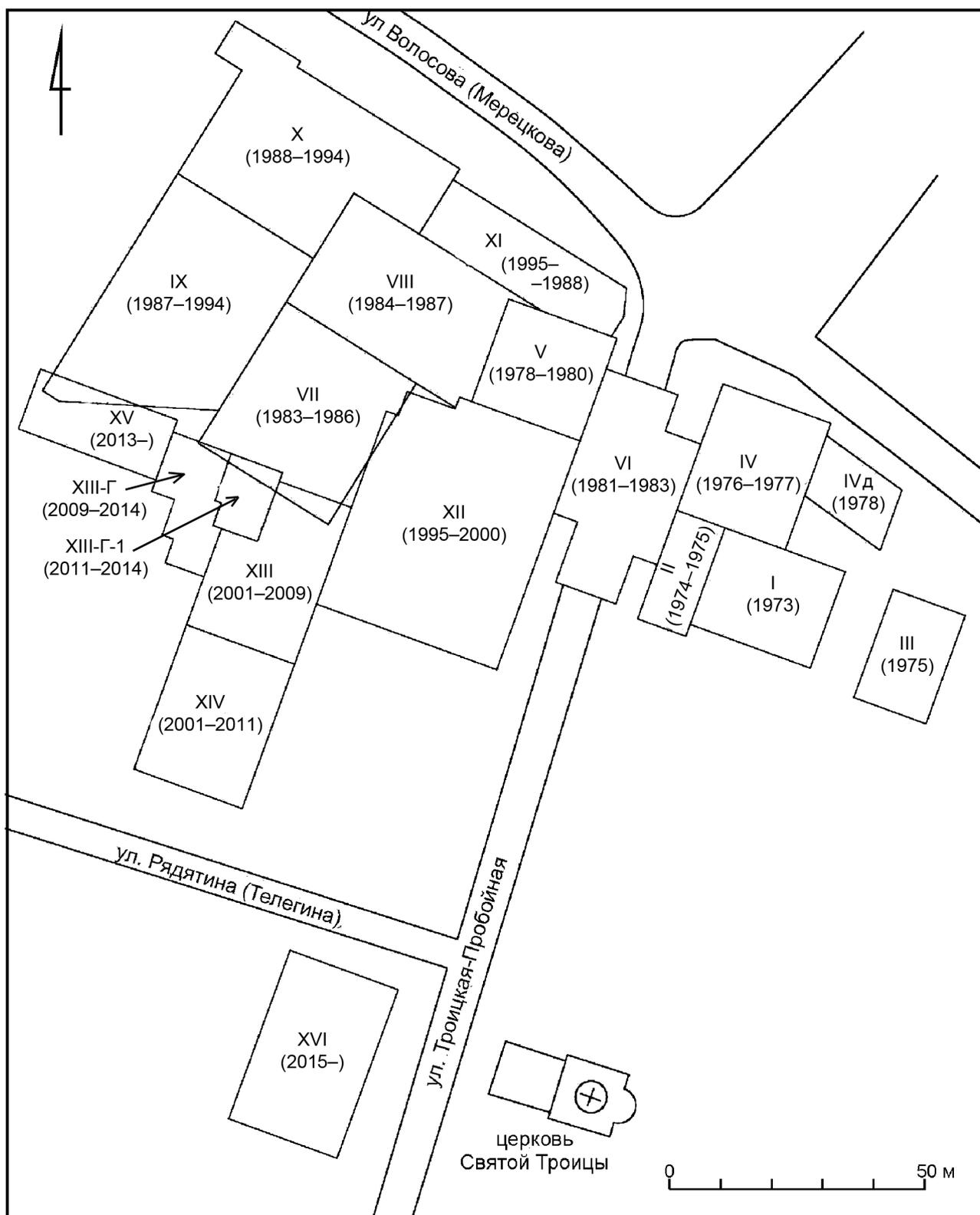

Рис. 1. Новгород Великий. Троицкий раскоп. Ситуационный план
Fig. 1. Novgorod. Troitsky Excavation. Situational plan

длины средней горизонтальной линии к расстоянию между рогами лунницы были разделены на следующие: ширококорогие, узкорогие или круторогие, замкнутые. Кроме того, по форме «рожек» был выделен тип «остророгих» лунниц, а также варианты, вынесенные в отдельные типы (прорезные, включенные, крещатые и т. п.). По размерам лунницы были разделены на большие, средние и малые (*Там же*, 1914. Рис. 4, 11, 13, 17, 19, 20, 24). По археологическим материалам Новгорода время бытования древнерусских замкнутых и круторогих лунниц было продлено до XIII в. (*Седова*, 1981. С. 24–26). На то, что распространение ширококорогих лунниц ограничивается XI в. и в этот период их заменяют узкорогие, указывала А. В. Успенская (*Успенская*, 1967. С. 99–105). Семантика лунниц рассматривалась в ряде работ и до сих пор вызывает дискуссии (*Хаймако*, 2008. С. 319–338). В настоящее время наиболее распространенным остается мнение о том, что лунницы были типичным славянским украшением и символизировали луну (*Седова*, 1981. С. 23; *Седов*, 1995. С. 112–116).

В Новгороде, в том числе и на Троицком раскопе, есть ширококорогие, круторогие, замкнутые лунницы и их варианты. В основном они изготовлены из бронзы и свинцово-оловянистого сплава, однако есть серебряные и золотые (миниатюрные привески к рясам) экземпляры (*Седова*, 1981. С. 17, 23–26). Всего на Троицком раскопе собрано 29 хорошо датированных привесок-лунниц. Кроме того, здесь найдено три лунницевидных предмета без орнамента, без ушка или отверстия для привешивания. На Неревском раскопе лунниц почти в три раза меньше (12 экз. и один лунницевидный предмет), а на других раскопах их количество не превышает одного-двух экземпляров. Возможно, такое увеличение находок привесок-лунниц на Троицком раскопе связано с тем, что здесь обнаружены каменные литейные формы, в которых они изготавливались, и следы ювелирного производства (*Енисова и др.*, 2011. С. 139–140). Кроме того следует отметить, что время их бытования, благодаря археологическим исследованиям на Троицком раскопе, расширилось с первой половины X в. (4 экз.) до первой половины XIV в. (3 экз.).

X век (5 экз.). Круторогая привеска-лунница (рис. 2, 2) из слоев второй четверти X в. происходит с Троицкого X раскопа (предматерик, кв. 1049), где самые ранние слои датируются 30-ми гг. X в. (*Фараджева и др.*, 2013. С. 131–133). К середине столетия относятся три ширококорогие лунницы,

найденные на Троицком XIII раскопе (участок Г1, рис. 1) (пл. 18, кв. 1852; пл. 17, кв. 1822 (2 экз., рис. 2, 4, 5)). Здесь, так же как и на Троицком X раскопе, есть слои 30-х гг. X в. (*Янин и др.*, 2015. С. 56). Во второй половине X в. на Троицком раскопе найдена круторогая лунница (пл. 27, кв. 418; рис. 2, 1). По неревским материалам к X в. относятся находки четырех ширококорогих лунниц, причем одна из них найдена в составе остатков ожерелья из глазчатых бус (*Седова*, 1981. С. 24; рис. 6, 6).

XI век (5 экз.). В первой половине XI в. на Троицком раскопе найдены три лунницы. Ширококорогие (пл. 18, кв. 1714; рис. 2, 3), круторогие (пл. 16–17, отвал Троицкого XIII раскопа 2008 г., пл. 15, кв. 1810) и один лунницевидный предмет (пл. 19, кв. 417). В слоях второй половины XI в. — одна круторогая лунница (пл. 14, кв. 1609; рис. 2, 6).

XII в. (9 экз.). В слое первой половины XII в. на Троицком раскопе обнаружено пять лунниц. Круторогие: крестовключенная (пл. 13, кв. 1795; рис. 2, 7), малая (пл. 11, отвал Троицкого XIV раскопа 2005 г.), обломанная (пл. 10, кв. 1781); ширококорогая (пл. 12–13, отвал Троицкого XIV 2006 г.; рис. 2, 8); одна обломанная неустановленного типа (пл. 9, кв. 1842; рис. 2, 12). В слое второй половины XII в. — три круторогие лунницы: первая — пл. 9, кв. 1254; рис. 2, 11; вторая — с перепонкой, на которую надеты кольца (пл. 8, кв. 1831; рис. 2, 9); третья — с эмалевой вставкой (?) (пл. 7, кв. 1856; рис. 2, 10) и лунницевидный предмет (пл. 12, кв. 420).

На Неревском раскопе в слоях первой половины XI в. и первой половины XII в. лунниц нет, а из слоев середины XI в. происходит одна круторогая лунница (*Там же*, 1981. С. 24).

XIII век (10 экз.). К первой половине XIII в. на Троицком раскопе относятся находки пяти лунниц. Круторогая с включением в виде шарика (пл. 5, кв. 1813; рис. 2, 13), круторогая миниатюрная (пл. 8, кв. 177), замкнутая (пл. 8–10, северная траншея Троицкого IV раскопа) и два обломка неустановленного типа, возможно, круторогие (пл. 4, кв. 1836, пл. 4, кв. 1859; рис. 2, 15). В слоях второй половины XIII в. на Троицком раскопе обнаружены три круторогие лунницы (пл. 4, кв. 1090; рис. 2, 14; пл. 1, кв. 937; пл. +1, кв. 1912; рис. 2, 16); одна замкнутая лунница (пл. 1, кв. 937) и лунницевидный предмет (пл. 6, кв. 90). На Неревском раскопе в слоях XIII в. обнаружено шесть лунниц: две круторогие, три замкнутые и лунницевидный предмет (*Там же*, 1981. С. 24–26).

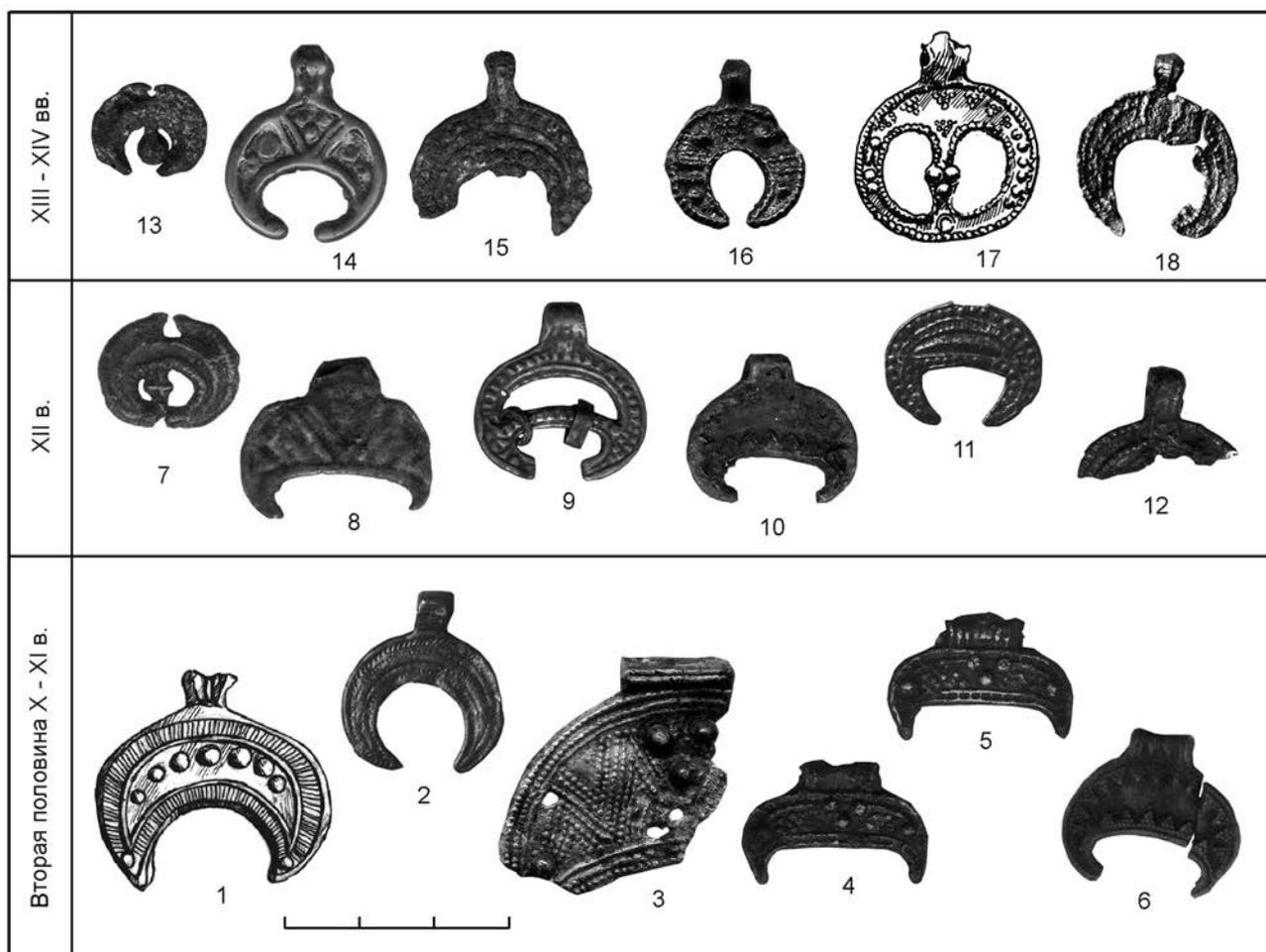

Рис. 2. Привески-лунницы с Троицкого раскопа: 1–6 — вторая половина X — XI в.: 1 — пл. 27, кв. 418; 2 — предматерик, кв. 1049; 3 — пл. 18, кв. 1714; 4 — пл. 17, кв. 1822, пол. № 137; 5 — пл. 17, кв. 1822, пол. № 138; 6 — пл. 14, кв. 1609; 7–12 — XII в.: 7 — пл. 13, кв. 1795; 8 — пл. 12–13, отвал Троицкого XIV 2006 г. (конец XI — начало XII в.); 9 — пл. 8, кв. 1831; 10 — пл. 7, кв. 1856; 11 — пл. 9, кв. 1254; 12 — пл. 9, кв. 1842; 13–18 — XIII–XIV вв.: 13 — пл. 5, кв. 1813; 14 — пл. 4, кв. 1090; 15 — пл. 4, кв. 1859; 16 — пл. +1, кв. 1912; 17 — пл. +2, кв. 926; 18 — пл. 1, кв. 1228

Fig. 2. Lunate pendants from the Troitsky excavation: 1–6 — the 2nd half of the 10th — 11th cen.: 1 — stratum 27, sq. 418; 2 — stratum nearest to the virgin soil, sq. 1049; 3 — stratum 18, sq. 1714; 4 — stratum 17, sq. 1822, field inv. no. 137; 5 — stratum 17, sq. 1822, field inv. no. 138; 6 — stratum 14, sq. 1609; 7–12 — 12th cen.: 7 — stratum 13, sq. 1795; 8 — stratum 12–13, earthen spoil from Troitsky XIV of 2006 (late 11th — early 12th cen.); 9 — stratum 8, sq. 1831; 10 — stratum 7, sq. 856; 11 — stratum 9, sq. 1254; 12 — stratum 9, sq. 1842; 13–18 — 13th–14th cen.: 13 — stratum 5, sq. 1813; 14 — stratum 4, sq. 1090; 15 — stratum 4, sq. 1859; 16 — stratum +1, sq. 1912; 17 — stratum +2, sq. 926; 18 — stratum 1, sq. 1228

XIV в. (3 экз.). К слою первой половины XIV в. относятся находки одной круторогой лунницы (пл. 1, кв. 1228; рис. 2, 18) и двух замкнутых (пл. +2, кв. 926; рис. 2, 17; пл. +1/+2, кв. 926). На Неревском раскопе время бытования лунниц ограничивается серединой XIII в. (Там же, 1981. С. 24–26).

График хронологического распределения (рис. 3) привесок-лунниц, найденных на Троицком раскопе, демонстрирует некоторые особенности их распространения в этой части Людина конца средневекового Новгорода, а привлечение

материалов Неревского раскопа позволяет выявить закономерности их бытования в Новгороде.

Привески-лунницы появляются вместе с первопоселенцами, заселившими район средневекового Людина конца, открытый в процессе археологических исследований на Троицком раскопе. Аналогичная картина прослеживается и на Неревском раскопе, где самые ранние лунницы датируются серединой X в. (Там же, 1981. С. 24). Поэтому, видимо, у населения, основавшего Новгород, привески-лунницы уже использовались

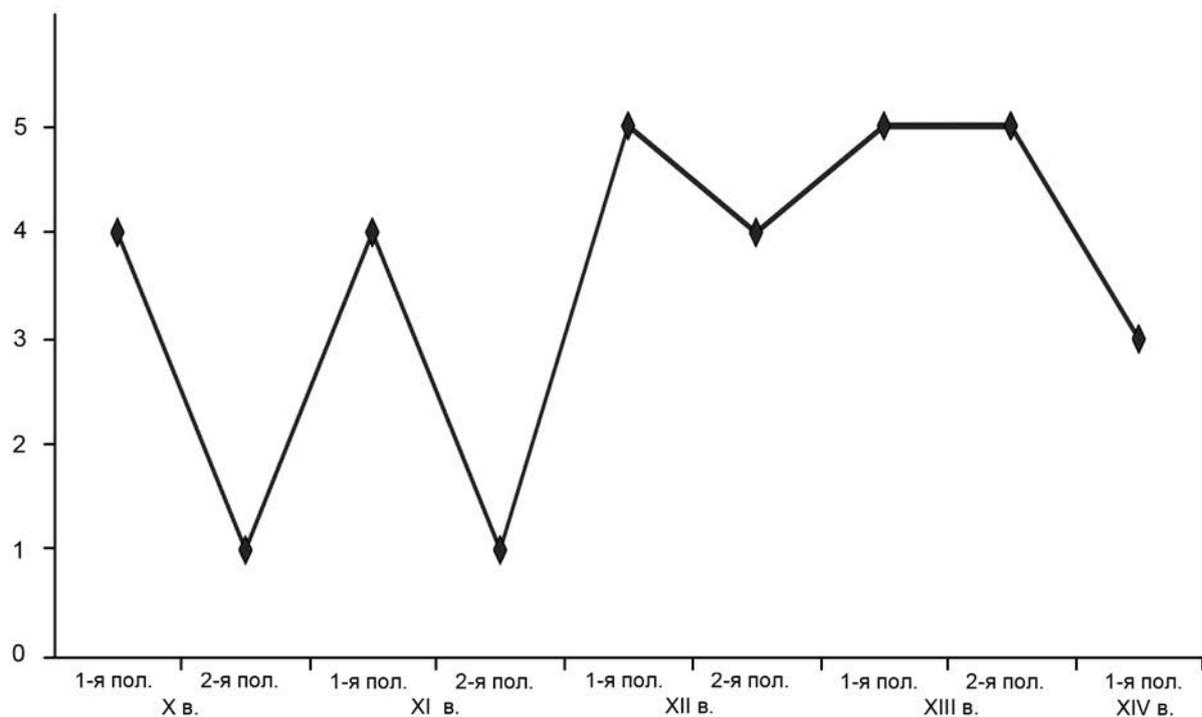

Рис. 3. График хронологического распределения привесок-лунниц, найденных на Троицком раскопе
 Fig. 3. A graph of the chronological distribution of the lunate pendants, found on the Troitsky excavation

в женском уборе, сложение которого выходит за рамки изучаемого периода. Практически все лунницы первой половины X в., кроме одной (рис. 2, 2), — ширококорогие. Ко второй половине столетия относится находка только одной круторогой лунницы (рис. 2, 1). Поэтому можно предположить, что ширококорогие лунницы использовались в уборе только первопоселенцев, и в дальнейшем этот тип лунниц не получает развития в городской среде. Находки в слое первой половины XI в. (рис. 2, 3) и первой половины XII в. ширококорогих лунниц (рис. 2, 8), возможно, объясняются переживанием некоторых предметов времени их бытования на довольно длительный срок. Датированные находки лунницевидных предметов с Рюрикова городища (Дорофеева, 2018. С. 40–43) органично вписываются в этот период бытования лунниц в Новгороде (рис. 3).

Следующий пик распространения привесок-лунниц на усадьбах, открытых в процессе археологических исследований на Троицком раскопе, относится к первой половине XI в. (рис. 3). Возможно, здесь прослеживается разрыв традиции в использовании в женском уборе ширококорогих лунниц и включение в городской убор круторогих. На Неревском раскопе единственная лунница

середины XI в. относится к переходному типу от ширококорогих к круторогим (Седова, 1981. С. 24, рис. 6, 2).

Во второй половине XI в. на Троицком раскопе прослеживается хронологическая лакуна в распространении привесок-лунниц (рис. 3). К этому периоду относится одна находка круторогой лунницы, которая органично вписывается в предыдущий период их бытования. Та же картина наблюдается и по неревским материалам, где после середины XI в. привески-лунницы появляются не ранее рубежа XII — XIII вв. (Там же, 1981. С. 24). Поэтому можно предположить, что в средневековых районах Людина и Неревского концов, открытых на Троицком и Неревском раскопах, происходит разрыв традиции в использовании лунниц в городском женском уборе, что, видимо, подразумевает их сакральное значение. В динамике распространения тех типов украшений, которые сопоставимы по количеству с привесками-лунницами, прослеживаются совершенно иные закономерности. Их количество либо увеличивается с течением времени, либо они бытуют непродолжительный хронологический период (Седова, 1981. С. 186–192; Покровская, 2004. С. 151–160). Эти факты, на мой взгляд, позволяют

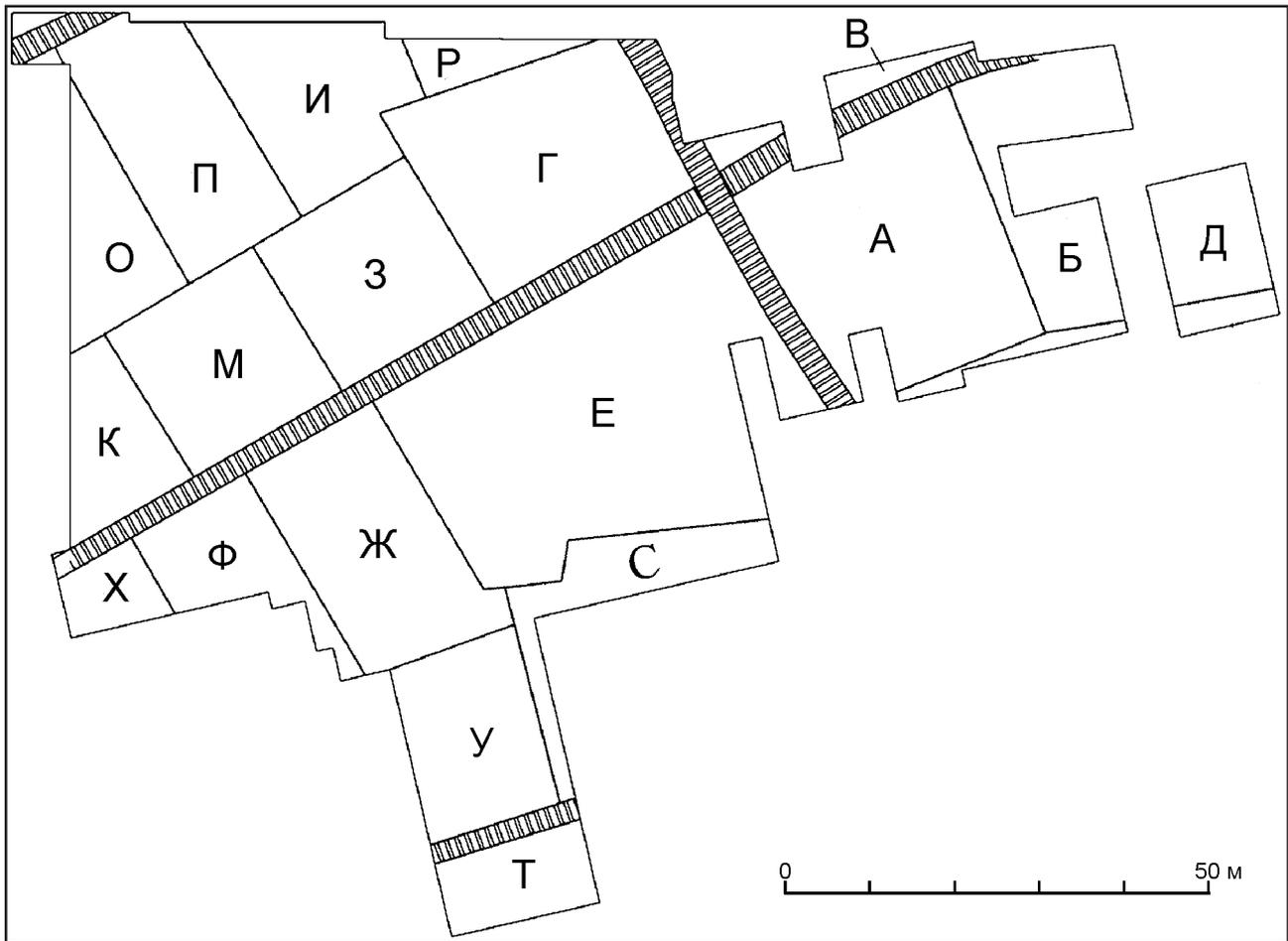

Рис. 4. Схема Троицкого раскопа с усадьбами

Fig. 4. Schematic plan of the Troitsky excavation with the properties marked

интерпретировать ранние лунницы как языческие амулеты, а не как обычное женское украшение (Дорофеева, 2018. С. 42; Хаймако, 2008. С. 334).

Следующий пик распространения в городских культурных напластованиях лунниц на Троицком раскопе датируется первой половиной XII в., и до первой половины XIV в. они распределяются достаточно равномерно (рис. 3). На Неревском раскопе, как уже было сказано выше, этот период ограничивается концом XII — третьей четвертью XIII в. Увеличение количества привесок-лунниц (5 экз.) в слоях первой половины XII в. связано с археологическими исследованиями на Троицких XIII и XIV раскопах (рис. 1). Их появление здесь, вероятно, можно считать особенностью женского убора жительниц усадеб, открытых в южной части Троицкого раскопа (рис. 4), а о характере этой специфики можно судить только при комплексном изучении этих усадеб. Привески-лунницы, найденные в слоях самого начала XIV в., проис-

ходят с усадеб «Е» (Троицкий XII раскоп — 1 экз.) и «К» (Троицкий IX раскоп — 2 экз.). С усадьбы «К», расположенной в западной части раскопа и открытой частично, в слоях конца XIII в. найдено еще две привески-лунницы. Это позволяет предполагать, что они составляют единый комплекс с лунницами начала XIV в. (рис. 4).

До начала XIII в. часть Людина конца, исследованная на Троицком раскопе, была окраиной аристократического района и принадлежала боярскому клану Мирошки Нездинича (Хорошев, 1994. С. 54–66). Результатом политической борьбы двух боярских кланов Людина конца (боярского клана Прусской улицы — Михалковичей — и боярского клана Нездиничей-Мирошкиничей) стала победа прушан в начале XIII в. и разорение городских владений Мирошкиничей (НПЛ, 1950. С. 51, 248). В первой четверти XIII в. территория, принадлежащая боярскому клану Мирошкиничей, видимо, передается новым поселенцам.

В это время усадьбы значительно уменьшаются по площади, отмечается заметное обеднение вещевого комплекса (Хорошев, 1994. С. 54–66). Можно предположить, что новое население «троицких» усадеб (или какая-то его часть) переселилось сюда с северо-западных окраин Новгородских земель. В этот период весь набор женских украшений, найденных на Троицком раскопе более «провинциален», чем неревский (Покровская, 2007. С. 47–51). И, видимо, с этим связано столь длительное бытование привесок-лунниц в этой части средневекового Людина конца.

Таким образом, в хронологическом распространении лунниц на двух крупнейших новгородских раскопах хорошо прослеживается первый этап их бытования, который датируется самым ранним периодом существования Новгорода. Хронологическая лагуна второй половины XI в. предполагает, во-первых, сакральное значение привесок-лунниц как языческих амулетов, а во-вторых, утрату их первоначального значения в начале XII в. (рис. 3). Рамки хронологического распространения привесок-лунниц существенно расширились в результате археологических исследований на Троицком раскопе, что, возможно, объясняется некоторыми особенностями женского убора этой части Людина конца. Возможно, с XII в. привески-лунницы становятся обычным женским украшением и утрачивают свою сакральную функцию. Однако, на мой взгляд, нельзя не остановиться на гипотезе, которая предлагает считать лунницы христианским оберегом и связывать их с культом Девы Марии (Хаймако,

2008. С. 334). Так, например, в погребениях Которска и Раглицы второй половины XII в. лунницы были обнаружены в комплексе с нательными иконками Успения Богородицы и Спаса (Мусин, 2002. С. 87). Кроме того, предположение о связи лунниц с культом Богородицы обосновывается на привлечении поздних католических иконографических сюжетов, которые, в том числе, фиксируются в западноукраинской иконографии XVII–XVIII вв. (Бланкофф, 1992. С. 26; Пивоваров, 2006. С. 230–231). Думаю, что можно предложить более близкие и ранние аналогии, демонстрирующие связь лунничных украшений с культом Богородицы, например, золотые рясы с привесками-лунницами с неизвестной иконы Богоматери XIV в. из Музеев Московского Кремля (Стерлигова, 2018. С. 222, рис. 8). Золотые привески к рясам с лунницами известны на Неревском, Ильинском, Михайловском (Седова, 1981. С. 14–18, рис. 4, 1–4) и Троицком (пл. 8, кв. 177) раскопах. Кроме того, на Троицком раскопе зафиксированы две миниатюрные привески-лунницы из свинцово-оловянистого сплава (пл. 11, отвал Троицкого XIV раскопа 2005 г., пл. 1, кв. 937), которые также могли быть деталями рясы. Можно предположить, что переосмысление языческого сакрального значения лунниц как женского оберега происходит в Новгороде не ранее первой половины XII в. Однако исследование процесса религиозного синкретизма в древнерусском городе выходит за рамки изучения археологических материалов, полученных в результате работ только в одной части города.

Бланкофф, 1992 — Бланкофф Ж. Языческие пережитки в женских украшениях Древней Руси // 1000 років Чернігівській єпархії. Чернігів: Сіверянська думка, 1992. С. 26–30.

Гольмстен, 1914 — Гольмстен В. В. Лунницы Исторического музея // Отчет Исторического музея за 1913 год. М.: Синод. тип., 1914. С. 1–20.

Ениосова и др., 2011 — Ениосова Н. В., Покровская Л. В., Сингх В. К., Тарабардина О. А. Ювелирные мастерские Людина конца средневекового Новгорода // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.: ИИМК РАН, 2011. Т. 2. С. 139–140.

Дорофеева, 2018 — Дорофеева Т. С. Лунницы Рюрикова городища // Нескончаемое лето: Сб. ст. в честь Елены Александровны Рыбиной. М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2018. С. 40–43.

Мусин, 2002 — Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 269 с.

НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.

Пивоваров, 2006 — Пивоваров С. В. Середньовічне населення межиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра (XI — перша половина XIII ст.). Чернівці: Зелена Буковина, 2006. 299 с.

Покровская, 2004 — Покровская Л. В. Ювелирные украшения Людина конца средневекового Новгорода: хронология (по материалам Троицкого раскопа) // Вторые Новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф., посв. 70-летию

- археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения А. В. Арциховского. Великий Новгород: Тип. «Новгород», 2004. С. 151–160.
- Покровская, 2007* — *Покровская Л. В.* Ювелирные украшения Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // *Вестник РГНФ*. М.: б. и., 2007. Т. 3, № 48. С. 36–51.
- Седов, 1995* — *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М.: ИА РАН, 1995. 416 с.
- Седова, 1981* — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. 195 с.
- Стерлигова, 2018* — *Стерлигова И. А.* Новгородский след древнерусских золотых ряс // *Нескончаемое лето: Сб. ст. в честь Елены Александровны Рыбиной*. М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2018. С. 219–223.
- Успенская, 1967* — *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески // *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* М.: Советская Россия, 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43). Вып. 3. С. 99–105.
- Фараджева и др., 2013* — *Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.* Усадьба «И» Ярышевой улицы Троицкого раскопа. Топография, стратиграфия, хронология // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2013. Вып. 27. С. 127–140.*
- Хаймако, 2008* — *Хаймако Н.* Древнерусские лунницы XI–XIII вв.: проблема происхождения // *Наукові записки з Української історії: збірник наукових статей. Переяслав-Хмельницький: Золоті литаври, 2008. Вип. 20. С. 319–338.*
- Хорошев, 1994* — *Хорошев А. С.* Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадебная «А») // [Первые] Новгородские археологические чтения. Новгород: б. и., 1994. С. 54–66.
- Янин и др., 2015* — *Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А.* Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2014 г. (Троицкие раскопы: XIII-Г, Г-1 и XV) // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: Первый ИПХ, 2015. Вып. 29. С. 51–65.*

Lunate pendants from the Troitsky Excavation (chronology)

L. V. Pokrovskaya

Due to the possibility of a fairly exact dating of Novgorod archaeological materials, as well as their study over large areas and a wide chronological range (from the 10th to 14th century), the sample of finds from the Troitsky Excavation becomes a fairly representative one, enabling us to define the chronological regularities in their distribution throughout the cultural layer. Totally twenty eight lunate pendants and three lunula-like ornaments reliably dated to within half a century have been collected from the Troitsky Excavation. In the chronological distribution of the lunate objects found at the Troitsky Excavation, the first period of their use (10th — first half of the 11th century) is well traceable and substantiated through Nerevsky finds. The chronological lacuna of the second half of the 11th century suggests, firstly, the sacral significance of lunate pendants as heathen amulets in the earliest period and, secondly, the possible loss of their sacral meaning by the early 12th century. Perhaps, since the 12th century, lunate pendants became ordinary female ornaments having lost their sacral function. As it seems, already as early as in the late 12th — beginning of the 13th century, they were possibly considered by the urban residents as Christian amulets and were connected with the cult of the Mother of God. However, an investigation of the process of the religious syncretism in Old-Russian town is beyond the frame of studies of archaeological evidence obtained only in a single part of the city.

Археологическое изучение Новгородского кремля: проблемы, гипотезы, доказательства

М. А. Родионова¹

Аннотация. Цель этой статьи — обозначить имеющиеся на сегодняшний день наиболее значимые проблемы и гипотезы относительно археологического изучения Новгородского кремля (исходя из современного состояния источниковедческой базы) и определить принципиальные вопросы для будущих исследований кремля, касающихся, в первую очередь, его ранней истории.

Annotation. The goal of the present article is to indicate the most significant current problems and hypotheses concerned with archaeological investigations of the Novgorod Kremlin (considering the present state of the source study base) and to define principal problems for future investigations concerned primarily with its early history.

Ключевые слова: Новгородский кремль, христианский центр, Софийский собор, княжеская резиденция, крепостные сооружения.

Keywords: Novgorod Kremlin, Christian centre, St Sophia cathedral, princely residence, defensive installations.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-160-172

Кремль (детинец) занимает особое место в истории средневекового Новгорода. Он неразделимо связан и с проблемой происхождения города, и со всеми дальнейшими этапами его развития. Появление детинца в качестве внутренней городской крепости (цитадели) явилось завершающим шагом в процессе формирования городского центра на берегах Волхова. В последующие периоды наряду с ростом и развитием города происходила трансформация укрепленного ядра детинца, который превратился в градообразующую структуру, став его топографическим, административным, религиозным, культурным, военно-оборонительным центром и представляя собой нераздельный комплекс фортификационных, церковных и гражданских сооружений.

Археологическое изучение Новгородского кремля продолжается на протяжении уже более ста лет, начиная с первых попыток проникновения

в его культурные напластования, предпринятых в последней четверти XIX в. Н. Г. Богословским и В. С. Передольским. Однако за это время исследована незначительная часть кремлевской территории. Большая часть этих исследований имела разведочный или охранный характер, они велись малыми площадями и были связаны, в основном, с реставрацией памятников архитектуры и строительной деятельностью по прокладке инженерных коммуникаций. В сопоставлении с изученностью городской территории Новгорода, раскопки которой ведутся уже более 80 лет и в результате чего накоплен огромный материал для изучения истории города (многие темы и вопросы изучены достаточно широко), следует констатировать, что кремль не подвергался такому систематическому исследованию.

Кремль — разновременный и многослойный памятник архитектуры и археологии. В состав этого комплекса входят культурные отложения, остатки архитектурных, фортификационных, инженерно-хозяйственных сооружений, вещевой материал, а также все иные следы человеческой деятельности. Многократные перестройки укреплений, различные планировочные работы,

¹ Центр по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (ЦОАИ НГОМЗ); ул. Ильина, д. 26, Знаменское подворье, г. Великий Новгород, 173000, Россия.

строительство каменных построек донесли до нас сложную стратиграфическую картину, значительно повлиявшую на характер археологического материала с территории кремля, который существенно отличается от того, что происходит из раскопок в других частях Новгорода. В первую очередь, это касается как состава культурных отложений, так и их мощности, которые не всегда соответствуют классическому описанию новгородского культурного слоя.

Степень изученности составляющих частей кремлевского комплекса (архитектурные объекты, фортификации, культурные отложения) различна. В большей степени археологически исследованы стены и башни каменного детинца и отдельные памятники архитектуры, что было связано с практическими реставрационными задачами, особенно в период научной реставрации кремля, впервые проводившейся в 1950–1960-е гг. Значительно меньше исследованы укрепления деревянного детинца и культурные отложения на внутренней территории кремля.

Указанные обстоятельства — неравномерная археологическая изученность различных объектов кремлевского комплекса и недостаточная археологическая изученность его территории в целом — являются причиной того, что многие вопросы кремлевской истории до сих пор остаются нерешенными. В первую очередь, это касается ее раннего этапа, в виду практически полного отсутствия сведений об этом периоде в письменных источниках. В данном случае может помочь только археология.

Разработанная в свое время А. С. Хорошевым (*Хорошев*, 1984) и использованная затем С. В. Трояновским (*Трояновский*, 1995; 2001) периодизация историографии Новгородского кремля строилась на учете таких факторов, как: а) состояние источниковедческой базы применительно к каждому периоду историографии; б) традиции предшествующего развития исторической науки; в) основная проблематика; г) развитие методологических принципов; д) общественный интерес. В целом существующая до настоящего времени схема историографической периодизации Новгородского кремля, представляющая достаточно полно основные этапы и динамику развития источниковедения и методологии его изучения (метод комплексного источниковедения), может использоваться при дальнейших исследованиях этого памятника, но требует корректировки его

третьего этапа, который заканчивается 90-ми гг. прошлого столетия (а начинается в 1979 г. раскопками А. Н. Кирпичникова). На наш взгляд, выделять почти два десятилетия XXI в. в отдельный этап в истории изучения кремля нет оснований, поскольку перед исследователями стояли те же проблемы и нерешенные научные задачи, о которых речь пойдет дальше. Исследования, в первую очередь архитектурно-археологические и археологические, как и в предыдущий период, в основном были связаны с реставрацией памятников архитектуры и прокладкой инженерных коммуникаций, то есть диктовались практическими задачами. Тем не менее благодаря этим исследованиям произошло значительное накопление археологических источников по кремлю, которое, по нашему мнению, приводит к необходимости рассмотрения общего контекста развития исторической топографии, планировки и материальной культуры Новгородского кремля с учетом новых археологических данных.

Цель настоящей статьи — обозначить имеющиеся на сегодняшний день наиболее значимые проблемы и гипотезы относительно археологического изучения кремля (исходя из современного состояния источниковедческой базы), определить принципиальные вопросы и поставить задачи для будущих исследований кремля, касающихся, в первую очередь, его ранней истории.

Основополагающий вопрос, который ставили перед собой все исследователи, занимавшиеся историей Новгорода, — вопрос о происхождении города и его связи с детинцем (кремлем). На протяжении длительного времени, начиная с середины XIX в., когда в литературе по историографии Новгорода только появились аналитические интерпретации на эту тему (*Красов*, 1851), эта проблема искала разрешения, но не могла быть решена, поскольку исследователи опирались, главным образом, на летописные сообщения, краткие и часто противоречивые, которые уводили их по ложному пути, соблазняя загадочным названием Новгород и заставляя искать предшественника на роль старого города порой в очень удаленных местах (например, в Ладогe). Временем основания города, согласно летописному сообщению о призвании варяжских князей, когда впервые упоминается Новгород, считается 859 г. (по другой версии — 862 г.) (НПЛ, 1950. С. 106–107).

«Археологические раскопки Новгорода, развернувшиеся с начала 1930-х гг. XX в., внесли

особую остроту в изучение вопросов становления города. Дело в том, что стремление отыскать в Новгороде слои, синхронные древнейшим сообщениям письменных источников, натолкнулось на неожиданные трудности: таких слоев найти не удалось, хотя исследователи закладывали раскопы в тех частях города, которые казались им наиболее перспективными в этом отношении» (*Носов и др.*, 2017. С. 27). До настоящего времени (за 86 лет непрекращающихся раскопок города) слоев ранее 930–940-х гг. (датировка древнейших построек на Троицком раскопе — *Фараджева и др.*, 2014. С. 134–158, табл. 1) на территории самого Новгорода не обнаружено. Но за последние 40 лет (с 1975 г.), благодаря систематическим раскопкам Рюрикова городища, проводившимся Е. Н. Носовым, этот памятник исследован досконально. Материалы этих исследований, практически полностью опубликованные, проливают свет на многие вопросы начальной истории Новгорода. Е. Н. Носов, с присущей ему тщательностью в научных практических исследованиях, глубиной и гибкостью в аналитических выводах, опираясь не только на свой огромный исследовательский материал, но привлекая имеющиеся археологические, исторические, лингвистические данные по этому вопросу, в последней публикации материалов Рюрикова городища предложил свое видение относительно вероятной схемы развития поселения в верховьях Волхова как претендента на древнейший Новгород (*Носов и др.*, 2017). На сегодняшний день это самая серьезная аргументированная гипотеза. Предложенная схема развития на данный период разработки вопроса выглядит следующим образом: 1) древнейшее поселение словен Холмгород (трактовка его названия на скандинавский манер *Holmgardr*); 2) в середине IX в. устройство Рюриком новых укреплений на его месте и появление топонима Новый город с постепенным охватом им всей территории застройки микрорайона; 3) в середине XI в. строительство очередной крепости вокруг формирующегося церковного центра и появление топонима Городище в отношении места старого городка (бывшего Холмгорода и древнейшего Новгорода). Важнейшей задачей археологии ближайших лет, которую определил Е. Н. Носов, будут являться поиски доказательств существования Холмгорода до строительства крепости Рюрика, а определенные археологические факты, по мнению исследователя, для этого есть (*Носов и др.*, 2017. С. 33).

Строительство детинца представляется завершающим шагом в процессе становления городского центра у истоков Волхова. Древнейшее летописное известие об этом относится к 1044 г., когда князь Владимир Ярославич «...заложил Новгород и сделал его» (НПЛ, 1950. С. 181). Появление новой крепости к этому времени подготовлено ходом предшествующих событий.

К середине X в. в 2 км от княжеской резиденции (Рюрикова городища) вниз по течению Волхова на обоих его берегах начали осваиваться удобные для заселения возвышенные места, о чем свидетельствуют археологические материалы раскопок с территории древнейших городских концов: Славенского, Неревского, Людина. Во второй половине X в. эти новые поселки и княжеская резиденция развивались параллельно (*Носов и др.*, 2017. С. 27).

В конце X в. при князе Владимире Святославовиче происходит важнейшее событие — Русь принимает христианство. На берегах Волхова вслед за Киевом происходит замена пантеона языческих богов христианским культом. Сюда, согласно летописи, в 989 г. был направлен епископ Иоаким Корсунянин (989–1030 (?)), один из первых иерархов, призванных князем Владимиром из Византии для крещения Руси (НПЛ, 1950. С. 160, 551). Прибывший с княжеской дружиной епископ разрушил языческие капища, свергнул статую Перуна в Перыни и крестил местное население. Для новых христианских святынь было выбрано новое место — возвышенный участок на левом берегу Волхова, располагавшийся как раз в центре между заселенными холмами к северу, югу и западу от них. На этом месте, как свидетельствуют летописи и письменные источники XIX в., при епископе Иоакиме Корсунянине в 989 г. появляются первые христианские храмы: домовая каменная церковь Иоакима и Анны и 13-главая дубовая София (ПСРЛ, 1841. С. 208; *Амвросий*, 1809. С. 171; *Макарий*, 1860. С. 40; ПСРЛ, 1856. С. 155). Тем самым здесь был сформирован христианский центр.

Постепенно противостоявшие княжеской резиденции поселки славянской знати к рубежу X–XI вв. переняли значительную часть экономических и административных функций прежнего центра (*Носов и др.*, 2017. С. 27). Если княжеская резиденция, по мнению Е. Н. Носова, — это торгово-ремесленный и военно-административный центр международного плана с полиэтничным населением, то новые поселения вокруг

христианского комплекса — это уже центр северной части Русского государства (*Там же*. С. 27).

В начале XI в. князь Ярослав перенес свою резиденцию и расположил ее на окраине Славенского холма близ торгового центра, одного из центров новых поселений на правом берегу Волхова. На протяжении первой половины XI в. княжий двор располагался там, а, как показали археологические исследования, именно в этот период на Рюриковом городище прослеживается снижение интенсивности жизни.

Таким образом, формирование христианского центра на одном берегу и расположение княжеской резиденции на другом, явились важнейшими предпосылками для завершения процесса формирования города в верховьях Волхова. Этот процесс происходил в общем русле исторического развития Древней Руси. Для завершения процесса не хватало общей городской крепости. Термин «город» в Древней Руси обозначал как населенный и административный пункт, так и укрепленный пункт, крепость (*Раппопорт*, 1956. С. 20). Крепость старой княжеской резиденции уже не могла выполнять такие задачи, оборонительные укрепления там перестали функционировать на рубеже IX–X вв. Появление общегородской крепости (детинца) на левом берегу Волхова — это не только вопрос о соотношении новой крепости и старой городищенской, а прежде всего вопрос о появлении нового центра государственной власти с ее важнейшими институтами. Особенности политической власти средневекового Новгорода рассмотрены в фундаментальной работе В. Л. Янина «Новгородские посадники» (*Янин*, 2003). По его мнению, краеугольным камнем всей новгородской государственности, заложенным уже в самый ранний период его истории, являлось договорное условие, одним из главнейших пунктов которого стало решительное ограничение княжеской власти (*Янин*, 2003. С. 67). Возникший институт посадничества, являвшийся высшей формой местной власти, и постепенно увеличивавшийся вес церковных иерархов существенно ограничивали власть новгородских князей. В последней четверти XI в. в городе происходят события (выборность посадников), свидетельствующие об ослаблении княжеской власти. Князья вынуждены были вернуться в старую княжескую резиденцию, сохранив за собой право на Ярославово дворище. Но в середине XI в. именно князь инициирует строительство новой крепости,

расположение его двора рядом позволяет контролировать эту работу. Одновременно в 1045 г. князь Владимир закладывает каменный Софийский собор (НПЛ, 1950. С. 181). Представляется логичным, исходя из летописных дат, что строительство детинца и Софийского собора было единым спланированным мероприятием молодого и энергичного князя Владимира Ярославича. Если Софийский собор был возведен за пять лет, то укрепления детинца сооружались, вероятно, на протяжении более длительного времени.

После сооружения укреплений детинца происходят важнейшие изменения в топографической ситуации. С появлением общегородской крепости формируется центр планировочной структуры города, а сердцевиной этого центра становится кафедральный Софийский собор. Если Софийский собор, простоявший почти тысячу лет, является подтверждением достоверности летописных сообщений, то многие вопросы относительно детинца остаются открытыми.

Вопрос 1: существовали ли более ранние укрепления X в. до сооружения крепости в 1044 г.?

При ответе возникает встречный вопрос: а были ли в X в. предпосылки для появления более ранней крепости? Процесс формирования города только начинался, и на это требовалось время. Имеющиеся на сегодняшний день археологические материалы свидетельствуют о том, что заселение древнейших поселков на территории будущего города началось в 30–40-х гг. X в. (Неревский и Троицкий раскопы), а на территории кремлевского холма в 50–60-х гг. X в. Предпосылки для сооружения общегородской крепости, из которых одной из важнейших явилось принятие христианства в 80-х гг. X в. и формирование христианского центра, появились значительно позже (об этом сказано выше).

Тем не менее, относительно существования более ранних укреплений на кремлевском холме высказывались в свое время различные мнения. Предположения были основаны, главным образом, на древней топографии. Для местоположения древних укреплений топографические условия были определяющими. По рельефу этим условиям более соответствовала северная часть кремлевского холма, ограниченная с юга большим оврагом-ручьем (русло этого оврага, пересекавшего территорию кремля с запада на восток, до сих пор читается в современном рельефе) и, в свою очередь, возможно, разделенная на два островка

двумя оврагами-протоками. На среднем островке, образованном двумя руслами протоков Волхова, примерно между Владимирской и Пречистенской башнями, по предположению Г. М. Штендера, существовали более древние укрепления (*Штендер*, 1987. С. 64–66). Его предположения основывались на том, что при раскопках в Никитском корпусе был найден северный склон оврага, который проходил в направлении от Златоустовской башни к Владимирской башне (*Там же*. С. 64–66). На карте палеорельефа этот овраг не читается, но на карте геолого-литологического разреза современного кремля в его северной части прослеживается впадина (дно впадины находится на одном уровне с ложем кремлевского рва) (*Петрова и др.*, 1999). Происхождение этой впадины до сих пор неясно. Появившиеся недавно в Государственном архиве Новгородской области документы личного архива П. А. Мартынова о довоенных раскопках в кремле (в том числе о раскопках 1940 г. в северной части кремля), к сожалению, не пролили свет на этот вопрос. В раскопе № 3 к востоку от Никитского корпуса было зафиксировано падение глинистого слоя в восточном направлении, но склон ли это оврага или насыпной слой, осталось невыясненным (*Строков*, 1940). Археологически существование этого оврага в северной части детинца пока не доказано. Это можно было бы выяснить при проведении раскопок большой площадью к востоку от Никитского корпуса, но появление здесь недавно деревянной часовни на бетонном основании исключает такую возможность в будущем. Невыясненным остается вопрос о существовании еще одного оврага в северной части кремлевского холма. М. Х. Алешковский, исследуя фундаменты Владимирской башни в 1960 г., отмечал, что юго-восточный угол башни «покоится на засыпке какого-то овражка X–XI вв., находившегося на самом берегу Волхова» (*Алешковский*, 1960. С. 60). В. Л. Янин размещал древнейшую крепость в северо-западном секторе современного кремля, исходя из общей топографической ситуации Софийской стороны (главная улица Неревского конца была направлена именно сюда) (*Янин*, 1982. С. 82–83). Другие исследователи также считали, что до крепости 1044 г. существовали более древние укрепления — это «град», который предшествовал Владычному двору (*Кирпичников*, 1995. С. 87); что территорию Владычного двора в X в., естественно, защищали крепостные стены (*Гордиенко*, 1991. С. 11–12); что крепости 1044 г.

предшествовала небольшая ограда Владычного двора конца X в. (*Алешковский*, *Красноречев*, 1970. С. 62, 72; *Гринев*, 1988. С. 58–59). Как видим, все предположения были связаны исключительно с Владычным двором, который, по сложившемуся представлению, размещали там, где он располагается в настоящее время, то есть в северо-западной части детинца. В данной ситуации совершенно справедливо замечание Н. Н. Гринева о том, что размещавшийся в северной части кремлевского холма христианский центр, включавший Владычный двор и Софийский собор, возможно, и был укреплен, но не являлся городской крепостью.

Если предположить, что какие-то укрепления на кремлевском холме предшествовали крепости 1044 г. и следы их будут когда-нибудь обнаружены, то следует отметить одно важное обстоятельство — они не являлись тем, чем стала новая общегородская крепость с ее новым статусом. Пока нет никаких археологических доказательств существования укреплений X в. на территории кремля. Последние раскопки О. М. Олейникова в 2013 г. между Митрополичьей башней и Воскресенской аркой (исключительно важное место для исследований), к большому сожалению, не внесли никакой ясности по этому вопросу. Нет убедительных доказательств относительно датировки укреплений X в. Автор сам не уверен в правильности своих выводов (ров X в. или ров 30-х гг. XI в.), меняя их в разных публикациях (*Олейников*, 2014. С. 50–61; *Олейников*, *Долгих*, 2016. С. 29–42). Также неубедительны доводы относительно оборонительных укреплений первоначального детинца, датируемых им первой половиной X в., которые якобы обнаружены в шурфах в районе Софийской звонницы и церкви Входа Господня в Иерусалим (*Олейников*, *Долгих*, 2016. С. 29–42). В последнее время О. М. Олейников пересмотрел свои выводы о ранних датировках детинца, признав их недоказанность.

Вопрос 2: где располагалось древнейшее ядро детинца?

Ответ на предыдущий вопрос уже указывает на то, что древнейшее ядро детинца располагалось в северной части современного кремля. В свое время С. Н. Орлов считал, что в южной части кремля имеются следы «какого-то городского центра X века: мощный земляной вал с примитивными конструкциями из дерева и место, где стояла дубовая София» (*Орлов*, *Воробьев*, 1959. С. 5), а «первоначальный вал был насыпан здесь в самый

ранний период существования города» (Орлов, 1965. С. 6). Однако «давний спор относительно местоположения кремля XI в. — находился ли он в северной или южной половине нынешнего — окончательно решен раскопками М. Х. Алешковского 1956–1960 гг. и А. Н. Кирпичникова 1979 г. в пользу его северной половины» (Янин, 1982. С. 79). Эту точку зрения в настоящее время разделяют все исследователи, занимающиеся историей Новгорода.

Вопрос 3: время заселения кремлевского холма?

Археологические материалы свидетельствуют о том, что территория кремлевского холма была заселена еще до появления укреплений детинца. Слои разной степени сохранности и мощности, относящиеся к первоначальному периоду освоения этой территории, отмечались во многих местах в северной части современного кремля. Самые мощные ранние слои вскрыты под валом детинца в раскопах 1985 г. (Воронова, 1988. С. 73–75) и 1996 г. (Трояновский и др., 1997. С. 12–18) у Лихудова корпуса.

В раскопе 1985 г. под вальной конструкцией выявлен нетронутый слой темно-коричневого гумуса со щепой толщиной около 70 см с остатками деревянной постройки, поставленной непосредственно на материке и датируемой дендрохронологическим методом 50–60-ми гг. X в.² Находки, происходящие из слоя под валом и из заполнения постройки датируются X — серединой XI в.

В раскопе 1996 г., примыкавшем с востока к раскопу 1985 г., мощность древнейших культурных отложений составляла до 80 см. В этих слоях обнаружен аналогичный предматериковый комплекс. Он представлен остатками срубной постройки, выгребной ямой и вымосткой, относящимися к самому раннему периоду освоения этой территории³. Находки указывают на вторую половину X в.

Культурный слой меньшей мощности (25–30 см) под валом детинца был обнаружен М. Х. Алешковским в раскопе у Владимирской

башни (раскоп IX–1957 и IX–1959). Комплекс находок позволил М. Х. Алешковскому датировать ранний слой под валом X — первой половиной XI в. (Алешковский, 1957; 1959; 1962. С. 7–11).

Архитектурно-археологические исследования в Софийском соборе, проводившиеся А. А. Монгайтом, М. Х. Алешковским, Г. М. Штендером, Вл. В. Седовым, выявили ранний «дософийский» слой мощностью от 2 до 50 см. Из находок, сопутствующих этому слою, отмечалась только керамика (Монгайт, 1946–1948. С. 1–42; Алешковский, 1956. С. 18–26, 29–34; Штендер, 1966; Седов, 1999–2000. С. 5–6, 13–16, рис. 1, 12–14, 27, 33–34).

На Кремлевском раскопе 2008–2010 гг. у Владычной (Грановитой) палаты ранние слои представлены комплексами в материке, которые на основании результатов радиоуглеродного анализа и некоторых находок датируются в пределах второй половины X — первой половины XI в. (Новгородский детинец ..., 2017. С. 227).

Ранний стратиграфический комплекс, датированный по находкам X–XI вв., был выявлен в раскопе 1995 г. у Софийской звонницы (Трояновский, 1998. С. 66).

Как мы видим, археологические материалы фиксируют в северной части современного кремля наличие культурных отложений, связанных с первыми поселенцами кремлевского холма, появившимися здесь примерно в середине X в. Что касается южной части детинца, обнаруженные здесь в результате довоенных раскопок предматериковые слои были датированы авторами исследований концом X в. (датировки базировались на стратиграфии и находках) (Строков и др., 1939. С. 3–17; Строков, Богусевич, 1940. С. 3–18; Строков, 1945. С. 65–73). Культурный слой под насыпью вала обнаружен и при раскопках М. Х. Алешковского и А. Н. Кирпичникова в южной части кремля (Алешковский, 1962. С. 12; Кирпичников, 1995. С. 78). М. Х. Алешковский датировал слой под валом по находкам X–XII вв. (Алешковский, 1962. С. 15).

Уточнение датировок первоначального этапа заселения как северной, так и южной части детинца — это задача будущих исследований. На данный момент мы имеем несколько ранних дендродат, относящихся к 50–80-м гг. X в. (постройка под валом в раскопе 1985 г. у Лихудова корпуса — 955 г.; деталь вымостки — 956 г., столб — 971 г.⁴

² Первоначально А. Ф. Урьевой датированы только два образца из шести (№ 85–16 — 962 г.; № 85–18 — 963 г.) (Воронова, 1988. С. 75). По уточненной датировке О. А. Тарабардиной постройка из раскопа 1985 г. сооружается около 955 г. (ранее не датированные образцы получили следующие даты: № 85–14 — 954 г.; № 85–15 — 955 г.; № 85–17 — 954 г.; № 85–19 — 955 г.). Эти данные любезно предоставлены О. А. Тарабардиной.

³ Уточненная датировка О. А. Тарабардиной: образец № 96–27, деталь вымостки, датируется 956 г.

⁴ Уточненная датировка О. А. Тарабардиной: образец № 95–24, столб — 971 г.

в раскопе 1996 г. у Лихудова корпуса; деталь сооружения (возможно, венец сруба) в шурфе 2015 г. у Владимирской башни — 984 г.⁵) и радиоуглеродные датировки ранних комплексов Кремлевского раскопа 2008–2010 гг. с широким временным диапазоном (в пределах второй половины X — первой половины XI в.), а в основном ранние слои имеют относительную датировку, базирующуюся на стратиграфии и находках. Вполне вероятно, что первоначальное заселение северной и южной частей детинца происходило одновременно с освоением территорий Неревского и Людина концов, то есть в первой половине X в., но это могут выяснить только будущие археологические исследования.

Если говорить о перспективах поиска ранних слоев на территории современного кремля, то, как показывают археологические исследования, лучше всего они сохранились под валом. На внутренней территории детинца эти слои (это относится в первую очередь к северной его части) в большей степени пострадали от различных перепланировок, особенно в тех местах, где появлялись каменные постройки. Подтверждением тому является незначительная мощность ранних слоев, обнаруженных при исследованиях Софийского собора, и практически полное отсутствие таких слоев под Владычной (Грановитой) палатой (Антипов, 2006; 2007; 2009; Антипов, Жервз, 2008). Значительно больше перспектив выявить ранние слои на внутренней территории южной части детинца (свободной на сегодняшний день от каких-либо построек), которая в древности являлась частью Людина конца. Масштабные довоенные раскопки выявили наличие здесь достаточно мощных культурных отложений. Но, к сожалению, планы по археологическому изучению этой части кремлевской территории не были завершены (помешала война), а материалы этих исследований были опубликованы лишь частично, большая их часть (в том числе и находки) не сохранилась. Поэтому существует необходимость продолжения археологических раскопок в южной части детинца в настоящее время, которые могли бы разрешить многие научные задачи.

Вопрос 4: что представляла собой древнейшая крепость 1044 г.?

Неоспоримым археологическим фактом является то, что древнейшая крепость возникла на

уже освоенной территории кремлевского холма. В северной части современного кремля неоднократно фиксировались дерево-земляные укрепления. Наиболее полными и достоверными являются результаты раскопок 1957, 1959, 1960 гг. М. Х. Алешковского у Владимирской башни (раскопы IX–1957, IX–1959, VI–1960). В этом месте получен поперечный разрез вала и выявлена его внутренняя конструкция. Вал состоял из дубовых городней, поставленных в его основании и засыпанных землей, и слоя чистой глины поверх городней, добытой при сооружении рва (Алешковский, 1962. С. 10). Подобные городни были вскрыты в раскопе 1985 г. и в раскопе 1996 г. у Лихудова корпуса. Верхние части конструкции вала в виде дубовых городней фиксировались в шурфах Б. К. Мантейфеля у здания Судного и Духовного приказов (1947 г.), в шурфе № 1 раскопа Х М. Х. Алешковского на Владычном дворе (1958 г.), в шурфе Г. М. Штендера у северного фасада Никитского корпуса (1970 г.), в шурфах № 1–2 В. А. Понсова (1980–1981 гг.) (Мантейфель, 1947; Алешковский, 1958; Штендер, 1970; Понсов, 1981).

Вал, вскрытый у Владимирской башни, М. Х. Алешковский датировал 1044 г. на основании следующих причин: 1) «Вал, под которым найдены керамика и различные вещи, относящиеся к X–XI векам, следует датировать XI веком. Некоторые особенности срубной конструкции позволяют сблизить этот вал с валом «города Ярослава», построенным в 1037 году в Киеве»; 2) «Описанный вал следует датировать 1044 г., так как в XI веке летопись не отмечает больше строительства детинца» (Алешковский, 1962. С. 10–11).

Действительно, в летописях нет сообщений о существовании более ранних укреплений, а на исследованных участках под городнями вала, поставленными на культурный слой X–XI вв., нет следов предшествующих укреплений. Датировка находок из заполнения городней вала в раскопах 1985 г. и 1996 г. у Лихудова корпуса также укладывается в пределы X–XI вв. В раскопах М. Х. Алешковского у Владимирской башни в засыпке городней находки не встречались. Косвенным доказательством может служить отсутствие слоев X — первой половины XII в. (только комплексы в материке) на Кремлевском раскопе 2008–2010 гг. у Владычной (Грановитой) палаты, которое можно предположительно связать с тем, что эти слои были срезаны при сооружении укреплений и

⁵ Уточненная датировка О. А. Тарабардиной: образец № 15–15, деталь сооружения — 984 г.

последующих перепланировках территории детинца (Новгородский детинец ..., 2017. С. 229).

Казалось бы, археологический материал и стратиграфические соотношения между ранними слоями и валом детинца логично укладываются в хронологические рамки X — середины XI в., но до сих пор время сооружения и конструктивные особенности дерево-земляных укреплений Новгородского детинца остаются предметом дискуссии для исследователей.

Одной из главных проблем в решении этих вопросов является отсутствие датировок дубовых конструкций вала, поскольку окончательно не разработана абсолютная дендрохронологическая шкала датировки дуба. В Центре по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника этим вопросом в настоящее время успешно занимается О. А. Тарабардина. Использование радиоуглеродного датирования дает слишком широкие калиброванные интервалы, что для коротких исторических периодов не всегда применимо. Таким образом, разработка методов датировки вальных конструкций — одна из важнейших задач на ближайшее будущее.

В свою очередь, конструктивные и технологические особенности дерево-земляных укреплений в северной части детинца исследованы недостаточно, что также не способствует ясности картины. Так, устройство городней, выявленных в раскопах у Лихудова корпуса и у Владимирской башни, сходно, с той только разницей, что в раскопах М. Х. Алешковского в нижней части глиняной засыпки вала залегал слой тонких неперевазанных лежней. По мнению М. Х. Алешковского, лежни могли служить для выравнивания строительной площадки после засыпки городней земель (Алешковский, 1959. С. 9; 1962. С. 10). В раскопах у Лихудова корпуса слой тонких лежней над городнями не зафиксирован, возможно, он был уничтожен при сооружении здания XV в. (Новгородский детинец ..., 2017. С. 230).

Раскопки А. Н. Кирпичникова 1981 г. у Владимирской башни выявили, что каменная кремлевская стена XIV–XV вв. стоит на валу, по его предположению, начала XII в. (Кирпичников, 1995. С. 84). А. Н. Кирпичников датировал вал XII в., основываясь, вероятно, на различии деревянных конструкций: городней древнейшего вала, обнаруженного М. Х. Алешковским у Владимирской башни и датированного им XI в., и рядов поперечно

лежащих дубовых бревен во вскрытой части вала, выявленных самим А. Н. Кирпичниковым, а также на аналогии с конструкциями вала в южной части кремля. Как упоминалось выше, М. Х. Алешковский не считал городни и лежни разновременными частями. Если принять датировку А. Н. Кирпичникова, то получается, что при расширении территории детинца в 1116 г. в его северной части, где были древнейшие укрепления, также проводились какие-то работы по реконструкции вала. Пока нет достаточных доказательств, чем объясняются конструктивные различия в устройстве укреплений — технологическими особенностями или временным разрывом, и нельзя утверждать, что различия между городнями и лежнями, выявленные в северной древнейшей части детинца, свидетельствуют об их разновременности. Эти вопросы до конца не выяснены.

В 2015 г. О. М. Олейников внес свой вклад в изучение кремлевских фортификаций и заложил шурф на месте раскопа IX–1959 М. Х. Алешковского у Владимирской башни снаружи крепостной стены. В итоге он увидел «хронологический» разрыв и два этапа сооружения конструкций вала на основании различия в толщине дубовых бревен городней (Олейников, Долгих, 2016. С. 29–42). Более мощные бревна внешнего сруба городней были отнесены им к первому этапу и датированы со ссылкой на похожее дубовое бревно вторичного использования из засыпки (1044 г.?) рва второй четверти XI в., радиоуглеродная дата которого имеет широкий калиброванный интервал 864–976 гг. (Там же. С. 35). Такое сравнение не может служить серьезным доказательством. Для датировки второго этапа были взяты два образца древесины из раскопок М. Х. Алешковского (дубовые городни из экспозиции Новгородского музея-заповедника) и исследованы методом ускорительной масс-спектрометрии (г. Афины, США) (Там же. С. 38–40). В итоге была получена УМС радиоуглеродная дата с узким калиброванным моделированным интервалом 16 и 32 года (1018–1034 г.; 68,2 %). Вывод О. М. Олейникова: «2-й этап сооружения оборонительной линии северной части Новгородского детинца в районе Владимирской башни можно датировать как минимум первой четвертью XI в., а как максимум привязывать к летописной дате 1044 г.» (Там же. С. 40). Все встало обратно на свои места и не стоило отделять толстые бревна от тонких. М. Х. Алешковский в отчете подробно описывает

конструкции и засыпку вала и, в частности, отмечает: «В отличие от раскопа IX–57 г., где основные срубные конструкции лежат ниже глиняной засыпки, здесь все лежни крайнего сруба лежат в глиняной засыпке, что еще раз подтверждает одновременность нижнего и верхнего яруса этого вала» (Алешковский, 1959. С. 7–8). Вскрытые у Владимирской башни городни и засыпка вала не вызвали у М. Х. Алешковского сомнений в том, что это одновременные сооружения.

Другой вывод делает С. В. Трояновский по результатам исследований 1996 г. у Лихудова корпуса (Трояновский, 1996; Трояновский и др., 1997). Он считает, что дубовые городни были частью самостоятельного сооружения, а именно деревянной оборонительной стены, а глиняный массив представлял собой следующий этап функционирования укреплений (Трояновский, 1998. С. 60). Если это отдельная стена, то возникают вопросы относительно слишком больших ее размеров. Общая ширина в поперечнике деревянной конструкции вала у Владимирской башни составляла 29 м (Алешковский, 1962. С. 10). Ширина вскрытой части срубной конструкции вала у Лихудова корпуса — около 10 м. Если такая же часть находится под кремлевской стеной и за ее пределами, то общая ширина деревянной конструкции в поперечнике в этом месте будет примерно такой же, как у Владимирской башни. Какой же высоты должна была быть стена при такой ширине сооружения? Аргументами в пользу существования дубовой стены как самостоятельного сооружения, по мнению С. В. Трояновского, служат следы ремонта и разборки городней, но здесь также есть спорные моменты (Новгородский детинец ..., 2017. С. 228–229). В целом альтернативная гипотеза С. В. Трояновского о формировании Новгородского детинца вызывает слишком много вопросов, а самое главное — она не дает ответа на основной вопрос: почему общегородская крепость появилась, в соответствии с этой гипотезой, так поздно, только в начале XII в., что не вписывается в общее русло происходившего в конце X–XI вв. процесса формирования городов на территории образовавшегося единого древнерусского государства.

Что можно сказать о границах древнейшего детинца? Следы его археологически достоверно зафиксированы в северной части современного кремля: у Лихудова корпуса (Понсов, 1980–1981 гг.; Воронова, 1985 г.; Трояновский, 1996 г.); у Митрополичьей башни (Мантейфель, 1947 г.);

на участке между Митрополичьей и Федоровской башнями (Алешковский, 1958 г.); у Владимирской башни (Алешковский, 1957, 1959, 1960 гг.); на участке между Федоровской и Владимирской башнями (Штендер, 1970 г.). Карта палеорельефа показывает, что в древности кремлевский холм с юга и юго-запада окружал глубокий овраг (его направление — к югу от здания Лихудова корпуса и далее к понижению у Боярских водяных ворот). Линия древнейших укреплений, проходящая под каменными стенами кремля на участке от Владимирской до Митрополичьей башни, у Лихудова корпуса меняет направление (здесь она расположена под углом 30° к существующей кремлевской стене) и далее, следует предполагать, была ориентирована по краю оврага. Но на этом участке нет внятных следов древнейших укреплений детинца. Отдельные дубовые бревна фиксировались В. С. Передольским и В. Д. Евреиновым при строительстве памятника «Тысячелетие России» и Н. А. Чернышевым у Епархиального дома (Передольский, 1910. С. 11; Евреинов, 1860; Чернышев, 1956). Но это не может служить серьезным доказательством локализации южной линии укреплений. По нашему представлению, отдельные бревна могли остаться от разборки древнейшего детинца при расширении его границ. Вероятнее всего, перечисленные наблюдения фиксируют не южную границу древнейших укреплений детинца, а отмечают следы, оставшиеся от его разборки. Подобные следы разборки отмечал М. Х. Алешковский в раскопе между Златоустовской башней и Воскресенской аркой. Что касается восточной линии укреплений, то выше уже говорилось о выявлении городней у южной стенки Владимирской башни (Алешковский, 1960 г.). На основании этих исследований можно предполагать, что восточная трасса древнейшего детинца проходила немного ближе к береговой линии, а в целом его траектория определялась условиями рельефа.

По имеющимся археологическим данным на настоящий момент можно сделать только два доказуемых вывода относительно древнейших укреплений в северной части современного кремля: 1) сохранились дерево-земляные конструкции вала; 2) они имеют некоторые конструктивные отличия (встречаются городни и лежни). Все остальные вопросы, касающиеся устройства укреплений детинца и их датировки, а также границ древнейшей крепости, остаются пока открытыми и требуют дальнейших исследований и доказательств.

В то же время археологические материалы не опровергают тот факт, что первоначальные укрепления детинца могли возникнуть не ранее середины XI в., в соответствии с сообщениями летописей, и датировка вала, исследованного М. Х. Алешковским в северной части нынешнего кремля, в таком случае представляется верной. Схема развития детинца в XI–XV вв., составленная им на основании археологических фактов и письменных источников, остается до сегодняшнего дня единственной серьезной гипотезой.

Вопрос 5: о расширении детинца в 1116 г.

Вальные конструкции в южной части кремля исследованы в большей степени благодаря раскопкам М. Х. Алешковского в 1956–1960-х гг. (у Дворцовой и Княжой башен, в прясле между Златоустовской башней и Воскресенской аркой) и А. Н. Кирпичникова в 1979 г. (между Дворцовой и Княжой башнями). В процессе этих исследований выявлены различия в структуре вала северной и южной частей детинца: если в северной части основу вала составляли срубные конструкции, то в южной — лежневые. Тело вала было прослоено рядами поперечных тонких лежней, не скрепленных друг с другом. Большая часть бревен — дубовые, среди них много бревен вторичного использования со следами врубок. Оба исследователя рассматривали вал с лежнями как единое сооружение и датировали его XII в. на основании летописной даты, комплекса находок, относящихся к X–XII вв., а также аналогий с крепостными укреплениями Польши (*Алешковский*, 1962. С. 15; *Кирпичников*, 1995. С. 78, 80).

В 1992–1993 гг. участок обрушения кремлевского прясла между Спасской и Княжой башнями был исследован Н. К. Стеценко, которая пришла к неоднозначному выводу по результатам своих раскопок: вал с лежнями и верхняя глиняная часть вала являются единым сооружением и относятся к XV в. (*Стеценко*, 1993. С. 18–28). Убедительных доказательств в пользу такой датировки представлено не было.

Можно сколько угодно спорить по поводу правомерности выводов того или иного исследователя, но решение вопроса о времени сооружения укреплений в южной части детинца, как и в северной, окончательно сдвинется только с появлением дендрохронологической шкалы по дубу для датировки деревянных конструкций вала.

Кроме того, многие другие вопросы относительно кремлевских фортификаций конструктив-

ного и технологического порядка остаются до конца нерешенными: соотношение различных частей деревянных конструкций вала и их заполнения (в ранних валах XI–XII вв.); соотношение валов детинца XI–XII вв. и фундаментов каменной крепости XIV–XV вв.; выявление строительных периодов.

Вопрос 6: уточнение исторической топографии кремля.

За годы археологических и архитектурно-археологических исследований в кремле многие археологические объекты получили более или менее точную локализацию (например, отдельные постройки деревянного и каменного Владычного двора; некоторые храмы: надвратная Владимирская церковь, церковь Входа Господня в Иерусалим, Борисоглебский собор; известно местоположение Воеводского и Пушечного дворов). Имеющиеся на сегодняшний день археологические материалы позволяют проследить динамику, этапы перепланировки и застройки на некоторых участках внутренней территории детинца в северной (Кремлевский раскоп 2008–2010 гг. у Владычной (Грановитой) палаты) и южной его частях (раскопы 1938–1939 гг. у Спасской башни), а также выявить определенную взаимосвязь перепланировок внутренней территории детинца с работами по сооружению укреплений детинца в разные периоды времени. Основными задачами будущих исследований кремля относительно исторической топографии должны стать вопросы, касающиеся не только месторасположения отдельных объектов (храмов, улиц, жилых и нежилых построек), но и выявление взаимосвязей развития кремлевской территории и планировочной структуры города. К таким принципиальным вопросам, например, относятся: выявление границ первоначальной крепости; локализация раннего Владычного двора и Околотка; соотношение разных частей кремлевской территории (северной владычной и южной, вобравшей в себя часть жилой застройки Людина конца, Владычного двора и Околотка).

В данной статье рассмотрены основные научные проблемы кремлевской археологии, а есть еще практические проблемы (реставрационные и технологические). В рамках настоящей публикации они не могут быть широко представлены, но решение их тесно связано с археологией. Таковыми являются проблема с гидрорежимом кремлевской территории, до сих пор не разрешенная, что

негативно сказывается на состоянии памятников архитектуры и культурного слоя, а также неотложная проблема, связанная со Спасской башней, причины деформации которой выяснились еще в 1979 г. (раскопки А. Н. Кирпичникова). Ныне состояние этой башни аварийное. В заключение

отметим, что в настоящее время отсутствует какая-либо обоснованная научная программа изучения Новгородского кремля, подобная той, которая осуществлялась в 1950–1960-х гг. Между тем необходимость в новой научной программе комплексного изучения кремля давно назрела.

- Алешковский*, 1956 — *Алешковский М. Х.* Отчет об археологических разведках к проекту реставрации Новгородского кремля в 1956 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 1267. 1956.
- Алешковский*, 1957 — *Алешковский М. Х.* Отчет об археологических раскопках и наблюдениях за земляными работами на территории Новгородского кремля в 1957 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 1672. 1957.
- Алешковский*, 1958 — *Алешковский М. Х.* Отчет об археологических наблюдениях за земляными работами в Новгородском кремле в августе–сентябре 1958 г. (расчистка руин прясла стены между Федоровской и Митрополичьей башнями и зданий бывшего Владычного двора) // НОА ИА РАН. Р-1, № 1779. 1958.
- Алешковский*, 1959 — *Алешковский М. Х.* Отчет об археологических раскопках на территории Новгородского Кремля в июне–августе 1959 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 1985. 1959.
- Алешковский*, 1960 — *Алешковский М. Х.* Отчет об археологических раскопках и наблюдениях за производством земляных работ на территории Новгородского Кремля в 1960 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 2086. 1960.
- Алешковский*, 1962 — *Алешковский М. Х.* Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. М.: Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1962. Вып. 14. С. 3–26.
- Алешковский*, *Красноречьев*, 1970 — *Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е.* О датировке вала и рва новгородского острога (в связи с вопросом о формировании городской территории) // СА. 1970. № 4. С. 54–73.
- Амвросий*, 1809 — *Амвросий*, епископ Пензенский и Саратовский [Орнатский]. История российской иерархии. М.: Синодальная тип., 1809. Ч. I. 675 с.
- Антипов*, 2006 — *Антипов И. В.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях во Владычной (Грановитой) палате Новгородского кремля в 2006 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 36001. 2006.
- Антипов*, 2007 — *Антипов И. В.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях во Владычной (Грановитой) палате в г. Великом Новгороде в 2007 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 44468. 2007.
- Антипов*, 2009 — *Антипов И. В.* Отчет об архитектурно-археологических раскопках в г. Великом Новгороде в 2009 г.: в церкви св. Дмитрия Солунского на Славковой ул., на территории к западу от Софийского собора и во Владычной палате // НОА ИА РАН. Р-1, № 38259. 2009.
- Антипов*, *Жервэ*, 2008 — *Антипов И. В., Жервэ А. В.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на площади к западу от Софийского собора и во Владычной (Грановитой) палате в г. Великом Новгороде в 2008 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 42316. 2008.
- Воронова*, 1988 — *Воронова М. А.* Раскопки у Лихудова корпуса в Новгородском кремле // НиНЗ ИА. Новгород: б. и., 1988. С. 73–74.
- Гордиенко*, 1991 — *Гордиенко Э. А.* Владычная палата Новгородского кремля. Л.: Лениздат, 1991. 104 с.
- Гринев*, 1988 — *Гринев Н. Н.* К вопросу о происхождении названия политического центра Новгородской земли // НиНЗ ИА. Новгород: б. и., 1988. С. 57–60.
- Евреинов*, 1860 — *Евреинов В. Д.* Профиль и описание шурфа на месте строительства памятника «Тысячелетию России» // РГИА. Ф. 207. Оп. 3. Д. 115. Л. 35, 41об., 42, 42об.
- Кирпичников*, 1995 — *Кирпичников А. Н.* Архитектурно-археологическое изучение Новгородского кремля // НИС. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. № 5 (15). С. 76–88.
- Красов*, 1851 — *Красов И. И.* О местоположении Древнего Новгорода. Новгород: Тип. Новгор. губ. правл., 1851. 182 с.
- Макарий*, 1860 — *Макарий*, (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М.: Тип. В. Готье, 1860. Ч. 1: [Древние церкви в Новгороде и его окрестностях]. 654 с.

- Мантейфель*, 1947 — *Мантейфель Б. К.* План и профили шурфов у Архиепископского дворца // Научно-технический архив ГБУК ННРУ. № 753–755. 1947.
- Монгайт*, 1946–1948 — *Монгайт А. Л.* Отчет об археологических раскопках в Софийском соборе в гор. Новгороде в 1946–1948 гг. // Научно-технический архив ГБУК ННРУ. Р-25. 1946–1948.
- Новгородский детинец ..., 2017 — Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. / Отв. ред.-сост. М. А. Родионова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 263 с.
- Носов и др.*, 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 285 с.
- НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
- Олейников*, 2014 — *Олейников О. М.* Древнейшие оборонительные сооружения новгородского детинца (По материалам исследований 2013 года) // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2014. Вып. 28. С. 50–61.
- Олейников, Долгих*, 2016 — *Олейников О. М., Долгих А. В.* Новые данные по исторической топографии Новгородского Детинца // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2016. Вып. 30. С. 29–42.
- Орлов*, 1965 — *Орлов С. Н.* К топографии и истории оборонительных сооружений Древнего Новгорода // Ученые записки НГПИ. Новгород: б. и., 1965. Т. 1, вып. 1. С. 3–52.
- Орлов, Воробьев*, 1959 — *Орлов С. Н., Воробьев А. В.* Оборонительные укрепления Древнего Новгорода. Новгород: Кн. ред. газ. «Новгород. правда», 1959. 55 с.
- Передольский*, 1910 — *Передольский В. С.* Краткий очерк состояния Велико-Новгородской старины в 1889 г. // Сб. НОЛД. Новгород: б. и., 1910. Вып. 3. С. 1–18.
- Петрова и др.*, 1999 — *Петрова Л. И., Трояновский С. В., Фирсова Н. Д.* О методике моделирования палеорельефа исторической территории (опыт построения модели палеорельефа Великого Новгорода) // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1999. Вып. 13. С. 173–191.
- Понсов*, 1981 — *Понсов В. А.* Отчет об археологических раскопках на территории Новгородского кремля в 1981 г. // Научно-технический архив ГБУК ННРУ. № 1603. 1981.
- ПСРЛ, 1841 — ПСРЛ. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1841. Т. III: Новгородская третья летопись. 320 с.
- ПСРЛ, 1856 — ПСРЛ. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1856. Т. VII: Воскресенская летопись. 345 с.
- Раппопорт*, 1956 — *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 52). 184 с.
- Седов*, 1999–2000 — *Седов Вл. В.* Отчет об архитектурно-археологических раскопках в Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора в 1999–2000 гг. // НОА ИА РАН. Р-1. № 24174. 1999–2000.
- Стеценко*, 1993 — *Стеценко Н. К.* Раскопки в Новгородском кремле (на месте обрушения прясла Спасская — Княжая башни) // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1993. Вып. 7. С. 18–33.
- Строков*, 1940 — *Строков А. А.* Полевой дневник // ГАНО. Ф. Р-3375. Оп. 1. Д. 3–6, 76. 1940.
- Строков*, 1945 — *Строков А. А.* Раскопки в Новгороде в 1940 г. // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 68–73.
- Строков и др.*, 1939 — *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* Раскопки в Новгородском кремле в 1938 г. // НИС. Новгород: б. и., 1939. Вып. 5. С. 3–17.
- Строков, Богусевич*, 1940 — *Строков А. А., Богусевич В. А.* Предварительный отчет о раскопках в Новгороде в 1939 г. (южная часть кремля) // НИС. Новгород, 1940. Вып. 7. С. 3–18.
- Трояновский*, 1995 — *Трояновский С. В.* История изучения Новгородского кремля // НИС. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. № 5 (15). С. 89–111.
- Трояновский*, 1996 — *Трояновский С. В.* Научный отчет об археологических раскопках на территории Новгородского кремля в 1996 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 21153. 1996.
- Трояновский*, 1998 — *Трояновский С. В.* О некоторых результатах раскопок в Новгородском кремле в 1992–1996 гг. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 1998. Вып. 12. С. 58–70.
- Трояновский*, 2001 — *Трояновский С. В.* Новгородский детинец в X–XV вв. по археологическим данным: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Трояновский и др.*, 1997 — *Трояновский С. В., Корчагина Л. А., Стеценко Н. К.* Раскопки на Владычном дворе Новгородского кремля // НиНЗ ИА. Новгород. 1997. Вып. 11. С. 12–18.
- Фараджева и др.*, 2014 — *Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.* Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 134–160.

- Хорошев, 1984 — Хорошев А. С. Периодизация новгородской историографии XVIII — начала XX вв. // Русский город. М.: Изд-во МГУ, 1984. Вып. 7. С. 57–88.
- Чернышев, 1956 — Чернышев Н. А. Отчет по археологическим наблюдениям за земляными работами при рытье траншей при реконструкции Театра драмы в Новгородском кремле за январь 1956 г. // Научно-технический архив ГБУК ННРУ. Р-215. 1956.
- Штендер, 1966 — Штендер Г. М. Археологический обмер траншеи (вентшахта). План и разрезы траншеи // Научно-технический архив ГБУК ННРУ. № 3414–3416. 1966.
- Штендер, 1970 — Штендер Г. М. Чертеж // ОПИ НГОМЗ. Фонд М. Х. Алешковского.
- Штендер, 1987 — Штендер Г. М. Новгородский детинец X–XI вв. // Изучение истории и культуры Новгородской земли: Тез. докл. науч. конф. Новгород, 1987. С. 63–66.
- Янин, 1982 — Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. Л.: Наука, Лен. отд., 1982. № 1 (11). С. 70–95.
- Янин, 2003 — Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: ЯСК, 2003. 508 с.

Archaeological investigations of the Novgorod Kremlin: problems, hypotheses, arguments

M. A. Rodionova

The archaeological investigation of the Novgorod Kremlin has been continuing for over hundred years. In comparison with the state of studies of the urban territory of Novgorod, excavated already for more than 80 years, it must be stated that the Kremlin has not been subjected to such a systematic research.

The Kremlin (*detinets* or a fortified complex) is a nonsimultaneous and multilayered site of architecture and archaeology. The state of studies of particular constituents of the Kremlin complex (architectural objects, defences, cultural deposits) is varied. The walls and towers of the stone *detinets*, as well as architectural monuments, are investigated archaeologically to a greater extent in connection with the practical restoration objectives, especially during the scientific restoration of the Kremlin first conducted in the 1950–1960s. The defences of the wooden *detinets* and cultural deposits in the internal area of the Kremlin are considerably more poorly investigated.

These circumstances, i.e. the irregular state of studies of different objects of the Kremlin complex and the insufficient investigation of its territory in general, are the reason why many questions of the history of the fortified area until now remain unsolved. First, this is true concerning its initial stage because of the practically absolute absence of information about it in written sources.

In the paper here presented, the major scientific problems of the Kremlin archaeology are considered which future investigations of this area must resolve.

Заметки об атрибуции новгородских находок

Е. А. Рыбина¹

Аннотация. Атрибуция находок является одной из важнейших проблем городской археологии. К сожалению, многие предметы часто остаются неопределимыми. Статья посвящена отдельным категориям вещей, для которых в результате накопления информации по различным видам источников удалось определить функциональное назначение.

Annotation. Attribution of finds is among the most important problems of urban archaeology. Unfortunately, many artefacts remain unattributed. This paper is devoted to particular categories of objects for which, due to the accumulation of information through different sources, it has become possible to identify their functional purpose.

Ключевые слова: Древняя Русь, средневековый Новгород, атрибуция вещей.

Keywords: Old Rus', mediaeval Novgorod, attribution of finds.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-173-181

Одной из важнейших проблем городской археологии является атрибуция находок. В новгородской вещевой коллекции, насчитывающей не менее 170 тысяч индивидуальных находок, наряду с хорошо изученными, надежно атрибутированными и классифицированными категориями и отдельными предметами существует значительное число находок, именуемых «поделками», «предметами», «изделиями», «детальями» из-за невозможности определить их назначение. В числе таких находок не только обломки предметов, но и целые изделия, чаще всего представленные в единственном экземпляре. Кроме того, имеются находки, атрибутированные условно. Это многочисленные навершия, накладки, проколки и другие категории находок, объединяющие самые различные по назначению предметы.

С накоплением вещевой коллекции постепенно определялось и функциональное назначение многих предметов.

Способы атрибуции

Самым простым способом атрибуции является обнаружение неатрибутированной находки

в комплекте с другим, связанным с ней, предметом. Например, долгое время десятки кожаных изделий назывались в научной литературе кошельками, поскольку по форме, действительно, напоминали современные кошельки. Однако, еще в 1955 г. на Неревском раскопе был найден подобный «кошелек», при этом богато орнаментированный, в котором находился гребень. Тем не менее такие кожаные изделия продолжали именоваться в описях «кошельками». Но после находки на Троицком раскопе нового комплекта гребня в кожаном футляре вопрос об атрибуции «кошелеков» решился окончательно (Рыбина, 1993. С. 153–156). Эти изделия относятся к категории футляров, предназначенных для самых разных предметов: ложек, писал, ножниц, топоров, проколов и др. Точно так же только после находки в 1992 г. на Троицком раскопе целой деревянной стрелы с костяным навершием (томар) было определено назначение десятков подобных наверший, найденных отдельно (Гайдуков, Макаров, 1993. С. 181–183). Справедливости ради замечу, что такие навершия были атрибутированы еще в 1976 г. шведской исследовательницей И. Захриссон, ссылавшейся на сибирские этнографические материалы (Zachrisson, 1976. P. 117–120). К сожалению, эта работа прошла мимо внимания отечественных археологов. Описанный способ

¹ Кафедра археологии, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, кор. 4, г. Москва, 119192, Россия.

атрибуции, несомненно, надежный и убедительный, однако предметы, состоящие из нескольких отдельных частей, составляющих комплект, при раскопках городов встречаются редко.

К числу комплектных находок, видимо, следует отнести берестяные грамоты и писала (стилосы), хотя в едином комплекте они не встречаются. Писала как орудия для письма долгое время назывались в описях и научной литературе железными стержнями или булавками. И только когда были найдены первые берестяные грамоты, стало очевидно, что это орудия для процарапывания текста на бересте. Раньше их не могли опознать, потому что предполагалось, что на бересте писали чернилами и совсем другими инструментами.

Одним из самых надежных способов атрибуции являются аналогии, поиски которых иногда длятся годами, иногда обнаруживаются вскоре после находки. Так было с обломком костяного предмета, найденного в 1988 г. на Троицком раскопе. Он представлял собой тщательно отполированное барельефное изображение головки в головном уборе. Обратная сторона этой фигурки плоская с изображением складок одежды. В тот же год был получен каталог археологической выставки из Риги, в котором были опубликованы две целые костяные рукояти ножей в виде антропоморфной фигуры с аналогичным завершением. Новгородская находка, несмотря на свою фрагментарность, по форме изделия и оформлению обратной стороны аналогична рижским находкам (Рыбина, 1993. С. 157–159). Эта атрибуция помогла верно определить функцию двух подобных костяных фигурок из Таллина и Ростова Великого, опубликованных В. П. Даркевичем как статуэтки, украшавшие реликварий (Даркевич, 1966. С. 44, табл. 25, рис. 6–8).

Функциональное назначение многих предметов устанавливается благодаря профессионализму исследователей, которые углубленно занимаются определенной темой. Так, в результате классификации и систематизации кожаных изделий Д. О. Осипов выявил и определил среди них клубочки для хищных птиц (соколов) (Осипов, 2013. С. 141–145), которые сохранились в виде кроя и были обозначены как кожаные детали. Точно так же Т. С. Матехина (Варфоломеева), занимаясь разнообразными кожаными вместилищами (ножны, чехлы, футляры), атрибутировала футляры для деревянных цер (Варфоломеева, 1995. С. 192–202). Большая заслуга в определении функции находок,

связанных с музыкальной культурой, принадлежит В. И. Поветкину, который определил назначение ничем не примечательных деревянных предметов. Они оказались деталями музыкальных инструментов (подставки под струны — кобылки) или частями самозвучащих инструментов: жужжалки, трещотки (Поветкин, 1993. С. 147–148). Он же нашел объяснение и небольшого размера косточкам с просверленным отверстием, которые оказались брунчалками (Поветкин, 1990. С. 187–191). В последние годы специалистами по древнерусскому вооружению были атрибутированы детали шлема (Каменский, Каинов, 2013. С. 179–189; Авдеенко, 2017. С. 134–139), деревянный футляр для топора из раскопок 2015 г. (Каинов, Сингх, 2016. С. 196–203). Атрибуция последнего помогла определить назначение костяного предмета, найденного в 1952 г. на Неревском раскопе (Каинов, 2018. С. 87–90).

Прекрасный пример атрибуции ювелирных изделий продемонстрировала И. А. Стерлигова, опознав в найденных на Троицком раскопе золотых ажурных пронизках детали ряса, которыми украшались иконы (Стерлигова, 2018. С. 219–223).

Разумеется, что все перечисленные и иные атрибуции сопровождаются аналогиями, найденными в отечественной и зарубежной литературе и в музейных собраниях.

Однако для некоторых единичных предметов и даже различных категорий находок, число которых достигает десятков экземпляров, аналогии не обнаруживаются, и атрибуция таких находок иногда длится десятилетиями. Самыми длительными были атрибуции так называемых деревянных «цилиндров» и одинаковой конструкции металлических и деревянных крышечек.

«Цилиндры» представляют собой обрезанный ствол дерева длиной 8–10 см, диаметром 5–6 см с продольным и поперечным отверстиями. На их поверхности содержатся надписи, княжеские знаки и зарубки. Впервые такой «цилиндр» был найден в 1951 г. на Неревском раскопе в слое XI в. К 1980 г. их число достигло пяти экземпляров, но назначение оставалось загадкой. Но именно в тот год спустя почти 30 лет после находки первого «цилиндра» их загадка была решена благодаря усилиям В. Л. Янина (Янин, 1982. С. 138–155) и В. И. Поветкина. В данном случае сыграл роль нетривиальный подход к изучению загадочных предметов: «мозговой штурм» исследователя, скрупулезный источниковедческий комплексный анализ

(В. Л. Янин) в сочетании с изготовлением моделей «цилиндров» (В. И. Поветкин), в результате чего был выяснен и наглядно продемонстрирован на моделях способ использования этих предметов. Было установлено, что «цилиндры» являлись своеобразными пломбами-замками, которыми скреплялись мешки с данью, собираемой в Новгородской земле (Янин, 1982; 2001). Отмечу, что аналогии этим предметам были обнаружены уже после того, как их атрибуция состоялась.

Столь же долгой была атрибуция металлических крышечек с различными изображениями на внешней стороне, первая из которых была найдена в 1968 г. на Готском раскопе (Рыбина, 1978. С. 216–219). В 70–90-е гг. XX столетия подобные крышечки регулярно поступали в Новгородский музей от коллекционеров, которые находили их на берегах Волхова. Тогда же металлические крышечки с изображениями были найдены при раскопках Пскова. Кроме того, при раскопках Новгорода обнаруживались десятки аналогичных по конструкции деревянных крышечек. Долгие поиски аналогий, казалось, увенчались успехом. Выяснилось, что эти крышечки по конструкции, форме и размерам чрезвычайно напоминают кустодии, т. е. хранилища для восковых печатей. После этого данная категория крышечек была атрибутирована как кустодии (Рыбина, 1994. С. 87), хотя вопросов по их бытованию и использованию в Новгороде оставалось немало. Наконец в 1995 г. в Новгородский музей поступила еще одна металлическая крышечка с изображением, на оборотной стороне которой частично сохранилось содержимое, состоящее из трех слоев. Нижний слой представлял собой аморфную массу из глины и соломы, его перекрывала свинцовая фольга, поверх которой находился слой отполированного стекла (Рыбина, 1997. С. 87–93; 1999. С. 101–121). Несомненно, это было зеркало, а сама крышечка являлась частью складной оправы для него. Тогда же обнаружили две большие статьи И. Крюгер (Krueger, 1990. S. 233–319; 1995. S. 209–248) о средневековых стеклянных зеркалах в Европе, которые были переведены на русский язык, а спустя годы опубликованы вместе с находками оправ стеклянных зеркал, найденных в России (Крюгер, Рыбина, 2013). Таким образом, для большой группы металлических и деревянных «крышечек» было установлено их функциональное назначение, а предыдущая атрибуция была признана ошибочной.

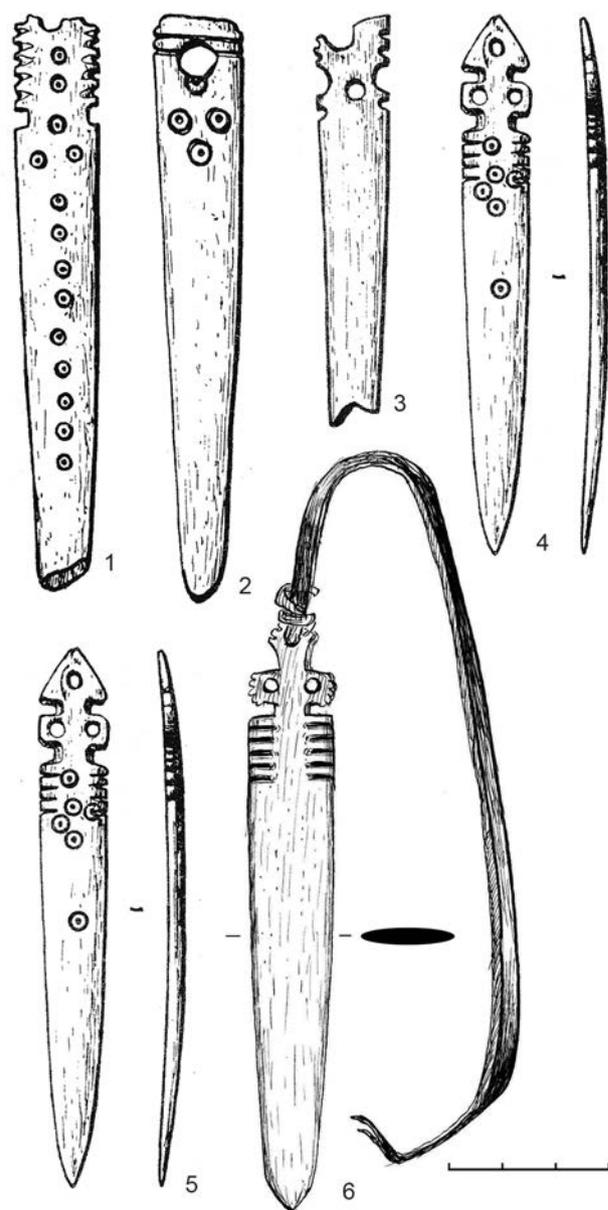

Рис. 1. Проколки, кость: 1–4 — Нутный раскоп, XV в.; 5–6 — Троицкий раскоп, вторая половина XIII в.

Fig. 1. Borers, bone: 1–4 — Nutny Excavation, 15th century; 5–6 — Troitsky Excavation, second half of the 13th century

В составе новгородской коллекции до сих пор находится еще немало неатрибутированных находок, которые ждут своего исследования. В качестве примера назову группу костяных предметов (около 30 экз.), условно именуемых плоскими проколками или булавками и напоминающих ножи для разрезания бумаги. Они представляют собой уплощенные костяные пластины длиной 10–14 см, шириной 1–1,7 см, толщиной 0,4–0,6 см. Декоративно оформленный верхний конец имеет отверстие для подвешивания, другой конец

закруглен или заострен (рис. 1, 1–4). Все они происходят из слоев не ранее второй половины XIII в., но в большинстве своем обнаруживаются в слоях XIV–XV вв. В частности, в 1982 г. на Нутном раскопе в слое 1420–1464 гг. было найдено шесть таких проколов с разнообразным декоративным оформлением (Гайдуков, 1992. С. 101, рис. 75, 1–6). На Троицком раскопе в 1984 г. в слое второй половины XIII в. была найдена подобная проколка с кожаным ремешком (рис. 1, 6). Кроме того, еще две троицкие проколки имеют точно такое же оформление, что и одна из проколов с Нутного раскопа (рис. 1, 4–5).

Наряду с неопределенными предметами или определенными условно в новгородской вещевой коллекции находятся категории, атрибуция которых оказывается неоднозначной. О двух таких категориях и пойдет речь.

Шашки или счетные жетоны?

В этом разделе будет рассмотрена группа костяных предметов, традиционно именуемых шашками, которые по форме и оформлению, действительно, чрезвычайно похожи на современные фигуры для игры в шашки. Они представляют собой выточенные из рога диски диаметром от 2 до 4 см, толщиной 0,4–1,1 см. На внешней стороне вокруг слегка выпуклого центра расположены образованные при точении дисков концентрические линии. По краю диска также по кругу имеются линии от одной до трех (рис. 2, 1–4, 7, 8). В коллекционных и музейных описях такие предметы чаще всего именуется шашками, но встречаются и другие обозначения этих предметов: поделка, диск.

Коллекция новгородских шашек именно такой формы и орнамента насчитывает несколько десятков экземпляров, которые происходят с разных раскопов Новгорода, где они обнаруживаются в слоях второй половины XIII — XV в. Закономерно, что наибольшее число шашек происходит с самых больших по площади раскопов — Неревского и Троицкого. На других раскопах находки шашек единичны.

К сожалению, большинство категорий предметов из кости, найденных при раскопках в Новгороде, до сих не стали предметом специального изучения². В связи с этим даже многие опознава-

емые предметы (пуговицы, рукоятки, копоушки, наверхия и др.), в том числе и шашки, остаются неразработанными. Отсутствуют их статистика, типология, хронология, аналогии; зафиксировано лишь бытование этих предметов в средневековом Новгороде. Что касается шашек, то наряду с историко-этнографическим анализом необходимо было бы выяснить, в какой игре и как они применялись.

Между тем известно, что подобные костяные диски существовали с римских времен (возможно, и раньше), где они использовались не только для игры, но и как счетные жетоны. О двойном использовании костяных дисков с концентрическими кругами писал М. И. Ростовцев (*Ростовцев*, 1899) и другие авторы. В частности, сведения об этом содержатся в работе М. Митчинера, который в обзоре находок, происходящих из Южной Англии, писал, что две категории, а именно счетные жетоны и игральные кости, чаще других встречаются при раскопках римских памятников I–IV вв. При этом он отмечал, что счетные жетоны, как правило, имеют форму круглых дисков из кости, внешняя сторона которых нередко украшена концентрическими кругами (*Mitchiner*, 1978. P. 43) (рис. 2, 5, 6).

Аналогичные счетные жетоны наряду с металлическими использовались и в средневековой Европе. Однако костяные диски служили не только для проведения расчетов в торговле и банковском деле, но и употреблялись в обучении. Ярким свидетельством тому служит находка 1866 г. в Любеке комплекта средневековых школьных предметов, которая была опубликована только в 1912 г. (*Warncke*, 1912. S. 227–251). Предметы были обнаружены в мусорной яме на территории церкви св. Якоба, при которой в средневековье находилась школа. В найденном комплекте школьных предметов наряду с несколькими церами (*Wachstaffeln*), писалом, деревянными колотушками (*Pritschholz*) для наказания нерадивых учеников находились диски с концентрическими линиями, обозначенные как *Rechenpfennige*, то есть счетные жетоны (рис. 3) (*Schildhauer*, 1984. S. 186, abb. 143). При отсутствии стратиграфии датировка комплекса была определена согласно письменным источникам и содержанию текстов на церах второй половиной XIV в. (*Warncke*, 1912. S. 230). Таким образом, не подлежит сомнению тот факт, что обсуждаемые костяные диски (шашки) в античной и средневековой Европе имели двойную функцию: игральную и счетную. Следовательно,

² Систематизированы лишь коллекции костяных находок Неревского и Троицкого раскопов в дипломатических работах С. А. Глейбермана и Х. В. Штайгер.

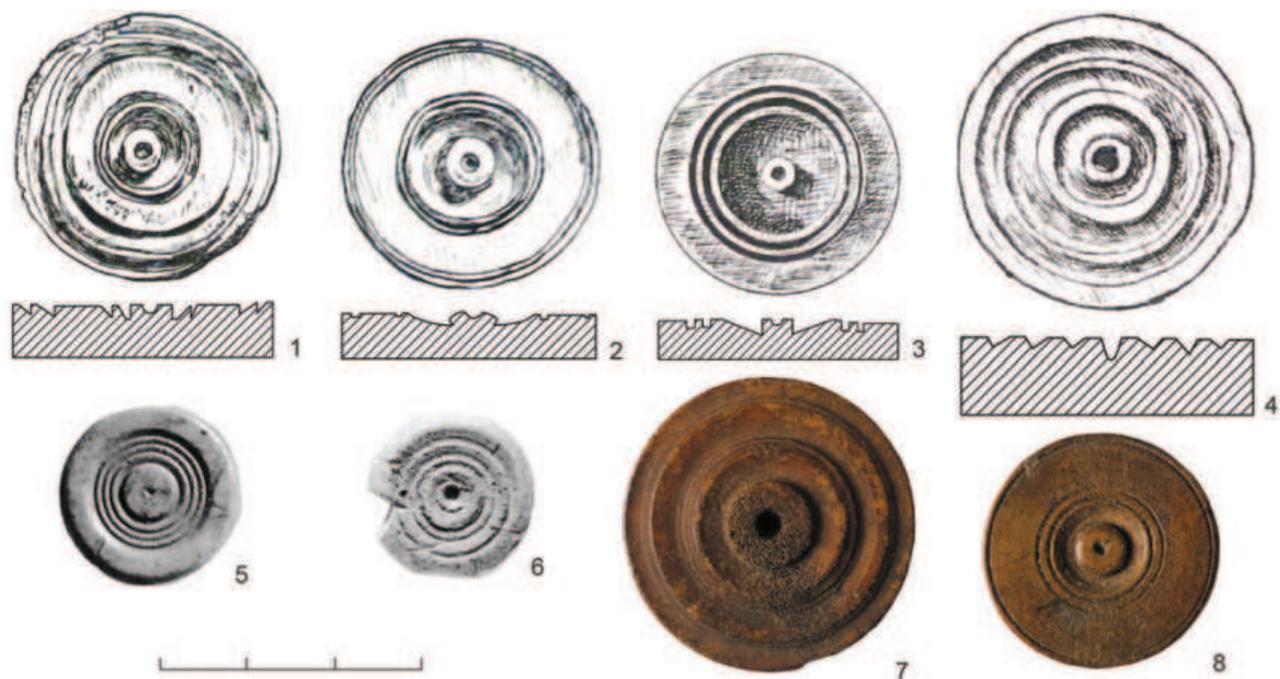

Рис. 2. Шашки, рог: 1-2 — Тихвинский раскоп, 1969 г.; 3 — Нутный раскоп, 1980 г.; 4 — Михайловский раскоп, 1970 г.; 5-6 — Лондон, Норфолк (Mitchiner, 1978. P. 43); 7 — Михайловский раскоп, 1970 г.; 8 — Неревский раскоп, 1955 г.
 Fig. 2. Draughts, horn: 1-2 — Tikhvinsky Excavation, 1969; 3 — Nutny Excavation, 1980; 4 — Mikhaylovsky Excavation, 1970; 5-6 — London, Norfolk (Mitchiner, 1978. P. 43); 7 — Mikhaylovsky Excavation, 1970; 8 — Nerevsky Excavation, 1955

Рис. 3. Школьные предметы из раскопок Любека (Schildhauer, 1984. S. 186, abb. 143)
 Fig. 3. School utensils from excavations at Lubeck (Schildhauer, 1984. S. 186, abb. 143)

находки данных предметов на территории Руси также имели неоднозначное применение.

Здесь я лишь обозначила проблему функционального назначения новгородских «шашек». Предстоит большая работа по их выборке, систематизации, хронологии, топографии, возможно типологии, чтобы в каждом отдельном случае надежно установить их принадлежность к игре или счетному делу.

Деревянные плоские бирки с надписями

К числу предметов, атрибутированных условно, следует отнести и разного размера и формы деревянные предметы с надписями, именуемые «счетными» бирками (Янин, 1986. С. 81–86). В публикации В. Л. Янина к их числу отнесена и плоская бирка с надписью «ЖСТИЄВАК...», найденная в 1980 г. на Троицком раскопе под настилом мостовой Черницыной улицы, которая датируется второй половиной XI в. (рис. 4, 3). Однако, несмотря на наличие зарубок, она существенно отличается от всех остальных «счетных» бирок, которые представляют собой разного размера брусочки.

Спустя годы на Троицком раскопе в слоях XII в. были найдены еще две подобные бирки с надписями, тем самым образовалась небольшая группа деревянных плоских бирок, одинаковых по форме и оформлению. Все они представляют собой узкую пластину, на одном конце которой имеется отверстие. К сожалению, у двух из них второй конец обломан, но, очевидно, он был оформлен также, как у бирки с сохранившимся сужающимся закругленным окончанием (рис. 4, 1). Ниже приводятся необходимые данные о каждой бирке.

1. Бирка с надписью «ЖСТИЄВАК...». Н-1980. Тр. V, пл. 15, кв. 348. Вторая половина XI в. Размеры: 16,5 × 2,7 см (рис. 4, 3).

2. Бирка с надписью «МЪСТОҀИ». Н-2010 г. Тр. XIII, пл. 8, кв. 1819. XII в. Размеры: 22 × 1,5 см (рис. 4, 1).

3. Бирка с надписью «УСТЬЄ ЪМЦЪ». Н-2017, Тр. XV, пл. 4, кв. 1882. XII в. Размеры: 17 × 2 см.

В отличие от двух предыдущих внешний вид и оформление этой бирки производят впечатление не бывшего в употреблении предмета, а только что сделанного. Об этом свидетельствуют отсутствие следов потертости, как на самой бирке, так и в отверстии для подвешивания, четко вырезанная надпись и незаконченные зарубки, которые лишь намечены (рис. 4, 2).

Для решения вопроса о функциональном назначении этих бирок имеют значение их форма, наличие отверстия и сопровождающие надписи. Несомненно, все они к чему-то привешивались, коль скоро данные бирки снабжены отверстием. Что касается надписей, то особый интерес представляет бирка с целиком сохранившейся надписью: УСТЬЄ ЪМЦЪ. Нет сомнения в том, что эта надпись фиксирует топоним, обозначающий устье реки Емца³ и близлежащую одноименную волость. Этот топоним упоминается в «Уставе новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине» 1137 г. среди прочих мест, откуда поступала дань (Российское законодательство..., 1984. С. 224–225). Следовательно, данная бирка привешивалась к мешкам с данью, обозначая место ее сбора, то есть выполняла ту же функцию, что и рассмотренные выше «цилиндры», с той лишь разницей, что последние, содержащие записи о количестве дани, использовались однократно, а плоская бирка только с топонимом могла использоваться многократно.

Эта надпись помогла восстановить и надпись на первой бирке из этой серии, найденной в 1980 г., которая оказалась неполной из-за обломанного конца и читалась как ЖСТИЄВА К... . Несмотря на облом, буква К читается надежно, от нее сохранилась левая вертикальная черта и легко угадывается правая часть (рис. 4, 3). Первоначально предполагалось, что в данном случае имеется в виду владелец бирки, некий Устиев. (Зализняк, 1986. С. 302). Однако после находки бирки с надписью УСТЬЄ ЪМЦЪ стало очевидно, что и в надписи ЖСТИЄВАК упомянут гидроним: УСТИЕ ВАК-. Оставалось только найти на территории Новгородской земли реку, начинающуюся на ВАК-. С этой целью были просмотрены каталоги всех гидронимов, находящихся в северо-западном регионе. Оказалось, что реки, название которой начиналось бы на ВАК-, не существует. Тупиковая ситуация была разрешена лингвистическим комментарием А. А. Гиппиуса: «Мне кажется абсолютно невероятным, чтобы последовательность *устье* (=устие) в надписях на двух одинаковых предметах означала в одном случае «устье», а в другом была частью притяжательного прилагательного. Поэтому у меня нет ни малейшего сомнения, что читать нужно “устие ВаК-” и никак иначе. Но, если на “ВаК-”

³ Река Емца — левый приток Северной Двины.

Рис. 4. Бирки с надписями, дерево: 1 — Троицкий раскоп XIII, 2010 г.; 2 — Троицкий раскоп XV, 2017 г.; 3 — Троицкий раскоп V, 1980 г. (фото и прорисовка)

Fig. 4. Tags with inscriptions, wood: 1 — Troitsky Excavation XIII, 2010; 2 — Troitsky Excavation XV, 2017; 3 — Troitsky Excavation V, 1980 (foto and drawing)

гидронимов нет (а я тоже смотрел), остается считать, что К стоит вместо Г, то есть, что перед нами тоже “устье Ваги”, только записанное с заменой звонкого на глухой. У нас есть грамота № 614, в которой вместо Д, Б, Г стоят Т, П, К. А. А. Зализняк допускает, что писал ее или обрусевший карел, или носитель говора с прибалтийско-финским субстратом»⁴.

Таким образом не остается сомнений, что на бирке 1980 г. было написано УСТЬЕ ВАГИ⁵ с заменой звонкого Г на К. Устье этой реки вместе с прилегающей к нему волостью так же, как и устье Емци, названо в уставе Святослава в перечне пунктов сбора дани, что является дополнительным аргументом в пользу изложенной трактовки надписи УСТИЕ ВАК-.

Третья бирка сохранилась практически целиком за исключением конца с отверстием, которое,

тем не менее, легко угадывается (рис. 4, 1). Ее принадлежность к рассмотренному типу представляется несомненной, но в отличие от двух предыдущих с указанием мест сбора дани, на данной бирке, очевидно, указан сборщик дани по имени Местуй (**мѣстоуи**). До сих пор это имя не было известно в древнерусском ономастиконе. При трактовке этого имени А. А. Гиппиус отметил, что в его основе находится славянский антропоним Мест- с окончанием на -уй, характерным для прибалтийско-финских имен. В берестяных грамотах известно немало имен со славянским корнем Мест- (Мест-ята, Мест-ко, Мест-илов) и одновременно карельских имен с окончанием на -уй (Вигуй, Сидуй, Лейнуй). В данном случае имя Местуй представляет собой славяно-финский гибрид.

Таким образом, плоские деревянные бирки с надписями маркируют в XI–XII вв. мешки с данью, указывая на место ее сбора или, возможно, называя имя сборщика.

⁴ Из письма А. А. Гиппиуса от 11 октября 2019 г.

⁵ Река Вага — также левый приток Северной Двины.

Авдеенко, 2017 — Авдеенко Е. А. Находки фрагментов боевых наголовий в Новгороде // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2017. Вып. 31. С. 134–139.

Варфоломеева, 1995 — Варфоломеева Т. С. Кожаные футляры в виде коробочек // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1995. Вып. 9. С. 192–202.

Гайдуков, 1992 — Гайдуков П. Г. Славянский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: Наука, 1992. 197 с.

Гайдуков, Макаров, 1993 — Гайдуков П. Г., Макаров Н. А. Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси // НиНЗ ИА. Новгород, 1993. Вып. 7. С. 179–188.

Даркевич, 1966 — Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). М.: Наука, 1966 (САИ; Е1-57). 148 с.

Зализняк, 1986 — Зализняк А. А. Словоуказатель к берестяным грамотам // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 260–306.

Каинов, 2018 — Каинов С. Ю. Чехол для лезвия топора с Неревского раскопа // Нескончаемое лето: Сб. ст. в честь Елены Александровны Рыбиной. М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2018. С. 87–90.

Каменский, Каинов, 2013 — Каменский А. Н., Каинов С. Ю. О неизвестной находке фрагмента шлема с Дубошина раскопа в Великом Новгороде //

НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2013. Вып. 27. С. 179–189.

Каинов, Сингх, 2016 — Каинов С. Ю., Сингх В. К. Деревянный чехол топора с Троицкого раскопа // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2016. Вып. 30. С. 196–203.

Крюгер, Рыбина, 2013 — Крюгер И., Рыбина Е. А. Средневековые стеклянные зеркала. М.: Изд-во «Аргмак-Медиа», 2013.

Осипов, 2013 — Осипов Д. О. Атрибуция предметов из кожи: материалы раскопок Великого Новгорода и Москвы // РА. 2013. № 1. С. 141–145.

Поветкин, 1990 — Поветкин В. И. Об одной из детских музыкальных забав на Руси // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 187–191.

Поветкин, 1993 — Поветкин В. И. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Раскопки 1992 г. // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1993. Вып. 7. С. 144–152.

Российское законодательство..., 1984 — Российское законодательство X–XX вв. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 1. 432 с.

Ростовцев, 1899 — Ростовцев М. И. История государственного откупа в Римской империи: от Августа до Диоклетиана. СПб.; Тип. И. Н. Скороходова, 1899 (Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета; Ч. 51). 304 с.

- Рыбина*, 1978 — *Рыбина Е. А.* Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 197–226.
- Рыбина*, 1993 — *Рыбина Е. А.* К атрибуции некоторых археологических находок из Новгорода // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1993. Вып. 7. С. 153–161.
- Рыбина*, 1994 — *Рыбина Е. А.* Западноевропейские находки XIII–XIV вв. из раскопок в Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород: б. и., 1994. С. 87–89.
- Рыбина*, 1997 — *Рыбина Е. А.* К атрибуции загадочных средневековых крышечек // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1997. Вып. 11. С. 87–93.
- Рыбина*, 1999 — *Рыбина Е. А.* Зеркала в средневековой Руси (проблема атрибуции, публикация оправ с изображениями) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.: Русские словари, 1999. С. 101–121.
- Стерлигова*, 2018 — *Стерлигова И. А.* Новгородский след в истории древнерусских золотых рясен // Нескончаемое лето: Сб. ст. в честь Елены Александровны Рыбиной. М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2018. С. 219–223.
- Янин*, 1982 — *Янин В. Л.* Археологический комментарий к «Русской Правде» // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 138–155.
- Янин*, 1986 — *Янин В. Л.* Надписи на деревянных «счетных» бирках // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 81–86.
- Янин*, 2001 — *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. 149 с.
- Krueger*, 1990 — *Krueger I.* Glasspiegel im Mittelalter. Fakten, Funde und Fragen // Bonner Jahrbücher. 190. Bonn, 1990. S. 233–319.
- Krueger*, 1995 — *Krueger I.* Glasspiegel im Mittelalter II. Neue Funde und neue Fragen // Bonner Jahrbücher. 195. Bonn, 1995. S. 209–248.
- Mitchiner*, 1978 — *Mitchiner M.* The Ancient & Classical World. 600 b.c.-a.d. 650. Hawkins Publications; distributed by B. A. Seaby, 1978. P. 43.
- Schildhauer*, 1984 — *Schildhauer J.* Die Hanse. Geschichte und Kultur. Leipzig: Edition Leipzig, 1984. S. 246.
- Warncke*, 1912 — *Warncke J.* Mittelalterliche Schulgeräte im Museum zu Lübeck. Ein Kloalenfund vom Grundstück der alten Lübecker Stadtschule // Zeitschrift der Geschichte der Erziehung und des Unterrichts. 1912. N. 2. S. 227–251.
- Zachrisson*, 1976 — *Zachrisson I.* Medeltida ekorrpilar // Fornvännen. Stockholm, 1976. Vol. 71. S. 117–120.

Notes on attribution of Novgorod finds

E. A. Rybina

The first section of this article considers the problem of attribution of archaeological finds from excavations in towns, the techniques of attribution are analysed and examples of the identification of the functional purpose of different objects are presented. These objects include particular categories of artefacts (wooden seals, mirror casings) the attribution of which has taken decades. In the second section, there are analysed in detail two categories of finds from excavations in Novgorod (bone draughts and wooden flat tags); their initial attribution turned to be arbitrary. Additional evidence is presented on different use of bone draughts and the purpose of the tags is reliably identified.

Деревянные игрушки — имитации предметов вооружения из раскопок средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа)

В. К. Сингх, А. М. Степанов¹

Аннотация. В статье дан обзор находок детских деревянных игрушек, являющихся имитациями боевого оружия и происходящих с усадеб, открытых на Троицком раскопе в Великом Новгороде. Всего выявлено 203 экз., среди которых: деревянные мечи (160), луки (21), копья (14), ножи (3), топоры (3), булава (1) и клевец (1). Хронологические рамки исследования — середина X — конец XIV в. Большую часть коллекции составляют рукояти мечей (160 экз.). Для этой категории выделено три основных типа по форме навершия, соответствующих реальным боевым мечам. Проведена топография находок по усадьбам, выявившая отдельные скопления, характерные в первую очередь для X — первой половины XI в.

Annotation. This paper presents a review of the finds of children's wooden toys imitating battle armament from the properties uncovered at the Troitsky Excavation in Veliky Novgorod. Totally, 203 items have been found including: wooden swords (160), bows (21), spears (14), knives (3), axes (3), a mace (1) and a bec de corbin (1). The chronological range of the study is the mid-10th — late 14th century. The majority of the collection is composed by sword hilts (160 items). Among this category, three main types have been distinguished according to the shape of the pommel corresponding to real battle swords. The topography of the finds throughout the properties was examined revealing separate accumulations characteristic primarily of the 10th — first half of the 11th century.

Ключевые слова: средневековый Новгород, Троицкий раскоп, детские игрушки, предметы вооружения, X–XIV вв., типология, топография.

Keywords: mediaeval Novgorod, Troitsky Excavation, children's toys, items of armament, 10th–14th century, typology, topography.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-182-193

В результате многолетних археологических исследований в Новгороде науке стала доступна уникальная коллекция деревянных изделий различного назначения. Это многочисленные орудия труда, детали транспорта, машин и станков, бытовые изделия, домашняя утварь, архитектурная резьба, деревянная скульптура и т. д.

Среди них отдельное место занимают детские игрушки. Они обнаружены массовыми сериями во всех средневековых напластованиях города с X по XIV в. В этой коллекции большую долю составляют игрушки — имитации предметов вооружения. В их числе деревянные мечи, луки и стрелы, топоры, кинжалы, ножи, булава и клевец.

Самым популярным материалом для изготовления детских игрушек служило дерево, этот материал был легкодоступен, не требовал специальных приспособлений, условий для работы с ним, в отличие от глины и кожи. Простейшие игрушки дети могли делать сами, более сложные в исполнении требовали помощи взрослых. Массовое изготовление игрушек не было характерно для средневековья, каждая семья изготавливала необходимое ей в домашних условиях.

¹ Сингх В. К. — кафедра археологии, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, кор. 4, г. Москва, 119192, Россия; E-mail: arxeolog@gmail.com; Степанов А. М. — Центр по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (ЦОАИ НГОМЗ); ул. Ильина, д. 26, Знаменское подворье, г. Великий Новгород, 173000, Россия; E-mail: sam0464@mail.ru.

Таблица 1. Распределение деревянных игрушек — имитаций предметов вооружения по векам
 Table 1. Distribution of wooden toy weaponry throughout the centuries

Наименование игрушки	Век					Всего	
	X	XI	XII	XIII	XIV		
Мечи	I тип	46	31	5	3	–	85
	II тип	12	12	5	1	–	30
	III тип	1	2	6	11	2	22
	Прочие	11	5	5	2	–	23
Луки	3	8	6	–	3	–	21
Копья	1	10	3	–	–	–	14
Ножи	–	2	1	–	–	–	3
Топоры	–	1	–	2	–	–	3
Булава	–	1	–	–	–	–	1
Клевец	–	–	–	1	–	–	1
Всего	74	72	31	20	5	–	203

Для ребенка игрушка была, кроме развлечения, и одним из способов знакомства с окружающим миром, с будущей социальной ролью. В игре ребенок получал первые уроки правил поведения в коллективе, усваивал этические ценности своего общества. Подражая в своих играх поведению старших, дети часто использовали инвентарь, сходный с применяемым в быту и повседневной жизни.

Поражает детальная проработка некоторых игрушек, по которым можно представить эволюцию вещи, что не всегда можно сделать по остаткам настоящих предметов.

Впервые к категории детских деревянных игрушек обратился А. Ф. Медведев, в рамках исследования древнерусского оружия из раскопок Новгорода (Медведев, 1959). В своей работе он приводит сведения о 13 известных на тот момент навершиях деревянных мечей, отмечая, что их форма подражает форме настоящих мечей, употреблявшихся в соответствующее время (Там же. С. 122).

После завершения работ на Неревском раскопе и систематизации деревянных изделий Б. А. Колчин выпустил свод новгородских древностей по резному дереву (Колчин, 1971). В разделе, посвященном рассмотрению игрушек, он сообщает о находках более 50 экземпляров рукоятей детских мечей и описывает наиболее интересные, привязывая их к типологии железных мечей, разработанной А. Н. Кирпичниковым (Кирпичников, 1966а). Деревянные мечи интересуют Б. А. Колчина как предмет массового бытового искусства жителей средневекового Новгорода.

В 1980-е гг. на кафедре археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова состоялись защиты двух дипломных работ, посвященных данной тематике. В 1985 г. защиту проходит работа Е. В. Глазуновой «Типология наверший деревянных мечей из Новгорода» (Глазунова, 1985), в которую включены находки 78 обломков мечей, происходящих из 13 раскопов города: Неревского, Троицкого, Кировского, Дубошина, Нутного, Кузьмодемьянского, Готского, Лубяницкого, Людогощинского, Торгового, Михайловского, из раскопок на Ярославовом дворище и у вала Окольного города.

Проведенный в дипломной работе Е. В. Глазуновой анализ по сопоставлению детских мечей с их оригиналами выявил, что они хронологически и типологически полностью соответствуют общеевропейским стандартам (Глазунова, 1985. С. 83).

В 1987 г. защищается дипломная работа Н. А. Морозовой «Игрушки древнего Новгорода (опыт анализа исторического источника)» (Морозова, 1987). В ней дан обзор детских игрушек, изготовленных из дерева, глины, кожи, кости, насчитывающий 1410 предметов, найденных в ходе археологических исследований в Новгороде в 1951–1986 гг. Среди них навершия деревянных мечей, луки, копья, ножи и топор (Морозова, 1990).

Результаты этих двух дипломных работ были обобщены в статье А. С. Хорошева «Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок)» (Хорошев, 1998).

В настоящей работе предпринята попытка сбора и анализа детских игрушек — предметов вооружения, происходящих с усадеб Троицкого

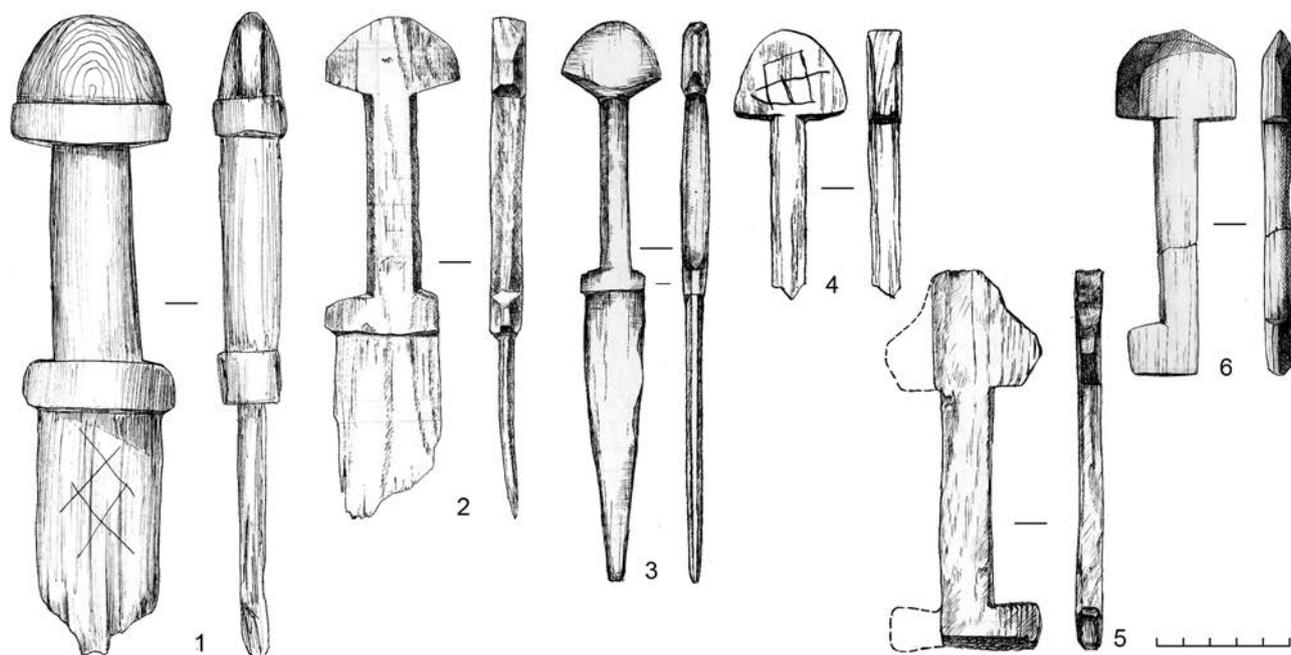

Рис. 1. Рукояти деревянных игрушечных мечей с грибовидным навершием (тип 1)

Fig. 1. Hilts of wooden toy swords with mushroom-shaped pommel (type 1)

раскопа, одного из крупнейших археологических объектов, расположенного в Людином конце средневекового Новгорода. Всего собрано и систематизировано 203 предмета, относящихся к данной категории. Среди них: мечи — 160 экз.; луки — 21 экз.; копьё — 14 экз.; ножи — 3 экз.; топоры — 3 экз.; булава — 1 экз.; клевец — 1 экз. (табл. 1).

Мечи

Самой массовой категорией игрушек в коллекции Троицкого раскопа являются деревянные одноручные мечи. Они имеют все основные детали, присущие реальному боевому оружию, — лезвие, рукоять, навершие и перекрестие. Как правило, сохраняются только рукояти с перекрестием и с обломком лезвийной части. На Троицком раскопе за все годы исследований собрана коллекция из 160 подобных предметов, из них три — целые экземпляры. Максимальную информацию несут те навершия, которые сохранили перекрестие и часть лезвия, так как являются бесспорными фрагментами меча, а также дают возможность осуществления ряда промеров. Однако такие навершия составляют чуть больше половины от общего числа.

Размеры рукоятей различались в зависимости от возраста и, соответственно, размера руки ребенка.

В результате анализа наверший игрушечных мечей обнаружено сходство их форм с навершиями боевых железных мечей. Внешнее сходство подтверждается количественным и хронологическим единством, соблюдением основных пропорций. Весь массив находок можно условно разделить на три основных типа по форме навершия.

Тип 1. Самый распространенный тип навершия имеет полукруглую или грибовидную форму (рис. 1).

К данному типу отнесено 85 экземпляров. Хронологически данный тип игрушечных мечей представлен с X по XIII в., однако основная масса этих вещей приходится на ранний период — X–XI вв. (74 экз.), а затем постепенно сокращается, сходя на нет к первой половине XIII в.

К этому типу можно отнести четыре рукояти с навершиями, имеющими деления на три или пять лопастей, а также навершие с неровным ступенчатым краем (рис. 2, 1–3). Все они датируются серединой — второй половиной X в. Несмотря на различия в оформлении декора наверший, в целом они имеют грибовидную форму.

Этот тип мечей без сомнения имитирует настоящие боевые мечи с полукруглым (грибовидным) навершием, выкованным из одного куска со своим основанием (тип X по Я. Петерсену)

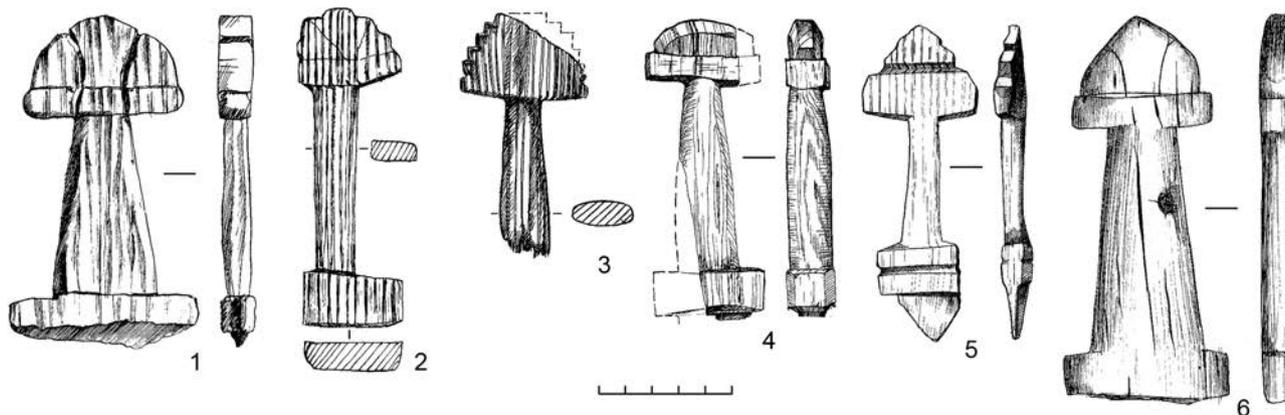

Рис. 2. Варианты рукоятей деревянных мечей типа 1

Fig. 2. Variants of hilts of type 1 wooden swords

Рис. 3. Мечи и рукояти деревянных игрушечных мечей с треугольным навершием (тип 2)

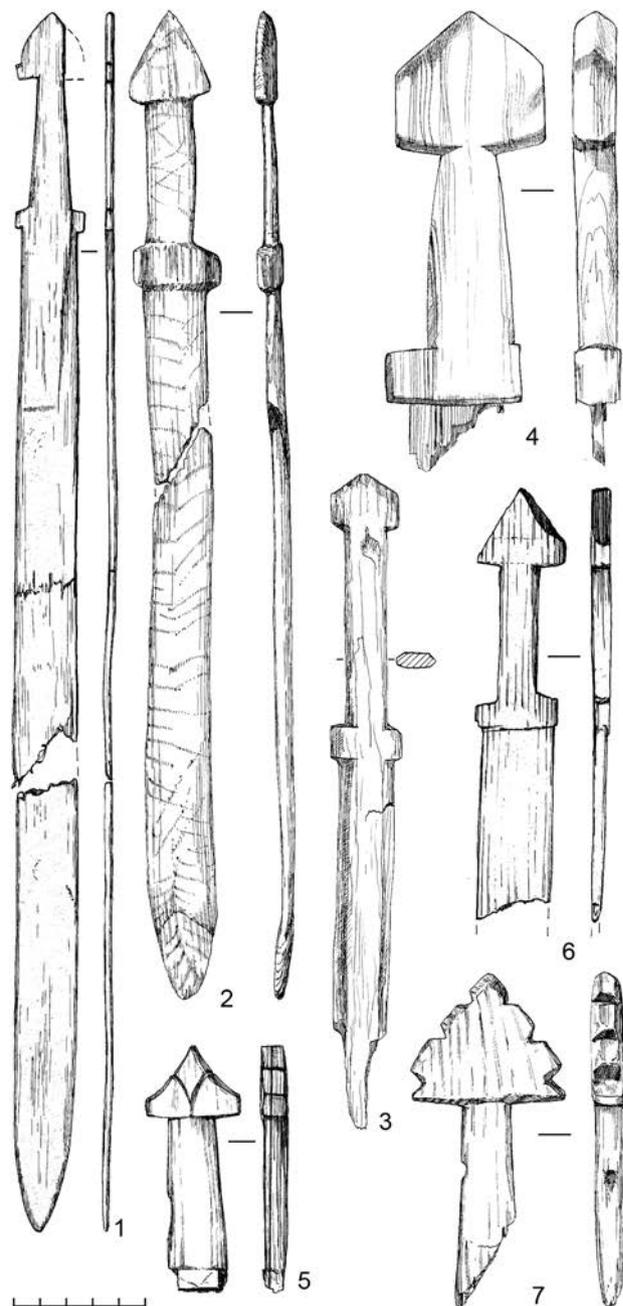
Fig. 3. Swords and hilts of wooden toy swords with a triangular pommel (type 2)

(Петерсен, 2005. С. 186) и тип IV по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966а. С. 54). Орнаментация у наверший этого типа отсутствует. Экземпляры с трех- и пятилопастными навершиями являются стилизованными изображениями нескольких типов железных мечей: S, T-2 и V (Петерсен, 2005. С. 173, 178, 183).

Тип 2. Рукояти мечей этого типа имеют треугольное или подтреугольное навершие (рис. 3). Перекрестие достаточно широкое и не длинное. В ряде случаев выступы перекрестия практически отсутствуют. К этому типу относятся 29 экземпляров. Они бытуют с середины X до начала XIII в., но, как и мечи типа I, концентрируются в слоях X–XI вв. Эти мечи сходны по форме с типами А, В и Н по Я. Петерсену (Петерсен, 2005. С. 96, 98, 125).

Тип 3. Рукояти мечей этого типа имеют круглое или дисковидное навершие. Таких мечей найдено 21 экз. Они довольно равномерно распределены с X по XIV в., но основная часть приходится на вторую половину XII — XIII в. Мечи подобной формы не имеют предшественников и появились не ранее начала XII в. Самые поздние датируются началом XV в. Мечи с дисковидным навершием соотносятся с мечами типа VI по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966а. С. 55).

Кроме перечисленных типов в коллекции Троицкого раскопа имеются деревянные рукояти мечей с навершиями фигурных или иных геометрических форм, однако это единичные экземпляры,

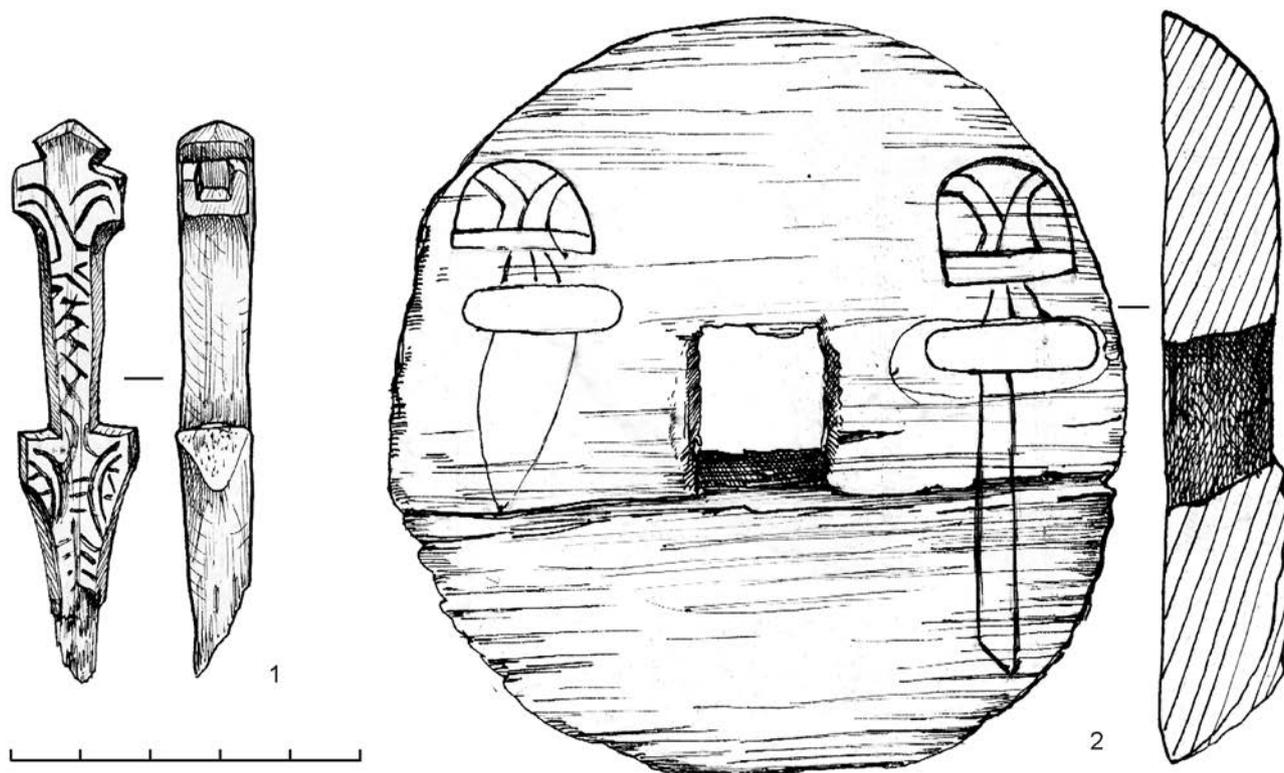

Рис. 4. 1 — миниатюрный деревянный меч индивидуальной формы; 2 — деревянная деталь с изображением мечей
 Fig. 4. 1 — miniature wooden sword of an individual form; 2 — wooden object with a representation of swords

которые не составляют тип (всего 19 экз.) (рис. 4, 1). Также обнаружены четыре клинка от мечей.

Характер распределения наверший деревянных игрушечных мечей во времени представлен

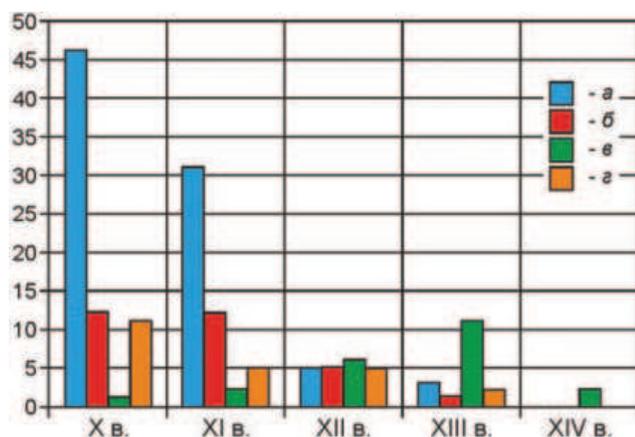

Рис. 5. Хронологическое распределение деревянных мечей по типам (а — тип I; б — тип II; в — тип III; з — прочие)

Fig. 5. Chronological distribution of different types of wooden swords (a — type I; б — type II; в — type III; з — other)

на рис. 5 и в табл. 1. Они демонстрируют любопытную картину бытования различных типов мечей в Новгороде на протяжении X–XIV вв. Наибольшее количество мечей приходится на X — первую половину XI в. Это период бытования двух ранних типов — с грибовидным и треугольным завершением рукоятей. Их количество значительно снижается к середине XII в., и до конца XII в. они представлены единичными экземплярами. К концу XI — началу XII в. начинает увеличиваться доля рукоятей мечей с дисковидным навершием. Наибольшее количество мечей данного типа приходится на вторую половину XII — XIII в.

Следует отметить, что уже в ранних ярусах, датируемых X в., фиксируется значительное количество мечей (70 экз.), так что мы можем говорить о максимальной их концентрации в X — первой половине XI в. По-видимому, данная категория находок появляется в более раннее время, но поскольку в Новгороде пока не обнаружено слоев ранее 30-х гг. X в., то на этот счет у нас нет никакой информации.

Сопоставление выделенных типов наверший деревянных мечей с типами боевых железных

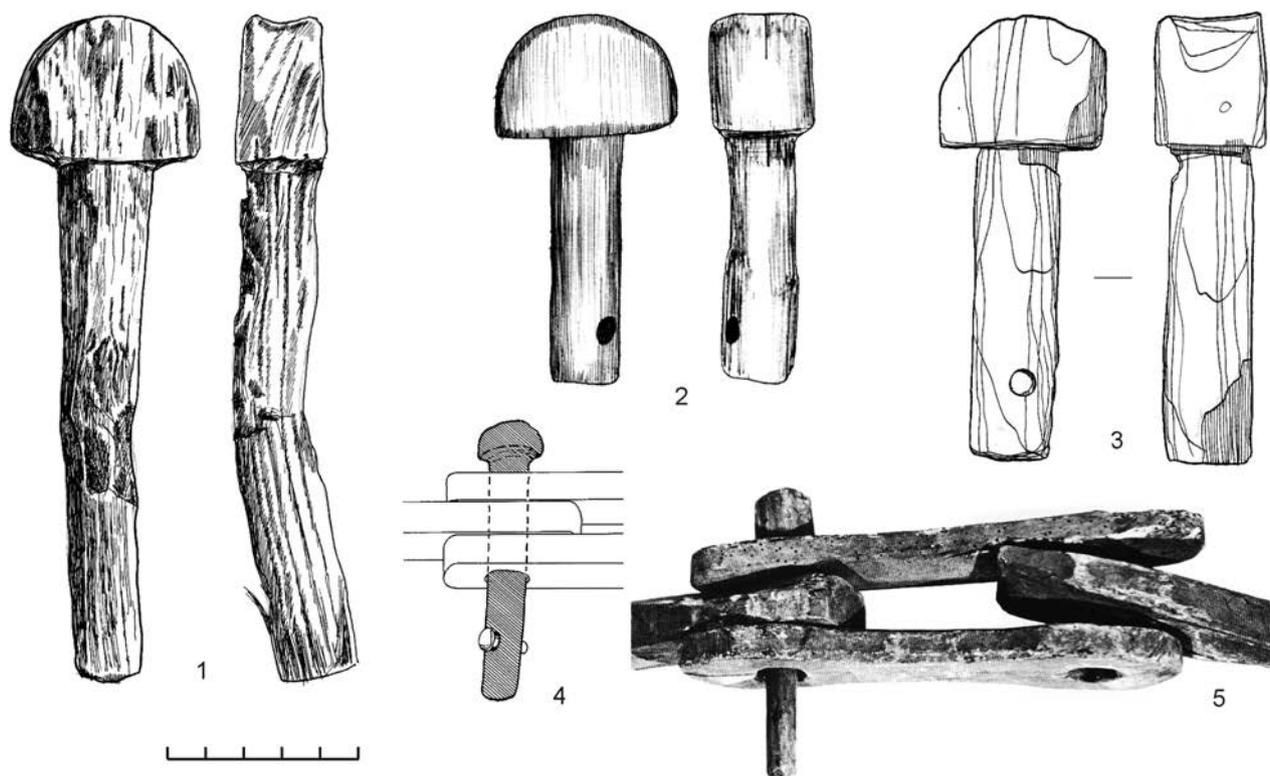

Рис. 6. Деревянные «нагели» с грибовидным навершием для соединения подвижных механизмов: 1–3 — «нагели» с Троицкого раскопа, X–XII вв.; 4, 5 — соединение двух звеньев одной конструкции с помощью «нагеля» (Szabó et al., 1985. Abb. 122–123)

Fig. 6. Wooden 'pins' with a mushroom-shaped head for fixation of mobile mechanisms: 1–3 — 'pins' from the Troitsky excavation, 10th–12th century; 4–5 — junction of two links of a single construction using a 'pin' (Szabó et al., 1985. Abb. 122–123)

мечей по классификациям Я. Петерсена и А. Н. Кирпичникова демонстрирует достаточно явное сходство форм. Внешнее сходство подтверждается количественным и хронологическим единством. Среди железных боевых мечей господствуют типы с грибовидным, трехчастным и треугольным навершием. В более позднее время — с дисковидным. Деревянные навершия в основном представлены также подобными типами. Игрушки копируют только наиболее популярные типы мечей, представленные большим количеством находок.

В качестве дополнительных источников о мечах ранее привлекались находки из раскопок Новгорода с изображением воинских сцен. В частности, фрагменты деревянных резных сосудов с Неревского и Троицкого раскопов, датированные XIII в. (Сорокин, Тянина, 1999). Нелишним будет упомянуть и находку деревянной детали, найденной на Троицком раскопе на усадьбе «П» в слое первой половины XI в. Она представляет

собой небольшое колесико, диаметром 10,4 см с квадратным отверстием в центре для крепления, вероятно, к оси (рис. 4, 2). Интерес представляют изображения двух вырезанных на нем мечей. При всем схематизме и небрежности изображенных клинков, напротив, очень тщательно вырезаны навершия рукоятей мечей. Они определенно соотносятся с мечами типа V с грибовидной трехчастной головкой (Петерсен, 2005. С. 183).

Иногда в музейных коллекционных описях встречаются находки, неверно атрибутированные как рукоятки деревянных мечей. Визуально они похожи на детали детских игрушек и представляют собой стержни круглого сечения, завершающиеся грибовидными навершиями. Но, в отличие от рукояток мечей, они более массивны, а в месте перекрестия они не обломаны, а аккуратно обрезаны. Кроме того, в нижней части стержня некоторых изделий просверлено сквозное перпендикулярное отверстие (рис. 6). На основании этнографических данных можно с большой долей

уверенности говорить, что подобные предметы могли использоваться для соединения и удерживания вместе каких-либо устройств или механизмов, например в повозках или сельскохозяйственных орудиях. На некоторых изделиях прослеживаются следы износа, которые могли возникнуть из-за двухсторонней тяги (рис. 6, 1).

На Троицком раскопе обнаружено 16 таких находок. Прямые аналогии происходят из Элизенхофа — поселения VIII–XI вв. на полуострове Эйдерштедт в Северной Фрисландии (*Szabó et al.*, 1985. S. 133, abb. 122–123), Хедебю (*Westphal*, 2006. S. 89, 211, taf. 70, 1–4) и Шлезвига (*Saggau*, 2006. S. 265–266, abb. 46, 3).

Луки

Вторая по представительности категория детских игрушек — луки (21 экз.). Они, так же как и мечи, довольно точно воспроизводят форму сложного древнерусского лука. Их изготовление было достаточно простым и доступным мальчишеским рукам. Средняя длина детского лука составляла около 60–75 см, ширина 1,5–2,0 см, толщина — около 2 см (рис. 7, 1–5). Как правило, лук изготавливался из упругой можжевелевой палки, которая в середине имела небольшое утолщение и была слегка уплощена, на концах имелись вырезы для петель тетивы.

В новгородской коллекции имеются как целые экземпляры (6 экз.), так и фрагментированные (15 экз.). Основная часть находок детских луков сосредоточена в напластованиях X–XII вв.

Для детских луков использовали деревянные стрелы простых форм: с заостренным концом, имитирующим наконечник стрелы, и выемкой в торце под тетиву (рис. 7, 6–8). В археологической коллекции Троицкого раскопа их насчитывается несколько сотен. Однако среди них очень трудно разделить различные типы охотничьих стрел, древки боевых стрел и собственно игрушки. Каждая хорошо сделанная стрела-игрушка могла быть и стрелой охотника на пушного зверя и птицу, а обломки древков стрел с вырезом для тетивы могли быть и от настоящих боевых (*Колчин*, 1971. С. 52, 53, рис. 2). В связи с этим данная категория находок в статье не учитывается.

Копья и ножи

Детских деревянных копий и ножей значительно меньше. Копий найдено 14 экз. в слоях X — первой половины XII в. (рис. 8, 4–5). Большинство

приходится на вторую половину XI в. Типологически они не столь выразительны как мечи. Длина клинков составляет 18–26 см.

Ножей зафиксировано всего три: два экземпляра в слоях XI в. и один датируется первой половиной XII в. (рис. 8, б). На одном из них сохранились остатки красной краски.

То, что ножей и копий меньше, чем мечей, следует объяснять особенностями детской игры, которая была не столько контактной и решительной, нежели взрослое сражение, и, следовательно, применение имитаций этих орудий детьми было эпизодическим (*Хорошев*, 1998. С. 85).

Той же причиной следует объяснять практически полное отсутствие в детском арсенале таких широко употребляемых ударных предметов, как топоры и булавы. Тем не менее в коллекции Троицкого раскопа они присутствуют в единичных экземплярах.

Топоры

Игрушечный топор обнаружен на усадьбе «Г» в напластованиях, датированных первой половиной XI в. (рис. 8, 1). Топор и рукоять аккуратно вырезаны из одного куска дерева. Тип топора относится к узколезвийным, с круглым обухом без щекавиц. Лезвие слегка опущено вниз. Размеры рабочей части топора — 7,8 × 2,6 см. Рукоятка круглая, диаметром 1,3 см, обломана снизу. Длина сохранившейся части — 21 см, на 2 см выступает над обухом. Более всего он тяготеет к топорам VIII типа, бытовавших на территории Древней Руси в XI–XII вв. (*Кирпичников*, 1966б. С. 38).

Единственная аналогия троичному топору обнаружена на Неревском раскопе в слое первой половины XIV в. Форма топора соответствует рабочему железному топору типа III по классификации Б. А. Колчина (*Колчин*, 1959. С. 26). Топоры данного типа бытовали с XIV по XVI в. В отличие от троичного топора, неревский экземпляр вырезан отдельно и насажен на деревянное топориче (*Хорошев*, 1998. С. 86, рис. 1, 8).

Кроме вышеописанного топора на усадьбе «К» в слое первой половины XIII в. было найдено два миниатюрных деревянных топорика (рис. 8, 2–3). Они находились на расстоянии около 2 м друг от друга и, очевидно, относились к одному комплексу. Длина рукоятки одного из них составляла 12 см, а размер топора 3,5 × 2,3 см. У второго экземпляра рукоятка обломана, но основные размеры практически идентичны первому.

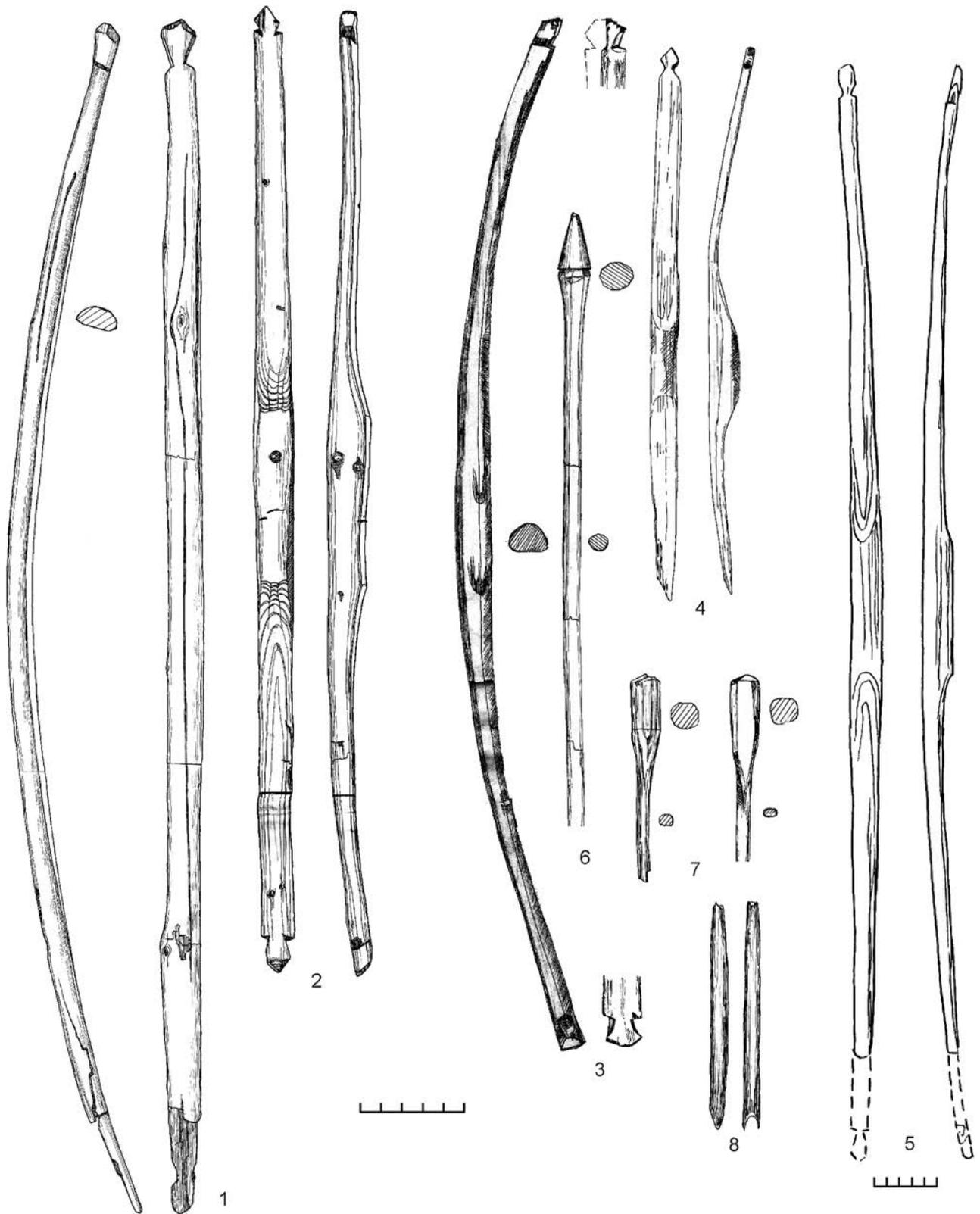

Рис. 7. Детские деревянные луки и стрелы: 1-5 — луки; 6-8 — фрагменты стрел
Fig. 7. Children's wooden bows and arrows: 1-5 — bows; 6-8 — fragments of arrows

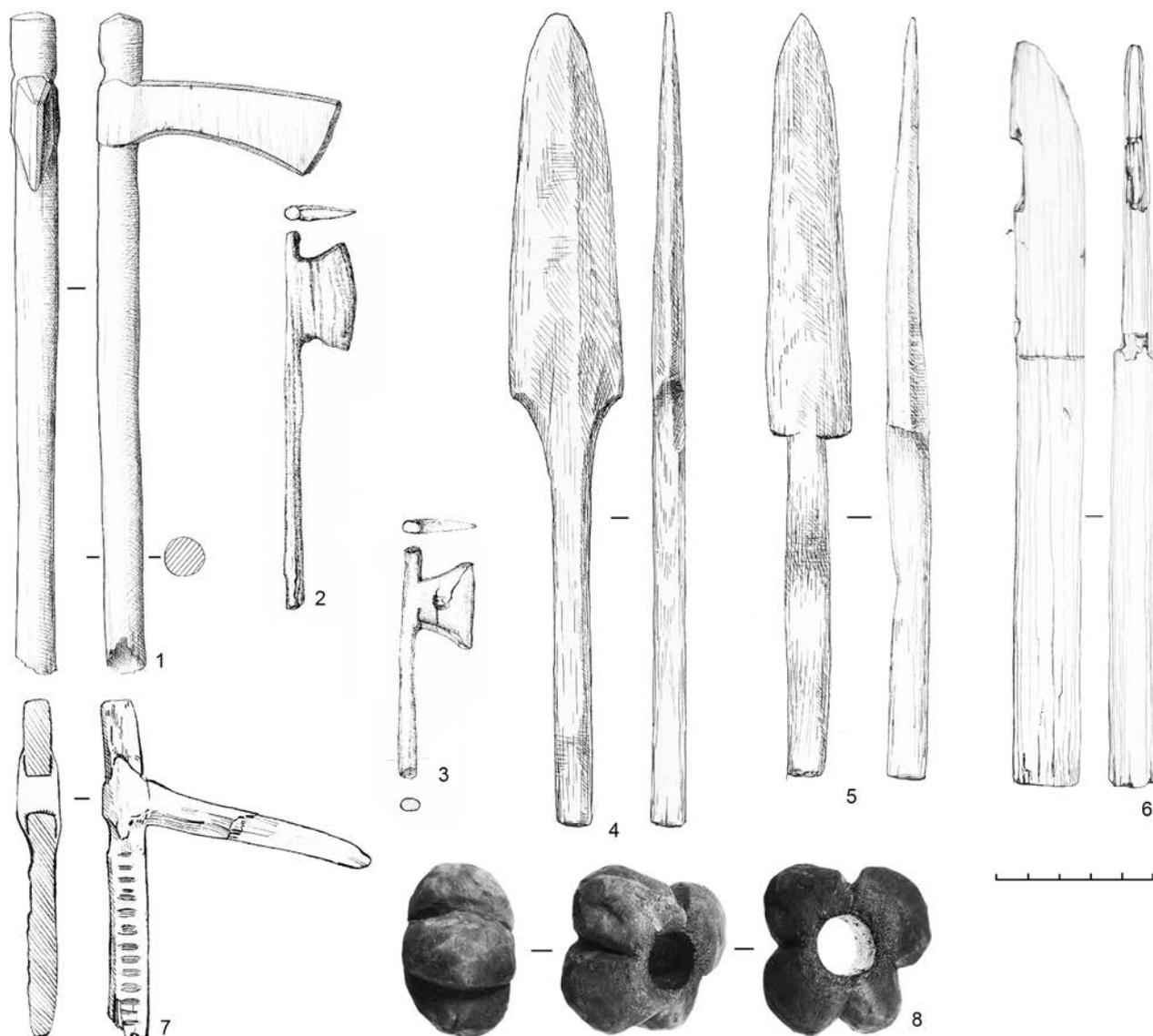

Рис. 8. Детские деревянные игрушки: 1-3 — топоры; 4-5 — копья; 6 — нож; 7 — клевец (чекан); 8 — булава
 Fig. 8. Children's wooden toys: 1-3 — axes; 4-5 — spears; 6 — knife; 7 — bec de corbin (chekan); 8 — mace

Топорики имеют короткое и широкое лезвие и более всего напоминают плотницкие топоры XVI–XVIII вв. Возможно два этих топорика не являются детскими игрушками и могли использоваться в каких-то других целях.

Булава

Деревянная булава была найдена на усадьбе «Г» в слое первой половины XI в. (рис. 8, 8). Она имеет округлую форму с четырьмя боковыми выпуклостями. Размеры — 5,2 × 3,7 см. В центре имеется круглое сквозное отверстие для рукояти диаметром 1,7 см. Более всего она тяготеет к булавам типа I (с четырьмя крестообразно

расположенными шипами) (Кирпичников, 1966б. С. 48–49, рис. 10, I). Шипам придана округлая форма во избежание нанесения серьезной травмы. Датировка археологических находок таких булав не противоречит стратиграфической дате деревянной имитации.

Клевец

Клевец, или чекан, происходит с усадьбы «И» из слоя первой половины XIII в. и имеет небольшие размеры (рис. 8, 7). Рукоятка и сам клевец вырезаны из одного куска дерева (очевидно, сучка). Ударная часть в форме заостренного клина, длиной 8,5 см, слегка опущена в сторону рукояти.

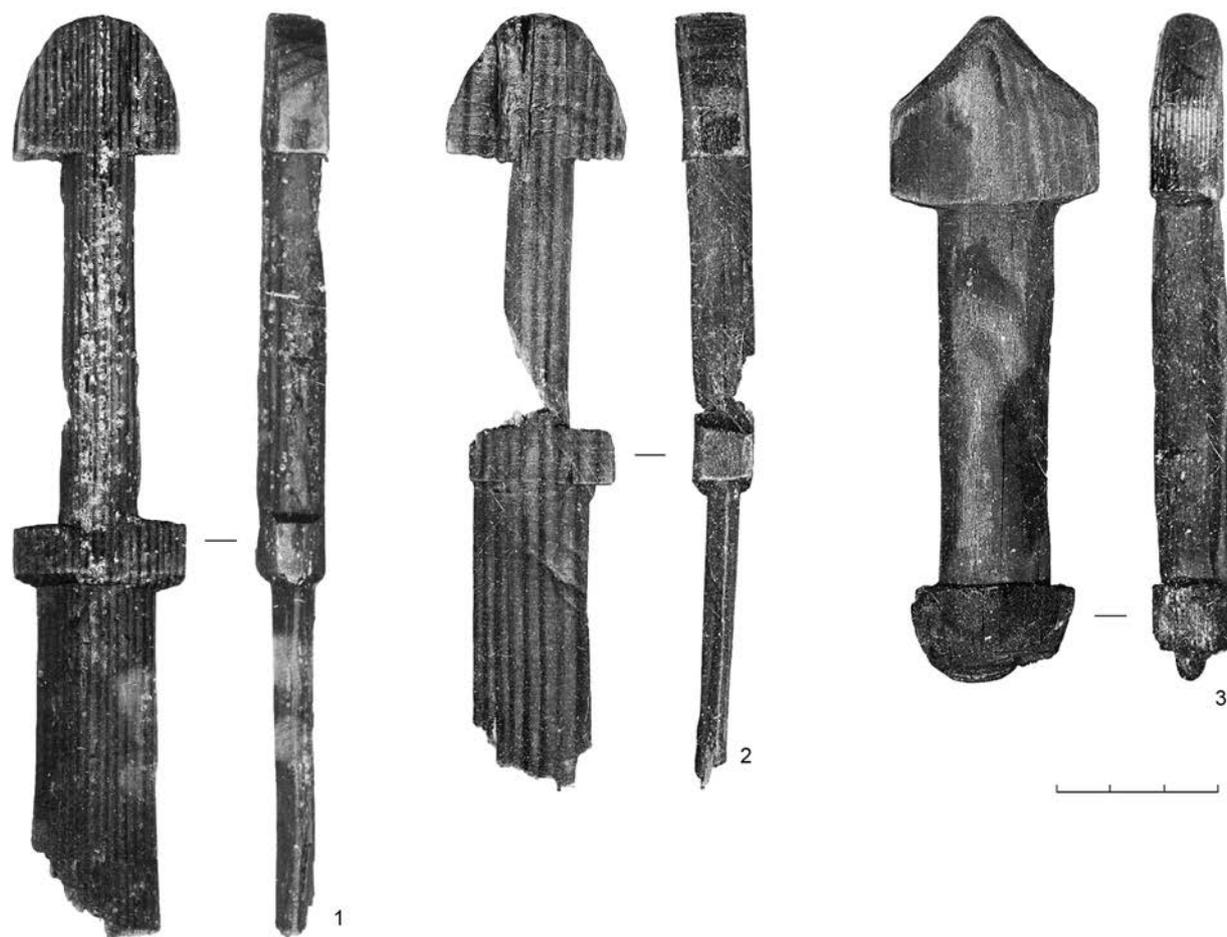

Рис. 9. Комплекс детских деревянных мечей из материковой ямы с усадьбы «У» Троицкого раскопа, середина X в.
 Fig. 9. Assemblage of children's wooden swords from a pit in the virgin soil at property 'У' at the Troitsky Excavation, mid-10th century

Обух круглый, с аккуратно вырезанными двумя парами щекавиц. Рукоять обломана, сохранилась на 10,5 см и на 2 см выступает над обухом. На боковой стороне обломка рукояти имеется четырнадцать зарубок (вероятно, их количество было больше).

Топографическое распределение находок деревянных игрушек по территории усадеб, открытых на Троицком раскопе, показало следующую картину. В основном местоположение находок случайное и не привязано к каким-либо постройкам. Очень часто обломки деревянных игрушек обнаруживаются вблизи межусадебных оград, между плотно стоящими срубами либо у мостовых улиц или непосредственно на них. Очевидно, что сломанные и пришедшие в негодность игрушки попросту выбрасывали к частоколу или мостовой.

Однако зафиксированы отдельные скопления детских игрушек (преимущественно деревянных

мечей) на некоторых усадьбах. Так, на усадьбе «У» в одной из материковых ям второй половины X в. был обнаружен комплекс, состоящий из трех рукояток мечей: две с грибовидными навершиями и одна с треугольным (рис. 9) (Янин и др., 2012. С. 7).

Аналогичный комплекс зафиксирован на усадьбе «И» в тех же напластованиях. Здесь вместе найдено пять рукоятей мечей: четыре с грибовидным навершием и одна с треугольным. Кроме того, на небольшом отдалении от этого комплекса найден целый меч с клинком длиной 46,8 см (рис. 3, 1).

Еще два скопления деревянных мечей отмечено на усадьбе «Е» в слоях середины X в. и первой половины XI в.

Довольно часто деревянные игрушки — предметы вооружения встречаются и на других памятниках древнерусского времени, где, так же как в Новгороде, хорошо сохраняется органика.

В Старой Ладогe за период до 1959 г. найдено 22 игрушечных меча и два деревянных наконечника игрушечных копий (*Равдоникас*, 1950; *Штакельберг*, 1969). Все они относятся к хронологическому периоду VIII–X вв.

В Пскове, во время раскопок одной из построек X–XI вв., на развале печи-каменки был найден обломок уникального деревянного игрушечного меча с грибовидным навершием. На клинковой части игрушки вырезаны изображения двух мечей древней формы (*Гроздилов*, 1962. С. 55–56, рис. 43).

При раскопках в Гродно в напластованиях XII в. найдены четыре деревянных меча (*Воронин*, 1954. С. 63–64, рис. 27, 4–7). Судя по разной величине рукояток, эти мечи предназначались для

детей разного возраста. Три из них совершенно однотипны — с треугольным навершием рукояти. Четвертый более массивен, вырезан из твердого дерева. Сохранившаяся рукоятка округлая, с полукруглым навершием, под которым прорезано отверстие для подвешивания на шнурке.

Близкий к новгородскому комплекс игрушек был обнаружен при раскопках в Гданьске (*Kunicka-Okuliczowa*, 1959).

Приведенный обзор детских игрушек, производящих вооружение новгородского воина, не только довольно полно характеризует игровой мир юных горожан, но и дает дополнительный (а в случае с деревянными мечами — полноценный) материал для решения конкретно-исторических и социологических проблем.

Воронин, 1954 — *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.) // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов*. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1954 (МИА; № 41). 240 с.

Глазунова, 1985 — *Глазунова Е. В.* Типология наверший деревянных мечей из Новгорода: *Дипломная работа / Кафедра археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*. М., 1985. 54 с.

Гроздилов, 1962 — *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова (1954–1956) // АСГЭ. Вып. 4. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 7–76.

Кирпичников, 1966а — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). 181 с.

Кирпичников, 1966б — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). 147 с.

Колчин, 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // *Тр. Новгородской археологической экспедиции*. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). Т. II. С. 7–120.

Колчин, 1971 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971 (САИ; Вып. Е1-55). 114 с.

Медведев, 1959 — *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // *Тр. Новгородской археологической экспедиции*. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). Т. II. С. 121–191.

Морозова, 1987 — *Морозова Н. А.* Игрушки древнего Новгорода (опыт анализа исторического источни-

ка): *Дипломная работа / Кафедра археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*. М., 1987. 100 с.

Морозова, 1990 — *Морозова Н. А.* Игрушки древнего Новгорода // *НиНЗ ИА*. Новгород: НГОМЗ, 1990. Вып. 3. С. 69–71.

Петерсен, 2005 — *Петерсен Я.* Норвежские мечи эпохи викингов: топохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 351 с.

Равдоникас, 1950 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // *СА*. 1950. № XII. С. 7–40.

Сорокин, Тянина, 1999 — *Сорокин А. Н., Тянина Е. А.* Древнерусские деревянные сосуды с изображениями воинов // *НиНЗ ИА*. Новгород: НГОМЗ, 1999. Вып. 13. С. 131–142.

Хорошев, 1998 — *Хорошев А. С.* Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // *НиНЗ ИА*. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 82–94.

Штакельберг, 1969 — *Штакельберг Ю. И.* Игрушечное оружие из Старой Ладоги // *СА*. 1969. № 2. С. 252–254.

Янин и др., 2012 — *Янин В. Л., Рыбина Е. А., Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К.* Работы в Людином конце Новгорода в 2011 (Троицкий XIII Г-1 и XIV раскопы) // *НиНЗ ИА*. Великий Новгород: НГОМЗ, 2012. Вып. 26. С. 5–15.

Kunicka-Okuliczowa, 1959 — *Kunicka-Okuliczowa Ł.* Wczesnośredniowieczne zabawki i gry z Gdańska // *Gdańsk wczesnośredniowieczny*. Т. 1 / *Red. Janina Kamińska*. Gdańsk: GTN, 1959. P. 107–141.

- Saggau*, 2006 — *Saggau H. E.* Gehauene und geschnitzte Holzfunde aus dem mittelalterlichen Schleswig // *Holzfunde aus dem mittelalterlichen Schleswig. Ausgrabungen in Schleswig — Berichte und Studien.* Neumünster: Wachholtz, 2006. Bd. 17. S. 199–304.
- Szabó et al.*, 1985 — *Szabó M., Grenander-Nyberg G., Myrdal J.* Die Holzfunde aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof // *Studien zur Küstenarchäologie Schleswig-Holsteins Serie: Elisenhof. Band 5.* Germanische Kommission des Deutschen Archäologischen Institutes zu Frankfurt am Main, Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Kiel. Frankfurt a. M., 1985. S. 278.
- Westphal*, 2006 — *Westphal F.* Die Holzfunde von Haithabu // *Die Ausgrabungen in Haithabu.* Bd. 11. Wachholtz Verlag. Neumünster, 2006. S. 248.

Wooden toys — imitations of armament from excavations of mediaeval Novgorod (materials from the Troitsky Excavation)

V. K. Singkh, A. M. Stepanov

The Novgorod archaeological collection is valuable primarily in the fact that, by comparison with other early Russian towns, it comprises not separate finds but a fairly comprehensive and a well stratigraphically documented complex. A particular place in this collection is occupied by the group of wooden children's toys imitating battle armament. This paper considers the complex of such objects retrieved from the properties in the Troitsky Excavation in Veliky Novgorod. Totally, 203 items have been registered including swords (160), bows (21), spears (14), knives (3), axes (3), a mace (1) and a bec de corbin (1). In terms of chronology, all the finds are distributed over the span of the mid-10th to the late 14th century, however the main concentration of the finds is dated to the 10th–11th century.

The most numerous category of finds included swords, and it was divided into three types according to the shape of the pommel head. Type 1 with a semi-round (mushroom-shaped) one, type 2 — with a triangular and type 3 with a round (discoid) pommel. Of the 10th–12th century, swords of the 1st and 2nd types are most typical. Swords of the 3rd type are predominant in deposits of the 12th–13th century. A comparison of the identified types of the pommels of wooden swords with the types of iron battle swords according to classifications of Jan Petersen and Anatoliy N. Kirpichnikov demonstrates a fairly clear similarity between the forms.

The second category of children's toys in terms of their representativeness is that of the bows. Like the swords, they also rather exactly imitate the form of the composite Old-Russian bow. The predominant number of their finds is dated to the 10th–12th century.

Finds of spears, knives and axes are fairly rare that is explained by the peculiarity of children's game which was not so close and resolute as a battle of adults and, consequently, the use of these imitations by children were rather episodic. The same fact explains the very rare finds of a mace or a bec de corbin.

A topographic analysis of the finds demonstrated mostly their chance location, unrelated to particular buildings. Fairly often, the fragments of wooden toys were found along the palings between the properties, near the paved streets or immediately upon them. As it seems, the broken or worthless toys were simply thrown out at the boundaries of the properties.

The presented here review of the children's toys imitating the weaponry of a Novgorod warrior not only fairly comprehensively characterizes the playing world of the young urban residents but also yields a supplementary evidence for solution of particular historical and sociological problems.

Новгородские каменные иконки: искусство резьбы

В. Г. Пуцко¹

Аннотация. Статья, учитывая основные выводы, содержащиеся в специальной литературе относительно средневековой новгородской каменной резьбы малых форм, представляет итоги наблюдений над ролью христианской традиции в становлении самого крупного русского центра художественного ремесла и качественным уровнем его лучшей продукции.

Annotation. Taking in consideration the main conclusions found in special literature concerning the mediaeval Novgorod stone carving of small forms, this paper presents the results of observations over the role of the Christian tradition in the rise of the largest Russian centre of artistic crafts and the quality level of its best products.

Ключевые слова: каменная резьба малых форм, роль традиции, причины развития, вопрос кадров, востребованность, место элитарного направления, технические приемы.

Keywords: stone carving of small forms, role of tradition, causes of development, problem of skilled workers, demand, elite direction, techniques.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-194-202

Безусловно, следовало бы написать специальную работу о камнерезном искусстве средневекового Новгорода. Однако выполнению этой задачи явно препятствовала недостаточная изученность материала, хорошо известного как предмет и слабо осмысленного, по существу, в плане стилистического анализа. В результате не только уникальные, но порой и «серийные» изделия продолжали относиться к продукции иных русских художественно-промышленных центров. Нельзя отрицать, конечно, вероятность работы новгородских резчиков в других регионах страны, не учитывать миграцию произведений и их владельцев, особенно в XV–XVI вв. Тем не менее на сегодняшний день все же довольно точно определен фонд образцов, связь которых с Новгородом представляется бесспорной. Именно он дает материал для общих суждений, учитывающих как основные художественные направления, так и особенности индивидуальных творческих манер, по крайней мере наиболее выразительных из них.

Обращаясь к специальной литературе, надо признать, что к обозначенной цели исследователи

последовательно приближались, решая при этом более конкретные задачи. А. В. Рындиной было подробно рассмотрено соотношение новгородской и среднерусской мелкой пластики, выяснена роль византийских традиций в становлении местного стиля второй половины XIV в. и выявлено сходство и различие с московской резьбой (Рындина, 1978). Т. В. Николаева осуществила классификацию обширного и сложного по составу новгородского материала по мастерским, продукция которых отличается определенной художественной манерой и одинаковым способом обработки камня: таких мастерских исследовательница насчитала шесть, особо выделив сюжетные и стилистические группы изделий (Николаева, 1983. С. 25–35). Нами было прослежено становление новгородской каменной резьбы на рубеже XIII–XIV вв., с выявлением ее возможных моделей (Пуцко, 2003а. С. 141–152). Предметом особого внимания стали сюжеты новгородских каменных иконок (Пуцко, 1995. С. 78–81), а также индивидуальные манеры мастеров (Пуцко, 2010а. С. 186–199). Различные наблюдения также сопровождали изучение и издание конкретных произведений и их групп.

¹ Г. Калуга; E-mail: putsko@kaluga.net.

Рассматривая этот материал, нельзя не осознавать, что речь идет не столько о продукции ремесленного производства, группируемой по определенным признакам и вписывающейся в соответствующие хронологические границы, сколько об оригинальных художественных произведениях, требующих особого внимания исследователя. С большим сожалением приходится отмечать, что далеко не все даже лучшие образцы каменных иконок, уже изданные (особенно коллекционного происхождения и давно утратившие свою научную «новизну»), привлекаются для характеристики высоких достижений мастерства своей эпохи. Они чаще потенциально отодвигаются на второй план как малозначительное художественное ремесло, не способное конкурировать с тем, что постоянно находится на виду. Между тем давно пора оценить искусство каменной резьбы малых форм по достоинству, особо отметив его подлинные шедевры. Их присутствие поразительно с учетом того, что речь идет о художественной обработке твердых пород камня. Да и глинистый сланец требует искусного резца для выполнения изображения в низком живописном рельефе.

Изготовление рельефов из слоновой кости, главным образом в виде диптихов, бывших первоначально привилегией вновь избранных консулов, датируемых V в., положило в Византии начало появлению изделий с ветхозаветной и евангельской тематикой, со временем расширенной за счет иных христианских сюжетов (Volbach, 1952; Goldschmidt, Weitzmann, 1934).

Параллельно христианские образы проникают в глиптику, о чем свидетельствуют сохранившиеся камеи с примерами резьбы по твердым полудрагоценным камням. Изделиям из слоновой кости подражали образцы, резанные по стеатиту и сланцам, среди которых встречаются превосходного художественного качества, исполненные в стиле неоклассицизма. Византийские рельефы с применением этого материала известны с X в., но получают распространение преимущественно с XI–XII вв. (Kalavrezou-Mexeiher, 1985). Их проникновение на Русь в качестве художественного импорта зафиксировано в Киеве и Новгороде лишь с XII в. (Ивакин, Пуцко, 2005. С. 96–99; Седова, 1965. С. 263–264). Не исключено, что отдельные греческие ремесленники в указанное время уже работали на Руси. Развитие русского камнерезного искусства малых форм прослеживается лишь с рубежа XII–XIII вв. (Пуцко, 2003б С. 89–95). Ряд

произведений архаизирующего стиля при внимательном рассмотрении оказался более позднего происхождения, чем это казалось прежде. Проверка устойчивости принятых датировок не может быть осуществлена единовременно, а проводится в основном в связи с решением конкретных вопросов.

На развитие русской мелкой каменной пластики, несомненно, оказал влияние разгром Константинополя крестоносцами в 1204 г., заставивший некоторых мастеров эмигрировать на Русь, вследствие чего сюда были перенесены высокие достижения византийского пластического искусства (Пуцко, 1996. С. 376–390; 1997. С. 317–321). Греческие резчики по камню явно в первые десятилетия XIII в. работали и в Новгороде. Во всяком случае руке одного из них принадлежит резная каменная иконка Димитрия Солунского с Козьмой и Дамианом, около 1222–1225 гг., из археологических находок на Троицком X раскопе в 1989 г. (Пуцко, 2000. С. 23). Мастер в невысоком округленном рельефе изобразил фронтально стоящие фигуры, отличающиеся тонкой пластической моделировкой, добившись при этом большой художественной выразительности. Рациональное использование технических средств указывает на опытную руку исполнителя, являвшегося носителем определенной художественной традиции, может быть и солунской, не всегда отличимой от константинопольской. Такого же характера, но в иной индивидуальной манере резьбы выполнена двусторонняя шиферная иконка с изображениями Распятия и избранных святых из ризницы Троице-Сергиевой лавры. Она тоже относится к 1220-м гг., но была заключена в более позднюю ювелирную оправу (Пуцко, 2002а. С. 64–72). Сегодня еще невозможно реконструировать механику адаптирования новгородскими ремесленниками византийского наследия, но его определяющая роль не подлежит сомнению. Среди каменных иконок XIII в., в том числе и из археологических находок, выделяются несколько групп, включающих в свой состав высокие по мастерству исполнения произведения, локализация которых остается дискуссионной. Это в художественном отношении зрелые работы, составляющие группу мастера «1200 г.» и «группу мастера Распятия» (Пуцко, 1998а. С. 309–315). Они не могли появиться вдруг на местной почве. В то же время первая из них вписывается в круг константинопольских образцов, а вторая с ее

оригинальной пластической моделировкой фигур не находит близких аналогий, если не считать принципиальное сходство с фасадной резьбой Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, датируемой 1230-ми гг. (Вагнер, 1964).

Общий взгляд на развитие византийского и византийско-русского пластического искусства, неизбежно упрощая сложные и противоречивые явления, позволяет увидеть схему предьстории, предшествовавшей появлению камнерезного дела в Новгороде. Создается впечатление, что разрозненные произведения опытных греческих мастеров на первых порах стимулируют лишь ремесленные подражания типа датируемой XIII в. каменной иконки из собрания П. И. Щукина, с изображениями Николы и Никиты, избивающего беса (Николаева, 1983. С. 63, табл. 14, № 68). В действительности архаизация художественных форм очень затрудняет определение времени создания резных изделий, если при этом отсутствуют явно датирующие элементы. Примером являются каменные иконки, отнесенные к новгородской продукции XII–XIII вв. (Там же. Табл. 16, 1–8). Представить их в качестве базовой основы позже развитого производства весьма затруднительно. Скорее их можно признать этапными произведениями, вышедшими, по определению Т. В. Николаевой, из «мастерской с линейной орнаментацией одежд» (Николаева, 1983. С. 27–28, табл. 18), в которых нашла отражение традиция книжной миниатюры с присущей ей графичностью.

Одним из характерных сюжетов для каменных иконок, изготовленных в указанной мастерской, являются изображения Гроба Господня (Там же. С. 28). Предполагается, что появление данного сюжета связано со знакомством русских людей с главной святыней Иерусалима, подробно описанной в XII в. игуменом Даниилом. Но, как известно, существовала относительно Гроба Господня и более ранняя западная иконографическая традиция, чутко реагировавшая на видоизменения палестинских реалий (Беляев, 1996. С. 183–210). Едва ли случайно композиционная схема каменной иконки начала XIII в. из археологических находок в 2011 г., сделанных на Замковой горе в Любече, соответствует именно западному ее варианту (Веремейчик, Пуцко, 2012. С. 30–38). Русские каменные иконки Гроба Господня почти исключительно новгородского происхождения (Рындина, 1968. С. 223–236; Пуцко, 1998б. С. 159–184). Если оформление саркофага Гроба Господня, с тремя кругами-

отверстиями, одинаково известно в позднеерманской и новгородской иконографии (Беляев, 2002. С. 539–553), то типология кувуклии, иногда трактуемой как храм, отличается разнообразием, не имеющим ничего общего с иерусалимскими сооружениями: это плод творческого воображения мастеров. В его задачу входит символическое определение пространства, не претендующее на историческую достоверность.

Резьба новгородских каменных иконок — неодинакового качественного уровня, как продукция, вышедшая из рук различных мастеров. В ряде случаев индивидуальная манера исполнения дает основания предположить принадлежность нескольких образков руке одного резчика, остающегося анонимным. Но среди похожих один на другой образцов, хотя и не совсем стереотипных, выделяются изделия, обращающие на себя внимание оригинальностью и исключительным мастерством. Их трудно не заметить, но при изучении оказывается необходимым определить художественный контекст, вне которого появление таких произведений невысказимо.

В Ярославском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике хранятся заключенные в ювелирные оправы XVI в. новгородские двусторонние каменные иконки, одна из которых датируется XIII в., а вторая — рубежом XIII–XIV вв., скорее всего принесенные в Поволжье состоятельными переселенцами. Вероятно, они уже на новом месте позаботились украсить образки серебряным обрамлением с гравированным растительным орнаментом. На лицевой стороне первой иконки (размером 9,6 × 6,5 × 1,4 см) изображено Распятие, на оборотной — представлен Гроб Господень (рис. 1, 1). Распятие с предстоящими Богородицей и Иоанном Богословом обращает на себя внимание массивными, укороченными пропорциями, большеголовыми фигурами с тщательно моделированным уплощенным рельефом. Явная сжатость форм, приведшая лишь к частичному изображению крестного древа, указывает на то, что резчик копировал образец большего размера, не имея способности воспроизвести фигуры с сохранением их правильного анатомического строения. Эта упрощенность рисунка уже была отмечена в литературе (Николаева, 1983. С. 123). Пластические достоинства резьбы, таким образом, оказываются в полном противоречии с упрощенностью и в то же время гармонично воспринимаются, соединяясь

Рис. 1. Новгородские каменные иконки. Конец XIII — начало XIV в.
Fig. 1. Novgorod small stone icons. Late 13th — early 14th century

с многофигурной композицией на оборотной стороне иконки, детали которой порой вызывают разноречивые толкования, никак не соотносимые с сюжетом. Подобные явления возникали в случаях недостаточного понимания иконографического образца палестинского происхождения времени Иерусалимского королевства, как с надписями на иконке первой трети XIV в. (Пуцко, 2010б. С. 79–85). Манера резьбы не дает повод усомниться в выполнении упомянутых изображений тем же мастером, способным вполне артистично воспроизвести оригинал, если это не сопряжено с его видоизменениями. Вторая иконка (размером 6,0 × 5,2 × 0,9 см), датируемая концом XIII — началом XIV в., имеет на лицевой стороне резанную в невысоком плоском рельефе композицию Гроба Господня несколько упрощенного иконографического извода, а на оборотной — группу трех святителей (рис. 1, 2). Двое из них по фрагментарно нанесенным сопроводительным надписям определены как Василий Великий и Никола (Николаева, 1983. С. 122); третий по типологическим признакам скорее опознается как Иоанн Милостивый, а не Иоанн Златоуст. Фигуры плотного телосложения, большеголовые, с округлой лепкой широких лиц, в епископском облачении, благословляющие правой рукой, а левой — держащие покрытой краем фелони Евангелие. Манера выполнения воспринимается как грубовато-выразительная, казалось бы, мало соответствующая стилю композиции на лицевой стороне иконки. Но, по-видимому, она вполне соотносилась с эстетическими вкусами новгородцев XIV в., о чем свидетельствуют сравнительно недавно ставшие известными два изделия: одно из них происходит из археологических раскопок в Вильнюсе (рис. 2, 6), другое — найдено в Суздале (рис. 2, 7) и ныне хранится в Сергиевом Посаде (Николаева, 1983. С. 122–123, табл. 50, 8). Отличаясь индивидуальной манерой, они типологически соответствуют своему прототипу (рис. 2, 5).

Исходя из включенных в научный оборот произведений новгородской каменной пластики малых форм, трудно отрешиться от представления о том, что начало ей могло быть положено только группой квалифицированных, творчески оформившихся мастеров, появившихся почти одновременно. Но это кажется невероятным. И откуда они могли здесь возникнуть уже с практическими навыками? Византийская резьба по стеатиту конца XIII — начала XIV в. действительно обнаруживает высокие образцы, впрочем, перемежающиеся

с посредственными (Kalavrezou-Mexeiner, 1985. P. 191–205, pl. 56–64). Отдельные новгородские иконки вполне закономерно могут быть поставлены в связь с палеологовским течением. Роль византийского фактора в развитии новгородского камнерезного искусства уже неоднократно освещалась в литературе, в том числе в связи с проникновением архаизирующих романо-готических элементов (Айналов, 1914. С. 67–71; Пуцко, 2001. С. 149–156). Для этого дают основания иконка Богоматери Умиление в стрельчатой арке, сплетенной из ремней, конца XIII — начала XIV в., из собрания Н. П. Лихачева (рис. 3, 1) и иконка Богоматери Одигитрии, начала XIV в., из собрания П. И. Щукина (рис. 2, 1). Первая из них неоднократно служила предметом тщательного научного анализа, в результате которого было прослежено сочетание византийской основы с чертами переходного романо-готического искусства (Николаева, 1983. С. 29, 73–74). Вторая — выполненная в довольно высоком рельефе — еще более заметно сближается с романской пластикой, хотя при этом обнаруживает также отличительные черты (Там же. С. 78–79). В целом «романский» стиль новгородских каменных иконок XIV в. оказывается не более чем модификацией византийского образца (Пуцко, 2002б. С. 87–102). Следует обратить особое внимание на резьбу, стиль которой находится в прямой зависимости от византийских столичных оригиналов, таких как хранящийся в Лувре (Париж) стеатитовый рельеф конца XIII — начала XIV в. с изображением св. Димитрия Солунского (рис. 4). Его классицирующие особенности требовали их адекватного восприятия. Насколько это удалось работавшим в Новгороде мастерам — об этом можно судить по иконке Христа из ризницы Троице-Сергиевой лавры (рис. 2, 2) и иконке Богоматери Умиление в собрании Государственного Исторического музея в Москве (рис. 2, 3), датируемых концом XIII — началом XIV в. (Николаева, 1983. С. 29, 77, табл. 22). Детали проработаны в четкой пластической манере, одежды испещрены тонкими, мягко моделированными складками. В последнем случае еще введен и орнамент. Крест в ромбе с перекрестьями на каждом конце, похоже, в дальнейшем «маркирует» продукцию этой мастерской. Упомянутые иконки очень невелики по размерам: соответственно 4,6 × 3,7 × 0,7 см и 5,6 × 4,6 × 0,4 см.

Весьма вероятно, что из рук этого же круга новгородских мастеров вышла целая серия

Рис. 2. Новгородские каменные иконки. XIV в.

Fig. 2. Novgorod small stone icons. 14th century

иконок Николы, лучшая из которых (размером $4,4 \times 3,5 \times 0,3$ см) — в собрании Государственного Исторического музея в Москве (рис. 2, 4). По качественному уровню резьбы они не равноценны (Николаева, 1988. Табл. 56, 1–3, 5), но все следуют общему образцу. Своим появлением они обязаны различным резчикам, один из которых, выполнивший в XIV в. двустороннюю иконку, оказавшуюся в ризнице Троице-Сергиевой

лавы, отличался очень экспрессивной индивидуальной манерой и склонностью к орнаментализации складок одежд (рис. 3, 2). И едва ли можно сомневаться в том, что именно им выполнена также иконка Иоанна Милостивого и Николы из собрания Н. И. Репникова (Рындина, 1978. С. 45, ил. 22). Это миниатюрное произведение (размером $5,0 \times 4,1 \times 0,7$ см), изготовленное из темно-серого камня (рис. 3, 3), можно считать подлинным

Рис. 3. Новгородские каменные иконки: 1 — конец XIII — начало XIV в.; 2, 3 — XIV в.

Fig. 3. Novgorod small stone icons: 1 — late 13th — early 14th century; 2, 3 — 14th century

шедевром пластического искусства. Декоративность здесь не заслоняет образность, и при этом остается лишь удивляться умению резчика столь искусно моделировать лица, выражая характер. В целом надо отдать должное также отбору выразительных средств, более строгому, чем в полуфигурном изображении Николы (рис. 3, 2).

Сюжетная резьба каменных иконок, особенно многофигурных композиций, требует от ее исполнителя длительного напряженного труда, соединенного с умением изваять изображение, отвечающее самым взыскательным требованиям. Поэтому неудивительно, что слишком больших

удач было сравнительно немного, в чем можно убедиться, ознакомившись со сводными каталогами византийских и древнерусских произведений. И в том существует закономерность, как и в появлении талантливых мастеров, ярко выделяющихся на фоне ремесленников. Среди новгородских резчиков тоже были люди различной одаренности, и мы в целом относимся с большим уважением к результатам их творческого труда, хотя настойчиво выделяем высокие достижения, видя в них предмет национальной гордости.

Каталогизация древнерусской мелкой пластики из камня наглядно показала, что основной ее

объем связан своим происхождением именно с Новгородом. Известно, что выявлены, изучены и опубликованы далеко не все сохранившиеся произведения, а общая характеристика в определенной мере зависит от каждого из них. И потому сегодняшний обзор можно считать предварительным, скорее ставящим проблемы, чем предлагающим их решение. Каменные иконки как сакральный феномен и как искусство художественной резьбы представляют исключительный вклад Новгорода в историю русской духовной культуры.

Прослеживая разнообразие технических приемов резчиков, нельзя не удивляться логическому их применению. Стоит вспомнить лишь один пример. Новгородская каменная иконка в Ельце (размером 4,8 × 4,3 × 0,6 см) с изображением Деметрия, казалось бы, мало чем отличается от подобных (Пуцко, 2008. С. 133–140). Но если обратить внимание на ее пластическую моделировку, то выясняется, что она выполнена исключительно умелым применением обычного ножичка, в результате чего появился низкий живописный рельеф. Понятно, что для выполнения такой работы не требовалась специальная мастерская: нужен был сам мастер с необходимым инструментом, хорошо владевший искусством вдыхать в камень жизнь.

Рис. 4. Икона св. Димитрия Солунского. Конец XIII — начало XIV в. Стеатит, резьба. Париж, Луврский музей
Fig. 4. Icon of St Demetrius of Thessaloniki. Late 13th — early 14th century. Steatite, carving. Paris, Louvre Museum

Айналов, 1914 — Айналов Д. В. Очерки и заметки по истории древне-русского искусства. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1914. 145 с.

Беляев, 1996 — Беляев Л. А. Элементы романской иконографии XIII века в древнерусских изображениях Гроба Господня // Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: МОДУС-ГРАФФИТИ, 1996. С. 183–210.

Беляев, 2002 — Беляев Л. А. Элемент романской иконографии XII в. в древнерусских изображениях Гроба Господня // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. XII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 539–553.

Вагнер, 1964 — Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси: Юрьев-Польской. М.: Наука, 1964. 232 с.

Веремейчик, Пуцко, 2012 — Веремейчик Е. М., Пуцко В. Г. Каменная иконка «Гроб Господень» из летописного Любеча // Родная старина: поиск, находки, открытия. М.: Дмитрий Нужненко, 2012. № 4. С. 30–38.

Ивакин, Пуцко, 2005 — Ивакин Г. Ю., Пуцко В. Г. Памятки пластического мистецтва з розкопок Верхнього Києва 1998–2001 рр. // Археологія. Київ, 2005. № 4. С. 94–107.

Николаева, 1983 — Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня: XI–XV вв. М.: Наука, 1983 (САИ; Вып. Е 1-60). 220 с.

Пуцко, 1995 — Пуцко В. Г. Сюжеты новгородских каменных икон // Церковная археология: Материалы Первой Всерос. конф. (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). СПб.; Псков: Отдел ОП Петербургкомстата, 1995 (Сер. Археологические изыскания; Вып. 26-2). Ч. 2: Христианство и древнерусская культура. С. 78–81.

Пуцко, 1996 — Пуцко В. Константинополь и киевская пластика на рубеже XII–XIII вв. // Byzantinoslavica. Prague, 1996. Т. 57. С. 376–390.

Пуцко, 1997 — Пуцко В. Г. Художественное ремесло Киева начала XIII века (по данным археологических находок) // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М.: Эдиториал УРСС, 1997. Т. 1. С. 315–326.

- Пуцко, 1998а — Пуцко В. Киевское художественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // *Byzantinoslavica*. Prague, 1998. Т. 59. С. 305–319.
- Пуцко, 1998б — Пуцко В. Г. «Гроб Господень» в каменной пластике средневекового Новгорода // Православный палестинский сборник. Сб. памяти Н. В. Пигулевской. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 98(35). С. 159–184.
- Пуцко, 2000 — Пуцко В. Каменные иконки из археологических раскопок Новгорода // София. Великий Новгород: б. и., 2000. № 4. С. 21–24.
- Пуцко, 2001 — Пуцко В. Г. Византийско-новгородские каменные иконы // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества: Сб. научн. трудов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 149–156.
- Пуцко, 2002а — Пуцко В. Г. Крест Семена Золотилова: мемория Дмитрия Донского? // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия центральной России. Тула: Инфра, 2002. Т. 2: История, этнография, искусствоведение. С. 64–87.
- Пуцко, 2002б — Пуцко В. Г. Новгородские каменные иконки XIV в. «романского» стиля // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога: ООО «Геликон»-СПб, 2002. Вып. 5. С. 87–102.
- Пуцко, 2003а — Пуцко В. Г. Новгородская каменная резьба на рубеже XIII–XIV вв.: становление традиции // НИС. СПб., 2003. Вып. 9(19). С. 141–152.
- Пуцко, 2003б — Пуцко В. Г. Русские ранние каменные иконки (к вопросу о начале художественной резьбы малых форм) // Уваровские чтения — IV (Муром, 14–16 апреля 1999 г.). Муром: б. и., 2003. С. 89–95.
- Пуцко, 2008 — Пуцко В. Г. Резная иконка в Ельце: Деисус в новгородской каменной пластике XIV века // АВ. СПб.: Наука, 2006. Вып. 15. С. 133–140.
- Пуцко, 2010а — Пуцко В. Г. Средневековые мастера новгородской каменной резьбы малых форм // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. 2. С. 188–199.
- Пуцко, 2010б — Пуцко В. Г. Новгородская каменная иконка с тремя праздничными сюжетами // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 79–85.
- Рындина, 1968 — Рындина А. В. Особенности сложения иконографии в древнерусской мелкой пластике. «Гроб Господен» // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М.: Наука, 1968. Т. 3. С. 223–236.
- Рындина, 1978 — Рындина А. В. Древнерусская мелкая пластика: Новгород и Центральная Русь XIV–XV веков. М.: Наука, 1978. 189 с.
- Седова, 1965 — Седова М. В. Каменные иконки древнего Новгорода // СА. 1965. № 3. С. 262–266.
- Goldschmidt, Weitzmann, 1934 — Goldschmidt A., Weitzmann K. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X.–XIII. Jahrhunderts. Berlin: B. Cassirer, 1934. Bd. 2.
- Kalavrezou-Maxeiner, 1985 — Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite, Wien, 1985 (Byzantina Vindobonensia. Bd. 15). 252 pp.
- Volbach, 1952 — Volbach W. P. Elfenbeinarbeiten der Spätantike und des frühen Mittelalters. Mainz, 1952. Pp. 114.

Novgorod small stone icons: the art of carving

V. G. Putsko

Taking in consideration the main conclusions found in special literature concerning the mediaeval Novgorod stone carving of small forms, this paper presents the results of observations over the role of the Christian tradition in the rise of the largest Russian centre of artistic crafts and the quality level of its best products. It seems that the bases of the plastic treatment of stone were laid in the 13th century by skilled Byzantine carvers working in Novgorod. By the 14th century, the rising demand among the milieu of the most prosperous Novgorodians for stone-icon amulets with certain representations furthered the expansion of the craft and highlighting of an élite school in the works of a series of artisans. In their production, technical and artistic methods are traceable which are known in the plastic art of the Byzantine Empire of the time of the Palaiologoi.

Использование природной среды: дикие животные в средневековом Новгороде и на Новгородской земле

М. Брисбейн, Э. Хамблтон, Ш. Хамильтон-Дайер, М. Молтби¹

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению остеологических материалов из раскопок Новгорода и его окрестностей.

Annotation. The article is devoted to the review of osteological materials from the excavations of Novgorod and its surroundings.

Ключевые слова: средневековый Новгород, Рюриково городище, остеологические материалы.

Keywords: medieval Novgorod, Rurik gorodishche, osteological materials.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-203-222

Е. Н. Носов: размышления и признательность

Все авторы настоящей статьи испытывают чувство благодарности и признательности к Евгению Николаевичу Носову. Без его ободрения, поддержки и дружеского отношения ни один из нас не смог бы установить тесные научные контакты с нашими новгородскими коллегами, которые Евгений с воодушевлением помогал поддерживать и развивать. Один из нас (Марк Брисбейн) впервые познакомился с Евгением Николаевичем летом 1989 г. благодаря сотрудничеству между Борнмутским университетом и Институтом истории материальной культуры в Санкт-Петербурге, инициированному Вадимом Михайловичем Массоном. После первых лет знакомства в последующее двадцатилетие развилось полноценное международное научное сотрудничество, охватывающее свыше 60 исследователей и многочисленных студентов из нескольких стран (Великобритании, Ирландии, Дании, Швеции, Германии и России). Все это время, а фактически до 2016 г., Евгений находился в центре нашей работы, постоянно помогая советами, делаясь знаниями и заставляя нас задумываться над общими научными проблемами.

Невозможно забыть его улыбку и забавные истории, сопровождавшие обсуждения, и все это вдохновляло нас на движение вперед. Его будет очень не хватать как медиевиста международного уровня и замечательного организатора археологических исследований, но прежде всего как верного и надежного друга.

В данной статье рассматривается тема, на которую Евгений с самого начала нашего сотрудничества непременно обращал внимание, а именно воздействие древнего человека на окружающую среду. Он всегда советовал нам тщательно анализировать животные и растительные остатки, найденные при археологических исследованиях. Кроме того, он внедрял передовые методы извлечения материалов из культурного слоя, которые давали возможность его всестороннего изучения. На Рюриковом городище он ввел систематическое просеивание грунта, что способствовало более тщательному анализу результатов раскопок. Данная статья написана с большой любовью к ученому и в память о нем.

Введение

Жители средневекового Новгорода широко пользовались природными ресурсами своей земли. Керамику изготавливали из местных глин и из местных же руд получали железо. Однако самым важным ресурсом, по-видимому, были леса.

¹ Отдел археологии и антропологии, Борнмутский университет; Дорсет, Великобритания = Dept of Archaeology and Anthropology, Bournemouth University; Dorset, UK. Брисбейн М. — E-mail: mbrisbane@bournemouth.ac.uk.

Дерево было хорошим материалом для постройки домов, мощения улиц, изготовления мебели, домашних и сельскохозяйственных принадлежностей, орудий труда и разных бытовых предметов. Лес давал человеку топливо для обогрева жилищ и приготовления пищи, а также ягоды, грибы, мед. Луга, окружавшие поселения, обеспечивали корм скоту. Охота на диких животных давала возможность получить мех, кожу, в некоторых случаях мясо, олений рог, пух и другие материалы. Озерные и речные угодья также изобиловали доступными пищевыми ресурсами.

В данной статье обобщаются зооархеологические данные по материалам Новгорода и других памятников новгородской округи, свидетельствующие об использовании в средневековье рыбы, птиц и диких млекопитающих в процессе освоения лесных пространств.

Местонахождение, окружающая природа и хронология памятников

Новгород расположен на р. Волхов приблизительно в шести километрах к северу от оз. Ильмень. Само оз. Ильмень весной широко разливается, достигая максимальной протяженности приблизительно 40 км в длину и 32 км в ширину при максимальной глубине всего 10 м. Малая глубина озера и его разливы способствуют довольно устойчивому микроклимату на новгородской территории, обеспечивая хорошие аллювиальные почвы и немного более высокие годовые температуры (*Spiridonova, Aleshinskaya, 2012. P. 30*). Это приводит к тому, что некоторые виды лиственных деревьев представлены здесь шире по сравнению с окружающими районами, а земли после паводков особенно хороши для выращивания зерновых и дают богатые покосы. Озеро окружают лабиринты ручьев, заросли камыша и заливные луга.

Четыре главные реки (Мста, Пола, Ловать и Шелонь) составляют водосборный бассейн озера, но лишь одна — Волхов, протяженностью около 225 км, — вытекает из него практически строго на север, впадая в Ладожское озеро. Вследствие этого мелководное озеро характеризуется быстрым водообменом и высоким уровнем содержания кислорода, что делает его крайне благоприятным для обитания большого количества разнообразных рыб (в настоящее время здесь насчитывается около 26 видов (*Savenskova et al., 2010*)).

Согласно древнерусским летописям, Новгород был основан в 859 г. н. э., хотя археологические

данные показывают, что валка леса и очистка территории на низких холмах по обеим сторонам Волхова начинаются в первой половине X в. Начиная с VIII в. жители ближайших деревень начинают вырубать лес, расчищая земли под посевы (*Yeremeyev, 2012*). Поселения первоначально располагались по берегам озера и вдоль речных долин. Некоторые из этих памятников были исследованы раскопками под руководством Евгения Носова. Это Георгий, Прость, Васильевское и Городище, чаще упоминаемое как Рюриково городище — важный торговый и ремесленный, а также военно-административный центр IX и X вв. Поскольку Городище находилось на пересечении Балтийско-Волжского водного пути, в его материальной культуре представлен выразительный набор вещей скандинавского происхождения, а также артефакты славянского облика. На Рюриковом городище находилась резиденция новгородских князей, и жизнь на нем практически не прерывалась на протяжении большей части средневекового периода (*Носов и др., 2005*).

Приблизительно в 1000 г. н. э. в Новгороде начинается период быстрого расширения города с существенным ростом населения и, соответственно, с увеличением потребности в местных ресурсах, включая ресурсы близлежащих лесов, рек и озер. Город достигает своего наибольшего территориального и экономического расцвета между XII и XIV в. (*Yanin, 1990*). В это время он становится одним из центров торговли с Западом. В Новгороде находилась одна из крупнейших контор Ганзейского союза, включающая Готский и Немецкий (двор св. Петра) дворы (*Brisbane et al., 2012*). Сеть новгородской торговли и обмена была весьма обширной; череп берберской макаки с Городища XII в. (останки экзотического питомца или диковинки) свидетельствует о связях, протянувшихся до самого Западного Средиземноморья и Северо-Западной Африки (*Brisbane et al., 2007*).

В данной статье мы используем материал из самого Новгорода, в основном с Троицкого раскопа в юго-западной стороне города, и из его ближайших окрестностей вокруг оз. Ильмень, памятников Городище, Георгий и Прость (рис. 1). В качестве примера мы также включили в исследование группу памятников на окраине Новгородской земли, в Минино, расположенных на оз. Кубенское приблизительно в 500 км к востоку и северо-востоку от Новгорода. Ниже приводится краткое описание этих памятников.

Рис. 1. А — общая карта, показывающая территорию Новгородской земли около 1400 г. н. э., в том числе район Белоозера (Yanin, 1990. Fig. 74, с дополнениями) и карта окрестностей Новгорода; Б — карта с другими памятниками, упоминаемыми в тексте. Составил Марк Дувр

Fig. 1. A — map showing the approximate area of Novgorod Land around AD 1400 including the region of Byeloozero (Yanin, 1990. Fig. 74, with additions); Б — map showing Novgorod and its hinterland with other sites mentioned in the text. Drawn by Mark Dover

На территории средневекового Новгорода было проведено множество систематических раскопок, начиная с первых работ А. В. Арциховского в 1932 г. Свыше 40 мест раскопок на берегах Волхова позволяют составить представление как о границах заселения города, так и о времени его существования, от начала/середины X в. и далее.

Одним из таких памятников является Троицкий раскоп, расположенный на Храмовой (Западной) стороне реки, непосредственно к югу от территории кремля. Работы здесь начались в 1973 г. и продолжаются до сих пор. Мощность культурных напластований составляет почти 5 м, на территории свыше 6000 кв. м выявлена плотная застройка.

Каждый участок (большой раскоп) на Троицком раскопе получил нумерацию римскими цифрами, от I до XVI. Для данного раздела мы использовали костные остатки животных с раскопов Троицкий IX, X и XI, где были вскрыты многочисленные жилые и вспомогательные строения, окружающие двory и включавшие огороженные участки (Faradjeva, 2007). Эти домохозяйства обычно были прямоугольными в плане, короткой стороной обращенные на мощеную деревом улицу. На территории Троицкого раскопа имеется несколько ям, но колодцы малочисленны (Khoroshev, Sorokin, 1992).

Группа новгородских памятников в окрестностях Новгорода была раскопана под руководством Евгения Носова. Она включает неукрепленное поселение Прость (VIII–X вв.), где было вскрыто примерно 1000 кв. м, а также синхронные с ним памятники Васильевское (также неукрепленное селище) и Георгий — несколько более крупное укрепленное поселение, где в конце 1980-х гг. было исследовано свыше 600 кв. м. Однако гораздо более крупным укрепленным поселением в непосредственной близости от Новгорода и объектом широких исследований стало Городище, расположенное на восточном берегу Волхова, примерно в 2 км вверх по течению от того места, где впоследствии вырос Новгород (Носов и др., 2005). Этот памятник расположен на невысоком холме, где, как было установлено, к X–XI вв. поселение разрослось до площади от шести до семи гектаров (Nosov, 1992. С. 40).

Средневековые памятники Минино с 1996 по 2003 г. исследовались экспедицией Института археологии РАН под руководством Н. А. Макарова. Они включают три сельских поселения с общей площадью не менее 4,5 га, могильник и железообрабатывающий центр (Makarov, 2012a. P. 41). Они датируются временем от X в. и до XI и XII вв., когда одно из поселений было заброшено, а другое пришло в упадок.

Ландшафт

Ландшафт вокруг Новгорода в IX–X столетиях можно подразделить на четыре основных типа, различающихся почвами, гидрологией и характером лесной растительности. О последнем можно судить по результатам пыльцевого анализа (Spiridonova, Aleshinskaya, 2012) и археологическим данным (Brisbane, Hather, 2007).

Первый тип ландшафта характерен для мест, окружающих озеро Ильмень. Для него типичны

достаточно плодородные почвы благодаря сезонным подтоплениям и микроклимату. Местные леса не отличались разнообразием видов, они в основном состояли из деревьев, способных выдерживать довольно длинные периоды паводков, таких как ива (*Salix*), ольха (*Alnus*) и другие не крупные деревья, например береза (*Betula*).

Второй тип ландшафта характерен для речных долин и заливных лугов, где произрастали смешанные леса с дубом (*Quercus*), липой (*Tilia*), вязом (*Ulmus*), ольхой, боярышником (*Crataegus*), ясенем (*Fraxinus*) и лещиной (*Corylus*), с некоторым количеством сосны (*Pinus sylvestris*), ели (*Picea abies*) и березы. Кое-где были заливные луга.

Ландшафты третьего типа располагались дальше от рек, на возвышенных местах с более бедными и неглубокими почвами. Для них были характерны обычные северно-европейские леса с сосной, березой и рябиной (*Sorbus*), а также с небольшим количеством широколиственных видов, чаще всего липы.

Четвертый тип ландшафта был представлен на участках местности, включенных в ландшафтные зоны третьего типа. Он был самым влажным и заболоченным, с древесной растительностью, редко представленной чем-либо, кроме отдельно стоящих берез, сосен или елей (*Spiridonova, Aleshinskaya, 2012. P. 20–22*).

К концу XIII в. леса ландшафтов первого и второго типов, находившиеся недалеко от Городища и Новгорода, по-видимому, были сведены, и ландшафт стал по большей части открытым. К этому времени, кроме ивы, в пойменных низинах еще росло мало деревьев, а большая часть лугов, вероятно, была распахана и возделывалась под посевы (*Ibid. С. 22*).

Рыба

Виды рыб, идентифицированные среди коллекций из исследованных памятников, представлены в табл. 1 (подробное описание костей рыб, птиц и млекопитающих с данных памятников см.: *Maltby, Brisbane, 2020*).

На Городище, где просеивание грунта использовалось Е. Н. Носовым в качестве стандартного метода получения археологического материала, кости рыб были распространенной находкой, составляя 19 % от всех костных остатков и 40 % от костей с идентифицированным таксоном (табл. 2). Наиболее часто встречаются кости рыб семейства карповых (*Cyprinidae*). Они составляли

39 % от идентифицированных костей. Многие из этих костей не удалось отнести к какому-либо конкретному виду, но большинство были похожи на остатки леща. Другие виды карповых (*Cyprinidae*), которые были уверенно идентифицированы, включали плотву, головля, язя, голубого леща, серебристого леща и краснопёрку. За ними по распространенности следуют щука и судак, составляя 30 % и 29 % соответственно. В коллекции представлены и некоторые другие виды, в том числе окунь (1 %) и небольшое количество сомов, сигов и осетров (табл. 3).

На Георгии, где просеивание не производилось, были найдены лишь несколько рыбьих костей, но и здесь присутствуют карповые, судак, щука и окунь. Первые три таксона были идентифицированы также в Васильевском. На Прости, где также осуществлялось просеивание культурного слоя, видовое распределение аналогично тому, что наблюдалось на Городище, с преобладанием карповых, за которыми следуют щука, судак и окунь (табл. 3).

По-видимому, рыба была существенной составляющей в рационе питания средневековых жителей Новгорода, на что указывают упомина-

Таблица 1. Виды рыб, идентифицированные на исследованных памятниках
Table 1. Fish taxa identified from investigated sites

Вид рыб	Латинское название
Осетр	<i>Acipenser</i> sp.
Европейский угорь	<i>Anguilla anguilla</i>
Сиг	<i>Coregonus</i> cf. <i>lavaretus</i>
Щука	<i>Esox lucius</i>
Карповые (семейство карпов и лещей), в том числе	
Лещ	<i>Abramis brama</i>
Голубой лещ (сопа)	<i>Abramis ballerus</i>
Голавль	<i>Leuciscus cephalus</i>
Язь	<i>Leuciscus idus</i>
Плотва	<i>Rutilus rutilus</i>
Серебристый лещ (густера)	<i>Blicca bjoerkna</i>
Краснопёрка	<i>Scardinius erythrophthalmus</i>
Чехонь	<i>Pelecus cultratus</i>
Сом	<i>Siluris glanis</i>
Окунь	<i>Perca fluviatilis</i>
Судак	<i>Sander lucioperca</i>
Ёрш	<i>Gymnocephalus cernuus</i>

Таблица 2. Кости млекопитающих, птиц и рыб, найденные в Новгороде и его окрестностях
Table 2. Mammal, bird and fish bones recovered from Novgorod and sites in its hinterland

Виды костей животных	Число индивидуальных образцов					% к общему числу		% идентифицированных	
	Городище	Георгий	Прость	Васильевское	Троицкие раскопки IX-XI	Городище	Троицкие раскопки IX-XI	Городище	Троицкие раскопки IX-XI
Идентифицированные млекопитающих	4450	558	260	24	34304	26.3	53.4	54.7	88.2
Неидентифицированные млекопитающих	6290	187	1681	28	24432	37.1	38.0		
<i>Всего костей млекопитающих</i>	10740	745	1941	52	58736				
Идентифицированные птиц	470	9	1	2	3763	2.8	5.9	5.8	9.7
Неидентифицированные птиц	173	3	0	0	498	1.0	0.8		
<i>Всего костей птиц</i>	643	12	1	2	4261				
Идентифицированные рыб	3208	31	395	55	821	18.9	1.3	39.5	2.1
Неидентифицированные рыб	2341	40	786	47	471	13.8	0.7		
<i>Всего костей рыб</i>	5549	71	1181	102	1292				
Всего идентифицированных	8128	598	656	81	38888				
Всего неидентифицированных	8804	230	2467	75	25401				
<i>Общее число костей животных</i>	16932	828	3123	156	64289	16932	64289	8128	38888

Таблица 3. Виды рыб из всех изученных коллекций
Table 3. Fish taxa from all assemblages examined

Виды рыб	Городище	Георгий	Прость	Васильевское	Троицкие раскопы (ручная переборка)	Троицкие раскопы (просеивание)	Всего	Минино
Угорь	0	0	0	0	0	0,2	0	0
Осетр	0,03	0	0	0	0,6	0	0,1	0,1
Сиг	0,1	0	0	0	0	0	0	0
Щука	30,4	16,1	18,7	7,3	26,1	15,9	25,1	9,9
Карповые	38,8	54,8	52,9	40,0	25,5	60,0	43,3	38,9
Сом	0,2	0	0	0	7,3	0,1	1,1	0
Окунь	1,2	9,7	7,8	0	2,1	6,1	3,0	51,0
Ёрш	0	0	0	0	0	0,1	0	0,1
Судак	29,4	19,4	20,5	52,7	38,5	17,5	27,2	0,1
Неидентифицированных, %	42,2	56,3	66,6	46,1	36,5	67,6	53,1	58,1
Всего идентифицированных	3208	31	395	55	821	1499	6009	1612
Всего неидентифицированных	2341	40	786	47	471	3121	6806	2236
Всего рыб	5549	71	1181	102	1292	4620	12 815	3848

ния в берестяных грамотах (каждая имеет свой номер), а также многочисленные находки рыболовных принадлежностей, найденные при раскопках (Rybina, 2001; 2007; Brisbane, Maltby, 2002; Maltby, 2012). Кости рыб — фактически самые распространенные находки, связанные с дикой фауной, встречаемой в Новгороде, но редко обнаруживаемой при обычном переборе грунта вручную на трех рассмотренных Троицких раскопах (IX, X, XI). Собранные вручную кости рыб с Троицких раскопов составляют в общей сложности 1292 экз., из которых для 821 были определены таксоны (2 % от всех костей с идентифицированными таксонами — табл. 2). По сравнению с этим 4620 костей были получены при очень ограниченном просеивании, что показывает, насколько велико могло быть количество остатков рыбы, изначально находившихся в земле. Рыба, несомненно, была гораздо более важным продуктом питания по сравнению с нашим временем, так как рыбы кости преобладают по количеству по сравнению с костями млекопитающих.

Коллекция, полученная путем ручного перебора, также показала численный перевес больших костей от крупных рыб. Среди них были кости осетра и сома. Ценный проходной осетр упоминается в одной берестяной грамоте (№ 259), однако среди коллекции, полученной с помощью просеивания, он не был представлен, и, несмотря на

его большой размер, осетр дает менее 1 % от идентифицированных костей рыб, собранных вручную. Сом не отмечен в берестяных документах. Этот очень крупный вид представлен 7 % идентифицированной рыбы из отобранного вручную материала с Троицких раскопов, но лишь 0,1 % от коллекции, полученной просеиванием, что, опять же, указывает на недостаток метода извлечения материала и необъективность выводов (табл. 3).

Щука однажды упоминается в берестяной грамоте (№ 169), но в то же время представлена 26 % от определенных пород рыб способом ручной выборки с Троицкого раскопа и 16 % в коллекции, полученной путем просеивания. Этот вид хищной рыбы широко распространен в р. Волхов и оз. Ильмень; в коллекции имеются экземпляры различного размера, включая очень крупные особи.

Судак являлся еще одним распространенным пресноводным видом рыбы, и хотя не упоминается в берестяных грамотах, составляет 39 % идентифицированных костей в коллекции, собранной вручную на Троицких раскопах, и 18 % в образцах, полученных просеиванием. Родственный, но более мелкий окунь тоже очень часто встречается в данном регионе, однако и он не упоминается в документах. В собранных вручную коллекциях с Троицких раскопов он составляет 2 % от идентифицированных рыб и 6 % в сборах, полученных просеиванием.

Записи о *сигах*, очень ценных родственниках лосося, упоминаются в берестяных документах чаще всего (например, № 144, 260, 280, 831) и иногда приводится количество до 50 рыб. Несмотря на это, их кости крайне редко находят при раскопках. В основных Троицких слоях не было ни одной, хотя несколько костей были зафиксированы в мешаном слое и несколько были ранее встречены на Неревском раскопе, расположенном в северо-западной части города (*Сычевская*, 1965). Эта проходная рыба больше не водится в оз. Ильмень со времени постройки Волховской ГЭС в 1927 г.

Карповые (26 %) по распространению немного уступают щуке в собранной вручную коллекции с Троицких раскопов, но они абсолютно преобладают в выборке, полученной путем просеивания (60 %). Обнаружено не менее семи видов, среди которых лещ представлен наиболее широко. *Лещ* — единственный из кипририд (*Cyprinidae*), упомянутых в берестяных грамотах, хотя и всего в двух документах: № 169 (где также есть и щука) и № 964.

Еще два вида были обнаружены среди образцов при просеивании — две кости *ерша*, очень мелкой рыбы, родственной окуню, и три кости *угря*. Регион Новгорода, по-видимому, является границей миграции угря, и поскольку упомянутые кости являлись остатками довольно крупных образцов, их, скорее всего, можно связать с копченой рыбой.

Отметим несоответствие между информацией письменных источников и археологическими коллекциями. Берестяные грамоты в основном относятся к сбору податей (например, в грамоте № 92 перечисляют подати, уплачиваемые лососем и беличьими шкурками), и в них делается упор на продаваемую и престижную рыбу, такую как лососевые и осетр, которые редко встречаются среди археологических материалов. С другой стороны, в коллекциях, собранных во время раскопок, доминируют изобилующие в данной местности, но менее ценные виды, употребляемые в пищу чаще всего. Основными среди них были карповые, щука и судак. Современный промысловый улов рыбы в оз. Ильмень носит тот же характер: основными добываемыми карповыми являются лещ и сопа (голубой лещ) (*Savenskova et al.*, 2010).

В Минино коллекция костей рыбы, полученная путем просеивания, несколько отличается: в идентифицированных остатках преобладают окунь

(51 %) и карповые (39 %). Уверенно определены плотва, лещ и язь, причем плотва чаще всего, а язь — редко. Остатки щуки (10 %) образуют третью по численности группу. Другие виды рыб встречены крайне редко, по одной кости ерша и судака, а также две дорсальные чешуйки осетра (табл. 3). Сегодня в оз. Кубенское широко представлены три вида рыб — лещ, плотва и ёрш, после которых следуют щука, язь и окунь. Почти полное отсутствие судака в археологических слоях Минино объясняется тем, что он начал разводиться в озере только с 1936 г. (*Bolotova et al.*, 2001).

Различия в распространении видов между Минино и окрестностями Новгорода, по-видимому, в основном отражают наличие разных пород рыб, что вызвано экологическими факторами. В обоих случаях упор делался на добычу местных ресурсов, а не видов, фигурирующих в податных записях.

Птицы

Таксоны пернатых, определенных в коллекциях из исследованных памятников, представлены в табл. 4.

При раскопках Рюрикова городища костей птиц было найдено гораздо меньше, чем рыбьих костей, но больше, чем костей диких млекопитающих. Они составляют 6 % от скелетных остатков, определенных до уровня таксона (табл. 2). Преобладают кости утиных, составляя 46 % от всех костей пернатых и 62 % от идентифицированных костей птиц (табл. 5). Определить конкретный вид утиных оказалось невозможно из-за их большого морфологического сходства. Тем не менее, большинство наиболее крупных костей указывают на присутствие дикой утки, а мелкие кости, по-видимому, принадлежат чирку. Кости других утиных встречаются, но реже; они включают отдельные кости нырковых уток, таких как гоголь, а другие соответствуют свиязи.

Кости домашней птицы (курицы) являются вторыми по численности находками и составляют свыше 25 % от идентифицированных костей пернатых. Кости гуся, все соответствующие по величине домашнему (серому) гусю, составляют третью по численности группу, насчитывающую 8 %. В небольшом количестве представлены не менее девяти других видов. Из них наиболее многочисленны глухари. Идентифицированные таксоны включают орлов, ястребов среднего размера (вероятно, пустельги), журавлей, лебедей, бакланов,

ГОРОДИЩЕ И НОВГОРОД

Таблица 4. Виды пернатых, идентифицированные на исследованных памятниках
Table 4. Bird taxa identified from investigated sites

Вид птиц	Латинское название
Большая поганка (чомга)	<i>Podiceps cristatus</i>
Большой баклан	<i>Phalacrocorax carbo</i>
Серая цапля	<i>Ardea cinerea</i>
Большая выпь	<i>Botaurus stellaris</i>
Белый аист	<i>Ciconia</i> sp.
Лебедь	<i>Cygnus</i> sp.
Гусь домашний, или гусь серый	<i>Anser anser</i>
Белолобый гусь	<i>Anser albifrons</i>
Пискулька	<i>Anser erythropus</i>
Домашняя утка, или кряква	<i>Anas platyrhynchos</i>
Чирок-свистунок	<i>Anas crecca</i>
<i>Другие утиные, в том числе</i>	
Чирок-трескунок	<i>Anas querquedula</i>
Свиязь	<i>Anas penelope</i>
Широконоска	<i>Anas clypeata</i>
Обыкновенный гоголь	<i>Vucephala clangula</i>
Красноголовый нырок	<i>Aythya ferina</i>
Хохлатая чернеть	<i>Aythya fuligula</i>
Орлан-белохвост	<i>Haliaeetus albicilla</i>
Ястреб-перепелятник	<i>Accipiter nisus</i>
Ястреб-тетеревятник	<i>Accipiter gentilis</i>
Обыкновенный канюк	<i>Buteo buteo</i>
Полевой лунь	<i>Circus cyaneus</i>
Обыкновенная пустельга	<i>Falco tinnunculus</i>

Вид птиц	Латинское название
Чеглок	<i>Falco subbuteo</i>
Дербник	<i>Falco columbarius</i>
Глухарь	<i>Tetrao urogallus</i>
Тетерев-косач	<i>Tetrao tetrix</i>
Рябчик	<i>Bonasa bonasia</i>
Серая куропатка	<i>Perdix perdix</i>
Домашняя курица	<i>Gallus gallus</i>
Серый журавль	<i>Grus grus</i>
Лысуха	<i>Fulica atra</i>
Вальдшнеп	<i>Scolopax rusticola</i>
Бекас	<i>Gallinago gallinago</i>
Прочие бекасовые	eg <i>Tringa</i> sp., <i>Limosa</i> sp.
Чайки	<i>Larus</i> sp.
Вяхирь	<i>Columba palumbus</i>
Клинтух	<i>Columba oenas</i>
Серая неясыть	<i>Strix aluco</i>
Мохноногий сыч	<i>Aegolius funereus</i>
Ворон	<i>Corvus corax</i>
Грач/Ворона серая	<i>Corvus frugilegus/</i> <i>corone</i>
Галка	<i>Corvus monedula</i>
Сойка	<i>Garrulus glandarius</i>
Маленький воробей	

Таблица 5. Процентное содержание индивидов пернатых из окрестных новгородских памятников
Table 5. Bird NISP percentages from Novgorod hinterland sites

Вид птиц	Городище	Георгий	Прость	Всего
Большой баклан	0,2	0	0	0,2
Лебедь	0,2	0	0	0,2
Гусь домашний, или серый	7,9	66,7	0	9,0
Домашняя утка, или кряква	40,2	22,2	0	39,8
Чирок-свистунок	15,3	0	100	15,2
Другие утиные	6,8	11,1	0	6,9
Орлан-белохвост	1,1	0	0	1,0
Ястреб-перепелятник	0,2	0	0	0,2
Домашняя курица	25,1	0	0	24,6
Глухарь	1,3	0	0	1,3
Отряд курообразные (вид неопр.)	0,2	0	0	0,2
Серый журавль	0,2	0	0	0,2
Бекасовые	0,2	0	0	0,2
Ворон	0,4	0	0	0,4
Сойка	0,6	0	0	0,6
Неидентифицированных, %	26,9	25,0	0,0	26,8
Всего идентифицированных	470	9	1	480
Всего неидентифицированных	173	3	0	176
Всего птиц	643	12	1	656

цапель (размером с вальдшнепа), воронов и еще двух видов врановых.

В Новгороде кости пернатых составляют 6 % от всех собранных вручную костей с Троицких раскопов и 10 % от костей, идентифицированных до таксона. Как и в случае с остатками рыбы, пернатые представлены недостаточно из-за несовершенства метода сбора материалов, но в последнем случае это несовершенство менее выражено. Присутствуют свыше 30 видов (табл. 6). Как и можно было ожидать, домашняя птица имела большое значение, но в Новгороде, что необычно для коллекций других средневековых городов, утки встречаются гораздо чаще. Их обилие можно объяснить благоприятными природными условиями и близостью Новгорода к путям миграции утиных.

Как и на Городище, в Новгороде утиные представлены костями разных размеров. Большинство костей были отнесены по размеру к дикой утке. Это могли быть и домашние утки, но кости были не крупнее костей дикой утки, которая и сейчас очень распространена в данной местности. Самые мелкие кости соответствуют чирку, и они довольно широко представлены. Среди них могут быть кости чирка-трескунка, поскольку некоторые по размеру соответствуют этой породе. Другие кости утиных были среднего размера, например кости связы, а также имеются несколько костей нырковых уток, в том числе гоголя и хохлатой чернети. Они все являются перелетными птицами, и до сих пор на них часто охотятся: в настоящее время основные охотничьи сезоны включают апрель–май и сентябрь–октябрь. Другие водоплавающие птицы, возможно употреблявшиеся в пищу, — это лебедь, аист, цапля и несколько видов болотных птиц. 77 костей крупных курообразных относятся к глухарям и десяток — к тетеревам-косачам. Также в коллекции фиксируются и кости мелкой дичи, например рябчиков и куропаток.

В берестяных грамотах названия птиц встречаются очень редко, но в одной из них упоминается весьма ценившийся тетерев-косач (№ 842), в другой — сокол (№ 54), еще в одной — кречет (№ 248). Как и в случае с рыбой, обычные виды в документах не отмечены, будучи, по-видимому, не достаточно престижными для включения в подати. Кречеты в основном использовались знатью по всей Европе в качестве ловчих птиц (*Potapov, Sale, 2005. P. 232*), и хотя остатки этого северного вида в Новгороде не найдены, несколько других видов хищных птиц здесь представлено. Последние

включают орла, канюка, ястреба, ястреба-тетеревятника, луня, пустельгу, чеглока и дербника. Ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник и пустельга встречаются наиболее часто, и имеются несколько находок как полных, так и частичных их скелетов. Многие из этих остатков можно отнести, вероятно, с птицами, содержащимися для соколиной охоты (*Prummel, 1997*). Снасти для соколиной охоты, включая вертлюги, колокольчики и колпачки, были обнаружены на Городище и в нескольких раскопах Новгорода (*Федоров и др., 2011*). В ряде случаев были найдены кости ног ястреба и других птиц, на которых еще сохранились привязанные опутинки (кожаные ремешки) (*Zinoviev, 2017*). В одном случае такие ремешки обнаружены на костях молодого журавля, которого вероятно использовали для обучения соколов, а в другом случае такой ремешок найден на цевке канюка. Хотя такие птицы сами, как правило, не используются сокольниковыми, их могли держать для натаскивания или как приманку, а соколиная охота, по-видимому, объясняет и наличие костей сов и луней (*Zeiler, 2010*). Хищных птиц можно обучить охоте на разнообразных птиц и животных, а не только тех, которые являются их обычной добычей (*Prummel, 1997*), и полученная таким способом дичь встречается при раскопках, в том числе, возможно, заяц, цапля, куриные и болотные птицы. Ястреба-тетеревятника также можно обучить снимать уток прямо с воды (*Федоров и др., 2011*), хотя последних, вероятно, большей частью отлавливали сетями, так как такое большое количество утиных костей вряд ли можно объяснить только использованием соколиной охоты. Тем не менее имеющиеся в настоящее время данные свидетельствуют, что во многих усадьбах в Новгороде и на Городище держали для охоты хищных птиц.

Несмотря на наличие на поселениях домашней птицы и, возможно, некоторого количества гусей, зооархеологические данные указывают на то, что в основном использовалась изобилирующая дикая птица, в частности утки. Вылавливали и других водоплавающих птиц и ценную дичь, такую как глухари и тетерева. Глухарь, в частности, любит леса с преобладанием ели, что может объяснить сравнительно малое число находок его костей, так как в окрестностях самого Новгорода эти птицы встречались достаточно редко. Хищные птицы имелись, в том числе несколько видов, пригодных для соколиной охоты. Остатки других птиц, например галок, свидетельствуют просто о городских популяциях пернатых.

ГОРОДИЩЕ И НОВГОРОД

Таблица 6. Процентное содержание числа индивидуальных образцов костей пернатых из участков на Троицких раскопах в Новгороде
Table 6. Bird NISP percentages from Troitsky sites, Novgorod

Вид птиц	Процентное содержание идентифицированных по видам костей					Всего
	Троицкий раскоп, №					
	IX	X	XI	XI	XI	
	Временной промежуток, в.					
	X – ранний XII	X – ранний XII	X – ранний XII	средний XII – ранний XIII	средний XIII – ранний XV	
Большая поганка (чомга)	0,3	0,4	0	0,1	0	0,1
Большой баклан	0	0	0,1	0,4	0	0,1
Серая цапля	0	0	0,4	0	0	0,2
Большая выпь	0	0	0,1	0	0	0,1
Белый аист	0,3	0	0	0	0	0
Лебедь	0	0,2	0,5	0,1	0	0,3
Гусь домашний, или серый	2,7	5,6	4,1	6,0	7,5	4,8
Другие гусиные	0	0,2	0,6	0,3	0	0,4
Домашняя утка, или кряква	45,8	53,9	40,6	19,7	15,4	36,8
Чирок-свистунок	6,8	6,3	11,2	6,6	9,6	9,2
Другие утиные	5,8	5,6	6,1	4,9	5,4	5,7
Орлан-белохвост	0	0,2	0,1	1,3	3,2	0,6
Ястреб-перепелятник	0,8	0	1,1	2,9	1,1	1,3
Ястреб-тетеревятник	0	0,7	1,1	1,4	2,1	1,1
Обыкновенный канюк	0	0	0,1	0	0	0,1
Полевой лунь	0	0	0	0,3	0	0,1
Обыкновенная пустельга	0	0	0,2	0	0	0,1
Чеглок	0	0	0,1	0	0,4	0,1
Дербник	0	0	0	0,3	0	0,1
Домашняя курица	33,7	22,6	27,5	47,3	50,4	33
Глухарь	0,8	2,9	1,6	3,5	1,4	2,0
Тетерев-косач	0,3	0	0,3	0,6	0	0,3
Отряд курообразные (вид неопр.)	0,5	0,2	0,8	0,8	0,7	0,7
Рябчик	0	0	0	0	0,7	0,1
Серая куропатка	0	0	0	0	0,4	0
Серый журавль	0	0,2	0,3	0,6	0,4	0,3
Лысуха	0	0	0,1	0	0	0
Вальдшнеп	0,8	0,7	0,2	0,4	0,4	0,4
Чайки	0	0	0,3	0,1	0	0,2
Клинтух	0	0	0,1	0,3	0	0,1
Совы	0	0	0,3	0,6	0	0,3
Ворон	0,5	0	0,5	0,3	0	0,3
Грач / Ворона серая	0,5	0,2	0,4	0	0	0,3
Галка	0,3	0	0,1	0,8	0,4	0,2
Сойка	0	0	1,5	0,6	0,7	0,9
Неидентифицированных, %	9,4	11,1	13,1	9,4	11,1	11,7
Всего идентифицированных	365	447	1954	717	280	3763
Всего неидентифицированных	38	56	295	74	35	498
Всего костей птиц	403	503	2249	791	315	4261

Дикие млекопитающие

Таксоны диких млекопитающих, определенных в коллекциях из исследованных памятников, представлены в табл. 7.

В коллекциях скелетных остатков из Новгорода и памятников в его окрестностях преобладают кости одомашненных млекопитающих, особенно крупного рогатого скота и свиньи. Из слоев IX и X вв. на Городище получено очень мало остатков диких млекопитающих — в пределах лишь от 0,2 до 2 % от всей коллекции млекопитающих (табл. 8). Единственными из зарегистрированных крупных видов животных являются лось и медведь, причем последний представлен лишь единственной третьей фалангой. Она, возможно, была привезена вместе с медвежьей шкурой, хотя такие кости могли использоваться и как подвески. Мелкие млекопитающие включали зайца, лесную куницу, горностая, белку, волка, лисицу и полевку. Несколько наиболее крупных костей свиньи, возможно, принадлежали дикому кабану, но большинство этих костей остались от менее крупных домашних животных. На нескольких костях бобра отмечены следы разделки, что указывает на употребление их мяса (Maltby, 2012).

На Георгии дикие животные представлены несколько полнее, составляя 5 % от всех костей млекопитающих. Большинство их принадлежали лосю, но среди определенных костей встречено несколько костей бобра, медведя, белки и рыси (табл. 8). Однако так же, как и на Городище, не зафиксирована массовая добыча и обработка пушного зверя. В то же время, на селище Прость в культурных отложениях найдены кости ног не менее чем четырех куниц, что объясняет значительно более высокий процент костей диких млекопитающих здесь (22 %). Эти находки предположительно были связаны со шкурами животных, добытых неподалеку.

Письменные источники свидетельствуют о том, что богатство Новгорода в основном определялось его значительной ролью в международной пушной торговле (Martin, 1986; Makarov, 2012b). Эти документы показывают, что ежегодно сотни тысяч шкур добывались в лесной зоне Русского Севера. Особую важность представляла белка, но в большом количестве добывались и другие виды: бобр, куница, выдра, соболь, лисица. Пушная торговля Новгорода через Балтику с Западной Европой начиная с XIII в. расширилась после его вхождения в Ганзейский союз. Например, в XIV в.

в Лондоне беличий мех продавался весьма дорого (Veale, 1966). Новгородские берестяные грамоты и надписи на деревянных пломбах-замках, скреплявших мешки с пушниной, также содержат массу упоминаний о беличьих шкурках, собранных в качестве подати (Makarov, 2012b). Об охоте на пушного зверя свидетельствуют томары — тупые наконечники стрел из дерева или оленьего рога (Смирнова, 1994). Однако в самих зооархеологических материалах, полученных при раскопках Новгорода, пушной промысел не нашел отражения. Дикие виды составляют лишь 1 % от общей коллекции костей млекопитающих на Троицких раскопах, и даже в выборках, полученных просеиванием, где вероятность обнаружения костей мелких видов была выше, дикие виды представлены менее 4 % от общего количества костей млекопитающих (табл. 8).

В коллекциях, собранных в результате переборки слоя, зафиксировано всего 25 % костей лося. Благодаря крупному размеру лося, его добыча могла обеспечить гораздо больший объем мяса, чем могли дать любые другие животные, хотя это и была, по-видимому, лишь редкая добавка к мясному рациону жителей города. Однако значение лося в рационе, возможно, недооценено из-за того, что лосей, вероятно, часто разделявали на месте охоты в окрестностях, на поселение приносили только срезанное мясо или высококачественные сочленения. Тем не менее были найдены кости от всех частей скелета лося, что, по-видимому, указывает на то, что иногда и целые туши доставлялись в город (рис. 2, А). С другой стороны, относительно высокий процент костей нижних конечностей (кистевых/тарзальных, метоподиальных и фаланг), возможно, свидетельствует о том, что эти кости попадали на поселение вместе со шкурой животного. Следы ошкуривания были замечены на некоторых костях, и лосиные шкуры отдельно упомянуты в нескольких берестяных грамотах (например, № 153). Несомненно, рога лося приносились в большом количестве для изготовления гребней и других изделий. Множество обрезков рога найдены на некоторых усадьбах (Smirnova, 2005), но в наши подсчеты они не включены.

Наиболее распространенным диким млекопитающим, представленным на Троицких раскопах, был заяц, кости которого составляли 35 % в коллекциях, собранных путем переборки (табл. 8). Здесь, как и на других рассматриваемых памятниках,

ГОРОДИЩЕ И НОВГОРОД

Таблица 7. Виды диких млекопитающих, определенных на исследованных памятниках
Table 7. Wild mammal taxa identified from investigated sites

Вид животного	Латинское название	Вид животного	Латинское название
Зубр или тур	<i>Bison bonasus</i> or <i>Bos primigenius</i>	Лесной хорек	<i>Mustela putorius</i>
Европейский лось	<i>Alces alces</i>	Горноста́й	<i>Mustela erminea</i>
Северный олень	<i>Rangifer tarandus</i>	Лисица	<i>Vulpes</i> sp.
Европейская косуля	<i>Capreolus capreolus</i>	Рысь обыкновенная	<i>Lynx lynx</i>
Заяц	<i>Lepus</i> sp.	Волк	<i>Canis lupus</i>
Кабан	<i>Sus scrofa</i>	Барсук	<i>Meles meles</i>
Бурый медведь	<i>Ursus arctos</i>	Обыкновенный еж	<i>Erinaceus europaeus</i>
Белка обыкновенная	<i>Sciurus vulgaris</i>	Темная полевка	<i>Microtus agrestis</i>
Обыкновенный бобр	<i>Castor fiber</i>	Крыса	<i>Rattus</i> sp.
Выдра	<i>Lutra lutra</i>	Полевая мышь	<i>Mus/Apodemus</i> sp.
Куница	<i>Martes</i> sp.		

Таблица 8. Суммарный процент видов млекопитающих из последних раскопок в Новгороде и на его территориях
Table 8. Wild mammal species totals from recent excavations in Novgorod and its territory

Вид животного	Городище	Георгий	Прость	Троицкий раскоп, №					Троицкие раскопы		Минино			Всего
				IX	X	XI			Всего	Просеяно				
	Временной промежуток, в.													
	IX-X	IX-X	IX-X	X – ранний XII	X – ранний XII	X – ранний XII	средний XII – ранний XV	средний XII – ранний XV	X – ранний XV	X – средний XII	XI – ранний XII	Поздний XII – XIII	XI-XIII	
Зубр или тур	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Европейский лось	7	18	0	9	5	16	34	16	80	0	31	56	20	107
Северный олень	0	0	0	2	0	0	0	1	3	0	7	4	2	13
Европ. косуля	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	2	2	6
Заяц	44	1	0	14	5	26	20	49	114	4	6	13	5	24
Кабан	0	0	0	0	0	1	1	2	4	0	2	6	7	15
Медведь	1	1	0	0	1	2	4	2	9	0	0	2	0	2
Белка	11	1	0	1	0	2	0	0	3	1	214	153	56	423
Бобр	23	3	1	18	16	64	2	0	100	6	423	183	252	858
Выдра	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4	7	1	12
Куница	1	0	54	0	0	0	0	0	1	0	45	40	19	104
Лесной хорёк	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	4	1	7
Горноста́й	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Лисица	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	5	5	1	11
Рысь	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Волк	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Барсук	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1
Ёж	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Полёвка	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Крыса	0	0	0	0	0	1	4	2	7	0	0	0	0	0
Мышь	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
Всего	94	25	56	44	27	112	65	73	322	12	741	476	366	1583
Дикие, %	2,1	4,5	21,5	1,2	0,4	0,8	1,3	1,4	0,9	3,9	72,6	58,1	59,9	64,6

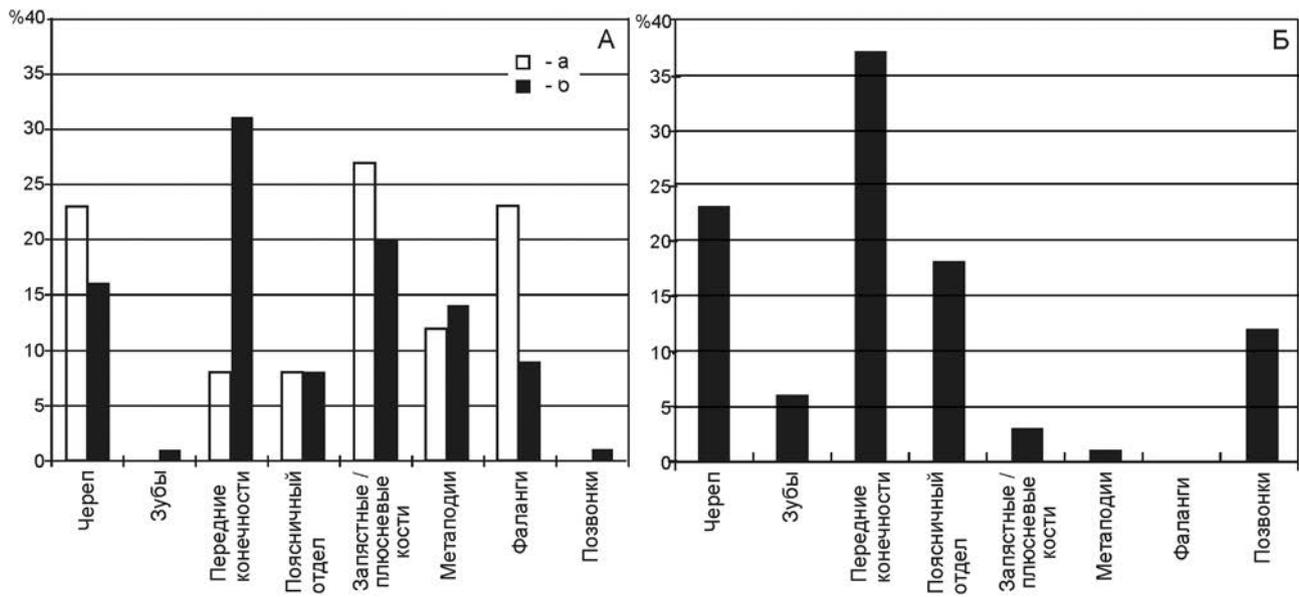

Рис. 2. А — процентное содержание частей туш лося (а — Троицкие раскопы IX–XI; б — окрестные памятники: Городище, Прость, Георгий); Б — процентное содержание частей тушек бобра (Троицкие раскопы IX–XI)

Fig. 2. A — percentages of elk body parts (a — Troitsky IX–XI; б — hinterland sites: Gorodishche, Prost, Georgii); Б — percentages of beaver body parts (Troitsky IX–XI)

предполагается, что все кости зайца принадлежали зайцу-беляку (*Lepus timidus*), поскольку заяц-русак (*Lepus europaeus*) появляется в данном регионе только в постсредневековый период (Thulin, 2003). В берестяной грамоте № 842 (XII в.) в качестве подати перечисляются различные виды продовольствия, в том числе упоминаются три зайца, так что большая часть зайцев доставлялась в город, по-видимому, в качестве провизии. В этом отношении немаловажно, что единственные находки медвежьих костей с Троицких раскопов Новгорода представлены третьими фалангами (точнее, когтями), возможно, не отделенными от шкуры. Упоминания медвежьих шкур встречаются в нескольких берестяных документах (например, № 65 и 722).

На Троицких раскопах зафиксировано всего 106 костей бобра (табл. 8). Кости от лапок представлены незначительно (рис. 2, Б), вероятно, они предварительно снимались вместе со шкурками. На 35 % костей бобра обнаружены следы разделки, большинство из которых связаны скорее с получением мяса, чем со снятием шкурок (Maltby, 2012). Шкурки бобра упоминаются в берестяных грамотах в качестве товара (например, № 420) и составе податей (№ 910). В Новгороде зафиксировано очень незначительное количество костей белки. Хотя в дальнейшем применение просеивания культурного слоя, возможно, увеличит их

число, как и количество костей других мелких пушных видов, таких как куница, выдра и лисица, присутствие которых незаметно по археологическим материалам. Вероятно, этому не стоит удивляться, поскольку использовались только шкурки животных, а не целые тушки.

Для получения более объективной картины о характере добычи мехов необходимо обратиться к материалам из более удаленных частей лесной зоны. В Минино дикие виды составляют, как ни удивительно, 73 % от всех идентифицированных костей млекопитающих в слоях, датированных от XI до начала XII в. Большинство из них принадлежало белке и бобру, часто встречались кости лесной куницы, а также имелось некоторое количество костей лисы, выдры, хорька и медведя (табл. 8) (Savinetsky, в печати). В некоторых других коллекциях того же времени из данного региона также фиксируется большое количество пушных видов (Makarov, 2012b). Таким образом, роль Новгорода в международной пушной торговле лучше отражена в составе коллекций костей животных в местах их добычи, таких как Минино, чем в самом городе.

Оставаясь все еще значительным (58 %), содержание костей диких млекопитающих из Минино уменьшается в коллекциях XIII в. (Savinetsky, 2020; Савинецкий, Крылович, 2009). Это снижение, возможно, было вызвано чрезмерными эксплуатацией

и вырубкой лесов. Вероятно, данный факт был лишь частью более широкого явления, связанного с добычей и поставкой пушнины. В новгородских берестяных грамотах ссылки на бобра после начала XIII в. становятся значительно более редкими (Rybina, 2001). Кости бобра почти полностью отсутствуют на Троицких раскопах в слоях начиная с XIII в. и более позднего времени (табл. 8).

Леса

Как уже упомянуто выше в разделе, описывающем ландшафты, лесной покров в новгородском регионе сильно изменился, когда в VIII—IX вв. здесь расселились славянские племена и появилось экстенсивное сельское хозяйство (Носов и др., 2005). Согласно археологическим данным, первые освоенные участки располагались на невысоких холмах у озера и около речных дельт в Приильменье. На территории Северо-Запада России раннее славянское население предпочитало селиться в приозерных и пойменных ландшафтах (Yeremeyev, 2012. С. 150). И. И. Еремеев недавно составил карту поселений вокруг Ильменя, и ряд из них (например, Георгий и Прость) расположен на возвышенностях и невысоких холмиках. В дальнейшем население, по-видимому, продвигается вверх вдоль речных долин, о чем свидетельствуют расположенные здесь погребальные памятники — сопки. Именно эти территории должны были резко меняться под воздействием подсечно-огневого метода расчистки земли от леса и кустарников для распашки и расширения сенокосных лугов. Новгород и был основан как одно из таких поселений, вероятнее всего, в начале и середине X столетия, несмотря на его удревнение в летописных упоминаниях, и он быстро вырос, став важным административным центром Приильменья, а затем и столицей Северной Руси.

С XI по XV в. преобладал подсечно-огневой метод расчистки земель от леса, который затем сменился трехпольной системой земледелия. Очищенные участки распахивались, но оставались плодородными в течение всего нескольких сезонов культивации, истощенные поля забрасывались и зарастали березой, орешником и ольхой (Martin, 1995. P. 269).

На ранних стадиях заселения для постройки домов, оград, улиц, а в некоторых случаях и укреплений, выбирались крупные лиственные деревья, такие как дуб и вяз, а также сосна и ель. Новгородский дендрохронолог О. А. Тарабардина

(Tarabardina, 2007; Тарабардина, 2009), исследовавшая древесину, полученную с Троицких раскопов, показала, что после X в. использование лиственных деревьев сократилось, и для строительных работ выбирались сосна и ель, в зависимости от характера строительства (например, сосна для настилов, полов и мощения дорог, ель в основном для изгородей, палисадников и опорных конструкций). Она также продемонстрировала, что с середины XIII столетия отмечается явная тенденция повторно использовать деревья, особенно для мощения улиц. Одновременно жители города перестают разбирать более ранние настилы и на них кладут новые мостовые, не экономя старое дерево. Это происходит в период расширения территории формирующейся Новгородской земли, изобилующей лесными ресурсами, и дерево с избытком поступает в Новгород, скорее всего, по водным системам (Tarabardina, 2007. С. 118).

Мы, таким образом, можем построить модель, показывающую, как расширение поселенческой зоны вызывало истощение лесов и вело к изменениям природной среды. Изменения, связанные с антропогенным фактором, произошли сначала в приозерных местностях и речных дельтах, а затем в долинах рек, и оказали серьезное влияние на обитателей лесов. Дикая фауна испытала двойное негативное воздействие — в начале в связи с интенсивной охотой, а в дальнейшем с сельскохозяйственным освоением территории, сопровождающимся вырубкой леса. В результате чрезмерной добычи пушного зверя, приводившей к уничтожению популяций, на некоторых видах, например бобрах, губительно сказывалось изменение среды обитания в связи с расширением земельных угодий за счет вырубки лесов. На тех видах, которые были особенно чувствительны к среде обитания (например, глухарь, предпочитающий еловый лес), эти изменения сказывались непосредственно и незамедлительно, в то время как другие, например куньи, с течением времени могли мигрировать глубже в нетронутые леса. Некоторые виды даже выигрывали от этих перемены. Например, частичная вырубка леса на более влажных участках могла способствовать увеличению численности водолюбивых видов, улучшать кормовые условия для лося (Bauer, Nygrén, 1999).

Так как основным экспортом новгородцев была пушнина, возникала потребность в расширении и увеличении охотничьих угодий. Они начинают углубляться в лесные пространства на

север и восток, продвигаясь за пределы густых березовых и сосновых лесов в южную тайгу вдоль Белого моря, где доминировали ель и лиственница. Именно такие поселения, как Минино, показывают, что растущий спрос на пушнину не исчерпывался собиранием дани с аборигенных народов или временными лагерями, используемыми исключительно для сезонной охоты и ловли, но требовал появления постоянных поселений, полностью ориентированных на торговлю пушниной и получавших выгоду от нее (Makarov, 2012b). Помимо постоянной охотничьей деятельности население на северной окраине Новгородской земли также увеличивало нагрузку на лес, расчищая участки под пашни и заготавливая древесину для строительства, ремесел и топлива.

Заключение

Археозоологи, обычно рассматривая изменения в рационе питания, объясняют их приспособлением людей к смене природных ресурсов, а также переменами в культуре населения (например, Maltby et al., 2019). Кроме того, известным фактом является и то, что в лесах на Севере России в огромном количестве добывались различные природные ресурсы, в том числе шкурки пушных зверей (см., например, Martin, 1986). Однако в этой работе мы попытались углубиться в данную проблему, более детально рассматривая различия как между, так и внутри различных частей территории северной России, фиксируя временные изменения, вызванные нагрузкой на среду обитания и ее ухудшением, а также конкретными антропогенными воздействиями на эту среду. В работе проведен комплексный анализ письменных и зооархеологических источников с учетом природных изменений, в результате чего получены данные о снижении численности бобра в Новгороде и Минино в XIII в. Удалось установить, что экологические изменения в реках и озерах на новгородских территориях могли бы объяснить изменение видового состава рыб, вылавливаемых на разных поселениях. Также мы продемонстрировали, что некоторые высокоценные виды привозной рыбы, как следует из берестяных грамот, по-видимому, составляли лишь весьма редкую добавку к меню большинства новгородцев. Однако необходимо и дальше расширять наши представления о лесах, реках и озерах Новгородской земли в древности.

Одним из направлений углубления наших знаний является разработка моделей, которые

описывают, каким образом различные антропогенные факторы воздействовали на леса с учетом временной составляющей. Для этой цели мы используем программное обеспечение для моделирования лесного комплекса LANDIS II. Оно моделирует смену лесной растительности, пертурбации (в том числе, пожар, ветер, сбор урожая), изменения климата и распространение семян через лесные ландшафты (см., например, Cantarello et al., 2014). Данное программное обеспечение обычно используется экологами леса для предсказания долговременных воздействий различных режимов лесного хозяйствования, но оно также может пригодиться для построения моделей изменения лесов в прошлом. Например, оно способно показать, как интенсивность расчистки земли от леса одновременно с экстенсивной эксплуатацией лесных ресурсов в таких видах деятельности, как ремесленное производство и градостроительство, воздействовала на лес, его способность регенерироваться, на вырождение определенных видов деревьев (главным образом лиственных), и целенаправленную вырубку старых и более крупных деревьев для строительства и других целей.

Эти исследования для новгородских земель пока находятся на стадии разработки, но предполагается смоделировать изменения лесов в период с 800 по 1600 г. н. э. при различных сценариях воздействия на лес. Материалы по живой природе, обсуждаемые в данной статье, можно будет детализировать и интегрировать в систему более широких представлений о том, как человек повлиял на экологию регионов за прошедшее тысячелетие.

Благодарности

Авторы хотели бы поблагодарить многочисленных российских коллег из Новгорода, Москвы и Санкт-Петербурга, особенно нашего дорогого друга Евгения Носова, за их помощь в течение многих лет совместной работы. Также мы хотели бы поблагодарить Катарину Юдельсон за помощь в переводах и М. Доувера за составленные карты на рис. 1. Ш. Хамильтон-Дайер хотела бы выразить признательность оргкомитету СЕАЕС, который позволил представить версию данной статьи на их конференции, состоявшейся в Брюсселе в мае 2015 г., и затем опубликованной в *Quaternary International* как часть материалов этой конференции (Hamilton-Dyer et al., 2017. P. 97–107). Данная статья является доработанной и дополненной версией публикации в *QI*.

- Носов и др.*, 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 402 с.
- Савинецкий, Крылович*, 2009 — *Савинецкий А. Б., Крылович О. А.* Палеозоологические материалы и динамика промысловой фауны // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: В 3 т. Т. III: Палеоэкологические условия, общество и культура / Отв. ред. Н. А. Макаров, сост. И. Е. Зайцева. М.: Наука, 2009. С. 16–24.
- Смирнова*, 1994 — *Смирнова Л. И.* Еще раз о тупых стрелах (К вопросу об охотничьем промысле в средневековом Новгороде // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1994. С. 143–156.
- Сычевская*, 1965 — *Сычевская Е. К.* Рыбы древнего Новгорода // СА. 1965. № 1. С. 236–256.
- Тарабардина*, 2009 — *Тарабардина О. А.* Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991–2006 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2009. № 37 (1). С. 77–84.
- Федоров и др.*, 2011 — *Федоров В. М., Матехина Т. С., Осипов Д. О.* К истории соколиной охоты в Новгородской земле // ЗИИМК. 2011. № 6. С. 199–211.
- Bauer, Nygrén*, 1999 — *Bauer K., Nygrén K.* Alces alces // The Atlas of European Mammals / Eds. A. J. Mitchell-Jones, G. Amori, W. Bogdanowicz, B. Kryštufek, P. J. H. Reijnders, F. Spitzenberger, M. Stubbe, J. B. M. Thissen, V. Vohralík, J. Zima. London: Academic Press, 1999. P. 394–395.
- Bolotova et al.*, 2001 — *Bolotova N. L., Konovalov A. F., Borisov M., Dumnich N. V.* Natural and anthropogenic factors of the establishing of invasive fish populations in the aquatic ecosystems of the Vologda Region // Russian Journal of Biological Invasions. [Электронный журнал.] 2001. № 1 (4). P. 251–263.
- Brisbane, Hather*, 2007 — *Brisbane M., Hather J.* (Eds.). Wood Use in Medieval Novgorod. Oxford: Oxbow, 2007. 470 p.
- Brisbane, Maltby*, 2002 — *Brisban M., Maltby M.* Love letters to bare bones: a comparison of two types of evidence for the use of animals in Medieval Novgorod // Archaeological Review from Cambridge. 2002. Vol. 18. P. 100–119.
- Brisbane et al.*, 2007 — *Brisbane M., Hambleton E., Maltby M., Nosov E.* A monkey's tale: the skull of a macaque found at Ryurik Gorodishche during excavations in 2003 // Medieval Archaeology. 2007. Vol. 51. P. 185–191.
- Brisbane et al.*, 2012 — *Brisban M., Makarov N., Nosov E.* Medieval Novgorod in its wider context // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context / Eds. M. Brisbane, N. Makarov, E. Nosov. Oxford: Oxbow, 2012. P. 1–9.
- Cantarello et al.*, 2014 — *Cantarello E., Lovegrove A., Orozumbekov A., Birch J., Brouwers N., Newton A. C.* Human impacts on forest biodiversity in protected walnut-fruit forests in Kyrgyzstan // Journal of Sustainable Forestry. 2014. Vol. 33 (5). P. 454–481.
- Faradjeva*, 2007 — *Faradjeva N. N.* Buildings at the Troitsky excavations // Wood Use in Medieval Novgorod / Eds. M. Brisbane, J. Hather. Oxford: Oxbow, 2007. P. 62–105.
- Hamilton-Dyer et al.*, 2017 — *Hamilton-Dyer S., Brisbane M., Maltby M.* Fish, feather, fur and forest: exploitation of wild mammals in medieval Novgorod and its territory // Quaternary International. 2017. Vol. 460. P. 97–107.
- Khoroshev, Sorokin*, 1992 — *Khoroshev A. S., Sorokin F. N.* Buildings and Properties from the Liudin End of Novgorod // The Archaeology of Novgorod, Russia / Ed. M. Brisbane. Lincoln, 1992. P. 107–159 (The Society of Medieval Archaeology Monograph Series; 13).
- Krylovich, Savinetsky*, 2020 — *Krylovich, O.A., Savinetsky A.B.* Archaeozoological Materials from Minino and Changes in Populations in Utilised Mammals from the North of European Russia from the Mesolithic to the Medieval Period // Animals and Archaeology in Northern Medieval Russia: Zooarchaeological Studies in Novgorod and its Region / Eds. M. Maltby, M. Brisbane. Oxford: Oxbow, 2020. P. 239–254.
- Makarov*, 2012a — *Makarov N.* The Minino Project: the investigation of a group of medieval sites in the Byeloozero region of northern Russia // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context / Eds. M. Brisbane, N. Makarov, E. Nosov. Oxford: Oxbow, 2012. P. 40–57.
- Makarov*, 2012b — *Makarov N.* The fur trade in the economy of the northern borderlands of Russia // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context / Eds. M. Brisbane, N. Makarov, E. Nosov. Oxford: Oxbow, 2012. P. 381–390.
- Maltby*, 2012 — *Maltby M.* From Alces to Zander: a summary of the zooarchaeological evidence from Novgorod, Gorodishche and Minino // The

- Archaeology of Medieval Novgorod in Context / Eds. M. Brisbane, N. Makarov, E. Nosov. Oxford: Oxbow, 2012. Pp. 351–380.
- Maltby, Brisbane*, 2020 — *Maltby M., Brisbane M.* (Eds.) Animals and Archaeology in Northern Medieval Russia: Zooarchaeological Studies in Novgorod and its Region. Oxford: Oxbow, 2020. 392 p.
- Maltby et al.*, 2019 — *Maltby M., Pluskowski A., Rannamae E., Seetah K.* Farming, Hunting and Fishing in Medieval Livonia: the zooarchaeological evidence // Environment, Colonisation and the Baltic Crusader States: Terra Sacra I / Ed. A. Pluskowski. Turnhout, Belgium: Brepols, 2019. P. 137–174.
- Martin*, 1986 — *Martin J.* Treasure of the Land of Darkness: the Fur Trade and its Significance for Medieval Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 277 p.
- Martin*, 1995 — *Martin J.* Medieval Russia 980–1584. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 540 p.
- Nosov*, 1992 — *Nosov E. N.* Rurik Gorodishche and the settlements to the north of Lake Ilmen // The Archaeology of Novgorod, Russia / Ed. M. Brisbane. Lincoln, 1992 (The Society of Medieval Archaeology Monograph Series; 13). P. 5–66.
- Potapov, Sale*, 2005 — *Potapov E., Sale R.* The Gyrfalcon. London: Poyser, 2005. 288 p.
- Prummel*, 1997 — *Prummel W.* Evidence of Hawking (Falconry) from Bird and Mammal Bones // Subsistence and Symbol, Papers from the ICAZ Bird Group meeting 1995 / Ed. D. Serjeantson. 1997 (International Journal of Osteoarchaeology; Vol. 7, 4). P. 333–338.
- Rybina*, 2001 — *Rybina E. A.* The birch-bark letters: the domestic economy of medieval Novgorod // Novgorod: the Archaeology of a Medieval Russian City and its Hinterland / Eds. M. Brisbane, D. Gaimster. London, 2001 (British Museum Occasional Paper; Vol. 141). P. 127–131.
- Rybina*, 2007 — *Rybina E. A.* Fishing and hunting // Wood Use in Medieval Novgorod / Eds. M. Brisbane, J. Hather. Oxford: Oxbow, 2007. P. 124–135.
- Savenskova et al.*, 2010 — *Savenskova T., Lemeshko N., Asnova T.* Ilmen Lake brief // ILBM Challenges for three Russian lakes: Ilmen, Chudsko-Pskovskoe/Peipsi-Pihva and Ladoga / Compiled by N. Aladin, I. Plotnikov. Presentation to the Final Review Meeting and International Symposium, ILBM-Governance Project, November 2010. Shiga: Shiga University, 2010.
- Savinetsky*, 2020 — *Savinetsky A.* The Exploitation of Mammals at Minino // Animals and Archaeology in Northern Medieval Russia: Zooarchaeological Studies in Novgorod and its Region / Eds. M. Maltby, M. Brisbane. Oxford: Oxbow, 2020.
- Smirnova*, 2005 — *Smirnova L. I.* Comb-making in Medieval Novgorod (950–1450). Oxford: Archaeopress, 2005 (British Archaeological Reports International Series; Nr 1369). 334 p.
- Spiridonova, Aleshinskaya*, 2012 — *Spiridonova E. A., Aleshinskaya A. S.* Results of palynological investigations of the archaeological sites in the Lake Ilmen and Lake Kubenskoye study areas // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context / Eds. M. Brisbane, N. Makarov, E. Nosov. Oxford: Oxbow, 2012. P. 10–39.
- Tarabardina*, 2007 — *Tarabardina O. A.* Building timber in medieval Novgorod based on materials from the Troitsky XI and Troitsky XII excavations // Wood Use in Medieval Novgorod / Eds. M. Brisbane, J. Hather. Oxford: Oxbow, 2007. P. 106–116.
- Thulin*, 2003 — *Thulin C.-G.* The distribution of mountain hares *Lepus timidus* in Europe: a challenge from brown hares // *L. europaeus?* Mammal Review. 2003. Vol. 33 (1). P. 29–42.
- Veale*, 1966 — *Veale E.* The English Fur Trade in the Later Middle Ages. London: Boydell and Brewer, 1966. 251 p.
- Yanin*, 1990 — *Yanin V. L.* The archaeology of Novgorod // Scientific American. New York, 1990. Vol. 262 (2). P. 72–79.
- Yeremeyev*, 2012 — *Yeremeyev I. I.* The natural environment and settlement patterns of the Lake Ilmen region in the last third of the first millennium AD // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context / Eds. M. Brisbane, N. Makarov, E. Nosov. Oxford: Oxbow Books, 2012. Pp. 139–151.
- Zeiler*, 2010 — *Zeiler J. T.* Hunting the hunters: owls and birds of prey as part of the falconers' game bag // Birds in Archaeology: Proceedings of the 6th Meeting of the ICAZ Bird Working Group in Groningen / Eds. W. Prummel, J. T. Zeiler, D. C. Brinkhuizen. Groningen: Barkhuis, 2010. P. 165–168.
- Zinoviev*, 2017 — *Zinoviev A. V.* Leather straps with avian tarsometatarsi from the medieval Russia: Jesses or amulets? // Environmental Archaeology. Swindon, 2017. Vol. 22 (2). P. 171–174.

Using the Natural Environment: The exploitation of wild animals in medieval Novgorod and its territory²

M. Brisbane, E. Hambleton, Sh. Hamilton-Dyer, M. Maltby

All of the authors of this paper would like to record the tremendous debt we owe to Evgenii Nikolaivich Nosov. Without his encouragement, support and friendship it would not have been possible for any of us to develop the close academic links with our Novgorod colleagues that Evgenii so ardently helped to foster and develop. Through many years (1989–2018), Evgenii was central to all our work, helping where he could, offering advice and information that made us stop and think, and always with a smile and a funny story to encourage us to keep going. He will be deeply missed as an international medieval scholar and superb archaeological project organiser, but above all as a true and abiding friend.

The paper takes as its theme something which Evgenii encouraged in our collaboration right from the start, namely the link between archaeological settlement remains and the way people in the past used the natural environment and manipulated it to their advantage. He was instrumental in helping us to study first and foremost the animal and plant remains that archaeology uncovers. Furthermore, he set up and continued with retrieval techniques that allowed us to go farther with our results due to consistent retrieval methods, especially at Ryurik Gorodishche where he introduced systematic sieving that greatly assisted our analyses. The paper is dedicated with much affection to his memory.

The city of Novgorod the Great, once the controlling centre of Slavonic settlement in north-west Russia, has been the focus of extensive excavation for many decades. Situated on the River Volkhov at its exit from Lake Ilmen and surrounded by mixed boreal and deciduous woodland and seasonally flooded meadowlands, it was well-placed for exploitation of wild fauna and flora. The recovered animal bones are, however, dominated by cattle and other domesticates, typical of most medieval urban assemblages in Europe. Combined evidence from bones, birch-bark documents and other finds, however, also reveal the importance of wild fauna to the inhabitants.

Bones of fish are the most frequent of the recovered wild fauna but very few were retrieved by the standard hand collection; a limited sieving programme illustrates the very large number present in the deposits. The main fish taxa are cyprinids, pike and zander while documents, concerned with tribute, mention salmonids and sturgeon, rare in the excavated remains (*Brisbane, Maltby, 2002*). The importance of fishing to the inhabitants is also demonstrated by the numerous finds of fishing equipment (*Rybina, 2007*).

Meat from wild mammals contributed little bulk to the diet, hare, beaver and elk being the most frequently found. Physical remains of fur bearing mammals in the town deposits are very few, despite its known status as an important international trading exchange (*Martin, 1986*). Most would have arrived from the hunting grounds to the north as prepared pelts without bones. The few remains include bear claws and bones of smaller animals such as squirrel, marten, otter, fox and beaver. Evidence for hunting equipment was also found. Elk antler was also heavily exploited to manufacture combs and other objects (*Smirnova, 2005*).

The wild bird assemblage is dominated by various species of ducks. Other waterfowl were utilised as well as large game birds such as capercaillie and black grouse. Birds of prey are also present and other remains such as jackdaws reveal the local bird life in town (*Hamilton-Dyer et al., 2002*).

The exploitation of wild species within Novgorod was partly dependent on whether there were suitable habitats within its hinterland and beyond. The paper therefore incorporates a discussion of the character of the local forest and its composition based on pollen and other evidence. Then, by proposing simulation models of the changing forest from around AD 800 to the 16th century, it suggests how different tree species were affected by both natural and anthropogenic factors and whether this had consequences for wildlife. The paper also discusses the benefits of developing a multi-disciplinary approach comparing urban assemblages with contemporary sites to understand more fully the exploitation of wild species in towns.

Novgorod is an archaeologically well-preserved medieval city, built almost entirely of wood, which exploited its forests and their content extensively. Our paper integrates a wide range of environmental evidence

² The full paper will appear in the volume dedicated to E. N. Nosov was published in February 2020.

to investigate the impact the city's inhabitants had on its extensive territory. It includes up to date tables of wild species of mammals, birds and fish found within the archaeological assemblages.

Zooarchaeologists are used to examining changes in diet — and explaining this due to people adapting to changes in wild and domesticated resources, as well as cultural changes (e.g. *Maltby et al.*, 2019). Likewise historians have known and written about the large numbers of furs, pelts and other natural resources taken from the forests of northern Russia (e.g. *Martin*, 1986). But in our paper we attempt to go further by examining subtle variations within and between different parts of a territory, witnessing changes over time due to stress and habitat degradation, as well as specific anthropogenic impacts on those habitats. Documentary, environmental and zooarchaeological evidence are combined, for example to monitor and account for the decline in beavers both in Novgorod and Minino in the 13th century. We postulate that ecological variations in rivers and lakes in the Novgorod lands could account for variations in the types of fish exploited at different settlements. We also demonstrate that some highly prized species of imported fish, as indicated in the birch-bark documents, were probably extremely rare additions to the diet of most Novgorodians. However, we still need to develop our understanding of the history of the forests, river and lakes of Novgorod in greater detail and the paper suggests some ways that this may be done in the future.

Размышления о ключевых вопросах изучения остатков растительности и насекомых Троицких раскопов в Новгороде, 1994–2002 гг.

П. Джонстон, М. Монк¹

Аннотация. В этой статье мы рассматриваем три темы: «Пища и корм», «Уборка мусора» и «Эксплуатация леса в окрестностях Новгорода», полученных на основании анализа остатков растений и насекомых, извлеченных в результате исследования культурных напластований Троицких раскопов.

Annotation. Our intention in this paper has been to explore three themes: Food and Fodder, Evidence for exploitation of the immediate hinterland, Waste disposal, obtained from the analysis of the remains of plants and insects recovered from the study of cultural layers of the Troisky excavations.

Ключевые слова: древний Новгород, Троицкий раскоп, растительные и энтомологические остатки.

Keywords: ancient Novgorod, Troisky excavations, plant and entomological remains.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-222-232

Посвящение

Настоящая статья — прежде всего, дань памяти Евгения Николаевича Носова и признание его значительного вклада в археологическую науку. Мы особенно ценим его искренний интерес и поддержку использования археологических методов в изучении окружающей среды, а также признание потенциальной ценности этих подходов при изучении развития города на славянских территориях. Это проявилось в том, что археоботаника стала одним из ключевых компонентов исследования памятника Рюриково городище. Наша коллега Альмут Альслебен из Кильского университета в Германии в течение нескольких сезонов изучала материалы из раскопок Городища (как и из других памятников Приильменья), в результате чего появилось несколько научных работ по археоботаническим остаткам, полученным на славянских поселениях (Альслебен, 1997; *Alsleben et al.*, 1993; *Alsleben*, 2001, 2012). Интереснейшие археоботанические материалы, обнаруженные А. Альслебен на Городище в разные сезоны, явились, возможно, одним из факторов, побудивших Евгения

способствовать изучению древней окружающей среды на материалах раскопок Новгорода, что обеспечило определенный контекст и для его открытий на Городище.

Будучи известным ученым, Евгений, кроме того, был и запоминающейся личностью. Один из нас (М. Монк) вспоминает свои встречи с ним при самой первой поездке в Новгород в 1994 г.: «Евгений предложил совместный ужин на берегу Волхова непосредственно к югу от Новгорода. Мы прогулялись до места, где он подобрал нас на гребной лодке, чтобы довести до места на реке, где он, сотрудники экспедиции и водитель установили стол для пикника и стулья. Была масса салата и хлеба, ну и алкоголь. Затем Евгений объявил, что займется рыбалкой для нашего ужина! Он забросил удочку и через некоторое время поймал рыбу, которую зажарили на костре. Это был чудесный вечер, и мы не догадывались, что многие растения, которые окружали нас на этом плоском заливаемом лугу, будут потом хорошо представлены семенами, которые мы найдем в археологических образцах из Новгорода!»².

¹ 7 Alder Grove, High Field West, Cork, Ireland; E-mail: mickamonk@gmail.com.

² Большое количество остатков недревесных растений содержится в отложениях на Троицких раскопах

Для нас данная статья также является поводом почтить память и отметить работу нашего близкого товарища и коллеги Айлин Райли, которая потерпела поражение в своей борьбе против рака в июле 2018 г.³ Айлин была археознтомологом и начинала свои исследования с изучения образцов из ранних городских памятников в Ирландии, до того как приступила к рассмотрению (дважды, в 2001 и 2002 гг.) материалов из Новгорода⁴. Впоследствии Айлин прославилась своими пионерскими археознтомологическими работами, охватывавшими раннегородские памятники по всей Северной Европе, в том числе средневековый Дублин и Уотерфорд в Ирландии (Reilly, 2003; 2015a; 2015b), а также материалы из Антверпена (Crabtree et al., 2017) и Новгорода. В память об Айлин мы посвятили эту статью трем конкретным темам, связанным с идентифицированными как растительными, так и энтомологическими остатками, сохранившимися в отложениях, изученных нами в Новгороде. Эти исследования позволяют рассмотреть использование продуктов питания, кормов и содержание животных в средневековом городе, обстоятельства, при которых материал из окрестностей города появляется в археоботаническом и археознтомологическом комплексе, а также деятельность по утилизации отходов в индивидуальных домохозяйствах Новгорода. Подход, принятый в данной статье, объединяющий рассмотрение насекомых и остатков недревесной растительности, в значительной степени был подготовлен пионерскими исследованиями природных отложений англо-скандинавского и римского периодов, проведенных в Йорке и его окрестностях Гарри Кенвордом и Алланом Холлом из Эколого-Археологического отдела Йоркского археологического треста (Hall et al., 1983; Hall, Kenward, 1990; Kenward, Hall, 1995).

(XI, XII и XIII), относящихся ко всем периодам от X до XIV вв. Они включают растительный материал из влажных и затопленных почв и их могли собрать прямо на месте, либо на соседних заболоченных участках и заливных лугах, граничащих с Волховом в непосредственной близости от города к югу и востоку. Данный растительный материал, скорее всего, собирали как сено для подстилок для скота и для кормов, заготавливаемых на зимние месяцы, см. ниже.

³ Айлин Райли подготовила рисунки к данной статье.

⁴ Результаты ее исследований опубликованы (Reilly, 2012).

История исследования и его задачи

В течение восьми полевых сезонов, как вместе, так и порознь, мы участвовали в работах Новгородской экспедиции — М. Монк в 1994–2002 гг. и П. Джонстон в 1997–2002 гг. (с пропуском 2000 г.). Нам повезло, что в 2001 и 2002 гг. к нам присоединилась Айлин. Наша работа была сосредоточена на использовании систематической, но выборочной стратегии отбора проб растительных остатков (описанной в общих чертах в: Monk, Johnston, 2012. P. 284; Monk, Johnston, 2001. P. 113) и дополнительном пилотном исследовании остатков насекомых (порядок выборки подробно изложен в: Reilly, 2012. P. 266).

Целью изучения растительных остатков было идентифицировать материал и, используя полученную базу данных, выделить отдельные группы растений по их ареалам. Эти данные затем были использованы для интерпретации растительных остатков с учетом местоположения памятника и других археологических и экологических данных. Кроме этого, мы идентифицировали различные культурные растения, например зерновые, другие сельскохозяйственные культуры и плодоносные растения, которые могли собираться или выращиваться целенаправленно.

Изучение остатков насекомых представляло собой небольшой проект, который оказался весьма информативным и подтвердил выводы, сделанные по растительным остаткам, а также обеспечил важные дополнительные данные о природе отложений, сформировавших памятник. Экологические данные, полученные на основе остатков насекомых, проливают свет на условия жизни жителей, на местную окружающую среду, на деятельность людей в районе Троицкого раскопа, а также позволяют оценить состояние строительного леса, использованного в средневековых постройках (Reilly, 2012, обсуждение — P. 277–280).

Наша работа была сфокусирована на отложениях на трех отдельных участках, раскопанных в юго-западном квартале городской территории Новгорода. Участки (Троицкий XI, XII и XIII) имели различную величину и вместе с Троицким X (с которого образцы не отбирались) были объединены, образуя большую площадь в этой части города, которую наши российские коллеги раскапывали в 1990-х и начале 2000-х гг. Слои датировались в основном X в., но многие образцы относились к XII и XIII вв. Образцы с участка XII были главным образом собраны с площадки в пределах

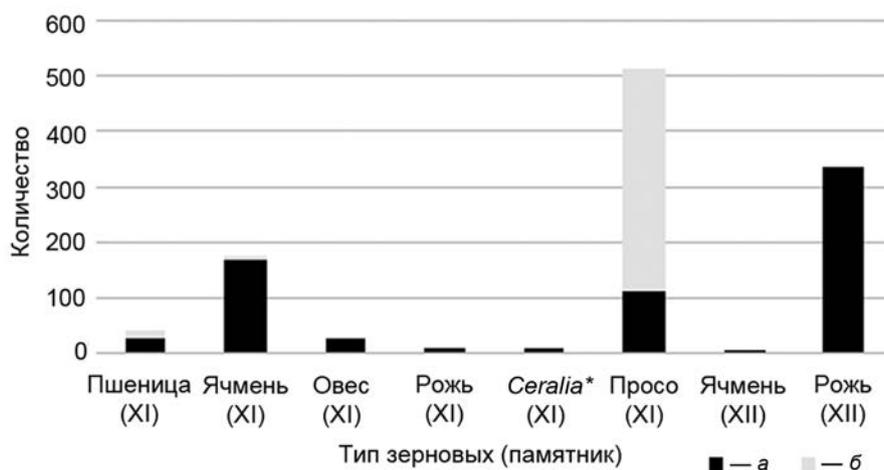

Рис. 1. Типы зерновых с раскопов Троицкий XI и Троицкий XII (а — зерно, б — шелуха). * Семейство злаковые, род и вид не установлены

Fig. 1. The results from the caches of charred grain at Troitsky XI and XII: а — grains, б — chaff. * Family of cereals, genus and species not established

этого участка, которая была исследована сотрудниками Лондонского института археологии под руководством Э. Рейнольдса. Их целью было изучение истории образования культурных отложений. Материал отбирался во время раскопок и регистрировался по единой системе. Полученные образцы были обозначены как «Лондонские пробы окружающей среды», или «ELS» (Reynolds, Sudds, 2001). Большинство образцов растительных остатков получено с участка XI.

Тематика

Исследования остатков растений и насекомых охватывали независимые и взаимосвязанные проблемы. Для данной работы мы выбрали три из них, чтобы подчеркнуть преимущество комплексного метода при изучении материалов по окружающей среде, экологии и экономике из археологических памятников. Основные проблемы, на которых мы сосредоточились, связаны с использованием злаков для пищи и кормов в городе, добычей кормов и подстилочных материалов для животных в окрестностях и способами утилизации мусора (а также с подтверждением того, что все это может быть установлено по остаткам растений и насекомых).

Продовольствие и корма: остатки злаковых культур и энтомологические материалы

Результаты изучения растительных остатков показывают, что злаки поступали на памятник в виде зерна. Хотя мы находили отдельные образцы

обугленных зерен или их небольшие скопления, в значительных количествах они были обнаружены только в трех слоях — образцы № 19 и 81 с участка XI и образец № 1 с участка XII. Эти образцы обуглились в различных пожарах на памятнике, указывая на то, что зерно в городе имелось и иногда гибло в пожарах. Изучение скоплений обугленного зерна показало, что основным видом зерна на Троицком XI был ячмень (*Hordeum spp.*; зерно не идентифицировалось до конкретного подвида), затем следовали рожь (*Secale cereale*) и, в меньшем количестве, овес (*Avena spp.*) (рис. 1). Крупное скопление зерен с Троицкого XII, однако, почти целиком состояло из ржи. Кроме того, хотя в анаэробных отложениях находки образцов злаковых были относительно редки, было получено некоторое количество необугленной нарезанной соломы; обнаружены вторичный колосок пшеницы двузернянки (*Triticum dicoccum*) и фрагмент цветковой чешуи овса (*Avena spp.*) (Monk, Johnston, 2012. P. 295).

Самыми распространенными остатками культурных растений, полученными из выборок, исследованных в Новгороде (Троицкий раскоп XI), были фрагменты шелухи (обрезки) проса (*Panicum miliaceum*). Они были обнаружены в 50 % всех проанализированных образцов (Monk, Johnston, 2012. P. 295–296, 304–305). Такая высокая встречаемость остатков проса в образцах контрастирует с упоминанием проса в новгородских берестяных грамотах (табл. 1). В нашем распоряжении было 915 берестяных грамот, обнаруженных

Таблица 1. Упоминания о зерновых культурах в берестяных грамотах и сравнение с их присутствием в 66 образцах из Троицкого раскопа XI (Новгород)

Table 1. References to cereals in birch bark document, by comparison with presence in 66 samples from Troitsky Site XI (Novgorod)

Культура	Количество образцов, содержащих разные зерновые	Число упоминаний в берестяных грамотах*
Просо	33	0
Овес	5	14
Пшеница	7	13
Рожь	5	34
Ячмень	9	14

* Данные взяты из работ: *Rybina*, 2001; *Конецкий*, 2003.

к 2002 г. Эти документы были проанализированы с точки зрения упоминания растительных культур и различных аспектов домашнего хозяйства в опубликованных и переведенных на английский язык статьях (*Rybina*, 2001; *Конецкий*, 2003). Отметим, что в берестяных грамотах отсутствуют упоминания проса, хотя другие зерновые, такие как овес, рожь и ячмень, фигурируют в них (однако, см. обсуждение в: *Monk, Johnston*, 2012. P. 304–305). Это выглядит довольно странно в связи с материалами, полученными в результате полевых изысканий, при которых в образцах из культурных слоев Новгорода было широко представлено просо, которое контрастирует с небольшим количеством другого крахмалосодержащего зерна.

Большинство упоминаний о выращиваемых культурах в документах относится к оценке или определению объема податей и других подобных сборов или к торговым сделкам (*Rybina*, 2001. P. 127). Рожь является наиболее часто упоминаемой в документах зерновой культурой, в то время как в образцах она попадает лишь изредка. Кроме того, ее находят только в слоях, датированных временем позднее XII в., тогда как наиболее ранние упоминания ржи в берестяных грамотах относятся к текстам, датированным концом XII и началом XIII столетия (*Ibid*). Найденные материалы свидетельствуют о том, что рожь была поздно введена в ассортимент зерновых культур, выращиваемых близ Новгорода. Когда ее впервые начали культивировать, она, возможно, имела высокое экономическое значение. Этим можно объяснить частое упоминание ржи в качестве предмета податей или обмена в берестяных

грамотах, а также и ее относительную редкость в образцах. Видимо, она ценилась больше, чем другие виды зерна. Ее остатки были относительно редки (впрочем, в скоплениях зерна, обнаруженных на Троицком раскопе XII, она доминировала). В этой связи интересно отметить, что упоминания ржи в документах намного превосходят количество ссылок на другие зерновые, которые в документах встречаются редко. На рожь имеется 34 ссылки, в то время как прочее зерно (овес, пшеница и ячмень) упоминается 13 или 14 раз (см. табл. 1).

Таким образом, существует противоречие между числом упоминаний того или иного вида зерна в берестяных грамотах и их количественным содержанием в археологических образцах. Так, рожь упоминается часто, а в образцах ее меньше, чем проса, о котором в грамотах нет вообще никаких свидетельств. Этому, на наш взгляд, есть свое объяснение. Несмотря на то что остатки проса находились во многих слоях по всему памятнику, наиболее частая встречаемость шелухи проса наблюдалась в образцах № 89, 90 и 91 — все они происходят из отложений в постройке № 155 X в. (усадебный «Р», Троицкий XI — *Monk, Johnston*, 2012. P. 296). Остатки насекомых подтверждают использование этой постройки как коровника, в том числе образец № 91, содержащий главным образом остатки жуков — биоредукторов навоза (*Hall, Kenward*, 1998). Навоз из конюшен также обнаруживает преобладание *Cercyon unipunctatus* и *Plateystethus acrinarius* в образцах (оба этих вида указывают на конюшенный навоз и условия его разложения), а также высокую встречаемость куколок мух. Эти результаты, по-видимому,

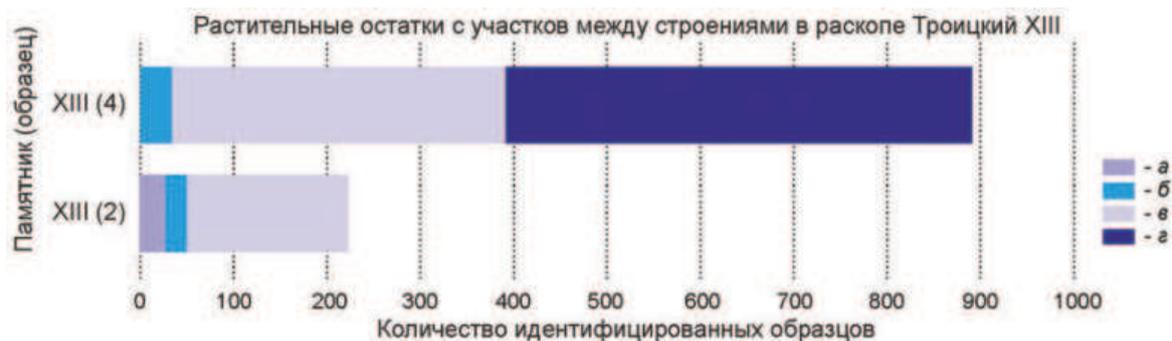

Рис. 2. Растительные остатки с участков между строениями в раскопе Троицкий XIII (а — конопля; б — семена фруктов; в — травы; г — растения заливных лугов)

Fig. 2. Common plant remains from between buildings at Troitsky XIII (а — cannabis; б — fruit seeds; в — common weeds; г — damp land plants)

подтверждают использование упомянутой постройки в качестве коровника. Данные материалы X в. с Троицкого XI указывают на то, что просо часто служило кормом для животных, а его солома, может быть, для подстилок. А это, в свою очередь, может объяснять происхождение шелухи проса в других отложениях на памятнике, то есть просо присутствовало на памятнике вследствие его использования в качестве корма и подстилок для животных.

Остатки насекомых свидетельствуют о том, что два других образца также происходили из отложений в конюшнях или коровниках, это образцы № 5 и 9 XIII в. на Троицком раскопе XIII. Остатки в этих двух образцах показали наличие насекомых, типичных для навоза. Образец № 5 содержал таких жуков, как *Cercyon quisquillis* и *Aphodius fimentarius*, а также связанных с падалью насекомых, таких как *Acrilus nigriornis*, *Necrodes littoralis*, *Dermestes spp.* и *Sipha spp.* (Reilly, 2012. P. 276). Образец № 9 показал фауну с широким диапазоном ареалов, заселенных насекомыми, соотносимыми с влажными условиями, в частности с навозом, а также с падалью и выброшенными костями (например, такие насекомые, как *Hister impressus*, *Dermestes spp.*, *Trox scaber* и *Omosita colon*, и многочисленные куколки мух)⁵. Однако ни в одном из этих образцов следов проса не было обнаружено, следовательно, просо не всегда использовалось

в качестве корма или подстилки. Материал из слоев XIII в. на Троицком XIII показывает, что оно либо не использовалось повсеместно на всей территории поселения, либо время его бытования было ограничено определенным хронологическим периодом.

Использование заливных лугов. Просо и другие зерновые, конечно, не являлись единственными растениями, служившими кормом для животных. Материалы остатков как насекомых, так и растений свидетельствуют, что травы, произраставшие в ближайших окрестностях по р. Волхов в ее природной пойме и на заливных лугах, широко использовались в экономике города. Археологические материалы, почвоведческие, палеоботанические и геохимические анализы погребенных почв под культурным слоем Троицкого XI показали, что в начале X в. развитие этой части Новгорода происходило на землях, первоначально занятых лугами (Aleksandrovskaya et al., 2001. P. 17–19). Наличие лугов обосновывается существованием толстого гумусного слоя, содержавшего корни обычных луговых растений, таких как *Dactylis glomerata*, *Helictotrichon spp.*, *Cynosurus cristatus* и *Glyceria spp.* Часть этих лугов была использована под пахоту, и имеются явные свидетельства наличия участков, обработанных перекрестной распашкой (Ibid. P. 15–18).

Исследованные остатки растительности и насекомых показывают, что освоение этих участков продолжалось одновременно с развитием города. Например, остатки жуков из образца № 9 из Троицкого XIII (слой, датируемый от начала до середины XIII в.) содержали виды, обычные для влажной почвы, такие как *Bledius subterraneus*

⁵ Результаты исследования этого образца указывали на признаки влажных, заболоченных участков, и, по крайней мере, некоторые определения насекомых предполагали, что растения на этих участках использовались в качестве корма или подстилки (Reilly, 2012. P. 275).

и *Pterostichus strenuous*, также найдены влаголюбивые растения (возможно, употребленные для подстилок и/или как корм), на что указывает присутствие жука *Prasocuris juncii*, который обитает на таких растениях (Reilly, 2012. P. 275). Образцы XIII в. с Троицкого раскопа XIII (№ 2b и 4), отобранные между двумя постройками, показывают, что здесь, вероятнее всего, располагались мусорные кучи. Насекомые из этих образцов включали организмы, разлагающие нечистоты, но также содержали большой процент насекомых, характерных для заболоченной местности, то есть земляных жуков *Dyschirius globosus*, и для глинистых речных берегов, *Bledius subteraneus* (Ibid. P. 276).

Растения, произрастающие на увлажненных землях, в этих образцах находили достаточно часто, что соответствует и результатам изучения остатков насекомых (рис. 2). Среди растений определены *Ranunculus scleratus* (встречается на влажных питательно богатых почвах по краям участков с грязной застойной водой), *Alisma plantago-aquatica* (на мелководье), *Juncus spp.* и *Eleocharis palustris* (растущие на заболоченной почве и в канавах) и *Carex spp.* (растение с увлажненных земель, относящееся к семейству с широким кругом ареалов). Другие, менее распространенные, влаголюбивые растения включали *Bidens tripartita* (особо часто попадавшуюся в образце № 89 с раскопа XI). Это растение обычно находят по краям влажных полей, а также, местами, в канавах, прудах и ручьях. Кроме того, были обнаружены, хотя в относительно небольших количествах (например, в образцах № 89 и 91 из коровников на раскопе XI), луговые виды, такие как *Ranunculus acris* и *Thalictrum flavum*. В некоторых образцах обнаружены семена прудовых водорослей (*Potamogeton sp.*), хотя они были относительно редки, за исключением определений из образца № 63 из раскопа XI и образца № 79 из раскопа XII (образец ELS, см. ранее).

Совпадение данных, основанных на остатках растений и насекомых, указывает на длительное использование увлажненных участков в окрестностях Новгорода, в основном естественных заливных лугов у Волхова и его притоков на юге и востоке. Здесь, как и сейчас, летом паслось стадо, а сенокосы на этих участках давали сено для зимнего содержания животных в закрытых коровниках как в пригородах, так и в самом разрастающемся городе.

Утилизация мусора

Данная проблема являлась одной из целей исследования растительных остатков, особенно относящихся к растениям, найденным во дворах и по границам усадеб, где, как было установлено, обычно сваливался мусор.

Данные по растительности представляли собой остатки собранных и/или обработанных фруктов, которые часто скапливались на участках за домами, а также нередко находились по границам усадеб. Особенно это относится к остаткам малины (*Rubus idaeus*) и яблوك (*Malus sylvestris*), которые чаще всего находили вдоль границ усадеб (Monk, Johnston, 2012. P. 300–302). Этот факт был интерпретирован как вероятное свидетельство вываливания мусора вдоль границ усадеб и по краям дорог.

Отчасти такое предположение подтверждается остатками насекомых, исследованных на Троицком раскопе. Например, уже из отложения XIII в. (образец № 64 из Троицкого XI), примыкавшего к южной стене постройки № 88, получен небольшой набор насекомых с ограниченным диапазоном видов. Жуки по большей части принадлежали к группе, разлагающей отбросы, где доминировал один вид — *Platystethus arenarius*. Этот жучок живет как в навозе животных, так и в человеческих фекалиях, но, кроме того, он способен размножаться в падали и гниющих растительных остатках, а также его находят на влажных приречных участках. Таким образом предполагается, что указанные остатки насекомых происходят из разжиженных отбросов или, возможно, из навоза (Reilly, 2012. P. 272).

Другой образец, полученный на границе усадьбы, — образец № 48 с Троицкого XI, датированного концом XIII или началом XIV в., — содержал набор разнообразных остатков насекомых. В частности, он включал виды, связанные с нечистотами и свидетельствующие о разлагающихся животных или человеческих фекалиях. К таким видам относятся *Platystethus acrinarius*, местами обитания которого являются выгребные ямы и навозные кучи, а также *Trox scaber* — индикаторы падали (Ibid. P. 274).

Хотя Айлин была скептически настроена по поводу навозного происхождения этих отложений (см.: Ibid. P. 272–274), растительные остатки из двух образцов с краев усадеб все-таки содержат некоторые виды, типичные для материала из выгребных ям, и значительные количества

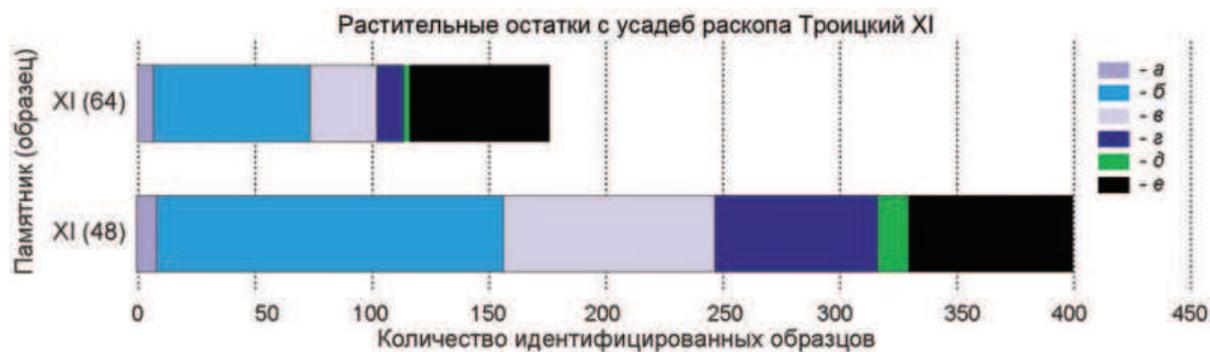

Рис. 3. Растительные остатки с усадеб раскопа Троицкий XI (а — семена и фрагменты семян хмеля и конопли; б — обычные травы; в — семена фруктов; г — растения с заливных участков; д — зерна проса; е — шелуха проса)
 Fig. 3. Common plant remains from property boundaries Troitsky XI (a — hops and cannabis seeds/fragments; б — common weeds; в — fruit seeds; г — damp land plants; д — millet grains; e — millet husks)

плодовых семян, которые тоже обычно указывают на человеческие помойки (см.: Greig, 1982. P. 50). Такой характер находок повторяется в обоих образцах с краев усадеб. Растительные остатки есть в образцах № 48 и 64, кроме того, они содержали некоторые виды, типичные для влажных почв, а также включали и остатки человеческой пищи, например яблок (*Malus sylvestris*), вишни кислой (*Prunus cerasus*), черники (*Vaccinium myrtillus*), льна (*Linum usitatissimum*), хмеля (*Humulus lupulus*) и конопли (*Cannabis sativa*), а также шелуху проса (*Panicum miliaceum*) (рис. 3).

Вышесказанное, возможно, указывает на то, что по крайней мере часть навоза и мусора из указанных образцов имела антропогенное происхождение. Присутствие в обоих образцах шелухи проса, интерпретированной выше как индикатор животного корма и подстилок, также может свидетельствовать о том, что некоторое количество навоза содержалось в данных слоях. В городе же могли иметься специальные места для свалки мусора животного и человеческого происхождения, например в постепенно накапливавшихся мусорных кучах, о которых свидетельствует образец № 5 с участка XIII (как отмечено выше в разделе о продуктах питания и кормах). Остатков выгребных ям в Новгороде не выявлено. Результаты исследования растений и насекомых, по-видимому, указывают на то, что отходы и мусор широко распределены в слоях памятника. Материалы исследования окружающей среды наталкивают на мысль, что это была сознательная стратегия, особенно для распределения отложений на участке, когда постройка забрасывалась.

Тафономия и ее следствия

Наше исследование пока было сосредоточено на том, каким образом изученные в Новгороде остатки растений и насекомых дополняют друг друга. Например, большие количества фруктовых семян в образцах, полученных на границах усадеб на Троицком раскопе XI, указывают на присутствие остатков человеческих фекалий. Это предположение было подтверждено присутствием насекомых, перерабатывающих нечистоты, в том числе связанные с навозом. Однако этот же пример вызывал разногласия, так как Айлин Райли скептически относилась к предположению о присутствии навоза *in situ* в таких местах, как границы усадеб, и спорила, что остатки насекомых, например из образца № 48, полученного с края усадьбы на Троицком XI, принадлежали смешанному отложению с большим содержанием «привнесенных» извне видов насекомых и множеством фрагментированных частей жуков (Reilly, 2012. P. 281). Это означает, что группа насекомых-биоредукторов хорошо представлена в некоторых образцах и внутри, и вне зданий. То есть многие отложения были широко разбросаны и перемешаны (рис. 3).

А. Райли (*Ibid.* P. 281) предположила, что это могло отчасти вызываться трудностями, связанными со способом отбора проб и методикой раскопок (использовалась система разборки культурного слоя «по пластам»). На самом деле и М. Монк, и П. Джонстон присутствовали на памятнике, когда отбиралась большая часть образцов. Кроме того, как стало ясно за годы раскопок, несмотря на языковые барьеры, наши российские

коллеги четко различали и выделяли отдельные горизонты в раскапываемых слоях независимо от того, что они при раскопках использовали систему фиксирования по пластам. В любом случае А. Райли допускает, что такая же фрагментация и перемешивание, несомненно, имели место в образцах с части участков Троицкий XI и XII, которые раскапывались по системе единого контекста (сообщается в: *Reynolds, Sudds*, 2001. P. 31–46). Возникает вопрос: чем было вызвано перемешивание отложений? Случилось ли это во время запусков усадеб, когда постройки разбирались до окладных венцов, а затем засыпались мусором? Или перемешивание было вызвано тем, что отходы от деятельности разного характера накапливались, когда постройки все еще использовались?

Возможно, что для заброшенных домов с коровниками все отходы из коровника и дерево, которое нельзя было использовать вторично, разбрасывались по местности и использовались для засыпки и выравнивания построек и их дворов. Археологи в Новгороде предполагали постоянное выравнивание территории с помощью органических отходов, накапливавшихся на поселении, в том числе от животных, содержавшихся на усадьбах. Когда постройки переставали использоваться, вероятно, их крыши снимались, а бревна стен разбирались до основания для использования в другом месте. Почти полностью разрушенная постройка заполнялась мусором для выравнивания территории. По-видимому, это часто совпадало с ремонтом и постройкой соседних мостовых. По мере того как бревна на поверхности изнашивались, их заменяли новой

бревенчатой мостовой, уложенной поверх старой. Таким образом, уровни поверхности как усадеб, так и улиц постоянно росли. Такие работы должны были приводить к значительному перемешиванию отложений. Этим можно до некоторой степени объяснить перемешивание различных энтомологических фаун и появление «домашней» фауны за пределами построек. Более системная и широкомасштабная стратегия отбора проб в сочетании с привязанной к контексту системой фиксации данных могла бы помочь прояснить вопросы, связанные с тафономией, полученной при интерпретации изученных археоботанических и археознтомологических остатков.

Заключение

Мы надеемся, что одновременное рассмотрение остатков растений и насекомых, предложенное в нашей статье, покажет не только, как эти источники информации дополняют друг друга, даже когда они не подтверждают друг друга, но также помогут нам каждый по-своему получить дополнительные материалы для реконструкции условий и образа жизни, а также хозяйственной деятельности жителей средневекового Новгорода, о чем мы не сумели бы получить такую подробную информацию из каких-либо других видов источников (*Monk, Johnston*, 2012; *Reilly*, 2012). Евгений Носов признавал и хорошо понимал ценность археологического изучения природной среды, и мы бы хотели вспомнить его, выразить свое глубокое уважение ученому и поблагодарить его за поддержку нашей исследовательской работы в течение многих лет.

Альслебен, 1997 — *Альслебен А.* Земледелие Новгородской округи в IX–X вв. (археоботанические методы и их применение на примере городища Георгий // *Древности Поволховья* / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 191–204.

Конецкий, 2003 — *Конецкий В. Я.* Новгородские берестяные грамоты как источник по истории земледелия // *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения: Материалы междунар конф. (Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г.)* / Под общ. ред. акад. В. Л. Янина. М.: Индрик, 2003. С. 73–80.

Aleksandrovskaia et al., 2001 — *Aleksandrovskaia E. J., Aleksandrovskaia A. L., Gaidukov G., Krenke N. A.*

‘Woodland, Meadow, Field and Town Layout: The Evidence from Analysis of the Earliest Cultural Deposits and Buried Soil in Novgorod’ // *Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland* / Eds. M. Brisbane, D. Gaimster. London: British Museum, 2001 (British Museum Occasional Paper; Nr 141). Pp. 15–21.

Alsleben, 2001 — *Alsleben A.* ‘Early Medieval Agriculture in the Hinterland of Novgorod’ // *Novgorod: The Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland* / Eds. M. Brisbane and D. Gaimster. London: British Museum, 2001 (British Museum Occasional Paper; Nr 141). P. 107–112.

- Alsleben*, 2012 — *Alsleben A.* ‘Plant Economy of Northern Medieval Russia’ // *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre/Periphery Relations. The Archaeology of Medieval Novgorod* / Eds. M. Brisbane, N. Makarov, E. Nosov. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 321–333.
- Alsleben et al.*, 1993 — *Alsleben A., Jansson I., Hammer T., Königsson L.-K., Kroll H., Müller-Wilde M., Nosov E.* ‘Palaeobotanical studies on the Novgorod Land c. 400–1200 AD // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. Mainz: Philipp von Zabern, 1993. Hf. 4. P. 527–535.
- Crabtree et al.*, 2017 — *Crabtree P., Reilly E., Wouters B., Devos Yan., Bellens T., Schryvers A.* Environmental evidence from early urban Antwerp: New data from archaeology, micromorphology, macrofauna and insect remains // *Quaternary International*. 2017. Vol. 260. P. 108–123.
- Greig*, 1982 — *Greig J.* Garderobes, sewers, cesspits and latrines // *Current Archaeology*. 1982. Vol. 85. P. 49–52.
- Hall et al.*, 1983 — *Hall A. R., Kenward H. K., Williams D., Greig J.* Environment and Living Conditions at Two Anglo-Scandinavian Sites // *The Archaeology of York*. London: CBA, 1980. Vol. 14/4: The Past Environment of York. P. 157–240.
- Hall, Kenward*, 1990 — *Hall A. R., Kenward H. K.* Environmental Evidence from the Colonia // *The Past Environment of York*. London: CBA, 1990. Vol. 14/6. P. 289–434.
- Hall, Kenward*, 1998 — *Hall A. R., Kenward H. K.* ‘Disentangling Dung: Pathways to Stable Manure’ // *Environmental Archaeology*. 1998. Vol. 1. P. 123–126.
- Kenward, Hall*, 1995 — *Kenward H. K., Hall A. R.* Biological evidence from Anglo-Scandinavian deposits at 16–22 Coppergate // *The Archaeology of York*. York: CBA, 1995. Vol. 14/7. P. 435–797.
- Monk, Johnston*, 2001 — *Monk M., Johnston P.* ‘Plants, People and Environment: a Report on the Macro-Plant Remains within Deposits from Troitsky Site XI in Medieval Novgorod’ // *Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland* / Eds. M. Brisbane, D. Gaimster. London: British Museum, 2001 (British Museum Occasional Paper; Nr 141). P. 113–117.
- Monk, Johnston*, 2012 — *Monk M., Johnston P.* ‘Perspectives on Non-Wood Plants in the Sampled Assemblage from the Troitsky Excavations of Medieval Novgorod’ // *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre/Periphery Relations. The Archaeology of Medieval Novgorod* / Eds. M. Brisbane, N. Makarov, E. Nosov. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 283–320.
- Reilly*, 2003 — *Reilly E.* ‘The contribution of insect remains to an understanding of the environment of Viking-age and medieval Dublin’ // *Medieval Dublin IV* / Ed. S. Duffy. Dublin, 2003. P. 40–63.
- Reilly*, 2012 — *Reilly E.* ‘Fair and Foul: Analysis of Sub-Fossil Insect Remains from Troitsky XI–XIII, Novgorod (1996–2002)’ // *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre/Periphery Relations. The Archaeology of Medieval Novgorod* / Eds. M. Brisbane, N. Makarov and E. Nosov. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 265–282.
- Reilly*, 2014 — *Reilly E.* ‘From landscape to streetscape’: Insect evidence from Viking Age Fishamble Street. Dublin: National Museum of Ireland, 2014.
- Reilly*, 2015a — *Reilly E.* The environment of Viking Age settlements: recent evidence from Ireland to Russia // H. Clarke and R. Johnston. *Viking Age Ireland: Beyond Clontarf*. Journal of the Royal Society of Antiquities of Ireland. Dublin: Four Courts Press, Dublin City Council joint publication, 2015. P. 297–324.
- Reilly*, 2015b — *Reilly E.* Chapter 13 ‘The environment of Viking Age Waterford’ // *Quaternary Research Association and Irish Quaternary Association — The Quaternary of South East Ireland Field Guide*. September 2015. P. 112–118.
- Reynolds, Studds*, 2001 — *Reynolds A., Studds B.* ‘Building construction in Medieval Novgorod: the results of excavations in Troitsky Site XI and XII, 1998’ // *Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland* / Eds. M. Brisbane, D. Gaimster. London: British Museum, 2001 (British Museum Occasional Paper; Number 141). P. 31–46.
- Rybina*, 2001 — *Rybina E. A.* ‘The Birch Bark Letters: the Domestic Economy of Medieval Novgorod’ // *Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland* / Eds. M. Brisbane, D. Gaimster. London: British Museum, 2001 (British Museum Occasional Paper; Number 141). P. 127–131.

Reflecting on key themes in the study of plant and insect remains from the Troitsky excavations in Novgorod, 1994–2002

P. Johnston, M. Monk

This paper is respectfully dedicated to the memory of Evgenii Nikolaivich Nosov. His enthusiasm for environmental archaeology and the contribution that faunal and floral remains research can make to the understanding of the interaction between past peoples and their environment was instrumental in the setting up and enactment of the INTAS-funded Novgorod Hinterland Project that we were part of between 1994 and 2002.

We have drawn on the results of the pilot study our late colleague and friend Eileen Reilly undertook on insect remains (mainly beetles) identified from samples taken from the Troitsky sites in 2001 and 2002. In writing and presenting this paper we also remember her and her significant contribution to archaeo-entomological studies of other early urban sites in Northern and Western Europe.

Our intention in this paper has been to explore three themes that we identified from the detailed results of the insect and plant remains studies published in the 2012 volume — *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context — studies in Centre/Periphery Relations* edited by M. Brisbane, N. Makarov and E. N. Nosov (Monk, Johnston, 2012. P. 283–320; Reilly, 2012. P. 265–282).

The three themes are food and fodder, evidence for exploitation of the immediate hinterland, and waste disposal. Our intention here has been to see how the plant remains and insect evidence concords or deviates within these three themes.

Food and Fodder. The plant remains are a direct source of evidence for food. However, while for the cereals many of the contexts sampled produced low numbers of grains of barley (*Hordeum* sp.), oats (*Avena* sp.) and rye (*Secale cereale*) with some wheat (*Triticum* sp), these remains represent waste. Also, the grains were in charred form and represented accidental burning in ovens or from chaff used as tinder. There were only three samples with any number of charred grains and in each case they were from contexts that resulted from an accidental fire. While a few individual instances of identifiable chaff of oats and wheat were found preserved in the anaerobic samples, many more samples produced the chaff of the starch grain millet (*Panicum millaceum*) (although no seeds were found). The possibility is that these are the remains from millet processing, representing fodder for animals kept on the site.

The insect remains did not provide direct evidence for either food or fodder, but there is indirect evidence that there were animals on site as the beetle fauna suggested foul conditions and animal dung. While it is likely that grain and fodder was stored on the site, not least hay to feed the animals.

Evidence for exploitation of the immediate hinterland. The primary and most important overlap and correspondence of the insect and non-wood macro plant remains evidence from the Troitsky samples is for the use of the immediate hinterland of Novgorod. The spectrum of insects from most of the samples included beetles such as *Bledius subterraneus*, *Pterostichus strenuous*, *Prasocuris juncii*, *Dyschirius globosus*, *Bledius subteraneus* which are found in damp land areas and associated with wetland plants or in areas of riverine silt clay (Reilly, 2012. P. 275, 276). Similarly the frequent and occasional high incidence of wetland plants *Ranunculus scleratus*, *Alisma plantago-aquatica*, *Juncus* spp, *Eleocharis palustris*, *Bidens tripartia* as well as instances of meadow species such as *Ranunculus acris* and *Thalictrum flavum* are characteristic of the low marshy areas and natural water meadows bordering the river Volkhov to the south and east of the present city (Monk, Johnston, 2012. P. 288–290). This is the area where, today, the hay is saved for fodder and bedding to over-winter the animals inside buildings. We have argued that, despite the lack of *in situ* evidence, it is this interpretation that explains the majority of the preserved plant matter on the Troitsky sites.

Waste disposal. A large proportion of the plant remains debris probably represents waste of various kinds. It seems that very little was *in situ* except in a few cases from floor deposits within buildings, including a probable byre. The concentration of seeds and stones of fruit plants along one property boundary did suggest food

waste. The insect remains of the decomposer group from the same sample suggested the possibility that dung of some kind was present (possibly including human faecal matter), although this could not be confirmed from either proxy. In fact, the decomposer group of insects were well represented from a number of samples, both within and external to buildings. This suggests that many of the deposits were re-deposited and widely distributed.

Conclusion. By bringing the plant and insect remains evidence together we hope the paper demonstrates not only how both sources complement each other but also, even when they are not mutually supportive, each adds another facet of understanding about the lifeways, living conditions and human activities of the occupants of medieval Novgorod that could not be provided in sufficient detail from any other sources. Evgenij Nosov recognised the value of environmental archaeological studies and we wish to honour his memory via this paper as well as to thank him for his support over many, many years.

ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Новые памятники эпохи бронзы в регионе Финского залива. Археологические исследования 2017–2019 гг.¹

А. Ю. Городилов, М. А. Раззак (Юшкова)²

Аннотация. В статье рассматриваются результаты археологических разведок и раскопок 2017–2019 гг., проведенных на северном и южном берегах, а также Внешних островах Финского залива (в пределах Ленинградской области). Представлены результаты раскопок группы каменных курганов Большой Бор на северном берегу Финского залива. Они датированы эпохой бронзы, относятся к культуре, распространенной в прибрежных районах Финляндии. К этому же периоду отнесен каменный курган и поселение на о. Мощный. На южном берегу Финского залива выявлены два новых поселения с сетчатой керамикой эпохи бронзы, памятники которой распространены во внутренних районах Ленинградской области, Финляндии, Карелии и восточнее.

Annotation. This paper considers the results of archaeological surveys and excavations of 2017–2019 conducted on the northern and southern coasts, as well as External islands of the Gulf of Finland (within the limits of Leningrad Oblast). Results of excavations of the group of stone barrows Bolshoy Bor on the northern coast of the Gulf of Finland are presented. These mounds are dated to the Bronze Age and belong to the culture widespread in the maritime regions of Finland. To the same period, a stone kurgan and a settlement on Moshchny Island are dated. On the southern littoral of the Gulf of Finland, two new settlements were identified with net pottery of the Bronze Age the sites of which are distributed over the internal regions of Leningrad Oblast, Finland, Karelia, and eastward.

Ключевые слова: Финский залив, эпоха бронзы, курганы, керамика, раскопки.

Keywords: Gulf of Finland, Bronze Age, barrows, pottery, excavations.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-233-248

Древности эпохи бронзы в регионе Финского залива до недавнего времени практически не были известны. В 2017–2019 гг. в результате археологических разведок и раскопок были выявлены и частично исследованы новые памятники этого периода. Они расположены на северном и южном берегах, а также на Внешних островах Финского залива в пределах Ленинградской области.

Данные о памятниках эпохи бронзы в регионе Финского залива, собранные в довоенный период
Западная часть Карельского перешейка и Внешние острова Финского залива до Второй мировой войны входили в состав Финляндии. За этот период было накоплено значительное количество сведений об археологических памятниках региона, в том числе и древностях эпохи бронзы (рис. 1, а), эти сведения обобщены в работах Т. Миеттинена, П. Уйно, А. И. Сакса, М. Лавенто (Miettinen, 1996; Uino, 1997. P. 104–108; Lavento, 2001. P. 244–256; 2003; Saksa, 2010. C. 39–40; 2014).

Прибрежная часть южной и юго-западной Финляндии в эпоху бронзы являлась частью ареала распространения североевропейской культуры эпохи бронзы, основное ядро

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственных работ № 0184-2019-0007 и № 0184-2019-0011.

² Городилов А. Ю. — Отдел охранной археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: gorodilov@archeo.ru. Раззак М. А. — Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; E-mail: marija_ju@mail.ru.

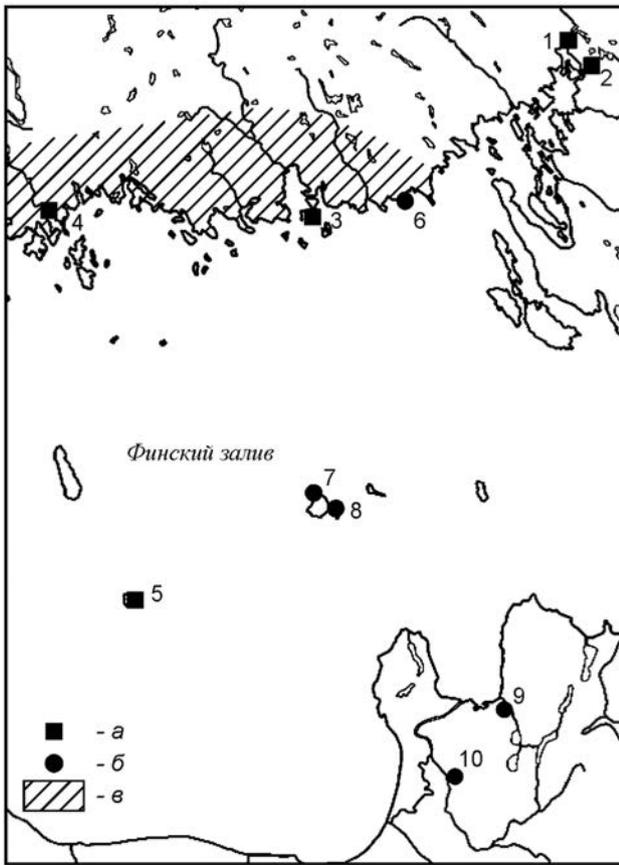

Рис. 1. Памятники эпохи бронзы в регионе Финского залива: а — археологические объекты, зафиксированные в довоенный период; б — объекты археологического наследия, исследованные в 2017–2019 гг.; в — ареал распространения памятников эпохи бронзы североευропейского типа; 1 — единичная находка, Выборг (Тииканурми); 2 — поселение Хяуринмяки, Выборг; 3 — курган на о. Б. Пограничный (бывш. о. Paatio); 4 — курган Саловаара, Котка; 5 — поселение, о. Тютерс; 6 — группа каменных насыпей, Большой Бор 1; 7 — поселение Лавансаари, о. Мощный; 8 — курган Суисаари, о. Мощный; 9 — поселение Косколово 11; 10 — поселение Куровицы 8

Fig. 1. Sites of the Bronze Age in the region of the Gulf of Finland: а — archaeological objects reported from the pre-War period; б — memorials of the archaeological heritage investigated in 2017–2019; в — area of the distribution of sites of the Bronze Age of the North-European type; 1 — single find, Vyborg (Tiikanurmi); 2 — settlement of Häyrinmäki, Vyborg; 3 — kurgan on Bolshoy Pogranichny island (formerly Paatio island); 4 — kurgan Salovaara, Kotka; 5 — settlement-site, Tuters island; 6 — group of stone mounds, Bolshoy Bor 1; 7 — settlement of Lavansaari, Moshchny island; 8 — Suosaari barrow, Moshchny island; 9 — settlement of Koskolovo 11; 10 — settlement of Kurovitsy 8

которой расположено в Южной Скандинавии. В прибрежных районах Финляндии сооружались каменные курганы (*фин.* *hiidenkiuas*). К. Ф. Мейнандер подробно описал их основные характеристики (Meinander, 1954). Наиболее крупные курганы достигают 5 м в высоту и 35 м в диаметре, более типичны насыпи диаметром около 10 м и высотой около 1 м. Курганы сложены из камней, в основании могут быть использованы особенно крупные валуны. В целом они датируются в пределах 1500–500 гг. до н. э. Анализируя сопроводительный инвентарь, К. Ф. Мейнандер выявил, что для курганов периодов II–IV (около 1500–900 гг. до н. э.) характерно наличие оружия и предполагаемая ингумация в каменных ящиках; при переходе к периоду V (около 900 г. до н. э.) ингумация заменяется кремацией (кальцинированные кости обычно расположены скоплением на площади около 1 кв. м), меняется набор сопроводительного инвентаря: вместо оружия в могилы помещают бытовые предметы. В зоне распространения курганов также известны немногочисленные поселения и клады этого периода.

В финской литературе принято доводить восточную границу ареала культуры каменных курганов эпохи бронзы до западного берега Выборгского залива, то есть до Ленинградской области включительно (например, Meinander, 1954. P. 116–117; Lavento, 2003) (рис. 1, в). Основанием для этого является сообщение А. М. Тальгрена о наличии пяти каменных курганов эпохи бронзы в округе д. Большой Бор (в округе деревни Jokikylä, в местности Kainiemi, на скале Laivakari) (Tallgren, 1907. S. 72). Осмотр этих курганов проводил Р. Росен в 1917–1920 гг.

Сохранились также данные о каменных курганах на Внешних островах Финского залива, которые могут относиться к бронзовому веку, эти сведения обобщены Т. Миеттиным (Miettinen, 1996). На о. Гогланд были зафиксированы два кургана на возвышенностях Лоунаткоркиа и Кумпелкаллио, они имели диаметр около 5 м. Имеются сведения, что местный учитель Э. Элемиус произвел раскопки кургана Кумпелкаллио, где были найдены угли и кальцинированные кости. Также Т. Миеттинен приводит сведения А. Р. Блумквист о двух каменных курганах на о. Малый Тютерс. Т. Эдгрэн опубликовал старые данные 1920-х гг. о памятниках о. Мощный (Edgren, 1993). Местный учитель Й. Суомалайнен в 1926 г. сообщил в Комиссию древностей Финляндии о том, что

на полуострове Суисаари он обнаружил каменный курган. Согласно его измерениям диаметр кургана составил 10 м, высота — 1,5 м, недалеко от него располагалось каменное кольцо диаметром 7,5 м; *Uino*, 1997. P. 269–270). Также на острове известен могильник Сууренсуонмяки с каменными курганами меньших размеров, но он относится к более позднему периоду.

Помимо каменных курганов к эпохе бронзы относится единичная находка очковидной фибулы из окрестностей Выборга (найдена в Тииканурми) (*Hackman*, 1897. S. 43, fig. 31; *Meinander*, 1954. S. 116–117). Фибула принадлежит к типу XXIV E2 по Е. Бадо и встречается в Северной Европе в периодах IV и V (т. е. около 1100–700 гг. до н. э.) (*Baudouin*, 1960. S. 75–76, taf. XV). А. Ольдеберг в работе об очковидных фибулах относит находку из Выборга к периоду V (около 900–700 гг. до н. э.) (*Oldeberg*, 1933). Ближайшие находки очковидных фибул происходят из юго-западной Финляндии и из клада в западной Эстонии (о. Саремаа) (*Sperling*, 2014. Abb. 4, 5). На Северо-Западе России также известны и иные единичные находки североевропейских бронз, они концентрируются в западном Приильменье (*Юшкова*, 2010; 2011).

На южном берегу Финского залива погребальные памятники эпохи бронзы в пределах Ленинградской области неизвестны. Западнее, на территории Эстонии, была развита погребальная традиция сооружения каменных курганов диаметром 10–15 м, высотой до 1,5 м (*Lang*, 2007. P. 147–164; 2018. L. 162–167). На нижнем горизонте сооружались каменные ящики (цисты) из плит, они окружались одной или несколькими concentрическими каменными стенами. Погребения совершались в каменных ящиках по обряду ингумации, также найдены кремации. Эта традиция характерна для прибрежной части Эстонии и датируется около 1200–500/400 гг. до н. э. Известны также немногочисленные поселения и клады этого периода.

Поселенческие древности эпохи бронзы в рассматриваемом регионе изучены слабо. Следы поселения рассматриваемого периода обнаружены в начале XX в. на о. Тютерс. Здесь при раскопках на дюнах были найдены фрагменты керамики со штрихованной поверхностью. Реконструируется не менее двух сосудов, один из них сохранился хорошо, он имел плоское дно, практически прямые стенки, S-образный плавный профиль верхней

части. Данная керамика может относиться к типу паймио, который в целом датируется в пределах 1500–700 гг. до н. э., или к более поздней группе керамики раннего железного века морбю (*Carpelan, Uino*, 2003. P. 83). Керамика типа паймио соотносится с курганами эпохи бронзы прибрежной части Финляндии. Керамика сходного облика известна в Эстонии, она относится к типу асва (*Lang*, 2007. P. 129–130, fig. 58). Однако большинство сосудов типа паймио и асва имеют орнаментацию рядом ямок по плечу, на сосудах с о. Тютерс подобная орнаментация не отмечена.

В материалах многослойного поселения Хяуринмяки на окраине Выборга М. Лавенто выделяет несколько фрагментов керамики со штрихованной поверхностью, которые он соотносит с традицией культуры сетчатой керамики (*Lavento*, 2001. P. 255–256). Однако приуроченность к морскому берегу нетипична для поселений этой культуры, практически все они расположены на берегах рек и озер во внутренней части Финляндии (*Lavento*, 2001), на Карельском перешейке, во внутренних районах Ленинградской области (*Юшкова*, 2015) и восточнее, вплоть до Прикамья.

Археологические исследования 2017–2019 гг.

Северный берег Финского залива.

Курганы у пос. Большой Бор

Группа курганов Большой Бор 1 находится в Выборгском районе Ленинградской области, на территории сельского поселения Селезнёво (Ykspää), в 2 км к юго-западу от пос. Большой Бор (Jokikylä, волость Säkkijärvi), в лесу, в 30 м к западу от проселочной дороги, ведущей на мыс Конек, в 1,5 км к северу от оконечности мыса (рис. 1, б). Насыпи расположены на обращенном в сторону моря скальном выходе («бараньем лбе»), вытянутом в субмеридиональном направлении и окруженном с трех сторон заболоченными низинами. Абсолютные отметки скальной поверхности здесь составляют 9,5–10,5 м БС. Первые сведения о фиксации на полуострове Конек (Koiniemi) каменных насыпей относятся еще к началу XX в., повторно группа была открыта А. М. Жульником в 2016 г.

Группа состоит из четырех насыпей, вытянутых цепочкой в субмеридиональном направлении и расположенных на расстоянии от 4 до 15 м друг от друга (рис. 2). Каждая насыпь приурочена к локальному возвышению скальной поверхности высотой 0,2–0,7 м. Это создает впечатление, что

курганы имеют большую высоту, чем на самом деле. Например, кладка кургана № 2 имеет два ряда в высоту, что составляет около 0,5 м, но визуально воспринимаемая высота кургана составляет не менее 1 м.

В 2017 г. Ленинградской областной экспедицией ИИМК РАН были проведены археологические раскопки на памятнике. Всего было заложено четыре раскопа общей площадью около 1050 кв. м. При этом курганы № 1, 3 и 4 были исследованы полностью, а курган № 2 — частично.

Курган № 1 расположен в северной части группы, на скальном возвышении, на высотных отметках около 10,5 м БС; он был частично покрыт мхом, на нем росло несколько деревьев. После снятия слоя мха и уборки деревьев проявилась общая структура объекта. Исследуемый курган представлял собой аморфную каменную насыпь размерами 16 × 17 м, высотой до 1,3 м, в центральной части было зафиксировано понижение глубиной до 0,3 м. С южной стороны к кургану примыкала пристройка размерами 4 × 7 м. Основанием кургана служила круглая в плане крепида, сложенная из крупных гранитных валунов, лежащих на слое погребенной почвы (рис. 3; 4). Внешний диаметр крепиды составил 10,5 м, камни были установлены плотно друг к другу, они имели размеры около 0,7 × 0,5 × 0,5 м. В северо-восточной части кургана зафиксирован второй ярус камней крепиды, они лежали на первом ярусе и имели меньшие размеры. Можно предполагать, что изначально круг был сложен в несколько ярусов камней, которые с течением времени раскатились, образовав хаотичный развал за пределами центрального круга. Во внутреннем пространстве в южной половине кургана располагалось концентрическое полукольцо, состоящее из массивных валунов (рис. 5). Нижний ярус внутреннего пространства кургана состоит из плотно уложенных валунов среднего размера. С внутренней стороны крепиды располагался «пояс» шириной около метра, состоявший из более мелких валунов и гальки, лежащих поверх нижнего яруса. Под нижним горизонтом камней зафиксирована прослойка погребенной почвы мощностью 5–7 см, лежащая на скальном основании.

При раскопках слоя погребенной почвы было выявлено три скопления кальцинированных костей, два из них располагались во внутренней части кургана под камнями полукольца и одно — под камнями крепиды; размер скоплений не

превышал 0,5 × 0,7 м (рис. 5). В юго-восточной части внутреннего пространства кургана также найдено несколько отдельных костей. Кости в скоплениях сильно обожжены, их максимальный размер не превышает 1 × 3 см. В западной и южной частях кургана зафиксированы скопления углей. Углистые прослойки были насыщенными, валун внутреннего полукольца, расположенный рядом с одной из них, был частично раскошен, что могло являться следствием пребывания рядом с огнем. Можно предполагать, что на месте этого скопления горел костер.

Курган № 2 расположен в центральной части группы, на скальном возвышении высотой до 0,7 м, на высотных отметках около 10 м БС; был частично покрыт мхом, также на нем росло несколько деревьев. Курган представлял собой аморфную каменную насыпь размерами 12 × 14 м, высотой до 1 м (рис. 6). Разборка насыпи кургана не производилась, в связи с тем что на памятнике планируется музеефикация объекта археологического наследия. С западной стороны к насыпи примыкала каменная пристройка размерами 3 × 7 м, сложенная из 1–2 ярусов валунов средних и мелких размеров. В основании пристройки расчищены две каменные кольцеобразные выкладки диаметром около 2 м, расположенные вплотную друг к другу. В восточной кольцеобразной выкладке зафиксировано скопление кальцинированных костей размерами 0,3 × 0,3 м.

Курганы № 3 и 4 находятся в южной части группы на небольших скальных возвышениях высотой до 0,2 м, на высотных отметках около 10 м БС. Расстояние между курганами составляло 4 м, они были исследованы в пределах одного раскопа.

Курган № 3 представлял собой выкладку неправильной округлой формы размерами 9 × 11 м и высотой около 0,5 м, был частично покрыт мхом. После разбора верхнего горизонта (рис. 7) хаотично лежащих камней выявилась внутренняя структура кургана. Нижний ярус был сложен из камней сходных размеров (в среднем 0,4 × 0,3 × 0,3 м), уложенных вплотную друг к другу. С северной, восточной и западной сторон по внешнему краю кургана данные камни образовывали подобие крепиды, обрамляя внутреннее пространство. Однако такой четкой структуры, как в первом кургане, не просматривалось. В юго-западном секторе во внутреннем пространстве был зафиксирован камень-чашечник, в центре которого было расположено

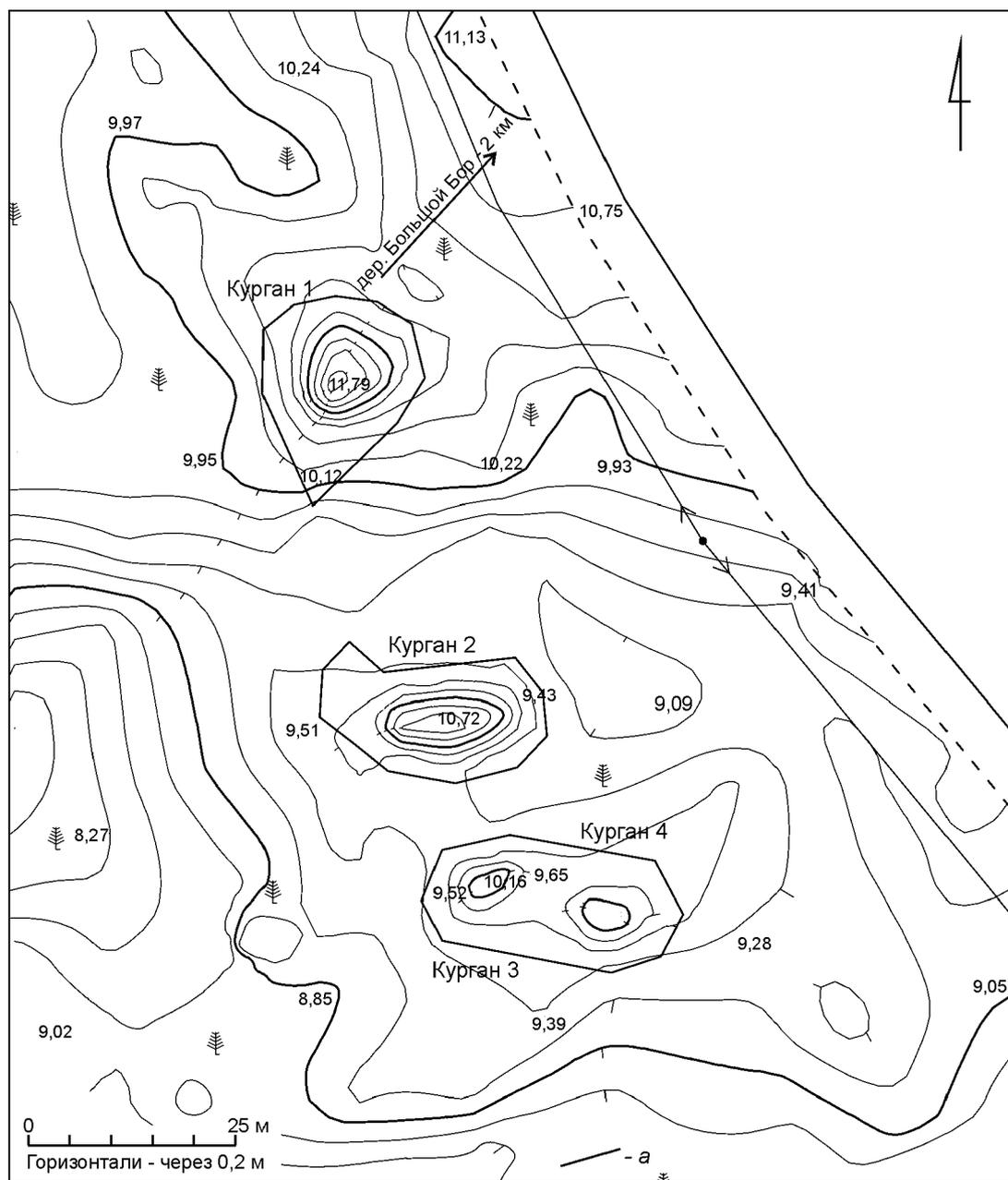

Рис. 2. Группа курганов Большой Бор 1. Топографический план

Fig. 2. Group of barrows Bolshoy Bor 1. Topographic plan

углубление диаметром 3 см и глубиной 4 см, вероятно, естественного происхождения. В центральной части кургана располагался вертикально стоящий камень высотой 0,5 м. Под камнями в слое погребенной почвы к востоку от центра кургана расчищено скопление кальцинированных костей размерами 0,5 × 0,6 м и скопление углей (рис. 8).

Курган № 4. К моменту начала раскопок восточная часть кургана была повреждена, западная — частично покрыта мхом. По форме курган близок

кургану № 3, он представлял собой выкладку неправильной округлой формы размерами 12 × 9 м, высотой около 0,4 м. До начала работ внутренняя структура кургана была неясна (рис. 7). После разбора камней, хаотично лежащих в периферийной части насыпи, была выявлена выкладка диаметром около 5 м. Нижний ярус кладки сложен из камней сходного размера (около 0,4 × 0,3 × 0,3 м), уложенных вплотную друг к другу. Под камнями в слое погребенной почвы к северу от центра кургана

Рис. 3. Группа курганов Большой Бор 1. Курган № 1 после разборки камней за пределами крепиды. Вид с севера
 Fig. 3. Group of barrows Bolshoy Bor 1. Kurgan no. 1 after removing the stones outside the crepis wall. View from north

зафиксировано скопление кальцинированных костей размерами $1,5 \times 0,7$ м, вытянутое в широтном направлении (рис. 8). В центральной части скопления среди кальцинированных костей был обнаружен бронзовый нож (рис. 8, Б). Нож небольшой (его длина 6,1 см, ширина лезвия 1 см), треугольный в сечении, края обработаны методом холоднойковки. Нож сделан из сплава на основе меди с примесями олова 6–8 %, мышьяка 2–3 %, сурьмы 1–2 %, никеля 0,5–1,0 %, серебра менее 0,6 % и цинка менее 0,5 %³.

Исследованные курганы образуют единый комплекс. Они приурочены к одинаковым элементам ландшафта — небольшим возвышенностям на скальной поверхности — и расположены в пределах одного скального массива. Их объединяет ряд общих конструктивных особенностей. Внешний контур кургана ограничен крепидой, лучше всего она сохранилась в кургане № 1

(кладка в два яруса), диаметр этих кольцевых выкладок от 5 м (курган № 4) до 10,5 м (курган № 1). Можно предположить, что видимые до начала раскопок аморфные очертания курганов сформировались вследствие обрушения камней внешних стенок, и изначально курганы имели вертикальные стенки и округлую в плане форму. Нижний ярус внутреннего пространства курганов сложен плотно уложенными валунами сходных размеров. В основании курганов зафиксированы различные структуры из камней — полукольцо в кургане № 1, вертикально стоящий камень в центре кургана № 3; также важно отметить находку камня-чашечника в составе нижнего яруса кургана № 3. Под нижним ярусом камней в слое погребенной почвы каждого сооружения выявлены от одного до трех скоплений кальцинированных костей и скопления углей, в одном из скоплений костей найден бронзовый нож. К двум курганам примыкали каменные выкладки. Анализ кальцинированных костных остатков не позволил определить их видовую принадлежность.

³ Определение состава металла произведено С. В. Хавриным (Гос. Эрмитаж).

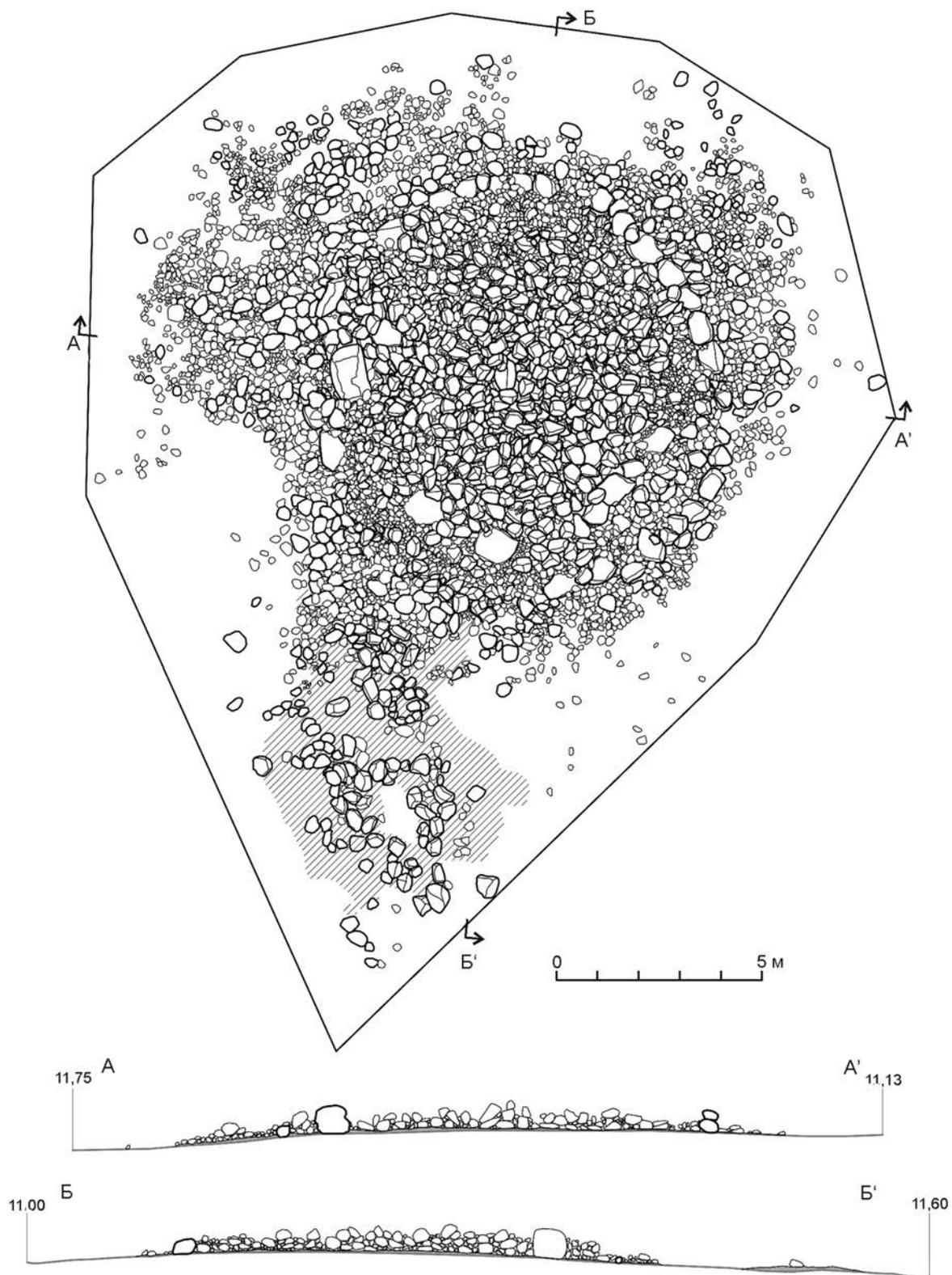

Рис. 4. Группа курганов Большой Бор 1. Курган № 1. План верхнего горизонта и разрезы
Fig. 4. Group of barrows Bolshoy Bor 1. Kurgan no. 1. Plan of the upper horizon and sections

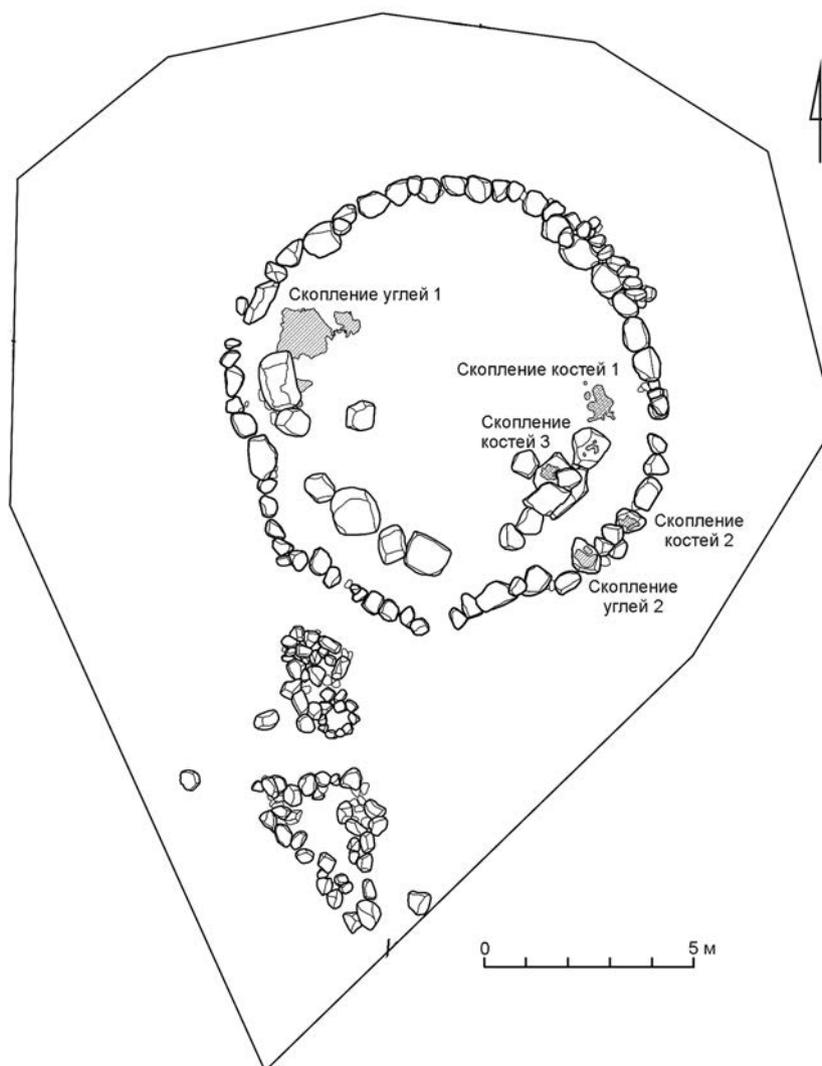

Рис. 5. Группа курганов Большой Бор 1. Курган № 1. План нижнего горизонта
 Fig. 5. Group of barrows Bolshoy Bor 1. Kurgan no. 1. Plan of the lower horizon

Внешние острова Финского залива

В ходе комплексной научной экспедиции, организованной Ленинградским областным отделением Российского географического общества в рамках программы «Мой край» в 2019 г., ИИМК РАН проводил разведочные работы на островах Мощный, Малый, Сескар, Ю. Виргин. В результате этих работ были выявлены древности различных эпох, в том числе и относящиеся к эпохе бронзы.

На о. Мощный, на полуострове Суисаари был обнаружен каменный курган. Курган Суисаари расположен на южном мысу гряды, вытянутой в центральной части полуострова в меридиональном направлении (рис. 9). Курган сложен из окатанных валунов, камни задренованы (рис. 10).

Диаметр сооружения — 12–13 м, высота — до 1,4 м, в центральной части вершины отмечено понижение (до 0,3 м). Предполагаемая высота над уровнем моря — около 8 м. Топография, размер и форма кургана позволяют отнести его к курганам бронзового века, характерным для северного побережья Финского залива.

В процессе поиска поселенческих древностей на о. Мощный были произведены разведочные раскопки, в результате которых выявлено поселение Лавансаари. Поселение расположено в северной части острова, в центре бывшей финской деревни, на небольшой возвышенности, к югу от каменного фундамента церкви. В разведочном шурфе площадью 16 кв. м зафиксированы разновременные напластования. В верхнем слое серо-коричневой

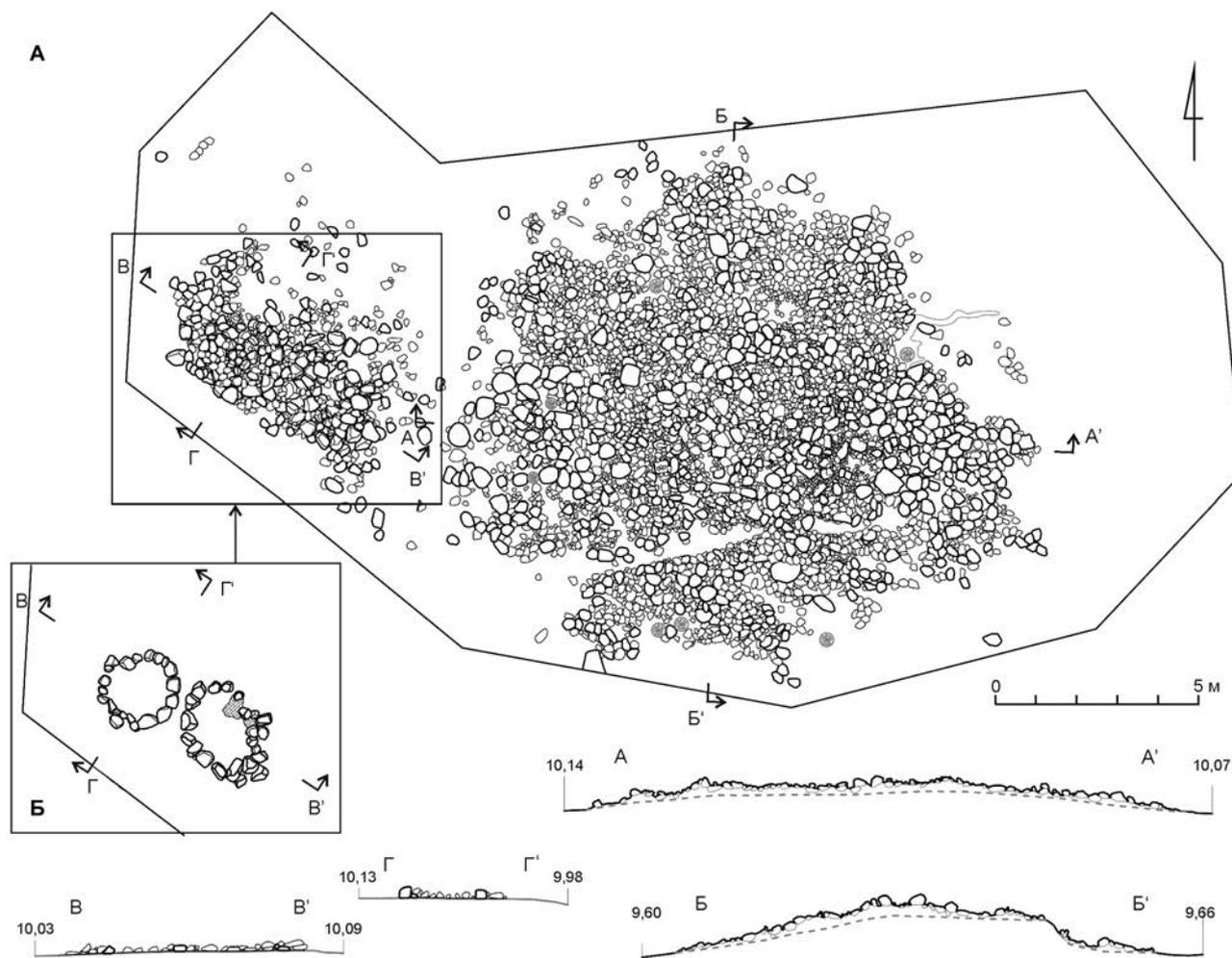

Рис. 6. Группа курганов Большой Бор 1. Курган № 2: А — план поверхности и профили; Б — план нижнего горизонта пристройки к кургану

Fig. 6. Group of barrows Bolshoy Bor 1. Kurgan no. 2: A — plan of the surface and profiles; Б — plan of the lower horizon at the annex to the barrow

супеси (мощностью до 0,45 м) обнаружены находки времени бытования финской деревни конца XIX — XX в. Ниже выявлен слой серой супеси мощностью до 0,15 м, без находок. В кв. 2 после разборки слоя серой супеси проступило угольное пятно, маркировавшее выложенный камнями по углубленному основанию очаг. Вокруг очага и на соседнем кв. 3 под слоем серой супеси обнаружены пятна слоя серо-желтого песка с вкраплениями углей, в которых встречены фрагменты лепной керамики с расчесами, также несколько мелких фрагментов керамики были найдены в основании очага среди камней. Мощность слоя с находками фрагментов керамических сосудов составляла 5–8 см, высота этого слоя над уровнем моря — около 5,5 м. Ниже залегал материковый песок.

Обнаруженная в слое серо-желтого песка и при разборке заполнения очага керамика однотипна (рис. 11). Всего собрано 42 фрагмента, возможно, они принадлежат одному сосуду. Сохранились фрагменты стенок и придонных частей. Толщина стенок — 0,7–1,0 см, глиняное тесто имеет минеральную примесь, размеры дресвы — до 8 мм, цвет черепков коричневый, сохранность фрагментов плохая (расслаиваются). Основной особенностью керамических обломков является обработка внешней поверхности — она покрыта штрихами, в большинстве случаев штрихи расположены вертикально, но на некоторых фрагментах и в иных направлениях; внутренняя поверхность гладкая. Можно предположить, что штрихи сделаны пучком травы.

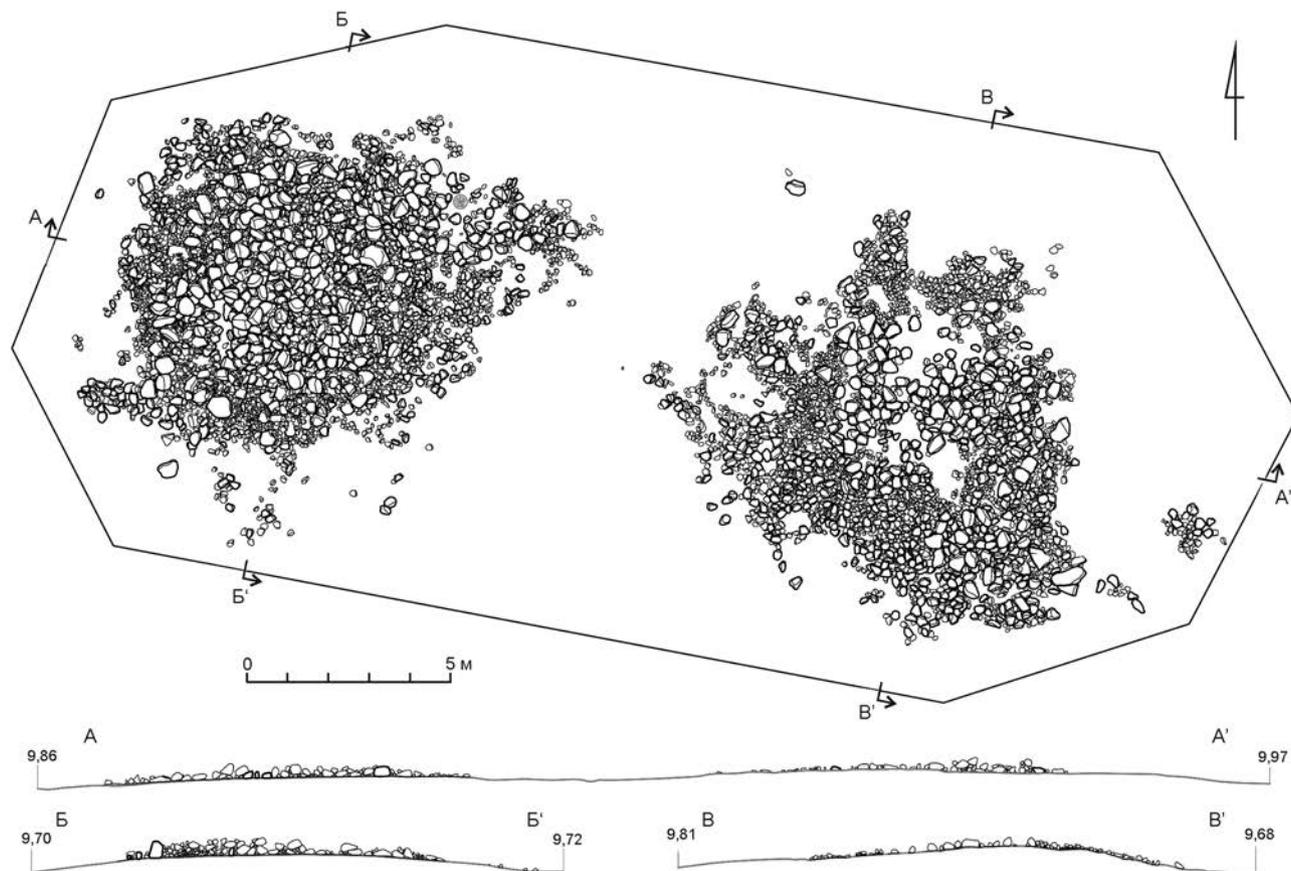

Рис. 7. Группа курганов Большой Бор 1. Курганы № 3 и 4. План верхнего горизонта и разрезы
 Fig. 7. Group of barrows Bolshoy Bor 1. Kurgans nos. 3 and 4. Plan of the upper horizon and sections

Реконструировать форму сосуда сложно, сохранившиеся стенки имеют прямой профиль, горшок имел плоское дно, диаметр дна — около 14 см. Данная керамика близка типу паймио, распространенному в прибрежной Финляндии в эпоху бронзы.

В процессе раскопок предполагалось, что очаг и пятна культурного слоя с находками керамики могут быть одновременны, из очага и из углистых прослоек в культурном слое были отобраны образцы для радиоуглеродного датирования. В результате датирования было получено семь дат, указывающих на два разных хронологических горизонта. Три даты — 2808 ± 40 (SPb-3062), 2765 ± 40 (SPb-3087), 2745 ± 50 (SPb-3088) — близки друг другу и при калибровке указывают на X–IX вв. до н. э. Эта группа дат хорошо согласуется с предполагаемым хронологическим определением керамики эпохи бронзы и уточняет его. Даты получены из фрагментов угля, отобранных в культурном слое с углем и фрагментами керамики в кв. 3 (образцы SPb-3087, 3088) и в очаге

в кв. 2 (образец SPb-3062). Другая группа из трех дат указывает на древнерусский период, образцы отобраны в очаге, еще одна дата соответствует до-римскому железному веку. Эти периоды не представлены среди находок.

Южный берег Финского залива

В процессе интенсивных исследований последних лет системы расселения на южном берегу Финского залива в эпоху неолита и раннего металла были выявлены десятки новых стоянок, однако найти поселения эпохи бронзы не удалось. В ходе разведочных работ 2019 г. были зафиксированы два поселения с сетчатой керамикой, которые могут быть отнесены к эпохе бронзы.

Поселение *Косколово 11* находится на левом берегу р. Хаболовка, в ее среднем течении, нижний пласт культурного слоя расположен на уровне 7,6 м БС. Шурфовка выявила наличие слоя серого слабогумусированного песка мощностью до 0,3 м, в котором найдены фрагменты

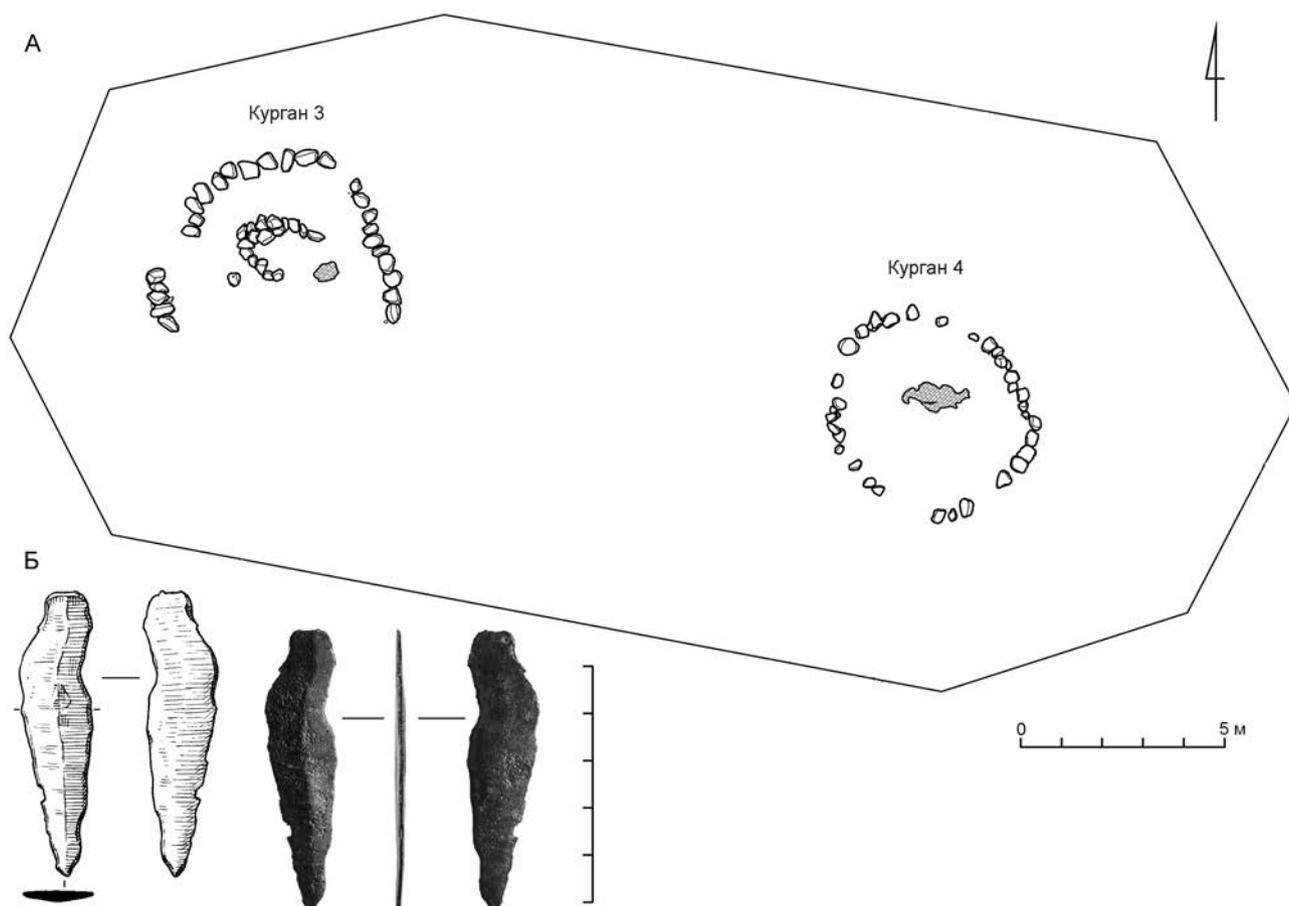

Рис. 8. Группа курганов Большой Бор 1: А — курганы № 3 и 4, план нижнего горизонта; Б — бронзовый нож, найденный в кургане № 4 (рисунок и фото)

Fig. 8. Group of barrows Bolshoy Bor 1: А — kurgans nos. 3 and 4, plan of the lower horizon; Б — bronze knife found in mound no. 4 (drawing and photo)

керамических сосудов с минеральной примесью и сетчатыми отпечатками (рис. 12, 4–5).

Поселение *Куровицы 8* расположено в 3 км к северу от д. Куровицы, на правом берегу р. Луга, удалено на 0,3 км от реки, находится на слабовыраженной террасе, возвышающейся на 0,5 м над окружающим заболоченным пространством. Данная терраса располагается между р. Луга и основанием Куровицкого плато, ее абсолютная высота 5,5 м БС. На стоянке было заложено шесть шурфов, размерами 1 × 1 м, в них выявлен слой коричневой гумусированной супеси с углями, мощностью до 0,15 м с углями, в котором найдены фрагменты керамических сосудов (рис. 12, 1–3) и кальцинированные кости. Фрагменты керамики имеют минеральную примесь. Среди них присутствуют стенки не менее трех сосудов, один из них украшен сетчатыми отпечатками и орнаментирован рядами овальных вдавлений,

фрагмент второго сосуда замыт, декорирован рядами тонкой гребенки, третий сосуд без орнамента.

Ближайшим памятником с керамикой сходного облика является стоянка Хаболово, выявленная В. И. Тимофеевым в истоке р. Хаболовка в 1983 г. (Тимофеев, 1983. Л. 10; Тимофеев, 1993. Рис. 3). Здесь зафиксирован культурный слой, состоящий из гумусированного песка, расположенный на высоте около 10 м БС. В зачистке были найдены фрагменты керамических сосудов. Большая часть имеет минеральную примесь в тесте, среди них можно выделить не менее четырех сосудов волховского типа (рис. 12, 6–11). Сосуды имели прямой или отогнутый венчик, орнаментированы отпечатками штампа «веревочка, намотанная на палочку» и рядами ямок неправильной формы, встречаются сетчатые отпечатки. Этот тип керамики сформировался на основе сетчатой керамики эпохи бронзы и был

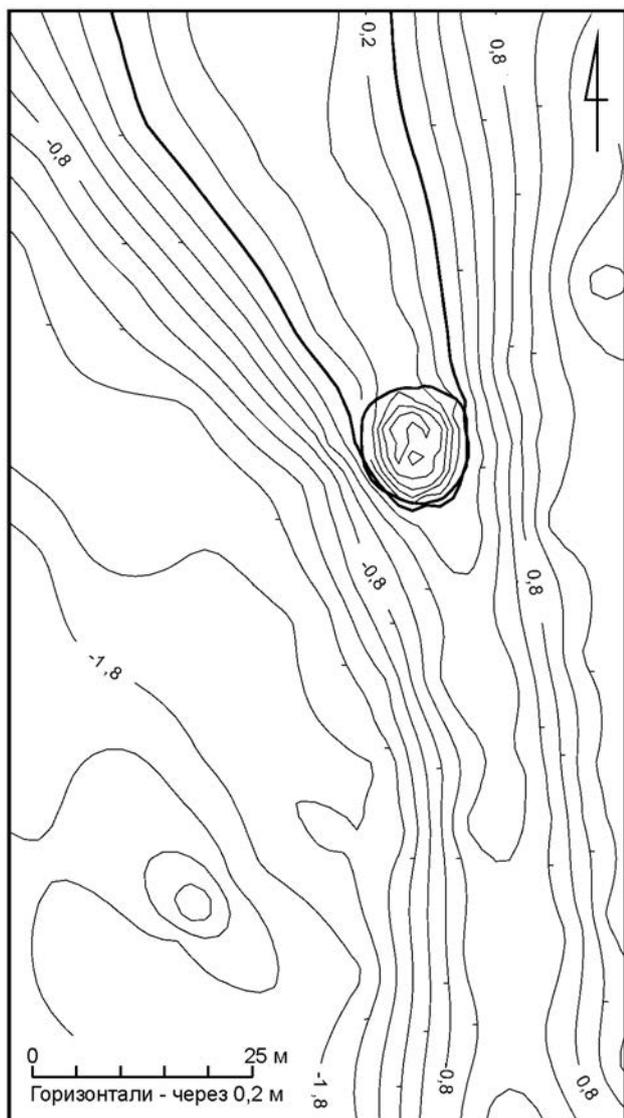

Рис. 9. Остров Мощный. Курган Суисаари. Топографический план

Fig. 9. Moshchny Island. Kurgan Suisaari. Topographic plan

распространен на Северо-Западе России в первой половине I тыс. до н. э. Фрагмент одного сосуда отличается по орнаментации и составу — он имеет примесь органики и украшен овальными оттисками. Таким образом, керамика стоянки Хаболово сходна с керамикой стоянки Косколово 11, однако представляет более поздний этап развития керамики с сетчатыми отпечатками.

Хронология и культурный контекст

Курганы у пос. Большой Бор относятся к культуре курганов эпохи бронзы, занимающей прибрежные районы Финляндии. В них выявлены

характерные для данной культуры признаки: топографическая приуроченность памятника к скальному выходу, ориентированному на море; расположение насыпей на локальных скальных возвышенностях; форма и размеры насыпей; наличие крепиды и каменных выкладок, примыкающих к курганам; наличие скоплений кальцинированных костей под насыпью кургана; находка бронзового предмета в скоплении костей. Среди курганных групп, раскопанных в различных районах прибрежной части Финляндии, имеются могильники, в которых отмечены прямые аналогии всем перечисленным выше признакам. Наиболее близки насыпям Большой Бор курганы № 86 и 98 в могильнике Риескаронмяки и могильник Уотинпера 2, Накилла в регионе Сатакунта, исследованные У. Сало (*Salo*, 1981. P. 64–95, kuva 20, 39, 40). В одном из них найден бронзовый нож (*Ibid.* Kuva 117), аналогичный находке из кургана № 4 Большой Бор. Такой же нож найден в кургане Аластаро Исоваренмяки (*Alastaro Isovarenmäki*), раскопанном Ю. Пуккила в 2004 г. в юго-западной Финляндии (*Pukkila*, 2004)⁴. Радиоуглеродная дата, полученная из этого кургана, при калибровке указывает на рубеж II и I тыс. до н. э.

Ближайший раскопанный курган, достоверно относящийся к эпохе бронзы, — это курган Саловаара под Коткой, исследованный Т. Миеттиненом в 1991–1992 гг. (*Миеттинен*, 1997). Он расположен на расстоянии около 70 км к западу от курганов Большой Бор. Здесь исследован сходный по форме курган диаметром около 11 м с пристройкой. При раскопках в скоплении кальцинированных костей была найдена двойная шиповидная пуговица североευропейского типа, относящаяся по Е. Бадо к периоду IV (около 1100–900 гг. до н. э.) (*Baudou*, 1960. S. 87–88, taf. XVIII: XXVIA1).

В 1939 г. Е. Кивикоски провела раскопки каменного кургана на о. Большой Пограничный (бывш. о. Raatio) в заливе Виролахти (*Kivikoski*, 1940), находящемся в 20 км к западу от курганов Большой Бор (рис. 1, 3). Курган располагался на скале на высоте 6,2 м над уровнем моря, имел диаметр 6,0–6,5 м, высоту около 0,75 м, в центре насыпь была повреждена ямой. При раскопках в основании каменного кургана выявлено кольцо более крупных

⁴ Благодарим Яркко Сайпио за помощь в атрибуции ножа из кургана Большой Бор и поиске аналогий этой находке.

Рис. 10. Остров Мощный. Курган Суисаари. Вид с запада
 Fig. 10. Moshchny Island. Kurgan Suisaari. View from west

валунов диаметром 3,5 м. Под слоем камней на погребенной почве собраны кальцинированные кости (36 г), несколько фрагментов кремня. Е. Кивикоски считала, что по форме и структуре курган следует относить к бронзовому веку, но не исключала и его более позднюю датировку исходя из высотной хронологии береговых террас.

По аналогиям форме сооружений, характеру погребального обряда, находке ножа можно предполагать, что курганы Большой Бор датируются периодом IV, то есть около 1100–900 гг. до н. э. или несколько позднее. Очевидная фибула из-под Выборга относится к периодам IV–V (около 1100–700 гг. до н. э.). Близкая дата — X–IX вв. до н. э. — получена по радиоуглеродным датам поселения Лавансаари на о. Мощный со штрихованной керамикой.

Фрагменты сосудов с сетчатыми отпечатками и минеральной примесью, найденные на поселениях Косколово 11 и Куровицы 8, относятся к культуре сетчатой керамики эпохи бронзы. Основной ареал распространения памятников этой культуры в Ленинградской области расположен

в Южном Приладожье и на Карельском перешейке. Общие хронологические рамки культуры: вторая четверть II тыс. — начало I тыс. до н. э. (время расцвета, когда функционировали наиболее крупные поселения) — середина — вторая половина II тыс. до н. э. (Юшкова, 2015). Единичные памятники с сетчатой керамикой известны в западных районах Ленинградской области на озерах Мерево и Сяберо — это стоянки Сяберская 3⁵ и Мерево, они удалены на расстояние около 100 км к югу от побережья Финского залива (Козырев, 1952; Тимофеев, 1993).

⁵ На поселении Сяберская 3 встречена сетчатая керамика двух типов. Более ранняя группа соответствует так называемой ранней сетчатой керамике, выявленной на памятниках Эстонии и Латвии, для нее характерна примесь органики, эта группа датируется III — началом II тыс. до н. э. (Крийска, Лавенто, 2007; Юшкова, 2015. С. 280, рис. 1). Среди материалов поселения Сяберская 3 аналогию материалам Косколово 11 и Куровицы 8 составляют фрагменты керамики более поздней группы с минеральной примесью в тесте.

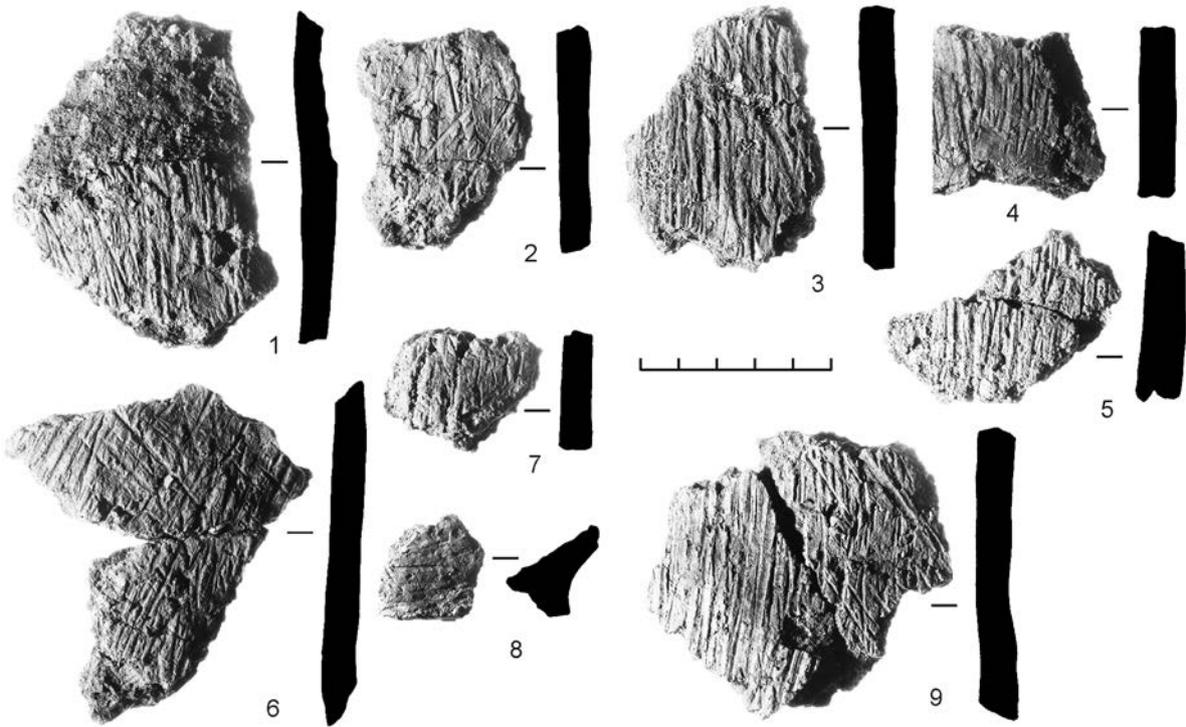

Рис. 11. Остров Мощный, поселение Лавансаари. Фрагменты керамических сосудов
 Fig. 11. Moshchny Island. Settlement of Lavansaari, fragments of ceramic pottery

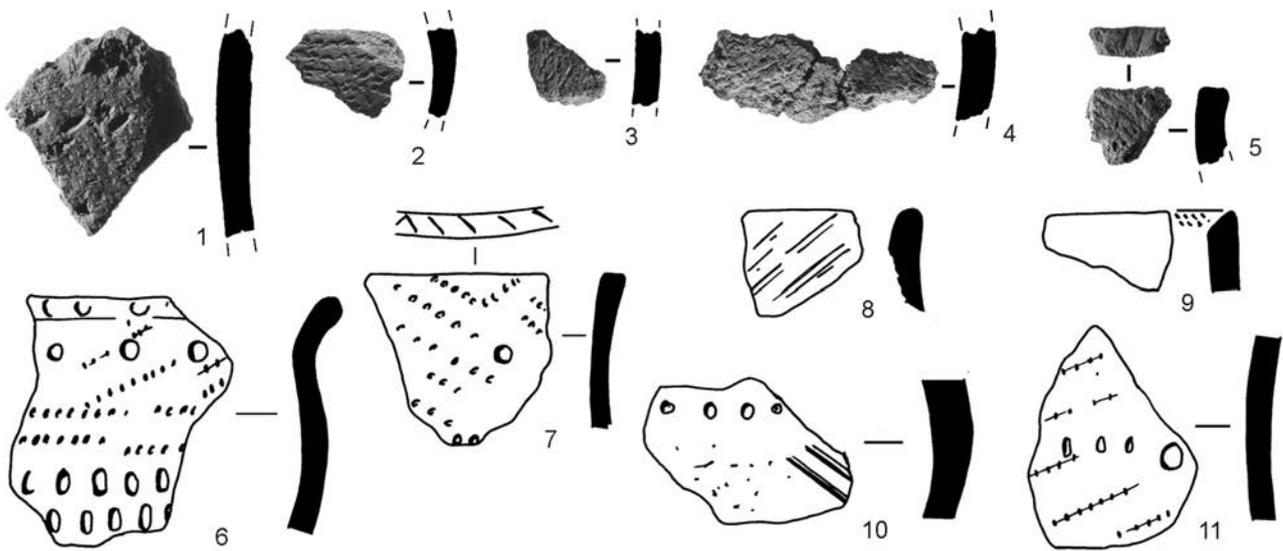

Рис. 12. Фрагменты керамических сосудов с поселений: 1-3 — Куровицы 8; 4-5 — Косколово 11; 6-11 — Хаболово
 Fig. 12. Fragments of ceramic pottery from settlement-sites: 1-3 — Kurovitsy 8; 4-5 — Koskolovo 11; 6-11 — Khabolovo

Выводы

Восток Финского залива — прибрежная часть и острова — обладает большим потенциалом для исследования эпохи бронзы. В 2017–2019 гг. здесь найдены и частично раскопаны новые погребальные памятники и поселения этого периода.

Находки последних лет — могильник с каменными курганами Большой Бор на северном берегу Финского залива, каменный курган Суисаари на о. Мощный, а также известная ранее очковидная фибула из-под Выборга тяготеют к погребальной традиции, характерной для прибрежной

Финляндии. С этой же традицией связаны находки штрихованной керамики на поселении Лавансаари на о. Мощный. Эти памятники датированы в пределах периодов IV–V (около 1100–700 гг. до н. э.).

Другая культурная традиция представлена сетчатой керамикой поселений Косколово 11 и Куровицы 8 на южном берегу Финского залива. Они относятся к культуре сетчатой керамики эпохи бронзы, памятники которой расположены во внутренних районах Финляндии, Ленинградской области, Карелии и более восточных областях, и датируются от второй четверти / середины II тыс. до н. э. до начала I тыс. до н. э.

Поселения с сетчатой керамикой могли сосуществовать с традицией каменных курганов и керамики со штрихами, зафиксированной на северном берегу и Внешних островах Финского залива, или предшествовать ей.

Продолжение исследований выявленных в последние годы памятников позволит получить больше сведений об особенностях материальной культуры, уточнить хронологические и территориальные границы бытования различных традиций и более детально изучить динамику культурных взаимодействий в регионе Финского залива в эпоху бронзы.

- Козырев, 1952 — Козырев Н. А. Новая неолитическая стоянка, обнаруженная в Ленинградской области // СА. 1952. Т. XVI. С. 299–301.
- Крийска, Лавенто, 2007 — Крийска А., Лавенто М. «Текстильная керамика» в Эстонии в свете датирования нагара на фрагментах сосудов с использованием ускорительной масс-спектрометрии (AMS) // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: Теза, 2007. С. 243–250.
- Миеттинен, 1997 — Миеттинен Т. Изменение картины железного века на северном побережье восточной части Финского залива // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура: Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 62–70.
- Сакса, 2010 — Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.
- Сакса, 2014 — Сакса А. И. Острова восточной части Финского залива в контексте археологических памятников Эстонии, Финляндии и Карельского перешейка // Бюллетень ИИМК РАН. № 4. СПб., 2014. С. 153–158.
- Тимофеев, 1983 — Тимофеев В. И. Отчет о работах 1983 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1983. Д. 69.
- Тимофеев, 1993 — Тимофеев В. И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики) / Под ред. В. М. Масона, Е. Н. Носова, Е. А. Рябины. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 8–34.
- Юшкова, 2010 — Юшкова М. А. Металлические изделия эпохи бронзы на Северо-Западе России // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2010. Т. 12 (34), № 2. С. 272–277.
- Юшкова, 2011 — Юшкова М. А. Новые находки металлических изделий эпохи бронзы на Северо-Западе России // ТАС. Тверь: Триада, 2011. Вып. 8, т. 1. С. 273–288.
- Юшкова, 2015 — Юшкова М. А. Памятники культуры сетчатой керамики в Южном Приладожье // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2015 (Замятинский сборник. Вып. 4). С. 278–318.
- Baudou, 1960 — Baudou E. Die regionale und chronologische Einteilung der jüngeren Bronzezeit im Nordischen Kreis. Stockholm: Almqvist amp. Wiksell, 1960 (Acta Universitatis Stockholmiensis. Studies in North-European Archaeology. I). 338 s.
- Carpelan, Uino, 2003 — Carpelan C., Uino P. Between Estonia and Finland — a Reassessment of old Finds from Tytärsaari Island // Arheoloogiga Läänemere-emaades. Tallinn; Tartu, 2003. P. 75–93.
- Edgren, 1993 — Edgren T. Lavansaaren Suursuonmäen rökkiöhaudat // Suomen Museo 1992. Helsinki, 1993. S. 5–20.
- Hackman, 1897 — Hackman A. Die Bronzezeit Finnlands. Helsinki: Centraldruckerei, 1897 (SMYA XVII). 60 s.
- Kivikoski, 1940 — Kivikoski E. Kertomus rökkiön kairauksesta Virolahden Paation Västvikenissä heinäkuun 5 p:nä. 1939. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://www.kyppi.fi/palveluikkuna/raportti/read/asp/hae_liite.aspx?id=113617&tyyppi=pdf&kansio_id=935 (дата обращения 20.03.2020).
- Lang, 2007 — Lang V. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007 (Estonian Archaeology, 3). 298 p.
- Lang, 2018 — Lang V. Läänemeresoome tulemised. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2018 (Muinasaja teadus, 28). 320 s.

- Lavento*, 2001 — *Lavento M.* Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus. SMYA-FFT. 2001. Vol. 109. 410 p.
- Lavento*, 2003 — *Lavento M.* Viipurin läänin pronssikausi ja varhaismetallikausi // *Karjalan synty*. Juvaskyla: Gummerus Kirjapaino Oy, 2003. S. 245–290.
- Meinander*, 1954 — *Meinander C. F.* Die Bronzezeit in Finnland. SMYA-FFT. 1954. 242 s.
- Miettinen*, 1996 — *Miettinen T.* Suomenlahden ulkosaaarten esihistoria // *Suomenlahden ulkosaaaret*: Lavansari, Seiskari, Suursaari, Tytärsaari / Ed. Risto Hamari. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1996. S. 52–67.
- Oldeberg*, 1933 — *Oldeberg A.* Det nordiska bronsålder-spännets historia. Stockholm, 1933. 289 s.
- Pukkila*, 2004 — *Pukkila J.* Alastaro Isovarenmäki pronssikautisen hautaröykkiön arkeologinen tutkimuskaivaus. 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kuop.fi/palveluikkuna/raportti/read/asp/hae_liite.aspx?id=101753&ttyyppi=pdf&kansio_id=430 (дата обращения 20.03.2020).
- Salo*, 1981 — *Salo U.* Satakunnan historia I, 2. Satakunnan pronssikausi. Rauma: Satakunnan maakuntaliitto, 1981. 508 s.
- Sperling*, 2014 — *Sperling U.* Aspekte des wandels in der Bronzezeit im Ostbaltikum die siedlungen der Asva-Gruppe in Estland. Tallinn: Estonian Academy Publishers, 2014 (Estonian Journal of Archaeology, Supplementary volume, 25). 495 s.
- Tallgren*, 1907 — *Tallgren A. M.* Kivikautinen taideteos Säkijärveltä. SM FM, 1907. S. 67–72.
- Uino*, 1997 — *Uino P.* Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1997 (SMYA-FFT. Vol. 104). 426 p.

New sites of the Bronze Age in the region of the Gulf of Finland. Archaeological investigations of 2017–2019

A. Yu. Gorodilov, M. A. Razzak (Yushkova)

Antiquities of the Bronze Age in the region of the Gulf of Finland until recently have been practically unknown; some information about them was accumulated in the pre-war period when the western part of the Karelian Isthmus and the External islands of the Gulf of Finland were the Finnish territory. In 2017–2019, archaeological surveys and excavations resulted in distinguishing and partial investigation of new sites of that period (Fig. 1). These are situated on the northern and southern coasts, as well as on the External islands of the Gulf of Finland within Leningrad Oblast.

In 2017, excavations of the stone kurgans of Bolshoy Bor were carried out. This group consists of four mounds three of which have been completely excavated (Fig. 2). The investigated barrows form a single complex. They are accommodated to identical elements of landscape — small hills on the rocky surface, and are located within a single rock massif. They are united by a number of common construction features (Fig. 3–8). The external outline of a barrow is bordered by a crepis wall; the latter is best preserved at barrow no. 1 (masonry of two courses); the diameter of these circular fences is from 5 m (barrow no. 4) to 10,5 m (barrow no. 1). The lower layer of the internal space of the kurgans is constructed of densely laid boulders of similar size. In the base of the mounds, different stone structures were found — a semicircle at barrow no. 1, a vertically standing stone in the centre of barrow no. 3; also of note is a find of a cup-stone in the lower layer of barrow no. 3. Beneath the lower horizon of the stones in the layer of the buried soil, from one to three accumulations of bones and pieces of charcoal were found; from one of the bone accumulations, a bronze knife was retrieved. Two of the kurgans were adjoined by stone masonries. A similar barrow constructed of stone was revealed in 2019 on Moshchny Island (Fig. 9–10). On Moshchny Island, in 2019, also a settlement with Bronze Age pottery was discovered. The ceramic vessels contained mineral tempers in the clay and their outer surface was covered with hatching (Fig. 11). The determined calibrated radiocarbon dates indicate the 10th – 9th century BC. In 2019, on the southern coast of the Gulf of Finland, two settlements with net pottery were revealed — Koskolovo 11 and Kurovitsy 8; these sites also are datable to the Bronze Age (Fig. 12).

Through the analogues of the shape of the structures, character of the burial rite and the find of the knife, the kurgans of Bolshoy Bor are datable to period IV, i.e. about 1100–900 BC or slightly later. A similar date was obtained through radiocarbon analyses from the settlement of Lavansaari with hatched pottery on Moshchny Island. These antiquities are close to the sites of the Bronze Age characteristic of maritime Finland area. Another cultural tradition is represented by net pottery of the sites of Koskolovo 11 and Kurovitsy 8 on the southern coast of the Gulf of Finland. These settlements may have been occupied simultaneously with the tradition of stone barrows found on the northern coast and External islands of the Gulf of Finland or slightly preceded the latter.

Мстинско-Моложская группа древностей середины I тыс. н. э. на Волго-Балтийском водоразделе

И. В. Исланова¹

Аннотация. На основе имеющихся археологических материалов на участке Волго-Балтийского водораздела выделена особая культурно-хронологическая Мстинско-Моложская группа памятников середины I тыс. н. э. Основной маркер группы — это керамические комплексы двух стационарно исследованных селищ — Троица 1 и Овсище 1. Массовый материал близок керамике, бытовавшей в мощинской культуре и на позднедьяковских поселениях Верхнего Поволжья. Исходной территорией нового населения, судя по керамическому и вещевому материалам, мог быть бассейн Верхней Мологи (левого притока Волги). Наличие дериватов керамики Мстинско-Моложской группы в погребальных памятниках культуры псковских длинных курганов данного региона позволяет предположить, что население группы растворяется в массиве этой раннесредневековой культуры.

Annotation. A separate cultural and chronological Msta-Mologa group of sites of the mid-1st millennium AD was defined through the available archaeological evidence, in the area of the Volga-Baltic watershed. Pottery complexes from two regularly investigated settlement-sites — Troitsa 1 and Ovsishche 1, are the main markers of this group. The mass material is similar to the pottery distributed in the Moshchiny culture and late Dyakovo settlements in the Upper Volga region. The initial territory of the new population, according to the evidence of pottery and other finds, possibly was that of the basin of the Upper Mologa (left tributary of the Volga). The presence of derivatives of the pottery of the Msta-Mologa group in the burial monuments of the culture of Pskov long barrows in this region suggests that the population of the group under consideration dissolved in the mass of that early mediaeval culture.

Ключевые слова: Мстинско-Моложская группа, культура псковских длинных курганов, предсопочные поселения, позднедьяковская культура.

Keywords: Msta-Mologa group, culture of Pskov long barrows, pre-Sopki type settlements, late Dyakovo culture.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-249-257

Вопросы возникновения и этнокультурной принадлежности известных и недавно выявленных типов раннесредневековых памятников остаются дискуссионными из-за недостаточной источниковой базы по древностям лесной зоны Восточной Европы (Конецкий, 2007. С. 260–267). В формировании новых массивов участвовало и местное население; с разной культурной подосновой частично связаны различия, например, между западной и восточной областями культуры псковских длинных

курганов (КПДК) (Михайлова, 2014. С. 192–198). На характер материальной культуры восточной области КПДК определенное влияние оказало население, оставившее Мстинско-Моложскую группу памятников.

Наименование группе дано по географическому местоположению памятников (рис. 1). Материалов пока немного, что связано с недостаточной исследованностью данной территории. Это два селища (Троица 1, Овсище 1) и несколько местонахождений дериватов керамики. Погребальные объекты не выявлены.

Эталонным поселением Мстинско-Моложской группы является селище Троица 1, исследованное на значительной площади. Памятник

¹ Отдел археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья, ИА РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия.

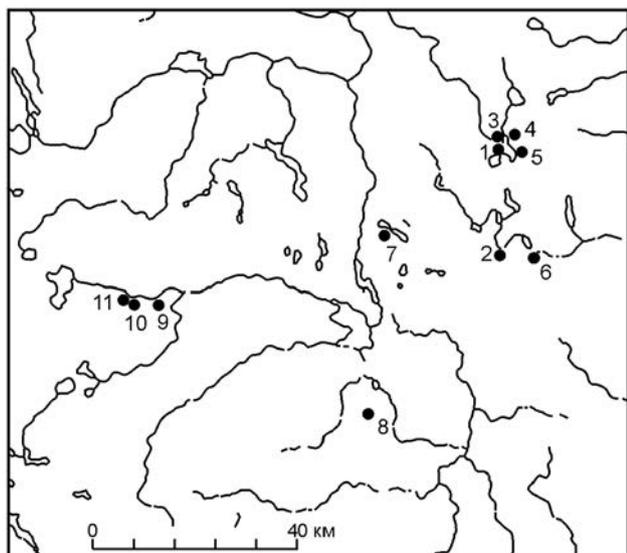

Рис. 1. Памятники Мстинско-Моложской группы, местонахождения схожей керамики и прочие поселения: 1 — селище Троица 1; 2 — селище Овсище 1; 3 — селище Юрьевская Горка; 4 — селище Гарусово 2; 5 — селище Ряд 3; 6 — курганный могильник Шихино; 7 — грунтовый могильник Норфино; 8 — курганные могильники Чамка; 9 — селище Глыби 2; 10 — курганный могильник Городок 8; 11 — селище Городок

Fig. 1. Sites of the Msta-Mologa group, sites with similar pottery and other settlement-sites: 1 — settlement-site of Troitsa 1; 2 — site of Ovsishche 1; 3 — site of Yuryevskaya Gorka; 4 — site of Garusovo 2; 5 — site of Ryad 3; 6 — kurgan cemetery of Shikhino; 7 — flat-grave cemetery of Norfino; 8 — flat-grave cemeteries of Chamka; 9 — site of Glybi 2; 10 — flat-grave cemetery of Gorodok 8; 11 — settlement-site of Gorodok

расположен на мысу, образованном протокой из озера Песьво в озеро Удомля, вблизи истока р. Съежа (правый притока р. Мста). Высота берега до установки плотины на р. Съежа была не менее 2–3 м, в настоящее время — 1–2 м. Край берега длительное время размывался, из-за чего на момент исследований от селища сохранилась только прибрежная полоса длиной 250 м, шириной 15–50 м. Этот участок поселения был изучен почти полностью.

При раскопках, проведенных в 1984–1985, 1987, 2002–2005 и 2011 гг., было вскрыто 4192 кв. м (Исланова, 1997. С. 16–20; Исланова и др., 2017). Памятник многослойный: присутствуют отложения эпох неолита и бронзы, середины I тыс. н. э., конца I тыс. н. э., XIV–XVI вв. и Нового времени. Поверхность ранее интенсивно распаивалась. Культурный слой на некоторых участках был перекрыт слоем делювия толщиной 0,1–0,5 м.

Большинство находок, относящихся к середине I тыс. н. э., происходит из верхней части слоя (глубина 0,25–0,45 м), поврежденной пахотой. Там же залежали артефакты древнерусского периода, позднего средневековья и Нового времени. Материалы середины I тыс. н. э. встречены также в нижележащих слоях, вместе с находками керамики эпох неолита и бронзы.

В прибрежной части зафиксированы остатки семи наземных (срубных) построек середины I тыс. н. э. Их примерные размеры — 14–16 кв. м (3–4 × 4–5 м). В центральной части одного из жилищ прослежена линия столбовых ямок. Сохранились также подпрямоугольные подпольные ямы. Отопительные сооружения — видимо, очаги или печи-каменки. В одном случае от отопительного сооружения помимо скопления обожженных камней сохранилось пятно обожженной глины (под печи?) с углублением-ступенькой до 0,08 м. Также были открыты четыре хозяйственные ямы округлой формы.

Среди вещевых находок преобладают глиняные грузики дьякова типа. Из них 5 экз. (рис. 2, 2, 3, 7, 11, 13) относятся к типу 1 по К. А. Смирнову, датируемому II–V вв. н. э.; 3 экз. (рис. 2, 1, 4, 12) близки типу 3а, датируемому тем же временем; 2 экз. (рис. 2, 6, 8) можно отнести к промежуточным формам между типом 1 и 6; 1 экз. (рис. 2, 9) — к типу 1 или 126 (Смирнов, 1971. Рис. 1; 1974. С. 64–65). Грузики имеют небольшие размеры; нарезки расположены только на условном нижнем диске. Этот диск иногда выпуклый. Схожие изделия встречены в верхних слоях III–V вв. позднедьяковских поселений Верхневолжья и Москворечья (Исланова, 2008. С. 24; Кренке, 2011. С. 66). Грузики дьякова типа известны и на памятниках мощинской культуры, но там подобные предметы единичны (Смирнов, 1971. Рис. 5).

Изделия из глины представлены также обломком льячки (рис. 2, 11). Возможно, с селищем связаны и находки трех глиняных пряслиц — двух биконических и одного с овальными стенками (рис. 2, 5). Помимо неопределимых железных предметов к слою селища несомненно относится железный нож с горбатой спинкой и, возможно, ножи с прямой спинкой (рис. 2, 16, 17). Ножи с горбатой спинкой бытуют в лесной зоне Восточной Европы в основном в первой половине I тыс. н. э. (Смирнов, 1974. С. 37–38). Изделие из цветного металла представлено бутылковидной подвеской (рис. 2, 12). По аналогам из верхнего слоя

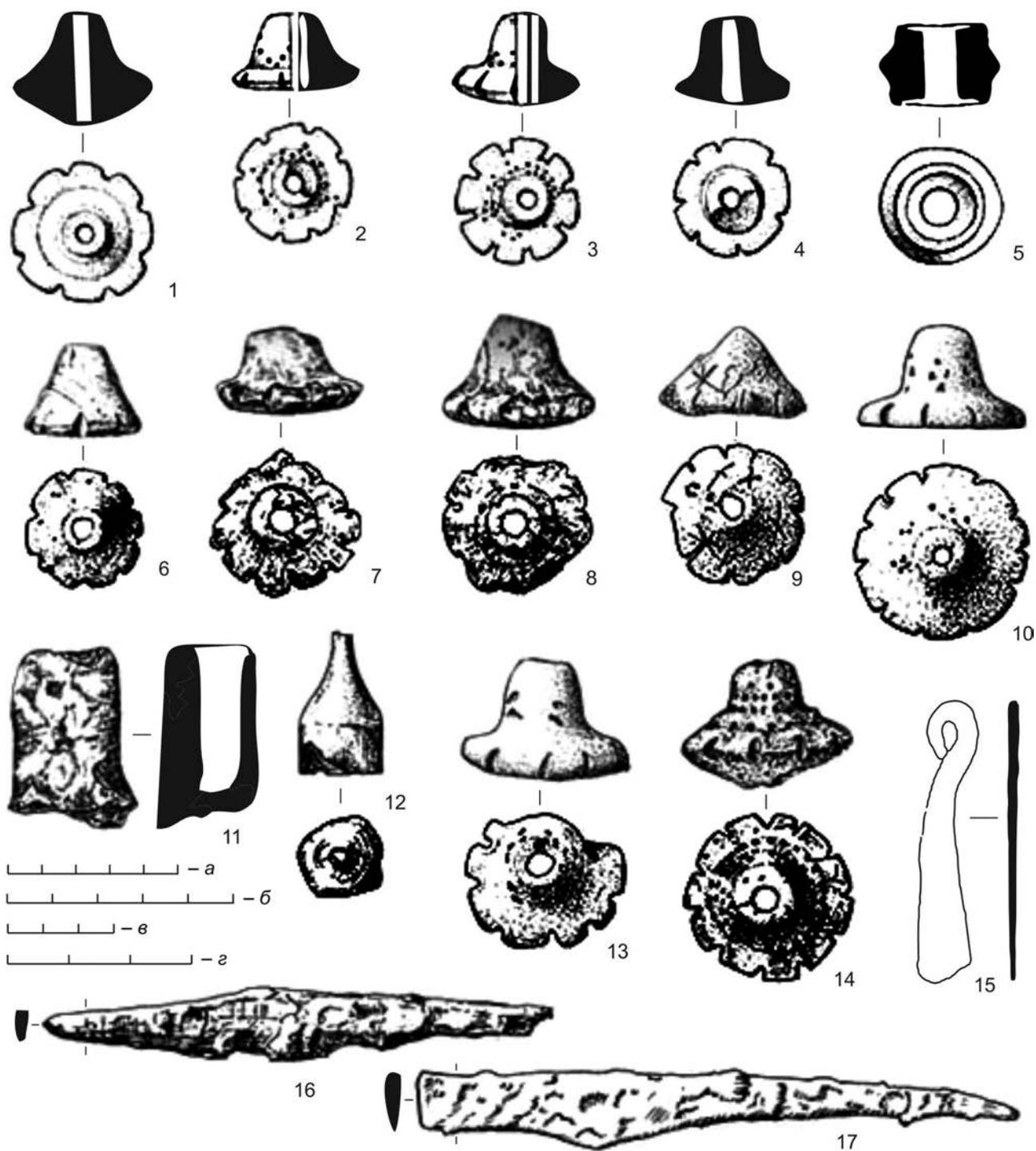

Рис. 2. Вещевой материал селища Троица 1: 1-4, 6-9, 10, 13, 14 — грузики дьякова типа; 5 — пряслице; 11 — фрагмент льячки; 12 — подвеска; 15 — пластинчатое кресало; 16, 17 — ножи. 1-11, 13, 14 — глина; 12 — цветной металл; 15-17 — железо. Масштаб: а — для 1-5; б — для 6-14; в — для 15; з — для 16, 17

Fig. 2. Finds of artefacts from the settlement-site of Troitsa 1: 1-4, 6-9, 10, 13, 14 — loom-weights of the Dyakovo type; 5 — spindle whorl; 11 — fragment of a ladle for molten metal; 12 — pendant; 15 — flat fire striker; 16, 17 — knives. 1-11, 13, 14 — clay; 12 — nonferrous metal; 15-17 — iron. Scale: a — for 1-5; b — for 6-14; v — for 15; z — for 16, 17

Дьякова городища подвеску можно датировать V–VII вв. (Кренке, 2011. С. 72).

Особенностью поселения Троица 1 является относительная многочисленность встреченных здесь железных пластинчатых кресал с петлевидным окончанием: один фрагмент и четыре целых (рис. 2, 10). Петля (крючок) находится в одной плоскости с пластиной, заостренной на другом конце. Наиболее близкие аналоги таким кресалам происходят с памятников, прежде всего, мощинской и позднедьяковской культур (Розенфельдт, 1982. Рис. 36, 2–9, 13–21). Пластинчатые кресала, известные в римское время в Центральной Европе, затем распространяются в Северное Причерноморье, Финляндию и Восточную Европу, в том числе в лесную зону (Михайлова, 2014. С. 134–136). В Центральной Европе их бытование заканчивается на рубеже III–IV вв. или в начале IV в. (Jonakowski, 1996. S. 94–100). Кресала с петлей использовались и в черняховской культуре в III — начале V в. (Магомедов, 2001. С. 86). Подобные кресала отсутствуют в культуре псковских длинных курганов. Там известны лишь две находки, по форме несколько отличные от тех, что найдены на Троице 1: из грунтового могильника Потерпелицы III и из кургана № 5 могильника Куреваниха III (Михайлова, 2014. С. 134–136, рис. 34, 2, 3). Культурная принадлежность этих памятников не совсем ясна. Иную форму имеют и проанализированные Л. А. Голубевой петлевидные пластинчатые кресала, использовавшиеся в лесной зоне Восточной Европы до конца I тыс. н. э. (Голубева, 1965. С. 254–269).

Основной маркер для выделяемой Мстинско-Моложской группы памятников — лепная керамика (рис. 3). Это массовый, явно не импортный, материал. Всего найдено более 900 фрагментов. Глиняное тесто большинства сосудов плотное; в виде примесей использовались песок и мелкая дресва; цвет фрагментов коричневый, серый, черный. Сосуды были тонкостенными и преимущественно неорнаментированными. Исключением являются три фрагмента двух горшков (один ошлакован), где по краю венчика нанесены нарезки (рис. 3, 8, 11).

По характеру внешней поверхности керамику можно разделить: 1) на слабо шероховатую (из-за выступающих примесей); 2) подлощенную (тщательно заглаженную); 3) лощеную. Судя по подсчетам керамики из раскопов 1980-х гг., где было найдено наибольшее число фрагментов (свыше 500 экз.), на селище преобладала

керамика с немного шероховатой поверхностью — 71 %, довольно часто встречалась подлощенная — 27 %, лощеная была единична — 2 %.

Определить тип большинства сосудов по мелким фрагментам не всегда возможно, однако по характерным деталям верхних частей сосудов можно судить о схожести почти всей найденной керамики с посудой мощинской культуры. Эти фрагменты имеют высокие прямые, а также наклоненные немного внутрь или наружу шейки.

Доступная и пригодная для анализа керамика селища Троица 1 представлена обломками 41 сосуда. Больше половины фрагментов представляют типы IV и V (рис. 3, 1, 2, 4, 6, 7, 9, 12, 13), датированные концом IV — V в. и, видимо, самым началом VI в. н. э. на основании классификационной схемы керамики мощинской культуры А. М. Воронцова (Воронцов, 2013. Рис. 10). Из них 5 экз. имеют бороздку (так называемую перетяжку) в месте перехода от шейки к плечу (рис. 3, 4); 1 экз. — две бороздки в той же части сосуда (рис. 3, 9); 4 экз. имеют уступ в месте плеча (рис. 3, 6, 7); 1 экз. имеет утолщение на краю венчика (рис. 3, 14) и сходен с фрагментом сосуда из постройки № 5 городища Акиньюшино, которая датируется началом VI в. (Воронцов, 2016. С. 226–227). Фрагменты четырех сосудов относятся к горшкам с так называемым удлиненным уступом, как бы «постепенно превращающимся» в ребро в месте перехода от плеча в тулово (рис. 3, 2). Схожая керамика встречена на городище Акиньюшино в постройке № 5 начала VI в. и в скоплении № 2, датированном первой половиной VII в. (Там же. 2016. Рис. 11, 14; 16, 4). Фрагменты двух сосудов можно отнести к типу VI, датированному концом IV — V в. н. э. (рис. 3, 6). Фрагменты восьми сосудов можно идентифицировать с керамикой, также бытовавшей на городище Акиньюшино (рис. 3, 3, 10). Это слабопрофилированные горшки, из которых два имеют бороздку, два — бороздку со слабо выраженным уступом, один — бороздку и скругленный уступ. Схожая керамика происходит из постройки № 3 городища, датированной концом V в. н. э. (Там же. 2016. Рис. 7, 3, 6–8, 11). Мисковидные сосуды представлены 18 фрагментами (рис. 3, 3); один имел бороздку. Они аналогичны мискам типа IV мощинской культуры, которые суммарно датируются III–V вв. н. э. (Воронцов, 2013. С. 25, 29, 37, 41).

Посуда, схожая с найденной на Троице 1, известна в небольшом количестве в верхних слоях

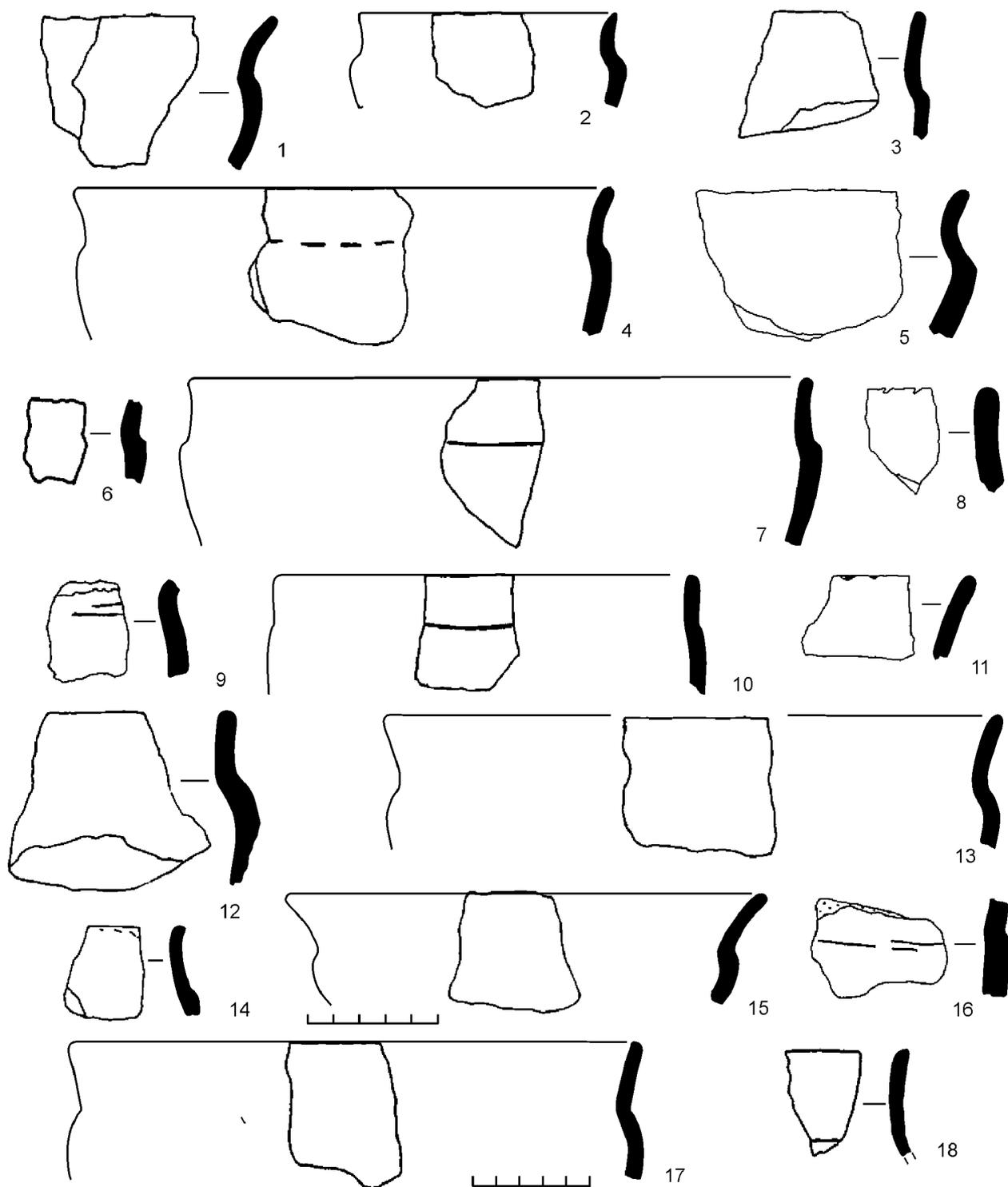

Рис. 3. Керамика Мстинско-Моложских памятников: 1-15 — селище Троица 1; 16-18 — селище Овсище 1
 Fig. 3. Pottery from Msta-Mologa sites: 1-15 — settlement of Troitsa 1; 16-18 — settlement of Ovsishche 1

позднелазаревских городищ Москворечья (*Кренке*, 2011. С. 117, 120). На поселениях, расположенных по берегам и в бассейне Верхней Волги (в том числе на городище Орлов Городок), выделяется особый культурно-хронологический горизонт конца IV — V в., где подобная керамика преобладала или господствовала (*Исланова*, 2010. С. 204–206; 2011. С. 9, рис. 3; 4).

Находки обломков не менее чем четырех сосудов, аналогичных керамике расположенного поблизости предсопочного селища Юрьевская Горка, являются для Троицы 1 исключением. В этой связи следует упомянуть, что на самой Юрьевской Горке помимо господствовавшей там керамики встречено семь фрагментов «инокультурных» горшков, аналогичных бытовавшим на Троице 1 (рис. 4, 1–7) (*Исланова*, 1997. Рис. 40, 4–6). Эти фрагменты обнаружены преимущественно в прибрежных частях исследованного селища: в ямах, относящихся к разным постройкам, и около построек. Такое местонахождение фрагментов указывает на отсутствие здесь культурного слоя или строения, с которым была бы связана подобная керамика. Поэтому можно допустить, что на заключительном этапе существования поселения Троица 1 (в конце V — начале VI в. н. э.) имели место реальные контакты между населением селищ, отстоявших друг от друга на 2,5 км и относившихся к разным культурным группам.

На данный момент селище Троица 1 можно датировать по вещевому и керамическому материалу концом IV — началом VI в. н. э.

Еще одно поселение со схожей керамикой — селище Овсище 1 — расположено в 22 км к югу от селища Троица 1. Этот многослойный памятник приурочен к высокому (8–9 м) правому берегу р. Волчина (рис. 1). Ориентировочная площадь поселения — 260 × 50–100 м. Большая часть его разрушена при сооружении насыпей культуры псковских длинных курганов (могильника Овсище 1), а затем при вырубке и лесопосадке в 50-е гг. XX в. Исследования на селище проводились в 1985, 1986, 1989, 1996, 1998 и 2006 гг. (*Исланова*, 2006. С. 15). Всего вскрыто около 40 кв. м слоя.

Культурный слой середины I тыс. н. э. имел мощность 0,1–0,4 м; он зафиксирован в небольшом рекогносцировочном раскопе и шурфах в межкурганном пространстве, а также под курганом, раскопанным в 1986 г. Наиболее сохранившийся участок селища был исследован именно под курганной насыпью. Оттуда происходят

обломок железного ножа, 14 фрагментов сосудов с лощеной и подлощенной поверхностью, 47 фрагментов горшков со слабошероховатой поверхностью и два фрагмента с шероховатой поверхностью из-за примесей дресвы в глиняном тесте. Обломки верхних частей горшков имели длинную прямую шейку (рис. 3, 17, 18) (*Там же*. 2006. С. 94, рис. 23; 24). За исключением двух сосудов, видимо, типа IV (по А. М. Воронцову) (рис. 3, 17), форма остальных неясна. Из раскопа в западной части многослойного поселения происходят фрагменты верхней части двух сосудов, один из которых имеет слабый уступ и бороздку в месте перехода от шейки к уступу (рис. 3, 16).

В остальных случаях мы можем говорить главным образом о дериватах посуды, бытовавшей на селищах Мстинско-Моложской группы. Таковые встречены на поселениях и в курганах КПДК: селища Глыби 2, Городок 1, могильники Чамка, Городок 8, Шихино (рис. 1) (*Исланова и др.*, 2017. С. 129, рис. 6, 9, 10, 12, 13). Эти памятники локализуются в разных микро-регионах бассейнов Мсты и Волги. Не вполне ясна культурная принадлежность грунтового могильника Норфино, где в погребении по обряду кремации найден сосуд с бороздкой под шейкой (*Исланова*, 2006. Рис. 87, 2) — то есть с оформлением, встреченным на посуде Мстинско-Моложской группы.

Особого внимания заслуживает керамика из нескольких курганов могильника КПДК Шихино, расположенного в 12 км от селища Овсище 1, ниже по течению р. Волчина. Высокую прямую шейку — характерный элемент оформления керамики — имеет урна из кургана № 16 могильника Шихино (рис. 4, 11). Почти полностью аналогична ей урна из кургана № 1 (рис. 4, 9). Сохранившийся во фрагментах другой сосуд из того же кургана имел лощеную поверхность. Последнее совершенно нехарактерно для керамики из погребений КПДК, хотя по форме сосуд близок этой культуре (рис. 4, 8). Процесс модификации мстинско-моложской керамики (или так называемого мощинского круга) фиксируется и на примере урны из кургана № 2 могильника Шихино. Этот сосуд имеет не менее трех разных профилей верхней части: «переход» от слабо отогнутой длинной шейки — к короткой шейке с длинным пологим плечом (рис. 4, 10).

Наличие модифицированной керамики в раннесредневековых погребальных памятниках позволяет предположить, что население Мстинско-

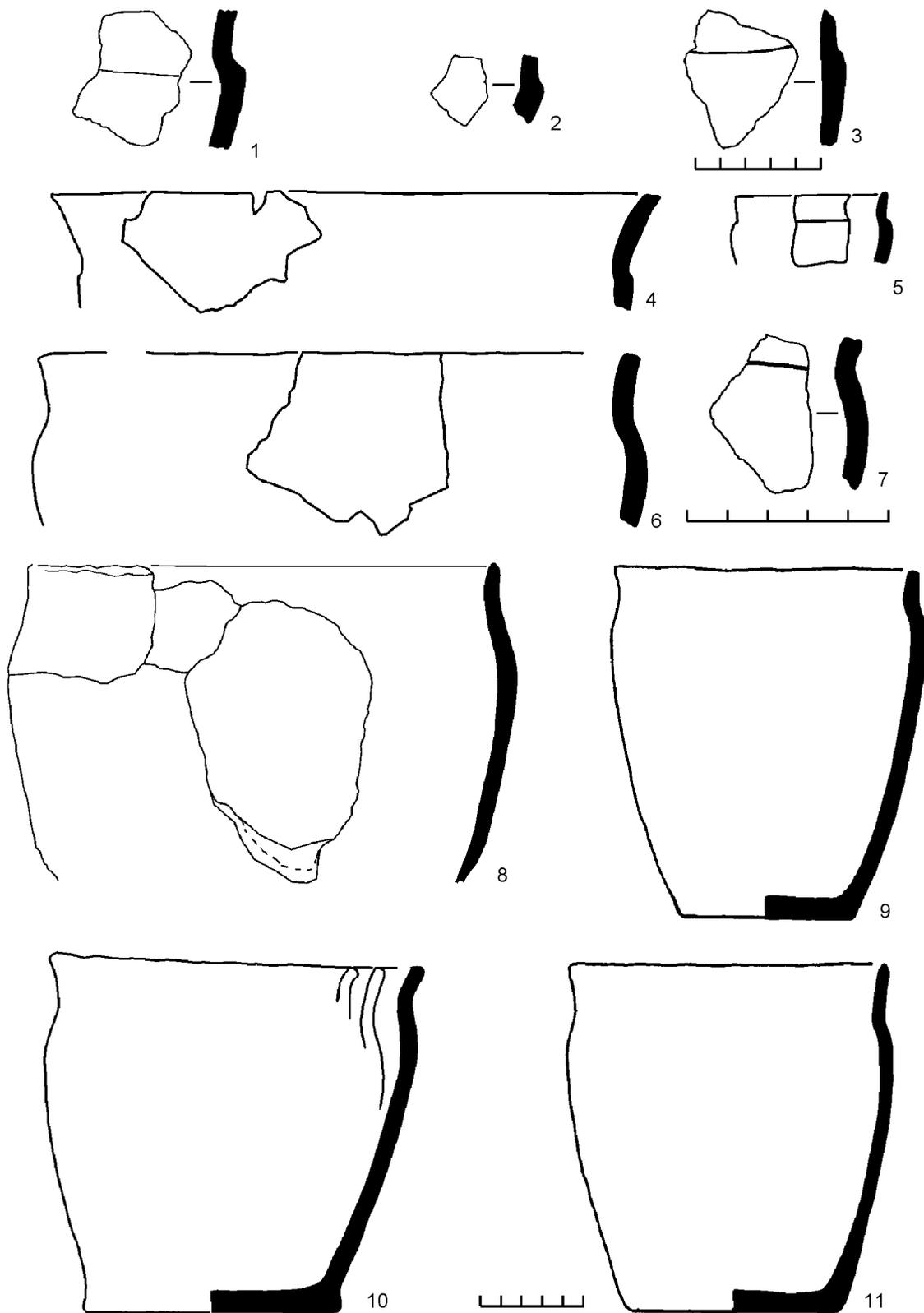

Рис. 4. Керамика Мстинско-Моложской группы и ее дериваты: 1-7 — керамика с селища Юрьевская Горка; 8-11 — керамика из погребений могильника культуры псковских длинных курганов Шихино

Fig. 4. Pottery from Msta-Mologa sites and its derivatives: 1-7 — pottery from the settlement-site of Yuryevskaya Gorka; 8-11 — pottery from burials of the cemetery of Shikhino of the Culture of Pskov long barrows

Моложской группы оказало определенное культурное влияние на формирование в регионе древностей КПДК, а затем растворилось в массиве этой раннесредневековой культуры.

Выделяются следующие характерные признаки для памятников Мстинско-Моложской группы:

1) в вещевом материале значительное место занимают грузики дьякова типа и пластинчатые кресала с петлевидным завершением;

2) в керамическом комплексе доминируют гладкостенные сосуды, схожие с посудой мощинской культуры — горшки типов IV, V и миски типа IV (по А. М. Воронцову);

3) орнаментированная керамика единична, что характерно для поздних мощинских памятников;

4) в отличие от древностей мощинской культуры, отсутствуют цилиндрические миски и сковороды;

5) на поселениях нет элементов материальной культуры предшествующего периода, известных на данной территории;

6) фиксируются контакты с населением появившихся поблизости раннесредневековых предпочных памятников и КПДК.

Закономерно возникает вопрос о происхождении Мстинско-Моложской группы памятников и о ее месте среди древностей Волго-Балтийского водораздела. Связь с предшествующими древностями отсутствует: на селище Троица 1 нет форм посуды, характерных для позднедьяковских поселений II–IV вв. н. э. типа Варварина Гора, хотя такие

памятники (селища Ряд 3 и Гарусово 2) известны поблизости — в 3 и 5 км — на противоположном северо-восточном берегу озера Удомля. В то же время на этих поселениях не обнаружено керамики, бытовавшей на Троице 1 (Исланова, 2017. С. 127). Таким образом, в Удомельском Поозерье не прослеживаются никаких контактов или преемственности между населением двух указанных культурно-хронологических групп древностей. По-видимому, население Троицы 1 пришло в данный регион извне, уже после прекращения жизни на селищах типа Варварина Гора. В свою очередь, жизнь на нем прекращается спустя некоторое время (в начале VI в.) после возникновения поблизости предпочного селища Юрьевская Горка.

Отсутствие ряда существенных признаков, характерных для памятников мощинской культуры (цилиндрические миски, сковороды, глиняные пряслица с широким отверстием), в купе с отсутствием указанных элементов и на позднедьяковских поселениях Верхней Волги и ее бассейна (Исланова, 2010) позволяет предполагать, что исходным регионом для населения Мстинско-Моложской группы являлся именно позднедьяковский ареал. Это предположение как будто подтверждается находками так называемой керамики мощинского круга и пластинчатых кресал с петлей в верхних позднедьяковских культурных слоях городищ Орлов Городок и Анниково, расположенных на р. Могоча в бассейне Мологи, левого притока Волги (фонды ТГОМ).

Воронцов, 2013 — Воронцов А. М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела / Ред. И. О. Гавритухин. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово Поле», 2013 (Историко-археологические исследования региона Куликова Поля; Вып. 1). 173 с.

Воронцов, 2016 — Воронцов А. М. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н. э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М.: ИА РАН, 2016 (РСМ; Вып. 17). С. 221–260.

Голубева, 1965 — Голубева Л. А. К истории пластинчатых огней Восточной Европы // Новое в археологии. М.: Наука. С. 257–260.

Исланова, 1997 — Исланова И. В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 302 с.

Исланова, 2006 — Исланова И. В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: Тверской государственный университет, 2006. 286 с.

Исланова, 2008 — Исланова И. В. Городище Отмищи / Ред. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2008 (РСМ; Вып. 11). 283 с.

Исланова, 2010 — Исланова И. В. Культурная принадлежность древностей середины I тыс. н. э. Верхнего Поволжья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: Конференция 2. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. Ч. 1. С. 203–217.

Исланова, 2011 — Исланова И. В. Керамика городища Орлов Городок (Молоковский район Тверской области) // ТАС / Ред. И. Н. Черных. Тверь: Издательство «Триада», 2008. Вып. 8, т. II. С. 81–120.

Исланова, 2017 — Исланова И. В. Позднедьяковские поселения типа Варварина Гора // РА. 2017. № 2. С. 118–129.

Исланова и др., 2017 — Исланова И. В., Лагуткина Е. В., Лагуткин А. В. Поселение эпохи Великого переселения народов Троица 1 на озере Удомля (по материалам 1984, 1985, 1987, 2002 и 2003 гг.) // РА. 2017. № 3. С. 124–134.

- Конечкий*, 2007 — *Конечкий В. Я.* Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе: итоги и перспективы изучения // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник / Ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 256–267.
- Кренке*, 2011 — *Кренке Н. А.* Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. / Ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2011. 546 с.
- Магомедов*, 2001 — *Магомедов Б. В.* Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: UMCS, 2001. 290 с.
- Михайлова*, 2014 — *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 436 с.
- Розенфельдт*, 1982 — *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. / Ред. К. А. Смирнов. М.: Наука, 1982. 180 с.
- Смирнов*, 1971 — *Смирнов К. А.* К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie / Ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука, 1971 (МИА; № 184). С. 80–98.
- Смирнов*, 1974 — *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Краснов Ю. А. Дьяковская культура. М.: Наука. 1974. С. 7–89.
- Jonakowski*, 1996 — *Jonakowski M.* Komplet narzędzi do krzesania ognia w kulturze przeworskiej ze szczególnym uwzględnieniem krzesiw sztabkowatych // Concordia / Ed. W. Nowakowski. Warszawa: Zakład poligraficzny, 1996. S. 93–104.

Msta-Mologa group of antiquities of the mid-1st millennium AD at the Volga-Baltic watershed

I. V. Islanova

The questions of the ethnocultural belonging of early mediaeval groups of sites in the forest zone of Eastern Europe are impossible to solve without a consideration of the precedent antiquities representing the culture of the local population. On the basis of the studies of settlements of the mid-1st millennium AD and ceramic evidence from sites of the culture of the Pskov Long Barrows (PLBC), a new group of antiquities has been identified.

This group received its name, Msta-Mologa, because of the geographic situation of the sites (Fig. 1). They are located in the basins of two large rivers: Msta and Mologa (left tributary of the Upper Volga). The type site is the settlement of Troitsa 1. The buildings were here of the surface type, probably log-houses with under-floor pits. The heating appliances were hearths or stone stoves. Among the artefacts from the settlement-site, clay sinkers of the Dyakovo type predominate; also fairly numerous lamellar iron fire strikers with loop-shaped ends are found (Fig. 2, 1–4, 6–13).

The main marker of the Msta-Mologa group of sites is represented by the mass pottery materials (Fig. 3). These are fragments of handmade vessels with a slightly rough or carefully smoothed and polished outer surface. Almost all the pottery found is similar to the ware of the Moshchiny culture as well as to that from the upper levels of the late Dyakovo sites of the Moskva River and Upper Volga regions. On the basis of the pottery and artefacts, the site is dated to the late 4th — early 6th century AD.

The second site with similar pottery types is the unfortified settlement of Ovsishche 1 situated 22 km farther on the bank of the Volchina River. The cultural layer of this site dated to the mid-1st millennium AD was found beneath an excavated mound of PLBC and in the cemetery area between the kurgans of the same culture.

Derivatives of the Msta-Mologa pottery have been retrieved from settlements and burials of PLBC (Fig. 4, 8–11). The presence of the ceramics of this type there suggests a cultural influence of the people of the Msta-Mologa group upon the formation of PLBC antiquities in this region.

The Msta-Mologa population appeared after the cessation of life at the late Dyakovo settlements of the Varvarina Gora type. Neither cultural contacts nor any continuity are traceable between the culturally differing antiquities. The region of the Upper Oka, where the sites of the Moshchiny culture are situated, cannot have been the source of the population of the Msta-Mologa group. Indeed, the latter did not use the widespread in the Moshchiny culture bowls with a cylindrical top, clay frying pans or clay spindle-whorls with a broad hole. The new population possibly moved to the Volga-Baltic watershed. The ceramic and artefact repertoire closest to the Msta-Mologa sites is known at sites of the late Dyakovo culture in the basin of the Upper Volga wherefrom the new residents can actually have moved.

О расселении славян в лесной зоне Восточной Европы: предметы раннесредневекового убора дунайского происхождения (VI–IX вв.)

М. М. Казанский¹

Аннотация. Статья представляет собой обзор предметов убора (фибулы, браслеты, серьги, подвески, поясная гарнитура) дунайского происхождения конца VI — раннего IX в., обнаруженных на памятниках лесной зоны России и Беларуси. Общеизвестно, что в традиционных обществах женский костюм довольно консервативен. Предметы мужского убора, например поясная гарнитура, как правило, отражают «воинскую» моду и представляют интерес для лучшего понимания культурно-политической ориентации, а значит, и военно-политической истории древнего населения. Распространение дунайских вещей, скорее всего, отражает продвижение в лесную зону новой волны славянских переселенцев из Центральной Европы.

Annotation. This paper is a review of ornamental objects (brooches, bracelets, earrings, pendants, belt fittings) of the Danubian provenance of the late 6th — early 9th century, revealed at sites of the forest zone of Russia and Belorussia. It is commonly known that in traditional societies, female costume is fairly conservative. Items of the men's decoration, e.g. belt mounts, reflect, as a rule, the 'military' fashion and are of interest for a better understanding of the cultural and political orientation, and hence of the military-political history of the early people. The spread of Danubian objects, most probably, reflects the propagation of a new wave of Slavic settlers from Central Europe to the forest zone.

Ключевые слова: лесная зона, дунайское влияние, славяне, расселение.

Keywords: forest zone, Danubian influence, Slavs, settlement.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-258-271

Проблема появления и расселения славян в лесной зоне Восточной Европы уже давно является предметом дискуссии. Одни исследователи, точку зрения которых я в целом разделяю, считают, что предки славян занимали эти территории уже в римское время (Третьяков, 1970. С. 15–70; Третьяков, 1982. С. 51–91; Godłowski, 1983). Речь идет о памятниках типа Заозерье и других археологических группах, восходящих к постзарубинецким древностям (Лопатин, Фурасьев, 2007). Другие полагают, вслед за В. В. Седовым (Седов, 1970. С. 44–48), что население лесной зоны, включая и носителей постзарубинецких культурных традиций, в римское время и в эпоху переселения народов было балтским (например, Русанова,

1976. С. 56–84; Митрофанов, 1978; Шмидт, 2003)². Но все признают, что с VII–VIII вв. славяне проживают в лесной зоне на территории России и Беларуси. Сюда продвигаются группы выходцев с Дуная, и их присутствие выражено в распространении вещей дунайского происхождения. Предполагается, что эти события и нашли отражение в известном рассказе ПВЛ о расселении славян (Минаян, 1978, 1982; Мачинский, Мачинская, 1988; Мачинская, 1990; Седов, 1995. С. 88–90, 236, 237; Kazanski, 2000, 27–37)³.

² Впоследствии В. В. Седов характеризовал постзарубинецкое население как переходное, с точки зрения лингвистики, от славян к западным балтам (Седов, 1994. С. 219).

³ Сам факт прихода новых групп славянских переселенцев с юга ни в коей мере не противоречит гипотезе о проживании в лесной зоне более ранних групп

¹ Centre National de la Recherche Scientifique; UMR 8167 «Orient et Méditerranée», 52, rue du cardinal Lemoine, 75005-Paris, France; E-mail: michel.kazanski53@gmail.com.

В этой статье будет предложен обзор предметов убора дунайского происхождения конца VI — раннего IX в., обнаруженных на памятниках лесной зоны, точнее на территории России и Беларуси (рис. 1), причем не только на тех, что считаются в той или иной степени славянскими (памятники Верхнего Поднепровья с колочинской керамикой, культура псковских длинных курганов, культура смоленских длинных курганов). Такая работа мною уже предпринималась (Kazanski, 2000. P. 27–37), однако новые материалы и исследования требуют уточнения, а иногда и пересмотра некоторых ранее сделанных выводов. Рамки работы ограничены предметами личного убора, в первую очередь женского, поскольку общеизвестно, что в традиционных обществах женский костюм довольно консервативен. Что же касается предметов мужского убора, например, поясной гарнитуры, то они, как правило, отражают «воинскую» моду и представляют интерес для лучшего понимания культурно-политической ориентации, а значит, и военно-политической истории древнего населения.

Малые пальчатые фибулы

Среди вещей дунайского происхождения в первую очередь надо назвать малые (менее 10 см длиной) пальчатые фибулы различных типов, появляющиеся во второй половине — конце VI в. и более всего типичные для VII в. (рис. 2). На Дунае и Балканах они использовались разными народами, поскольку встречены на славянских, аварских, гепидских памятниках, а также в греческом археологическом контексте. В заметном количестве малые фибулы попадают в Восточную Пруссию и в Среднее Поднепровье, где, возможно, возникает их местное производство (Werner, 1950; Гаврилухин, 1991; Vagalinski, 1994; Katsougiannopoulou, 2009; Curta, 2012). Однако в лесную зону Восточной Европы из всех этих людей в заметном количестве попали только славяне. Поэтому у нас есть все основания связывать распространение этих фибул в интересующем нас регионе, прежде всего, с передвижениями славянских групп из Центральной Европы, в меньшей степени из Среднего Поднепровья.

Тип Вернер IC — Марош-Гымбаш-Пергамон. Фибула из погребения № 913 финского некрополя

славянского или балто-славянского населения, возможно, славянами себя и не осознававшего, но в культурном плане очень близкого своим южным родственникам.

Шокша (рис. 2, 1), в бассейне Оки, на границе степной и лесостепной зон (Седов, 1995. Рис. 31, 8; Ахмедов, Гаврилов, 2017. С. 78–80, рис. 3, 1) принадлежит типу Вернер IC — Марош-Гымбаш-Пергамон (Maros-Gâmbaş-Pergamon) (Werner, 1950. S. 153; Гаврилухин, 1991. С. 130–135; Curta, 2008; Curta, 2011; Hilberg, 2009. Abb. 8, 4), что соответствует типу Вагалинский L-II (Vagalinski, 1994. S. 271, 272). Фибула из Шокшовского могильника занимает особую типологическую позицию и имеет также элементы днепровских фибул (Ахмедов, Гаврилов, 2017. С. 80). Фрагмент фибулы того же типа найден на Тереховском городище (рис. 2, 2), также на южной кромке лесной зоны, впрочем допускается и ее близость типу Вернер IF Смела-Добого (Dobogo) (Ахмедов, Гаврилов, 2017. С. 80, 81, рис. 4, 1). Еще один фрагмент фибулы типа Марош-Гымбаш-Пергамон был найден в Клецком районе Минской области (рис. 2, 3) (Curta, 2011. P. 75, № 37).

Фибулы этого типа распространяются в основном в Карпатах и к северу от Нижнего Дуная до Днестра. Они также попадают в Малую Азию, Восточную Пруссию и Среднее Поднепровье. Данный тип представлен, в частности, на славянском могильнике Сарата-Монтеору (Sărata-Monteoru) на Нижнем Дунае и на славянском поселении Черновка на Днестре, но также и в аварском контексте Среднего Дуная (Curta, 2008; Curta, 2011; Vagalinski, 1994. S. 271, 272, fig. 3).

Датировка этого типа фибул устанавливается по закрытым комплексам ольштынской группы балтских древностей в Мазурском Поозерье и Карпатского бассейна. В погребении № 68 балтского могильника Тумяны (Tumiany/Daumen) такая фибула была найдена с поясом периода E2b западнобалтской хронологии (570–610/625 гг.) (Jakobson, 2009. Taf. 43, a), на могильнике Келары (Kielary/Kellaren) в погребении № 13 фибула сопровождалась подвеской с цепочками также периода E2b (Jakobson, 2009. Taf. 119, a, 1). К этому же периоду относится и погребение № 30 могильника Келары, содержавшее помимо фибулы характерные элементы пояса (Jakobson, 2009. Taf. 135, a), а также погребение № 100 того же могильника, где помимо фибулы была найдена типичная для этого периода пряжка (Ibid. Taf. 182, a). В Карпатском бассейне показательны находки в гепидском могильнике Братей (Bratei) 3 в погребении № 113 с пряжкой типа Сучидава, хорошо датированной второй половиной VI в. (Гаврилухин, 2005. С. 430). К более позднему времени относится

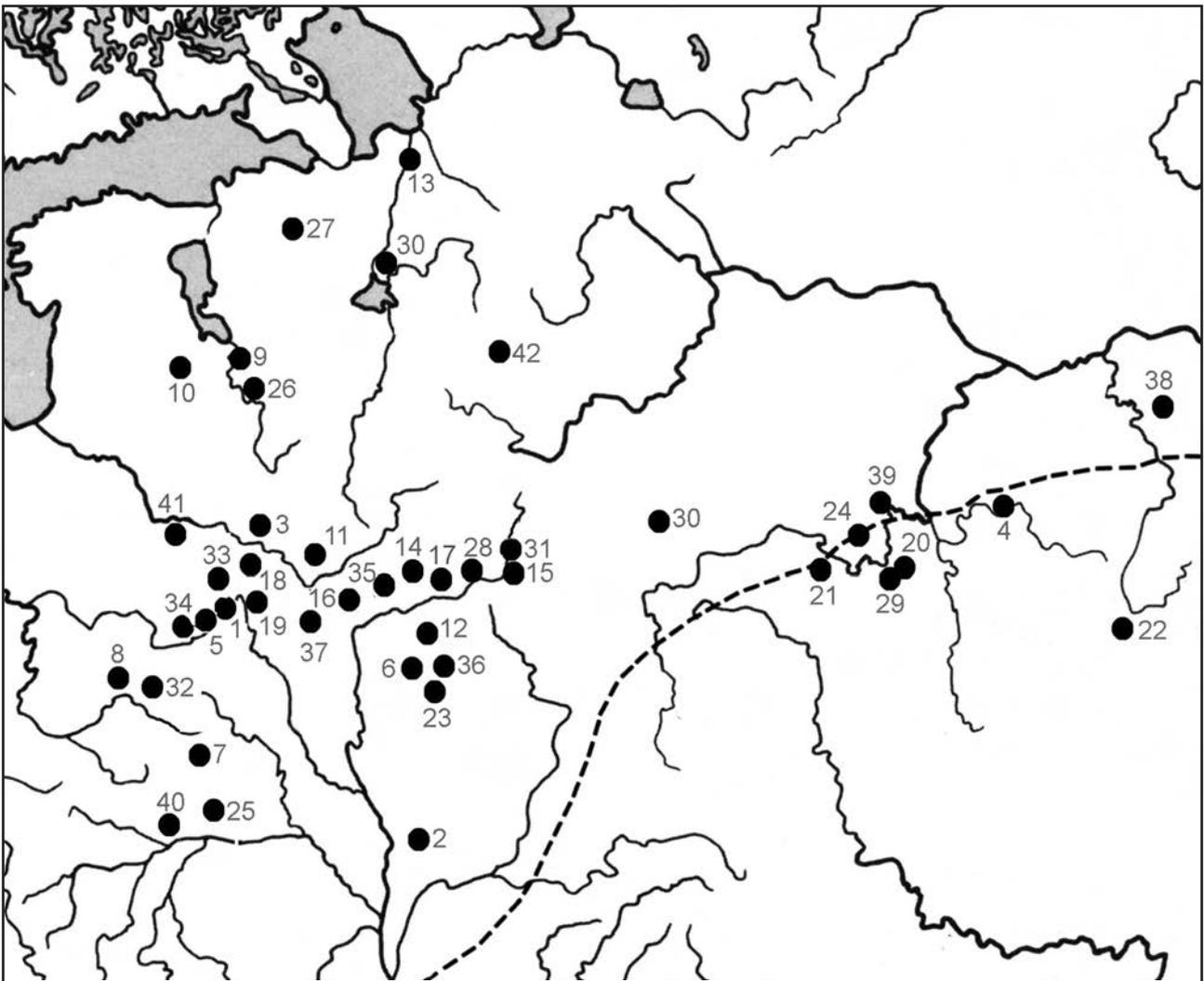

Рис. 1. Карта находок предметов убора дунайской традиции в лесной зоне России и Беларуси: 1 — Дедиловичи; 2 — Гомель; 3 — Борки; 4 — Шокша; 5 — Микольцы; 6 — Никодимово; 7 — Клецкий район Минской области; 8 — Городище; 9 — Псков; 10 — Изборск — Труворово городище; 11 — Бескатово; 12 — Цурковка; 13 — Старая Ладога; 14 — Акатово; 15 — Лопино; 16 — Лужасна; 17 — Дроково; 18 — Язно; 19 — Лукомль; 20 — Надеино; 21 — Рязанская область; 22 — Армиево; 23 — Слобода Глушица; 24 — Касимовский уезд; 25 — Курадово-1; 26 — Камно; 27 — Которск; 28 — Купники; 29 — Терехово; 30 — Прость; 31 — Хатынь; 32 — Сосенка; 33 — Некасецк; 34 — Засвирь; 35 — Заозерье; 36 — Арефино; 37 — Еленово; 38 — Селикса; 39 — Кораблино; 40 — Городище (на Ясельде); 41 — Прудники; 42 — Вышки (Гавриутухин, 1997; Kazanski, 2000, с дополнениями и модификациями). Учитывая масштаб карты, локализация археологических памятников приближительна

Fig. 1. Map of findspots of ornaments in the Danubian tradition from the forest zone of Russia and Belarus: 1 — Dedilovichi; 2 — Gomel; 3 — Borki; 4 — Shoksha; 5 — Mikol'tsy; 6 — Nikodimovo; 7 — Kletsk district of Minsk oblast; 8 — Gorodishche; 9 — Pskov; 10 — Izborsk / Truvorovo Gorodishche; 11 — Beskatovo; 12 — Tsurkovka; 13 — Staraya Ladoga; 14 — Akatovo; 15 — Lopino; 16 — Luzhasna; 17 — Drokovo; 18 — Yazno; 19 — Lukoml; 20 — Nadeino; 21 — Ryazan oblast; 22 — Armievo; 23 — Glushitsa sloboda; 24 — Kasimovsky uyezd; 25 — Kuradovo-1; 26 — Kamno; 27 — Kotorok; 28 — Kupniki; 29 — Terekhovo; 30 — Prost; 31 — Khatyn; 32 — Sosenska; 33 — Nekasetsk; 34 — Zasvir; 35 — Zaozerye; 36 — Arefino; 37 — Yelenovo; 38 — Seliksa; 39 — Korablino; 40 — Gorodishche (on the Yaselda); 41 — Prudniki; 42 — Vyshki (Gavriutukhin, 1997; Kazanski, 2000, with supplements and modifications). Considering the scale of the map, the localization of the archaeological sites is approximate

находка пары фибул в погребении № 3 могильника Марош-Гымбаш (Werner, 1950. Taf. 31, A; Curta, 2008. Fig. 14) с серьгами пастырского типа (о них см. далее) VII в.

Типы Вернер IA-IB — Неа-Анхиалос-Орля и Спарта-Линкунен-Кошовени. В бассейне Средней Оки, на пограничье степи и лесостепи, около Надеино (рис. 2, 5), обнаружена малая пальчатая фибула, точнее происхождение её неизвестно. Она соотносена с типами Вернер IA-IB — Неа-Анхиалос-Орля и Спарта-Линкунен-Кошовени (Nea Anchialos-Orlea, Sparta-Linkuhnen-Coşoveni) (Ахмедов, Гаврилов, 2017. С. 81, рис. 4, 2). Оба типа Ф. Курта объединяет в одну группу. И. Р. Ахмедов и А. П. Гаврилов полагают, что находка из Надеино представляет собой раннюю форму этой группы застёжек (Ахмедов, Гаврилов, 2017. С. 81). Данные фибулы распространены на Балканах и в Карпато-Дунайском регионе, известны в Восточной Пруссии и в Малой Азии (Werner, 1950. S. 150–152; Curta, 2005; Curta, 2012. P. 6, 7, 9, 11). Их датировка устанавливается по находке (скорее всего клад) в Кошовени де Жос (Coşoveni de Jos), судя по «пастырским» серьгам, скорее середины или второй половины VII в. (Werner, 1950. Taf. 32).

Тип Вернер IH — Пергамон-Тай-Зее. Малая пальчатая фибула найдена и на городище Никодимово (рис. 2, 6), погибшем в VII в. (Шмидт, 2003. Табл. 23, 6). Она, как и фибула неизвестного происхождения с Рязанщины (рис. 2, 4) (Ахмедов, Гаврилов, 2017. С. 81, 83, рис. 4, 3), принадлежит типу Вернер IH — Пергамон-Тай-Зее (Pergamon-Tei-See) (Werner, 1950. S. 154; Гавритухин, 1991. С. 130, 131; Curta, 2004; Hilberg, 2009. Abb. 8.6) или Вагалинский N-I (Vagalinski, 1994. S. 276–278, fig. 5), хотя рязанская фибула и не имеет полных аналогов. Возможно, ее следует выделить в отдельный вариант, близкий находке из Черкасского Бешкиня (Ахмедов, Гаврилов, 2017. С. 84). Наконец, близкая по форме и размерам гладкая фибула была найдена на южной окраине лесной зоны, в Гомеле (рис. 2, 7) (Kazanski, 2000. P. 27, fig. 6, 4, там же библиография).

Фибулы этого типа распространяются от Нижнего Дуная и Мазурского Поозерья до Среднего Поднепровья, спорадически попадают в Малую Азию, Среднее Поднепровье, Крым. Тип хорошо представлен на славянских (пеньковских и пражских) памятниках Дуная и Днестра, таких как Сарата-Монтеору, Горошева, Рашков, Сучава-Шипот (Suceava-Şipot), Ханска, Селиште (Гавритухин, 1991; Ахмедов, Гаврилов, 2017. С. 83, 84). Для датировки этих фибул важна находка

такой застёжки в некрополе аварского времени Замарди-Ретофелдек (Zamárdi-Rétöföldék) (Bárdos, Garam, 2009. Taf. 58, 467, 13), в погребении с «губчатой» пряжкой, поясом с растительным декором и накладным крестом, похожим на италолангобардские, что дает дату около 600–670 гг.

Тип Вернер ID — Пленица-Даумен. Малая пальчатая фибула из поселения Микольцы (рис. 2, 8) (банцеровско-тушемлинская культура) (Звяруга, 2005. Мал. 68.2) принадлежит типу Вернер ID — Пленица-Даумен (Plenița-Daumen) (Werner, 1950. S. 153; Curta, 2006⁴; Hilberg, 2009. Abb. 8.6) или Вагалинский O-I (Vagalinski, 1994. S. 279, 280, fig. 6). Фибулы этого типа в основном распространены на Среднем и Нижнем Дунае вплоть до бассейнов Прута и Днестра, попадают в Крым, Среднее Поднепровье и в Восточную Пруссию (см. карту распространения: Szmoniewski, 2017. Рис. 4).

Датирующее значение имеют находки в погребении № 30 уже упоминавшегося балтского могильника Тумяны вместе с поясом периода E2b (570–610/625 гг.) (Jakobson, 2009. Taf. 13, a), а также в погребении № 85 могильника Келары, также с поясом того же периода (Jakobson, 2009. Taf. 1789, a). Несколько более позднюю хронологию, VII в., имеет находка с пряжками типа Сиракузы в Эдессе (Edessa) в Греции (Curta, 2006. Fig. 6; Katsougianporoulou, 2009. Fig. 4). В крымском могильнике Лучистое в погребении № 4 склепа № 10 помимо фибулы была найдена и византийская пряжка типа Трапезунд (Айбабин, Хайрединова, 2008. Табл. 35, 1), отнесенная авторами публикации ко второй половине VII в. (Там же, 2008. Рис. 17, II). Мне кажется, что в данном случае и первая половина VII в. не исключена, судя по большим двупластинчатым фибулам и орлиноголовой пряжке из этого же горизонта данного склепа.

Браслет с расширяющимися полыми концами. Браслет с расширяющимися полыми концами найден в кургане 2 могильника Цурковка (рис. 3, 1) (Седов, 1974. Табл. 26, 21), в Верхнем Поднепровье, принадлежавшего культуре смоленских длинных курганов, обычно соотносимой с летописными кривичами. Эта находка уже была интерпретирована как дунайская (Мачинская, 1990. С. 56; Kazanski, 2000. С. 29). Действительно,

⁴ Мне кажется, что у Ф. Курты излишне широкое понимание типа Вернер ID — Пленица-Даумен. Например, № 56 из Трубчевска, как и ряд других фибул, к нему не имеет отношения.

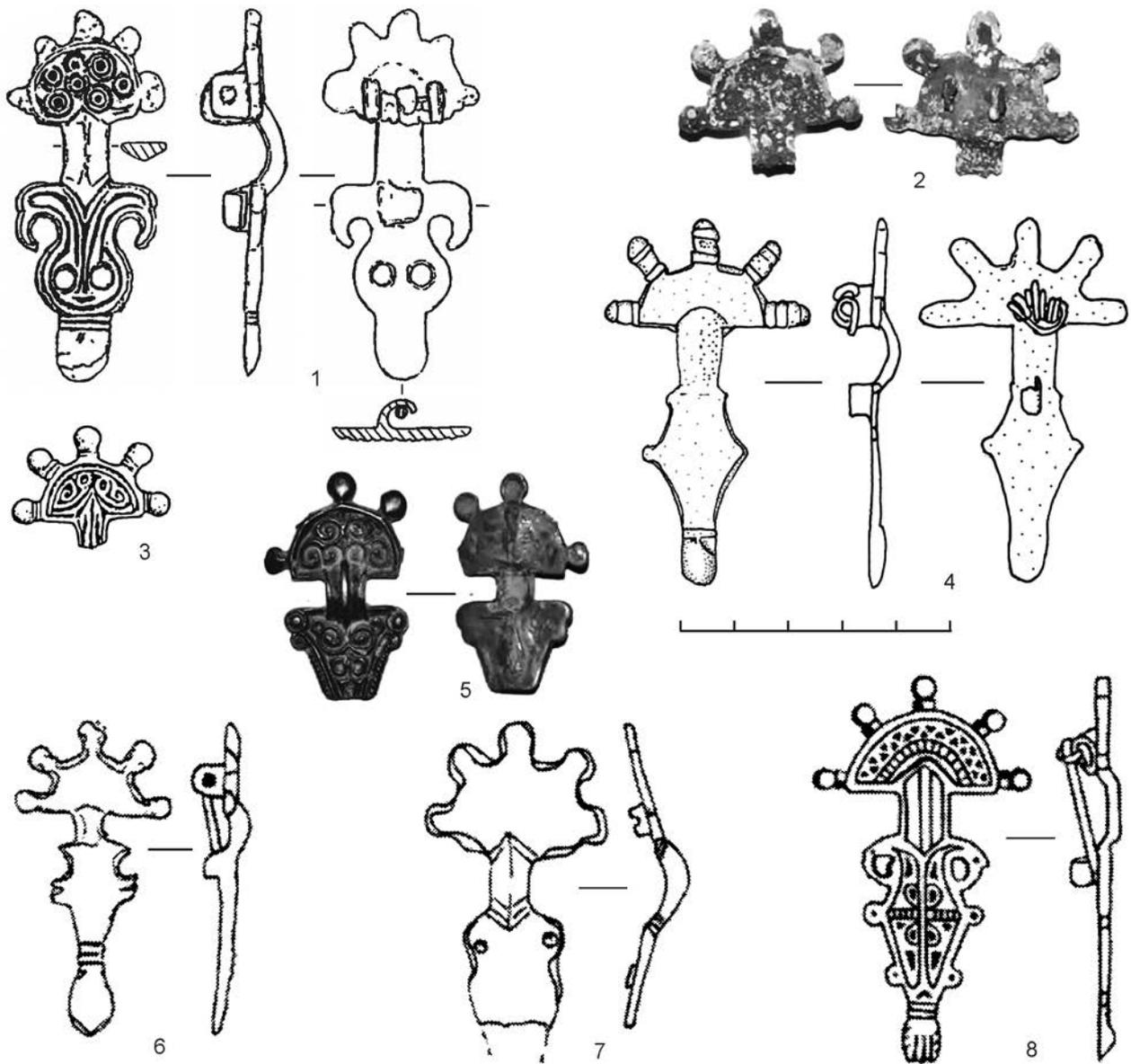

Рис. 2. Бронзовые фибулы дунайской традиции в лесной зоне Восточной Европы: 1 — Шокша, погребение № 913 (Ахмедов, Гаврилов, 2017. Рис. 3, 1); 2 — Тереховское городище (Ахмедов, Гаврилов, 2017. Рис. 4, 1); 3 — Клецкий район Минской области (Curta, 2012. Pl. 3, 37); 4 — Рязанская область (Ахмедов, Гаврилов, 2017. Рис. 4, 3); 5 — Надеино (Ахмедов, Гаврилов, 2017. Рис. 4, 2); 6 — Никодимово; 7 — Гомель 8 — Микольцы (6–8 — Kazanski, 2000. Fig. 6, 2–4). 3 — без масштаба

Fig. 2. Bronze brooches in the Danubian tradition from the forest zone of East Europe: 1 — Shoksha, burial no. 913 (Ахмедов, Гаврилов, 2017. Fig. 3, 1); 2 — Terekhov hillfort (Ахмедов, Гаврилов, 2017. Fig. 4, 1); 3 — Klets district of Minsk oblast (Curta, 2012. Pl. 3, 37); 4 — Ryazan oblast (Ахмедов, Гаврилов, 2017. Fig. 4, 3); 5 — Nadeino (Ахмедов, Гаврилов, 2017. Fig. 4, 2); 6 — Mikol'tsy; 7 — Nikodimovo; 8 — Gomel (6–8 — Kazanski, 2000. Fig. 6, 2–4, bibliography with reference to the sources ibid.). 3 — without scale

такие браслеты типичны для среднедунайского региона, где они зафиксированы как в зоне расселения славян, так и их соседей, например авар (см.: Svoboda, 1953. Obr. 86; Garam, 1992. S. 138, 139, taf. 13, 1, 2).

Браслеты с полыми концами также хорошо известны в Среднем Поднепровье. Они характерны здесь для днепровских кладов второй группы по классификации О. А. Щегловой (Щеглова, 1990). Они принадлежат византийской ювелирной

традиции (см.: Ross, 1965. № 179.G; Залесская, 2006. № 167, 168; Комар, 2010. С. 406–410). По находкам с монетами и характерными вещами в погребении № 2 аварского могильника Сентендре (Szentendre), в кладе из Земьянского Врбовока (Zemianský Vrbovok), в погребении Черкут (Cserkút) и в кладе в Харьевке полые браслеты в целом могут быть датированы 600/620 — 700/710 гг. (подробнее: Казанский, 2014. С. 68, 69, там же библиография).

Серьги

Серьги со звездчатой подвеской. Такая серьга была найдена на городище Никодимово (рис. 3, 2) (Шмидт, 2003. Табл. 24, 8). Подобные серьги явно византийского происхождения, иногда называемые серьгами «пастырского типа», широко распространены в VII в. как в Империи, так и у варваров, от Сицилии до Донца. Они известны и на славянских поселениях пеньковской культуры Семенки, Гайворон-Солгутов остров, в днепровских кладах второй хронологической группы (вторая половина VII — ранний VIII в.) (многочисленные примеры: Корзухина, 1996), на славянских памятниках Нижнего Дуная (см: Хрисимов, 2015. Рис. 14, 4), а также у авар. В частности, большое количество таких серег происходит из некрополя Тисафюред (Tiszafüred), возникшего около середины VII в. Однако в карпатском регионе такие серьги известны и ранее, как свидетельствует уже упомянутое погребение Черкут с вещами второй половины VI — самого начала VII в. Попадают звездчатые серьги и к славянам Среднего Дуная, как об этом свидетельствуют находки, в частности, из Бржецлав-Поганско (Břeclav-Pohansko), Краловски Хльмец (Královský Chl'mec) или Халич (Halič) (Profantová, 1992. Taf. 11, B, 39; B, 46, 12–15; Profantová, 2008. S. 225, fig. 4A; Профантова, 2015. Рис. 5, 8). В то же время они есть и в уже упоминавшемся позднем кладе в Харьевке, а также в древностях Первого Болгарского царства. Поэтому в целом эти украшения могут иметь широкую дату, охватывающую время от первой половины VII до VIII в. (подробнее: Казанский, 2014. С. 56, 57, там же библиография).

Проволочные серьги с завитком на конце. Проволочные серьги небольшого размера с завитком на конце обнаружены в Старой Ладогe (рис. 3, 3), в том числе в древнейших слоях VIII в., а также в большом кургане у деревни Лопино, на противоположном берегу Волхова (Кирпичников, 1985. С. 17, 18, рис. 7; Давидан, 1995. С. 156, рис. 1, 13; Кирпичников,

Курбатов, 2014. С. 131) и в могильнике культуры псковских длинных курганов Которск IV, в кургане № 1, погребении № 2 (рис. 3, 4) (Михайлова, 2014. С. 103, рис. 24, 6). Подобные кольца известны и в могильниках смоленских длинных курганов Слобода Глушица, курган № 1 (рис. 3, 5), Купники, курган № 3 (Шмидт, 1963. Рис. 3, 16; Давидан, 1995. С. 156; Михайлова, 2014. С. 104). Один экземпляр, предположительно VIII в., происходит из городища Камно. Такие кольца известны на Труворовом городище и на поселении Прость на Волхове (Михайлова, 2014. С. 104, там же библиография). Надо процитировать и находку кольца с завитком в сопкообразной насыпи Мерлугино в Удомельском Поозерье (Исланова, 1997. Рис. 159, 1). В лесной зоне имеются и более поздние находки, относимые к IX–X вв. (Kazanski 2000, 35; Михайлова, 2014. С. 103–105). Исследователи справедливо указывают на южное происхождение этих серег (Кирпичников, 1980. С. 452, 453). Действительно, в южной части зоны славянского расселения проволочные серьги с завитком отмечены на поселении пеньковской культуры Семенки на Южном Буге (Хавлюк, 1974. Рис. 11, 1). Такие серьги хорошо известны и в Карпатском бассейне, в частности на славянских и гепидских памятниках (например: Станчу, 2015. С. 172, рис. 5, 2). Отметим также золотой экземпляр из Оломоуц-Повел I (Olomouc-Povel I), относящийся к среднеаварскому периоду (Profantová, 2008. S. 223, fig. 10). Видимо, не позднее второй половины VII в. на базе сережек с завитком появляются хорошо известные серьги с S-видным завитком, широко распространенные у славян Дуная и Балкан, а также у авар (о них см.: Седов, 1995. С. 31–35, 120, рис. 11–13, 40, 10, 11). В восточноевропейском контексте ранняя серьга с S-видным завитком, возможно представляющая переходную форму от более ранних с простым завитком, известна в Зайцевском кладе на Харьковщине, в контексте второй половины VII — начала VIII в. (Корзухина, 1996. Табл. 106, 4). Отметим, что и серьги с простым завитком в древностях Центральной Европы существуют по меньшей мере до IX–X вв. (см. например: Szóke, 1992. Abb. 1, taf. 30, 74.2; 31, 101.2,3; 37,10).

Пластинчатые подвески

Округлые пластинчатые подвески. В лесной зоне округлые пластинчатые подвески со штампованным декором были найдены в Ладогe, в горизонте 810–840 гг. (рис. 3, 6), а также на могильнике культуры смоленских длинных курганов

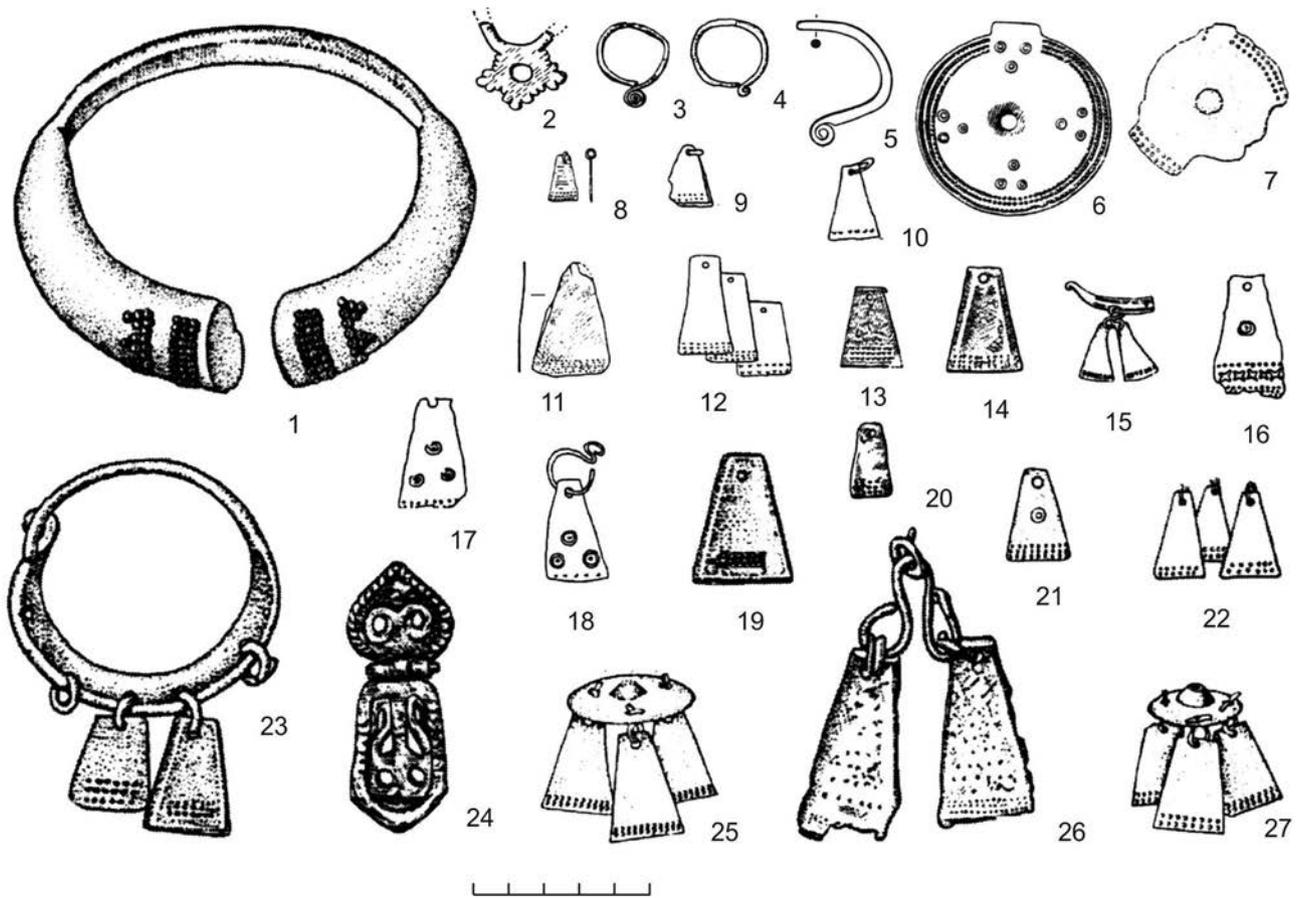

Рис. 3. Бронзовые элементы убора дунайской традиции в лесной зоне Восточной Европы: 1, 19, 23, 24 — Цурковка, курган № 2; 2 — Никодимово (Шмидт, 2003. Табл. 24, 8); 3, 6 — Старая Ладога; 4 — Которск IV, курган № 1, погребение № 2 (Михайлова, 2014. Рис. 24, 6); 5 — Слобода Глушица, курган № 11 (Шмидт, 1963. Рис. 3, 16); 7 — Еленово; 8 — Городище; 9 — Дьяково; 10 — Касимовский уезд; 11 — Лужасна; 12 — Сосенка; 13 — Акатово; 14 — Лопино, курган № 3; 15 — Бескатово, курган № 1; 16 — Дедиловичи; 17 — Арефино; 18 — Некасецк; 20 — Псков; 21, 27 — Микольцы; 22 — Армиево; 25 — Банцеровщина; 26 — Дроково, курган 3. 1, 3, 6–27 — Kazanski, 2000. Fig. 6, 5–16, 23, 24, 26–34; 9, 4; 10, 1, 3

Fig. 3. Bronze elements of decoration in the Danubian tradition from the forest zone of Eastern Europe: 1, 19, 23, 24 — Tsurkovka, barrow no. 2; 2 — Nikodimovo (Шмидт, 2003. Pl. 24, 8); 3, 6 — Staraya Ladoga; 4 — Kotorak IV, barrow no. 1, barrow no. 2 (Михайлова, 2014. Fig. 24, 6); 5 — Sloboda-Glushitsa, barrow no. 11 (Шмидт, 1963. Fig. 3, 16); 7 — Elenovo; 8 — Gorodishche; 9 — Dyakovo; 10 — Kasimov uyezd; 11 — Luzhasna; 12 — Sosenska; 13 — Akatovo; 14 — Lopino, barrow no. 3; 15 — Beskatovo, barrow no. 1; 16 — Dedilovichii; 17 — Arefino; 18 — Nekasetsk; 20 — Pskov; 21, 27 — Mikol'tsy; 22 — Armiyevo; 23 — Bantserovshchina; 24 — Drokovo, barrow no. 3. 1, 3, 6–27 — Kazanski, 2000. Fig. 6, 5–16, 23, 24, 26–34; 9, 4; 10, 1, 3

в Еленово (рис. 3, 7), в Верхнем Поднепровье (Kazanski, 2000. P. 37, fig. 10, 1, 3, там же библиография по находке). Их параллели известны в Среднем Поднепровье, на уже упоминавшемся Пастырском городище, а также в могильнике меровингского времени Штраубинг (Straubing) в Баварии (Kazanski, 2000. P. 37, fig. 10, 2, 4–6). Помимо этого, такие подвески известны и в Центральной Европе, у авар и славян (Profantová, 2013. Obr. 17, 13, 17, 18; Профантова, 2015. С. 104, рис. 5, 1–36;

Плетерский, 2015. Рис. 12, 20). Впрочем, подобные вещи встречены и в англо-саксонском контексте, что ставит под сомнение исключительно южное происхождение подвесок из лесной зоны Восточной Европы (Kazanski, 2000. P. 37).

Малые трапециевидные подвески. Эти подвески со штампованным декором в виде полос пресованных точек на нижнем широком крае уже привлекали внимание исследователей (Гаври-тухин, 1997; Елинкова, 2018). Для лесной зоны

Восточной Европы в раннем средневековье такие подвески хорошо известны на целом ряде памятников: Акатово, Арефино, Микольцы, Городище, Язно, Сосенка, Некасецк, Лужасна, Цурковка, Псков, Бескатово, Лопино, Армиево, Дроково, Дьяково (рис. 3, 8–23, 25–27) (Гавритухин, 1997; Kazanski, 2000. P. 29, 30)⁵. На южном пограничье лесной зоны эти подвески встречены на достоверно славянских поселениях Полесья VII–VIII вв. (Касюк, 2016. Мал. 14, 20; 19, 3; Kasjuk, 2016. Abb. 9, 18).

Они в основном распространяются в конце VI — VII в. и более всего известны на Среднем Дунае и вокруг Карпат в совершенно различном культурном контексте и свидетельствуют о контактах лесной зоны с Дунаем (Гавритухин, 1997; Елинкова, 2018). В качестве примера центрально-европейских подвесок назовем находки на памятниках славян пражской культуры Розтоки (Roztoky), Мутенице (Mutěnice), Нова-Гута-Могила (Nowa Huta-Mogila), Гросспрюфенинг (Grossprüfening) (Parczewski, 1993. Abb. 20, 1–4; Profantová, 2013. Obr. 12, 1; Профантова, 2015. Рис. 5, 12; Елинкова, 2015. Рис. 6, 1; Елинкова, 2018. С. 390–393, рис. 1, 1–4, 7). В то же время похожие подвески хорошо представлены и у авар (Profantová, 2013. Obr. 12, 3; Елинкова, 2018. С. 394), где известен даже целый набор в одном из погребений в Будапеште (Nagy, 1998. Taf. 141). Малые трапециевидные подвески в Центральной Европе входили в состав декоративных цепей византийской традиции (Profantová, 2013).

Трапециевидные малые подвески с декором в виде двух линий попадают к меровингам (Елинкова, 2018. С. 394) и к западным балтам. В последнем случае они представлены в памятниках ольштынской группы, например в погребении № 482 могильника Ментке (Mentke) (Кулаков, 1990. Рис. 15, 1), в контексте периода E2b западнобалтской хронологии (570–610/625 гг.), или в уже упоминавшемся погребении № 30 могильника Тумяны того же времени (Jakobson, 2009. Taf. 13, i, 1).

В целом время распространения таких подвесок охватывает довольно большой период времени, по X в. включительно (подробнее: Kazanski, 2000. P. 29, 30). Об этом, в частности, свидетельствуют находки IX–X вв. в кладе Ивахники, в могильнике Гнёздово и на городище Супруты (Григорьев, 2005. Рис. 41, 15, 20, 21; Комар, 2017. Рис. 3, 18, 19, 23–28), а также на могильнике Речане I

(Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 395, 3) и в Торопце, в последнем случае вместе со скандинавскими вещами (Там же. 2010. Рис. 382, 2)⁶.

В отдельных случаях малые трапециевидные подвески закреплены на луновидных височных кольцах (рис. 3, 15, 20). Они найдены в Ладого, в слоях 750–760 гг., а также в смоленских длинных курганах, в частности в Цурковке и в Акатово, и считаются показательными для смоленских кривичей (Мачинский, Мачинская, 1988. С. 49). Тем более удивительна находка такого височного кольца в пикардийском некрополе меровингского времени в Арси-Сент-Реститю (Arcy-Sainte-Restitue), пока единственная в Западной Европе (Kazanski, 1991. P. 8–10). Как она очутилась на Дальнем Западе, можно только гадать.

⁶ В лесной зоне на территории России и Беларуси представлены и малые трапециевидные подвески со штампованным декором из одной или двух линий по всему периметру. Это находки в Дедиловичах, Банцевщине, Жабино, Вышках, Кораблино, Устье и др. (Kazanski, 2000. P. 29, 30; Елинкова, 2018. Рис. 5, 13; также см.: Штыхау, 1992. Мал. 24, 1), встречаются они и на памятниках IX–X вв. (например: Григорьев, 2005. Рис. 41, 9, 14, 16; Прошкин, 2011. Рис. 55, 1–3). Круг их аналогий охватывает более широкую территорию. Такие подвески на Среднем Дунае имеются в германском погребении V в. в Каполч (Karolcs) (Anke, 1998. Taf. 13, 2). На территории Чехии они найдены на поселении пражской культуры Розтоки (Roztoky) (Profantová, 2013. Obr. 12, 2; 14; Профантова, 2015. Рис. 4, 4). В Западной Европе такие подвески встречены в меровингском некрополе Врон (Vron), на берегу Ла-Манша (Legoux, 2011. P. 79, pl. 9), а в Крыму — в могильнике Лучистое (склеп № 35, слой 4, погребение № 5) в контексте VII в. (Айбабин, Хайрединаова, 2008. Табл. 102, 25). Соотнесение этих подвесок с дунайскими традициями пока может быть только предположительным, тем более что уже в римское время на территории нынешней Беларуси встречаются трапециевидные подвески со штампованным декором по краям (например, Егорейченко, 1996. Рис. 34, 11). Имеются в лесной зоне и малые трапециевидные подвески, вся поверхность которых покрыта штампованным орнаментом. Процитируем находку в длинном кургане № 7 могильника Рацкий Бор (Kazanski, 2000. Fig. 6, 29). Круг их аналогий мне неясен. В качестве параллелей пока можно процитировать лишь подвески из погребения № 31А уже упоминавшегося меровингского могильника Врон (Vron), а также серию подвесок из погребения № 748 меровингского некрополя Бюль (Bulles) в Пикардии (Legoux, 2011. P. 79, fig. 107, pl. 9).

⁵ К спискам в этих публикациях следует добавить находки в Прудниках (Шадыра, 2006. Табл. 20, 25–29).

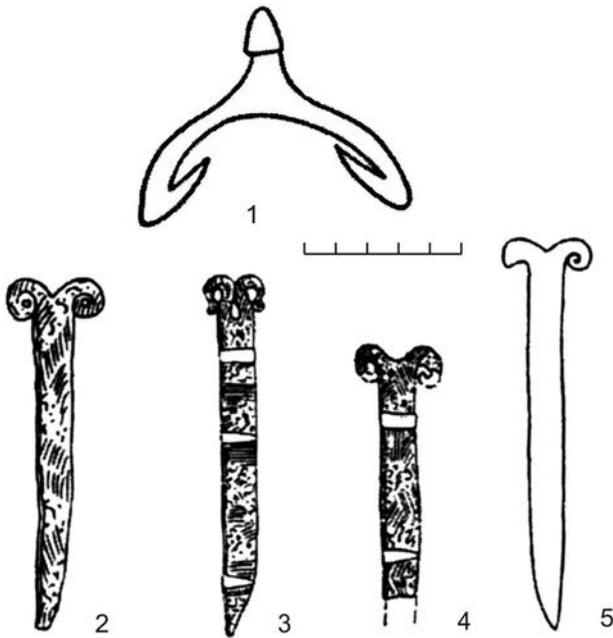

Рис. 4. Железные предметы дунайской традиции в лесной зоне Восточной Европы: 1, 5 — Волковыйск; 20, 21 — Ревячка. 1–5 — Kazanski, 2000. Fig. 6, 18–22, 25. 1 — без масштаба

Fig. 4. Iron objects in the Danubian tradition from the forest zone of Eastern Europe: 1, 5 — Volkovyysk; 20, 21 — Revyachka. 1–5 — (Kazanski, 2000. Fig. 6, 18–22, 25). 1 — without scale

Элементы поясной гарнитуры

Предметы мужского убора встречаются гораздо реже. Можно, однако, назвать элемент пояса из уже упоминавшегося кургана № 2 могильника Цурковка (рис. 3, 24) (Седов, 1974. Табл. 25.12), который, видимо, имеет аварское происхождение и принадлежит, судя по находке в погребении № 369 аварского могильника Алатьян (Alattyán), середине VIII в. (Мачинская, 1990. С. 57). Известно, что аварские поясные гарнитуры довольно хорошо представлены в славянском контексте Центральной Европы (многочисленные примеры: Profantová, 1992, см. также: Poleski, 1992. Abb. 2.10–2.15; Zoll-Adamikova, 1992. Abb. 1, e–l; Profantová, 2008. Fig. 4, B; 5, 7; 7, 5, 11, 12).

* * *

Разумеется, какая-то часть перечисленных выше вещей (такие как звездчатые серьги пастырского типа или браслеты с полыми концами) могла попасть в лесную зону России и Беларуси не из Карпато-Дунайского региона, а из

Среднего Поднепровья, поскольку там они тоже имеются. Вероятность подобной версии подтверждается и появлением в лесной зоне так называемых днепровских фибул или крупных трапецевидных подвесок со штампованным декором (подробнее: Kazanski, 2000. P. 35; Ахмедов, Гаврилов, 2017. С. 74–78). Впрочем, и на Среднем Днепре названные здесь украшения отражают в первую очередь дунайское влияние или, по крайней мере частично, византийское культурное воздействие, опосредованное в варварской среде Балкан, Дуная и Карпат. Полагаю, что лишь специальные исследования по трасологии и составу металла позволят более конкретно выявить мастерские, производившие те или иные украшения.

Отметим, что в лесной зоне предметами убора набор вещей дунайского происхождения конца VI — раннего IX в. не исчерпывается. Так, например, в Волковыйске найдена шпора с внутренними крючками (рис. 4, 1) (Перхавко, 1979. Рис. 4, 4). Такие шпоры характерны для славян Центральной Европы (Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988; Poleski, 1992. Abb. 10, 1–5; Janowski, 2017), на восточнославянских памятниках они встречаются редко, при этом фактически только на территории Восточного Прикарпатья. В качестве примера можно назвать находки в Пидгирцах и Рипневе I (Курничников, 1973. Рис. 34, 3; Аулих, 1963. Рис. 9, 1, 8; Kazanski, 2000. P. 27)⁷. Ножи с волютами на рукояти встречены на таких памятниках, как Ревячка, Микольцы, Гудагай, Городище, Лукомль (рис. 4, 2–5) (Митрофанов, 1978. Рис. 2, 17; Перхавко, 1979. Рис. 4, 1, 2; Зайкоўскі, 2016. С. 334–337; Kasjuk, 2016. Abb. 5, 19; 10, 25; 11, 11; Пушкина, 2018). Они очень типичны как для авар, так и для славян Центральной Европы (Profantová, 1992. Taf. 26, A; Королькова, 1996; Зайкоўскі, 2016. С. 334–337). Самые ранние находки таких ножей известны в Трансильвании — это миниатюрные подвески в цепи из трансильванского клада раннего V в. в Силадьшомлйо / Шимлеул Силванией I (Szilágyosomlyó / Şimleul Silvaniei) (Capelle, 1994. S. 30, fig. 22; Kazanski, 2000. P. 27). Наконец, лепные и

⁷ Из других предметов воинского и всаднического вооружения с появлением славян в лесной зоне связывалось и распространение двушипных наконечников стрел и дротиков (Минасян, 1978). Однако в этом регионе ранние двушипные наконечники восходят еще к римскому времени (Казанский, 2015. С. 55–59).

раннекруговые сосуды овоидных форм с линейно-волнистым орнаментом, известные, в частности, в Витебске (*Штыхов*, 1978. Рис. 14, 5–8), на Городище Мядельского района Минской области (*Митрофанов*, 1978. Рис. 52, 23, 27; *Kasjuk*, 2016. Abb. 11, 14), на Труворове городище (до 60 %), в ранних слоях Ладоги, интерпретируются исследователями как принадлежащие славянской традиции (*Давидан*, 1995. С. 165; *Белецкий*, 1996. С. 94). В славянской культуре эта керамическая традиция скорее всего дунайского происхождения, где сосуды с линейно-волнистым орнаментом на славянских памятниках появляются раньше, чем в Восточной Европе (см. например: *Русанова*, 1976. С. 124–126; *Parczewski*, 1993. S. 65–69; *Елинкова*, 2015. С. 121). Также славянскими являются и лепные сосуды овоидных форм без линейно-волнистого декора, хорошо известные на памятниках Беларуси VIII–IX вв. (например: *Штыхов*, 1978. Рис. 14, 1–4; *Kasjuk*, 2016. Abb. 4–10).

Все эти вещи встречены на памятниках самых различных археологических культур, в том числе

и заведомо неславянских, как, например, культуры дьяковская, рязано-окская, восточнолитовских курганов или могильники древней мордвы, но этот набор дунайских вещей мог появиться в лесной зоне Восточной Европы только со славянами — ни авары, ни гепиды, ни ромеи не появлялись. Причем в большинстве случаев речь, скорее всего, идет не просто о каких-то контактах, но о прямом физическом присутствии нового пришлового населения, поскольку предметы женского убора в традиционных обществах не являются предметом межплеменной/межрегиональной торговли.

Поэтому можно с известной долей вероятности предположить, что распространение в лесной зоне России и Беларуси дунайского набора «женских» вещей конца VI — раннего IX в. отражает появление здесь волны славянских переселенцев из Центральной Европы, что совсем не исключает проживания здесь славянского и родственного ему населения и в предшествующее время.

- Айбабин, Хайрединова*, 2008 — *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник у села Лучистое. Симферополь; Керчь: Адеф-Украина, 2008 (БИ; Supplementum 4). Т. I: Раскопки 1977, 1982–1984 гг. 336 с.
- Аулих*, 1963 — *Аулих В. В.* Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской области // *Славяне накануне образования Киевской Руси*. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (МИА; № 108). С. 366–381.
- Ахмедов, Гаврилов*, 2017 — *Ахмедов И. Р., Гаврилов А. П.* «Славянские» фибулы в древностях рязанских финнов: старые и новые находки // *Elite ou égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XIII вв.* СПб.: Бранко, 2017. С. 71–89.
- Белецкий*, 1996 — *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб.: Госкомстат, 1996 (Археологические изыскания; Вып. 30). 110 с.
- Гавритухин*, 1991 — *Гавритухин И. О.* Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья // *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. М.: б. и., 1991. С. 127–142.
- Гавритухин*, 1997 — *Гавритухин И. О.* Маленькие трапециевидные подвески с полоской из пресованных точек по нижнему краю // *Гістарычна-Археалагічны Зборнік*. Мінск: Беларус. навука, 1997. Вып. 12. С. 43–58.
- Гавритухин*, 2005 — *Гавритухин И. О.* Комплексы пражской культуры с датирующими вещами // *Archeologia o początkach Słowian*. Kraków, 2005. С. 403–458.
- Григорьев*, 2005 — *Григорьев А. В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула: Репроникс, 2005. 207 с.
- Давидан*, 1995 — *Давидан О. И.* Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги // *ПАВ*. СПб.: б. и., 1995. Вып. 9. С. 156–166.
- Егорейченко*, 1996 — *Егорейченко А. А.* Древнейшие городища Белорусского Полесья. Минск: б. и., 1996. 149 с.
- Елинкова*, 2015 — *Елинкова Д. К.* К изучению культуры с керамикой пражского типа на территории Моравии: формирование и особенности // *Stratum plus*. Кишинев: ВАШ, 2015. № 5: Славяне на Дунае. Обретение родины. С. 117–150.
- Елинкова*, 2018 — *Елинкова Д. К.* К изучению женских украшений из могильника с трупосожжениями Пржитлуки культуры с керамикой пражского типа // *Древности. Исследования. Проблемы*: Сб. в честь 70-летия Н. П. Тельнова. Кишинев; Тирасполь: Stratum plus, 2018. С. 389–408.

- Еремеев, Дзюба*, 2010 — *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История, 2010 (Тр. ИИМК РАН; Т. 33). 668 с.
- Зайкоўскі*, 2016 — *Зайкоўскі Э. М.* Рэлігійныя ўяўленні і культуры славянскага насельніцтва Беларусі у другой палове I тысячагодзя н. э. // *Славяне на тэрытоіі Беларусі в догосударственный период.* Минск: Беларуская навука, 2016. Кн. 2. С. 321–377.
- Залесская*, 2006 — *Залесская В. Н.* Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 269 с.
- Звяруга*, 2005 — *Звяруга Я. Г.* Беларускае Павілле у жалезным веку і раннім сярэднявекі. Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2005. 174 с.
- Исланова*, 1997 — *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 301 с.
- Казанский*, 2014 — *Казанский М. М.* Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // *Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов.* М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137.
- Казанский*, 2015 — *Казанский М. М.* Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // *Stratum plus.* Бухарест: ВАШ, 2015. № 5: Славяне на Дунае. Обретение родины. С. 43–96.
- Касюк*, 2016 — *Касюк А. Ф.* Беларускае Палессе у канцы VII — VIII ст. і ў пачатку X ст. н. э. // *Славяне на тэрытоіі Беларусі в догосударственный период.* Минск: Беларуская навука, 2016. Кн. 2. С. 62–98.
- Кирпичников*, 1973 — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973 (САИ; Вып. Е1–36). 138 с.
- Кирпичников*, 1980 — *Кирпичников А. Н.* Новооткрытая ладожская каменная крепость IX–X вв. // *Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1979 г.* Л.: Наука, 1980. С. 441–455.
- Кирпичников*, 1985 — *Кирпичников А. Н.* Ранне-средневековая Ладога (итоги археологических исследований) // *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования.* Л.: Наука, 1985. С. 3–26.
- Кирпичников, Курбатов*, 2014 — *Кирпичников А. Н., Курбатов А. В.* Новые данные о происхождении Ладожского поселения и появлении славян в Поволжье // *Stratum plus.* Кишинев: ВАШ, 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси. С. 129–136.
- Комар*, 2010 — *Комар А. В.* Византийский золотой браслет VII в. из собрания Музея исторических драгоценностей Украины // *Сугдейский сборник.* Киев; Судак: Горобець, 2010. Вып. IV. С. 402–411.
- Комар*, 2017 — *Комар А. В.* Ивахниковский клад (время сокрытия и культурные связи комплекса) // *Stratum plus.* Кишинев: ВАШ, 2017. № 5: Сумма технологий. По наставлениям пресвитера Теофила. С. 113–131.
- Корзухина*, 1996 — *Корзухина Г. Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // *МАИЭТ. Симферополь: Таврия*, 1996. Вып. V. С. 349–435.
- Королькова*, 1996 — *Королькова Л. В.* Вопросы интерпретации ножей с волутообразным навершием // *ТАС.* Тверь: б. и., 1996. Вып. 1. С. 234–238.
- Кулаков*, 1990 — *Кулаков В. И.* Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V–VIII вв. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.) // *Barbaricum* 1989. Warszawa, 1990. S. 148–273.
- Лопатин, Фурасьев*, 2007 — *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 8). 252 с.
- Мачинская*, 1990 — *Мачинская А. Д.* Ладога и культура смоленских длинных курганов: проблемы хронологии // *НиНЗ ИА.* Новгород, 1990. Вып. 3. С. 56–57.
- Мачинский, Мачинская*, 1988 — *Мачинский Д. А., Мачинская А. Д.* Северная Русь, русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // *Культура русского Севера.* Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. С. 44–58.
- Минасян*, 1978 — *Минасян Р. С.* Втульчатые двушипные наконечники стрел Восточной Европы // *Сообщения Гос. Эрмитажа.* Л.: Аврора, 1978. Вып. XLIII. С. 35–37.
- Минасян*, 1982 — *Минасян Р. С.* Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья.* Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 24–29.
- Митрофанов*, 1978 — *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1978. 164 с.
- Михайлова*, 2014 — *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 436 с.
- Перхавко*, 1979 — *Перхавко В. Б.* Классификация орудий труда и предметов вооружения из ранне-

- средневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА. 1979. № 4. С. 40–55.
- Плетерский*, 2015 — *Плетерский А.* Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях // *Stratum plus*. Кишинев: ВАШ, 2015. № 5: Славяне на Дунае. Обретение родины. С. 227–248.
- Профантова*, 2015 — *Профантова Н.* Славяне на территории Чехии и их контакты в VI–VII вв. // *Stratum plus*. Кишинев: ВАШ, 2015. № 5: Славяне на Дунае. Обретение родины. С. 97–116.
- Прошкин*, 2011 — *Прошкин О. Л.* Чертово городище. Калуга: Золотая аллея, 2011. 124 с.
- Пушкина*, 2018 — *Пушкина Т. А.* Ножи редкой формы из Гнёздова // Нескончаемое лето: Сб. ст. в честь Елены Александровны Рыбиной. М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2018. С. 189–192.
- Русанова*, 1976 — *Русанова И. П.* Славянские древности VI–VII вв. М.: Наука, 1976. 216 с.
- Седов*, 1970 — *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970 (МИА; № 163). 200 с.
- Седов*, 1974 — *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей М.: Наука, 1974 (САИ; Вып. Е1-8/2). 68 с.
- Седов*, 1994 — *Седов В. В.* Славяне в древности. М.: «Науч.-произв. благотворит. общ-во “Фонд археологии”», 1994. 113 с.
- Седов*, 1995 — *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М.: ИА РАН, 1995. 415 с.
- Станчу*, 2015 — *Станчу И.* Ранние славяне в румынской части Карпатского бассейна // *Stratum plus*. Кишинев: ВАШ, 2015. № 5: Славяне на Дунае. Обретение родины. С. 163–216.
- Третьяков*, 1970 — *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1970 (МИА; № 179). 156 с.
- Третьяков*, 1982 — *Третьяков П. Н.* По следам древних славянских племен. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1982. 143 с.
- Хавлюк*, 1974 — *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности / Под ред. П. Н. Третьякова. Л.: Наука, 1974. С. 181–215.
- Хрисимов*, 2015 — *Хрисимов Н.* Раннеславянские памятники в северо-восточной части Балканского полуострова // *Stratum plus*. Кишинев: ВАШ, 2015. № 5: Славяне на Дунае. Обретение родины. С. 309–342.
- Шадыра*, 2006 — *Шадыра В. I.* Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.), Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. 148 с.
- Шмидт*, 1963 — *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у д. Слобода Глушица // П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 107–113.
- Шмидт*, 2003 — *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Смоленск: б. и., 2003. 295 с.
- Штыхау*, 1992 — *Штыхау Г. В.* Крывічы. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 192 с.
- Штыхов*, 1978 — *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск: Наука и техника, 1978. 164 с.
- Щеглова*, 1990 — *Щеглова О. А.* О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990. С. 162–204.
- Anke*, 1998 — *Anke B.* Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Teil 2. Weissbach, 1998. 296 S.
- Bárdos, Garam*, 2009 — *Bárdos E., Garam E.* Das awarenzeitliche Gräberfeld in Zamárdi-Rétiföldek. Budapest, 2009. Teil I — 490 S., Teil II — 236 S.
- Capelle*, 1994 — *Capelle T.* Die Miniaturenkette von Szilágysomlyó (Șimleul Silvaniei). Bonn, 1994. 168 S.
- Curta*, 2004 — *Curta F.* Werner’s Class IH of «Slavic» Bow Fibulae revisited // *Archaeologia Bulgarica*. 2004. T. VIII–I. P. 59–78.
- Curta*, 2005 — *Curta F.* Female Dress and «Slavic» Bow Fibulae in Greece // *Hesperia*. 2005. T. 74. P. 101–146.
- Curta*, 2006 — *Curta F.* Slavic Bow Fibulae? Werner’s Class ID revisited // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 2006. T. 57. P. 423–474.
- Curta*, 2008 — *Curta F.* Some Remarks on Bow Fibulae of Werner’s Class IC // *Slavia Antiqua*. 2008. Vol. XLIX. P. 15–98.
- Curta*, 2011 — *Curta F.* Werner’s Class IC: Erratum Corrigendum cum Commentariis // *Ephemeris Napcensis*. 2011. T. XXI. P. 63–110.
- Curta*, 2012 — *Curta F.* “Slavic” Bow Fibulae: Twenty Years of Research // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. 2012. Bd. 93. P. 1–108.
- Garam*, 1992 — *Garam E.* 1992. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit // *Awaren Forschungen I*. Wien, 1992. P. 135–250.
- Godłowski*, 1983 — *Godłowski K.* Zur Frage der Slawensitze vor den Grossen Slawenwanderung im 6. Jahrhundert // *Settimane di studio del Centro italiano di studi sull’alto medioevo*. 1983. T. XXX. P. 257–302.

- Hilberg*, 2009 — *Hilberg V.* Daumen und Kellaren — Tumiany i Kelary. Bd 2. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Bransgräber von Daumen und Kellaren. Neumünster, 2009. 616 S.
- Jakobson*, 2009 — *Jakobson F.* Daumen und Kellaren — Tumiany i Kelary. Bd. 1. Die Brandgräber von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Neumünster, 2009. 424 S.
- Janowski*, 2017 — *Janowski A.* Chronology and Evolution of Early Medieval Hooked Spurs in the Light of New Finds and Analyses // *Fasciculi Archaeologiae Historicae*. 2017. T. 30. P. 181–191.
- Kasjuk*, 2016 — *Kasjuk E. F.* Die Ostslawen auf dem Gebiet Weissrusslands im letzten Viertel des 1. Jahrtausends n. Chr. — ein Überblick zum gegenwärtigen archäologischen Forschungsstand // *Die frühen Slawen — von der Expansion zu gentes und nationes*. Teilband 1: Beiträge zum Schwerpunktthema / Hrsg. F. Biermann, T. Kersting, A. Klammt. Langenweissbach, 2016. P. 75–89.
- Katsougiannopoulou*, 2009 — *Katsougiannopoulou C.* The Slavic Bow Brooches in Greece revisited // *Foreigners in Early Medieval Europe: Threen international Studies on Early Medieval Mobility / Rd. D. Quast*. Mainz, 2009. P. 219–231.
- Kazanski*, 1991 — *Kazanski M.* Quelques objets baltes trouvés en Gaule datés entre la fin du IVe siècle et le VIIIe siècle. A propos des contacts entre l'Occident et le rivage oriental de la mer Baltique // *Archéologie Médiévale*. 1991. T. XXI. P. 1–20.
- Kazanski*, 2000 — *Kazanski M.* Les Slaves dans la zone forestière d'Europe orientale au début du Moyen Age // *Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Dir. M. Kazanski, A. Necessian, C. Zuckerman*. Paris, 2000. P. 17–44.
- Legoux*, 2011 — *Legoux R.* La nécropole mérovingienne de Bulles (Oise). Saint-Germain-en-Laye, 2011. Vol. 1 — 428 p., vol. 2 — 496 p.
- Nagy*, 1998 — *Nagy M.* Awarzeitliche Gräberfelder im Stadtgebiet von Budapest. Teil II. Busdapest, 1998. Teil I — 214 S., Teil II — 222 S.
- Parczewski*, 1993 — *Parczewski M.* Die Anfänge der frühslawischen Kultur in Polen. Wien, 1993. 212 p.
- Poleski*, 1992 — *Poleski J.* Datierungsgrundlagen der ältesten Phasen des Frühmittelalters (bis zum Ende des 10. Jahrhunderts in Kleinpolen) // *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter / Hrsg. K. Godłowski, R. Madyda-Legutko*. Kraków, 1992. S. 317–338.
- Profantová*, 1992 — *Profantová N.* Awarische Funde aus den Gebieten nördlich der awarischen Siedlungsgrenzen // *Awarenforschungen*. Bd. 2 / Hrsg. F. Daim. Wien, 1992. S. 606–802.
- Profantová*, 2008 — *Profantová N.* The Middle Avar Period and the Problem of a «Cultural Change» at the End of the Seventh Century North of the Avar Khaganate, Budapest // *Anteus*. 2008. T. 29–30.
- Profantová*, 2013 — *Profantová N.* Náhrdelníky byzantského pôvodu a bronzové kruhové ozdoby ve slovanském prostredí 6–7. století. K interkulturním vztahům // *Památky archeologické*. 2013. T. CIV. P. 215–232.
- Ross*, 1965 — *Ross M. C.* Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection, 2. Jewellery, Enamels and Art of the Migration Period. Washington, 1965. 274 p.
- Svoboda*, 1953 — *Svoboda B.* Poklad byzantského kovotepce v Zemianském Vrbovku // *Památky Archeologické*. 1953. T. XLIV. S. 33–125.
- Szmoniewski*, 2017 — *Szmoniewski B.* Nowe znalezisko zapinki palczastej typu Plenița-Tumiany (Werner I D) ze środkowej Dobrudży // *Европейська археологія I тисячоліття н. э. / Отв. ред. А. В. Скиба, С. А. Горбаненко, Київ*, 2017. S. 181–190.
- Szöke*, 1992 — *Szöke B. M.* Die Beziehungen zwischen dem Ospalpenraum und Westungarn in der ersten Hälfte des 9. Jahrhunderts (Frauentracht) // *Awarenforschungen*. Bd. 2 / Hrsg. F. Daim. Wien, 1992. S. 841–968.
- Vagalinski*, 1994 — *Vagalinski L.* Zur Frage der ethnischen Herkunft er späten Strahlenfibeln (finger- oder Bügelfibeln) aus dem Donau-Karpaten-Becken (M. 6.–7. Jh.) // *Zeitschrift für Archäologie*. 1994. Bd. 28. S. 261–305.
- Werner*, 1950 — *Werner J.* Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // *Reinecke-Festschrift / Hrsg. G. Behrens, J. Werner*. Mainz, 1950. S. 150–172.
- Žak, Maćkowiak-Kotkowska*, 1988 — *Žak J., Maćkowiak-Kotkowska L.* Studia nad uzbrojeniem środkoweuropejskim VI–X wieku. Ponznań, 1988. 420 S.
- Zoll-Adamikova*, 1992 — *Zoll-Adamikova H.* Zur Chronologie der Awarzeitlichen Funde aus Polen // *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter / Hrsg. K. Godłowski, R. Madyda-Legutko*. Kraków, 1992. S. 297–316.

**On settlement of the Slavs in the forest zone of Eastern Europe:
items of early mediaeval decoration of the Danubian origin
(6th–9th century)**

M. M. Kazanskiy

This paper considers items of decoration of Danubian origin of the late 6th — early 9th century found at sites in the forest zone of Eastern Europe and marking the settlement of the Slavs in the territory of what is now Belorussia and Russia. It is commonly known that, in traditional societies, female costume was fairly conservative. Items of male decoration, e.g. belt fittings, as a rule, reflect a 'military' fashion and are of interest for better understanding of the cultural and political trend and, therefore, of the military-political history of the early population. The distribution of Danubian objects probably reflects the penetration of the forest zone by the Slav migrants from Central Europe. These objects include small finger brooches, bracelets with hollow expanding ends, earrings with a star-like pendant and a volute at the end, lamellar round and small trapezoid pendants, and elements of belt fittings of the Avar type. In the forest zone, the set of objects of the Danubian origin of the late 6th — early 9th century is not limited by decorations. Here also Central-European spurs with inner hooks, knives with the top of the handle in the form of volutes, handmade and early wheel-made vessels of ovoid forms with a linear-wavy ornamentation are known. All these artefacts have been encountered at sites of very differing archaeological cultures including the undoubtedly non-Slavic ones as, e. g., the cultures of Dyakovo, Ryazan-Oka, east Lithuanian barrows or cemeteries of the early Mordvins. However the mentioned set of Danubian objects can have appeared in the forest zone of Eastern Europe only together with the Slavs — neither Avars, nor Hepids or Romaions here appeared. Moreover, in the most of cases, not simply any contacts are implied but the immediate physical presence of a new foreign population, since, as the objects of female decoration are concerned, in traditional societies these ornaments are not a subject of intertribal/interregional trade. Therefore it may be supposed with a fair probability that the distribution of the Danubian set of 'female' objects of the late 6th — early 9th century over the forest zone of Russia and Belorussia reflects the appearance here of a wave of Slavic migrants from Central Europe. This fact in no way excludes the residence here of a Slavic and its kindred population also in the previous period.

Хрустальная многогранная бусина с поселения Картамышево-3 и контакты Среднего Поднепровья с Северным Причерноморьем в VI–VII вв.

А. В. Мастыкова¹

Аннотация. В статье рассматривается находка крупной многогранной бусины из горного хрусталя на поселении колочинской культуры Картамышево-3 на Верхнем Псле (Обоянский район, Курская область). Приведены находки подобных бус в Северном Причерноморье, на Кавказе, в Центральной и Западной Европе. Благодаря этим параллелям устанавливается хронология хрустальных граненых бус в рамках конца III / IV — второй половины VII в. Эти бусы, средиземноморского или сасанидского происхождения, скорее всего попадают в Среднее Поднепровье в результате контактов с Юго-Западным Крымом в последней трети VI — первой половине VII в.

Annotation. The article deals with the discovery of a great multifaceted crystal bead in the settlement of the Kolochin culture of Kartamyshovo-3 in Upper Psel (Oboyansk district, Kursk region). Findings of such beads are given in the Northern Black Sea region, in the Caucasus, in Central and Western Europe. Thanks to these parallels, the chronology of crystal faceted beads is established within the framework of the end of the III / IV — the second half of the VII century. These beads, of Mediterranean or Sassanian origin, most likely fall into the Middle Dnieper as a result of contacts with the South-Western Crimea in the last third of the VI — first half of the VII century.

Ключевые слова: многогранные бусы из горного хрусталя, колочинская культура, раннее средневековье, Среднее Поднепровье, Северное Причерноморье.

Keywords: multifaceted rock crystal beads, Kolochin culture, the early Middle Ages, the Middle Dnieper, Northern Black Sea region.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-272-288

Данная работа посвящена одной редкой для раннеславянского контекста находке — большой многогранной бусине из горного хрусталя, найденной на Днепровском Левобережье. Будет предпринята попытка уточнить ее датировку и установить возможное происхождение. Рассматриваемая бусина, точнее ее фрагмент (рис. 1, А), была найдена в культурном слое поселения Картамышево-3 на правом берегу Верхнего Псла (Обоянский район, Курская обл.) (рис. 1, Б, 1). На поселении представлены материалы колочинской и роменской культур, а также древнерусского времени. Однако авторы публикации

памятника обоснованно отнесли эту бусину к древностям колочинской культуры (последнюю большинство исследователей связывает со славянами) и, опираясь на крымские и абхазские параллели, предварительно датировали находку, а на ее основании и весь колочинский слой памятника, второй половиной VI — VII в. (Щеглова, Бажан, 1983. С. 65, 66, рис. 2, 8). Как мы увидим далее, такая дата возможна, но вряд ли она является оптимальной.

Многогранные крупные бусы из горного хрусталя довольно широко распространены в Восточной Европе и Западном Закавказье (рис. 1, Б). При изучении северокавказских, абхазских и среднедунайских древностей мне уже пришлось неоднократно анализировать хрустальные бусы

¹ Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; E-mail: amastykova@mail.ru.

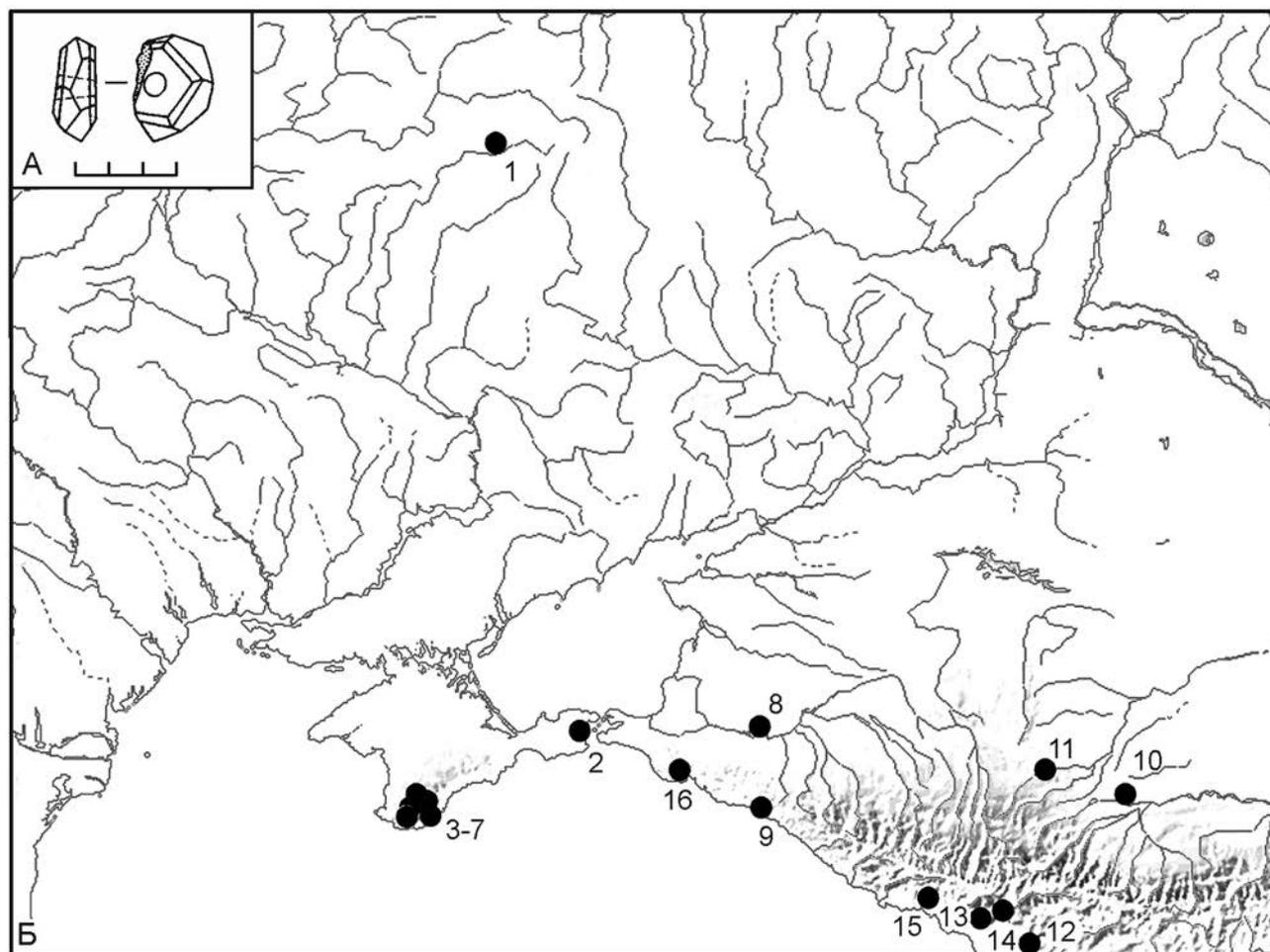

Рис. 1. А — хрустальная многогранная бусина из Картамышево-3 (Щеглова, Бажан, 1983. Рис. 2, 8);
 Б — распространение крупных многогранных бусин из горного хрусталя в Восточной Европе и в Западном Закавказье: 1 — Картамышево-3; 2 — Керчь; 3 — Суук-Су; 4 — Скалистое; 5 — Лучистое; 6 — Алмалык-Дере; 7 — Адым-Чокрак; 8 — Пашковский могильник № 1; 9 — Бжид-1; 10 — Хабаз; 11 — Бермамыт; 12 — Атира Армянская; 13 — Шапка; 14 — Цибилиум; 15 — Чинталук; 16 — Дюрсо. С учетом масштаба карты локализация археологических памятников приближительна

Fig. 1. A — Multifaceted crystal bead from the settlement of Kartamyshevo-3 (Щеглова, Бажан, 1983. Fig. 2, 8);
 Б — distribution of large multifaceted crystal beads throughout Eastern Europe and in the Western Transcaucasia: 1 — Kartamyshevo-3; 2 — Kerch; 3 — Suuk-Su; 4 — Skalistoye; 5 — Luchistoye; 6 — Almalyk-Dere; 7 — Adym-Chokrak; 8 — Pashkovskaya 1 cemetery; 9 — Bzhid-1; 10 — Khabaz; 11 — Bermamyt; 12 — Armenian Atara; 13 — Shapka; 14 — Tsibilium; 15 — Chintaluk, 16 — Dyurso. The localization of the archaeological sites is approximate because of the scale of the map

подобной формы и размера (Kazanski, Mastykova, 2007. P. 49; Ivanišević et al., 2006. P. 70, 71; Мастыкова, 2009. С. 99, 100; Мастыкова и др., 2016. С. 25, 26). Поэтому для обоснования предлагаемых ниже хронологии и происхождения данных бус будут кратко изложены результаты моих предшествующих исследований.

В Северном Причерноморье крупные граненые бусы из горного хрусталя известны прежде всего в Крыму — в восточной и юго-западной частях

полуострова (рис. 1, Б, 2–7). На Боспоре Киммерийском необходимо упомянуть находку в аристократическом погребении, обнаруженном в 1896 г. на Глинице. В склепе с двумя ингумациями был найден меч с подвеской в виде крупной хрустальной многогранной бусины (Штерн, 1897. Рис. 8). Погребение, судя по сопровождающему инвентарю, относится к гуннскому времени, то есть к последней трети IV — последней трети V в. (Казанский, 2010. С. 309).

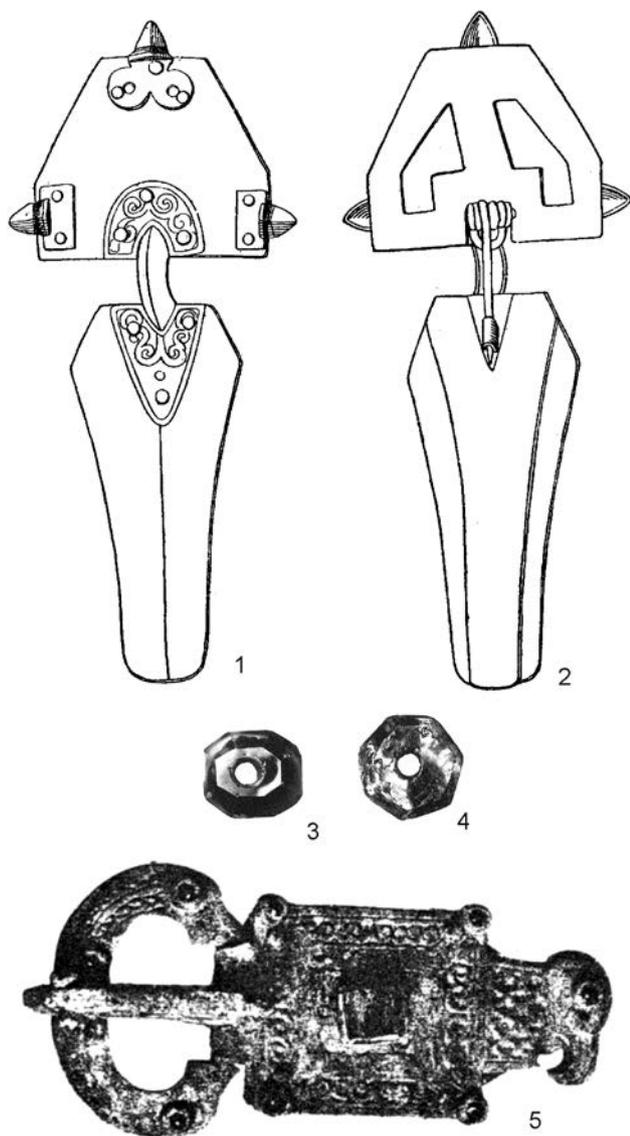

Рис. 2. Находки из погребения № 46 могильника Суук-Су (Репников, 1906. Рис. 41, 43, табл. III, 7, 8; IX, 7): 1, 2, 5 — серебро; 3, 4 — горный хрусталь

Fig. 2. Finds from burial no. 46 at the cemetery of Suuk-Su (Репников, 1906. Fig. 41, 43. Pl. III, 7, 8; IX, 7): 1, 2, 5 — silver; 3, 4 — rock crystal

В Юго-Западном Крыму, где в раннем средневековье находилась готская страна Дори (см.: Айбабин, Хайрединова, 2017), подобные бусы встречаются в составе женского костюма в несколько более позднем контексте. В погребении № 46 готского могильника Суук-Су (Репников, 1906. С. 12, 13, табл. III, 7, 8)² хрустальные бусы, в том числе

² В описании погребения № 46 Н. И. Репниковым сделаны ссылки на хрустальные бусы другого типа (Репников, 1906. С. 12), но в перечне предметов

и рассматриваемого типа (рис. 2, 3, 4), входили в состав типичного женского убора с большими двупластинчатыми фибулами (рис. 2, 1, 2) и орлиноголовой пряжкой раннего варианта (рис. 2, 5) (Там же. Рис. 41; 43, табл. IX, 7). Такой убор в Юго-Западном Крыму принято датировать второй половиной VI в. (из последних работ: Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 168, 169, 264–267). Аналогичная бусина из горного хрусталя найдена и в склепе № 86 этого же могильника (Репников, 1906. С. 25. Табл. III, 7)³ (рис. 3, 3) в составе женского костюма, где присутствовали орлиноголовая пряжка позднего варианта (рис. 3, 4) и две так называемые антские пальчатые фибулы (Там же. Табл. VI, 1, 7; IX, 8) (рис. 3, 1, 2), происходящие из Среднего Поднепровья. Наиболее обоснованная дата днепровских пальчатых фибул, как и всего «антского» убора, — последняя треть VI / первая треть или первая половина VII в. (подробнее см.: Казанский, 2014. С. 53–55, 78–86; там же библиография).

В Юго-Западном Крыму крупные граненые бусы из горного хрусталя известны еще, по крайней мере, на четырех памятниках. На Скалистинском могильнике такая бусина была обнаружена в парном погребении № 422 (рис. 4, 1), где мужская ингумация сопровождалась ременной гарнитурой так называемого геральдического стиля середины VI — второй трети VII в. (рис. 4, 7–19) (Веймарн, Айбабин, 1993. С. 101, 102, рис. 75, 15). Подобные хрустальные бусы отмечены и на могильнике Лучистое: в захоронении № 1 склепа № 79 (рис. 5, 20), относящегося к рубежу VI–VII в. по наличию византийской широкопластинчатой подвязной фибулы (рис. 5, 1) и пряжки геральдического стиля (рис. 5, 2) (Айбабин, Хайрединова, 2014. С. 40–42, 126, 127, табл. 199, 20; 250, 23); в засыпи дромоса многослойного склепа № 43, датированного временем от конца VI в. и до конца VII в. (Там же. С. 49, рис. 12, табл. 5, 2). Около Мангупа, в некрополе Алмалык-Дере, второй половины IV — первой половины VII в., хрустальная граненая бусина зафиксирована в ограбленном

в таблице III под номерами 7 и 8 указано, что эти многогранные хрустальные бусы происходят из погребения № 46 (Там же. С. 48, табл. III, 7, 8).

³ В описании погребения № 86 отсылка на находку такой бусины указана как табл. III, 8 (Репников, 1906. С. 25, табл. III, 8). В перечне предметов в таблице III находка из погребения № 86 упоминается под номером 7 (Там же. С. 48, табл. III, 7).

погребении № 64/1998 (*Maczyńska et al.*, 2016. S. 104, taf. 30, 6). Бусина такого типа найдена в катакомбе 32 могильника Адым-Чокрак (рис. 6, 3), расположенного у южных склонов Мангупа (*Vetmann et al.*, 2013. Taf. 21, 10). В состав погребального инвентаря, помимо прочих предметов, входили подвеска в виде изогнутого листа, золотая серьга с гроздевидной подвеской на кольце (рис. 6, 1, 8), цельнолитая пряжка с фигурным щитком, украшенным перекрещивающимися линиями (тип D20 по М. Schulze-Dörrlamm), цельнолитая пряжка с удлинненным щитком с дисковидным окончанием (тип D 15 по М. Schulze-Dörrlamm) (рис. 6, 4, 5). По хронологии М. Шульце-Дёррламм эти две пряжки датируются временем около 600/610 по 670/680 гг. (*Schulze-Dörrlamm*, 2002. S. 184–186, 189–192, 247, 248). Подобный набор вещей отмечен в склепе № 257 второй половины VII в. могильника Эски-Кермен (*Айбабин, Хайрединова*, 2008. Рис. 29).

На Северном Кавказе (рис. 1, Б, 8–11, 16) многогранные бусы из горного хрусталя известны на следующих памятниках: Дюрсо, погребения № 259 (рис. 7, 15), 516; Пашковский могильник 1, погребение № 2.1948 г. (рис. 8, 1), тайник погребения № 5.1949 г.; Бжид-1, погребение № 57 (рис. 9, 15), а также, по сведениям В. Б. Ковалевской, — в коллекциях Хабаза и Бермамытского могильника близ Кисловодска (*Мастыкова*, 2009. С. 98–100; там же библиография по находкам; *Мастыкова и др.*, 2016. С. 25, 26, табл. 22, 4, 5). Хронология комплексов, где встречены интересующие нас бусы, охватывает период от последней трети V — первой трети VI в. (погребения № 359 и 516 могильника Дюрсо; погребение № 2.1948 г. Пашковского могильника № 1) по вторую треть VI в. (Пашковский могильник № 1, погребение № 5.1949 г.) (подробнее см.: *Казанский*, 2001. С. 52; *Мастыкова и др.*, 2016. С. 81).

В Восточном Причерноморье бусы из хрусталя рассматриваемого типа отмечены в Абхазии (рис. 1, Б, 12–15): Атара Армянская, погребения № 1, 9; Шапка-Абгыдзраху, погребения № 15, 62; Шапка-Алраху, погребение № 20 (подвеска к мечу); Шапка-Апианча, погребение № 6 (подвеска к мечу); Шапка-Церковный Холм-4, погребения № 2, 8, 9, 4 и 5 — подвески к мечу; Чинталук, а также две бусины из Цебельды (коллекция ГИМ, сборы С. И. Четверухина, инв. № 84974, № оп. 942). Хрустальные бусы такой формы и размера найдены на могильниках Цибилиум-1 и Цибилиум-2 также не только в составе ожерелий в женских

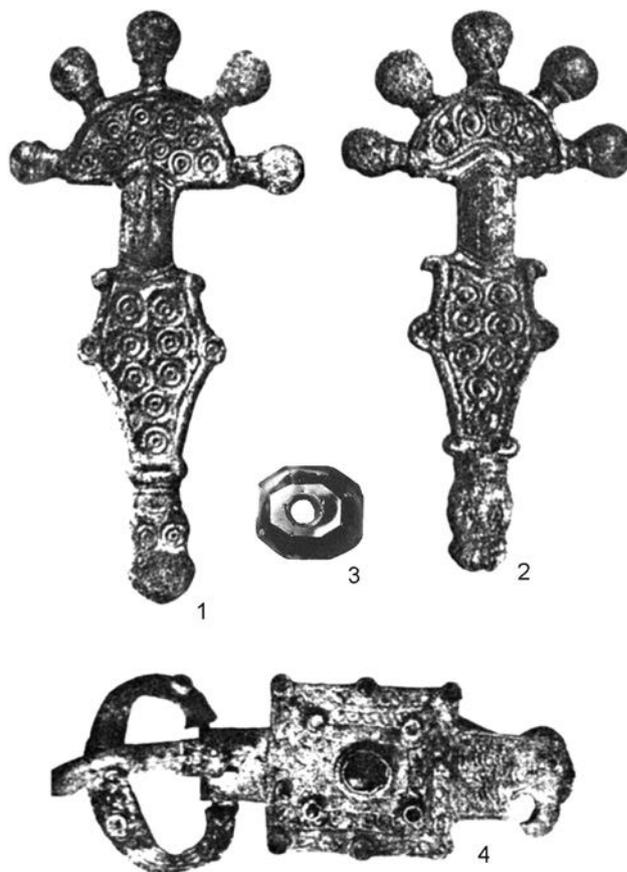

Рис. 3. Находки из погребения № 86 могильника Суук-Су (*Репников*, 1906. Табл. III, 7; VI, 1, 7; IX, 8): 1, 2 — бронза; 3 — горный хрусталь; 4 — серебро

Fig. 3. Finds from burial no. 86 at the cemetery of Suuk-Su (*Репников*, 1906. Pl. III, 7; VI, 1, 7; IX, 8): 1, 2 — bronze; 3 — rock crystal; 4 — silver

могилах № 89, 113, но и в воинских захоронениях № 257 и 399, где они, по мнению Ю. Н. Воронова, служили навершием для железных мечей (*Воронов*, 2003. Рис. 42, 28; 57, 20; 120, 19; 191, 13). Эти могилы содержат погребальный инвентарь, характерный для последней трети IV — середины V в., то есть для стадии III абхазской хронологии: 380/400 — 440/450 гг. (*Kazanski, Mastykova*, 2007. P. 49, 57, Pl. 44, 9) или, согласно датировкам цебельдинской культуры по О. А. Гей и И. А. Бажану, к периоду 7, то есть 400–425 гг. (*Гей, Бажан*, 1997. С. 25, 26, табл. 28). Многогранная хрустальная бусина имеется в составе ожерелья еще в одном женском погребении № 31 некрополя Цибилиум-1 (*Воронов*, 2003. Рис. 11, 8), но эта могила, судя по набору вещей, относится к более позднему времени, 530/550–640/670 гг., что соответствует стадии IV/10–11 (*Kazanski, Mastykova*, 2007. P. 49, 59, Pl. 44, 9).

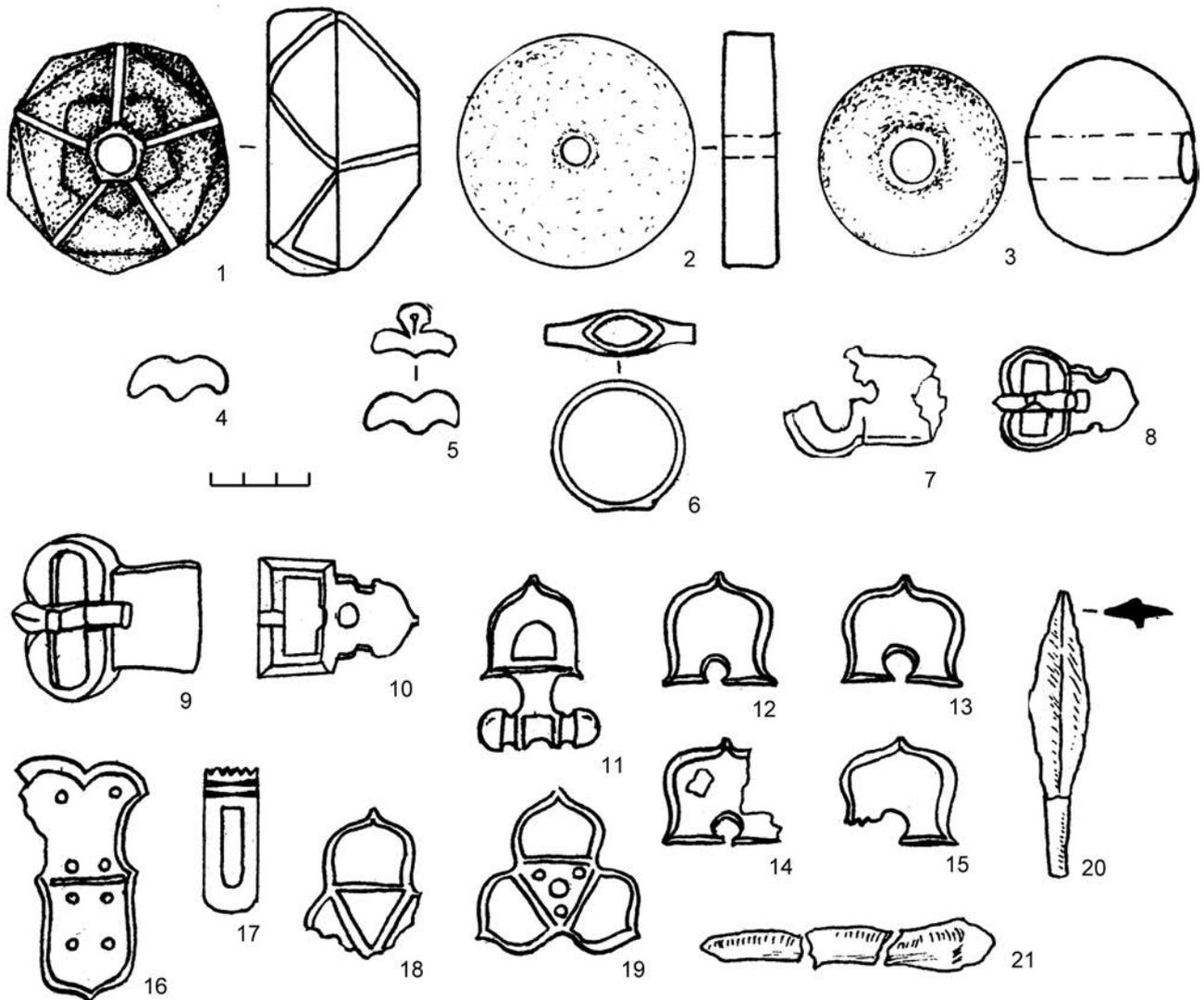

Рис. 4. Находки из погребения № 422 Скалистинского могильника (Веймарн, Айбабин, 1993. Рис. 75, 1–21): 1 — горный хрусталь; 2, 3 — халцедон; 4–6, 8–10, 12–15, 17 — серебро; 7, 11, 16, 18, 19 — бронза, 20, 21 — железо
 Fig. 4. Finds from burial no. 422 at the Skalistinskij cemetery (Веймарн, Айбабин, 1993. Fig. 75, 1–21): 1 — rock crystal; 2, 3 — chalcedony; 4–6, 8–10, 12–15, 17 — silver; 7, 11, 16, 18, 19 — bronze, 20, 21 — iron

Впрочем, надо отметить, что и огранка этой хрустальной бусины отличается от предыдущих, которые датируются более ранним временем.

Итак, в Абхазии крупные граненые бусы из горного хрусталя входили в состав ожерелий, а также служили украшением меча в качестве навершия или подвески к нему. По наблюдению Ю. Н. Воронова и Н. К. Шенкао, бусы из хрусталя, которые подвешивались к рукояти мечей, появляются в погребениях на территории Абхазии с середины VI в., до этого времени чаще использовались бусы из стекла или янтаря. По мнению исследователей, это характерная черта эпохи Великого переселения народов, которая была

воспринята апсильскими воинами (Воронов, Шенкао, 1982. С. 130).

Одна находка многогранной бусины из горного хрусталя известна и в Южной Сибири. В погребении воинского предводителя IV в. на могильнике Сопка 2 (могила 668) она была надета на штырь навершия меча (Molodin, 1995. Abb. 6, 7).

Бусы рассматриваемого типа были распространены в Центральной Европе (последняя сводка: Zábajník et al., 2017). Здесь они встречаются с рубежа III–IV вв., как показывает находка в «княжеской» могиле в Закшуве (Zarzów/Sackrau II) в Силезии (Tempelmann-Maczyńska, 1985. S. 90, taf. 19, 508). Но особенно широко в Центральной Европе

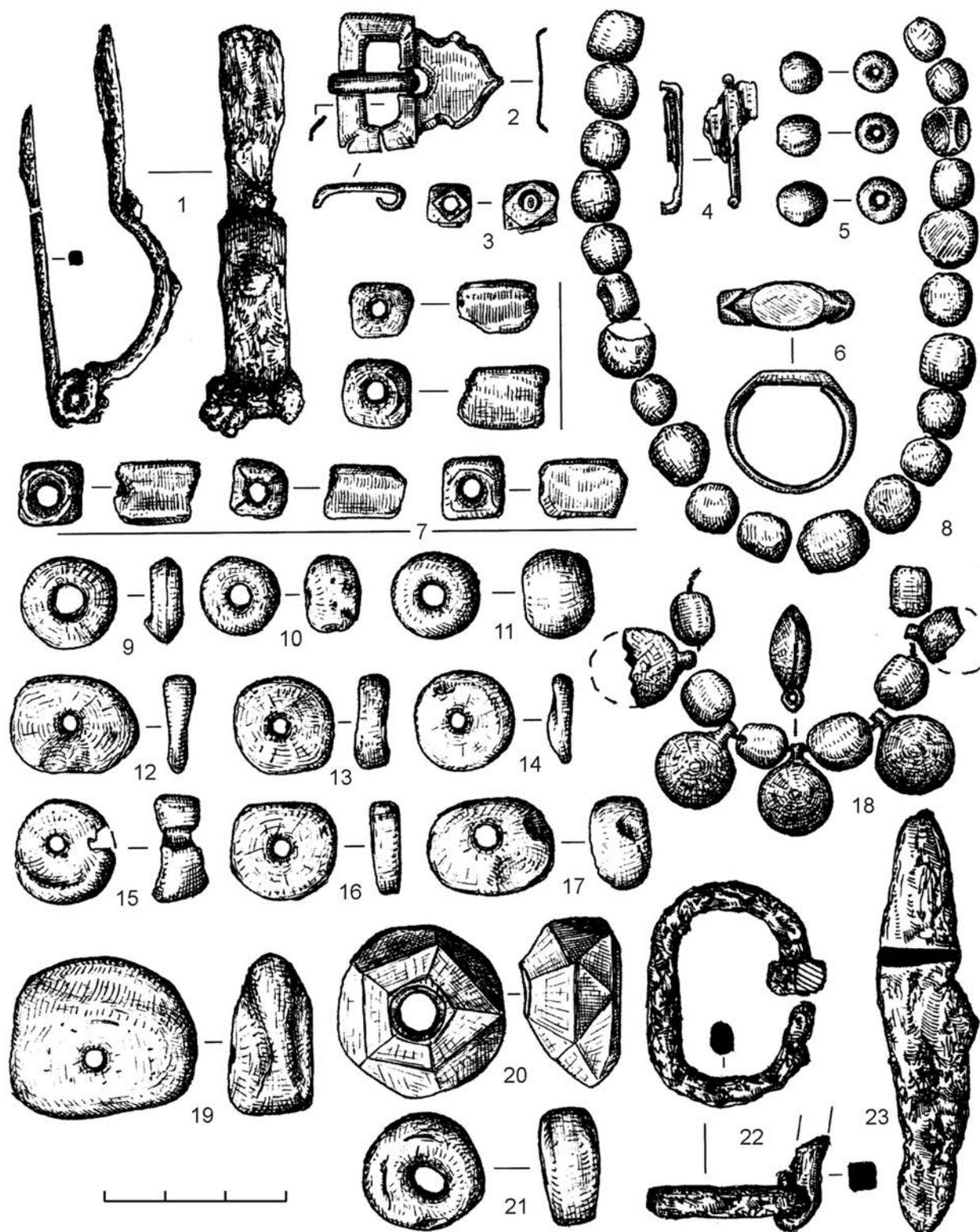

Рис. 5. Находки из погребения № 1 в склепе № 79 могильника Лучистое (Айбабин, Хайрединова, 2014.

Табл. 199): 1, 22, 23 — железо; 2, 6 — серебро; 3, 8, 18, 12-17, 19, 21 — янтарь; 4, 18 — бронза; 5 — сердолик; 7, 9-11, 13, 15, 16 — стекло; 20 — горный хрусталь

Fig. 5. Finds from burial no. 1 in tomb no. 79 at the cemetery of Luchistoye (Айбабин, Хайрединова, 2014. Pl. 199):

1, 22, 23 — iron; 2, 6 — silver; 3, 8, 18, 12-17, 19, 21 — amber; 4, 18 — bronze; 5 — cornelian; 7, 9-11, 13, 15, 16 — glass; 20 — rock crystal

Рис. 6. Находки из катакомбы 32 могильника Адым-Чокрак (Bemmann et al., 2013. Taf. 20; 21): 1, 2, 4, 5 — бронза; 3 — горный хрусталь; 6, 7, 9, 10 — серебро; 8 — золото; 11, 12 — сердолик; 13-18, 20-23 — стекло; 19, 24-37 — янтарь

Fig. 6. Finds from catacomb 32 of the Adym-Chokrak burial ground (Bemmann et al., 2013. Taf. 20; 21): 1, 2, 4, 5 — bronze; 3 — rock crystal; 6, 7, 9, 10 — silver; 8 — gold; 11, 12 — cornelian; 13-18, 20-23 — glass; 19, 24-37 — amber

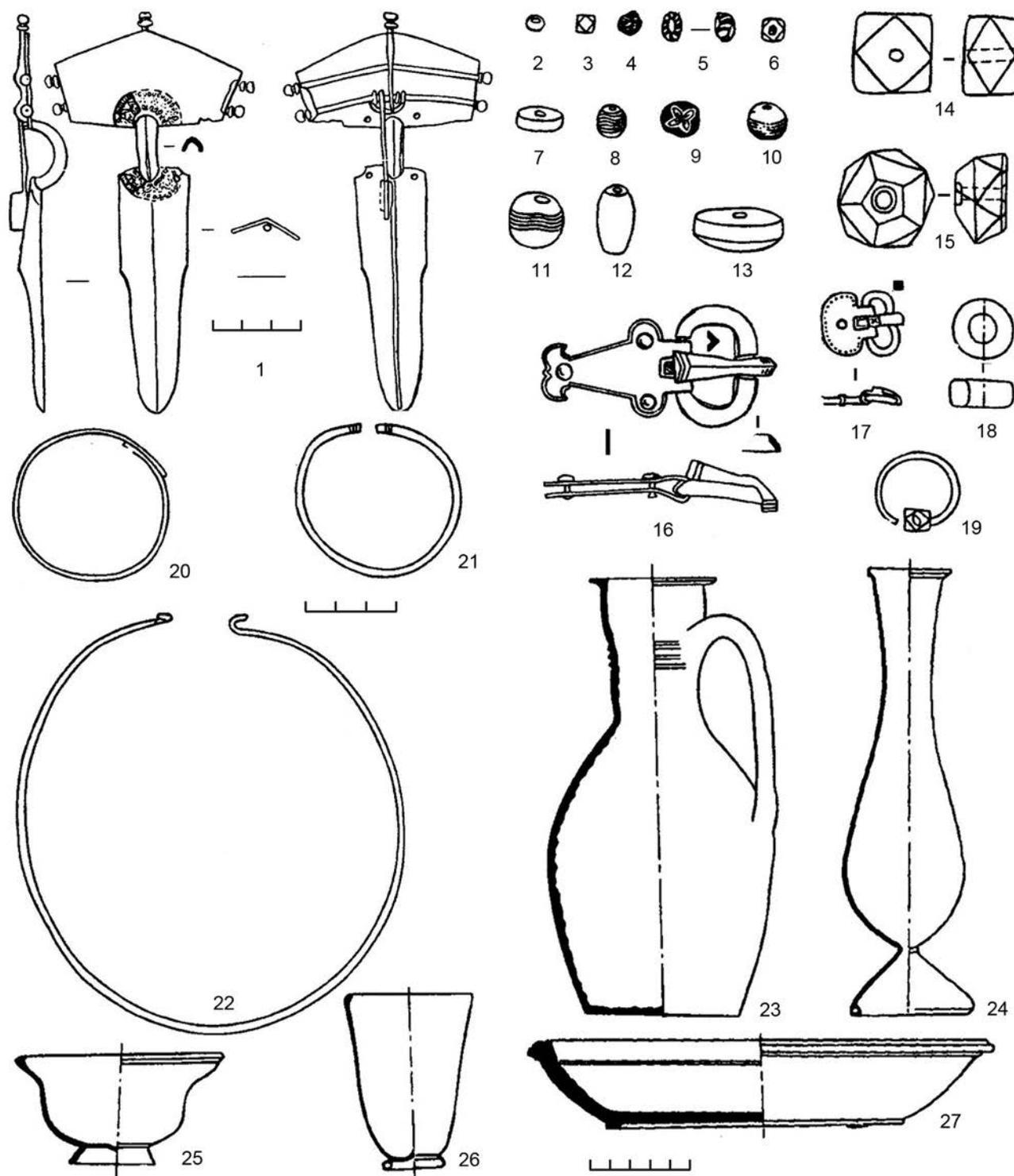

Рис. 7. Находки из погребения № 259 могильника Дюрсо (Мастыкова, 2009. Табл. 6, 1-15):
 1, 16, 17, 19, 20-22 — серебро; 2-6, 8-11, 24-26 — стекло; 12 — белый материал; 7, 13 — янтарь;
 14, 15 — горный хрусталь; 18, 23, 27 — глина

Fig. 7. Finds from burial no. 259 at the cemetery of Dyurso (Мастыкова, 2009. Pl. 6, 1-15):
 1, 16, 17, 19, 20-22 — silver; 2-6, 8-11, 24-26 — glass; 12 — white material; 7, 13 — amber;
 14, 15 — rock crystal; 18, 23, 27 — clay

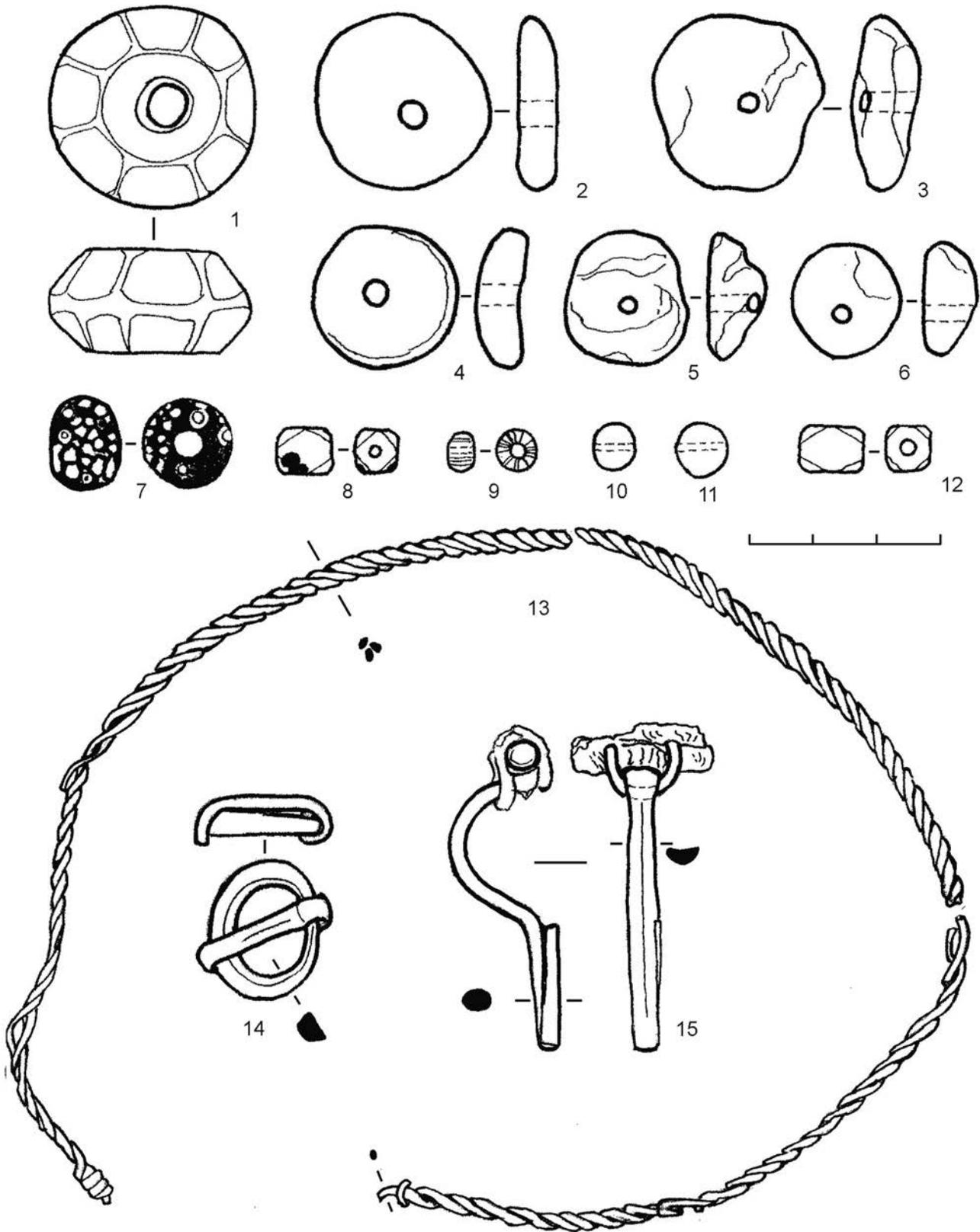

Рис. 8. Находки из погребения 2.1948 г. Пашковского могильника № 1 (Смирнов, 2016. Рис. 11): 1 — хрусталь; 2-6 — янтарь; 7-9, 12 — стекло; 10, 11 — сердолик; 13, 14, 15 — бронза

Fig. 8. Finds from burial no. 2.1948 at the Pashkovskaya cemetery no. 1 (Смирнов, 2016. Fig. 11): 1 — rock crystal; 2-6 — amber; 7-9, 12 — glass; 10, 11 — cornelian; 13, 14, 15 — bronze

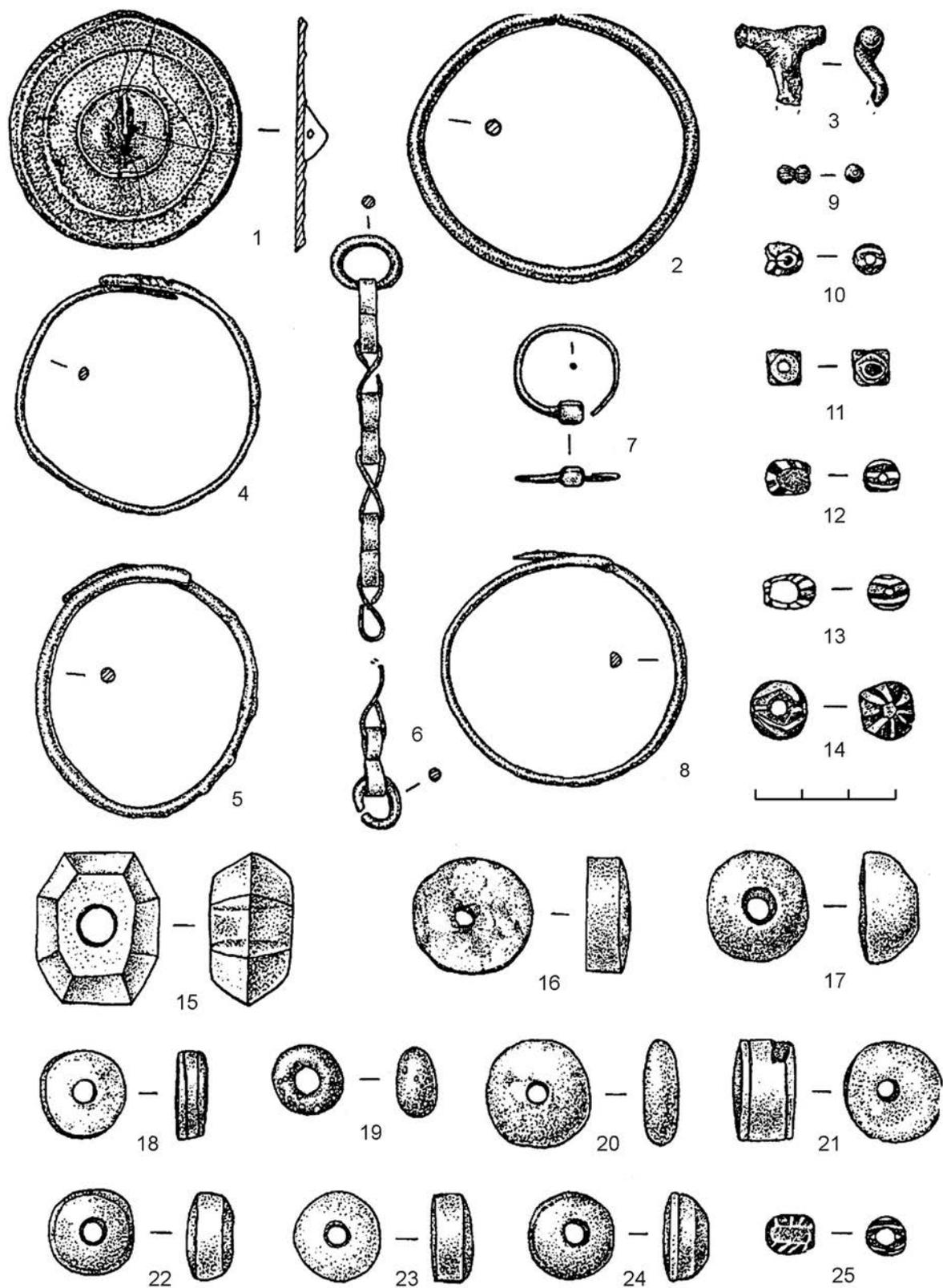

Рис. 9. Находки из погребения № 57 могильника Бжид-1 (Мастыкова, 2009. Табл. 4): 1, 7 — белый сплав; 2, 4-6, 8 — бронза; 3 — железо; 9-14, 25 — стекло; 15 — горный хрусталь; 16-24 — янтарь
 Fig. 9. Finds from burial no. 57 at the cemetery of Bzhid-1 (Мастыкова, 2009. Pl. 4): 1, 7 — white alloy; 2, 4-6, 8 — bronze; 3 — iron; 9-14, 25 — glass; 15 — rock crystal; 16-24 — amber

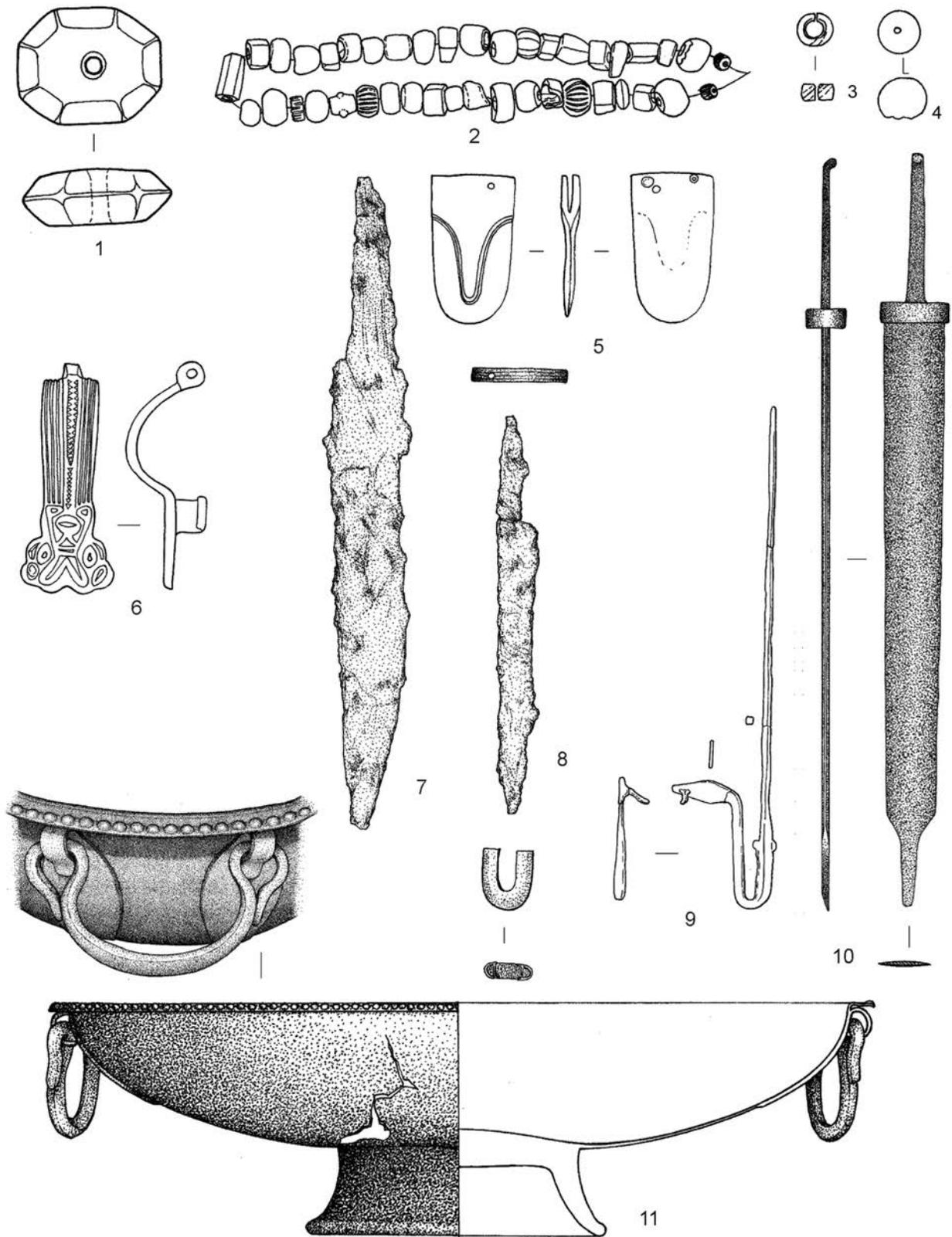

Рис. 10. Находки из погребения № 118 некрополя Виминациум (*Viminacium*) (*Ivanišević et al.*, 2006. Pl. 15):
 1 — хрусталь; 2–4 — стекло, янтарь, металл; 5, 6 — серебро; 7, 9, 10 — железо; 8 — железо, серебро; 11 — бронза
 Fig. 10. Finds from burial no. 118 at the necropolis of Viminacium (*Ivanišević et al.*, 2006. Pl. 15): 1 — crystal;
 2–4 — glass, amber, metal; 5, 6 — silver; 7, 9, 10 — iron; 8 — iron, silver; 11 — bronze

такие бусы бытуют во второй половине V — VI в. На Дунае они известны у гепидов, например, в некрополе Кишзомбор (Kiszombor) (погребение № 96) и у лангобардов в погребениях первой половины VI в. — Вена VI и Хедькё (Hegykö). Бусы этого типа встречены в пограничном германском некрополе ранневизантийского Виминациума (*Viminacium*) в Северном Иллирикуме (рис. 10, 1) и в лангобардском могильнике Холубице (Hlubice) в Моравии (*Ivanišević et al.*, 2006. P. 70; *Мастыкова*, 2009. С. 99; там же библиография по находкам). Находка многогранной хрустальной бусины в аварском могильнике Чатай (Čataj) в Словакии относится к несколько более позднему времени (*Zábojník et al.*, 2017).

В Германии и Северной Франции граненые бусы из горного хрусталя характерны для раннемеровингских древностей середины V — VI в. В последнее время такие бусы обнаружены и в Южной Галлии. Бусы подобного типа известны в погребении первой половины/середины VI в. Вильнев-О-Шателе (*Villeneuve-au Châtelet*) в парижском регионе, а также в погребениях тюрингских некрополей Штоссен (*Stossen*) (погребение № 19) и Нидерроспа (*Niederrospe*) (погребение № 7 с фибулой середины VI в.) (*Kazanski, Mastykova*, 2003. S. 163, 164). На могильнике Базель-Кляйнхюнинген (*Basel-Kleinhüningen*) хрустальная граненая бусина отмечена в погребении № 35 вместе с фибулами и наконечниками ремня времени около 500 г. (конец V — начало VI в.) (*Giessler-Müller*, 1992. Taf. 5, 6, 7, 9, 11, 12), а в погребении № 230 этого же могильника — вместе с малыми коньковыми фибулами времени 440/450–470/480 г. В захоронении № 676 некрополя Вайнгартен I (*Weingarten*) хрустальная граненая бусина была вместе с птицевидными и пальчатými фибулами, которые датируются 490–530 г. по меровинго-аламаннской хронологии (см., например: *Legoux et al.*, 2004; *Roth, Theune*, 1988). В могиле 1272 баварского некрополя Альтенердинг (*Altenerding*) хрустальная бусина подобной формы найдена вместе с ожерельем из полихромных стеклянных бус, характерных для первой половины/середины VI в.; в могиле 18 нормандского некрополя Френувиль (*Frenouville*) — также в контексте первой половины/середины VI в. В погребении № 2 могильника Хейлбронн-Бёкинген (*Heilbronn-Böckingen*) в Швабии (*Koch et al.*, 2017. S. 239–245. Fig. 25, 4, 5, taf. 4) хрустальная бусина-подвеска на проволочном кольце (рис. 11, 32) находилась с набором вещей, характерным для середины V в.: пара

аламаннских фибул типа Хейлбронн (рис. 11, 27), коньковая (изображение всадника на коне) фибула (рис. 11, 21), гребень типа Томас II (рис. 11, 35), монеты 408–450 г. и 425–455 г. Находки бус рассматриваемого типа отмечены в аламаннских некрополях Киршхайм (*Kirchheim*), в контексте второй половины V в.; Фридингген (*Friedingen*), в погребении середины VI в.; Гюльтлинген-Бухен (*Gültlingen-Buchen*), второй половины V — середины VII в. (*Ivanišević et al.*, 2006. P. 70; *Quast*, 1993. S. 103; *Мастыкова*, 2009. С. 100; там же библиография по находкам).

По мнению Д. Кваста, хрустальные многогранные бусы распространяются в период с IV по VI в. н. э. включительно (*Quast*, 1993. S. 94, 95). Однако в Англии, где находки крупных граненых бус из горного хрусталя также известны для V–VI вв. (см., например: *Vierck*, 1977. Abb. 1, 32), наиболее поздние комплексы относятся к первой половине VII в. (*Meaney*, 1981. P. 77, fig. I, m, 6), что совпадает с датой некоторых крымских находок, упоминавшихся выше. В целом же, как можно было убедиться, хрустальные крупные многогранные бусы датируются в широком диапазоне от позднего III / раннего IV в. по вторую половину VII в.

Что касается использования крупных граненых хрустальных бус, то по сводке немецких археологов (*Busch, Korteweg*, 1988) 90 % происходят из женских погребений. Однако известны они и в мужских погребениях с мечами, например: Керчь-Глинище, погребение 1896 г.; Цибилиум-1, захоронение № 257; Цибилиум-2, погребение № 399; Шапка-Алраху, погребение № 20; Шапка-Апианча, погребение № 6; Шапка-Церковный Холм-4, погребения № 4, 5; могильник Сопка 2, погребение № 668; Хаммельбург (*Hammelburg*), погребение 1895 г. В этих случаях такие бусы могли служить темляками или, как считают многие немецкие археологи, магическими подвесками к мечам (*Quast*, 1993. S. 94, 95).

Видимо в гуннское время, то есть в последней трети IV — последней трети V в., крупные граненые бусы из горного хрусталя присутствуют как редкий престижный элемент «княжеской» культуры. Стоит сказать, что такие бусы встречаются в погребениях, как правило, по одному экземпляру, что, вероятно, объясняется его дороговизной. К примеру, подобной формы хрустальные бусы в погребениях некрополей Отрарского оазиса в Южном Казахстане обычно входили в состав

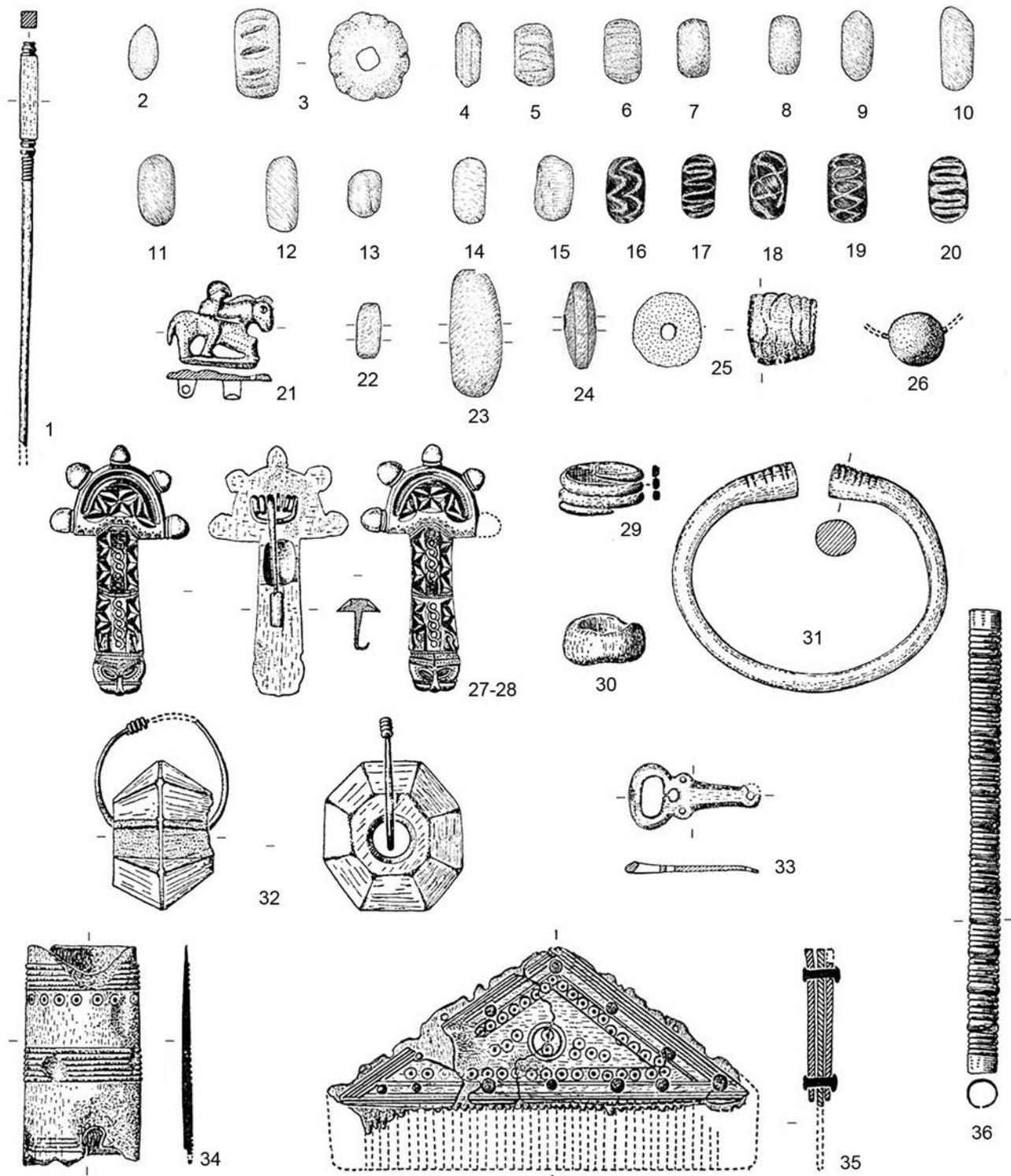

Рис. 11. Находки из погребения № 2 некрополя Хейлбронн-Бёкинген (Heilbronn-Böckingen) (Koch et al., 2017. Taf. 4): 1, 21, 27-29, 31 — серебро; 2-20 — стекло; 22-24 — янтарь; 26 — халцедон; 25, 30 — материал не определен; 32 — горный хрусталь, серебро; 33, 36 — бронза; 34, 35 — кость

Fig. 11. Finds from burial no. 2 at the necropolis of Heilbronn-Böckingen (Koch et al., 2017. Taf. 4): 1, 21, 27-29, 31 — silver; 2-20 — glass; 22-24 — amber; 26 — chalcedony; 25, 30 — material unidentified; 32 — rock crystal, silver; 33, 36 — bronze; 34, 35 — bone

«амулетных наборов», который был атрибутом исключительно женских захоронений (*Байтаков и др.*, 2005. С. 41, 42, 55). Те погребения, в которых отмечены «амулетные наборы», отличались богатством и разнообразием как самого «амулетного набора», так и другого сопровождающего инвентаря, что, по мнению авторов, маркировало высокий социальный статус этих женщин (*Там же*. С. 43).

Но особое распространение они, как видно из приведенного выше списка находок, получают в середине V — VI в., причем встречаются уже и в могилах «среднего класса». Впрочем, такая картина распространения — вначале в богатых погребениях, а затем и в рядовых — показательна и для других типов бус, например, янтарных с нарезным линейным декором (*Мастыкова*, 2004) или халцедоновых эллипсоидной формы (*Мастыкова*, 2001).

Крупные многогранные бусы из горного хрусталя, по мнению Д. Кваста, происходят из Средиземноморского бассейна, в то время как ряд других исследователей считает, что эти бусы являются сасанидским импортом (*Quast*, 1993. С. 94, 95). По крайней мере часть их может действительно происходить из Индии и сасанидского Ирана. Так, например, граненые бусы из хрусталя известны в Средней Азии в бассейне Сыр-Дарьи — на некрополе Алтынасар 4 (погребальные комплексы в курганах № 246, 247/2), принадлежащем джетыясарской культуре (*Левина*, 1994. Рис. 166, 43, 47; 1996. Рис. 143, 144), а также в упоминавшихся выше погребениях некрополей Отрарского оазиса в основном в контексте III–V вв. (*Байтаков и др.*, 2005. С. 55, рис. 1.47, 13). Именно в Среднюю Азию хрустальные многогранные бусы, скорее всего, могли попадать из Индии или Ирана.

Подчеркну, что на Кавказе больше всего таких бус найдено в западной части региона (Кабардино-Балкария, Абхазия, Нижняя Кубань, Черноморское побережье Северного Кавказа), то есть в зоне византийского влияния (рис. 1, Б.8–16). Таким образом, есть основания отнести крупные хрустальные граненые бусы, найденные на Северном Кавказе, к средиземноморскому, а не к восточному импорту. В полной мере это относится и к крымским, а возможно, и к основной части центрально- и западноевропейских изделий из хрусталя.

Возвращаясь к находке хрустальной многогранной бусины на поселении Картамышево-3, можно предположить, что сюда она попала, скорее всего, из Юго-Западного Крыма. На эту мысль наводят довольно многочисленные находки так называемых антских пальчатых и антропоморфных фибул последней трети VI — первой половины VII в.⁴ в могильниках крымских готв страны Дори (рис. 3, 1, 2) (из последних работ: *Айбабин, Хайрединова*, 2017. С. 264, 265), несомненно, свидетельствующие о значительных контактах со Средним Поднепровьем. Такого рода связи могли осуществляться через посредство степных народов Северного Причерноморья. Не стоит, однако, исключать и возможность прямого контакта населения Поднепровья с Причерноморьем — вспомним описание плаваний русов по Днепру у Константина Багрянородного (Константин Багрянородный, гл. 9).

Если рассматриваемая граненая бусина из горного хрусталя попала на Псёл в рамках этих контактов, то вероятнее всего это произошло в эпоху наибольшего распространения днепровских фибул, то есть в последней трети VI — первой половине VII в.

⁴ О датировке днепровских фибул см.: *Казанский*, 2014. С. 53–55.

Айбабин, Хайрединова, 2008 — *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник у села Лучистое. Симферополь; Керчь: Адеф-Украина, 2008. Т. I: Раскопки 1977, 1982–1984 годов. 334 с.

Айбабин, Хайрединова, 2014 — *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник у села Лучистое. Симферополь; Керчь, 2014 (Боспорские исследования. Supplementum 4). Т. II: Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 годов. 400 с.

Айбабин, Хайрединова, 2017 — *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Крымские готы страны Дори

(середина III — VII в.). Симферополь: Антикава, 2017. 367 с.

Байтаков и др., 2005 — *Байтаков К. М., Смагулов Е. А., Ергигитова А. А.* Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: Изд-во Баур, 2005. 236 с.

Веймарн, Айбабин, 1993 — *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 206 с.

Воронов, 2003 — *Воронов Ю. Н.* Могилы апсиллов. Итоги исследования некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003. 347 с.

- Воронов, Шенкао*, 1982 — *Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К.* Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.: Наука, 1982. С. 121–165.
- Гей, Бажан*, 1997 — *Гей О. А., Бажан И. А.* Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.: ИА РАН, 1997. 144 с.
- Казанский*, 2001 — *Казанский М. М.* Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах (Армавирского Краеведческого музея). Армавир; Краснодар, 2001. Вып. 7. С. 41–58.
- Казанский*, 2010 — *Казанский М. М.* «Вожделские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. I. С. 325–338.
- Казанский*, 2014 — *Казанский М. М.* Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137.
- Константин Багрянородный — Константин Багрянородный. Об управлении империей. [Греч.] текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1989. 493 с.
- Левина*, 1994 — *Левина Л. М.* Джетыясарская культура. М.: ИЭИА, 1994 (Низовья Сырдарьи в древности; Вып. IV). Ч. 3–4: Могильники Алтынасар 4. 312 с.
- Левина*, 1996 — *Левина Л. М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- Мастыкова*, 2001 — *Мастыкова А. В.* Халцедоновые бусы эллипсоидной формы эпохи раннего средневековья: распространение, датировка, социальная атрибуция // РА. 2001. № 2. С. 23–37.
- Мастыкова*, 2004 — *Мастыкова А. В.* Янтарные бусы с нарезным декором эпохи Великого переселения народов // РА. 2004. № 3. С. 55–67.
- Мастыкова*, 2009 — *Мастыкова А. В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н. э. М.: ИА РАН, 2009. 500 с.
- Мастыкова и др.*, 2016 — *Мастыкова А. В., Казанский М. М., Сапрыкина И. А.* Пашковский могильник № 1. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. Т. 2: Исследование материалов Пашковского могильника № 1. 370 с.
- Смирнов*, 2016 — *Смирнов К. Ф.* Пашковский могильник № 1. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. Т. 1: Раскопки Пашковского могильника № 1 в 1947–1949 гг. 276 с.
- Репников*, 1906 — *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов // Известия ИАК. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1906. Вып. 19. С. 1–80.
- Штерн*, 1897 — *Штерн Э.* К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: «Экономическая» типография и литография, 1897. Т. 20. С. 1–15.
- Щеглова, Бажан*, 1983 — *Щеглова О. А., Бажан И. А.* Поселения Курочкин-3 и Картамышево-3 на Верхнем Псле // КСИА. 1983. Вып. 175: Средневековая археология Восточной Европы. С. 62–67.
- Bemmann et al.*, 2013 — *Bemmann J., Schneider K., Gercken A., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freeden U.* Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuße des Mangup. Mainz, 2013 (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Vol. 108). 100 S.
- Busch, Korteweg*, 1988 — *Busch U., Korteweg W. K.* Ein merowingerzeitliches Kindergrab aus Aulni-zeux. Überlegungen zu Bergkristallobjekten aus merowingerzeitlichen Grabern // Bulletin de la Societe Archeologique Champenoise. 1988. Т. 81, № 4. S. 9–22.
- Giessler-Müller*, 1992 — *Giessler-Müller U.* Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Basel-Kleinhüningen. Derendingen; Solothurn: Habegger Verlag Derendingen-Solothurn, 1992 (Basler Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte; Bd. 11 B). 221 S.
- Ivanišević et al.*, 2006 — *Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A.* Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris, 2006. 351 P.
- Kazanski, Mastykova*, 2003 — *Kazanski M., Mastykova A.* Les éléments germaniques dans la civilisation de la population du Caucase du Nord à l'époque des Grandes Migrations // Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Neumünster: Wachholtz Verlag. 2003. S. 135–176.
- Kazanski, Mastykova*, 2007 — *Kazanski M., Mastykova A.* Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium (VIIe av. J.-C. — VIIe ap.J.-C.). (Abkhazie, Caucase). Vol. 2: L'étude du site. Oxford, 2007 (BAR International Series; S1721). 482 P.
- Koch et al.*, 2017 — *Koch U., Pichler S., Alt K. W.* Archäologische Quellen zur Frühgeschichte Heilbronn und seiner Stadtteile. Fundberichte aus Baden-Württemberg. 2017. Bd. 37. 514 S.

- Legoux et al.*, 2004 — *Legoux R., Périn P., Vallet F.* Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 2004. 65 p.
- Mączyńska et al.*, 2016 — *Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I.* Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des RGZM, 2016. 180 S.
- Meaney*, 1981 — *Meaney A. L.* Anglo-Saxon Amulets and Curing Stones. Oxford: *British Archaeological Reports*, 1981. 364 P. (BAR British Series; 96.)
- Molodin*, 1995 — *Molodin V. I.* Sopka 2, Grab 688 — ein reiches hunno-sarmatisches Männergrab in der westsibirischen Waldsteppe // *Transeuropen Beiträge zur Bronze und Eisenzeit sibirischen Waldsteppe zwischen Atlantik und Altai: Festschrift für M. Primas: Abhandlungen zur Frühgeschichte, zur klassischen und povinzeill — rolischen Archäologie und zur Geschichte des Altertums.* Bonn, 1995. Bd. 34. S. 277–285.
- Quast*, 1993 — *Quast D.* Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart: Theiss, Konrad, 1993 (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg; Bd. 52). 162 S.
- Roth, Theune*, 1988 — *Roth H., Theune C.* SW 0 ♀ I–V: Zur Chronologie merowingerzeitlicher Frauengräber in Südwestdeutschland. Stuttgart, 1988.
- Schulze-Dörrlamm*, 2002 — *Schulze-Dörrlamm M.* Byzantinische Gürtelschnallen im Römischen-Germanischen Zentralmuseum. Teil I: Die Schnallen mit ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg und mit festen Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz, 2002. 268 S.
- Tempelmann-Mączyńska*, 1985 — *Tempelmann-Mączyńska M.* Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1985. 339 S.
- Vierck*, 1977 — *Vierck H.* Zur relativen und absoluten Chronologie der englischen Grabfunde in England // *Archäologische Beiträge zur Chronologie der Völkerwanderungszeit.* Bonn, 1977. S. 42–52.
- Zábojník et al.*, 2017 — *Zábojník J., Mitáš V., Štubňa J.* Krištáľov ý mnohosten z Čataja. K problematike nálezov z horského krištáľu v archeologických súvislostiach zo Slovenska a na susediacich územiach // *Slovenská archeológia.* Nitra: Archeologický ústav SAV, 2017. Vol. LXV, N 2. Lik. 346–376.

Crystal multifaceted bead from the settlement of Kartamyshevo-3 and contacts between the Middle Dnieper region and the Northern Black Sea littoral in the 6th–7th century

A. V. Mastykova

This paper considers the find of a large multifaceted bead from rock crystal found at the settlement of Kartamyshevo-3 of the Kolochino culture on the Upper Psel (Oboyansky District, Kursk Oblast). Crystal beads of this type are fairly widespread. They are known in the Northern Black Sea region, primarily in Crimea — in the eastern and south-western parts of the peninsula: in Kimmerian Bosporos, Suuk-Su, Skalistinskoye, Luchistoye, Almak-Dere, and Adym-Chokrak. In the Northern Caucasus it is Dyurso, Pashkovskaya 1 cemetery, Bzhid-1, Khabaz, and Bermamyt cemetery. In the Eastern Black Sea area, beads of the type under consideration have been reported from Abkhazia at the following sites: Armenian Atara, Shapka-Abgydzrakhu, Shapka-Alrakhu, Shapka-Apiancha, Shapka-Tserkovny Kholm-4, Chintaluk, Tsibilium-1 and Tsibilium-2. Large-size multifaceted beads from rock crystal were widespread in Central Europe: Zarzów/Sackrau II, Kiszombor, Hegykö, Viminacium, Holubice, as well as in Western Europe: Villeneuve au Châtelet, Stossen, Niederrospe, Basel-Kleinhüningen, Weingarten I, Altenerding, etc.

On the basis of these parallels, the chronology of the crystal faceted beads is defined within the limits of the end of the 3rd / 4th to the second half of the 7th century. It seems that during the Hun period, in the last third of the 4th — last third of the 5th century, crystal beads of this type were used as a rare prestigious element of the 'princely' culture; they are encountered here as single examples probably due to their expensiveness. They become particularly distributed in the mid-5th — 6th century, and, moreover, they are recorded already in graves of the 'middle class.' Most frequently, beads of this kind come from female burials, but they are known from male

graves with swords where they may have served as sword-knots or, as many German archaeologists suppose, as magic pendants on the swords. Large multifaceted beads from rock crystal are provenient, probably, from the Mediterranean basin, but it is not ruled out that they are Sasanid imports. At least, part of them indeed can have been imported from India or Sasanid Iran, as suggested by finds of such beads in Central Asia at the burial grounds in the Syr-Darya basin and necropoleis of the Otrar oasis in Southern Kazakhstan. However in the Caucasus, they are widespread mostly in the western part of the region: Kabardino-Balkaria, Abkhazia, Lower Kuban, and the Black Sea coast of the Northern Caucasus, i.e. in the zone of the Byzantine influence. The Crimean, and perhaps the majority of the Central and West-European crystal beads, similarly to the Caucasian ones, are of Mediterranean provenance.

The crystal multifaceted bead found at the site of Kartamyshevo-3 most probably came to the Middle Dnieper region due to contacts with South-Western Crimea in the last third of the 6th — first half of the 7th century.

Глиняные диски-грузила на территории Древней Руси

Т. А. Пушкина (†2020)¹

Аннотация. В статье рассмотрены находки глиняных грузил для вертикального ткацкого станка, происходящие из раскопок культурного слоя IX — первой половины XI в. ряда древнерусских поселений.

Annotation. The article deals with findings made in process of excavation of Old Russian settlements, in occupational layers of the 9th — the first half of the 11th century.

Ключевые слова: вертикальный ткацкий станок, грузила, период викингов, Гнёздово.

Keywords: vertical loom, loom-weights, Viking period, Gnezdovo.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-289-295

В коллекции находок, происходящих из раскопок многочисленных поселений Древней Руси, осталось довольно много категорий или групп предметов, не привлечших до сих пор особого внимания археологов. К ним относятся в первую очередь предметы или орудия труда, связанные с домашними промыслами. В данном случае речь пойдет о глиняных грузилах для одного из типов вертикального ткацкого станка, находки которых, по мнению многих исследователей, позволяют видеть среди местного населения, оставившего тот или иной памятник рубежа I–II тыс. н. э., и выходцев из Скандинавии. На территории Европы вертикальный ткацкий станок с использованием глиняных дисков-грузил известен с бронзового века и до рубежа X–XI вв. был широко распространен в Скандинавии (Verberg, 2018. P. 1–2). Округлой формы плоско-выпуклые диски (иногда кольца) с отверстием в центре, вручную вылепленные из мелкоотмученной глины и, как правило, слабо обожженные, найденные в обломках и в виде скоплений по несколько десятков экземпляров на целом ряде поселений от Исландии и Британских островов до юго-восточного побережья Балтики, чрезвычайно похожи и близки

как по размерам, так и по оформлению. Их диаметр колеблется от 8 до 18 см, толщина — от 2,5 до 6,0 см, диаметр центрального отверстия — от 1,5 до 3,5 см. Орнаментирована обычно верхняя (выпуклая) поверхность дисков — это пальцевые вдавления, отпечатки гребенчатого штампа, трубочки (трубчатой кости), отдельные наколы острой палочкой, иногда — прочерченные крестообразные фигуры (Штакельберг, 1962).

В первой публикации, посвященной глиняным дискам-грузилам из раскопок Старой Ладogi, Ю. И. Штакельберг назвал всего три древнерусских памятника с такими находками: Старую Ладогу, Белоозеро и Шестовицы (Там же. С. 113). К настоящему времени ареал находок значительно увеличился. Как правило, это находки отдельных обломков или небольших их скоплений, целые экземпляры встречаются редко.

Небольшая часть находок происходит с территории северо-восточной Руси. Так, несколько обломков «своеобразных глиняных колец, или «баранок», было найдено на муромском Тумовском селище в заполнении ямы, связанной с жилищем (Горюнова Е., 1949. С. 98, рис. 36, 1). Позднее Е. И. Горюнова писала, что здесь были найдены «грузики от ткацких станков», однако в подрисуночной подписи указала, что это рыболовное грузило (Горюнова Е., 1961. С. 171, рис. 77, 18).

¹ Кафедра археологии, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, к. 4, г. Москва, 119192, Россия.

Фрагмент глиняного диска-грузила, украшенного пальцевыми вдавлениями, обнаружен в одной из разрушенных построек X в. в Суздале (Седова, 1997. С. 88, рис. 23, 4). Большой обломок (почти половина) аналогичного диска со сгруппированными по 3–5 вокруг центрального отверстия треугольными ямками происходит из нижних напластований Ростова Великого (Леонтьев, 1996. С. 56, рис. 21, 6). Из перепаханного культурного слоя и заполнения 30 материковых ям Тимерёвского селища, датированных временем не ранее середины X в., происходит около 70 находок, которые соответствуют 46 целым грузилам и их обломкам. Как отмечалось авторами публикаций, диаметр дисков колебался от 10 до 15 см, толщина — от 2,5 до 3,5 см. Часть грузил орнаментирована пальцевыми вдавлениями, гребенчатым штампом, на некоторых из них отмечены следы нитей (Дубов, Седых, 1984. С. 111–115; Козлова, 2005. С. 231–232).

Находка обломков 18 разных грузил в Белозере связана с погибшей в пожаре производственной (?) постройкой второй половины X — начала XI в. На выпуклой поверхности части этих находок отмечен орнамент из небольших округлых ямок, на одном грузиле прочерчена крестообразная фигура. Несколько обломков глиняных дисков найдено в слоях селища Никольское V, датированных этим же временем (Захаров, 2004. С. 114–115).

На памятниках северо-западной и западной Руси также преобладают отдельные находки, не образующие заметных скоплений или комплексов. Исключение составляют коллекции из раскопок Старой Ладogi и Рюрикова городища. На территории Земляного городища, каменной крепости и посада Старой Ладogi найдено более 150 целых или почти целых дисков-грузил, а также их многочисленные обломки. Большинство находок происходит из хорошо стратифицированных слоев Земляного городища (на площади около 1750 кв. м здесь отмечено 130 находок) и посада на левом берегу р. Ладожка (Штакельберг, 1962. С. 109–111, рис. 1, 2; Петренко, 1985. С. 91). Обращают на себя внимание два комплекса находок 1948 и 1958 гг. с территории Земляного городища, связанные с остатками сгоревших или разрушенных срубных жилых построек — в первом случае собрано около 30 дисков, во втором — около 35, а еще в двух по 3 и 4 целых экземпляра (Штакельберг, 1962.

С. 113). Метрические показатели старолadoжских дисков близки находкам из Тимерева: диаметр от 7 до 16 см (с преобладанием 11–13 см), толщина 2,5–3,0 см и как исключение — 4–5 см, вес менялся от 450 до 500 г. Большинство находок оказались неорнаментированными, на выпуклой стороне некоторых из них отмечены отпечатки трубочки или полой кости, резного штампа, отдельные регулярно расположенные ямки и пальцевые вдавления.

На Рюриковом городище до недавнего времени в раскопах в южной части холма были известны единичные обломки дисков-грузил (от 2 до 20 фрагментов — всего около 60 единиц), основная часть которых происходила из заполнения углубленных частей трех хозяйственных построек (Носов, 1990. С. 110). В 1980–1989, 2005 гг. в центральной части холма вблизи церкви Благовещенья было раскопано около 1300 кв. м и найдено более 160 аналогичных предметов. Тогда около 70 обломков было обнаружено на общей площади около 68 кв. м в зоне расположения и в заполнении трех углубленных построек также хозяйственного назначения и до 18 фрагментов — за их пределами на площади до 600 кв. м. При продолжении раскопок в 2005 г. на площади 176 кв. м было зафиксировано еще 62 фрагмента и один целый диск, причем больше половины найденных предметов происходит из двух углубленных сооружений конца X в. (26 и 8 находок, соответственно). Кроме того, еще 15 находок (из них только один целый экземпляр, остальные — это обломки) происходили из переотложенного заполнения рва. Концентрация находок на ограниченном участке предположительно объяснялась существованием на этом участке постройки, в которой располагался ткацкий станок (Носов и др., 2005. С. 65; Носов и др., 2017. С. 63, 75, 81, 99). В 2017 г. в траншее вблизи храма Благовещенья было обнаружено скопление из 30 целых грузил и их фрагментов (14 целых, остальные — обломки). С набором из 14 целых дисков и девяти фрагментов, обнаруженным в материковой яме, авторы публикации связывают еще шесть целых экземпляров, найденных местным жителем на этом же участке ранее. Таким образом, с очень небольшого участка (площадью около 7 кв. м) происходит не менее 20 целых глиняных дисков-грузил. Эти находки были достаточно подробно описаны в недавней публикации. Диаметр дисков составляет от 10 до 14 см, толщина — от 2,8 до 6,0 см, вес

установлен для всех целых экземпляров и колеблется от 460 до 720 г (*Дорофеева, Михайлов, 2019. С. 262–263, рис. 2*). Надо заметить, что последний из указанных комплексов, найденный на Рюриковом городище, стоит третьим (после Старой Ладоги) в ряду находок, позволяющих хотя бы приблизительно представить себе место размещения и размеры рамы вертикального станка.

Незначительное число грузил ткацкого станка отмечено в материалах Новгорода. От одной до двух находок (фрагмент или целый предмет) обнаружено в напластованиях второй трети X — первой четверти XI в. на территории пяти усадеб Неревского и Людина конца; на некоторых из них отмечены регулярно расположенные пальцевые вдавления или оттиски штампа (*Мусин, Тарабардина, 2019. С. 770, 773, 776, рис. 3, 6, 7*).

Находки глиняных грузил дважды зафиксированы во время раскопок укрепленной части поселения Городка на Ловати. По одному обломку здесь обнаружено в двух постройках второй половины X в.; на одном из обломков нанесен орнамент в виде четырех небольших округлых ямок (*Горюнова В., 2016. С. 22, 66, рис. 89, 15; 93, 9*).

Только самые общие сведения имеются о находках грузил вертикального ткацкого станка на некоторых других памятниках. Так, не очень внятно упомянуты глиняные диски-грузила (или диск? — *Прим. авт.*) среди материалов Пскова, отнесенных к концу IX — началу XI в., и в коллекции находок с территории Нижнего Замка в Витебске (*Белецкий, 1979. С. 11, рис. 6, 18; Штыхов, 1972. С. 79*). Единичная находка глиняного диска происходит с территории Шестовицкого поселения — в заполнении полуземлянки второй половины X — первой половины XI в. был обнаружен диск диаметром 12 см, толщиной 3 см, имевший отверстие в центре, интерпретированный как «светильник» (*Станкевич, 1962. С. 12, рис. 2, 11*). Скопление «круглых керамических дисков», то есть глиняных дисков-грузил, обнаружено на территории черниговского детинца в заполнении углубленного в материк сооружения, датированного X в. (*Казиков, Черненко, 2007. С. 120*).

Заметное количество находок дисков-грузил (в основном это обломки) происходит из культурного слоя Центрального поселения в Гнёздове, а точнее — террасной части памятника². За все

годы планомерного исследования было собрано 510 крупных и мелких фрагментов. Находки целых экземпляров в Гнёздове пока неизвестны. Наиболее крупные обломки позволили определить форму и возможные метрические показатели целых предметов (рис. 1).

Грузила имели форму округлого плоско-выпуклого диска, но форма их не всегда идеально круглая, иногда отмечается небольшая неровность. По фрагментам, составляющим более половины предмета, иногда видно, что центральное отверстие слегка сдвинуто к краю. Диаметр гнёздовских дисков варьирует от 8 до 16 см, но преобладает поперечник от 11 до 14 см; толщина в центральной части — от 1, 8 до 3,5 см, диаметр центрального отверстия — от 1,5 до 3,5 см. В нескольких случаях склеенные фрагменты позволили установить вес грузил — он колеблется от 350 до 560 г, причем не всегда меньший диаметр соответствовал меньшему весу. Обычно поверхность этих дисков ничем не украшена, и, видимо, только небольшая часть грузил была орнаментирована. На выпуклой (лицевой) стороне обломков отмечены ногтевые вдавления, расположенные почти в шахматном порядке, пальцевые — бессистемно или вокруг центрального отверстия, радиально расположенные отпечатки гребенки, аккуратные округлые ямочки (диаметром до 0,3–0,4 см), расположенные по кругу, отдельно или неровными группами; хаотично разбросанные крестообразные отпечатки расщепленной палочки или полой трубочки; на одном из фрагментов сохранилась ровная круглая ямка с плоским дном и диаметром 1,4 см, а глубиной до 0,6 см, на поверхности другого неровно и глубоко прочерчен крест. Таким образом, в целом

так как материал полностью не обработан. Общая исследованная площадь террасной части поселения почти в два раза больше указанной в таблице 1, но до 1970 г. (включительно) обломки глиняных грузил не выделялись среди массового материала и индивидуальных находок и специально не фиксировались. В какой-то мере это можно объяснить тем, что мелкие или орнаментированные обломки глиняных дисков оставались незамеченными среди массового керамического материала. Другая вероятная причина — непонимание принадлежности фрагментов. Обе причины подкреплены опытом работы автора с коллекциями массового материала. В связи с этим здесь представлены данные по площадям, исследованным с 1971 по 2016 г.

² В данном случае не привлечены данные о находках с территории пойменной части гнёздовского селища,

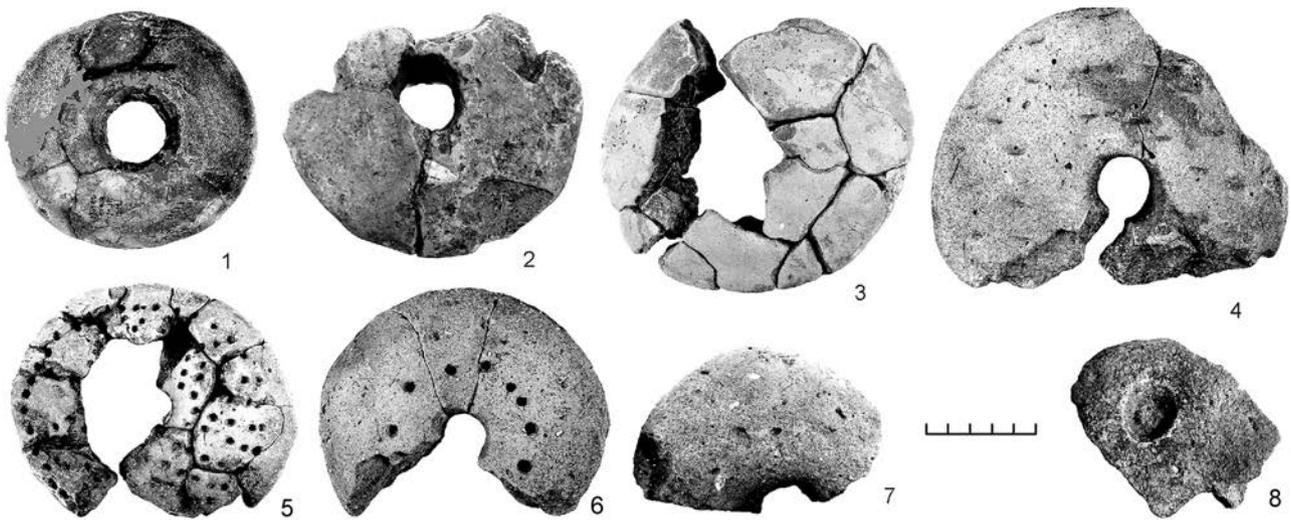

Рис. 1. Глиняные грузила-диски с территории Центрального поселения в Гнёздове

Fig. 1. Clay discoid spindle-whorls from the area of the central settlement at Gnezdovo

эти находки вполне вписываются в рамки материалов из описанных выше памятников.

Размеры и приемы орнаментации грузил из Гнёздова очень близки отмеченным у находок из Бирки — памятника конца VIII — X в., к которому все мы привыкли обращаться в поисках аналогий. В коллекции происходящих из слоев Черной земли грузил авторы современных публикаций отмечают чрезвычайную фрагментированность находок — число зарегистрированных обломков превышает 1300 единиц. Среди более 600 экземпляров, форма и размер которых восстанавливаются практически полностью, преобладают плоско-выпуклые округлые диски, имеющие диаметр от 11 до 14 см; вес колеблется от 200 до 1900 г, но в основном соответствует 400–800 г, а 12 % из всех найденных украшены пальцевыми вдавлениями, отпечатками различных штампов или трубочек, прочерченными линиями (Ambrosiani et al., 1973. S. 152; Andersson, 2003. P. 80–82; Sörling, 2018. S. 204–210).

Гнёздовские грузила вылеплены из хорошо промешанной плотной ожелезненной глины³. По примесям в глиняном тесте и характеру формы и внешней поверхности гнёздовские диски можно очень условно разделить на две группы. К первой группе относится большинство фрагментов — это обломки округлых дисков из глины с примесью органики и песка, поверхность гладкая или

слегка шершавая, цвет варьирует от светлого коричневатого-красного до желтого, в изломе — темно-серый или серый. Вторую группу составляют обломки дисков неровной формы — у них тесто более рыхлое, примесь — крупный песок и редкая дресва, поверхность неровная, бугристая, цвет — от коричневого до серого, в изломе — темно-коричневый или черный. Надо заметить, что состав глиняного теста ткацких грузил отличается от состава теста, из которого выделялась бытовая посуда в Гнёздове. Для глиняного теста лепной и раннекруговой посуды, кроме органической, здесь характерна примесь дресвы и, очень редко, шамота (Шарганова, 2011. С. 12, 18). Пока трудно объяснить причину этого различия. Было бы интересно сравнить между собой состав глиняного теста грузил и других керамических изделий (пряслиц, например) Гнёздова и с аналогичными материалами других памятников, таких как Старая Ладога, Рюриково городище, Белоозеро или Чернигов, но это отдельный вопрос, не входящий в задачи статьи.

Обломки глиняных грузил ткацкого станка, неравномерно рассеянные по всей территории поселения, обнаружены в пахотном слое, на редких участках непо потревоженного слоя и в заполнении материковых ям (табл. 1).

Совершенно очевидно, что большинство находок происходит с территории Центрального городища и лежащей к востоку от него части селища (503 из 510 единиц, то есть более 98 %). Сохранность слоя на разных участках поселения

³ Благодарю О. Л. Шарганову за любезные консультации по этому вопросу.

Таблица 1. Находки грузил вертикального ткацкого станка на территории Центрального поселения в Гнёздове
 Table 1. Finds of loom weights for a vertical loom from the Central Settlement in Gnezdovo

Часть поселения	Исследованная площадь, кв. м	Общее количество находок	Количество находок в зависимости от условий находки		
			Слой не нарушен	Хоз. ямы	Слой нарушен
Центральное городище	1808	163 (32 %)	59 (36 %)	24 (15 %)	80 (49 %)
Восточное селище (левый берег р. Свинец)	1540	340 (67 %)	10 (3 %)	137 (40 %)	193 (57 %)
Западное селище (правый берег р. Свинец)	310	5 (до 1 %)	3	–	2
Северное селище (территория по обоим берегам р. Свинец, занятая д. Гнёздово и Глущенки)	337	2 (до 1 %)	–	–	2
Всего	3995	510 (100 %)	72 (14 %)	161 (32 %)	277 (54 %)

различна. Культурный слой Центрального городища, толщина которого на исследованных участках колеблется от 0,6 до 1,5 м (без учета заполнения материковых ям) не только перекопан огородами, но и прорезан военными и коммуникационными траншеями. Однако здесь сохранились небольшие «островки» ненарушенного позднейшими перекопами слоя X в. мощностью до 0,4 м и более. Культурный слой селища, общая мощность которого в редких случаях превышает 0,3 м (без учета заполнения материковых ям) распахивался в течение долгого времени, и здесь только в редких случаях удалось обнаружить нетронутые напластования незначительной толщины.

Два заметных скопления грузил вертикального ткацкого станка отмечены на площадке Центрального городища: в юго-восточной (85 % от всех находок с этой территории) и юго-западной части (84 % находок с мысового участка городища). Почти половина находок юго-восточной части площадки группируется на ограниченной площади и происходит из заполнения хозяйственных ям и частью из слоя на прилегающей к ним территории. Культурный слой этого участка в целом насыщен отходами и орудиями ремесленного (ювелирного, в первую очередь) производства (обрезками пластин из цветного металла, обломками литейных форм, тиглей, льячек и т. д.) и образует одну из производственных «зон» поселения (Енисова, 1999. С. 11). На этой же территории концентрируются находки скандинавских украшений и амулетов (Енисова, 2009. Табл. 2).

Фрагменты грузил, происходящие из юго-западной части городища, образуют две группы, резко отличающиеся условиями своего расположения. Одна из них — это обломки характерной формы, найденные при разборке хорошо сохранившегося слоя с развалами каменных очагов и следами наземных жилых построек, сооруженных не ранее второй трети X в. Вторую группу составили мелкие, невыразительные фрагменты, обнаруженные при разборке культурного слоя, насыщенного бытовыми отходами и сброшенного или сдвинутого с площадки на южный склон городища еще в древности (Пушкина, 2017. С. 93–94). Данный участок склона расположен всего в нескольких метрах от участка с остатками жилых построек и слоями обнаружения первой группы и, несомненно, с ним каким-то образом связан. Остается добавить, что для юго-западной части площадки городища также характерны находки предметов скандинавского происхождения.

На селище особенная концентрация находок зафиксирована на участке Восточного селища, исследованном в 1987–1998 гг. (раскоп ВС-10, площадь 406 кв. м): 145 фрагментов глиняных грузил происходит из непотревоженного пахотой слоя и заполнения материковых ям. Под перепаханным на глубину не менее 0,3 м культурным слоем удалось проследить следы неоднократно возобновляемых на одном и том же месте наземных и углубленных построек и связанные с ними хозяйственные ямы второй половины X — начала XI в. Обычно в ямах находили от одного до пяти фрагментов, но

в данном случае в четырех углубленных сооружениях было собрано более 100 фрагментов грузил (11+67+14+10), большинство которых имели довольно крупные размеры. Особенностью этой части Гнёздовского поселения является сочетание значительного числа найденных здесь скандинавских языческих амулетов из черного и цветных металлов с ярко выраженными следами их изготовления на месте, а также свидетельствами обработки кости или рога (Ениосова, 2009. С. 270, табл. 2).

Сосредоточение находок грузил вертикального ткацкого станка, характерного элемента скандинавского быта того времени, на участках гнёздовского поселения, где зафиксированы

несомненные признаки местного производства скандинавских украшений и амулетов, хорошо перекликается с результатами исследований поселений периода викингов в самой Скандинавии. Анализ мест находок орудий прядения и ткачества (в том числе грузил для вертикального станка) на территории Средней Швеции (Бирка и район озера Меларен) не позволил автору говорить об отдельных специализированных постройках, связанных с обработкой пряжи и изготовлением текстиля (Andersson, 2003. Р. 96, 113). Ткацкие грузила и их обломки были найдены в пределах жилых и хозяйственных сооружений, во многих случаях вместе со следами металлообрабатывающего ремесла.

Белецкий, 1979 — Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова (Археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. 1979. Вып. 160. Средневековые древности Восточной Европы. С. 3–18.

Горюнова В., 2016 — Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 349 с.

Горюнова Е., 1949 — Горюнова Е. И. Муромская экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII. С. 97–101.

Горюнова Е., 1961 — Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (МИА; № 94). 267 с.

Дорофеева, Михайлов, 2019 — Дорофеева Т. С., Михайлов К. А. Находка уникального комплекса глиняных дисков-грузил на Рюриковом городище в 2017 г. // НиНЗИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2019. Вып. 32. С. 262–265.

Дубов, Седых, 1984 — Дубов И. В., Седых В. Н. К вопросу о хронологии и назначении глиняных дисков // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 111–18.

Ениосова, 1999 — Ениосова Н. В. Ювелирное производство Гнёздова (по материалам курганов и поселения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: б. и., 1999. 17 с.

Ениосова, 2009 — Ениосова Н. В. Новые находки скандинавских амулетов в Гнёздове // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М.; Великий Новгород; СПб.: Леопарт, 2009. С. 255–275.

Захаров, 2004 — Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 529 с.

Казаков, Черненко, 2007 — Казаков А., Черненко Е. Черниговский детинец IX–XIII вв. в свете новых археологических материалов // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: Збірник наукових праць. Чернігів: Изд-во Деснянська правда, 2007. С. 119–125.

Козлова, 2005 — Козлова М. М. К вопросу о датировке глиняных грузил Тимерёвского поселения // Альманах молодых археологов. СПб.: Нестор-История. 2005. С. 230–236.

Леонтьев, 1996 — Леонтьев А. Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 340 с.

Мусин, Тарабардина, 2019 — Мусин А. Е., Тарабардина О. А. Скандинавы среди первопоселенцев Новгорода по данным археологии // Вестник СПбГУ. Сер. История; Т. 64, вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 762–785.

Носов, 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Л.: Наука, 1990. 216 с.

Носов и др., 2005 — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 402 с.

Носов и др., 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 285 с.

Петренко, 1985 — Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Л.: Наука, Лен. отд., 1985. С. 81–116.

Пушкина, 2017 — Пушкина Т. А. Отчет о раскопках Смоленской археологической экспедиции МГУ

- на территории Гнёздовского комплекса археологических памятников (Центральное поселение) в 2016 году. Т. 1. М., 2017 // Научно-отраслевой архив ИА РАН.
- Седова, 1997 — Седова М. В. Суздаль в X–XI веках. М.: Русский мир, 1997. 235 с.
- Станкевич, 1962 — Станкевич Я. В. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 г. // КСИИМК. 1962. Вып. 87. С. 6–30.
- Шарганова, 2011 — Шарганова О. Л. Керамика Смоленского Поднепровья конца I — начала II тыс. н. э. (Технология и морфология): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.
- Штакельберг, 1962 — Штакельберг Ю. И. Глиняные диски из Старой Ладogi // АСГЭ. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. Вып. 4. С. 109–115.
- Штыхов, 1972 — Штыхов Г. В. Очерки по археологии Белоруссии. Ч. II. Минск: Наука и техника, 1972. 250 с.
- Ambrosiani et al., 1973 — Ambrosiani B., Arrhenius B., Danielsson K., Kuhlberg O., Werner G. Birka. Svarta Jordens Hamnområde. Arkeologisk undersökning 1970–1971. Stockholm: RAÄ, 1973.
- Andersson, 2003 — Andersson E. Tools and Textile Production from Birka and Hedeby: Excavations in the Black Earth 1990–1995. Stockholm: Riksantikvarieämbetet, 2003 (Birka Studies; Vol. 8). 166 S.
- Sörling, 2018 — Sörling E. Fynden från «Svarta jorden» på Björkö... far Hjalmar Stolpes undersökningar. Katalog. Uppsala, 2018.
- Verberg, 2018 — Verberg R. Warp-weighted loom weights: Their story and Use., 2018. с.

Clay discoid loom-weights from the territory of Old Rus'

T. A. Pushkina

This article deals with findings of clay loom-weights for vertical looms from excavations of occupational layers of the 9th — the first half of the 11th century at Old Russian settlements. The numerous findings of such objects were retrieved at sites located in the north-western part of Russia, whereas they are extremely rare in the South, i.e. at the middle reaches of the Dnieper River. The author adduces metric parameters of such loom-weights and notes a peculiarity of their distribution over a settlement's territory. The shape and size of the findings from Old Russian layers are nearly identical to the parameters of loom-weights found during excavations of sites in Northern Europe. Vertical loom with loom-weights constitutes a characteristic element of the material culture and everyday life of the population of Scandinavia in the Viking Age. Therefore these loom-weights present additional archaeological evidence of the presence of Scandinavians among the population of Old Rus'.

Смоленск и Гнёздово¹

Н. А. Кренке, И. Н. Ершов, В. А. Раева²

Аннотация. Статья посвящена дискуссии о локализации древнейшего Смоленска, соотношении Смоленска и Гнёздова. В фокусе внимания новые данные о находках на Соборной горе Смоленска, в том числе результаты радиоуглеродного датирования.

Annotation. The article is devoted to discussion where was the place of initial Smolensk, to the competition between Smolensk and Gnezdovo. New data from Cathedral Hill in Smolensk are in the focus of attention. Radiocarbon dates are discussed as well.

Ключевые слова: Смоленск, Гнёздово, лепная керамика конца I тыс. н. э., радиоуглеродные даты.

Keywords: Smolensk, Gnezdovo, hand made pottery dated from the end of 1st millennium, radiocarbon dates.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-296-303

Смоленск и Гнёздово составляют классическую пару древнейших поселенческих центров древнерусского государства, над историческим осмыслением которой «ломают копья» историки и археологи уже более 100 лет. Проблема эта очень близка проблеме другой «пары» — Рюриково городище и Новгород, изучению которой посвятил большую часть своих работ Е. Н. Носов. В связи с этим новые данные, полученные Смоленской экспедицией ИА РАН в 2014–2018 гг., представлены в этом сборнике.

Историография проблемы соотношения Смоленска и Гнёздова довольно детально изложена в работах Л. В. Алексеева (Алексеев, 1980) и Н. В. Сапожникова (Сапожников, 2016). Добавим лишь некоторые акценты, о которых раньше напрямую не писали.

Фактически рассматривались две основные версии: 1) последовательная смена местоположения Смоленска; 2) параллельное существование Гнёздова и Смоленска.

Автор первой версии А. А. Спицын, по-видимому, исходил из того, что невозможно представить,

что такой обширный археологический комплекс, как Гнёздово, был пропущен письменными источниками. Следовательно, его следует идентифицировать с географически ближайшим древним топонимом Смоленск. Эта версия оказалась очень притягательной. Ей следовали такие ученые, как А. Н. Лявданский, И. И. Ляпушкин, Е. А. Шмидт, и современные исследователи Гнёздова — Т. А. Пушкина, В. В. Мурашева, В. С. Нефёдов (Нефёдов, 2012). «Подводными камнями» этой версии являлись: а) «проблема IX века»; б) отсутствие достаточных данных о древностях территории исторического ядра современного Смоленска.

«Проблема IX века» возникла отчасти из-за конкуренции двух команд, изучавших Гнёздово — московской и ленинградской. И. И. Ляпушкин, имевший обширный опыт знакомства со славянскими древностями VIII–IX вв., приступив к работе в Гнёздово, немедленно обнаружил большую схожесть материала центрального гнёздовского селища (керамика, височные украшения) с исследованным им ранее Новотроицким городищем (Ляпушкин, 1971). Ученики И. И. Ляпушкина (В. А. Булкин, Г. С. Лебедев) с энтузиазмом стали искать подтверждение хронологической гипотезы своего руководителя в комплексах курганов. Попытались выделить курганы

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00559-А «Археологическое изучение древнейшего Смоленска»).

² Отдел археологии Московской Руси, Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия.

IX в. (Булкин, 1975). Московская команда, учававшая в основном курганы под руководством Д. А. Авдусина, указывала на уязвимость попыток удревнить курганы. Действительно, датировка курганов X в. выглядит более фундированно. Однако следует отметить, что отсутствие курганов IX в. в сохранившейся части могильника совсем не означает их отсутствия вообще. Ранние курганы IX в. должны были быть уничтожены (!) стремительно росшим центральным гнёздовским селищем X в. Поэтому не совсем уж беспочвенными были попытки Д. А. Авдусина увидеть разрушенные курганы в пределах центрального селища и городища. Другое дело, что он сильно «перегибал палку», долго отрицая наличие самого поселения. Отрицая IX в. в Гнёздово, сторонники версии «Гнёздово = древнейший Смоленск», загоняют сами себя в тупик. Как же тогда летописное упоминание Смоленска под 882 г. (упоминание 863 г. нельзя считать достоверным)?

После долгих лет «борьбы с IX веком» московская команда начала сдавать позиции. С. Ю. Каинов тщательно собрал данные о находках VIII–IX вв. на гнёздовских поселениях (городище и центральном селище). Оказалось, что они составляют внушительную серию (Каинов, 2015). Другим основанием послужили серия радиоуглеродных дат (пока не опубликованных) из «гнёздовской» погребенной почвы в пойменной части центрального селища, полученных географами (А. В. Панин), а также результаты анализа материала (керамики, бус и бисера) из нижних двух горизонтов раскопа возле пойменного озера Бездонка (Мурашева и др., 2018). Нужно сказать, что радиоуглеродные даты, полученные в 2017 г., совпали с датой, полученной нами ранее при зачистке обнажения берега Днепра вблизи от центрального селища (Александровский и др., 2005. С. 116). В этой зачистке не было встречено археологических находок, но уголь кострища в толще аллювия между двух погребенных почв, вероятнее всего, антропогенного происхождения. Полученная дата 1200 ± 100 (ГИН-11959) при калибровке³ с наибольшей вероятностью (46 %) указывает на интервал 760–900 гг. н. э. Таким образом, «проблема IX в.» постепенно перестает быть актуальной для Гнёздова.

Изучение территории собственно Смоленска сильно отставало от изучения Гнёздовского

комплекса. Кроме того, фактически не было публикаций уже найденного. Поэтому более осторожные исследователи (А. Н. Лявданский, И. И. Ляпушкин) писали, что Гнёздово = древнейшему Смоленску, пока в самом Смоленске не обнаружат слоев конца I тыс. н. э. Другие исследователи постепенно забывали эту оговорку.

Особенно следует рассмотреть стоявшую особняком позицию Д. А. Авдусина по этому вопросу (Авдусин, 1991). Приступая к работам в Гнёздово в 1949 г., Д. А. Авдусин придерживался совсем другой точки зрения, нежели в 1991 г. Первоначально он соглашался с мнением своего учителя А. В. Арциховского, поддерживавшего гипотезу А. А. Спицына о локализации Смоленска IX–X вв. на территории современного Гнёздова. Эта позиция молодого исследователя встретила жесткую критику со стороны смоленских историков (Д. П. Маковский, Н. В. Андреев). В протоколах 1950 и 1951 гг., зафиксировавших обсуждение в Смоленском краеведческом музее планов и итогов первых раскопок Смоленской экспедиции МГУ (хранятся в Государственном архиве Смоленской области⁴), ярко отразилась эта борьба. Смоленские историки не хотели видеть Д. А. Авдусина, отрицающего Смоленск в Смоленске, в качестве раскопщика города, предлагали пригласить ему на смену П. Н. Третьякова. Д. А. Авдусин оказался «между двух огней» и круто изменил свою позицию. Однако, не соглашаясь со своими смоленскими оппонентами (Маковский, 1963), он считал, что древнейший Смоленск находился где-то в пределах смоленской крепости, но только не на Соборной горе!

Версия параллельного существования Смоленска и Гнёздова была высказана уже В. И. Сизовым (Сизов, 1902). Последователи данной версии стремились объяснить этот дуализм различием в функциях двух поселений. Так возникла концепция о том, что Гнёздово — это погост киевских князей X в. (Петрухин, Пушкина, 1979). В. Я. Петрухин придерживается этой гипотезы и до настоящего времени (Петрухин, 2018). На наш взгляд, стадия исторической интерпретации — это дело будущего. Теперь же необходимо пристальнее рассмотреть археологические материалы, происходящие из двух поселенческих центров, отстоящих друг от друга на 12 км.

³ Использовалась программа OxCal v. 3.9

⁴ Авторы благодарны Т. В. Столяровой, выявившей эти документы.

Гнёздово

Представления о пространственно-хронологической структуре гнёздовского комплекса далеки от завершенности. Еще 20 лет назад Ингмар Янсон указал на то, что вблизи многочисленных отдельных гнёздовских курганных групп следует ожидать наличие поселений (*Jansson, 1997*). Разведки пока проведены на явно недостаточном уровне. Лишь в последние годы стали появляться новые данные о ранее не известных поселенческих объектах.

Также в начальном состоянии находятся наши представления о хронологическом развитии гнёздовского комплекса в I тыс. н. э. Фактически единственными работами на эту тему являются две статьи Е. А. Шмидта, основанные, главным образом, на сборах подъемного материала (*Шмидт, 1974; 1999*). Е. А. Шмидт привел убедительные данные в пользу непрерывности селитебного и хозяйственного освоения долины правого берега Днепра в районе устья речек Ольшанка и Свинец в I тыс. н. э. Во второй-третьей четверти I тыс. н. э. здесь существовали несколько разрозненных поселенческих объектов и единичный погребальный комплекс.

Эти данные Е. А. Шмидта дополняют новые исследования 2016 г. кургана Л-204 в Лесной группе (<http://gnezdovo.com>; *Новиков и др., 2018a*), а также радиоуглеродная дата из шурфа 2017 г. в пойме к югу от Ольшанского городища (*Кренке, 2018*). Дата 1554 ± 26 (UOC-5860) была получена из основания культурного слоя, приуроченного к погребенной почве, скорее всего, по антропогенным углям. Калиброванное значение даты — 430–540 гг. н. э. (вероятность 68 %) ⁵. Палеоботанические исследования этой почвы, проведенные Е. Г. Ершовой, показали, что она содержит фитолиты и пыльцу культурных злаков. Следы распашки были обнаружены под курганами X в. Днепровской группы (*Зозуля, 2018*).

В конце I тыс. н. э. (VIII — первая половина X в.) крупное поселение размером «более 4 га» (*Шмидт, 1974. С. 160*) возникает в Гнёздове на первой надпойменной террасе Днепра, прорезанной руслом р. Свинец. Именно с этим поселением следует связывать не только лепную керамику, но и вещевые находки круга культуры смоленско-полоцких длинных курганов — 14-гранные синие

стеклянные бусы (*Доброва, 2018*), серию трапециевидных привесок, серповидную серьгу, ромбовидные привески, трехдырчатый цепедержатель, а также следы ювелирного производства этих украшений (*Пушкина и др., 2012*). На этом же поселении имеются находки совсем иного культурного круга — это предметы вооружения и снаряжения всадника (*Каинов, 2015*). Исследования XXI в. подтвердили, что размеры поселения больше ареала, прослеженного по подъемному материалу. Под шлейфом пойменного аллювия у подошвы террасы также были выявлены слои с находками IX — начала X в. (*Мурашева и др., 2018*). Наши разведки, проведенные в 2017 г. в пойме возле Ольшанского городища и на бровке террасы к востоку от Днепровской курганный группы, показали, что там также имеются «поселенческие объекты» с лепной керамикой конца I тыс. н. э. (*Кренке, 2018*). Характер этих объектов пока не установлен, здесь необходимы площадные раскопки. Пока лишь можно утверждать, что центральное гнёздовское поселение имело «спутники».

Очень показательные результаты были получены в недавнее время экспедицией МГУ при изучении северо-западной части Центрального селища, на котором работал ранее И. И. Ляпушкин. Здесь был обнаружен фрагмент кольцевого ровика, по-видимому, от снивелированного большого кургана диаметром 17–18 м. В его заполнении наряду с материалами X в. (которые количественно преобладали) были встречены отдельные более ранние находки, которые можно связывать с тушемлинской культурой и культурой длинных курганов. Также здесь был найден изолированный череп, давший радиоуглеродную дату, калиброванное значение которой с наибольшей вероятностью указывает на IX в. (*Новиков и др., 2018b*).

Смоленск

«Аксиома» о том, что в Смоленске нет слоев древнее XI в., стала рушиться в последние годы. Начиная с находок 2005 г. О. М. Олейникова единичных фрагментов лепной керамики конца I тыс. н. э. на Соборной горе и в Заднепровье, ранний материал стал быстро прибывать. Обращение к коллекциям Смоленского краеведческого музея показало, что находки достаточно выразительных фрагментов лепной керамики VIII–X вв. были и у наших предшественников — Д. А. Авдусина (раскоп Согор 1 1951 г.) и Н. Н. Воронина (раскопки 1964 г. древнерусской «капеллы»

⁵ Калибровка проводилась по программе OxCal v. 3.9

на Соборной горе). К этому же времени относится венчик горшка из нижнего слоя в шурфе 1926 г. возле колокольни на Соборном холме (Лявданский, 1926. Табл. XII, 3). К сожалению, невозможно увидеть погибшие в войну находки, на основании которых И. М. Хозеров писал: «Под развалинами (церкви на Спасском холме. — Прим. авт.) прослежены культурные напластования поселения, относимого по керамике, аналогичной по технике керамике Гнёздовских курганов конца IX — XI в. ... сопоставление ряда археологических наблюдений позволяет думать о более обширном, нежели Гнёздово, заселении Смоленска в это время» (Хозеров, 1947. С. 24). Нам пока удалось обнаружить лишь шлейф этого слоя на северо-западном склоне Спасского холма, обращенном к Соборной горе (пер. Реввоенсовета), в котором действительно была найдена лепная керамика конца I тыс. н. э.

В 2014–2016 гг. на северо-восточном склоне Соборной горы было заложено несколько шурфов, которые дали материал конца I тыс. н. э. (рис. 1), залегавший *in situ* (Ершов и др., 2017; Кренке и др., 2015; Кренке и др., 2016а). Лепная керамика, вещевые находки, характерные для культуры смоленско-полоцких длинных курганов (трапециевидные привески со штампованным

орнаментом, 14-гранные голубые бусы), а также сасанидская драхма были найдены в предметериковом слое, в том числе в слабозаглубленной в материк постройке. Керамика того же круга была встречена в шурфах на Смядыни и Рачевке. В 2017–2018 гг. были продолжены поиски южной границы поселения на Соборной горе, для этого были заложены шурфы на территории смежной с ней Васильевской горы (Троицкий монастырь). В результате была зафиксирована стратиграфия, очень сходная с той, что ранее была обнаружена на Соборной горе. На материке залегала тонкая прослойка темного культурного слоя мощностью около 10 см. В ней содержались находки лепной керамики конца I тыс. н. э. (рис. 2). Важным аргументом для обоснования датировки находок являются радиоуглеродные даты (табл. 1). Образцы, давшие возраст около 1200 лет, происходят из предметерикового слоя. Более молодые даты (около 1000 лет) получены по частоколу, прорезавшему древнейший слой.

Размер поселения конца I тыс. н. э. на Соборной горе составляет около 3 га, в ближайшей округе вокруг него также имеются «спутники».

Таким образом, мы видим два примерно равных по размерам крупных одновременных поселения

Таблица 1. Радиоуглеродные даты из древнейшего слоя Смоленска
Table 1. Radiocarbon dates from the earliest stratum of Smolensk

Лабораторный номер	¹⁴ C дата	Калиброванное значение (OxCal v. 3.9), гг. н. э.	Вероятность интервала, %	Паспорт образца
ГИН-154096*	1230±40	760–880 710–750	53,5 14,7	Смоленск 2016, Малая Школьная ул., 20а, шурф 1. Промывка нижнего слоя, уголь
УОС-7993	1238±22	710–820	57,9	Смоленск 2016, Малая Школьная ул. 20а, шурф 1. Пахотный горизонт погребенной почвы, карбонизированные зерна культурных злаков
УОС-4840**	1275±45	675–775	68,2	Смоленск 2017, Б. Советская ул., 7, шурф 1. Поверхность погребенной почвы, обугленные зерна пшеницы
SPb-1512***	1065±35	966–1019	58,3	Смоленск 2014, Малая Школьная ул., 7а. Столбовая яма у восточного борта в канавке в материке, древесина
SPb-1513	1050±30	977–1020	68,2	Смоленск 2014, Малая Школьная ул., 7а. Столбовая яма у западного борта в канавке в материке, древесина

* Геологический институт РАН, Москва. ** Университет г. Оттава, Канада. *** Российский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, лаборатория изотопных исследований.

Рис. 1. План Соборной горы Смоленска с археологическими раскопами: *а* — раскопы с древнерусским материалом без лепной керамики; *б* — раскопы с лепной керамикой VIII–X вв.; *в* — ареал поселения VIII–X вв. на Соборной горе; 28 — шурф на территории Троицкого монастыря; 24 — раскоп 1964 г. «капелла»

Fig. 1. Plan of Sobornaya Gora (Cathedral Hill) with archaeological excavations in Smolensk: *a* — excavations with Old-Russian materials excluding handmade pottery; *b* — excavations with handmade pottery of the 8th–10th century; *v* — the area of the settlement of the 8th–10th century on Sobornaya Gora is marked; 28 — the trench in the territory of the Troitsky Monastery; 24 — excavation of 1964 ('chapel')

Рис. 2. Шурф на территории Троицкого монастыря (Васильевская гора) (А–В), в основании которого зафиксирован культурный слой с керамикой VIII–X вв.: А — профиль северного борта; Б — то же, деталь; В — лепная керамика (1–10); 11 — фрагменты горшка из раскопа 1964 г. «капелла» (Г) (фото В. В. Бегуновой)

Fig. 2. The trench in the territory of the Troitsky Monastery (Vasilyevskaya Gora) (A–B), in the base of which a cultural layer with pottery of the 8th–10th century was revealed: A — profile of the northern edge of the trench; Б — same, detail; В — handmade pottery (1–10); 11 — a pot from ‘chapel’ excavation of 1964 (photo by V. V. Begunova)

конца I тыс. н. э. в окружении более мелких — в Гнёздове и Смоленске. Их различают ландшафтные особенности. Гнёздовское поселение более типично для культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Поселение, занимающее высоты смоленских «гор», — уникально. Видимо, каждое из поселений имело свое собственное имя. Топонимический аргумент (локализация гидронимов Смолигов ручей и речки Смолянка с двух сторон от Соборной горы) свидетельствует, что топоним Смоленск, скорее, можно соотносить с поселением на Соборной горе.

Поселение в Гнёздове сильно опережает поселение на Соборной горе по числу нумизматических находок. Это может быть обусловлено

различными масштабами раскопок на двух памятниках, лучшей доступностью ранних слоев в Гнёздово по сравнению с Соборной горой. Однако вряд ли будет верным «списывать» это различие лишь на перечисленные факторы. Возможно, что поселение на устье Свинца имело торговую функцию в более выраженном виде, нежели поселение на Соборной горе. Судя по набору византийских монет, уже в IX в. торговля Гнёздова с Царьградом процветала (Шевцов, 2017; 2018). «Скандинавская прививка» была сделана именно Гнёздову, и, видимо, во второй половине IX в.

В X в. Гнёздово стремительно расширяется. По данным Т. А. Пушкиной, площадь Центрального поселения достигает 30 га. Маловероятным,

на наш взгляд, является предположение, что Гнёздово являлось киевским погостом. Материальная культура Гнёздова находит прямые параллели в Средней Швеции (Arne, 1952). Какое отношение могли иметь эти шведские скандинавы к киевским рюриковичам? Скорее всего, они были конкурентами.

Поселение на Соборной горе в это время переживает стагнацию или, скорее, упадок. Находки раннекруговой керамики в центре Смоленска единичны. Скандинавские вещи вовсе отсутствуют. Можно выдвинуть осторожное предположение, что отсутствие летописных известий о Смоленске в X в. отражает упадок значения поселения.

В XI в. соотношение Смоленска и Гнёздова меняется с точностью до наоборот. Смоленск стремительно рос, а Гнёздово пришло в упадок. При этом надо отметить, что древности XI–XII вв. в Гнёздове

до самого последнего времени не были в фокусе внимания. Судя по материалам, опубликованным В. С. Курмановским (Курмановский, 2018), на Центральном гнёздовском и Ольшанском городищах, Центральном селище много керамики второй половины XI в. Эта керамика находит близкие аналогии с комплексом посуды ювелирной мастерской второй половины XI в. в пригороде Смоленска на Рачевке (Кренке и др., 2016б).

Высока вероятность, что в изменении баланса в пользу Смоленска существенную роль играла православная церковь. Видимо, обставленное языческими курганами Гнёздово было неудобно для церковного строительства, а полупустынные смоленские горы, наоборот, очень удобны. Фактор христианизации, очевидно, был очень существенен в судьбе древнейших поселенческих центров Руси (Малыгин, 2018).

- Авдусин, 1991 — Авдусин Д. А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнёздово. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 3–20.
- Александровский и др., 2005 — Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефёдов В. С. Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. 2005. № 1. С. 112–123.
- Алексеев, 1980 — Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.: Наука, 1980. 262 с.
- Булкин, 1975 — Булкин В. А. Большие курганы Гнёздовского могильника // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Вып. XX. С. 134–146.
- Доброва, 2018 — Доброва О. П. Стеклобусы Гнёздова по материалам раскопок Центрального городища // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. М.: ГИМ, 2018 (Тр. ГИМ; Вып. 210). С. 102–126.
- Ершов и др., 2017 — Ершов И. Н., Кренке Н. А., Муренцева Т. Ю., Олейников О. М., Раева В. А. Источниковая база по археологии Смоленска VIII–XIII вв. // РА. 2017. № 1. С. 64–80.
- Зозуля, 2018 — Зозуля С. С. Исследования в Днепровской курганной группе Гнёздовского археологического комплекса в 2010–2012 гг. // Гнёздовский археологический комплекс... М.: ГИМ, 2018. С. 181–202.
- Каинов, 2015 — Каинов С. Ю. К вопросу о времени возникновения торгово-ремесленного поселения у дер. Гнёздово // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2015. С. 121–125.
- Кренке и др., 2015 — Кренке Н. А., Ершов И. Н., Аникин И. С., Войцик А. А., Муренцева Т. Ю., Раева В. А., Лавриков М. В., Столярова Т. В. Новые данные об археологии Соборной горы в Смоленске // КСИА. М., 2015. Вып. 240. С. 141–149.
- Кренке и др., 2016а — Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А. Поселение культуры смоленских длинных курганов на Соборной горе Смоленска // АИППЗ. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2016. Вып. 31. С. 317–324.
- Кренке и др., 2016б — Кренке Н. А., Ершов И. Н., Муренцева Т. Ю., Хаврин С. В. Ювелирная мастерская XI в. на Рачевке в Смоленске // КСИА. М., 2016. Вып. 245, ч. 2. С. 7–28.
- Кренке, 2018 — Кренке Н. А. Отчет о разведочных (научных и охранных) археологических работах в г. Смоленске и Смоленской области в 2017 г. // НОА ИА РАН. Р-1, б/н. М., 2018.
- Курмановский, 2018 — Курмановский В. С. Гнёздово и окрестности в XI–XVIII вв. Историко-археологический очерк // Гнёздовский археологический комплекс... М.: ГИМ, 2018. С. 241–266.
- Лявданский, 1926 — Лявданский А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского гос. университета. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 1926. Т. 3, вып. 3. С. 179–296.
- Ляпушкин, 1971 — Ляпушкин И. И. Гнёздово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 33–37.

- Маковский, 1963 — Маковский Д. П. Где находился древний Смоленск // Рабочий путь. Смоленск. 5 сентября 1963 г. С. 3.
- Малыгин, 2018 — Малыгин П. Д. О «парах» и «переносах» городов древней Руси // Земли родной минувшая судьба. М.: ИА РАН, 2018. С. 106–120.
- Мурашева и др., 2018 — Мурашева В. В., Малышева Н. Н., Френкель Я. В. Исследования прибрежной территории озера Бездонка на пойменной части поселения Гнёздовского археологического комплекса // Гнёздовский археологический комплекс... М.: ГИМ, 2018. С. 286–339.
- Нефёдов, 2012 — Нефёдов В. С. Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX — первая половина XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 89–113.
- Новиков и др., 2018а — Новиков В. В., Каинов С. Ю., Сергеев К. С., Белоусов А. А. Результаты комплексных исследований курганов Лесной курганной группы Гнёздовского археологического комплекса // Приборы и системы разведочной геофизики. Саратов, 2018. № 1 (61). С. 71–79.
- Новиков и др., 2018б — Новиков В. В., Шведчикова Т. Ю., Доброва О. П. Раскоп ЦС-V Центрального селища Гнёздова. Результаты археологических изысканий и комплексных антропологических исследований // Гнёздовский археологический комплекс ... М.: ГИМ, 2018. С. 395–410.
- Петрухин, 2018 — Петрухин В. Я. К истории давней дискуссии: Смоленск и Гнёздово // Гнёздовский археологический комплекс... М.: ГИМ, 2018. С. 461–471.
- Петрухин, Пушкина, 1979 — Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города // История СССР. М.: Ин-т истории СССР, 1979. № 4. С. 100–112.
- Пушкина и др., 2012 — Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь IX–X вв. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 243–273.
- Сапожников, 2016 — Сапожников Н. В. Историческая топография древнего Смоленска. Смоленск: Свиток, 2016. 192 с.
- Сизов, 1902 — Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Гнёздовский могильник близ Смоленска. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1902 (МАР; Вып. 28). Вып. 1. 162 с.
- Хозеров, 1947 — Хозеров И. М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска // КСИА. М., 1947. Вып. 11. С. 20–26.
- Шевцов, 2017 — Шевцов А. О. Монеты императора Феофила (829–842) на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. 2017. № 1. С. 141–149.
- Шевцов, 2018 — Шевцов А. О. Коллекции византийских монет Гнёздова и Киева в контексте контактов Руси и Византии в IX–XI вв. // Гнёздовский археологический комплекс... М.: ГИМ, 2018. С. 482–509.
- Шмидт, 1974 — Шмидт Е. А. К вопросу о древних поселениях в Гнёздове // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск: Смолгиз, 1974. Вып. 8. С. 150–164.
- Шмидт, 1999 — Шмидт Е. А. Древнейшие поселения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово в истории России. Смоленск: Изд-во МГУ, 1999. С. 105–118.
- Arne, 1952 — Arne T. Det Vikingatida Gnezdovo Smolensk Foregangare // Arkeologiska Forskningar och Fynd. 11.11.1952. S. 335–462.
- Jansson, 1997 — Jansson I. Warfare, trade or colonisation? Some general remarks on the Eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // The Rural Vikingin Russia and Sweden. Orebro kommund bildningsforvaltning. Orebro, 1997. P. 9–64.

Smolensk and Gnezdovo

N. A. Krenke, I. N. Ershov, V. A. Rayeva

The article discusses the problem of where the earliest town of Smolensk was located and the relations between Smolensk and Gnezdovo. The attention is focused on the new data from the Sobornaya Gora ('Cathedral Hill') in Smolensk. In addition, radiocarbon dates are considered. The final conclusion is that in the 8th–9th century, two settlements existed simultaneously on the Sobornaya Gora in Smolensk and in the Gnezdovo flood plain near the mouth of the Svinets River. Probably, the settlement on the Sobornaya Gora was the first that was mentioned in Russian chronicles. In the 10th century, the Gnezdovo settlement was fast growing up and became the 'centre' of the Smolensk region. The area of the settlement on the Sobornaya Gora markedly decreased in the 10th century having been partly replaced by fields. At the beginning of the 11th century, the situation radically changed. The settlement on the Sobornaya Gora acquired priority.

Литейные формы из раскопок Смоленска

Н. И. Асташова¹

Аннотация. Статья является публикацией литейных форм из раскопок Смоленска. Среди них есть редкий вариант форм для отливки ромбоцитковых височных колец. Это первый случай подобной находки. В сочетании с находками подвесок «племенного» облика эти формы позволяют предполагать существование в городе пришлового сельского населения. Но в середине XII в. характер усадеб изменился, что, вероятно, можно связывать с передачей этой территории смоленской епархии.

Annotation. This paper publishes casting moulds from excavations in Smolensk. They include a rare variant of moulds for casting diamond-shaped temple rings. This is the first instance of such a find. In combination with finds of 'tribal' pendants these forms allow us to suppose the presence of alien rural population in the city. However in the mid-12th century, the character of the estates changed, probably, due to the transference of this territory to the Smolensk eparchy.

Ключевые слова: Древняя Русь, Смоленск, ювелирное производство.

Keywords: Old Rus', Smolensk, jewellery production.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-304-308

Смоленск — один из древнейших русских городов — всегда возбуждал интерес историков. Но утрата большинства письменных источников не позволяла воспроизвести в полной мере историю этого поселения.

Поэтому в 1951 г. экспедицией МГУ под руководством Д. А. Авдусина начались археологические изыскания. Раскопки затронули часть городской территории в пределах крепостной стены: площадку Соборной горы, ее подножие, а также западную часть города.

Наиболее стратиграфически чистыми оказались участки района у подножия Соборной горы (современная ул. Соболева). На этих раскопах хорошо сохраняется органический материал, что позволило собрать коллекцию спилов от разных построек. Дендрохронологическая шкала ярусов 1–20 (всего вскрыто 22 яруса) дала даты от 1605 до 1064 г. (Черных, 1972. С. 93–112; Мясникова, 1980).

Здесь прослежены мостовые улицы и переулка, разделяющие три усадьбы, расположенные

вдоль них (Асташова, 1991). Усадьбы Б и В находятся к востоку от мостовой, усадьба А — западнее (рис. 1).

Вещевой материал представлен почти всеми известными категориями средневековых городских предметов. Особенно яркими и насыщенными оказались пласты XII — начала XIII в.

В слое первой половины XII в. на одной из усадеб (усадьба Б) была обнаружена металлообрабатывающая мастерская, от которой сохранились остатки сруба и печи в центре постройки — сруб № 49–48. Рядом с постройкой прослежены два шлаковых пятна мощностью до 20 см (рис. 1). В пределах усадьбы Б первой половины XII в. найдены ювелирный молоток, напильник, обломки и целые экземпляры сопел и тиглей, а также отходы ювелирного производства: обрезки пластин и проволоки из сплавов на основе меди. Кроме того, именно с этой мастерской связаны находки нескольких заготовок шаровидных бубенчиков, которые паялись из двух половинок, и самое большое количество кусочков янтаря и перламутра, что также можно рассматривать как отходы ювелирного дела.

¹ Отдел археологических памятников, Государственный исторический музей; Красная площадь, д. 1, г. Москва, 109012, Россия.

Из этого же комплекса происходит невыразительный обломок каменной формы с отверстием для крепления, размеры фрагмента 6 × 3 см (рис. 2, 1).

Еще одна форма с территории этой усадьбы обнаружена в слое середины XII в. (рис. 2, 2) и относится к варианту жестких двусторонних литейных форм. Она вырезана из серого известняка, имеет размер 2,8 × 4,8 см и предназначена для отливки крестика и трапециевидной подвески. Находки подобных крестиков широко распространены в памятниках этого времени. Не нуждается в лишнем подтверждении и сведения о частой встречаемости трапециевидных подвесок на территории Смоленской земли.

На соседней усадьбе В найдены две литейные формы. Стратиграфически они датируются 20–30-ми гг. XII в. Это односторонние, серого известняка формы для отливки ромбоцитковых височных колец. На одном экземпляре видны углы двух щитков ромбовидной формы и часть кольца в виде крученой проволоки. На второй форме видны три ромбовидных щитка, декорированных кружковым орнаментом: на двух щитках — по углам, на третьем — по углам и в центре (рис. 2, б). При отливке он должен был получаться выпуклым. Хорошо известно, что щитковые височные кольца с кружковым орнаментом и завязанными концами характерны для Смоленской земли. Орнамент на щитках выполнялся чеканкой или отливался вместе с кольцом, как на наших формах. Широкое распространение этого варианта орнамента обычно относят к концу XII в. (Левашева, 1967. С. 24). В связи с нашими находками представляется возможным уточнить эту дату и отнести распространение колец с таким орнаментом не только на конец, но и на первую треть XII в. Если учесть, что на территории Смоленской земли находки ромбоцитковых колец известны из курганов, то, вполне возможно, какая-то часть их производилась в городе, в частности на нашей усадьбе В.

С усадьбой В связаны находки подвесок «племенного» облика: трефовидная подвеска и подвеска из скрученной проволоки (рис. 2, 11). Обе найдены в слое середины XII в. Первая свидетельствует о присутствии вятичей в Смоленске, поскольку трефовидные подвески считаются атрибутом вятичей (Станюкович, 1981. С. 58–59). Это тем более интересно, что на территории города известна находка вятического погребения середины XII в. (Бело-

церковская, Сапожников, 1980. С. 251–252). Учитывая, что в XII в. в состав Смоленской земли входило смешанное кривичско-вятическое население (Белоцерковская, 1976. С. 23), появление вятических украшений в городе не вызывает удивления.

Подвеска из скрученной проволоки хорошо известна по материалам курганов близ Харлапова Смоленской области (Шмидт, 1957. С. 211). К таким подвескам крепились S-видные цепочки с зооморфными привесками. Одна из них происходит с усадьбы В, из слоя середины XII в. (рис. 2, 12). Заметим, что все эти находки — литейные формы и подвески — обнаружены в соседних квадратах. Одновременность и компактность залегания предметов заставляет предполагать присутствие «сельских» жителей на усадьбе.

Помимо литейных форм с территории усадеб известна еще одна, происходящая с раскопа на нижней площадке Соборной горы. Она не имеет стратиграфической даты, так как найдена в перемешанном слое. Это форма для отливки пятилучевой привески (рис. 2, 3).

Литые подражания, воспроизводящие в упрощенном и уменьшенном виде богатые украшения, известны достаточно давно. Видимо, наша формочка предназначена для отливки именно такой вещи. Об этом свидетельствует и форма привески, и декор, грубо имитирующий зернь. Судя по предмету, который должен был получиться в результате, формочка может датироваться в целом XII в.

В археологическом материале известно несколько пятилучевых литых привесок. Наиболее близкой нашему варианту является бронзовая привеска с Княжей горы. Совпадают их размеры и оформление концов лучей. Различия заключаются в декоре центральной части привески: на экземпляре с Княжей горы — это каплевидный выступ, подобный выступам на больших звездчатых колтах из серебра (Ханенко, 1900. Табл. XVII, 357). На нашей литейной форме центральная часть гладкая, обрамленная крупной зернью (рис. 2, 3).

Как было сказано выше, наши находки литейных форм с территории усадеб не выходят за пределы середины XII в. Уже в 60-е гг. этого столетия резко меняется застройка усадьбы и полностью исчезают следы ремесленного производства (Асташова, 1991. С. 25–27). Вероятно, такие перемены связаны с учреждением смоленской епископии. Об этом свидетельствует Уставная грамота князя Ростислава 1136 г. По мнению Я. Н. Щапова княжеская запись о передаче кафедральной

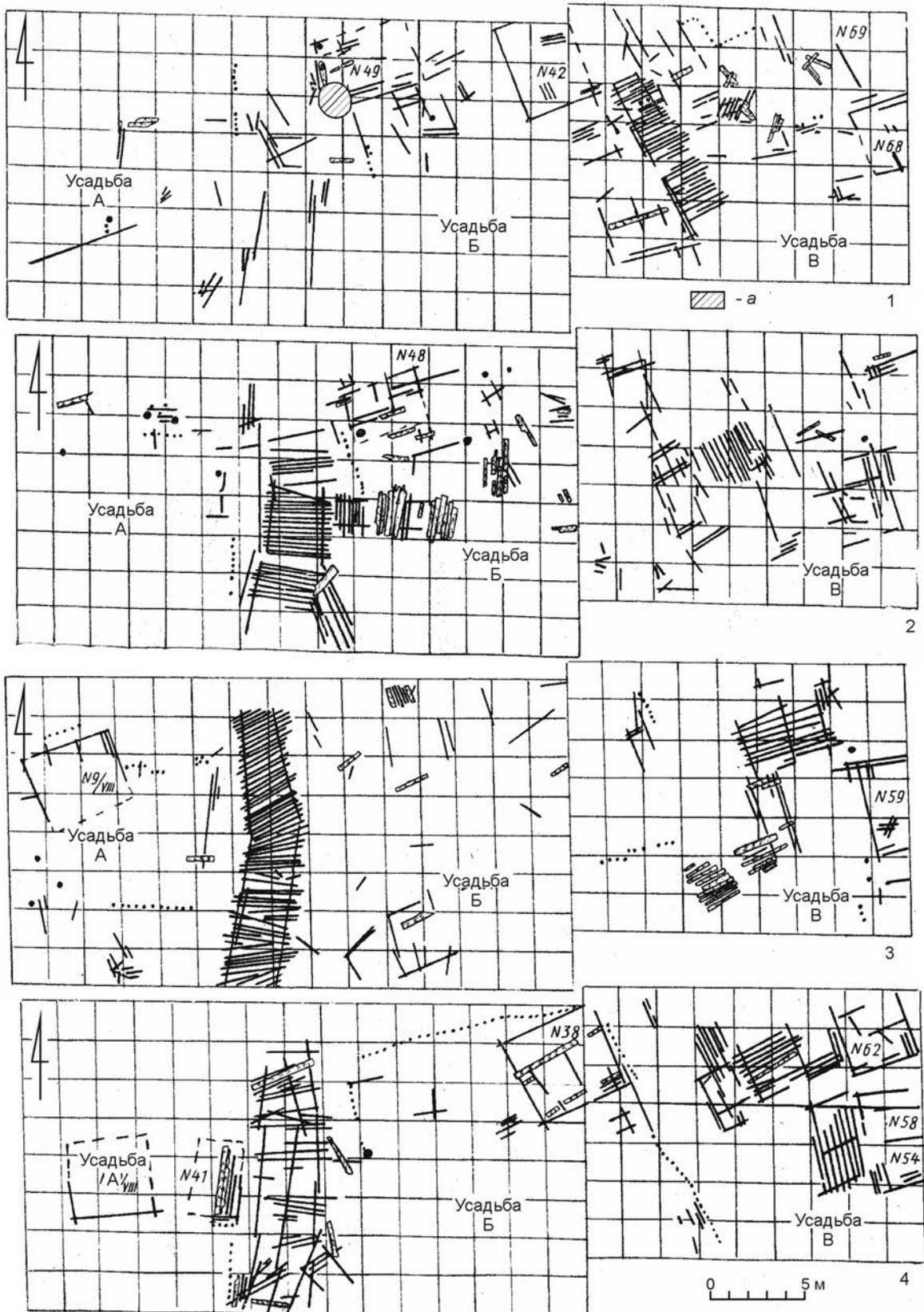

Рис. 1. Смоленск. Раскопы VIII, IX, XI: 1 — ярус 19 (а — пятно шлака); 2 — ярус 18; 3 — ярус 17; 4 — ярус 16

Fig. 1. Smolensk. Excavations VIII, IX, XI: 1 — horizon 19 (a — slag stain); 2 — horizon 18; 3 — horizon 17; 4 — horizon 16

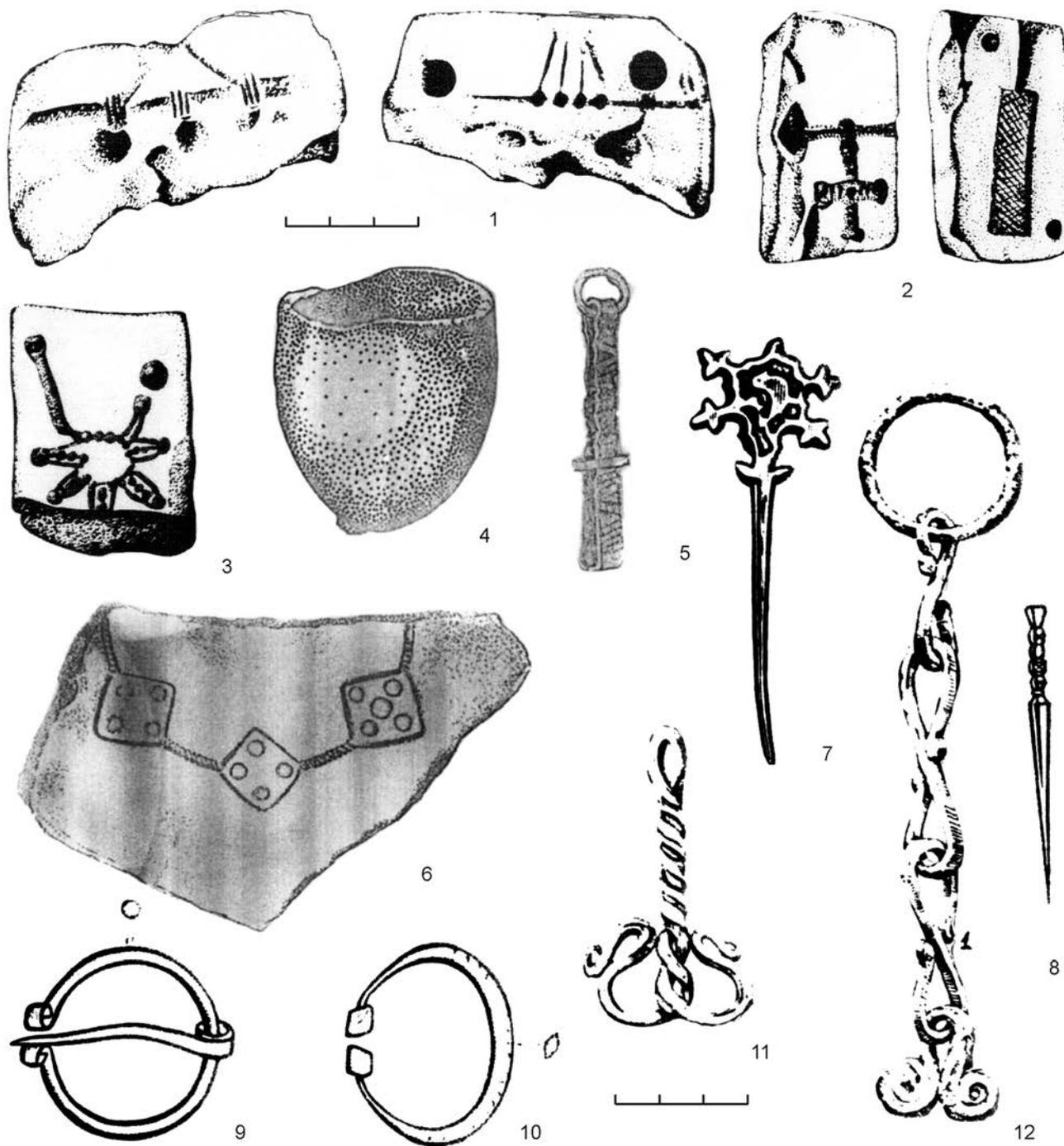

Рис. 2. Литейный инструментарий (1-6) и украшения из цветного металла (7-12): литейные формы (1-3, 6): 1 — ярус 16, пл. 28, кв. 76; 2 — ярус 18, пл. 20, кв. 174; 3 — раскоп II (Соборная гора); 4 — тигель, ярус 19, пл. 22, кв. 174; 5 — пинцет, ярус 19, пл. 25, кв. 144; 6 — ярус 19, пл. 22, кв. 166; 7 — булавка, ярус 16, пл. 19, кв. 136; 8 — булавка, ярус 15, пл. 19, кв. 147; 9-10 — фибулы, ярус 11, пл. 13, кв. 129 и ярус 14, пл. 21, кв. 102; 11 — подвеска, ярус 18, пл. 23, кв. 144; 12 — S-видная цепочка, ярус 19, пл. 30, кв. 108. Раскопы VIII-IX, XI. Ярусы 17, 16

Fig. 2. Casting implements (1-6) and ornaments from nonferrous metal (7-12): casting moulds (1-3, 6): 1 — horizon 16, stratum 28, sq. 76; 2 — horizon 18, stratum 20, sq. 174; 3 — excavation II (Sobornaya Gora), 4 — crucible, horizon 19, stratum 22, sq. 174; 5 — pincers, horizon 19, stratum 25, sq. 144; 6 — horizon 1, stratum 22, sq. 166; 7 — pin, horizon 16, stratum 19, sq. 136; 8 — pin. Horizon 15, stratum 19, sq. 147; 9-10 — brooches, horizon 11, stratum 13, sq. 129 and horizon 14, stratum 21, sq. 102; 11 — pendant, horizon 18, stratum 23, sq. 144; 12 — S-shaped chain, horizon 19, stratum 30, sq. 108. Excavations VIII, IX, XI. Horizons 17, 16

церкви земли «... холм даю..» может относиться к времени 1150 г. (Щапов, 1972. С. 139).

Вторая половина XII в. для Смоленска — самое спокойное и благополучное время за всю его историю: растет площадь города, активизируется экономическая жизнь во всех ее проявлениях, идет большое церковное строительство.

Укрепляется епархия и, получив в пользование участки городской территории, видимо, населяет их людьми, связанными с церковной жизнью (Асташова, 2003. С. 209).

Таким образом, наши находки являются своеобразными маркерами доепархиального периода жизни этого района Смоленска.

Асташова, 1991 — Асташова Н. И. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 21–49.

Асташова, 2003 — Асташова Н. И. Усадебные комплексы Смоленска с находками берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М.: Индрик, 2003. С. 207–217.

Белоцерковская, 1976 — Белоцерковская И. В. Этнический состав населения смоленской земли в XI–XII вв. (по данным погребального обряда): Автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.06) / МГУ, исторический фак-т, кафедра археологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 25 с.

Белоцерковская, Сапожников, 1980 — Белоцерковская И. В., Сапожников Н. В. О вятических древностях из Смоленска // СА. 1980. № 2. С. 251–253.

Левашева, 1967 — Левашева В. П. Височные кольца // Очерки русской деревни X–XIII вв. М., 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43). С. 7–54.

Мясникова, 1980 — Мясникова Н. В. К дендрохронологии древнего Смоленска // СА. 1980. № 2. С. 246–250.

Станюкович, 1981 — Станюкович А. К. Об одном редком типе древнерусских украшений (трефовидные привески) // СА. 1981. № 1. С. 57–65.

Ханенко, 1990 — Ханенко Б. Н., Ханенко В. Н. Древности русские. Кресты и образки. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1990. Вып. 2. VI, 25 с., 16 л. ил.

Черных, 1972 — Черных Н. Б. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972. С. 93–113.

Щапов, 1972 — Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1972.

Шмидт, 1957 — Шмидт Е. А. Курганы XI–XIII вв. у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье // Материалы по изучению Смоленской обл. Смоленск: Смолгиз, 1957. Вып. 2. С. 43–62.

Casting moulds from excavations in Smolensk

N. I. Astashova

An expedition of the State Moscow University directed by D. A. Avdusin started in 1951 archaeological investigations in Smolensk within the defensive wall of the early town: the area of Mt Sobornaya Gora, at its foot, as well as in the western section of the city. The strata of the 12th — early 13th century have proved to be particularly distinctive and rich in archaeological finds.

The finds of fragmentary casting moulds dated from the first half to the middle of the 12th century (Fig. 2, 1, 2) indicate jewellery production at properties 'Б' and 'В'. In addition to the casting moulds from the sites of these properties, still another one is provenient from the excavation at the lower area of Sobornaya Gora. The latter mould was intended for casting a five-rayed pendant (Fig. 2, 3) with a decoration roughly imitating niello and representing the rich ornaments in a simplified and reduced form. It is dated also to the 12th century.

The examination of these small moulds demonstrates that the town's population of the first half of the 12th century was inhomogeneous in terms of its ethnical and social composition. Since the middle of the same century, changes in the composition of the population and the character of its manufacturing activities took place in this part of the city, possibly in connection with the founding of the Smolensk episcopate. Thus our finds are a kind of markers of the pre-bishopric period of the occupation of this district of Smolensk.

Хронология погребений с монетами ярославских могильников. Вновь о датирующих возможностях нумизматического материала

К. В. Горлов¹, В. Н. Седых²

Аннотация. На основании материалов захоронений с монетами Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников региона Ярославского Поволжья сделана попытка сравнения датировки погребений, полученной на базе вещевого материала, с датами чеканки монет, происходящих из их состава. Это позволило подчеркнуть необходимость осторожности использования нумизматического материала для датировки захоронений и невозможность применения в настоящее время какой-либо универсальной формулы для вычисления коэффициента запаздывания монет.

Annotation. On the basis of finds from graves with coins at the Timerevo, Mikhaylovskoye and Petrovskoye cemeteries, this paper is an attempt to compare the dates obtained on the basis of grave goods and the dates of minting of the coins defined through their composition. The results stress the necessity of caution when using numismatic materials for dating burials and demonstrate the present impossibility of applying any universal formula in order to calculate the lag coefficient for coins.

Ключевые слова: погребения, монеты, коэффициент запаздывания, датировка, дирхамы, денарии, Ярославское Поволжье.

Keywords: burials, coins, lag coefficient, dating, dirhams, denarii, Yaroslavl Volga region.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-309-316

Использование нумизматического материала для датировки археологических комплексов эпохи викингов широко применяется исследователями уже более столетия. При этом определение временного отрезка от момента чеканки монет до их выпадения из обращения (коэффициент запаздывания) осуществлялось по-разному, на основании порой противоречащих

друг другу подходов³. В настоящее время количество методов для вычисления коэффициента запаздывания продолжает увеличиваться.

В. В. Енуков видит решение данного вопроса для монет из погребений в применении «неревской поправки» (10–20 лет), с учетом которой дата чеканки младшей монеты должна указывать на время совершения захоронений (Енуков, 2008. С. 72). В. С. Кулешов предлагает синхронизировать монеты из погребений с периодами обращения арабского серебра в Восточной Европе, при этом монетные находки из захоронений одного могильника рассматриваются в качестве комплекса длительного формирования (Кулешов, 2012. С. 162–184; 2017. С. 2).

Многообразие таких подходов обусловлено отсутствием специальной методики, проверенной на фактическом материале. В. С. Кулешов

¹ Горлов К. В. подготовил статью в рамках выполнения ПФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160–2019–0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

² Горлов К. В. — Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Седых В. Н. — кафедра археологии, Институт истории, СПбГУ; Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

³ В данном случае речь идет о куфических монетах.

полагает, что предложенный им подход универсален и является единственно верным, однако его проверка на материалах погребений Киева, а также Тимерёвского и Михайловского могильников показала ошибочность этого мнения (Зозуля, 2017. С. 78–79).

Несколько лет назад авторы данной статьи сделали попытку сравнения датировки погребений, полученной на основании вещевого материала, с датами чеканки монет, происходящих из их состава, на примере захоронений Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников региона Ярославского Поволжья (Горлов, Седых, 2016. С. 375–388).

В результате проведенного исследования был сделан вывод, что на основании имеющегося материала какие-либо закономерности запаздывания монет установить не удастся. В ряде случаев даты чеканки дирхамов отставали от времени совершения захоронений на значительные отрезки времени — 150 лет и более. В других случаях при широкой вещевой хронологии комплексов дирхамы указывали на нижнюю дату совершения погребений, значительно уточняя их датировку.

Это позволило нам еще раз подчеркнуть необходимость осторожности использования нумизматического материала для датировки захоронений и невозможность применения в настоящее время какой-либо универсальной формулы для вычисления коэффициента запаздывания монет. Данное исследование получило отклик в виде статей В. С. Кулешова и С. С. Зозули, что лишний раз показало актуальность затронутой темы.

При работе с публикацией С. С. Зозули сложилось впечатление, что автором была неверно понята задача нашего исследования, которая, как уже сказано выше, заключалась не в уточнении датировки курганов Ярославского Поволжья, а в попытке проверки правильности того или иного подхода нумизматической датировки и возможности установления контуров коэффициента запаздывания монет. Безусловно, «вырывание» монет из состава комплексов не способствует уточнению их датировки, однако позволяет проследить, насколько может совпадать вещевая хронология погребений с датами монет, входящих в эти комплексы.

В. С. Кулешов на основании собственной методики предложил «уточнение» хронологии погребений с монетами Тимерёвского и Михайловского могильников, в результате чего оказались пересмотрены некоторые эпизоды истории развития древнерусского погребального обряда.

В. С. Кулешов выделяет группу из пяти наиболее ранних погребений (Т-95, Т-348, Т-297, Т-54, М-18), датируя их «концом IX — первыми десятилетиями (или даже самым началом) X века», используя в качестве «ключевых ранних индикаторов» только монеты. Для вещей указываются широкие даты (Кулешов, 2017. С. 6).

Курган Т-95 был надежно датирован В. Н. Седых и Я. В. Френкелем на основании бусинной хронологии второй четвертью X в. (Седых, Френкель, 2014. С. 165–198).

В. С. Кулешов удревяет датировку кургана на основании присутствия дирхама Умайадов середины VIII в., анонимной драхмы аббасидских наместников Табаристана 780–788 гг. и дирхама ал-Мансура 769 г., указывая, что монеты «вообще отражают типологию обращения ступени А (750–780-е гг.) без поздних примесей, но во вторичной функции подвесок в ожерелье демонстрируют длительное (маркированное) запаздывание, документированное бусами» (Кулешов, 2017. С. 6).

Остается неясным, почему исследователь решил, что все три монеты имеют признаки внеэкономического использования. Шпенек от ушка зафиксирован только на одной монете 769 г.

Непонятно, почему автор в качестве подтверждения «длительного (маркированного) запаздывания», с одной стороны, опирается на даты бус В. Н. Седых и Я. В. Френкеля, но, с другой, не принимает их хронологию погребения, предлагая свою более раннюю неаргументированную дату.

Объяснение «маркированного» запаздывания монет их вторичным использованием, по крайней мере в двух случаях, не находит подтверждения. Зафиксированные в составе погребения монеты отстают от времени совершения захоронения (вторая четверть X в.) на 150 лет и более.

В группу «ранних» захоронений попал курган Т-54, датированный нами в рамках X в. на основании вещевого инвентаря, а не погребального обряда, как пишет С. С. Зозуля. Исследователь полагает, что данное погребение не могло быть совершенно ранее второй четверти X в. (Зозуля, 2017. С. 77, 79). При аргументации С. С. Зозуля в качестве хронологического репера использует стрелы типа 77, вариант 1, бытовавшие, по мнению А. Ф. Медведева, в X — самом начале XI в. (Медведев, 1966. С. 79). С. Ю. Каинов показал, что в Гнёздово такие стрелы появляются не ранее второй четверти X в. (Каинов, 1999. С. 54). Если такая датировка актуальна и для Тимерёво, то корректировка времени

совершения захоронения будет оправданной, однако для этого требуется отдельный анализ стрел на материалах Ярославского Поволжья.

В качестве второго хронологического индикатора С. С. Зозуля указывает гребень типа II, по классификации О. И. Давидан, датируя его не ранее 930 г. Однако относительно подстрочного замечания о «соотнесении горизонта Д Старой Ладоги ко времени не ранее 930 г.» и датировки связанных с ним находок стоит отметить, что ссылка относится к статье Я. В. Френкеля, в которой уделено особое внимание существующей неточности в обозначении нижней хронологической границы горизонта Д. Отсчитывая границу горизонтов Е1 и Д в целом от рубежа IX–X вв., первый ярус застройки горизонта Д, в рамках изученного участка, Е. А. Рябинин, на основании дендрохронологического анализа, отнес к 930-м гг. После публикации этой даты все находки горизонта Д автоматически стали омолаживаться, независимо от их планиграфического и стратиграфического расположения, относительно первого яруса застройки горизонта Д, исследованного Е. А. Рябининым. Именно в этом направлении представлены рассуждения автора о гребнях второй группы, по О. И. Давидан. При этом на той же странице Я. В. Френкель показывает некорректность и опасность такого формального переноса даты, отдельно упоминая необходимость проверки абсолютных дат некоторых ладожских находок⁴. Таким образом, для сужения даты погребения требуется дополнительная аргументация.

Происходящий из состава данного кургана дирхам ар-Рашида 805–809 гг. с признаками вторичного использования запаздывает от даты захоронения не менее чем на сто лет. Аналогичные монеты без признаков внеэкономического использования были найдены, например, в гнёздовском кургане Лб-1 1987 г., который датируется не ранее середины — второй половины X в., а также в кургане Л-13.

Курган М-18 также был датирован нами в рамках X столетия на основании присутствия в его составе меча типа Е и пары фибул ЯП 51К (Кашин, 2001. С. 54–63; Андросчук, 2013. С. 51).

С. С. Зозуля полагает, что погребение не могло быть совершено ранее второй четверти X в. благодаря присутствию здесь фибул ЯП 51К (Зозуля, 2017. С. 79). Принятие хронологии фибул

Я. Петерсена, разработанной в 20-х гг. XX столетия, в качестве базовой для датировки комплекса в свете более поздних исследований И. Янссона требует серьезных обоснований. Найденный в составе погребения дирхам Харун ар-Рашида 805–809 гг. с отверстием отстает от времени совершения погребения не менее чем на столетие.

К «ранним» захоронениям В. С. Кулешовым были отнесены и два камерных погребения. Датировка кургана Т-348 детально рассмотрена С. С. Зозулей в отдельной статье, которая осталась без внимания В. С. Кулешова (Зозуля, 2012. С. 90–98). Важным хронологическим индикатором, не позволяющим датировать погребение ранее середины X в., выступает гребень с накладками из медного сплава (Дементьева, 2014. С. 146; Горлов, 2015. С. 139–149).

Наличие в составе ожерелья английского денария 890–910 гг. позволяет сузить датировку комплекса до последней трети X — начала XI в. Мы полагаем что денарий, несмотря на раннюю дату чеканки, попал в пределы древнерусской территории не ранее 70-х гг. X в. вместе с основным потоком западноевропейских монет.

Денарий-подвеска Карла Лысого 864–871 гг. вместе с дирхамом-подвеской халифа Умара 781–719 гг. происходят из погребения Гнёздово Л-124, совершенного не ранее конца X в. (Пушкина, Стукалова, 2011. С. 96). Обнаруженный в составе кургана 348 дирхам-привеска Харуна ар-Рашида чекана 803/804 гг. отстает от времени совершения погребения не менее чем на 160 лет.

Время совершения погребения в кургане Т-297 определяют особенности погребального обряда. В пределах Тимерёвского некрополя было изучено пять камерных захоронений, три из которых (Т-100, Т-348, Т-459) имеют в своем составе надежные хронологические реперы, не позволяющие датировать их ранее последней трети X в. На совершение захоронения не ранее второй половины X в. в кургане Т-284 указывает набор бус (Седых, Френкель, 2012. С. 305). С. С. Зозуля в специальной работе рассмотрел специфику камерных погребений Тимерёвского могильника и пришел к выводу, что они были совершены в последней четверти X — начале XI в., с чем, вероятно, следует согласиться (Зозуля, 2014. С. 233–243).

Таким образом, курган Т-297, несмотря на присутствие в его составе вещей с широкими датами и дирхама ар-Рашида 804/805 гг., датировать рубежом IX–X вв. нет основания.

⁴ Авторы выражают глубокую признательность Н. В. Григорьевой за консультацию в этом вопросе.

Найденный в погребении дирхам-привеска с признаками внеэкономического использования отстает от времени совершения захоронения не менее чем на 170 лет.

Таким образом, погребения, датированные В. С. Кулешовым «концом IX — первыми десятилетиями (или даже самым началом) X в.», относятся к более позднему периоду. Монеты, зафиксированные в составе этих комплексов, запаздывают от их нижней даты на 100–170 лет. При этом во всех случаях (кроме двух монет из кургана 95) дирхамы несли следы вторичного использования.

Из камерного погребения Т-284 происходят два обломка дирхамов, один из которых И. Г. Добровольский отнес к чеканке Насра ибн Ахмада 918/919 г. А. А. Гомзин на основании целого одноштемпельного аналогичного экземпляра передатировал монету 925/926 гг. Второй обломок по причине малой информативности остается неопределенным. Атрибутированный дирхам отстает от времени совершения погребения не менее чем на 50 лет.

При публикации датировки кургана Т-459 произошла досадная опечатка, из-за которой комплекс оказался отнесен к середине XI в. (Горлов, Седых, 2016. С. 382). При этом на стр. 384 авторы указывают, что три крестика, вырезанные из монет (в том числе и крестик из кургана 459), происходят из погребений конца X — начала XI в. (Там же. С. 384).

Дату погребения Т-459 с дирхамом Мансура ибн Нуха 969/970 гг. также определяет найденное здесь навершие булавки прибалтийского типа, аналоги которой встречены в женских погребениях могильника Залахтовые XI — первой половины XII в. В Новгороде такие булавки появляются в первой четверти XI в. и бытуют до 1369 г. (Хвоцинская, 2004. С. 69, 70; Лесман, 1995. С. 16). В данном случае отставание даты чеканки монеты от времени совершения погребения может составлять от 10 до 30 лет.

На основании монетного материала не ранее последней четверти X в. датируется и курган Т-100. Присутствующие в его составе семь дирхамов имеют минимальный период запаздывания.

Особого внимания заслуживает материал кургана Т-237, включающий два одновременно совершенных погребения по обряду кремации и ингумации. Н. Г. Недошивина и М. В. Фехнер отнесли время совершения захоронения к середине X в. (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 110–111).

С такой датировкой согласен и С. С. Зозуля (Зозуля, 2017. С. 77).

Среди вещевого инвентаря, относящегося к ингумации, следует выделить фрагмент браслета, который в отчете и в статье Я. В. Станкевич характеризуется как «крученный» (Станкевич, 1941. С. 86, 87). Позже В. А. Мальм в отдельной работе, посвященной изучению ювелирно-литейной продукции Ярославского Поволжья, описывает браслет как ложновитой, то есть изготовленный в технике литья (Мальм, 1963. С. 38). Ложновитые браслеты относятся к предметам массового тиражирования и в пределах древнерусской территории появляются не ранее XI в.

В состав погребального инвентаря также входил дирхам Насра ибн Ахмада (913–943), обрезанный по краю, на одной из сторон которого процарапан четырехконечный крест с расширяющимися концами. Из монеты пытались вырезать крест, но во время этой операции один из краев обломился, и изделие осталось не завершено (Седых, 2007. С. 237).

Аналогичный крестик, изготовленный из дирхама Джанаха ад-даула, Абу л-Хасана и Хусам ад-даула, ал-Маусила в 997/998 или 998 г., найден в кургане Т-417⁵.

Эти крестики специально изготавливались для включения в состав погребального инвентаря и несут христианскую нагрузку. Связанные с ними захоронения совершены по обряду ингумации, а сами насыпи находятся на краю могильника, в разных его частях, что может выступать маркером для их относительно поздней датировки.

Таким образом, присутствие в кургане Т-237 крестика, вероятнее всего, указывает, что оно было совершено не ранее конца X в. Такую датировку может подтвердить и уточнение типа браслета, если он окажется ложновитым. Таким образом, дата чеканки дирхама отстает от времени совершения захоронения минимум на 60 лет.

Нами была выделена группа малоинвентарных погребений с широкими датами вещей (Т-125, Т-273, Т-278, Т-448, Т-470, М-7, М-27), для которых общим хронологическим маркером может служить обряд кремации. В результате комплексы получили широкую датировку: конец IX — начало XI в.

С. С. Зозуля называет такой подход лишенным объективного смысла, однако сам более

⁵ О кресте из кургана 459 речь шла ранее.

узкие даты данных захоронений не предлагает. В литературе большинство этих погребений также датировалось в рамках столетия или даже шире.

Даты чеканки монет уточняют время совершения только двух захоронений (Т-287, 448). В курганах Т-125, 470, М-7 монеты запаздывают от нижней даты примерно на 100 лет, а в кургане М-27 — примерно на 170 лет.

Какой-либо «загадочности» лишена датировка кургана Т1-1987. Авторы не датируют комплекс XI в., как пишет С. С. Зозуля, а указывают, что на основании «бусинной хронологии» комплекс следует датировать в пределах XI в.: «не раньше начала и не позже третьей четверти включительно» (Горлов, Седых, 2016. С. 383). Безусловно, в контексте верхней даты существования могильника время совершения захоронения следует ограничить серединой XI в., однако необходимо помнить, что погребение находится на пограничной территории могильника и поселения и может относиться к одному из наиболее поздних.

Три погребения (Т-31, Т-417 и Т1-1989) были датированы нами не ранее конца X в. на основании обряда ингумации. С. С. Зозуля, ссылаясь на мнение Н. Г. Недошивиной и М. В. Фехнер, указывает, что захоронения по обряду ингумации появляются в Ярославском Поволжье уже в середине X в. (Зозуля, 2017. С. 77). Следует иметь в виду, что данный вывод относится к середине 80-х гг. XX в. (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 110–111) и в настоящее время нуждается в дополнительной аргументации в свете пересмотра в последние годы хронологии ряда захоронений (Мурашева, 1999. С. 25–34; Зозуля, 2012. С. 90–98; 2014. С. 233–243). На совершение этих погребений не ранее конца X в. указывает время чеканки монет, обнаруженных в их составе.

Таким образом, в девяти погребениях (Т-54, Т-95, Т-125, Т-297, Т-348, Т-470, М-7, М-18, М-27) даты чеканки найденных в их составе монет отстают от времени совершения захоронений на сто и более лет.

Это в основном дирхамы Аббасидов, принадлежащие в первую очередь эмиссиям ар-Рашида, ал-Мансура, ал-Махди, ал-Хади последней трети VIII — начала IX в., и несколько более ранних монет Умайядов.

Во время правления пяти первых аббасидских халифов (750–809 гг.) происходила чрезвычайно интенсивная чеканка монет (Фомин, 1982. С. 18).

Р. Р. Фасмер полагал, что халифы, правившие после ар-Рашида, не успевали изымать из обращения дирхамы своих предшественников и заменять новыми (Фасмер, 1927. С. 28). Позже В. Л. Янин отметил, что в древнерусских кладах начала X в. присутствуют большие группы монет ар-Рашида, чеканенных в одном городе и в один год. Это обстоятельство позволило заключить, что дирхамы ар-Рашида «...не только не изымались последующими халифами, но наоборот, систематически выпускались в обращение из государственных сокровищниц вплоть до начала X в., т. е. на протяжении почти целого столетия» (Янин, 2009. С. 124).

Т. А. Пушкина полагает, что значительная часть аббасидских и умайядских монет, найденных в Гнёздове, поступила сюда в первом десятилетии или даже в начале X в. (Пушкина, 1999. С. 410, 411). Такая же ситуация прослеживается и с некрополем Киева, где в составе погребений X в. присутствуют более ранние монеты. Не ранее первой четверти X в. датируются и киевские клады (Каргер, 1958. С. 123–124).

Вероятнее всего, аббасидские и умайядские монеты из состава погребений Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников попали в пределы Ярославского Поволжья в начале X в. и продолжали использоваться местным населением на протяжении столетия, в частности, и не в качестве средства обмена.

Перспективными с точки зрения уточнения датировки погребений оказываются дирхамы Саманидов, Укайлидов X в., определяющие нижние даты курганов Т-100, 448, 459. В этих случаях фиксируется минимальное запаздывание. Однако в кургане Т-284 атрибутированный фрагмент дирхама, найденный в кошельке, отстаёт от нижней даты совершения захоронения не менее чем на 50 лет.

По нашему мнению, дирхамы X — начала XI в. в настоящее время приемлемо использовать только для датировки погребений без каких-либо допусков запаздывания, что лишний раз подтвердила работа В. С. Кулешова.

Западноевропейские денарии (за исключением кургана Т-348) в контексте верхней даты существования могильника, подтверждая ее, маркируют комплексы первой половины XI в. и определяют их нижнюю дату.

До настоящего времени при использовании нумизматической датировки захоронений остается открытым вопрос о времени появления в пределах древнерусской территории традиции

помещения монет в состав погребального убора или инвентаря. Т. В. Равдина ранние захоронения с монетами датировала рубежом IX–X вв. Основная масса комплексов была отнесена к X–XI вв. (Равдина, 1988. С. 135). В. М. Потин часть погребений с монетами отнес к IX в., не исключая в этом вопросе углубления даты до VIII столетия. Однако самостоятельную датировку погребений исследователь не проводил, а использовал уже готовые выводы (Потин, 1971. С. 49–119).

Неясным также остается происхождение «обола мертвых» в пределах Древней Руси, функции денежных знаков в захоронениях и место самих погребений с монетами в общей картине древнерусской погребальной обрядности. Решение этих вопросов на базе всего комплекса древнерусских погребений с монетами, возможно, позволит уточнить и механизмы запаздывания.

Отдельного комментария заслуживает критика коллег того, что мы в ряде случаев использовали хронологические построения Ю. М. Лесмана (Кулешов, 2017. С. 4; Зозуля, 2017. С. 77). Вполне обоснованными являются ссылки на его мнение при рассмотрении монетовидных подвесок, украшенных орнаментом в виде волют, которым Ю. М. Лесман посвятил исследование, охватывающее весь известный на тот момент древнерусский материал (Лесман, 2014. № 5. С. 55–57).

При определении времени появления булавок прибалтийского типа в Новгороде мы также ссылаемся на мнение Ю. М. Лесмана, которое в этом вопросе совпадает с выводами М. В. Седовой (Седова, 1981. С. 73, 74). Напомним, что разработавшая типологию данных булавок Н. В. Хвоцинская также датировала появление данных украшений не ранее XI столетия, что делает вполне уместным проследить время их появления в Новгороде.

Рассматривая ножи III группы (по типологии Р. С. Минасяна) с ручками, обмотанными проволокой, Ю. М. Лесман использовал

известный материал в рамках древнерусской территории, определяя по новгородской шкале только верхнюю дату бытования таких предметов (Лесман, 2014. С. 46).

При рассмотрении перстней мы указываем на их появление в пределах Древней Руси в X в. и ссылаемся на мнение Ю. М. Лесмана, чтобы показать время их наибольшего распространения.

Обращение к его исследованиям сделано в контексте уточнения хронологии ложновитого браслета. Как уже было сказано выше, подобные вещи массового тиражирования нам неизвестны на памятниках X в. Они относятся к городской культуре XI в., и в данном контексте ссылки на выводы Ю. М. Лесмана более чем уместны. Хотим напомнить, что не ранее XI в. ложновитые браслеты датировали В. П. Левашова и М. В. Седова (Левашова, 1967. С. 224–226; Седова, 1981. С. 98).

Хотелось бы напомнить коллегам, что научные интересы Ю. М. Лесмана выходили далеко за пределы исследования новгородских древностей и затрагивали более широкий спектр вещей и проблем.

Недоверие же В. С. Кулешова к самим хронологическим построениям Ю. М. Лесмана и упоминание курьезного случая с браслетами из киевского клада 1913 г. (Корзухина, 1954. С. 83, № 13. Табл. V) иллюстрирует исключительно незнание В. С. Кулешовым исследований Юрия Михайловича по данной проблематике и лишний раз демонстрирует его некомпетентность в области изучения славяно-русских древностей.

Таким образом, датировка захоронений, основанная исключительно на нумизматическом материале с отрывом от хронологии сопровождающего инвентаря, особенностей погребального обряда и региональной специфики, дает отрицательный результат. Только анализ всех этих составляющих дает наиболее верную методику датировки древнерусских погребений.

Андрощук, 2013 — Андрощук Ф. Мечи викингов. Киев: Простор, 2013. 712 с.

Горлов, 2015 — Горлов К. В. Хронология односторонних наборных гребней с накладками из медного сплава на территории Древней Руси // ЗИИМК. 2015. № 11. С. 139–153.

Горлов, Седых, 2016 — Горлов К. В., Седых В. Н. Датирующие возможности нумизматического материала (на примере погребений с монетами

Ярославского Поволжья) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 61-го заседания (14–16 апреля 2015 г.) / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2016. Вып. 31. С. 375–388.

Дементьева, 2014 — Дементьева А. С. Односторонние составные гребни с металлическими накладками из Гнёздова // РА. 2014. № 1. С. 143–147.

- Енуков, 2008 — Енуков В. В. К вопросу о динамике импорта сердоликовых бус на территорию Восточной Европы // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья: Материалы конф., посв. 75-летию со дня рождения К. Ф. Сокола. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2008. С. 70–73.
- Зозуля, 2012 — Зозуля С. С. Датировка камерного погребения в кургане 348 Тимерёвского некрополя // РА. 2012. № 4. С. 90–98.
- Зозуля, 2014 — Зозуля С. С. К вопросу об особенностях камерного обряда погребения в Ярославском Поволжье. Погребения в курганах 100 и 459 Тимерёвского археологического комплекса // XIV Тихомировские краеведческие чтения: Материалы науч. конф. (Ярославль, 22–23 октября 2013 г.). Ярославль: Канцлер, 2014. С. 233–243.
- Зозуля, 2017 — Зозуля С. С. Кривое зеркало нумизматики (несколько замечаний к датировке курганов Ярославского Поволжья с монетами // Нумизматические чтения ГИМ 2017 г.: Материалы докл. и сообщ. (Москва, 23–24 ноября 2017 г.). М.: ГИМ, 2017. С. 76–86.
- Каинов, 1999 — Каинов С. Ю. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнёздова // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей / Под ред. Е. Н. Носова. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 49–62.
- Каинов, 2001 — Каинов С. Ю. Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского (к вопросу о нижней дате Гнёздовского могильника) // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 124). С. 54–64.
- Каргер, 1958 — Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 580 с.
- Корзухина, 1954 — Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 226 с.
- Кулешов, 2012 — Кулешов В. С. Киевские клады первой половины X в. и нумизматическая хронология могильника на Старокиевской горе // Первые каменные храмы Древней Руси: Материалы архитектурно-археологического семинара (22–24 ноября 2010 г.). СПб.: Изд-во ГЭ, 2012 (Тр. ГЭ; Т. LXV). С. 162–184.
- Кулешов, 2017 — Кулешов В. С. Датировочные возможности нумизматического материала: принципы, приемы и перспективы. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://www.academia.edu/33181376/Датировочные_возможности_нумизматического_материала_принципы_приемы_и_перспективы._Draft_2017_
- Левашова, 1967 — Левашова В. П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Сов. Россия, 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43). С. 207–252.
- Лесман, 1995 — Лесман Ю. М. Мотив креста в декоре ювелирных изделий Новгорода XI–XIV вв. // Церковная археология: Материалы 1-й Всерос. конф. (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). СПб.; Псков, 1995 (Сер. Археологические изыскания; Вып. 26-2). Ч. 2: Христианство и древнерусская культура. С. 13–19.
- Лесман, 2014 — Лесман Ю. М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum plus. Кишинев, 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси. С. 43–87.
- Мальм, 1963 — Мальм В. А. Изделия ювелирно-литейного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников. М.: ГИМ, Ярославский музей-заповедник, 1963. 199 с.
- Медведев, 1966 — Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. М.: Наука, 1966. 184 с. (САИ; Вып. Е1-36.)
- Мурашева, 1999 — Мурашева В. В. Курган 1 из Михайловского (Опыт атрибуции и датировки) // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер. М.: ГИМ, 1999 (Тр. ГИМ; Вып. 111). С. 25–34.
- Недошивина, Фехнер, 1985 — Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимерёвского могильника // СА. 1985. № 2. С. 101–115.
- Потин, 1971 — Потин В. М. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Тр. отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Л.: Аврора, 1971. Т. 12, вып. 4. С. 49–119.
- Пушкина, 1999 — Пушкина Т. А. Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М.: Русские словари, 1999. С. 405–417.
- Пушкина, Стукалова, 2011 — Пушкина Т. А., Стукалова Т. Ю. Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнёздова // От палеолита до средневековья: Сб. науч. статей. М.: Тверская областная типография, 2011. С. 96–99.
- Равдина, 1988 — Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. М.: Наука, 1988. 152 с.
- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

- Седых*, 2007 — *Седых В. Н.* Монетные находки в Тимерёво в контексте нумизматических данных территории Северной Руси // Тр. по русской истории: Сб. статей в память о 60-летию И. В. Дубова. М.: Парад, 2007. С. 233–256.
- Седых*, *Френкель*, 2012 — *Седых В. Н.*, *Френкель Я. В.* Бусы из погребальных комплексов Тимерёво: хронологический аспект // XIII Тихомировские краеведческие чтения: Материалы науч. конф. (Ярославль, 21–22 октября 2011 г.). Ярославль: Канцлер, 2012. С. 296–322.
- Седых*, *Френкель*, 2014 — *Седых В. Н.*, *Френкель Я. В.* О времени и обряде основного погребения кургана 95 Тимерёвского могильника // Археология: история и перспективы. Шестая межрегиональная конференция: Сб. статей / Отв. ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2014. С. 165–198.
- Станкевич*, 1941 — *Станкевич Я. В.* К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX–X ст. // Этногенез восточных славян. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 (МИА; № 6). С. 56–88.
- Фасмер*, 1927 — *Фасмер Р. Р.* Два клада куфических монет / ГАИМК. Нумизматическая комиссия. Л.: ГАИМК, 1927 (Тр. нумизматической комиссии ГАИМК; Т. VI). 58 с.
- Фомин*, 1982 — *Фомин А. В.* Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 16–21.
- Хвоцинская*, 2004 — *Хвоцинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовы). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 290 с.
- Янин*, 2009 — *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 414 с.

Chronology of burials with coins at Yaroslavl cemeteries. Once again about the dating possibilities of numismatic materials

K. V. Gorlov, V. N. Sedykh

Numismatic evidence is traditionally employed by archaeologists as a most important chronological indication for more exact dating of cultural levels. But the chronological span from the moment of minting to the time of the falling out of the coins from circulation (lag coefficient) is determined differently and sometimes with the use of methods contradicting to each other.

On the basis of materials from graves with coins at the Timerevo, Mikhaylovskoye and Petrovskoye cemeteries in the Yaroslavl Volga district, an attempt is proposed to compare dates of the burials obtained on the basis of grave goods with those of the minting of the coins found in their composition.

The conducted investigation resulted in the conclusion that no regularities in the time lag of the coins can be established. In some cases the dates of coinage of dirhams were considerably spanned before the time of the interment: for 150 years or more. In other cases, on the basis of reliable dating of the grave goods in the complexes, the dirhams indicated the earlier date of the burials, so that they allowed to propose a significantly exacter chronology.

This fact suggests the necessity of caution when using numismatic materials for dating burials and demonstrates the present impossibility of applying any universal formula in order to calculate the lag coefficient for coins.

Исследования некрополя Петровского археологического комплекса слушателями Археологического института в 1880 г.

С. С. Зозуля, А. Ю. Кононович¹

Аннотация. В статье представлены результаты первых раскопок, проведенных на территории Петровского археологического комплекса директором и слушателями Санкт-Петербургского Археологического института 12–13 июля 1880 г. Отсутствие отчетных материалов и сложная судьба коллекции привели к утрате части принципиально важных данных, таких как расположение насыпей на территории могильника, планы и разрезы курганов, представления о целостности комплексов захоронений. Основным источником информации становится заметка в периодическом издании 1880 г., позволяющая в целом представить, как проходили раскопки. В собрании Государственного Эрмитажа хранится коллекция находок из раскопок семи курганов, насчитывающая 43 предмета. Материал, происходящий из исследований, включает и довольно известные в древнерусских погребениях предметы, и уникальные для могильника находки.

Annotation. This paper presents results of the first excavations carried out in the area of the Petrovskoye archaeological complex by the Director and students of the Saint Petersburg Archaeological Institute on July 12–13, 1880. The absence of reporting documents and the complicated fate of the collection of finds have led to the loss of principally important data, such as the location of the mounds within the territory of the burial ground, plans and sections of the barrows, and descriptions of the state of preservation of the burial complexes. The main source of information is represented by an item in a periodical of 1880 enabling us to obtain a general idea how the excavations took place. The collection of the State Hermitage contains finds from excavations of seven kurgans comprising 43 pieces. The materials concerned with these investigations include both the objects fairly well known from Old-Russian burials and unique finds from this cemetery.

Ключевые слова: курганы Ярославского Поволжья, Археологический институт, собрание Государственного Эрмитажа, Древняя Русь.

Keywords: kurgans of Yaroslavl Volga region, Archaeological Institute, collection of the State Hermitage, Old Rus'.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-317-328

Курганный могильник около д. Петровское Ярославской области хорошо известен благодаря практически полной изученности и оперативной публикации материалов авторами раскопок. С легкой руки исследователей кладбище у д. Петровское вошло в современную историографию как составная часть курганов Ярославского Поволжья (Ярославское..., 1963).

Наиболее ранние данные о могильнике содержатся в опубликованном А. И. Кельсиевым донесении техника Д. Раевского, командированного в 1878 г. распоряжением А. В. Скульского² в

¹ Зозуля С. С. — Отдел археологических памятников, Государственный исторический музей; Красная площадь, д. 1, г. Москва, 109012, Россия; Кононович А. Ю. — Отдел истории русской культуры, Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия.

² Председатель Ярославской земской управы. Интересовался археологией, лично принимал участие в раскопках в Б. Тимерево под руководством А. И. Кельсиева в 1878 г. В статье Я. В. Станкевич указано, что Тимерёвский археологический комплекс, судя по архивным материалам, два-три раза подвергался раскопкам А. В. Скульского (Станкевич, 1941. С. 58). Вероятнее всего, имеется в виду участие А. В. Скульского в работах 1878 г., самостоятельных исследований в Б. Тимерёво, насколько нам известно, председатель Земской управы не проводил.

Nikolai Kalachov

Рис. 1. Н. В. Калачов

Fig. 1. N. V. Kalachov

д. Петровское для оценки состояния памятника, его размеров, сохранности и, возможно, вероятных перспектив археологических исследований. Из донесения следует, что к юго-западу от д. Петровское, находящейся на р. Шатерка, притоке р. Которосль, расположено двумя группами обширное языческое кладбище, площадью около 4 десятин³. Курганы оказались аналогичны насыпям у д. Большое Тимерёво, площадь могильника заросла крестьянским дровяным лесом, часть кладбища, занимающая участок между лесом и рекой, подвергалась распашке, курганы были повреждены или уничтожены, найдены некие «медные колечки» (Антропологическая..., 1878–1879. С. 308).

В 1877 г., по инициативе Н. В. Калачова (рис. 1), ставшего первым директором заведения, в Санкт-Петербурге начинает свою работу Археологический

³ 4,36 га. Расчет произведен исходя из данных о казенной десятине, состоящей из 2400 кв. саженьей, или 1,09 га в современных мерах площади.

институт. Важно отметить, что обучение по специальности «Археология» (в современном представлении) не входило в задачи института. Тем не менее раскопки от лица Археологического института проводились. Данная публикация посвящена результатам таких работ в Ярославской области в 1880 г. К сожалению, отчет по этим работам отсутствует, мы располагаем лишь данными кратких публикаций. Остается неизвестным, существовали ли чертежи и фотографии, выполненные в ходе раскопок.

Из отчетной публикации директора Археологического института Н. В. Калачова за 1880 г. можно почерпнуть следующие данные о раскопках интересующего нас могильника.

«Вечером⁴ у нас собралось, кроме моих археологов, несколько местных интеллигентных деятелей, между прочим: директор Ярославского лицея М. Н. Капустин, председатель губернской земской управы А. В. Скульский и исследователь обычного права Е. И. Якушин. По нашей части было решено на другой же день отправиться к курганам, находящимся близ деревни Петровской, верстах⁵ в двух расстоянии от Московского шоссе и в предположенных раскопках нам изъявили готовность участвовать мой брат⁶ и Скульский. Всех курганов в означенной местности было до 42 и из них в одной группе, расположенной склоном к речке Шатерке, на которой мы остановились, до 26 разной величины; впрочем, некоторые из них были недавно разрыты председателем Ростовской земской управы А.А. Титовым⁷. Приступив к делу,

⁴ Здесь и далее текст приведен в современной орфографии и пунктуации. Описываемые события происходили 11 июля 1880 г. Раскопки проводились 12 (пять курганов) и 13 (два кургана) июля.

⁵ 1 верста = 1066,8 м, следовательно, расстояние от шоссе до курганов 2134 м.

⁶ Губернский предводитель дворянства Виктор Васильевич Калачов. Возможно, именно факт проживания и высокая занимаемая должность в Ярославской губернии брата директора Археологического института привели к желанию Н. В. Калачова посетить Ярославскую губернию со своими подопечными и провести в том числе археологические изыскания.

⁷ Это единственное известное указание на проведение археологических изысканий в Петровском А. А. Титовым. В 1878 г. А. А. Титов ассигновал 125 руб. и просил одно из найденных кладбищ раскопать от его имени и на его средства (Антропологическая..., 1878–1879. С. 295–296). Так, в историографии появилась

мы тотчас убедились, что оно будет не так легко, ибо почва курганов оказалась глинистой и твердой; к тому же пошел дождь, который продолжался весь этот день и следующий день; раскопки облегчались однако сделанными прежде вырубками лесной поросли на всех курганах. Всего разрыто нами 7 курганов неравной величины, но большею частью имевших каждый от 12–15 сажень⁸ в окружности, а через вершину в диаметре от 5–6⁹ сажень и следовательно довольно пологих. Угольные слои оказались только при раскопках некоторых курганов с жжеными притом костями, в других попадались нежженные кости на расстоянии от вершины курганов не более 1 аршина¹⁰, а в одном найден целый костяк длиною в 5 футов и 2 дюйма¹¹, лежащий в направлении от востока к западу, причем лицо было обращено к востоку. С левой стороны этого костяка, около пояса, найдена пряжка, а еще ниже, у левой ноги, железный ножик. В прочих же курганах были сделаны следующие находки: обтесанный оселок с серебряным кольцом, костяные (может быть рыбы) пластинки со шпеньками и нарезками на кости, остаток арабской монеты, какая-то буса чрезвычайно хрупкая, два ножика и железная трубочка. Эта незначительность находок подала повод к заключению, что население, оставившее в своих могилах такие бедные следы своего существования, могло быть лишь на низкой ступени развития; а с другой стороны,

некоторая путаница. Исследования в Б. Тимерёво в 1878 г. фигурируют как раскопки А. И. Кельсиева, раскопки Комитета Антропологической выставки и раскопки на средства А. А. Титова. Но изысканий в 1878 г. на территории Петровского археологического комплекса не проводилось. Скорее всего, Н. В. Калачов допускает какую-то ошибку. Отсутствие какой-либо информации о раскопках А. А. Титова в Петровском уже было отмечено (Седых, 2018. С. 271). При описании Ростовского уезда Ярославской области А. А. Титов в списке основных источников указывает раскопки А. И. Кельсиева в Ярославской губернии в 1878 г. (Титов, 1885. С. IV). Довольно странно выглядело бы отсутствие упоминания о результатах собственных раскопок при публикации описания Ярославского уезда (Титов, 1883. С. III–VI). Следовательно, Н. В. Калачов и его спутники отметили либо следы неизвестных в историографии археологических изысканий, либо, скорее всего, результаты кладочислительской деятельности.

⁸ 1 сажень = 213,36 см, следовательно, 2,56–3,20 м.

⁹ 1,07–1,28 м. Вероятно, имеется в виду высота.

¹⁰ 1 аршин = 0,7112 м.

¹¹ 1 фут = 30,48 см, 1 дюйм = 2,54 см, следовательно, 159,48 см.

невозможность получить даже хорошие экземпляры почти вовсе истлевших черепов и других частей погребенного в здешних местах населения заставили нас прекратить дальнейшие раскопки и на следующий же день отправиться для других поисков» (Калачов, 1881. С. 4–5).

Близкие сведения содержатся в газетной публикации П. О. Черневского, размещенной в «Ярославских губернских ведомостях» № 99 от 15 декабря 1880 г. (рис. 2). В отношении работы с коллекцией упомянутая заметка значительно полезней.

«В 2 часа пополудни, в сопровождении Губернского Предводителя Дворянства, отправились по шоссе в село Петровское, находящееся в 2 верстах¹² от шоссеиной дороге и в 17¹³ от г. Ярославля. Село это лежит на ровной скате небольшой плоской возвышенности, примыкающей к глубокому оврагу, за которым идет ряд довольно высоких холмов; с восточной стороны села находится обширная долина, по которой протекает небольшая речка Шатерка. Местность, окружающая село, не ровная и часто прерывается низменностями и возвышенностями. Местоположение довольно живописное; с вершины одного из близ лежащих холмов открывается прекрасный вид на окрестности, на расстояние более 20 верст¹⁴.

На северо-западной стороне от деревни оказалась группа курганов разной величины, числом более 40; как поверхность самих курганов, так и местность, на которой они находятся, была покрыта прежде небольшим лесом и кустарником, который частью сохранился, а часть вырублена местными крестьянами. Многие из курганов поросли толстыми корнями, что немало затрудняло раскопку оных; внутри некоторых из них попадались небольшие камни. Почва курганов состояла из песка, перемешанного с глиной.

Избрав некоторые из курганов для раскопки, измерив их окружность и высоту, определив положение и приготовив рабочих, исследователи разделились на партии и под непосредственным наблюдением Директора Института Н. В. Калачова, принялись за работу.

Результат раскопок следующий:

В первом кургане, имевшем более 3 аршин¹⁵ в высоту и 42¹⁶ в окружности, найдены неопределимые и

¹² 2134 м.

¹³ 18 136 м.

¹⁴ 21 336 м.

¹⁵ 2,13 м.

¹⁶ 29,87 м.

Таким образом, существующие материалы не указывают на расположения насыпей на территории могильника. Вероятнее всего, работы проводились в северо-западной части некрополя, где сконцентрированы погребения по обряду трупоположения и зафиксировано достаточное количество раскопанных насыпей, данные по которым отсутствуют (Ярославское..., 1963. С. 21, рис. 10). Остается открытым вопрос о комплексах погребального инвентаря. В тексте упомянуты лишь самые яркие находки.

Исходя из текста П. О. Черневского можно заключить, что в курганах № 1, 2, 3 и 5 были обнаружены захоронения по обряду трупоположения. Скорее всего, все они были совершены на уровне дневной поверхности. Присутствие кальцинированных костей в кургане № 4 и отдельное замечание об отсутствии угольного слоя во всех раскопанных насыпях позволяют интерпретировать захоронение № 4 как трупосожжение на стороне. Курганы № 6 и 7, отмеченные как «пустые», с большой долей вероятности, могли содержать захоронения разных типов: несохранившиеся безынвентарные трупоположения на горизонте; трупоположения в ямах, неизвестные еще тогда в материалах курганов Ярославского Поволжья; безурновые трупосожжения на стороне, помещенные в верхней части насыпи или в яме в материке. Размерные характеристики известны только для кургана № 1²¹. К сожалению, не описана методика проведения археологических изысканий. Оснований считать, что насыпи исследованы «на снос», нет. Видимо, использовалась широко распространенная методика раскопок «траншеями» или «колодцами».

Не очень простой оказывается и история перемещений коллекции из раскопок 1880 г. В 1841 г. при Императорском университете был создан кабинет изящных искусств и древностей, туда были переданы материалы из раскопок слушателей Петербургского Археологического института (Тихонов, 2016. С. 220). Предположительно, материалы из раскопок в Петровском были переданы именно в кабинет древностей Университета, так как в описании музея самого Археологического института сведений о курганных древностях нет, скорее всего музей института напоминал

²¹ В тексте Н. В. Калачова и О. П. Черневского имеются явные противоречия в описании размеров исследованных объектов.

собрание коллекций книги портретов императорской семьи (Яковлев, 1911. С. 30–32). В 1930 г. музей древностей университета упраздняют в связи с реорганизацией факультета в Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ), а коллекции передают в Эрмитаж (Архив ГЭ). В музейной документации за 1932 г. есть запись о передаче коллекции № 150 по каталогу ЛИЛИ, в которой значится передача вещей на таблице из раскопок в Ярославской губернии, номер коллекции по каталогу 150/1-45 (Каталог ЛИЛИ). В 1932 г. коллекцию принимают на хранение в Эрмитаж под новым шифром 629²². В акте передачи коллекций сохранился список прилагаемых документов, среди которых значатся шесть тетрадок с описями коллекций, однако эти материалы на сегодняшний день недоступны (Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1378–1932). Учетная документация, хранящаяся в ОАВЕС ГЭ, и этикетки, прикрепленные к находкам, содержат информацию о принадлежности находок за № 33²³ к кургану № 2, № 34–38 — к кургану № 5 и № 39–43 — к кургану № 1.

Полученная совокупность данных позволяет составить таблицу (табл. 1), где указаны известные размерные характеристики насыпей, предполагаемый обряд погребений и находки с указанием номеров по учетной документации коллекции. Предположения о происхождении остальных предметов из каких-либо конкретных комплексов остается гипотетическими. Исключением может являться костяной гребень № 9, так как в коллекции их представлено два, а один (№ 37–38) точно происходит из захоронения № 5, следовательно, другой уместно отнести к кургану № 1, где находка такового отмечена в тексте автора раскопок.

Изделия из цветного металла. Находки из сплава на основе меди, серебра и золота²⁴ представлены девятью экземплярами. Среди них два фрагмента семилопастного височного кольца московского типа, в виде нижней части лопасти

²² Авторы приносят искреннюю благодарность И. Р. Ахмедову и Р. С. Минасяну за помощь в работе с коллекцией из собрания ОАВЕС ГЭ.

²³ Нумерация на рисунках и таблицах соответствует нумерации по учетной документации ОАВЕС ГЭ.

²⁴ В коллекции присутствует три обломка золотой пластины с остатками ткани (?) общими размерами 0,8 × 0,9 см и весом 0,04 г (№ 629/7). В настоящий момент предмет не доступен для исследования.

Таблица 1. Характеристика насыпей № 1–7 по существующим материалам
Table. 1. Characteristics of barrows No. 1–7 based on existing materials

Номер кургана	Размеры, м		Обряд погребения	Инвентарь
	высота	диаметр		
1	2,13 м	29,87 м	ТП*	Оселок с серебряным кольцом (10), гребень (9), камни (39–43)
2	–	–	ТП	Костяная пластинка, пряжка (33)
3	–	–	ТП	Буса, железная трубочка
4	–	–	ТСС**	Мелкие костяные вещицы
5	–	–	ТП	Пряжка, железный нож, фрагменты дирхемов (5–6), предмет (34), камень (35), накладка (36), гребень (37–38)
6	–	–	–	–
7	–	–	–	–

* ТП — труположение; ** ТСС — трупосожжение на стороне.

с орнаментом и фрагмента дужки с боковым колечком (рис. 3, 1). По характерным признакам, таким как орнамент, покрывающий большую часть лопасти, боковым рельефным колечкам, височное кольцо можно отнести к стадии 5 по классификации Н. А. Кренке и отнести к выделенному им временному промежутку 1190–1220 гг. Подобные височные кольца были широко распространены, как полагают исследователи, традиции их изготовления уходят корнями в мастерские, располагавшиеся в районе среднего и верхнего течения Москва-реки (Кренке, 2014. С. 39–49).

Восемь фрагментов круглой серебряной полусферической подвески относятся к кругу предметов ювелирного убора, отличительной чертой которого является филигранный узор в виде скани или зерни (рис. 3, 2). Данная подвеска относится к типу I по классификации С. С. Рябцевой и представляет собой полусферическую подвеску

с зерненным орнаментом в виде лучей зерни отходящих от центрального полушара, обрамленного шариками зерни. Подвеска имела цилиндрическое ушко, также свойственное этому кругу украшений. Подобные подвески могли входить как в состав многокомпонентного ожерелья, так и являться самостоятельным украшением, часто такие подвески встречаются в составе кладов. Подобные украшения относятся к X — началу XI в. (Рябцева, 2005. С. 123–125). Аналогичные подвески происходят из погребения Михайловского-Златоверхого монастыря, Владимирских курганов (с. Городище), из клада у с. Спанка (Ленинградская область), Гнёздовского клада 1993 г., Чернигова (Там же. Рис. 45, 6–8, 10, 11).

Предметы на рис. 3 под номерами 3 и 4 остаются неопределимыми. Толщина незначительно изогнутых пластинок из сплава на основе меди составляет 0,2 мм, сечение демонстрирует

Рис. 3. Находки из раскопок 1880 года в Петровском: 1 — височное кольцо; 2 — круглая подвеска; 3 — пластина; 4 — предмет; 5–6 — дирхемы; 8 — бусы; 9 — гребень; 10 — оселок; 11–18 — камни; 19 — наконечник копья; 20–23 — ножи; 24 — стержень; 25 — нож (?) с рукоятью; 26–30 — предметы. 1–6 — цветной металл; 8 — стекло/паста; 9 — кость/цветной металл; 10 — камень/цветной металл; 11–18 — камень; 19–23 — железо; 24 — железо (/бронза?); 25 — кость/железо; 26–30 — железо. Гос. Эрмитаж. Фото С. С. Зозули

Fig. 3. Finds from excavations of 1880 in Petrovskoye: 1 — temple ring; 2 — spherical pendant; 3 — plate; 4 — artefact; 5–6 — dirhams; 8 — beads; 9 — comb; 10 — whetstone; 11–18 — stones; 19 — spear-head; 20–23 — knives; 24 — rod; 25 — knife (?) with the hilt; 26–30 — artefacts. 1–6 — nonferrous metals; 8 — glass/paste; 9 — bone/nonferrous metal; 10 — stone/nonferrous metal 11–18 — stone; 19–23 — iron; 24 — iron (/bronze?); 25 — bone/iron; 26–30 — iron. State Hermitage. Photo by S. S. Zozulya

Рис. 4. Находки из раскопок 1880 г. в Петровском: 31 — предмет; 32 — нож; 33 — пряжка; 34 — предмет; 35 — камень; 36 — накладка; 37–38 — гребень; 39–43 — камни. 31 — железо/дерево; 32 — железо; 33 — цветной металл; 34 — кость; 35 — камень; 36 — цветной металл; 37–38 — кость/цветной металл; 39–43 — камень.

33 — курган № 2; 34–38 — курган № 5; 39–43 — курган № 1. Государственный Эрмитаж. Фото С. С. Зозули

Fig. 4. Finds from excavations of 1880 in Petrovskoye: 31 — article; 32 — knife; 33 — buckle; 34 — article; 35 — stone; 36 — mount; 37–38 — comb; 39–43 — stones. 31 — iron/wood; 32 — iron; 33 — nonferrous metal; 34 — bone; 35 — stone; 36 — nonferrous metal; 37–38 — bone/nonferrous metal; 39–43 — stone. 33 — barrow no. 2; 34–38 — barrow no. 5; 39–43 — barrow no. 1. State Hermitage. Photo by S. S. Zozulya

рельефный край (рис. 3, 3). Находка 4 не поддается интерпретации, так как сильно ошлакована (рис. 3, 4).

Серебряные монеты представлены двумя фрагментами дирхемов, один из которых чеканен при династии Умайадов в первой половине VIII в. (выпускные сведения отсутствуют), а другой по особенностям палеографии относится ко второй трети IX — началу X в. (имя эмитента, место и год чеканки отсутствуют)²⁵ (Зозуля, 2017. С. 84)²⁶ (рис. 3, 5–6). Необходимо отметить, что куфическое серебро является достаточно редкой находкой для захоронений Петровского археологического комплекса. Единственным курганом могильника, где была обнаружена близкая находка (подражание дирхему), остается комплекс № 78. В свою

²⁵ Определение канд. ист. наук А. А. Гомзина (ИА РАН), за что авторы приносят сердечную благодарность.

²⁶ При подготовке публикации сводной таблицы монетных находок не удалось определить номер кургана из раскопок 1880 г., теперь он определяется достаточно уверенно.

очередь в курганах у д. Большое Тимерёво в погребениях известны дирхемы VIII–IX вв.

Единственным элементом ременной гарнитуры является двучастная прямоугольная пряжка (рис. 4, 33). Подобные изделия И. Е. Зайцева относит к группе с лилиевидными носиками и считает их довольно распространенными в XI — первой половине XII в. (Зайцева, 2015. С. 186). Круг аналогий, действительно, широк и включает селища Суздальского Ополя (Шекшово 9), Мининский археологический комплекс (Минино VI) (Зайцева, 2007. Рис. 70, 19; 2015. Рис. 2, 11), болгарские селища Западного Закамья, где они относятся ко второй половине X — началу XI в. (Руденко, 2015. Рис. 11, 5), владимирские курганы (Спицын, 1905. Рис. 354), курганы Санкт-Петербургской губернии (Ивановский, 1896. Табл. VII, 4), Новгород (Седова, 1981. Рис. 56, 3), и этот список далеко не полон. В 2015 г. подобная пряжка была найдена на распаханной части поселения Большое Тимерёво²⁷ (рис. 5). Следует добавить, что

²⁷ ГИМ 114866. Оп. В 2940/30.

художественное исполнение пряжки из кургана № 2/1880 Петровского некрополя в какой-то мере сближает ее с древнерусскими пряжками со схематическим изображением маски, хоть и не соответствует группе, выделенной Ю. В. Степановой, прежде всего по форме (Степанова, 2017). Выявленный круг аналогий обозначает группу изделий, близких описываемой пряжке, многие из которых имеют собственные индивидуальные черты (размер, форма, декор, уровень проработки). Таким образом, существует необходимость, выходящая за рамки этой публикации, в создании типологии этого вида изделий и в определении границ географического и хронологического распространения²⁸.

Интересной находкой является небольшая серебряная квадратная накладка (1,5 × 1,5 см, вес 0,68 г) с чеканным орнаментом, выполненным не очень аккуратно (рис. 4, 36). По краям накладки проделаны три отверстия (отверстие в четвертом углу отсутствует). Судя по форме отверстий, как минимум два из них пробиты ножом. В качестве аналогии подобной практики формирования отверстий в серебряных плоских предметах можно указать крест из кургана № 459 Тимерёвского могильника (Зозуля, 2011).

Изделия из стекла/пасты. В коллекции представлены четыре бусины (рис. 3, 8), две из которых изготовлены из стекла и две — из пасты. Стекланные изделия относятся к типу бус с металлической фольгой — навитых золотостеклянных с каймой. Подобные изделия хорошо известны в памятниках Древней Руси X–XIII вв. По материалам Гнёздовского археологического комплекса их появление относится к концу X в. (Доброва, 2018. С. 114–116). Другие два экземпляра — прессованные бочкообразные оранжевого непрозрачного стекла. Бусы этого типа известны по материалам Северной Европы (Хедебю, Бирка) и Древней Руси (Гнёздово, Старая Ладога). По мнению Й. Каллмера, наибольшая концентрация бус этого типа приходится на последнюю треть X в. (Callmer, 1977. P. 170; Доброва, 2018. С. 112–113).

Изделия из кости/рога. Из раскопок 1880 г. происходят два гребня (рис. 3, 9; 4, 37). Оба изделия относятся ко второй группе, выделенной

Рис. 5. Пряжка с территории поселения Большое Тимерёво. Исторический музей. Фото С. Д. Захарова

Fig. 5. Buckle from the settlement site of Bolshoye Timerevo. Historical Museum. Photo by S. D. Zakharov

О. И. Давидан (1962), к односторонним наборным экземплярам. Среди обломков гребня, предположительно происходящего из кургана № 1/1880 (рис. 3, 9), выделяются пять фрагментов накладки с характерным для этого типа изделий линейным орнаментом и два обломка наборных пластин. На одном из них есть отверстие, частично сохранилось другое, а также следы пропилов от зубьев. На втором обломке есть часть отверстия и остатки зубьев. Разница в размерах наборных пластин и отсутствие орнамента на двух фрагментах накладок приводит к мысли, что в данном случае представлены два разных изделия. Остальные фрагменты кости функционально не определяются. К неопределимым же относится костяной фрагмент 34 (рис. 4, 34). Второй гребень представлен девятью фрагментами накладки, лишенной орнамента (рис. 4, 37) и пластиной с фрагментом отверстия и остатками зубцов (рис. 4, 38). На фрагментах накладок остались следы отверстий и характерные для этой группы изделий пропилы. Оба гребня были собраны на шпеньки из сплава на основе меди. По мнению О. И. Давидан, гребни второй группы, в основном, связаны с горизонтом Д Старой Ладоги, следовательно, относятся к X в. (Давидан, 1962. С. 101).

Находки из камня. Среди предметов, обнаруженных при раскопках, довольно много камней, лишенных антропогенного воздействия (рис. 3, 11–17; 35, 39–43). Отсутствие подробных дневниковых записей не позволяет понять, связаны ли они, по мнению авторов раскопок, с погребением или обнаружены в насыпи. Вероятно, слушатели Археологического института составляли заодно и геологическую коллекцию Ярославской губернии. Единственным предметом, сделанным из камня, является оселок (рис. 3, 10). Точильный камень исполнен довольно

²⁸ Обращение к материалам Госкаталога РФ демонстрирует наличие подобных пряжек в Новгороде (4), Прикамье, Рыбинске (3), Смоленской области (2), Брянской области, Курской области, на территории Северо-Западного Кавказа.

качественно, форма призматическая, сечение прямоугольное, отверстие высверлено с двух сторон. Размеры абразива (длина 10 см) совпадают с 65 % точильных камней Гнёздова (*Бычкова и др.*, 2018. С. 69). Материал оселка — сланец, более точное определение требует петрографического анализа. Оселок имеет приспособление для крепления — серебряное кольцо для подвешивания из рубчатой проволоки. Рубцы неглубокие, декоративного характера. Диаметр кольца 2,1 см, сечение проволоки изделия — 0,2 см. Концы кольца завязаны достаточно неаккуратным узлом.

Находки из железа. Находки из черного металла представлены 14 изделиями. К сожалению, сохранность, фрагментарность и коррозированность части коллекции не позволяет определить шесть из них (рис. 3, 25–31). К группе неопределимых изделий относится и изогнутый стержень округлого сечения со следами бронзовых окислов (рис. 3, 24)²⁹.

Наибольшую группу составляют ножи (рис. 3, 20–22; 4, 32) и их обломки (рис. 3, 23). С большой долей вероятности ножом с костяной рукояткой (лишенной орнаментации) был сильно коррозированный инструмент с железным лезвием треугольного сечения (рис. 3, 25). Все целые экземпляры снабжены двумя (рис. 3, 20–22), реже одним (рис. 4, 32), уступами при переходе от черенка к лезвию и относятся к классическим средневековым формам.

К бесспорно интересным находкам относится кончик лезвия копья (рис. 3, 19). Фрагмент длиной около 7,5 см имеет линзовидное

²⁹ Возможно, именно этот предмет фигурирует в описаниях Н. В. Калачова и П. О. Черневского в качестве железной трубочки. Но абсолютной уверенности в этом нет.

сечение, ребро не выражено или выражено слабо. Очевидно, одно из погребений, исследованных в 1880 г., можно отнести к дружинным. До этого находки копий в Петровском некрополе не были известны, а отнесение могильника к «дружинным» остается дискуссионным вопросом (*Зозуля*, 2008; 2015).

Таким образом, в 1880 г. слушателями и директором Санкт-Петербургского Археологического института на территории Петровского археологического комплекса были проведены исследования семи курганных насыпей, в двух из которых захоронения и инвентарь обнаружить не удалось. В пяти курганах были обнаружены четыре труположения и одно вероятное трупосожжение на стороне. Все пять захоронений сопровождалось инвентарем, но большая часть информации о происхождении конкретных предметов из конкретных захоронений была утрачена или, пока, не выявлена. В коллекции представлены находки из цветного и черного металла, стекла, пасты, камня, кости/рога. Большинство предметов определимо, для них известны многочисленные аналогии в захоронениях древнерусских могильников. Обращает на себя внимание достаточно большое присутствие изделий из серебра, редко встречающихся в Петровском некрополе. Впервые в Петровском могильнике стали известны захоронения, сопровождаемые восточными монетами и копьем. Достаточно удивительна находка височного кольца. Его поздняя датировка по многочисленным аналогиям заставляет предполагать его происхождение не из погребения, иначе время функционирования могильника пришлось бы ограничивать рубежом XII и XIII вв., но для подобных заключений оснований, на наш взгляд, недостаточно.

Антропологическая..., 1878–1879 — Антропологическая выставка, Т. II / Под ред. А. П. Богданова. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878–1879. 441 с.

Архив ГЭ — Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1378–1932.

Бычкова и др., 2018 — *Бычкова Я. В., Енисова Н. В., Нилус И. М.* Точильные камни под микроскопом: новые данные об использовании и происхождении оселков из Гнёздова // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1 / Отв. ред. С. Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2018 (Тр. ГИМ; Вып. 210). С. 68–84.

Давидан, 1962 — *Давидан О. И.* Гребни Старой Лядоги // АСГЭ. Вып. IV / Ред. М. И. Артамонов. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. С. 95–108.

Доброва, 2018 — *Доброва О. П.* Стекланные бусы по материалам раскопок Центрального городища // Гнёздовский археологический комплекс... М.: ГИМ, 2018. С. 102–126.

Зайцева, 2007 — *Зайцева И. В.* Изделия из цветных металлов и серебра // Археология северорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубинском озере:

- В 3 т. / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2007. С. 57–142.
- Зайцева, 2015 — Зайцева И. В. Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополье // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 184–200.
- Зозуля, 2008 — Зозуля С. С. Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 337–340.
- Зозуля, 2011 — Зозуля С. С. Необычный крест из дирхема конца X в., найденный на территории Тимерёвского могильника // Номизма. Звенигород, 2011. № 2. С. 18–19.
- Зозуля, 2015 — Зозуля С. С. О «дружинных» захоронениях в Петровском // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Междунар. конф. молодых ученых / Отв. ред. В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2015. С. 130–132.
- Зозуля, 2017 — Зозуля С. С. Кривое зеркало нумизматики (несколько замечаний к датировке курганов Ярославского Поволжья с монетами) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 года / Отв. ред. Е. В. Захаров. М.: Внешторгиздат, 2017. С. 76–86.
- Ивановский, 1896 — Ивановский Л. К. Курганы Санкт-Петербургской губернии. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1896 (МАР; Вып. 20). 189 с.
- Калачов, 1881 — Калачов Н. В. Об осмотре летом и осенью 1880 г. членами и слушателями Археологического Института памятников древностей и их работах в архивах // Сб. Археологического института / Под ред. Н. В. Калачова. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1881. Кн. V. Ч. 1. С. 1–30.
- Кренке, 2014 — Кренке Н. А. Классификация орнаментов семилопастных височных колец московского типа и проблема их этнической интерпретации // РА. 2014. № 3. С. 39–49.
- Руденко, 2015 — Руденко К. А. Хронология болгарских селищ конца X — XIII в. в Западном Закамье (по материалам исследований 1992–2011 гг.) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 135–154.
- Рябцева, 2005 — Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор. СПб.: Нестор-История, 2005. 384 с.
- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.
- Седых, 2018 — Седых В. Н. Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период (по материалам НА ИИМК РАН) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской): сб. науч. ст. / Под ред. Н. Ю. Смирнова. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 270–279.
- Спицын, 1905 — Спицын А. А. Владимирские курганы. СПб.: б. и., 1905 (ИАК; Вып. 15). 90 с.
- Станкевич, 1941 — Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX–X ст. // Этногенез восточных славян / Под ред. М. И. Артамонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 1. С. 56–88 (МИА; № 6).
- Степанова, 2017 — Степанова Ю. В. Древнерусские пряжки со схематическим изображением маски // Вестник ТвГУ. Сер. История. Тверь, 2017. № 1. С. 161–172.
- Титов, 1883 — Титов А. А. Ярославский уезд. Историко-археологическое, этнографическое и статистическое описание с картой Ярославского уезда. М.: Изд. И. А. Вахрамеева, 1883. 154 с.
- Титов, 1885 — Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. М.: Синодальная Типография, 1885. 631 с.
- Тихонов, 2016 — Тихонов И. Л. Музей древностей и изящных искусств Санкт-Петербургского университета // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. Вып. 16, № 1. С. 209–226.
- Черневский, 1880 — Черневский П. О. Археологические исследования в Ярославской губернии // Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. Местный отдел. № 99 от 15.12.1880 г.
- Яковлев, 1911 — Яковлев П. С. Памятная книжка Императорского Археологического института 1878–1911. СПб., 1911. 97 с.
- Ярославское..., 1963 — Ярославское Поволжье в X–XI вв. по материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников / Под ред. А. П. Смирнова. М.: ГИМ, Ярославский музей-заповедник, 1963. 144 с.
- Callmer, 1977 — Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800 — 1000 A.D. Lund, 1977.

Investigations of the necropolis of the Petrovskoye archaeological complex by students of the Archaeological Institute in 1880

S. S. Zozulya, A. Yu. Kononovich

The kurgan cemetery of the late 9th — mid-11th century near the village of Petrovskoye of Yaroslavl Oblast and District is renowned because it is almost completely studied and the materials of excavations here were promptly published by their authors. This paper presents the results of the first excavations conducted in the area of the Petrovskoye archaeological complex but so far not scientifically published. These investigations were carried out by the Director and students of the Saint Petersburg Archaeological Institute in July 12–13, 1880. Seven mounds were excavated. The absence of reporting documents and the complicated fate of the collection of finds have led to the loss of principally important data, such as the location of the mounds within the territory of the burial ground, plans and sections of the barrows, and descriptions of the state of preservation of the burial complexes. It is now unknown whether there were drawings and photos made during the excavations. The main source of information was a brief publication by Nikolay V. Kalachov, Director of the Archaeological Institute, describing in general the results of the investigations, and a newspaper story by one of the participants of the excavations. The history of the transferences of the collection obtained from excavations of 1880 turns out to be rather complicated: possibly, the finds from the excavations at Petrovskoye were passed to the Cabinet of Antiquities of the University and afterwards were transferred to the collection of the State Hermitage where 43 finds are now kept. This paper presents the history of the investigation of the Petrovskoye cemetery, the circumstances of the excavations of 1880; an analysis of the location of kurgans investigated by the Archaeological Institute was conducted and all the known data on the excavations are brought together; also an examination of the grave goods preserved in the collection of the State Hermitage is presented. The finds from the burials comprise both the fairly well known types of objects from Old-Russian burials and unique artefacts from the cemetery under consideration. The aggregate of the data obtained allows us to compile a table where the known dimensions of the mounds are presented, as well as the presumed rite of the burials, and the finds with the numbers according to the inventory list of the collection of the State Hermitage.

Ладьевидные так называемые энколпиобраслеты: ареальные особенности

С. И. Кочкуркина¹

Аннотация. Ладьевидные браслеты с полой средней частью представлены двумя типами: со свободными концами и шарнирными. Первые встречаются в памятниках Карельского перешейка и северного побережья Ладоги, вторые – в курганах на р. Оять. Сложные по изготовлению и использованию дорогого цветного металла они сделаны, скорее всего, на заказ в элитных ювелирных мастерских для привилегированного населения.

Annotation. Boat-shaped bracelets with a bulging middle hollow part are represented by two types: those with free ends and examples with hinged terminals. The first type is known in the monuments of the Karelian Isthmus and northern coast of Lake Ladoga, the second type is represented at barrows on the Oyat' river. They are complicated in manufacture and because of the use of expensive non-ferrous metal and are made most probably at the order of elite jewellery workshops.

Ключевые слова: ладьевидные браслеты, ареальные особенности, состав металла, техника изготовления, датировка.

Keywords: Boat-shaped bracelets, areal peculiarities, metal composition, manufacturing technique, dating.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-329-333

В научной литературе, как в отечественной, так и зарубежной, эта категория оригинальных украшений не была обойдена вниманием, но относительно их происхождения, ареала, конструктивных особенностей были высказаны некоторые спорные суждения. В финляндской научной литературе такие изделия названы энколпиобраслетами / *enkolpiobracelets* (Kivikoski, 1973. Abb. 752). Но термин, по моему мнению, неудачен, так как противоречит назначению предмета. Известно, что на Руси энколпионы использовались для хранения частиц христианских реликвий, но изделия X в., о которых мы рассуждаем, вряд ли могли использоваться с этой целью. По традиции такие браслеты считаются чисто карельскими, поскольку за пределами Карелии и приграничной территории Саво они не встречены (Korkeakoski-Väisänen, 1981).

Массивных бронзовых браслетов с полой средней частью, закрывающейся ажурной вставкой,

и заузженными свободными концами в Северо-Западном Приладожье найдено 23 экз., из них два в Саво, вблизи современной границы Финляндии и Карелии (тип II 2а, по К. Korkeakoski-Väisänen, 1981) (рис. 1, А). Вес хорошо сохранившегося браслета немного больше 200 г, диаметр — около 6,3 см. Сверху и снизу ажурной вставки нанесен орнамент «волчий зуб», в полый части браслета видимо сохранились кусочки металла (рис. 1, В, 1).

В основном это случайные находки, за исключением трех браслетов из погребения по обряду трупосожжения X в. (Хелюля; Кочкуркина, 2017. С. 177). В нем также были найдены две равноплечие фибулы, подковообразная застежка с головками в виде перевернутых пирамидок, бронзовые подвески (одна с прикипевшим кусочком желтой бусины, другая — шумящая, в виде гофрированной трубочки с бутылкообразными привесками), обломок круглой привески, топор (тип V, по А. Н. Кирпичникову), сердоликовые и пастовые глазчатые бусы, их фрагменты, спекшиеся куски бусин. Найденные на городище Паасо четыре крышки от браслетов выявлены в разрушенном

¹ Сектор археологии, Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН; ул. Пушкинская, д. 11, г. Петрозаводск, Республика Карелия, 185910, Россия; E-mail: babkin@karelia.ru.

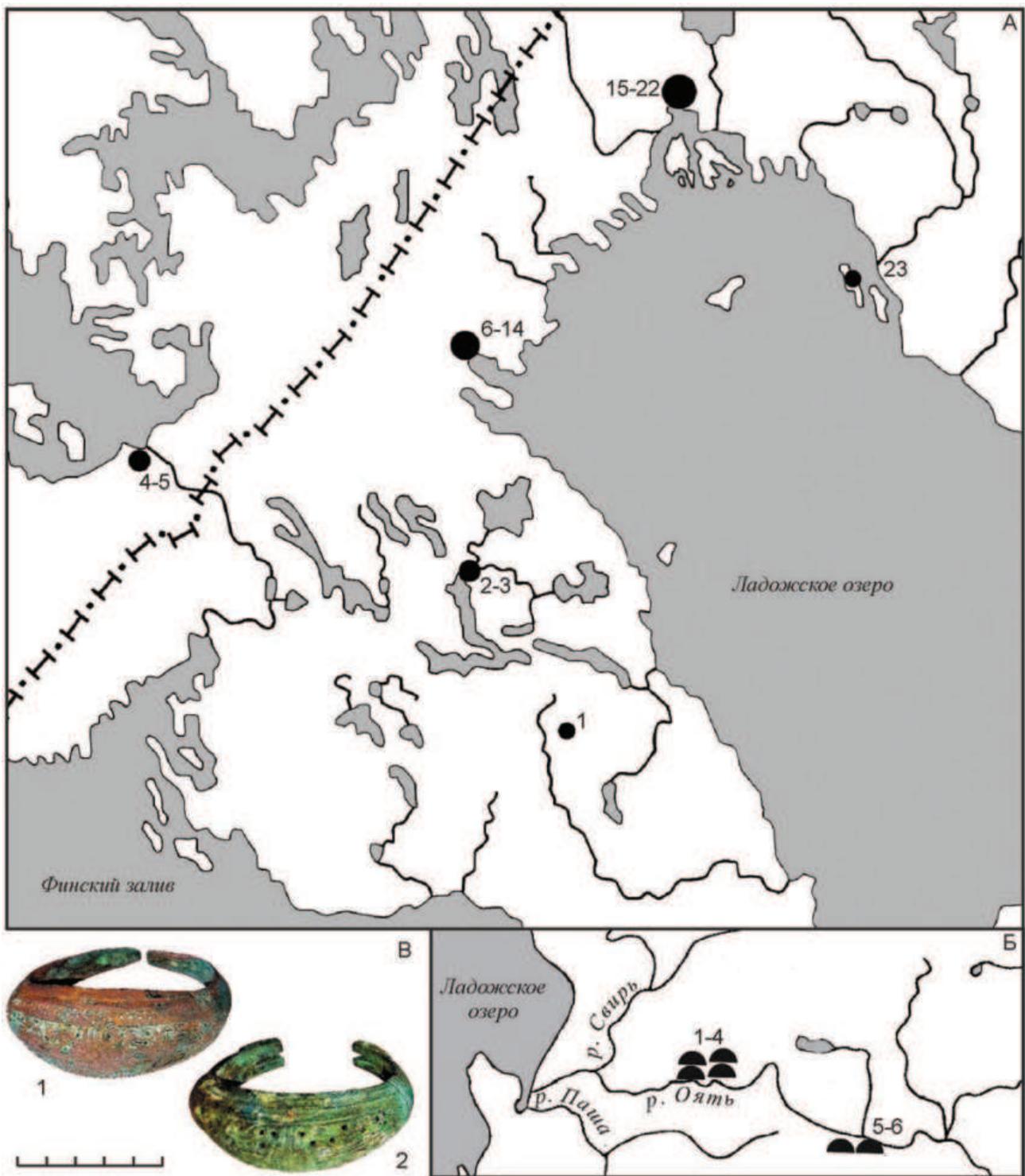

Рис. 1. Ладьевидные браслеты с полой средней частью: А — места находок в Северо-Западном Приладожье: 1 — окрестности пос. Сосново; 2-3 — Мельниково; 4-5 — Тайпалсаари-Сикосало; 6-14 — Куркиёки; 15-22 — окрестности г. Сортавала; 23 — Салми-Мантсинсаари; Б — места находок в курганах на р. Оять:

1-4 — Шангеничи-лес; 5-6 — Нюбиничи; В — два типа ладьевидных браслетов: 1 — Сосново; 2 — Шангеничи-лес-7
 Fig. 1. Boat-shaped bracelets with hollow middle part: A — finds in North-Western Ladoga region: 1 — surroundings of the urban settlement of Sosnovo; 2-3 — Melnikovo; 4-5 — Taipalsaari-Sikosalo; 6-14 — Kurkijöki; 15-22 — surroundings of the city of Sortavala; 23 — Salmi-Mantsinsaari; Б — finds in barrows on the Oyat River: 1-4 — Shangenichi-Les; 5-6 — Nyubinichi; В — two types of boat-shaped bracelets: 1 — Sosnovo, 2 — Shangenichi-Les-7

догородищенском слое. Они изготовлены, как и другие изделия рубежа X–XI вв. (например, равноплечие фибулы), из свинцовых латуней (*Кочкуркина, Ениосова, 2010*). Исследователями отмечено, что в ювелирных мастерских Северо-Запада и Северо-Востока Руси в VIII–XI вв. латуни были главным материалом для изготовления украшений и бытовых изделий. За пределами Древней Руси латунь характерна для Восточной Пруссии, Прибалтики, Швеции. В самой представительной новгородской серии анализов доля латуней в X — начале XII в. составляет 67 % (*Ениосова и др., 2008. С. 133–135, табл. 3.1*). В Северо-Западном Приладожье доля латуней не превышает 18 %, что объясняется, скорее всего, небольшим количеством изделий X–XI вв.

Возможно, в X–XI вв. средневековая Карелия находилась в обширном ареале распространения латунных сплавов, в который входили материковая Швеция и Готланд, Прибалтика, северо-западные и северо-восточные регионы Древней Руси. Вероятнее всего, медно-цинковые сплавы, полученные из сырья рудников в районе Верхнего Маса и Вестфалии, поступали на Русь через Скандинавию и Прибалтику (*Там же, 2008. С. 155*). Связи Карелии с Прибалтикой и Швецией в IX–XI вв. документируются многочисленными находками вещей западного происхождения из погребальных памятников Карельского перешейка (*Кочкуркина, 1982. С. 18–25*).

В отличие от изделий, встреченных на памятниках Северо-Западного Приладожья (рис. 1, Б), в погребениях X в. приладожской курганной культуры, в Юго-Восточном Приладожье найдены выразительные массивные бронзовые браслеты с полой средней частью, закрывающейся ажурной вставкой, но с раздвоенными концами и запором к ним². Вес их 210 г, диаметр — 6,2–6,3 см. Отверстия в шарнирном замке разного диаметра, и крепились они металлическими стерженьками (в одном из отверстий сохранился фрагмент бронзовой шпильки; рис. 1, В, 2).

В погребении Шангеничи-лес-7 найдены два массивных ладьевидных браслета, снабженных

шарнирными замками. Один из них был исследован в лаборатории кафедры археологии МГУ (*Ениосова, 2017*), но к результатам анализа, считает Н. В. Ениосова, следует относиться с осторожностью из-за толстого слоя окарины на украшении. Браслет, замок и ажурная вставка отливались по отдельности, для каждой детали использована вырезанная из воска модель. Изготовление замка не представляло трудной задачи, готовая отливка тщательно зачищена с помощью абразивных инструментов. Вероятно, из-за шарнирного соединения необходима была подгонка замка к браслету.

Изготовление браслета с внутренней полостью, закрытой ажурной вставкой, требовало огромного мастерства на всех стадиях его изготовления. Судя по сохранившимся выпуклым прорезным пластинам с городища Паасо, их отливали отдельно по выплавляемым восковым моделям (*Кочкуркина, 2010. С. 218, табл. 55, 9, 10, 20*).

Продольная и поперечная полосы с ложновитым декором делили поле вставки на четыре равные части. Затем из массивного куска воска вырезали заготовку объемной части браслета с выемкой в середине. Бордюрные зоны изделия оформлялись в виде ступенчатых продольных ярусов. По краю каждого из них наносили орнамент пуансоном «волчий» зуб, получив плотно расположенные треугольные отпечатки — бахрому. Поперечные рельефные полосы, разделяющие ажурную и гладкие зоны браслета, также обработаны с помощью пуансона. Чекан с выпуклым округлым окончанием оставил ряды неглубоких параллельных ямок на гладких сужающихся частях браслета (*Ениосова, 2017. Рис. 9, 6*). Концы украшения оформлены как прямоугольные выступы с выемкой и двумя отверстиями, идеально совмещающиеся с перфорацией вставного замка.

Из-за плохой сохранности изученного браслета, по мнению Н. В. Ениосовой, сложно определить однозначно способ соединения двух частей основного корпуса браслета. Возможно, использовали метод «долива»: во внутреннюю полость массивной восковой модели, глубина которой достигала 8 мм, помещали сердечник — глину с органическими примесями, на нее крепили отлитую заранее ажурную вставку. Модель с сердечником и металлической вставкой покрывали неразъемной оболочкой из нескольких слоев жидкой формовочной глиняной массы и снабжали литником. После отливки удалялась общая оболочка, а сухой и

² Типология браслетов из собраний ГИМ (Москва) впервые наиболее подробно была разработана В. П. Левашевой (1967). Ею в группе ладьевидных браслетов выделен тип шарнироконечных, к которому отнесены два изделия: из кургана Подъелье (103) и с. Брембола Ярославской области (замки не сохранились). Но у них отсутствует полая часть с ажурной вставкой, и, следовательно, к категории рассматриваемых браслетов не относятся.

уменьшившийся в размерах сердечник с помощью острого инструмента выкрошивался из полости. Нельзя исключить также, что ажурная пластина закреплялась в полости «встык» или с использованием припоя, но в этих случаях сцепление деталей массивного браслета не было бы прочным.

Браслет и замок отлиты из одной порции металла, содержащего менее 3 % цинка, около 25 % свинца и примесь олова. Выбор сплава не вызывает удивления — он плавится при температуре не превышающей 800 °С и быстро заполняет все углубления сложной формы. Следов позолоты или вставок из драгоценного металла на этом украшении не обнаружено (Ениосова, 2017. С. 123–124). Из свинцовой латуни с низким содержанием цинка (Zn — 1,83/3,01 % и Pb — 36,24/8,12 %) и значительной добавкой свинца отлиты ажурные вставки, найденные на городищах Паасо и Хямеенлахти (Ениосова, 2010. С. 259–262, пробы 3413, 3424).

Ладьевидные браслеты с ажурной вставкой и шарнирным замком принадлежат к изделиям особого статуса — изготовить настолько сложную вещь могли только самые квалифицированные мастера, обладающие доступом к значительным запасам цветного металла в виде слитков или лома вышедших из употребления изделий (Ениосова, 2017. С. 124).

Курган Шангеничи-лес-8 содержал трупосожжение взрослого и ребенка. Скопление кальцинированных костей сопровождалось двумя комплектами вещей. Первый включал 200 сердоликовых и стеклянных бусин, бронзовую гривну (три фрагмента) с гранчатой головкой (некоторые из предметов пострадали от огня). Под гривной находились: овальная фибула, обожженный литой браслет с ажурной накладкой, две подковообразные фибулы с многогранными головками, два бубенчика, фрагменты перегоревших изделий (в том числе замок браслета), железная игла и нож. Рядом было не пострадавшее от огня ожерелье из 103 бусин (глазчатые и стеклянные бесцветные).

Второй комплект состоял из легкой, треугольной в сечении гривны, изогнутой в полтора оборота, один конец которой заканчивается квадратной бляшкой; трех узких с несомкнутыми концами орнаментированных браслетов; двух подковообразных фибул с гранчатыми головками; пяти полых подвесок-уточек; пряслица; ножа. Это погребение, скорее всего, подростковое, судя по диаметрам гривны и браслетов. Неизвестно, к какому из погребений относятся коническая подвеска, два

бубенчика, привеска-колокольчик. На очаге с подсыпкой из гальки располагались красно-бурые куски почти необожженного сосуда баночного типа. Датируется X — началом XI в. (Кочкуркина, Линецкий, 1985. С. 43–47).

В одном из трупосожжений X — начала XI в. кургана Шангеничи-лес-11 найден шарнирно-копечный браслет (замок не сохранился) с ажурной вставкой. Женское трупоположение Нюбиничи-2 сопровождалось тремя рядами бус (102 экз.), включавшими сердоликовые восьмигранные (3 экз.) и многогранные (9), ребристые бирюзовые и зеленоватые (23), желтые с плоскими глазками (33), лимонки (2), двойную серебряную (золоченую) (?), желтые гладкие (27), черные с белыми полосками (2), мозаичные (2 экз.). В области шеи обнаружена восточная монета: Саманиды, Самарканд, Нух ибн Мансур, 369 г. х. (979/980). В центре груди располагалась круглая со следами позолоты фибула (тип 116). С левой стороны груди умершей лежала подковообразная фибула с соединенными многогранными головками и украшенная циркульным орнаментом. От нее свисала нить длиной 118 см из бус-«флакончиков» (73 одинарных, два двойных), другим концом присоединявшаяся к спиралеконечной фибуле, которая крепилась на правой стороне груди. Кроме того, от застежки на левом плече спускались три спирали длиной 30, 37, 40 см, заканчивающиеся подвеской-«собачкой», бубенчиком и полой подвеской-уточкой (внутри сохранился кожаный узелок).

На правом плече на уровне застежки находились бронзовые ножны с отпечатками тонкого полотна. Здесь же, аналогично сложному украшению на левом плече, располагались трубчатый бронзовый игольник, полая подвеска-уточка и бубенчик. Эти предметы, видимо, подвешивались на льняных или шерстяных несохранившихся шнурах. На правой руке — массивный с ажурной вставкой браслет с замком и овальный с несомкнутыми орнаментированными концами; на левой — идентичный изделию на правой руке массивный браслет с замком.

Этим же временем датируется женское погребение по обряду трупоположения из кургана Нюбиничи-2. В нем кроме двух массивных с ажурной вставкой и замком браслетов сохранились такие статусные вещи, как ожерелье из 102 бусин, восточная монета (Саманиды, Самарканд, Нух ибн Мансур, 369 г. х. 979/980), круглая со следами позолоты фибула (тип 116), подковообразная

застежка с соединенными многогранными головками и украшенная циркульным орнаментом, ожерелье из бус-«флакончиков» и некоторые другие изделия.

Отметим некоторую связь изделий Северо-Западного и Юго-Восточного Приладожья: крышки от браслетов, найденных на городище Паасо, по длине и ширине идентичны таковым из оятских

курганов, но отличаются некоторыми деталями орнамента и диаметром отверстий в них. Объяснить это явление пока не представляется возможным. Может быть, такие престижные вещи, как ладьевидные браслеты, изготавливались на заказ в какой-то высокого класса ювелирной мастерской, откуда они на рубеже X–XI вв. попали на территорию Северо-Западной Руси.

Ениосова, 2010 — Ениосова Н. В. Новые данные о химическом составе цветного и драгоценного металла памятников летописной корелы // Кочкуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2010. С. 248–262.

Ениосова и др., 2008 — Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература, 2008. С. 107–188.

Ениосова, 2017 — Ениосова Н. В. Техника изготовления и химический состав металла украшений из памятников Юго-Восточного Приладожья и бассейна Онежского озера // Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2017. С. 119–140.

Кочкуркина, 1982 — Кочкуркина С. И. Древняя корела. Л.: Наука, 1982. 216 с.

Кочкуркина, 2010 — Кочкуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2010. 262 с.

Кочкуркина, 2017 — Кочкуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2017. 280 с.

Кочкуркина, Ениосова, 2010 — Кочкуркина С. И., Ениосова Н. В. Древнекарельские ювелирные изделия из цветного и драгоценного металла X–XV веков: ареал, датировка, химический состав // Тр. КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2010.

Кочкуркина, Линевский, 1985 — Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.

Левашева, 1967 — Левашева В. П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни. М., 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43). Вып. 3. С. 207–252.

Kivikoski, 1973 — Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973. 153 s.

Korkeakoski-Väisänen, 1981 — Korkeakoski-Väisänen K. Manner-Suomen viikinki- ja ristiretkiajan rannerenkaat ja niiden ornamenttiikka. Turku: Suomalainen ja vertaileva arkeologia, Turun yliopisto, 1981 (Karhunkammas; Vol. 5). 119 s.

Boat-shaped *enkolpiobracelets*: the areal peculiarities

S. I. Kochkurkina

Boat-shaped bracelets from nonferrous metal with a bulging middle hollow part covered with a closed openwork insert are represented by two types: those with free ends and examples with hinged terminals. The first type is found at early mediaeval sites of the Karelian Isthmus and northern coast of Lake Ladoga, the second variety is represented at barrows on the Oyat River, Leningrad oblast. Difficult in manufacturing and expensive due to the use of costly nonferrous metals, these bracelets were made evidently to order in jewellery workshops of prestige.

Древнерусские игольники с арочной ажурной спинкой¹

В. Н. Кузнецова²

Аннотация. Игольники с арочными ажурными спинками и шумящими привесками XII–XIII вв. вошли в историографию как атрибут финно-угорской культуры. Больше всего находок происходит из курганных могильников Приладожья и Верхнего Поволжья. Они были также встречены в слоях Новгорода и Изборска, могильниках Мади (Эстония), Замикутье (бывш. Гдовский уезд), Тихманьга (Архангельская область), Кинтусовском (на р. Салым, ХМАО). Изделия происходят из коллекции Теплоуховых, собранной в Пермском Предуралье, Ыджыдьельского могильника в Республике Коми, с острова Вайгач. Изделий изготавливались по восковой модели и имели обильный декор. В их основе типичная для Северо-Запада Руси форма игольника-трубочки, но происхождение декора (жгуты, косоплетки, волюты и пр.) связано с Волго-Камьем. Изделия не могут рассматриваться исключительно как финно-угорские. Они относятся к культуре Древней Руси, но выполнены в синкретичном стиле, что отражает контакты между Северо-Западом и Северо-Востоком лесной зоны.

Annotation. Needle-cases of the 12th–13th century with arched openwork backs and rattle-pendants are known in historiography as an attribute of the Finno-Ugrian culture. The most of their finds come from kurgan cemeteries of the Ladoga and Upper-Volga regions. They have been also encountered in layers of Novgorod and Izbornsk, burial grounds of Madi (Estonia), Zamikutye (former Gdov Uyezd), Tikhman'ga (Arkhangelsk Oblast), and Kintusovo (on the Salym River, Khanty-Mansi Autonomous District). Some objects come from the collection of the Teploukhovs from the Perm Cis-Urals, from the Ydzhydyel cemetery in the Republic of Коми and from Vaygach Island. These objects were manufactured using a wax model and have an abundant decoration. They have a typical for Northwestern Russia form of tubular needle-case, but the origin of their decoration (twisted cord, slanting guilloche, volutes, etc.) is related with the Volga and Kama region. These artefacts cannot be considered as exclusively Finno-Ugrian ones. They belong to the culture of Old Rus' but are executed in a syncretic style reflecting the contacts between the North-West and North-East of the forest zone.

Ключевые слова: украшение, игольник, подвеска, орнамент, Древняя Русь, Поволжье, Прикамье, финно-угры.

Keywords: ornament, needle-case, pendant, pattern, Old Rus', Volga region, Kama region, Finno-Ugrians.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-334-346

Находки игольников, основой которых является трубочка, дополненная арочной ажурной спинкой сверху и шумящими привесками снизу, известны с конца XIX в. Изделия в целом датируются XII–XIII вв. и были встречены

в археологических памятниках на обширной территории от Прибалтики до Сибири (рис. 1). Они изготавливались из цветных металлов, преимущественно из медного сплава, и отличаются обильным декором в виде массивных жгутов, косоплеток, волют и пр. (рис. 2–4).

Данная категория находок была включена в классификацию Л. А. Голубевой, представленную в статье «Игольники восточноевропейского севера X–XIV вв.» (Голубева, 1978) — работе, которая на сегодняшний день является основным специализированным исследованием, посвященным древнерусским игольникам. Изделия были отнесены

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-40111 «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения»).

² Отдел этнографии русского народа, Российский этнографический музей; Инженерная ул., д. 4/1, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

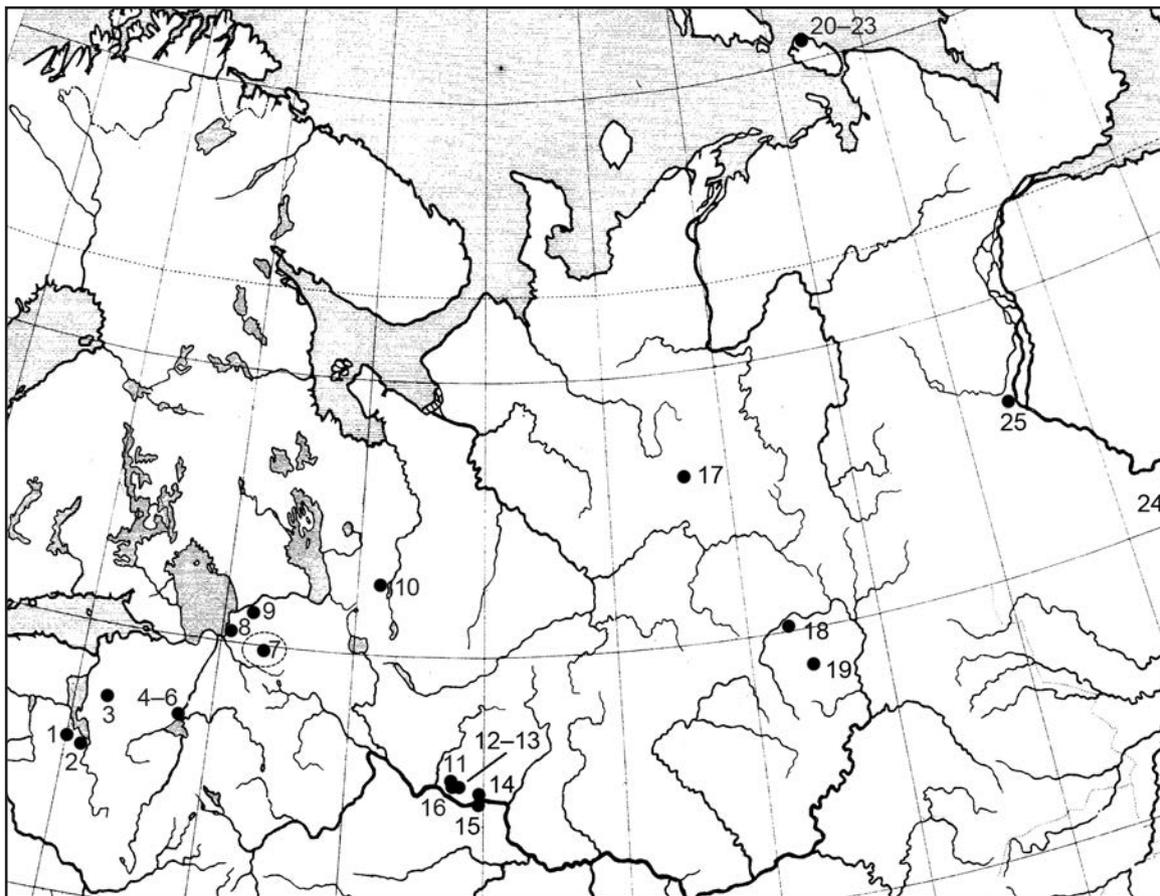

Рис. 1. Находки игольников с арочной ажурной спинкой и отливок с них: 1 — Мади; 2 — Изборск; 3 — Замикутье; 4-6 — Новгород; 7 — Тихвинский район; 8 — Шахново; 9 — Никольщина; 10 — Тихманьга; 11 — Семеново, 12-13 — Елкотово, 14 — Зимнево, 15 — Мостищево, 16 — Куликово, 17 — Ыджыдъедьский могильник, 18 — д. Михалева, 19 — Кипрушева, 20-23 — остров Вайгач, 24 — Кинтусовский могильник; 25 — Мулигорт

Fig. 1. Map of findspots of needle-cases with arched openwork backs and their cast copies: 1 — Madi; 2 — Izborsk; 3 — Zamikutye; 4-6 — Novgorod; 7 — Tikhvin district; 8 — Shakhново; 9 — Nikolshchina; 10 — Tikhmanga; 11 — Semenkovo, 12-13 — Elkotovo, 14 — Zimnevo, 15 — Mostishchevo, 16 — Kulikovo, 17 — Ydzhysel cemetery, 18 — v. Mikhaleva, 19 — v. Kiprusheva, 20-23 — Vaygach Island, 24 — Kintusovo cemetery; 25 — Muligort

к первому и второму типам *отдельной группы горизонтальных игольников с арочным щитком* (Там же. С. 203–204). Выделенные типы скорее отражают вариативность орнамента. По всей вероятности, их следовало бы рассматривать в рамках одного типа, как подтипы или варианты. Тем более каждое изделие — даже относящееся к одному типу по Л. А. Голубевой, — имеет индивидуальный характер.

В работе Л. А. Голубевой «Весь и славяне на Белом озере» (1973) игольники с арочным навершием были включены в таблицу «этнически определяющих украшений веси и характерных вещей из погребений» (Голубева, 1973. С. 34, рис. 4). Исследователь писала следующее: «Можно думать, что арочные игольники изготавливали на той же

территории, где и носили. Облик нарядной шумящей подвески и традиционный мотив спирали заставляют отнести арочные игольники к кругу ювелирных изделий финно-угорского происхождения» (Там же. С. 41–42). В статье 1978 г. автор полагала, что игольники были изготовлены в Приладожье, и также связывала их с работой финно-угорских мастеров (Голубева, 1978. С. 203). Е. А. Рябинин отмечал, что подобные игольники свидетельствуют «о связях Костромского Поволжья с Юго-Восточным Приладожьем» (Рябинин, 1986. С. 84). На сегодняшний день количество находок таких изделий возросло. Представляется интересным рассмотреть находки, известные с конца XIX в., вместе с новыми открытиями.

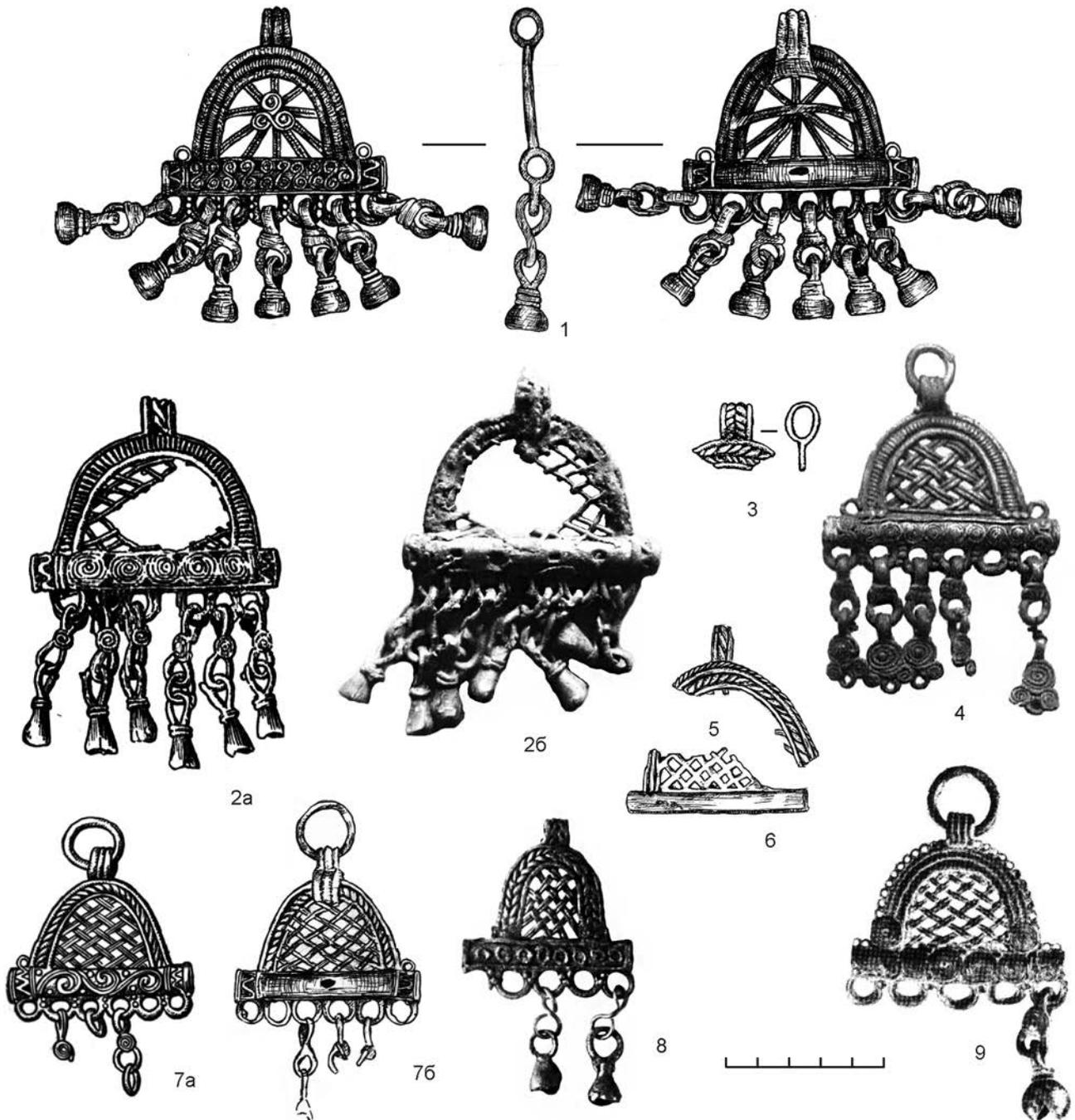

Рис. 2. Игольницы с арочной ажурной спинкой: 1 — Никольщина (ГЭ 1416/6); 2 — Щепняк (а — Кочкуркина, 1989. Рис. 91, 4; б — Ениосова, 2017. Рис. 25, 1); 3 — Изборск (Седов, 2007. Рис. 360, 10); 4 — Шахново (Бранденбург, 1895. Табл. V, 4); 5, 6, 8 — Новгород (5 — НГМ КП 42580/17 А-178/17; 6 — НГМ КП 42580/40 А-178/40; 8 — Колчин, Янин, Ямицков, 1985. № 114); 7 — Тихвинский район (а — Голубева, 1978. Рис. 1, 12; б — ГЭ 702/2); 9 — Мади (Selirand, 1974. Tahvell XXXI, 3)

Fig. 2. Needle-cases with arched openwork backs: 1 — Nikolshchina (ГЭ 1416/6); 2 — Shchepnyak (а — Кочкуркина, 1989. Fig. 91, 4; б — Ениосова, 2017. Fig. 25, 1); 3 — Izborsk (Седов, 2007. Fig. 360, 10); 4 — Shakhново (Бранденбург, 1895. Pl. V, 4); 5, 6, 8 — Novgorod (5 — НГМ КП (Novgorod State Museum) 42580/17 A-178/17; 6 — НГМ КП 42580/40 A-178/40; 8 — Колчин, Янин, Ямицков, 1985. № 114); 7 — Tikhvin district (а — Голубева, 1978. Fig. 1, 12; б — ГЭ 702/2); 9 — Madi (Selirand, 1974. Tahvell XXXI, 3)

В Приладожье игольники были встречены в курганных могильниках Никольщина (Голубева, 1978. Рис. 1, 13)³, Щепняк (Кочкуркина, 1967. Рис. 1, 4; 1989. С. 279, рис. 91, 4), Шахново (Бранденбург, 1895. Табл. V, 4). Одна находка происходит из Тихвинского района (Голубева, 1978. Рис. 1, 12)⁴ (рис. 3, А). Вероятно, такая концентрация изделий и послужила причиной того, что Л. А. Голубева считала находки работой местных мастеров (Там же. С. 203).

Наиболее точный контекст имеет находка из захоронения № 2 кургана № 1 у д. Щепняк, раскопанного С. И. Кочкуркиной. Сам комплекс исследователь датировала XII в. (Кочкуркина, 1989. С. 164). Женский скелет был ориентирован головой на юг. У правого виска располагались два височных кольца — проволочное с загнутым концом и трехбусинное, на груди — «округло-уплощенная бусина с тонким отверстием» (Там же. С. 164). Собственно игольник с арочной спинкой располагался у правого бока погребенной. Примечательно, что в первом захоронении находилась нестандартная подвеска «конек», в оформлении которой и рассматриваемых игольников есть схожие элементы (рис. 3, Б).

Техника изготовления игольника из могильника Щепняк анализировалась Н. В. Ениосовой. Исследователь отметила, что предмет был отлит по оригинальной восковой модели, «собранный вручную из жгутов, спиралей и полос... Отливка производилась в неразъемной форме целиком, для каждой детали подводился отдельный литник» (Ениосова, 2017. С. 130–131). По всей вероятности, данные могут быть экстраполированы и на остальные древнерусские находки этой категории.

Игольник из Шахново относится к находкам, происходящим из курганов, которые «были раскапываемы местным землевладельцем г. Извековым, но не надлежащим образом» (Бранденбург, 1895. С. 131). Из курганов у Шахново также происходит копоушка, стилистически близкая игольнику: корпус украшен спиральями и витыми жгутами, привески составлены из волют и прикреплены при помощи щитковых звеньев (Там же. Табл. V, 2).

³ Номер в ГК 17831716, ГЭ 1416/6 [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17961859> (дата обращения 20.03.2020).

⁴ Номер в ГК 12396070, ГЭ 702/2 [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12518322> (дата обращения 20.03.2020).

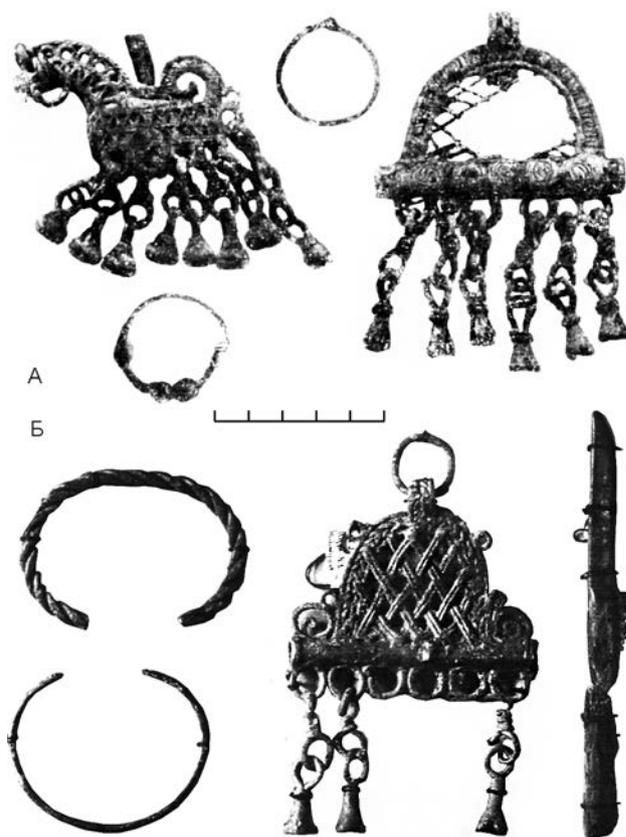

Рис. 3. Находки из могильников: А — Щепняк (Кочкуркина, 1967. Рис. 1, 1–4); Б — Замикутье (Учетный каталог, 1931. Л. 59)

Fig. 3. Finds from burial grounds: A — Shchepnyak (Кочкуркина, 1967. Fig. 1, 1–4); Б — Zamikutye (Recording catalogue, 1931. Sheet 59)

Игольник с арочной ажурной спинкой был найден в слое конца XII в. Новгорода (Седова, 1981. С. 35; Колчин и др., 1985. № 114) (рис. 2, 8). Из Троицкого раскопа IX происходит фрагмент изделия этой категории⁵ (рис. 2, 5). В материалах Новгорода также есть изделие, выполненное в имитационной технике — вероятно, по отлиску готового — из свинцово-оловянистого сплава⁶ (рис. 2, 6). Л. В. Покровская относила эту находку к финно-угорским материалам XIII в. (Покровская, 2003. С. 310, рис. 1, 6.).

⁵ Номер в ГК 12926360, НГМ КП 42580/17 А-178/17 [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=13048604> (дата обращения 05.03.2020).

⁶ Номер в ГК 12926544, НГМ КП 42580/40 А-178/40 [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=13048648> (дата обращения 05.03.2020).

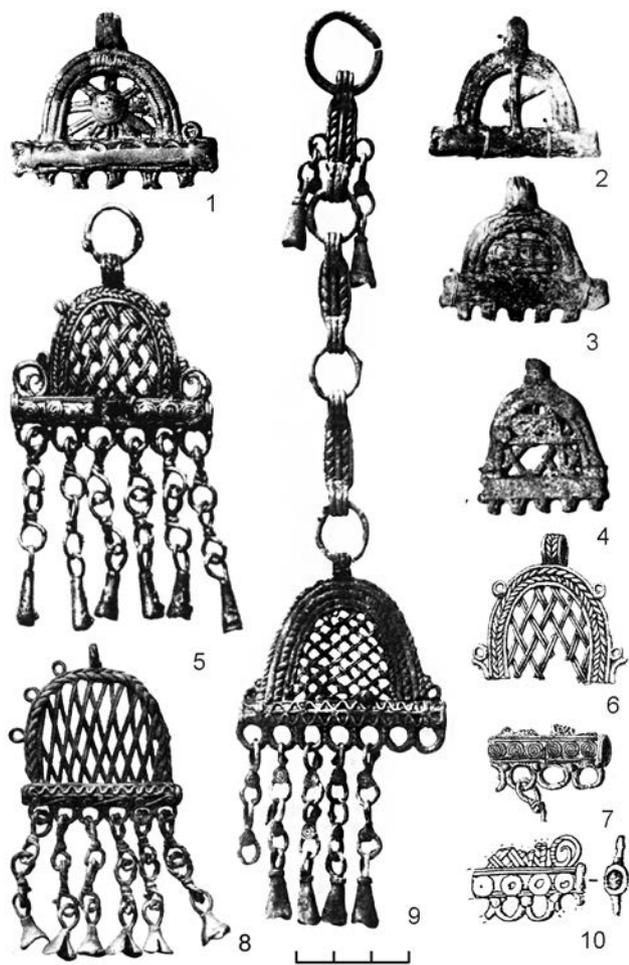

Рис. 4. Игольники с арочной ажурной спинкой:
 1 — Семеново, курган № 18 (Дело ИАК, 1897. Л. 15);
 2 — Елкотово, группа III, курган № 2 (Дело ИАК, 1895. Л. 29); 3 — Елкотово, группа IV, курган № 1 (Дело ИАК, 1895. Л. 29); 4 — Куликово (Дело ИАК, 1895. Л. 36);
 5 — Тихманьга (Ясински, Овсянников, 1998. Рис. 10);
 6 — Кипрушева (Спицын, 1902. Табл. III, 5);
 7 — Михалева (Спицын, 1902. Табл. XIII, 10);
 8 — Кинтусовский могильник (Чернецов, 1957. Табл. XLI, 2);
 9 — Пустошь Мостищево (Нефедов, 1899. Табл. 2, 1);
 10 — Ыджыдзельский могильник (Савельева, 2014. Рис. 33, 10)

Fig. 4. Needle-cases with arched openwork backs:
 1 — Semenkovo, barrow no. 18 (File of IAC, 1897. Sheet 15);
 2 — Elkotovo, group III, barrow no. 2 (File of IAC, 1895. Sheet 29); 3 — Elkotovo, group IV, barrow no. 1 (File of IAC, 1895. Sheet 29); 4 — Kulikovo (File of IAC, 1895. Sheet 36); 5 — Tikhmanga (Ясински, Овсянников, 1998. Fig. 10); 6 — Kiprusheva (Спицын, 1902. Pl. III, 5);
 7 — Mikhaleva (Спицын, 1902. Pl. XIII, 10);
 8 — Kintusovo cemetery (Чернецов, 1957. Pl. XLI, 2);
 9 — Pustosh' Mostishchevo (Нефедов, 1899. Pl. 2, 1);
 10 — Ydzhydyel cemetery (Савельева, 2014. Fig. 33, 10)

Игольники с арочной ажурной спинкой были известны и на территории Псковской земли. Вероятно, фрагмент изделия был обнаружен в верхнем горизонте Изборского городища (Седов, 2007. Рис. 360, 10) (рис. 2, 3).

Еще одно изделие было найдено в кургане № 1 у д. Замикутье (бывш. Гдовского уезда). Скелет был ориентирован головой на Запад. На руках находились браслеты — витой и пластинчатый, у левого бедра — игольник «с плетением... и погремушками в ушках» (Учетный каталог..., 1931. Л. 59). Рядом с ним располагался железный предмет «вроде ножичка». В качестве аналогий браслетам Трофимов приводил материалы из раскопок Л. К. Ивановского (Учетный каталог..., 1931. Л. 59; Спицын, 1896. Табл V, 3; IV, 12) (рис. 3, Б). А. А. Спицын отмечал, что они «очень обыкновенны во всех древнерусских курганах XI–XII вв.» (Спицын, 1896. С. 29). В. П. Левашёва называла подобные изделия браслетами «неплотного витья с обрубленными концами» (Левашёва, 1967. С. 220) и в целом витые обрубленно-конечные браслеты рассматривала как характерные преимущественно для Северо-Запада Новгородской земли. Пластинчатый округлоконечный браслет по новгородской хронологии относится к периоду 60-х гг. XII в. — 60-х гг. XIV в. (Лесман, 1990. С. 36).

Среди наиболее западных находок — игольник из каменного могильника Мади (Selirand, 1974. Tahvell XXXI, 3) (рис. 2, 9).

Еще одним регионом, где наблюдается концентрация игольников с арочной ажурной спинкой, является Верхнее Поволжье. Находки происходят из костромских курганов XII–XIII вв.: у Пустоши Мостищево, курган № 2 (Нефедов, 1899. Табл. 2, 1); у д. Семеново, курган № 18 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1897. Д. 49. Л. 9, 15); у д. Елкотово, группа III, курган № 2 и группа IV, курган № 1 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1895. Д. 49. Л. 29), возможно, из кургана № 3 группы I у с. Куликово (Там же. Л. 36).

Находки из костромских курганов, а также изделие из кургана № 6 у д. Зимнево в Ивановской области Л. А. Голубева считала неудачными подражаниями приладожским изделиям: «Отливка их грубая, орнамент щитка искажен, вместо петель внизу — бесформенные выступы» (Голубева, 1978. С. 203). Здесь следует отметить, что следы литейного брака присутствуют и на находках из памятников Северо-Запада Руси. Не говоря уже

о неудаленных литниках, что является общим даже для сложных изделий, выполненных в технике литья по восковой модели. Примечательно, что верхневолжские изделия отличаются наибольшим разнообразием декора (рис. 4, 1–4, 9).

В кургане № 2 Пустоши Мостищево скелет был ориентирован головой на запад. В погребении находился только игольник с цепочкой из массивных подпрямоугольных звеньев (рис. 4, 9) — «на груди цепочка бронзовая, по концам ее колокольчики и бляшка» (Нефедов, 1899. С. 216) — и железный нож около правого бедра⁷.

Скелет из кургана № 18 у д. Семеново, согласно описанию Н. М. Бекаревича, был ориентирован с запада на восток. Игольник располагался на тазовых костях. В этой области также находились полая полиморфная подвеска и круглая пряжка. Справа от черепа располагалось проволочное перстнеобразное височное кольцо, на шее — 10 бусин синего стекла и одна из горного хрусталя. На правой руке — пластинчатый загнутоконечный браслет и «перстень с незапаянными концами» (Бекаревич, 1901. С. 385. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1897. Д. 49. Л. 9) (рис. 5, 1). Данный тип браслетов, согласно Ю. М. Лесману, датируется 1177–1369 гг.

Материалы кургана № 2 группы III у д. Елктово не предоставили информации о расположении вещей на скелете, комплекс «по-видимому, был рыт» (Бекаревич, 1901. С. 329). Кости и находки располагались беспорядочно. Помимо игольника здесь находились железные нож и топор, орнитоморфные подвески — полая и пластинчатая (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1895. Д. 49. Л. 29) (рис. 5, 2). Полая «птичка» дополнена привесками в форме пятипалых лапок на восьмерковидных звеньях (Кузнецова, 2018б. С. 186–187).

Из курганов группы IV у д. Елктово игольник с арочной спинкой происходит из единственного комплекса, сопровождавшегося вещами. Скелет был ориентирован с северо-запада на юго-восток. В изданных дневниках Н. М. Бекаревича он фигурирует как курган № 1, на фотографии из РО НА ИИМК РАН этот комплекс обозначен как курган № 3 (Бекаревич, 1901. С. 338–339; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1895. Д. 49. Л. 29). Арка игольника заполнена решеткой, но не косой, как на большинстве экземпляров, а прямой. В области височных костей черепа

находилось по три проволочных кольца с загнутыми концами, на шейных позвонках — синяя стеклянная бусина, на левой руке — плетеный петлеконечный браслет (рис. 5, 3). Последний Ю. М. Лесман относил к периоду после 1197 г. (Лесман, 1990. С. 41). На тазовых костях располагался собственно игольник — в описании Н. М. Бекаревича, «ажурная подвеска с остатками шерстяного шнура» — и «небольшой остаток кожи, вероятно, от футляра, в котором сохранялась подвеска» (Бекаревич, 1901. С. 339).

Арочное изделие из кургана № 3 группы I у с. Куликово Е. А. Рябинин рассматривал как игольник (Рябинин, 1986. Табл. VII, 13). На сегодняшний день нижняя часть находки не сохранилась, на фото видны следы петель для шумящих привесок (вероятно, неудачная отливка)⁸. Однако сложно сказать, являлось ли изделие именно игольником или же арочной подвеской. Скелет был ориентирован с запада на восток. Около черепа находились височные кольца — проволочное с загнутым кольцом и однобусинное (рис. 5, 4). Арочное изделие, а также две полые полиморфные подвески и пронизка со вздутиями находились в футляре с левой стороны таза (Бекаревич, 1901. С. 316).

Таким образом, игольники в Костромском Поволжье встречались в составе достаточно вариативного убора, преимущественно с изделиями, довольно широко распространенными на территории Руси, например, браслетами и височными кольцами обозначенных разновидностей. Из изделий, характерных преимущественно для Верхневолжья и Белозерья, можно отметить полые подвески — полиморфные и орнитоморфную с пятипалыми привесками-лапками.

На Древнерусском Севере игольник с арочной спинкой был встречен в могильнике у д. Тихманьга (Архангельская область, Каргопольский район), раскопанном местными жителями (рис. 4, 5). М. Э. Ясински и О. В. Овсянников соотносили изделие с материалами погребения № 1, в котором также находились подковообразная фибула со спирально-загнутыми концами, зонные бусы, монеты XI в. (Ясински, Овсянников, 1998. С. 34–35, рис. 10).

Фрагменты предположительно подобных игольников были найдены в Прикамье в

⁷ ГЭ 1043/203–204.

⁸ Номер в ГК 12011551. КМЗ КОК-15458/7. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12131343> (дата обращения 05.03.2020).

Рис. 5. Находки из костромских курганов: 1 — Семеново, курган № 18 (Дело ИАК, 1897. Л. 15); 2 — Елкотово, группа III, курган № 2 (Дело ИАК, 1895. Л. 29); 3 — Елкотово, группа IV, курган № 1 (Дело ИАК, 1895. Л. 29); 4 — Куликово (Дело ИАК, 1895. Л. 36). Масштаб разный

Fig. 5. Finds from Kostroma barrows: 1 — Semenkovo, barrow no. 18 (File of IAC, 1897. Sheet 15); 2 — Elkotovo, group III, barrow no. 2 (File of IAC, 1895. Sheet 29); 3 — Elkotovo, group IV, barrow no. 1 (File of IAC, 1895. Sheet 29); 4 — Kulikovo (File of IAC, 1895. Sheet 36). Scales differ

д. Кипрушева и д. Михалева (изделия происходят из коллекции Теплоуховых) (Спицын, 1902. Табл. III, 5; XIII, 10) (рис. 4, 6–7). В Ыджидьельском могильнике в Республике Коми фрагмент игольника был обнаружен рядом с погребением № 140 (рис. 4, 10). Изделие находилось на днище от деревянной (?) коробочки, сохранившемся в кострищном

пятне к югу от восточной стенки погребения № 140 (Савельева, 2014. С. 54, рис. 33, 10).

Игольники с ажурными арочными спинками проникали и за Урал. Так, можно отметить находку из Кинтусовского могильника, датированного X–XIII вв. (Чернецов, 1957. С. 224, табл. XLI, 2) (рис. 4, 8).

Еще одно изделие, интересное в этом контексте, происходит не из археологической, а из этнографической коллекции, собранной С. И. Руденко во время экспедиции в Березовский уезд Тобольской губернии в 1909–1910 гг. Предмет находится в собрании Российского этнографического музея (РЭМ 1711-369), бытовал в культуре хантов, в музейной описи обозначен как «убыт вой» — подвеска, украшение косы. Изделие происходит из д. Мулигорт на Оби и представляет собой отливку по оттиску с игольника, по всей вероятности, подобного находкам из Замикутья и Тихманьги (рис. 6, 1). Так как легенда изделия нам неизвестна, то делать выводы о времени изготовления или находки предмета с последующим включением его в традиционный убор весьма затруднительно.

Несколько изделий были обнаружены на о. Вайгач⁹. Три обозначенных игольника, происходящих из святилища Болванский нос I, имеют различное декоративное решение, об облике четвертого судить сложно, так как сохранилась только трубочка-основа.

Широкая география, относительная немногочисленность изделий, а также отсутствие находок, связанных с производственными комплексами, затрудняют ассоциацию их производства с определенными центрами. В этой связи важным представляется обратить внимание как на конструктивную, так и на декоративную составляющие игольников; сравнить декоративные приемы, которые используются в оформлении как рассматриваемых игольников, так и арочных подвесок и других изделий (рис. 6–7).

Несмотря на то что интерпретация Л. А. Голубевой игольников в качестве продукции Приладожья представляется крайне спорной, автором были высказаны довольно интересные наблюдения о стилистическом сходстве игольников с другими разновидностями

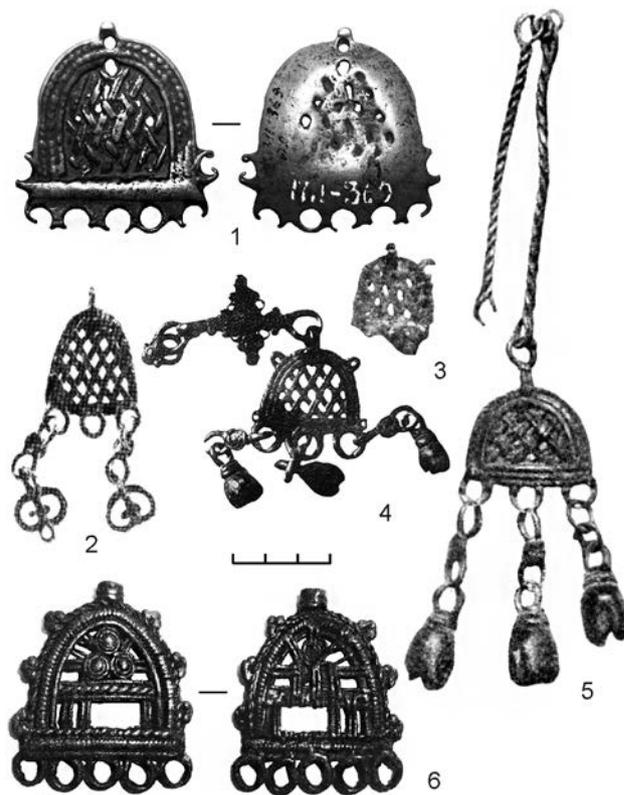

Рис. 6. Арочные подвески: 1 — Мулигорт (РЭМ 1711-369); 2 — Карла (*Selirand*, 1974. *Tahvell* XXXI, 4); 3 — Лыхавере (*Тыннисон*, 1984. Рис. 1, 20); 4 — Саласпилс Мартыньсала (*Мугуревич*, 1965. Табл. XXVI, 12); 5 — Икšķиле (*Tõnisson*, 1974. Taf. XXXIV); 6 — Чупа (*Кочкуркина*, 2017. Рис. 67, 2)

Fig. 6. Arched pendants: 1 — Muligort (РЭМ 1711-369); 2 — Karla (*Selirand*, 1974. *Tahvell* XXXI, 4); 3 — Lyhavere (*Тыннисон*, 1984. Fig. 1, 20); 4 — Salaspils Martynsala (*Мугуревич*, 1965. Pl. XXVI, 12); 5 — Ikšķīle (*Tõnisson*, 1974. Taf. XXXIV); 6 — Chupa (*Кочкуркина*, 2017. Fig. 67, 2)

древнерусских изделий. По сути они противоречат и приладожскому происхождению изделий, и их исключительной финно-угорской принадлежности. Как верно заметила Л. А. Голубева, косорешетчатое заполнение арки игольников «повторяет рисунок на круглых подвесках XII–XIII вв., характерных для Новгородской земли» (*Голубева*, 1973. С. 41). Исследователь также указывала на сходство звеньев и шумящих привесок как на самих игольниках, так и на изделии из кургана № 3 Никольщины (*Там же*. С. 41). В реальности сходство в оформлении этих деталей есть не только у обозначенных находок, но и треугольных, конических, некоторых полых зооморфных подвесок и пр. (см.: *Нефедов*, 1899. Табл. 2,

⁹ Номер в ГК 17234698. ГИМ 108263/796. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17366616> (дата обращения 05.03.2020); Номер в ГК 17234670. ГИМ 108263/797. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17366716>; Номер в ГК 17234665. ГИМ 108263/795 [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17366769> (дата обращения 20.03.2020); Номер в ГК 20283895. ГИМ 108263/1099 [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20419746> (дата обращения 05.03.2020).

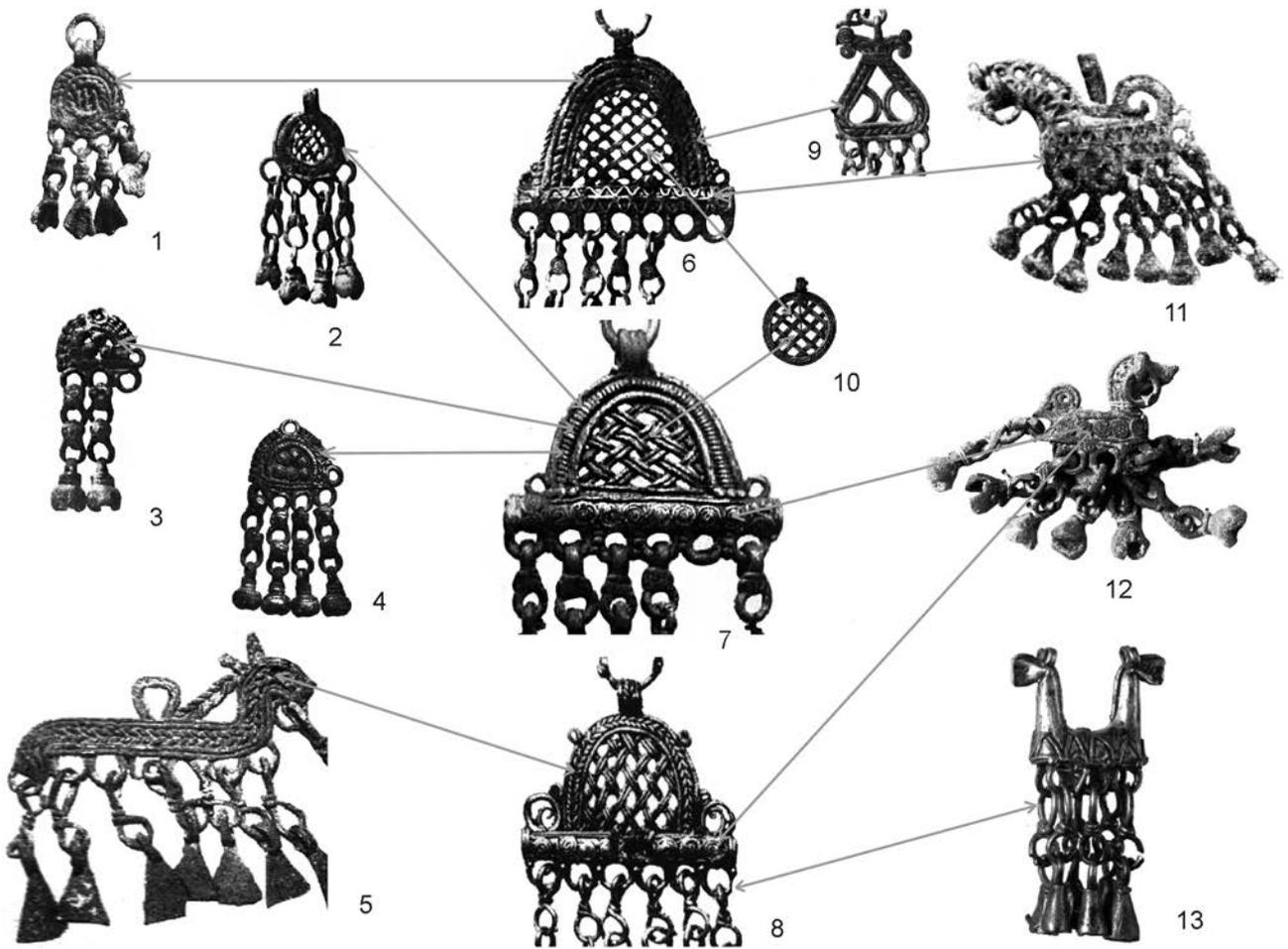

Рис. 7. Параллели в декоре игольников с арочной ажурной спинкой и подвесок характерных для Волго-Камья: 1 — Кузнецы и Чалых (Бранденбург, 1895. Табл. III, 8); 2 — Алабуга (Нефедов, 1899. Табл. 2, 2); 3 — Низовская (Нефедов, 1899. Табл. 2, 3); 4 — Кирилино (Бранденбург, 1895. Табл. III, 3); 5 — Владимирские курганы (Рябинин, 1981. Табл. XVI, 4); 6 — Пустошь Мостищево (Нефедов, 1899. Табл. 2, 1); 7 — Шахново (Бранденбург, 1895. Табл. V, 4); 8 — Тихманьга (Ясински, Овсянников, 1998. Рис. 10); 9 — Кочергина (Нефедов, 1899. Табл. 2, 11); 10 — Новгород (Колчин, Янин, Ямицков, 1985. Кат. 82), 11 — Щепняк (Кочкуркина, 1967. Рис. 1, 3); 12 — Покров (Дело ИАК, 1895. Л. 43); 13 — Новгород (Колчин, Янин, Ямицков, 1985. Кат. 90). Масштаб разный

Fig. 7. Parallels in decorations of needle-cases with arched openwork backs and arched pendants characteristic of the Volga and Kama region: 1 — Kuznetsy and Chalykh (Бранденбург, 1895. Pl. III, 8); 2 — Alabuga (Нефедов, 1899. Pl. 2, 2); 3 — Nizovskaya (Нефедов, 1899. Pl. 2, 3); 4 — Kirilino (Бранденбург, 1895. Pl. III, 3); 5 — Vladimir barrows (Рябинин, 1981. Pl. XVI, 4); 6 — Pustosh' Mostishchevo (Нефедов, 1899. Pl. 2, 1); 7 — Shakhново (Бранденбург, 1895. Pl. V, 4); 8 — Tikhmanga (Ясински, Овсянников, 1998. Fig. 10); 9 — Kochergina (Нефедов, 1899. Pl. 2, 11); 10 — Novgorod (Колчин, Янин, Ямицков, 1985. Cat. 82), 11 — Shchepnyak (Кочкуркина, 1967. Fig. 1, 3); 12 — Pokrov (File of IAC, 1895. Sheet 43); 13 — Novgorod (Колчин, Янин, Ямицков, 1985. Cat. 90). Scales differ

2–4; табл. 3, 1–2, 7, 10–13, 16–18; Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 63–64, рис. 3, 1–3, 8–17, 19).

Сама форма игольника в виде горизонтальной трубочки связана с Северо-Западом лесной зоны Восточной Европы. Такие игольники встречаются в Приладожье с X в., но, как писала Л. А. Голубева, игольник «с одной вертикальной петлей для подвешивания не был местным изобретением,

так как такие игольники бытовали ранее в Швеции, Норвегии, Латвии, Эстонии» (Голубева, 1978. С. 202). Исследователь полагала, что из Приладожья такие изделия распространились на территорию Белозерья и Ярославского Поволжья (Там же. С. 202).

Декор трубочки, составляющей основу игольников с арочной ажурной спинкой, вариативен —

ее корпус покрывается волютами, кружками, реже — зигзагом, двумя рядами волнистых линий. По краям также часто расположены пояски, заполненные волнистой линией. Последний мотив маркирует полые зооморфные подвески. Примечательно, что на нестандартном «коньке» из могильника Щепняк низ корпуса украшен двумя рядами волнистых линий. Аналогичное оформление имеет основа игольника из кургана у Пустоши Мостищево в Костромском Поволжье (рис. 7, 6, 11). Сходство есть и между игольниками из Мади, Щепняка, Шахново, Тихманьги и др. и полыми полиморфными подвесками. Волюты оформляют как нижнюю часть корпуса «коней-птиц», или «коней-барашков», так и «ушки/рожки» подвесок (Кузнецова, 2018а. С. 141–142, рис. 4, 1–3). Наиболее близкий декор представлен на находке из могильника у д. Тимонино (группа II, курган № 1) в Костромском Поволжье (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1895. Д. 49. Л. 33, 43) (рис. 7, 7–8, 12). Если орнамент в виде волют вызывает ассоциацию с материалами Поволжья, то декор в виде кружков напоминает оформление металлических бусин (Седова, 1981. С. 155, рис. 61, 1; Спицын, 1896. Табл. XI, 4).

Арка игольников состоит из «косички», гладких или рельефных жгутов. В целом, разнообразные плетенки, косички, волюты характерны для средневековой металлопластики Волго-Окского междуречья и ассоциируются с финно-угорскими традициями. Так, например, схожие приемы можно увидеть в оформлении «коньков» владимирского типа и ряда других изделий (Рябинин, 1981. Табл. XIV–XVII; Спицын, 1905. №№ 412–416) (рис. 7, 1, 5–6, 8–9). Выпуклые жгуты с насечками — А. В. Вострокнутов обозначал эти элементы как ряды тордированных или псевдотордированных проволок (Вострокнутов, 2016. С. 13) — оформляют разнообразные изделия Прикамья, в частности, арочные подвески конца XI — XIII в. (Спицын, 1902. Табл. XII, 6, 12, 13) (рис. 7, 3–4, 7). Вероятно, и арочная форма спинки является реминисценцией волго-уральской металлопластики. Отмечу, что на территории Северо-Запада Руси известно несколько импортных арочных подвесок из Прикамья (Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 62–63). Впрочем, на памятниках Латвии и Эстонии также известны арочные подвески, не имеющие функции игольников (рис. 6, 2–5). Пропорции и оформление последних различны. Центральная часть заполнена косорешетчатым орнаментом,

как правило, изделия дополнены привесками на щитковых звеньях (Мугуревич, 1965. Табл. XXVI, 12; Тыниссон, 1984. Рис. 1, 20; Tõnisson, 1974. Taf. XXXIV). Такая форма звеньев чаще всего встречается в украшениях Волго-Камья. Однако форма привесок вариативна. Так, случайная находка из д. Карла (волость Козе, Эстония) дополнена фигурными привесками (ф-видной формы) (Selirand, 1974. Tahvell XXXI, 4), часто встречающимися на прибалтийских украшениях (Тыниссон, 1984. Рис. 1, 22–23).

Интересная арочная подвеска происходит из Чупы (Карелия, Лоухский район) (рис. 6, б). С. И. Кочкуркина отмечала, что аналоги этой случайной подвески неизвестны и сопоставляла ее с древностями поволжских финнов (Кочкуркина, 2017. С. 94). Изделие содержит тот же набор декоративных приемов, что и игольники, — выпуклые жгуты с насечками оформляют саму арку. Ее внутреннее пространство разделено на два яруса — верхний состоит из диагональных лучей и тройной волюты (см. оформление находки из Никольщины и Семенково), нижний из вертикальных столбиков. Витые жгуты, волюты, а также горки из шариков ложной зерни являются типичным приемом украшения для изделий Волго-Камья.

Как отмечалось, в большинстве случаев арочная спинка игольников заполнена косой решеткой. Известны также варианты с прямой решеткой и лучами, расходящимися от центра. На экземплярах из Никольщины и Семенково центральная часть спинки также украшена волютами. Помимо параллели с круглыми подвесками, обозначенной еще Л. А. Голубевой, можно отметить, что схожее заполнение встречается и на треугольных подвесках, а также круглых подвесках с шумящими привесками (Бранденбург, 1895. Табл. 3, 8; Нефедов, 1899. Табл. 2, 2; Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 63) (рис. 7, 1–2, 6–7, 10).

Хотя игольники имеют индивидуальные особенности, можно говорить о наиболее близких друг другу изделиях, вероятно, созданных в одной мастерской или одним мастером.

Фрагмент игольника из Новгорода¹⁰ и по рисунку сохранившейся части, и по размерам

¹⁰ Номер в ГК 12926360, НГМ КП 42580/17 А-178/17 [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=13048604> (дата обращения 05.03.2020).

близок находке из кургана у Пустоши Мостищево в Костромском Поволжье.

Сходством обладают изделия из Замикутья, Тихманьги, Болванского носа¹¹ и Пермского Предуралья. Возможно, с подобного изделия была выполнена отливка по оттиску подвески из Мулигорта. Арка и петля для подвешивания у этой разновидности оформлена косоплеткой. На внешней дуге есть небольшие колечки. Ранее, говоря о морфологических и стилистических особенностях полых зооморфных подвесок, мной отмечалась важность такой детали, как шумящие привески. Примечательно, что на «серийных» игольниках представлены звенья в виде перевитых колечек, аналогичные дополняют самый распространенный тип полых «коньков» (Кузнецова, 2018а. С. 140–141, рис. 2, а, 1–4) (рис. 7, 8, 13).

На других игольниках (из Щепняка, Никольщины, Шахново, Мостищева) звенья щиткообразные. Очевидно здесь, как и в случае с полыми зооморфными изображениями, можно говорить о различных ремесленных приемах, а возможно, и о ремесленных традициях. В оформлении арки как на изделиях Щепняка, Никольщины, Шахново, Мостищева, так и на прочих находках, утративших привески, использованы витые жгуты или жгуты с насечками. Петля для подвешивания состоит из трех рельефных валиков. Примечательно,

что аналогичное оформление представлено на поздних треугольных подвесках, массивных звеньях цепей. Данные изделия, как собственно и игольники с ажурным арочным щитком выполнены в синкретичном стиле и являются своего рода отражением контактов между весьма удаленными друг от друга территориями. Активные межрегиональные связи стали следствием знакомства средневековых ювелиров с импортными изделиями и инокультурными традициями.

Любопытно, что выделяется «стандартизированная» подборка изделий (см. изделия из Замикутья, Тихманьги и пр.) (рис. 3, Б; 4, 5, 7, 10). Судя по стилистике, оформление звеньев шумящих привесок такое же, как у «новгородских» подвесок «коньков», завитки по краям щитка напоминают оформление хвостов на этих подвесках (см.: Рябинин, 1981. Табл. XII, 5; XXIV, 1–4), решетчатое заполнение аналогично круглым подвескам, по этим признакам можно предположить, что изделия изготавливались на территории Северо-Запада Новгородской земли. Да и собственно «стандартизованность» предполагает наличие ремесленного центра.

В целом, география и стилистика игольников не позволяют ни связать их с этническими украшениями веси, ни рассматривать как исключительно финно-угорские изделия. Находки в слоях Новгорода, в том числе изделие, выполненное в имитационной технике, свидетельствуют об их бытовании в городской среде. Появление изделий за пределами Древней Руси, вероятно, было обусловлено межрегиональными контактами, в том числе древнерусской колонизацией.

¹¹ Номер в ГК 17234670, ГИМ 108263/797 [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17366716> (дата обращения 05.03.2020).

Бекаревич, 1901 — Бекаревич Н. М. Дневники раскопок курганов, произведенных Членами Комиссии в 1895–1899 гг., под руководством Неприменного Члена Комиссии Н. М. Бекаревича // Костромская старина: Сборник, издаваемый Костромскою губернской архивной комиссией. Кострома: Типо-литография А. Азерского, 1901. Вып. 5. С. 303–462.

Бранденбург, 1895 — Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1895 (МАР. № 18). 156 с.

Вострокнутов, 2016 — Вострокнутов А. В. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV вв. н. э.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 23 с.

Голубева, 1973 — Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере. М.: Наука, 1973. 212 с.

Голубева, 1978 — Голубева Л. А. Игольники восточноевропейского севера X–XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 199–204.

Ениосова, 2017 — Ениосова Н. В. Техника изготовления и химический состав металла украшений из памятников Юго-Восточного Приладожья и бассейна Онежского озера // Кочкуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Приложение. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2017. С. 117–138.

Колчин и др., 1985 — Колчин Б. А., Янин В. А., Ямицков С. В. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М.: Искусство, 1985. 168 с.

- Кочуркина*, 1967 — *Кочуркина С. И.* Курганы на реке Паше // СА. 1967. № 4. С. 308–312.
- Кочуркина*, 1989 — *Кочуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводк: Карелия, 1989. 347 с.
- Кочуркина*, 2017 — *Кочуркина С. И.* Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. 280 с.
- Кузнецова*, 2018а — *Кузнецова В. Н.* «Кони-птицы», полые зооморфные подвески Древней Руси XII–XIV вв. // НиНЗ ИА. СПб.: НГОМЗ, 2018. Вып. 31. С. 139–147.
- Кузнецова*, 2018б — *Кузнецова В. Н.* Полые орнитоморфные подвески лесной зоны Восточной Европы X–XIII вв. // Труды КАЭЭ. Пермь: ПГГПУ, 2018. Вып. XIV: Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат: Сб. науч. тр. к 60-летию юбилею А. М. Белавина. С. 183–198.
- Кузнецова*, *Григорьева*, 2017 — *Кузнецова В. Н., Григорьева Н. В.* Украшения Волго-Камья на Северо-Западе Руси // Тр. КАЭЭ. Пермь: ПГГПУ, 2017. Вып. XII: Средневековая археология Евразии: от Камы до Дуная: Сб. науч. тр. к 50-летию юбилею Н. Б. Крыласовой. С. 60–73.
- Левашиёва*, 1967 — *Левашиёва В. П.* Браслеты // Очерки по истории русской деревни. М.: Советская Россия, 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43). С. 207–252.
- Лесман*, 1990 — *Лесман Ю. М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода 1988. М., 1990. С. 29–97.
- Мугуревич*, 1965 — *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига: Зинатне, 1965. 145 с.
- Нефедов*, 1899 — *Нефедов Ф. Д.* Отчет об археологических изысканиях в Костромской губернии // МАВГР. М.: Тип. Н. И. Шарапова, 1899. Т. III. С. 161–236.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1894. Д. 51: Дело Императорской археологической комиссии о раскопках Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии в 1895 г.; 1895. Д. 49: Дело Императорской археологической комиссии о раскопках Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии в 1895 г.; 1897. Д. 49: Дело Императорской археологической комиссии о раскопках членов Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии.
- Покровская*, 2003 — *Покровская Л. В.* Финно-угорские украшения в Новгороде XIII века // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 304–314.
- Рябинин*, 1981 — *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / Л.: Наука, 1981 (САИ; Вып. Е1-60). 124 с.
- Рябинин*, 1986 — *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, Лен. отд., 1986. 160 с.
- Савельева*, 2014 — *Савельева Э. А.* Ыджыдьельский могильник. Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН; Коми науч. центр УрО РАН, 2014. 119 с.
- Седов*, 2007 — *Седов В. В.* Изборск в раннем средневековье. М.: Наука, 2007. 412 с.
- Седова*, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Спицын*, 1896 — *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Гл. Управления Уделов, 1896 (МАР; № 20). 124 с.
- Спицын*, 1902 — *Спицын А. А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб.: Тип. Безобразова и Ко, 1902 (МАР; № 26). 110 с.
- Спицын*, 1905 — *Спицын А. А.* Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб.: б. и., 1905. С. 84–172.
- Тыниссон*, 1984 — *Тыниссон Э.* Некоторые вопросы идеологии и этнические традиции в Эстонии в XI–XIII вв. (по материалам городища Лыхавере) // Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады третьего советско-финского симпозиума по вопросам археологии, 11–15 мая 1981. Л.: Наука, Лен. отд., 1984. С. 181–187.
- Учетный каталог..., 1931 — Учетный каталог археологических памятников Ленинградской области. Лужский округ. Рисунки 37–66 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. № 740.
- Чернецов*, 1957 — *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953 (МИА; № 35). С. 7–71.
- Ясински*, *Овсянников*, 1998 — *Ясински М. Э., Овсянников О. В.* Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1998. Т. I. 464 с.
- Selirand*, 1974 — *Selirand J.* Eestlaste matmis-kombed varafeodaal-sete suhete tärkamise perioodil (11–13 sajand.). Tallinn: Eesti Raamat, 1974. 376 s.
- Tõnisson*, 1974 — *Tõnisson E.* Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur: II. Jh. Anfang 13. Jhs. Tallinn: Eesti Raamat, 1974. 209 s.

Old-Russian needle-cases with an arched openwork back

V. N. Kuznetsova

Findings of needle-cases in the form of pipes with an arched openwork back added above and rattle pendants below have been known since the late 19th century. These artefacts generally are dated to the 12th–13th century and are found at archaeological sites throughout the vast territory from the Baltic littoral to as far as Siberia. These finds are distinguished in rich decoration in the form of massive twisted cords, slanting guilloches, volutes, etc.

In the Ladoga region, the needle-cases were encountered at kurgan burial grounds of Nikolshchina, Shchepnyak, and Shakhново. One find comes from the Tikhvin District. A needle-case with an arched openwork back was found in a Novgorod deposit of the late 12th century. The Troitsky IX excavation yielded a fragment of an artefact of the same category. Among the materials from Novgorod there is an object manufactured in an innovation technique, possibly, after an imprint from a complete lead-tin alloy example of the 13th century. Needle-cases with arched openwork backs were known also in the Land of Pskov. A fragment of an object of this type was retrieved from the upper horizon of the Izborsk hillfort. Another object was found at kurgan 1 near the village of Zamikutye (former Gdov Uyezd). The westernmost finds include a needle-case from the burial ground of Madi (Estonia).

A concentration of needle-cases with arched openwork backs is found in the Upper Volga region. These finds come from kurgans of the 12th–13th century: Pustosh' Mostishchevo, v. Semenkovo, v. Elkotovo, v. Kulikovo, and v. Zimnevo. The needle-cases from the Kostroma Volga region were found predominantly in association with objects fairly widely distributed throughout the territory of Rus' (lamellar, twisted, and braided bracelets; wire temple rings, etc.). Among the objects characteristic of the Upper Volga and Belozero, of note are hollow polymorphous pendants. In the north of Old Rus', a needle-case with an arched back was encountered at the burial ground near the village of Tikhman'ga (Arkhangelsk Oblast). Fragments of similar needle-cases were found in the Kama region in the villages of Kiprusheva and Mikhaleva (collection of the Teploukhovs), and at the Ydzhydyel cemetery in the Republic of Komi. Needle-cases with arched openwork backs penetrated also the Trans-Urals. One object was found at the Kintusovo cemetery. Another one, represented by a pendant (plait ornament), comes from an ethnographic collection related with the Khants (former Tobolsk Province, Berezovsky Uyezd). This artifact was cast from an imprint from a needle-case. Several objects were found on Vaygach Island.

The shape itself of the needle-case as a horizontal tube is related with the North-West of the forest zone of Eastern Europe, but its decoration (twisted cords, slanting guilloches, volutes, etc.) is genetically tied with traditions of the Volga and Kama regions. This syncretic style is a reflection of the contacts between the North-West and North-East of the forest zone of Eastern Europe.

Practically each of the objects has its individual features, however a 'standardized' set of needle-cases is distinguishable. It seems that the objects were manufactured in the North-West of the Novgorod Land. In general, neither the geography nor the stylistics of the needle-cases allows us to consider them as exclusively Finno-Ugrian products. The finds from the Novgorod layers, including the artefact executed in the imitation technique, suggest that they were used in the urban milieu. The appearance of these objects beyond the limits of Old Rus' was possibly due to interregional contacts including the Old-Russian colonization.

Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополя: новые находки¹

Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева²

Аннотация. Равноконечные кресты с расширяющимися к концам ветвями с тремя шариками (дисками) на концах, известные как кресты «скандинавского типа», составляют одну из наиболее известных групп средневековой христианской металлопластики эпохи поздних викингов. В статье представлены 17 новых находок этой группы, недавно обнаруженных на памятниках Суздальского Ополя, с полным анализом их морфологии, технологии изготовления и состава металла, а также их археологического контекста.

Annotation. Equilateral cross-pendants with widening branches and three balls (disks) at the ends, known as the «Scandinavian type» crosses constitute one of the most well-known groups of Christian metalwork of the Late Viking Age. The paper presents 17 artifacts of this group, recently discovered at the sites of Suzdal' Opolie with special insight into their morphology, manufacturing techniques and metal composition, as well as into their archaeological context.

Ключевые слова: христианская металлопластика, Северо-Восточная Русь, кресты-тельники, состав сплавов.

Keywords: Christian metal plastics, North-Eastern Rus', cross pendants, alloys composition.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-347-365

Равноконечные кресты с расширяющимися к концам ветвями с тремя шариками (дисками) на концах (кресты «скандинавского типа») — одна из самых известных и основательно исследованных групп средневековой христианской металлопластики. Крестам этого типа, вопросам их происхождения, датировки, символики и использования в обрядовой практике посвящена обширная литература, от коротких комментариев А. А. Спицына, давшего им название (*Спицын*, 1905. С. 117), до недавней статьи А. Чураковой, включающей наиболее полную сводку этих предметов (всего 110 экз.; *Чуракова*, 2017).

Интерес к крестам «скандинавского типа» связан с тем, что они представляют собой одну из древнейших групп предметов христианского культа, вошедших в обиход на Руси, с их присутствием в элитных погребениях второй половины X в. и кладах, наконец, с тем обстоятельством, что их

ареал охватывает Русь и Скандинавию и документирует славяно-скандинавское культурное взаимодействие³. Сегодня многое в истории бытования этих ярких образцов средневековой культуры прояснено: установлено время их первоначального появления в Восточной и Северной Европе и общее время их бытования, локализованы области их распространения, выделено несколько вариантов крестов, связанных с разными археологическими контекстами, отличающимися по датировке. Тем не менее изучение этой яркой группы предметов не исчерпано, новые находки открывают возможности для более основательного и глубокого исследования вопросов их производства, распространения и места в культуре.

Среди известных сегодня областных серий крестов «скандинавского типа» самая многочисленная происходит из Суздальского Ополя. Систематическое изучение памятников центра Суздальской земли, возобновленное

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-29-04129).

² Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия.

³ Еще одной древнейшей группе крестов-тельников с грубым изображением Распятия посвящена отдельная статья Н. А. Макарова (*Макаров*, 2018).

Институтом археологии РАН в 2001 г., добавило 17 новых находок к хорошо известным крестам из раскопок А. С. Уварова, присутствующим в многочисленных публикациях, посвященных христианским древностям X–XI вв.⁴ Новые суздальские находки крестов «скандинавского типа» — часть большой коллекции средневековых предметов (около 15 тыс. единиц), собранной на селищах и могильниках Ополя. Основная часть этой коллекции (более 13 тыс. предметов) происходит из распаханного культурного слоя селищ и получена путем их обследования с использованием металлодетектора. В ее составе около 150 средневековых крестов-тельников и их фрагментов. 136 из них собраны на поверхности селищ, девять получены при раскопках (Зайцева, 2012. С. 35; Федорина, Красникова, 2015. С. 286; Шполянский, 2015. С. 208–209).

Кресты «скандинавского типа» обнаружены на 13 памятниках (рис. 1): на 11 селищах (Шекшово 2, Большое Давыдовское 2, Гнездилово 2, Суворотское 8, Кубаево 7, Сунгирь, Торки 4, Карельская Слободка 4, Вышеславское 3, Вышеславское 5, Семеновское-Советское 2), в могильнике Шекшово 9 и в Суздале на территории окольного города. Из сборов на поселении Шекшово 2 происходит семь крестов, на остальных селищах найдено по одному экземпляру. Находки документированы на широкой территории — от южной части Ополя, прилегающей к Владимиру (Суворотское 8, Сунгирь), до северной, на водоразделе Гзы и Ирмеса (Кубаево 7), часть их локализуется в ближайшей округе Суздаля (Вышеславское 3, Вышеславское 5, Гнездилово 2, Карельская Слободка 4, Семеновское-Советское 2). Все находки собраны в распаханном культурном слое и не привязаны к стратифицированным горизонтам и закрытым комплексам, они могут быть датированы в общем контексте собранных на памятниках материалов.

Из 19 крестов «скандинавского типа» в Суздальском Ополе 13 происходят из культурного слоя «больших поселений» X–XI вв. (Шекшово 2, Большое Давыдовское 2, Гнездилово 2, Кубаево 7,

Суворотское 8, Сунгирь) и из связанного с одним из этих поселений могильника (Шекшово 9). Большие поселения Северо-Восточной Руси — неукрепленные поселения X–XI вв., занимающие значительную площадь (более 4 га), со следами производственной деятельности, находками предметов, связанных с дальней торговлей, престижных вещей и многокомпонентным характером культуры, включающей элементы, принадлежащие различным этническим традициям (Макаров, Федорина, 2015). Кресты представлены в материалах шести поселенческих комплексов этой категории из 10, выявленных в Суздальском Ополе. С некрополями «больших поселений» связаны и три находки подобных крестов из раскопок А. С. Уварова, обнаруженные в курганах у с. Веси и Васильково. Своей многочисленностью выделяются находки из Шекшовского комплекса (Шекшово 2, Шекшово 9, Большое Давыдовское 2, всего 9 экз.), однако при оценке этого распределения следует иметь в виду, что Шекшовский комплекс охвачен полевыми исследованиями значительно полнее, чем другие памятники Ополя, и превосходит их по общему количеству средневековых находок.

Пять других селищ с находками крестов «скандинавского типа» (Вышеславское 3, Вышеславское 5, Торки 4, Карельская Слободка 4, Семеновское-Советское 2) — обычные для Суздальского Ополя поселения на овражных системах, возникли в конце XI или в первой половине XII в. и продолжали свое существование до середины XIII в. или до XIV в. На четырех из этих памятников (Вышеславское 3, Вышеславское 5, Семеновское-Советское 2, Карельская Слободка 4) найдены редкие предметы христианского культа (металлические образки, амулеты-змеевики), на одном — актовая печать — находки, указывающие на вероятное присутствие на этих поселениях социальной элиты.

Прежде чем обратиться подробнее к новым суздальским находкам, стоит напомнить общую проблематику исследования крестов «скандинавского типа», существующие разработки по их систематизации и обоснования датирования.

Крестами «скандинавского типа» А. А. Спицын назвал в 1905 г. равноконечные кресты-тельники с расширяющимися к концам ветвями с тремя шариками (дисками) на концах по известным в то время находкам в Финляндии, Прибалтике и на Северо-Западе Древней Руси (Спицын,

⁴ Еще два креста происходят из окольного города Суздаля: один найден в сооружении второй половины XII в. на посаде у «мытного рва» (Седова, 1997. С. 132), другой в яме на раскопе на Яруновой Горе (Самойлович, Глазов, 2008. С. 85; благодарим Н. Г. Самойлович за возможность публикации находки).

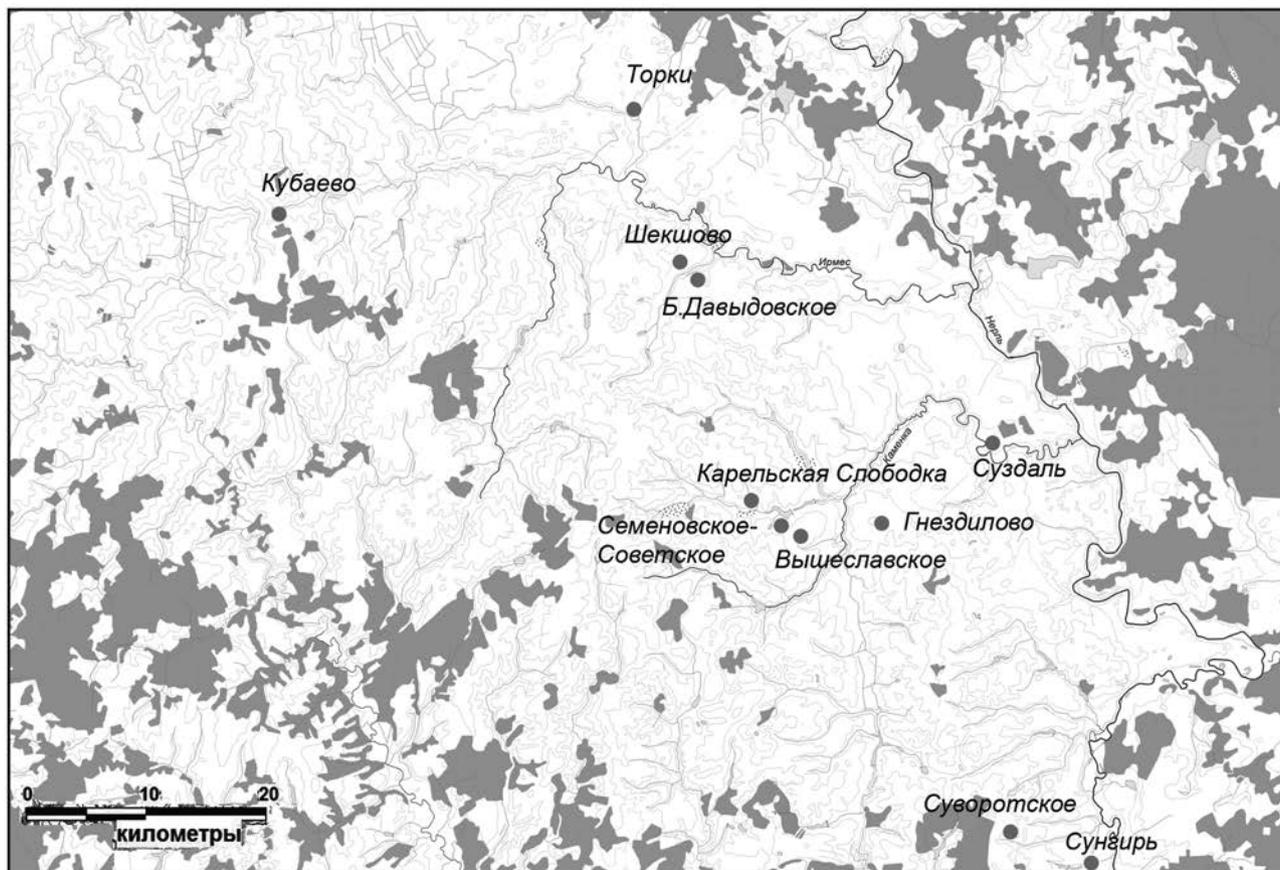

Рис. 1. Находки крестов «скандинавского типа» в Суздальском Ополье

Fig. 1. Finds of the 'Scandinavian type' crosses in Suzdal' Opolye

1905. С. 117)⁵. В 1968 г. М. В. Фехнер опубликовала сводку из 73 таких крестов со всей древнерусской территории, определив их древнерусское (севернорусское) происхождение (Фехнер, 1968) и датировку с конца X в. Ею было выделено несколько вариантов крестов по разнообразию декора на лицевой стороне. Исследовательница отметила, что раскопанные А. С. Уваровым владимирские курганы являются одним из районов концентрации таких крестов (13 экз.; Там же. 1968. С. 212).

К сожалению, осталось неопубликованным в полном объеме собрание крестов-тельников, обнаруженных на древнерусской территории, сделанное Н. Г. Недошивиной (около 750 экз.). «Кресты скандинавского типа» она разделяет на большие серебряные, привезенные на Русь в конце X — первой половине XI в., и малые бронзовые

серийные подвески стандартных форм (Недошивина, 1995. С. 70).

В 1999 г. вышел в свет известный труд немецкого археолога Й. Стеккера, который вслед за И. Сернинг и М. Стенбергером разделил европейские и русские находки таких крестов (тип 1.4.3) на варианты по размеру и декору (Staecker, 1999. P. 111). Немногочисленные большие кресты, по его мнению, производились в Скандинавии и на Руси (вариант В), многочисленные малые (вариант А) на Руси в XI в. (Ibid. 1999. P. 110–115). Каталог крестов типа 1.4.3 насчитывает у Й. Стеккера 93 предмета (Ibid. 1999. P. 556–558).

В последние 20 лет существенную роль для разработки вопроса имели находки новых предметов, сделанные в археологических контекстах, и их анализ, а также публикации материалов, не введенных ранее в научный оборот. Это кресты из Гнездова (Петрухин, Пушкина, 2009. С. 161), Киева и Звенигорода под Киевом (Ивакин, 2005; Зоценко и др., 2017. С. 133), Пскова (Колпакова, 2007; Еришова, 2016. С. 266), Новгорода (Тарабардина, 2014;

⁵ Интересно, что в западноевропейской литературе такие кресты называются крестами «восточного/русского стиля» (Merkel, 2016. P. 137, № 169).

Покровская и др., 2017. С. 469–470; *Олейников*, 2019. С. 327), кургана № 1 летописного Плесне-ска (*Ливох*, 2010. С. 488), Ростова (*Леонтьев*, 2015. С. 49), курганов Тверского Поволжья (*Комаров*, 2002. С. 149; *Жукова, Степанова*, 2010. С. 240, 341), Рязани (*Остапенко*, 2015) и др.

Датированные комплексы камерных погребений Псковского и Киевского некрополей, находки в стратифицированном культурном слое Гнёздовского городища и Пскова позволили определить время появления крестов «скандинавского типа» серединой — второй половиной X в. (*Ершова*, 2016. С. 276; *Петрухин, Пушкина*, 2009. С. 159; *Колпакова*, 2007. С. 39). Все кресты этого времени изготовлены из серебра (некоторые имеют позолоту, а крест из камерного погребения № 6 в Пскове — позолоту и чернь) и относятся к типу В по Й. Стеккеру. Исследователи связывают находки таких крестов с дружинной средой (*Мусин*, 1999. С. 140; *Колпакова*, 2007. С. 41; *Петрухин, Пушкина*, 2009. С. 157). Ф. Андрощук высказал мнение, что подобные кресты могли дариться служившим в Византии наемникам (*Androshchuk*, 2011. Р. 88).

Многочисленные небольшие по размерам кресты варианта А по Й. Стеккеру, изготовленные, как правило, из бронзы, появляются не ранее XI в. (*Покровская и др.*, 2017. С. 470; *Колпакова*, 2007. С. 38). Они были популярны на всей древнерусской территории.

Публикации каталогов грабительских находок, вышедшие в последние 20 лет (*Нечитайло*, 2000; *Чудновец*, 2006; *Кайль, Нечитайло*, 2006), имеют значение только в плане возможности обзора количества и типологического разнообразия предметов.

Новая сводка крестов «скандинавского типа» с территории Древней Руси, учитывающая все находки последних десятилетий, опубликована А. Ю. Чураковой в 2017 г. (*Чуракова*, 2017). Предлагаемая ею типология крестов соответствует типологии Й. Стеккера (группа I по А. В. Чураковой — вариант В1 по Й. Стеккеру; группа II по А. Ю. Чураковой — вариант В2 по Й. Стеккеру; группа III по А. Ю. Чураковой — вариант А по Й. Стеккеру). Исследовательница учла около 110 экземпляров крестов (среди которых одна из новейших суздальских находок). Ранние типы крестов (группы I и II) имеют, по ее мнению, «восточнохристианское происхождение» и бытуют в элитной дружинной среде, они могли изготавливаться в разных центрах. Кресты группы III производились

на Руси и входят в круг женской провинциальной культуры (*Чуракова*, 2017. С. 168).

Рассмотрим кресты Суздальских селищ в соответствии со сложившейся типологией. Все кресты исследованы в Институте археологии РАН методом оптической микроскопии на стереомикроскопе Zeiss Stemi 2000. Анализы металла крестов выполнены И. А. Сапрыкиной методом безвакуумного рентгено-флуоресцентного анализа на установке M1 Mistral Bruker (табл. 1).

Равноконечные кресты с фигурными ветвями, расширяющимися к концам, украшенными тремя полусферическими выступами (тип 1.4.3 вариант В по Й. Стеккеру, или группы I и II по А. Ю. Чураковой) (4 экз.), происходят из культурного слоя поселений Большое Давыдовское 2, Суворотское 8, Шекшово 2 и Семеновское-Советское 2. Несмотря на то что все четыре креста обнаружены в обломках, они имели значительные размеры: их высота без ушек составляла 4,0–5,5 см.

Все кресты изготовлены литьем: крест из Большого Давыдовского 2 (БД) (рис. 2, 1) отлит в жесткой двустворчатой форме, о чем свидетельствуют литейный шов, идущий посередине торцевой части изделия, и сглаженные фигуры рисунка. Металл — высокооловянная бронза (Sn — 29 %, Pb — 1,35 %; табл. 1). Крест из Семеновского-Советского 2 (СС; рис. 2, 4) изготовлен по отisku готового изделия в форму с плоской крышкой также из высокооловянной бронзы (Sn — 24,21 %, Pb — 1,26 %). Крест из Шекшово 2 (рис. 2, 3) сделан из сплава на основе олова (Sn — 93,4 %, Pb — 5,2 %, Cu — 0,77 %) по отisku готового изделия в открытой горизонтальной форме. На обороте видны усадочные полости. Остывающий металл подправлялся пальцем (видны линии узора на пальце). Отливка вышла невысокого качества, лицевая поверхность креста была подработана резцом. Крест из Суворотского 8 (рис. 2, 2) изготовлен из латуни по резной восковой модели. Рисунок делался по уже остывшему воску и получился несколько угловатым. После отливки изделие было покрыто полудой.

Лицевые поверхности крестов украшены выпуклым геометрическим декором, обратные стороны гладкие (у креста из БД на месте перекрестья на обороте имеется полукруглая выемка). В средокрестии креста из Суворотского 8 расположен выпуклый круг, обведенный выпуклой окружностью. В средокрестии креста из БД, оформленном рубчатой окружностью, находится

Таблица 1. Состав металла крестов с селищ Суздальского Ополя
 Table 1. Metal composition of the crosses from the Suzdal' Opolie settlements

	Cu	Fe	Co	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au	Bi	Паспорт
1	68,795	0,232	0,000	0,000	0,140	0,215	0,092	28,966	0,215	1,346	0,000	0,000	Б. Давыдовское 2, 2006, № 11
2	48,330	0,710	0,000	0,120	1,700	0,655	0,000	43,915	0,000	4,075	0,000	0,000	Суворотское 8, 2012, № 677/74 (покрытие)
3	0,771	0,392	0,000	0,000	0,000	0,307	0,011	93,361	0,000	5,158	0,000	0,000	Шекшово 2, 2017, № 942/73
4	73,769	0,374	0,000	0,000	0,000	0,000	0,158	24,214	0,225	1,261	0,000	0,000	Семеновское-Советское, 2018, № 80
5	63,693	0,999	0,000	0,000	0,026	0,000	0,168	32,283	0,349	2,438	0,000	0,044	Карельская Слободка 4, 2006, № 149
6	55,097	0,445	0,000	0,000	0,000	0,000	0,217	36,942	0,412	6,853	0,000	0,035	Вышеславское 5, 2018, № 100
7	66,915	0,496	0,000	0,000	0,705	0,764	0,112	26,655	0,292	4,060	0,000	0,000	Торки 4, 2009, № 29
8	72,021	0,529	0,000	0,000	0,397	0,000	0,203	25,149	0,266	1,435	0,000	0,000	Шекшово 2, 2017, № 898/29
9	71,473	2,235	0,027	0,000	6,164	0,000	0,244	4,999	0,749	13,989	0,000	0,120	Шекшово 2, 2016, № 1086/69
10	91,664	0,236	0,000	0,000	3,640	0,311	0,075	2,070	0,214	1,790	0,000	0,000	Сунгирь, 2007, № 392/35
11	88,903	0,148	0,000	0,000	1,326	0,104	0,122	4,833	0,505	3,928	0,000	0,130	Гнездилово 2, 2014, № 208/120
12	32,764	1,472	0,000	0,000	2,748	0,913	60,420	0,124	0,030	1,299	0,189	0,041	Шекшово 2, 2015, № 618/9
13	62,900	0,790	0,000	0,000	0,809	0,721	0,343	30,940	0,300	2,558	0,000	0,000	Вышеславское 3, 2018, № 207
14	48,550	1,938	0,000	0,000	9,156	2,860	0,392	20,114	0,809	16,072	0,000	0,109	Шекшово 2, 2018, № 97
15	76,737	1,755	0,000	0,000	0,246	1,712	0,278	10,861	0,244	8,092	0,000	0,076	Шекшово 2, 2015, № 651/42
16	65,811	1,823	0,000	0,000	5,464	2,367	0,158	5,459	0,386	18,461	0,000	0,071	Кубаево 7, 2015, № 168/63
17	72,693	1,833	0,000	0,000	0,092	0,307	24,033	0,057	0,101	0,854	0,000	0,030	Шекшово 2, 2013, № 7/5

изображение многолепесткового цветка с выпуклой серединкой. Ветвь этого креста оконтурена двойным бордюром, в ее центре — выпуклая крестовидная фигура, выполненная из цепочек ложных «жемчужин», имеющих подпрямоугольную форму. Рисунки на ветвях крестов из Суворотского 8 и СС совпадают: в центрах полусферических выступов имеются небольшие впадинки, ветви оконтурены гладкими выпуклыми бордюрами, в центральные части ветвей помещены гладкие валики. Ветвь креста из Шекшово также украшена валиками — здесь их три.

Несмотря на индивидуальность исполнения каждого изделия, суздальские кресты имеют прямые аналогии среди известных в литературе больших крестов из белого металла, происходящих с севернорусских территорий: Тяглицы (Спицын, 1896. Табл. V, 7), Городок на Ловати (Горюнова, 2016. С. 48), Монино (Зайцева, 2008а. С. 62); Архангельский клад (серебро; Носов, Овсянников, 1997. С. 152), Весь (курган № 17, Спицын, 1905. С. 143, рис. 212) и др., Финляндии и Карелии (Purhonen, 1998. P. 83; Sedov, 1984. P. 18; Sedov, 1984. С. 34, рис. 2, 2), Готланда (Stenberger,

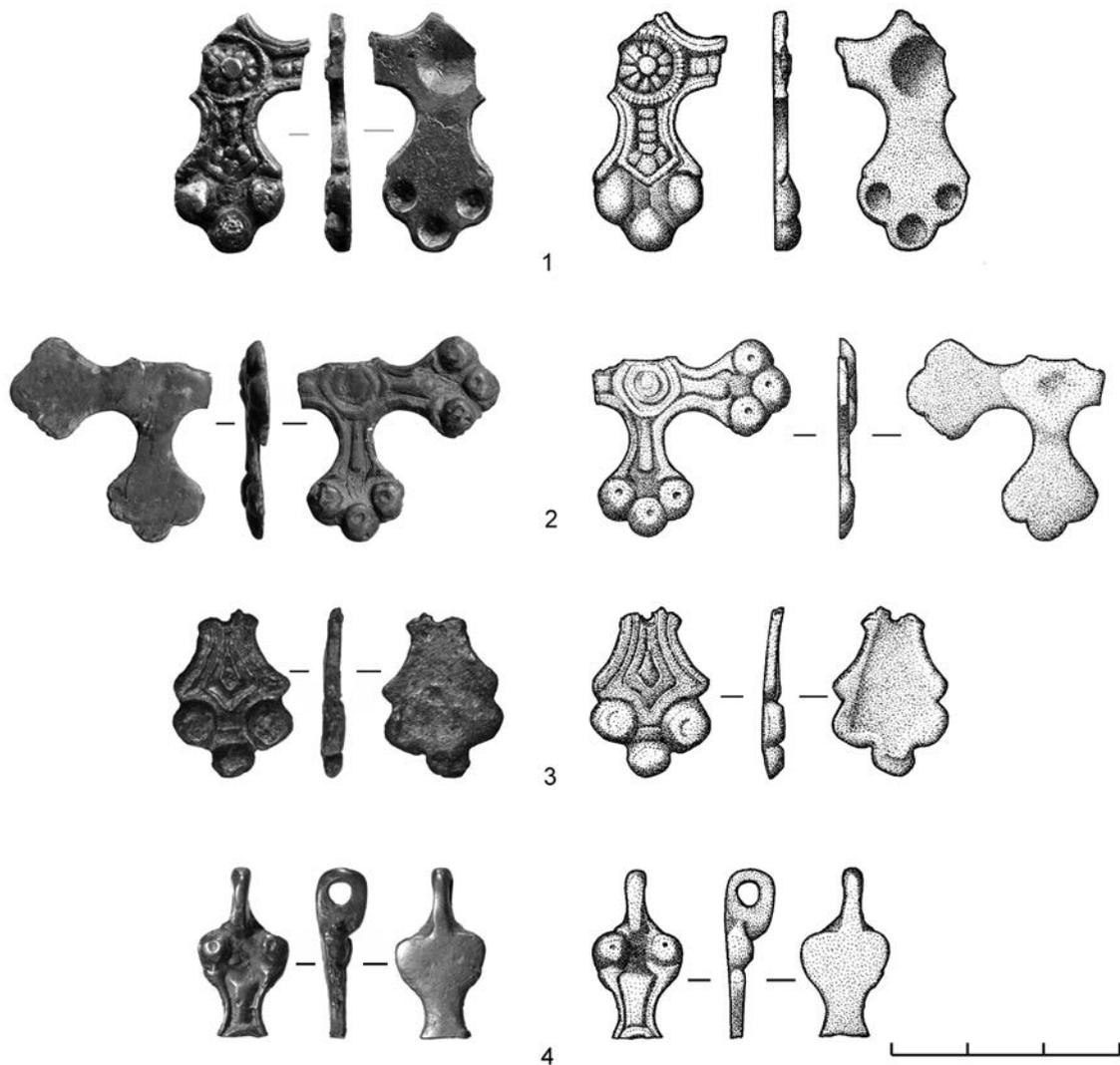

Рис. 2. Кресты «скандинавского типа»: 1 — Большое Давыдовское 2, 2006, № 11; 2 — Суворотское 8, 2012, № 677/74; 3 — Шекшово 2, 2017, № 942/73; 4 — Семеновское-Советское 2, 2018, № 80. 1-4 — цветной металл.

Рисунки крестов к статье выполнены А. С. Дементьевой

Fig. 2. Crosses of the 'Scandinavian type': 1 — Bolshoye Davydovskoye 2, 2006, no. 11; 2 — Suvorotskoye 8, 2012, no. 677/74; 3 — Shekshovo 2, 2017, no. 942/73; 4 — Semenovskoye-Sovetskoye 2, 2018, no. 80. 1-4 — nonferrous metal.

Drawings by A. S. Dement'yeva

1947. Abb. 260, 1; *Thunmark-Nylen*, 1995. Abb. 113; *Staecker*, 1999. P. 469, 471, 477), Прикамья (Вакинское селище (*Белавин, Крыласова*, 2017. С. 287)). От тонкой работы серебряных крестов с позолотой (камерные погребения Пскова и Киева, курган Плеснеска), которым они, несомненно, подражают, их отличает достаточно высокий рельеф и некоторая грубоватость изображений, наличие крупных полусфер, а не дисков, на концах ветвей. Кресты датируются XI — началом XII в. (*Thunmark-Nylen*, 1995. Abb. 113; *Носов, Овсянников*, 1997. С. 155). Аналогии выпуклому многоле-

пестковому цветку на кресте из БД можно найти на серебряном с позолотой и чернью кресте из камерного погребения № 6 в Пскове, совершенного во второй половине X в. (*Ершова*, 2016. С. 266) и на кресте из карельского могильника Кекомьяки (*Седов*, 1984. С. 34). Примечательно, что в Новгороде в слое конца X — начала XI в., обнаружен бракованный крест желтого цвета размерами 61 × 56 мм (с ушком), отлитый из оловянной латуни (*Олейников*, 2019), полностью совпадающий по рисунку с крестом из БД. Второй такой же крест с небольшими отличиями в оформлении полусфер

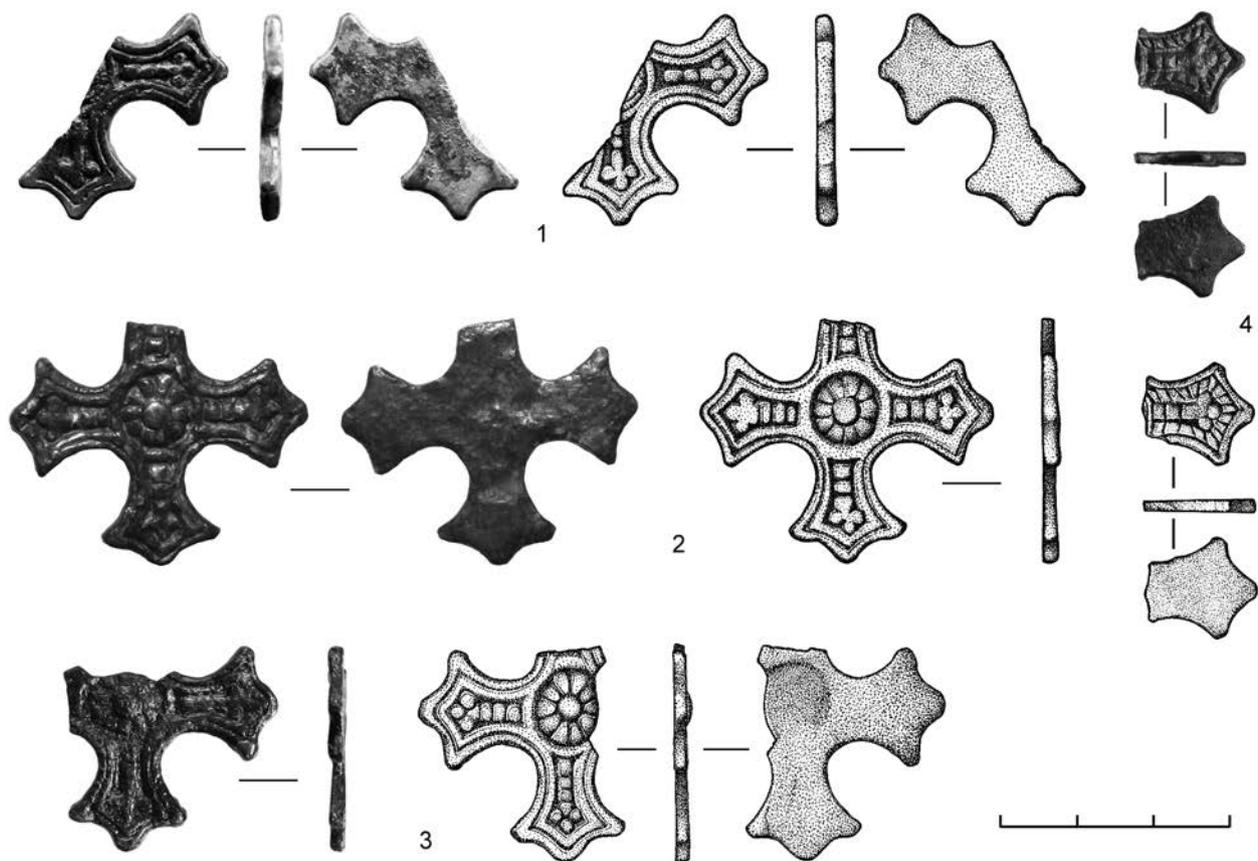

Рис. 3. Кресты «скандинавского типа»: 1 — Карельская слободка 4, 2006, № 12; 2 — Вышеславское 5, 2018, № 100; 3 — Торки 4, 2009, № 29; 4 — Шекшово 2, 2017, № 898/29. 1-4 — цветной металл

Fig. 3. Crosses of the 'Scandinavian type': 1 — Karel'skaya Slobodka 4, 2006, no. 12; 2 — Vysheslavskoye 5, 2018, no. 100; 3 — Torki IV, 2009, no. 29; 4 — Shekshovo 2, 2017, no. 898/29. 1-4 — nonferrous metal

происходит из культурного слоя Городка на Ловати (Горюнова, 2016. Фото 8, 3).

Равноконечные кресты с фигурными ветвями, расширяющимися к концам трехчастной формы (4 экз.) собраны на четырех поселениях: Карельская Слободка 4, Вышеславское 5, Торки 4, Шекшово 2 (рис. 3). Все кресты фрагментированы, до нас не дошло ни одного ушка, однако общий их облик хорошо восстанавливается по кресту из Вышеславского 5, сохранившего перекрестье и три целые ветви (рис. 3, 2). Ширина креста составляет 38,8 мм, толщина — 2,2 мм. Обрат плоский. Краевые части креста на обороте скруглены. Орнамент на лицевой стороне нечеток. В центре располагается выпуклый многолепестковый цветок с гладкой сердцевинкой. Он окружен гладким выпуклым бордюром. В центральных частях ветвей — выпуклые крестовидные фигуры, выполненные из цепочек ложных «жемчужин», имеющих подпрямоугольную форму. По периметру лицевой

поверхности сделан выпуклый двойной гладкий бордюр. Фон — неровный. Крест отлит по оттиску готового изделия, произведенного с использованием жесткой (каменной?) формы.

Кресты из Вышеславского 5, Карельской Слободки 4 (рис. 3, 1) и Торки 4 (рис. 3, 3), также отлитые по оттиску, полностью совпадают по размерам и деталям рисунка и восходят, вероятно, к одному оригиналу (рис. 4). Они немного различаются качеством проработки декора, зависящим от оттискиваемого образца. Крест из Шекшово 2 (рис. 3, 4) аналогичен по рисунку предыдущим. Он был, вероятно, отлит непосредственно в форму и имеет четкий рисунок. Несколько отличается и ширина его ветви — треугольные концы имеют меньший разлет.

Все кресты серебристого белого цвета изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы с высоким содержанием олова (25,1–37,0 %; табл. 1). Концентрация свинца у одинаковых крестов находится в

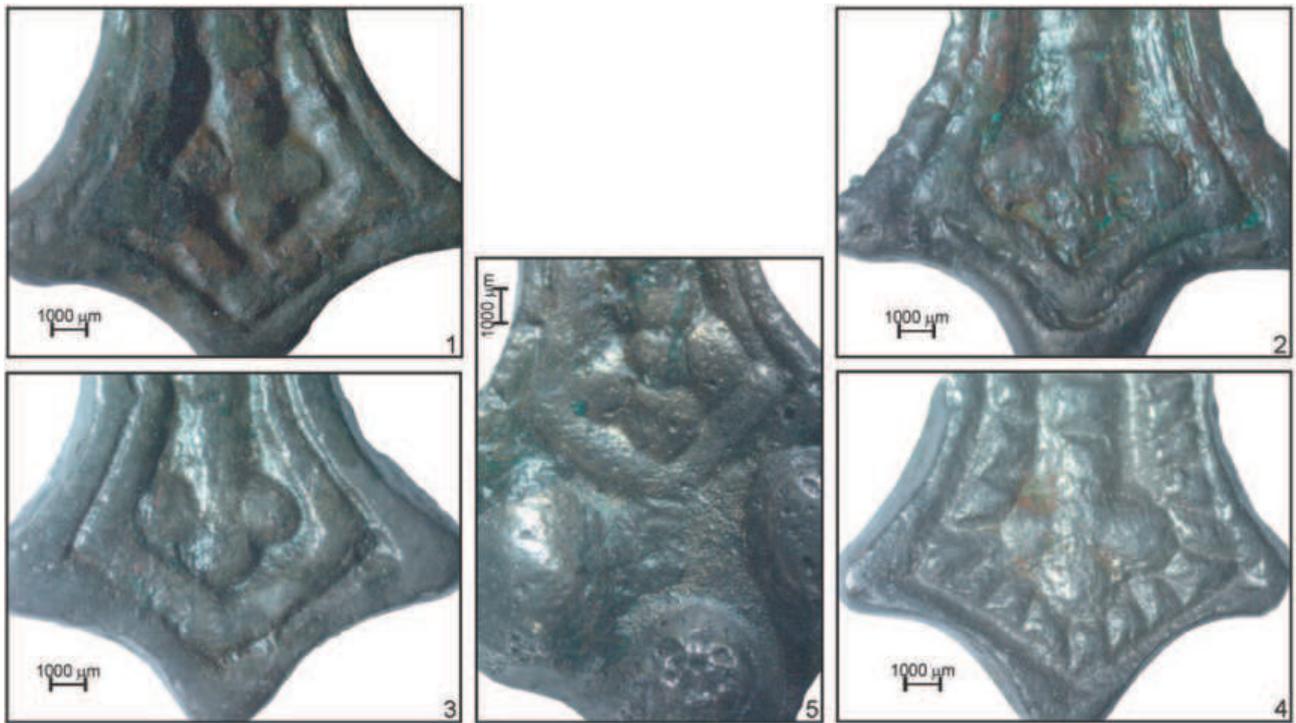

Рис. 4. Кресты «скандинавского типа»: 1 — Вышеславское 5, 2018, № 100; 2 — Торки 4, 2009, № 29; 3 — Карельская слободка 4, 2006, № 12; 4 — Шекшово 2, 2017, № 898/29; 5 — Большое Давыдовское 2, 2006, № 11.
1–5 — цветной металл

Fig. 4. Crosses of the 'Scandinavian type': 1 — Vysheslavskoye 5, 2018, no. 100; 2 — Torki IV, 2009, no. 29; 3 — Kareľskaya Slobodka 4, 2006, no. 12; 4 — Shekshovo 2, 2017, no. 898/29; 5 — Bolshoye Davydovskoye 2, 2006, no. 11.
1–5 — nonferrous metal

пределах 2,44–6,80 %, у креста из Шекшово 2 она несколько ниже и составляет 1,44%.

Удалось найти единственную аналогию этим крестам в сборах на Белоозере (Захаров, 2004. Рис. 42, 14). Хотя кресты и не имеют характерного признака типа «скандинавских крестов» — трех полусфер на концах, нам представляется, что их правомерно рассматривать в контексте находок этого круга. Размеры, форма и декор на средокрестии и ветвях крестов полностью совпадают с параметрами рассмотренного выше экземпляра из БД.

Одинаков и металл крестов — высокооловянная бронза с небольшими добавками свинца. Такие бронзы, называемые «белыми бронзами», имеют серебристый цвет, высокую плотность и хорошую коррозионную стойкость, но они достаточно хрупкие (все суздальские кресты разбиты) и плохо подвергаются доработке после литья. Этот сплав не был в ходу у севернорусских мастеров XI — начала XII в., отдававших предпочтение латуням (сплавам с цинком) и бронзам с небольшими или средними присадками олова и небольшими

свинца (Ениосова и др., 2008. С. 136–145; Зайцева, 2008б. С. 38; 2009. С. 160–161; 2015. С. 255; Ениосова, 2016. С. 726–727; Ениосова и др., 2017. С. 194). Украшения из серебристого цвета высокооловянных сплавов, позволяющих имитировать дорогие серебряные изделия, появляются в номенклатуре древнерусских литейщиков несколько позже — в XII–XIII вв. Из них делали семилепестные височные кольца, рубчатые и дрововые перстни, кресты и иконки (Зайцева, Сапрыкина, 2014. С. 214; Сарачева, 2014. С. 60–61).

Однако рецепт данного сплава был и раньше хорошо известен на Востоке: из него изготавливали чаши, колокола и зеркала (Шемаханская, 2015. С. 19–25). Высокооловянные бронзы зафиксированы в цветной металлообработке аланских, хазарских и великоморавских памятников (Ениосова и др., 2008. С. 144). Около 40 % изученных предметов из оловянно-свинцовой бронзы из Подболотьевского могильника содержит олово в концентрации 25–40% (Сапрыкина, 2014. С. 233). Такой сплав также характерен для деталей

поясной гарнитуры VIII–IX вв. Крюково-Кужновского могильника (*Сапрыкина и др.*, 2010. С. 324).

В синхронных рассматриваемым материалах высокооловянная белая бронза доминирует среди проанализированных украшений из сплавов на основе меди из древнекарельских городищ (с конца XI в.), много таких предметов в могильниках Заволочья — Тихманьга и Усть-Пуя (*Енисосова, Кочкуркина*, 2010. С. 26, 29, 30). Одна подковообразная фибула с содержанием олова 22 % исследована в Пскове (*Королева*, 1996. С. 276). Поясная накладка с плетеным «скандинавским» узором с концентрацией олова 18–33 % известна в кургане № 382 Тимерёво (*Седых, Френкель*, 2015. С. 217, 227).

Можно полагать, что найденные экспедицией большие кресты «скандинавского типа» и сделанные по их подобию кресты без шариков изготовлены в Ополе. Мастера осознанно подбирали по цвету сплавы, имитирующие серебряные дорогостоящие вещи (*Хаврин*, 2014. С. 53–54). В одном случае было применено лужение, в другом — использован сплав на основе олова, в остальных — высокооловянная бронза с небольшими добавками свинца. Крест «скандинавского типа» высотой 5 см из сплава олова и свинца происходит из Новгорода из зоны жилой застройки третьей четверти XI в. (*Тарабардина*, 2014. С. 235).

На селище Шекшово 2, вероятно, производились изделия из легкоплавких сплавов — имитации дорогих образцов. Кроме креста «скандинавского типа» здесь обнаружены небольшая круглая подвеска и ширококорая лунница с непроткнутыми отверстиями в ушках, а также поясная пряжка с непролитыми отверстиями, заделанными бронзовой полоской, бракованный пластинчатый перстень.

Накопленные в настоящее время данные позволяют полагать, что больших крестов «скандинавского типа» было действительно немного, каждый изготавливался индивидуально, но следуя общей иконографической схеме. Это подтверждают вышедшие в последние годы каталоги крестов из сборов, где такие кресты практически отсутствуют. Только в каталоге В. Кайля и В. Нечитайло представлен обломок одного большого серебряного креста с позолотой (*Кайль, Нечитайло*, 2006. № 63).

Остальные кресты, собранные в Ополе, имели меньшие размеры, и большинство — визуаль-но желтый цвет.

Равноконечные кресты с фигурными ветвями, расширяющимися к концам, украшенным тремя дисками (4 экз.), изготовлены в подражание большим крестам. Два креста сделаны по оттискам крестов с рельефным выпуклым декором, первоначальные отливки которых были произведены с использованием жестких форм.

Ширина креста из Шекшово 2 (рис. 5, 1) равна 30,5 мм, толщина 1,3 мм. Обратная сторона креста гладкая, в средокрестии имеется округлое углубление. Лицевая сторона креста украшена выпуклым декором. В средокрестии помещен многолепестковый цветок, края ветвей оконтурены рубчатым бордюром. Треугольные концы ветвей отделаны тремя дисками, на некоторых из них есть небольшие круглые углубления. Узор на ветвях креста несколько смазан. Крест отлит из оловянно-свинцовой бронзы (Sn — 10,86 %, Pb — 8,1 %). Полная аналогия ему с более четким рисунком происходит из культурного слоя селища Минино I на Кубенском озере (*Зайцева*, 2008а. С. 62). Второй такой крест обнаружен на селище Введенское под Ярославлем (*Праздников*, 2001. С. 175).

Размеры еще одного целого креста из Шекшово 2 (рис. 5, 2) составляют: 41,5/34,8 мм (с ушком/без ушка), ширина 32 мм, толщина 1,5 мм. Ушко — простое в виде большой овальной петли. Крест отлит по оттиску готового изделия из биллона (Cu — 72,69 %, Sn — 0,06 %, Pb — 0,85 %, Ag — 24,03 %) в одностворчатую форму с крышечкой. Обратная сторона плоская, в центре средокрестия имеется круглое углубление. Выпуклый орнамент на лицевой стороне креста нечеткий, сглаженный. В центр средокрестия ромбической формы помещен выпуклый кружок, обрамленный выпуклым гладким кольцом и тонким рубчатым колечком. Края ветвей и средокрестия украшены широким рубчатым орнаментом, имитирующим «жемчужины». Концы ветвей декорированы тремя небольшими выпуклыми шишечками. На левой ветви креста шишечки очень сглажены. Такой же крест найден на городище Даугмале (*Migurēvičs*, 1974. С. 224, рис. 1, 35).

Узор одного креста из Шекшово 2 (рис. 5, 1) достаточно точно воспроизводит образец креста из камеры № 6 в Пскове (*Ершова*, 2016. С. 293). Близки к нему и декоры на крестах (отсутствует многолепестковый цветок в средокрестии), происходящих из камерного погребения № 13 в Михайловском монастыре в Киеве, совершенном в первой половине XI в. (бронза; *Ивакин*, 2005.

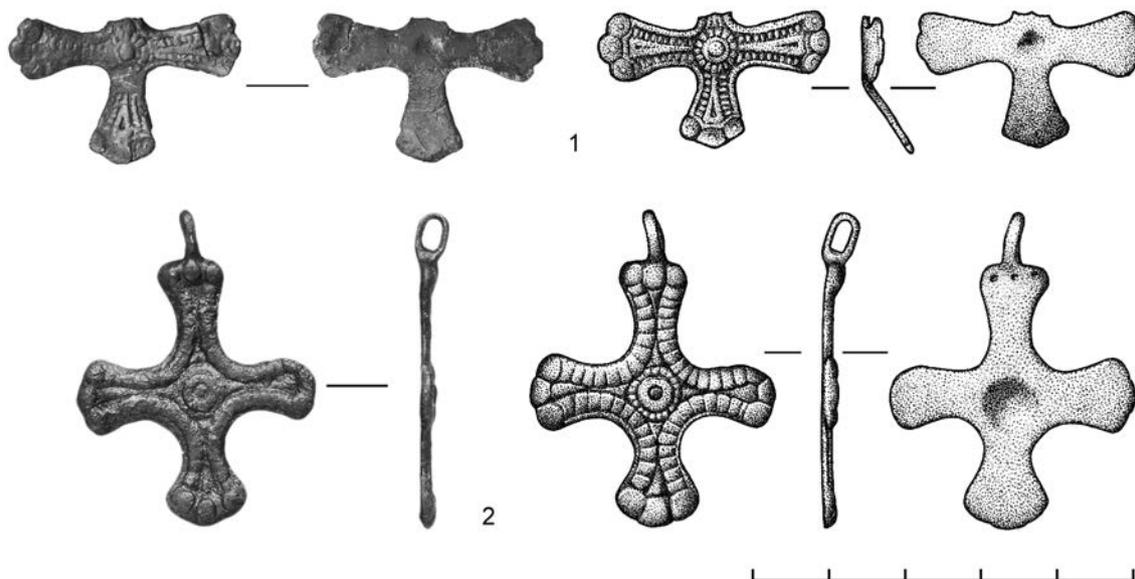

Рис. 5. Кресты «скандинавского типа»: 1 — Шекшово 2, 2015, № 651/46; 2 — Шекшово 2, 2013, № 7/5.
1-2 — цветной металл

Fig. 5. Crosses of the 'Scandinavian type': 1 — Shekshovo 2, 2015, no. 651/46; 2 — Shekshovo 2, 2013, no. 7/5.
1-2 — nonferrous metal

С. 287–288); с усадьбы первой половины XI в. в Новгороде (серебро с позолотой; *Покровская и др.*, 2017. С. 470) и клада XI в. из Крыжово Псковской области (серебро; *Фехнер*, 1968. С. 211). Узор на втором кресте из Шекшова 2 (рис. 5, 2) более схематичен. Можно полагать, что датировка шекшовских крестов не выходит за пределы XI в.

Два креста из Шекшова 9 (рис. 6, 1) и Кубаево 7 (рис. 6, 2) выполнены по одному образцу, но различаются качеством исполнения рисунка. На обоих крестах имеются поперечные перемычки, отделяющие средокрестия от ветвей.

Высота экземпляра из Шекшова 9 составляет 41/37 мм (с ушком / без ушка), толщина 1,3 мм. Крест литой по оттиску готового изделия: видны литейные швы в торцевых частях. Первая отливка сделана по восковой модели, украшенной двусторонним врезным глубоким линейным декором. Четкий рисунок имеется на обеих сторонах креста. На одной стороне в центре средокрестия располагается выпуклый многолепестковый цветок (налеп на модели). Средокрестие и центральные части ветвей оконтурены двумя продольными линиями, на концах ветвей сделаны по три врезных кружка, имитирующих полукруглые выступы. На другой стороне креста в центре средокрестия находится простой крест, две линии оконтуривают средокрестие и центральные части ветвей.

Средокрестие отделено от ветвей одинарными поперечными перехватами. На концах ветвей располагаются по три врезных кружка с углублениями в центрах, имитирующих полукруглые выступы. Крест отлит из высокооловянной бронзы (Cu — 48,55 %, Sn — 20,11 %, Pb — 16,01 %, Zn — 9,16 %). Аналогия данному кресту происходит из кургана № 422 Тимирёва (*Мальм*, 1963. С. 37, рис. 21, 13). Близкий по рисунку (отличается декор в перекрестье) односторонний крест размером 70 × 44 мм из частных коллекций в собрании Русского музея опубликован С. М. Новаковской-Бухман (*Новаковская-Бухман*, 2017. С. 368–369), еще три найдены в Могилевской области (*Фехнер*, 1968. С. 211, рис. 1, 5), Полтавской губернии (*Ханенко*, 1900. № 254) и окрестностях Риги (*Mugurēvičs*, 1974. С. 224, рис. 1, 31).

Крест из Кубаево 7 несколько больше: он погнут, его высота составляет около 47 см, ширина 37,5 мм, толщина 2,2 мм. Крест отлит по оттиску готового изделия в двусторонней форме: в торцевой части креста виден литейный шов. Первоначальная отливка была сделана по резной восковой модели. Рисунок из углубленных линий сделан на обеих сторонах креста. Мастер срисовывал орнамент с образца и сделал это довольно примитивно. Рисунок практически полностью повторяет

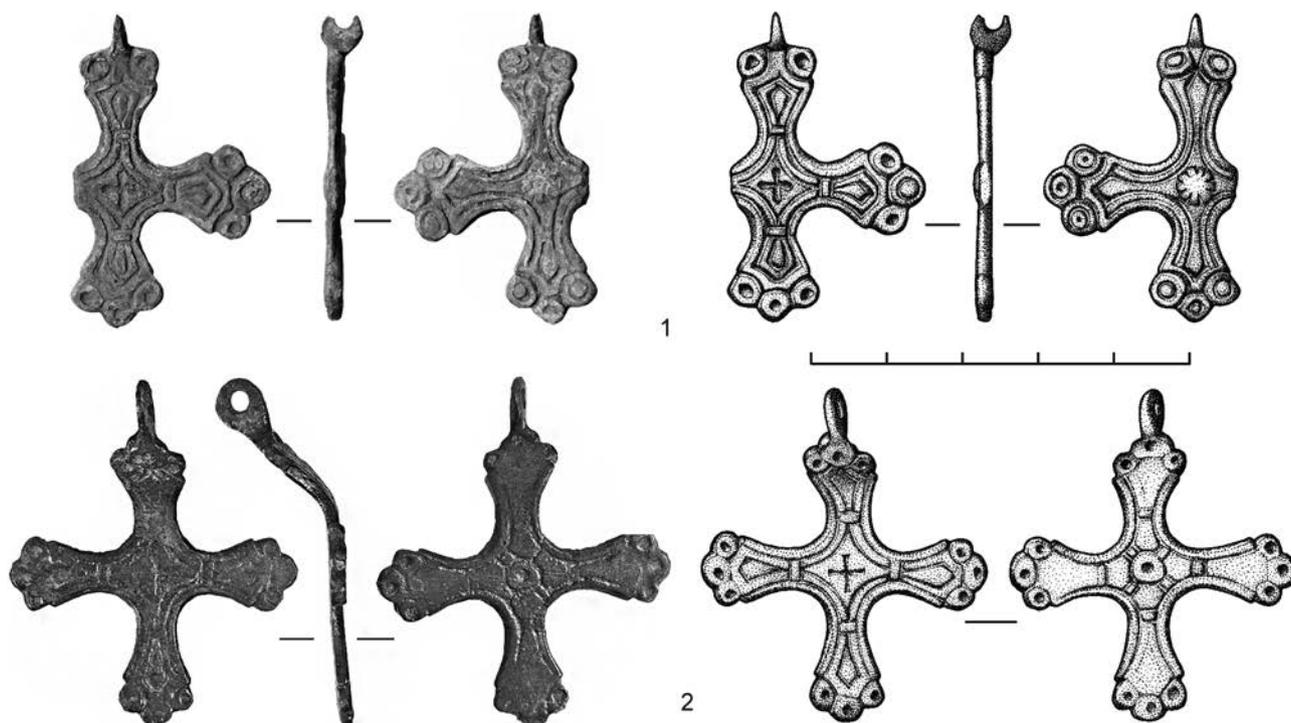

Рис. 6. Кресты «скандинавского типа»: 1 — Шекшово 9, 2018, № 97; 2 — Кубаево 7, 2015, № 168/63.
1–2 — цветной металл

Fig. 6. Crosses of the 'Scandinavian type': 1 — Shekshovo 9, 2018, no. 97; 2 — Kubayevo 7, 2015, no. 168/63.
1–2 — nonferrous metal

декор на шекшовском кресте, только налп многолепесткового цветка в средокрестии заменен прочерченными линиями, не показана разделка ветвей на одной из сторон креста. Состав сплава также похож — многокомпонентная бронза, но с меньшим количеством олова (Cu — 65,81 %, Sn — 5,46 %, Pb — 18,46 %, Zn — 5,46 %). Похожий крест происходит из Даугмале в Латвии (Mugurēvičs, 1974. С. 224, рис. 1, 36).

Металл крестов из Шекшово 9 и Кубаево 7 более свойствен севернорусской металлообработке X — начала XII в., в которой большой процент составляют многокомпонентные сплавы с добавками цинка, олова и свинца (Ениосова и др., 2008. С. 146–148; Зайцева, 2008б. С. 39; Зайцева, 2015. С. 256–257; Ениосова и др., 2017. С. 154). Некоторые отличия наблюдаются в повышенной концентрации легирующих элементов.

Кресты вытянутых пропорций с расширяющимися к концам ветвями ромбической формы, с тремя дисками на концах и поперечными перемычками на ветвях (5 экз.). Три креста из Шекшово 2, Сунгирия и Гнездилово 2 имеют практически одинаковые размеры и рисунок на лицевой поверхности,

оборотные стороны плоские. Они отлиты по оттискам в одностворчатых формах с плоскими крышками. Полости для ушек были только в одной створке. Первые отливки таких крестов были выполнены с использованием жестких форм. В отличие от всех рассмотренных выше, эти кресты имеют вытянутые пропорции. Размеры креста из Шекшово 2 (рис. 7, 1) составляют 37 (с ушком) × 32 мм, толщина 1,7 мм. Ушко простое петельчатое высотой 5,5 мм. Крест отлит из многокомпонентного сплава (Cu — 71,47 %, Sn — 5,0 %, Pb — 14,0 %, Zn — 6,16 %). В жесткой форме, вероятно, была отлита восковая модель, одна ветвь которой отломилась и была приделана вновь (виден тонкий выступающий рубец на правой ветви).

На лицевой поверхности креста имеется выпуклый геометрический орнамент. В центр средокрестия помещено небольшое выпуклое кольцо, обрамленное выпуклым ромбом с вогнутыми сторонами. Внешний край изделия украшен гладким валиком и ложнозерненным орнаментом. Средокрестие отделено от ветвей перемычкой в виде трех гладких валиков. Ветви креста имеют ромбическую форму. Их центральные части

декорированы выпуклыми фигурами в виде капель, обрамленных гладкими валиками. Концы ветвей оформлены в виде трех дисков диаметром по 5 мм, каждый из которых состоит из двух выпуклых концентрических окружностей. На двух ветвях внешние части окружностей немного подрезаны. На верхней ветви имеется два диска. Рисунок на кресте очень четкий.

Размеры креста из Сунгиря (рис. 7, 2) составляют 38 мм (с ушком) × 30 мм, толщина 1,8 мм. Ушко простое петельчатое высотой 6 мм. Крест отлит из многокомпонентного сплава (Cu — 91,66 %, Sn — 2,07 %, Pb — 1,79 %, Zn — 3,64 %). Рисунок на кресте частично затерт.

Размеры креста из Гнездилово 2 (рис. 7, 3) равны 34,4 (с ушком) × 28,2 мм, толщина 1,7 мм. Ушко простое петельчатое высотой 5 мм. Крест отлит из многокомпонентного сплава (Cu — 88,9 %, Sn — 4,83 %, Pb — 3,94 %, Zn — 1,33 %). Выпуклый геометрический рисунок нечеток и местами плохо пролит. В результате тиражирования был утрачен центральный диск на левой ветви креста.

Рисунки на лицевых поверхностях всех рассмотренных крестов совпадают до мельчайших деталей, хотя и имеют разное качество исполнения. Первые отливки таких крестов были выполнены с использованием жестких форм. Суздальские кресты изготовлены из многокомпонентного сплава с небольшими концентрациями олова, свинца и цинка — одного из самых распространенных сплавов по всей территории Северной Руси в XI в.⁶ (Ениосова и др., 2008. С. 146–148; Зайцева, 2008б. С. 39). Многочисленные аналогии этим крестам представлены на широких территориях: от Швеции и Норвегии на западе (Staecker, 1999. P. 445, 449) до Старой Рязани на востоке (Остапенко, 2015. № 2, 3), от Дунайской Болгарии (Дончева-Петкова, 2011. С. 727, № 1275) и Саркела на юге (Петрухин, Пушкина, 2009. С. 160, 162) до Пермского Приуралья на севере (Белавин, Крыласова, 2017. С. 287). Отметим находки в Звенигороде под Киевом (Зоценко и др., 2017. С. 133) и Вышгороде, курганах Беларуси (Башков, 2011. С. 142), Пскове (Колпакова, 2007. № 389 (112); Яковлева и др., 2012. С. 155), Новгороде (Олейников, 2019), могильниках Залахтове (Колпакова, 2007. С. 78) и Беседа на Ижорском плато (Спицын, 1896. Табл. V, 12), сельских памятниках Подмосковья

(Хотяжи; Алексеев, 2004. С. 189) и Тверского Верхневолжья (Плешково, Беседы; Комаров, 2002. С. 149; Лагуткина, Степанова, 2001. С. 131), Муроме⁷, курганах у д. Кабанское и Вельсково в районе Плещеева озера (Фехнер, 1968. С. 211) и др.

Высокая степень стандартизации крестов этой группы указывает на то, что они выпускались большими партиями в одном или нескольких крупных производственных центрах. Широко известна находка створки металлической формы последней четверти XI в. для отливки подобных крестов из Киева (Зоценко, Иевлев, 2010. С. 373). Рисунок креста на форме не совпадает в деталях с серийными готовыми крестами, но представляет тот же вариант. Экземпляры из Новгорода датируются не ранее 40-х гг. XI в. (Тарабардина, 2014. С. 470) и концом XI — началом XII в. (Олейников, 2019), из Пскова — первой четвертью XI в. (Колпакова, 2007. С. 37), Звенигорода под Киевом — последней четвертью XI в. (Зоценко и др., 2017. С. 126). Вероятно, к этому времени и следует отнести появление крестов данной группы. Находки крестов в курганах встречены и в комплексах первой половины — середины XII в. (Лагуткина, Степанова, 2001. С. 128).

Еще два креста, обнаруженные в небольших обломках в Шекшово 2 (рис. 7, 4) и Суздале (рис. 7, 5), представляют другой вариант типа. Длина ветви креста из Шекшово 2 от середины средокрестия составляет 14 мм, толщина — 1,5 мм. Обратная сторона креста плоская гладкая. Лицевая сторона креста украшена выпуклым геометрическим декором. В центр средокрестия помещена полусфера, располагающаяся внутри выпуклого ромба с втянутыми сторонами. Ветвь креста по краю украшена гладким двойным бордюром. На треугольном конце ветви — три выпуклые маленькие полусферы, обрамленные углубленными окружностями. Крест отлит по оттиску из биллона (Cu — 32,76 %, Sn — 0,124 %, Pb — 1,3 %, Zn — 2,75 %, Ag — 60,42 %). Первоначальная отливка выполнена с использованием жесткой формы. Целый равноконечный экземпляр такого креста обнаружен в Ключково на р. Теза (Несмиян О., Несмиян В., 2012. С. 106).

Равноконечный крест с фигурными ветвями и концами ромбической формы, с тремя полусферами на концах (1 экз.) происходит из Вышеславского 3 (рис. 7, 6). Ширина креста равна

⁶ Аналогичный крест из Новгорода изготовлен из свинцовой латуни (Ениосова и др., 2017. С. 190).

⁷ В слое XI в. (любезное сообщение Н. Е. Чалых).

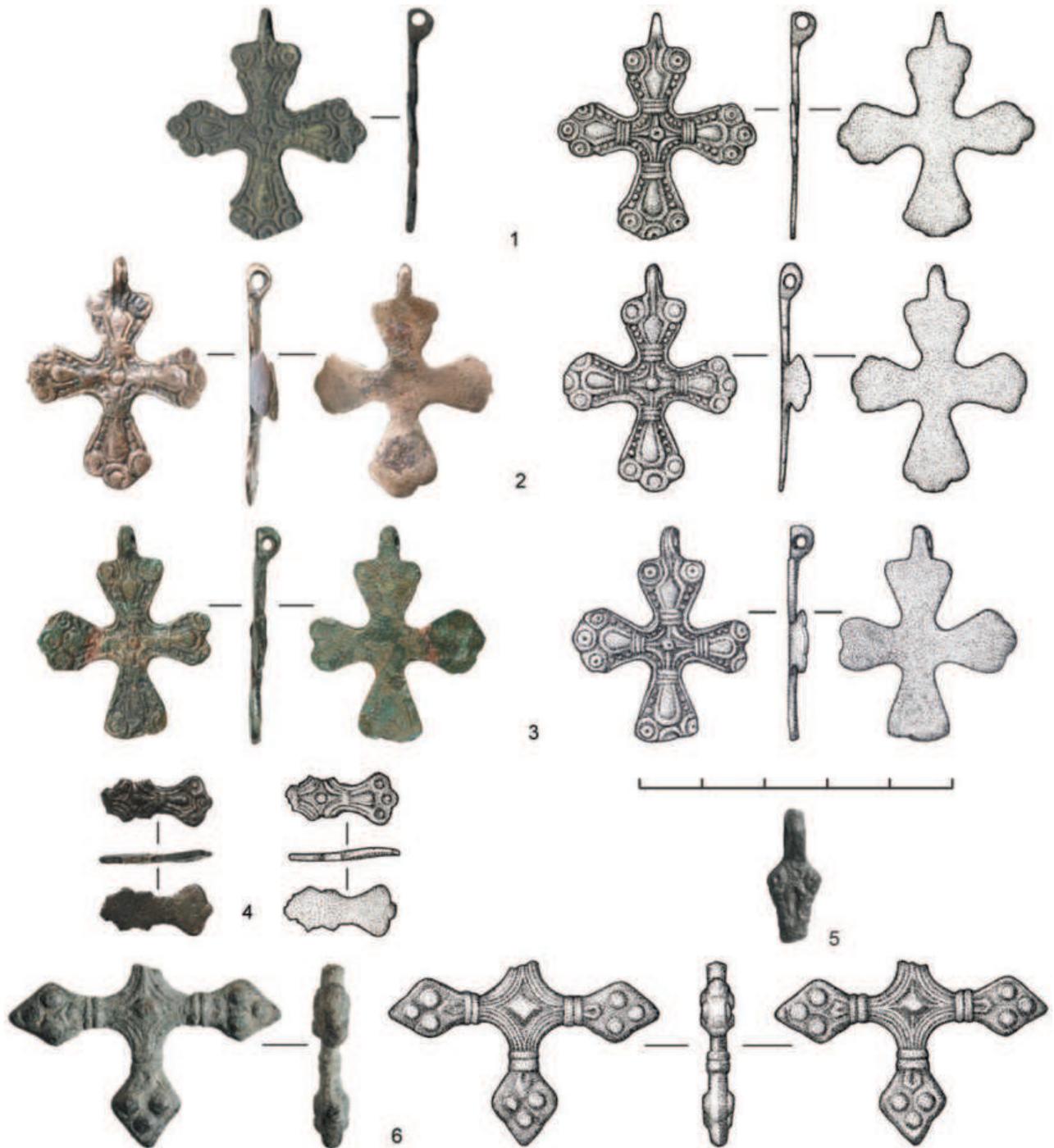

Рис. 7. Кресты «скандинавского типа»: 1 — Шекшово 2, 2016, № 1086/69; 2 — Сунгирь, 2007, № 392; 3 — Гнездилово 2, 2014, № 208/120; 4 — Шекшово 2, 2015, № 618/9; 5 — Суздаль, 2007; 6 — Вышеславское 3, 2018, № 207.

1-6 — цветной металл

Fig. 7. Crosses of the 'Scandinavian type': 1 — Shekshovo 2, 2016, no. 1086/69; 2 — Sungir, 2007, no. 392; 3 — Gnezdilovo 2, 2014, no. 208/120; 4 — Shekshovo 2, 2015, no. 618/9; 5 — Suzdal, 2007; 6 — Vysheslavskoye 3, 2018, no. 207.

1-6 — nonferrous metal

43,5 мм, толщина 5,3 мм (5,5 мм с полусферами). Крест отлит в двусторонней форме из оловянно-свинцовой бронзы с высоким содержанием олова и небольшим — свинца (Sn — 26,74 %, Pb — 2,56 %). Ветви креста объемные. Одинаковый геометрический орнамент украшает обе стороны. В центр средокрестия помещена выпуклая полусфера, обрамленная выпуклым рисунком из тройного ромба с вогнутыми сторонами. В средних частях всех ветвей имеются по два поперечных выпуклых валика. Ромбические концы ветвей украшены тремя выпуклыми уплощенными полусферами.

Экземпляр из Вышеславского 3 имеет отдаленные аналогии в Суздале и Ростове в комплексах XII в. (Седова, 1997. С. 132; Леонтьев, 2015. С. 49, рис. 1, 4) и в Старой Рязани (Остапенко, 2015. № 1).

Как уже отмечалось выше, археологические контексты не дают возможности для узкого датирования суздальских крестов, однако состав находок на поселениях важен для понимания их общих хронологических позиций. Суздальские «большие поселения» — памятники с яркими и многочисленными вещевыми материалами X–XI вв., однако на большинстве из этих поселений жизнь продолжалась и в XII–XIII вв. Соотношение хроноиндикаторов X — начала XII в. и второй половины XII — первой половины XIII в. на разных памятниках неодинаковое. На селищах Гнездилово 2 и Кубаево 7 хроноиндикаторы второй половины XII — первой половины XIII в. единичны, на селищах Шекшово 2 и Большое Давыдовское 2 они численно заметно уступают хроноиндикаторам X — начала XII в., на селище Сунгирь они, напротив, многочисленны. Основываясь на общем составе находок и датировках крестов на других памятниках, большие кресты из Шекшово 2, Большого Давыдовского 2, Суворотского 8 и их дериваты из Шекшово 2, 9 и Кубаева 7 с большой долей вероятности могут быть отнесены к XI в., возможно, даже к рубежу X–XI вв. На поселениях Вышеславское 3, Вышеславское 5 и Семеновское-Советское начало жизни должно быть определено около рубежа XI–XII вв. (судя по отсутствию лепной керамики и присутствию отдельных металлических вещей — хроноиндикаторов XI — начала XII в.), а на поселениях Торки 4 и Карельская Слободка 4 — к первой половине XII в. Найденные на этих памятниках кресты датируются временем не ранее рубежа XI–XII вв. Симптоматично, что

именно на этих селищах найдены три равноконечных креста с фигурными ветвями, расширяющимися к концам трехчастной формы без шариков, которые мы рассматриваем как местный вариант крестов «скандинавского типа», сложившийся на основе классических образцов. Серийные варианты крестов, представленные находками из Гнездилово, Сунгиря и Шекшово 2, появляются в Ополье, вероятно, в первой половине — середине XI в.

Широкое бытование крестов «скандинавского типа» в Северо-Восточной Руси основательно аргументировано исследованиями М. В. Фехнер. Новые суздальские материалы позволяют уточнить, что такие кресты появились в Ополье в конце X(?) — XI в., первоначально на «больших поселениях» — населенных пунктах, развитие которых в Волго-Окском регионе связано с особым экономическим укладом и особой культурой, хорошо известной по раскопкам раннегородских поселений X в. Вероятно, одним из самых ранних может считаться серебряный крест из кургана № 4 в Веси (раскопки А. С. Уварова; Макаров, 2012. С. 194). Потертость крестов, отсутствие верхних ветвей или разрывы на ушках свидетельствуют о том, что кресты носились в повседневной жизни. В Суздале и Ростове находки больших равноконечных крестов, которые рассматриваются как наиболее ранние, пока неизвестны. Технологические особенности крестов и состав сплавов с высоким содержанием олова, наличие экземпляров с высокой степенью сходства указывают на их местное (негородское) производство. Различные варианты крестов «скандинавского типа», включая стандартную продукцию крупных мастерских, оставались в обиходе сельского и городского населения центра Суздальской земли в первой половине XII в. Можно согласиться с А. Ю. Чураковой, рассматривающей историю крестов скандинавского типа в широком смысле как трансляцию культуры элиты в народную среду (Чуракова, 2017. С. 168), однако разделение больших и малых крестов как предметов, однозначно связанных с различными социальными группами, кажется слишком прямолинейным, особенно учитывая синхронность их бытования.

В общем массиве древнерусской христианской металлопластики XI–XIII вв. кресты «скандинавского типа» являются едва ли не единственной группой, не имеющей близких соответствий в продукции византийских и балканских

мастерских. Отсылки к восточно-христианскому происхождению этого типа крестов, правдоподобные в историческом контексте поездок русских дружинников в Византию и крещения их в Константинополе, не могут быть подкреплены указаниями на конкретные прототипы. В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина, связывая происхождение этой группы металлопластики с Византией, рассматривают в качестве прототипов кресты из Коринфа, опубликованные Г. Дэвидсоном (*Петрухин, Пушкина, 2009. С. 161*). Однако металлопластика из Коринфа, на которую ссылаются авторы, — это распространенные в Византии и на Ближнем Востоке кресты с концентрическими окружностями на концах (*Davidson, 1952. Pl. 110, № 2080–2082*), — достаточно далека по своему облику от крестов «скандинавского типа». Иной

«идее» подчинен и облик крестов с выделенной средней частью ветвей, оконтуренных выпуклыми бордюрами, отогнутыми на концах (*Дончева-Петкова, 2011. № 597*). Этот тип крестов, в отличие от многих других, распространенных на Руси, не обнаруживает прямой генетической связи с византийской металлопластикой. Вне зависимости от окончательного решения вопроса о месте производства отдельных вариантов равноконечных крестов и участия скандинавов в их производстве и распространении, очевидно, что кресты этого типа в широком смысле — вклад Севера в христианскую культуру ранней Руси. Суздальские находки убедительно подкрепляют этот тезис и раскрывают устойчивость образов христианской символики на Северо-Востоке на протяжении двух столетий.

Алексеев, 2004 — Алексеев А. В. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // *Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2004. [Вып. 1]. С. 177–192.*

Башков, 2011 — Башков А. А. Христианские древности Беларуси конца X — XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования). Минск: И. П. Логвинов, 2011. 194 с.

Белавин, Крыласова, 2017 — Белавин А. М. Крыласова Н. Б. Древнерусские материалы в Пермском Предуралье // *Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 284–297.*

Горюнова, 2016 — Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 349 с.

Дончева-Петкова, 2011 — Дончева-Петкова Л. Средневековни кръстове-енколпиони от България (IX–XIV в.). София: Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2011. 734 с.

Ениосова, 2016 — Ениосова Н. В. Химический состав цветного металла из Гнёздова // *Исторический журнал: научные исследования. М., 2016. № 35 (6). С. 724–733.*

Ениосова, Кочкуркина, 2010 — Ениосова Н. В., Кочкуркина С. И. Древнекарельские ювелирные изделия из цветного и драгоценного металла X–XV веков: ареал, датировка, химический состав // *Тр. КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2010 (Сер. Гуманитарные исследования; № 4). Вып. 1. С. 24–33.*

Ениосова и др., 2008 — Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного

сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // *Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 107–186.*

Ениосова и др., 2017 — Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сингх В. К. Новые данные о химическом составе сырья новгородских ювелиров X–XV вв. // *АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2017. Вып. 32. С. 187–203.*

Ершова, 2016 — Ершова Т. Е. Камерное погребение 6 // *Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. СПб.: Нестор-История, 2016. Т. 2: Камерные погребения Пскова по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря. С. 257–308.*

Жукова, Степанова, 2010 — Жукова Е. Н., Степанова Ю. В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга, 2010 (*Археология Верхневолжья*). 352 с.

Зайцева, 2008а — Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра // *Археология севернорусской деревни X–XIII веков. М.: Наука, 2008. Т. 2. С. 57–142.*

Зайцева, 2008б — Зайцева И. Е., Сплавы цветных металлов селищ Суздальского Ополья // *Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2008. Вып. 2. С. 36–55.*

Зайцева, 2009 — Зайцева И. Е. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // *Археология северно-*

- русской деревни X–XIII веков. Палеоэкологические условия, общество и культура. М.: Наука, 2009. Т. 3. С. 155–167.
- Зайцева*, 2012 — *Зайцева И. Е.* Изделия из цветных металлов древнерусского селища Большое Давыдовское 2 в Суздальском Ополье // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 4. С. 30–47.
- Зайцева*, 2015 — *Зайцева И. Е.* Цветной металл украшений могильника X–XI вв. Шекшово 9 в Суздальском Ополье (химический состав) // КСИА. Вып. 241. М., 2015. С. 252–262.
- Зайцева, Сапрыкина*, 2014 — *Зайцева И. Е., Сапрыкина И. А.* Цветной металл средневекового Ярославля: химический состав // Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. М.: ГИМ, 2014 (Тр. ГИМ; Вып. 198). С. 212–233.
- Захаров*, 2004 — *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.
- Зоценко, Иевлев*, 2010 — *Зоценко В. Н., Иевлев М. М.* Бронзовая литейная форма XI в. из Киева // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 371–374.
- Зоценко и др.*, 2017 — *Зоценко И. В., Ивакин Г. Ю., Ивакин В. Г.* Новое городище XI–XIII вв. на юго-западной окраине древнего Киева // Материалы науч.-практич. семинара по сохранению, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия им. А. Г. Векслера. М., 2017. С. 122–136.
- Ивакин Г. Ю.* Погребения X — первой половины XI в. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 287–303.
- Кайль А. В., Нечитайло В. В.* Каталог нательных христианских крестов, подвесок и накладок с изображением креста периода Киевской Руси X–XIII ст. Луганск: б. и., 2006.
- Колпакова*, 2007 — *Колпакова Ю. В.* Христианские древности населения Пскова и Псковской земли конца X — XVIII вв. (предметы личного благочестия): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2007.
- Комаров*, 2002 — *Комаров К. Н.* Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: Сб. участников Великой Отечественной войны. Тула: Гриф и К, 2002. С. 141–189.
- Королева*, 1996 — *Королева Э. В.* Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Псков: Изд-во Псковского гос. пед. ин-та, 1996. Вып. 3: Раскопки в древней части среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. С. 229–300.
- Лагуткина, Степанова*, 2001 — *Лагуткина Е. В., Степанова Ю. В.* Комплекс археологических памятников у д. Беседы: предварительные итоги исследований // ТАС. Тверь: Кн.-журн. изд-во, 2001. Вып. 4, т. II. С. 125–138.
- Леонтьев*, 2015 — *Леонтьев А. Е.* Археологические данные к истории Ростовской епархии // Города и Веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 45–52.
- Ливох*, 2010 — *Ливох Р.* Большие курганы летописного Плеснеска // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 486–492.
- Макаров*, 2012 — *Макаров Н. А.* Суздальское Ополье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 194–211.
- Макаров*, 2018 — *Макаров Н. А.* Древнейшие предметы христианской культовой пластики из центральных районов Северо-Восточной Руси // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 317–327.
- Макаров, Федорина*, 2015 — *Макаров Н. А., Федорина А. Н.* Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 115–131.
- Мальм*, 1963 — *Мальм В. А.* Изделия ювелирно-литейного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. По материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников. М.: [Сов. Россия], 1963. С. 36–38.
- Мусин*, 1999 — *Мусин А. Е.* Меч и крест: новое религиозное сознание Древней Руси по данным археологии // Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 134–150.
- Недошивина*, 1995 — *Недошивина Н. Г.* Металлические кресты-гельники домонгольской Руси // Церковная археология: Материалы Первой Всерос.

- конф. СПб.; Псков: ИИМК РАН, 1995 (Археологические изыскания ИИМК РАН). Ч. 2. С. 69–71.
- Несмиян О., Несмиян В., 2012 — Несмиян О. А., Несмиян В. Г. Изделия из цветного металла из коллекции Ключковского селища 2 // Археология Владимирско-Суздальской земли. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 4. С. 101–110.
- Нечитайло, 2000 — Нечитайло В. В. Каталог христианских нагрудных ви́робів мистецтва періоду Київської Русі (X — перша половина XIII ст.). Київ: Максим, 2000. 94 с.
- Новаковская-Бухман, 2017 — Новаковская-Бухман С. М. Украшения из частных коллекций в собрании Русского музея: Византия, Скандинавия, Восток // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 361–376.
- Носов, Овсянников, 1997 — Носов Е. Н., Овсянников О. В. Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 146–157.
- Олейников, 2019 — Олейников О. М. Нательные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде // Звучат лишь письмена. К юбилею А. А. Медынцева. М.: ИА РАН. 2019. С. 323–351.
- Остапенко, 2015 — Остапенко А. А. Христианские древности Рязанской земли XI–XVI вв. (мелкая пластика): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М., 2015 // НОА ИА РАН. Р-2, № 2847, 2848.
- Петрухин, Пушкина, 2009 — Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Новые данные о процессе христианизации Древнерусского государства // *Archeologia Abrahamica*. М.: Индрик, 2009. С. 157–168.
- Подосенова, 2014 — Подосенова Ю. А. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Пермского Приуралья в эпоху Средневековья: первые итоги исследования // Тр. IV (XX) Всероссийского АС в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 173–175.
- Покровская и др., 2017 — Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К. Нательные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI — начала XII вв. (по материалам Троицких XIII и XIV раскопов) // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 467–474.
- Праздников, 2001 — Праздников В. В. Предметы христианского культа на поселении Введенское в Ярославской области // ТАС. Тверь: Кн.-журн. изд-во, 2001. Вып. 4. Т. II. С. 173–177.
- Самойлович, Глазов, 2008 — Самойлович Н. Г., Глазов В. П. Отчет об археологических исследованиях на Яруновой горе в г. Суздале в 2007 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 48903. М., 2008.
- Сапрыкина, 2014 — Сапрыкина И. А. Предварительные результаты исследования химического состава цветного металла из погребений VIII–X веков Подболотьевского могильника // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 230–234.
- Сапрыкина и др., 2010 — Сапрыкина И. А., Митоян Р. А., Никитина Т. Б., Зеленцова О. В. Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII — начала XI вв. из могильников Среднего Поволжья // *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VIII. Piliscsaba*, 2010. P. 312–332.
- Сарачева, 2014 — Сарачева Т. Г. Химико-технологическое изучение металлических украшений древнерусского времени из раскопок курганов у с. Бельково // Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. М.: ГИМ, 2014 (Тр. ГИМ; Вып. 198). С. 54–62.
- Седов, 1984 — Седов В. В. Предметы древнерусского происхождения в Финляндии и Карелии // КСИА. М., 1984. Вып. 179: Славянская археология. С. 32–39.
- Седова, 1997 — Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир, 1997. 320 с.
- Седых, Френкель, 2015 — Седых В. Н., Френкель Я. В. О металле украшений комплексов курганов № 285 и № 382 Тимерёвского могильника // Города и Веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 2213–228.
- Спицын, 1896 — Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Гл. Управления Уделов, 1896 (МАР; № 20). 124 с.
- Спицын, 1905 — Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 84–172.
- Тарабардина О. А. Кресты «скандинавского типа» из раскопок в Новгороде // Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. М.: ГИМ, 2014 (Тр. ГИМ; Вып. 198). С. 234–241.
- Федорина, Красникова, 2015 — Федорина А. Н., Красникова А. М. Средневековое расселение в Шекшовском микрорегионе // Археология Владимирско-Суздальской земли: Материалы науч. семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров, сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2015. Вып. 5 С. 147–158.
- Фехнер, 1968 — Фехнер М. В. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 210–214.

- Хаврин, 2014 — Хаврин С. В. Вот металл цветной // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии: Сб. статей памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 52–58.
- Ханенко, 1900 — Ханенко Б. Н., Ханенко В. Н. Древности русские. Кресты и образки. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1900. Вып. 2. 25 с., 16 табл.
- Чудновец, 2006 — Чудновец А. А. Каталог средневековой мелкой пластики. М.: Можайский полиграфический комбинат, 2006. 137 с.
- Чуракова, 2017 — Чуракова А. Ю. Подвески — кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси // *Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII—XII вв.* / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 159–177.
- Шемаханская, 2015 — Шемаханская М. С. Металлы и вещи. История, свойства, разрушение, реставрация. М.: Индрик, 2015. 288 с.
- Шполянский, 2015 — Шполянский С. В. Датированные находки второй половины XIII — первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополя (по материалам исследований последних лет) // *Города и Веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова.* М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 199–212.
- Яковлева и др., 2012 — Яковлева Е. А., Салмина Е. В., Королева Э. В. Псков // *Русь в IX–X веках. Археологическая панорама.* М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 139–159.
- Androschchuk, 2011 — Androschchuk F. Symbols of Faith or Symbols of Status? Christian Objects in Tenth-Century Rus' // *Early Christianity on the way from Varangians to the Greeks. Ruthenica. Supplementum 4.* Kiev, 2011. P. 70–89.
- Davidson, 1952 — Davidson G. *Corinth. Vol. XII: The minor Objects.* Princeton, 1952. 383 p.
- Merkel, 2016 — Merkel S. W. *Silver and the Silver Economy at Hedeby.* Bochum: VML Verlag Marie Leidorf, 2016. 273 p.
- Mugurēvičs, 1974 — Mugurēvičs E. *Krustinveida piekarini Latvijā laika no 11. līdz 15. gs.* // *Arheologija un Etnogrāfija.* Rīga, 1974. Vol. XI. S. 220–238.
- Purhonen, 1998 — Purhonen P. *Kristinuskon saapumiseista suomen.* Helsinki: [Suomen muinaismuistoyhdistys], 1998. 261s.
- Sedov, 1984 — Sedov V. V. *Old Russia and Southern Finland (Finds of Old Russian Origin in Finland)* // *ISKOS 4.* Helsinki, 1984. P. 16–25.
- Staecker, 1999 — Staecker J. *Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission Altdänemark und Schweden.* Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1999. 621 pp.
- Stenberger, 1958 — Stenberger M. *Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit.* Stockholm: Almqvist und Wiksell, 1958. Bd. II: Fundbeschreibung und Tafeln. 271 p.
- Thunmark-Nylén, 1995 — Thunmark-Nylén L. *Die Wikingerzeit Gotlands.* Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1995. Bd. I: *Abbildungen der Grabfunde.* 382 s.

“Scandinavian type” cross-pendants at the sites of Suzdal’ Opolie: recent finds

N. A. Makarov, I. E. Zaytseva

Equilateral cross-pendants with widening branches and three balls (disks) at the ends, known as the “Scandinavian type” crosses constitute one of the most well-known groups of Christian metalwork of the Late Viking Age. Research interest in these artifacts grew with the consideration of their position as one of the earliest groups of Christian personal objects introduced into Rus', their presence in the elite burials of the late 10th century, and their wide geographical distribution in Scandinavia and Rus' which is regarded as the indication of contacts and cultural interaction. The total list of these artifacts published by A. Churakova in 2017 included 110 items. The paper presents artifacts of this group which were recently discovered at the sites of Suzdal’ Opolie (17 cross-pendants) with special insight into their morphology, manufacturing techniques and metal composition, as well as into their archaeological context.

Distribution of the finds proves that crosses of “Scandinavian type” were introduced into Susdal’ region at the end of the 10th(?)— the 11th centuries, initially to the «large dwelling sites». Large equilateral crosses from Suzdal’ (8 items) represent the established iconographic type, but are regarded as the products of the local craft.

They were casted from high-tin bronze, called “white bronze”, simulating silver metalwork. Small crosses, which have high degree of standardization, were made of multicomponent alloy, one of the most common alloys in Northern Rus’ in the 11 century. Probably, they have been manufactured in one or several large production centers since the first half of the 11 century.

With the new finds from Suzdal’ Opolie’ North-Eastern Rus’ should be regarded as one of the regions, where equilateral crosses were most widely spread and manufactured, which is in line with earlier observations presented by M. Fechner. Diverse forms of these cross-pendants, including standard production of large workshops, remained popular at rural sites and in towns in the first half of the 12th century. In the total corpus of Medieval Rus’ Christian metalwork of the 11–13th centuries equilateral cross-pendants represent if not the only group which has no direct analogies in the production of Byzantine and Balkan workshops. Find distribution indicates their «norther origin» in broad sense, but provides no evidence of the initial center of their production. Cross-pendants from the sites of Suzdal’ Opolie reveal long-term survival of the Viking-age Christian metalwork and its transition to the culture of the common people.

Торговые контакты населения Которска

В. Ю. Соболев¹

Аннотация. В статье приведен обзор предметов, оказавшихся на западе Новгородской земли в результате дальней торговли. Среди находок — вещи бытового назначения, детали оружия, предметы мужского и женского убора, украшения, ткани. Предметы, попавшие в Которской погост в результате торговых операций, были найдены как в культурном слое поселения, так и в погребальных памятниках, датированных X — концом XII в.

Annotation. This article presents a review of the long-distance trade goods found in the west of the Novgorod Land. The finds include domestic items, parts of armament, objects of male and female decoration, ornaments, and textiles. The artefacts that occurred at Kotorsk Pogost during trade operations were recovered both from the cultural level of the settlement and from burials dated to the 10th — late 12th century.

Ключевые слова: средневековье, Новгородская земля, торговые связи, международные контакты.

Keywords: Middle Ages, Novgorod Land, trade connections, international contacts.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-366-376

Вопросы внутренних и дальних торговых контактов древнерусского населения отдельных поселений, территорий, регионов привлекают внимание исследователей уже на протяжении многих десятилетий. В первую очередь обычно рассматриваются собственно торговый инвентарь, нумизматические материалы и наиболее яркие импорты. В то же время теперь очевидно, что практически все население средневековой Новгородской земли активно участвовало в торговле, предметами которой являлись не только заморские диковинки и высокохудожественные² ювелирные украшения,

но и различное сырье, товары первой необходимости (например, соль³), продукты сельского хозяйства, ремесленные изделия.

Комплекс археологических памятников у д. Которск — Никольский Которской погост — один из наиболее полно изученных раскопками локальных центров на западе Новгородской земли, включает в себя поселение, датируемое рубежом IX–X — первой половиной — серединой XI в., и несколько разновременных кладбищ, оставленных его жителями⁴. Коллекция находок включает целые и фрагментированные бытовые предметы, фрагменты оружия, детали мужского и женского убора, украшения, ткани; часть изделий — предметы импорта, оказавшиеся на западе Новгородской земли в результате дальней торговли.

Предваряя обзор находок, оговоримся, что из выборки исключены две категории — стеклянные и каменные бусы, которые традиционно

¹ Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева, СПбГУ; ул. Смольного, д. 1/3. г. Санкт-Петербург, 191060, Россия.

² Скорее всего, производства «обычных», «рядовых» ювелирных украшений в Новгородской земле не было, да и не могло оно быть сосредоточено только в городах, хотя бы в силу их крайней немногочисленности. Следы обработки цветных металлов в виде капель и выплесков, остатков тиглей, подготовленных к переработке обломков украшений и т. п. фиксируются на многих сельских поселениях, однако бесспорных свидетельств массового производства ювелирных изделий в «негородских» центрах нет.

³ Собственно археологически может быть прослежено, например, только производство соли, но не ее хранение или перемещение.

⁴ Подробнее историю и краткие итоги изучения см.: Соболев, 2015. С. 5–9.

являются отдельным — самостоятельным — объектом исследования, и предметы вооружения. «Импордное» вооружение представлено в Которском погосте лишь ланцетовидными наконечниками стрел, некоторые из которых связаны с горизонтом тотального пожара, вызванного военной катастрофой. Пожар уничтожил застройку поселения, так что найденные в культурном слое стрелы вряд ли являлись предметами торговых операций.

Наиболее ранней находкой, по всей вероятности, является происходящая из слоя бурого гумуса бронзовая шумящая подвеска — планка с рядом колечек по нижнему краю, к каждому из которых на двух 8-образных звеньях подвешена лапчатая привеска (рис. 1, 10). Украшение изготовлено литьем по восковой модели. Изредка целые и фрагментированные подвески встречаются на памятниках Северо-Запада: могильник Шуя в Северо-Западном Прионежье (Спиридонов, 2014. С. 139, рис. 12, 1; с. 144, рис. 17, 1, 2, 7), могильник Крохинские Пески (Макаров, 1990. С. 206, табл. XXI, 10), Белозерье (Голубева, 1973. С. 140, рис. 51, 21). Наиболее массово подобные шумящие подвески распространены среди восточнофинских древностей: аналогичные планки происходят, например, из Томниковского могильника (Ястребов, 1893. С. 58, табл. XIV, 2), Максимовского могильника — погребение № 3 (Финно-угры и балты..., 1987. Табл. XXXIV, 13), из могилы № 5 (Каталог..., 1907. С. 25, рис. 27), погребений Подболотьевского могильника № 57 (Зеленцова, 2014. С. 225, рис. 2, 7, 8) и № 85 (Зеленцова, Сапрыкина, 2018. С. 227, рис. 4, 4, 5), в этих же могильниках открыты украшения со схожими вытянуто-ромбическими лапками (Финно-угры и балты..., 1987. Табл. XXXV, 3; Зеленцова, Сапрыкина, 2018. С. 227, рис. 3, 21, 22). Погребения № 57 и 85, по мнению автора раскопок, датируются второй половиной VIII — IX в. (Зеленцова, 2014. С. 224; Зеленцова, Сапрыкина, 2018. С. 235), которская же находка относится ко времени не ранее рубежа IX–X — первой половины X столетия.

Из культурного слоя поселения и бескурганых (грунтовых) могильников происходит несколько находок украшений и деталей мужского костюма.

Из заполнения жилой постройки № 3, погибшей в пожаре, происходит большая бронзовая подковообразная застежка с четырьмя орнаментированными многогранными головками

(рис. 2, 1) и узкой иглой, являвшаяся деталью мужского убора. Аналогичная крупная фрагментированная застежка происходит из погребения по обряду кремации, открытого восточной части курганной группы Которск XI. В перекрытом полый кургана № 23 слое погребенного дерна была исследована небольшая округлая ямка, в ней находились развал верхней части лепного горшка и кальцинированные кости, вокруг нее найдены еще несколько фрагментов лепной керамики от того же сосуда, оплавленные обломки подковообразной застежки (рис. 2, 2), кусочки обгорелого рогового предмета, украшенного циркульным орнаментом (Соболев, 2015а. С. 29–31). Еще один обломок застежки с многогранными головками, но меньшего размера, был найден в заполнении ямы № 11 (слой черного гумуса) Которского селища (рис. 2, 3). Крупные подковообразные фибулы с многогранными головками на дуге и концах происходят из городских центров — Новгорода (Седова, 1981. С. 86; Покровская, 1999. С. 57, рис. 1, 5), Рюрикова городища (Хвоцинская, 1999. С. 39–40), Сарского городища (Леонтьев, 1996. С. 170–172), локальных административных центров Новгородской земли (Платонова и др., 2007. С. 155, рис. 7, 17) и раннесредневековых некрополей (Хвоцинская, 2004. С. 86–87); эти фибулы считаются скандинавскими по происхождению⁵.

Ладьевидные браслеты — также североευропейский по происхождению тип украшений эпохи викингов, связанный с мужской субкультурой. Обломок массивного ладьевидного браслета, орнаментированного «гусеничными» валиками и кружковым орнаментом, был найден в слое пахоты поселения Которской погост (рис. 2, 7), небольшой фрагмент аналогичного изделия (рис. 2, 5) происходит из бескурганного (грунтового) могильника Которск IX. Половина еще одного браслета с «гусеничными» валиками, сильно поврежденного огнем, была найдена в перекрытой полый кургана № 36 части бескурганного могильника Которск XI (рис. 2, 6). Ладьевидные браслеты довольно широко представлены в материалах из раскопок памятников X —

⁵ Возможно, часть этих и других украшений и деталей убора, имеющих, как представляется, североευропейское происхождение, была произведена носителями традиции, жившими и работавшими на Руси (Хвоцинская, 2007), определение для каждого предмета точного места его производства — задача пока не выполнимая.

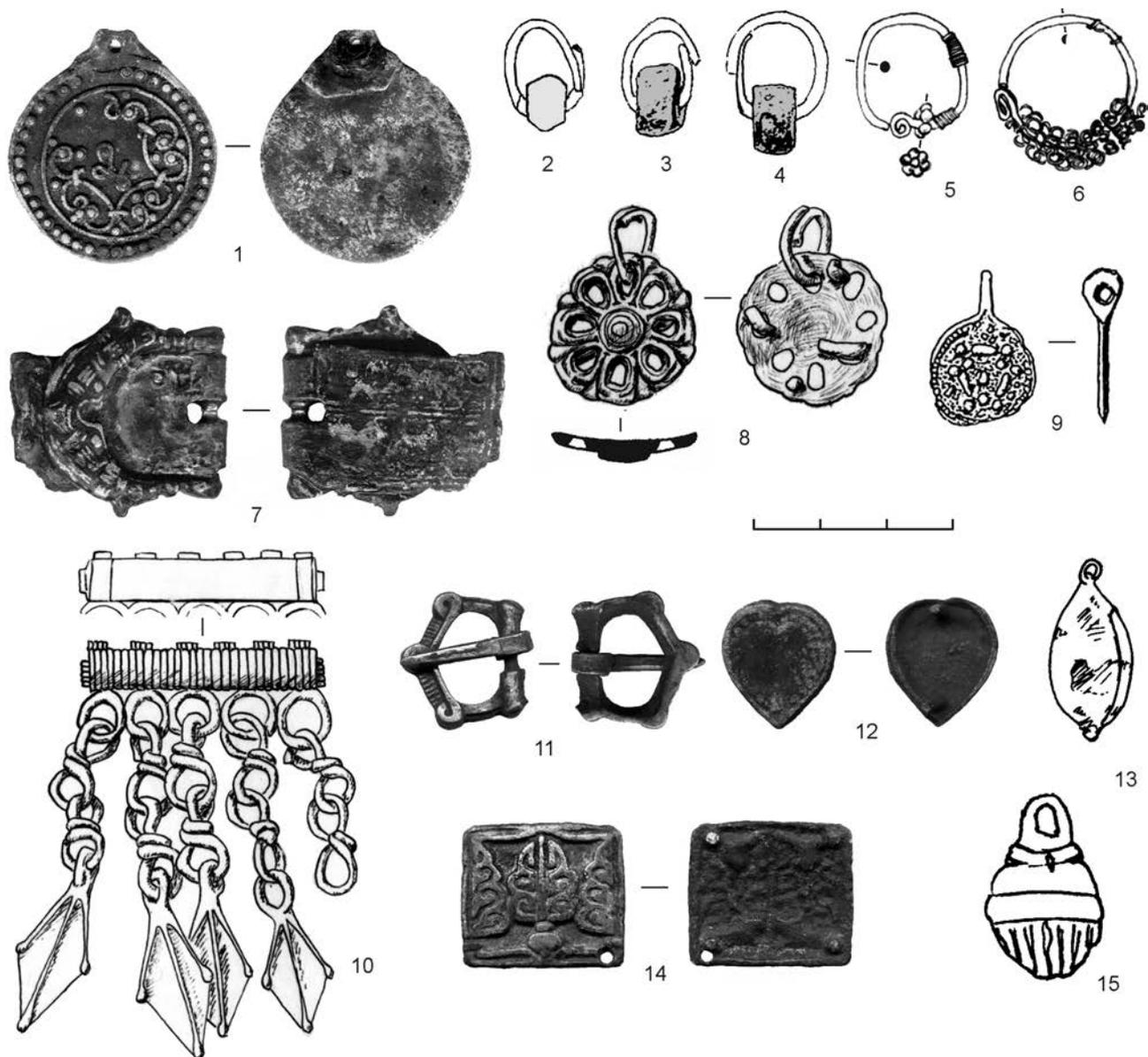

Рис. 1. Инокультурные вещи, найденные в Которском погосте. 1, 9 — подвески; 2-4 — бусы на проволочных колечках; 5, 6 — височные кольца; 7, 11 — поясные пряжки; 8 — ременная накладка, превращенная в подвеску; 10 — шумящая подвеска; 11, 12, 14 — ременные накладки; 13, 15 — бубенчики (?). 1 — могильник Которск III, курган № 27; 2-4 — могильник Которск XI, курган № 10 погребения № 1; 5, 6 — могильник Которск XI, курган № 13; 7 — селище Которской погост, участок 1999 г.; 8 — могильник Которск III, курган № 16; 9 — могильник Которск XI, курган № 2; 10 — селище Которской погост, участок 1989 г.; 11, 12, 14, 15 — селище Которской погост, подъемный материал 2002-2004 гг.; 13 — селище Которской погост, участок 1999 г. 1 — серебро; 11 — серебро, позолота; 2-4 — серебро, стекло; 5-10, 12-15 — бронза

Fig. 1. Imported finds from the settlement of Kotorskoy Pogost. 1, 9 — pendants; 2-4 — beads on wire rings; 5, 6 — temple rings; 7, 11 — belt buckles; 8 — belt mount remade into a pendant; 10 — rattling pendant; 11, 12, 14 — belt mounts; 13, 15 — little bells (?). 1 — cemetery of Kotorsk III, barrow no. 27; 2-4 — cemetery of Kotorsk XI, barrow no. 10, burial no. 1; 5, 6 — cemetery of Kotorsk XI, barrow no. 13; 7 — settlement of Kotorskoy Pogost, excavation of 1999; 8 — cemetery of Kotorsk III, barrow no. 16; 9 — cemetery of Kotorsk XI, barrow no. 2; 10 — settlement of Kotorskoy Pogost, excavation of 1989; 11, 12, 14, 15 — settlement of Kotorskoy Pogost, surface finds of 2002-2004; 13 — settlement of Kotorskoy Pogost, excavation of 1999. 1 — silver; 11 — silver, gilding; 2-4 — silver, glass; 5-10, 12-15 — bronze

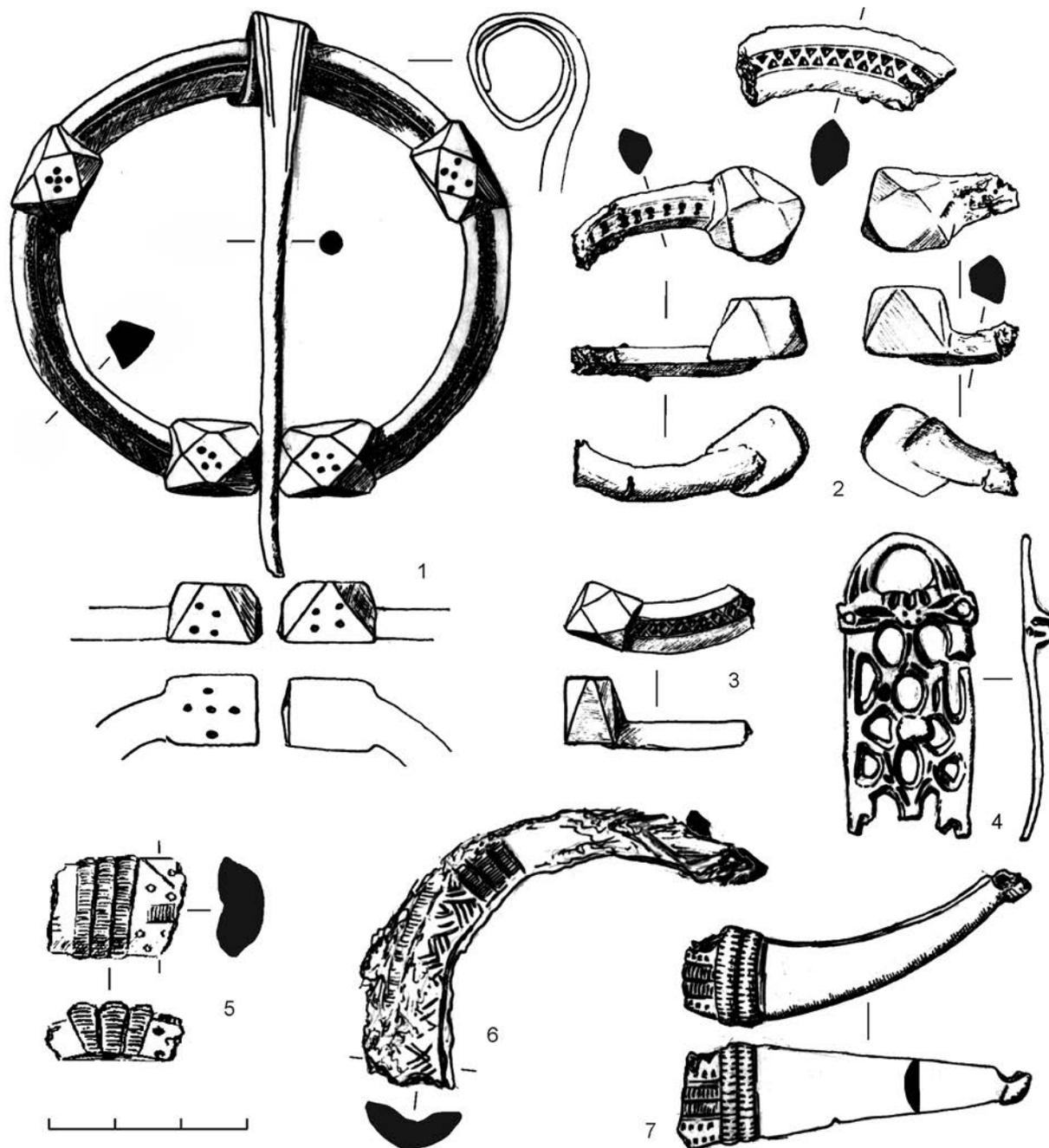

Рис. 2. Инокультурные вещи, найденные на селище Которской погост и в могильниках Которск IX и XI:

1 — подковообразная застежка с гранеными головками; 2, 3 — обломки подковообразных застежек с многогранными головками; 4 — накладка на кресало; 5-7 — обломки ладьевидных браслетов. 1 — селище Которской погост, участок 1989 г.; 2 — могильник Которск XI, бескурганная часть, погребение под полой кургана № 23; 3 — селище Которской погост, участок 1989 г.; 4 — селище Которской погост, участок 1999 г.; 5 — могильник Которск IX, участок 1993 г.; 6 — могильник Которск XI, бескурганная часть; 7 — селище Которской погост, участок 1999 г. 1-7 — бронза

Fig. 2. Imported finds from Kotorskoy Pogost and cemeteries of Kotorsk IX and Kotorsk XI: 1 — horseshoe clasp with faceted heads; 2, 3 — fragments of horseshoe clasps with multifaceted heads; 4 — cover plate of a firestriker; 5-7 — fragments of boat-shaped bracelets. 1 — settlement of Kotorskoy Pogost, excavation of 1989; 2 — cemetery of Kotorsk XI, the area without mounds, burial under the tail of mound no. 23; 3 — settlement of Kotorskoy Pogost, excavation of 1989; 4 — settlement of Kotorskoy Pogost, excavation of 1999; 5 — cemetery of Kotorsk IX, excavation of 1993; 6 — cemetery of Kotorsk XI, the area without mounds; 7 — settlement of Kotorskoy Pogost, excavation of 1999. 1-7 — bronze

первой половины XI в.: Новгорода (Седова, 1981. С. 99, рис. 35, 5; с. 104, рис. 37, 19; с. 105, рис. 38, 4); Рюрикова городища (Носов и др., 2005. С. 201, табл. 29, 7, 8); Белоозера (Голубева, 1973. С. 140, рис. 51, 28); Усвят (Еремеев, 2015. Рис. 126, 1); сельских центров: Передольского погоста (Платонова и др., 2007. С. 180; с. 155, рис. 7, 21; с. 161, рис. 9, 2); погребальных комплексах Юго-Восточного Приладожья (Бранденбург, 1895. Табл. III, 3, 6, 7, 12, 16–18, 22); Восточного Причудья (Хвоцинская, 2004. С. 86–87), один из вариантов браслетов этого типа вызвал появление древнерусских подражаний (Лесман, 2014. С. 60–61).

В заполнении ямы № 6 (1999) (в слое черного гумуса) была найдена бронзовая пряжка с рамкой, орнаментированной в стиле Борре, и щитком, сделанным из согнутой пополам бронзовой пластины, орнаментированной по краю и посередине двойной гравированной линией и линией «волчьего зуба»; по углам в отверстиях сохранились заклепки из бронзовой же проволоки, державшие кожаную ленту ремня и скреплявшие половинки щитка (рис. 1, 7). Также из слоя заполнения ямы № 6 происходят лишь фрагменты керамических сосудов, изготовленных на гончарном круге, и три обломка глиняных пряслиц.

Аналогичные пряжки происходят из слоя Псковского некрополя (Мальшева, 2012. С. 75–76, табл. LVII, 4), раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове⁶ (Сизов, 1902. С. 85, рис. 31, табл. XI, 3) и курганов № 85 (Фехнер, 1963. С. 18, рис. 8, 16) и № 365 (Мальм, 1963. С. 70, рис. 41, 2) Тимерёвского могильника. Мною уже отмечалось, что комплектование пряжек, в том числе лировидных, щитком из бронзового листа, украшенного чеканным или гравированным орнаментом, — черта, характерная для материальной культуры Готланда (Соболев, 2018. С. 18).

Щиток, его орнаментация, крепление ремня в целом очень близки пряжкам Готланда (*Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 124, 8, 11; 125, 11; 126, 1, 5 и др.) и Бирки (Gr. 157 и Gr. 373 (*Arbman*, 1940. Taf. 86, 12, 13), наиболее схожие происходит из погребений на северо-востоке Готланда: кладбища Ire, ksp. Hellvi (*Thunmark-Nylén*, 1995. Abb. 198b, 24) и Laxarve, ksp. Voge (*Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 124, 5) и погребения № 1030 Бирки (*Arbman*, 1940. Taf. 87, 2).

⁶ Стоит отметить, что В. И. Сизов, отметив орнамент щитка как «весьма древний и весьма простой» (Сизов, 1902. С. 85), отнес ее к местным изделиям.

Из слоя пахоты Которского селища происходит несколько предметов ременной гарнитуры: серебряная позолоченная ременная пятиугольная пряжка с завитками по углам рамки (щиток пряжки был утрачен в древности) и бронзовые сердцевидная и прямоугольные накладки (Соболев, 2018).

Серебряная пряжка со следами позолоты, с трапециевидной слаборасширяющейся рамкой, украшенной по внешнему краю параллельными нарезками и «ободком» с тремя перехватами (по внешним углам и в центре); игла также серебряная, рамка крепления ремня утрачена (рис. 1, 11). Ширина ремня, судя по ширине рамки, составляла около 1,5 см. Точных аналогий этой пряжке выявить пока не удалось. Стилистически она схожа с изделиями, найденными на крупных поселениях X в.

Одна из поясных бляшек — сердцевидной формы, ее лицевая поверхность плоская, украшенная идущим параллельно краю бляшки пояском из углубленных, примыкающих один к другому выпуклых кружков-«перлов» (рис. 1, 12). Орнамент на восковой модели был нанесен резцом. На обратной стороне — два прямых обломанных шпенька; их форма дает основания предполагать, что бляшка крепилась к кожаной основе при помощи квадратных шайб, толщина ленты ремня составляла не менее 1,5 мм. Однотипные сердцевидные бляшки отнесены В. В. Мурашовой к классу IV группе 1 виду 1А (Мурашова, 2000. С. 31), аналогичные поясные накладки распространены в Ветлужско-Вятском междуречье, Булгарском Поволжье, Пермском Предуралье, на Южном Урале, в Башкирии (Белавин, 2000. С. 105, ил. 47, 19; Казаков, 2007. С. 161, ил. 42А, 1, 3; с. 175, ил. 56, 34, 42; Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 74, погребение № 88).

Вторая поясная бляшка — прямоугольной формы, украшенная на лицевой стороне глубоким, хорошо проработанным изображением многолепесткового цветка или «древа жизни» на углубленном фоне, фланкированного полупальметтами (рис. 1, 14) (Мурашова, 2000. С. 36). На ремень она крепилась при помощи четырех шпеньков, в настоящее время все они обломаны. Артефакт несет на себе следы древнего ремонта — в правом нижнем углу в древности было проделано отверстие, вероятно, взамен сломанного шпенька.

Накладка схожа с бляшками, отнесенными В. В. Мурашовой к классу X группе 1 виду 1И. Бляшки такого типа — с «полным» изображением цветка лотоса в центре и половинками такого же

изображения по краям, набитые на ремень вплотную одна к другой, создавали впечатление сплошной металлической орнаментированной ленты.

Территориально ближайшие полностью аналогичные поясные накладки были найдены на селище Крева на Верхней Волге и в современном поселке городского типа Усвяты на юге Псковской области, в грабительских раскопках.

К украшениям деталей конского снаряжения могут относиться найденный в слое пахоты бубенчик с выделенным пояском в средней части и отходящими от него вниз гравированными линиями (рис. 1, 15) и найденная в слое черного гумуса на селище деформированная овальная привеска с небольшим ушком на одном конце и каплевидным завершением на противоположном (рис. 1, 13). Похожие подвески конской узды известны в средневековых древностях населения степной и лесостепной зон (Соболев, 2005. С. 86).

Редкая находка — бронзовая ажурная накладка на железное кресало — была найдена на селище, в заполнении ямы № 2 — частично вошедшем в раскоп 1999 г. котловане подполья жилища, в слое черного гумуса (рис. 2, 4). В этой же яме найдены ключ от деревянного замка, фрагмент скобеля, обломок лезвия топора, шило с остатками деревянной рукояти, колечко-скобка от ремня (Соболев, 2018. Рис. 1, 4), трапециевидная подвеска, несколько бусин, фрагменты керамики.

Бронзовые накладки на железные треугольные кресала изредка встречаются на памятниках Восточной Европы, для которых доказано присутствие скандинавов, — в Старой Ладогге (Рябинин, 1994. Рис. 20, 18), на Рюриковом городище (Янссон, 1999. С. 23, 27, рис. 1, 3; Торопов, 2015. С. 245, рис. 10, 3; с. 246), в городке на Маяте (Еремеев, Лисицына, 2004. С. 42, рис. 3, 9), в Сарском городище (Леонтьев, 1996. С. 142–144, рис. 59, 9), в Гнёздове (Пушкина, 1981. Рис. 2, 1), в Карелии (Saksa, 1998. Kuva 70, 22; Saksa, 2006).

Видимо, к предметам, привезенным из Северной Европы, относится и призматический без отверстия оселок, изготовленный из полосатого сланца, найденный в могиле под насыпью кургана № 7 группы Которск XI (рис. 3, 7). При погребенном, в районе пояса, были найдены черешковый дротик с вытянутым пером линзовидного сечения (рис. 3, 1), бронзовая подковообразная спиралеконечная застежка с узкой иглой и сохранившимся на ней фрагментом шерстяной ткани

саржевого переплетения (рис. 3, 2), круглая железная пряжка? (рис. 3, 3), сильно корродированный ключ типа А с круглой лопаткой, железный стержень подквадратного сечения, калачевидное кресало с язычком и кусочком кремня (рис. 3, 5, 6), нож IV группы по Р. С. Минасяну (рис. 3, 8) и арабская монета (рис. 3, 4), чеканенная правителем Андарабы, Са'идом б. Шу'айбом в Андарабе в 273 г. х. (886/887 г.)⁷.

Североевропейские предметы и подражания им найдены в некоторых христианских погребениях Которского погоста: бусины, надетые на серебряные колечки, подвеска с волютами, подвеска с трехчастной композицией.

Бусы на колечках — золотостеклянная и две оранжевые глухого стекла (рис. 1, 2–4), были найдены в составе ожерелья женщины в погребении № 1 кургана № 10 группы Которск XI. Данное захоронение — одно из самых «богатых»⁸, что, по всей вероятности, является не имущественным, а хронологическим признаком (Михайлова, Соболев, 2017).

В древнерусских погребениях Новгородской земли надетые на колечки бусины найдены в кургане № 1 курганно-жальничного могильника Малы (раскопки 1921 г.) (Valk, 2009. S. 186, jп. 7, 4); кургане № 53 группы Княжая Гора (НА ИИМК РАН. ФО № П 26251); погребении № 18 КЖМ Дрегли, (НГОМЗ. Инв. № 31900, А-83-22), погребении № 2 в кургане СХХV у д. Городище на Сяси (Бранденбург, 1895. Табл. IV, 2), еще две находки были сделаны незаконными копателями на территории Ленинградской области в последние годы и опубликованы на соответствующих тематических Internet-ресурсах.

Также в этом погребении в кургане № 10 удалось расчистить многослойный фрагмент текстиля, среди которого были найдены обрывки шелка, наибольший из которых размером 8,0 × 4,5 см. Ткань не имеет швов и следов крепления золотных нитей, могла являться деталью, украшающей часть одежды или самостоятельным изделием. Тип переплетения — саржа 1: 2 с S-направлением рисунка. Соотношение нитей внутренней и нитей связующей основы 1: 1. Нити основы с Z-круткой, толщина — 0,23–0,28 мм.

⁷ Определение А. А. Гомзина. Хочу выразить Андрею Александровичу глубочайшую благодарность и признательность.

⁸ Вопросы «богатства» и социального статуса погребенного или его семьи по материалам находок из захоронений рассматривались на конференциях ИИМК РАН (Санкт-Петербург) в 2015–2016 гг.

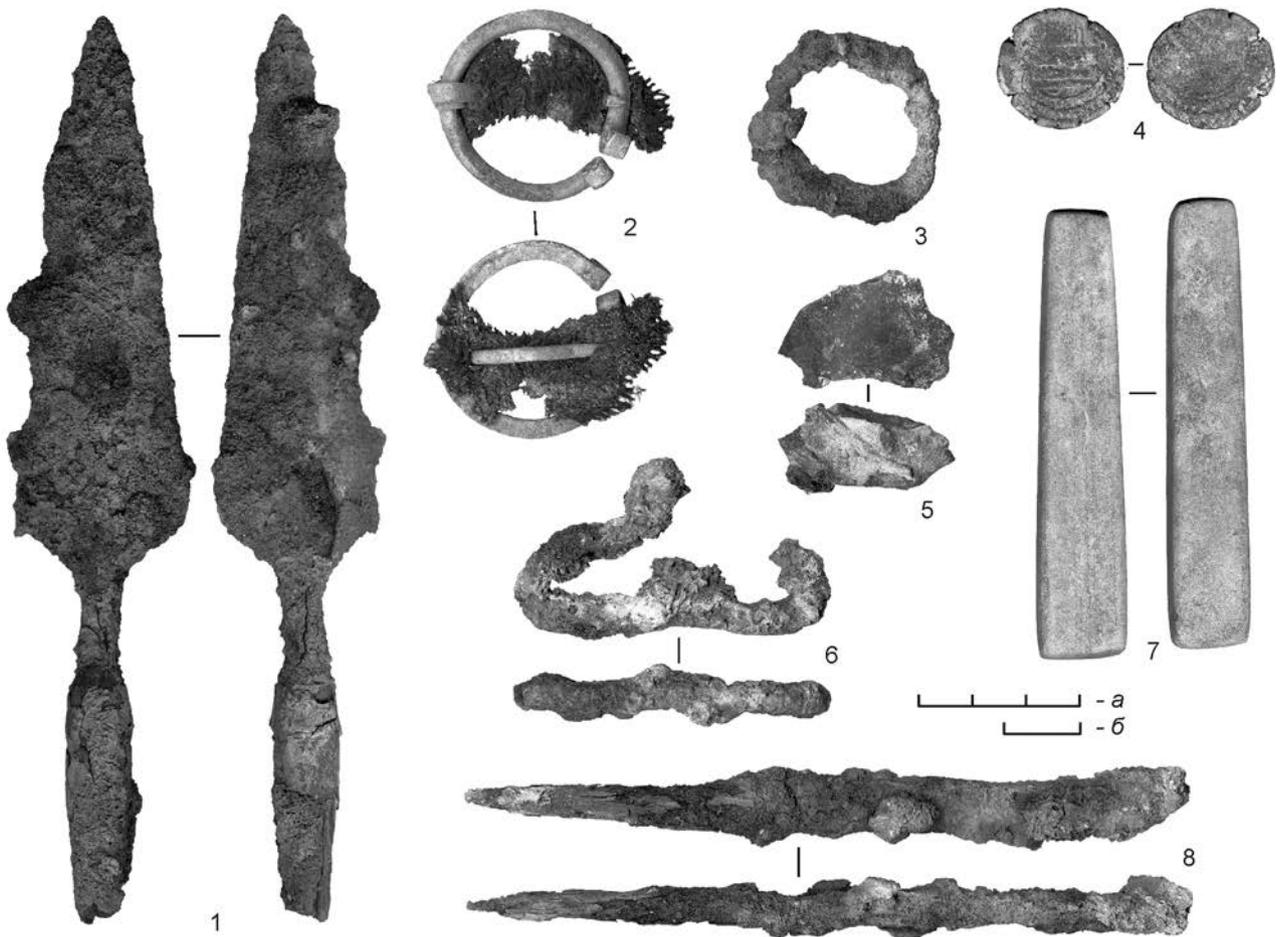

Рис. 3. Находки из погребения в кургане № 7 могильника Которск XI: 1 — наконечник дротика; 2 — подковообразная застежка; 3 — кольцо; 4 — монета; 5 — кусочек кремня; 6 — калачевидное кресало; 7 — оселок; 8 — нож. 1, 3, 6, 8 — железо; 2 — бронза, шерстяная ткань; 4 — серебро (?); 5 — кремень, 7 — сланец. Масштаб: а — для 1-3, 5-8; б — для 4

Fig. 3. Finds from the burial in barrow no. 7 at the cemetery of Kotorsk XI: 1 — darthead; 2 — horseshoe clasp; 3 — ring; 4 — coin; 5 — piece of flint; 6 — kalatch-shaped firestriker; 7 — whetstone; 8 — knife. 1, 3, 6, 8 — iron; 2 — bronze, wool; 4 — silver(?); 5 — flint, 7 — chert. Scale: a — for no. 1-3, 5-8; б — for no. 4

Нити утка — со слабой Z-круткой, толщина — 0,28–0,3 мм. Плотность по утку — 25 н/см. Плотность по основе — 28–30 н/см².

Ткани подобного типа в средневековой Руси являлись предметом импорта, найденный фрагмент, вероятнее всего, поступил из центров шелкоткачества византийского круга.

У черепа девочки, похороненной в кургане № 13 того же могильника, были найдены проволоочные височные кольца, редких не только для

Новгородской земли, но для всей Северной Руси типов. Это три «кудрявых» височных кольца (рис. 1, 6) и такого же небольшого диаметра височное кольцо с напущенной на него «бусиной», спаянной из шести шариков крупной зерни (рис. 1, 5).

«Кудрявые» височные кольца или серьги sporadически встречаются в древнерусских памятниках Северо-Запада: Залахтовые, курган № 7 (раскопки К. Д. Трофимова), Бегуницы, курган № 17 (раскопки Е. А. Рябинина), Псков; Верхнем Поволжье (Степанова, 2010. С. 282), по мнению В. П. Левашовой, этот тип «был занесен на восточно-славянскую территорию извне» (Левашева, 1967. С. 35).

Находки «крупнозерненных», по определению В. П. Левашовой, бусинных височных колец

⁹ Определение тканей выполнено О. В. Орфинской. Пользуясь случаем, хочу выразить Ольге Вячеславовне и расчистившей и укрепившей ткани Е. С. Зубковой мою искреннюю благодарность.

(Там же. С. 21) также единичны на древнерусской территории. Отмеченная связь обоих типов украшений с S-конечными позволяет предположить их поступление из Южной и/или Центральной Европы¹⁰.

Североевропейская по своему происхождению подвеска была найдена на погребенном дереве под насыпью кургана № 2 (рис. 1, 9) этой же курганной группы. Она представляет собой подражание скандинавским круглым подвескам, например, из погребения № 306 могильника Бирки (*Arbman*, 1940. Abb. 50, 3, 4).

Еще одна подвеска была найдена при исследовании разрушенного грабителями кургана № 27 группы Которск III. Круглая основа подвески вырезана из листового серебра, по краю напаян ряд шариков зерна, в центре — пятиволновая композиция из рубчатой проволоки и шариков зерна, волюты соединены перехватами, с обратной стороны дополнительно напаян многоугольный фрагмент серебряного листа с отверстием, образующий ушко (рис. 1, 1). Скандинавские аналогии данного типа украшений и древнерусские подражания им подробно рассмотрены Ю. М. Лесманом (*Лесман*, 2014. С. 55–57).

Превращенная в подвеску накладка от поясной или уздечной гарнитуры (рис. 1, 8) была найдена в составе ожерелья в погребении в кургане № 16 этого некрополя (*Михайлова, Соболев*, 2017. С. 153, рис. 3). Круглая прорезная бляшка, изготовленная литьем по восковой модели, крепилась к ремню с помощью четырех штифтов. Точные аналогии ей мне неизвестны, по всей видимости, их поиск стоит вести в материалах кочевых культур степной зоны Евразии.

Превращение металлических наременных украшений в подвески к ожерелью — довольно частый способ их использования, характерный для культуры Скандинавии эпохи викингов и привнесенный на Русь (*Носов*, 2012. С. 112, рис. 22, 3; *Недошивина, Зозуля*, 2012. С. 186, рис. 10; *Макаров*, 2012. С. 199, рис. 5), хотя в данном случае вызывает удивление грубость, с которой совершенно данное «превращение»: штифты крепления не были убраны, а лишь загнуты.

¹⁰ Единичное распространение столь простых в тиражировании типов украшений позволяет говорить об их поступлении на ту или иную территорию именно в результате торговли либо об их появлении вместе с носителями, но никак не о распространении моды на них.

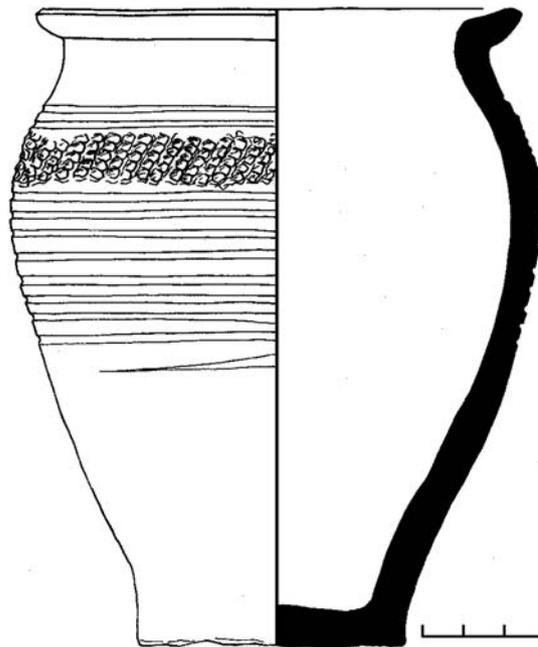

Рис. 4. Курганная группа Которск IX, участок 1993 г., в насыпи кургана № 4. Сосуд

Fig. 4. Kurgan group of Kotorok IX, excavation of 1993 in mound no. 4. Pot

Керамика, являясь и самостоятельным предметом торговли, чаще всего перемещается в восточноевропейском средневековом пространстве в качестве тары. Находки амфор в Которском погосте неизвестны, развал отчетливо выделяющегося из общей керамической массы сосуда собран под насыпью кургана № 4 некрополя Которск IX. Раннекруговой горшок светло-коричневого цвета изготовлен из хорошо подготовленной массы и орнаментирован горизонтальными врезными линиями и пояском из отпечатков гребенчатого штампа (рис. 4). Сосуд обращает на себя внимание необычными для керамики Северо-Запада пропорциями, своим видом он схож с керамикой западнорусских городов (*Малевская-Малевич*, 2005. Рис. 8, 5; 49, 8). Маловероятно, что сосуд был привезен пустым, однако о характере его содержимого остается только гадать.

Таким образом, анализ находок показывает, что на протяжении X — рубежа XI–XII вв. в материальной культуре сельского населения запада Новгородской земли наиболее ощутимы северо-европейские импорты и влияния, значительная часть которых связана с мужским костюмом и деталями мужского убора. В женском костюме «скандинавская вуаль» проявляется несколько позднее, во всяком случае отчетливо она

становится заметна лишь после принятия христианства и появления подкурганых ингумаций (Соболев, 2015б. С. 358–360). Появление восточных импортов — предметов «всаднической» субкультуры, вероятно, также связано с общей открытостью древнерусского общества Северо-Запада идеям, тенденциям и представлениям, формировавшимся в среде «русских скандинавов» — грабителей, воинов, торговцев, яркая материальная культура которых известна по так называемым «дружинным» центрам Древней Руси.

Не позднее середины XII столетия предметы дальней торговли из погребений населения Которского погоста окончательно исчезают, к этому же

времени из захоронений почти вымываются монеты и серебряные украшения¹¹. Взаимосвязаны ли эти процессы, являются ли они следствием обоярщивания, которое, по мнению В. Л. Янина (Янин, 2001. С. 65), для западных районов Новгородской земли начинается как раз после 30-х гг. XII в., или свидетельствуют о других культурно-исторических процессах, сейчас сказать невозможно, но, может быть, это тема дальнейших исследований.

¹¹ Перенос поселения на место современной деревни произошел во второй четверти — середине XI столетия. Начиная со второй половины XI в. поселенческие древности Которского погоста не исследовались.

Белавин, 2000 — Белавин А. М. Камский торговый путь. Северное Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. 195 с.

Белавин, Крыласова, 2008 — Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.

Бранденбург, 1895 — Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1895 (МАР; № 18). 156 с.

Голубева, 1973 — Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 216 с.

Еремеев, 2015 — Еремеев И. И. Древности полоцкой земли в историческом изучении восточно-балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории псковско-белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIV). 693 с.

Еремеев, Лисицына, 2004 — Еремеев И. И., Лисицына О. В. Комплексные исследования в восточном Приильменье в 2003 г. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2004. Вып. 18. С. 34–50.

Зеленцова, 2014 — Зеленцова О. В. Новые исследования Подболотьевского могильника // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 219–230.

Зеленцова, Сапрыкина, 2018 — Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А. К вопросу о женском костюме муромы по материалам погребения 57 Подболотьевского могильника // Поволжская археология. Казань: Фэн, 2018. № 1 (23). С. 220–239.

Казаков, 2007 — Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2007. 208 с.

Каталог... 1897 — Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М.: Синод. тип., 1907. Отд. III–VI. 241 с.

Левашева, — Левашева В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни. М.: Советская Россия, 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43). С. 7–54.

Леонтьев, 1996 — Леонтьев А. Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 340 с.

Лесман, 2014 — Лесман Ю. М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum plus. Кишинев: ВАШ, 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси. С. 47–93.

Макаров, 1990 — Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников восточного Прионежья. М.: Наука, 1990. 214 с.

Макаров, 2012 — Макаров Н. А. Суздальское Ополье // Русь в Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 195–211.

Малевская-Малевич, 2005 — Малевская-Малевич М. В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб., 2005.

Мальшичева, 2012 — Мальшичева Н. Н. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города) // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. СПб.: Нестор-История, 2012. Т. 1. С. 26–298.

Мальм, 1963 — Мальм В. А. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников. М.: Советская Россия, 1963. С. 64–70.

Михайлова, Соболев, 2017 — Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере

- Которского погоста) // *Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* СПб.: Изд. дом Бранко, 2017. С. 147–157.
- Мурашова, 2000 — Мурашова В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 134 с.
- Недошивина, Зозуля, 2012 — Недошивина Н. Г., Зозуля С. С. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 179–193.
- Носов, 2012 — Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 93–121.
- Носов и др., 2005 — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плехов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 402 с.
- Платонова и др., 2007 — Платонова Н. И., Желлова Т. А., Лесман Ю. М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV). С. 142–194.
- Покровская, 1999 — Покровская Л. В. Ювелирные украшения Новгорода X–XI вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.: Русские словари, 1999. С. 51–64.
- Пушкина, 1981 — Пушкина Т. А. Скандинавские вещи из Гнёздовского поселения // СА. 1981. № 2. С. 281–288.
- Рябинин, 1994 — Рябинин Е. А. У истоков ремесленного производства в Ладогe (к истории общекалтийских связей в предкингскую эпоху) // Новые источники по истории Северо-Запада. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 5–59.
- Сакса, 2006 — Сакса А. Н. Древняя Карелия в эпоху железного века (к вопросу о происхождении летописной Корелы) // In situ. К 85 летию проф. А. Д. Столяра. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 282–307.
- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Сизов, 1902 — Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1902 (МАР; № 28). Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска. 134 с.
- Соболев, 2005 — Соболев В. Ю. Находки, сделанные на селище Которской погост в 2002–2004 гг. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2005. Вып. 19. С. 71–90.
- Соболев, 2015а — Соболев В. Ю. Комплекс археологических памятников Которского погоста (X — первая половина XI в.) // НИС. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Вып. 15 (25). С. 4–32.
- Соболев, 2015б — Соболев В. Ю. Древнерусская погребальная культура Новгородской земли: проблемы и особенности формирования // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Вып. 21. С. 352–367.
- Соболев, 2018 — Соболев В. Ю. Детали поясной гарнитуры населения Которского погоста // История военного костюма: от древнего мира до наших дней: Материалы III Междунар. военно-исторической конф. СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 16–31.
- Спиридонов, 2014 — Спиридонов А. М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в средневековье: Научное электронное издание [Электронный ресурс.] А. М. Спиридонов — Электрон. дан. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 162 с. 1 электрон. опт. диск (CD-R).
- Степанова, 2010 — Степанова Ю. В. Височные кольца из древнерусских сельских памятников Верхневолжья // Stratum plus. Кишинев: ВАШ, 2010. № 5: Ремесло археолога. С. 275–283.
- Торопов, 2015 — Торопов С. Е. Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов в Приильменье: из коллекций Новгородского музея // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Вып. 20. С. 225–252.
- Фехнер, 1963 — Фехнер М. В. Тимерёвский могильник // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников. М.: Сов. Россия, 1963. С. 5–19.
- Финно-угры и балты..., 1987 — Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). 512 с.
- Хвоцинская, 1999 — Хвоцинская Н. В. Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.: Русские словари, 1999. С. 39–50.
- Хвоцинская, 2004 — Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 428 с.
- Хвоцинская, 2007 — Хвоцинская Н. В. Бронзолитейное производство Рюрикова городища в IX — X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV). С. 123–141.

- Янин*, 2001 — *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2001. 149 с.
- Янссон*, 1999 — *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.: Русские словари, 1999. С. 18–38.
- Ястребов*, 1893 — *Ястребов В. Н.* Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1893 (МАР; № 10). 88 с.
- Arbman*, 1940 — *Arbman H.* Birka. I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1940. 560 с.
- Saksa*, 1998 — *Saksa A. N.* Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys. Joensuu: Joensuun Yliopisto Humanistinen Tiedekunta, 1998. 258 p.
- Thunmark-Nylén*, 1995 — *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. I. Abbildungen der Grabfunde. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1995. 382 s.
- Thunmark-Nylén*, 1998 — *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. II. Typentafeln. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1998. 333 p.
- Valk*, 2009 — *Valk H.* Mõla kääbaskalmistu // Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2009. P. 183–189.

Trade contacts of the population of Kotorsk

VI. Yu. Sobolev

The complex of mediaeval archaeological monuments of the St Nicolas Kotorsk Pogost (rural community) is one of the local centres most comprehensively studied by excavations in the west of the Novgorod Land. Within its boundaries, slightly less than 1000 sq. m of cultural deposits have been investigated, dated to the turn of the 9th–10th and first half — the middle of 11th century, as well as a number of cemeteries of different time periods. The finds include trade implements, Arabian and West-European silver coins and different goods imported through trade: weapons, jewellery, manufactures, first-necessity goods (e. g. salt, although archaeologically it is possible to trace only its production but not its storage or transference), and various raw materials.

Objects of the North-European provenance are represented most widely (female ornaments, objects of the male subculture); ornaments and other artefacts of the Oriental and southern traditions are rarer found. Of special note is a find of fragments of silk textile from one of the burials dated to the second half of the 11th century.

ИСТОРИЯ, АРХИТЕКТУРА, ЭТНОГРАФИЯ

Курганы в Хотовском Бору: перечитывая предшественников

Е. Р. Михайлова¹

Аннотация. В статье с учетом результатов позднейших исследований систематизируются материалы раскопок 1879 г., проводившихся слушателями Санкт-Петербургского Археологического института в урочище Хотовский Бор. Комплекс погребальных памятников в Хотовском Бору включает в себя несколько групп и одиночных насыпей культуры псковских длинных курганов, а также крупный курганно-жальничный могильник, отделенный от могильников культуры длинных курганов хронологическим разрывом.

Annotation. Basing on the results of the most recent investigations, this article systematizes the materials from excavations of 1879 conducted by students of the Saint Petersburg Archaeological Institute in the urochishche (isolated terrain) of Khotovsky Bor. The complex of burial monuments in Khotovsky Bor comprises several groups of tumuli and separate mounds of the Culture of Pskov Long Barrows, as well as a large mounded and zhalnik-grave (graves bordered with stones) burial ground separated from the cemeteries of the long barrows by a certain chronological gap.

Ключевые слова: культура псковских длинных курганов, курганно-жальничный могильник, Хотовский Бор, Псковская область.

Keywords: Culture of Pskov Long Barrows, mounded and zhalnik-grave burial ground, Khotovsky Bor, Pskov Oblast.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-377-405¹

На севере современной Псковской области, близ деревни Палицы Плюсского района, расположен крупный комплекс разновременных погребальных памятников, протянувшийся почти на два километра вдоль коренного берега реки Дряжны — притока Плюссы. Первые сведения о составляющих его могильниках были введены в научный оборот И. Г. Даниловым (1880). В 1988–1989 гг. этот комплекс памятников вновь был изучен С. Л. Кузьминым при непосредственном участии автора (Кузьмин, 1989. Л. 12–14), а в 2010 г. обследован еще раз, с применением современных методик фиксации (Михайлова, 2011. Л. 13–15). Сравнение результатов современных работ с публикацией И. Г. Данилова вновь возвращает нас к старой проблеме соотношения данных разных лет, изменений исследовательских задач и терминов.

Статья И. Г. Данилова, описывающая, в том числе, исследования у д. Палицы (тогда — д. Полицы Узминской волости Гдовского уезда), была посвящена результатам, как мы бы теперь сказали, летней практики слушателей недавно основанного Санкт-Петербургского Археологического института, проходившей в июне 1879 г. И. Г. Данилов как наиболее опытный из участников этой летней экскурсии (Данилов, 1879) принял участие в организации поездки и выборе объектов раскопок. После сбора сведений о древностях на территории Яблонецкой и Хмеро-Посолодинской волостей Лугского уезда (сейчас это территория Струго-Красненского района Псковской области) и пробных раскопок двух курганов (у деревень Козлово-Зеленско и Черно-Зеленско) и жальника (близ озера Битино) И. Г. Данилов обратил свое внимание на урочище Хотовский (Хотаковский) Бор «в одной версте от бедной деревушки Полицы», где располагались многочисленные и разнообразные курганы. Эти курганы И. Г. Данилов и предложил

¹ Лаборатория археологии, ист. социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева, СПбГУ; ул. Смольного, 1/3, г. Санкт-Петербург, 191060, Россия.

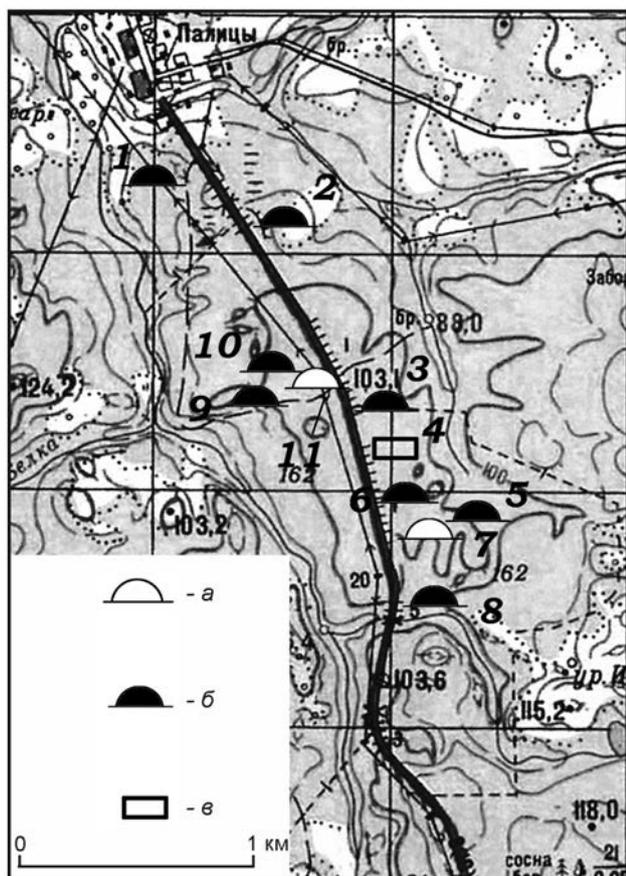

Рис. 1. Ситуационный план памятников у д. Палицы (а — одиночный курган; б — курганная группа; в — курганно-жалничный могильник): 1 — курганная группа Палицы I; 2 — курганная группа Палицы II; 3 — курганная группа Палицы III; 4 — курганно-жалничный могильник Палицы IV; 5 — курганная группа Палицы V; 6 — курганная группа Палицы VI; 7 — одиночный курган Палицы VII; 8 — курганная группа Палицы VIII; 9 — курганная группа Палицы IX; 10 — курганная группа Палицы X; 11 — одиночный курган Палицы XI

Fig. 1. Situational plan of sites near the village of Palitsy (a — single mound; б — kurgan group; в — kurgan-zhalnik cemetery). 1 — kurgan group of Palitsy I; 2 — kurgan group of Palitsy II; 3 — kurgan group of Palitsy III; 4 — Kurgan-zhalnik cemetery of Palitsy IV; 5 — kurgan group of Palitsy V; 6 — kurgan group of Palitsy VI; 7 — single mound of Palitsy VII; 8 — kurgan group of Palitsy VIII; 9 — kurgan group of Palitsy IX; 10 — kurgan group of Palitsy X; 11 — single mound of Palitsy XI

исследовать директору института Н. В. Калачову, руководившему поездкой слушателей.

Выбранная местность была очень удобна для проведения раскопок. И. Г. Данилов характеризовал ее так: «Местность, известная под именем Хотовского бора, в настоящее время представляет

собой плоскую ровную возвышенность, безлесную, пустынную; произраставший здесь некогда лес, по рассказам старожил, истреблен пожарами; окружают эту местность густые нетронутые леса». Расположенные здесь насыпи исследователи 1879 г. разделили по внешнему виду на три основные группы, используя для них названия, употреблявшиеся местными крестьянами. Первую из этих групп составили сравнительно высокие полусферические насыпи без каменных конструкций («сопки»), вторую — насыпи различных форм и незначительной высоты, обрамленные большими камнями («могилы»), и третью — «курганы, стоявшие особо с краю этого кладбища, весьма высокие, конусообразной формы (крестьяне называли их также сопками)». Коллекция предметов из раскопок 1879 г. хранится в Государственном Эрмитаже (ОАВЕС, колл. 687).

Работы 1980-х гг. и 2010 г. позволили достаточно надежно определить могильники, на которых проводились раскопки. Разумеется, характер местности за почти полтора века изменился: на месте гары 1879 г. вновь вырос лес: в 1980-х гг. это был сухой беломошный бор, к 2010-м местами сменившийся уже более влажным сосновым лесом с заметным лиственным подлеском. Название «Хотовский Бор» к 1980-м гг. население д. Палицы уже не использовало, однако местные предания сохранились. И. Г. Данилов отметил в своей статье, что, согласно преданию, «в могилах Хотовского бора схоронено такое количество золота, что можно купить весь Гдовский уезд» и что насыпи в Хотовском бору остались от «литейного разоренья». Примерно те же сюжеты содержатся и в преданиях, рассказанных местными жителями в 1980-х гг. о том, что когда-то здесь «шла литва», разорявшая местные земли, а на берегу Громова ручья зарыты не то литвой, не то местными разбойниками две бочки с золотом. Само название деревни, согласно местной легенде, происходит от слова «палицы», то есть дубинки, которыми перебрасывались разбойники². Добавим сюда и легенду, сообщенную струго-красненским краеведом А. И. Федоровым в прошлом году — о том, что название Битина озера связано с тем, что когда-то на нем «побили» много народа, а хоронить погибших в той битве возили в Хотовский лес.

Рассмотрим теперь сведения о составляющих комплекс погребальных памятниках с нынешней точки зрения (рис. 1).

² При этом ударение в названии деревни падает на второй слог.

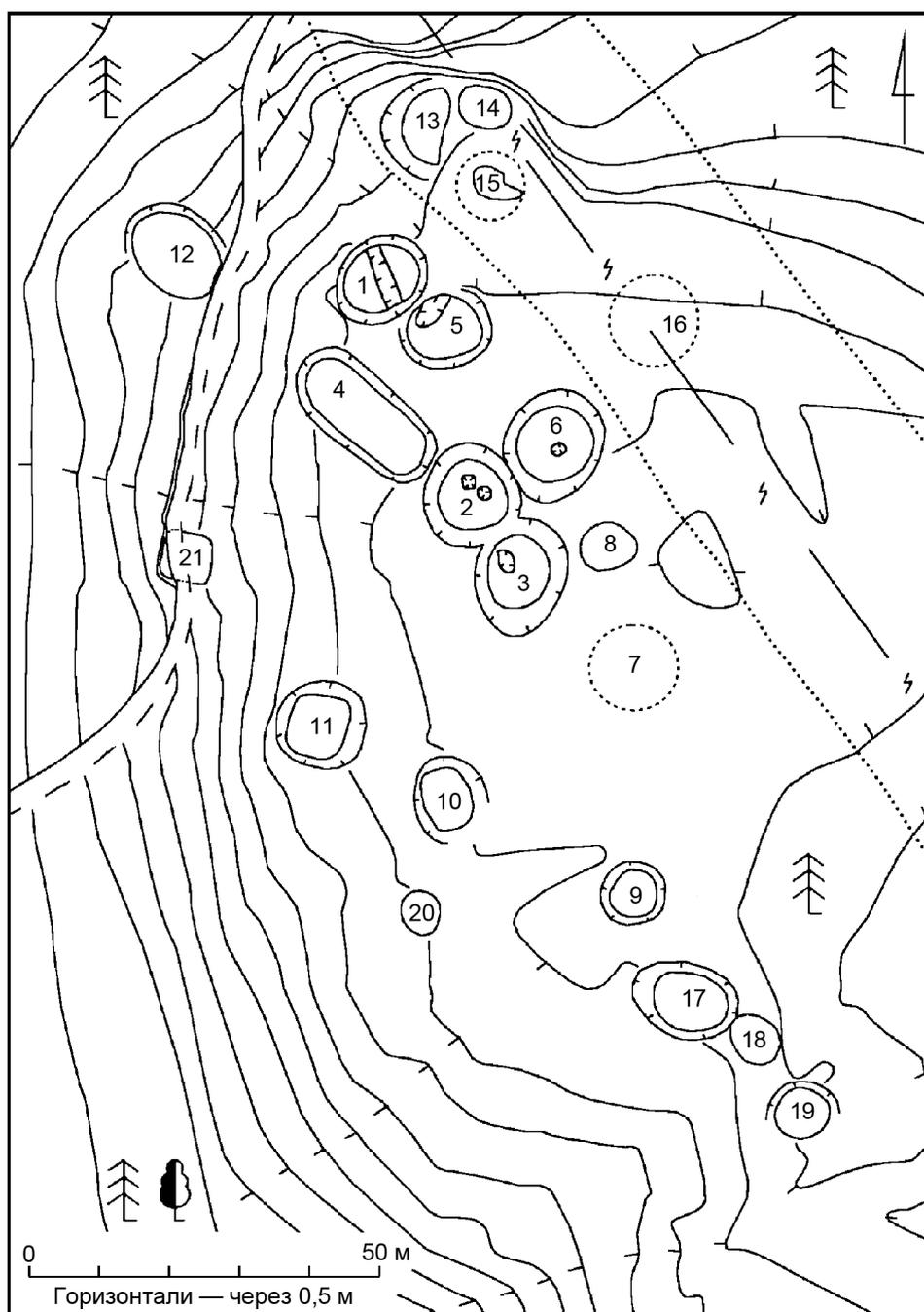

Рис. 2. Курганная группа Палицы I. План 2010 г.

Fig. 2. Kurgan group of Palitsy I. Plan of 2010

Северо-западный край комплекса отмечен довольно крупным могильником культуры псковских длинных курганов Палицы I³. Он находится

³ В настоящей статье, как и в научном отчете о полевых исследованиях 2010–2011 гг., индексация памятников соответствует документации Государственного комитета Псковской области по охране объектов

в сосновом лесу к юго-востоку от деревни Палицы, западнее шоссе Струги Красные — Ляды, на правом коренном берегу р. Дряжны, на северо-западной оконечности высокой озовой гряды (рис. 2). Всего в составе могильника 21 насыпь

культурного наследия и отличается от индексации, использованной С. Л. Кузьминым.

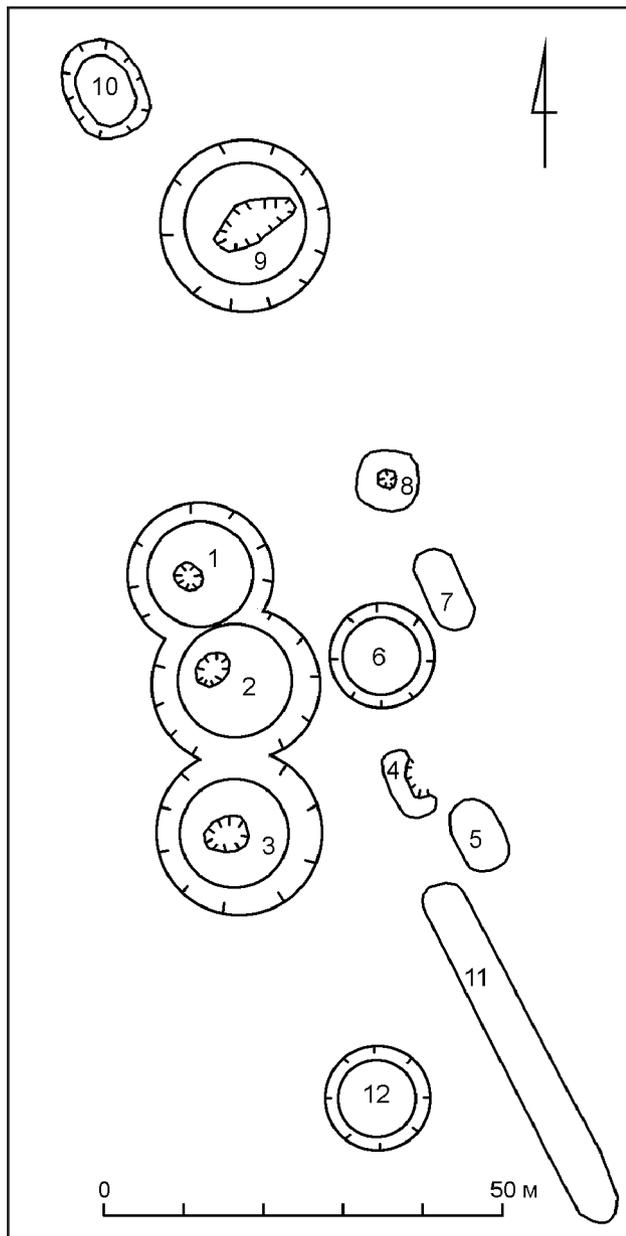

Рис. 3. Курганная группа Палицы X. План 1989 г.

Fig. 3. Kurgan group of Palitsy X. Plan of 1989

округлой, длинной и подквадратной формы, расположенные четырьмя цепочками. Цепочки насыпей вытянуты в направлении северо-запад — юго-восток, по направлению гряды и берега реки Дряжны. По северо-восточному краю памятника проходит линия электропередач, полностью или частично разрушившая несколько насыпей. Наиболее крупные и высокие курганы (в том числе валообразный) сосредоточены в центре могильника. Могильник Палицы I идентифицируется с описанной И. Г. Даниловым «группой сопок

с валом», лежавшей в полуверсте к западу от «кладбища Хотовского бора». Помимо взаимного расположения погребальных памятников, в пользу этой идентификации говорит упоминание «вала» во всем комплексе памятников у д. Палицы только две валообразные насыпи, однако другая группа с валообразным курганом (Палицы X нашей нумерации) никак не соответствует описанию И. Г. Данилова (рис. 3).

Описывая «группу сопок с валом», И. Г. Данилов отмечает наличие здесь восьми «сопок» и «вала», расположенных в три ряда. Расположенные в основном по юго-западному краю могильника курганы высотой от 0,4 м до 0,7 м остались не замечены исследователями XIX в., что не удивительно: они действительно не сразу заметны на местности и сейчас, когда мы гораздо более подготовлены к визуальному поиску низких курганов или даже «погребальных площадок», лишенных насыпи. Но даже и при этом низкий подквадратный курган № 21, нарушенный проходящей по нему дорожкой, удалось определить только по результатам подробной тахеометрической съемки рельефа.

В 1879 г. в составе могильника были частично раскопаны две «сопки» — полусферические курганы в центральной части группы. Их можно определить по следам раскопок и приведенных И. Г. Даниловым параметрам насыпей. Первая из раскопанных «сопок» располагалась «с левой стороны от конца вала» и была раскопана траншеей — это курган № 1 нашей нумерации. Другую сопку, у которой был раскопан северо-восточный сектор («четверть») насыпи, сейчас достоверно определить не удастся. Расположенный вплотную к кургану № 1 курган № 5 с обширной заплывшей ямой в северной части не соответствует указанным И. Г. Даниловым параметрам. Насыпь, раскопанная в 1879 г., имела 5 сажень (то есть около 10,5 м) в диаметре и $1\frac{1}{4}$ аршин (то есть ок. 0,9 м) в высоту, в то время как высота кургана № 5 составляет лишь 0,3 м. Заплывшая яма, размером гораздо менее четверти, в северной части заметна также в насыпи кургана № 3 (размером по основанию $8,5 \times 10,7$ м и высотой 1,4 м). Возможно, второй исследованный в 1879 г. курган располагался на северо-восточном краю могильника, где позднее была проложена линия передач. В обеих раскопанных насыпях на уровне окружающей поверхности была отмечена только темная полоса с отдельными угольками и пережженными

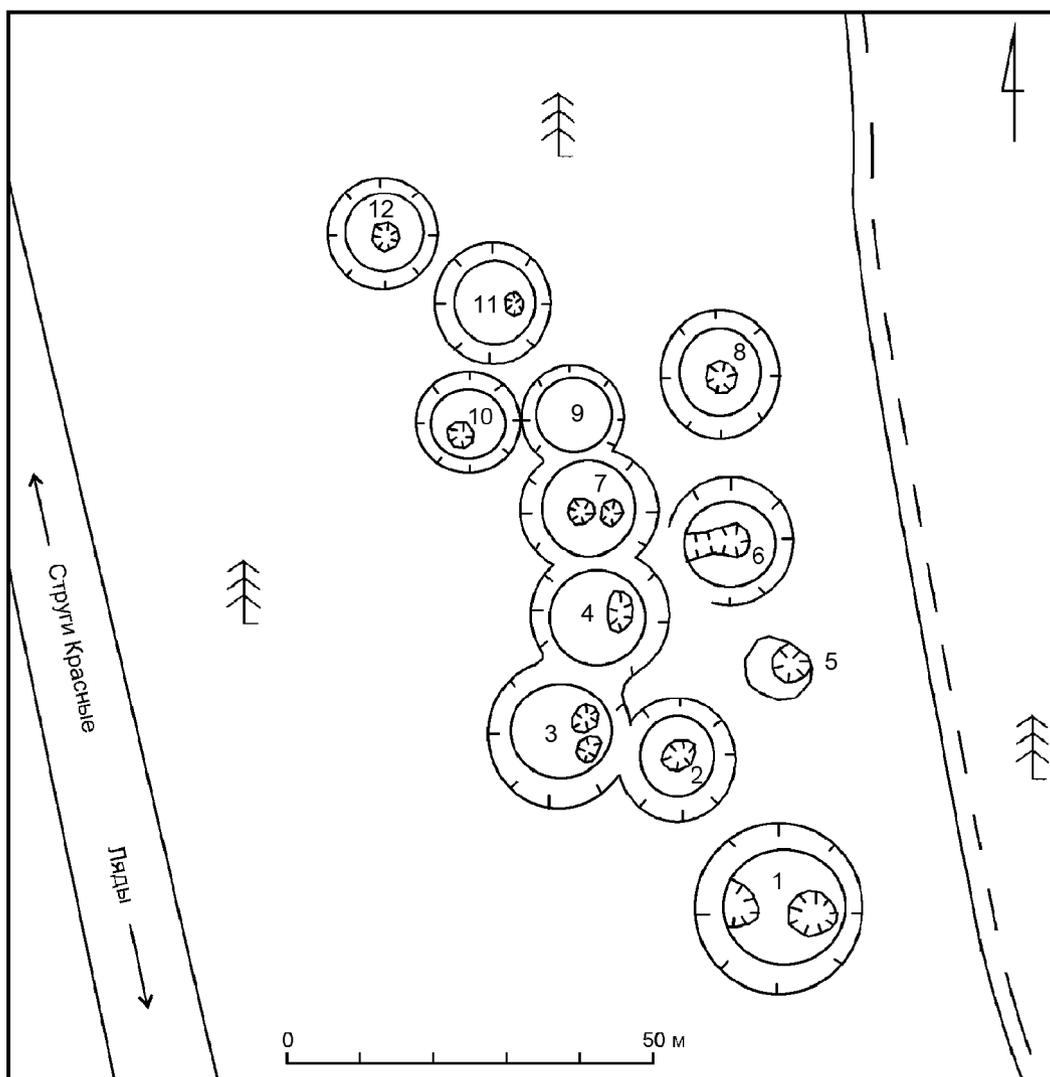

Рис. 4. Курганная группа Палицы VI. План 1989 г.

Fig. 4. Kurgan group of Palitsy VI. Plan of 1989

косточками — погребенная почва. Следует полагать, что оба крупных полусферических кургана были сооружены в один этап, что довольно типично для культуры псковских длинных курганов (сноска на статью про строение насыпей).

Далее к юго-востоку от группы Палицы I, протянувшись на 2 км вдоль берега р. Дряжна и идущей по нему шоссеиной дороги Струги Красные — Ляды, расположены еще семь курганной группы и две одиночные насыпи, относящиеся к культуре псковских длинных курганов, — все они достаточно типичны для этой культуры (рис. 4–6). На юго-восточном краю этого крупного комплекса, на правом коренном берегу Громова ручья, впадающего в р. Дряжну, расположены сопковидный курган Палицы VII высотой 2,3 м и группа из семи

насыпей Палицы VIII (рис. 7, 8). По-видимому, эти два пункта и подразумевались И. Г. Даниловым под весьма высокими курганами, стоявшими особо с краю кладбища, выделенными им в 3-ю группу. В общей сложности комплекс у д. Палицы насчитывает не менее 86 курганов этой культуры. На подавляющем большинстве курганов заметны крупные заплывшие ямы; в могильнике Палицы III, находящемся у дороги на действующую лесосеку, практически все насыпи повреждены свежими траншеями и крупными ямами, достигающими до материка или прорезающими его.

В центре описанного раннесредневекового комплекса находится основной объект раскопок 1879 г. — «кладбище Хотовского бора», по современной номенклатуре — курганно-

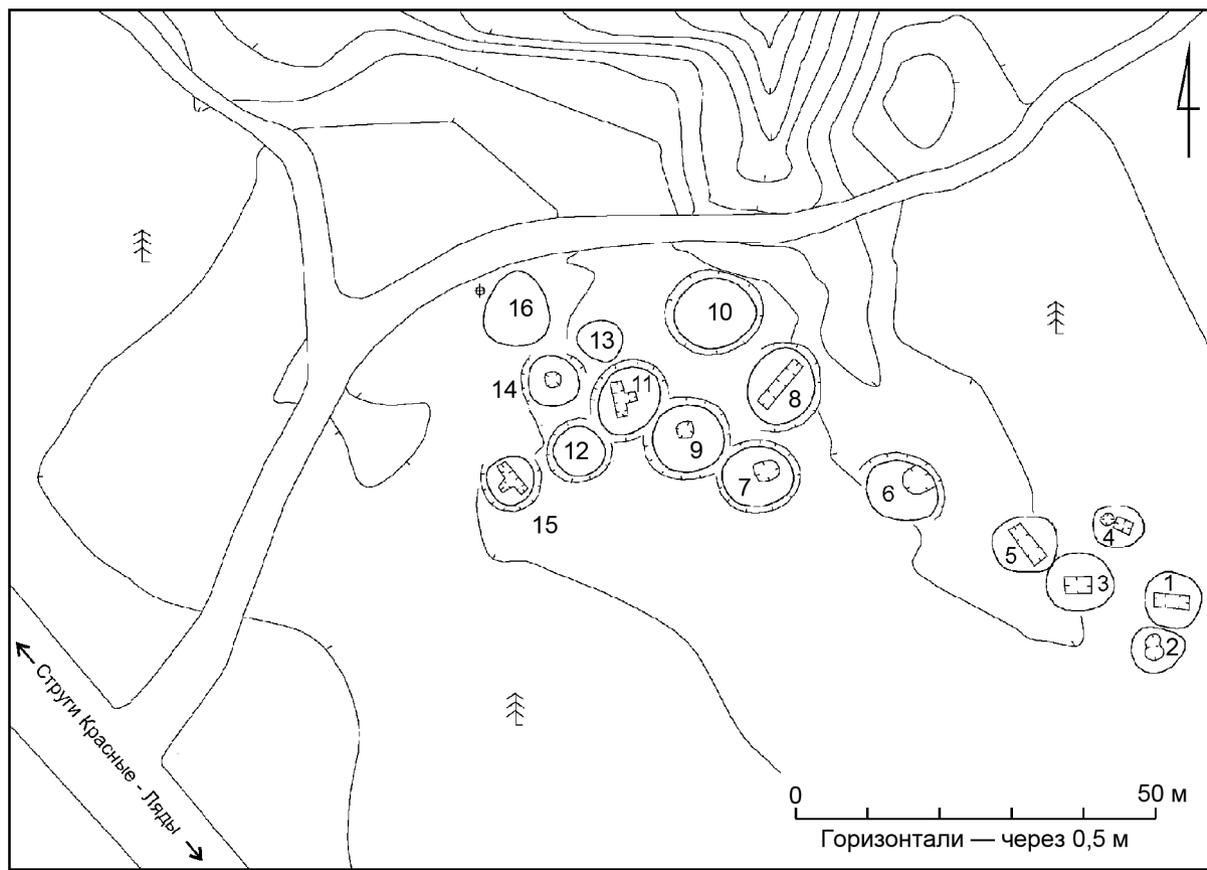

Рис. 5. Курганная группа Палицы III. План 2010 г.

Fig. 5. Kurgan group of Palitsy III. Plan of 2010

жальничный могильник Палицы IV (рис. 9, А). В настоящее время могильник занимает участок размером приблизительно $200 \times 50-70$ м, вытянутый с севера на юг и юго-запад и расположенный между шоссе и идущей параллельно ему лесной дорогой. В состав могильника входит более 20 низких полусферических песчаных насыпей, расположенных в основном в северной части могильника, и не менее 80 жальничных погребений. Жальничные захоронения имеют в плане округлую, овальную или прямоугольную форму; их оградки сложены из гранитных валунов, иногда уложенных друг на друга в два-три яруса. Часть жальников имеет насыпь высотой до верхнего края обкладки (до 0,5–0,7 м) и может быть, таким образом, обозначена как «курганы-жальники». Большинство погребальных сооружений повреждены заплывшими или свежими ямами грабительских раскопок, часть оградок разрушена, так что установить точное изначальное число курганов и жальников затруднительно. В XIX в. площадь могильника была, вероятно, большей. И. Г. Данилов писал: «длина кладбища около

полуверсты, ширина неодинакова, от 60 до 130 и более сажень», — но он, скорее всего, включал в общую площадь и территории расположенных поблизости от курганно-жальничного могильника курганных групп культуры псковских длинных курганов.

Раскопанные здесь слушателями Археологического института полусферические курганы без обкладки камнями («сопки», по терминологии И. Г. Данилова) и жальничные захоронения («могилы»), по его описанию, типичны для курганно-жальничных могильников запада средневековой Новгородской земли. К сожалению, ни текст публикации, ни составленная гораздо позднее проведения работ опись коллекции не дают возможности распределить все найденные предметы по конкретным комплексам, поэтому ниже оба типа захоронений будут охарактеризованы обобщенно.

Раскопанные «сопки» имели диаметр в основном от 8 до 13 м (диаметр наибольшей раскопанной насыпи составлял около 16 м) при высоте 0,7–1,0 м (высота наибольшей насыпи — около 1,5 м) —

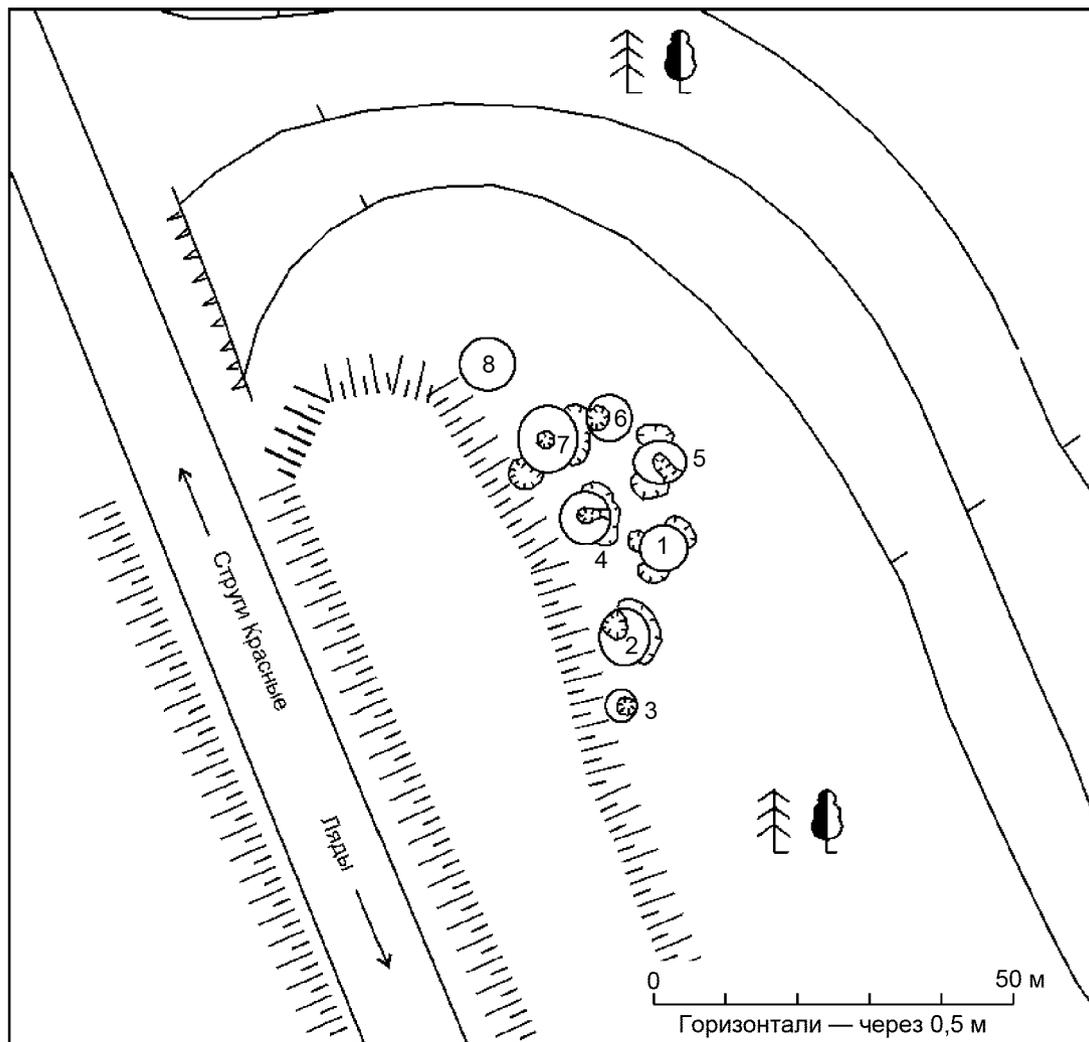

Рис. 6. Курганная группа Палицы II. План 1989 г.

Fig. 6. Kurgan group of Palitsy II. Plan of 1989

это обычные для древнерусских курганов размеры. Данных о форме могил нет, судя по всему, могилы при раскопках 1879 г. не прослеживались; судя по зафиксированной глубине залегания костяков относительно погребенной почвы, могилы были неглубоки — 0,5–0,8 м. В семи из раскопанных насыпей погребенный лежал на спине головой к западу, в одной — на спине головой к юго-востоку, еще в двух человеческих костей не было встречено — вероятно, они истлели; каждое захоронение (в том числе с несохранившимся скелетом) сопровождалось глиняным горшком, поставленным в ноги погребенному⁴.

С этой группой погребений связаны находки неопределенной арабской серебряной монеты,

⁴ Керамика в коллекции № 687 отсутствует.

небольшого височного кольца с овальными щитками, украшенными четырьмя кружками в ромбе, трапециевидной привески с циркульным орнаментом, крупной красной пастовой и шарообразной из бесцветного прозрачного стекла бус, двух гладких дровяных колец, лировидной поясной пряжки, железных ножей (один из них — с очень длинным узким сточенным лезвием, распавшимся на фрагменты), уплощенного узко-массивного браслета с обрубленными концами. В совокупности эти вещи следует датировать в пределах XI–XII вв. (Щапова, 1956. С. 165–166; Седова, 1981. С. 103, 144, 152; Лесман, 1984. С. 138–139; 1989. С. 85; 1990. С. 43–44, 79). Вероятно, даты отдельных комплексов можно сузить до конца XI — начала XII в. — например, женского захоронения, сопровождавшегося овальнощитковым

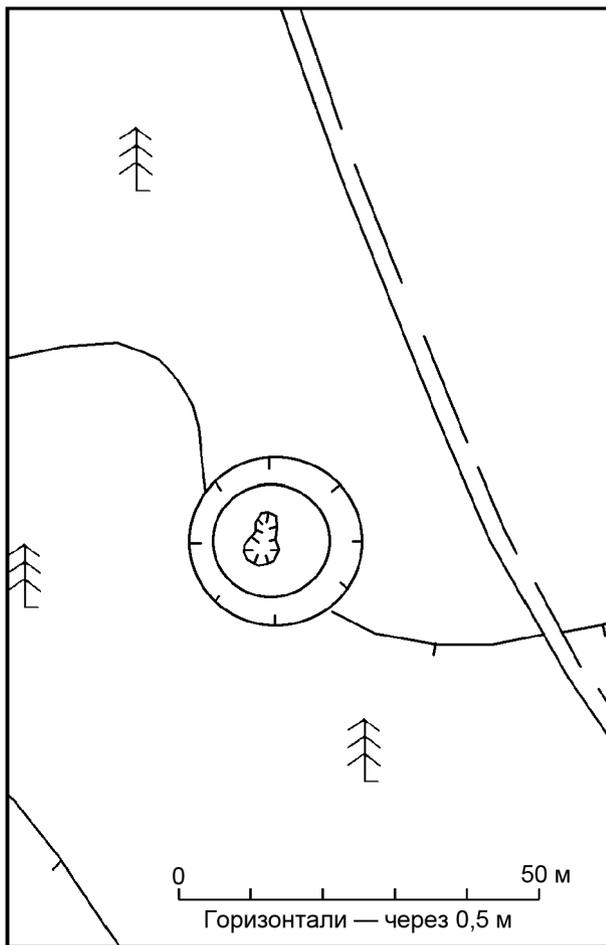

Рис. 7. Одиночный курган Палицы VII. План 1989 г.
Fig. 7. Single mound of Palitsy VII. Plan of 1989

височным кольцом, трапециевидной привеской и упомянутыми бусами.

«Могила», то есть погребальные сооружения с обкладкой из камней (жальники и курганы-жальники), несколько отличались особенностями обряда. Так, лишь одно из погребений сопровождалось горшком, поставленным в ноги погребенного. Из двенадцати исследованных жальников в пяти были встречены парные погребения и в одном («могиле богатыря») — коллективное, к которому мы специально обратимся ниже. В двух из исследованных жальников кости были перемешаны, и если в одном случае описание расположения костей, очевидно, свидетельствует о позднем перекопе, то в другом были найдены лежавшие в анатомическом порядке таз и кости ног, в то время как череп (теменной костью вверх) и кости рук были обнаружены в положении, позволяющем предполагать захоронение в сидячем положении.

Сидячие погребения, наиболее многочисленные в курганных кладбищах Ижорского плато, известны и за его пределами, в том числе в жальниках в бассейне р. Плюссы (Лесман, 1981; Проппин, 1988. С. 26–27; Рябинин, 2001. С. 33–35).

С этой группой захоронений связаны находки проволоочного височного кольца с расплюснутым концом, обвитым вокруг другого конца; проволоочного височного кольца с отогнутым концом, к которому в качестве другого колечка был привешен витой перстень с завязанными концами; витых браслетов с обрубленными концами; привески-конька так наз. смоленского типа; рубчатых перстней — с сомкнутыми и с заходящими концами, пуговицы с рельефным орнаментом; крупной зонной бусины из прозрачного желтоватого стекла, круглых пластинчатых привесок с тисненым орнаментом в виде розетки. Эти находки в целом позволяют отнести раскопанные жальничные захоронения к XII — началу XIV в. (Щанова, 1956. С. 167–168; Седова, 1981. С. 10, 28, 37, 96, 122, рис. 80, 21; Рябинин, 1981. С. 28–31; Лесман, 1984. С. 139; 1989. С. 85; 1990. С. 42, 50, 51, 63).

Отдельного упоминания заслуживает жальничное захоронение, названное, вновь вслед за местными крестьянами, «могилой богатыря», — вытянутое в плане, размером приблизительно 12 × 1,5–2 м, в котором были обнаружены до 15 скелетов, частично потревоженных, уложенных поперек «могилы». Указание на то, что человеческие кости были здесь перемешаны с лошадиными, проверке не поддается. Единственный предмет, найденный в этом захоронении, был интерпретирован авторами раскопок как удила, однако после реставрации, очевидно, что это перекрученный железный пробой (рис. 9, Б).

Современное визуальное обследование могильника не выявило в нем жальничных оградок похожей формы и длины, однако сходные захоронения известны в соседних регионах Северо-Запада — в частности, «жальничные гряды» были отмечены и частично исследованы Н. И. Платоновой в составе курганно-жальничных могильников Засабская могила и Славенка в бассейне Луги (Платонова, 1982; 1983. Л. 28). Сходная традиция была зафиксирована Г. П. Гроздиловым под Изборском: исследуя могильник культуры длинных курганов близ д. Лезги, он обнаружил 26 позднейших захоронений, впущенных в валообразный курган № 3. Все погребения были уложены в ряд по продольной оси кургана так, что погребенные лежали

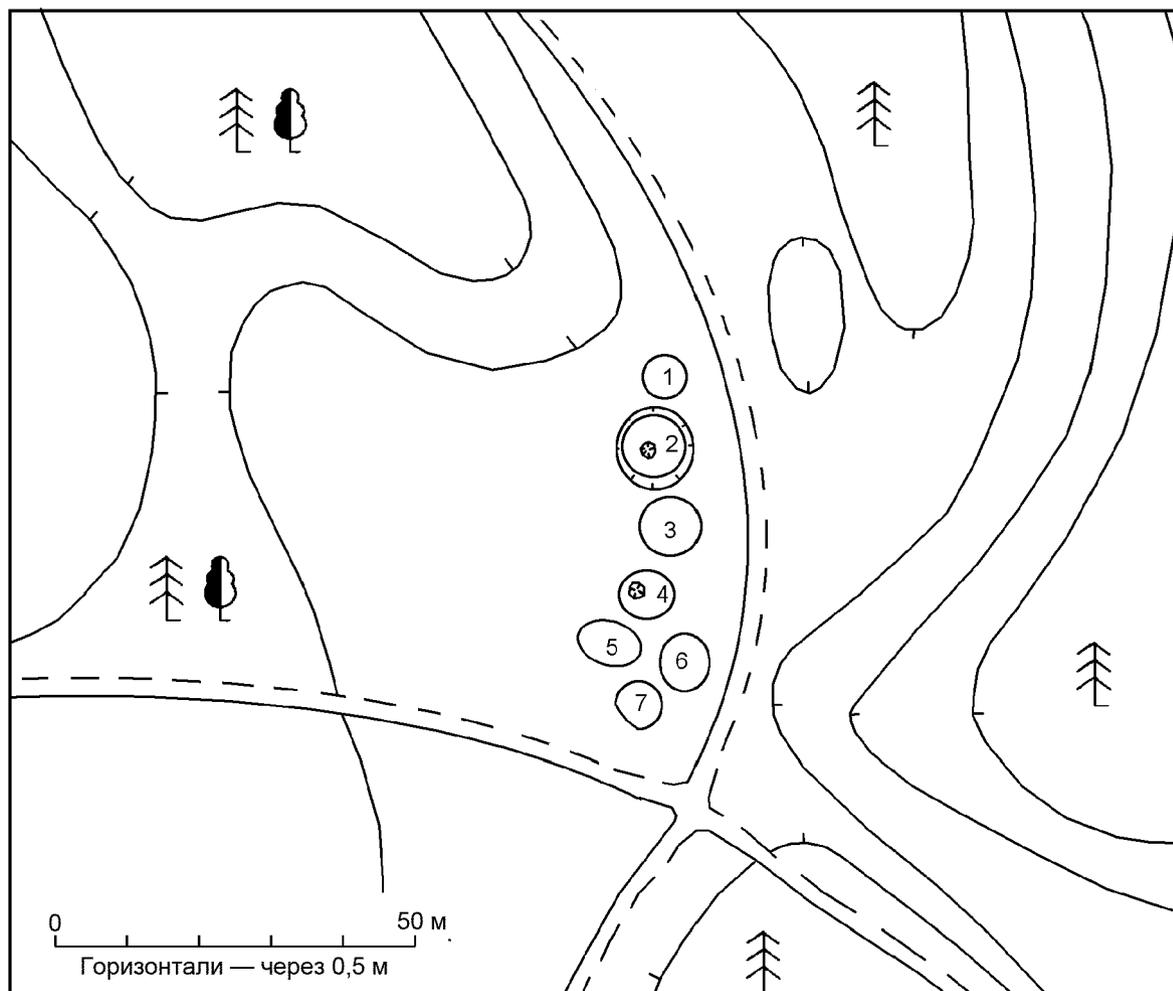

Рис. 8. Курганная группа Палицы VIII. План 1989 г.

Fig. 8. Kurgan group of Palitsy VIII. Plan of 1989

поперек оси кургана, головами на северо-запад. Погребения сопровождалось многобусинными височными кольцами, витыми петлеконечными и пластинчатыми браслетами и другими предметами, датирующими ингумации XIII–XIV вв. (Гроздилов, 1965. С. 82–86).

Таким образом, открытый в 1879 г. И. Г. Даниловым комплекс средневековых погребальных памятников в урочище Хотовский Бор отчетливо распадается на две части: скопление групп и одиночных курганов культуры псковских длинных и курганно-жалничный могильник в центре скопления, — между которыми, скорее всего, не было непосредственной преемственности. Нерешенной пока проблемой остается расположение поселений, соответствующих этим могильникам. Вероятно, их следует искать ближе к воде, у р. Дряжны или на каком-нибудь из впадающих в нее ручьев,

огibaющих возвышенность с Хотовским Бором. Пока эти поиски не увенчались успехом. Селище в пойме реки к западу от группы Палицы I, найденное С. Л. Кузьминым в результате сбора подъемного материала, оказалось заросшим полем с мощным мешаным слоем пахоты.

Обращение к материалам старых исследований ставит перед нами еще одну важную проблему, особенно актуальную при современных работах по мониторингу и определению границ объектов археологического наследия: значительная часть археологических памятников была некогда поставлена на учет и охрану по имеющимся библиографическим данным. Исследователи XIX — начала XX в., когда принятая ныне сравнительно четкая археологическая терминология еще не устоялась или даже не возникла, как правило, следовали в описаниях своих работ обозначениям,

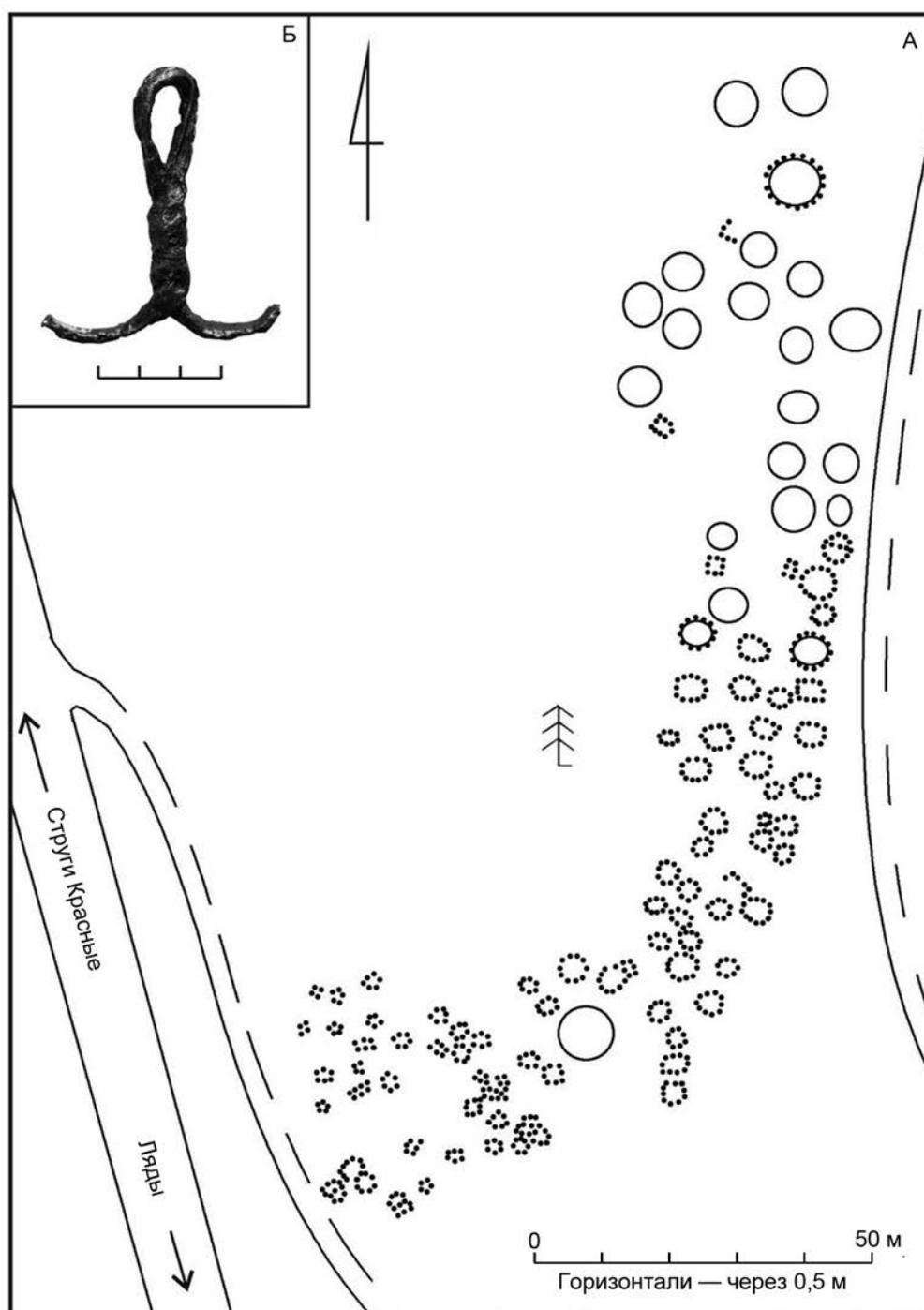

Рис. 9. Курганно-жальничный могильник Палицы IV: А — план 1989 г.; Б — пробой из жальничного захоронения (фото В. Ю. Соболева)

Fig. 9. Kurgan-zhalnik cemetery of Palitsy IV: A — Plan of 1989; Б — punch from a zhalnik burial. Photo by V. Yu. Sobolev

употребляемым местными крестьянами. В течение XX в. заимствованные из народной речи «сопки», «жальники», «могилы» обрели в археологической литературе конкретное терминологическое

значение, зачастую не совпадающее с тем, что вкладывали в эти слова наши предшественники, и порой приходится вновь описывать и переопределять, казалось бы, давно известные объекты.

- Гроздилов*, 1965 — *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. Л.: Сов. художник, 1965. Вып. 7. С. 65–88.
- Данилов*, 1879 — *Данилов И. Г.* Заметка о курганах при деревне Ново-Сиверской, Рождественской волости, Царскосельского уезда // Сборник Археологического института. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1879. Кн. 2. С. 106–112.
- Данилов*, 1880 — *Данилов И. Г.* Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лугском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. (Из летних экскурсий слушателей в 1878/9 академическом году) // Сборник Археологического Института. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1880. Кн. 3. Отд. I. С. 20–40.
- Кузьмин*, 1989 — *Кузьмин С. Л.* Отчет о работах Плюсского отряда Ленинградской областной экспедиции ЛОИА АН СССР в Ленинградской и Псковской областях в 1989 г. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 14569. 49 л.
- Лесман*, 1981 — *Лесман Ю. М.* О сидячих погребениях в древнерусских могильниках // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 52–53.
- Лесман*, 1984 — *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгорода (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли: Межвуз. сборник. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 118–153.
- Лесман*, 1989 — *Лесман Ю. М.* К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI–XIV вв. // НиНЗ ИА. Тезисы науч. конф. Новгород: б. и., 1989. Вып. 2. С. 82–87.
- Лесман*, 1990 — *Лесман Ю. М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.; [Новгород]: Новгор. археол. экспедиция, 1990. С. 29–98.
- Михайлова*, 2011 — *Михайлова Е. Р.* Отчет о полевых археологических исследованиях на территории Плюсского района Псковской области в 2010–2011 гг. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. 50 л.
- Платонова*, 1982 — *Платонова Н. И.* Отчет о полевых исследованиях Лужского отряда Ильменской экспедиции ИА АН СССР // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 10170. 44 л.
- Платонова*, 1983 — *Платонова Н. И.* Отчет о полевых исследованиях в Лужском и Сланцевском районах // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 10653. 66 л.
- Пронин*, 1988 — *Пронин Г. Н.* Об этнической принадлежности жальников (опыт ретроспективного анализа) // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М.: б. и., 1988. С. 12–71.
- Рябинин*, 1981 — *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука, Лен. отд., 1981 (САИ; Вып. Е1-60). 122 с.
- Рябинин*, 2001 — *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода (Результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 247 с.
- Седова*, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Щапова*, 1956 — *Щапова Ю. Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М.: Наука, 1956 (МИА; № 55). С. 164–179.

Barrows in Khotovsky Bor: rereading the predecessors

E. R. Mikhaylova

This paper analyses materials from the complex of burial monuments in the urochishche (isolated terrain) of Khotovsky Bor near the village of Palitsy in the Strugo-Krasnensky District of Pskov Oblast. The ensemble of burial monuments in Khotovsky Bor comprises several groups and isolated mounds of the Culture of Long Pskov kurgans and a kurgan-zhalnik (graves bordered with stones) cemetery separated through a chronological gap from the burial grounds of the Culture of Long Kurgans. The barrows were discovered in Khotovsky Bor in 1879 by students of the Saint Petersburg Archaeological Institute who excavated here several of the mounds. Afterwards, this complex was investigated twice again: in 1988–1989 (S. L. Kuz'min, E. R. Mikhaylova) and in 2010 (E. R. Mikhaylova).

A comparison of the results of the works of the 19th and early 21st century allows us to make more correct conclusions and observations after I. G. Danilov's publication (1880), in particular, concerning the dates and descriptions of the burial rite proposed earlier. A special important note concerns the changes in the archaeological terminology which took place over the past age. Researchers of the 19th — early 20th century followed in their works, as a rule, the appellations used by local peasants. In the course of the 20th century, these terms borrowed from the folk speech ('sopki', 'zhalniks', 'graves') have obtained in archaeological literature a particular terminological sense often non-coinciding with that which was understood by our ancestors.

Буковинская экспедиция академика архитектуры Петра Петровича Покрышкина. Документы и фотографии из архива ИИМК РАН¹

М. В. Медведева²

Аннотация: В статье рассматриваются материалы Буковинской экспедиции по обследованию состояния сохранности памятников архитектуры и музейных коллекций в зоне военных действий на западном фронте. Экспедиция состоялась в 1916–1917 гг. под руководством академика архитектуры П. П. Покрышкина. Прошло больше 100 лет, а результаты экспедиции так и остаются малоизвестными. Значительный комплекс научной документации из этой поездки — отчет, письма, дневники, фотографии — хранится в Научном архиве ИИМК РАН и нуждается в полноценном введении в научный оборот.

Annotation: This paper considers materials of the Bukovina expedition organized for the examination of the state of preservation of architectural monuments and museum collections in the zone of military activities on the Russian western front during World War I. The expedition took place in 1916–1917 under the direction of the Academician of Architecture P. P. Pokryshkin. More than 100 years have passed but the results of the activities of the expedition remain little known. A considerable assemblage of scientific documents from this trip, i.e. a report, letters, diaries, photographs, is kept in the Scientific Archives of IIMK RAS needing a comprehensive scientific publication.

Ключевые слова: П. П. Покрышкин, архитектура, Буковина, расписные монастыри, архив НА ИИМК РАН, архивные документы, фотографии, Первая мировая война, Археологическая комиссия.

Keywords: P. P. Pokryshkin, architecture, Bukovina, monasteries with painting, Scientific Archives of IIMK RAS, archive documents, photographs, World War I, Archaeological Commission.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-388-405

Нам слышатся вспыхивы бензина —

И сразу воспрянул наш дух!

И мчитя уж наша машина,

Рессоры гремят: трук-трук-трук...

В лесистых горах Буковины

Сокровища ждуть нас искусств.

Но что это?

П. П. Покрышкин, 1917 г.

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 51. Л. 25об.)

Евгений Николаевич Носов на протяжении всей своей научной деятельности теоретически и на практике разрабатывал глобальные вопросы археологии средневековых древностей Северной Европы, однако это не мешало ему всегда с живым интересом и особым вниманием относиться к проблемам изучения истории и организации археологической науки в России. Под его руководством были опубликованы две важнейшие коллективные монографии по истории предшественников Института истории материальной культуры РАН. В 2009 г. вышла книга, посвященная 150-летию юбилею Императорской археологической комиссии (Императорская..., 2009), в которой впервые комплексно освещалась история первого государственного археологического учреждения России в широком контексте общего развития отечественной археологии. Следующей

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0010 «Археологическая и реставрационная деятельность Государственной академии истории материальной культуры на территории Евразии в 1926–1937 гг. (по материалам Научного архива ИИМК РАН)».

² Научный архив, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: pharc@mail.ru.

важнейшей задачей Е. Н. Носов считал издание научного труда по истории возглавляемого им в течение многих лет института, и такая публикация появилась в 2013 г. «Академическая археология на берегах Невы» (Академическая..., 2013) собрала очерки о директорах и деятельности каждого подразделения с момента основания Академии истории материальной культуры в 1919 г. Именно с легкой руки Евгения Николаевича я попала работать в фотоархив ИИМК РАН, и таким образом он предрешил мою судьбу в науке. Притяжение бесценных документальных сокровищ оказалось для меня так велико, что от вещественной археологии я углубилась в архивную. С этого момента вся моя жизнь оказалась связана с Научным архивом ИИМК РАН, чему я всецело обязана моему научному руководителю со студенческой скамьи Е. Н. Носову. Архивные материалы не перестают удивлять и позволяют совершать все новые и новые открытия в истории изучения материальной культуры. В настоящей статье раскрывается еще одна неизвестная страница истории российской археологии начала XX в.

Во время Первой мировой войны Академией наук была создана Комиссия для наблюдения за состоянием сохранности исторических памятников и научных коллекций в зоне военных действий, на западный, кавказский и турецкий фронты были назначены специальные уполномоченные (Басаргина, 2008. С. 488–489). В 1914–1918 гг. в рамках этого проекта состоялось несколько экспедиций, результаты которых до сих пор лишь отчасти введены в научный оборот (Басаргина, 1991; 2008. С. 488–489; Колпакова, Баженова, 2012; Цыпкина, 2015, 2016, 2017, 2019; Старостин, 2014). В 1916–1917 гг. такие работы проводились и на территориях Галиции и Буковины, занятых в ходе наступательной операции юго-западного фронта русской армии летом 1916 г. под командованием генерала А. А. Брусилова. Обследованием памятников архитектуры и церковной старины руководил член Археологической комиссии академик архитектуры П. П. Покрышкин (Медведева, Мусин, 2009. С. 239, 242). Помимо архитектурных памятников в процессе работ исследователи также описывали и фиксировали древности из архивных, музейных и библиотечных хранилищ, собирали этнографические данные. Накопленные ими материалы сохранились в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, библиотеке РАН и других научных учреждениях. В архивном собрании

Института истории материальной культуры РАН наиболее полно представлены документы Буковинской экспедиции, состоявшейся в декабре 1916 г. — январе 1917 г. под руководством П. П. Покрышкина, а также фотографии и разрозненные сведения о поездке туда же летом 1917 г.

В рукописном фонде Императорской археологической комиссии (ИАК) находятся два дела с официальными бумагами по организации экспедиции и перепиской с научными обществами о сборе сведений из всех губерний о памятниках старины, пострадавших в результате военных действий (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1915. Д. 29. 1916. Д. 104). В личном фонде руководителя экспедиции П. П. Покрышкина содержатся официальная корреспонденция, письма участников поездки, фотографии, научный отчет в рукописном и печатном вариантах, карты Галицийско-Буковинских железных дорог с обозначением маршрута, проездные документы, дневники, удостоверения, письма в различные ведомства с просьбой разрешить производство научных работ в районе военных действий, финансовая отчетность и др. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 46–51, 72, 110, 339, 360, 1611 и др.). В фотографическом собрании ИИМК РАН хранится более 500 стеклянных и пленочных негативов и отпечатков, связанных с Буковинской экспедицией 1916–1917 гг. На фотографиях запечатлены памятники древнего зодчества, иконописи, различные предметы из музейных коллекций. Снимки выполнены архитекторами П. П. Покрышкиным и В. Г. Леонтовичем³. В дополнение к собственным фотографиям участники экспедиции обнаружили в Черновцах значительную коллекцию великолепных фотографических снимков (около 400 негативов) расписных монастырей Буковины, исполненных в 1912 г. черновицким фотографом Я. Кшановским под руководством профессора Черновицкого университета В. Мильковича⁴. В 1917 г. по заказу

³ Леонтович Владимир Григорьевич (1881–1968) — инженер, архитектор, реставратор. В 1910-х гг. занимался реставрацией и сохранением архитектурных памятников Волыни, будучи епархиальным архитектором, принимал участие в работах П. П. Покрышкина. Впоследствии — профессор Киевского инженерно-строительного института и Киевского университета.

⁴ Милькович Владимир (1857–1916) — историк, специалист в области истории стран Восточной Европы, профессор Черновицкого университета, один из основателей краевого архива в Черновцах.

П. П. Покрышкина с некоторых из них были сделаны отпечатки, которые сейчас находятся в архиве ИИМК РАН, — два альбома снимков Сучавицкого монастыря большого формата (126 фотографий; НА ИИМК РАН. ФО. Альбомы Q 713–714). Судьба самих негативов неизвестна.

В 1960-х гг. документальный комплекс архива ИИМК РАН, связанный с работами 1916–1917 гг. в зоне военных действий, был дополнен материалами одного из участников экспедиции — В. Г. Леонтовича, к тому времени профессора инженерно-строительного института в Киеве. Еще в 1948 г., судя по сохранившимся записям, благодаря его помощи были атрибутированы некоторые дневники экспедиции. К документам личного собрания П. П. Покрышкина В. Г. Леонтович обратился в те годы не случайно. Два архитектора были знакомы с начала 1910-х гг., их связывали не только рабочие, но и дружеские отношения. Как видно из переписки конца 1940-х гг., В. Г. Леонтович пытался собрать воспоминания о П. П. Покрышкине, а также найти его портретные фотографии, которых было известно крайне мало. Архитектор планировал организовать небольшую экспозицию в церкви Спаса на Берестове в Киеве, изучением и реставрацией которой занимался П. П. Покрышкин в 1909–1914 гг. Благодаря этому обстоятельству были написаны и впоследствии оказались в архиве письма историка искусства Н. П. Сычева с ценной информацией о личности ученого и о его семье (Платонова, 2015, 2017). В 1961 г. В. Г. Леонтович сдал часть своего личного архива, касающуюся его деятельности по поручениям ИАК, в Архив ЛОИА с аннотациями и комментариями. В рукописном отделе они были присоединены к фонду П. П. Покрышкина. Большую ценность среди них составляет личная корреспонденция архитекторов, где раскрывается неофициальная сторона организации и проведения Буковинской экспедиции. В. Г. Леонтович также передал и свои фотоматериалы в фотоархив ЛОИА. Негативы образовали отдельный личный фотографический фонд архитектора (НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 51), среди снимков есть несколько фотостереопар из поездки 1916–1917 гг. Такую технологию, позволяющую создать объемное изображение, предложил использовать сам В. Г. Леонтович. Он заранее прислал руководителю экспедиции П. П. Покрышкину образец стеклянной пластинки для полископа (так он называл фотоаппарат для стереофото съемки. — *Прим. авт.*) и просил купить таких

побольше (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1611. Л. 26об.). После экспедиции П. П. Покрышкин заказал фотографу Археологической комиссии сделать диапозитивы со снимков В. Г. Леонтовича, они поступили в хранение архива. К огромному сожалению, вся эта коллекция (224 ед. хр.) была списана в 1974 г., а установить местонахождение оригиналов пока не удастся.

Научно-организационные документы, дневники, рисунки, фотографии и письма — все это дает нам подробное представление о том, как проходила Буковинская экспедиция, какие задачи были поставлены перед учеными, а также важную информацию о состоянии сохранности памятников и музейных коллекций на обследованной территории Буковины в то время. Комплексные исследования продолжались с декабря 1916 г. до июля 1917 г. Две наиболее длительные поездки специалистов под непосредственным руководством П. П. Покрышкина состоялись с 18 декабря 1916 г. по 9 января 1917 г. и с 20 мая по 10 июня 1917 г.

Подготовка к первой экспедиции началась после обращения в Императорскую археологическую комиссию братьев Ф. Ф. Трепова⁵ и А. Ф. Трепова⁶. Это произошло в конце июля 1916 г., когда в результате успешно проведенной на юго-западном фронте операции русскими войсками были захвачены территории Буковины, где затем и проводились исследования. А. Ф. Трепов писал председателю ИАК А. А. Бобринскому: «<...> во время только что совершенной мною поездки на дороги фронта, 23 сего июля я имел возможность посетить в Буковине город Кимполунг. Ехавшие вместе со мной Галицийский генерал-губернатор и Тернопольский губернатор объяснили мне, что при местной сельско-хозяйственной школе в Кимполунге хранится большая коллекция старинных икон, церковной утвари, предметов домашнего обихода и проч., причем ими были высказаны опасения о возможности, за отсутствием надлежащей охраны, расхищения всей этой коллекции» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 104. Л. 1). Ф. Ф. Трепов предписал местным губернаторам «принять меры к охране памятников

⁵Трепов Федор Федорович (1854–1938) в 1916 г. военный генерал-губернатор областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны.

⁶Трепов Александр Федорович (1862–1928) в 1916 г. министр путей сообщения.

старины, библиотек, научных и художественных коллекций и т. п.» и интересовался, «*быть может Императорская археологическая комиссия признает нужным командировать кого-либо из своих членов в Галицию и Буковину для ознакомления с сохранившимися там памятниками старины и искусства*» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 104. Л. 2). Сразу после получения этих писем были назначены три члена экспедиции ИАК для обследования сохранности исторических памятников в зоне военных действий. Руководителем стал академик архитектуры П. П. Покрышкин, по его рекомендации в состав экспедиции вошли епархиальный волынский архитектор В. Г. Леонтович и художник А. П. Хотулев⁷ из Москвы. В рапорте министру Императорского двора председатель Археологической комиссии А. А. Бобринский писал: «*Министр путей сообщений и и. д. военного генерал-губернатора областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны, одновременно, отношениями от 27 июля сего года уведомили меня о необходимости теперь же произвести осмотр и описание памятников старины в тех частях Буковины и Галиции, которые заняты нашими войсками. Находя со своей стороны, что приведением в известность художественных сокровищ и древностей в названных местностях будет положено прочное основание к принятию дальнейших мер к их сохранению, я считал бы желательным командировать в Буковину и Галицию члена вверенной мне Императорской археологической комиссии академика архитектуры П. П. Покрышкина и инженера В. Г. Леонтовича <...>*» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 104. Л. 3–3об.). П. П. Покрышкин с большим воодушевлением готовился к будущей поездке и так описывал это в письме от 16 августа 1916 г. В. Г. Леонтовичу, с которым он был знаком еще со времен реставрации Острожского замка: «*Граф (председатель ИАК А. А. Бобринский. — Прим. автора) в виде контратаки показал мне два письма от двух Треповых <...> В этих письмах графа побуждают принять меры к описанию и охране памятников старины в этих областях. Кажется, действительно, Вашему почитателю и покорному слуге придется ехать и*

на Волынь, и в Буковину и во все те области, которые мы с Божией помощью возьмем у Австро-Венгрии. Но когда это будет? Неизвестно <...> Вчера уже появились телеграммы о выступлении Румынии с нами. Поздравляю Вас с этой крупной удачей России!» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1611. Л. 12–12об.).

Одновременно вместе с этим в начале августа в Академию наук поступило обращение Петроградского отделения Варшавского Общества охранения древностей о необходимости защиты памятников, музейных коллекций и библиотек, оказавшихся в зоне военных действий: «*<...> в связи с развернувшимися в настоящее время событиями, многие памятники польской старины, находящиеся в районе военных действий, вновь подверглись гибели, другим же угрожает порча и уничтожение.*

Памятуя о том, что охрана уцелевших доныне, к сожалению, весьма немногочисленных, а потому тем более ценных остатков польской старины, является важнейшей и неотложнейшей задачей Отделения, Правление позволяет себе обратиться к Императорской академии наук с настоятельным и почтительным ходатайством о нижеследующем:

Не признает ли Академия наук полезным и возможным 1/ организовать при Штабах Главнокомандующих армиями, в первую очередь на юго-западном фронте, постоянные комиссии, состоящие из специальных уполномоченных Императорской академии наук и Археологической комиссии, а также представителей Отделения, которые взяли бы на себя заботу об охране памятников старины, находящихся в сфере военных действий, причем весьма желательно было бы, чтобы военные власти, в случае надобности, предоставляли в распоряжение комиссий военную охрану для оберегания ценных предметов старины и искусства от порчи и расхищения;

2/ ввиду крайней спешности дела, как временную, до учреждения вышеупомянутых комиссий, меру — командировать вновь в Галицию своего уполномоченного, совместно с представителем Отделения <...>» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1915. Д. 29. Л. 81–81об.; Ф. 21. Оп. 1. Д. 360. Л. 9–10).

Несмотря на то, что решение об организации экспедиции было принято сразу летом 1916 г., вопрос о ее финансировании растянулся на долгое время. В начале октября 1916 г. П. П. Покрышкин писал В. Г. Леонтовичу: «*Винювен! но заслуживаю*

⁷ Хотулев Аникита Петрович (1871–1941) — художник, ученик И. Е. Репина. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, затем Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств.

снисхождения. Со дня на день ждал распоряжения выехать на Волынь и в Буковину, но — никаких известий! Председатель наш совсем нас забыл, для меня это великое испытание при нынешних обстоятельствах, когда требуются энергичные действия. Если бы не финансы — я самовольно действовал бы “по практике”, но ... денег-то и не дают, хотя и не отказывают. Не посмотрю ни на что, поеду и зимой, лишь бы отпустили средства» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1611. Л. 15). Вскоре после этого письма наконец-то выделили аванс 500 руб. при общей ассигнованной сумме в 3000 руб. В тот же момент конференция Академии наук обратилась к Покрышкину с просьбой, помимо обязательств перед Археологической комиссией по этому проекту, дополнительно принять на себя и поручение стать уполномоченным Академии по охране памятников старины и научных собраний в районе военных действий на юго-западном фронте (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 104. Л. 20). В связи с расширением задач экспедиции потребовалось и усиление состава. Поэтому, в ноябре к списку сотрудников присоединился молодой архитектор А. П. Удаленков⁸, в то время ученик Высшего художественного училища при Академии художеств, и затем представитель Варшавского общества С. А. Боравский⁹.

Состав участников передали Треповым и главнокомандующему юго-западного фронта генералу А. А. Брусилову для оформления всех разрешительных документов, ведь по армиям юго-западного фронта был издан приказ о запрете любого фотографирования и киносъемки, не взирая на чин и звание, в районе железных дорог, шоссе, рек и грунтовых дорог без специального на то разрешения штаба. Фотосъемка «допускалась только в случаях служебных надобностей: в целях научных (снимки, имеющие значение для истории

или для техники), и для предоставления при отчетности, если эти требования исходят от высшего прямого начальства (не ниже командира корпуса и лиц равной им власти)» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1612. Л. 20). Сотрудникам экспедиции были выданы удостоверения, пропуска, визитки от Академии наук, от штаба Главнокомандующего армиями юго-западного фронта, от Черновицкой администрации. В документах было прописано право находиться в зоне военных действий, фотографировать, делать зарисовки, обмеры и описания предметов древности. В удостоверениях также указывалось, что военные на местах должны оказывать всяческое содействие в предоставлении средств передвижения (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 360. Л. 11–28). Одновременно с этим от управления железных дорог исследователи получили служебные билеты 1 класса для бесплатного проезда до места назначения. Существующая на тот момент регламентация архитектурно-археологических исследований также была соблюдена: Императорская археологическая комиссия выписала Открытый лист от 6 декабря 1916 г., которым удостоверялось, «что член ее академик архитектуры П. П. Покрышкин командирован в район военных действий юго-западных армий, а именно в Буковину, Галицию, Волынь и Подолию для изучения памятников зодчества и вообще искусства, наблюдения и руководства за исправлением их» (рис. 1). Участники экспедиции обязаны были передвигаться в военно-походной форме. В письме к В. Г. Леонтовичу П. П. Покрышкин признавался, что этот факт стал неожиданным для него: «Кроме того еще важный, но совершенно непредвиденный мною вопрос: походная форма! Я еще не узнал, какая именно должна быть форма, но предвидятся крупные на нее издержки, если не удастся воспользоваться готовою формой у кого-либо из знакомых. Уже хлопочу о разрешении заказать форменную одежду на казенный счет» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1611. Л. 17об.). В результате были закуплены полушубок, фуфайки, кители, военные фуражки, кокарды, погоны и т. д., на что ушла значительная сумма — 300 руб. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 50. Л. 23, 25).

Начало поездки по разным причинам откладывалось несколько раз в течение осени 1916 г. — данное обстоятельство очень беспокоило участников экспедиции, так как надвигалась зима. По всей видимости, В. Г. Леонтович предлагал даже

⁸ Удаленков Александр Петрович (1887–1975) — архитектор, реставратор, после революции сотрудник Академии истории материальной культуры. Принимал участие в реставрации памятников Москвы, Новгорода, Петрограда-Ленинграда, Самарканда и др.

⁹ Боравский Сигизмунд Александрович (1888–1956) — юрист и литератор, сын художника-реставратора, сотрудника Русского музея императора Александра III (1896–1910-е) А. Я. Боравского. Прапорщик железнодорожных войск С. А. Боравский был командирован в поездку Академией наук как представитель Петроградского отделения Варшавского общества охраны древностей и «знаток польской старины».

15

7 . . . Декабря 1916 г.

№ 1961

Петроградъ.

Здание ИМПЕРАТОРСКАГО Зимняго Дворца.

ОТКРЫТЫЙ ЛИСТЪ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Коммиссія симь удостовѣряеть, что членъ ея академикъ-архитектуры П.П.Покрышкинъ командируется въ районъ военныхъ дѣйствій юго-западныхъ армій, а именно въ Буковину, Галицію, Волынь и Подолію для изученія памятниковъ зодчества и вообще искусства; наблюденія и руководства за исправленіемъ ихъ. Археологическая Коммиссія покорнѣйше просить учрежденія и лицъ, въ вѣдѣніи коихъ находятся эти памятники, оказывать возможное содѣйствіе г.Покрышкину и сопровождающимъ его: инженеръ-строителю В.Г.Леонтовичу, художнику живописи А.П.Хотулеву и ученику высшаго художественнаго училища при ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ А.П. Удаленкову въ исполненіи возложенныхъ на нихъ порученій.

Предсѣдатель Коммисіи,
Оберъ-Гофмейстеръ Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Рис. 1. Открытый лист, выданный П. П. Покрышкину в 1916 г. для работ в районе действий юго-западных армий. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 360. Л. 15

Fig. 1. Scientific license issued to P. P. Pokryshkin in 1916 for investigations in the locality of activities of south-western armies. NA IIMK RAN. RO (The Scientific Archives of IHMC RAS. Manuscript Department). Archive group 21. Inv. 1. File 360. Sheet 15

Рис. 2. Члены Буковинской экспедиции в Ставке Верховного главнокомандующего юго-западного фронта, декабрь 1916 г. Слева направо: А. П. Удаленков, В. Г. Леонтович, П. П. Покрышкин, А. П. Хотулев, П. А. Незнамов. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 106. Л. 8

Fig. 2. Members of the Bukovina Expedition in the Headquarters of the Commander in Chief of the south-western front, December of 1916. From left to right: A. P. Udalenkov, V. G. Leontovich, P. P. Pokryshkin, A. P. Khotulev, P. A. Neznamov. NA IIMK RAN. RO. Archive group 21. Inv. 1. File 106. Sheet 8

перенести поездку на весну, однако П. П. Покрышкин не согласился: *«Не могу исполнить Вашей просьбы по следующим весьма уважительным причинам: 1) в мае Вас не отпустят, ибо постройка будет в разгаре, 2) мы можем начать объезд с дорогой Вашему сердцу Волыни, 3) мне невозможно в другое время туда путешествовать, 4) цель поездки не терпит отлагательства, 5) весной я должен поехать в Олонецкую губернию, 6) длинные вечера мы используем для писания подробных отчетов, а быть может и для проявления, 7) Удаленков, оправдывая свою фамилию, будет нам весьма полезен, вдвое ускорить работу, если Бог даст, все будет благополучно, 8) относительно погоды и дороги возложим надежду на волю Божию, ибо они в Его только руках»* (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1611. Л. 24об.). Только в начале декабря ситуация прояснилась, и члены экспедиции двинулись в путь. 18 декабря 1916 г. через Киев они прибыли в Каменец-Подольский в штаб Главнокомандующего армиями Юго-

Западного фронта (рис. 2). Оттуда они поехали в Черновцы, где встретились с Ф. Ф. Треповым, чтобы обсудить план работ. Машина оказалась для исследователей недоступной роскошью, однако в их распоряжение предоставили специальный служебный вагон (№ 31) для передвижений. В отчете П. П. Покрышкин писал, что с самого начала против них *«выступили непреодолимые препятствия: 1) невозможность достать автомобиль, и следовательно, полная обреченность экспедиции на черепаший способ передвижения и 2) морозы, окончательно добившие наши порывы. Каждый из членов экспедиции, будучи крайне занят служебными обязанностями, конечно, стремился использовать наилучшим образом тот месяц отпуска, который был получен с великим трудом, но что ж поделаешь, когда расстояние в 90 верст приходилось делать в течение двух суток, пропадавших при том совершенно без пользы, так как ни читать, ни писать, в тряском вагоне и при немилосердно дергавшем паровозе было почти невозможно. <...> Имея*

Рис. 3. Карта Буковинско-Галицийских железных дорог с указанием маршрута первой Буковинской поездки зимой 1916/1917 гг. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 110. Л. 2

Fig. 3. Map of the Bukovina-Galicia railroads with indication of the itinerary of the first Bukovina trip in winter of 1916/1917. NA ИИМК РАН. RO. Archive group 21. Inv. 1. File 110. Sheet 2

в своем распоряжении автомобиль, экспедиция могла бы в один месяц осмотреть все памятники в зимнее время, а в летнее на то же дело потребовалось бы всего две недели, так как летом описывать и фотографировать возможно с 4 часов утра до 8 часов вечера, а зимою лишь с 9 до 3 часов» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 48. Л. 58об., 59) (рис. 3).

Всю первую неделю П. П. Покрышкин занимался организационными вопросами и лишь

изредка присоединялся к остальным сотрудникам, которые активно осматривали памятники в окрестностях Черновцов. Сначала они посетили Черновицкий церковный музей в резиденции митрополита. Вещи музея оказались в полном беспорядке, а хранитель музея намекал, что разгром устроен русскими войсками и что ключи от шкафов похищены русскими солдатами. Старые книги, иконы из собора Святого Юра во Львове и

Рис. 4. Черновцы. Церковный музей в резиденции митрополита, декабрь 1916 г. П. П. Покрышкин за работой по описанию и фиксации музейной коллекции. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 37614

Fig. 4. Chernovtsy. Church museum at the residence of the Metropolitan Bishop, December 1916. P. P. Pokryshkin occupied with description and recording of the museum collection. NA IIMK RAN. FO (The Scientific Archives of IIMC RAS. Photographic Department). Negative II 37614

различных церквей Буковины, деревянная дарохранительница в виде трехглавой церкви, церковная мебель — все было тщательно описано, сфотографировано и зарисовано участниками Буковинской экспедиции (рис. 4). Среди музейных предметов была обнаружена уже упомянутая выше роскошная коллекция фотографических снимков расписных монастырей Буковины, исполненных в 1912 г. После музея члены экспедиции занялись осмотром церквей в окрестностях Черновцов и

зафиксировали состояние сохранности деревянных церквей в селах Рош, Клокучка, Каличанка, Гореча и каменной церкви в Люди-Гореча. Больше всех из осмотренных пострадала каменная церковь Рождества Богородицы в Люди-Гореча: средний купольный барабан был разрушен крупным снарядом, «*посредине церкви лежала гряда кирпичного щебня*», так как «*вплотную к церкви с восточной и северной сторон подходили окопы австрийцев, и здесь же находилась тяжелая батарея в железобетонных прикрытиях*» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 48. Л. 62об., 63) (рис. 5).

Из Черновцов сотрудники экспедиции последовали в Кимполунг, где находилась главная цель их поездки — тот самый музей, сохранность экспонатов которого так беспокоила братьев Треповых. Они выехали рождественским вечером 25 декабря 1916 г. в 10 часов, но по дороге у их вагона ночью загорелась ось. Его отцепили и отправили ремонтироваться, поэтому исследователи решили заняться осмотром памятников находящейся недалеко Сучавы (рис. 6), так как все равно планировали это сделать. «*Пришлось пешком идти около 4 верст, — писал П. П. Покрышкин, — и только к закату солнца 26 декабря мы прибыли в бывший Сучавский монастырь, где нашли приют и тотчас занялись зарисовкой, описанием и фотографированием любопытной соборной Георгиевской церкви*» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 48. Л. 63об.). В отчете П. П. Покрышкин восхищался реставрацией стенописи этой церкви. «*В этой церкви русским есть чему поучиться. В этой церкви встретил я исполнение идеальных стремлений художников; в России, по соображениям ложного «благолепия» еще ни разу не удалось осуществить реставрацию стенописи без обновления древних изображений, без «закрепляющих» составов, сильно искажающих первоначальные тона, без подзолоты и перезолоты заново, придающей стенописи пошлый вид. Здесь, в Сучавской Георгиевской церкви произведена лишь очистка от копоти, а утраты даже и на очень видных местах <...> прикрыты лишь лиловатым темным глубоким тоном, удивительно удачно подобранным. Потертые части оставлены без поправок <...>. В результате действительно художественное, в высшей степени благородное, поистине благолепное впечатление. <...> Тайна этой красоты, быть может, и заключается как раз в отсутствии «реставрации», которая как бы ни*

была совершенна, всегда имеет печать фальшивой подделки» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 48. Л. 64об.). В последующие дни сотрудники экспедиции обследовали еще несколько церквей Сучавы, а также съездили в расписной монастырь Драгомирна. После починки вагона, исследователи продолжили свой путь в Кимполунг. Однако едва они двинулись, как загорелась другая ось вагона, и они опять остановились на ремонт. Пользуясь задержкой, они осмотрели еще находящиеся поблизости монастыри Гура-Гумора и Воронец (рис. 7). Помимо архитектурных памятников и стенописи, были подробно описаны находящиеся там иконы и предметы церковного обихода.

Утром 31 декабря 1916 г. они все-таки прибыли в Кимполунг. *«Здесь оказано было нам радушнейшее гостеприимство г. начальником уезда, — сообщал П. П. Покрышкин в отчете, — нас обильно кормили, впрочем, и вообще в Буковине изобилие провианта, так что родственники и знакомые военных и чиновников, здесь служащих, приезжают для закупок и везут в Россию столько, сколько можно взять с собой в качестве ручного багажа в вагон, ибо ни багажа, ни частного груза везти нельзя»* (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 48. Л. 74об.). В Кимполунге члены экспедиции сразу же приступили к обследованию музейной коллекции и библиотеки при Училище по деревообработке. В тот момент в здании находился войсковой штаб, музейные предметы оказались в беспорядке, но двери были опечатаны. *«Музей помещается в 3-ем этаже в двух комнатах. Большая занята древними предметами, и этнографическими, а меньшая новыми работами учеников, преимущественно в очень жалком декадентском виде, и библиотекою»* (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 48. Л. 75). Исследователи составили перепись древних вещей: икон, церковной утвари, этнографической коллекции, в которой преобладали деревянные предметы (рис. 8). Часть старинной одежды к тому времени уже была вывезена в Полтавский земский и Киевский городской музеи. После осмотра помещения музея были вновь опечатаны, а корпусной командир и начальник уезда пообещали в дальнейшем заботиться о сохранности экспонатов.

В первые январские дни 1917 г. члены экспедиции обследовали церкви Кимполунга, а также посетили Фундул-Молдову, Ватра-Молдавицу, Ваму и описали церкви, находящиеся в них. В Ватра-

Рис. 5. Люди-Гореча. Церковь Рождества Богородицы с разрушенным средним куполом. Фото П. П. Покрышкина, декабрь 1916 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 37648

Fig. 5. Lyudi-Gorecha. The Church of the Nativity of the Virgin with the destroyed middle cupola. Photo by P. P. Pokryshkin, December 1916. NA ИИМК РАН. FO. Neg. II 37648

Молдавице они обнаружили леса, возведенные вокруг храма Благовещения Пресвятой Богородицы. В 1914 г. там производились реставрационные работы, но при приближении русских войск рабочие сбежали, бросив на месте штукатурные лопатки и готовый раствор, «затвердевшие как камень» к моменту приезда П. П. Покрышкина и его сотрудников (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 48. Л. 79). После изучения церкви в Ваме нескольким участникам экспедиции необходимо было вернуться из отпуска на работу, поэтому они сделали там общую фотографию (рис. 9).

Рис. 6. Сучава. Монастырь Иоанна Нового Сучавского, декабрь 1916 г. НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.475-1861
Fig. 6. Suchava. Monastery of John the New of Suchava, December 1916. NA IIMK RAN. FO. Photoprint O.475-1861

Рис. 7. Монастырь Гура-Гумора. П. П. Покрышкин и А. П. Удаленков за фотофиксацией Успенской церкви.
Фото В. Г. Леонтовича, декабрь 1916 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 84507
Fig. 7. Gura-Gumora monastery. P. P. Pokryshkin and A. P. Udalenkov photographing the Church of the Dormition.
Photo by V. G. Leontovich, December 1916. NA IIMK RAN. FO. Neg. I 84507

Рис. 8. Музей в Кимполунге, декабрь 1916 г. НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.475-1867

Fig. 8. Museum in Kimpolung, December 1916. NA IIMK RAN. FO. Photoprint O.475-1867

Рис. 9. Вама. Вознесенская церковь. Слева направо: А. П. Удаленков, А. П. Хотулев, С. Л. Дьяконович, В. Г. Леонтович. 3 января 1917 г. НА ИИМК РАН. ФО. Neg. II 37693

Fig. 9. Vama. Church of the Ascension. From left to right: A. P. Udalenkov, A. P. Khotulev, S. L. Dyakonovich, V. G. Leontovich. January 3, 1917. NA IIMK RAN. FO. Neg. II 37693

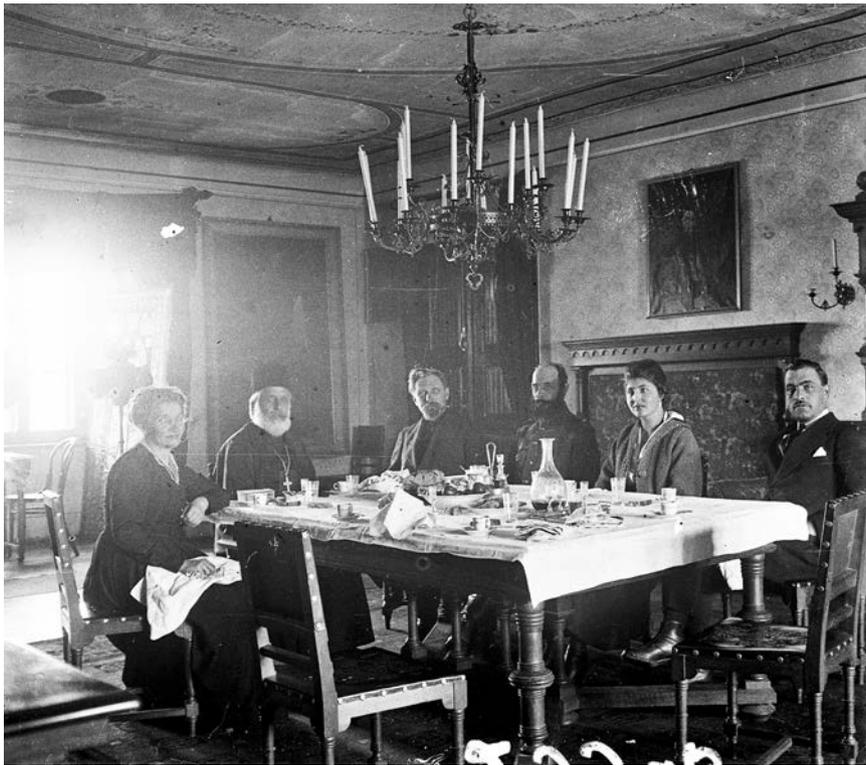

Рис. 10. Сучавицкий монастырь. Члены экспедиции в гостях у архимандрита Ортисия. Третий слева — А. П. Хотулев, четвертый слева — П. П. Покрышкин. Фото В. Г. Леонтовича, январь 1917 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 84509

Fig. 10. Suchava Monastery. Participants of the expedition visiting Archimandrite Ortisiy. The third on the left is A. P. Khotulev, the fourth on the left — P. P. Pokryshkin. Photo by V. G. Leontovich, January 1917. NA IIMK RAN. FO. Neg. I 84509

Дальнейшие осмотры производились только П. П. Покрышкиным, В. Г. Леонтовичем и А. П. Хотулевым. Они обследовали Радовецкую церковь, а затем посетили Сучавицкий монастырь. Пребывание в Сучавицком монастыре в отчете П. П. Покрышкина выделяется особо: «прибыли в монастырь 6 января к крестному ходу на водосвящение. Нам оказана была большая честь: архимандрит Ортисий Попескул (рис. 10) взял меня за руку и поставил рядом с собою; русские из монахов отважились при нас петь по-русски тропарь и кондак праздника, а через день в воскресенье мне было разрешено по-русски прочесть в церкви шестопсалмие, кафизмы, «Верую» и «Отче Наш», причем я занимал место рядом с архимандритом; он замечательный приветливый и радужный человек, мы под его покровительством успели довольно много сделать <...> Обстановка для работы была бы идеальная, если бы не начавшие крепнуть еще более морозы: мороз 7 января был 20°, 8-го 25°, а девятого 27°» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 48. Л. 85–85об.).

Прежде всего исследователи изучили архитектурные памятники в самом Сучавицком монастыре, подробно описали внутреннюю и наружную роспись храма во имя Воскресения Христова, иконостас, предметы интерьера, «шитые портреты». Из Сучавицкого монастыря экспедиция направилась в монастырь в Путне, основанный в XV в. «В Путну мы прибыли 9 января утром, уже к 10 часам, совсем озябшие. Архимандрита видеть нельзя было, так как он находился в тяжелой болезни, при смерти. Нас принял какой-то посторонний протоиерей, видимо просвещенный человек, сразу правильно оценивший наше посещение, тогда как монахи были объаты ужасом; успокоению этих не в меру пугливых монахов способствовал прибывший вскоре за нами архимандрит Ортисий. К сожалению, нам приходилось спешить» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 48. Л. 94). Кроме характеристики главной церкви монастыря, члены экспедиции дали описание великолепных образцов шитья XV в., сохранившихся там. Путна стала последним пунктом зимней поездки в Буковину.

Каждый участник в течение экспедиции вел дневник. В ряде случаев в одном дневнике записи сделаны по очереди разной рукой (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 46, 47, 49). Например, в одной из тетрадок первый лист подписан А. П. Удаленковым, затем несколько страниц заполнено П. П. Покрышкиным, затем В. Г. Леонтовичем. Записи сделаны карандашом и не повторяют друг друга. Обычно исследователи все одновременно писали каждый свой дневник, занимаясь изучением разных типов объектов на одном и том же памятнике. Кто-то описывал иконы, кто-то — фресковую живопись, книги, предметы церковного обихода. Иногда записная книжка составлялась тематически, когда ее вели разные участники, передвигаясь по разным памятникам в одно и то же время. В дневниках содержатся описание маршрутов с датами, описание объектов изучения, их интерьеров, состояния сохранности, зарисовки деталей, рекомендации по реставрации и хранению, данные о перемещении музейных и старокнижных коллекций внутри территории Буковины и в Москву, сведения общеполитического и общеисторического характера. После зимней поездки П. П. Покрышкин свел всю информацию воедино и составил на основе всех дневников общий научный отчет.

22 февраля 1917 г. руководитель экспедиции сделал в ИАК доклад об осмотре памятников Буковины (Известия..., 1918. С. 108). Полный текст отчета хранится в личном фонде П. П. Покрышкина в двух машинописных экземплярах и одном рукописном (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 48). В заключении к нему архитектор перечислил первоочередные минимальные меры по сохранению и ремонту осмотренных архитектурных памятников и музеев. С одобрением П. П. Покрышкин отзывался о существовавшей в Буковине системе охраны деревянных церквей и о предыдущих реставрациях, произведенных австрийским архитектором К. А. Ромшторфером¹⁰, восхищался прекрасным отношением буковинского духовенства к церковным древностям: *«духовенство в общем более культурно, чем у нас, священники непременно окончили гимназию, а большая часть богословский факультет Черновицкого университета; все*

встречавшиеся нам священники твердо знают, что древность священна и неприкосновенна» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 48. Л. 100). Вместе с тем П. П. Покрышкин указал, что задачи экспедиции не выполнены даже и наполовину, в обследовании нуждались еще более ста церквей.

В течение весны–лета 1917 г. уполномоченные Академией наук архитекторы, этнографы, археологи, в основном, живущие и работающие на территории Украины, продолжали работы по проекту и совершили еще ряд поездок с целью дальнейшего обследования состояния памятников старины (Багрий, 1918). В архиве ИИМК РАН очень мало сведений об этом периоде.

Еще весной в письмах П. П. Покрышкина к В. Г. Леонтовичу появляются признаки приближающейся катастрофы. В феврале он пишет по поводу печати экспедиционных снимков: *«Потерпите, не горячитесь, спадут же цены когда-нибудь или увеличатся кредиты. Пришлите счета по печатанию и увеличению, изготовлению диапозитивов и проч. Сижу пока без средств, жду возвращения перерасходов, произведенных из собственного кармана. Я теперь очень боюсь подобных перерасходов, натерпелся горя <...> Ужасно медленно теперь работает канцелярия...»* (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1611. Л. 28об.). Весной 1917 г. на бланках уполномоченного в названии Академии наук уже вычеркнуто слово Императорская, на других бланках появляется Бывший кабинет его величества. Поздравляя В. Г. Леонтовича с Пасхой, 7 апреля 1917 г. П. П. Покрышкин сообщает: *«Получил Вашу открытку от 2 апреля и жду обещанное письмо, в котором, быть может, не прочту ли о Ваших намерениях и возможностях проехаться с экспедицией Академии наук. Археологическая Комиссия пока остается на тех же правах, условиях и обязанностях»* (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1611. Л. 32об.). В открытке 2 мая 1917 г. чувствуется некоторая надежда: *«Милый, дорогой Владимир Григорьевич! Попутчик подполковник с румынского фронта весьма меня успокоил относительно поведения солдат на фронте. Он много рассказывал и в общем я воспрянул духом, благодарение Богу!»* (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1611. Л. 33об.).

В мае–июне 1917 г. состоялась еще одна комплексная экспедиция на территорию Буковины с расширенным составом специалистов под руководством академика архитектуры П. П. Покрышкина (рис. 11). Во второй поездке,

¹⁰ Ромшторфер Карл Адам (1854–1916) — австрийский архитектор, профессиональное образование получил в Вене в Высшей технической школе. С 1884 по 1904 г. работал и жил в Буковине, где активно занимался сохранением и реставрацией памятников архитектуры (Подробнее о нем см.: Грябан, Чучко, 2008).

Рис. 11. Участники Буковинской поездки летом 1917 г. Слева направо: А. В. Багрий, А. П. Хотулев, П. П. Покрышкин, С. И. Маслов, Ф. В. Кораллов. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 37193

Fig. 11. Participants of the Bukovina trip in summer of 1917. From left to right: A. V. Bagriy, A. P. Khotulev, P. P. Pokryshkin, S. I. Maslov, F. V. Korallov. NA ИИМК РАН. FO. Neg. II 37193

кроме руководителя, принимали участие художник А. П. Хотулев, приват-доцент Киевского университета С. И. Маслов¹¹, А. В. Багрий¹²,

¹¹ Маслов Сергей Иванович (1880–1957) — библиограф, литературовед, книговед и педагог, профессор (1935), член-корреспондент НАНУ (1939), доктор филологических наук (1943). П. П. Покрышкин привлек его к работам как специалиста по рукописям.

¹² Багрий Александр Васильевич (1891–1949) — литературовед, историк, библиограф. П. П. Покрышкин

Ф. В. Кораллов¹³. К сожалению, полноценного отчета этой экспедиции в архиве ИИМК РАН нет, но есть очень краткие дневниковые заметки, отдельные официальные документы, упоминания в письмах, финансовые подсчеты трат на питание и передвижение, сделанные рукой П. П. Покрышкина на отдельных листочках или в блокнотах. В фотоколлекции содержится комплекс снимков, относящихся к этой поездке. В описи они не датированы, однако по подписям Покрышкина на негативах и времени года, изображенному на них, становится очевидным, что они были сделаны летом 1917 г. (рис. 12). Исследователи побывали в Сучаве, Драгомирне, Мамаевцах-Лужанах, Серете и опять подробно отсняли и описали памятники церковной архитектуры.

Потери завоеванных территорий и политические перемены в России привели к свертыванию работ Буковинской экспедиции в конце лета 1917 г. Ф. В. Кораллов так описывает возвращение из последней поездки в Буковину в июле 1917 г.: «из Черновцов я выехал вследствие эвакуации их 14 июля часа в 2 дня. Ехал в Киев с 14 по 23 июля эвакуационным поездом в теплушке и потом в вагоне 3 класса со скоростью от Новоселиц 5 верст в сутки. На пути от Черновцов к Новоселицам скопилось свыше 70 поездов, идущих в одном направлении, поэтому и приходилось стоять на пути часто среди полей часов 5, 8, 12, не двигаясь на месте. Не предполагая пробыть столь долгое время в пути, естественно, я и многие другие из 912 человек, бывшие в этом поезде, не захватили достаточного количества провианта на дорогу. На второй день вечером обнаружилось, что в поезде есть такие лица, которые не ели ничего целый день. На станциях в буфетах не только не было ничего съестного, но даже и кипятку: кипяильники не успевали скипятить от отхода одного поезда до прибытия другого. Впрочем, благодаря полковнику Смирнову, семейство которого ехало

называл его «книжник», был включен в состав экспедиции как специалист для изучения и описания библиотечных коллекций.

¹³ Кораллов Федор Васильевич (1865–?) — начальник Холмской учебной дирекции, один из организаторов музея церковно-археологических древностей в Холме, свободно читал древнеславянские рукописи. П. П. Покрышкин был знаком с ним еще со времени своих архитектурно-археологических работ в Холме в 1909–1912 гг.

Рис. 12. Сучава. Армянская церковь, май-июнь 1917 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 39194

Fig. 12. Suchava. Armenian church, May-June 1917. NA IIMK RAN. FO. Neg. II 39194

в поезде, и который распорядился привести к поезду солдатскую кухню с изготовленным супом, 16 июля прошло благополучно в отношении питания. Потом образовался питательный при поезде комитет, который снабдил едущих консервами, сахаром, хлебом, и доехали сравнительно благополучно в Киев без особой голодовки» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 188. Л. 6–6об.). Эти печальные июльские дни описал и А. В. Багрий, исполнявший, по просьбе П. П. Покрышкина, обязанности уполномоченного Академии наук по охране памятников старины в Буковине в течение весны-лета 1917 г. 20 июля он вместе с губернским комиссаром и его помощником «направились к Кимполунгу, но не доежая до него, в Ваме узнали печальную новость о его сдаче немцам и полном при сдаче разгроме, причем указывалось, что дом, в котором находились остатки музея, подвергся разрушению. <...> 22 июля с тяжелым чувством горечи после пережитых впечатлений и сожаления о потере Буковины выехали мы из Сучавы» (Багрий, 1918. С. 12).

Последнее письмо к В. Г. Леонтовичу от П. П. Покрышкина, в котором затрагивается тема Буковины, датируется 27 июля 1918 г. «Милый дорогой, Владимир Григорьевич! Делаю попытку переслать Вам эту весть о себе ввиду газетных

сообщений об открытии границы для почтовых сообщений. Я, папа и сестра существуем по-прежнему, хотя и не доедаем. Вспоминаем нередко Вас <...> У меня имеются вести, что Вы уцелели и находитесь в добром здравии. Я соскучился без вестей от Вас, да необходимость ликвидации нашей Буковинской поездки меня томит. <...> Как-нибудь коротенько сообщите о Буковине, пришлите, что имеете готовым, отложив научную обработку до более удобного времени. Собираюсь писать Вам о многом» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1611. Л. 40об.).

Ценные документальные материалы экспедиции так и остаются малоизвестными и неизданными. К столетию с момента проведения экспедиции группа российско-украинских исследователей совершила поездку в Буковину и попыталась повторить маршрут П. П. Покрышкина и его сотрудников (Медведева и др., 2017). В результате еще более очевидной стала необходимость полного введения в научный оборот документального наследия Буковинской экспедиции — одного из значимых примеров деятельности русской науки на поприще сохранения и исследования памятников старины в тяжелых условиях военного времени. Вместе с тем, документы экспедиции демонстрируют довольно удачный опыт осуществления

интернационального комплексного научного проекта в период политической напряженности, который несомненно может служить образцом для нынешних исследователей.

Архив экспедиции является важным источником как для изучения и реставрации архитектурных памятников Буковины, так и для исследований в области истории эпохальных политических перемен 1917 г. в России и событий Первой мировой войны, которые нашли свое отражение в документах, письмах и дневниковых записях участников экспедиции. Дальнейшие изыска-

ния и полная публикация материалов (отчетов, дневников, фотографий) позволили бы прояснить спорные вопросы современного местонахождения библиотечных коллекций и предметов древности и искусства, вывезенных тогда на территорию Российской империи в целях спасения от уничтожения и разграбления. Накопленный уникальный фотоматериал дал бы возможность увидеть уникальные архитектурные памятники Буковины, многие из которых в настоящее время внесены в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО, глазами исследователей начала XX в.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1915. Д. 29. 1916. Д. 104.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 46, 47, 48, 49, 50, 51, 188, 360, 1611, 1612.

Академическая..., 2013 — Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с.

Императорская..., 2009 — Императорская Археологическая Комиссия. (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1312 с.

Багрий, 1918 — Багрий А. В. В защиту ценностей духа (Из отчета по сохранению памятников старины, искусства и культуры в районе боевых действий). Самара: Тип. «Русский печатник», 1918. 20 с.

Басаргина, 1991 — Басаргина Е. Ю. Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916 г.) // ВИД. 1991. Т. XXIII. С. 295–306.

Басаргина, 2008 — Басаргина Е. Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. М.: Индрик, 2008. 656 с.

Грябан, Чучко, 2008 — Грябан В. В., Чучко М. К. Традиционное жилище буковинских липован в исследованиях австрийского архитектора К. А. Ромшторфера (1854–1916) // Липоване. История и культура русских-старообрядцев. Одесса: б. и., 2008. Вып. 5. С. 171–173.

Известия..., 1918 — Известия ИАК. Пг.: Девятая Государственная типография, 1918. Вып. 66. 239 с.

Колпакова, Баженова, 2012 — Колпакова Н. В., Баженова Н. М. Деятельность библиотеки Российской Академии Наук по сохранению личных архивов и библиотек в ходе Первой мировой войны //

Петербургская библиотечная школа. СПб., 2012. № 2(39). С. 65–70.

Медведева, Мусин, 2009 — Медведева М. В., Мусин А. Е. Императорская Археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917 гг.): К 150-летию ее основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 938–1064.

Медведева и др., 2017 — Медведева М. В., Мусин А. Е., Александрович В. С. По следам ученой поездки П. П. Покрышкина в 1916–1917 гг.: К 100-летию Буковинской экспедиции Археологической комиссии и Академии наук // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2017. Вып. 23. С. 416–421.

Платонова, 2015 — Платонова Н. И. Архитектор-археолог П. П. Покрышкин: страницы биографии // КСИА. М., 2015. № 241. С. 422–437.

Платонова, 2017 — Платонова Н. И. Последние годы П. П. Покрышкина // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLVIII). С. 445–451.

Старостин, 2014 — Старостин Д. Н. Трапезундская экспедиция 1916–1917 гг. // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 283–291.

Цыпкина, 2015 — Цыпкина А. Г. Трапезундская научная экспедиция 1916–17 гг. Новые архивные материалы // Причерноморье в Средние века. СПб.: Алетейя; М.: изд-во МГУ, 2015 (Тр. Исторического факультета МГУ). Вып. 9. С. 212–237.

Цыпкина, 2016 — Цыпкина А. Г. Описание материалов Трапезундской экспедиции Ф. И. Успенского (1916–1917) // Византийский временник. 2016. Т. 75. № 100. С. 197–212.

Цыпкина, 2017 — *Цыпкина А. Г.* «Прибыл в Трапезунт на миноносце...». Записная книжка академика Ф. И. Успенского. 1916 г. // Исторический архив. 2017. № 3. С. 158–181; № 4. С. 123–159.

Цыпкина, 2019 — *Цыпкина А. Г.* Организация русских научных экспедиций в начале XX в. (на примере Трапезундских экспедиций Ф. И. Успенского (1916,

1917 гг.)) // Междисциплинарные исследования в истории науки: Коллект. монография по материалам Всерос. науч.-практич. конф. молодых ученых с междунар. участием «Междисциплинарные исследования в истории науки» (11–13 декабря 2018 г. Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН). М.: Янус-К, 2019. С. 109–110.

The Bukovina expedition of the Academician of Architecture Peotr Petrovich Pokryshkin. Documents and photographs from the Archives of IIMK RAS

M. V. Medvedeva

During the First World War, the Academy of Sciences organized a Commission for Supervision over the Preservation of Historical Monuments and Scientific Collections in the zone of military activities; special commissioners were sent to the Russian western, Caucasian and Turkish fronts. In 1914–1918, within the frame of that project, a number of expeditions were carried out, but their results so far only partly have been scientifically published. In 1916–1917, activities of this kind were conducted in the regions of Galicia and Bukovina occupied in the course of the offensive operation of the south-western front of the Russian army under the command of General Aleksey A. Brusilov. The examination of monuments of architecture and old church memorials was directed by the member of the Archaeological Commission Peotr P. Pokryshkin, Academician of Architecture. In addition to the architectural monuments, the researchers, in the process of their works, also described and recorded antiquities from archive, museum and library depositaries and collected ethnographic evidence. The materials accumulated by them are preserved in the Saint-Petersburg Branch of the Archives of RAS, the Library of RAS and other scientific institutions. The archive collection of the Institute for the History of Material Culture RAS, most completely preserves the documents of the Bukovina expedition which took place in December of 1916 — January of 1917 under the direction of P. P. Pokryshkin, as well as photographs and particular information on the trip there in the summer of 1917. The archive of the expedition is an important source both for studies and restoration of architectural monuments of Bukovina and obtaining the information on collections of local museums. It also is valuable for investigations of the history of epochal political changes of 1917 in Russia and the events of World War I which are reflected in the documents, letters and diary notes of the participants of the expedition. A comprehensive publication of the materials (reports, diaries, correspondence) is necessary demonstrating the successful experience of an international collaboration in the sphere of the preservation and investigation of monuments of the past during a time of political troubles. The scientific publication of the unique photographs will allow us to see by the eyes of the researchers of the early 20th century the architectural monuments of Bukovina of which many are now registered in the UNESCO list of the sites of cultural heritage.

Крепость Годлик в системе средневековых фортификационных сооружений на Черноморском побережье Большого Сочи

Б. Б. Овчинникова¹

Аннотация. Статья посвящена результатам полевых исследований на крепости Годлик, проводимых Лооской археологической экспедицией Уральского государственного университета в 1992–1996 гг. под руководством автора. Крепость входит в систему средневековых оборонительных сооружений, расположенных на северо-восточном побережье Черного моря, и находится вблизи современного пос. Лазаревское г. Сочи. Крепость является памятником повышенной исследовательской сложности, представляя развалины старого фортификационного сооружения, на территории которого культурный слой крепостного двора практически уничтожен.

Annotation. This article is devoted to results of field investigations at the fortress of 'Godlik' conducted by the Loo archaeological expedition of the Ural State University in 1992–1996. This fortress is part of the system of mediaeval defensive installations situated on the north-eastern coast of the Black Sea and is located near the modern urban settlement of Lazarevskoye in the city of Sochi. The fortress is a site highly complicated for investigations presenting the ruins of an old fortification where the cultural layer in the court of the fort is practically annihilated.

Ключевые слова: Средневековье, Большое Сочи, крепость Годлик, конструктивные особенности, артефакты, периоды функционирования.

Keywords: Middle Ages, Greater Sochi, fortress of 'Godlik', constructive features, artefacts, periods of functioning.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-406-421

От морского побережья до высокогорных альпийских лугов Большого Сочи время сохранило до наших дней остатки древних стоянок, селищ, дольменов, заброшенных замков, разрушенных храмов. К их числу относятся и развалины крепостей, очевидно, составлявших в эпоху Средневековья систему оборонительных сооружений на восточном побережье Чёрного моря. Крепости были вытянуты по линии современных городов Туапсе—Адлер, продолжаясь к северу в сторону горной долины р. Мзымта, включая в комплекс такие фортификационные сооружения в районе Красной Поляны, как крепости Монастырская, Бешенки, Монашки, Аибгинские, Ачипсинская,

Куницынские, Пслухская и др. (Федяков, 1997. С. 80–85) (рис. 1, А).

Наличие крепостей в прибрежном районе с характерной византийской техникой строительной кладки, а также присутствие памятников христианского зодчества, которые некогда возводились явно не без участия византийских мастеров, позволяют предположить, что, возможно, именно здесь проходила северо-восточная граница Византийской империи, закрывавшая фортификационными сооружениями проникновение варварских племен. В контексте изучения степени влияния Империи на отдаленную византийскую провинцию, ось Византия — Кавказ, позволяет наметить и путь византийского проникновения в глубь северокавказских территорий. В этом плане остаются нерешенными ряд исследовательских проблем, в частности, локализация самостоятельных христианских епархий на Кавказе и, конечно же, вопрос о местоположении загадочной Никопсии.

¹ Профессор кафедры России, Департамент «Исторический факультет», Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет; пр. Ленина, д. 51. г. Екатеринбург, 620083, Россия; E-mail: bovchinnikova@mail.ru.

Поскольку в Восточное Причерноморье христианство проникает в первых веках нашей эры, то к VI в. здесь уже существовало несколько самостоятельных епархий. Принято считать, что на рубеже VII–VIII вв. центром одной из епархий Константинопольского патриархата был город Никопсия с кафедральным храмом в Зихии². Вместе с Боспорской и Херсонесской, эта епархия именовалась «Зихской». В списке епархий, составленном перед 787 г., Никопсийская и Себастопольская епархии названы «абазгскими» (История народов..., 1988. С. 137). Никопсия также упоминается в епископском списке, составленном в 807–815 гг., а также в другом списке первой половины IX в. (*Там же*). Письменные источники единодушно свидетельствуют в пользу того, что Никопсия располагалась в районе долины рек Псезуапсе–Шахе. Об этом же сообщается и в «Армянской географии» (VII в.). Положение Никопсии, по данным трактата «Об управлении империей» (Константин Багрянородный, 1991), приблизительно соответствует району, на территории которого расположена крепость Годлик, о чем свидетельствует и ряд других источников (*Горст*, 1997. С. 72–79).

Крепость Годлик расположена как раз между долинами рек Псезуапсе и Шахе (рис. 1, А). Ее остатки находятся на побережье Черного моря, в устье реки Годлик, в трех километрах от п. Лазаревское (Большое Сочи), возле современного пос. Волконка³. Впервые об этом фортификационном

² Зихи — зиги (по-грузински — джики), древнее племенное объединение северо-западного Кавказа. Впервые названы Страбоном (I в. до н. э.). З. локализовались в приморских нагорных районах от современного Новороссийска до Гагры. Занимались земледелием, скотоводством и морским разбоем; были основными поставщиками рабов для боспорских городов. На рубеже VIII–IX вв. Зихия, возглавляемая вождями, была довольно значительной страной. Последнее упоминание З. относится к XV в. З. явились одним из основных компонентов в этногенезе абхазов и адыгского этнического массива народов северо-западного Кавказа. Лит.: Лавров Л. И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа, в кн.: Сборник статей по истории Кабарды, в. 3. Нальчик, 1954. С. 193–207. БСЭ. Источник: [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/fc/slovar-199-28.htm> (дата обращения: 29.04.2020).

³ В период исследования отрядом УрГУ территория крепости находилась в ведении военного санатория «Чемитоквадже», директор В. В. Откидач.

сооружении упоминал Ф. Дюбуа де Монпере (*Дюбуа де Монпере*, 1937). Сегодня крепость сохранилась в руинированном состоянии, остатки которой располагаются на возвышенности, завершающейся в юго-западной части обрывами к морю. На севере и северо-западе ее территория ограничена долиной реки Годлик (в настоящее время пересохшей), на востоке — глубоким ущельем. На момент исследования общая площадь крепости составляла около 2,5 га (*Симиненко, Поздникин*, 1997. С. 117). В сохранившейся части периметра крепости расположены остатки фортификационных сооружений в виде башен, выступающих с внешней стороны за черту крепостных стен (рис. 1, Б, В). Исключение составляет башня VI — проходная, двухчастная, выступающая с двух сторон за черту стены — как с внешней, так и с внутренней ее части.

Крепость Годлик является памятником повышенной исследовательской сложности. Во-первых, средневековая история северного побережья Кавказа слабо освещена письменными источниками, к тому же еще мало изученными и требующими объективного анализа. Во-вторых, первые археологические раскопки на территории крепости в 1957 г. под руководством Н. В. Анфимова, хотя и обозначили план, размеры и конструктивные особенности сооружений, вместе с тем носили лишь эпизодический характер (*Анфимов*, 1957). Н. В. Анфимов успел вскрыть на крепости Годлик лишь западную часть самой большой двухчастной башни VI (обозначенной им как № 5) и частично зафиксировать ее конструктивное строение. Им также было замечено, что при строительстве крепости применялись традиционные для Византии технологические приемы: двухпанцирная кладка с забутовкой из камней и известкового раствора (*Там же*).

Археологические исследования крепости не могли быть продолжены вследствие того, что в конце 1950-х гг. на территории крепости дислоцировалась воинская часть. В дальнейшем все, что было связано с исследованием крепости, фиксировалось только на визуальном уровне. Так, в 1965 г. крепость посетил И. Б. Брашинский (*Брашинский*, 1966. С. 113–115). Более подробное освещение крепость получила в отчете Ю. Н. Воронова в 1969 г. при составлении им археологической карты Сочи и его окрестностей (*Воронов*, 1969. Збл.; 1979). В 1960–1980-е гг. древние стены крепости Годлик, используемые в качестве ограждения территории воинской части, постоянно

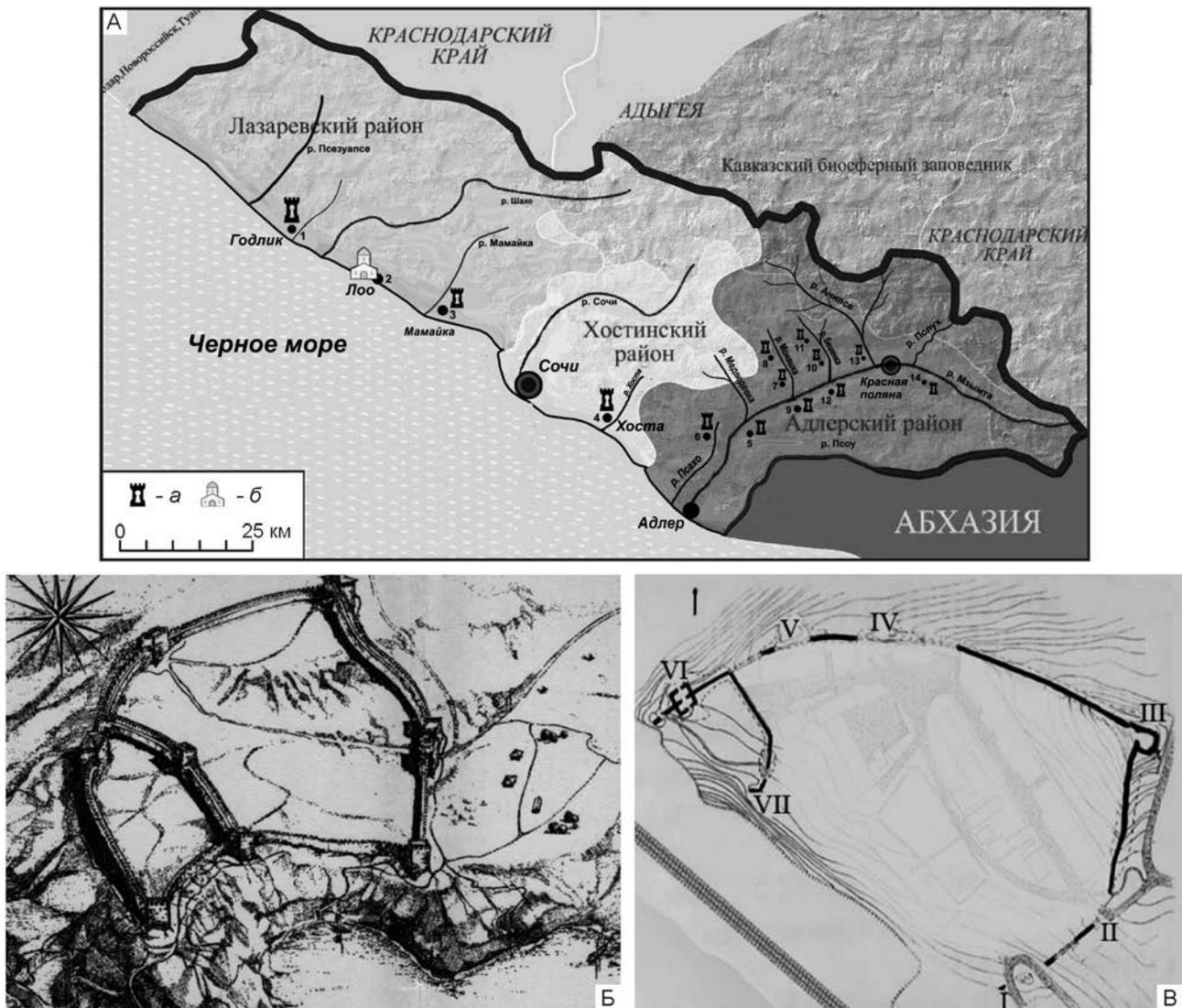

Рис. 1. Средневековые крепости Северо-Западного Кавказа: А — план-схема расположения: 1 — Годлик, 2 — Лоо (храм-крепость), 3 — Мамай-Кале, 4 — Хостинская, 5 — Леснянская, 6 — Монастырская, 7 — Котел, 8 — Куницыно 1-3, 9 — Монашка 1-2, 10 — Аибга 1-2, 11 — Бешенка 1-2, 12 — Красная Поляна (Роза Хутор), 13 — Ачипсинская, 14 — Пслухская (а — крепость, б — храм-крепость); Б — план реконструкции крепости в устье реки Годлик (Симиненко В. И. Иллюстрация к обложке сборника научных статей (Археология, архитектура..., 1997)); Б' — план-схема крепости Годлик (цифрами обозначены места башен)

Fig. 1. Theme diaeval fortresses of the North-Western Caucasus: А — scheme of the location of mediaeval fortresses of the North-Western Caucasus: 1 — Godlik, 2 — Loo (tempel-fortress), 3 — Mamay-Kale, 4 — Khostinskaya, 5 — Lesnyanskaya, 6 — Monastyrskaya, 7 — Kotel, 8 — Kunitsyno 1-3, 9 — Monashka 1-2, 10 — Aibga 1-2, 11 — Beshenka 1-2, 12 — Krasnaya Polyana (Roza Khutor), 13 — Achipsinskaya, 14 — Pslukhsкая (а — fortress, б — tempel-fortress); Б — plan of the reconstruction of the for tressin the mouth of the Godlik River (Siminenko V. I. Illustration for a collection of scientific articles. (Археология, архитектура..., 1997)); Б' — schematic plan of the fortress of 'Godlik' (numbers indicate the places of the towers)

«подновлялись», что привело к их разрушению. В результате произведенных взрывных работ с целью подведения различных коммуникаций, подъездных дорог, строительства казарм и т. д. был почти полностью уничтожен культурный слой внутри «старого» крепостного двора.

В 1991 г. воинская часть была расформирована, и Управление культуры при Администрации г. Сочи приняло решение о проведении работ по благоустройству и изучению оставшейся части крепости. В этой связи данные работы было предложено осуществить Лооской археологической

экспедиции Уральского государственного университета (ИАЭ) под руководством автора⁴.

Крепость Годлик в научный оборот вошла как памятник не до конца понятый исследователями, о чем свидетельствуют рассуждения по вопросу его датировки. В процессе рекогносцировочных раскопок двухчастной башни VI Н. В. Анфимов пришел к заключению, что памятник относится к XIV–XV вв. (Анфимов, 1957). По мнению же Ю. Н. Воронова, данный оборонительный комплекс пережил два строительных периода: первый, V–VIII вв., он соотносит его с «крепостью Багу», ссылаясь на упоминания византийского историка Псевдо-Арриана. Второй период, XIV–XV вв., идентифицирует как генуэзскую постройку (Воронов, 1979. С. 80–81, 115). Заключение обоих исследователей до сих пор остаются приоритетными в современной историографии Кавказа. Однако каждое из них по-своему грешит схематизмом и традиционностью построений. Ни один из указанных авторов не задавался целью определить историческое место крепости Годлик в системе фортификационных сооружений северо-восточного побережья Кавказа. Однако, справедливости ради, отметим, что Ю. Н. Воронов включал ее в число одиннадцати крепостей, расположенных по линии Туапсе—Сочи. Но описание памятника было лишено раскрытия тех типологических особенностей, которые ему были присущи.

В 1992–1997 гг. на крепости, крайне изуродованной временем, проводившиеся исследовательские работы экспедицией УрГУ позволили вновь обратиться к исторической судьбе данного фортификационного объекта. После снятия мощных завалов современного мусора и расчистки сохранившихся участков стен и башен от зарослей, там, где предоставлялась возможность, по всему периметру оборонительного сооружения были

⁴ Лооская археологическая экспедиция УрГУ (Свердловск-Екатеринбург) начала свои полевые исследования в окрестностях г. Сочи с 1987 г. — по приглашению Управления культуры Краснодарского крайисполкома и Администрации города Сочи — на развалинах средневекового храма в пос. Лоо Лазаревского района, бывшего название экспедиции (Овчинникова, 2010. С. 396–410). С 1992 г. работы были перенесены на крепость Годлик. Финансирование работ и решение организационных вопросов на крепости Годлик осуществлялись согласно договору при поддержке АО «Ямбурггаздобыча» и администрации санатория ВВС МО РФ «Чемитоквадже».

частично открыты нижние ряды кладки стен и фундаментов, а в некоторых местах — цоколи и подстилающие слои. Это позволило: осуществить новые обмеры крепости; провести частичную реставрацию внутренней части северо-восточной угловой башни III; а также заложить раскоп в западной части крепости за внутренней оборонительной стеной (рис. 1, Б, В).⁵ В результате появилась возможность уточнить хронологию функционирования крепости, ее конструктивные, строительно-технологические и композиционные особенности и внести определенные коррективы в сложившееся ранее представление о крепости Годлик.

На наш взгляд, особенности архитектурного облика и виды каменной кладки явно свидетельствуют о разновременном и весьма продолжительном функционировании крепости, скорее всего, на протяжении не менее десяти столетий. Однако это не является доказательством того, что данная территория не была заселена много веков назад. Об этом свидетельствуют случайные единичные находки в коллекциях местного населения, обнаруженные за пределами крепостных стен: кремневые наконечники стрел, шлифованный каменный топорик, датируемый первой половиной — серединой I тысячелетия до н. э. (Овчинникова, 2011. С. 124–125, табл. I–2). Что же касается непосредственно крепости, то весь период ее существования в истории памятника был отмечен как взлетом, так и падением, разрушением и восстановлением. При этом на отдельных хронологических этапах ее функционирования появлялись новые строительные технологии, которые использовались при восстановлении разрушенных стен и башен. В сооружении новых объектов, дополнявших архитектурный ансамбль крепости, также прослеживаются технологические приемы, связанные с этнической принадлежностью обитателей крепости. Все эти признаки присутствуют в фортификационных сооружениях не только крепости Годлик, но и тех крепостей, что вошли в систему оборонительного комплекса, вытянутого вдоль северо-восточного черноморского побережья, составляя «фортификационный пояс»

⁵ Обмерные и реставрационные работы проводились студентами УрГАХА и УрГУ под руководством проф. В. И. Симиненко. Полевые чертежи и рисунки выполнялись под руководством проф. Б. Б. Овчинниковой.

Большого Сочи (рис. 1, А). Заметим, что одним из характерных признаков, объединяющим, крепости Черноморского побережья, является выбор места в окружающей природно-ландшафтной среде для устройства оборонительного комплекса. Такой выбор не был случайным, он всегда отвечал определенным критериям, соответствующим фортификационным принципам воинской стратегии средневековой Византии. Известно, что он широко применялся и на территориях сфер ее влияния (*Бармина*, 1997. С. 49). Как правило, при выборе места максимально использовалась природная труднодоступность: возвышенность, холмы, утесы, скальные плато прибрежных мысов, имевших неприступные обрывы. При этом соблюдалась возможность свободного обзора окрестностей (*Всеобщая история архитектуры*, 1966. С. 8). Несмотря на значительное изменение современной топографии местности, градостроительный анализ на примере крепости Годлик в природном окружении показал зависимость пространственно-визуальных связей места возведения крепости на возвышенности у берега моря с характерными элементами ландшафта⁶. Следует отметить, что при строительстве железной дороги Адлер—Туапсе, в результате разбора скальных пород береговой полосы, утрачена не только южная часть крепости, но и важный участок естественного ландшафта, связывающий крепость с морем. Но, несмотря на значительные физические утраты и урбанизацию местности, крепость Годлик до сих пор сохранила свое доминирующее положение в окружающем ландшафте (*Симиненко, Поздникин*, 1997. С. 118–119).

Неполная картина современного состояния планировки крепости связана с активной трансформацией рельефа и береговой полосы. Причинами таких изменений были как природные тектонические явления, так и техногенное вмешательство. Еще раз заметим, что наиболее существенные нарушения со стороны моря произошли при строительстве железной дороги. Однако и уровень моря периодически менялся — предположительно, в конце I тыс. н. э. уровень моря в этом районе был значительно выше ныне

⁶ Градостроительный анализ крепости Годлик проведен ведущими архитекторами Уральской государственной архитектурно-художественной академии (УрГАХА), профессорами В. И. Симиненко и В. М. Поздникиным.

существующего (до 3–4 м). Архитекторы УрГАХА, применив метод интерполяции, смоделировали рельеф местности периода сооружения и функционирования крепости, отметили, что это был берег с выходящей в море на 200 м косой и лагуной, что создавало благоприятные условия для устройства порта — причаливания, разгрузки и укрытия судов (*Там же*) (рис. 1, Б).

Поскольку строительный объем каменной кладки крепости сохранился всего лишь на 40 %, в настоящее время сложно воссоздать первоначальный архитектурный облик крепостного сооружения. На уровне современной поверхности крепость просматривается в виде обозреваемых четырех участков стен и трех башен (рис. 1, В, башни III, VI, VII): северная стена длиной около 275 м; восточная стена — 65 м; юго-восточная стена — около 115 м; внутренняя оборонительная стена «цитадели» — около 58,5 м; северо-восточная угловая башня; северо-западная башня со сквозным проездом (двухчастная); южная полукруглая башня. Однако расчистка объекта по периметру позволила засвидетельствовать дополнительно еще четыре предполагаемых башни, остатки которых разрушены до фундамента и на современной поверхности не просматриваются (рис. 1, В). Согласно реконструкции, стало возможным определить высоту стен крепости и башен, соответственно 7,5–8,0 м и 10,0 м. По мнению архитекторов, они могли иметь боевые ходы и традиционные зубчатые завершения (*Симиненко, Поздникин*, 1997. С. 118–119).

Характерной особенностью технологии строительства крепости Годлик является разнообразная техника кладки крепостных стен: как куртин, так и башен. Предпочтение отдается римско-византийской традиции: двухпанцирная с внутренней забутовкой или, как говорят архитекторы, трехслойная конструкция «в корзинку». По мнению архитекторов, из двух византийских архитектурно-строительных школ, Сирийской и Константинопольской, данная крепость по технологии возведения больше тяготеет к Сирийской, унаследовавшей традиции античной архитектуры. В отличие от Константинопольской, где активно использовались кирпич и бетон в открытом виде, в Сирии и восточных провинциях империи преобладало строительство с применением тесаного камня (V–XV вв.) (*Там же*. С. 119–120).

Можно предположить, что, заимствуя технические приемы византийских мастеров, население,

учитывая местные условия, весьма активно стало использовать их в строительстве важнейших стратегических сооружений, в частности, вдоль перевалов транскавказского пути — через Красную поляну на Северный Кавказ.

В последовательности строительства крепости можно выделить несколько этапов. Вначале, очевидно, был возведен основной массив стен, обозначавший контуры крепости, о чем свидетельствует однородная структура кладки. Затем были построены сторожевые башни, строительство которых велось по всему периметру крепостных стен с протяженностью куртин 110–120 м. Вероятно позже в западной части крепости была возведена дополнительно внутренняя оборонительная стена, к западу от которой сохранилась часть территории с выходом в двухчастную башню VI. К югу с внешней стороны оборонительной стены примыкала полукруглая башня VII, а затем стена продолжалась до обрыва в море (рис. 1, В).

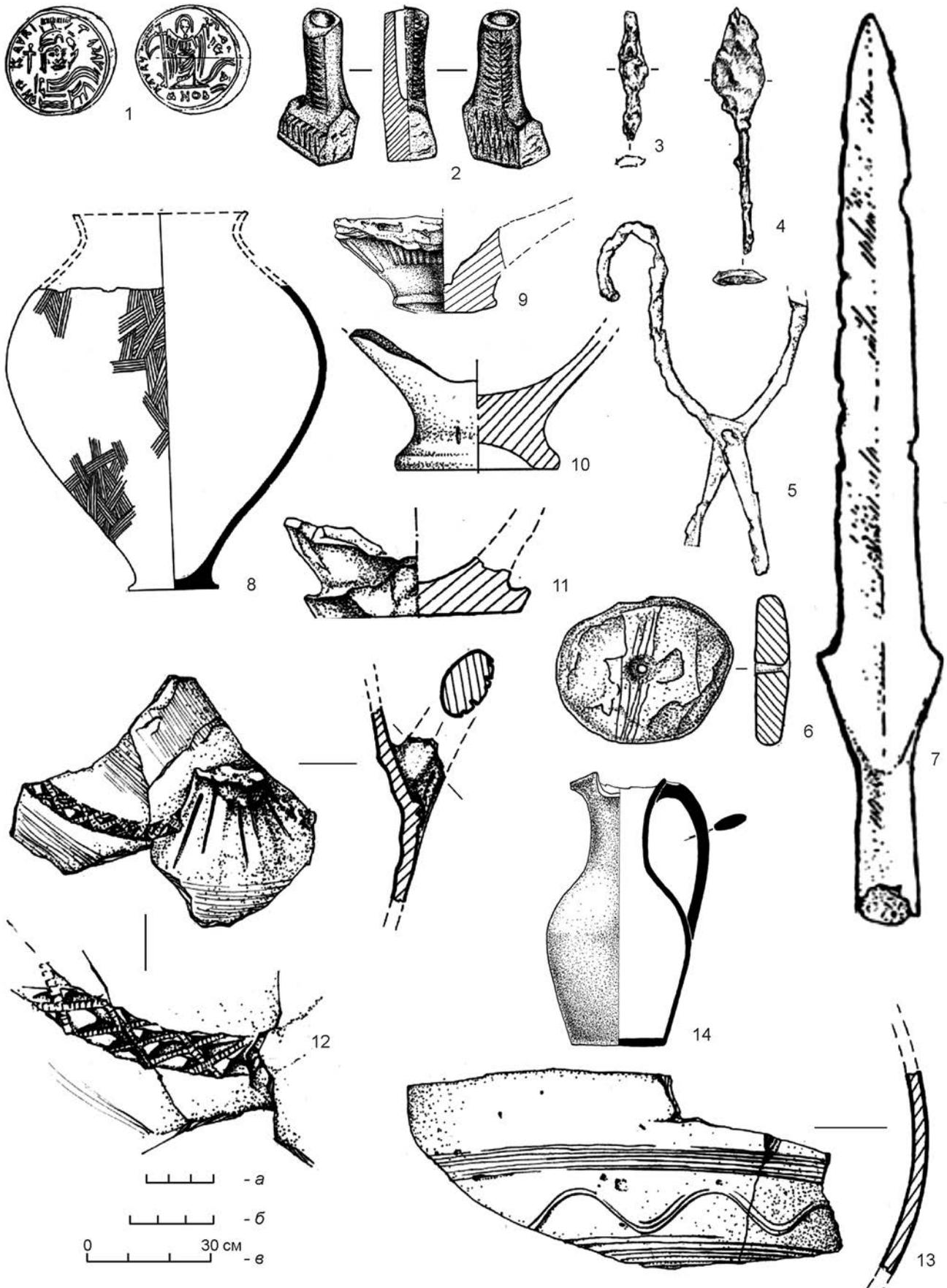
В результате исследований ЛАЭ УрГУ, по материалам, которые удалось зафиксировать в ходе наших работ, появилась возможность попытаться воссоздать хронологию функционирования крепости Годлик. Судя по обнаруженным на территории крепости многочисленным фрагментам керамики (рис. 2, 8–14), *первый* период ее существования можно отнести к VII–X вв. Из общего количества выборки фрагментов (3994 — 100 %) выделяются две основные группы — тарная (89 %) и бытовая (11 %). Среди них встречаются различные виды сосудов. Самая многочисленная часть керамического комплекса тарной посуды представлена *пифосами* — 83 % (рис. 2, 8–11). Лишь в единичных экземплярах — *амфоры*, 6 % (рис. 2, 12). (Иванова, 1997. С. 58–68). К бытовой группе относятся *горшки*, *миски*, *кувшины* (рис. 2, 13). Присутствие среди керамических фрагментов «хазарской» посуды позволило предположить, что жизнь на территории крепости Годлик протекала при достаточно тесном контакте местного населения с носителями Хазарского каганата, при их лидирующей роли на исторической арене в данную эпоху.

Из вещевого комплекса, в основном, присутствуют артефакты случайного происхождения. Так, при расчистке внешней стороны восточной стены был найден керамический кувшинчик «ойнахоя» (рис. 2, 14). Аналогичные ему известны для VII–VIII вв. в Крыму — в Херсонесе (Античная культура..., 1995. С. 137), на Баклинском городище (Романчук, Рудаков, 1975. С. 218), на Таврике

(Якобсон, 1979. С. 31). На территории крепости возле южной стены при строительстве современного объекта (летнего кинотеатра) был обнаружен железный наконечник копья плохой сохранности. Общая длина 51 см (рис. 2, 7). Аналогичное по форме копые встречено в окрестностях Сочи и датировано Ю. Н. Вороновым VIII–X вв. (Воронов, 1979. С. 97, рис. 52–54). В личной коллекции Н. Н. Заборского — жителя из пос. Лазаревское — находится монета, которую он обнаружил в развале у восточной стены рядом с угловой северо-восточной башней III (рис. 2, 1). Изображения с двух сторон напоминают византийскую монету — солид из Келегейского комплекса эпохи Юстиниана I (545–565 гг.) (Семенов, 1991. С. 130, рис. 1, 1). Однако при внимательном просмотре видны некоторые отличия в деталях надписей и изображении. На наш взгляд, данная монета может быть отнесена к более позднему периоду — правления Тиберия Маврикийского (VII в. н. э.). Таким образом, вышеупомянутые артефакты явно свидетельствуют о функционировании крепости в период VII–X вв.

Что же до конструктивных особенностей оборонительных стен крепости, то для данного периода характерны элементы традиционности. При археологических работах в северной части восточной стены (рис. 3, 1), которая составляет монолит с внутренней стеной пристроенной угловой башни III, был обнаружен проем шириной 185 см с арочным завершением, усиленный панцирной обкладкой с двух сторон (рис. 3, 5). С внутренней стороны четко прослеживались контуры сооружения, примыкающие к стене, шириной около 5 м и глубиной 4 м. Возможно, до пристройки башни III, в этом месте располагался главный въезд на территорию крепости (рис. 3, 5; 4, 1). Поскольку это самая высокая часть возвышенности, то в древности выход с территории крепости располагался со стороны внутренней части побережья, что означало тесный контакт крепости с местной округой.

Но прошло время, и появилась необходимость в сооружении угловой северо-восточной башни III (а может быть, ее замены или надстройки) (рис. 4, 1, 3; 5). И строители, сохраняя византийские традиции в технике сооружения, используют уже новые элементы: в панцирной кладке появляются сейсмоустойчивые выравнивающие ряды панциря из плинф, так называемая кладка с выравнивающими «горизонтально» каменными поясами (рис. 5, 1). Такие местные архитектурно-

технологические формы встречаются в этом регионе и в других крепостях, и в более позднее время: Хостинская, Бешенка-2 и др.

На наш взгляд, подновления в строительстве угловой башни III относятся уже к более позднему времени — не ранее конца XIII — начала XIV в., с возобновлением активного функционирования крепости. Этот второй период жизнедеятельности крепости Годлик, именуемый исследователями как «генуэзский» (Анфимов, 1957; Воронов, 1979. С. 80), очевидно, соответствует реалиям данного региона. Именно в этот период, XIII–XV вв., прослеживаются конструктивные изменения крепостных сооружений в прибрежной части северо-восточного Черноморья. На крепости Годлик они фиксируются в конструктивных особенностях башни III, ставших очевидными только после расчистки сохранившихся фрагментов башни. Южная стена имеет лучшую сохранность по сравнению с другими стенами башни. Однако фасад стены раскрыт на неполную высоту и составляет 4,0 м от современной поверхности, длиной в 8,5 м. Высота раскрытой части с внутренней стороны южной стены составила 6,2 м, длина — 6,3 м. Толщина южной стены — 2,0–2,2 м (рис. 5, 1, 2). Кроме изменений в технике кладки интерес представляют и конструктивно-конструктивные особенности башни. Расчисткой была выявлена внутренняя (средняя) стена (рис. 4, 3; 5, б), разделяющая башню на два помещения: «северное» и «южное». В «северном» помещении выявлено наличие столба, примыкающего к внутренней стене (рис. 3, 4; 4, 3). Кроме того, с запада были открыты внутренний вход со стороны крепостного двора, а также остатки пристройки с южной стороны входа. Судя по сохранившимся стенам и характеру каменной кладки, архитекторами было высказано предположение об этажности башни III в два яруса (Симиненко, Поздникин, 1997. С. 118–120).

Не совсем обычна строительная конструкция в «южном» помещении — в виде так называемого «каменного мешка», представляющего собой замкнутое пространство между внутренней и южной отвесными стенами башни (рис. 3, 2, 3; 4, 3).

Вероятно, такое помещение могло выступать в роли тайника. В момент функционирования крепости догадаться о нем было практически невозможно, поскольку при входе в крепость внутренняя стена башни воспринималась как наружная. К тому же, как показала разборка каменных завалов внутри «каменного мешка», на момент расчистки отвесные стены сохранились уже на высоту более 6 м. Без каких-либо дополнительных приспособлений спуск в «тайник» невозможен. Само помещение имеет трапециевидную форму в плане размером 6,3 м (запад–восток) × 2,5 м (у западной стены башни) и 1,5 м (у восточной стены башни). Возможно, функциональное назначение данного помещения в виде глухой камеры можно рассматривать как место либо наказания, либо укрытия людей. В качестве примера напомним, что в 1468 г. свергнутый хан Нур-Девлет нашел убежище в Зихии. Опираясь на поддержку зихов, он продолжил борьбу за престол, но потерпел неудачу. В 1471 г. хан был вынужден просить помощи у генуэзцев, «но те бросили его в одну из башен кафинской цитадели» (Зевакин, Пенчко, 1938. С. 92). Вероятно, при строительстве башен генуэзцы предусматривали такие «тайники» для наказания, и не только... Предположим, что «тайник» могли использовать и как место укрытия пленников, предназначенных для угона в рабство, и как место укрытия наемников, в целях оказания посреднических услуг. Известно, что из наиболее значимых аспектов генуэзского присутствия в Зихии являлась работоторговля, а также посредничество при отправке солдат в армию мамлюкского султаната. Считается, что вывоз рабов из Северного Причерноморья и Черкесии в Египет во второй половине XIII в., в эпоху поздних Аййубидов (Аййубиды, араб.) приобрел широкий размах (Там же). Не исключено, что «каменный мешок» башни III мог служить и для этих целей.

Привлекает внимание еще одна особенность конструкции башни III. В северном помещении, с северной стороны внутренней стены, составляющей общую стену с «каменным мешком», некогда вплотную примыкал каменный столб (рис. 3, 3, 4; 4,

Рис. 2. Крепость Годлик. Случайные находки: 1 — монета; 2 — поделка; 3, 4 — наконечники стрел; 5 — ножницы; 6 — пряслице; 7 — наконечник копья; 8–11 — фрагменты пифосов; 12, 13 — фрагменты амфоры и горшка; 14 — ойнохойя. 1 — сплав; 2, 3–5, 7 — железо; 6, 8–14 — керамика. Масштаб: а — для 1, б — для 2–7, 9–14, в — для 8

Fig. 2. Fortress of 'Godlik'. Chance finds: 1 — coin; 2 — article; 3, 4 — arrowheads; 5 — scissors; 6 — spindle whorl; 7 — spear-head; 8–11 — fragmentary pithoi; 12, 13 — fragments of an amphora and a pot; 14 — oinochoe. 1 — alloy; 2, 3–5, 7 — iron; 6, 8–14 — ceramic. Scale: a — for 1, б — for 2–7, 9–14, в — for 8

Рис. 3. Крепость Годлик: 1 — фрагмент северной части восточной стены со стыковкой южной стены башни III, вид с юго-востока после расчистки; 2 — башня III, южная часть, «каменный мешок», вид с востока, сверху; 3 — башня III, северная часть башни в процессе вскрытия, столб возле поперечной стены до реставрации, вид с севера; 4 — башня III, северная часть башни после расчистки, столб возле поперечной стены после реставрации (столб в каркасе), вид с северо-востока; 5 — башня III, фрагмент северной части восточной стены возле башни III с внешней стороны, арочное перекрытие въездных ворот, до расчистки; 6 — полукруглая башня VII, фасад, вид с юга

3; 5, 6). Расчисткой удалось выявить, что столб сечением $1,7 \times 1,7$ м, сильно наклонен к северу. Угол наклона столба на момент раскопок был весьма существенным — 70° (рис. 3, 3). Своей северной гранью он лежал на развале строительного мусора. Под руководством архитектора В. И. Симиенко было произведено выравнивание столба с возвращением ему положения *in situ*: столб был прижат вплотную к стене (рис. 3, 4; 4, 3). Во избежание его разрушения верхняя площадка была залита раствором, а само тулово столба заключено в железный каркас (рис. 3, 4).

Кладка столба выполнена в принятой технике исполнения с облицовочным и забутовочным слоями. Однако поверхность столба, обращенная к внутренней стене, осталась необлицованной. Столб сохранился на высоту 3,5 м. Нижние ряды лицевой кладки, за исключением южной его грани, опоясаны пожарным слоем толщиной 0,3 м, составляя единую линию со стенами всех помещений северо-восточной башни (рис. 5, 4, 6). С западной стороны столба в северном углу обнаружен раздавленный сосуд со следами пожара. По мнению архитекторов, сохранившаяся часть столба могла служить наблюдательной сигнальной площадкой башни высотой около 7 м (Симиенко, Поздникин, 1997. С. 124–125, рис. 6, 1) (рис. 4, 1).

К этому же периоду можно отнести и конструктивные особенности западной части крепости, расположенной внутри крепостного двора, ближе к береговой линии. Именно здесь внутренняя линия обороны отделяет ее от основной крепости выстроенной дополнительной стеной, которая имеет связку в переплет с основной стеной (рис. 1, В; 4, 2). За этой оборонительной стеной сохранилась часть небольшой территории двора. Фасадная часть стены, обращенная на северо-восток, выполнена облицовочными хорошо обработанными квадратами ($40 \times 40 \times 20$ см или $25 \times 30 \times 20$ см). В местах, где облицовка обвалилась, обнажилась забутовка, положенная слоями из наклонных и плоских булыжников, которые порой сходятся на «елочку». Встречены ряды

с наклоном в одну сторону в один ряд. Причем примечательно то, что ряды облицовки совпадают с внутренними рядами наклонных булыжников. Толщина этой стены — до 2,5 м. Данное состояние стены полностью совпадает с описанием Ю. Н. Воронова (Воронов, 1969). В такой кладке явно прослеживаются строительные приемы, нехарактерные для местных сооружений. Принцип кладки «в елочку» хорошо известен в генуэзской технике строения, что не раз отмечалось ранее исследователями (Анфимов, 1957; Воронов, 1979. С. 80). Кроме того, дополнительная стена завершалась полукруглой башней VII (рис. 1, В; 3, 6; 4, 2), ныне находящейся в развалинах. В реконструкции она напоминает башню крымской крепости в Каффе. Сооружение подобных башен также приписывается генуэзским строителям.

Хотелось бы обратить внимание и на наличие дополнительной пристройки с наружной стороны стены цитадели, выявленной нами при расчистке. Такая конструкция типична для местной традиции строительства: она может служить контрфорсом, укрепляющим стены в месте стыковки основной стены крепости со стеной цитадели (рис. 4, 2). Вероятно, это был наиболее опасный оползневой участок. Кроме того, такое конструктивное сооружение могло выполнять и функции боевой площадки. Прямоугольные контрфорсы, обращенные к морю, были характерны для крепостей данного региона, уходящих в горы долины р. Мзымта (Монашка-2, Ачипсинская и др.).

Что же касается вещевого комплекса, то свидетельством функционирования крепости Годлик в «генуэзский» период является преимущественное наличие такого вида посуды, как пифосы, что позволяет судить о торговой направленности в хозяйственной деятельности ее обитателей. Отметим следующий факт: к югу от дополнительной стены на территории внутреннего двора цитадели около контрфорса был заложен раскоп. Мощность культурного слоя составляла 0,75–0,80 м. Юго-западная граница раскопа примыкала к стене двухчастной башни VI. Заметим, что эта башня имела сквозной проезд с внутренней стороны

Fig. 3 Fortress of 'Godlik': 1 — fragment of the northern section of the eastern wall with the joint with the southern wall of tower III, view from south-east after clearing; 2 — tower III, southern section, 'stone bag', view from east and above; 3 — tower III, northern part of the tower in the process of uncovering, pillar near the transversal wall before the restoration, view from north; 4 — tower III, the northern part of the tower after clearing, pillar near the transversal wall after the restoration (pillar within the structure), view from north-east; 5 — tower III, fragment of the northern part of the wall near tower III on the outside, compass roof over the entrance gate, before clearing; 6 — semicircular tower VII, façade, view from south

крепостного двора на внешнюю береговую линию реки Годлик (рис. 4, 2, 4). Благодаря рекогносцировочным исследованиям внутреннего двора цитадели на площади 36 кв. м. нами были обнаружены семь развалов однотипных пифосов, вкопанных в материковые слои на разную глубину на расстоянии 1,5 м друг от друга. Все сосуды имели каменную обкладку вокруг тулова, которая могла служить не только креплением для установки пифоса, но и естественным холодильником. Аналогичные пифосы относятся к периоду XIII–XIV вв. Скорее всего, такие сосуды предназначались для хранения привозимого зерна. Вероятно, здесь же производилась и его обработка, поскольку при раскопках были обнаружены фрагменты и целые жернова, а также остатки хлебной печи-тандыр.

На наш взгляд, все вышеприведенные данные подтверждают особое значение данного региона в период наиболее активного функционирования крепости Годлик в системе международных отношений черноморской акватории в XIII–XV вв. Обусловлено это было весьма существенными обстоятельствами: Зихия, на территории которой тогда находилась крепость Годлик, являлась одним из основных поставщиков зерна в Византийскую империю начиная с 1071 г., после поражения у Манцикерта, когда Константинополь лишился всех основных сельскохозяйственных районов Анатолии, занятых сельджуками (Зевакин, Пенчко, 1938. С. 98). С этого времени ввоз зерна из Зихии стал жизненно необходимым для византийских городов Южного Причерноморья. Поэтому одной из главных житниц, кормивших Трапезунд и Константинополь, стала Зихия (Хотко, 2001. С. 10). Начиная с 1266 г. торговлю зихским хлебом монополизировали итальянские купцы, вытеснив с рынка греческих поставщиков. Именно при итальянцах торговля зерном в Черноморье приобрела особый размах. Венецианский экспорт зерна из Зихии зафиксирован уже с 1265 г., после того как Республика Святого Марка получила доступ в Чёрное море. В отдельные годы 10–15 % всего хлеба, потребляемого Генуей, привозили из Зихии (Информационно-аналитический вестник..., 1999. С. 32). Большинство специалистов по этой проблеме склоняются к тому, что в XIV–XV вв. именно торговля зихским хлебом была главной составляющей генуэзских интересов в Черноморском регионе. Все эти данные могут свидетельствовать в пользу принадлежности крепости Годлик к торговой фактории, активно действующей в период XIII–XV вв.

Следующий период функционирования крепости — вторая половина XV — XVI в. — фиксируется присутствием на ее территории таких артефактов, как фрагменты керамики данного периода, а также обнаруженные возле юго-западной стены чугунные ядра. Заметим, что при раскопках на территории внутреннего двора цитадели, кроме развалов пифосов и фрагментов керамики, были обнаружены «клад» свинцовых грузил (?) и наконечники стрел (рис. 2, 3, 4). В силу плохой сохранности два наконечника не удалось интерпретировать, но два других представляют интерес. Один из них — крупный ромбический в сечении наконечник стрелы — характерен для эпохи позднего средневековья (XV–XVII вв.) на территориях Центрального и Северного Кавказа, Предкавказья и Прикубанья (Мужухоев, 1989. С. 26–27). Второй наконечник с удлинено ромбической в сечении боевой частью появляется на Северном Кавказе уже в XIII в., но наибольшее распространение получает в более поздний период, сохраняясь вплоть до XVII в. (Там же).

Все это свидетельствует о том, что забвение крепости происходило постепенно: ее многонациональное население неуклонно покидало крепостной двор, чему способствовало и вмешательство османов. Походы турков в Зихию (Черкесию), следовавшие после падения Каффы (1457 г.), предпринимались не столько для аннексии западнокавказских территорий, сколько для разрушения генуэзских факторий (Там же). Вероятно, в их число попала и крепость Годлик.

Таким образом, материалы, полученные Лооской археологической экспедицией Уральского университета при исследовании крепости Годлик, дают основание, базирующееся на выявленных артефактах и технологии строительства крепостных сооружений, наметить историю ее бытования, выделив, на наш взгляд, три хронологических периода. Первый, «византийско-хазарский», — VII–X вв. В конструктивных особенностях крепости в этот период отмечается наличие двухпанцирной системы кладки с внутренней забутовкой, являющейся свидетельством существования византийской традиции в строительстве фортификационных сооружений на данной территории. Среди вещественного материала в преобладающем количестве выделяются артефакты, датируемые VII–IX вв. Полученные материалы в процессе раскопок Лооской экспедицией УрГУ вряд ли позволяют нам согласиться с мнением

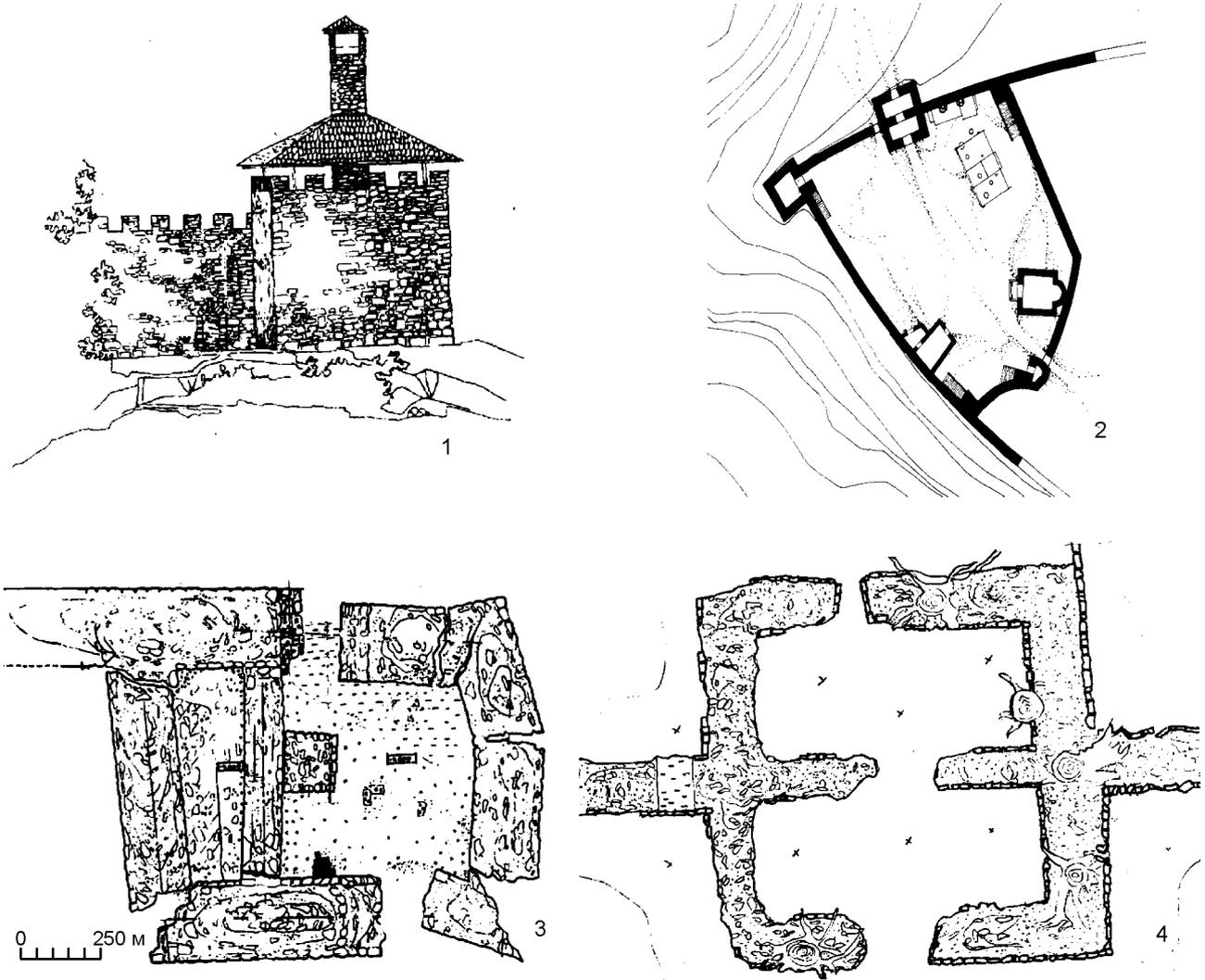

Рис. 4. Крепость Годлик: 1 — башня III, реконструкция, восточный фасад (Симиненко, Поздникин, 1997. С. 125, рис. 6, 1); 2 — «цитадель», план-схема в реконструкции Р. Соколова; 3 — башня III, план башни после реставрации — выравнивание столба возле поперечной стены; 4 — двухчастная башня VI, план

Fig. 4. Fortress of 'Godlik': 1 — tower III, reconstruction, eastern façade (Симиненко, Поздникин, 1997. P. 125, fig. 6, 1); 2 — "citadel", schematic plan according to the reconstruction by R. Sokolov; 3 — tower III, plan of the tower after restoration — straightening of the pillar near the transversal wall; 4 — two-part tower VI, plan

Ю. Н. Воронова о строительстве крепости в устье реки Годлик с V в. н. э. (Воронов, 1979. С. 81). На наш взгляд, присутствие «хазарской» посуды на территории крепости Годлик убеждает в том, что наиболее активное функционирование крепости проходило в контакте местного населения с племенами Хазарского каганата при их лидирующей роли на данной территории в VIII–IX вв. Напомним и о проблеме хазаро-арабских торговых и политических отношений, вращавшихся в это время вокруг Кавказа и Закавказья. Как известно, хазары держали свои заставы в Крыму, на Тамани, и не исключено, что таковые были и на Северо-

Западном Кавказе. Учитывая союзничество Хазарии с Византией против арабов, можно предположить, что это могло привести к более интенсивному процессу строительства крепостных сооружений на территории всей Черноморской Понтики с целью укрепления позиций. Именно такой процесс отмечается с IX в. Это не могло ни сказаться на строительных особенностях фортификационных сооружений по образцу Византии в ее провинциях с учетом местных традиций. Если в V–VIII вв. в системе оборонительного лимеса создавались крепости двух видов — крепости-замки и крепости дозорно-сторожевые, то

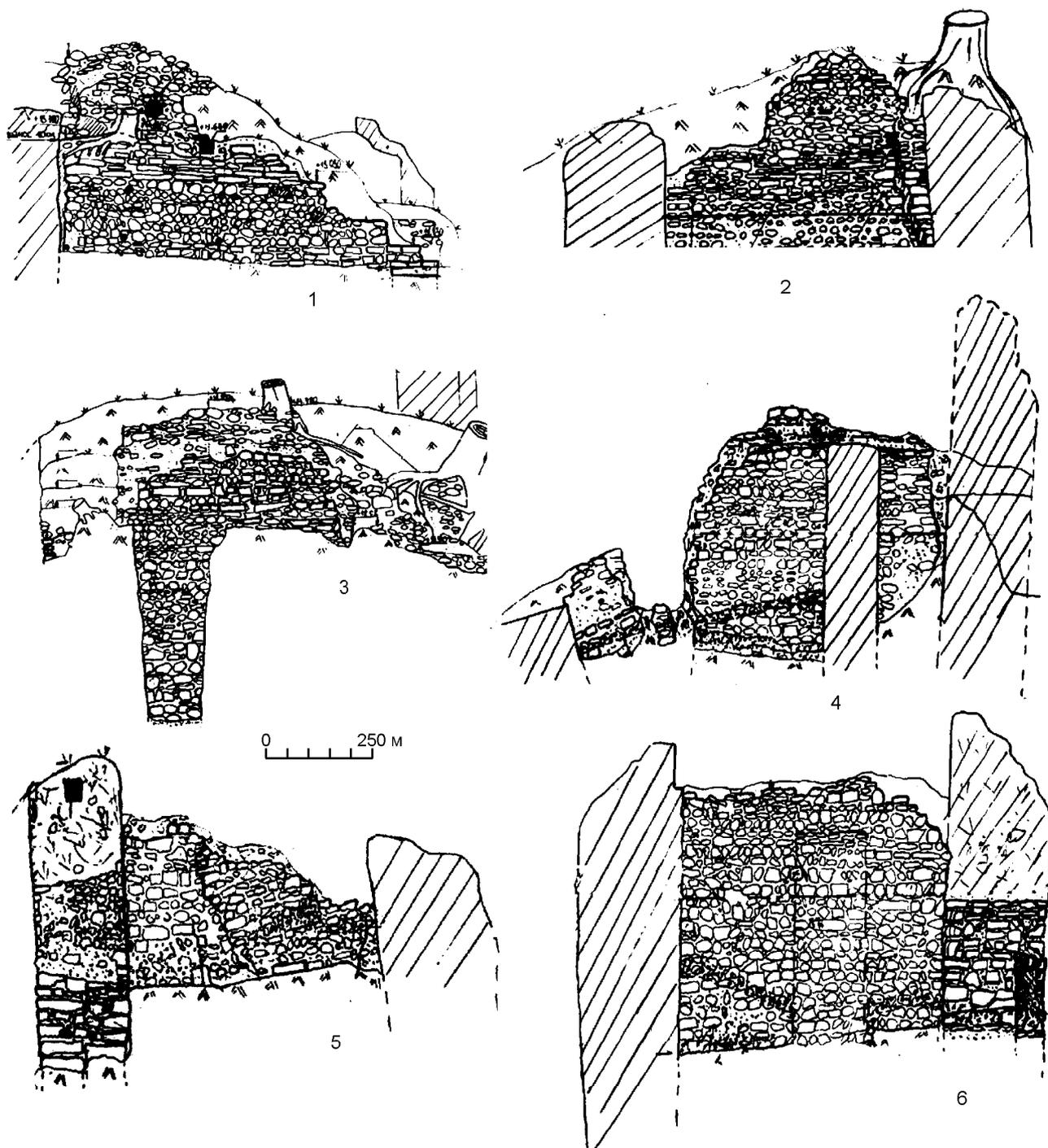

Рис. 5. Крепость Годлик. Башня III: 1 — фасад южной стены; 2 — южная стена, вид с севера; 3 — фасад восточной стены; 4 — восточная стена, вид с запада; 5 — северная стена, вид с юга; 6 — поперечная стена внутри башни, вид с севера

Fig. 5. Fortress of 'Godlik'. Tower III: 1 — façade of the southern wall; 2 — southern wall, view from north; 3 — façade of the eastern wall; 4 — eastern wall, view from west; 5 — northern wall, view from south; 6 — transversal wall inside the tower, view from north

с IX в. появляются крепости, являющиеся *опорно-стратегическими* пунктами (Бармина, 1997. С. 51). Именно крепости стратегического значения предназначались для защиты важных горных перевалов и служили убежищем для населения в случае вторжения неприятеля. Они занимали определенное место в системе фортификации Северного Причерноморья. Месторасположение крепости в устье реки Годлик может свидетельствовать о том, что она являлась приморским оборонительным сооружением стратегического значения, включенным в систему фортификации, охранявшей земли, вероятнее всего, от возможного нападения с моря.

Следующий период — вторая половина XIII — первая половина XV в., именуется «*генуэзским*». При этом, по нашим наблюдениям, наиболее активное время жизнедеятельности на крепости относится к XIV — началу XV в.

Вещевой комплекс весьма выразителен в находках достаточного количества пифосов, датируемых этим временем. Происходят конструктивные изменения в закладке стен, что отразилось в достройке башни III, а также в строительстве дополнительной оборонительной стены. Принцип кладки стены цитадели в «елочку», как отмечалось выше, присущ генуэзской технике строения.

Особенности фортификационных сооружений кавказского побережья и черты их схожести позволяют говорить о едином комплексе укрепленных торговых поселений в этот период по всей линии Черноморского побережья. В современном понимании средневековой ситуации Северного Причерноморья генуэзские территории занимали прибрежную территорию от Крыма до современной Абхазии, включая Краснодарский край, в том числе и регион Большого Сочи. С уверенностью можно утверждать, что регион в «генуэзский период» превратился в крупнейший торгово-экономический центр на побережье Чёрного моря. Он располагался на стыке крупнейших торговых путей из Азии в Европу, крепости превратились в опорно-стратегические пункты, служившие одновременно и защитой важных перевалов на торговом пути, и центрами внутренней и международной торговли. И это неслучайно, с момента основания генуэзцами в 1266 г. своего основного торгового поселения в урочище Каффа (Caffa) в Крыму (Мурзакевич, 1837) сразу же были обозначены и торговые партнеры на сопредельных территориях. Одним из первых и главных

среди них стала Зихия (Zichia) (Хотко, 2001. С. 15). На территории между Таной (Азов) и Севастополем (Сухум) в XIII–XV вв. насчитывалось 39 торговых поселений генуэзцев (Там же). Все они в большинстве случаев выглядели как кварталы приморских зихских (черкесских) городов. Генуэзцы расселялись вдоль северного побережья Чёрного моря исключительно с согласия местных князей или вождей, их торговые поселения платили дань зихским предводителям. Одним из таких торговых центров к XIV в. могла стать и крепость Годлик, интенсивность участия которой в местных событиях сохранялась до конца XV в., то есть до тех пор, пока османы полностью не разорили Каффу, конфисковав все товары, корабли и прочее имущество (Там же. С. 94). Падение Каффы (1475 г.) означало конец генуэзскому пребыванию и в Причерноморье. Вслед за захватом и разорением Каффы летом и осенью 1475 г. османы предприняли атаку на Черкесию, на Кавказ.

Третий период — «*османский*» — следует отнести к концу XV — XVI в. Отличительной чертой в технологии строительства крепости становится возврат к византийской форме кладки, но с некоторыми изменениями: традиционная византийская форма с выравнивающими «горизонт» каменными поясами применялась строителями с учетом местных условий. Все чаще в культурных слоях данного памятника встречается керамика и артефакты, датируемые XVI — началом XVII в. Именно к этому периоду исследователи относят проникновение Османской порты и ее вассалов на Северо-Западный Кавказ. Эти земли издавна привлекали крупные державы, граничившие с ним. Если добавить к этому самостоятельные агрессивные действия крымских ханов, то можно понять, что османская экспансия на Северо-Западный Кавказ была неизбежна. Другим стимулом турок для закрепления на Кавказском побережье, помимо стратегического интереса, стала работоторговля. Турецкими опорными пунктами на северном побережье Чёрного моря стали Гагры, Суджук, Анапа, Темрюк. И именно Анапа контролировала все побережье Северо-Западного Кавказа, специализируясь на работоторговле. Позже опорные пункты работоторговли превращаются в военные крепости с небольшими, но постоянными гарнизонами (Очерки истории Адыгеи..., 1957).

Приход османов приводит к постепенному оттоку населения из крепости Годлик, и в первую очередь с территории крепостного двора.

Как следствие, оборонительные стены и башни крепости Годлик превращаются в руины.

Наши предположения хотя и высказаны на основе анализа совокупности исследовательских материалов, как археологических, так и архитектурных реконструкций, а также с привлечением письменных источников, носят предварительный характер. Для подтверждения нашей гипотезы необходимы исследования на всем комплексе фортификационных сооружений северо-восточного Черноморского

побережья. Но очевидно одно: наличие крепостных укреплений в данном регионе с характерной византийской кладкой и более поздними генуэзскими перестройками, а также присутствие культовых памятников христианского зодчества дают основание предполагать, что именно этот район — прибрежная полоса Северо-Западного Кавказа — являлся своеобразным пограничьем политического и культурного взаимодействия мира цивилизаций с многоэтническим населением Северного Кавказа.

Античная культура..., 1995 — Античная культура. Литература, театр, искусство, философия, наука: Словарь-справочник / Под ред. В. Н. Ярхо. М.: Высшая школа, 1995. 383 с.

Анфимов, 1957 — Анфимов Н. В. Отчет об археологических исследованиях в 1957 г. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 1675.

Археология, архитектура..., 1997 — Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа: Материалы конф., посв. итогам исследований Лооской археологической экспедиции УрГУ в Лазаревском районе г. Сочи (1987–1997). Екатеринбург: Изд-во Банк культурной информации, 1997. 156 с.

Бармина, 1997 — Бармина Н. И. К вопросу об особенностях крепости Годлик // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург: Изд-во Банк культурной информации, 1997. С. 69–72.

Брашинский, 1965 — Брашинский И. Б. Обследование античных памятников Северо-Восточного Причерноморья // АО 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 113–115.

Воронов, 1969 — Воронов Ю. Н. Отчет об археологических разведках, произведенных в районе г. Сочи в 1969 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 4055. 36 л.

Воронов, 1979 — Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Кн. изд-во, 1979. 125 с.

Всеобщая история архитектуры, 1966 — Всеобщая история архитектуры. Л.; М.: Изд-во Стройиздат, 1966. Т. 3: Средние века. 687с.

Горст, 1997 — Горст А. П. Еще раз о Никопсии // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург: Изд-во Банк культурной информации, 1997. С. 72–79.

Дюбуа де Монпере, 1937 — Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми: Изд-во АБГИЗ, 1937. Т. 1. 180 с.

Зевакин, Пенчко, 1938 — Зевакин Е., Пенчко Н. Очерки по истории генуэзских колоний на западном Кавказе в XIII–XV вв. // Исторические записки. М.: Наука, 1938. № 3. С. 72–129.

Иванова, 1997 — Иванова С. Н. Керамический комплекс крепости Годлик // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа... Екатеринбург: Изд-во Банк культурной информации, 1997. С. 58–68.

Информационно-аналитический вестник..., 1999 — Информационно-аналитический вестник. История. Этнография. Археология. Майкоп: Изд-во Адыг. респ. ин-та гуманитар. исслед. отд. истории, 1999. Вып. 1. 151 с.

История народов..., 1988 — История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 545 с.

Константин Багрянородный, 1991 — Константин Багрянородный. Об управлении империей: [Греч.] текст, пер., коммент. / Под. ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1991 (Древнейшие источники по истории народов СССР). 496 с.

Мужухоев, 1989 — Мужухоев М. Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. Грозный: Изд-во Чеч.-Инг. полигр. об-ние «Книга», 1989. 220 с.

Мурзакевич, 1837 — Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса: Изд-во Городская типография, 1837. 116 с.

Овчинникова, 2010 — Овчинникова Б. Б. Лооский храм Большого Сочи // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 396–410.

Овчинникова, 2011 — Овчинникова Б. Б. Сокровища древнего города Сочи (случайные находки и поступления) // Археологические записки: Сб. науч. статей. Ростов н/Д.: Изд-во «Донское археологическое общество», 2011. С. 124–138.

- Очерки истории Адыгеи, 1957 — Очерки истории Адыгеи: в 2 т. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1957. Т. 1. 484 с.
- Романчук, Рудаков, 1975 — Романчук А. И., Рудаков В. Е. Керамический комплекс Баклинского городища // СА. 1975. № 2. С. 217–223.
- Семенов, 1991 — Семенов А. И. Византийские монеты Келегейского комплекса // Археологический сборник. Л.: Искусство. Лен. отд., 1991. Вып. 31. С. 121–130.
- Симиненко, Поздникин, 1997 — Симиненко В. И., Поздникин В. М. Градостроительная реставрация старой крепости вблизи п. Лазаревское г. Сочи (авторская реконструкция) // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург: Изд-во Банк культурной информации, 1997. С. 116–130.
- Федяков, 1997 — Федяков С. В. Материалы археологической разведки на территории современного Большого Сочи // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург: Изд-во Банк культурной информации, 1997. С. 80–85.
- Хотко, 2001 — Хотко С. Генуэзцы в Черкессии (1266–1475). Майкоп, 2001. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=6465&attempt=1> (дата обращения: 01.03.2019).
- Якобсон, 1979 — Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, Лен. отд., 1979. 164 с.

Fortress of 'Godlik' in the system of mediaeval fortifications on the Black Sea coast of Greater Sochi

B. B. Ovchinnikova

The investigation of the fortress at the mouth of the Godlik River in the Lazarevskoye District of the city of Sochi has enabled the researchers to identify its main features which indicate that it had functioned very long, practically, more than ten centuries. The peculiarities of the construction of the fortress are characterized by the features of the masonry of the defensive walls, whereas during all the chronological periods of the construction, the Roman-Byzantine building tradition (double-armoured with internal backfill) was followed.

On the basis of the abovementioned evidence, with consideration of the artefacts recovered, it became possible to trace the history of the use of the fortress of 'Godlik' distinguishing three periods in it. The first period, 'Byzantine-Khazarian', is dated to the 7th–10th century while the 9th century seems the most active one. The next period is the second half of the 13th — first half of the 15th century. It is named the 'Genoese' time and comprises the 14th — early 15th century as the most active occupation. During that period, the fortress functioned as a trade outpost. The third — 'Ottoman' period — is dated to a later time, i.e. the late 15th–16th century. A distinctive feature of the technology of the construction of the fortress became that of the return to the Byzantine type of masonry but with slight alterations. Slave trade became one of the stimuli of the Turks in addition to the strategic interests for their securing of the Caucasian Coast. Later strong points of the slave trade became military fortresses with small but constant garrisons. The coming of the Ottomans led to a gradual outflow of the population from the fortress of Godlik and, primarily, from the territory of the fortress courtyard. The result was that the defensive walls and towers of the fortress of Godlik became ruins.

Баженины — купцы, промышленники, корабелы (источниковедческие заметки)

О. В. Овсянников¹

Аннотация. Среди частных кораблестроительных верфей важнейшее место занимает Вавчужская судостроительная верфь купцов Гостиной сотни Бажениных, расположенная напротив города Холмогоры. В течение XVIII в. это предприятие спустило на воду около 120 судов различного новоманерного типа, которые плавали в бассейне Белого, Баренцева морей, Северного Ледовитого океана, а также часть парусников была проданы западноевропейским купцам. Исследованию деятельности первых корабелов, купцов Гостиной сотни, Бажениных посвящена наша статья.

Annotation. Among the private shipyards, of great importance was the Vavchuga shipyard of the Bazhenins who were merchants of the Gostinaya Sotnya (Guest Hundred – a privileged corporation of Russian merchants). The shipyard was situated opposite the city of Kholmogory. In the course of the 18th century, this enterprise launched to water about 120 ships of different 'new-mannered' types which sailed in the basin of the White and Barents seas and the Arctic Ocean. In addition, a number of the sailers were sold to West-European merchants. This paper is devoted to studies of the activities of the Bazhenins – merchants of the Gostinaya Sotnya and the first shipbuilders.

Ключевые слова: Вавчуга, купцы, Баженины, верфи, поморы, торговля, Аникеев остров.

Keywords: Vavchuga, merchants, Bazhenins, shipyards, Pomors, trade, Anikeyev Island.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-422-444

В самом начале XX столетия С. В. Максимов, путешествовавший по Поморью, просто не мог на своем пути миновать Вавчугу и не встретиться с одним из последних Бажениных: «Вот и сама Вавчуга на крутой горе, по трем уступам или террасам, которыми Баженины выстроили свои владения. На нижней террасе, ближней к реке, существовали его корабельные доки, теперь лесопильный завод. Далее, на средней террасе выстроен его двухэтажный дом шитый тесом, большой и по образу всех архангелогородских изб, но только заметно в большей чистоте. На самой верхней террасе, на вершине Вавчужской горы, красуется сельская церковь старинной постройки, с колокольни которой открываются чудесные и разнообразные виды, как говорят, больше чем на семьдесят верст» (Максимов, 1985. С. 575–576) (рис. 1). И далее: «На эту колокольню входил с Бажениным Петр Великий, три раза навещавший

Вавчугу. На этой колокольне, по народному преданию, великий монарх звонил в колокола, тешил свою государеву милость» (Там же. С. 576).

Вероятно, в приведенном тексте речь может идти только о деревянных церкви и колокольне, на которую, по преданию, поднимался Петр I. Каменный храм был построен в 1708–1719 гг. владельцем Вавчуги Сидором Бажениным. Храм был освящен во имя Иоанна Предтечи (главный престол), а предельная церковь — во имя Иоанна Златоуста, которая располагалась в теплой трапезе. В конце XIX в. Вавчужская церковь Петра и Павла (Чухченемско-Никольского прихода) числилась построенной в 1710 г. по Храмозданной грамоте, полученной Никифором Бажениным: стены храма кирпичные, гладкие, цоколь белокаменный; окна обнесены карнизами из белого известнякового камня; внутренняя часть церкви построена в виде квадратной палатки, алтарь от храма отделен каменной стеной с проходами между двух

¹ E-mail: oleg37.ovs@mail.ru.

Рис. 1. Вид села Вавчуга. Рисунок XIX в. (художник неизвестен)

Fig. 1. View at the village of Vavchuga. Drawing of the 19th century (artist unknown)

столбов (Краткое историческое описание..., 1894. С. 286; Овсянников, Назаренко, 1976. С. 33 + Научный архив). Во время архитектурно-археологических работ 1975 г. были обнаружены фрагменты храма на уровне цоколя (рис. 2, 1–3), рядом с храмом обнаружен фрагмент надгробной плиты Никифора Федоровича Баженина (рис. 2, 4).

Вполне естественно, что С. В. Максимов не мог не обратиться к «корням» Бажениных: «Род Бажениных, как и всех архангельских, происходил из Великого Новгорода. Первым прибыл в Холмогоры еще в XVI в. прадед Осипова отца Андрея — Семен» (Максимов, 1984. С. 563). И. А. Быховский, автор небольшой книги «Архангелогородские корабли», сведения Максимова преподнес читателю уже в несколько приукрашенных выражениях: «Фамилия Бажениных пошла в этих местах с конца XVI века, с той поры, когда здесь поселился новгородский купец-мореход Симеон Баженин. В Великом Новгороде он был человеком известным, и когда царь Иван IV учинил жестокую расправу над ненавистной ему Новгородской Вольницей, Симеон Баженин, спасаясь от беды, бежал на Север. На своем струге он добрался по рекам до Холмогор и остался там на постоянное

жительство. Его сын Федор и внук Кирилл стали деятелями духовного звания, а вот правнук Андрей Баженин пошел по стопам своего предпримчивого прадеда — занялся предпринимательством и торговлей» (Быховский, 1988. С. 44).

К сожалению, писцовые книги холмогорских посадов конца XVI столетия не сохранились, поэтому прижизненных следов «купца-морехода» обнаружить не удалось. Однако в «Писцовой книге холмогорских посадов 1622–1624 гг.», составленной Мироном Андреевичем Вельяминовым, подьячими Баженом Степановым и Онтоном Подольским, на Курцевском холмогорском посаде был зафиксирован двор, в котором жили «Фетька да Евсейко Семеновы дети Боженины, молотчие» (Ясински, Овсянников, 1998б. С. 317), причем Евсейко жил во дворе своего брата, а его собственный двор был «пуст» (Там же. С. 318). Вот так жили наследники Симеона-«морехода», но они были записаны как малоимущие, то есть находились в категории «молотчих» посадских людей. Пока только вот так, только в его наследниках — сыновьях, нашлись следы самого Симеона-«морехода».

Из «Писцовой книги 1622–1624 гг.» приведем описание оброчного владения.

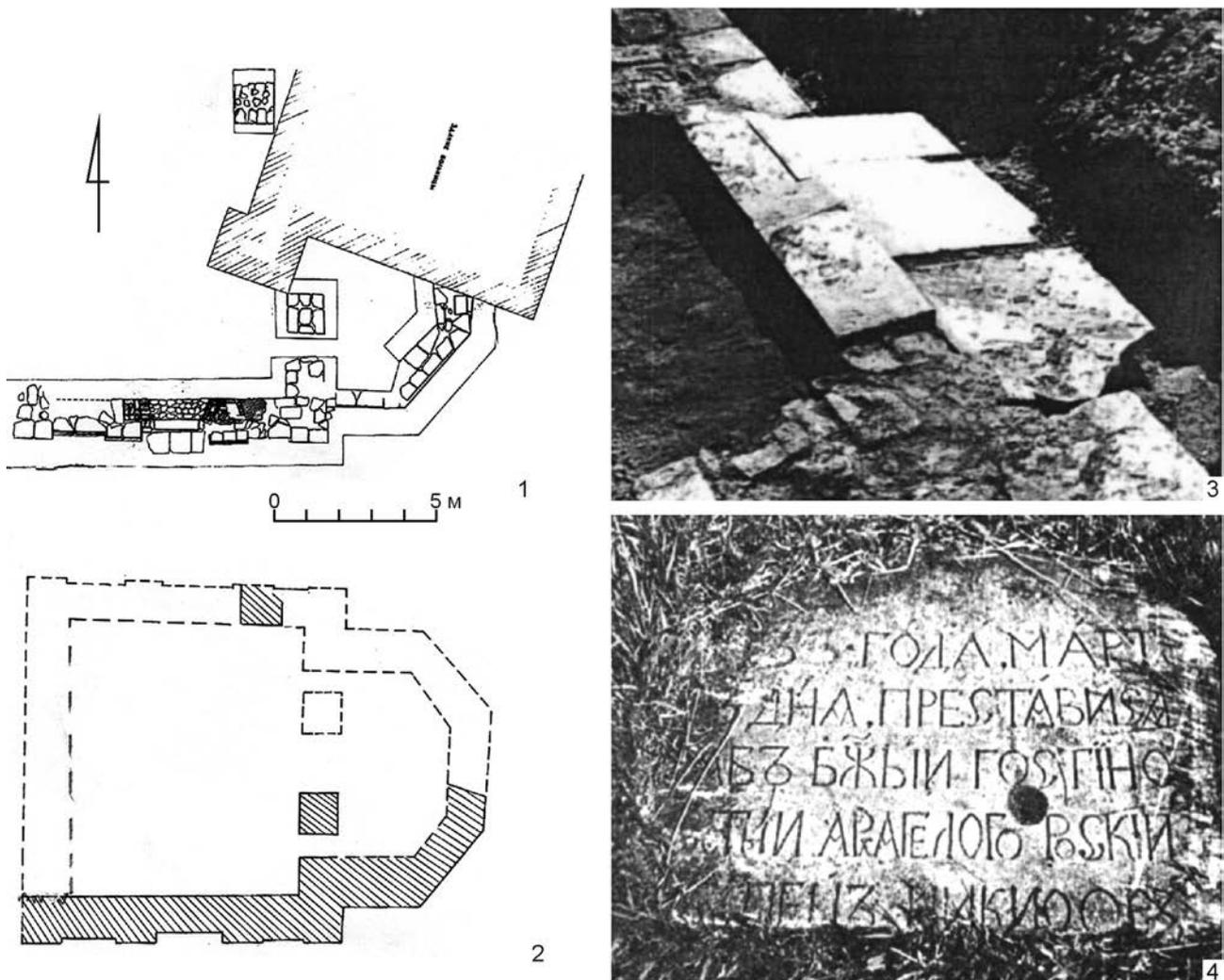

Рис. 2. Деревня Вавчуга. Церковь Иоанна Предтечи: 1 — фрагмент плана церкви; 2 — реконструкция основного объема здания; 3 — фрагмент южной части — портал; 4 — фрагмент надгробной плиты Никифора Федоровича Баженина. 1, 3 — архитектурно-археологические исследования 1975 г.

Fig. 2. Village of Vavchuga. Church of John the Baptist: 1 — fragment of the plan of the church; 2 — reconstruction of the main volume of the building; 3 — fragment of the southern section — portal; 4 — fragment of the tombstone of Nikifor Feodorovich Bazhenin. 1, 3 — architectural and archaeological investigations of 1975

«За Ивашком Федоровым сыном Попова по оброчной 1617 году пониже Пенеге реки речка Вавчега падет в Двину реку из сузема, и из озер, и из болот, и на тех озерах холмы слывут городища пустые, и на Вавчюжском озере холмы словут Осиновы городища и с при слоном, что к Двине. На той же речке Вавчюге мельница немецкая мелет в прок, у мельницы же пашня паханые худые земли две чети без третника в поле, а в дву по тому ж. Старого оброку 10 алтын, пошлины 3 денги. Новые наддачи с мельницы и с пашни 23 алтына 2 денги, пошлины семь денег. З ним же по оброчной 1617 году да на купчей 133 (1621) году за Двиною рекою Ровдины горы от Вавчюги реки вверх по Двине реке словут старые дворища и с прислоном,

что к Вавчюжскому устью, и пустошка, а сенных покосов средней ручей Башаров починок, Шимков наволок, и прислоны, и ручьи, что прилегли к Вавчюге реке, пашни паханые на Башарове починке полосьмины поля, а в дву по тому же сему копна. Старого оброку 6 алтын 4 денги, пошлины 5 денег» (РГАДА Ф. 1209. Д. 9. ЛЛ. 156об.-157об.).

Мы специально наиболее полно привели сведения о довольно обширных оброчных угодьях Ивана Федорова сына Попова именно в районе будущего родового гнезда Бажениных — Вавчюге. Дело в том, что впоследствии один из потомков Ивана Попова выдал свою дочь за Андрея

Баженина и в марте 1671 продал ему упомянутую в «Писцовой книге 1622–1624 гг.» мельницу (*Быховский*, 1988. С. 43).

По «Переписным книгам холмогорского Курцевского посада 1646–1649 гг.», составленным Иваном Ивановичем Филосаровым и подъячим Козьмой Патрикеевым, у холмогорца Евсея Семенова сына Баженина был сын «Осипко Евстевьев сын прозвище Баженин», а в другом дворе того же посада упомянута «вдова Маврица Кирилловская жена Баженина, у нее сын Ондрюшка», Осипко Баженин умер в 1688 г. (*Ясински, Овсянников*, 19986. С. 343).

Вдова Маврица вырастила сына, который, согласно «Переписной книге Курцевского посада 1676–1678 гг.», составленной стольником Афанасием Фонвизинным, имел свой двор и большую семью и даже обслугу, жившую в том же дворе: «во дворе Ондрюшка Кирилов сын Баженин, у него три сына Ивашко, Оська, Федька двенадцати лет, у него же работники Лучка Васильев да татарин Ивашко пяти лет» (*Там же*. С. 359). Вот именно эта ветвь родового «дерева» Бажениных (Ивашко, правда, вскоре умер) впоследствии и прославила их и Вавчюжскую судоверфь как один из крупнейших кораблестроительных центров, а также организовывала многие промысловые экспедиции в различные районы Ледовитого моря. В «Переписной книге Курцевского посада 1702 г.», составленной стольником Сильвестром Петровичем Иевлевым, зафиксирован двор, принадлежащий Бажениным. В традициях того времени, документ сначала перечислил те сведения, которые содержались в предыдущей, 1676 — 1678 гг. переписи (во дворе — Андрей Кирилов сын Баженин и его три сына — Иван, Осип и Федор) и новые сведения 1702 г.: «А Осип да Федор записаны в Гостиную Сотню в 1698 году, живут в Вавчуге, а дворище пуст» (*Там же*. С. 376). «Род холмогорца Куропольского посаду Андрея Баженина» записали в Синодике Спасо-Прилуцкого (Козьмеручьевского) монастыря (РО БАН. Д. 396. Л. 74).

Любопытные события, связанные с семьей Бажениных, довольно подробно описаны в «Родословной росписи», составленной в первой половине XIX в. Это своеобразная «летопись» протяженностью в 250 лет, заканчивающаяся в 1831 г. (*Иванов*, 1913. С. 1031). Эпизод с Осипом Бажениным относится к январю 1715 г., когда Селецкий иерей Герасим венчал браком «холмогорской торговой сотни Осипа Андреевича Баженина, корабельного в Вавчуге мастера, жалованного

государем Петром Первым, с его кумою, вдовою, у коей он крестил детей, и по красоте ея, в нее влюбился, от живой второй уже жены, до учинения законного развода, с коєю он жил в несогласии и прогнал ее из дома своего. Баженин взял к себе в дом куму свою Варвару Мефодьеву дочь и стал жить с нею как с законной женою... Баженин жил с кумою до самой смерти своей, приключившийся ему 1723 года» (*Там же*. С. 1036–1037).

По переписи 1710 г. Парасковье Бажениной было 30 лет, а Осипу Баженину — 56 (*Ясински, Овсянников*, 19986. С. 225). В июле 1728 г. на извозном карбасе холмогорца Бориса Шынгарева среди группы пассажиров-богомольцев, отправившихся в Соловецкий монастырь на богомолье, были Ирина Ломоносова с дочерью Евдокией, «бывшая Баженина Осиповская жена Парасковья Карпова» (*Овсянников*, 2011. С. 179).

Удалось обнаружить целый ряд документов, из которых видно, что скандал, связанный, с демонстративным двоеженством Осипа Баженина, стал едва ли не событием общегосударственного масштаба. В ноябре 1706 г. игумен Троицкого Антониево-Сийского монастыря Никодим бил челом государю о самоуправстве Осипа и Федора Бажениных над крестьянами Уемской волости:

«Державнейишии царь, государь милостивейишии, в нынешнем государь 1706-м году августа в 17 день в грамоте великого государя из Монастырского приказа, какова прислана Холмогорские епархии к приказному Данилу Лебедеву, написано: в нынешнем 706-м году маяя 20 де[нь] по имянному твоему, великого государя, указу патриарших, и архиериских, и монастырских всяких чинов людеи и вотчинных крестьян всякими зборы, и делами, и судом, и росправою велено ведать и искать им, всяких чинов, на людех исков своих и отвечать в одном Монастырском приказе, а в ыных приказах и в городех ни в чем не ведатьи, в городех воевод и всяких присылных людеи и бурмистров без послушных твоих, великого государя, грамот из Монастырского приказу не в чем слушать не велено. А в нынешнем 706-м году октября в 15 де[нь] по челобитю Уемскои волости соцкого Ивана Голянищева да крестьян Клементья Федорова, да Прокопя Буркова с товарищыи приезжал Гостино[й] сотни Осип Баженин з братом Федором и с подъячим, и с челобитчики, и со многими крестьяныи в Уемскои волости у наших монастырских крестьян хлеб в кучах и сено в зародах, саженно измеряя, и на гумнах молоченои хлеб все сильно переписали, из дворов безвременно гонили, и то описное сено они, уемские

крестьяна Клементеи с товарищы, у наших крестьян повозили силно к нему, Осипу Баженину. А в нынешнем ж государь 706-м году в ноябре месяце по челобитю их, Осипа да Федора Бажениных, наши, монастырские они, Уемской волости крестьяна к Архангельскому Городу в приказную палату приведены пушкарями к допросу и им, нашим крестьянам, без твоего, великого государя, указа и без послушной грамоты из Монастырского приказа в допрос идти не велено. Всемилостивейшии государь, просим вашего величества, вели государь Холмогорской епархии приказному Данилу Лебедеву по выше именованному своему, великого государя, указу и по грамоты из Монастырского приказа у Архангельского города в приказную полату послать указ, чтоб нашим монастырским крестьяном в приказной полате в задержки и достал к концу не разоритца, вашего величества богомольцы Антониева Сииского монастыря архимандрит Никодим з братиею. 706-г[о] ноября в ... де[нь]. Антониева Сииского монастыря стряпчей Василеи Яковлев к сеи челобитной руку приложил» (ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 122. Л. 1–2).

В 1714 г. архиепископ Холмогорский и Важский Варнава требовал допроса архангелогородского протопопа Калининника об отношениях Осипа Баженина с его законной женой Парасковьей:

«Лета 1714 -г[о] мая в 13 день по указу преосвященнаго Варнавы, архиепископа Холмогорскаго и Важскаго, Архангелскаго монастыря архимандриту Иоасафу.

В нынешнем 1714-м году мимошедшаго апреля месяца послан к тебе ево архиереиской указ, велено, по делу Гостининой сотни Осипа Баженина з женою его, призвать тебе архангелогородскаго протопопа Калининника, ево допросить по священству, в правду. В прошлых де годах, как жена ево Осипова от мужа своего из дому к Холмогорам поезжала и тогда он, протопоп, при поезде в дому у Осипа Баженина был ли? И буде был, и по чьему призыву, и какие разговоры, и у Осипа з женою, и о чем были, и жена ево, Парасковья, в чем винулась ли и ему прощалас ли. И о том взять у него, протопопа, скаску за рукою. И ту скаску, запечатав в столбце, велено прислат на Холмогоры к нему, преосвященному архиепископу, с опискою. И ты, архимандрит, апреля с 1-х чисел и сего мая по 13-е число к преосвященному архиепископу не писывал и скаски не присылывал. И как к тебе сеи преосвященнаго архиепископа указ подан будет, и ты б, архимандрит, о допросе протопопа Калининника и о присылке скаски ево на Холмогоры, учинил по прежнему и по сему его, преосвященнаго архиепископа, указу в нынешних скорых числах, не отложно. Да о том к преосвященному архи-

епископу писал, а отписку и скаску велел подат ему, преосвященному архиепископу, в Крестовой палате.

Игумен Мардарии.

Сеи архиереиской указ отдать Архангелскаго монастыря архимандриту Иоасафу»

(Там же. Ф. 831. Оп. 1. Д. 368а. Л. 2–2об.).

В 1718 г. архиепископ Варнава снова доносил царю об Осипе Баженине и писал о необходимости отдать его в архиерейской дом «к допросу»:

«Великому государю царию и великому князю Петру Алексеевичю, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержцу, богомолец ваш Варнава, архиепископ Холмогорский, о вашем государском здравии престало Бога моля, челом бью.

В нынешнем великии государь 718-м году марта в последних числах прислана ко мне, богомольцу вашему, ваша, великого государя, грамота с Москвы из Патриарша Духовного приказа за приписью дьяка Дмитрия Шукинскаго. А по той грамоте и по указу вашего великого, государя и по приказу преосвященнаго Стефана, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, велено мне, богомольцу вашему, по делу Гостинные сотни Осипа Баженина о ево, Осипове, беззаконном браке ваш, великого государя, указ учинит, по священным апостолам и святых от[цов] правилом, праведно. А о послушании, о ему, Осипу Бажениных, в том духовном суде мне, богомольцу вашему, Архангелогородской губернии к вице-губернатору Петру Ефимовичю Лодыженскому с товарищы ваша, великого государя, грамота послана.

И по тому вашему, великого государя, указу и по присланной ко мне, богомольцу вашему, грамоте писал я, богомолец ваш, к вам, великому государю, и послал отписку в Архангелогородскую канцелярию, чтоб его, выше писанного Осипа Баженина, по приписании вашей, великого государя, к ближнему столнику и вице-губернатору Петру Ефимовичю Лодыженскому с товарищы, грамоте повелено было прислат ко мне, богомольцу вашему, на исправление и по делу к допросу. И по той моеи отписки той Архангелогородской канцелярии дьяк Григорей Фирсов сказал, посланному из дому моего сына боярскому, что де он ево, Осипа Баженина, взять и отдать ко мне, богомольцу вашему, без вице-губернатора Петра Ефимовича не смеет, а он, вице-губернатор, ныне в Санкт Петербурхе и о сем к вам, ваше царское величество, повелите и быть укажете... »

(Там же. Ф. 831. Оп. 1. Д. 513. Л. 1–1об.).

В архиве Сийского монастыря сохранилась грамота 1718 г., адресованная царем Петром I архиепископу Варнаве, об этом «деле».

«От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белья Росий самодержца богомолцу нашему преосвященному Варнаве архиепископу Холмогорскому и Важескому. В нынешнем 718-м годе февраля в 10 де[нь] бил челом нам, великому государю, твоег[o] архиереиского дому служител Карп Андреев, а в челобитной ево написано: в прошлом де 709-м году выдал он дочь свою, девку Парасковью, замуж Гостиной сотни за Осипа Баженина. И жили де они в супружестве годе с три и болии христианским законом, и по многом возмущений, дабы ево, Осиповы, и наложницы жонки Варвары. Вознегодовав он, Осип, на нее дочь ево, и учал ее бит, и мучит смертно, безвинно, и хотел предат смерти, и по многом мучении выслал ее от себя, из дому, в одной телогрее, безвинно, Вавчюжской деревни с священником Симеоном, не дав ей и приданого ее платя, ничего. И после той высылки, по навету выше означенной явнои наложницы своеи, жонки Варвары, подал в Архангелогородской канцелярии лжеюставную челобитную, будто явилас она, дочь ево, в блудодейнии и в чародейнии. И в Архангелогородской де канцелярий про то розыскивано, и по розыску того не явилос. И тем де он, Осип, ево, Карпа, и дочь ево, обещестил напрасно. И по ево ж де, Осипову, ложному челобитю из онои канцелярий с указом прислал с того дела список в Духовное разсуждение и разсмотрение к тебе, богомолцу нашему. И о том деле он, Осип, тебе, богомолцу нашему, самозвателно подал челобитную лжеюставную со укоризнами ложными на нее, дочь ево, наветы, несогласно с первым его челобитем, и о блудодейнии, в том своем челобите, не написал, ведая в том свою не правду и лжеюставное затеное челобите. И против того, ево лжеюставного челобитя, она, дочь ево, в твоём архиереиском Духовном приказе допрашивана и, которые люди по тому делу довелос во свидетелстве допросит, допрашиваны и розыскивано. И по тому допросу и по свидетелству никакой вины дочери ево не явилос. А он де, Осип, в твои архиереиской приказ в допрос не пошел, и наложницы своеи, жонки Варвары, и иных домочадцов своих, которые по тому делу довелис допросит, к допросу ни кого не дал, ведая в том деле свою не правду и затенное свое ложное челобите. И с тою наложницею своею, жонкою Варварою, из дому своего уехал тайно в епархию Новгородцкую, в Каргополской уезд, в Селецкую волость, и без законно на той наложнице своей женился и не правилне венчался, не в указное время генваря 2-го числа 1715-г[o] году, до праздника Богоявления Господа нашего Иисуса Христа, презрея градския законы и правила апостольския и отеческия. И, уведав де о том ево, Осипове, без законном браце, ты, богомолец наш, запретия ево входа

святыя церкви. И он де, Осип, по тому, твоему, богомолца нашего, запрещению, бил челом нам, великому государю, в Санкт Питербурхе, в канцелярий Сената подал челобитную, утая о том своем челобите, которое челобите у нег[o] было на Холмогорах тебе, богомолцу нашему, толко написал свое челобите, которое было в Архангелогородцкой канцелярий, ведая по тому делу свою неправду. И против того ево, Осипова, челобитя наши, великого государя, указ состоялся, что то дело из Архангелогородцкой канцелярий велено выслат к вершению в Санкт Питербурх, в канцелярию Сената. И он, Осип, тая у себя тот наши, великого государя, указ марта с 25-г[o] июля по 29-е число, и явил тот указ в Архангелогородцкой канцелярии выше писанного числа. А в том указе, в иво, Осипове, челобите написано, будто вице-губернатор Курбатов того дела не вершил, не ведомо для чего, а наипаче для отездов частых, а которое дело было в твоём, богомолца нашего, Духовном приказе, по его ж, Осипову, челобитю, и того дела он, Осип, в челобите своем не объявил. И он де, Карп, уведав тот наши, великого государя, указ, и подавал челобитную в Архангелогородцкую канцелярию, чтоб приданое дочери ево у него, Осипа, пересмотря, переписать при сторонних людех и до указу запечатат для того, что де оная прелюбодейца ево, Осипова, и наложница, жонка Варвара, то приданое носит ругателно и свойственницам своим отдает, а иное приданое он, Осип, и за свои долг отдает. И тако де ево челобитной вице-губернатор Лодыженской у него, Карпа, не принял, не ведомо для чего. А ныне де, по ведомости, известилс я он, что то все дело по имянному нашему, великого государя, указу велено отослат к, богомолцу нашему, преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому, в духовное разсуждение и чтоб, по тому делу, по правилом святых апостол и святых оти, указ учинит, а ево, Осипову, прелюбодейницу и наложницу, жонку Варвару, взят у него к допросу. И по тому ж указ учинит, по святым правилам, и дочь ево, Парасковью, ему, Осипу, взят по прежнему в законное супружество, и собрат по нем, Осипе, поручную запис, что ему з дочерю ево жит законно, не бит и не мучит, смертного убиштва не учинит, а приданое дочери ево все отдаст ей в целости, а чего не явитс я и за то б на нем, по цене, взят денги или таково ж плате, которое изнурено, построит и отдаст ей же, дочери ево. И по нашему, великого государя, указу и по приказу, богомолца нашего, преосвященного Стефана, митрополита Рязанского и Муромского, велено в помянутом деле указ учинит, по святым правилом, тебе, богомолцу нашему. И как тебе сия наша, великого государя, грамота подана, и ты б, богомолец наш, по выше помянутому делу, о том ево, Осипове, беззаконном браке наши, великого государя, указ учинил,

по святым апостолским и святых отц правилам и по своему разсуждению, праведно. А о послушаний оному, Осипу Баженину, в том духовном суде тебе, богомолцу нашему, Архангелогородцкои губерний, к вице-губернатору нашему, Петру Евфимиевичю Лодыженскому с товарищи, наша, великого государя, грамота послана ж. Писан в Москве лета 1718-г[о] февраля в 19 де[нь]. Шупнинский.

Подписные взяты.

Справил Иван Яковлев.

А часу 2 б: марта в среду велик канон объявлена и приниата.

19 ал[тын] 4 де[нги]

(РА СПб.ИРИ РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 390. Л. 1–4об).

Много двинской воды утекло мимо холмогорских посадов и Вавчюги за 24 года, прошедших между переписью 1678 г. и переписью 1702 г. Вавчюга стала другой, да и Баженины также изменились. «Восхождение» Баженинской семьи началось в 1691 г., когда в августе месяце по царской грамоте на имя двинского воеводы Андрея Артемоновича Матвеева было указано построенную в 1690 г. «колмогорцем Оскою Бажениным в Двинском уезде пилную мельницу в тяглой его деревне на реке Вавчуге для ростирки досок владеть Оске Баженину по прежнему» (Бурицев, 1900. С. 116).

Сохранился очень важный письменный документ 1710 г. — это «Книга окладная архангелогородским посацким людем кто в каком окладе положен». В этом финансовом документе «Гостиной сотни Осип и Федор Баженины» были «положены» соответственно «в шестнатцати денгах» и «в четырнатцати денгах». Приведем описание баженинского двора на Курцевском посаде в 1710 г. полностью: «двор — Федор Андреев сын Баженин, 46 лет, у него жена Авдотья 40 лет, у него три сына Василей 15 лет (далее текст документа испорчен. — Прим. авт.), дочь Ульяна 7 лет» (Ясински, Овсянников, 1998б. С. 225). К сожалению, в цитируемом документе имена других сыновей Федора не удалось прочесть, так как в этом месте текст документа не сохранился, но они известны по другим письменным источникам, — это Денис и Никифор. В документах после 1710 г. Василий Федоров сын Баженин встречен нами только один раз: в июне 1712 г. «по челобитью Гостиной сотни Федора Баженина сына ево Василья карбас итти от города Архангельского Березовским устьем мимо Новой крепости ... (продолжение текста не сохранилось. — Прим. авт.)» (РА СПб.ИРИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 553. Л. 13об.). Судя по записи, Василий выполнял

поручение отца и выходил в море по его челобитной. Вероятнее всего, Василий, после упомянутого похода, вскоре умер, а может быть и погиб.

Судьбы братьев Бажениных — энергичных купцов, судостроителей сложились по-разному. Младший брат, Федор, участвовал в магистратских выборах в городской магистрат: «в тот магистрат выбраны были для управления тех дел президентом Федор Баженин, а в бурмистры ис Архангельского города и в ратные 6 человек» (ПСРЛ, 1977. С. 206). Однако 15 марта 1726 г. Федору Баженину не повезло: «Оной Баженин против крепости Петропавловской едучи на шлюпках от великой бури опрокинуло, и с ним утонул секретарь Проконей Гусарев и другие из подлых. А ездили с губернатором для отправления голландские корабли» (Там же. С. 207).

Однако до этого трагического события Федор Баженин преуспел в поморской коммерции. М. И. Белов в своей монографии приводит наиболее ранние, из известных сообщений о посылке поморских судов на звериный промысел, среди которых в навигацию 1710 г. упомянут архангельский купец Федор Баженин (Белов, 1956. С. 68). Согласно этим сведениям, Баженин отправил на Шпицберген (Грумант) гукор «Святой Иоанн Златоуст» с 18 промышленниками, а месяцем позже еще два гукора, «Параскева» и «Екатерина», с 34 работными людьми. Данные, приведенные М. И. Беловым, вызывают некоторое недоумение, так как следует признать, что указанные им три новоманерных судна — гукоры, оказались построенными до первого петровского указа от августа 1714 г. Хотя нельзя исключить не совсем точное использование М. И. Беловым данного документа.

Дело в том, что нам известен документ, относящийся к навигации 1712 г., в котором имеется запись о том, что 2 июня по челобитным «Гостиной сотни Федора Баженина» даны пропускные указы об отпуске мимо Новую крепость, в море, двух ладей, на одной кормщик Иван Артемев Коргин, а на другой — кормщик Михайла Федюхин «на Груланскую землю» для звериных промыслов с хлебными запасами, промышленными снастями и работными людьми (Брызгалов и др. 2018. С. 34).

Очень интересные сведения приводит С. Ф. Огородников: оказывается еще в 1693 г. было дано царское дозволение иноземцу Францу Тиммерману «строить корабли, полукорабли, гальоты и иные по морю ходящие суда, у города Архангельска, на Двине, на Усть-Мезени и в других удобных

местах, где присутствуют, с исключительным правом устройства канатного и парусного заводов на 20 лет» (Огородников, 1875. С. 7). Заметим, что С. Ф. Огородников использовал уже опубликованные сведения (Елагин, 1864. С. 302–303). Однако так ли это? Возможно, что каких-то сведений о судьбе подобного «дозволения» мы пока не знаем.

Совершенно другими сведениями оперирует И. А. Быховский, утверждавший о строительстве в начале XVIII в. Бажениными трехмачтовых двухпалубных гукуров, а также флейтов, пинков, галиотов (Быховский, 1988. С. 48). Приводятся и вполне конкретные факты строительства новоманерных судов задолго до известных петровских запретительных указов 1714–1715 гг. В 1696 г. построены флейты «Святой Пророк», «А. Первозванный», «Креститель Иоанн». В 1707 г. Баженины спустили на воду гукур «Апостол Петр», в 1710 г. — гукур, наименование которого не известно (Там же. С. 146–147). Если подобные данные найдут документальное подтверждение, то история поморского судостроения до 1714 г. будет скорректирована, но следует различать военные корабли и вспомогательные суда, торговые купеческие и промысловые суда.

В начале XVIII в. на первое место в экономике Поморья начинают выходить такие промыслы как мурманский морской рыбный, а также мурманский семужий. Осенью 1710 г. купец Гостиной сотни Федор Баженин подал в Архангелогородскую приказную палату князю Петру Александровичу Голицыну челобитную о желании получить на оброк сроком на 15 лет «рыбные ловли» в одном из самых богатых красной рыбой участков на Терском берегу. Челобитная Федора Баженина была составлена корректно, необычайно прагматично и, как нам представляется, имела к тому же большой дипломатический подтекст. Вот текст этой челобитной:

«Да сего октября 17 дня били челом великому государю Гостиной сотни Федор Баженин, а в Архангелогородской приказной палате ближнему столнику князю Петру Александровичу Голицыну подал челобитную, а в челобитной написано:

«Державнейший царь, государь милостивейший, вашим царского величества имянным корабельному строению и делам доднесь, толко за несчастно свое прибытку себе ни малого не получили, толко, надеясь вашего царского величества милосердиям желаем того корабельного строения паче умножити и по намерению своему верную услугу в том показать, дабы по прежнему вашего царского величества имянному

повелению и жалованной грамоты для науки русских людей к морскому хождению к морским рыбным промыслам по заморскому извычаю строить еще удобныя морские суды, понеже в вашей царского величества державе в Холмогорском уезде, которыя обретаются от города Архангелского, за Белым морем, на Терской стороне, есть рыбныя ловли река Поной и к ней прилежащие тони: тоня Лата, тоня Красный Нос, тоня Конь-Камень, две тони на Орлове, тоня Бабья, тоня Погорелка, в Пялицы полреки да речка Еконга. А владели теми рыбными угодыями исстари лопари и тех рыбных ловель угодыя запустошили, и после того ис пустоты отданы были в дом патриарший, а ис патриарша дому, не опроча же тех промыслов, отдали за Воскресенской монастырь. А Воскресенского монастыря промышленники держали те рыбные промыслы и промышленяли на вас, великого государя, толки прибыли на вас от тех промыслов не учинили. А ныне все выше писанные рыбныя промыслы велено из Архангелогороцкой приказной палаты отдать на оброк лопарем, которым теми рыбными промыслами владеть неприлично, потому что у них, лопарей, не токмо по заморскому извычаю, но и старых русских судов у них не бывало, и по морю собою не ходят и не хаживали, и те рыбныя промыслы могут оне наипаки запустошить по-прежнему, да и оброку им платить будет ничим и несносно.

Всемилолюбивейший государь, прошу вашего величества, да повелит ваше державство для науки русских людей к морскому хождению к помянутым промыслам, корабельного строения паки умножить, и в тех помянутых местех рыбные оброчные промыслы в оброк отдать мне, нижайшему рабу вашему, впредь на пятнатцать лет без перекупки, чтоб те рыбные промыслы впредь опорочить и чтоб уловленную красную рыбу семгу отпускать за моря, а остальную за отпуском продавать в российских городех, а с отпуском за моря красной рыбы, на сколка по цене отпущено будет, платить в твою государеву казну с рубля по восьми копеек пошлин, которых пошлин с тое рыбы никогда не платили, а на усоль рыбы соль привозить мне из-за моря, понеже русского варенья соль в отпуску за моря красному усолу не годится. А за вышеписанные те рыбные угодыя, реки и тони для пополнения твоей, великого государя, казны стану платить я, нижайший раб твой, по усердному моему намерению по шестьдесят рублей на год, а с продажи рыбы буду же платить пошлину восьми копеек с рубля. А для пропитания работных людей, которые у тех промыслов будут, хлеб покупать мне и отпускать на те вышеписанные промыслы повольною ценою в российских городех, где мне угодно будет, а с покупки хлеба, где буду покупать, твою, великого государя, пошлину буду платить сполна по Торговому

уставу. Вашего величества низжайший раб, Гостиной сотни Федор Баженин 1710го октября ... дня. К сему прошению Федор Баженин руку приложил»
(РА СПб.ИРИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 285. ЛЛ. 14об.–15об.).

Можно признать, что предложенный в челобитной Федора Баженина план был, несомненно, привлекательным для государства. Огромный участок морского Терского побережья, там, где воды Белого и Баренцева (Мурманского) морей, «сталкиваются» у своего условного пограничья — у Святого Носа, а впадающие в море крупные реки были традиционными нерестилищами красной и белой рыбы, представлял собой лакомый кусок для промыслов. Бесспорно, власти в Москве оценили выгоды баженинских предложений, но...

Со второй половины XVII в., а особенно в первые десятилетия XVIII столетия, возросла административная роль Кольского острога и его жителей в мурманском морском и речном рыбном промысле. Два потока внутренней колонизации в процессе освоения рыболовных угодий Кольского полуострова (население западного Беломорья и подвинских волостей), помимо коренного населения, принимавшего участие в рыбных промыслах, побуждали государственные власти очень взвешенно относиться к интересам каждой из этих групп. Власти были озабочены, прежде всего, тем, чтобы сохранить определенные лопарские привилегии в мурманском рыболовстве, смягчить интенсивность внедрения в традиционные «ловецкие места» лопарей новых хозяев — центральных и местных северных монастырей, а также оградить лопарских и двинских промышленников от злоупотреблений Кольской администрации, переподчинив их по ряду фискальных вопросов непосредственно Архангелогородской губернской канцелярии. В августе 1710 г. — «по указу великого государя и по приказу ближняго столника князя Петра Алексеевича Голицына велено им терским, понойским и еконским лопарем реками Поноем и другими владения по-прежнему, ...». (РА СПб.ИРИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 285. Л. 14.).

Естественно, что при раздаче рыбных ловель на Терском берегу власти не могли обойти вниманием и Гостиной сотни купца Федора Баженина. Однако это было сделано весьма своеобразно. Указав лопарям владеть «рыбными ловлями по прежняго оброку, чем наперед сего владели», «кольскому подьячему Алексею Рекунову по отдаче ис Колские приказные избы рекою Еконгою

владеть до 714-го году и оброк платить прежней», не забыли и о челобитной Федора Баженина. Вспомнили в таком изложении: «А за тем буде есть в остатке, на которых реках рыбные ловли и тони, о которых бил челом Федор Баженин, и те лишние велеть ему, Федору, отдать в оброк с торгу, кто болше даст. И о том о всем в Колской острог к воеводе послать указ с прежняго отпуску» (РА СПб.ИРИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 285. Л. 27 об.).

Наследники Федора Баженина продолжили, кроме судостроительной традиции, и другую, промысловую деятельность своего отца (Денис Федорович и Никифор Федорович). Это прекрасно видно из документов Архангелогородской губернской канцелярии и Архангелогородской конторы над портом, относящихся к лету 1733 г.:

«Из Архангелогородицкой губернской канцелярии в Архангелогородицкую контору над портом Ведение.

Сего июня 5 дня чрез поданное в реченную губернсую канцелярию от канторы над портом ведение требовано и з здешних обывателей бывалых до реки Оби или до реки Печеры, которые о тех местах гораздо или отчасти ведают для разсуждения по их известно, какие б суда к тому пути способнее, а паче безопаснее построить было можно. И по тому требованию, а по определению губернской канцелярии о присылке помянутых ведущих людей в Архангелогородицкую ратушу, к бурмистром, указ послан. А сего июня 12 дня в доношении из оной ратуши написано — по справке в той ратуше, в Архангелогородицком и Холмогорском посадах для означенного разсуждения бывалых до Оби и Печеры рек из архангелогородцев и холмогорцов посацких людей, которые о тех местах ведают, какие суда к тому пути способнее, а паче безопаснее построить было возможно, не имеется, точию прежде сего бывали в отпуску суды до Печеры и до Пустозерска, от бывшаго Никифора и брата ево, Дениса, Бажениных, и от Ивана Маслова, и от Ивана Звягина, да от пенезанина Петра Кокина, от холмогорца Василья Шульгина, которые при сем и посланы. И Архангелогородицкая кантора над портом о вышеписанном да благоволит быть известна. Июня 12 дня 1733 году.

Князь Михаила Щербатой.

Секретарь Филипп Власов.

Подканцелярист Семен Кокшаров»

(РГА ВМФ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 605. Л. 16–18об.).

Экипаж-мейстер Соломбальской верфи

Баженин Федор Андреевич (1663–1726 гг.) сумел сделать по тем временам неплохую карьеру: уже в 1711 г. по царскому указу он был назначен

в должность экипаж-мейстера Архангельского адмиралтейства для управления Соломбальской верфью на место умершего Избранта. Но, как следует из личных писем Федора Баженина, на эту должность он был определен «силой»: *«Я к тому корабельному строению приписан и взят неволею, понеже у такого высокого и великого дела быть мне не надлежало, ... посколку богу и его царскому величеству угодно».*

О некоторых событиях своей деятельности в этой должности он сам писал в письмах. Например, Федор Баженин отчитывался перед Адмиралтейств-Коллегией в письме из Архангельска от 22 декабря 1712 г. *«... доношу о корабельном строении: которое по указу Ц. В. велено строить три корабля у города Архангельскаго на Соломбальской верфи и то корабельное строение строится Е. Ц. В. счастием изрядно ... у тех кораблей сделано по се нижеписанное число корпусы их во основании из сосновых кокор, крепостию супротив заморских военных кораблей, наипаче чему и заморские иноземцы разных чинов удивлялися и корабельный мастер Выбе подписал своеручно, что тех строящихся кораблей корпусы могут в совершенство построиться к июлю месяцу».* Корабли, спущенные со стапелей «Соломбальской верфи — «Гавриил» и «Рафаил», вышли в море, третий — «Михаил Архангел» не вышел из устья Двины» (Материалы для истории..., 1865. С. 337–338). Буквально через год, 27 октября 1713 г. Федор Баженин доносил:

«Вновь заложено строить два корабля тою ж припорцию только длинее двумя футы, и то строение ныне по приказу вице-губернатора Алексея Алексеевича Курбатова оставлено, да и корабельный мастер Выбеев сын Питер вельми скорбен.

Прошу тя, моего государя, службу у корабельнаго строения с прошлого 711 года, ... и никаких промыслов, чему наперед был заобычен, за случаи того корабельнаго строения ныне не имею, а в платежах Е. Ц. В. денежных доходов ... не имею, уменьшен и в почтении для приветства прибывших морского флота служителей в питьях и в прочих припасах не только, что имею расход немалый, но и другие своих пожитков при том корабельном строении в удобстве несколько истерпел, от сего за без промыслом может мне быть самая нищета и разорение» (Там же. С. 449).

Вот такие убытки от представительских (как бы сейчас сказали) расходов за собственный счет (в связи с уменьшением государственных

субсидий ... для приветства прибывших морского флота служителей в питьях и в прочих припасах) экипаж-мейстер Федор Баженин «за без промыслом» строящихся кораблей «нищета и разорение». Безусловно, это был не более, чем «оборот речи», ибо промысловая и торговая деятельность Федора Баженина в эти годы не сокращались. Например, летом 1714 г. из запасов «тесаного желобчатого теса», который был «на иноземскую руку к продаже приготовлен», было велено Архангелогородским таможенным бурмистром осмотреть и «... написал мерою и цену подать в Архангелогородскую канцелярию», а потом определить для ремонта Гостиных дворов (Там же. С. 454–455). Именно летом 1714 г. (24 июня) Федор Баженин отправляет еще одно письмо графу Апраксину:

«По присланной В. Г. грамоте из Адмиралтейской в Архангелогородскую канцелярию письмо: велено у Архангельскаго города вновь заложить три корабля, ... велено по приказу вице-губернатора Курбатова к новостроящимся двум, которые заложены в прошлом 1713 году, заложить еще вновь два корабля и кили и штевни приготовить ... И по тем В. Г. указом у Архангелскаго города на верфи Соломбалской к строящемся двум еще заложить два корабля вышеписаннаго июня 20-го числа, и с Божию помощью строить начинаем; с прежним ныне строятся всего четыре корабля прежнею ж пропорциею ... На вышеозначенные ж строящиеся четыре корабля ... что надобно пушек, якорей, парусных полотен и всяких надлежащих припасов дабы прислано было к веинему времени заранее...»

(Брызгалов и др., 2015. С. 131–134).

За три года до своей трагической гибели в пучине двинской бури Федор Баженин приступил к выполнению одного из указов Петра:

«В 1723 году иноземец Гарцин, как известно, предложил Государю Петру Великому проект об учреждении на севере особой китоловной компании, в силу чего указом Государя от 20 января 1723 года предложено было построить казенными средствами в Архангельске 3 или 4 корабля. Отправить их в главный операционный пункт компании — в г. Колу. Строение китоловных судов получено было произвести в Архангельске Федору Баженину»

(Материалы для истории..., 1865. С. 519).

В так называемом «определении» (по существу, краткой инструкции данного мероприятия) от 31 июля 1724 г. было указано:

«У города Архангельска 3 корабля строить экипаж-мейстеру Федору Баженину, по силе данного ему от Сената указа, и делать оные корабли по объявленному от сына ево, Никифора Баженина, в сенате Е. В. чертежу; и для того подлинный за рукою его чертеж оставить в Коллегии, а таковой же точно дать ему от Коллегии. И строить оные в такую пропорцию: длина по палубе 115 фут, ширина 30 фут, глубина в интрьеме от киля до палуб 14 фут, от другой палубы 6 фут, борт от палубы в вышину 2½ фута»

(Огородников, 1875. С. 52).

Китоловные корабли должны быть построены к 1725 г., так было указано вице-губернатору Лодыженскому: «в том корабельном строении чинить ему, Баженину, всякое возможное вспоможение, дабы те корабли могли строением исправиться без остановки, конечно к будущему 1725 году» (Там же. С. 53).

С. Ф. Огородников считал, что первый построенный китобой был назван «Вальфиш», а как назывались другие два — якобы, так и осталось неизвестным (Там же. С. 54; Елагин, 1867. С. 659–660).

Удалось обнаружить уникальный документ, относящийся к декабрю 1728 г., — это «Доношение» Никифора Федорова сына Баженина с перечислением всех «служб» семьи Бажениных, начиная с 1700 г.:

«В Архангелогородскую губернскую канцелярию Архангелогородца Гостинои сотни Никифора Федорова сына Баженина доношение, а о чем извествует, ниже сего пункты:

1

В прошлом 1700-м году по превысокои милости блаженные и высокославные памяти Его Императорского величества за желательное и усердное в карабельном строении радение дана нам Милостивая жалованная грамота, в которой по всемилостивейшей Его Императорского величества о особливой к нам милости написано, от карабельного строения ни в какия другия службы не выбирать и в посылки не посылать, и не токмо нас, но и будущих при том строении люди к иным делам отнюд не иметь, дабы на такую Его Императорского величества к нам превысокую милость смотрит и другия всяких чинов люди в таком же усердии были и радение свое извляли.

К сему

2

В прошлом 1712-м году Его Императорского величества указом определен был отец мой Федор Баженин экипажместером и служил при строении во-

енных Его Императорского величества караблей на Соломбалской верфи, так и в 1724-м году по имянному Его Императорского величества указу у строения трех китоловных караблей экипажместером же и до смерти своеи был непременно:

Доношению

3

В 1724-м году по имянному ж Его Императорского величества указу к помянутым грунланским караблям к строению определен иа мастером: и по тому Его Императорского величества указу у того строения карабельным мастером и служил, и построил три корабля, и при том по боту да по шти шлюпок грунланских, эти оные корабли мачты с принадлежностями построил же, при которых бы надлежало быть особливым мастером, а оное построено все мною, а за то строение жалованья и другаго награждения отцу моему и мне ни откуду не получал:

Ники

4

А по построении оных караблей и по ныне служу без всяких отговорок по присланным из Архангелогородской губернской канцелярии указом: а имянно: в 726-м году посылан на Зимнюю сторону к разбитому караблю Грунлант Фандеру для осмотра годен ли в починку, в 727-м году починивал в Повракулки у Лертаря (лихтера. — Прим. авт.) карабль Гроте Фишереи, в 728-м году был при починки карабля Валфиши и для карабельных починок построил лехтарь (лихтер. — Прим. авт.)

Форъ

5

И имеем карабельное свое строение также и фабрики канифальных полотен: и по те, по силе данной нам Его Императорского величества милостивой жалованной грамоты: понеже и сего 728-го году к предбудущему 729-му году строим при Вавчюге два карабля.

Баженинъ

6

А сего 728-го году ноября 29-го дня: архангелогородцы посадския люди выбрали меня в Архангелогородскую внутреннюю таможеню в бурмистры, при котором выбору объявлял я им вышеозначенную жалованную Его Императорского величества грамоту, по которой нас не велено ни в какия службы выбирать: и в посылки посылать, також объявлял им вышеозначенные отца моего и мои всегдашние Его Императорского величества при карабельном строении и починкислужбы, но они архангелогородцы, пренебрегая оную к нам Его Императорского величества милость, выбирают нас в службы мирския напрасно, чего им чинить и нас разорить, и от карабельного строения, также и от фабриченного конефасного заводу отлучать не надлежало.

Того ради прошу дабы повелено было Его Императорского величества указом по превысокой Его Императорского величества милости и по вышеозначенной данной нам жалованной грамоте в мирския службы выбирать и в посылки посылать не велеть, дабы от того нашему карабелному строению и фабрическому конефалным заводам помешательства и остановки, а нам разорения не учинилось, и о том б в земскую ратушу послать указ, дабы они по оному исполняли и в преть в мирския службы не выбирали, понеже у карабелных Его Императорского величества строении всегда служили без отрицательно, а за то никакой себе платы не получаем, и чтоб вышеозначенной Его Императорского величества милостивою жалованной грамоте не быть в пренебрежении, и о сем моем прошении решение учинить.

Декабря 2 дня 1728.

А сего декабря 3 дня в поданном в Архангелогородскую губернскую канцелярию архангелогородца гостиной сотни Никифора Федорова сына Баженина доношении написано:

В прошлом 1700-м году по превысокой милости блаженные и высокославныя памяти Его Императорского величества за желательное и усердное в карабелном строении радение дана им Милостивая жалованная грамота, в которой по всемилостивейшей Его Императорского величества особливой к ним милости написано, от карабелного строения ни в какия другия службы не выбирать и в посылки не посылать, и не токмо их, но и будущих при том строении людеи к иным делам отнюдь не имать, дабы на такую Его Императорского величества к ним превысокую милость смотря и другия всяких чинов люди в таком же усердии были и радение свое иавляли.

В прошлом 1712-м году Его Императорского величества указом определен был отец ево Федор Баженин экипажмейстером и служил при строении военных Его Императорского величества караблеи на Соломбалской верфи, так и в 1724-м году по имянному Его Императорского величества указу у строения трех китоловных караблеи экипажмейстером же и до смерти своей был непременно.

В 1724-м году по имянному ж Его Императорского величества указу к помянутым грунланским караблям к строению определен он мастером и по тому Его Императорского величества указу у того строения карабелным мастером и служил, и построил три карабля, и при них по боту да по шти шлюпок грунланских, а на оные карабли мачты с принадлежностями построил же, при которых бы надлежало быть особливым мастерам, а оное то строено все им, Бажениным, а за то строение жалованья и другаго награждения отцу его и ему ни от куду не получал.

А по построении оных караблеи и по ныне служу без всяких отговорок по присланным из Архангелогородской губернской канцелярии указом, а имянно: в 1726-м году посылан на Зимнюю сторону к розбитому караблю Грунлан Фандору для осмотра годен ли в починку, в 1727-м году починивал в Повракулке у лехтаря (лихтера. — Прим. авт.) карабль Гроде Фишерей, в 1728-м году был при починки карабля Вальфиши и для карабелных починок построил лехтарь (лихтер. — Прим. авт.), а за работу свою платы никакой не получал же, и имеют они карабелное свое строение, также и фабрики конефасных полотен. И по ныне, по силе данной им Его Императорского величества милостивою жалованной грамоте, понеже и сего 1728-го году к предбудущему 1729-му году строят при Вавчюге два карабля.

А сего 1728-го году ноября 29-го дня: архангелогородцы посацкия люди выбрали его в Архангелогородскую внутреннюю таможду в бурмистры, при котором выборе объявлял он, Баженин, вышеозначенную жалованную Его Императорского величества грамоту, по которой их не велено ни в какия службы выбирать и в посылки посылать, також объявлял им и вышеозначенные отца его и ево всегдашныя Его Императорского величества при карабелном строении и починки службы, но они архангелогородцы, пренебрегая оную к нам Его Императорского величества милость, выбирают их в службы мирския напрасно, чего им чинить и их разорить, и от карабелного строения, также и от фабрического конефасного заводу отлучать не надлежало, и дабы повелено было Его Императорского величества указом по превысокой Его Императорского величества милости и по вышеозначенной данной им жалованной грамоте в мирския службы выбирать и в посылки посылать не велеть, дабы от того их карабелному строению и фабрическим конефалным заводам помешательства и остановки, а им разорения не учинилось, и о том б в земскую ратушу послать указ, дабы они по оному исполняли и впред в мирския службы не выбирали, понеже у карабелных Его Императорского величества строений всегда служат без отрицательно, а за то никакой себе платы не получал, и чтоб вышеозначенной Его Императорского величества милостивою жалованной грамоте не быть в пренебрежении.

А в прошлом 1700-м году в данной блаженные и высокославныя памяти Его Императорского величества города Архангельского гостиной сотни Осипу да Федору Бажениным жалованной грамоте, с которой в Архангелогородской губернской канцелярии копия написано: Его императорское величество пожаловал по имянному своему Императорского величества указу их, Осипа и Федора Бажениных, по усердному радительному к Его Императорскому вели-

честву о карабелном строении челобитью, повелел в вотчине их, Бажениных, у водяной пилной мельницы для отпуску от города Архангелского за море русских указных товаров карабли и яхты строить иноземцами и русскими мастерами повольным наймом из своих пожитков, и на те карабли и яхты для морского хождения шкиперов, и шитюрманов, и матрозов из русских, которые похотят на тех караблях для науки морские службы на их кормех принимать держат им свободно, и от того карабелного дела тех людей бояром и воеводам будущим у города Архангелского и бургомистром к иным делам никуда отнюд не имать, а как которые карабли и яхты будут у них в готовности в то время им на тех своих караблях на море держать для опасения от воровских людей пушки и зелье против иных торговых иноземских караблей, а с караболных припасов, которые к тому карабелному делу будут у них вывезены из за моря пошлины не имать, и в Его Императорского величества службы не выбирать и в посылки не посылать. И по той Его императорского величества милостивой жалованной грамоте им, Осипу и Федору, по желателному их к Его Императорскому усердному радению, в карабелном строении во всяких к тому строению промыслех волность иметь и к тому делу всяких чинов людей держать им на своих кормех свободно, без всякого возбранения, чтоб на то смотря и иные всяких чинов люди в таком же усердии к Его Императорскому величеству служили и радение свое объявляли:

А в прошлом 1721-м году генваря 17 дня в состоявшемся Его Императорского величества указе за подписанием собственной его Императорского величества руки в Сенате напечатано:

Понеже по Его Императорского величества указу для государственной пользы размножаются вновь многие мануфактуры и фабрики во что вступили компаниями и особливо многие купеческие люди, из которых определяются к разным делам в службы, от чего в размножении оных может чиниться не безпомешательства, того ради Его Императорское величество, будучи в Сенате, прошедшаго генваря 17 дня указал, по имянному своему Императорского величества указу, первой, которой завод заведет, свободен от службы, а сколько ему в товарищи надобно, тому и оных надлежит рассмотреть в мануфактурной коллегии, и о том донести в Сенат, где определить сколько сколько потребно те его товарищи, таже свободные будут от службы, которые от начала завода в полтора года в товарищество вступят, а которые после, те от службы не свободны, разве особливо необходимо того случай какой требовать будут и за Его Императорского величества собственною рукою указ о том дан будет.

А в нынешнем 1728-м году июля 20 дня в указе его Императорского величества из высокого Сената в Архангелогородскую губернию написано: понеже в Регламенте Магистратком в седмой главе напечатано: Магистрату граждан надлежит в дву гилдиях содержать. Да в прошлом 1722-м году июня 28 дня по имянному блаженные и вечнодостойные памяти Его Императорского величества указу велено с посадских положит з души по сороку алтын, а верстатца между собою городами по богатству, да справкою из Московской ратуши показано в прошлом де 724-м году ноября 19 дня поданной из бывшего Санкт-Петербургского магистрата Московскому магистрату инструкции велено между гражданы учинить разделно на три части, не выключая гостей и гостиную сотню жителство в том городе имеющих и всех граждан согласием учинить уравнение по рассмотрению каждого гражданина в пожитках состояния самую сущею правдою, без лицемерия, чтоб пожиточные и не семейныя облежения, а средния и бедныя и семьянитыя отягчения не были: и по силе де выше писанных указов и данной инструкции в Москве гости и гостиную сотню определено выборным окладчиком росписать в гилдии и положит подушным окладом, а оной их гостин и гостиной сотни чин не отемлем и в окладных книгах писать их велено, что гость или гостиной сотни был, а службы они, гости и гостиная сотня, служат знатные; а июня 17 дня по указу Его Императорского величества высокой Сенат приказали гостям и гостиной сотне во всех городех быть в подушном окладе и в службах с прочими посацкими наряду и верстатца между собою по богатству обще, а не особо, так как и в Москве определено, чтоб они пред другими отягчения или облежения не были, токмо в таких между ими верстанях губернатором и воеводам отнюд не мешатца потому, что должна к такому между собою окладу выбирать выборных окладчиков за присягою, буде ж в котором городе из оных гостей и гостиной сотни к верстанию купечеством не пойдут, и о том от граждан прошения будут, в таком случае губернатором и воеводам их принудит; и которые гости и гостиной сотни в 1723 году ежели по окладом с купечеством податей не платили; те взыскивать из Ратуши, дабы бес платежа от них прочее купечество в тягости не было; а по справке в Архангелогородской губернской канцелярии в прошлом 724-м году по присланным блаженные и высокочлавыя памяти Императорского величества ис правительствующаго Сената указом у города Архангельского китоловные карабли, которых строил карабелной мастер архангелогородец Никифор Баженин, таже в прошлых и в нынешнем 728 годех починка оным караблям у города имелась оным же Бажениным.

1728 году Декабря ... дня № ом ... в протоколе Архангелогородицкой губернской канцелярии по слушанию выше писанной выписки и прошения определено: по силе Его Императорского величества жалованной данной дяде и отцу ево Федору Баженину грамоте, буде он, Никифор, подлинно архангелогородцами посацкими людьми выбран в Архангелогородицкую внутреннюю таможеню бургомистром, то ево, Баженина, от той службы, за показанными ево в доношении произведенными мастерствами, от того служения уволить, как о таковых Его Императорского величества указы повелевают, а на ево, Баженина, место выбрать другою, доброго и к тому делу достойного из архангелогородицких посацких людей, и оного выбранного и на него выбор объявить в Архангелогородицкой губернской канцелярии немедленно, и о том в Архангелогородицкую Земскую ратушу послать указ.

Подлинной протокол за подписанием господ бригадира и коменданта Фермора, полковника Стражины, за закрепою секретаря Алексея Красовского» (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153. ЛЛ. 1–9об.).

Документ состоит из двух частей: первая — собственно «Доношения» Никифора Баженина, а вторая — повторяющая первую и подтверждающая все написанное выше как официальный документ, и в то же время удовлетворяющая увольнение Никифора Баженина от службы во внутренней таможене. Отметим, что, как и другие Баженины, Никифор Федоров сын Баженин официально именовался «корабельный мастер».

Правда, в литературе обозначены были и несколько других вариантов этих событий. Так, 8 ноября 1723 г. Петр I повелел за казенный счет учредить «Кольское китоловство» и построить в Архангельске 5 кораблей для ловли китов, в Кольском остроге «изготовить медные жиротопные котлы», построить «три избы» для купорения бочек, амбары, кузницы, шесть «магазинов для хранения соли» (Морозов, 1954. С. 7–74).

Сохранился еще один документ, относящийся к более раннему времени, к 1724 г., и фиксирующий очевидные признаки «параличной болезни» старшего Баженина (Осипа):

«Указ его величества императора и самодержца всероссийского из Сената Архангелогородицкой губернии вице-губернатору господину Лодыженскому с товарищи. По его императорского величества указу и по приказу правительствующего Сената велено по доношениям твоим для строения у города Архангельского кораблей корабельного мастера отправить из Адмиралтеиской коллегии, а о Баженине, что ему за

параличною болезнию у того строения быть не возможно, о том доложит его императорскому величеству. А для расходу камисара дат из таких, которые тамо преж сего у такова ж строения караблеи были, а вместо целовалников исправлятица гварнизонными или отставными добрыми ундер афицерами. И Архангелогородской губернии вице-губернатору господину Лодыженскому с товарищи о том ведать и чинит по сему его императорского величества указу. А в Адмиралтеискую коллегию указ из Сената послан.

Обер секретарь Анисим Маслов.

Секретарь Иван Кирилов.

Июня 9-г[о] дня 1724-г[о] году.

Канцелярист Иван Копнин.

№ 285. Получен с почтою июля 2 дня 1724 году, написать в реэстр.

Записав в протокол о получении сего указа, ответствовать в указное число, исправяс, выписать немедленно.

Петр Лодыженской»

(ГААО. Ф.1. Оп. 1. Д. 13. Л. 232–232об.).

Судьбу вновь образованной китоловной компании вряд ли можно назвать удачливой. В 1726 г. на промысел к Шпицбергену вышли только два судна, а в промысловый сезон 1727 г. китоловный корабль «Вальфиш» получил повреждения «от льдей» и ремонтировался в Архангельске. «Кадровая» ситуация в китоловной компании была далеко не простой, обо всем этом подробно писал в 1898 г. Н. Чулков, изучавший архивные дела Архангельской губернской канцелярии (Чулков, 1898). Компания как «казенное предприятие» просуществовала до 1731 г., а затем стала частной, во главе с хозяином Андреем Ефимовым и его братьями.

Деятельность китоловной компании не осталась без внимания и в трудах историка В. В. Крестинина, который в «Краткой истории о городе Архангельском ...» остановился на двух моментах ее деятельности: «1724 г. Заведение китоловных кораблей, назначенных по Высочайшему повелению строить на Вавчужской верфи корабельным мастером Никитой Бажениным» и «1726 г. первое с Двины отправление казенных китоловных /кораблей на промысел к Шпицбергену, просто называемому Груланд» (Крестинин, 1792. С. 62, 105, 131). В. В. Крестинин упомянул Никифора Федорова сына Баженина как ответственного за постройку китоловных кораблей, так как после смерти отца, Федора Баженина, в 1726 г. за дела на Вавчужской верфи уже отвечал он с братом, Денисом.

Насколько хорошо или плохо шли дела в Китоловной компании, можно судить по документу, озаглавленному как «Рапорт в Архангельское губернское правление»:

«В Архангельское губернское правление от управляющего в сем правлении архивариускую должность канцеляриста Леонтьевского.

Рапорт

В исполнение Его Императорского Величества указа Архангельскаго губернскаго правления от 27-го числа сего февраля под № 2616-м повелевающаго выправить в делах бывшей Архангелогородской губернской канцелярии какого именно роду посылаемы были о той для китоловной ловли казенныя суда в какое место сколка на них находилось служителей и какой успех оне имели. По выправке в архивы зделами бывшей губернской канцелярии оказалось в присланной из Грунланской китоловной канторы во оную губернскую канцелярию 1728-го года, в четной выписки значитце по имянному блаженные и высокославныя памяти Императорскаго сената указу в 1724-ом году построены у города Архангельска китоловныя корабли мастером архангелогородцом Никифором Бажениным 1-й корабль «Валфиш», 2-й — «Проторофирей», 2 бота, 6 шлюпок, 3-й «Ерценкгий Михаил» и 6 шлюпок, оной куплен в Ганбурге, которым какой были по инструкцию поделан незначитце, и отправляемыя оныя на Грунланской китоловной канторы в Грунландию на китоловныя и звериныя промыслы на оных караблях находилось разных чинов служителей всех 179 человек, 1726 году продано было казеннаго разнаго промыслу по контракту галанцу Ивану Гермергензену сала 5199 бочек и 3 пуда 15 фунтов по 3 р. 75 коп. бочка на 19498 рублей 5 копеек; зубов моржовых 689 весом 28 пуд 9 фунтов на 257 рублей 38 $\frac{3}{4}$ копейки; моржины 11 зверей на 219 рублей 10 копеек; китовых костей 8 штук весом 9-ть пуд 30 фунтов по 40 пуд на 3 рубли 90 копеек; трески сухой 7182 пуд 18 фунтов по 33 пуд на 2370 рублей 28 копеек, и того в продаже всего на 22348 рублей 71 $\frac{3}{4}$ копейки, и в 1727 году продано сала ворваннаго купцу Ернету Говерсу 5844 бочки по 3 руб. 75 копеек бочка на 81918 рублей; врознь 96 пуд 37 фунтов на 59 рублеи 25 $\frac{1}{4}$ копеек, харавин ворванных 333, резней 17, серунов 158, голуш 2334, нерп 386 разными ценами на 186 рублей 63 копеек, моржовых зубов 939 весом 21 пуд 34 фунта на 103 рубли 64 копейки, моржин 335 зверей в лафтаках на 723 рубли 50 копеек, 4 поспок моржовых 207 на 39 рублей 33 коп., трески сухой 18285 пуд 2 фунта на 6240 рублей 45 $\frac{1}{4}$ копеек, китовых костей 3 штуки весом 15 пуд 10 фунтов по 20-ти копеек пуд на 3 рубли

5 копеек, и того в том году продано всего на 29 270 рублей 85 $\frac{1}{2}$ копеек, а что касаетца достроения оных кораблей и отправления для китоловнаго промыслу сколько употребляемо было на находящихся на оных разных служителей провизии насколько именно, и какой в промысле успех происходил особенно других годов таковых дел в архивы в описях незначитце о чем губернскому правлению имею честь донести сим рапортом. Канцелярист Илья Леонтьевской.

Март 2-го дня 1799 года»

(ГААО. Ф.4. Оп. 3. Д. 310.).

Появление такого документа весной 1799 г., то есть после почти 75 лет начала промысловой деятельности поморской китоловной флотилии, весьма примечательно. Объяснить это можно только одним — желанием узнать об упущенных экономических возможностях и, возможно, определить новые перспективы выгоды в ближайшем будущем.

«Наследники первых основателей Никифор и Денис Федоровы сыновья и сын Никифоров Иван Баженины не отступали от сих начальных правил основателей Вавчугскаго корабельнаго завода, почему иностранцы охотно покупали корабли вавчугскаго строения посредством предварительных подрядов. Баженинский дом зделался оттого богатым и знатным. Строение кораблей на Вавчугской верфи продолжалось безперерывно более семидесяти лет, даже во время американской войны» (Ясински, Овсянников, 1998а. С. 225).

Объем кораблестроительных работ, выполненных многими поколениями «династии» Бажениных, как на собственной верфи в Вавчуге, так и на Соломбальской верфи, поистине впечатляет (более ста кораблей разных типов: флеты, гукоры, фрегаты, яхты, китоловныя суда, галиоты, лихтеры, пинки, боты, снау и др.). Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники все же дают возможность попытаться обратить особое внимание на те стороны деятельности кораблестроителей Бажениных, которые ранее оставались в «тени».

Тема важнейшая — роль судоверфи Бажениных в международной торговле Архангелогородского порта с западноевропейскими портами как основного поставщика морских судов иноземным и русским купцам, а также самим Бажениным. Оценить, хотя бы предварительно, роль баженинской «продукции» в международной «атлантической» торговле необходимо. Публикуемые в данной статье письменные источники позволяют остановиться в той или иной степени достоверности на некоторых сюжетах этой темы.

Рис. 3. Автограф Дачала Пеля (Ясински, Овсянников, 1998. Рис. 94, 3)

Fig. 3. Autograph of Danel Pel' (Ясински, Овсянников, 1998. Fig. 94, 3)

Исследователи не случайно обратили внимание на такие документы XVIII столетия как «Записные книги кораблям», вышедшим из Архангелогородского морского порта (столь значимые информативные источники достойны публикации). Так, подобный документ 1754 г., зафиксировавший выход 62 кораблей, из них 8 судов обозначены как принадлежавшие российским купцам (Баженин, Бармин, Крылов), а голландцу Якову Пулю (Якову Пелю) — 17 судов (Захаров, 1999. С. 362).

Вот некоторые данные о семье купца Якова Пуля (Пеля): «Он был младшим сыном Питера Пуля, корабельного плотника, прибывшего из Голландии при Петре I. Яков Пуль стал коммерсантом, много лет торговал в Архангельске, его женой была дочь известного в Архангельске иностранного купца Рутгера ван Бринена (Фанбрина — Магдалена)» (Там же. С. 362). Следы большой голландской торговой семьи в Архангельске удалось проследить, по некоторым документам, с первых лет XVIII столетия. Оказалось, что 31 мая 1708 г. была подана челобитная Ананием Пелем «с братьями», в которой бил челом государю о получении на Сальном берегу нового Архангелогородского посада «пустое болотистое место, топкое, позади того их двора», просил «отдать под дворовое строение из оброку, ... а оброку с того места в казну великого государя платить им по дватцати по три алтына по две денги на год, во все годы без доимик» (Ясински, Овсянников, 1998а. С. 317). «Память» — документ на владение просимым участком

земли подписали подьячий Алексей Иванов и один из братьев, Данила Пель. Так что, в 1758 г. «флейт с квартером, деком и баком» под наименованием «Де ю фрау Магдалена» купил у братьев Кирилла и Ивана Бажениных самый младший из братьев Пелей, Якоб (Яков) Пель: «Таково подлинное письмо <...> принял Федор Пругавин и расписался» (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5126. Л. 7–8) (рис. 3).

В первой половине XVIII в. Баженины поставляли свои суда фирмам «Гарцын и Робинсон» в 1711–1712 гг., Тимофею Родде (зятю Осипа Баженина) — в 1711–1712 гг., фирме «Ерем Меэрем» (Мейер) — в 1728–1729 гг.

По объему своей кораблестроительной продукции, по количеству поставляемых иноземным купцам кораблей это содружество, надо признать, было весьма значительным, что, конечно, увеличивало число вышедших из Архангелогородского порта торговых иноземных судов. По данным «Записной книги кораблям», вышедшим из Архангелогородского порта в 1769 г., из 64 судов фирме «Рутгер Фан Брин сыновья» принадлежало 17, а англичанину Артуру Кейли только шесть судов (Захаров, 1999. С. 362).

Фирму «Рутгер Фан Брин сыновья» основали сыновья Рутгера (Родиона) ван Бринена, который в Архангельском городе появился при Петре I, и в русских источниках, по выражению В. И. Захарова, всегда именовался «гамбургским купцом» (Там же. С. 365). В последней четверти XVIII в., а точнее в 80-е годы XVIII столетия, Фанбрины уже российские подданные — Абрахам Фанбрин

Рис. 4. Архипелаг Шпицберген, полуостров Брёггер. Раскопки поморской промысловой избы (фото автора, 1978 г.)
 Fig. 4. Spitsbergen archipelago, Brøgger Peninsula. Excavations of hunting log-house (photo by Ovsyannikov, 1978)

записался в столичные купцы, а его сын Захарий (Арнольд) стал архангелогородским купцом (*Там же*. С. 373–374). Весьма показательно, что именно эта фирма в 1777–1782 гг. заказала и выкупила у Бажениных целую флотилию. 13 кораблей сошло со стапелей Вавчужской верфи, причем все они, несомненно, по желанию заказчика получили иностранные наименования. Расширяющаяся торговля английских купцов была связана с тем, что Артур Кейли объединился в одну компанию с Яковом Пулем (Пелем), что позволило увеличить флотилию компании, заказав Бажениным в 1778–1779 гг. четыре корабля. Данные «Записной книги кораблям», вышедшим из Архангелогородского порта в 1778 г. показали 132 судна, из которых фирме Артура Кейли принадлежало 46 (*Там же*. С. 379). Таким образом, большинство иностранных фирм — резидентов в Архангельске, имели крупные заказы на верфи в Вавчуге, у Бажениных. Это относится и к фирме Эдмонда Эгерса, заказавшего у Баженина в 1783 г. 5 кораблей.

На крупнейших купеческих верфях Поморья суда строились для английских и немецких фирм. К сожалению, мы почти ничего не знаем о том, в

каких районах Мирового океана «работали» проданные иноземцам суда Бажениных. Пожалуй, только о судьбе флейта «Де ю фрау Магдалена», купленного купцом Яковом Пелем в 1758 г., мы можем сообщить некоторые сведения.

В 1978 г. Шпицбергенская археологическая экспедиция Института археологии РАН (в то время Институт археологии АН СССР) под руководством В. Ф. Старкова проводила раскопки в северной части архипелага Шпицберген, на полуострове Бреггёр, в 4 км от норвежского поселка Нью-Олесунн, по исследованию остатков поморского жилища зверобоев (*Старков и др.*, 1979. С. 602–603; *Старков, Овсянников*, 1982. С. 72–86; 1983. С. 143–150; 1984. С. 31–38; 1985а. С. 178–190; 1985б. С. 115–122; *Старков и др.*, 2005. С. 52) (рис. 4).

Фрагменты постройки, рубленной из толстых бревен, принадлежали разрушенной избе, внутри которой сохранились остатки кирпичной печи и вымостки пола из нескольких досок. Образцы бревен дали дату порубки бревен — 1780 г. (*Черных*, 1990. С. 108). Один из фрагментов настила оказался перекладиной намогильного креста с надписью на немецком языке: «JOHAN SUHR van HAMBUPG. van.

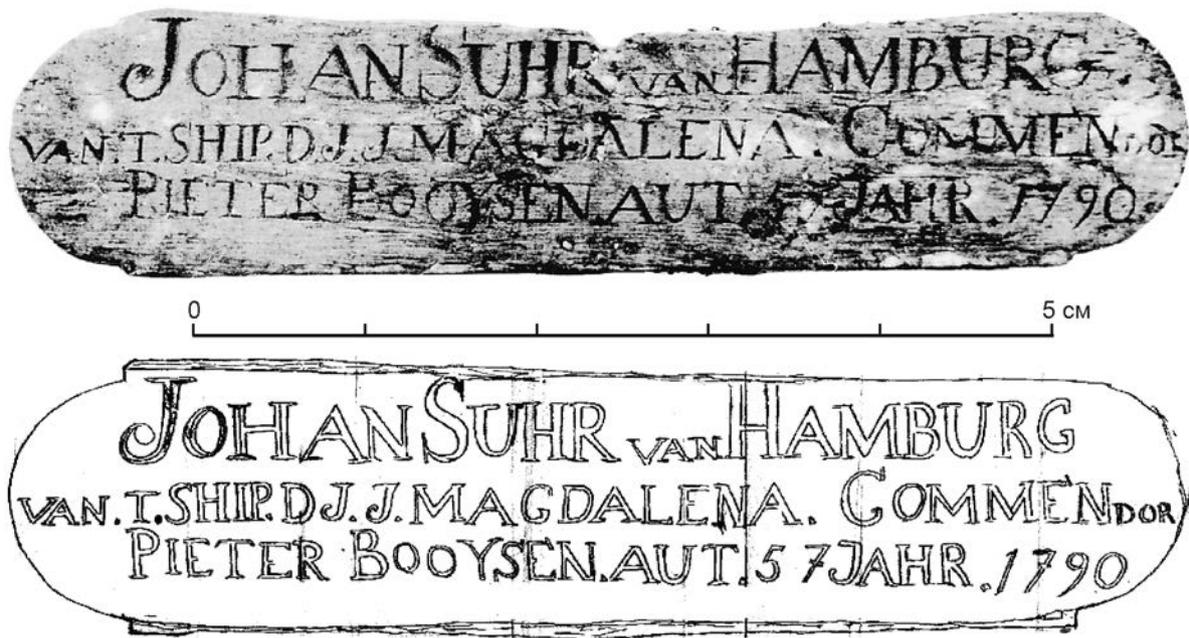

Рис. 5. Архипелаг Шпицберген, полуостров Брёггер: 1, 2 — фрагмент надгробного креста 1790 г. (фото Овсянникова 1978 г. и прорисовка)

Fig. 5. The Svalbard Archipelago, Brøgger Peninsula: 1, 2 — fragment of a grave cross, 1790 (photo by Ovsyannikov, 1978 and rubbing drawing)

T. SHIP D. J. J. MAGDALENA. COMMENdor PITER BOOYSEN AUT. 57. JAHR 1790», текст опубликован (Старков, Овсянников, 1984. С. 36) (рис. 5).

Найденный в поморской промысловой избе фрагмент креста с именами членов экипажа — умершего Иохана Зура и капитана Питера Боозена с датой «1790», свидетельствует о том, что деятельность поморских зверобоев в этой части архипелага продолжалась и после 1790 г.

Искать в письменных источниках имя одного из рядовых членов экипажа корабля «Магдалена» вряд ли целесообразно, а вот имя его «коммендора», который командовал судном у берегов Шпицберген, удалось найти. Однако обнаружилось это не в письменных документах, а в составе оригинальной каменной «летописи» в другой части Северной Атлантики — на скальных плитах небольшого острова у северного берега Кольского полуострова. В 1981 г. геолог Борис Иванович Кошечкин обратил внимание исследователей Русского Севера на ценность сведений, запечатленных на плитах Аникеева острова, опубликовав небольшую научно-популярную брошюру «Имена на скале» (Кошечкин, 1981. С. 3–44). Однако только после тщательного осмотра и фиксации Анастасией Гортер (Куратовой) и Валингом Гор-

тером сохранившихся выбитых на плитах имен мореходов, в историю вошло имя капитана Питера Боозена (Гортер, Гортер, 2014. С. 67–68). Особо отметим, что указанная публикация — значительный вклад в исследование уникальных памятников Северной Европы XVI–XX вв. Оказалось, что комплекс уникальных эпиграфических сведений, обнаруженных еще в XIX в., нуждается не только в охране, но и в дальнейшем комплексном изучении Аникеевых островов.

К сожалению, из прежних публикаций, в последней публикации авторы повторили ошибочную трактовку граффити Гришки Дудина, не совсем правильно прочитав выбитую у имени дату: «лета 7158 го[ревал] Гришка Дудин» (Кошечкин, 1981. С. 24). Просто Гришка оставил память о себе в том же стиле (и в правилах правописания русскими дат того времени) как и его предшественники «лета 7158-го Гришка Дудин», да к тому же отнюдь не «горевал», а работал.

Большинство имен иностранных мореходов XVI–XVIII вв. принадлежат выходцам из княжества Шлезвиг, а конкретнее, преимущественно, из города Фленсбурга. Это было известно еще во время обнаружения на острове каменной «летописи», но вряд ли можно согласиться с выводом

Б. И. Кошечкина: «Таким образом, в конце XVI — начале XVII столетия фленсбуржцы занимались промыслом и торговлей во многих пунктах побережья Финмаркена и Варангенфиорда... Но, занимаясь торговлей на Мурмане датские и голландские купцы по нужде покупали рыбу в гаванях Нурлана и Финмаркена, увозя ее нередко из-под самого носа торговцев из Бергена» (Кошечкин, 1981. С. 24).

Мы полагаем, что в настоящее время все же есть некоторые основания по-новому взглянуть на давние события, происходившие в районе островов Аникеевых и полуострова Рыбачий. Итак, вернемся к событиям 1758 г., когда построенный братьями Бажениными «флейт с кватером, деком и баком», именуемый «Де ю фрау Магдалена», был куплен голландским купцом Яковом Пулем (Пелем), причем флейт наименовали именем жены купца.

Обилие имен XVI–XVIII вв. западных мореходов на плитах Аникеева острова образовалось не только за счет значительного количества «действующих лиц», но и потому что многие имена повторяются целыми сериями. Это в какой-то мере относится и к «коммендору» Питеру Боузену: «Peter Bousen von Flensb (и т. д.) А. О. 96.99. 1700», «Peter Bousen VFB», «Peter Bousen VER», «Peter Bousen von FLENS» (Гортер, Гортер, 2014. С. 67, 68).

Многочисленные посещения района полуострова Рыбачьего и Аникеевых островов отмечено в «летописи» острова не только относительно Петра Боузена, но и ряда других иноземных мореплавателей. В этом отношении обратим внимание на многолетние плавания в 1672–1691 гг. комендора Хансена Михельсена, причем как капитан, он плавал в эти годы на разных кораблях: «Фортуна», «Рыцарь», «Иоканне», «Конкордия» (Там же. С. 63).

Несколько слов об истории крестьянской поморской семьи Бажениных: ее стремительный взлет в петровскую эпоху, как и многих других крестьянских семей, был подготовлен всем ходом социально-экономического развития Северного Поморья.

Уже с первой половины XVI в. начали формироваться наряду с монастырскими промыслами устойчивые «династии» крестьянских и посадских солепромышленников — Амасовых, Кологривовых.

Тема эта энергично стала разрабатываться советскими историками на рубеже 70–80-х гг. прошлого столетия. В 1971 г. Н. Е. Носов пришел к выводу, что «появление и активная деятельность в жизни русского тяглого общества (равно, как посадского, так и волостного) XVI в.

“добрых” крестьян — явление не только весьма симптоматическое, но и весьма важное для понимания тех общественных процессов, которые происходят в этот период в жизни русской деревни (а тем более города) и которые как бы изнутри все более раскалывают ее жителей на “лучших”, средних и “молодых” людей, а проще говоря, на зажиточных мужиков и бедноту» (Носов, 1971а. С. 118). В работах этого историка «лучшие люди» и «торговые мужики» Русского Севера на основе Двинских актов буквально превращались в «движущую силу» экономики огромного Поморского региона. Некоторые «догадки», высказанные В. В. Крестининым, на более широкой источниковедческой базе показывают объективное обоснование: социальный разрез поморского города середины или конца XVI в. дает возможность проследить судьбы наиболее богатых его горожан. «Оказалось, что в черносошных волостях Русского Севера условия для крестьянской торговли и предпринимательства (промыслы и ремесла) в XVI в. были не только не хуже, чем в здешних городах, но и имели преимущество — большая независимость черносошного волостного крестьянства от феодального государства, чем горожан» (Носов, 1971б. С. 155, 173).

Продолжая тему зарождения и развития поморского города вслед за В. В. Крестининым (иногда Н. Е. Носов почти полностью использует источники, впервые приведенные своим предшественником — например, список «переведенцев» из волостей и посадов Нижнего Поморья), историк пришел к неожиданному, во многом дискуссионному выводу, что именно на Севере Поморья уже в середине XVI столетия можно зафиксировать зарождение «ростков новых буржуазных связей», причем в городах этот процесс «развивался даже слабее, чем в сельских волостях, особенно черносошных» (Носов, 1972. С. 45, 64–67). Несмотря на то, что речь шла только о «ростках» буржуазных связей, некоторые исследователи, соглашаясь с мнением Н. Е. Носова, особо отмечали, что «буржуазное» расслоение реальнее всего возникало в Поморье в первую очередь в промысловых отраслях экономики, чем в более консервативном сельскохозяйственном производстве (Шаниро, 1977. С. 170).

На наш взгляд, исследовать наличие некоторых «буржуазных» элементов (экономических и социальных) в крестьянских волостях и мещанском обществе на крупнейших поморских

посадах необходимо, прежде всего, на «молекулярном» уровне. Ситуация, вероятнее всего, была такова, что в период первоначального накопления капитала, зарождавшаяся купеческая «верхушка» активно участвовала в торговле (внутренней и внешней), а также в рыбном, зверобойном и мореходном промыслах. Именно в эту сферу экономической деятельности и были вовлечены значительные контингенты поморского крестьянства.

Крестьянское судостроение, которое весьма активно развивалось особенно с начала XVIII в. в связи со значительным ростом объема крестьянских морских промыслов, уже в первой половине XIX в. испытывало на себе вводимые государством некоторые регламентации. Это, прежде всего, — контроль над строением морских коммерческих судов: требование представлять «на имя карабельного мастера аттестаты» и чертежи. Например, у крестьянина Холмогорской округи Ровдогорской волости (на Кур-острове) Степана Матвеева сына Негодяева Кочнева официально из Архангельского губернского правления запросили «аттестаты или другие письменные виды на постройку коммерческих судов», который дал объяснение, из которых — *«видно что аттестаты какие у него имелись на искусство в строении кораблей, представлены оныя были в прошлом 1802-м году при прошении в Государственную коммерц коллегию, то сие его объяснение, оставя к делу копию, отослать на рассмотрение во оную коллегию про сообщении»* (ГААО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 418. Л. 1–4, 8–8об.). Возможно, подобные меры не только служили делу повышения качества строения торговых судов, но и в какой-то мере «фильтром» в формировании купеческого сословия.

В заключении отметим еще одну, по нашему мнению, важную тенденцию коммерческой деятельности клана Бажениных на уровень социально-экономической активности крестьян Холмогорской округи. Вероятно, в работах Вавчужской верфи прошли практическую «школу» многие работные люди, из которых некоторые вполне овладели навыками судостроительного дела. Любопытно, что в донесении 1782 г. «Главного при Архангельском порте командира, контр-адмирала Алексея Мусина-Пушкина о состоянии «поблизости Архангельскаго города партикулярных верфей» указывалось, что при отсутствии иностранных мастеров — «По большей же части производят строение судов российские мужики» (РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 46. ЛЛ. 88–89). Вот

такие «российские мужики» оказались в окрестностях Холмогор и Вавчуги:

1. В 1723 г. мастер крестьянин Двинского уезда Ровдогорской волости (Кур-остров напротив Холмогорских посадов) Иван Карлуков построил в Заостровской волости (дельта р. Двины) яхту «Св. Николай», длиной 60 фут., шириною 18 фут., глубиною 6,5 фут., груза — 27 ласт, «в одной мачте» (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 529-н. Л. 103–104об.);

2. В 1727 г. крестьянин мастер Двинского уезда, Ровдогорской волости Осип Карлуков построил гукор «Св. апостол Петр», длиной 58 фут., шириною 19 фут., глубиною 10 фут., «о двух мачтах», грузу 30 ластов (*Там же*. Л. 134–135об.);

3. В 1727 г. крестьянин мастер Ровдогорской волости Петр Долин построил в Николаевском Корельском монастыре (дельта Двины) яхту «Св. Николай», длиной 49 фут. 9 пальцев, ширина 14 фут., глубина 7 фут., «об одной мачты», грузу 23 ластов (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 545. Л. 107–107об.);

4. В 1724 г. мастер Двинского уезда крестьянин Курейской волости Василей Осипов сын Плотников построил в зимней золотицкой волости (восточный берег Белого моря) гукор «Св. Николай», длиной 53 фут., шириной 18 фут., глубиною 7 фут., «о двух мачтах», грузу — 25 ластов (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 529-Н. Л. 144–144об.);

5. В 1727 г. крестьянин мастер Паниговской волости Трофим Медведев построил гукор «Св. архангел Михаил», в Куростров волости по заказу Василия Ломоносова (отца М. В. Ломоносова), длиной 51 фут., шириной 17 фут., глубиною 8 фут., «об одной мачты», грузу — 45 ластов (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 529-Н. Л. 83–83об.);

6. В 1726 г. мастерами Быстрокурской волости (в Холмогорском округе) крестьянами Трофимом Медведевым и Васильем Филиповым (несомненно обозначены ведущие мастера этой артели) в Вождоромской деревне (вблизи Холмогор) был построен буер «Троица» длиной 33 фут., шириною 12 фут., глубиною 8 фут., «об одной мачты», грузу — 8 ластов (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 545. Л. 2об.).

7. В 1726 г. этими же мастерами Быстрокурской волости был построен в той же Вождоромской деревне буар «Лебедь» длиной 34 фут., шириною 12 фут., глубиною 6 фут., «об одной мачты», грузу — 8 ластов (*Там же*. Л. 43).

Даже эти приведенные нами данные позволяют сделать вывод о весьма значительном влиянии Вавчужской верфи на развитие крестьянского поморского судостроения в Нижнем Подвинье и формирование среди крестьянства

судостроительных артелей, главы которых в официальных документах именуется уже «мастерами».

Этот наш вывод можно подтвердить документальной записью Архангелогородской Губернской канцелярии, в которой группа бывших работников Вавчужской верфи выступала в июне 1729 г. экспертами при осмотре гукура одного из Важских монастырей.

«И по тому ево (вкладчика этого гукура в монастыре. — Прим. авт.) вторичному прошению и по определению Архангелогороцкой губернской канцелярии посланы были для осмотра бывшие Осипа Баженина карабельные мастера Курейской волости крестьяне Вастлей Плотников, Егор Уских, Чюхченемской волости Ларион Трескин. И по осмотру их оной гукур явился оснащен по-гукурному, как таковы гукуры снастяцца и по заморскому обычаю. И в том они подписывались»

(ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 545. Л. 129–129об.).

Вот так официальные власти признали этих «российских мужиков» не просто плотниками, они — «бывшие Осипа Баженина карабельные мастера», и этот список мастеров, несомненно, будет продолжен. Сведения об этих корабелях, на наш взгляд, чрезвычайно важны, ибо свидетельствуют о том, что в Поморье суда и корабли строились не только на верфях, но и теми мастерами-

ремесленниками, которые брали и выполняли заказы там, где проживали заказчики. Собранные нами сведения о мастерах свидетельствуют также и о том, что эти судостроительные артели не владели собственными верфями, они обслуживали заказчиков непосредственно «на дому».

Повсеместное распространение подрядной системы в основных отраслях экономики Поморья (морские промыслы, строительная деятельность и судостроение), по мнению Н. Е. Носова, уже с XVI в. способствовало появлению «ростков» новых «раннебуржуазных» элементов в социально-экономических связях поморского общества. Русское Поморье, и в первую очередь его северные области, продемонстрировало уникальный для Российского государства путь — «превращение бывших крестьян в купцов и промышленников уже нового, капиталистического типа», причем в черносошных волостях Русского Севера условия для развития крестьянской торговли и предпринимательства (промыслов и ремесел) в XVI в. были не только не хуже, чем в здешних городах, но и имели преимущество» (Носов, 1972. С. 62–63).

На наш взгляд, клан Бажениных — кораблестроителей, промышленников, первостатейных купцов, а также корабли «мастера крестьяне» Двинского уезда весьма наглядно демонстрируют отдельные, но весьма показательные этапы развития крестьянского общества Поморья.

Белов, 1956 — Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М.: Речной транспорт, 1956. 591 с.

Брызгалов и др., 2015 — Брызгалов В. В., Овсянников О. В., Ясински М. Э. Люди и камни: из истории известняковых карьеров и каменного строительства в Нижнем Подвинье (XIV–XVIII вв.) // Тр. АЦ РГО. Архангельск, 2015. Вып. 3. С. 54–167.

Брызгалов и др., 2018 — Брызгалов В. В., Овсянников О. В., Ясински М. Э. Книга, записанная челобитным и доношениям всяких чинов людям об отпуске от Архангелского города на морские рыбные и звериные промыслы, и в Соловецкой монастырь богомолцов, и для торгу в поморские волости, и с них сбору петных пошлин // Тр. АЦ РГО. Архангельск: Изд. АЦ РГО, 2018. Вып. 6.

Бурицев, 1900 — Бурицев Ев. Из документов Архангельской Духовной семинарии // Древности. М.:

печатня А. И. Снегиревой, 1900 (Тр. Археографической комиссии; Т. II. Вып. 1).

Быховский, 1988 — Быховский И. А. Архангелогородские корабли. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1988. 174 с.

Гортер, Гортер, 2014 — Гортер А., Гортер В. Т. Каменная летопись на Большом Аникееве // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск: Тов. северного мореходства, 2014. Вып. 13. С. 58–68.

Елагин, 1864 — Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. СПб.: Тип. Гоенфельдена, 1864. 319 с.

Захаров, 1999 — Захаров В. И. Иностранцы купцы в Архангельске во второй половине XVIII в. // Русский Север и Западная Европа. СПб.: Русско-Балт. Информ. Центр БЛИЦ, 1999. С. 360–387.

Иванов, 1913 — Иванов А. Из далекого прошлого. Родословная роспись (черты из быта духовенства

- в XVII и XVIII вв.) // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск: Губернская типография, 1913. № 23. С. 1031–1037.
- Краткое историческое описание..., 1894 — Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск: Изд. Арханг. Епарх. Церковно-археолог. Комитета, 1894. Вып. I: Уезды Архангельский и Холмогорский. 371 с.
- Крестинин, 1792 — Крестинин В. В. Краткая история о Архангельском городе. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1792. 264 с.
- Кошечкин, 1981 — Кошечкин Б. Имена на скале. Л.: Гидрометеиздат, 1981. 45 с.
- Максимов, 1985 — Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. 605 с.
- Материалы для истории..., 1865 — Материалы для истории русского флота. СПб.: Тип. Мор. Мин-ва, 1865. Ч. I: [Балтийский флот: 1702–1725]. 704 с.
- Морозов, 1952 — Морозов А. Михаил Васильевич Ломоносов. 1711–1765. Л.: Лениздат, 1952. 856 с.
- Носов, 1971а — Носов Н. Е. «Торговый мужик» XVI в. (историко-бытовые заметки) // Проблемы истории феодальной России. Л.: Изд. ЛГУ, 1971. С. 118–121.
- Носов, 1971б — Носов Н. Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии // Исследования по социально-политической истории России: Сб. ст. памяти Б. А. Романова. Л., 1971 (Тр. ЛОИИ СССР АН СССР; Вып. 12). С. 152–177.
- Носов, 1972 — Носов Н. Е. Русский город в XVI столетии // Россия и Италия. М.: Наука, 1972. С. 69–85.
- Овсянников, Назаренко, 1976 — Овсянников О. В., Назаренко В. А. Изучение средневековых памятников Архангельской области // АО 1975. М.: Наука, 1976. С. 33.
- Овсянников, 2011 — Овсянников О. В. Из истории первой морской пассажирской трассы: Архангельск — Соловки (Соловецкие богомольцы в XVIII столетии) // М. В. Ломоносов и Арктика: Материалы Международ. науч. конф., посвящ. 300-летию со дня рождения великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765 гг.). 21–24 июня 2011 г. Архангельск: Изд. САФУ, 2011. С. 166–220.
- Огородников, 1875 — Огородников С. Ф. История Архангельского порта. СПб.: Тип. Мор. Мин-ва, 1875. 377 с.
- ПСРЛ, 1977 — Полное собрание русских летописей. Л.: Наука, 1977. Т. 33: Холмогорская летопись. Двинский летописец / Под ред. К. Н. Сербиной. 250 с.
- Старков и др., 1979 — Старков В. Ф., Куйбышев Д. В., Моргунов Ю. Ю., Овсянников О. В., Чернецов А. В. Первая советская археологическая экспедиция на Шпицбергене // АО 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 602–603.
- Старков, Овсянников, 1982 — Старков В. Ф., Овсянников О. В. Работа советской археологической экспедиции на архипелаге Шпицберген // Природа и хозяйство Севера. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1982. Вып. 10.
- Старков, Овсянников, 1983 — Старков В. Ф., Овсянников О. В. Ломоносов и Шпицберген // Слово о Ломоносове: [сб. науч.-попул. очерков / Сост. Г. Г. Фруменков]. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983. С. 143–150.
- Старков, Овсянников, 1984 — Старков В. Ф., Овсянников О. В. Русские памятники XVIII в. на архипелаге Шпицберген // КСИА. М.: Наука, 1984. Вып. 180: Проблемы зарубежной археологии. С. 31–38.
- Старков, Овсянников, 1985а — Старков В. Ф., Овсянников О. В. Грумант — земля далекая и близкая // Патриот Севера. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. С. 178–190.
- Старков, Овсянников, 1985б — Старков В. Ф., Овсянников О. В. К вопросу об открытии и хозяйственном освоении архипелага Шпицберген // Скандинавский сборник. Таллин, 1985. Т. XXIX. С. 115–122.
- Старков и др., 2005 — Старков В. Ф., Черношвилов П. Ю., Державин В. Л., Захаров В. Г., Звягин В. Н., Шарин В. В. Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. М.: Научный мир, 2005. Вып. II: Поселения и погребения. 212 с.
- Черных, 1990 — Черных Н. Б. Результаты дендрохронологического изучения дерева из раскопок на архипелаге Шпицберген // Очерки истории освоения Шпицбергена. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 107–123.
- Чулков, 1898 — Чулков Н. Эпизод из истории нашего мореходного и китоловного дела (170 лет назад) // Архангельские губернские ведомости. Архангельск, 1898. № 23, 25.
- Шапиро, 1977 — Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 214 с.
- Ясински, Овсянников, 1998а — Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. Т. I. 464 с.
- Ясински, Овсянников, 1998б — Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. Т. II. 426 с.

**The Bazhenins — merchants, manufacturers, shipbuilders
(source-study notes)**

O. V. Ovsyannikov

Among the private shipyards of a very important significance was the Vavchuga shipbuilding enterprise of the merchants Bazhenins. This shipyard was situated opposite the city of Kholmogory. In the course of the 18th century this enterprise launched to water about 120 ships of different 'new-mannered' types which sailed in the basin of the White and Barents seas and the Arctic Ocean. In addition, a number of the sailers were sold to West-European merchants. This paper is devoted to studies of the activities of the Bazhenins — the first shipbuilders. The article presents documents of the 18th century. They bear evidence that, in the trade of the Archangelsk port, the shipyards of the Bazhenins were the main suppliers of sea ships both to Russian and foreign merchants. The present author supports the view of E. N. Nosov that, already as early as the 16th century, conditions arose in the Russian North, for the development of enterprise among the peasants occupied with fishery and hunting, as well as with handicrafts of different kind. They were fairly independent from the feudal state. The story of the family of Bazhenins is a vivid example of the transformation of former peasants into industrialists.

Этнографические заметки участника археологических экспедиций Е. Н. Носова. 1995 г.

С. А. Семёнов

Аннотация. Статья посвящена этнографическим исследованиям 1995 г., проведенным во время участия автора в археологических раскопках Рюрикова городища и во время археологической разведки по маршруту следования отряда к памятникам у оз. Съезжее Хвойнинского района Новгородской области. Собранные материалы освещают некоторые стороны жизни, быта, занятий, праздников, верований, представлений о природе и памятниках археологии старожилов нескольких деревень Новгородской земли в период с начала XX века до 1995 г. Опросы населения проведены в дд. Городище, Спас-Нередицы, Княжее Село, Молодильно.

Annotation. This paper is dedicated to ethnographic investigations of 1995 conducted during the author's participation in the archaeological investigations at Rurik Gorodishche and in the course of archaeological surveys along the route of the archaeological party to sites near Lake Syezzheye of the Khvoyninsky district of Novgorod oblast. The evidence collected covers some aspects of the everyday life, occupations, holidays, beliefs, notions about nature and archaeological monuments among the old-timers from a number of villages of the Novgorod region over the period from the beginning of the 20th century until 1995. The public inquiries were conducted in the villages of Gorodishche, Spas-Nereditsy, Knyazheye Selo, Molodilno.

Ключевые слова: этнографические исследования, экспедиция, рыбная ловля, колдуны, праздники, Рюриково городище, Спас-Нередицы, Княжее Село, Молодильно.

Keywords: ethnographic investigations, expedition, fishery, wizards, holidays, Rurik Gorodishche, Spas-Nereditsy, Knyazheye Selo, Molodilno.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-445-460

Хочу выразить Евгению Николаевичу мою искреннюю признательность и благодарность за научное руководство в мои студенческие годы на кафедре археологии ЛГУ, за возможность стать членом его экспедиции и принимать участие в разведках в Новгородской и Тверской областях, в раскопках уникального памятника Рюриково городище и памятников Поозерья, за участие Евгения Николаевича в становлении меня как археолога, за прямое отношение к моей дальнейшей профессиональной деятельности в ИИМК (рис. 1). С первого моего приезда на Рюриково городище в 1986 г., я стал считать эту экспедицию своей и

стремился туда многие годы. С высоты прожитых лет вспоминаю это время с неизменным удовольствием и ностальгией.

В силу жизненных обстоятельств 1995 г. стал последним сезоном моих полевых работ с Евгением Николаевичем. В это время я был сотрудником отдела этнографии народов Северо-Запада и Прибалтики Российского этнографического музея (РЭМ), и, чтобы меня отпустили почти на 1,5 месяца в «свою» экспедицию, обязался перед заведующей отделом Ольгой Михайловной Фишман проводить этнографические исследования в окрестностях Рюрикова городища, а затем, во время разведки по маршруту следования отряда к памятникам у оз. Съезжее Хвойнинского района Новгородской области. Вот эти ранее не опубликованные материалы и представлены в данной

¹ Отдел охранный археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: s.s.a.g@mail.ru.

Рис. 1. Е. Н. Носов. Рюриково городище 1989 г.

Fig. 1. E. N. Nosov. Ryurik Gorodishche 1989

статье. В связи с особенностями экспедиции полученная этнографическая информация носила достаточно отрывочный или общий характер по самому широкому кругу вопросов, хотя, несомненно, она имеет свою ценность. Собранные материалы освящают некоторые стороны жизни, быта, занятий, праздников, верований, представлений о природе и памятниках археологии старожилы нескольких деревень Новгородской земли в период с начала XX в. до 1995 г.

На раскопках Рюрикова городища, которые длились с 11 июля по 10 августа, мне было доверено руководство раскопом 3, расположенном на краю северного берега Сиверсова канала. Главные результаты этих работ заключались в подтверждении того, что раскоп заложен в границах древнего рва с мощными слоями органических остатков, где в дальнейшем были обнаружены уникальные артефакты и комплексы (в том числе деревянные укрепления и хлебные печи) раннего периода городища.

Этнографические исследования в это время приходилось проводить в вечерние и в свободные

от раскопок часы. В таких условиях доступными для изысканий были только ближайшие окрестности — сама д. Городище и соседняя д. Спас-Нередицы.

В 1995 г. д. Городище состояла из двух домов, но жили постоянно только в одном, и это были Евгений Иванович Никитин и его 87-летняя мать Екатерина Васильевна. Пообщаться с ними, попытаться собрать сведения об их жизни, быте и традициях угасающей деревни, в первую очередь, было необходимо уже потому, что это территория Городища, здесь проходили раскопки, а Евгений Иванович помогал экспедиции с 1975 г. и, можно считать, был ее постоянным членом. С Евгением Ивановичем общался несколько раз, а вот с его матерью Екатериной Васильевной из-за возраста и постоянного плохого самочувствия, к великому сожалению, смог встретиться только один раз, но и этого времени хватило для уникальных записей о д. Малая Лучна, где она родилась, и д. Сельцо-Шатерно, где жила в довоенное время. У Никитиных слушал их рассказы, записывал в дневник и на диктофон, фотографировал их дом и внутреннее убранство (печь, иконы, самопрялку), рыболовные снасти, рано утром наблюдал проверку Евгением Ивановичем мереж на Сиверсовом канале.

Информация, полученная от Евгения Ивановича Никитина (д. Городище)

Евгений Иванович родился в 1939 г. в д. Сельцо-Шатерно, расположенной в 0,8 км к юго-востоку от Городища. Отец погиб в «финскую» войну, и он его не помнит. На Городище переехали после войны в 1945 г., когда там было всего четыре дома. До войны, по его сведениям, здесь был «колхоз, покосы, сельсовет, школа, домов около 17 или 22, держали скот». Дом на Городище они купили уже готовый, вновь построенный. Переделывали только веранду, и в 1967–1968 гг. сами возвели большой хлев и баню, которая топилась «по-белому». А вот у соседей из второго дома была баня с печкой-каменкой и топилась «по-черному», но она в 1995 г. «по весне сгорела» (рис. 2, 1). В самом доме у Евгения Ивановича две печки — круглая металлическая «голландка» и кирпичная «русская», на которой «бабка спит». «Голландка» была соединена железной трубой с дымоходом «русской».

В настоящее время (1995 г.) Е. И. нигде не работает, уволился, чтобы присматривать за «старухой матерью», домом и хозяйством. Живет рыбной ловлей, продажей рыбы и огородом. Зимой

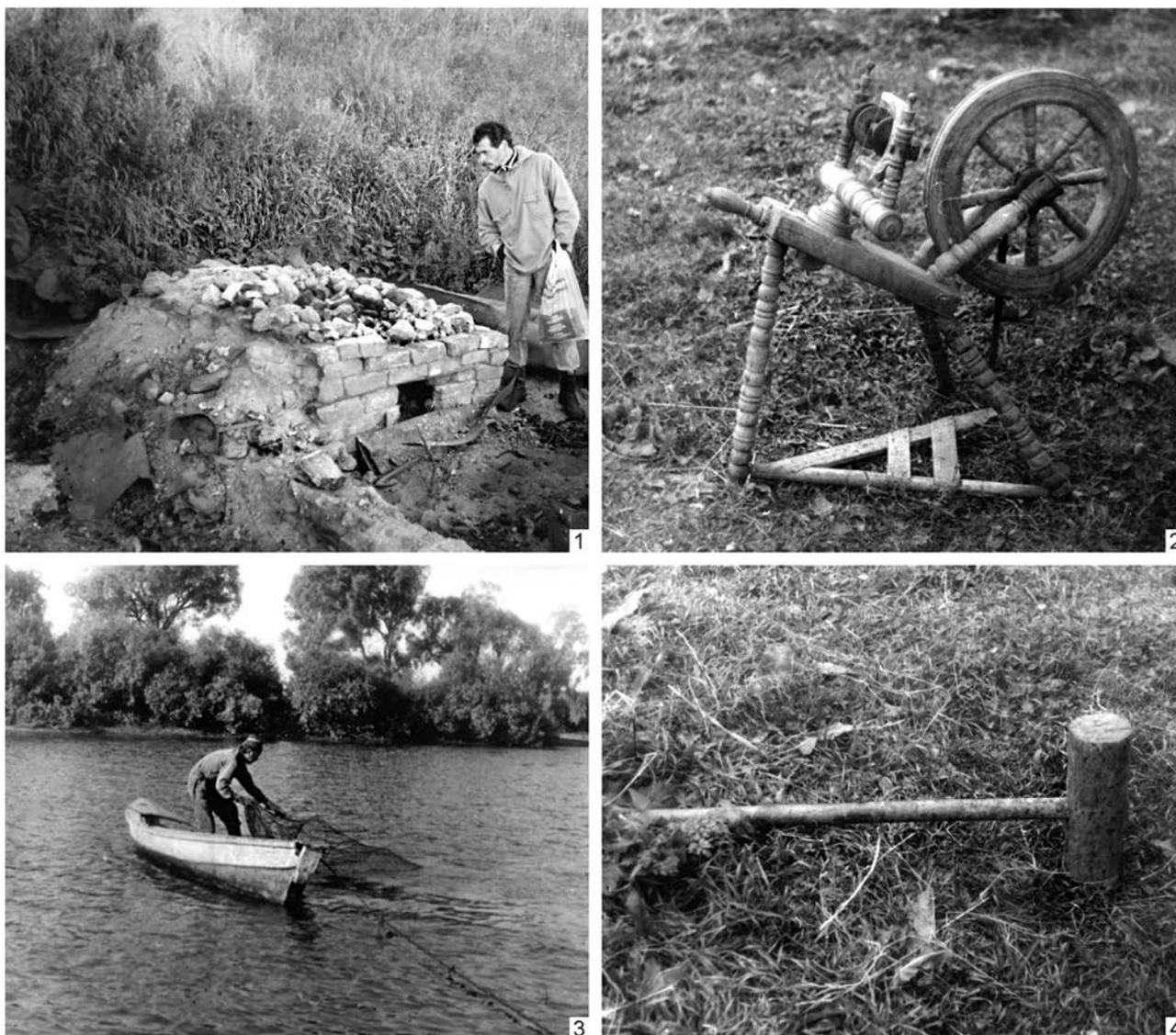

Рис. 2. Рюриково городище, 1995 г.: 1 — печь-каменка сгоревшей бани; 2 — самопрядка Никитиных; 3 — проверка мереж Е. И. Никитиным на Сиверсовом канале; 4 — колотушка для глушения рыбы
 Fig. 2. Ryurik Gorodishche 1995: 1 — stove-kamenka in a burnt bathhouse; 2 — spinning wheel of the Nikitins; 3 — examination of seines by E. I. Nikitin in Sivers Canal; 4 — maul for stunning fish

занимается плетением мереж — этому его научила мать. Сейчас в округе, с его слов, плести умеют только двое — он и «Васька Карпов из Сельца». Раньше нитки для мереж делала мать на «самопряхе» (самопрядке), которая сейчас хранится на чердаке (рис. 2, 2). По сведениям Е. И., рыбы было много после войны, а сейчас мало, «только весной, когда язь на нерест идет, тогда все кипит кругом, руками хватать можно, если в мережи попадет, так их и не вытащишь, набьется столько». Сам он ловит только мережами, сетью и бреднем (рис. 2, 3). Весной мережи ставит парами. Кольца на мережи

в «прошлом» делали деревянные, гнули из рябины и черемухи, но они «не долго стоят, в лед ломает». Все свои снасти Е. И. делает сам, ничего не покупает, только нитки. Инструменты для плетения, со слов Е. И., называются «клеща» (иголка с ниткой) и «полища» (досочка). Есть острога, но он ею не пользуется. Багор применяется только в ледоход, весной, чтобы лодку не зажало. Есть и такой инструмент, как деревянная колотушка для глушения рыбы зимой: «Вот лед только замерзнет, чтобы человека удерживал, и идешь по нему. Видишь, рыба стоит — шпок колотушкой по льду —

и оглушил ее, тут топориком вырубил (лед. — *Прим. авт.*), рыбу в котомку и пошел дальше» (рис. 2, 4). Раньше он пользовался переметом — натягивал проволоку метров 100 с крючками, но сейчас, с его слов, перемет «никто не ставит». Ставили рыбаки раньше и верши при выходе из озера, «которое напротив Городища за Волховом» (оз. Мячино. — *Прим. авт.*). Е. И. рассказал: «Вода в реке, когда спадает, а в озере ее уровень выше, тогда прокапывают проход и ставят вятер. Кто верши называет, кто вятер. Затем воду спускают и ловят рыбу». Вятер (верши), в отличие от мереж, плетут из обычных прутьев на конус, а внутри «типа горла, рыба туда зайдет, а обратно нет». Сейчас ловится в основном «судачек, язь, лещ, густера, плотва, сомики, угорь». Занимался Е. И. и охотой. С его слов, здесь в деревне на поле забегают кабаны, а в округе он с ружья бьет лис, бобров и птиц. А вот на медведя не охотится, так как на него «только с карабином надо идти, а пулю — стачивать».

Рассказал Евгений Иванович, как после войны на Городище все искали Рюрика в золотом гробу. Лично он сам «на холме» снес бульдозером «какой-то курган с кучей черепов и костей».

Информация, полученная от Никитиной Екатерины Васильевны (д. Городище)

Екатерина Васильевна Никитина (в девичестве Дмитриева) родилась в 1908 г. в д. Малое Лучно Бронницкого района (расположенна в 14,3 км к юго-востоку от Городища), где прожила 20 лет. Вспоминает, что семьи в деревне были очень большие, по 10–12 человек, все работали и «в город уходить никто не собирался». Своих родителей очень уважали, отца звали «татенько», мать — «маменько», «к примеру, купит отец кому-либо брюки, так тот встает на колени, в ноги отцу поклонится и скажет “спасибо татенько”». Отец был хозяином. Поставят на стол «блюдо большенно» полное щей, но все ждут, первым отец начинает есть, затем все остальные. «Или картошки наварят чугуна и вывалят прямо на стол, на скатердку, и едят, а рядом сковорода большенная рыбы». Без скатерти считали обедать большим грехом. Молоко пили «досыти», ели «досыти» молоко с творогом или сметану с творогом, так как «у каждого крестьянина было по 2–3 коровы». В семье Е. В. ели утром, обедали, ужинали. Днем пили чай. Было обязательно, чтобы ужин состоял из двух блюд. Любили щи, манную кашу. Семья была рыбацкая, а ее бабушка был

«закоренелым» рыбаком. В Лучне у него находилось «300 мереж и ловил на три лодки», поэтому рыбы «всегда полно было». Были у него «даже сотенные мережи с кольцами под потолок», и таких мереж он ставил в заколе «штук по 10». По воспоминаниям Е. В., до революции рыбы было много, и «стоила копейки», «сиги ловились, пока не было Волховстроя». Озерами у деревни владели «какие-то богачи в Троицком, нынешнее Пролетарское». Для права ловли рыбы в озерах они устраивали торги. В этих озерах, когда вода уходила, ставили заколы и «затягивали сетками». Дедушка Е. В. «жил богато», имел продуктовый магазин, поэтому всегда выигрывал торги и «покупал озеро Карасино», расположенное в 2,7 км к юго-западу от д. Малое Лучно. Е. В. помнит, как к его магазину, который стоял на речке, подходила баржа «с весами и продуктами». Продукты переносили в магазин, а на баржу загружали рыбу. Баржа за свежей рыбой подходила каждое утро.

Е. В. рассказала о нескольких старых способах ловли рыбы. Так, «раньше рыбу лучили»: «Ставили в лодку козелки и зажигали на них смолёвые дрова. Рыбы подходило много и большая. Дед бил ее острогой». Еще рыбу в д. Малое Лучно «колотили», т. е. садились в лодки, бросали несколько десятков мереж и колотили веслами по лодке. Рыба пугалась и попадалась в мережи.

Дуги для мереж изготавливали «больше из рябины», их гнули сырыми и клали в баню, где они «жарились с мережами, высыхали и уже больше не разгибались». «Байни» топили березовыми дровами и закрывали наглухо, чтобы «дыма было полно», после такого жарения мережи «не преют, не гниют — старые люди так делали». Была и такая примета, для того, чтобы рыбы больше попадалось, мережи «жарили» в двух банях. Со слов Е. В., она сама «любую мережу вязала и сейчас, зажмурившись, свяжет на память, так как надо знать счет».

В д. Малое Лучно отмечали праздник «Исцелителю Пантелеймону», совершали с иконами крестный ход. Отмечали и праздник Владимирской иконы Божией матери, а третий праздник — «Киррика Младенца и матери Улиты». В Иванов день из Лучны ходили гулять в Бронницу, куда привозили карусель. На «Маслену» (масленицу. — *Прим. авт.*) жгли костры, которые делали парни, вешая смоляные бочки на жердины, вкопанные в землю. Считалось, что это «мясоед сжигают» и теперь будут постничать. Помимо бочек жгли сено, мусор, а вот чучело не делали. В «Прощёно Воскресенье»

люди приходили к каждому дому и говорили: «Прости меня!», а хозяин отвечает: «Господь тебя простит — меня прости». В Сочельник, в Рождество Христово молодые девчонки собирались в доме, спевались, пели «Рождество твое крести Боже наш, воссеяй мир от разума, небо звездам служащим звездою, учахуся, тебе кланяемся, солнце правды, тебе видится с высоты востока, Господи! Слава тебе! Слава отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Дева (?). Днесь присуще... и земля верти преступным приносит ангелы с пастырем... нам бог роди родися... младо привечно...бог всему дому господину, хозяину с хозяйшкой и с малыми детушками многое лето, многое лето». Вставали рано, часа в 4 утра, но ни у кого ворота не были закрыты, все ждали. Ходили по всем домам, после пения хозяева детям давали деньги. Так как деревня была большая, «75 домов», то ходила не одна партия, а несколько. Ходила вся молодежь, и парни тоже, в обычной одежде, ничего с собой не носили, только пели. В Рождество гадали, например смотрели в кольцо в стакане с водой. Сама Е. В. каталась «клубышком» от ворот до дороги: «Если лицом к дороге остановишься, значит, замуж выйдешь, а если лицом ко двору — то не выйдешь замуж». Ходили на «кресты», т. е. на перекресток дорог, слушать. Нужно было лечь на «крест» и слушать: «Если с колокольчиком едет кто-то, значит, замуж выйдешь». Ходили слушать и в «байну» (баню. — *Прим. авт.*). Если дверь скрипнет — замуж выйдешь. Смотрелись в зеркала. Для этого нужно «закрывать не благославляя дверь и поставить зеркало спереди и сзади». Однако, по мнению Е. В., это страшное гадание. На Новый год писали 3–4 записки с текстом «я желаю выйти за такого-то замуж», и пока часы бьют 12 часов, надо успеть их сжечь, а золу съесть. Е. В. отметила, что она хорошо гадала по картам, могла по ним «все рассказать».

В нечистую силу, с ее слов, она не очень верила, хотя в деревне все говорили, что «то там, то здесь чудится, говорили, что и мертвые приходят». У ее отца были две лошади, и у одной из них «всегда косы наплетены были на гриве». Отец говорил, что это домовая очень любит лошадь и поэтому заплетает ей косы. Верили, что в речке живет водяной, который может схватить, когда купаешься. А ее дедушка утверждал, что в речке в Лучне жила русалка, и он сам видел не раз, как она, «вышедши на берег, сидела, отдыхала». У нее были «длинные волосы, распущенные по плечам, хвост и ноги как у человека, только в шерсти». Со слов Е. В.,

русалки — это «не утопленницы и не привидения, а живые...». Ей рассказывали, что и в лесу лесовики ходят, и с ними можно было встретиться.

Е. В. верила в ворожбу. Рассказывала, что заламывали в поле рожь или пшеницу и заговаривали их, «а кто выжнет этот залом, у того руки будут болеть и не вылечат». Заломы делали те, кто вредить хотел, и были люди, которые ворожили. Е. В. утверждала, что ее мать была «спорчена», и рассказала следующую историю. Гуляла мать с одним парнем, но замуж вышла за другого. Вот первый ей за это и «наворотил» — нанял колдунью. Как-то мать ехала с мужем, и ей бросили в лицо овес. После этого случая «принесут Тихвинскую Божью мать, а она кричит во все, упадет без сознания. Матери было сделано до самой смерти». Мать ходила к другому колдуну, но тот сказал, что «сделано на смерть, пока не умрет». Однако против колдунов было средство — если колдунье нос разобьют, то она после этого уже «ничего не может сделать». Е. В. вспомнила про один случай, когда один человек разбил колдунье нос и его за это посадили на 6 месяцев. Этот человек говорил, что «отсижу, но она не будет». «Так и вышло, — заметила Е. В., — колдунья эта больше не могла». Еще один случай в пересказе Е. В.: «Вот моя кума гуляла с парнем, а родители не хотели ее отдавать за него, не стали давать гулять с Мишей. Она у родителей была одна, и на нее было положено у них 800 рублей золотом на книжку. А он взял и “сделал” ей у старухи, у которой еще нос не был разбит, на тыквенном семени. Вот он пришел к ней и угостил семенем, а она семя поела и стала кричать, и так кричать, что и по-петушьи поет, и по-собачьи лает, всяко кричит. Вот они искать стали колдуна и нашли его. Колдун пришел и говорит: “Ты семя ела? Тебе на семени сделано”. А она уже лежала. Заболела. А колдун говорит, что сегодня я сделаю так, что тот, кто “сделал” сегодня придет просить прощенья и положит тебе на грудь шапку теплую: “Ты из шапки старайся шерсти натаскать незаметно, чтобы он не видел”. Вот вечером вдруг стучится, мать кумы открыла, а это Миша, и сделал все, как колдун рассказывал — шапку ей на грудь и говорит: “Катя! Прости меня, это я „сделал“ для того, чтобы ты не за кого замуж не вышла. Я тебя люблю”. А кума за него и вышла замуж и поправилась». По мнению Е. В., «такого явления очень много было в деревне», и она в колдовство верит. «Вот заболела сильно грудь, — рассказывала она, — и в больнице никак не вылечить,

а у нас одна знала, ее и позвали. Вот та и сказала, что топите байню. Байню истопили, она пошептала что-то, камнем чего-то потеряла, и я пришла домой, всю ночь спала, и грудь сразу зажила». Колдунов очень боялись, так как особенно в свадьбу «им было не утерпеть», и они «делали» невесте и жениху. Поэтому в свадьбу «всегда все закрывали, все благославляли, за всем смотрели, чтобы не положили». Е. В. рассказала историю, которая произошла с ней самой: «Я гуляла с Холынским парнем, а пошла замуж в 18 лет в Большое Лучно за того, кто посватал меня у матери. Мать же того парня, с кем гуляла, мне и “сделала”. Помню, с церкви уже шли, и она святы ворота там закрыла. Говорят, что в святых воротах и “сделано” было. Выходила замуж — любила, а когда вышла — стала ненавидеть и ушла от него. Вот и говорили, что это тетка Паня “сделала”». Колдуны, по сведениям Е. В., могут молоко отнять у коров, и делают они это, когда коров после зимы выгоняют первый раз в поле, «а у них уже приготовлено»: «Это когда коровы идут через ворота, у них там “положено”, в землю забито, что коровы не будут доить ни одна». Пастух тоже мог «сделать» после обхода стада, чтобы коровы никуда не уходили. Для этого в первый выгон, в Егорий, пастух с иконой, двумя яичками и зажженной свечкой обходит все стадо кругом «по солнышку». Хозяева коров пастуха благодарили и «много чего давали, кто по яйцу, кто по три, кто чего». Пастуха «очень берегли», и он ходил «на очередь» к владельцам коров, «где его хорошо кормили».

В 20 лет Е. В. вышла замуж в д. Сельцо-Шатерно. По ее сведениям, до войны в Сельце было «13 домов, жили только крестьяне, ни кузнецов, ни гончаров не было, занимались пашней и ловлей рыбы». В 1930-х гг. муж Екатерины Васильевны, придя из армии, стал организовывать колхоз с председателем сельсовета, работал счетоводом. До войны в Сельце держали много гусей, «некоторые до 100–150 штук», поэтому Сельцо даже называли Гусиной горкой. Осенью гусей продавали: «Гусей советская власть разрешала сколько хошь держать, а вот коров только по одной, все остальные были в колхозе».

Гулять ходили в д. Спас-Нередицы, где был «большой клуб». В Сельце, как и в д. Спас-Нередицы, отмечали «Спасов день» и «Введение». В церковь ходили на Городище, «иногда в Сквородку в монастырь, иногда в Юрьев монастырь». На Городище до войны была еще колокольня, откуда звонили по праздникам и в воскресенье.

Сама Екатерина Васильевна — верующая. В ее доме на Городище были три иконы — Николая-чудотворца, Спасителя и «Исцелителя Пантелеймона». Икона Николая-чудотворца висит потому, что «ее сын был моряком 30 лет», и она за него всегда молилась Николаю как покровителю моряков.

Напоследок Е. В. вспомнила про большой камень «напротив канавы за Волховом», который видела лично. На камне был крест, «не поставленный, а нарисованный»². Она думала, что «кто-то утонул на этом месте, поэтому он и положен здесь».

В рамках этнографических зарисовок на Городище зафиксировал остатки печи-каменки от сгоревшей бани соседей Никитиных (рис. 2, 1), фотографировал ц. Благовещения и кладбище при ней. Обратил внимание на необычные современные венки на новых могилах, изготовленные из нетрадиционного материала — из разноцветной фольги, которую обычно используют для изготовления новогодних елочных игрушек и украшений. Как стало известно позднее от информатора в д. Спас-Нередицы, такие венки «продавали от почты».

Следующим этапом исследований стала д. Спас-Нередицы, в которой были опрошены четыре местных жителя: Краснова А. М., сестры Демченко Е. В. и Демченко А. В., а также Митрофанова А. И.

Информация, полученная от А. М. Красновой (д. Спас-Нередицы)

А. М. Краснова (в девичестве Степанова) родилась в 1918 г. в д. Спас-Нередицы. По ее сведениям, сейчас деревня такая же большая, «около 25 домов», как и до войны, хотя была сильно разрушена. Название деревни объяснить не может, не знает, «то ли так гора называется, то ли река».

С ее слов, здесь отмечают как свои местные церковные праздники «Введение» и «Спас», «но в церкви раньше служили только в Спасов день, святили яблоки». После закрытия церкви в Спас-Нередице ходили в церковь на Городище, «но и ту закрыли в 1939 г., когда попа арестовали». От А. М. Красновой было записано очень интересное

² Вероятно, это камень с высеченным восьмиконечным крестом, упоминаемый еще Архимандритом Макарием в 1862 г. и И. А. Шляпкиным в 1906 г. Сам же камень положен был на месте утраченного более древнего каменного креста, известного по грамотам 1134 г. князей Всеволода Мстиславича и Изяслава Мстиславича (*Архимандрит Макарий*, 1862. С. 102; *Шляпкин*, 1906. С. 15–16). В настоящее время камень хранится в музее деревянного зодчества «Витославицы».

поверье, связанное с церковью на Городище. В детстве ей говорили, что если сходить в Пасху в церковь на Городище, отстоять заутреннюю, принести в руках оттуда горящую свечку и зайти с ней в ясли в хлеву, то тогда можно увидеть домового. Однако, по ее словам, свечки у них по дороге всегда гасли. От нее же зафиксировано еще одно поверье, связанное со строительством нового дома и «печными» обрядами. В новый построенный дом приходили соседи, приносили охапку дров и бросали ее к печке — «таков был обычай». Отмечала, что в нечистых духов она не верит, а вот в «чудо» — верит. А. М. рассказала, что «давно» в деревне жил дедушка, который предсказывал, и в частности предсказал, что он умрет, но другие доживут, когда весь свет будет обвит паутиной и будут летать железные птицы. «Когда это все и вправду появилось, то тут его и вспомнили».

В советское время в деревне был клуб, где и собирались на все праздники. По ее сведениям, «сейчас» из деревни хоронят на кладбище на Городище, т. к. оно «является единственным в округе», но «давно до войны» еще хоронили у ц. Спаса на Нередице.

Информация, полученная от Евдокии Васильевны Демченко (в девичестве Антонова) и ее сестры Анастасии Васильевны (д. Спас-Нередицы).

Евдокия Васильевна родилась в 1913 г. в д. Спас-Нередицы. По ее сведениям, до революции деревня была небольшая, «а вот перед войной — очень большая». Е. В. неграмотная, так как семья была большая и состояла из родителей и шести детей, поэтому она в 12 лет стала нянькой. Анастасия Васильевна училась в приходской школе на Городище, «рядом с церковью, в которой преподавали поповны», и закончила 4 класса. Родители сестер познакомились на клиросе в церкви, так как оба ходили петь. Мать к большим праздникам два раза в год «все в доме оклеивала — и потолки, и стены». При этом мать закончила только 1 класс и писать не умела, поэтому, чтобы написать письмо отцу, воевавшему с 1914 по 1918 г., «обращалась к попу».

Со слов сестер, их отец «много работал» и в 1930-е гг. записался в колхоз. На работу ходили каждый день «как на завод», ловили рыбу, так как колхоз был рыбный. Рыбу ловили мережами, поэтому у них «в бане до 60 мереж стояло». За работу давали деньги и муку. Хлеб пекли сами, дома, в русской печке и называли его ласково «хлебушко». На праздники сеяли свою пшеницу, после

созревания ее «жали, сушили, молотили и мололи в каменных жерновах». Из этой муки пекли ватрушки с вареньем. По воспоминаниям Е. В., «хлеб ели досыти»: «Каждой бабе у бригадира было отмерено по большущей полосе, все становились в ряд и жали серпами. В день жали по 25 суслов, а сусло — 10 снопов». По мнению Е. В., они в колхозе жили хорошо. А вот раньше, когда ее отец приехал в эту деревню в 1909–1910 гг., эта земля была «поповская» — «и Спас-Нередицы, и Городище, и далее»: «Девкам, которые ходили к попу на работу молотить, давали по 5 (?) копеек с гряды». Их отец землю тогда брал в аренду.

А. В. сообщила, что за церковью Спаса на Нередице был огромный дуб, «который нельзя было обхватить», и свалил его ураган, а стоял он «еще, наверное, при Александре Невском». Соседнее же Сельцо-Шатерно называется так потому, что там стояли шатры воинов Александра Невского — «так до войны писали».

По сведениям сестер, в церкви Спаса на Нередице при советской власти вели службу только по престольным праздникам «Введение» и «Спасов день». На Пасху они с матерью ходили в Юрьев монастырь и помнят, как в этот день был великолепный благовест, «и на Юрьеве, и у Спаса, в Новгороде, в Сквородке... и бочки со смолой на озере и Волхове жгли ради праздника». На масленицу все ходили, «от мала до велика, брали дровни, садились человек тридцать и от колокольни под гору через реку на Городище (ехали. — *Прим. авт.*) прыгать через костры». Мальчики специально ездили за вересом на «пустошь», собирали все, «что висит на заборах, что можно стащить, деревянное, плетеное, — все в костер». Куклу или чучело из соломы не делали. На «Спасов день», по их воспоминаниям, приезжали «со всех городов» родственники, привозили музыкантов «с медными трубами», и «три дня была музыка». Делали танцевальную площадку и пускали по билетам. Привозили и торговали мороженым. На Городище справляли «Николау», а праздник Ивана Купалу отмечали в д. Шолохово. Осенью «делали День урожая, били большого быка “летоходца”». Праздновали в деревне у того, у кого большой дом, — туда сносили столы, напеченные пироги, водку, пили, ели, плясали. Убивали быка и во время покоса, когда прямо в поле готовили «общественное питание». В Рождество, в Святки гадали, ходили ряженые в вывернутых шубах. Мальчишки переодевались в наряды девочек, и наоборот, мазались

сажей. А. В. гадала, падая в нетронутый снег, — по примете, если отпечатывались полосы, то муж будет драться. Бросали через крышу сапог, ботинок или валенок. Куда он будет показывать носком — туда замуж выйдешь. Жгли бумагу и смотрели на тень. Гадали и с зеркалом в бане, но очень этого боялись. Боялись ходить в баню ночью, так как им говорили, что там есть нечистый дух.

По воспоминаниям информаторов, в деревне «весело было», все умели играть на разных инструментах. Их братья играли на гармошке, отец — на тальянке, соседи — на домре и мандалине. Анастасия Васильевна играла на балалайке и гитаре.

Покойника в церкви отпевали обязательно. Покойник лежал в доме. На третий день утром на кладбище копали могилу, а покойника выносили с обеда. В церкви венчались. Перед этим невеста целую неделю шила приданое — две рубашки мужу, иначе она будет считаться неумехой и плохой женой.

После закрытия церкви в деревне и на Городище крестить детей носили в Новгород, «крестили все равно и молитвы брали», т. к. «все в бога верили». Вспоминая 30-е годы, сообщили, что до войны в деревне было две семьи латышей, «но в году 1939 их убрали». «Тогда же убрали священников и в Кушне, на Ковалева, в Волотове, в Спас-Нередицах. Ночью приезжал “черный ворон” и забирал».

После войны в 1945 г. сестры ходили в лес за прутьями, из которых плели рыбацкие корзины, за что им давали хлеб. Анастасия Васильевна в 1946 г., когда зарывала окоп у ц. Нередицы, нашла «кубышку со старинными серебряными денежками, на которых было изображение Георгия Победоносца». Этот клад сдали в «археологическое управление» и получили за него 25 рублей.

В заключении сестры вспомнили про строительный обряд в их деревне, когда под первый венец нового дома клали деньги, чтобы они водились в доме.

**Информация, полученная
от Александры Ивановны Митрофановой
(д. Спас-Нередицы)**

Последним информатором в д. Спас-Нередицы стала почти совсем глухая Александра Ивановна Митрофанова. Она родилась в д. Вяжищи (расположенной в 17 км к северо-западу) в 1897 или 1898 г., а в д. Спас-Нередицы оказалась после войны, перевезя сюда из Вяжищ дом, построенный в начале XX в. В Спас-Нередицах

до 1990-х гг. она работала экскурсоводом и хранителем в церкви.

В Вяжищах, с ее слов, было святое озерко, в котором на Крещение вырезали во льду большой крест и купались. Вокруг озера росли «большущие липы», и в одной «огромной» жила старушка-странница.

Рассказала, как на праздниках, вероятно в Святки, гадали. Так, девушки растворяли тесто и пекли пироги в «наперстках» (?). Рано утром, идя по воду, нужно взять с собой этот пирог, и тогда тот, кто попадет навстречу, будет женихом.

О нечистой силе А. И. говорить очень не хотела, оправдываясь тем, что «не любит ее». Но все же рассказала одну страшную историю: «Вот тут как не поверить? Тут у нас две сестры жили, и у обеих не было детей. Рассорились, очень спорились, что одна другой посадила нечистого. Одна из сестер была невесткой, пришла ко мне, села чай пить и масло в него кладет. Я спрашиваю, ты чего масло-то кладешь в чай? А она говорит, что, мол, я с Дуняхой-сестрой поспорила, а она заболела: “Повела я ее на кровать, посадила, а она меня чмок — поцеловала, и что-то у меня в рот туда пошло, и сказала мне, что к тебе к гробу никто не подойдет. Вот мне женщины и сказали, клади, мол, масло в чай, размягчит, а то мне что-то там мешает”. Я ей и говорю, что и хоронить тебя не приду, боюсь, что она тебе в рот положила? Умерла она. Я не пошла, а наши собрались несть, вдруг она как выглянула — вот такие глаза — из гроба. Так и закрыли крышкой с незакрытыми глазами».

Помимо опросов местных старожилов, в д. Спас-Нередицы зафиксировал на фото пленку некоторые дома, построенные в начале XX в., и сохранившуюся еще к тому времени у А. В. Андреева баню с печью-каменкой, топившуюся по-черному.

В один из выходных дней на раскопе плавал на лодке за Юрьев монастырь, ближе к Ильменю, где фотографировал традиционные новгородские парусные рыболовецкие соймы и неводные лодки (рис. 3, 1). Рыбаки, работающие на них, знают, что традиция сойм восходит «даже ранее XIX в.». И действительно, соймы, наравне с «боевыми» ушкуями, являлись одними из самых распространенных типов судов древнего Новгорода, доживших до XX в. Сфотографировать лодки рыбаки позволили, а вот как плетут сеть — нет, считают это плохой приметой.

С 9 по 13 августа я принимал участие в разведке, организованной с целью взятия почвенных проб для палинологического анализа в районах археологических памятников на северо-востоке Новгородской области. Экспедиция, возглавляемая Е. Н. Носовым, состояла из 12 человек и включала, помимо руководителя, Н. В. Хвошинскую, Андрея и Катю Носовых, М. Ю. Данкова, доцента Стокгольмского университета Ингмара Янссона, трех шведских археологов под руководством профессора Упсальского университета Ларс-Кенинг Кенингсона, эстонского аспиранта, водителя и меня. Места моих этнографических исследований определялись маршрутом и пунктами работ разведки.

Девятого августа экспедиция выдвинулась из Новгорода в сторону п. Любытино. Около 19 часов встали лагерем примерно в 5 км за Любытино, у д. Княжее Село, на берегу лесного озера среди курганной группы, на месте старой стоянки экспедиции В. Я. Конецкого.

На следующее утро после безуспешных попыток вместе с И. Янссоном искупаться с заболоченных берегов озера обнаружил на нем и сфотографировал архаичный тип лодок в виде двух соединенных долбленок (рис. 3, 2, 3). Такие плавсредства называются ройками и по некоторым данным, применялись на Северо-Западе уже в средние века, а возможно и раньше, для проверки сетей и охоты на озерах. После завтрака в моем распоряжении было два часа, и пока все остальные члены экспедиции исследовали курганный могильник, я отправился в д. Княжее Село. На окраине деревни встретил двух женщин, которые сначала поносили археологов, которые «испортили берег озера, загрязнили лес», затем перешли на строителей дороги и закончили Б. Н. Ельциным, Г. А. Явлинским и В. В. Жириновским, сказав, что всех их надо расстрелять. В заключении они посоветовали поговорить в деревне с одним старожилом. Направившись к рекомендованному информатору, не доходя до его дома, на лавочке встретил Николая Степановича Васильева, с которым и разговорился. На общение оставалось 1,5 часа. К 13 часам вернулся в лагерь, чтобы часть отряда со шведами на машине могли отправиться в Любытино и по окрестностям подобрать место для палинологических проб.

Информация, полученная от Николая Степановича Васильева (д. Княжее Село)

Николай Степанович Васильев родился в 1929 г. в д. Княжее Село. С его слов, до войны деревня

была намного больше, чем сейчас. Коренных жителей, тех, кто здесь родился до войны, всего три дома. В деревне жили только русские, и была эстонка, «которую увезли ночью 1941 г.». Правда, после войны она вернулась.

Н. С. считает, что деревня так называется потому, что здесь «жил князь». Курганы, которые находятся в окрестностях, жители деревни считают захоронением «солдат в войну с Литвой», а насыпали их эти солдаты шапками. Когда была война, Н. С. не знает, но утверждает, что закончилась она в недалеко расположенной отсюда деревне Кончиха — отсюда и ее название.

Озеро, на берегу которого остановилась наша экспедиция, он характеризует как гнилое, иловое, глубокое, глубиной более 7 м. Зимой на нем деревенские катаются на коньках. На озере до сих пор используют увиденные мной утром ройки — спаренные долбленые «корыта», которые изготавливает из осины «топором и теслом Леша Шарапов из д. Брод».

В самой деревне раньше была «маленькая часовня», стоявшая «на бугорке на перекрестке дорог», в виде шатра 5-метровой высоты с шестью углами. До войны «поп» ходил в часовню только по Пасхам. За озером, на окраине пос. Любытино, был «крестик» — «часовенка с крестиком» — и колодец, вода которого считалась святой. По конструкции она была аналогична деревенской.

Деревенскими престольными праздниками были Никола зимний и летний, при этом, по словам Н. С., отмечали и все остальные праздники. Но пиво варили только на Николу. Раньше Н. С. и сам пиво варил, но сейчас нет, потому что рассыпался «дожник» — широкая кадка с «4-угольной дырочкой и вставленным в нее штырем». В дожнике делали солод из ржи или пшеницы, на дно клали солому, затем солод, иногда немного овсяной муки. Для запаха и чтобы не скисло добавляли еще верес с ягодами, заливали кипятком, «часа три все прело и отстаивалось». Из костра железными клещами в дожник клали «каменья», иногда воду кипятили в бане. Из соломы делали киты, через которые из дожника спускали солод. Хмель клали в пиво уже в «ходовик» — кадку размером «поменьше дожника».

Делали в деревне «раньше» на «кружале» и горшки, и специальные кувшины для хранения пива.

В Троицу яйца ходили катать с «сопок» (вероятно, с курганов. — *Прим. авт.*). В масленицу

Рис. 3. Новгородская область, 1995 г.: 1 — соймы на Волхове; 2 — ройка на озере у д. Княжее Село; 3 — Ингмар Янссон на ройке; 4 — д. Молодильно. В. Г. Гаврилов и Т. Г. Егорова

Fig. 3. Novgorod region, 1995: 1 — *soyma* boats on the Volkhov; 2 — *royka* boat on the lake near the village of Knyazhee Selo; 3 — Ingmar Jansson in a *royka* boat; 4 — Village of Molodil'no. V. G. Gavrilov and T. G. Egorova

жгли костры на «горах», а на сосны вешали старые вещи — лапти, кадки, шины — и поджигали, говорили «масленицу жечь». Из соломы делали чучело и пугали старух, затем чучело просто выбрасывали. На Святки, со слов Н. С., тоже делали чучело, ходили ряжеными, чудили, устраивали «вечеринки». Не колядовали, но «слушали» под окнами «на худо или хорошо». «Девки» загадывали, за кого выйдут замуж, — за богатого или за бедного. Для этого они приходили к бане и «задом голым туда». Если мягким погладит, то за богатого выйдет, жестким — за бедного. А парни специально прятались в бане и гладили....

В Князьем Селе к 1995 г. сохранились и бани с печью-каменкой, топившиеся по-черному. Со слов Н. С., «раньше говорили, что в бане живут баенные черти, и они могут шайками закидать». Слышал он и о домовом, который «и в конюшне живет». Привел в пример случаи, когда хозяева не убивали сидящих в конюшне крыс, боясь «заколоть домового», или «бывает, что корову купят, а она не заводится или поросята умирают, болеют, или куриц не завести, или кошки околевают — все из-за того, что их домовый невзлюбил». У деревни есть Бабий ручей, который так прозвали оттого, что из него «баба выходит».

Верит информатор и в существование колдунов, гадалок и ворожей: «Раньше были такие старухи, которые могут и в конюшне что-то делать, что коня не загнать, или наворожат, что молодожены плохо живут. В Хирове (д. Хирово в 12 км к северо-западу от деревни. — *Прим. авт.*) есть старичок, который гадает, кидает жребий, что-то приговаривает и может узнать, к примеру, где потерялась корова».

После зимы коров в деревне в поля выгоняют «обычно в Егорий, 6 мая». У местного пастуха «есть обход» и примета, что в Егорий босяком корову нельзя гнать, иначе плохо будет.

Раньше, когда Н. С. работал при разборке старых домов, то под углом дома на камнях находил монеты, причем всегда «с правой стороны, то есть в переднем углу, где боженька».

11 августа в д. Брод нашел Алексея Шарапова, который делает долбленки, в том числе ройки. К сожалению, в силу преклонного возраста, он почти ничего не слышал, и что-то узнать о технике и традиции изготовления таких лодок не удалось.

Двенадцатого августа после обеда, сняв лагерь, в течение пяти часов пытались добраться до оз. Съезжее. После пос. Любытино экспедиционная

машина пошла на северо-восток, через д. Каменку, где располагается одна из усадеб А. В. Суворова. Каменка оказалась уникальным местом, в котором в неприкосновенности сохранились целые деревенские улицы с традиционными на подклетах деревянными домами, хозяйственными постройками. Здесь же, на берегу красивого озера, возвышалась трехэтажная деревянная усадьба полковника. После Каменки лесными дорогами безуспешно пытались напрямую проехать к месту назначения. В конце концов, выбравшись на асфальтовую дорогу перед д. Спасово, мы добрались до оз. Съезжее. Подъехав к нему, увидели живописнейшую картину — широкая полоса леса была залита разлившимся озером. Никакого берега не существовало, просто вода языками заходила в лес на песчаную почву, утончаясь до нескольких миллиметров. Вода была чиста и прозрачна. Евгений Николаевич рассказал, что это уникальное карстовое озеро, которое постоянно то уходит под землю вместе с рыбой, то вновь появляется, то разливаясь, то суживаясь. В 1970-х гг., когда он проводил здесь исследования, озеро было всего «25 м в диаметре», а сейчас все было под водой — и поселение, и могильник.

На следующий день с утра лил дождь. Однако ждать хорошей погоды возможности не было, и я пешком отправился в д. Молодильно, расположенную от лагеря в 5 км. Деревня оказалась очень симпатичная, со старыми срубными домами, в одном дворе увидел над колодцем «журавль». Зашел в дом, где жили местные старожилы, брат и сестра Гавриловы (рис. 3, 4).

Информация, полученная от Гаврилова Виктора Гавриловича и Егоровой Татьяны Гавриловны (д. Молодильно)

Виктор Гаврилович родился в 1914 г., а Татьяна Гавриловна в 1921 г., оба в д. Молодильно.

По информации, полученной от В. Г. и Т. Г., в деревне всегда жили только русские. Местных жителей осталось трое, остальные — все «наезжие, дачники». «Раньше деревня была больше, много молодежи, посиделки были, жили веселее, играли в гармонь». Дети играли в «рюхи» и в лапту. Парни деревенские «славилась тем, что были ни пьяницы, ни драксуны, ни матюжники, высокие, стеснялись девочек, и чтобы парень при девочке закурил — такого не было». В. Г. раньше сам изготавливал «челны» — лодки-долбленки, которые «сейчас в деревне никто уже не умет делать».

По его словам, он долбленок делал много, в том числе на продажу. Челн выдалбливал из осины длиной 4 м, затем «распаривал на огне», то есть долбленный ствол поливался водой, разогревался у костра, отодвигался и в него ставились распорки из рябиновых палочек — и так несколько раз. Т. Г. хорошо вязала «кружева, салфетки, накидочки, подзор», которые брали даже на выставку.

Хлеб в деревне «раньше» пекли сами, а на праздники — «рыбники, пироги, колобушечки картофельные. Изготавливали колобушечки просто, надо было испечь картофель, растолочь его, разбить туда 1–3 яйца, добавить молочка. Теплую картошку размешать, сделать колобушки, полить сверху сметанкой».

Когда началась коллективизация «в 1932 или 1930 г.», тогда деревня начала «упадать, не только Молодильно, и в округе, а теперь бурьяном заросшие». В ближайших деревнях раньше были гончары, сапожники, мельники, деготь гнали, «но при Сталине их раскулачили, увезли».

По словам В. Г. и Т. Г., до колхоза у крестьян были и коровы, и овцы, птица, «а как стали все объединять, так с каждого двора в общий двор уводили лошадей, сбрую, телегу, борону — все увозили». Ввели трудодни, крестьяне получали «по сто грамм зерна», «старикам стали умирать, а молодежь — уезжать». Пустующие дома увозили в район, в Хвойное. «Как Сталин колхозы затеял — все испортил», — считает В. Г.

Из не очень четких разъяснений информаторов о названии деревни можно восстановить следующее. «Давно, еще при крепостном праве, за озером было другое озеро и деревня, которые назывались Молодильно. Позже на месте нынешней деревни поселились помещики, переселив сюда или крепостных крестьян или крестьян с соседних деревень. И это поселение было названо Молодильно. Здесь была построена церковь. Но крестьяне соседних, за озером, деревень в церковь сюда молиться не ходили». Информаторы объясняют это тем, что «к крепостным не ходили» или что «они считали себя недостойными даже подойти сюда, к этой церкви». Крестьяне соседних деревень якобы молились на здешнюю церковь с «поклонных гор», которые находились за озером: «С этих гор были видны и церковь, и поселение, а молились там, стоя на колешках».

По словам В. Г., деревенская церковь «во имя Преображения Господня» «уже двести лет стоит» и стала разрушаться, а построена она на месте

старой. В. Г. в церковь ходил с детства и считал, что были в ней «иконы с Византии... и колокол звонил каждое воскресенье». У церкви есть кладбище, где, по мнению информаторов, «под большим крестом похоронены крепостные». Церковь закрыли в «начале 30-х годов, священника увезли, оставив одну старую мать». Председатель сельсовета и учитель организовали «Союз безбожников», иконы собрали и сожгли на берегу озера, колокол разбили молотом. «Женщины плакали, потом кто-то из них осколки от колокола собрал и унес». В церкви устроили «кладовую», хранили колхозное зерно. В деревне существует какое-то предание о закопанном колоколе.

Престольными праздниками в Молодильно считаются день Спаса Преображения и Николин день. Как вспоминают В. Г. и Т. Г., до войны, до закрытия церкви, престольные праздники справляли весело, в «церкви народу было много, что свечку не поставит, играли в гармонию, варили пиво, застолье было в каждой семье». В день Спаса торговали яблоками.

Осенью, когда весь урожай был убран, всей деревней праздновали, «всем колхозом от мала до велика». К празднику закалывали барашка или ягненокча.

Отмечали Рождество. В церкви была служба при большом стечении народа. Ходили ряжеными, пели, катались на санках от церкви на озеро. Иногда на праздник приезжали «торгаши-татары».

Справляли в д. Молодильно и масленицу, делали чучело, «ребятишки бегали с санками и с каждого дома собирали солому»: «У Попова на горушке ребята ставили большую жердь с натертыми на нее снопами. Вокруг жерди собирались усей деревней и поджигали — масленицу жгли, плясали, скакали, на санках катались».

В Иванов день «только гуляли, на площадке между двух озер сидели и костерчик жгли».

Знают информаторы, что за «синеньким озерком» есть курганы. Т. Г. считает, что это «при татарах разрыто, там наша деревня была». В. Г. уточняет — это было «Литовское разорение», а татар здесь не было, «они до Новгорода не дошли». На вопрос, когда была «Литва», В. Г. ответил, что «это давно было, я точно не могу сказать». Про озеро Т. Г. отмечает, что оно «какое-то интересное, когда к нему подходишь — страшновато становиться»: «Озеро как циркулем в болоте вырезали, берега топкие, все топучее, страшное, а сама водица голубая, прозрачная, а окуни, живущие там, все

белые, обесцвеченные». Глубина озера, по мнению В. Г., доходит до 14 м.

Все озера в округе карстового происхождения, в которых вода по непонятным причинам и циклам то уходит, то возвращается. Информаторы отметили, что сейчас с 1982 г. стоит «большая вода, а раньше большая вода была в 50-х гг., которая семь лет стояла и семь лет убывала». Т. Г. заметила, что озеро «как вздыхает, и все водой наполняется — болота, леса...» «В прошлые времена», когда вода из озер уходила, на дне, удобренном плодородными илистыми отложениями, сеяли овес. Но так как циклов движения озер не знали, иногда вода затапливала урожай. При информаторах овес уже не сеяли — «раньше это было»³. Об этой «странной системе карстовых озер» они узнали еще от отца, который «очень любил рассказывать, потому что везде был, на Кировском заводе работал, видел Ленина и Коллонтай, видел, как Ленин выступал на Финляндском вокзале».

В одном случае информаторы отмечали, что их родители были набожные, никогда не гадали и детям не велели. В другом случае отмечали, что отец любил наряжаться, чудить и по вечерам рассказывать про нечистую силу. Отец говорил, что кто боится, тому и причудится, как, к примеру, чудится, когда проезжаешь мимо мельницы.

Один из рассказов отца, в пересказе Т. Г.: «Была у нас сторожка на кладбище, в которой жил сторож со сторожихой, дедушка и бабушка. Вот как-то ушел сторож в церкву, а этой бабушке причудилось, что как будто кто-то вошел в эту сторожку и снимает иконы, а весь он в темном. Сложил иконы и стал разбирать пол, а бабка, лежа на печи, и говорит ему, что, мол, ты теперь, может быть, будешь печку разбирать? Этот же в черном, разобрав пол, подходит к печке и меряет аршином. Мерил-мерил и ушел в коридор. Тут дедко возвращается, стучит сапогам, а бабка с печки и кричит, что не входи, упадешь, здесь пол разобранный. Дедко же подумал, что с ней нехорошо получилось. Когда вошел он со свечкой, то

пол оказался на месте, а вот иконы — сняты. Иконы и на самом деле были вынуты».

Второй рассказ: «Пилили как-то летом за деревней лес. Вот сели мужики отдохнуть, вдруг по бревну ни с того, ни с чего выбегает девушка в белой сорочке, волосы растрепанные, и в лес. Лесорубы подумали, что это какое-то приведение, а позже узнали, что это была как будто бы сбраненная мамой или бабушкой. Якобы девушка просилась гулять, а ее не пускали. Потом же дома сказали, мол, иди ты на все четыре стороны, девушка ушла, и ее больше не видели, — сгинула».

Т. Г. рассказала об особом болоте, где есть «чудо»: «Есть у нас такое болото, где все блудят, и называется оно “Большое болото”. Там такие курганчики с лесом, одни и те же, одни и те же. А жили там птицы. Наш дед охотником был и ничего не боялся, нигде не блудил, а в болоте том блудил. Брат мой там блудил, другой брат — все блудили, и чужие, и свои. Когда блудит человек, то на этом месте ему кажется, что кто-то смотрит за спиной, и ему делается страшно. Один человек в этом болоте заблудился, так от него нашли только один скелет, корзину и палку. Что это за болото, по-видимому, там какое-то чудо было».

На вопрос, существует ли нечистая сила в бане, отвечали, что «раньше говорили: в третий пар не ходи, пугали людей каким-то чудом, с рогами и хвостом, чертом. А теперь и черти убежали, народ рогатый стал». У В. Г. и Т. Г. есть своя баня, которая топится по-черному. Сама печь выложена снизу кирпичом «рядочка три», а потом камнем, «и чело большое».

Продолжая разговор о нечистой силе, информаторы рассказали, что, если скот пропадает, значит это кто-то «делает». Родители им говорили, что злые люди могут «сделать», чтобы все болели и даже чтобы все поколения болели в какой-то семье. Дедушка учил их ничего не подбирать на дороге, что бы там ни лежало. Их отец рассказывал, что бывает колдуну не умереть, тогда тот красивую трость делает и втыкает у дороги, «люди увидят красивую тросточку и возьмут...» Мать их учила также никакие вещи не подбирать, потому что на эту вещь «что-то наделано или человек большой наговорил».

В пример привели еще одну «байку»: «Отец рассказывал, что это у нас в деревне было. В одной семье сын отделился, женился и хотел строиться. Его отец говорил ему, чтобы не строился на этом месте, здесь был сад помещичий, и значит у

³ Эта информация была использована в статье Е. Н. Носова и А. В. Плохова, посвященной исследованиям раннесредневековых археологических памятников на оз. Съезжее, объясняющая, в том числе, непродолжительность периодов существования здесь поселения культуры длинных курганов (Носов, Плохов, 2016. С. 367, 369).

помещика “что-то тут оставлено”. А сын говорит, что это бабушкины сказки, и выстроил дом. Однако в этом доме лошадей было не завести, лошади околевают, и в семье гроб за гробом. Отец же говорил ему, что, мол, я тебя и знать не хочу, зачем ты выстроил на этом месте. Этот отец потом только и остался один».

В. Г. и Т. Г. отмечали, что «раньше» в деревнях были колдуны, и хотя в Молодильно их не было, одна женщина «при свадьбе была спорчена»: «Ее в церкви четверо мужчин к кресту едва могли привести. Когда батюшка крестом-то головы дотронется — размякнет, слюна потечет, и поведут ее домой обессиленную».

Т. Г. рассказала историю, случившуюся с ее мужем: «Вот муж мой ехал верхом, а это была деревня ... (?) Хвойнинского района, что отсюда в 25 км. Муж молодой был еще. Было там место, “гривой” называлось, потому что был бугорок и лес рос — так красиво было. Вот едет муж верхом, и вдруг лошадь остановилась — стоит на дороге человек в черном. Тут лошадь зафыркала и назад убежала. Муж несколько раз угонял ее взад, но она только до этого места добегают и опять назад. Когда он приехал и рассказал это все отцу, тот сказал, что на этом месте колдун задался».

О погребальном обряде В. Г. и Т. Г. сообщили следующее. Покойников в доме держат три дня, хотя некоторые просят похоронить их позже, когда окончательно убедятся в их смерти. Ногами покойника кладут к иконам, «головушка чтобы на иконы смотрела». Поминали на 9, 40, «полугодину», годовщину, в родительские субботы и в Троицу. Душа умершего ходит здесь три дня, прощается с семьей, с местностью и на третий день возвращается к Богу на поклонение. Покойник же видит, как «свои плачут и как он лежит». Утопленников и самоубийц батюшка не отпевает, и хоронят их на краю кладбища у оградки. Про мертвецов знают страшные рассказы, которые «отец говаривал»: «Одна все плакала по своему мужу, и он стал к ней приходить, пахать плугом на лошади землю, а она тому была очень рада. Люди же говорят: “Настя! Ты чего ж полосы-то не пашешь?” “Да как, — отвечает она, — у меня мужик ходит, пашет”. А ничего не пахано, ей виделось, казалось, что муж приходил, а приходила нечистая сила, черт». Другая история также повествовала, как «в Ерзовке одна горевала-горевала, да стало чудиться ей, что ее корову доят». Это «вроде как к ней

муж ходил. Потом, сказывали, ее ночью кто-то и задавил».

От В. Г. и Т. Г. была получена информация о большом культовом камне «в Фелистове», расположенном «не очень далеко за деревней в 1,5 км по дороге на Попово или Семино, у дороги рядом, у озера, но попасть туда сейчас нельзя, так как заливши озеро». На нем выбито изображение небольшого женского следа. С их слов, об этом камне есть предание, что, когда Иисус Христос воскрес, было землетрясение, и этот камень треснул, «так он и сейчас».

В самой деревне Молодильно есть три родничка и «древние от крепостного права липа и три сосны». О липе «как о потомстве крепостных» В. Г. и Т. Г. еще отец говорил: «А отцу нашему — отец-дедушка».

По окончании нашего общения В. Г. и Т. Г. напоили чаем с собственным медом и проводили до Преображенской церкви. Деревянный храм был в плохом состоянии, разрушался. При нем осмотрел полузаброшенное кладбище, на котором сохранились старинные деревянные кресты разных типов и остатки жальничных погребений с каменными обкладками и крупными валунами в изголовье. Количество и форму оградок проследить не удалось. Среди жальничных могил стояли четыре каменных креста, обломки еще нескольких валялись среди захоронений (рис. 4, 1, 2). Для музейной коллекции решил спасти лежавший на земле фрагмент разбитого каменного креста — его верхнюю лопасть с прочерченным восьмиконечным крестом на подставке и аббревиатурой сверху «IC XC», снизу «NI KA» (рис. 4, 3, 4). Этот обломок под дождем 5 км нес в лагерь и затем передал в фонды РЭМ.

Вечером в лагерь неожиданно нагрянул лесник с сотрудниками милиции, искали по палаткам оружие, приняв нас за браконьеров. Шведы, занимавшиеся взятием почвенных проб, были на выезде, и здесь из иностранцев находился только Ингмар. Во избежание лишних проблем, Евгений Николаевич украдкой попросил его не разговаривать и спокойно сидеть у костра, а если милиция с ним заговорит и задаст вопрос об акценте — прикинуться «эстонцем». Проверив у Евгения Николаевича экспедиционные документы, незваные гости удалились ни с чем.

На следующий день мне пришлось покинуть экспедицию — меня уже ждала работа в РЭМ. Фотоматериалы экспедиции хранятся в архиве музея.

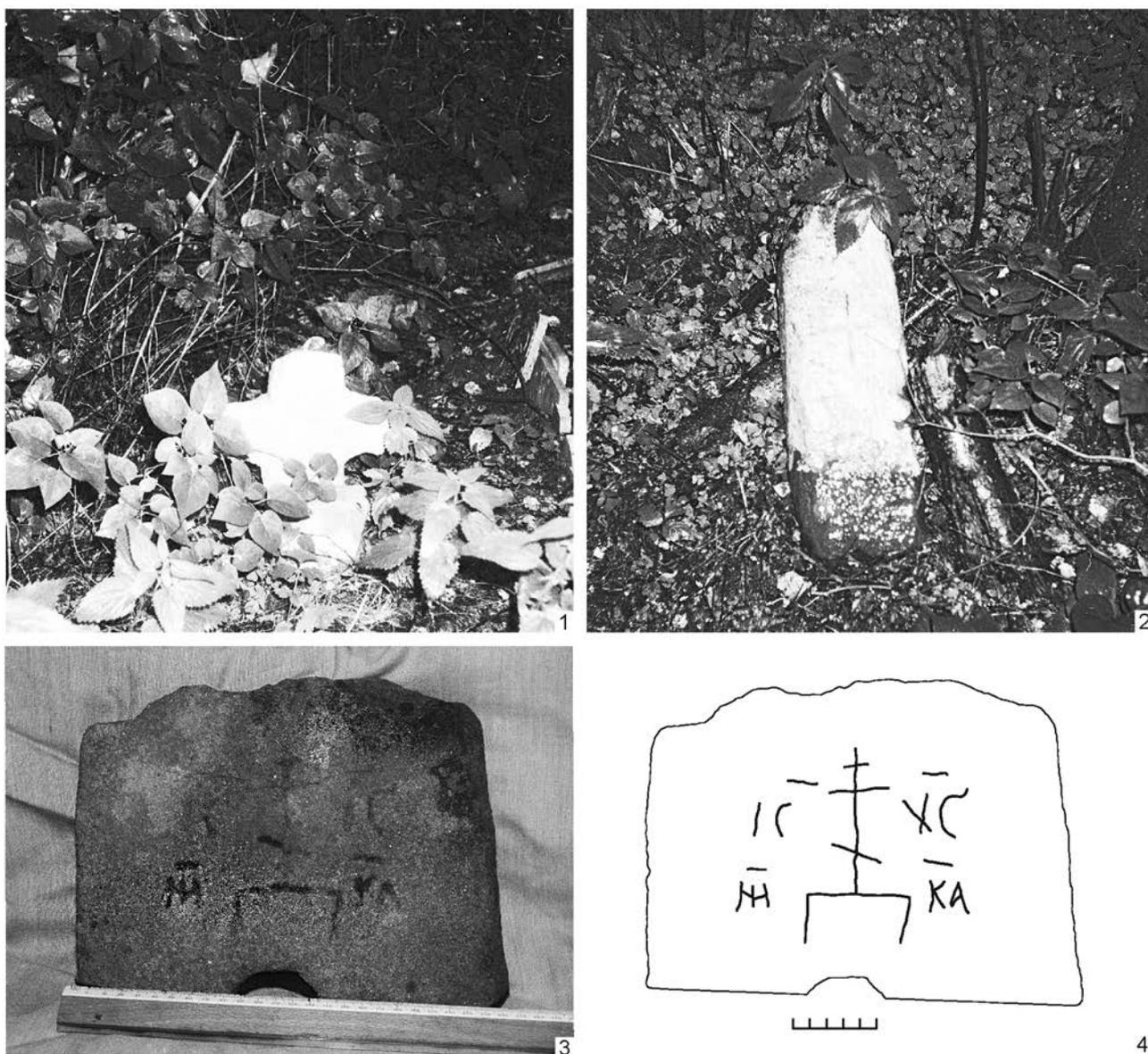

Рис. 4. Кладбище в д. Молодильно, 1995 г.: 1 — жальничный каменный крест; 2 — жальничная каменная стела с крестом; 3–4 — верхняя лопасть жальничного каменного креста (3 — фото, 4 — прорисовка)

Fig. 4. The cemetery of the village of Molodil'no. 1995 г.: 1 — zhalnik-grave stone cross; 2 — zhalnik-grave stone stele with a cross; 3–4 — the upper beam of a zhalnik-grave stone cross (3 — photo, 4 — rubbing drawing)

Архимандрит Макарий, 1862 — Архимандрит Макарий (Миролюбов). Описание Новгородского общежительного первоклассного Юрьева монастыря. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1862. 143 с.

Носов, Плохов, 2016 — Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение и могильник на озере Съезжее // Ранне-средневековые древности лесной зоны Восточной

Европы (V–VII вв.). М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; Вып. 17). С. 349–394.

Шляпкин, 1906 — Шляпкин И. А. Древние русские кресты. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1906. Вып. 1: Кресты новгородские до XV века, неподвижные и нецерковной службы. 38 с.

Ethnographic notes of a participant of E. N. Nosov's expeditions. The year of 1995

S. A. Semenov

In 1995, the present author, who then was a worker of the Russian Ethnographic Museum and a participant of the archaeological expedition headed by E. N. Nosov, conducted ethnographic investigation in the surroundings of Ryurik Gorodishche and afterwards during surveys along the route of the archaeological party to sites near Lake Syezzheye of the Khvoyninsky district of Novgorod oblast. The studies were carried out at four settlements: villages of Gorodishche, Spas-Nereditsy, Knyazheye Selo, and Molodil'no. The information obtained from nine informers covered some aspects of the local history, agriculture, occupations, fishery and animal husbandry, cooking and preparation of beverages, dwellings and economic buildings, family and public life, religious beliefs and calendar rites, notions about nature and archaeological monuments.

Evgeniy Ivanovich Nikitin (v. Gorodishche) informed us about archaeological sites. In his words, after the War everybody was searching for Rurik's golden coffin at Gorodishche. The informer personally destroyed with a bulldozer "some barrow with a heap of skulls and bones" on the 'hill'. Anastasiya Vasil'yevna, resident of v. Spas-Nereditsy, when filling up a war trench near the Church of Nereditsa in 1946, found a moneybox with old silver coins on which, in her words, there was a representation of Saint George the Victorious. This treasure was submitted to the 'archaeological office' and 25 roubles were received for it. Nikolay Stepanovich Vasil'yev from v. Knyazheye Selo noted that the barrows situated in the surroundings are considered by the residents of the village as graves of "soldiers killed during the war with Lithuania" and that they were filled with earth by soldiers with their caps. When this war took place is unknown by him but he maintains that it was finished in the village of Konchikha (or *the End* in Russian) situated nearby — hence the name of the village. As informed by Victor Gavrilovich Gavrilov and Tat'yana Gavrilovna Egorova from v. Molodil'no, here, beyond the 'blue pond', there are kurgans. Tat'yana Gavrilovna supposes that "this place was dug up during the Tatars; there had been our village". She specifies that this was the 'Lithuanian devastation' whereas there were no Tatars here because "they had not reached Novgorod". On the question of when the 'Lithuanians' were here, Victor Gavrilovich answered that "it was long ago so that I cannot state it exactly". In addition, they informed about a large ritual stone in "Felistovo" situated "not far off beyond the village, 1.5 km along the road to Popovo or Semino, near the road and the lake, but it is impossible to get there now because the lake submerged this place". On the stone, a representation of a small woman's footprint is cut. In their words, there is a legend about this stone that, when Jesus Christ resurrected from the dead, an earthquake occurred and this stone cracked and "so it has remained now".

In the village of Molodil'no, a half-deserted cemetery was examined where old wooden crosses of different types survived as well as remains of zhalnik graves with stone fences and large boulders at the heads. It turned out impossible to trace the number and the form of the fences. Among the zhalnik graves, there were four stone crosses and fragments of yet several other were scattered among the burials. The author passed a fragment of a broken cross to the collection of the Russian Ethnographic Museum. The upper bar of the cross bears a scratched eight-rayed cross on a pedestal and the abbreviations "IC XC" above and "NI KA" below.

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. СПб.
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли
АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЦ РГО — Архангельский Центр Российского географического общества
БАН — Библиотека Академии наук
ВАШ — Высшая антропологическая школа
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ВСЕГЕИ — Всероссийский научно-исследовательский геологический институт имени А. П. Карпинского
ГААО — Государственный архив Архангельской области
ГАНО — Государственный архив Новгородской области
ГАП — главный архитектор проекта
ГБУК ННРУ — Государственное бюджетное учреждение культуры «Новгородское научно-реставрационное управление»
ГИМ — Государственный исторический музей
ГК — Государственный каталог музейного фонда РФ
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИА — Институт археологии
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
КарНЦ РАН — Карельский научный центр Российской академии наук
КАЭЭ — Камская археолого-этнографическая экспедиция
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛенТИСИЗ — Ленинградский трест инженерно-строительных изысканий
ЛОИИ СССР — Ленинградское отделение Института истории СССР
л. с. — лицевая сторона
ЛФИ — Ленинградский филиал института
МАНВР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. СПб.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МК — Международный конгресс
МНК — Международная научная конференция
НА — Научный архив
НААО — Новгородский археолого-архитектурный отряд
НГМ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НГПИ — Новгородский государственный педагогический институт
НИИ — Научно-исследовательский институт
НиНЗ ИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология. В. Новгород
НИС — Новгородский исторический сборник. Новгород; Л.-СПб.
НОА ИА РАН — Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. М.
НОЛД — Новгородское общество любителей древности
НОЭ — Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН
НПЛ — Новгородская первая летопись
НЦ — Научный центр
НЦМД — Новгородский центр музыкальных древностей В. И. Поветкина
НЧ — Нумизматические чтения
ОНТИ ПНЦ РАН — Отдел научно-технической информации Пущинского научного центра РАН
ОПИ НГОМЗ — Отдел письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника
о. с. — оборотная сторона
ПВЛ — Повесть временных лет
ПГГПУ — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.
ППС — Православный Палестинский сборник
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология
РА СПб.ИРИ РАН — Рукописный архив Санкт-Петербургского Института российской истории Российской академии наук
РАН — Российская академия наук
РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского флота
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив. СПб.
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
РГО — Русское географическое общество
РО — Рукописный отдел
РСМ — Раннеславянский мир. М.
РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
РЭМ — Российский этнографический музей
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников
САФУ — Северный (Арктический) федеральный университет

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

TAB	—	Тверской археологический вестник
TAC	—	Тверской археологический сборник
TGOM	—	Тверской государственный объединенный музей
TUAK	—	Тверская Ученая Архивная Комиссия
УрГУ	—	Уральский государственный университет
УрО РАН	—	Уральское отделение Российской академии наук
ФАН	—	филиал Академии наук
ФГБУ ВО	—	Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
CBA	—	Council for British Archaeology
ИНМС RAS	—	Institute for the History of Material culture. Russian Academy of Sciences
RGZM	—	Römisch-Germanisches Zentral museum
SMYA	—	Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakaus kirja. Helsinki

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 28

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Издательская группа ИИМК РАН
А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева,
Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Адрес редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Корректоры: Г. А. Седова, О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Подписано в печать 14.10.2020. Формат 60×90/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 58. Тираж 300 экз. Заказ 711

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Книжная Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Archaeological news

— 28 —

